Ю
Б74 т.2
Б Ф
Экземпляр

28 Мая 1873 Хива.

12 Янв. 1881 Геокъ-тепе.

27 Іюля 1723 Баку.

20 Іюня 1736 Азовъ.

23 Авг. 1741 Вильманстрандъ.

15 Сент. 1847 Салты.

19 Авг. 1757 Гроссъ-Егерсдорфъ.

Исторія Апшеронскаго полка

Іюль 1845 Дарго.

1 Авг. 1759 Кунерсдорфъ.

22 Авг. 1839 Ахулѣго.

28 Сент. 1760 Берлинъ.

18 Март. 1814 Парижъ.

21 Іюля 1770 Кагулъ.

4, 6, 7 Окт. 1813 Лейпцигъ.

21 Іюля 1789 Фокшаны.

1700-1892

16 Ноябр. 1812 Березина.

11 Сент. 1789 Рымникъ.

30 Окт. 1805 Кремсъ.

14 Сент. 1799 Чертовъ-мостъ.

4 Авг. 1799 Нови.

6, 7, 8 Іюня 1799 Треббія.

24 Окт. 1794 Прага.

11 Дек. 1790 Измаилъ.

ИЗ КНИГ
В. П. НИКИФОРОВА

ИСТОРІЯ

АПШЕРОНСКАГО ПОЛКА.

Ю
Б74

Вел. Кн. Георгій Михаиловичъ.

ИСТОРІЯ АПШЕРОНСКАГО ПОЛКА

1700–1892.

СОСТАВИЛЪ

Л. БОГУСЛАВСКІЙ,
штабсъ-капитанъ 81 пѣх. Апшеронскаго полка.

ТОМЪ II.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

... Александрович ... Осовинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 117.
1892.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
584664

ШЕФЪ АПШЕРОНСКАГО ПОЛКА

Е. И. В. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ГЕОРГІЙ МИХАИЛОВИЧЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 12 МАРТА 1892 Г.

ФОТОГАЛОТИПЪ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

КОМАНДИРЫ АПШЕРОНСКАГО ПОЛКА.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 6 МАРТА 1892 Г.

ФОТОТИПОТИПІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.

СТРАН.

Глава первая. Результаты военныхъ дѣйствій 1839 года. — Предположенія на 1840 годъ. — Положеніе дѣлъ въ Чечнѣ. — Движеніе двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Дѣло 6-го апрѣля у Кошкельды и 7-го апрѣля у Науруза. — Прибытіе 3-го баталіона Апшеронцевъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Дѣйствія баталіона противъ мятежниковъ. — Движеніе отряда генерала Галафѣева въ Аухъ и Салатавію. — Возвращеніе двухъ ротъ Апшеронскаго полка въ Темиръ-Ханъ-Шуру. — Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ. — Сраженіе 11 іюля у Ишкартовъ. — Штурмъ бекскаго дома. — Подвиги нижнихъ чиновъ. — Возвращеніе отряда въ Шуру. — Потери Апшеронцевъ. — Приказъ по корпусу. — Движеніе генерала Клугенау въ Аварію. — Успѣхи Шамиля въ Чечнѣ. — Возвращеніе Апшеронскихъ баталіоновъ въ Дагестанъ. — Вторженіе Шамиля на Сулакскую линію. — Планы Шамиля. — Занятіе мюридами Гимръ. — Походъ Клугенау въ Гимры. — Диспозиція къ штурму Гимръ. — Бой въ Гимринскомъ ущельѣ. — Атаки Апшеронцевъ. — Взятіе гренадерами заваловъ. — Подвиги нижнихъ чиновъ. — Дѣйствія своднаго Апшеронскаго баталіона. — Взятіе Гимръ. — Сраженіе 15-го сентября. — Подвигъ охотничьей команды поручика Волжинскаго. — Результаты побѣды у Гимръ. — Временное затишье въ Дагестанѣ. — Осада скопищемъ Шамиля Міатлинскаго блокгауза. — Обзоръ дѣйствій въ 1840 году. — Награды. . . . . 1—20

Глава вторая. Необходимость постройки укрѣпленія у Чиркея. — Составъ Дагестанскаго отряда и задачи его. — Приготовленія къ походу. — Хаджи-Муратъ. — Измѣна его русскому правительству. — Расположеніе Апшеронскаго полка. — Волненія въ Аваріи. — Просьба правителя Аваріи о помощи. — Выступленіе 2-го баталіона въ Аварію. — Движеніе къ Цельмесу. — Расположеніе аула Цельмеса. — Приготовленія къ штурму. — Цельмесскій бой. — Взятіе аула. — Бездѣйствіе милиціи. — Отступленіе. — Потери Апшеронцевъ и горцевъ. — Донесеніе Пассека. — Результаты сраженія у Цельмеса. — Выдержки изъ донесенія генерала Клугенау. — Отзывы генераловъ Головина и Клугенау о дѣйствіяхъ Апшеронскаго баталіона. — Расположеніе полка въ мартѣ мѣсяцѣ. — Мѣры для обороны Аваріи и Койсубу. — Дѣйствія Чиркеевскаго отряда. — Выступленіе изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. — Раздѣленіе отряда на двѣ колонны. — Движеніе первой колонны къ Ахатлинской переправѣ. — Неудачная попытка устроить переправу войскъ. — Потери авангарда. — Разбитіе скопищъ Шамиля на Хубарскихъ высотахъ и занятіе Чиркея. — Постройка Евгеніевскаго укрѣпленія. — Его назначеніе. — Движеніе въ Аухъ. — Роспускъ Чиркеевскаго отряда. — Рѣшеніе оставить въ Аваріи баталіонъ Апшеронцевъ. — Отправленіе въ Аварію 3-го баталіона. — Усиленіе Шамиля. — Положеніе дѣлъ въ Аваріи. — Расположеніе полка въ ноябрѣ. — Измѣна Унцукуля и движеніе своднаго баталіона Апшеронцевъ къ Зырянамъ. — Геройское дѣло команды Апшеронскаго полка. — Движеніе 3-го баталіона къ аулу Моксоху. — Штурмъ и взятіе Моксоха. — Осада горцами Новаго-Гоцатля. — Геройская защита и смерть капитана Лункевича. — Сосредоточеніе войскъ у Цатаныха. — Рекогносцировка авангардомъ Бетлетской горы. — Взятіе аула Бетлы. — Отступленіе отъ Бетлы и занятіе Игалинскаго перевала. — Оборонительныя мѣры на зиму. — Дѣло команды подпоручика Ошмянца. — Отбитіе скопища и потери Апшеронцевъ. — Нападеніе непріятеля на Цатаныхъ. — Нападеніе на транспортъ. — Донесеніе генерала Клугенау объ опасномъ положеніи края. — Описаніе штабъ-квартиры полка. — Смертность въ полку. — Награды . . . . . 21—40

Глава третья. Отсутствіе системы въ войнѣ съ горцами. — Система генералъ-адъютанта Граббе. — Характеръ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ. — Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ. — Мнѣніе Императора Николая I. — Численность войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. — Цѣль дѣйствій Дагестанскаго отряда. — Составъ отряда. — Положеніе Дагестана въ началѣ 1842 года. — Первоначальныя распоряженія генерала Фезе. — Формированіе отряда для движенія въ Гергебиль. — Выступленіе въ походъ. — Путь къ Гергебилю. — Аулъ Гергебиль и его укрѣпленія. — Атака непріятельскихъ позицій. — Дѣйствіе авангарда. — Взятіе поручикомъ Шульгинымъ передовой позиціи. — Дальнѣйшія атаки. — Обходное движеніе четвертой гренадерской роты. — Донесеніе генерала Фезе о капитанѣ Берхманѣ. — Взятіе Гергебиля. — Потери непріятеля и наши. — Дѣйствія летучихъ колоннъ. — Постройка въ Гергебилѣ укрѣпленія. — Движеніе отряда въ Андаляль. — Занятіе аула Чохъ. — Разбитіе скопища горцевъ у Карадахскаго моста. — Удачныя дѣйствія колонны подполковника Евдокимова. — Занятіе ауловъ Харачи и Унцукуля. — Печальный случай съ Евдокимовымъ въ Унцукулѣ. — Прибытіе главнаго отряда въ Унцукуль. — Постройка укрѣпленія. — Вторженіе Шамиля въ Андаляль. — Возвращеніе въ Шуру. — Походъ въ Кавикумухъ. — Дѣло баталіона Познанскаго у Холотля. — Смерть штабсъ-капитана Падлова. — Приготовленія

СТРАН.

къ экспедиціи въ аулъ Игали. — Составъ отряда. — Описаніе дорогъ. — Апшеронцы въ авангардной колоннѣ. — Взятіе Игали. — Сраженіе 26-го іюня и занятіе садовъ. — Взятіе Апшеронцами Игалинскихъ высотъ. — Занятіе Тлохскихъ высотъ. — Дѣло 27-го іюня. — Нападеніе горцевъ на постъ прапорщика Алексѣева. — Блестящія дѣйствія охотниковъ и 3-й мушкетерской роты Апшеронскаго полка. — Отступленіе отъ Игали. — Смерть полковника Шафронскаго. — Подвигъ сводно-гренадерскаго баталіона. — Потери отряда и Апшеронцевъ. — Результаты экспедиціи. — Причины неудачи. — Дальнѣйшая дѣятельность Дагестанскаго отряда. — Нападеніе горцевъ на полковой табунъ. — Дѣйствія 1-го баталіона на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. — Дѣло съ чеченцами 25-го октября. — Подвигъ фельдфебеля Казанцева. — Возвращеніе баталіона въ штабъ-квартиру. — Расположеніе полка. — Награды . . . . . 41—60

Глава четвертая. Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ въ началѣ 1843 года. — Средства для защиты края. — Расположеніе полка. — Слухи объ усиленныхъ сборахъ Шамиля. — Планъ непріятеля. — Нападеніе на Унцукуль. — Сосредоточеніе войскъ у Цатаныха. — Истребленіе мюридами отряда Веселитскаго. — Потери Апшеронцевъ. — Распоряженія генерала Клугенау. — Паденіе Унцукульскаго укрѣпленія. — Отступленіе маіора Косовича изъ Харачей. — Движеніе своднаго баталіона Апшеронцевъ къ Харачамъ. — Штурмъ аула. — Смерть маіора Зайцева и отступленіе. — Выступленіе Дагестанскаго отряда въ Аварію. — Предписаніе воинскому начальнику Цатаныхскаго укрѣпленія. — Дѣйствія въ Аваріи. — Осада Шамилемъ Балаканскаго укрѣпленія. — Геройская защита и гибель гарнизона. — Взятіе непріятелемъ Моксохской башни. — Осада Цатаныха. — Рѣчь къ солдатамъ штабсъ-капитана Дементьева. — Измѣна цатаныхцевъ. — Приготовленіе къ оборонѣ. — Первый штурмъ. — Отказъ Дементьева на предложеніе сдаться. — Продолженіе осады. — Высокій подвигъ прапорщика Безрукова. — Послѣдній бой. — Защита въ башнѣ. — Смерть Дементьева и горсти защитниковъ. — Сожженіе горцами труповъ защитниковъ. — Дѣла въ Аваріи. — Мѣры къ оборонѣ Хунзаха. — Прибытіе Самурскаго отряда. — Движеніе къ Танусу. — Дѣла 14 и 15 сентября. — Переходъ на позицію у Геничутля. — Отправленіе колонны маіора Познанскаго въ аулъ Чалды. — Воспоминанія участника въ сраженіи при Гоцатлѣ, полковника Шиманскаго. — Прибытіе въ Дагестанъ генералъ-лейтенанта Гурко. — Возвращеніе Дагестанскаго отряда въ Шуру. — Рапортъ генерала Клугенау корпусному командиру объ удержаніи Аваріи. — Расположеніе полка въ октябрѣ. — Движеніе генерала Гурко на Сулакскую линію. — Обложеніе непріятелемъ Гергебильскаго укрѣпленія. — Появленіе Дагестанскаго отряда на Гергебильскихъ высотахъ. — Невозможность помочь осажденнымъ. — Военный совѣтъ и рѣшеніе отступить. — Взятіе горцами Гергебиля. — Вторженіе Шамиля въ Шамхальскія владѣнія. . . . . 61—84

Глава пятая. Возвращеніе Дагестанскаго отряда въ Шуру. — Рѣшеніе оставить Сулакскую линію. — Описаніе осады укрѣпленія Низоваго. — Движенія съ лѣваго фланга Кавказской линіи отряда генерала Фрейтага. — Спасеніе Низоваго. — Уничтоженіе укрѣпленія и отступленіе отряда въ Казіюртъ. — Осада Міатлинскаго укрѣпленія. — Разбитіе скопищъ горцевъ. — Приготовленія къ защитѣ Темиръ-Ханъ-Шуры. — Нападеніе на команду фуражировъ. — Блокада Шуры. — Измѣна Чиркея и Зубута. — Отступленіе Пассека изъ Хунзаха въ Зыряны. — Блокада Евгеніевскаго укрѣпленія. — Бѣдствія Аварскаго отряда. — Прибытіе въ Шуру Кумыкскаго отряда. — Дѣло 15-го декабря. — Снятіе блокады и отступленіе скопищъ Шамиля. — Движеніе генерала Гурко на выручку Аварскаго отряда. — Составъ Дагестанскаго отряда. — Встрѣча съ Пассекомъ. — Разрушеніе Зырянскаго укрѣпленія и отступленіе въ Шуру. — Дѣло аріергарда со скопищами Хаджи-Мурата. — Прибытіе въ Шуру. — Распредѣленіе войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. — Занятіе Шамилемъ аула Оглы. — Невозможность наступательныхъ дѣйствій. — Ночное дѣло Апшеронцевъ съ мюридами. — Атака гренадеръ. — Отзывъ генерала Клугенау о подпоручикѣ Дьяконовѣ. — Общая потеря войскъ Дагестанскаго отряда за четыре мѣсяца военныхъ дѣйствій. — Ошибки Шамиля. — Награды . . . . . 85—98

Глава шестая. Состояніе полка въ 1844 году. — Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ. — Способы къ покоренію Чечни и Дагестана. — Предположенія на 1844 годъ. — Прибытіе на Кавказъ 5 армейскаго корпуса. — Два періода дѣйствій. — Распредѣленіе войскъ по отрядамъ. — Задачи каждаго изъ отрядовъ. — Нападеніе непріятеля на Эрпели. — Движеніе 1 и 3 баталіоновъ въ Каранай. — Приготовленія Шамиля къ открытію военныхъ дѣйствій. — Сформированіе у Дженгутая отряда, для противодѣйствія непріятелю. — Донесеніе генерала Пассека. — Появленіе скопища у Кадара. — Движеніе авангарда подполковника Евдокимова къ Дуренги. — Расположеніе войскъ Сѣвернаго Дагестана въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. — Дѣло 8 мая со скопищами горцевъ на Кадарѣ. — Отбитіе мюридами табуна лошадей. — Усиленіе непріятеля въ Акушѣ. — Переходъ отряда Пассека изъ Дженгутая въ Дургели. — Составъ отряда. — Выступленіе къ Гилли. — Приказъ по полку въ стихахъ. — Сраженіе при Кака-Шурѣ. — Послѣдній моментъ боя. — Ударъ Апшеронцевъ въ штыки и пораженіе горцевъ. — Потери Апшеронцевъ. — Результаты пораженія горцевъ. — Отзывы Императора Николая I о сражавшихся при Кака-Шурѣ. — Высочайшая награда полку. — Экспедиція въ Акушу. — Апшеронцы въ авангардѣ. — Постройка укрѣпленія для вагенбурга у Моге. — Соединеніе Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ. — Отступленіе Шамиля къ Цудахару. — Преслѣдованіе непріятеля и отбитіе у него 3 орудій. — Движеніе отрядовъ къ Карадахскому мосту. — Изъявленіе покорности андаляльскими аулами. — Неудачныя попытки устроить переправу чрезъ Аварское Койсу. — Дѣйствія отряда генерала Гурко. — Отступленіе Лидерса къ Гергебилю. — Апшеронцы въ аріергардѣ. — Атака Апшеронцевъ и взятіе двухъ значковъ. — Овація сдѣланныя Апшеронцамъ остальными войсками отрядовъ. — Донесеніе генерала Лидерса о командирѣ полка. — Расположеніе отряда Пассека у Гергебиля. — Мѣры къ защитѣ. — Донесеніе генерала Нейдгарта Императору Николаю I о невозможности двинуться въ долину Андійскаго Койсу. — Распредѣленіе войскъ для работъ. — Возвращеніе отряда Пассека въ Шуру. — Экспедиція въ Салатавію. — Разрушеніе Новаго Буртуная и уничтоженіе запасовъ хлѣба и сѣна. — Дѣло 17 сентября. — Результаты экспедиціи въ Салатавію. — Отступленіе къ Евгеніевску. — Распредѣленіе частей полка для работъ. — Переходъ 3 баталіона на Сулакскую линію. — Назначеніе новаго командира полка. — Біографія генералъ-маіора Пассека. — Итоги года. — Награды. . . . . 99—129

Глава седьмая. Назначеніе графа Воронцова главнокомандующимъ. — Рѣшеніе его взяться за исполненіе задачъ 1844 года. — Письмо генерала, князя Аргутинскаго. — Планъ экспедиціи въ Андію. — Дѣйствія Шамиля весною 1845 года. — Взятіе мюридами аула Чоха. — Движеніе Дагестанскаго отряда въ Акушу. — Разработка горцами дорогъ. — Дѣло у Агачъ-Калы. — Даргинская экспедиція. — Движеніе Дагестанскаго отряда къ Ибрагимъ-Дада. — Соединеніе съ Чечен-

СТРАН.

скимъ отрядомъ. — Занятіе Кяркинскаго перевала. — Взятіе горы Анчимэера. — Стоянка на Анчимэерѣ. — Выступленіе отрядовъ къ Мичикалу. — Занятіе Андійскихъ воротъ. — Сраженіе у Гогатля. — Оставленіе 1-го и 2-го баталіоновъ Апшеронцевъ на опорныхъ пунктахъ. — Составъ главнаго отряда. — Возведеніе укрѣпленія у Гогатля. — Дороги въ Дарго. — Выступленіе къ аулу Дарго и порядокъ марша. — Взятіе Дарго. — Сраженіе 7-го іюля у Белгатоя. — Оборона Апшеронцевъ у кладбища. — Смерть подполковника Познанскаго. — Потери Апшеронцевъ. — Сухарная экспедиція. — Смерть Пассека. — Потери отряда. — Рѣшеніе графа Воронцова отступить къ Герзель-аулу. — Сраженіе 14-го іюля. — Подвигъ 11 Апшеронцевъ. — Приказъ графа Воронцова объ этомъ подвигѣ. — Сраженіе 15-го и 16-го іюля. — Потери отряда. — Взятіе Апшеронцами Шаухалъ-Берды. — Стоянка у этого селенія. — Плачевное состояніе отряда. — Прибытіе генерала Фрейтага. — Сраженіе 19-го іюля. — Общія потери отряда. — Приказъ Воронцова. — Ревультаты экспедиціи. — Возвращеніе Апшеронскихъ баталіоновъ въ Шуру. — Награды . . . . . 130—156

Глава восьмая. Предположенія на 1846 годъ. — Расположеніе полка. — Движеніе 3-го баталіона и 2-хъ ротъ 2-го баталіона въ Чиръ-Юртъ. — Дѣло 25-го марта. — Появленіе непріятельскихъ партій. — Новый командиръ полка, князь Орбеліани 2-й. — Нападеніе мюридовъ на 6-ю мушкетерскую роту. — Намѣреніе непріятеля овладѣть Цудахаромъ. — Отправленіе двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ въ Дженгутай. — Экспедиція въ Акушу. — Составъ отряда. — Занятіе Шамилемъ Ходжалъ-Маховъ и Аймаковъ. — Волненія въ Мехтулинскомъ ханствѣ. — Движеніе къ Аймакамъ. — Занятіе передовыхъ заваловъ. — Штурмъ и взятіе Аймаковъ. — Потери наши. — Возвращеніе отряда въ Кулецму. — Успѣхи непріятеля въ другихъ пунктахъ. — Выступленіе отряда къ Кутишамъ. — Штурмъ этого аула. — Дѣйствія Апшеронцевъ. — Подвигъ барабанщика Погорѣлова. — Подвигъ фельдфебеля Лягушова. — Нападеніе Хаджи-Мурата на аріергардъ. — Отбитіе Апшеронцами нападенія. — Атака 2-й гренадерской роты. — Взятіе Кутишей. — Наши трофеи. — Потери непріятеля и наши. — Донесеніе князя Бебутова. — Принесеніе акушинцами покорности. — Возвращеніе отряда въ Шуру. — Распоряженія на зиму. — Награды. — Расположеніе полка въ началѣ 1847 года. — Причины безрезультатности прошлогоднихъ побѣдъ. — Предположенія на 1847 годъ. — Измѣненіе предположеній. — Рѣшеніе взять аулы Гергебиль и Салты. — Формированіе отрядовъ. — Уничтоженіе Зубутовской переправы. — Сформированіе конной охотничьей команды Апшеронскаго полка. — Дѣйствія Шамиля. — Мѣры къ оборонѣ Гергебиля. — Выступленіе въ походъ. — Составъ отряда. — Рекогносцировка Гергебиля. — Укрѣпленія этого аула. — Появленіе въ войскахъ холеры. — Прибытіе въ отрядъ князя Воронцова. — Нападеніе горцевъ 27-го мая на 2-й баталіонъ Апшеронцевъ. — Движеніе къ Гергебилю. — Вторая рекогносцировка его. — Возведеніе осадныхъ батарей. — Прибытіе Самурскаго отряда. — Продолженіе осады. — Пробитіе бреши и распоряженія къ штурму. — Штурмъ Гергебиля. — Смерть маіора Евдокимова. — Отбитіе штурма. — Наши потери. — Отзывъ князя Воронцова о штурмовавшихъ войскахъ. — Рѣшеніе отступить къ Ходжалъ-Махамъ. — Усиленіе холеры. — Приказъ Воронцова. — Отправленіе Самурскаго отряда на Турчидагъ. — Смерть командира полка и смертность въ полку отъ холеры. — Біографія полковника, князя Орбеліани 2-го. — Назначеніе новаго командира полка. — Осада Салтовъ. — Прибытіе сюда двухъ ротъ Апшеронцевъ. — Постройка Апшеронскаго редута. — Наши потери во время осады. — Взятіе Салтовъ. — Взятіе Апшеронцами орудія. — Потери Апшеронцевъ. — Приказъ Воронцова. — Постройка укрѣпленія въ Ходжалъ-Махахъ. — Возвращеніе Апшеронскихъ ротъ въ Оглы. — Роспускъ отряда. — Прокламація Шамиля къ Казикумухцамъ. — Попытка непріятеля овладѣть Цудахаромъ. — Вторженіе въ Вицхинскій магалъ. — Формированіе отряда и движеніе его къ Цудахару. — Вытѣсненіе скопища горцевъ изъ Вицхинскаго и Унчугатльскаго магаловъ. — Возвращеніе Апшеронцевъ въ Шуру. — Расположеніе полка на зиму. — Награды. . . . . 157—181

Глава девятая. Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1848 году. — Численность войскъ въ Дагестанѣ. — Желаніе Шамиля упрочить свою власть въ горахъ. — Сборъ наибовъ и духовенства. — Признаніе имамата наслѣдственнымъ. — Мѣры къ укрѣпленію Гергебиля. — Сосредоточеніе Дагестанскаго отряда и составъ его. — Движеніе къ Гергебилю. — Рекогносцировка этого аула и измѣненіе плана для взятія его. — Осада Гергебиля. — Прибытіе къ Гергебилю Хаджи-Мурата, Муссы балаканскаго и другихъ наибовъ. — Постройка висячаго моста черезъ Казикумухское Койсу. — Движеніе колонны Евдокимова къ Кудуху. — Занятіе Гергебильскихъ садовъ. — Постройка Апшеронскаго редута. — Вылазки горцевъ. — Ночной бой 6-го іюля. — Взятіе Гергебиля. — Рѣшеніе князя Аргутинскаго разрушить Гергебиль. — Отправленіе особой колонны въ Аймаки. — Отступленіе отъ Гергебиля. — Апшеронцы въ аріергардѣ. — Отбитіе атакъ горцевъ. — Атака 2-й гренадерской роты. — Смерть прапорщика Диско. — Потери отряда и Апшеронцевъ. — Прибытіе въ Ходжалъ-Махи. — Образованіе отряда для постройки укрѣпленія въ Аймакахъ. — Разработка торфа. — Стоянка у Кутишинскаго озера. — Слухи о новыхъ сборахъ Шамиля. — Вторженіе непріятеля въ Самурскій округъ. — Выступленіе Дагестанскаго отряда въ Кумухъ. — Составъ отряда. — Извѣстіе объ осадѣ скопищемъ Ахтынскаго укрѣпленія. — Позиція горцевъ у Мискинджи. — Сраженіе 22-го сентября. — Атака Апшеронцевъ и взятіе заваловъ. — Отступленіе Шамиля и освобожденіе Ахтовъ. — Нѣсколько словъ объ ахтынской осадѣ. — Подвигъ г-жи Богуславской. — Раздѣленіе Дагестанскаго отряда на двѣ колонны. — Роспускъ Шамилемъ скопища. — Возвращеніе отряда въ Шуру. — Взятіе въ плѣнъ подпоручика Худѣева. — Награды . . 182—193

Глава десятая. Характеръ военныхъ дѣйствій за послѣдніе годы. — Предположеніе на 1849 годъ. — Численность войскъ въ Дагестанѣ. — Дѣйствія Шамиля. — Сформированіе охотничьей команды. — Нападеніе на Шуру. — Подвиги рядовыхъ. — Выступленіе дагестанскаго отряда къ Чоху. — Рекогносцировка Чоха. — Разработка дорогъ и осада Чоха. — Взятіе Апшеронцами хуторовъ. — Отзывъ князя Аргутинскаго объ Апшеронцахъ. — Вылазка гарнизона. — Смерть полковника Левицкаго. — Прибытіе къ Чоху 3-го баталіона Апшеронцевъ. — Бомбардированіе Чоха. — Рѣшеніе князя Аргутинскаго отказаться отъ штурма. — Отступленіе отъ Чоха. — Апшеронцы въ аріергардѣ. — Преслѣдованіе непріятелемъ отряда. — Дѣйствія Апшеронцевъ. — Атака 2-й мушкетерской роты. — Прибытіе на Турчидагъ. — Потери отряда и Апшеронцевъ. — Потери непріятеля за время осады Чоха. — Устройство Шамилемъ госпиталей. — Роспускъ части отряда въ штабъ-квартиры. — Оставленіе наблюдательнаго отряда въ Турчидагѣ. — Размѣщеніе частей полка на зиму. — Дѣло 12 охотниковъ Апшеронцевъ съ партіей мюридовъ. — Итоги года. — Предположенія на 1850 годъ. — Рѣшеніе построить укрѣпленіе у Лучека. — Описаніе дорогъ. — Вторженіе непріятеля въ Казикумухское ханство. — Движеніе войскъ къ Кумуху. — Возвращеніе ихъ обратно въ Шуру. — 2-й баталіонъ Апшеронцевъ занимаетъ аулъ Хурклю. — Совѣтъ наибовъ въ Хунзахѣ. — Бѣдственное положеніе горцевъ. — Отправленія скопища для возстановленія Чоха. — Назначеніе новаго командира полка. —

СТРАН.

Сборъ войскъ у Лучека.— Сформированіе наблюдательнаго отряда.— Передвиженіе Дагестанскаго отряда.— Рекогносцировка Чоха и Салтовъ. — Движеніе въ Дусараратскій магалъ. — Быстрый переходъ черезъ Шалидагъ. — Занятіе аула Арчи. — Уничтоженіе ауловъ Арчи и Шали. — Стоянка на кутишинскихъ высотахъ. — Размѣщеніе полка на зимнія квартиры. — Пожалованіе полку новыхъ знаменъ. — Награды за 1849 и 1850 года. . . . . 194—206

Глава одиннадцатая. Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1851 году. — Письмо князя Аргутинскаго главнокомандующему.— Расположеніе полка.— Стычки охотниковъ съ мюридами.— Вторженіе въ наши предѣлы Хаджи-Мурата. — Оцѣпленіе дорогъ. — Угонъ горцами табуновъ Самурскаго полка. — Занятіе Хаджи-Муратомъ позиціи на горѣ Акъ-Ярпи-Баши.— Неудачная атака кавалеріи.— Форсированный маршъ Апшеронцевъ.— Разбитіе партіи горцевъ.— Потери непріятеля и наши.— Выступленіе Дагестанскаго отряда въ горы.— Составъ его.—Слухи о сборахъ Шамиля.— Стоянка на Гамашинскихъ высотахъ. — Появленіе на Турчидагѣ непріятельскаго скопища. — Взятіе 3-мъ баталіономъ Турчидагской позиціи горцевъ.— Отступленіе скопища. — Отзывъ князя Аргутинскаго объ Апшеронцахъ.— Планъ Шамиля.— Вторженіе Хаджи-Мурата въ Мехтулинское ханство и въ Каракайтахъ. — Возстаніе каракайтахцевъ. — Движеніе части Дагестанскаго отряда въ Табасарань.— Распоряженіе князя Аргутинскаго передъ выступленіемъ.— Блистательное дѣло Апшеронцевъ на Гамашинскихъ высотахъ.— Разбитіе скопища Шамиля.— Отступленіе непріятеля къ Чоху.— Успѣхи князя Аргутинскаго въ Табасарани. — Переходъ отряда на Кутишинскія высоты. — Роспускъ войскъ. — Ссора Шамиля съ Хаджи-Муратомъ и бѣгство послѣдняго къ русскимъ.— Положеніе дѣлъ въ горахъ въ концѣ года.— Описаніе событій 1852 года. — Штурмъ аула Шеляги. — Выступленіе войскъ на передовую линію. — Образованіе въ полку штуцерной команды.— Нападеніе горцевъ на Малый Дженгутай.— Разбитіе партіи.— Рекогносцировка къ Салтамъ.— Возвращеніе на Турчидагскую позицію.— Набѣги горцевъ въ Шамхальскія и Мехтулинскія владѣнія.— Экспедиція въ Салатавію.— Мѣры для охраненія Дагестана въ 1853 году.— Сборъ войскъ на передовой линіи.—Нападеніе на табунъ Апшеронскаго полка.— Преслѣдованіе горцевъ и отбитіе табуна.— Выступленіе на Кутишинскія высоты.— Переходъ войскъ на Турчидагъ.— Дѣло охотничьей команды съ мюридами у Агачъ-Калѣ.— Вторженіе скопища Шамиля въ Джаро-Белаканскій округъ.— Быстрый переходъ Дагестанскаго отряда въ Джаро-Белаканскій округъ. — Неудачи Шамиля и отступленіе его въ Дагестанъ. — Нападеніе горцевъ на Кутишинскій отрядъ. — Дѣло команды подпоручика Головина. — Возвращеніе Апшеронцевъ въ штабъ-квартиру. — Печальное положеніе Шамиля. — Расположеніе полка на зиму. — Нападеніе непріятеля на Большіе Казанища.— Разбитіе партіи. — Награды за 1851, 1852 и 1853 года. . . . . 207—226

Глава двѣнадцатая. Положеніе дѣлъ въ Кайтахѣ и Табасарани въ началѣ 1854 года. — Формированіе отряда для движенія въ Табасарань.—Слухи о сборахъ горцевъ.— Распоряженія Шамиля къ встрѣчѣ турецкаго султана.— Мѣры къ обороне края.— Опасное положеніе Дагестана.—Экспедиція къ аулу Уркраху.— Уничтоженіе Уркраха.— Распоряженія князя Орбеліани къ сосредоточенію войскъ на передовыхъ пунктахъ. — Движеніе скопища Шамиля въ Кахетію.— Экспедиція въ Салатавію.— Взятіе Новаго Буртуная.— Результаты экспедиціи.— Наши потери.— Возвращеніе отряда въ Шуру. — Донесеніе князя Орбеліани о набѣгѣ на Салатавію. — Неудача непріятеля въ Кахетіи и отступленіе его въ Дагестанъ. — Стоянка Апшеронцевъ на Кутишинскихъ высотахъ. — Дѣйствія охотничьей команды. — Дѣло 22-го августа.— Роспускъ Кутишинскаго отряда.— Поискъ къ Гергебилю.— Замыслы Шамиля.— Расположеніе полка на зиму.— Выступленіе 4-го баталіона на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Описаніе зимней экспедиціи къ Чечнѣ. — Штурмъ аула Халина. — Прорубка просѣкъ. — Роспускъ части Чеченскаго отряда на отдыхъ. — Дѣло охотничьей команды у аула Бурденя.— Описаніе событій 1855 года.— Отношеніе къ Шамилю жителей Дагестана. — Продолженіе описанія дѣйствій Чеченскаго отряда.— Возвращеніе 4-го баталіона въ Шуру. — Набѣги горцевъ. — Распоряженіе главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Муравьева, о сформированіи въ Дагестанѣ нѣсколькихъ отрядовъ. — Уменьшеніе гарнизоновъ укрѣпленій. — Волненія въ Табасарани. — Сосредоточеніе мюридовъ въ селеніи Гашикъ. — Выступленіе войскъ на передовые пункты. — Нападеніе партіи горцевъ на отрядный табунъ лошадей. — Поискъ къ Кудуху. — Извѣстія о сборахъ непріятеля.— Движеніе отряда въ Салатавію.— Возвращеніе войскъ съ передовой линіи.— Поискъ къ аулу Араканамъ. — Приготовленіе къ походу въ Табасарань. — Проповѣдникъ мюридизма Шихъ-Магометъ. — Появленіе въ Табасарани непріятельскихъ партій.— Описаніе экспедиціи въ Табасарань. — Прорубка просѣкъ и успокоеніе страны.— Расположеніе полка на зиму. — Движеніе 3-го баталіона на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Новый главнокомандующій — князь Барятинскій. — Его система для покоренія Кавказа. — Характеръ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ. — Зимняя экспедиція въ Чечню въ 1856 году.— Сборъ отряда въ Умаханъ-Юртѣ.— Составъ отряда.— Новыя просѣки.— Результаты экспедиціи.— Возвращеніе баталіона въ Дагестанъ.— Поискъ 5-го мая къ Гимрамъ и 19-го мая въ Салатавію. — Вторженіе непріятельской партіи въ Даргинскій округъ. — Дѣло охотничьей команды 27-го сентября. — Образованіе въ полку стрѣлковыхъ ротъ. Награды за 1854, 1855 и 1856 года. . . . . 227—252

Глава тринадцатая. Осмотръ княземъ Барятинскимъ Большой Чечни.— Результаты рекогносцировки.—Предположенія о дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ. — Выступленіе войскъ въ Салатавію. — Занятіе Терентульскаго оврага. — Выборъ мѣста для постройки штабъ-квартиры Дагестанскаго полка.— Военныя дѣйствія въ Салатавіи.— Нападеніе непріятеля на транспортъ. — Подвиги поручика Попова-Азотова и прапорщика Безобразова. — Разбитіе скопища. — Потери нашихъ войскъ.— Донесеніе князя Орбеліани о дѣлѣ 24-го іюня.— Кавалерійское дѣло 27-го іюня.— Переходъ отряда къ Старому Буртунаю.— Распредѣленіе войскъ Дагестанскаго отряда.— Закладка штабъ-квартиры.— Нападенія горцевъ.— Удаленіе Шамиля въ Дарго. — Появленіе въ Салатавіи враждебнаго Шамилю движенія. — Изъявленіе покорности жителями Чортау.— Наступленіе ненастной погоды.— Второй періодъ дѣйствій Дагестанскаго отряда.— Взятіе Новаго Буртуная.— Окончаніе работъ по возведенію новой штабъ-квартиры. — Взятіе Апшеронцами непріятельскаго редута. — Донесеніе князя Орбеліани.— Рубка просѣкъ.— Взятіе втораго редута у горцевъ.— Занятіе Дылыма.— Окончаніе дѣйствій въ Салатавіи.— Дѣйствія въ Чечнѣ.— Прибытіе въ Чеченскій отрядъ 1-го и своднаго баталіоновъ Апшеронскаго полка.— Постройка укрѣпленія между Кишень-Аухомъ и Зандакомъ. — Переселеніе ауховцевъ въ горы. — Истребленіе ауховскихъ селеній.— Отступленіе непріятельскаго скопища изъ Бейляръ-Кергана.— Движеніе колонны генерала Кемферта къ Зандаку.— Движеніе отряда въ Большую Чечню.— Составъ отряда.— Уничтоженіе селеній по Хулхулау.—Прибытіе въ лагерь первой депутаціи съ изъявленіемъ покорности. — Прибытіе 600 чеченскихъ семействъ переселенцевъ. — Переселеніе жи-

стран.

телей Большой Чечни въ наши предѣлы. — Распоряженія генерала Евдокимова для покоренія остальной части Большой Чечни.— Раздѣленіе отряда.— Движеніе къ Хизи-Шавдону. — Окончательное покореніе Большой Чечни. — Роспускъ Чеченскаго отряда на отдыхъ. — Описаніе Аргунскаго ущелья. — Планъ генерала Евдокимова для овладѣнія Аргунскимъ ущельемъ. — Занятіе Аргунскаго ущелья.— Взятіе Дачу-Барзоя. — Движеніе на Шара-Аргунъ. — Занятіе селеній Душена, Измаилъ-Юрта и Уллусъ-Керты. — Проложеніе просѣкъ и уничтоженіе селеній. — Изъявленіе покорности гойтинцами и гехинцами.—Окончательное покореніе Малой Чечни и истребленіе селеній. — Возвращеніе Апшеронцевъ въ Дагестанъ.— Перенесеніе штабъ-квартиры полка въ Ишкарты.—Новый командиръ полка.—Награды за 1857 годъ. . . . . 253—281

Глава четырнадцатая. Положеніе Шамиля въ началѣ 1858 года.— Его средства къ борьбѣ съ русскими.— Предположенія на 1858 годъ.— Сосредоточеніе отряда у Евгеніевска.— Составъ его.— Движеніе къ Дылыму.— Укрѣпленіе Шамилемъ Мичикала. — Рекогносцировка къ Гумбету. — Взятіе мичикальскихъ ваваловъ. — Отступленіе отряда. — Лѣтнія занятія Салатавскаго отряда.— Положеніе Чечни и Дагестана во второй половинѣ 1858 года.— Необходимость перенесенія нашихъ передовыхъ линій въ Дагестанъ. — Выступленіе отряда для окончанія просѣки между новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ. — Составъ отряда. — Занятіе Теренгульскаго оврага. — Рекогносцировка отъ Дылыма къ Кишень-Ауху.— Дѣйствія Апшеронскихъ баталіоновъ.— Донесеніе Врангеля объ Апшеронцахъ.— Набѣги горцевъ въ Дагестанѣ.— Возвращеніе Апшеронскихъ баталіоновъ въ штабъ-квартиру. — Выступленіе въ составъ отряда для зимней экспедиціи.— Рубка просѣки отъ Міатлова къ Дылыму. — Усиленіе непріятеля въ Ахѣ. — Окончаніе зимней экспедиціи. — Итоги года. — Награды. . . . . 282—289

Глава пятнадцатая. Рѣшеніе перенести театръ военныхъ дѣйствій въ долину Андійскаго Койсу. — Задачи Салатавскаго отряда. — Новый командиръ полка. — Сосредоточеніе отряда въ Кишень-Ахѣ. — Составъ его. — Движеніе къ Зандаку. — Рекогносцировка Зандакъ-Капа. — Взятіе этого укрѣпленія и хуторовъ Мулла-Хаджи-Юртъ. — Переселеніе жителей Гассанъ-Бекъ-Кента.— Наступательныя дѣйствія къ рѣкѣ Яманъ-Су. — Сраженіе 8-го марта у Яманъ-Су.— Разбитіе непріятеля. — Потери Апшеронцевъ. — Донесеніе Врангеля князю Барятинскому о дѣйствіяхъ Апшеронцевъ.— Движеніе колонны на рѣку Аксай.— Дѣло 14-го марта.— Поиски полковника Лазарева въ Дагестанѣ.— Рекогносцировка Врангеля къ Аллерою и Саясану. — Поискъ къ Шамхалъ-Берды. — Взятіе Чеченскимъ отрядомъ аула Веденя и окончаніе дѣйствій Салатавскаго отряда. — Выступленіе отряда къ Гойтемировскимъ воротамъ и возвращеніе въ Прикаспійскій край.— Рѣшеніе главнокомандующаго произвести наступательныя дѣйствія въ центръ горъ.— Сборъ войскъ у Дылыма.— Переселеніе ауховцевъ и салатавцевъ въ наши предѣлы. — Приготовленія къ движенію въ долину рѣки Андійскаго Койсу. — Занятіе Дагестанскимъ отрядомъ Мичикала. — Занятіе Аргуани. — Движеніе колонны генерала Ракуссы къ Сагрытлосской переправѣ.— Невозможность переправиться у Сагрытло.— Движеніе вверхъ по Койсу и выборъ новаго мѣста переправы. — Замѣчательная переправа черезъ Андійское-Койсу. — Истребленіе засѣвшихъ въ пещерѣ мюридовъ. — Устройство веревочнаго моста.— Постройка моста у Сагрытло.— Наши потери.— Устройство моста у аула Чирката.— Переходъ Врангеля съ войсками на высоты у Ахкента. — Дѣйствія отряда генерала Манюкина. — Взятіе Бурундукъ-Кале. — Занятіе Ирганая и Зырянъ и открытіе сообщенія съ Дагестанскимъ отрядомъ.— Описаніе главнокомандующимъ положенія Дагестана и Чечни. — Работы Чеченскаго отряда. — Положеніе непріятеля. — Сдача крѣпости Улли-Калы и изъявленіе покорности жителями ауловъ: Аракань, Кудуха, Кикунъ и другихъ. — Покорность Гумбета. — Сдача Чоха. — Открытіе сообщенія между Дагестанскимъ и Чеченскимъ отрядами. — Сдача Кибитъ-Магомы. — Отправленіе генерала Ракуссы съ 3-мя баталіонами въ Южный Дагестанъ. — Заложеніе «Преображенскаго» мостоваго укрѣпленія. — Нападеніе жителей на транспорты съ имуществомъ Шамиля.— Плачевное положеніе имама.— Отступленіе его на Гунибъ-Дагъ.— Обложеніе Дагестанскимъ отрядомъ Гунибъ-Дага. — Описаніе горы. — Рекогносцировка 14-го августа. — Переговоры съ Шамилемъ о сдачѣ. — Прибытіе главнокомандующаго.— Положеніе Дагестана въ августѣ мѣсяцѣ. — Путешествіе князя Барятинскаго черезъ покоренныя земли.— Телеграмма главнокомандующаго Государю Императору.— Приказы по Кавказской арміи.— Послѣднее расположеніе войскъ вокругъ Гунибъ-Дага. — Приготовленіе къ штурму. — Осмотръ доступовъ на Гунибъ. — Распоряженія въ колоннѣ Тургекасова. — Славный подвигъ охотниковъ-Апшеронцевъ. — Восхожденіе охотниковъ и 1-го баталіона на Гунибъ-Дагъ съ южнаго фаса.— Бой въ завалахъ и взятіе ихъ.— Присоединеніе двухъ ротъ 4-го баталіона.— Дѣйствія на остальныхъ фасахъ. — Сдача Шамиля.— Наши трофеи и потери. — Заключеніе. — Награды полку. . . . . 290—315

Глава шестнадцатая. Обзоръ театра войны на правомъ флангѣ.— Предположенія о дѣйствіяхъ въ 1860 году.— Усиленіе войскъ праваго крыла.— Сформированіе стрѣлковаго баталіона Апшеронскаго полка и движеніе его на Западный Кавказъ.— Поступленіе баталіона въ составъ Шапсугскаго отряда.— Сосредоточеніе отряда у поста Великолагернаго.— Составъ отряда.— Переправа черезъ Кубань.— Движеніе къ р. Илю.— Дѣйствія Шапсугскаго отряда.— Рубка просѣкъ.— Взятіе аула Кабаница.— Потери при занятіи аула.— Движеніе отряда вверхъ по теченію р. Иля.— Рубка лѣса по р. Убину.— Дѣло 30-го мая.— Результаты дѣйствій Шапсугскаго отряда за апрѣль и май мѣсяцы — Разработка Анапской дороги.— Осмотръ пути на р. Шебшъ.— Переправа черезъ Шебшъ.— Дѣло 7-го іюня.— Атака Апшеронцевъ и Кабардинцевъ.— Потеря отряда и Апшеронцевъ.— Выборъ мѣста для постройки укрѣпленія на Шебшѣ.— Постройка укрѣпленія.— Рекогносцировка къ р. Афипсу.— Постройка Григорьевскаго укрѣпленія.— Мелкія дѣла и перестрѣлки.— Рекогносцировка кавалеріей ущелій Шебша и Безенса.— Окончаніе военныхъ дѣйствій лѣтняго періода.— Обзоръ дѣйствій.— Осеннія дѣйствія.— Движеніе вверхъ по р. Афипсу.— Истребленіе ауловъ и хуторовъ.— Результаты осеннихъ военныхъ дѣйствій.— Изъявленіе покорности частью шапсугскаго населенія.— Награды . . . . . 316—333

Глава семнадцатая. События 1861 года.— Пріѣздъ въ Кубанскую область Государя Императора Александра II.— Переходъ Апшеронскаго баталіона на постъ Топ-Гогдабъ.— Очеркъ положенія дѣлъ въ Кубанской области въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 годовъ.— Блистательное дѣло Апшеронцевъ 2-го марта у Чхафизепса.— Подвиги солдатъ.— Солдатскія пѣсни.— Поступленіе баталіона въ составъ Даховскаго отряда.— Сборъ отряда въ ст. Царской.— Движеніе отъ Царской въ Даховское общество.— Выборъ мѣста для постройки станицы на правомъ берегу р. Бѣлой.— Результаты, достигнутые послѣ занятія Даховскаго общества.— Дѣйствія отряда полковника Горшкова.— Прибытіе въ этотъ отрядъ Апшеронскаго баталіона.— Движеніе въ долину р. Курджипса.— Составъ отряда.— Дѣло 3-го іюня.— Уничтоженіе ауловъ

СТРАН.

Тахустана, Куашева, Хаджи-Кассоева и др.— Атаки непріятеля.— Потери отряда и Апшеронцевъ.— Возвращеніе въ Майкопъ.— Движеніе на р. Пшеху.— Сосредоточеніе отряда у ст. Ханской.— Составъ отряда.— Возведеніе редута у оврага Мишоко.— Рекогносцировка отъ р. Куаго до Пшехи.—Выступленіе отряда на Пшеху.— Дѣло 16-го іюня.— Набѣгъ къ ауламъ Дженгира и Тлашо-Хаблямъ.— Смерть подпоручика князя Цицianова и прапорщика Срисули.— Рекогносцировка 3-го сентября.— Дѣйствія за р. Лабою отряда генерала Преображенскаго.— Соединеніе Пшехскаго и Шапсугскаго отрядовъ.— Дальнѣйшія дѣйствія въ 1863 году.— Награды . . . . . 334—353

Глава восемнадцатая. Задачи военныхъ дѣйствій въ 1863 году.— Дѣйствія Пшехскаго отряда въ январѣ.— Выборъ мѣста подъ новыя станицы.— Набѣгъ къ ауду Абда-Хаблю.— Прибытіе въ Кубанскую область Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.— Сосредоточеніе войскъ на переправу у Хасай-Хабля.— Смотръ и движеніе къ Пшишу.—Порядокъ наступленія.—Дѣло 1-го марта.— Наши потери.—Переходъ къ Бжедуховской станицѣ.— Порядокъ движенія 3-го марта.— Измѣненіе маршрута слѣдованія Августѣйшаго Главнокомандующаго.— Постройка станицы «Апшеронской».— Дѣйствія охотниковъ-апшеронцевъ.— Рекогносцировка 27-го апрѣля на р. Дынь-Шекодзу.— Движеніе Пшехскаго отряда къ Анапской переправѣ.— Цѣль дѣйствій отряда у верховьевъ р. Пшехи.— Рубка просѣкъ.— Дѣло 7-го іюня у аула Ходыжея.— Назначеніе шефомъ полка Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича.— Военныя дѣйствія въ 1864 году.— Образованіе трехъ отрядовъ и задачи ихъ.— Дѣйствія Малолабинскаго отряда.— Окончательное покореніе Западнаго Кавказа.— Возвращеніе стрѣлковаго баталіона Апшеронскаго полка въ штабъ-квартиру.— Состояніе штабъ-квартиры.— Мирная жизнь полка.— Командиръ полка Арвасъ Артемьевичъ Тергукасовъ.— Его отношеніе къ офицерамъ.— Послѣдующіе командиры полковъ.— Строевая и стрѣлковая подготовка полка.— Измѣненіе состава полка.— Награды за 1863 и 1864 годы . . . . . 354—370

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ.

Глава девятнадцатая. Первые наши походы въ Хиву.— Разстояніе отъ нашихъ владѣній до Хивы.— Рѣшеніе предпринять походъ.— Рекогносцировка 1872 года.— Назначеніе въ походъ частей Апшеронскаго полка.— Сосредоточеніе войскъ въ Киндерли.— Составъ отряда.— Инструкціи начальнику Мангишлакскаго отряда.— Распредѣленіе по ротамъ верблюдовъ.— Приказъ по отряду.— Выступленіе Апшеронской колонны изъ Киндерли.— Переходъ къ Сенеку.— Недостатокъ воды.— Страшныя мученія солдатъ.— Движеніе отъ Сенека къ Бишъ-Акты.— Оставленіе 8-й роты Апшеронцевъ гарнизономъ въ Бишъ-Акты.— Переходъ къ Бусага.— Окончательный составъ отряда.— Уменьшеніе въ отрядѣ дачи сухарей.— Движеніе къ колодцамъ Ильтетже.— Устюртъ.— Легенда о пустынѣ.— Миражи.— Добываніе изъ колодцевъ воды.— Вечерніе переходы.— Приходъ въ Ильтедже 12-й роты Апшеронцевъ.— Очистка колодцевъ.— Оставленіе 12-й роты у Ильтедже.— Порядокъ движенія къ Айбугиру.— Тяжелый переходъ къ Байчагиру.— Прибытіе нарочнаго отъ генерала Веревкина.— Предписанія полковнику Ломакину.— Отъ Табанъ-су до Алана.— Стычка съ киргизами у Итыбая.— Отбитіе 800 пуд. крупы.— Движеніе къ гор. Ходжейли.— Падежъ лошадей.— Колодцы Учь-кудукъ.— Спасительный дождь.— Ночлегъ въ Усюртѣ съ 10-го на 11-е мая.— Вступленіе въ Хивинское ханство.— Первые поселки.— Бивуакъ у колодцевъ Бураганъ.— Переходъ къ Кунграду.— Соединеніе Мангишлакскаго отряда съ Оренбургскимъ.— Нападеніе хивинцевъ на наше стадо.— Кунградъ.— Окончаніе труднаго похода по пустынямъ.— Результаты похода.— Видъ кавказскихъ войскъ.— Геройское отступленіе 12-й роты изъ Ильтедже въ Бишъ-Акты . . . . . 371—410

Глава двадцатая. Свѣдѣнія о непріятелѣ.— Мѣры осторожности.— Порядокъ движенія.— Перестрѣлка Апшеронцевъ съ каракалпаками.— Встрѣча съ хивинцами.— Дѣло передъ Ходжейли.— Атака 1-й стрѣлковой роты.— Отступленіе непріятеля.— Отзывъ генерала Веревкина о кавказскихъ войскахъ.— Вечеръ въ кавказскомъ лагерѣ.— Извѣстія о Туркестанскомъ отрядѣ.— Дальнѣйшее движеніе къ Хивѣ.— Переправа черезъ арыки и каналы.— На пути къ Мангиту.— Дѣло 20-го мая.— Нападеніе на обозъ и отбитіе атакъ Апшеронскими ротами.— Занятіе Мангита.— Рѣзня въ городѣ.— Движеніе къ городу Китаю.— Прибытіе депутацій изъ городовъ: Янги-Яна, Гурленя, Китая и Кята.— Порядокъ движенія 22 мая.— Дѣло у Янги-Яна.— Измѣненіе маршрута соединенныхъ отрядовъ.— Движеніе къ Хивѣ.— Переправа черезъ каналъ Клычъ-Ніязъ-бай.— Занятіе Кяты.— Взятіе Кошъ-Купыра.— Переходъ къ Хивѣ.— Расположеніе бивуакомъ въ саду Чинакчика.— Рекогносцировка Хивы 26-го мая.— Молодецкое дѣло 3-й стрѣлковой роты.— Схватка кавалеріи съ хивинцами.— Рѣшеніе перенести лагерь отряда къ самой Хивѣ.— Диспозиція на 28-е мая.— Сраженіе подъ Хивой.— Атака Апшеронцевъ и взятіе ими двухъ орудій.— Неудачная атака Ширванскихъ ротъ.— Перестрѣлка на кладбищѣ.— Отступленіе ротъ.— Вызовъ охотниковъ Апшеронцевъ тащить отбитыя орудія.— Усиленный огонь хивинцевъ.— Прибытіе депутаціи изъ Хивы.— Переговоры.— Наши потери.— Переполохъ въ Хивѣ.— Прибытіе Туркестанскаго отряда.— Лагерь кавказскихъ войскъ подъ Хивою.— Распоряженія генералъ-адъютанта Кауфмана.— Выступленіе колонны въ Туркменскую экспедицію.— Приготовленія къ обратному походу.—Перевозочныя средства.— Прощаніе генералъ-адъютанта Кауфмана съ кавказскими войсками.— Апшеронскія орудія и способъ перевозки ихъ.— Гор. Шабатъ.— Отъ гор. Ильяллы до Куня-Ургенча.— Развалины стараго Куня-Ургенча.— Легенда о развалинахъ башни.— Порядокъ движенія отряда отъ Куня-Ургенча.— Персіяне.— Способъ довольствія отряда въ пути.— Вступленіе въ пустыню.— Неудачныя распоряженія о времени выступленія войскъ.— Недостатокъ воды.— Мученія жажды.— Безпорядокъ у колодца Алибекъ.— Падежъ скота.— Приходъ въ Кара-кудухъ.— Дальнѣйшее движеніе.— Прибытіе отряда въ Кунгато.— Разработка дороги между Каунды и Сенекомъ.— Встрѣча колонны маіора Навроцкаго съ экспедиціоннымъ отрядомъ.— Переходъ отъ Кунгато до Бишъ-акты.— Возвращеніе отряда въ Киндерли.— Состояніе матеріальной части отряда.— Благодарственное молебствіе.— Сооруженіе въ Киндерли пирамиды и надпись на ней.— Отплытіе войскъ въ Петровскъ.—Заключеніе.—Главнокомандующій даритъ хивинскія пушки Апшеронцамъ.— Приказъ по кавказской арміи.— Награды . . . . . 411—456

ВОЗСТАНІЕ ВЪ ЧЕЧНѢ И ДАГЕСТАНѢ.

Глава двадцать первая. Трехлѣтній мирный періодъ.— Отдѣленіе 4-го баталіона на сформированіе 164 Закатальскаго полка.— Новый командиръ полка.— Начало возстанія въ Дагестанѣ.— Дѣйствія отряда князя Накашидзе.— Подавленіе возмущенія въ Гумбетѣ и Дидо.— Военныя дѣйствія въ Чечнѣ.— Расположеніе войскъ въ половинѣ августа.—

стран.

Движеніе отряда къ селенію Дышни-Веденю.— Атака и взятіе селенія.— Дѣло у Гамердука.— Движеніе главныхъ силъ на Эрсеной-Кортъ.— Потери отряда.— Донесеніе генерала Смѣкалова о дѣлѣ 14 августа.— Наступленіе къ Эрсеною.— Занятіе и истребленіе этого селенія.— Перестрѣлка у переправы черезъ Гудермесъ.— Занятіе Цонторя.— Дѣло съ партіями мятежниковъ на Тезенкалинскихъ высотахъ.— Изъявленіе покорности жителями Верхняго и Средняго Кургалая и др.— Движеніе отряда къ Беною.— Занятіе этого аула.— Выступленіе къ Веденю.— Прибытіе въ отрядъ генералъ-адъютанта Свистунова.— Движеніе на р. Бассъ.— Описаніе мѣстности между Веденемъ и Мохкеты.— Силы противника.— Порядокъ марша.— Дѣло съ чеченцами у четвертой балки.— Атака Апшеронцевъ.— Разсѣяніе мятежниковъ и взятіе завалова.—Наши потери.— Истребленіе жительскихъ посѣвовъ.—Порядокъ движенія отряда.— Рубка лѣса.—Продолженіе наступленія къ Элистанджинской полянѣ.—Дѣло аріергарда.— Изъявленіе покорности жителями Элистанджи.— Засада чеченцевъ.—Потери отряда.— Донесеніе генералъ-маіора Смѣкалова о дѣлахъ 25 и 26 августа.—Возвращеніе Нагорнаго Дагестанскаго отряда въ Шуру. 457—475

Глава двадцать вторая. Развитіе мятежа въ Дагестанѣ.— Рѣзня въ Казикумукскомъ укрѣпленіи.— Намѣренія мятежниковъ.— Численность войскъ въ южномъ Дагестанѣ.— Возстаніе въ Кайтагѣ и Кюринскомъ ханствѣ.— Первоначальныя мѣры для подавленія возстанія.— Движеніе изъ Шуры въ Дербентъ отряда полковника Теръ-Асатурова.— Дѣла у Джемикента и Берикея.— Извѣстія о блокадѣ мятежниками Дербента.— Дѣло у Ханъ-Мамедъ-Калы.— Прибытіе отряда въ Дербентъ.— Радость жителей города.— Нѣсколько словъ о блокадѣ Дербента.— Прибытіе изъ Красноводска 2-го баталіона Апшеронцевъ.— Дѣйствія Кайтагскаго отряда.— Задачи, возложенныя на Кайтагскій отрядъ.— Занятіе селенія Башлы.— Дѣло у Янги-Кента.— Взятіе этого аула.— Наши потери.— Возстаніе въ Самурскомъ округѣ.— Дѣло у Великента.— Занятіе Маджалиса.— Изъявленіе покорности кара-кайтагскими старшинами.— Движеніе отряда къ Дювеку.— Сраженіе съ мятежниками у этого селенія.— Занятіе Дювека.— Переходъ отряда къ Башламъ.— Рекогносцировка къ сел. Чумлы.— Водвореніе спокойствія въ Уркрахскомъ наибствѣ.— Движеніе въ Самурскій округъ.— Составъ отряда.— Освобожденіе Ахтовъ отъ блокады.— Расположеніе Кайтагскаго отряда на зиму.— Дѣйствія Нагорнаго Дагестанскаго отряда по возвращеніи изъ Чечни.— Составъ его.— Расположеніе отряда въ Лавашахъ.— Отдѣленіе колонны въ Дюзъ-Майданъ.— Дѣло у сел. Акуши.— Отправленіе изъ Лавашей въ Урму за провіантомъ двухъ ротъ Апшеронцевъ.— Неожиданное нападеніе горцевъ.— Ночныя атаки горцевъ.— Отбитіе атакъ.— Дѣло съ горцами 4-го и 5-го октября.— Наши потери и трофеи.— Роспускъ Нагорнаго отряда.— Награды . . . . . 476—540

АХАЛЪ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Глава двадцать третья. Расположеніе частей полка въ 1878 году.— Отправленіе 13-й роты въ Красноводскъ.— Слухи объ Ахалъ-текинской экспедиціи.— Назначеніе въ составъ отряда 1-го баталіона и 3-хъ ротъ 4-го баталіона.— Очеркъ событій въ Ахалъ-текѣ въ 1879 году.— Размѣщеніе Апшеронцевъ на зиму.— Назначеніе начальникомъ экспедиціи генералъ-адъютанта Скобелева.— Планъ покоренія Ахалъ-текѣ.— Подготовка экспедиціи.— Наступательное движеніе въ концѣ мая.— Занятіе Терсакана и Ходжакала.— Рекогносцировка дорогъ въ оазисъ.— Прокламація Скобелева къ текинцамъ.— Выгоды занятія Бами.— Нападенія непріятельскихъ партій.— Занятіе Бами.— Приказъ Скобелева.— Изысканія между Кизилъ-Арватомъ и Михайловскимъ заливомъ.— Болѣзненность въ войскахъ.— Смерть доктора Студитскаго.— Слухи о наступленіи текинцевъ.— Письмо нухурцевъ къ Скобелеву.— Рекогносцировка въ Геокъ-тепе.— Результаты рекогносцировки.— Появленіе хищническихъ партій въ Копетдагскомъ хребтѣ.— Занятіе Бендесена и образованіе охотничьей команды.— Движеніе полковника Вержбицкаго къ Арчману.— Нападеніе текинцевъ на укрѣпленіе Ходжакала. 505—514

Глава двадцать четвертая. Дислокація войскъ въ августѣ.— Воспоминанія участника экспедиціи.— Назначеніе въ 4-й баталіонъ.— Отъ Тифлиса до Чекишляра.— Командиръ баталіона князь Магаловъ.— Отъ Чекишляра до Чата.— Стоянка въ Чатѣ.— Пріѣздъ Скобелева.— Въ поискахъ за гоклянами.— Выступленіе въ Бами.— Дузъ-олумъ.— Нѣсколько словъ о взаимныхъ встрѣчахъ частей.— Терсаканъ.— Куначество между Апшеронцами и Ширванцами.— Укрѣпленія Ходжакала, Бендесенъ и Бами.— Жизнь въ Бами.— Нападенія текинцевъ.— Развлеченія офицеровъ бамійскаго гарнизона.— Хожденіе съ транспортами.— Нападеніе текинцевъ на транспортъ подпоручика Васильева.— Вмѣшательство маіора Мартынова.— Потеря полуроты.— Общія наступленія въ Геокъ-тепе.— Снаряженіе солдатъ.— Выступленіе перваго эшелона.—Отъ Бами до Келете.—Движеніе изъ Дузъ-олума кавалерійской колонны.— Отбитіе текинской баранты.—Занятіе Егянъ-батыръ-кала.— Рекогносцировка 4-го декабря.— Обратное движеніе.— Баталіонный докторъ Троцкій.— Лунное затмѣніе.— Потери отряда.— Рекогносцировка 11-го и 12-го декабря.— Занятіе Янги-кала.— Занятіе «Правофланговой и «Ольгинской» калъ.— Дѣло 23-го декабря.— Начало траншей.— Вылазка текинцевъ 28-го декабря.— Смерть Магалова, Чикарева, Готто и Троцкаго.— Потеря знамени.— Подвигъ солдатъ 14-й роты.— Ночные поиски за знаменемъ.— Угнетенное состояніе офицеровъ и солдатъ.— Перенесеніе лагеря.— Овладѣніе Великокняжеской калой.— Вылазка 30-го декабря.— 3-й баталіонъ Апшеронцевъ отбиваетъ нападеніе текинцевъ на лѣвый флангъ.— Встрѣча новаго года на мортирной батареѣ.— Неудачная вылазка текинцевъ 4-го января.— Ночная буря.— Перемиріе 7-го января.— Попытка произвести 8-го января динамитный взрывъ въ бреши.— Ходъ работъ въ минахъ.— Динамитный взрывъ 11-го января.— Приготовленія къ штурму.— Переходъ 4-го баталіона съ праваго фланга на лѣвый.— Апшеронская брешь.— Диспозиція къ штурму.— Штурмъ Геокъ-тепе 12-го января.— Овладѣніе стѣнами крѣпости.— Бой между кибитками.— Занятіе холма Денгиль-тепе.— Преслѣдованіе текинцевъ за стѣнами крѣпости.— Знамя Апшеронцевъ найдено.— Потери отряда и потери Апшеронцевъ.— Потери текинцевъ.— Аломанъ въ крѣпости.— Высочайшее повелѣніе о возвращеніи 4-му баталіону Апшеронскаго полка знамени.— Жизнь подъ Геокъ-тепе до выступленія въ штабъ-квартиру.— Отъ Геокъ-тепе до Красноводска.— Жизнь въ Красноводскѣ.— Штабъ-квартира полка Ишкарты.— Переходъ полка въ Шуру.— Стрѣлковое и строевое дѣло въ полку.— Поднятіе вопроса объ исторіи полка.— Самоубійство полковника Чижикова.— Новый командиръ полка и его заботы по составленію исторіи полка и украшенію полковаго собранія.— Лагерь въ Баку.— Представленіе двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ Его Императорскому Величеству.— Августѣйшій Шефъ принимаетъ дѣятельное участіе въ составленіи и изданіи исторіи полка.—Заключеніе.— Награды за Ахалъ-текинскую экспедицію. . . . . 515—552

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.

Глава Первая.

Результаты военныхъ дѣйствій 1839 года. — Предположенія на 1840 годъ. — Положеніе дѣлъ въ Чечнѣ. — Движеніе двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Дѣло 6-го апрѣля у Кошкельды и 7-го апрѣля у Науруза. — Прибытіе 3-го баталіона Апшеронцевъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Дѣйствія баталіона противъ мятежниковъ. — Движеніе отряда генерала Галафѣева въ Ахъ и Салатавію. — Возвращеніе двухъ ротъ Апшеронскаго полка въ Темиръ-Ханъ-Шуру. — Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ. — Сраженіе 11 іюля у Ишкартовъ. — Штурмъ бекскаго дома. — Подвиги нижнихъ чиновъ. — Возвращеніе отряда въ Шуру. — Потери Апшеронцевъ. — Приказъ по корпусу. — Движеніе генерала Клугенау въ Аварію. — Успѣхи Шамиля въ Чечнѣ. — Возвращеніе Апшеронскихъ баталіоновъ въ Дагестанъ. — Вторженіе Шамиля на Сулакскую линію. — Планы Шамиля. — Занятіе мюридами Гимръ. — Походъ Клугенау въ Гимры. — Диспозиція къ штурму Гимръ. — Бой въ Гимринскомъ ущельи. — Атаки Апшеронцевъ. — Взятіе гренадерами завалова. — Подвиги нижнихъ чиновъ. — Дѣйствія своднаго Апшеронскаго баталіона. — Взятіе Гимръ. — Сраженіе 15-го сентября. — Подвигъ охотничьей команды поручика Волжинскаго. — Результаты побѣды у Гимръ. — Временное затишье въ Дагестанѣ. — Осада скопищемъ Шамиля Міатлинскаго блокгауза. — Обзоръ дѣйствій въ 1840 году. — Награды.

Въ лѣтописяхъ кавказской войны, прошлый 1839 годъ выдѣляется знаменитою осадою и взятіемъ Ахульго. Послѣ весьма упорной и отчаянной защиты, неприступное гнѣздо Шамиля и его мюридовъ было взято штурмомъ, и почти всѣ защитники истреблены. Но, къ сожалѣнію, мы не достигли самаго главнаго: Шамиль успѣлъ бѣжать, а это обстоятельство имѣло огромное значеніе.

То спокойствіе и умиротвореніе края, о которомъ доносилъ генералъ-адъютантъ Граббе послѣ взятія Ахульго, было только кажущееся и, во всякомъ случаѣ, носило временный характеръ. Безспорно, Шамилю нанесенъ былъ страшный ударъ, но популярность и обаяніе его въ Дагестанѣ и Чечнѣ были уже настолько сильны, что даже такое пораженіе не могло заставить народъ отказаться отъ своего имама.

Стоя по уму на цѣлую голову выше окружавшей его массы, обладая необыкновенною силою воли, изумительной энергіей и прекрасно изучивъ характеръ народа, Шамиль искусно разжигалъ религіозный фанатизмъ горцевъ и ихъ ненависть къ русскимъ; онъ успѣлъ сплотить непокорныя общества и пріобрѣлъ надъ ними неограниченную власть: тяготившіеся раньше всякимъ подчиненіемъ, дагестанскіе горцы и чеченцы сдѣлались слѣпыми орудіями всѣхъ замысловъ своего духовнаго и военнаго владыки.

Согласно Высочайше утвержденнымъ предположеніямъ о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ 1840 году надлежало: сформировать на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи отрядъ, съ цѣлью возведенія укрѣпленія у аула Чиркея, для наблюденія за непокорными обществами; вмѣсто укрѣпленія въ Ташъ-Кичу — построить таковое въ Герзель-аулѣ, а если позволятъ обстоятельства, то и у селенія Дачу-Берзоя, находящагося при входѣ въ Аргунское ущелье. Постройка послѣдняго укрѣпленія считалась особенно важною: оно являлось-бы ключемъ ко входу въ горы со стороны Чечни, въ пунктѣ соединенія нѣсколькихъ

дорогъ. Отрядъ, которому предстояло дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ, формировался изъ 10 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), 10 легкихъ, и 10 горныхъ орудій и 350 казаковъ. Всѣ войска, назначенныя въ составъ отряда, собрались къ концу марта мѣсяца частью у крѣпости Внезапной, частью въ Шурѣ и уже въ апрѣлѣ соединились. Два баталіона Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Вагнера, назначались въ Герзель-аулъ, для постройки укрѣпленія. Генералъ Клугенау съ остальными тремя баталіонами Апшеронцевъ долженъ былъ поддерживать спокойствіе въ Дагестанѣ, что являлось дѣломъ не легкимъ. Послѣ ахульгинскаго погрома Шамиль бѣжалъ въ Ичкерію; но здѣсь онъ не долго оставался въ спокойствіи и не прошло даже двухъ мѣсяцевъ, какъ Чечня стала готовиться къ борьбѣ съ русскими. Однако, наученный горькимъ опытомъ, имамъ пришелъ къ убѣжденію, что та система войны, которой онъ придерживался до сихъ поръ, не принесетъ ему плодотворныхъ результатовъ, какъ то показали прошлые годы, поэтому онъ предпочелъ вести партизанскую войну, т. е. производить внезапные набѣги въ наши предѣлы, грабить жителей, уничтожать незначительныя команды, стараться брать разбросанныя въ горахъ небольшія укрѣпленія и т. д. Еще въ концѣ прошлаго года Шамиль приступилъ къ агитаціи среди Чеченцевъ, а въ началѣ же 1840 года волненіе въ Чечнѣ явилось фактомъ вполнѣ установившимся. Опасаясь, чтобы русскіе своевременно не узнали о готовящемся возстаніи, имамъ подготовлялъ его въ большой тишинѣ, посылая нарочно старшинъ различныхъ чеченскихъ ауловъ къ русскимъ начальникамъ съ увѣреніями въ преданности и покорности всего населенія. Это кажущееся спокойствіе было до такой степени обманчиво, что предпринятыя два движенія русскихъ отрядовъ черезъ всю Чечню обошлись безъ выстрѣла, и жители выдали до 1.000 ружей въ залогъ своей покорности; наконецъ, въ теченіе всей зимы Кавказская линія ни разу не подвергалась нападеніямъ. Поэтому, можно судить о всеобщемъ удивленіи, когда совершенно неожиданно разнеслась вѣсть о поголовномъ возстаніи въ Чечнѣ. Она пришла какъ разъ въ то время, когда непокорныя общества, лишенныя своихъ пастбищъ и пахатныхъ мѣстъ, а слѣдовательно и средствъ къ существованію, готовились уже покориться намъ. Но Шамиль не дремалъ: разжигая мало-по-малу неудовольствіе противъ русскихъ, обвиняя ихъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ народъ, онъ успѣлъ склонить Чеченцевъ на свою сторону, обѣщая имъ несомнѣнный успѣхъ въ войнѣ съ русскими войсками. Какъ разъ въ это время, именно въ началѣ февраля, чеченцы узнали, что закубанскіе горцы взяли одинъ изъ прибрежныхъ фортовъ. Понятно, что подобное извѣстіе имѣло значеніе искры, которой только не доставало, чтобы зажечь возстаніе не только среди непокорныхъ, но даже среди покорныхъ намъ обществъ. Прибывшій въ Аргунское ущелье извѣстный агитаторъ Хаджи-Магома-Эфендій, скрывавшійся болѣе года, разослалъ по всей Чечнѣ и Дагестану подложныя письма отъ египетскаго паши, въ которыхъ послѣдній предлагалъ соединиться всѣмъ магометанамъ для общей борьбы противъ невѣрныхъ, самъ паша обѣщалъ прійти на Кавказъ съ цѣлой арміей. Этотъ нелѣпый слухъ также произвелъ большое впечатлѣніе на умы легковѣрныхъ горцевъ. Вслѣдъ затѣмъ разнеслась вѣсть о взятіи Шапсугами и Убыхами еще двухъ нашихъ фортовъ. Все это было на руку Шамилю; вскорѣ къ нему примкнули многіе чеченскіе дѣятели, какъ-то: Джумсойскій князь Маашъ, Джунинскій князь Ахметъ-Ханъ Муртазаліевъ (оба жили въ Аргунскомъ ущельи), Ичкеринскій — Ташевъ-Хаджи, Шуаибъ-Мулла и Джеватъ-Ханъ. Всѣ они дѣятельно принялись набирать партіи, входили въ сношеніе съ жителями плоскости, брали аманатовъ, ружья и продовольствіе отъ преданныхъ имъ обществъ, обязывали жителей клятвой воевать съ русскими и уже въ началѣ марта въ Большой и Малой Чечнѣ все было готово къ открытому возстанію. 8-го марта явились первые признаки его. Шамиль съ партіей въ 200 чело-

вѣкъ чеченцевъ выступилъ изъ Аргунскаго ущелья и прибылъ къ селенію Урусъ-Мартану; отсюда и изъ другихъ окружныхъ селеній присоединились къ нему многіе жители, отправивъ предварительно свои семейства и имущество въ горы и ближайшіе лѣса. Пройдя со скопищемъ черезъ Гойту, Мартанъ и Казахъ-Кичу, до верхней Сунжи, Шамиль не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія; въ это время численность его скопища увеличилась въ нѣсколько разъ. По первому извѣстію о выходѣ Шамиля изъ Аргунскаго ущелья, на встрѣчу ему двинулся генералъ-маіоръ Пулло съ 4 баталіонами, 4 сотнями линейныхъ казаковъ и 9 орудіями. 14 марта, близъ Алханъ-Юрта нашъ отрядъ встрѣтилъ чеченцевъ, атаковалъ и разбилъ ихъ. Но эта побѣда уже немогла потушить возстанія, которое охватило всю страну и стало сообщаться Дагестану. На лѣвый флангъ Кавказской линіи обращено было особенное вниманіе, и туда кромѣ 1 и 2 баталіоновъ Апшеронцевъ рѣшено двинуть и 3-й баталіонъ [1]).

22-го марта изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на лѣвый флангъ выступили 1 и 2 баталіоны, въ составѣ: 2 штабъ-офицеровъ, 16 оберъ-офицеровъ, 71 унтеръ-офицера, 40 музыкантовъ, 1.000 рядовыхъ и 36 нестроевыхъ. Оба баталіона, подъ командой подполковника Вагнера, направлены въ Герзель-аулъ. Весь сосредоточенный здѣсь отрядъ, состоялъ изъ 2 баталіоновъ Апшеронскаго полка, роты линейнаго баталіона, 40 казаковъ, 100 пѣшихъ кумыковъ и 5 орудій; войска занялись заготовленіемъ лѣса и постройкой укрѣпленія. Между тѣмъ, Шамиль, разбитый у Алханъ-Юрта, направился обратно къ Аргунскому ущелью и отсюда высылалъ на плоскость, съ цѣлью грабежа, партіи конныхъ чеченцевъ. Имаму сильно не нравилась постройка укрѣпленія у Герзель-аула, и онъ рѣшилъ не только вредить работамъ, но, собравъ большое скопище, постараться вытѣснить русскія войска. 6-го апрѣля подполковникъ Вагнеръ отправилъ второй баталіонъ Апшеронцевъ при 2 орудіяхъ и нѣсколькихъ казакахъ, подъ командою капитана Лысенко, въ селеніе Кошкельды, для вывоза лѣса, необходимаго при постройкѣ. Къ вечеру нагруженныя лѣсомъ арбы уже готовились къ обратному движенію, когда совершенно неожиданно огромная партія конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ напала на транспортъ. Оставивъ занятую у Кошкельды позицію, капитанъ Лысенко атаковалъ непріятеля и заставилъ его отступить; вслѣдъ за тѣмъ завязалась сильная перестрѣлка. Услышавъ орудійную и ружейную пальбу, подполковникъ Вагнеръ взялъ 3 роты 1-го баталіона и одно орудіе и двинулся на помощь 2-му баталіону. Но непріятель, подъ покровомъ ночи, отступилъ къ оставленному нами селенію Кошкельды, которое сейчасъ же и зажегъ. Роты безпрепятственно возвратились въ укрѣпленіе. На другой день Вагнеръ съ 7 ротами (3 роты перваго и весь 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка), 3 орудіями и 40 казаками выступилъ къ Кошкельды, чтобы выгнать оттуда непріятеля.

Предпріятіе имѣло полный успѣхъ, и роты безъ особаго труда вынудили чеченцевъ очистить селеніе. Въ это время наши разъѣзды дали знать, что въ селеніи Больше-аулъ, въ разстояніи 5 верстъ отъ укрѣпленія, показалась значительная непріятельская партія. Это извѣстіе заставило Вагнера предпринять обратное движеніе. Не успѣлъ отрядъ пройти и одной версты, какъ изо всѣхъ овраговъ и балокъ высыпали пѣшіе и конные чеченцы, открывшіе жестокій огонь по войскамъ; одновременно со стороны селенія Науруза, находящагося въ 10 верстахъ отъ Герзель-аула, напала на отрядъ партія численностью около 5.000 человѣкъ. Неожиданность нападенія не смутила Апшеронцевъ и ихъ храбраго начальника, подполковника Вагнера; къ такимъ встрѣчамъ они привыкли въ Дагестанѣ. Залпъ изъ орудій и ружей, а затѣмъ ударъ въ штыки поумѣрилъ нѣсколько порывы чеченцевъ.

[1]) Донесеніе генералъ-адъютанта Граббе № 483. Дѣло № 37, 2 отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Окруженный со всѣхъ сторонъ громаднымъ скопищемъ, Вагнеръ не рѣшился дѣйствовать наступательно и сталъ медленно подвигаться къ Герзель-аулу. Отступленіе продолжалось ровно 4 часа; чеченцы съ упорствомъ и яростью преслѣдовали отрядъ и нѣсколько разъ кидались въ шашки на стрѣлковую цѣпь и аріергардъ, но каждый разъ были отбиваемы штыками. Почти въ виду укрѣпленія, изъ котораго открыли орудійный огонь по скопищу, чеченцы прекратили преслѣдованіе. Благодаря прекрасной распорядительности Вагнера, наша потеря была незначительна: она состояла изъ 4 убитыхъ и 24 раненныхъ нижнихъ чиновъ. Непріятель потерялъ гораздо больше: на мѣстѣ онъ оставилъ 13 убитыхъ, 66 раненыхъ и одинъ чеченецъ взятъ въ плѣнъ подпоручикомъ Ковалевскимъ; кромѣ того у горцевъ отбито нѣсколько десятковъ рогатаго скота. Такимъ образомъ, первая встрѣча чеченцевъ съ Апшеронцами окончилась весьма неудачно для нихъ [2]).

Побѣда у селенія Науруза произвела нѣкоторое вліяніе на чеченцевъ; по словамъ лазутчиковъ, родственники убитыхъ и раненыхъ отстали отъ Шамиля. Въ половинѣ апрѣля мѣсяца весь дѣйствующій на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи отрядъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: въ крѣпости Грозной — 3 1/2 баталіона, 2 пѣшихъ и 4 горныхъ орудія и 44 линейныхъ казака; въ Умаханъ-юртѣ одинъ баталіонъ, 3 орудія и 60 казаковъ; въ Ташъ-Кичу одна рота; въ крѣпости Внезапной двѣ роты и въ Герзель-аулѣ 2 баталіона Апшеронцевъ, при 5 орудіяхъ и 40 казакахъ; слѣдовавшій изъ Шуры 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Огіевскаго, направленъ былъ на Ярыхъ-су-аухъ для удержанія въ спокойствіи ауховцевъ. Баталіонъ этотъ расположился на плоскости около дорогъ, ведущихъ изъ Внезапной въ Ташъ-Кичу и Герзель-аулъ. Въ случаѣ надобности его долженъ былъ поддержать подполковникъ Вагнеръ изъ Герзель-аула.

Между тѣмъ, волненіе въ Чечнѣ разросталось; къ возставшимъ присоединились галагаевцы, послѣ чего Шамиль все вниманіе обратилъ на ауховцевъ-воинственное и многолюдное чеченское общество; съ присоединеніемъ его, скопища Шамиля могли значительно увеличиться. 19-го апрѣля командующій отрядомъ генералъ-лейтенантъ Галафѣевъ получилъ извѣстіе, что Ахверды-Магома съ конной партіей направился изъ Урусъ-Мартана на соединеніе съ Шамилемъ. Съ цѣлью отрѣзать ему путь, генералъ Галафѣевъ, съ 1 1/2 баталіонами и 3-мя орудіями выступилъ изъ Грозной къ Герзель-аулу, куда и прибылъ 21-го апрѣля. Шамиль и Ташевъ-Хаджи находились уже среди ауховцевъ, часть которыхъ безпрепятственно впустила въ свои земли Шамиля, выдала ему аманатовъ, а другая часть оставалась пока въ выжидательномъ положеніи. Для возбужденія къ возстанію всѣхъ остальныхъ жителей, Шамиль оставилъ въ Аухѣ Ташевъ-Хаджи, а самъ отправился въ Маюртупъ. Узнавъ о пребываніи Ташевъ-Хаджи съ партіей среди ауховцевъ, подполковникъ Огіевскій, присоединивъ къ своему баталіону еще баталіонъ Куринскаго полка, направился въ Ярыхъ-су-аухъ; онъ нашелъ это селеніе брошеннымъ чеченцами. Возвратясь вечеромъ 15-го числа въ лагерь, Огіевскій услышалъ со стороны Внезапной пушечную пальбу. Предполагая, что на крѣпость сдѣлано нападеніе, Огіевскій съ Апшеронскимъ баталіономъ и 2 орудіями, на разсвѣтѣ 16-го апрѣля двинулся къ Внезапной. Предположеніе Огіевскаго оказалось вѣрнымъ: громадное скопище, подъ предводительствомъ Ташевъ-Хаджи, подошло къ крѣпости, но было разсѣяно орудійными выстрѣлами. Это происшествіе краснорѣчиво говорило о томъ, что если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, огромное большинство ауховцевъ уже примкнуло къ возставшимъ. Болѣе или менѣе значительныя партіи горцевъ разсѣялись повсюду и дѣлали нападенія на кумыкскія селенія. Одна изъ

[2]) Донесеніе № 56. Дѣло № 44. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

такихъ партій, возвращаясь съ грабежа, остановилась въ лѣсу, извѣстномъ подъ именемъ «Карагачь», укрывая здѣсь отбитыя стада. Подполковникъ Огіевскій съ 3-мъ баталіономъ Апшеронцевъ и 2-мя орудіями направился къ названному лѣсу, разсѣялъ партію и отбилъ у нея 300 штукъ барановъ. Желая имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Чечнѣ и о дѣйствіяхъ Шамиля, генералъ Галафѣевъ выступилъ 23 апрѣля изъ Герзель-аула въ кр. Внезапную; отрядъ его состоялъ изъ 1-го баталіона Апшеронскаго полка, сотни кумыковъ и 2-хъ конныхъ орудій. Въ Внезапной къ Галафѣеву явились жители нѣкоторыхъ ауховскихъ селеній съ просьбой позволить имъ возвратиться въ свои жилища. Эта просьба была уважена. Чтобы подѣйствовать на ауховцевъ и не позволить имъ присоединиться къ Шамилю, генералъ Галафѣевъ нашелъ необходимымъ произвести въ ихъ землю поискъ. 1-го мая отрядъ, въ составѣ 5-ти баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), 2-хъ легкихъ, 4-хъ горныхъ и 4-хъ конныхъ орудій, 200 казаковъ и 80 человѣкъ горской милиціи, направился къ Ярыхъ-су-ауху. Отрядъ безпрепятственно подошелъ къ названному селенію, и здѣсь остановился. Въ то время, когда войска отдыхали, на окрестныхъ высотахъ появились небольшія непріятельскія партіи; по мѣрѣ движенія нашего отряда впередъ, онѣ все болѣе и болѣе увеличивались, въ особенности на правомъ флангѣ. Это обстоятельство заставило командующаго отрядомъ усилить правый флангъ однимъ баталіономъ пѣхоты и казаками. Видя безполезность усилій своихъ — отвлечь отрядъ отъ Ярыхъ-су-ауха, чеченцы отступили къ селенію Кишень-аухъ, гдѣ находился и самъ Ташевъ-Хаджи. Вслѣдъ за тѣмъ, не смотря на упорное сопротивленіе Кишень-аухъ былъ взятъ штурмомъ, причемъ у насъ ранено 6 нижнихъ чиновъ. По истребленіи селенія, войска направились къ Акташъ-ауху; непріятель не переставалъ вести перестрѣлку и сдѣлалъ сильный натискъ при переходѣ отряда черезъ рѣку Ярыхъ-су. Хотя жители Акташъ-ауха сами обратились къ генералу Галафѣеву съ просьбой прибыть къ нимъ на помощь, тѣмъ не менѣе, по приближеніи отряда, они бросили свои жилища и удалились въ лѣсъ. Впрочемъ, генералъ Галафѣевъ пощадилъ селеніе и не приказалъ его истреблять. Движеніе къ Акташъ-ауху стоило намъ: 10 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены 3 оберъ-офицера и 48 нижнихъ чиновъ [3]. 3-го мая отрядъ двинулся обратно, такъ какъ было полученное извѣстіе о намѣреніи Шамиля произвести нападеніе на военно-грузинскую дорогу. При обратномъ слѣдованіи, баталіонъ Апшеронцевъ шелъ въ аріергардѣ, удачно отражая всѣ нападенія непріятеля.

Возвратившись въ Герзель-аулъ, войска по прежнему занялись постройкой укрѣпленія. Въ половинѣ іюня получено извѣстіе о вторженіи Ташевъ-Хаджи съ большой партіей въ Салатавію. Тогда генералъ Галафѣевъ съ отрядомъ (въ составѣ его и 1-й баталіонъ Апшеронцевъ) направился въ Салатавію, съ цѣлью помѣшать салатавцамъ примкнуть къ возставшимъ. Отрядъ пошелъ на Міатлы; отсюда, какъ изъ центральнаго пункта, онъ могъ двинуться въ ту сторону, куда онъ могъ потребоваться. При первомъ извѣстіи о движеніи русскихъ войскъ, Ташевъ-Хаджи, избѣгая боя, поспѣшно отступилъ изъ Салатавіи въ Ичкерію, а салатавцы по прибытіи русскаго отряда въ ихъ землю, выдали аманатовъ. Такимъ образомъ, хотя временно, спокойствіе было водворено. 24-го іюня отрядъ возвратился въ Герзель-аулъ. Между тѣмъ Шамиль, предоставивъ военныя дѣйствія въ Чечнѣ своимъ сподвижникамъ, самъ отправился въ Дагестанъ, чтобы поднять и здѣсь возстаніе. Безъ особаго труда удалось ему взволновать общества: Боголяльское, Джамаляльское, Калаляльское и другія. Желая поднять духъ горцевъ, Шамиль распускалъ слухи, что пойдетъ къ Дербенту и возь-

[3] Во всѣхъ дѣйствіяхъ Чеченскаго отряда, нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о потеряхъ въ каждой части, поэтому ограничиваемся общей цифрой.

метъ этотъ городъ. Охватившее Дагестанъ волненіе заставляло озаботиться усиленіемъ войскъ, и командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ генералъ-маіоръ Клугенау настоятельно просилъ о возвращеніи изъ Чечни Апшеронцевъ.

3-го іюля возвратились въ Шуру 2-я и 3-я мушкетерскія роты, подъ командою маіора Бельгарда, а 9-го августа остальныя двѣ — 1-я гренадерская и 1-я мушкетерская, подъ командою капитана Яковлева. Послѣдующія дѣйствія 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго полка на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи ограничились неважными передвиженіями, поэтому возвратимся въ Дагестанъ. Оставшіеся въ штабъ-квартирѣ баталіоны занимались постройкой различныхъ хозяйственныхъ зданій. Помня погромъ прошлаго года, койсубулинцы не рѣшались явно проникнуть къ Шамилю, хотя ни для кого не было тайной, что всѣ симпатіи ихъ были обращены къ нему; они ждали только появленія имама, чтобы поголовно возстать. Въ концѣ апрѣля мѣсяца въ шамхальскихъ земляхъ стали появляться значительныя партіи непріятеля, которыя производили набѣги на Чиръ-юртъ, Янги-юртъ и другіе аулы. Однимъ словомъ, со дня на день враждебное намъ настроеніе дагестанцевъ обозначалось все рѣзче и рѣзче, мало хорошаго обѣщая въ будущемъ. Андійцы примкнули къ Шамилю первые изъ всѣхъ дагестанскихъ обществъ, а вслѣдъ за ними гумбетовцы. Чиркеевцы также завели тайныя сношенія съ мюридами. Для приданія дѣйствіямъ болѣе рѣшительнаго характера, Шамиль лично появился въ Дагестанѣ; онъ прибылъ въ апрѣлѣ въ аулъ Дылымъ и отсюда разсылалъ воззванія ко всѣмъ дагестанцамъ, причемъ одной изъ задачъ его было возмущеніе и Казикумуха. Въ іюлѣ мѣсяцѣ положеніе края было таково: койсубулинцы примкнули къ Шамилю окончательно; измѣна Чиркея и Зубута, о которой носились прежде слухи, вполнѣ подтвердилась и вслѣдъ затѣмъ Шамиль вторгнулся въ шамхальскія владѣнія, причемъ раззорилъ аулъ Капчугай, лежащій въ 18-ти верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Повидимому имамъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать опорнымъ пунктомъ Койсубу; для большей свободы дѣйствій своихъ партій онъ рѣшилъ возмутить жителей Эрпели, Караная и Ишкарты, а въ крайнемъ случаѣ раззорить эти аулы. Чтобы непозволить жителямъ названныхъ ауловъ перейти на сторону мюридовъ, генералъ-маіоръ Клугенау со 2-й и 3-й мушкетерскими и 4-й гренадерской ротами Апшеронцевъ (въ числѣ 450 человѣкъ) милиціей Ахметъ-хана Мехтулинскаго и съ однимъ орудіемъ 7-го іюля направился къ Ишкартамъ, имѣя намѣреніе одну роту расположить въ Ишкартахъ, а двѣ другихъ при орудіи отправить въ Каранай. Но 8-го числа лазутчики дали знать о движеніи Шамиля, со скопищемъ слишкомъ въ 8.000 человѣкъ, отъ аула Чиркея черезъ Ахатлы въ Ишкарты. Это извѣстіе измѣняло планъ: о раздѣленіи небольшаго отряда не могло быть и рѣчи; необходимо было напротивъ стараться, по возможности, увеличить его, принявъ въ соображеніе громадную численность скопища; поэтому Клугенау вытребовалъ еще три роты Ширванскаго полка. 9-го іюля командиръ Апшеронскаго полка, полковникъ Симборскій, оставшійся въ Шурѣ за командующаго войсками, отправилъ въ Ишкарты 120 картечныхъ снарядовъ, 40 гранатъ и 20.000 ружейныхъ патроновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Симборскій, зная уже о критическомъ положеніи отряда, ночью 10-го іюля послалъ въ подкрѣпленіе къ нему 3 роты 4-го баталіона Апшеронцевъ, подъ командою маіора Волынскаго, приказавъ ему во чтобы то ни стало пробиться къ Ишкартамъ. Но задолго до прибытія подкрѣпленія у этого аула разыгралось большое дѣло. Съ разсвѣтомъ, 10-го числа, въ виду занятой генераломъ Клугенау позиціи, горцы завязали небольшую перестрѣлку съ милиціей; въ 10-ть часовъ утра непріятель въ значительныхъ силахъ, конный и пѣшій, атаковалъ Ишкарты и сбилъ милицію. Скопище горцевъ состояло не менѣе какъ изъ 5.000 человѣкъ; тутъ были: боголяльцы, джемаляльцы, салатавцы, андійцы, гумбетовцы и немного чеченцевъ. Когда непріятель отбросилъ

милиціонеровъ, то сейчасъ же окружилъ позицію, занимаемую отрядомъ и отрѣзалъ войска отъ родника, представлявшаго единственный источникъ, откуда можно было брать воду. Первоначальный успѣхъ горцевъ поставилъ отрядъ въ безвыходное положеніе, чтобы выйти изъ него, Клугенау приказалъ маіору Бельгарду съ 4-ю гренадерской и 2-ю мушкетерской ротами Апшеронцевъ, выбить непріятеля изъ Ишкартовъ. «Неустрашимый Бельгардъ исполнилъ порученіе въ точности: въ мигъ деревня штыками была очищена, не смотря на всю ярость защитниковъ ея» [4]. Апшеронцы заняли переднюю часть аула. Въ это время къ непріятелю является на помощь новая партія, и горцы съ яростью устремились на двѣ роты съ цѣлью вторично овладѣть Ишкартами. Не желая отдавать роты Бельгарда на жертву изувѣрамъ, кидавшимся съ ожесточеніемъ на солдатъ, генералъ Клугенау отправилъ на помощь имъ еще одну роту. Непріятель въ громадномъ числѣ старался вытѣснить наши роты. Какъ разъ въ центрѣ непріятельской позиціи, въ которую входилъ и аулъ Ишкарты, находился бекскій домъ, окруженный высокою каменною стѣною съ четырьмя по угламъ башнями; домъ этотъ былъ расположенъ на высотѣ, примыкая съ одной стороны къ глубокому оврагу, а съ трехъ прочихъ сторонъ къ другимъ домамъ, представляя, такимъ образомъ, прекрасное мѣсто для упорной защиты. Въ домѣ и въ окружавшихъ его завалахъ сосредоточились сильные непріятельскіе резервы. Маіоръ Бельгардъ съ 4-й гренадерской ротой Апшеронцевъ, присоединивъ къ себѣ часть стрѣлковъ, бросился на окружающіе бекскій домъ завалы, выбилъ оттуда горцевъ и успѣлъ ворваться въ домъ; но непріятель, получивъ сильное подкрѣпленіе, оттѣснилъ гренадеръ; въ происшедшей схваткѣ Бельгардъ былъ раненъ саблей въ голову. Рядовые Тихонъ Наумовъ, Семенъ Раевъ, Леонтій Цыбанскій и Семенъ Мохревскій, отбивъ двери башни съ лѣвой стороны бекскаго дома, ворвались въ средину ея, перекололи неуспѣвшихъ спастись бѣгствомъ 6-ть человѣкъ мюридовъ; когда же гренадеръ оттѣснили, то эти четыре героя остались въ башнѣ и защищались до вторичнаго взятія гренадерами дома.

Вытѣсненный изъ укрѣпленнаго строенія, Бельгардъ, не обращая вниманія на полученную имъ рану, у воротъ дома подъ непріятельскими выстрѣлами, вновь построилъ къ штурму храбрыхъ гренадеръ и вторично ворвался въ домъ, гдѣ и начался страшный штыковый и кинжальный бой. Непріятель въ нѣсколько разъ превосходилъ численностью гренадеръ и при томъ дрался съ отчаяніемъ. Бельгарда вторично ранили шашкой въ голову, но онъ не вышелъ изъ строя. Вслѣдъ за нимъ тяжело ранили поручика Синакова, который не имѣя силъ защищаться, упалъ; горцы бросились къ нему, но помощь уже была близка: рядовые Акимъ Сердюковъ, Тимофѣй Щупловъ и Станиславъ Матушевскій кинулись на помощь своему офицеру и вступили въ рукопашную съ мюридами. Станиславъ Матушевскій, прикрывшій собою поручика Синакова, получилъ три раны въ грудь на вылетъ; тѣмъ не менѣе герои, съ помощью нѣсколькихъ прибѣжавшихъ товарищей, перекололи горцевъ и спасли своего офицера. Точно такая же сцена повторилась въ другомъ концѣ дома, причемъ рядовые Алексѣй Ивановъ, Викторъ Абуховъ и Василій Абрамовъ спасли тяжело раненаго подпоручика Нащинскаго. Наконецъ, усилія гренадеръ увѣнчались успѣхомъ: бекскій домъ былъ взятъ, а непріятель частью истребленъ, частью бѣжалъ. Гренадеры преслѣдовали горцевъ и внѣ зданія, гдѣ непріятель держался еще въ завалахъ. Одинъ изъ такихъ большихъ заваловъ, находившійся у выхода изъ аула, задержалъ нашихъ стрѣлковъ. Тогда унтеръ-офицеры Семенъ Осадчевъ и Григорій Ширяповъ съ 14-ю человѣками бросились на завалъ, гдѣ засѣло впятеро большее число горцевъ; завязался рукопашный бой и непріятель, оставивъ на

4) Донесеніе Клугенау № 180. Дѣло № 87, 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

мѣстѣ 6 человѣкъ убитыхъ и тяжело раненыхъ, бѣжалъ[5]. Занявъ бекскій домъ, раненый Бельгардъ остался въ немъ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Вскорѣ изъ за опушки лѣса показались новыя толпы непріятеля; тогда генералъ Клугенау прислалъ приказаніе маіору Бельгарду, оставить аулъ и возвратиться на позицію. Въ 4 часа пополудни наши роты безпрепятственно отступили. Въ то время какъ вышеописанный бой происходилъ въ Ишкартахъ, Клугенау направилъ одну роту Ширванскаго полка и охотниковъ Апшеронцевъ отбить у непріятеля родникъ. Посланныя части выполнили блистательно порученіе, причемъ особенно отличились охотники Апшеронцы: унтеръ-офицеры Петръ Хубѣевъ и Эдуардъ Корчинскій (изъ студентовъ Виленской Медико-Хирургической Академіи): они первые бросились на завалы и, увлекши за собой товарищей, овладѣли родникомъ; но особенно впослѣдствіи они выдѣлялись своей храбростью, защищая родникъ отъ троекратной атаки горцевъ, при чемъ каждый изъ нихъ убилъ по нѣскольку человѣкъ мюридовъ. Передъ вечеромъ на лѣвомъ флангѣ появилась непріятельская конница и пѣхота. Посылать противъ непріятеля окончательно сконфуженную и весьма ненадежную милицію Клугенау не рѣшился, а направилъ противъ горцевъ 50 человѣкъ казаковъ, которые удачной атакой заставили непріятеля отступить. Всю ночь отрядъ стоялъ подъ ружьемъ, ожидая нападенія, охраняя милицію Ахметъ-хана Мехтулинскаго и наблюдая за милиціей Шамхала, имѣвшею среди себя массу измѣнниковъ. На разсвѣтѣ, 11-го числа подошли изъ Шуры роты 4-го баталіона Апшеронцевъ; не смотря на перестрѣлку, заведенную съ нимъ по дорогѣ непріятелемъ, съ цѣлью не допустить баталіонъ соединиться съ отрядомъ, маіоръ Волынскій все таки успѣлъ пробиться. Въ этотъ день горцы нѣсколько разъ пытались атаковать отрядъ, но каждый разъ безуспѣшно. Спустя нѣсколько времени, всѣ огромныя партіи Шамиля отступили отъ Ишкартовъ и потянулись къ Темиръ-ханъ-Шурѣ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что ишкартинцы, каранаевцы и эрпелинцы измѣнили намъ, ибо они отказались исполнить требованіе генерала Клугенау дать для раненыхъ 20 арбъ. Отрядъ двинулся къ Шурѣ, куда и прибылъ благополучно 11-го іюля. И такъ, горсть нашихъ солдатъ въ продолженіи сутокъ сражалась со скопищемъ въ 8.000 человѣкъ; какъ оказалось впослѣдствіи, къ непріятелю примкнули измѣнившіе намъ каранаевцы и ишкартинцы. Потеря отряда состояла изъ 31-го убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранены: 1 штабъ-офицеръ, и 79 нижнихъ чиновъ, изъ этого числа Апшеронцевъ убито 21, ранены: маіоръ Бельгардъ, поручикъ Синаковъ (умеръ отъ раны), поручикъ Ключаревъ, подпоручикъ Нащинскій и нижнихъ чиновъ 44 человѣка[6]. Потеря горцевъ превышала 300 человѣкъ убитыми и ранеными[7].

Блистательное дѣло у Ишкартовъ вызвало со стороны корпуснаго командира полную благодарность войскамъ Сѣвернаго Дагестана, которая выразилась въ слѣдующемъ приказѣ по корпусу: «Командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ-маіоръ Клюкифонъ-Клугенау съ горстью людей изъ 650 человѣкъ, будучи неожиданно окруженъ при деревнѣ Ишкарты многочисленными скопищами Шамиля, не только съ успѣхомъ отразилъ всѣ покушенія непріятельскія, но малый отрядъ его нанесъ горцамъ настолько чувствительный вредъ, что Клугенау съ отрядомъ своимъ могъ отступить безпрепятственно къ укрѣпленію Темиръ-Ханъ-Шурѣ. За такую благоразумную распорядительность и примѣрно храброе отраженіе непріятеля, я за особое себѣ удовольствіе поставляю изъявить совершенную мою-

5) Дѣло № 37, 2-го отдѣла Генеральнаго Штаба № 180 Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

6) Дѣло № 37, 2-го отдѣла Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

7) По полученіи основательныхъ свѣдѣній оказалось, что у Шамиля было всего 8.900 человѣкъ, а именно: андійцевъ 1.500, гумбетовцевъ 700, чеченцевъ 1.400, аховцевъ 400, салатавцевъ 1.800 и дагестанскихъ жителей 3.000.

признательность генералъ-маіору Клюки-фонъ-Клугенау, равно штабъ- и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ 3-хъ ротъ Апшеронскаго и 3-хъ ротъ Графскаго полка, ознаменовавшимъ себя въ этомъ дѣлѣ мужествомъ, достойнымъ русскаго солдата» [8].

Событіемъ у Ишкартовъ положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ вполнѣ выяснилось: о спокойствіи не могло быть и рѣчи, ибо силы Шамиля, не смотря на прошлогоднюю неудачу, не уменьшились, а напротивъ, еще болѣе увеличились. Отпоръ данный горцамъ у Ишкартовъ, нисколько не повліялъ на нихъ. Жители ауловъ Чиркея и Зубута, койсубулинскихъ и нѣкоторыхъ шамхальскихъ ауловъ проявили небывалый энтузіазмъ; чалмы надѣвали старцы и юноши, и волненіе разросталось съ неимовѣрной быстротой. Послѣ дѣла 10-го іюля, Шамиль со скопищемъ направился къ аулу Эрпели, разрушилъ здѣсь домъ поручика Уллу-бея и забралъ все его имущество; затѣмъ онъ отправился въ Чиркей, вблизи котораго и остановился. Вскорѣ скопище разошлось: Ташевъ-Гаджи и Джеватъ-Ханъ съ чеченцами возвратились въ Чечню, разсорившись съ Шамилемъ. Удаленіе Шамиля изъ сѣвернаго Дагестана являлось обстоятельствомъ нѣсколько загадочнымъ; по донесеніямъ лазутчиковъ оно находилось въ связи съ ссорою его съ Ташевъ-Гаджи; существовала ли въ дѣйствительности ссора, или это была одна изъ хитростей имама — вопросъ, который остается открытымъ и до сего времени. Какъ бы то ни было, роспускъ скопища явился весьма кстати, ибо страна сразу освободилась отъ того критическаго положенія, въ какомъ она очутилась вслѣдствіе весьма ограниченнаго количества войскъ, находившихся въ ней. Шамиль распускалъ слухи, что уѣхалъ въ Чечню, а самъ, между тѣмъ, съ Гумбетовцами и Андійцами направился въ Аварію и, какъ доносилъ генералъ Клугенау, въ концѣ іюля прибылъ въ урочище Ача-Вода, между аулами Какади и Годовери, близъ Ботлиха. Отсюда имамъ быстро двинулся въ Аварію, занялъ аулы: Тлохъ, Ханба-Гамаши, Бахти-Чамушъ, Хараки, Орота, Мимули, Зантахъ и Коло. Успѣхи горцевъ заставили правителя Аваріи, Ахметъ-хана Мехтулинскаго отступить съ милиціею отъ аула Цатаныха къ Хунзаху. Тогда Шамиль задумалъ овладѣть Балаканскимъ ущельемъ и уничтожить здѣсь остававшійся намъ вѣрнымъ аулъ Унцукуль. Съ этой цѣлью половину своего скопища онъ отправилъ въ Койсубу, а другой половинѣ приказалъ проникнуть въ Андаляльское общество. Чтобы спасти Унцукуль и вообще поставить предѣлъ успѣхамъ имама, генералъ Клугенау рѣшилъ выступить къ горѣ Арактау. Сформированный съ этой цѣлью отрядъ выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 6-го августа: онъ состоялъ изъ перваго баталіона, 4-й гренадерской и 10-й мушкетерской ротъ Апшеронскаго и 2-хъ ротъ Мингрельскаго полковъ, 5 орудій и 60 козаковъ. Опасаясь за участь Хунзаха, Клугенау прямо двинулся къ этому укрѣпленію. 8-го августа у Зырянъ онъ получилъ донесеніе отъ коменданта хунзахской цитадели маіора Лазарева, что Шамиль съ 6.000 горцевъ находится въ аулѣ Тайлукъ, въ 15-ти верстахъ отъ Хунзаха, и что аварцы безъ выстрѣла принимаютъ мюридовъ. Впрочемъ, на этотъ разъ всѣ опасенія Клугенау оказались напрасными: Шамиль, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ и склонившись на просьбы чиркеевцевъ, умолявшихъ его прійти къ нимъ на помощь, распустилъ часть своего скопища, а съ другою частью черезъ Игали и Чиркатъ направился въ Чиркей. Дальнѣйшее движеніе отряда являлось безполезнымъ и генералъ Клугенау возвратился въ Шуру.

Какъ оказалось впослѣдствіи, вторженіе Шамиля въ сѣверный Дагестанъ предпринято было съ цѣлью отвлечь наши войска изъ Чечни и нельзя не сознаться, что оно имѣло полный успѣхъ. 29-го іюля чеченскій отрядъ направился въ сѣверный Дагестанъ, откуда, впрочемъ, вскорѣ и ушелъ. А между тѣмъ, пока генералъ Галафѣевъ двигался въ Даге-

[8] Приказъ по корпусу № 92.

станъ, въ надеждѣ найти тамъ Шамиля со скопищами, хитрый имамъ быстро направился въ Чабырлоевское общество и заставилъ его примкнуть къ мюридамъ. Съ покореніемъ же чабырлоевцевъ, Шамилю повиновалась вся Чечня и большая часть нагорнаго Дагестана. Когда отрядъ Галафѣева двинулся обратно въ Чечню, то Шамиль проникъ въ Аварію, подчинилъ своей власти 8 ауловъ и принудилъ милицію Ахметъ-хана Мехтулинскаго отступить къ Хунзаху; бывшій ярый приверженецъ Шамиля, тилитлинскій старшина Кибитъ-Магома, непринимавшій нѣкоторое время участія въ дѣлахъ его, опять примкнулъ къ мюридамъ. Успѣхи Шамиля были тѣмъ болѣе опасны, что въ Дагестанѣ находилось очень мало русскихъ войскъ, да и борьба здѣсь, какъ въ мѣстности мало доступной, сопряжена была съ большими трудностями и лишеніями. Вліяніе Шамиля стало проникать и въ южный Дагестанъ, что указывало на близость всеобщаго возстанія. Въ своихъ донесеніяхъ корпусному командиру генералъ-лейтенантъ Галафѣевъ предсказывалъ, что съ появленіемъ Шамиля въ Аваріи произойдетъ общее возстаніе. Но изъ журнала военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ съ 1-го по 8-е августа рѣшительно не видно, чтобы онъ принялъ противъ этого какія нибудь мѣры; напротивъ, признавъ отрядъ свой, состоявшій изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, недостаточнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Шамиля, Галафѣевъ предоставилъ защиту Аваріи, генералу Клугенау съ горстью людей, находившихся въ Шурѣ, а самъ удалился въ Чечню. Не смотря на малочисленность войскъ, Клугенау съ двумя баталіонами вынужденъ былъ двинуться въ Аварію для защиты Хунзаха. Какъ уже описывалось раньше, это движеніе имѣло успѣхъ. По возвращеніи на лѣвый флангъ Кавказской линіи, генералъ Галафѣевъ предполагалъ заняться окончаніемъ Герзель-аульскаго укрѣпленія, а потомъ двинуться въ Аргунское ущелье и приступить къ постройкѣ новаго укрѣпленія у селенія Чахъ-Гирей. Возведеніе Герзель-аульскаго укрѣпленія, удержавъ войска на работѣ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, дало возможность Шамилю усилиться въ Чечнѣ и Дагестанѣ и подчинить себѣ не только немирныхъ жителей, но даже и тѣхъ, которые съ давнихъ поръ были намъ покорны. Безспорно, Герзель-аульское укрѣпленіе имѣло свое значеніе и важность: находясь въ связи съ существовавшими уже раньше, оно прикрывало Кумыкскую площадь и охраняло одинъ изъ горныхъ проходовъ, откуда чеченцы постоянно производили набѣги. Если бы постройка укрѣпленія была окончена своевременно, то войска освободились бы для военныхъ дѣйствій; но, къ сожалѣнію, работы затянулись. Однако, предположеніе начать постройку новаго укрѣпленія, въ слишкомъ позднее время года и среди страны, находившейся въ полномъ возстаніи, не обѣщало плодотворныхъ результатовъ. Увлекшись постройкой, генералъ Галафѣевъ долженъ былъ бы употребить для подвоза провіанта, боевыхъ снарядовъ и строительнаго матеріала почти весь отрядъ и, слѣдовательно, отбросить всякую мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, допустивъ даже, что новое укрѣпленіе было бы возведено до наступленія зимы, все таки при общемъ волненіи въ Чечнѣ и Сѣверномъ Дагестанѣ, оно отнюдь не могло служить порукой въ дѣлѣ успокоенія возмутившихся племенъ, а будучи всегда подвержено нападеніямъ, могло создать новую заботу, нисколько не способствуя успѣху общаго хода дѣлъ. Всѣ эти соображенія заставили корпуснаго командира предписать генералу Галафѣеву отложить постройку укрѣпленія у Чахъ-Гирея, а вмѣсто того усилить войска въ Сѣверномъ Дагестанѣ и довести боевую силу ихъ до 5-ти баталіоновъ, для чего предписалъ отправить изъ Герзель-аула въ Шуру оба баталіона Апшеронскаго полка. Такимъ образомъ, генералъ Клугенау получилъ возможность предпринять наступательныя дѣйствія[9]).

[9]) Дѣло № 44. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Апшеронскіе баталіоны пришли въ Дагестанъ значительно позже, чѣмъ предполагалось, именно: 2-й баталіонъ 24-го декабря, а 3-й—10-го февраля 1841 года. По возвращеніи изъ Аваріи, Шамиль, до конца августа, оставался у Чиркея, имѣя намѣреніе взять Унцукуль и наказать жителей. Обладаніе Унцукулемъ дѣлало Шамиля хозяиномъ Балаканскаго ущелья, откуда онъ могъ безпрепятственно производить вторженія въ Аварію. Для выполненія своего предпріятія, имамъ, составилъ такой планъ: какъ только прибудетъ изъ Чечни въ Чиркей Джеватъ-ханъ съ партіей чеченцевъ, все скопище раздѣлить на двѣ части: одну часть направить черезъ аулъ Игали въ Унцукуль, и въ то время, когда русскій отрядъ выступитъ изъ Шуры на помощь унцукульцамъ, самъ Шамиль войдетъ черезъ Чиркеевскій мостъ въ Шамхальское владѣніе и, взявъ Эрпели и Каранай, будетъ содѣйствовать первой партіи со стороны Гимръ.

27-го августа Клугенау получилъ извѣстіе о томъ, что Шамиль съ многочисленнымъ скопищемъ переправился черезъ Сулакъ у Чиркея; вечеромъ извѣстіе получилось болѣе опредѣленнаго характера: Шамиль имѣлъ при себѣ слишкомъ 2.000 всадниковъ и 1.000 человѣкъ пѣхоты; это скопище двигалось внизъ по правому берегу Сулака на Чиръ-Юртъ; Шамиль ожидалъ еще подкрѣпленій отъ андійцевъ, гумбетовцевъ и технуцальцевъ.

Въ ночь на 28-е августа, генералъ Клугенау выступилъ изъ Шуры по Міатлинской дорогѣ. Отрядъ его состоялъ изъ 2 1/2 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й и сводный баталіоны Апшеронскаго полка) 2-хъ легкихъ и 1-го горнаго орудій, 40 донскихъ казаковъ и 220 человѣкъ Шамхальской и Мехтулинской милиціи. Направляясь къ Чиръ-Юрту, Клугенау надѣялся застать непріятеля на равнинѣ, простирающейся отъ праваго берега Сулака до подножія Алмалаусскаго хребта, отрѣзать ему, если окажется возможнымъ, путь отступленія въ горы, или, по крайней мѣрѣ, принудить къ бою на открытомъ мѣстѣ. На разсвѣтѣ войска прибыли въ урочище Ташкичи и, послѣ небольшаго отдыха, продолжали слѣдовать дальше. По дорогѣ Клугенау узналъ, что чиръюртовцы не оказали сопротивленія Шамилю, выдали ему аманатовъ и сами стали переселяться въ горы. Тогда начальникъ отряда выслалъ впередъ всю кавалерію съ тѣмъ, чтобы перехватить жителей по дорогѣ изъ Чиръ-Юрта въ Акайтала, или найти ихъ слѣды. Вскорѣ наша кавалерія встрѣтила непріятельскую конную партію, человѣкъ въ 100, спускавшуюся съ горъ къ Міатлинской переправѣ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, непріятель бѣжалъ, оставивъ 23-хъ человѣкъ аманатовъ изъ Султанъ-Янги-Юрта, 3-хъ человѣкъ убитыхъ и, кромѣ того, взято 6-ть человѣкъ въ плѣнъ, въ числѣ коихъ находился почетный чиркеевскій житель Аджи-Али-Лабазанъ. Изъ распросовъ плѣнныхъ, генералъ Клугенау узналъ, что Шамиль находится уже въ Султанъ-Янги-Юртѣ; жители приняли его безъ выстрѣла. Чтобы настигнуть скопище, отрядъ не отдыхая, двинулся въ Янги-Юртъ. Лившій какъ изъ ведра дождь и образовавшаяся грязь сильно замедляли маршъ, такъ что только къ вечеру войска прибыли въ Чиръ-Юртъ. Чиръюртовцы, узнавъ о приближеніи русскихъ, бѣжали въ горы и успѣли скрыться отъ преслѣдованія. Въ Чиръ-Юртѣ Клугенау сдѣлалъ привалъ. Въ 2 часа ночи войска снялись съ бивуака и пошли къ Султанъ-Янги-Юрту. На пути лазутчики дали знать, что Шамиль съ большей частью своего скопища наканунѣ вечеромъ двинулся внизъ по Сулаку и занялъ Чентъ-аулъ. Оставленное имамомъ въ Янги-Юртѣ пѣшее скопище въ 1.000 человѣкъ, замѣтивъ приближеніе русскихъ войскъ, поспѣшно бросилось въ горы, къ урочищу Талазлы-Кака. Преслѣдованіе непріятеля не повело-бы ни къ чему и могло еще больше утомить войска; поэтому генералъ Клугенау продолжалъ движеніе

къ Янги-Юрту, гдѣ онъ предполагалъ остановиться и дать отдыхъ отряду, сдѣлавшему переходъ почти въ 70 верстъ.

За часъ до разсвѣта войска прибыли въ Янги-Юртъ, и были встрѣчены жителями, просившими о пощадѣ. Оставивъ у себя отбитыхъ у непріятеля аманатовъ, Клугенау наложилъ на янги-юртовцевъ за измѣну контрибуцію, въ размѣрѣ 40 штукъ рогатаго скота, который отдалъ солдатамъ на порціи. Небольшая партія горцевъ, незная о присутствіи въ селеніи нашихъ войскъ, направлялась сюда; когда она подошла совершенно близко, то неожиданно ей предстали русскіе. Горцы хотѣли было пробиться, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ и всѣ они погибли подъ штыками. Пѣшее скопище, занявъ окрестныя горы, завело перестрѣлку съ милиціей; когда послѣдняя начала обходить лѣвый флангъ позиціи горцевъ, то непріятель, предполагая, что за милиціей скрывается пѣхота, въ безпорядкѣ кинулся въ лѣсъ и скрылся въ ближайшемъ ущельи, гдѣ кавалерія преслѣдовать его не могла. Не имѣя хорошей кавалеріи, ибо на милицію нельзя было особенно расчитывать, генералъ Клугенау не могъ отправиться преслѣдовать горцевъ по совершенно безводной степи; занятіе отрядомъ урочища Тагазлы-Кака также не повело-бы ни къ чему: Шамиль безъ всякаго труда могъ обойти наши войска: слѣва на Чиръ-Юртъ, справа, черезъ Исти-Су, или, наконецъ, пройти черезъ горы безъ всякой дороги.

Не желая напрасно утомлять войска, начальникъ отряда рѣшилъ остаться въ Султанъ-Янги-Юртѣ. 30-го августа отрядъ предпринялъ обратное движеніе въ Шуру. Неимовѣрно быстрое появленіе русскихъ войскъ въ Султанъ-Янги-Юртѣ, такъ сильно поразившее горцевъ своей неожиданностью, имѣло, кромѣ понесенной непріятелемъ потери, еще и другіе весьма выгодные результаты: оно спасло отъ разграбленія аулъ Нижній Янги-Юртъ и Сулакскую ватагу, куда Шамиль хотѣлъ направиться. 31-го августа отрядъ вступилъ въ Шуру.

Скрываясь въ лѣсахъ между Чиркеемъ и хребтомъ Алмалаусъ, Шамилъ пропустилъ отрядъ въ Кумтеръ-Кале, а потомъ выступилъ изъ урочища Тагазлы-Кака и пошелъ опять въ Султанъ-Янги-Юртъ. Жители только того и ждали, и вновь измѣнили намъ. Но Шамиль сжегъ и разграбилъ селеніе, а янги-юртовцамъ приказалъ въ теченіи недѣли переселиться въ горы за то, что они не оказали сопротивленія нашимъ войскамъ. Затѣмъ скопище потянулось вверхъ по Сулаку, уничтожило мосты по урочищу Даткесану, близъ селенія Андреева, вслѣдствіе чего прервалось прямое сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ крѣпостью Внезапной.

Къ 1-му сентября всѣ партіи возвратились въ Чиркей [10].

Въ послѣднее время Чиркей сдѣлался постояннымъ мѣстопребываніемъ Шамиля, его опорнымъ пунктомъ и операціонной базой, какъ нѣкогда были Чиркатъ и Ахульго. Сюда стекались со всѣхъ сторонъ мюриды, сюда же приводили всѣхъ взятыхъ изъ горъ и плоскости аманатовъ. Изъ Черкея Шамиль разсылалъ воззванія и могъ имѣть непосредственное вліяніе на Чечню и Дагестанъ. Находясь всего только въ 25-ти верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, и, будучи средоточіемъ скопищъ Шамиля, Чиркей являлся весьма опаснымъ для насъ пунктомъ, отсюда Шамиль грозилъ нападеніемъ на покорные намъ аулы. Угрожающее положеніе обѣщало сдѣлаться еще болѣе опаснымъ съ наступленіемъ зимы, когда жители Шамхальства выгоняли на равнины свой скотъ.

Дѣлаемые въ началѣ сентября Шамилемъ усиленные сборы, свидѣтельствовали о вновь задуманномъ предпріятіи; однако ни одинъ лазутчикъ не могъ доставить намъ положительныхъ

[10]) Дѣло № 37. 2 отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

свѣдѣній, куда именно устремятся непріятельскія скопища. Только 8-го сентября планы Шамиля выяснились. Въ ночь съ 7-го на 8-е число горцы выступили изъ Чиркея двумя партіями: главная, съ Шамилемъ во главѣ, двинулась черезъ Чиркатъ къ Ашальтамъ, а 300 человѣкъ, переправившись черезъ Койсу у Чиркея, направились къ Гимрамъ, безпрепятственно заняли этотъ аулъ и уничтожили мостъ между Гимрами и Унцукулемъ. 24 человѣка со старшиной Исалъ-Магомою, оставшіеся намъ вѣрными, бѣжали въ горы; вечеромъ они пришли въ Темиръ-Ханъ-Шуру и сообщили генералу Клугенау о происшедшемъ. На другой день получено было извѣстіе, что партія мюридовъ показалась около Унцукуля, а самъ Шамиль вышелъ изъ Чирката и руководитъ дѣйствіями для овладѣнія постоянно враждебнымъ ему ауломъ.

Чтобы возстановить сообщеніе между берегами Аварскаго Койсу, имамъ приказалъ исправить Ашальтинскій мостъ. Все это говорило объ обширности замысловъ Шамиля: они заключались въ совершенномъ отторженіи отъ покорности Койсубулинцевъ и овладѣніи сообщеніями съ Хунзахомъ; тогда Аварія, предоставленная собственной защитѣ, по неволѣ должна была примкнуть къ возставшимъ. Только одни смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія могли предупредить и даже разрушить планы имама. Поэтому генералъ-маіоръ Клугенау, рѣшилъ немедленно двинуться противъ непріятельскихъ скопищъ. Всѣ войска раздѣлены были на двѣ колонны: первую колонну, подъ начальствомъ самого Клугенау, образовали 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, 50 казаковъ и 120 человѣкъ Шамхальской милиціи; колонна двинулась черезъ Кара-Койсу къ Гимрамъ, гдѣ въ это время хозяйничали мюриды; вторая колонна, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника Симборскаго, состояла изъ своднаго баталіона Апшеронцевъ, 2-хъ ротъ Мингрельскаго полка, 50 казаковъ и 4 горныхъ орудія; эта колонна направлена въ Бурундукъ-Кале. Такое раздѣленіе отряда имѣло двоякое, весьма важное, значеніе: во-первыхъ, прикрывалась та часть Шамхальскаго владѣнія, на которую непріятель могъ дѣйствовать прямо изъ Гимръ, или черезъ Ашальтинскій мостъ, а во-вторыхъ, получалась возможность дѣйствовать наступательно: соединивъ обѣ колонны, идти на Гимры, или же, если только непріятель обратится къ Унцукулю, то, по возможности, способствовать защитѣ его и остановить дальнѣйшіе успѣхи Шамиля въ Койсубу. Защита Аваріи поручена была Ахметъ-хану-Мехтулинскому, для чего ему предписано собрать возможно большее число милиціи и двигаться съ нею къ Ашальтамъ.

Въ полдень, 10-го сентября, обѣ колонны выступили изъ Шуры; 1-я колонна ночевала у Караная, а 2-я у подошвы Койсубулинскаго хребта. На другой день генералъ Клугенау спустился къ Гимринскому роднику, а полковникъ Симборскій дошелъ до Бурундукъ-Кале. Съ мѣста бивуака первой колонны Гимры виднѣлись какъ на ладони; аулъ былъ занятъ большою партіей мюридовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнившими намъ гимринцами весьма дѣятельно занимались постройкой моста черезъ Койсу для сообщенія съ лѣвымъ берегомъ; самъ же Шамиль, по собраннымъ свѣдѣніямъ, находился въ Ашальтахъ, гдѣ ожидалъ прибытія остальныхъ скопищъ. Генералъ Клугенау расчиталъ, что, соединивъ обѣ колонны, онъ можетъ нанести горцамъ рѣшительное пораженіе, прежде чѣмъ соберутся всѣ скопища. Онъ предписалъ полковнику Симборскому, съ разсвѣтомъ, 13-го числа, поспѣшить въ Гимринское ущелье черезъ Ирганайскій перевалъ; для обезпеченія движенія обѣихъ колоннъ, самъ Клугенау съ 50 казаками и 120 милиціонерами произвелъ усиленную рекогносцировку Эрпелинскаго подъема, откуда послалъ милицію въ ущелье. Въ послѣднемъ непріятель встрѣтилъ милицію сильнымъ огнемъ изъ заваловъ; перестрѣлка продолжалась цѣлый день, но безъ всякаго результата. Въ 4 часа пополудни пикетъ, поставленный у входа въ Ирганайское ущелье далъ знать, что колонна Симборскаго прибли-

зилась къ спуску; но соединеніе обѣихъ частей отряда не могло произойти въ тотъ же день, такъ какъ проливные дожди совершенно испортили и безъ того уже трудную дорогу. Для удержанія пункта при входѣ въ Гимринское ущелье и для выбитія горцевъ изъ заваловъ Клугенау послалъ 2-ю мушкетерскую роту Апшеронцевъ. Одно приближеніе роты заставило непріятеля покинуть передовые завалы и отступить. Появленіе колонны полковника Симборскаго обезпокоило Шамиля и онъ сейчасъ же усилилъ мюридовъ, занимавшихъ Гимры еще 500 человѣкъ, вошедшихъ въ аулъ передъ вечеромъ, а ночью сюда явился и самъ Шамиль съ большею частью скопища, собраннаго въ Ашальтахъ. На слѣдующій день обѣ колонны соединились и Клугенау рѣшилъ немедленно атаковать горцевъ. Занявъ одной ротой пунктъ соединенія горныхъ тропинокъ, шедшихъ по лѣвому берегу Аварскаго Койсу изъ Гимръ и Ашальты въ Каранай, а другой ротой при одномъ орудіи и полсотнѣ казаковъ, входъ въ ущелье, гдѣ соединялись три дороги: изъ Караная, Ирганая и Эрпели въ Гимры, Клугенау тѣмъ самымъ вполнѣ обезпечилъ сообщеніе свое съ Темиръ-Ханъ-Шурою. Утромъ, 14-го сентября, для атаки Гимръ отрядъ раздѣленъ былъ на двѣ колонны: 1-я сильнѣйшая состояла изъ 1-й гренадерской, 1-й и 2-й мушкетерскихъ ротъ Апшеронскаго полка, 2-хъ ротъ Мингрельскаго, 3-хъ орудій, 50 казаковъ и 150 человѣкъ мусульманской милиціи, подъ личнымъ начальствомъ генерала Клугенау; она должна была атаковать Гимры со стороны Гимринскаго ущелья; другая колонна изъ 3-хъ ротъ сводnаго баталіона Апшеронцевъ, подъ начальствомъ маіора Волынскаго, спускалась прямо отъ родника по горной тропинкѣ къ аулу и, занявъ позицію на курганѣ примыкавшемъ къ кручѣ, ожидала тамъ послѣдствій фронтальной атаки. Генералъ Клугенау расчитывалъ, что обходное движеніе второй колонны, обративъ на себя вниманіе непріятеля, облегчитъ атаку главной колонны; когда же непріятель будетъ опрокинутъ въ ущелье, то она довершитъ побѣду при переходѣ горцами Аварскаго-Койсу. Имѣя предъ собою въ четверо сильнѣйшаго противника, расположившагося въ мѣстности, которую природа не поскупилась снабдить всѣмъ необходимымъ для упорной обороны, начальникъ отряда рѣшилъ разбить скопище и овладѣть Гимрами до наступленія ночи, а въ случаѣ неудачи, подъ покровомъ ея, отступить на прежнюю позицію. При входѣ въ ущелье войска построились въ боевой порядокъ: впереди стала Шамхальская милиція, а за нею вся пѣхота въ полувзводныхъ колоннахъ на двойныхъ дистанціяхъ, съ цѣлью возможно менѣе подвергаться мѣткимъ выстрѣламъ горцевъ и заставить ихъ предполагать большую численность отряда. Въ авангардѣ шла 2-я мушкетерская рота, подъ командою штабсъ-капитана Бѣлоярцева; за ней слѣдовала главная штурмовая часть — 1-я гренадерская рота, подъ командою поручика Евдокимова и 1-я мушкетерская — штабсъ-капитана Яковлева, при двухъ горныхъ единорогахъ. Резервъ составляли двѣ роты Мингрельскаго полка съ однимъ горнымъ единорогомъ и полсотней казаковъ. Пройдя съ версту отъ того мѣста, гдѣ въ 1832 году находились завалы Кази-Муллы, шедшая впереди Шамхальская милиція была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ; она остановилась и дала мѣсто 2-й мушкетерской ротѣ Апшеронцевъ, которая, выславъ впередъ застрѣльщиковъ, направилась противъ непріятельской позиціи; въ то же время изъ одного орудія открыли по горцамъ огонь гранатами. Непріятельская позиція состояла изъ малодоступныхъ утесовъ, расположенныхъ съ правой и съ лѣвой стороны вдоль по ущелью; какъ разъ противъ линіи наступленія выдвигался впередъ лѣсистый гребень съ устроенными на немъ завалами; за утесами, съ правой стороны, находились укрѣпленныя пещеры. До самаго момента атаки генералъ Клугенау не зналъ настоящаго расположенія непріятеля, такъ искусно оно маскировалось окружающими скалами; теперь приходилось производить рекогносцировку подъ перекрестнымъ огнемъ горцевъ. Разсмотрѣвъ вни-

мательно мѣстность, начальникъ отряда направилъ противъ уступовъ, занятыхъ горцами, вдоль лѣвой стороны ущелья, стрѣлковъ, а вправо — первый взводъ 1-й мушкетерской роты, подъ командою штабсъ-капитана Яковлева и при немъ часть милиціи; одновременно 1-й гренадерской ротѣ надлежало добѣжать до подошвы лѣсистаго гребня и атаковать главные непріятельскіе завалы. Давъ время стрѣлкамъ очистить отъ непріятеля уступы съ лѣвой стороны, а первому взводу 1-й мушкетерской роты и 1-й гренадерской ротѣ, приблизиться къ заваламъ, генералъ Клугенау быстро двинулъ впередъ остальныя войска; они шли съ барабаннымъ боемъ, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, вдоль по ущелью, производя это движеніе подъ прикрытіемъ огня изъ единороговъ, перемѣнявшихъ постепенно позиціи и осыпавшихъ горцевъ картечью. Разобщенные движеніемъ поименованныхъ частей и опасаясь обхода съ лѣваго фланга, горцы пришли въ смятеніе. Въ то же время передовая колонна (2-я мушкетерская рота и часть первой), направляемая штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба Пассекомъ, поддерживала стрѣлковъ. Одушевляемые примѣрами личной храбрости штабсъ-капитана Бѣлоярцева и подпоручика Виноградскаго, Апшеронцы опрокидывали непріятеля и постепенно приближались къ аулу. Смѣлое движеніе этихъ двухъ ротъ, а также 2-го взвода 1-й мушкетерской, отправленнаго въ обходъ непріятельскихъ заваловъ, лишило горцевъ бодрости и нѣкоторая часть ихъ оставила свою крѣпкую позицію. Въ то время, какъ происходилъ бой въ ущельи, гренадеры, подъ предводительствомъ испытанныхъ уже въ храбрости маіора Бельгарда и поручика Евдокимова, направляемые командиромъ полка, полковникомъ Симборскимъ, безъ выстрѣла бросились въ атаку на отчаянныхъ мюридовъ, защищавшихъ большіе завалы лѣсистаго гребня. Первыми ворвались въ завалы фельдфебеля Василій Матвѣевъ и Иванъ Видинѣевъ, подпрапорщикъ Александръ Лебедевъ, рядовые Иванъ Хмаренко и Никита Черныщевъ. Завязался страшный рукопашный бой, во время котораго мюриды не просили пощады а умирали подъ штыками. «*Фельдфебель Василій Матвѣевъ на глазахъ маіора Бельгарда и поручика Евдокимова закололъ штыкомъ 2-хъ горцевъ и отнялъ непріятельскій значекъ, но и самъ тутъ же упалъ раненый пулей въ ногу. Выбитый изъ заваловъ непріятель обратился въ бѣгство*» [11],

На пути отступленія горцевъ встрѣтилъ взводъ 1-й мушкетерской роты и опять произошла сильная рукопашная схватка. При этомъ выдѣлялись своею отвагою подпрапорщики: Константинъ Квятковскій, Петръ Ковальскій, Никита Ходжаевъ; унтеръ-офицеры: Даніилъ Хватовъ и Петръ Курзановъ; послѣдніе устремились вмѣстѣ съ рядовыми: Степаномъ Бѣляевымъ, Иваномъ Мироновымъ и Алексѣемъ Худовымъ на небольшой завалъ, въ которомъ засѣли мюриды, ворвались въ него и не оставили ни одного живаго горца.

Торжествующіе гренадеры и мушкетеры бросились по пятамъ за бѣгущими горцами; теперь цѣлью ихъ атаки сдѣлались высота, господствующая надъ Гимрами съ южной стороны, а также дорога шедшая черезъ горы въ Унцукуль. Скоро, какъ высота, такъ и дорога были въ нашихъ рукахъ. При этомъ нельзя пройти молчаніемъ слѣдующій эпизодъ. Съ южной стороны Гимръ, недалеко отъ прочихъ сакель, расположена была укрѣпленная небольшая башня, занятая мюридами, выстрѣлы которыхъ по штурмующимъ ротамъ производили среди нихъ уронъ. Тогда рядовые 1-й гренадерской роты Иванъ Аглинцевъ и Илья Базимъ съ нѣсколькими товарищами бросились къ башнѣ, разбили дверь и, ворвавшись внутрь башни, перекололи всѣхъ мюридовъ. Одновременно съ атакой лѣсистаго гребня, взводомъ роты Мингрельскаго полка взяты пещеры, а колонна Пассека овладѣла ближайшими садами и частью аула. Непріятель окончательно растерялся и продолжалъ отступать;

[11]) Дѣло № 227, особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

причемъ неоднократно мюриды поворачивались къ русскимъ и бросались въ шашки. Между тѣмъ, три роты сводная баталіона Апшеронскаго полка, посланныя для занятія кургана, встрѣтили неожиданное препятствіе: тропинка, по которой они шли въ двухъ мѣстахъ пересѣкалась глубокими балками, такъ что приходилось спускаться на веревкахъ. Прежде тутъ находился искусственный спускъ, но когда горцы замѣтили движеніе въ этомъ направленіи второй колонны, то они уничтожили спускъ и устроили за нимъ сильный завалъ. Баталіонъ остановился. Впередъ вышли унтеръ-офицеры: Степанъ Яворскій, Александръ Цопфъ, Фаддей Кузьминъ и Анисимъ Миляевъ: они вызвались уничтожить завалъ и положить снятый горцами мостикъ. Спустившись по веревкамъ внизъ, герои поползли къ непріятельскому завалу и бросились на озадаченныхъ и совсѣмъ не ожидавшихъ нападенія мюридовъ. Черезъ нѣсколько минутъ, завалъ былъ очищенъ, а затѣмъ устроенъ спускъ. Преодолѣвая всѣ препятствія, сводный баталіонъ занялъ гребень горъ, прилегающій къ Гимрамъ съ сѣверной стороны. Совокупное дѣйствіе нашихъ войскъ съ трехъ сторонъ и огонь изъ единороговъ заставили непріятеля снять значки, оставить укрѣпленныя сакли и завалы, устроенные въ тѣсныхъ улицахъ и искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи; скоро отступленіе превратилось въ настоящее бѣгство. Впрочемъ, чрезвычайное утомленіе войскъ, послѣ двухъ часоваго боя въ трудной мѣстности, спасло горцевъ, отъ окончательной гибели и они успѣли переправиться черезъ Койсу. Въ нашихъ рукахъ осталось 63 тѣла; общая же потеря непріятеля, по показаніямъ лазутчиковъ, превышала 300 человѣкъ. Наша потеря заключалась въ 10-ти убитыхъ рядовыхъ, ранено 37 нижнихъ чиновъ и контужено 12 [12]. Это кажется единственное большое дѣло, когда по счастливой случайности, не ранили ни одного офицера, не смотря на то, что они всегда находились впереди.

Пораженіе скопища Шамиля было полное; благодаря умѣло веденной атакѣ, все скопище горцевъ, въ числѣ 6.000 человѣкъ, раздѣлилось на три части и по частямъ разбито на голову. Главная масса непріятеля бѣжала къ Ашальтинскому мосту, значительная партія скрылась въ горахъ между Гимрами и Унцукулемъ и, наконецъ, остальная часть, съ двумя значками, искала спасенія по скаламъ вдоль ущелья.

Дѣйствуй унцукульцы согласно приказанію генерала Клугенау, они могли преградить дорогу бѣгущему непріятелю и окончательно уничтожили бы мюридовъ. Но вмѣсто того унцукульцы бросились на лагерь непріятеля у Ашальты и угнали 40 лошадей. Ахметъ-ханъ не поспѣлъ къ бою и прибылъ только на другой день.

15-го сентября Шамиль, получивъ сильное подкрѣпленіе изъ Игали, рѣшился сдѣлать нападеніе на часть войскъ, расположенную впереди Гимръ, — здѣсь стояли роты 4-го баталіона Апшеронскаго полка. Но планъ его неудался и вотъ почему. Еще вечеромъ 14-го числа команда охотниковъ Апшеронскаго полка въ 60 человѣкъ и часть милиціи отправлены были подъ начальствомъ поручика Волжинскаго къ Ашальтинскому мосту для рекогносцировки и наблюденія за непріятелемъ. На разсвѣтѣ охотники замѣтили движеніе полчищъ Шамиля; Волжинскій немедленно отправилъ въ лагерь донесеніе о появленіи непріятеля, а самъ остался на позиціи, чтобы по возможности удержать быстрое наступленіе горцевъ. Въ совершенной тишинѣ ожидали охотники приближенія многочисленныхъ враговъ. Когда передняя партія подошла уже на полъ-ружейнаго выстрѣла, то охотники, сдѣлавъ залпъ, бросились на нее въ штыки. Первая партія была опрокинута и совершенно смята; но за ней двигались другія съ Шамилемъ; было бы безразсудствомъ вступать съ ними въ бой и Волжинскій началъ отступать къ Гимрамъ. Нѣсколько разъ мюриды бросались въ

[12]) Донесеніе генералъ-маіора Клугенау № 272. Дѣло № 37, 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

шашки на охотниковъ, но Апшеронцы отбивали ихъ штыками. Когда толпы непріятеля совершенно окружили охотниковъ, то унтеръ-офицеры Константинъ Улыбинъ и Александръ Бѣлоусовъ бросились съ нѣсколькими другими на находившихся впереди горцевъ; они убили одного изъ предводителей, другаго сбросили съ кручи, а затѣмъ вступили въ рукопашный бой съ мюридами, во время котораго Улыбинъ былъ раненъ шашкой въ голову, а Бѣлоусовъ ружейною пулею въ ногу навылетъ; «перевязавъ себѣ раны, они оба возвратились въ строй въ полномъ вооруженіи и аммуниціи» [13]. Когда охотники подходили къ Гимрамъ, то изъ числа ихъ отдѣлились съ нѣсколькими товарищами унтеръ-офицеры Давыдовъ и Шкуринъ и пошли въ обходъ горцамъ. «Пройдя въ тылъ непріятелю, они бросились на горцевъ въ штыки, причемъ Давыдовъ закололъ трехъ мюридовъ, а остальные каждый по два мюрида, послѣ чего Давыдовъ съ товарищами благополучно присоединилися къ командѣ» [14].

Встрѣченные залпами своднаго баталіона и картечью изъ единороговъ, толпы непріятеля разсѣялись. Потерпѣвъ полную неудачу, Шамиль удалился въ гумбетовское селеніе Мехельты.

Блистательный успѣхъ нашихъ войскъ при взятіи Гимръ произвелъ большое впечатлѣніе на горцевъ; почти всѣ жители этого аула оставили имама и пришли къ генералу Клугенау просить пощады. Хотя Клугенау и простилъ гимринцевъ, но взялъ отъ нихъ клятву помириться съ унцукульцами и дѣйствовать сообща противъ Шамиля.

Побѣда наша возимѣла нѣкоторое дѣйствіе и на чиркеевцевъ; они возвратили захваченныя ими у ишкартинцевъ стада барановъ и освободили взятое въ плѣнъ семейство Али-Султана янги-юртовскаго.

Въ ночь на 17-е сентября отрядъ, со всѣми предосторожностями, выступилъ изъ Гимръ и занялъ позицію у Гимринскаго родника, а 18-го возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру [15].

На нѣкоторое время въ Дагестанѣ наступило затишье. Шамиль, видя, что каждая открытая встрѣча его скопищъ съ русскими войсками оканчивается весьма плачевно, сдѣлался еще осторожнѣе, избѣгалъ нашихъ отрядовъ и на время оставилъ Дагестанъ въ покоѣ. Послѣ гимринскаго погрома чиркеевцы, бывшіе прежде поголовно слѣпыми исполнителями воли своего предводителя, раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ склонялась на сторону Русскихъ, а другая, состоявшая преемущественно изъ мюридовъ, дѣйствовала въ пользу Шамиля. Хотя такое разномыслiе и указывало на перемѣну настроенія въ умахъ чиркеевцевъ, однако генералъ Клугенау находилъ истребленіе аула Чиркея мѣрой крайне необходимой, ибо всѣ сосѣднія общества, какъ-то: Салатавское, Ауховское, Мичикальское и Качкалыковское только и ждали покоренія Чиркея, чтобы самимъ изъявить покорность [16].

Въ концѣ 1840 года Шамиль вновь открылъ военныя дѣйствія. 25-го ноября онъ прибылъ съ значительной партіей изъ Салатавіи въ Міатлы, сжегъ этотъ аулъ и затѣмъ обложилъ съ 3-хъ сторонъ Міатлинское укрѣпленіе, гдѣ стояла гарнизономъ 11-я мушкетерская рота Апшеронскаго полка. Въ продолженіи трехъ дней горцы держали укрѣпленіе въ осадномъ положеніи, при чемъ нѣсколько разъ днемъ и ночью пытались взять его штурмомъ; но всѣ попытки непріятеля не имѣли успѣха: скопища разгонялись орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Узнавъ что генералъ Клугенау выступилъ изъ Шуры съ двумя баталіо-

[13]) Дѣло № 227 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[14]) Тамъ же.
[15]) Дѣло № 37, 2-го отдѣла Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[16]) Тамъ-же, донесеніе генерала Клугенау № 342.

нами на выручку гарнизона, а съ лѣваго фланга Кавказской линіи двигается генералъ-маіоръ Ольшевскій съ 5-го баталіонами и 2-мя орудіями, Шамиль поспѣшно отступилъ въ Чиркей, гдѣ сталъ собирать значительную партію, съ цѣлью вторгнуться въ Койсубу.

Въ заключеніе сдѣлаемъ обзоръ всѣхъ военныхъ событій въ Сѣверномъ Дагестанѣ за 1840 годъ.

Возстаніе въ Чечнѣ весною 1840 года заставило обратить противъ нея большую часть войскъ Сѣвернаго Дагестана, такъ что тамъ остались только 4-й и 5-й баталіоны Апшеронскаго полка, ослабленные укомплектованіемъ первыхъ трехъ: въ строй въ обоихъ баталіонахъ могло выйти не болѣе 1.100 человѣкъ. — Два баталіона Апшеронцевъ вмѣстѣ съ 13-мъ линейнымъ должны были занимать Хунзахъ, Зыряны, Міатлинскій блокгаузъ, Казіюртъ, Бурундукъ-кале, Шуру и крѣпость Бурную. При такихъ условіяхъ, генералъ Клугенау имѣлъ возможность вывести для военныхъ дѣйствій только 600 человѣкъ пѣхоты при 2-хъ полевыхъ и 2-хъ горныхъ орудіяхъ, да человѣкъ 50 казаковъ, собранныхъ съ разныхъ постовъ. Въ распоряженіи Клугенау состояло еще нѣсколько сотъ человѣкъ мусульманской милиціи, но на нее особенно полагаться нельзя было. Генералъ Клугенау сознавалъ всю опасность своего положенія среди враждебнаго намъ населенія и съ обычной ему опытностію замѣнялъ малочисленность войскъ, весьма зоркимъ наблюденіемъ за всѣми дѣйствіями возмутителей, предупреждалъ ихъ намѣренія, а иногда рѣшительными и весьма смѣлыми предпріятіями съ горстью солдатъ уничтожалъ зло въ самомъ его зародышѣ. Успѣху такого образа дѣйствій много способствовало обаяніе и популярность, которыми пользовался этотъ генералъ между дагестанцами. Начиная все болѣе и болѣе пріобрѣтать вліяніе надъ умами безхарактерныхъ горцевъ, Шамиль, слѣдуя вновь принятой имъ системѣ войны, хотѣлъ сначала обрушиться на Кумыкскія владѣнія и отбить находившіяся здѣсь стада барановъ (до 100.000 штукъ). Но первое-же его серьезное покушеніе окончилось неудачею. Однако Шамиль не долго оставался въ бездѣйствіи. Въ то время, какъ Чеченскій отрядъ былъ занятъ постройкой Герзельаульскаго укрѣпленія, Шамиль бросился въ сѣверный Дагестанъ, въ тотъ моментъ почти совершенно беззащитный. Горцы уже забыли о погромѣ въ 1839 году и, слѣдуя своимъ инстинктамъ, только и мечтали о новой борьбѣ съ русскими; слѣдовательно имамъ явился во время и безъ всякаго труда поднялъ волненіе въ Нагорномъ Дагестанѣ. Впрочемъ, направляясь въ Дагестанъ, онъ имѣлъ совершенно другую цѣль: ему нужно было отвлечь изъ Большой Чечни отрядъ генерала Галафѣева. Скоро вся Салатавія и племена жившія по Андійскому Койсу взялись за оружіе. Толпы мюридовъ стали сосредоточиваться у Чиркея—этого центра мятежа; сюда-же прибыли съ чеченцами Джаватъ-ханъ, Ташевъ-Хаджи, Фей-Мулла и другіе сподвижники имама. Первой задачей непріятеля являлось овладѣніе аулами Ишкарты, Каранай и Эрпели, чтобы имѣть свободный доступъ какъ въ Шамхальскія владѣнія, такъ и въ Койсубу, а затѣмъ, по успѣшномъ окончаніи этого предпріятія, двинуться къ Дербенту. Въ началѣ іюля, Шамиль со скопищемъ около 9.000 человѣкъ двинулся изъ Чиркея въ Шамхальскія владѣнія. Генералъ Клугенау ясно сознавалъ, что разъ Шамиль будетъ имѣть успѣхъ, то чрезъ нѣсколько дней его скопище возрастетъ до 20.000, ибо даже и покорныя намъ общества только и ожидали появленія имама, чтобы возстать. Поэтому Клугенау рѣшилъ предупредить непріятеля, и не взирая на весьма ограниченное число имѣвшихся у него подъ рукою войскъ, выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на встрѣчу горцамъ.

10-го іюля 650 человѣкъ пѣхоты при одномъ орудіи вступили въ бой при аулѣ Ишкартахъ съ 9-ю тысячами горцевъ. Цѣлый день продолжалась битва, во время которой дикое

изступленіе фанатиковъ разбивалось о несокрушимую стойкость и героизмъ русскихъ солдатъ: непріятель, не смотря на громадный численный перевѣсъ, если и не потерпѣлъ окончательнаго пораженія, то во всякомъ случаѣ не могъ и шагу двинуться впередъ. Шамиль оставилъ Дагестанъ и скопища его разошлись. Но потерпѣвъ въ Ишкартахъ неудачу, онъ не на долго успокоился. Въ началѣ августа Шамиль появляется въ Аваріи, въ надеждѣ до прихода русскихъ, возмутить весь край; ему и удалось уже склонить на свою сторону 8 ауловъ, когда движеніе летучей колонны, генералъ-маіора Клугенау положило предѣлъ его успѣхамъ и заставило отступить въ Чиркей. Желая поддержать упавшій духъ своихъ мюридовъ, озадаченныхъ постоянными неудачами, имамъ совершенно не ожиданно бросился на Кумыкскія владѣнія, раззорилъ Чиръ-Юртъ, Янги-Юртъ и взялъ отсюда аманатовъ. Но этимъ и ограничились успѣхи Шамиля: движеніе отряда нашего изъ Шуры, заставило непріятеля искать спасенія въ Алмалаусскомъ хребтѣ, откуда онъ отступилъ въ Чиркей. Однако всѣ описанныя неудачи Шамиля нисколько не ослабили его энергіи; напротивъ, каждая изъ нихъ вызывала въ немъ еще большую дѣятельность къ борьбѣ съ русскими. Нужно замѣтить, что неудачи не имѣли сильнаго вліянія и на народъ; правда, каждая побѣда наша производила нѣкоторое впечатлѣніе на горцевъ, но довольно было Шамилю отправить къ нимъ одно изъ своихъ воззваній, или появиться самому, какъ впечатлѣніе неудачи окончательно изглаживалось. Сейчасъ же по возвращеніи изъ Янги-Юрта въ Чиркей, Шамиль послалъ прокламаціи къ салатавцамъ, гумбетовцамъ, андійцамъ, боголяльцамъ, джемаляльцамъ и друг. съ приказаніемъ собрать отъ каждыхъ 3-хъ домовъ по одному вооруженному человѣку для новыхъ набѣговъ. Собравшееся ополченіе 7-го сентября двинулось къ Гимрамъ и заняло этотъ аулъ. Намъ уже извѣстны результаты новаго предпріятія Шамиля. Ни страшно трудная мѣстность Гимринскаго ущелья, ни укрѣпленія аула, ни завалы, ни пещеры и даже превосходство силъ непріятеля, не могли удержать безусловно геройской и стремительной атаки русскихъ солдатъ, предводимыхъ такимъ храбрымъ и опытнымъ генераломъ, каковъ былъ Клугенау. Набѣгъ на Міатлы и осада Міатлинскаго блокгауза — вотъ финалъ военныхъ дѣйствій со стороны горцевъ въ 1840 году. Резюмируя всѣ дѣйствія наши и Шамиля за 1840 годъ, трудно не сознаться, что не смотря на частные успѣхи, въ общемъ годъ этотъ все таки представлялся скорѣе благопріятнымъ для Шамиля, чѣмъ для насъ, ибо вліяніе имама среди народа оказалось значительно сильнѣе, чѣмъ въ прошлые годы; вліяніе сдѣлалось на столько сильно, что его не могли уже поколебать даже постоянныя неудачи и къ концу года ни одно изъ возставшихъ обществъ не изъявило покорности.

Для Апшеронскаго полка 1840 годъ — одинъ изъ выдающихся и замѣчательно счастливый: не проходило ни одной встрѣчи съ непріятелемъ, изъ которой находившіяся въ дѣлѣ части полка не вышли бы побѣдителями, начиная съ дѣла Вагнера съ огромнымъ скопищемъ чеченцевъ у Науруза и кончая славнымъ боемъ у Гимръ. Вездѣ въ описаніи болѣе замѣчательныхъ дѣлъ встрѣчаются только Апшеронцы, которыхъ какъ генералъ-маіоръ Клугенау, такъ и генералъ-адъютантъ Граббе называютъ въ донесеніяхъ къ командиру корпуса и Военному Министру «храбрые Апшеронцы».

Въ концѣ года вышли награды за дѣла у Ишкартовъ и Гимръ. За Ишкарты получили: командиръ 1-го баталіона маіоръ Бельгардъ орденъ св. Георгія 4-го класса; штабсъ-капитанъ Ждановъ, поручикъ Ключаревъ и подпоручикъ Нащинскій — ордена св. Станислава 3-й степени; подпоручикъ Здоровенко — св. Анны 4-й степени.

Чины прапорщика: Михаилъ Брамъ, Князь Дмитрій Анановъ, Павелъ Осиповъ, Алексѣй Войткевичъ, Сигизмундъ Раковскій и Бернардъ Пилязовскій, произведены въ подпрапорщики: унтеръ-офицеры Петръ Худѣевъ и Феликсъ Маркевскій.

Получили знаки отличія военнаго ордена: унтеръ-офицеры: Тихонъ Федоровъ, Федоръ Котляровъ, Петръ Гераскинъ, Семенъ Осадчевъ, Григорій Ширяповъ; рядовые: Тихонъ Наумовъ, Семенъ Роевъ, Леонтій Цибинскій, Семенъ Мохревскій, Анисимъ Сердюковъ, Тимофѣй Щупловъ, Алексѣй Ивановъ, Викторъ Обуховъ, Василій Абрамовъ, Василій Григорьевъ, Семенъ Берендѣевъ, Семенъ Плескечъ, Андрей Марковъ, Аксенъ Бѣлолипитскій, Василій Васильченко, Емельянъ Добренко, Василій Быковъ и Михаилъ Кузнецовъ 17).

За дѣло у аула Гимры: командиръ полка полковникъ Симборскій получилъ св. Анны 2-й степени съ короною, штабсъ-капитанъ Бѣлоярцевъ — св. Анны 3-й степени, штабсъ-капитанъ Яковлевъ — св. Станислава 3-й степени; штабсъ-капитанъ Лункевичъ, поручикъ Колокольцевъ и поручикъ Волжинскій — слѣдующіе чины; остальные всѣ, какъ-то: маіоръ Волынскій, капитанъ Смирницкій, поручики: Евдокимовъ, Витковскій, Колтовскій; подпоручикъ Виноградскій; прапорщики: Ракитинъ и Ставриковъ — Монаршее благоволеніе. Фельдфебель Виденѣевъ, какъ имѣвшій всѣ степени знака отличія военнаго ордена — единовременно 30 рублей серебромъ, унтеръ-офицеръ Василій Аксентьевъ — 20 рублей серебромъ и рядовой Абрамъ Никифоровъ — 10 рублей серебромъ; вторыя трети прибавочнаго содержанія по знаку отличія военнаго ордена (третья степень): унтеръ-офицеръ Матвѣй Давыдовъ и рядовые: Иванъ Мироновъ и Андрей Алексѣевъ. Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени: фельдфебель Иванъ Казанцевъ; унтеръ-офицеры: Даніилъ Хватовъ, Петръ Курзаевъ, Францъ Миколаевичъ, Фаддей Кузьминъ, Степанъ Леонтьевъ; рядовые: Степанъ Бѣляевъ, Алексѣй Зубовъ, Евстафій Монаковъ, Яковъ Страчиловъ, Артемій Шкуринъ, Константинъ Улыбинъ, Александръ Бѣлоусовъ, Иванъ Аглинцевъ, Илья Безгинъ, Иванъ Хмаренко, Никита Чернышевъ и барабанщикъ Алексѣй Васильевъ. Кромѣ того пожаловано еще 15 знаковъ военнаго отличія, которые розданы: портупей-прапорщику Василію Зыбину, унтеръ-офицерамъ: Яну Минѣ, Лукѣ Ландину, Тимофѣю Бѣляеву, Ивану Политову, Назару Кузьмину и Григорію Хитрову; рядовымъ: Сидору Караваеву, Прохору Землячкину, Трофиму Петрову, Пимену Михайлову, Алексѣю Васильеву, Михаилу Иванову, Алексѣю Макарову и Андрею Соколову 18).

Но Государь Императоръ не ограничилъ этимъ свои милости: за славное дѣло у Ишкартовъ 10-го іюля онъ пожаловалъ каждому изъ нижнихъ чиновъ по 1-му рублю и по чаркѣ водки 19).

17) Дѣло № 180. Особое отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
18) Дѣло № 227. Особое отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
19) Дѣло № 10. Особое отдѣленіе Походной Канцеляріи. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Вторая.

Необходимость постройки укрѣпленія у Чиркея. — Составъ Дагестанскаго отряда и задачи его. — Приготовленія къ походу. — Хаджи-Муратъ. — Измѣна его русскому правительству. — Расположеніе Апшеронскаго полка. — Волненія въ Аваріи. — Просьба правителя Аваріи о помощи. — Выступленіе 2-го баталіона въ Аварію. — Движеніе къ Цельмесу. — Расположеніе аула Цельмеса. — Приготовленія къ штурму. — Цельмесскій бой. — Взятіе аула. — Бездѣйствіе милиціи. — Отступленіе. — Потери Апшеронцевъ и горцевъ. — Донесеніе Пассека. — Результаты сраженія у Цельмеса. — Выдержки изъ донесенія генерала Клугенау. — Отзывы генераловъ Головина и Клугенау о дѣйствіяхъ Апшеронскаго баталіона. — Расположеніе полка въ мартѣ мѣсяцѣ. — Мѣры для обороны Аваріи и Койсубу. — Дѣйствія Чиркеевскаго отряда. — Выступленіе изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. — Раздѣленіе отряда на двѣ колонны. — Движеніе первой колонны къ Ахатлинской переправѣ. — Неудачная попытка устроить переправу войскъ. — Потери авангарда. — Разбитіе скопищъ Шамиля на Хубарскихъ высотахъ и занятіе Чиркея. — Постройка Евгеніевскаго укрѣпленія. — Его назначеніе. — Движеніе въ Аухъ. — Роспускъ Чиркеевскаго отряда. — Рѣшеніе оставить въ Аваріи баталіонъ Апшеронцевъ. — Отправленіе въ Аварію 3-го баталіона. — Усиленіе Шамиля. — Положеніе дѣлъ въ Аваріи. — Расположеніе полка въ ноябрѣ. — Измѣна Унцукуля и движеніе своднаго баталіона Апшеронцевъ къ Зырянамъ. — Геройское дѣло команды Апшеронскаго полка. — Движеніе 3-го баталіона къ аулу Моксоху. — Штурмъ и взятіе Моксоха. — Осада горцами Новаго-Гоцатля. — Геройская защита и смерть капитана Лункевича. — Сосредоточеніе войскъ у Цатаныха. — Рекогносцировка авангардомъ Бетлетской горы. — Взятіе аула Бетлы. — Отступленіе отъ Бетлы и занятіе Игалинскаго перевала. — Оборонительныя мѣры на зиму. — Дѣло команды подпоручика Ошмянца. — Отбитіе скопища и потери Апшеронцевъ. — Нападеніе непріятеля на Цатаныхъ. — Нападеніе на транспортъ. — Донесеніе генерала Клугену объ опасномъ положеніи края. — Описаніе штабъ-квартиры полка. — Смертность въ полку. — Награды.

Еще въ прошломъ году, нѣсколько разъ возбуждался вопросъ о занятіи аула Чиркея и объ устройствѣ около него сильнаго укрѣпленія. Вопросъ этотъ былъ настолько важенъ, что въ предположеніяхъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ 1841 году, ему отводятъ первое мѣсто. Большой и богатый аулъ Чиркей, занимая центральное положеніе между Сѣвернымъ и Нагорнымъ Дагестаномъ и Чечнею, имѣлъ всегда вліяніе на сосѣднія общества; когда же Шамиль сдѣлалъ Чиркей своею резиденціею, то вліяніе это еще болѣе увеличилось. Нужно замѣтить, что чиркеевцы никогда не отличались покорностью русскому правительству, если не считать покорностью ту номинальную зависимость, которая всегда улетучавалась, какъ только появлялись наши войска передъ Чиркеемъ.

Послѣ взятія Ахульго въ 1839 году, генералъ-адъютантъ Граббе, убѣдившись лично въ ненадежности чиркеевцевъ, выразившейся въ коварномъ нападеніи на авангардъ отряда, предположилъ построить на правомъ берегу рѣки Сулака, какъ разъ напротивъ аула, укрѣпленіе; но позднее время года и утомленіе войскъ не позволили исполнить это предпріятіе. Ровно черезъ годъ тотъ же вопросъ опять выступаетъ на сцену. Въ концѣ 1840 г. предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ на 1841 годъ получили Высочайшую санкцію, и кавказское начальство приступило къ военнымъ приготовленіямъ. Назначенный для дѣйствій въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ отрядъ состоялъ изъ 12 баталіоновъ 19-й пѣхотной дивизіи (въ томъ числѣ четыре баталіона Апшеронцевъ, отъ 750 до 800 человѣкъ каждый), 32 орудій, 9 1/2 сотенъ конницы (въ томъ числѣ дивизіонъ драгунъ Нижегородскаго полка) и двухъ ротъ Кавказскаго сапернаго баталіона. Цѣль дѣйствій Дагестанскаго отряда должна

была заключаться въ занятіи Чиркея и постройкѣ тутъ укрѣпленія. По занятіи аула, два баталіона отдѣлялись изъ отряда для постройки Низоваго укрѣпленія[1]), а 3 баталіона для работъ по укрѣпленію Темиръ-Ханъ-Шуры. Дальнѣйшія дѣйствія войскъ находились въ зависимости отъ положенія края и обстоятельствъ. Хотя Дагестанскій отрядъ и имѣлъ самостоятельную роль, тѣмъ не менѣе, для достиженія общей задачи, т. е. усмиренія Нагорнаго Дагестана и Чечни, онъ находился въ связи съ войсками, дѣйствовавшими со стороны Чечни; оба отряда обязаны были помогать другъ другу. Одновременное наступленіе отрядовъ, одного отъ крѣпости Грозной въ Чечню, а другаго отъ крѣпости Внезапной къ Чиркею раздѣляло силы непріятеля на двѣ части, чѣмъ облегчалось предпріятіе съ обѣихъ сторонъ. Впрочемъ, командиръ корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Головинъ, не рекомендовалъ увлекаться совокупностью дѣйствій, ибо подобное увлеченіе могло удалить каждый отрядъ отъ спеціальной его задачи. Открытіе дѣйствій назначено было въ концѣ апрѣля, а до того времени свозился провіантъ, заготовлялись сухари (при Апшеронскомъ полку заготовлено 2.000 четвертей сухарей), подвозились боевые припасы, шанцевый инструментъ и медикаменты. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ устроили госпиталь на 800 человѣкъ, въ Дербентѣ и Внезапной на 200, а въ Кубѣ на 600 человѣкъ. Для подвоза провіанта и боевыхъ запасовъ сформированъ подвижной транспортъ изъ 72 повозокъ и нанято 500 арбъ[2]).

Прежде чѣмъ приступить къ описанію самой экспедиціи, очертимъ положеніе дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ началѣ 1841 года. Изъ всѣхъ ауловъ общества Койсубу не было ни одного, который сохранилъ бы дѣйствительную покорность намъ. Благодаря убѣжденіямъ Шамиля и опасаясь за участь свою, унцукульцы примкнули къ мюридамъ; въ Гимрахъ имамъ имѣлъ массу приверженцевъ; наконецъ, и большая часть Аваріи приняла сторону мюридовъ. Послѣднему обстоятельству много способствовало слѣдующее счастливое для Шамиля событіе. Въ 1834 г., въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ убійствѣ имама Гамзатъ-бека, находился нѣкій Хаджи-Муратъ, человѣкъ храбрый, очень умный и преданный нашему правительству. Его заслуги цѣнили, и онъ награжденъ былъ чиномъ прапорщика и орденомъ. Въ 1840 г., правитель Аваріи Ахметъ-ханъ-Мехтулинскій нѣсколько разъ доносилъ генералъ-маіору Клугенау, что Хаджи-Муратъ измѣняетъ намъ и вошелъ въ тайное сношеніе съ Шамилемъ. Такъ какъ Хаджи-Муратъ имѣлъ вліяніе среди аварцевъ, то Клугенау, опасаясь, чтобы онъ не употребилъ этого вліянія во вредъ русскимъ приказалъ арестовать его. Приказаніе было исполнено: Хаджи-Мурата арестовали и отправили подъ конвоемъ въ Шуру. Но на пути Хаджи-Мурату удалось бѣжать. Насколько правдивы были донесенія Ахмета-хана относительно измѣны Хаджи-Мурата, вопросъ весьма темный. Но за то послѣ бѣгства, онъ въ дѣйствительности измѣнилъ русскимъ, предложилъ свои услуги Шамилю и вызвался возмутить всю Аварію. Шамиль чрезвычайно обрадовался неожиданному союзнику и въ знакъ особаго расположенія своего отправилъ ему лошадь и бурку.

27-го декабря Клугенау получилъ извѣстіе, что въ Аварію должны вторгнуться Шамиль, Хаджи-Муратъ и со стороны Карадахскаго моста Кибитъ-Магома Тилитлинскій. Но для противодѣйствія замысламъ мюридовъ, у генерала Клугенау было слишкомъ мало средствъ. Въ распоряженіи его находился Апшеронскій полкъ, который размѣщался слѣдующимъ образомъ: двѣ роты отправлены были въ Низовое укрѣпленіе; одна рота находилась на Озеньскомъ посту, для поддержанія сообщенія Дагестана съ Кавказской линіей; одна рота занимала Міатлинское укрѣпленіе и одна рота стояла въ Казіюртѣ; слѣдо-

[1]) Нынѣ городъ Петровскъ.

[2]) Дѣло № 3. 2 Отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

вательно генералъ Клугенау могъ располагать только 10 ротами, а оставивъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ гарнизонъ изъ трехъ ротъ, для военныхъ дѣйствій оставалось всего 7 ротъ. Въ другое время Клугенау не задумался бы двинуться противъ мятежниковъ и съ такими, въ сущности незначительными, силами, но въ данный моментъ этому препятствовали слѣдующія, весьма важныя причины: во-первыхъ, удаленіе въ глубь горъ большинства войскъ Сѣвернаго Дагестана открывало Шамхальскія владѣнія для безнаказаннаго вторженія непріятельскихъ партій; во-вторыхъ, глубокіе снѣга въ горахъ представляли неодолимую преграду движенію отряда черезъ Балаканское ущелье и, наконецъ, какъ доносилъ комендантъ Зырянскаго укрѣпленія, переправа черезъ Койсу повреждена была льдомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ и принявъ въ соображеніе явную измѣну койсубулинцевъ, движеніе въ Аварію являлось дѣломъ слишкомъ рискованнымъ; къ счастью, обстоятельства складывались пока въ нашу пользу: такъ напримѣръ, Шамиль еще не рѣшился двинуться въ Аварію и Хаджи-Муратъ послѣ неудачнаго нападенія на аулъ Инкурдахъ, отступилъ къ укрѣпленному аулу Цельмесу [3]. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы предсказать почти безошибочно, что Хаджи-Муратъ не оставитъ своихъ попытокъ и что сопротивленіе Аварцевъ будетъ не долговременно. Поэтому командующій войсками Сѣвернаго Дагестана, вмѣстѣ съ просьбой объ усиленіи войскъ, указывалъ на Аварію, какъ на театръ будущихъ военныхъ дѣйствій. Укрѣпившись въ Цельмесѣ, Хаджи-Муратъ послалъ къ Шамилю письмо съ просьбой прибыть къ нему на помощь какъ можно скорѣе, а самъ тѣмъ временемъ разсылалъ воззванія къ аварцамъ, убѣждая ихъ къ возстанію.

Для дѣйствій противъ Хаджи-Мурата, Ахметъ-ханъ Мехтулинскій собралъ до 500 человѣкъ милиціи и просилъ генерала Клугенау о присылкѣ въ Аварію пѣхоты для поддержки милиціонеровъ. Вскорѣ Ахметъ-ханъ пріѣхалъ въ Шуру и вторично обратился съ тою же просьбою къ командующему войсками; онъ вызывался уничтожить Хаджи-Мурата собственной милиціей, съ тѣмъ только, чтобы русскіе войска находились при атакѣ аула Цельмеса въ видѣ резерва; обѣщался дѣйствовать рѣшительно, «но для нравственной поддержки просилъ дать ему только двѣ роты» [4]. Уничтоженіе въ зародышѣ замысловъ Хаджи-Мурата было дѣломъ настолько важнымъ, что генералъ-маіоръ Клугенау рѣшилъ отправить въ Аварію, небольшой отрядъ состоявшій изъ 2-го баталіона Апшеронскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ и двухъ кегорновыхъ мортиркахъ, подъ командою подполковника Вагнера. Не расчитывая на особенно успѣшное дѣйствіе мусульманской милиціи, Клугенау поручилъ Вагнеру наблюдать за ходомъ дѣлъ при атакѣ Цельмеса и, выбравъ удобный моментъ, нанести непріятелю рѣшительный ударъ. Кромѣ истребленія партій Хаджи-Мурата, командующій войсками поручилъ Вагнеру защиту Аваріи. Послѣдняя задача возлагалась на Апшеронцевъ до тѣхъ поръ, пока Аварцы будутъ намъ вѣрны; если же они начнутъ измѣнять, то Вагнеръ, увеличивъ гарнизонъ Хунзаха одной ротой, съ остальными тремя долженъ былъ возвратиться въ Шуру. 28-го января Апшеронцы выступили въ Аварію. Съ отрядомъ отправился въ Хунзахъ генералъ-маіоръ Бакунинъ, инспектировавшій укрѣпленія въ Дагестанѣ.

Сильный холодъ, трудныя дороги, похожія больше на тропинки и гололедица чрезвычайно затрудняли движеніе; на привалахъ и ночлегахъ солдаты не могли достать дровъ, чтобы хотя немного согрѣться, ибо эта часть Дагестана не изобилуетъ лѣсомъ. Послѣ трехъ дней утомительнаго и сопряженнаго со всевозможными лишеніями марша, отрядъ 1-го

3) Донесеніе Клугенау № 1. Дѣло № 11, 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.

4) Рапортъ генерала Клугенау корпусному командиру № 28. Дѣло № 11, 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

февраля прибылъ въ Хунзахъ. На другой день лазутчики дали знать, что Хаджи-Муратъ готовится 10-го февраля произвести въ Аварію вторженіе и ожидаетъ къ себѣ партій Голбацъ-Дебира, Кибитъ-Магомы и Шамиля. Въ виду этого, генералъ маіоръ Бакунинъ, собравшійся отправиться въ Зыряны, остался въ Хунзахѣ, съ цѣлью руководить дѣйствіями отряда, «полагая, что опытность его будетъ не безполезна» 5). Съ разсвѣтомъ, 4 февраля находившійся при отрядѣ генеральнаго штаба капитанъ Пассекъ отправленъ былъ къ Цельмесу, чтобы произвести рекогносцировку дорогъ, ведущихъ къ этому аулу. Рекогносцировка показала, что самая удобная дорога проходитъ черезъ аулы: Ободу, Ахалчи и Цалкиту; отъ послѣдняго аула она продолжалась подъ самую кручу по отлогости ручья. Аулъ Цельмесъ расположенъ надъ глубокимъ оврагомъ, который тянется вдоль западной стороны Аварской долины, въ разстояніи полъ-часа ходьбы отъ мирныхъ ауловъ. Онъ стоялъ на уступѣ горы; съ южной стороны его находилась круча, а съ западной весьма крутая покатость. Отъ Цельмеса шли дороги въ непокорные аулы: Орота, Тлохъ, Хараки и Мушалу, а отсюда въ Карату, Анхило, Технуцалъ и другіе. Хаджи-Муратъ, сознавая важность Цельмеса, какъ пункта, стоявшаго на границѣ покорныхъ и непокорныхъ обществъ, старательно укрѣпилъ и безъ того уже малодоступную отъ природы мѣстность. Примыкавшія къ Цельмесу высоты образовывали очень узкій входъ въ него; отъ входа до южной покатости клинообразно расположенный аулъ защищался 7-ю рядами заваловъ и обстрѣливался перекрестнымъ огнемъ: изъ мечети, трехъ-этажнаго зданія и изъ верхняго яруса большой башни, расположенной нѣсколько позади на отдѣльной высотѣ, съ трехъ сторонъ ограниченной кручами. Дорога къ Цельмесу оказалась совершенно не разработанной и кромѣ того завалена снѣгомъ, вслѣдствіе чего полевыя орудія пришлось оставить въ Хунзахѣ. Въ ночь съ 4-го на 5-е февраля 2-й баталіонъ Апшеронцевъ съ двумя горными единорогами выступилъ къ Цельмесу. Чтобы совершенно окружить Хаджи-Мурата, Мехтулинская и Аварская милиціи, въ числѣ 1.000 человѣкъ, выступили немного раньше и раздѣлились на три части: одна часть спустилась отъ аула Сіуха въ самое ущелье, съ цѣлью отрѣзать сообщеніе съ аулами Мушала, Хараки, Карата и Андіей, другая часть направилась къ аулу Гамаши, черезъ который могло прійти подкрѣпленіе непріятелю изъ Орота, Тлоха, и Гумбета; наконецъ, третья часть, подъ начальствомъ Ахметъ-Хана, двинулась отъ Цалкиты прямо въ Цельмесъ. На верху спуска, у аула Цалкитъ остался взводъ 13-го линейнаго баталіона, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ соединялись дороги изъ Гамашей и Цельмеса. Утренній туманъ скрывалъ движеніе отряда; милиція успѣла занять всѣ дороги, а баталіонъ уже приближался къ аулу, когда туманъ поднялся и открылъ горцамъ приближеніе русскихъ войскъ. Повидимому Хаджи-Муратъ успѣлъ уже нафанатизировать какъ жителей Цельмеса, такъ и пришедшее къ нему наканунѣ подкрѣпленіе: горцы запѣли свои священныя пѣсни и стали готовиться къ бою. Не теряя ни минуты времени, генералъ маіоръ Бакунинъ приказалъ 5-й и 6-й мушкетерскимъ ротамъ подняться на высоты, господствующія надъ ауломъ и оттуда ворваться въ него. 4-я рота должна была поддержать первыя двѣ, атакуя непріятеля съ фронта. Резервъ составляла 2-я гренадерская рота. Одновременно съ движеніемъ ротъ, единороги открыли на весьма близкомъ разстояніи сильный огонь по заваламъ и аулу. Обходная колонна, имѣя впереди храбраго подполковника Вагнера, не смотря на мѣткій перекрестный огонь горцевъ, ворвалась въ аулъ. Рѣшительная атака ея, поддержанная 4-й мушкетерской ротой, имѣла полный успѣхъ: три завала и большая половина Цельмеса были взяты штыками и очищены отъ непріятеля въ

5) Рапортъ его генералу Клугенау № 13. Дѣло № 11. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

продолженіе полутора часа. Когда роты наши ворвались въ аулъ, то одно горное орудіе ввезли въ середину его и открыли огонь по главнымъ зданіямъ, откуда непріятель продолжалъ поражать войска мѣткимъ перекрестнымъ огнемъ. Несмотря на отчаянную оборону, Апшеронцы, воодушевляемые Вагнеромъ, овладѣли еще двумя завалами и продолжали очищать аулъ. Въ это время непріятельскій огонь сдѣлался на столько убійственнымъ, что въ какіе нибудь полчаса были ранены: генералъ маіоръ Бакунинъ, подполковникъ Вагнеръ, а вслѣдъ за нимъ пять офицеровъ. Тогда капитанъ Пассекъ, какъ оставшійся старшій офицеръ, принялъ начальство надъ отрядомъ и рѣшился немедленно взять штурмомъ мечеть и главное зданіе аула, имѣвшія трехъ ярусную оборону и прикрытыя двумя завалами. Пассекъ приказалъ подвести единорогъ къ зданіямъ на полъ-ружейнаго выстрѣла; при заряженіи орудія, артиллеристы откатывали его въ закрытіе. Когда наши выстрѣлы произвели въ верхней части мечети достаточную брешь, то Пассекъ двинулъ на штурмъ 2-ю гренадерскую роту. Подъ покровомъ окутавшаго мѣстность орудійнаго дыма, гренадеры овладѣли впереди лежащею высотою и штыками выбили мюридовъ изъ заваловъ. Первыми вскочили въ завалы рядовые Карпъ Марковъ и Алексѣй Деминъ, которые замѣтили, что часть мюридовъ, отступая, уноситъ съ собою и значекъ Хаджи-Мурата. Позвавъ къ себѣ на помощь еще нѣсколько гренадеръ, Марковъ и Деминъ опрокинули, окружавшихъ ихъ мюридовъ и добрались до горцевъ, среди которыхъ развѣвался значекъ. Изъ за обладанія имъ начался страшный бой, причемъ значекъ переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ, онъ очутился въ рукахъ Маркова, знаменщика. Послѣ весьма упорной битвы, гренадеры очистили аулъ отъ непріятеля, бѣжавшаго въ башню, защищенную двумя саклями и большимъ заваломъ. Овладѣвъ ауломъ, войска не подвергались уже такому смертоносному огню и поражали мюридовъ на разстояніи 60 саженей; орудія подвезли къ мечети и открыли огонь черезъ проломы стѣнъ ея. Уже непріятель началъ очищать верхній ярусъ башни и отступалъ къ Мушалѣ, когда совершенно неожиданно получилъ подкрѣпленіе въ числѣ 500 человѣкъ, пришедшихъ изъ ауловъ Хараки, Тлоха, Ората, Мушала и Андіи. Прибытіе помощи оживило духъ защитниковъ, а дерзость ихъ еще болѣе увеличилась, «въ особенности, когда 50 человѣкъ пропущены были мехтулинской милиціей въ подкрѣпленіе имъ».

Нельзя не остановиться на дѣйствіяхъ милиціи въ сраженіи при Цельмесѣ, гдѣ вся тяжесть боя легла исключительно на Апшеронцевъ. Если-бы милиція оказала хоть какое-нибудь содѣйствіе пѣхотѣ, какъ того должны и могли ожидать Русскіе, то большая часть оборонявшихся въ аулѣ оказалась бы перебитой при отступленіи въ башню, погибъ бы и самъ Хаджи-Муратъ. Но при первыхъ же выстрѣлахъ, 300 человѣкъ милиціонеровъ, посланные подъ начальствомъ Ахметъ-хана, по руслу ручья, для обстрѣливанія аула съ тыла, не смотря на просьбы и угрозы хана, бѣжали и разсѣялись по садамъ. Между тѣмъ, достаточно было бы одной пустой перестрѣлки, чтобы обратить на себя вниманіе мюридовъ и лишить ихъ бодрости, а это позволило бы пѣхотѣ съ меньшею потерею овладѣть ауломъ и съ полной увѣренностью на успѣхъ штурмовать башню—послѣднее убѣжище Хаджи-Мурата. Но милиціонеры не только не помогали пѣхотѣ, но позволяли мюридамъ спасаться по одиночкѣ, а потомъ безпрепятственно допустили перейти подкрѣпленію въ башню. Бездѣятельность милиціи, прибытіе большаго подкрѣпленія, и значительная убыль офицеровъ и нижнихъ чиновъ заставили Пассека ограничиться взятіемъ аула Цельмеса. Для удержанія горцевъ онъ приказалъ продолжать обстрѣливать башню, показывая тѣмъ видъ, что войска намѣрены ее штурмовать. Когда Апшеронцы взяли Цель-

месъ, то проявилось участіе милиціи: «мехтулинцы дѣятельно грабили аулъ»[6]. Въ 5-ть часовъ вечера, вывезли изъ аула орудія, а раненые отправлены къ Цалкиту, подъ прикрытіемъ 4-й и 6-й мушкетерскихъ ротъ. 2-я гренадерская рота поддерживала огонь по башнѣ; одинъ взводъ 5-й мушкетерской роты составлялъ прикрытіе къ орудіямъ, поставленнымъ на ружейный выстрѣлъ отъ аула, а другой взводъ той-же роты занялъ русло ручья, что бы не позволить непріятелю отрѣзать путь отступленія орудіямъ. Когда тяжести и раненые вошли въ Цалкитское ущелье, тогда гренадеры, маскировавшіе отступленіе, оставили мечеть и смежныя сакли и начали медленно отступать. Въ ту же минуту непріятель бросился ихъ преслѣдовать, но былъ остановленъ сильнымъ огнемъ стрѣлковъ и картечными выстрѣлами изъ орудій; Хаджи-Муратъ, съ частью горцевъ, направился вдоль по руслу, но встрѣченный взводомъ 5-й мушкетерской роты—опрокинутъ, при чемъ особенно отличились: фельдфебель Иванъ Лебедевъ, унтеръ офицеры Николай Балябинъ и Филиппъ Галкинъ, переколовшіе нѣсколько человѣкъ мюридовъ.

Чтобы дать возможность орудіямъ удобнѣе отступить отъ Цельмеса къ ручью, капитанъ Пассекъ остановилъ всю нижнюю цѣпь, приказавъ стрѣлкамъ расположиться за камнями; одинъ взводъ 4-й роты занялъ высоты, съ правой стороны дороги въ Цалкитское ущелье. Горные единороги, подъ прикрытіемъ гренадерской и 5-й мушкатерской ротъ, отступали черезъ одно, дѣйствуя картечью по сильно насѣдавшему непріятелю. Хаджи-Муратъ продолжалъ упорно преслѣдовать отрядъ, а на послѣднемъ спускѣ къ ручью, когда у одного изъ орудій сломался лафетъ, горцы бросились въ шашки. «Встрѣченные штыками храбрыхъ гренадеръ и мушкетеровъ, они отступили, но не теряли надежды взять орудіе и приготовлялись ко второй атакѣ»[7].

Желая облегчить отступленіе, капитанъ Пассекъ рѣшилъ перейти въ наступленіе, и опрокинуть горцевъ въ аулъ. Съ этою цѣлью Ахметъ-ханъ повелъ милицію по уступамъ горъ въ обходъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь отступленія; въ тоже время роты стали наступать съ фронта. Храбрые до дерзости во время преслѣдованія нашихъ войскъ, горцы, замѣтивъ переходъ въ наступленіе, не замедлили обратиться въ бѣгство. Тѣмъ временемъ успѣли исправить лафетъ и отрядъ началъ снова отступать. Орудія уже поднялись на первую террассу Цалкитскаго ущелья, когда непріятель возобновилъ преслѣдованіе; но теперь войска были обезпечены отъ обходовъ; единороги отправились впередъ и отступленіе прикрывалось одними стрѣлками, переходившими съ высоты на высоту. Потерявъ много убитыми и ранеными, во время преслѣдованія отряда по Цалкитскому ущелью, горцы совершенно прекратили неудачныя попытки уничтожить наши роты. Потеря Апшеронцевъ въ этомъ дѣлѣ была велика: *убиты поручикъ Артаковъ, прапорщикъ Скворцовъ и 40 нижнихъ чиновъ; ранены: генералъ Бакунинъ, подполковникъ Вагнеръ, капитанъ Лысенко, штабсъ-капитаны Гасцицкій и Бѣлоярцевъ, поручики Колтовскій и Пивинскій, прапорщикъ Зараковскій и нижнихъ чиновъ 125*. Но и непріятель понесъ не менѣе значительную потерю однихъ убитыхъ у него было 100 человѣкъ и между ними находился: отецъ Хаджи-Мурата, братъ его Омаръ и дядя Дебиръ-Аджи. Среди многочисленныхъ раненыхъ былъ и самъ Хаджи Муратъ.

«Мужество и неутомимость летучаго Аварскаго отряда», писалъ въ своемъ донесеніи капитанъ Пассекъ, «можетъ служить образцомъ для всѣхъ временъ: послѣ ночнаго перехода болѣе чѣмъ въ 20 верстъ, по зимнимъ горнымъ и совершенно неразработаннымъ дорогамъ, отрядъ вступилъ въ самый кровавый бой, продолжавшійся 12 часовъ, въ которомъ безпре-

---

6) Донесенія Пассека № 16. Дѣло № 11. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба.

7) Тамъ же.

рывными натисками и непоколебимой стойкостью, вызвалъ удивленіе у своихъ враговъ, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ; безъ пищи и сна солдаты несли на себѣ раненыхъ, втаскивали на подъемы орудія; наконецъ, отрядъ возвратился въ Хунзахъ съ духомъ неутомимой готовности на новые труды и опасности» [8].

О себѣ Пассекъ совершенно умалчиваетъ, а между тѣмъ, онъ вышелъ изъ этого дѣла вполнѣ героемъ и уже тутъ выказалъ свой далеко недюжинный военный талантъ. Впрочемъ, скромность есть истинное украшеніе героя.

Результаты сраженія у Цельмеса были чрезвычайно важны. Со времени убійства Гамзатъ-бека, Хаджи-Муратъ поднялся во мнѣніи аварцевъ, пріобрѣлъ любовь и уваженіе ихъ, какъ избавитель отъ властолюбивыхъ замысловъ убитаго имъ имама. Когда Хаджи-Муратъ измѣнилъ нашему правительству, то въ этомъ выразилась не только его личная измѣна, а также и заранѣе подготовленная измѣна громаднаго большинства аварцевъ. Яснымъ доказательствомъ этого могутъ служить заявленія старшинъ Хунзахскому коменданту «о невозможности сопротивляться Хаджи-Мурату» [9]. Конечно, такое заявленіе представляется только лишь отговоркою, ибо каждый аварскій аулъ, занимая весьма крѣпкую природную позицію, могъ съ успѣхомъ сопротивляться мюридамъ. Измѣна Аваріи способствовала Шамилю сдѣлаться полнымъ господиномъ горъ, и тогда потребовались бы новыя усилія, новыя кровавыя жертвы для водворенія владычества Россіи въ странѣ, которая уже нѣсколько лѣтъ была покорна намъ. Положеніе дѣлъ совершенно неожиданно стало критическимъ и Хаджи-Муратъ готовился къ новому вторженію въ Аварію, вслѣдствіе чего генералъ Клугенау рѣшился предупредить его и сдѣлать нападеніе на аулъ Цельмесъ. «Штурмъ Цельмеса», пишетъ въ своемъ донесеніи генералъ Клугенау, «былъ самый кровавый и самый блистательный; не много дѣлъ было на Кавказѣ подобныхъ ему. Надобно было гранатами очищать каждую саклю, брать штурмомъ семь рядовъ заваловъ и сильно укрѣпленныя трехъ-ярусныя мечеть и зданіе, подъ убійственнымъ огнемъ башни, расположенной на отдѣльной высотѣ. Десятичасовый бой въ самомъ аулѣ доказываетъ упорство защитниковъ и неизмѣнное мужество Апшеронцевъ, не смотря на потери генерала, баталіоннаго командира и большей части оберъ-офицеровъ. Башня, или вѣрнѣе фортъ, сильный мѣстностью и устройствомъ спасъ остатки непріятеля. Забравъ женъ и дѣтей, предавъ разграбленію имущество жителей, летучій отрядъ вернулся въ Хунзахъ» [10].

Разгромъ Цельмеса совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ; непріятель забылъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ и сталъ заботиться только о собственной защитѣ. Къ утру 6-го февраля, Хаджи-Муратъ получилъ въ помощь 1.000 человѣкъ изъ Андіи, Гумбета и отложившихся аварскихъ ауловъ; но, несмотря на то, онъ не осмѣлился ничего предпринять и изъ 1.000 человѣкъ только 300 рѣшились остаться при немъ. Участь Цельмеса произвела большое впечатлѣніе и среди непокорныхъ горцевъ: жители ауловъ Ората, Хараки и Мушала стали вывозить свое имущество и семейства, и обратились съ мольбами о помощи къ сосѣднимъ племенамъ. Помощь не замедлила явиться, и скоро у Хаджи-Мурата собралось до 6.000 человѣкъ изъ Гумбета, Андіи, Технуцала и другихъ обществъ; но даже и съ такими огромными силами, онъ не рѣшился вторгнуться въ Аварію; узнавъ же о разработкѣ дороги, отъ Арактау къ Цельмесу, Хаджи-Муратъ распустилъ свое скопище, а самъ отправился черезъ Местерухъ и Инкардахъ въ Карату. Такимъ образомъ, Хаджи-Муратъ, въ са-

---

[8]) Донесеніе № 16. Дѣло № 11. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[9]) Дѣло № 10. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба.

[10]) Донесеніе генерала Клугенау корпусному командиру, № 1.519. Дѣло № 53. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

мое трудное для военныхъ дѣйствій время года, былъ отброшенъ изъ Аваріи, и замыслы его, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, парализованы. Вотъ результаты штурма и взятія Цельмеса.

Командиръ кавказскаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Головинъ, сообщая военному министру о Цельмесскомъ боѣ, пишетъ слѣдующее: «бой этотъ ознаменованъ особеннымъ блистательнымъ мужествомъ воиновъ нашихъ. Малочисленный отрядъ, безъ полевыхъ орудій, съ двумя горными единорогами, которые могли дѣйствовать только на разстояніи ближайшаго ружейнаго выстрѣла, боролся въ продолженіи двѣнадцати часовъ съ сильнымъ упорнымъ непріятелемъ; каждую саклю должно было очищать штыками или ручными гранатами, взять приступомъ семь рядовъ заваловъ и сильно укрѣпленную двухъ-ярусную мечеть. Значительное число выбывшихъ изъ строя офицеровъ доказываетъ, какой подвергались они опасности и какъ мало щадили себя для одушевленія примѣромъ нижнихъ чиновъ. *Посытивъ недавно Аварію, предохраненную отъ смутъ, угрожавшихъ ей въ началѣ нынѣшняго года, когда Хаджи-Муратъ, нѣкогда вѣрнѣйшій ея защитникъ отъ покушеній лжеучителей, увлеченный фанатизмомъ, и пользуясь вліяніемъ на соотечественниковъ, готовился предать ее власти Шамиля, я невольно обратился мыслью къ подвизавшимся въ Цельмесскомъ бою, которыхъ мужеству обязаны мы столь благопріятными послѣдствіями*[11]).

Въ заключеніе приведемъ отзывъ о 2-мъ баталіонѣ Апшеронскаго полка, генерала Клугенау — человѣка безусловно храбраго и уважавшаго храбрость въ другихъ.

«Второй баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка пріобрѣлъ новую славу, хотя съ значительнымъ пожертвованіемъ; но руководимый послѣ выбытія изъ строя храбраго подполковника Вагнера, рѣдкимъ благоразуміемъ генеральнаго штаба капитана Пассека, заслужилъ славное имя достойное русскаго солдата»[12]).

Черезъ двѣ недѣли баталіонъ опять двинулся къ Цельмесу, и разрушилъ до основанія аулъ вмѣстѣ съ башней. Февраль и мартъ прошли для Аваріи спокойно, но Апшеронцевъ отсюда не отзывали, ибо Хаджи-Муратъ могъ повторить покушеніе и вторгнуться сюда со скопищемъ.

Въ началѣ марта мѣсяца Апшеронскій полкъ расположенъ былъ слѣдующимъ образомъ: 1-я и 3-я гренадерскія и 3-я мушкетерская роты находились въ Ирганайскомъ ущельи, 1-я мушкетерская отправилась съ транспортомъ въ Кизляръ; 2-я мушкетерская—въ аулѣ Капчугаѣ для прикрытія плоскости; весь 2-й баталіонъ въ Аваріи; 9-я мушкетерская—въ укрѣпленіи Балаканахъ; 7-я и 8-я мушкетерскія—въ Ишкартахъ; 4-я и 5-я гренадерскія—въ Темиръ-ханъ-Шурѣ; 10-я мушкетерская составляла гарнизонъ укрѣпленія Зырянъ; 11-я мушкетерская—гарнизонъ въ Міатлахъ; 12-я и 14-я мушкетерскія—въ крѣпости Бурной; 13-я мушкетерская—на Озеньскомъ посту и 15-я мушкетерская составляла гарнизонъ въ Казіюртѣ. Такое расквартированіе полка ясно указываетъ, какую приходилось нести ему службу. Для обороны края были приняты слѣдующія мѣры. Непріятель имѣлъ возможность вторгнуться въ Аварію черезъ Аварскую долину или Арактау; въ Койсубу черезъ Арактау, Балаканское или Гимринское ущелья; наконецъ, въ Шамхальскія владѣнія—черезъ Чиркей. Въ Аварской долинѣ и на Арактау, пограничный аулъ Могохъ заняла Мехтулинская милиція, а 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, составляя летучій аварскій отрядъ, представлялъ изъ себя поддержку всѣхъ ближайшихъ къ непріятелю пунктовъ, а именно: Сіуха, Ахалчи, Цалкиты и Могоха; въ то же время баталіонъ долженъ былъ предупреждать дебушированіе скопищъ

[11]) Отношеніе генерала Головина военному министру отъ 2-го августа 1841 года, № 13. Дѣло № 53, особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[12]) Донесеніе генерала Клугенау № 815. Дѣло № 11. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

горцевъ изъ ущелій, прилегающихъ къ Андійскому Койсу. Въ Балаканское ущелье непріятель могъ проникнуть только черезъ аулы Моксохъ и Харачи; но Моксохъ былъ сильно укрѣпленъ и занятъ двумя ротами пѣхоты, при одномъ горномъ единорогѣ; въ аулѣ Харачахъ, расположенномъ на мѣстности чрезвычайно трудной, находился съ 300 человѣкъ милиціонеровъ Апшеронскаго полка маіоръ Евдокимовъ. Летучій отрядъ имѣлъ возможность изъ Аваріи черезъ 6 часовъ прійти въ Моксохъ и, при содѣйствіи двухъ ротъ, въ состояніи былъ не только удержать натиски непріятеля, но и совершенно его опрокинуть, однако при томъ условіи, если унцукульцы не измѣнятъ. Въ случаѣ же нападенія очень большаго скопища, на помощь могли прійти двѣ роты Апшеронцевъ, стоявшія въ Ирганайскомъ ущельи. Гимринское ущелье защищалось жителями сильно укрѣпленнаго аула Гимры. Резервъ всѣхъ поименованныхъ частей войскъ составляли двѣ роты Апшеронскаго полка, на ходившіяся въ Шурѣ; кромѣ того ожидалось прибытіе двухъ баталіоновъ съ лѣваго фланга Кавказской линіи. 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка состоялъ въ вѣдѣніи генералъ-маіора Ахметъ-хана Мехтулинскаго, который производилъ съ нимъ движенія къ отложившимся Аварскимъ ауламъ: Джелатхури, Гамешта и др. «Апшеронцы ходили только для наведенія на жителей паническаго страха, ибо довольно было одного приближенія пѣхоты, чтобы горцы выходили съ изъявленіемъ покорности» [13].

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ Чиркеевскаго отряда, въ которыхъ принимали участіе 1-й, 3-й и сводный баталіоны Апшеронскаго полка. 1-го мая въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ собрались всѣ войска, предназначенныя для движенія къ Чиркею; непосредственное начальство надъ отрядомъ принялъ корпусный командиръ генералъ-отъ-инфантеріи Головинъ. Еще до выступленія отряда, генералъ Головинъ отправилъ нѣсколько офицеровъ для осмотра переправы черезъ Сулакъ у аула Ахатлы; здѣсь жители свободно переправлялись черезъ рѣку.

Осмотръ показалъ, что рѣка Сулакъ течетъ въ этомъ мѣстѣ въ обрывистыхъ высокихъ скалахъ; тропинки, шедшія по обоимъ берегамъ, ясно доказывали о присутствіи переправы, но, къ сожалѣнію, осмотрѣть ее подробно не представлялось никакой возможности, ибо переправа находилась въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ завалоръ, покрытыхъ толстыми бревнами. Прибрежныя скалы праваго берега (съ нашей стороны) постепенно понижались и совершенно исчезали въ 400 шагахъ отъ переправы; въ этомъ мѣстѣ Сулакъ имѣетъ около 50 саженей ширины, а во время мелководья здѣсь открывается бродъ; но въ маѣ мѣсяцѣ рѣка разливается и брода не существуетъ. На лѣвомъ берегу, между крутыми и высокими горами, нѣсколько ниже узкаго мѣста, удобнаго для переправы, шла ровная, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣченная небольшими оврагами, плоскость; по ней пролегала дорога въ аулъ Чиркей. Противъ самаго мѣста переправы, чиркеевцы устроили три завала, одинъ надъ другимъ, въ видѣ амфитеатра; подъ прикрытіемъ этихъ заваловъ горцы могли защищать переправу сильнымъ и сосредоточеннымъ огнемъ [14].

До 7-го мая войска стояли лагеремъ подъ Темиръ-Ханъ-Шурою; по полученнымъ извѣстіямъ, къ чиркеевцамъ пришли значительныя подкрѣпленія отъ сосѣднихъ обществъ. Ожидая наступленія русскихъ войскъ, жители энергично укрѣпляли свой аулъ. 7-го мая послѣ парада, войска выступили изъ лагеря двумя колоннами: большая изъ нихъ пошла къ Ахатлинской переправѣ, находившейся въ 8-ми верстахъ отъ Чиркея, а другая, меньшая — на позицію противъ самаго аула. Первая колонна состояла изъ 8-ми баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 2-хъ сотенъ донскихъ казаковъ, полубаталіона саперъ, 20 орудій и самур-

---

[13] Донесеніе командира баталіона маіора Зайцева № 265. Дѣло № 11, 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[14] Дѣло № 72, 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба.

ской милиціи; 2-ю колонну образовали 2 баталіона пѣхоты, 6 орудій, 2 мортиры, двѣ сводныхъ сотни донскихъ казаковъ, грузинская и дагестанская милиціи. Главная колонна находилась подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Головина; въ авангардѣ ея шли, подъ начальствомъ генералъ-маіора Клугенау, сотня казаковъ, самурская милиція, 2 баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ) и 8 орудій; въ аріергардѣ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка полковника Симборскаго, находился 3-й баталіонъ Апшеронцевъ. Желая произвести подробную рекогносцировку переправы, корпусный командиръ двинулся къ Сулаку съ авангардомъ и со всею артиллеріею, а остальнымъ войскамъ первой колонны приказалъ расположиться вдоль ущелья, направляющагося къ переправѣ аула Ахатлы.

Въ 10-ть часовъ утра, 8-го мая, авангардъ подошелъ къ переправѣ. Ближайшій осмотръ мѣстности убѣдилъ генерала Головина, что основательная рекогносцировка тогда только можетъ быть произведена, когда будутъ уничтожены завалы, возведенные горцами на противуположномъ берегу. Въ виду этого, Головинъ приказалъ на правомъ берегу Сулака построить батарею на 4 легкихъ орудія, а на уступѣ правой покатости двѣ другихъ на 6 орудій каждая, для дѣйствія изъ нихъ сосредоточеннымъ огнемъ по двумъ главнымъ заваламъ, покрытымъ сверху толстыми бревнами и землей. Между тѣмъ, непріятель, открывшій по приближеніи авангарда ружейный огонь, сосредоточилъ его по рабочимъ, исправлявшимъ спускъ и по стрѣлкамъ расположеннымъ еще ближе по кустарнику вдоль уступа, на которомъ устраивались батареи. Производимый съ близкой дистанціи огонь горцевъ былъ на столько силенъ, что въ самое непродолжительное время убито и ранено нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Наконецъ, въ 12-ть часовъ дня постройка батареи была окончена и открытъ огонь по заваламъ. Однако, не смотря на сильный артиллерійскій огонь, непріятель не только не прекращалъ перестрѣлки, но усиленный вновь прибывшими толпами, участилъ стрѣльбу. Тогда генералъ Головинъ приказалъ, почти у самаго берега, устроить еще одну батарею на четыре легкихъ орудія, а остальныя батареи подвинуть ближе и расположить на оконечности обрыва, не болѣе какъ въ 100 саженяхъ отъ непріятельскихъ заваловъ. Сосредоточенное дѣйствіе артиллеріи заставило горцевъ уменьшить свой огонь, послѣ чего явилась возможность съ большею подробностью осмотрѣть противуположный берегъ. Этотъ осмотръ, точно также, какъ и предыдущіе, показалъ насколько сильно укрѣпилъ противникъ свою позицію.

Корпусный командиръ поручилъ генералу Клугенау отыскать ночью спускъ къ рѣкѣ, которымъ пользовались жители для переправъ. Два раза Клугенау, подъ выстрѣлами горцевъ, подходилъ къ берегу Сулака и для осмотра спускалъ по прибрежнымъ скаламъ офицеровъ; но все это ни къ чему не послужило: удобнаго для переправы пункта такъ и не отыскали. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ хотя и сближались, но были обрывисты и имѣли высоты до 20 саженей; чтобы устранить спускъ, необходимо было взрывать порохомъ скалы. Приходилось отказаться отъ переправы: кромѣ большой неминуемой потери, она ничего въ результатѣ не дала бы. Кромѣ того имѣлись и другія не менѣе важныя причины вынуждавшія генерала Головина выбрать другой путь наступленія. Предположивъ даже, что удалось бы форсировать переправу, все таки отряду затѣмъ представлялись почти неодолимыя преграды: путь отъ переправы до Чиркея, на разстояніи около 10-ти верстъ, представлялъ изъ себя крутыя скалистыя горы, пересѣкаемыя глубокими оврагами и разсѣлинами, самый спускъ отсюда къ аулу Чиркею отдѣлялся отъ него глубокимъ русломъ рѣчки Аксу, весьма выгодной для обороны. 9-го мая авангардъ

присоединился къ главнымъ силамъ. Попытка совершить переправу у Ахатлы стоила авангарду 4-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 5-ти оберъ-офицеровъ и 57-ми нижнихъ чиновъ раненыхъ. Чтобы отвлечь силы непріятеля, постоянно угрожая ему переправой у Ахатлы, на берегу Сулака оставлены 1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ и два легкихъ орудія, подъ начальствомъ командира полка полковника Симборскаго. Численность непріятеля, засѣвшаго въ завалы у переправы, возрасла до 3-хъ тысячъ; отвлекая такое большое число горцевъ отъ Чиркея, Апшеронскіе баталіоны тѣмъ самымъ облегчали возможность взять его. Остальныя войска двинулись къ Чиркею, куда и прибыли 11-го мая. 13-го числа подошелъ къ Міатлинской переправѣ чеченскій отрядъ, а на другой день часть дагестанскаго отряда соединилась съ Чеченскимъ, на позиціи передъ Хубарскими высотами, между аулами Инчхе и Костела. 15-го мая участь Чиркея была рѣшена: соединенные отряды нанесли пораженіе Шамилю на Хубарскихъ высотахъ, послѣдствіемъ котораго явилась покорность чиркеевцевъ. Мостъ черезъ рѣку Сулакъ навели безпрепятственно, и войска наши заняли Чиркей. Дальнѣйшее пребываніе баталіоновъ Апшеронскаго полка у Ахатлы сдѣлалось безполезнымъ и они присоединились къ главнымъ силамъ. Покоривъ Чиркей, считавшійся до того времени неприступнымъ, генералъ Головинъ принялъ всѣ необходимыя мѣры къ утвержденію русскаго владычества какъ среди чиркеевцевъ, такъ и между салатавцами. Онъ приказалъ приступить къ возведенію Чиркеевскаго укрѣпленія, которое, по мѣстнымъ и другимъ соображеніямъ, могло бы удовлетворить слѣдующимъ условіямъ:

1) держать въ страхѣ аулъ Чиркей и угрожать ему истребленіемъ, въ случаѣ измѣны или неповиновенія жителей;
2) обезпечить на этомъ пунктѣ сообщеніе праваго берега рѣки Сулака съ лѣвымъ, и
3) прикрывать аулъ отъ всякихъ покушеній со стороны мюридовъ и непокорныхъ намъ горцевъ[15].

Четыре баталіона приступили къ постройкѣ необходимыхъ сооруженій, между тѣмъ какъ другая часть отряда двинулась на вершину Салатавскаго хребта къ урочищу Ибрагимъ-Дада, угрожая отсюда гумбетовцамъ и андійцамъ вторженіемъ и, такимъ образомъ, заставляла жителей этихъ обществъ опасаться за свои семейства и имущество.

Съ покореніемъ Салатавскаго общества, въ рукахъ нашихъ находилось все теченіе рѣки Сулака, Шамхальскія владѣнія прикрывались отъ непріязненныхъ покушеній и Кумыки избавились отъ близкаго сосѣдства съ непокорными обществами.

Для наступательныхъ дѣйствій русскихъ войскъ открылись кратчайшіе и удобнѣйшіе пути къ гумбетовцамъ и андійцамъ. Но земли Кумыковъ все еще подвергались набѣгамъ со стороны ауховцевъ, и особенно жителей селенія Андреева. По проходѣ чеченскаго отряда черезъ землю ауховцевъ, часть жителей изъявила покорность; для приведенія къ покорности остальныхъ, направилась большая часть войскъ Дагестанскаго отряда. 5-го іюня отрядъ двинулся изъ крѣпости Внезапной и прошелъ землю ауховцевъ, причемъ главное селеніе общества Кишень-Аухъ истреблено; къ 15-му іюня почти всѣ жители Ауха изъявили покорность. Между тѣмъ, Шамиль и его главные помощники Ахверды-Магома, Шуаибъ-Мулла, Джаватъ-Ханъ и Уллубей со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ все время находились не далеко отъ мѣста дѣйствія русскихъ войскъ, имѣя намѣреніе присутствіемъ своимъ помѣшать жителямъ принести покорность.

Для охраненія ауховцевъ отъ покушеній со стороны мюридовъ, генералъ Головинъ оставилъ въ селеніи Акташъ-Аухѣ три баталіона пѣхоты при 6-ти орудіяхъ, а самъ съ

---

[15]) Дѣло № 72. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

остальными войсками 22-го іюня возвратился въ Чиркей. Работы по возведенію укрѣпленія у Чиркея шли весьма успѣшно; каждый день на работу выходило 1.200 человѣкъ; къ рабочимъ-солдатамъ присоединялись жители Чиркея и Зубута, приходившіе наниматься по собственному желанію.

Къ концу сентября постройку укрѣпленія окончили и назвали его «Евгеніевскимъ», по имени генерала Головина. Окончаніе работъ было началомъ роспуска войскъ и баталіоны Апшеронцевъ возвратились въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Второй баталіонъ Апшеронскаго полка, прибылъ въ Шуру изъ Аваріи еще 6-го іюня, но по просьбѣ Ахметъ-Хана Мехтулинскаго вновь отправленъ туда же 2-го августа, потому что съ уходомъ русскихъ войскъ, многіе аварскіе аулы опять отложились. Для защиты Аваріи отъ вторженій непріятельскихъ скопищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы заставить жителей быть въ спокойствіи, генералъ Клугенау рѣшилъ оставить тамъ на всю зиму баталіонъ Апшеронскаго полка. Второй баталіонъ простоялъ въ Аваріи августъ, сентябрь и половину октября; 14-го октября на смѣну ему отправленъ былъ 3-й баталіонъ, подъ командою маіора Познанскаго. Однако, 2-й баталіонъ не ушелъ изъ Аваріи: въ виду полученнаго извѣстія о томъ, что лежащіе въ сосѣдствѣ съ Хидатлинскимъ обществомъ нижніе аварскіе аулы Могохъ, Кони и другіе отложились, защита страны однимъ баталіономъ, среди враждебнаго намъ населенія, являлась дѣломъ крайне труднымъ и рискованнымъ; поэтому 2-му баталіону предписано, по смѣнѣ его 3-мъ, расположиться въ аулѣ Моксохъ и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Такое расположеніе баталіона имѣло уже тѣ выгоды, что изъ Моксоха онъ могъ одинаково быстро двинуться на помощь къ Цатаныху и къ Ахалчамъ. Впрочемъ, долговременное пребываніе двухъ баталіоновъ въ Аваріи имѣло свои весьма невыгодныя стороны, и главная изъ нихъ заключалась въ трудности подвоза предметовъ довольствія.

Осень и конецъ 1841 года Шамиль находился то въ ичкеринскомъ селеніи Дарго, то среди андійцевъ или гумбетовцевъ; но Аварія не переставала быть центромъ, куда направлялись всѣ его усилія. Общества: Хидатль, Куяда, Карахъ, пять ауловъ Андаляльскихъ: Курада, Рогоджабъ, Гунибъ, Хаточь и Хиндахъ, одинъ Аварскій — Холотль и одинъ Акушинскій — Маали, вотъ перечень враждебныхъ обществъ и ауловъ представлявшихъ изъ себя военную силу Шамиля среди покорныхъ намъ жителей. Но этимъ ограничивался только офиціальный списокъ враждебныхъ ауловъ; между тѣмъ, остальные аулы Андаляля готовились присоединиться къ возставшимъ; преданность Акуши, Цудахара и Казикумуха была весьма сомнительна. Значительное увеличеніе военныхъ средствъ Шамиля ставило Аварію въ весьма опасное положеніе. Враждебныя намъ общества по преимуществу жили между Аварскимъ Койсу, Каракойсу и главнымъ снѣговымъ хребтомъ; мѣстность эта состояла изъ неприступныхъ скалъ и тѣсныхъ ущелій. Кромѣ дороги черезъ Салты на Карадахскій мостъ, всѣ сообщенія между аулами производились по узкимъ, едва замѣтнымъ горнымъ тропинкамъ, возможнымъ для движенія только легкихъ вьюковъ; лѣсъ находился у подножія снѣговаго хребта и у аула Рогоджабъ. Среди всей мѣстности, особенную важность имѣла гора Гуни: она окружена отвѣсными скалами въ нѣсколько сотъ саженей высоты, и доступъ къ ней возможенъ былъ только съ восточной стороны. Отъ аула Хиндаха шелъ довольно удобный подъемъ почти до самой вершины, но здѣсь дорога извивалась по кручѣ; на плоской вершинѣ горы лежитъ аулъ Гунибъ; по приказанію Кибитъ-Магомы, Гунибъ укрѣпили завалами и въ немъ расположилось 250 мюридовъ. Усиленіе войскъ въ Аваріи и вообще дѣятельныя мѣры, принятыя для обороны края, задержали на время общее возстаніе горныхъ племенъ средняго и южнаго Дагестана; тѣмъ не менѣе вся Аварія готовилась поднять противъ насъ оружіе. Съ измѣною Хаджи-Мурата, въ концѣ 1840 года отложились

аулы: Цельмесъ, Мушала, Гамешта, Хараки и Орота; весною 1841 года: Инкурдахъ, Местерухъ, верхній и нижній Ботлихъ; въ началѣ августа—Такита, а осенью—Холотль. Неудача Хаджи-Мурата при Цельмесѣ и истребленіе этого аула успокоили на нѣкоторое время Аварію; но покорность жителей удерживалась уже не преданностью ихъ нашему правительству, а только силою оружія. Таково было положеніе Аваріи и сосѣднихъ съ ней враждебныхъ намъ племенъ. Какъ ни важно было удержать въ покорности общества сѣвернаго Дагестана, но генералъ Клугенау не находилъ возможнымъ предпринять наступательныя дѣйствія, не имѣя для этого достаточнаго количества войскъ: за выдѣленіемъ гарнизоновъ различныхъ укрѣпленій, на лицо оставалось не болѣе трехъ баталіоновъ; идти съ такими силами во враждебную намъ, малодоступную страну, имѣвшую до 20.000 населенія,— Клугенау полагалъ слишкомъ рискованнымъ. Вотъ почему этотъ энергичный генералъ ограничился мѣрами оборонительными и предупредительными. Къ числу послѣднихъ относилось: заарестованіе стадъ барановъ, принадлежавшихъ андаляльцамъ и пасшихся въ Шамхальскихъ и Мехтулинскихъ владѣніяхъ. Оборонительныя мѣры состояли въ занятіи войсками всѣхъ тѣхъ пунктовъ, черезъ которые непріятель могъ произвести вторженіе. Въ половинѣ ноября Апшеронскій полкъ расположенъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ стоялъ сводный баталіонъ; въ Аваріи — 2-й и 3-й баталіоны, изъ нихъ 2-й баталіонъ составлялъ летучій отрядъ, а роты 3-го расположены: 2 роты въ Ахалчахъ, а 2 роты въ Цатаныхъ; 2 роты 1-го баталіона въ Новомъ-Гоцатлѣ; одна рота 1-го баталіона въ Балаканахъ; въ Зырянахъ, въ Міатлахъ и въ Казіюртѣ — по одной ротѣ 4-го баталіона; на Озеньскомъ посту — рота 5-го баталіона; въ Низовомъ укрѣпленіи — рота 5-го баталіона. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ унцукульцы явно измѣнили намъ и позволили непріятелю занять Балаканское ущелье. Въ виду того, что это обстоятельство могло затруднить сообщеніе Шуры съ Аваріей и Зырянами, сводный баталіонъ немедленно двинутъ былъ къ Зырянамъ, а 3-й баталіонъ занялъ Арактау. Быстрое передвиженіе войскъ вполнѣ достигло своей цѣли: опасаясь быть атакованнымъ съ фронта своднымъ, а съ тыла, отъ Моксоха, 3-мъ баталіонъ Апшеронцевъ, непріятель оставилъ аулъ Балаканы и вмѣстѣ съ жителями его бѣжалъ черезъ Харачи въ Унцукуль. Въ это время случилось происшествіе, о которомъ генералъ Клугенау отзывается съ особенной похвалой. Команда 3-го баталіона Апшеронцевъ, состоявшая изъ двѣнадцати человѣкъ, слѣдуя изъ Зырянъ въ Цатаныхъ, расположилась на ночлегъ близъ родника, невдалекѣ отъ развалинъ стоявшей около него башни. Сильная непріятельская партія, увидавъ солдатъ, бросилась на нихъ, въ полной увѣренности, что истребитъ эту маленькую команду или заберетъ ее въ плѣнъ. Но первый натискъ горцевъ окончился неудачно: Апшеронцы были на сторожѣ и отбили атаку. Героемъ дѣла явился унтеръ-офицеръ Иванъ Куркинъ — старый и опытный человѣкъ, имѣвшій уже знакъ отличія военнаго ордена. Когда малочисленную команду атаковалъ непріятель, то Куркинъ, нисколько не смутясь числомъ враговъ, принялъ ихъ въ штыки и затѣмъ отступилъ въ полномъ порядкѣ и занялъ башню, недалеко отъ аула Балаканы. Куркинъ личнымъ примѣромъ ободрялъ своихъ товарищей, и они отбивали всѣ атаки непріятеля, нанося ему каждый разъ чувствительный уронъ. Просьбы горцевъ о сдачѣ и угрозы ихъ разрушить башню и истребить всѣхъ защитниковъ не могли подѣйствовать на храбрецовъ, которые держались въ башнѣ въ продолженіи 24-хъ часовъ, потерявъ всего только одного изъ товарищей убитымъ. На слѣдующій день прибылъ баталіонъ и выручилъ эту горсть героевъ[16].

[16]) Дѣло № 123. 2-е отдѣленіе генеральнаго Штаба и дѣло № 207 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба. Томъ II.

Когда Балаканское ущелье было очищено отъ непріятеля и прямое сообщеніе съ Аваріей возстановилось, то командиръ 3-го баталіона маіоръ Познанскій рѣшился двинуться къ Моксоху и занять этотъ аулъ. Изъ добытыхъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣній видно было, что жители Моксоха, впустили въ аулъ 400 мюридовъ. Въ 12 часовъ ночью, 18-го ноября, Познанскій, пользуясь лунной ночью, выступилъ изъ Цатаныха къ Моксоху. Приблизившись съ большой осторожностью къ аулу, Апшеронцы застали непріятеля врасплохъ: какъ видно горцы, надѣясь на свои силы, не ожидали, да и не предполагали, чтобы ихъ рискнулъ атаковать одинъ баталіонъ. На разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ аула, баталіонъ, сообразно съ мѣстностью, построился въ боевой порядокъ; только въ это время непріятель замѣтилъ появленіе русскихъ войскъ и произвелъ тревогу. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, передовыя двѣ роты, безъ содѣйствія артиллеріи, бросились на штурмъ и, — не взирая на сильный ружейный огонь горцевъ, ворвались въ Моксохъ. Мюриды не выдержали такого стремительнаго натиска и обратились въ бѣгство; Апшеронцы преслѣдовали непріятеля съ такою быстротой, что орудіе успѣло сдѣлать только одинъ выстрѣлъ, когда уже весь аулъ находился нашихъ въ рукахъ. Жители Моксоха защищались еще нѣкоторое время въ своихъ саклякъ, но скоро они сдались. Ночное время, неожиданность нападенія, быстрота и порядокъ атаки, распорядительность и мужество маіора Познанскаго, штабсъ-капитана Падлова, командовавшаго передовыми ротами, и всѣхъ нижнихъ чиновъ, — вотъ причины успѣшнаго взятія Моксоха, при чемъ оно обошлось безъ всякой, съ нашей стороны, потери; между тѣмъ какъ непріятель оставилъ на мѣстѣ пять труповъ и взято въ плѣнъ 19 человѣкъ. Находившійся при баталіонѣ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Веревкинъ, въ донесеніи своемъ корпусному командиру пишетъ: «удачное овладѣніе Моксохомъ можетъ быть поставлено въ тактическій примѣръ нечаянныхъ и удачныхъ нападеній. Слѣдствіемъ его было то, что непріятельское скопище въ Балаканскомъ ущельи чрезвычайно уменьшилось; унцукульцы отступили на Харачинскую гору, куда послѣдовали мюриды и при отступленіи зажгли деревню Балаканы»[17]. Между тѣмъ, Кибитъ-Магома, собравъ огромную партію, задумалъ овладѣть Новымъ Гоцатлемъ и истребить стоявшія здѣсь двѣ роты 1-го баталіона, подъ командою капитана Лункевича, человѣка испытанной храбрости и имѣвшаго уже георгіевскій крестъ за штурмъ Ахульго. 10-го ноября громадное скопище горцевъ, подойдя къ Старому Гоцатлю, вытѣснило отсюда милицію и затѣмъ окружило Новый Гоцатль. Не смотря на всѣ отчаянныя атаки и громадный перевѣсъ въ численности, непріятель на всѣхъ пунктахъ былъ отбитъ съ большимъ для него уономъ. Видя полную невозможность справиться, хотя и съ небольшимъ, но за то съ прекрасно управляемымъ числомъ защитниковъ, Кибитъ-Магома отступилъ, потерявъ болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными. Однако геройская защита Новаго Гоцатля стоила очень дорого Апшеронцамъ: они лишились храбраго капитана Лункевича, убитаго уже въ концѣ дѣла, покрывшаго его еще новой славой; нижнихъ чиновъ убито 15-ть человѣкъ и ранено 7[18]. Еще по первымъ слухамъ о намѣреніи Кибитъ-Магомы вторгнуться въ Аварію, Клугенау рѣшилъ выступить изъ Шуры къ Хунзаху; но извѣстіе объ отбитіи скопищъ подъ Новымъ Гоцатлемъ и объ очищеніи непріятелемъ Аваріи, измѣнило первоначальный планъ; движеніе къ Хунзаху являлось совершенно лишнимъ. Вмѣсто того генералъ Клугенау сосредоточилъ въ Цатаныхѣ 7 ротъ Апшеронскаго полка, съ цѣлью направиться въ Унцукуль, взять его и наказать жителей за измѣну.

[17] Донесеніе корпусному командиру генеральнаго штаба штабсъ-капитана Веревкина № 163. Дѣло № 123. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[18] Дѣло № 123. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Предварительно, Клугенау приказалъ подполковнику генеральнаго штаба Пассеку съ баталіономъ пѣхоты произвести рекогносцировку дорогъ къ аулу. Въ ночь на 29-е ноября Пассекъ выступилъ изъ Цатаныха къ Бетлинской горѣ; его отрядъ состоялъ изъ 2-го баталіона и двухъ ротъ 3-го баталіона Апшеронскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ. Кромѣ предположенной рекогносцировки, этотъ отрядъ, названный авангардомъ, долженъ былъ принудить горцевъ очистить плоскость Бетлинской горы, что значительно облегчало экспедицію противъ Унцукуля. Сильная гололедица и тяжелыя горныя дороги замедлили движеніе авангарда, и онъ только въ 4 часа утра достигъ вершины горы. Оставивъ 2 роты съ однимъ горнымъ единорогомъ у соединенія дорогъ изъ Унцукуля и Игалей въ Инкальту, подполковникъ Пассекъ продожалъ маршъ къ аулу Бетлы, овладѣть которымъ побуждали его слѣдующія соображенія:

1) взявъ Бетлы и овладѣвъ верхней плоскостью горы, авангардъ могъ преградить непріятелю прямой доступъ къ Унцукулю отъ Игалей и верхнихъ ауловъ праваго берега Андійскаго Койсу;
2) сдѣлавъ аулъ Бетлы опорнымъ пунктомъ, Пассекъ получалъ возможность свободно дѣйствовать на всей Бетлинской плоскости, и
3) во время пребыванія на горѣ, авангардъ былъ обезпеченъ водою, фуражемъ и дровами.

Подойдя на разсвѣтѣ къ Бетлы, Пассекъ построилъ войска въ боевой порядокъ: съ фронта на аулъ направлена 4-я мушкетерская рота; 3-я гренадерская рота, перейдя кладбище, должна была атаковать Бетлы слѣва, 2-я гренадерская составляла резервъ обѣихъ ротъ; 6-я мушкетерская прикрывала орудія и патронные вьюки. Передъ тѣмъ, какъ войска двинулись въ атаку, подполковникъ Пассекъ отправилъ въ аулъ одного изъ бетлинскихъ жителей, взятаго еще въ Цатаныхѣ проводникомъ отряда, и черезъ него предложилъ бетлинцамъ покориться, въ противномъ случаѣ грозилъ подвергнуть аулъ совершенному истребленію. Рѣшительное наступленіе нашихъ ротъ привело жителей въ такое смятеніе, что они, не допустивъ отряда къ аулу на полуружейный выстрѣлъ, вышли съ изъявленіемъ покорности. Взявъ отъ нихъ 9 человѣкъ аманатовъ, Пассекъ расположилъ 2 роты съ горнымъ орудіемъ въ самомъ аулѣ, а съ другими двумя поднялся на самый верхъ горы. Во время подъема ротъ, со стороны Унцукуля показалась сильная непріятельская партія; она раздѣлилась на двѣ части: одна часть завязала перестрѣлку съ ротами, оставленными въ аулѣ, а другая устремилась на перерѣзъ ротамъ, шедшимъ отъ Бетлы къ верхней позиціи. Но когда горцы открыли присутствіе двухъ ротъ поставленныхъ на соединеніи дорогъ, то остановились и заняли курганы у Бетлинской плоскости. Взойдя на верхъ, и присоединивъ къ себѣ двѣ роты, охранявшія дорогу въ Унцукуль, Пассекъ атаковалъ непріятеля. Не смотря на открытый по нимъ сильный огонь, Апшеронцы сбили горцевъ съ кургановъ и заставили ихъ отступить по направленію къ Ашальтамъ. Хотя послѣ того путь къ Унцукулю и сдѣлался свободнымъ, однако жители этого аула и не думали изъявлять покорности, что доказывало измѣну ихъ и полную преданность Шамилю.

Въ виду того, что экспедиція противъ Унцукуля не входила въ программу дѣйствій рекогносцировочнаго отряда, подполковникъ Пассекъ рѣшилъ отступить къ Цатаныху. Двѣ роты были временно оставлены на вершинѣ Бетлинской горы, а другія двѣ съ горнымъ единорогомъ спустились въ аулъ Бетлы. Пикеты съ верхней позиціи были доведены до самого аула, чѣмъ достигалась совокупность дѣйствій, въ случаѣ нападенія непріятельскихъ партій, находившихся вблизи расположенія авангарднаго отряда. Вечеромъ горцы окружили Бетлы и завели перестрѣлку, продолжавшуюся до вечера. Во весь этотъ день потеря отряда заключалась въ двухъ раненыхъ нижнихъ чинахъ. Передъ вечеромъ Пассекъ получилъ пред-

писаніе отъ Клугенау спуститься съ Бетлинской горы, а съ разсвѣтомъ 30-го ноября овладѣть Игалинскимъ переваломъ. Съ наступленіемъ ночи, Пассекъ со 2-й гренадерской ротой спустился съ Бетлинской горы, а затѣмъ съ чрезвычайной осторожностью и тишиной вывелъ роты изъ Бетлы, и, пройдя 8 верстъ по весьма трудной дорогѣ, на разсвѣтѣ 30-го числа, занялъ позицію на Игалинскомъ перевалѣ. Наступившіе холода заставили генерала Клугенау отказаться отъ экспедиціи въ Унцукуль, самъ онъ изъ Цатаныха возвратился въ Шуру, отправивъ предварительно двѣ роты, подъ начальствомъ маіора Познанскаго, въ Хунзахъ. Принятыя на зиму оборонительныя мѣры заключались въ слѣдующемъ: въ горахъ оставлены три баталіона Апшеронскаго полка, которые расположились такъ: въ Гоцатлѣ — 1-я гренадерская и 1-я мушкетерская роты; въ Хунзахѣ — 2-я и 3-я мушкетерскія роты; въ Балаканскомъ ущельи—двѣ роты 2-го баталіона; въ Ирганаѣ и Зырянахъ — по одной ротѣ того-же баталіона; въ Ахальчахъ — 3-я гренадерская и 7-я мушкетерскія роты и въ Цатаныхѣ 8-я и 9-я мушкетерская роты. 4-й баталіонъ занималъ по прежнему Міатлы, Казіюртъ, Озеньскій постъ и Низовое укрѣпленіе, а 5-й баталіонъ, въ кадровомъ составѣ, расположенъ былъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ[19]. Хотя движеніе отряда генералъ-маіора Клугенау и не прекратило совершенно возмущенія, день-ото-дня разраставшагося, но за то оно на время пріостановило успѣхи возмутителей, а выигрышъ времени при тогдашнемъ положеніи дѣлъ былъ равносиленъ полному успѣху. Кромѣ того, гарнизонъ Цатаныха, во время пребыванія здѣсь отряда, былъ снабженъ продовольствіемъ на пять мѣсяцевъ.

Къ концу года пламя возстанія охватило весь сѣверный Дагестанъ; повсюду появились сильныя партіи мюридовъ и возставшихъ жителей, которыя слѣдили за всѣми движеніями русскихъ и производили нападенія на небольшія команды. Одному изъ такихъ нападеній подверглась команда Апшеронскаго полка. Штабсъ-капитанъ Еременко, занимавшій съ 5-й и 6-й мушкетерскими ротами аулъ Балаканы, послалъ 3-го декабря подпоручика Ошмянца съ 80-ю человѣками для обозрѣнія ущелья по направленію къ Моксоху. Выступивъ въ 7 часовъ утра, подпоручикъ Ошмянецъ направился въ ущелье и дошелъ до хуторовъ, лежавшихъ въ 2-хъ верстахъ отъ Моксоха. Непріятель не замѣчалъ движенія Апшеронцевъ, хотя посты его виднѣлись на высотахъ съ правой стороны ущелья отъ Унцукуля и Харачей. Чтобы обезпечить себѣ отступленіе, Ошмянецъ оставилъ въ двухъ мѣстахъ наблюдательные пикеты. Когда горцы, собравшіеся изъ Андіи, Гумбета и другихъ ближайшихъ обществъ для защиты двухъ названныхъ выше ауловъ, получили извѣстіе о движеніи по ущелью команды, то они, въ числѣ болѣе 700 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, при 7-ми разноцвѣтныхъ значкахъ, спустились глубокими балками въ ущелье. Пикеты увѣдомили Ошмянца о появленіи непріятеля и онъ принялъ всѣ необходимыя мѣры къ отпору многочисленныхъ враговъ. Считая дальнѣйшее движеніе по ущелью не только безполезнымъ, но и чрезвычайно опаснымъ, начальникъ команды рѣшилъ отступать. Къ сожалѣнію, узкое дефиле стѣсняло движеніе команды, давая въ тоже время большое преимущество горцамъ, окружившимъ Апшеронцевъ со всѣхъ сторонъ. Непріятель открылъ убійственный огонь изъ-за каждаго камня; съуживая все болѣе и болѣе кругъ, въ центрѣ котораго находилась горсть солдатъ, мюриды запѣли священныя пѣсни и, повидимому, намѣревались броситься въ шашки. Команда отступала по узкой тропѣ между скалами, занимая послѣдовательно одну позицію за другой. Наконецъ, горцы, выбравъ удобный моментъ, бросились въ шашки; но встрѣченные ружейнымъ залпомъ и штыками были опрокинуты. Во

[19]) Денесеніе Клугенау № 7227. Дѣло № 123. 2-го Отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

время атаки убитъ былъ подпоручикъ Ошмянецъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ убито и ранено. Съ каждымъ шагомъ Апшеронцы теряли кого нибудь убитымъ или раненымъ; но это нисколько не уменьшало мужества солдатъ. Послѣ Ошмянца, начальство надъ командою принялъ храбрый и опытный унтеръ-офицеръ Фетисъ Киселевъ, онъ руководилъ отступленіемъ и отбивалъ всѣ натиски непріятеля. Между тѣмъ, штабсъ-капитанъ Еременко, услыхавъ стрѣльбу въ ущельи, выслалъ туда 40 рядовыхъ, подъ начальствомъ подпоручика Левицкаго. Какъ только Левицкій увидѣлъ солдатъ окруженныхъ горцами, то сейчасъ же занялъ высоты съ обѣихъ сторонъ ущелья, чтобы облегчить отступающимъ путь. Поражаемые съ двухъ сторонъ, горцы принуждены были очистить дорогу къ Балаканамъ. Подпоручикъ Левицкій пропустилъ первую команду, послѣ чего, снявшись съ своей позиціи, началъ и самъ отступать. Тогда непріятель съ удвоеннымъ ожесточеніемъ атаковалъ команду Левицкаго; но этотъ храбрый офицеръ, сомкнувъ цѣпь, бросился въ штыки на мюридовъ, смялъ и перекололъ переднихъ и заставилъ ихъ быть осторожнѣе; въ происшедшей схваткѣ у насъ раненъ только одинъ нижній чинъ. Послѣ того Левицкій безпрепятственно возвратился въ Балаканы. Потеря первой команды состояло изъ убитыхъ: подпоручика Ошмянца и 49 нижнихъ чиновъ, ранено 3 нижнихъ чина. Дѣло 3-го декабря, выказавъ еще разъ блистательное мужество Апшеронцевъ, боровшихся въ продолженіи цѣлаго дня съ десятеро сильнѣйшимъ противникомъ, ясно указало на опасное положеніе края, въ которомъ можно было совершать движенія только значительными отрядами и гдѣ незначительнымъ командамъ всегда угрожала большая опасность. Значительная потеря команды весьма естественна при несоразмѣрной численности ея съ силами горцевъ, имѣвшихъ еще на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности[20].

Слѣдуя приказаніямъ Шамиля, горцы съ каждымъ днемъ обнаруживали все болѣе и болѣе дерзкіе замыслы и предпріятія. Дошло до того, что они стали производить нападенія и на аулы занятые нашими войсками. Такому нападенію подвергся Цатаныхъ, гдѣ стояли 8-я и 9-я мушкетерскія роты Апшеронцевъ. 8-го декабря скопище горцевъ, среди котораго развивалось нѣсколько разноцвѣтныхъ значковъ, обложило аулъ со всѣхъ сторонъ. Но артиллерійскій и ружейный огонь скоро заставилъ непріятеля отказаться отъ своего дерзкаго намѣренія и отступить. Подобный случай указывалъ на то, что непріятель, сдѣлавъ разъ неудачную попытку, несомнѣнно повторитъ ее, но уже собравшись съ большими силами, и тогда положеніе нашихъ ротъ, раскинутыхъ въ горахъ, могло сдѣлаться опаснымъ. Сообщеніе съ Хунзахомъ чрезвычайно затруднилось, и отправка транспортовъ производилась подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ ротъ. Не взирая и на такія, относительно значительныя прикрытія, горцы, собираясь большими партіями, производили нападенія на транспорты. 16-го декабря изъ Хунзаха къ Зырянамъ шелъ транспортъ съ лошадьми, повозками и взятыми въ различныхъ аулахъ аманатами, подъ прикрытіемъ 150 человѣкъ линейнаго баталіона. Когда колонна подошла къ Моксоху, не занятому еще непріятелемъ, то начальникъ транспорта отправилъ къ коменданту Зырянъ рапортъ, въ которомъ просилъ о присылкѣ роты съ горнымъ единорогомъ, для болѣе безопаснаго слѣдованія черезъ Балаканское ущелье. Находившійся въ Балаканахъ Апшеронскаго полка полковникъ Ясинскій назначилъ для сопровожденія транспорта 2-ю гренадерскую роту, подъ командою поручика Гулевича. На разсвѣтѣ, 16-го декабря, рота выступила изъ Балаканъ и, дойдя до первыхъ кутановъ[21], открыла въ нихъ присутствіе сильныхъ непріятельскихъ постовъ; скоро посты эти были сбиты, но въ тоже время значительная партія мюридовъ бросилась въ шашки. Натискъ

[20] Донесеніе Клугенау. № 7255 и Командира Апшеронскаго полка. № 8644. Дѣло № 123. Архивъ Кавказскаго Окружнаго штаба.

[21] Огороженныя мѣста для загона скота.

этотъ отраженъ былъ безъ всякой потери для роты. Гулевичъ, слѣдуя раньше данной ему инструкціи, занялъ сильную позицію и сталъ поражать непріятеля артиллерійскимъ огнемъ. Звуки выстрѣловъ донеслись въ Балаканы и полковникъ Ясинскій, двинулся со 2-й мушкетерской ротой на помощь Гулевичу. Какъ только непріятель замѣтилъ приближеніе этой роты, то началъ отступать въ горы, таща за собою убитыхъ и раненыхъ; взобравшись на вершины, горцы стали бросать въ войска большіе камни. Роты дошли до Моксоха и взяли транспортъ. При обратномъ слѣдованіи, непріятель открылъ сильный ружейный огонь по колоннѣ. Это движеніе стоило Апшеронцамъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ[22]).

Донося обо всѣхъ описанныхъ случаяхъ корпусному командиру, генералъ-маіоръ Клугенау называлъ положеніе Дагестана «*бѣдственнымъ*» и «*отчаяннымъ*». Дѣйствительно, положеніе этой страны находилось весьма близко къ такому состоянію. Изъ койсубулинскихъ ауловъ остались покорными только Араканы, Ирганай, Зыряны и Буцра, остальные всѣ отложились. Андаляльское общество, за исключеніемъ ауловъ Чоха и Согратля, находилось въ полномъ возстаніи.

Шамхальскимъ владѣніямъ угрожала опасность отъ вторженія непріятеля со стороны Гимръ; съ отложеніемъ ауловъ Гергебиля и Кикуны прервалось сообщеніе между Аваріей и Мехтулинскимъ ханствомъ, а сообщеніе Шуры съ Аваріей черезъ Балаканское ущелье, какъ мы видѣли раньше, было также не безопасно. Аварію со всѣхъ сторонъ окружали возмутившіяся общества, и она могла подвергнуться вторженію партій Шамиля, Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы. «При всемъ моемъ желаніи», пишетъ генералъ Клугенау въ своемъ донесеніи корпусному командиру, «удержать въ повиновеніи покорныхъ намъ жителей и обезпечить возможно лучшимъ образомъ участокъ ввѣреннаго мнѣ края, оставшійся вѣрнымъ, я не ручаюсь за успѣхъ, особенно при наступленіи ранней весны, когда войска назначенныя въ экспедицію еще не прибудутъ, и возмутители воспользуются этимъ временемъ для нанесенія намъ наибольшаго вреда, зная, что еще нельзя предпринять движенія въ горы по чрезвычайно затруднительнымъ дорогамъ и по неимѣнію тамъ подножнаго корма. Изъ 8-ми баталіоновъ, находящихся въ моемъ распоряженіи и разбросанныхъ на разстояніи 100 верстъ, я имѣю въ резервѣ только одинъ баталіонъ, съ которымъ долженъ бросаться на всѣ пункты для поданія помощи и который въ тоже время долженъ служить для конвоированія транспортовъ. Еще разъ повторяю, что при всемъ моемъ желаніи удержать въ спокойствіи ввѣренный мнѣ край, я не ручаюсь за успѣхъ и не въ состояніи принять на себя отвѣтственность за всѣ неблагопріятныя послѣдствія, могущія для насъ произойти».

Не безъинтересно знать въ какомъ состояніи находилось въ то время укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шура, бывшее уже 8 лѣтъ штабъ-квартирой Апшеронскаго полка. Всѣ зданія этого укрѣпленія заключались въ неоконченномъ пороховомъ погребѣ въ скалѣ, полковомъ лазаретѣ, цейхгаузѣ, въ казачьемъ постѣ и двухъ казармахъ изъ саманнаго кирпича*). Въ казармахъ помѣщался временный госпиталь, гдѣ состояло отъ 600 до 1.000 человѣкъ больныхъ; собственно въ госпиталѣ могло помѣститься только 400 человѣкъ, остальные размѣщались въ турлучныхъ казармахъ и землянкахъ. Смертность въ полку была неимовѣрныхъ размѣровъ: въ одномъ 1841 году умерло 8 оберъ-офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ; а вообще со времени перехода полка изъ Кубы въ Шуру умерло 25 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Баталіоны размѣщались частью въ турлучныхъ казармахъ, частью въ полуразвалившихся землянкахъ. Укрѣпленіе сдѣлано было полковыми средствами, безъ всякихъ фортификаціонныхъ правилъ и не отличалось прочностью; отъ времени оно совсѣмъ обветшало.

[22]) Донесеніе полковника Ясинскаго. № 2. Дѣло № 123, 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.

*) Саманнымъ кирпичемъ на Кавказѣ называется кирпичъ, сдѣланный изъ рубленной соломы (саманъ) и глины.

Поддерживать штабъ-квартиру и устроить въ ней болѣе сносныя помѣщенія полкъ не могъ, ибо постоянно находился въ походахъ и занималъ гарнизонъ въ различныхъ укрѣпленіяхъ; въ Шурѣ оставалась только инвалидная рота [23]).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ случилось еще одно происшествіе, прекрасно рисующее какъ офицеровъ такъ и солдатъ Апшеронскаго полка. Въ городъ Кизляръ командировали отъ полка за разными покупками прапорщика Ковалевскаго съ 20 нижними чинами. 11-го ноября онъ выѣхалъ обратно съ транспортомъ изъ Кизляра. Не успѣлъ Ковалевскій переправиться черезъ Терекъ, какъ на него напала огромная партія горцевъ, желавшихъ прорваться въ городъ для разграбленія его. Ковалевскій, присоединивъ къ себѣ 10 человѣкъ солдатъ линейнаго баталіона, бывшихъ у переправы, встрѣтилъ непріятеля залпами и рѣшилъ защищать переправу до послѣдней крайности. Избравъ съ этой цѣлью ближайшее караульное строеніе, онъ началъ обстрѣливать паромъ; огонь былъ на столько силенъ и мѣтокъ, что непріятель, при всемъ своемъ желаніи, не могъ овладѣть переправой; нѣсколько разъ горцы бросались толпою въ атаку и каждый разъ уходили назадъ, неся чувствительную потерю. Наконецъ, непріятель рѣшился сдѣлать еще одинъ отчаянный натискъ. Собравшись для этого почти всей массой, онъ, имѣя во главѣ своего предводителя муллу Иліаса Абдулъ-Бури, съ гикомъ бросился къ парому; но встрѣченные мѣткимъ огнемъ и штыками вышедшихъ изъ строенія Апшеронцевъ, горцы, потерявъ убитымъ своего предводителя и много другихъ знатнѣйшихъ въ партіи лицъ, принуждены были отступить, успѣвъ только захватить двухъ быковъ; затѣмъ партія удалилась. Такимъ образомъ, горсть храбрыхъ Апшеронцевъ разбила огромную партію и спасла городъ отъ разграбленія. Наша потеря состояла изъ одного убитаго и 4-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, — все Апшеронцевъ. Такой подвигъ не остался не замѣченнымъ: корпусный командиръ, донося объ этомъ военному министру графу Клейнмихелю просилъ: «*о доведеніи о семъ случаѣ до свѣдѣнія Его Величества и ходатайствовалъ о награжденіи храбрыхъ*» [24]). Государь Императоръ утвердилъ всѣ награды за это дѣло: Ковалевскій получилъ чинъ подпоручика; подпрапорщикъ Петръ Худѣевъ — чинъ прапорщика; знаки отличія военнаго ордена: унтеръ-офицеръ Савелій Тимоковъ; рядовые: Димитрій Афанасьевъ и Иванъ Старухинъ; по 10 руб. сер. — Федоръ Федосѣевъ, Василій Бочаровъ и Павелъ Непомнящій [25]).

За 1841 годъ получены были слѣдующія награды: за Цельмесъ: подполковникъ Вагнеръ — св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною; капитанъ Лысенко — чинъ маіора; поручикъ Колтовской — св. Анны 3-й степени, фельдфебель Иванъ Лебедевъ вторую треть прибавочной пенсіи по знаку военнаго ордена. Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени пожалованы: унтеръ-офицерамъ: Николаю Балякину и Даніилу Петрову; рядовымъ: Наполеону Зелинскому, Карпу Мышину, Петру Стрекозову, Василію Никитину, Алексѣю Демину и Карпу Маркову; единовременно по 5 руб. сер.: Николаю Руслевскому и Прохору Юдину [26]).

За экспедицію въ Чиркей пожалованы: командиру полка полковнику Симборскому—орденъ св. Анны 2-й степени съ короною; полковнику Ясинскому, штабсъ-капитану Падлову, поручикамъ: Васильеву и Кунчерову—Монаршее благоволеніе; маіору Бельгарду, штабсъ-капитану Берхману, поручику Гавриленко, подпоручикамъ: Павлову, Виноградскому 1-му и Виноградскому 2-му; прапорщикамъ: Браму и Якубинскому — слѣдующіе чины; маіору Зайцеву—св. Анны 3-й степени. Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени: унтеръ-офицерамъ: Димитрію

---

[23]) Дѣло № 123.

[24]) Отзывъ военному министру № 1.324. Дѣло № 34. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[25]) Дѣло № 34. Особаго отдѣленія.

[26]) Дѣла № № 4 и 5. Особаго отдѣленія.

Андрееву, Димитрію Манакову, Ивану Завертаеву, Якову Коровайцеву и Прохору Константинову; рядовымъ: Гавріилу Чаунову, Ивану Меркулову, Андрею Поталову, Петру Сурину, Петру Логвиново и Ананію Попову [27]).

За осеннюю экспедицію въ Аваріи получили: командиръ полка полковникъ Симборскій — Монаршее благоволеніе; маіоръ Познанскій—орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; штабсъ-капитанъ Яковлевъ 1-й—св. Анны 3-й степени; поручикъ Гулевичъ 3-й — слѣдующій чинъ, прикомандированный къ полку Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Карцевъ—св. Анны 4-й степени; фельдфебеля: Иванъ Казанцевъ, Алексѣй Рубановъ и Иванъ Куркинъ-вторыя трети прибавочной пенсіи по знакамъ отличія военнаго ордена.

Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени получили: фельдфебель Яковъ Алексѣевъ; унтеръ-офицеры: Максимъ Григорьевъ и Лаврентій Харитоновъ; рядовые: Сергѣй Губинъ, Андрей Козловъ, Андрей Сусловъ, Андрей Бабашкинъ, Василій Кореликъ и Иванъ Шевяковъ [28]).

[27]) Дѣло № 6. Особаго отдѣленія.
[28]) Дѣло № 207. Особаго отдѣленія.

Глава Третья.

Отсутствіе системы въ войнѣ съ горцами. — Система генералъ-адъютанта Граббе. — Характеръ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ. — Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ. — Мнѣніе Императора Николая I. — Численность войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. — Цѣль дѣйствій Дагестанскаго отряда. — Составъ отряда. — Положеніе Дагестана въ началѣ 1842 года. — Первоначальныя распоряженія генерала Фезе. — Формированіе отряда для движенія въ Гергебиль. — Выступленіе въ походъ. — Путь къ Гергебилю. — Аулъ Гергебиль и его укрѣпленія. — Атака непріятельскихъ позицій. — Дѣйствіе авангарда. — Взятіе поручикомъ Шульгинымъ передовой позиціи. — Дальнѣйшія атаки. — Обходное движеніе четвертой гренадерской роты. — Донесеніе генерала Фезе о капитанѣ Берхманѣ. — Взятіе Гергебиля. — Потери непріятеля и наши. — Дѣйствія летучихъ колоннъ. — Постройка въ Гергебилѣ укрѣпленія. — Движеніе отряда въ Андаляль. — Занятіе аула Чохъ. — Разбитіе скопища горцевъ у Карадахскаго моста. — Удачныя дѣйствія колонны подполковника Евдокимова. — Занятіе ауловъ Харачи и Унцукуля. — Печальный случай съ Евдокимовымъ въ Унцукулѣ. — Прибытіе главнаго отряда въ Унцукуль. — Постройка укрѣпленія. — Вторженіе Шамиля въ Андаляль. — Возвращеніе въ Шуру. — Походъ въ Казикумухъ. — Дѣло баталіона Познанскаго у Холотля. — Смерть штабсъ-капитана Падлова. — Приготовленія къ экспедиціи въ аулъ Игали. — Составъ отряда. — Описаніе дорогъ. — Апшеронцы въ авангардной колоннѣ. — Взятіе Игали. — Сраженіе 26-го іюня и занятіе садовъ. — Взятіе Апшеронцами Игалинскихъ высотъ. — Занятіе Тлохскихъ высотъ. — Дѣло 27-го іюня. — Нападеніе горцевъ на постъ прапорщика Алексѣева. — Блестящія дѣйствія охотниковъ и 3-й мушкетерской роты Апшеронскаго полка. — Отступленіе отъ Игали. — Смерть полковника Шафронскаго. — Подвигъ сводно-гренадерскаго баталіона. — Потери отряда и Апшеронцевъ. — Результаты экспедиціи. — Причины неудачи. — Дальнѣйшая дѣятельность Дагестанскаго отряда. — Нападеніе горцевъ на полковой табунъ. — Дѣйствія 1-го баталіона на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. — Дѣло съ чеченцами 25-го октября. — Подвигъ фельдфебеля Казанцева. — Возвращеніе баталіона въ штабъ-квартиру. — Расположеніе полка. — Награды.

При внимательномъ обзорѣ всѣхъ нашихъ военныхъ предпріятій на Кавказѣ, съ цѣлью утвержденія нашего владычества, не трудно замѣтить отсутствіе системы въ дѣлѣ веденія войны съ горцами. Цѣлый рядъ событій доказалъ, что въ войнѣ продолжительной, участь которой не зависѣла отъ нѣсколькихъ рѣшительныхъ ударовъ, первымъ необходимымъ условіемъ должна была быть общая надолго принятая система, независимая отъ перемѣны главнаго начальника края; эта система должна была направлять наши усилія къ одной цѣли, сохранять въ дѣйствіяхъ извѣстную постепенность и не позволять отклоняться отъ главной руководящей идеи, когда приводились въ исполненіе частныя задачи, хотя бы и весьма привлекательнаго свойства. Недостатокъ системы явился главной причиной того печальнаго явленія, что лишь въ немногихъ пунктахъ Кавказа наша борьба съ горцами имѣла вполнѣ удовлетворительный результатъ; въ большинствѣ же случаевъ — пріобрѣтенія не имѣли прочнаго основанія. Послѣ первыхъ, очень часто блистательныхъ, успѣховъ въ извѣстной части Кавказа, дѣятельность нашихъ войскъ, не утверждаясь здѣсь окончательно, съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, переносилась въ другіе пункты, силы раздроблялись отъ Чернаго до Каспійскаго моря и на всемъ этомъ протяженіи мы не могли стать твердой ногой: каждый годъ появлялись то частныя, то общія возмущенія, которыя, уничтожая все сдѣланное на скорую руку, потрясали до основанія нашу власть. Ежегодно, а иногда и нѣсколько разъ въ годъ, приходилось воевать съ «покорными» намъ народами, принимать отъ нихъ вновь изъявленіе покорности и продѣлывать это въ строгой систематич-

ности изъ года въ годъ. Одно ужь это ясно доказывало, что, собственно говоря, среди горскихъ народовъ безусловно покорныхъ намъ не было. Наконецъ, повсемѣстное возстаніе въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ и Чечнѣ въ 1841 г. поставило кавказское начальство въ положеніе самое критическое. Это возстаніе, образованное подъ вліяніемъ мюридовъ, увеличило силы Шамиля до такой степени, что становилось положительно невозможнымъ дѣйствовать противъ возставшихъ съ одной только стороны, ибо опасность одинаково являлась со стороны Чечни и со стороны Дегестана. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ Шамиль въ послѣднее время перемѣнилъ тактику, вышелъ изъ положенія обороны и частныхъ набѣговъ и сталъ дѣйствовать наступательно. Обративъ вниманіе исключительно на Дагестанъ, и ослабивъ въ тоже время силы Чеченскаго отряда, мы тѣмъ самымъ могли открыть широкое поле для дѣятельности чеченцевъ въ Кумыкскихъ владѣніяхъ, на Кавказской линіи и даже на Военно-Грузинской дорогѣ. Съ другой стороны, военныя дѣйствія, направленныя только противъ Чечни, давали возможность подняться всѣмъ племенамъ Дагестана. Собственно говоря, система оборонительной войны, требуя почти столько же войскъ, сколько необходимо и при наступательныхъ дѣйствіяхъ, врядъ-ли дала бы безусловно хорошіе результаты. Вотъ почему въ наступившемъ году предположено было произвести двѣ экспедиціи: одну въ Чечню, а другую въ Дагестанъ, усиливъ для того надлежащимъ образомъ отряды наши въ означенныхъ мѣстностяхъ. Самыя блестящія экспедиціи могли дать въ результатѣ только подавленіе возмущенія и, можетъ быть, временную покорность,—въ этомъ и состояла задача военныхъ дѣйствій 1842 года. «Для полнаго овладѣнія краемъ необходимы усилія и труды нѣсколькихъ лѣтъ, при чемъ мы должны будемъ прочно утверждаться въ занятыхъ нами пунктахъ» — это была система войны, рекомендованная генералъ-адъютантомъ Граббе. И такъ, для сохраненія безопасности нашихъ границъ, для нанесенія дѣйствительнаго пораженія непріятелю и прекращенія возстанія, рѣшено было произвести одновременныя и совокупныя дѣйствія со стороны Чечни и Дагестана, а для прочнаго покоренія того и другаго края, продолжать эти дѣйствія нѣсколько лѣтъ.

Въ Дагестанѣ военныя дѣйствія носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ таковыя же въ другихъ частяхъ Кавказа.

Война въ Дагестанѣ требовала совершенно особыхъ соображеній; горцы здѣсь живутъ въ большихъ аулахъ, окруженныхъ садами; они не оставляли своихъ жилищъ и обыкновенно защищались съ отчаяніемъ, а въ случаѣ неудачи, просили пощады. Это обстоятельство, въ связи съ характеромъ мѣстности, давало возможность вести наступательныя дѣйствія и ожидать отъ нихъ результатовъ болѣе скорыхъ и рѣшительныхъ. Очень часто взятіе одного большаго аула заставляло цѣлое общество изъявлять покорность; одно удачное дѣло сразу охлаждало фанатизмъ горцевъ и приводило ихъ въ уныніе. При благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, одна экспедиція могла успокоить весь край. Высказанныя соображенія говорили въ пользу наступательныхъ дѣйствій, которыя должны предшествовать всѣмъ другимъ мѣрамъ: они отвращали опасность, угрожавшую покорнымъ намъ провинціямъ и сосѣднимъ племенамъ, возстановляли спокойствіе между племенами, начинавшими колебаться, ослабляли и усмиряли племена независимыя. Одна изъ ближайшихъ задачъ военныхъ дѣйствій въ 1842 году состояла въ возстановленіи спокойствія между племенами, раньше намъ покорными; теперь у нихъ поднялось общее волненіе и явное неповиновеніе нашимъ властямъ,— таковы были Аварія и Койсубу. Но наступательныя дѣйствія находились въ зависимости отъ столькихъ случайностей, что опредѣлить время ихъ окончанія или направленіе было весьма трудно; во всякомъ случаѣ, военныя дѣйствія предположено начать съ утвержденія нашего въ Койсубу и Аваріи, чѣмъ достигалось болѣе прочное положеніе въ горахъ. Пред-

варительно нужно было имѣть въ рукахъ сообщенія между Темиръ-Ханъ-Шурой и главнѣйшими пунктами Койсубу и Аваріи, какъ-то: Хунзахомъ, Унцукулемъ, Гергебилемъ и Согратлинскимъ мостомъ; потомъ проложить нѣсколько дорогъ отъ Хунзаха по направленію къ непріязненнымъ племенамъ и овладѣть теченіемъ обѣихъ Койсу [1]. Государь Императоръ Николай I-й, утверждая предположенія о дѣйствіяхъ на 1842 г., сдѣлалъ собственноручныя замѣчанія о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ вопросахъ и, между прочимъ, коснувшись Дагестана, написалъ слѣдующее: «*По сей части Кавказа мысли Мои нестоль ясны; полагаю, что занятіе Чиркея должно считаться весьма полезнымъ для успокоенія собственно пространства отъ Сунженской линіи, Терека до Каспійскаго моря и владѣній Тарковскихъ. Но далѣе, къ Мехтулинскому и Аварскому владѣніямъ, не считаю сдѣланнаго достаточнымъ; надо ближайше на мѣстѣ обсудить, какія точки нужно занять, кромѣ Хунзаха, чтобы владычество Наше и спокойствіе края считать прочнымъ*» [2]. Въ Дагестанѣ находилось 12 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ весь Апшеронскій полкъ); 4 баталіона оставлялись для охраненія Шамхальскихъ владѣній и удержанія сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ Аваріей черезъ Балаканское ущелье, а 8 баталіоновъ предназначены для дѣйствій въ Аваріи. Дагестанскій отрядъ, кромѣ войскъ, распредѣленныхъ на различныхъ пунктахъ въ Аваріи, Койсубу и по Сулаку долженъ былъ собраться въ Шурѣ къ 10 маю и уже отсюда двигаться черезъ ханство Мехтулинское на Гергебиль и Карадахскій мостъ въ Аварію. По прибытіи въ Аварію, отрядъ присоединялъ къ себѣ 2 баталіона Апшеронцевъ, расположенныхъ здѣсь, и уже затѣмъ, въ числѣ 8 баталіоновъ, слѣдовалъ черезъ укрѣпленіе Хунзахъ и гору Танусъ на высоты Арактау, а потомъ черезъ аулъ Цатаныхъ на Бетлинскую гору, къ Ашальтамъ и Чиркату, съ цѣлью овладѣнія въ этомъ мѣстѣ переправою черезъ Андійское Койсу, которую и надлежало укрѣпить. Это весьма важное предпріятіе облегчалось движеніемъ Чеченскаго отряда въ землю гумбетовцевъ. Послѣ укрѣпленія переправы, Дагестанскій отрядъ долженъ былъ овладѣть ауломъ Игали съ тѣмъ, чтобы удержать его за собою; этимъ и оканчивался первый періодъ военныхъ дѣйствій.

Весь дѣйствующій Дагестанскій отрядъ состоялъ: изъ 4 баталіоновъ Апшеронскаго и 4 баталіоновъ князя Варшавскаго пѣхотныхъ полковъ, сотни донскихъ казаковъ, 18 орудій и 200 человѣкъ Шамхальской и Мехтулинской милицій. Вслѣдствіе назначенія Апшеронцевъ въ дѣйствующій отрядъ, всѣ укрѣпленія, гдѣ они стояли гарнизономъ, заняли другія части. Прежде, чѣмъ началась главная экспедиція, Апшеронцамъ пришлось принять участіе въ зимней экспедиціи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фезе, противъ непокорныхъ и измѣнившихъ намъ обществъ Сѣвернаго Дагестана. Для того чтобы выяснить цѣль зимней экспедиціи, обрисуемъ положеніе Дагестана въ началѣ 1842 года.

Какъ мы видѣли раньше, согласно донесеніямъ генерала Клугенау, положеніе края въ концѣ прошлаго года, было «отчаянное». Главный пунктъ въ горахъ Аваріи, куда устремился Шамиль, заняли мюриды, а въ нашихъ рукахъ оставались только Хунзахская горная плоскость и укрѣпленные пункты: Цатаныхъ, Гоцатль и Ахалчи. Даже Мехтулинское ханство Шамиль держалъ въ страхѣ, такъ какъ ключъ ко входу въ эти владѣнія, аулъ Гергебиль, находился во власти мюридовъ; отсюда они угрожали возмущеніемъ всей нагорной части ханства. Общество Койсубу совершенно покорилось имаму и признало его власть, исключеніе пока составляли Араканы и тѣ аулы, гдѣ имѣлись наши укрѣпленія, какъ-то: Зыряны, Ирганай и Балаканы; кромѣ Чиркея и Зубута, все Салатавское общество вновь предалось Шамилю. Такимъ образомъ, Шамхальскія владѣнія съ укрѣпленіемъ Темиръ-Ханъ-Шурой со стороны

[1]) Дѣло № 137. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[2]) Тамъ же.

горъ охватились непріязненными обществами. Вся линія отъ укрѣпленія Казіюрта до южной оконечности Мехтулинскаго ханства находилась въ безпрестанной тревогѣ отъ нападеній горцевъ; въ особенности опасности подвергалась плоскость на правомъ берегу нижняго Сулака, гдѣ паслись громадныя стада жителей шамхальскихъ деревень, представляя изъ себя богатую поживу, для хищническихъ партій. Сообщеніе Шамхальскаго владѣнія и Мехтулинскаго ханства съ Аваріей совершенно прервалось; дѣло дошло до того, что въ Хунзахскомъ гарнизонѣ оказался ощутительный недостатокъ въ соли, потому что путь изъ Шуры черезъ Гергебиль въ Аварію заняли мюриды, а по Балаканскому ущелью не иначе можно было слѣдовать, какъ только подъ прикрытіемъ цѣлаго баталіона съ артиллеріей. Съ измѣной Кибитъ-Магомы Тилитлинскаго, явились новыя опасенія за спокойствіе Акуши и Казикумухскаго ханства; общества, обитавшія между Аваріей и Казикумухомъ, какъ-то: Хидатль, Кхелебъ, Карахъ, Ункратль и часть Акуши, лежащая между Аварскимъ и Кара-Койсу,— уже возстали. Такимъ образомъ, Шамиль, пріобрѣтя вліяніе на Акушу и отчасти на Казикумухъ, угрожалъ безпокойствомъ и вторженіемъ всему среднему Дагестану до рѣки Самура. Чтобы достигнуть полнаго обладанія нагорнымъ Дагестаномъ, въ началѣ февраля онъ приказалъ Кибитъ-Магомѣ, Хаджи-Мурату, Абукаръ-Кадію Гумбетовскому, Абдурахманъ-Кадію Карахскому и Гаджіову Андійскому собрать скопища горцевъ, а въ половинѣ того же мѣсяца открыть наступательныя дѣйствія по всѣмъ пунктамъ западной границы нашихъ Дагестанскихъ владѣній. Ускоряя военныя дѣйствія, Шамиль имѣлъ въ виду воспользоваться благопріятнымъ для него зимнимъ временемъ и ранней весной, когда войска, назначенныя для экспедиціи, еще не были въ сборѣ.

6-го февраля пріѣхалъ въ Шуру генералъ-лейтенантъ Фезе, принявшій отъ Клугенау начальство надъ войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ. Корпусный командиръ предписалъ ему сдѣлать все необходимое для удержанія края въ спокойствіи и для уничтоженія предпріятій Шамиля. Немедленно по пріѣздѣ въ Дагестанъ, Фезе сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Чтобы увеличить число войскъ для военныхъ дѣйствій, онъ приказалъ въ тѣхъ мѣстахъ Аваріи и Койсубу, гдѣ стояли гарнизонами роты съ орудіями (а именно: въ Ирганаѣ, Балаканахъ, Ахалчи, Гоцатлѣ и Цатаныхѣ), построить укрѣпленные посты, оставивъ въ нихъ гарнизономъ только по полувзводу или взводу пѣхоты съ однимъ орудіемъ; результатомъ такого распоряженія въ Аваріи освободилось три роты Апшеронскаго полка съ двумя горными единорогами, а въ Койсубу — двѣ роты Апшеронцевъ съ однимъ горнымъ орудіемъ. Въ Шурѣ сформированъ отрядъ изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты при 7-ми орудіяхъ, который долженъ былъ двинуться къ Гергебилю; этому отряду содѣйствовали особыя летучія колонны: одна со стороны Аваріи (3 роты Апшеронцевъ, подъ командою маіора Познанскаго), а другая — со стороны Койсубу (двѣ роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Евдокимова). Шамиль, узнавъ о нашихъ приготовленіяхъ и думая отвлечь отрядъ отъ сѣвернаго Дагестана, двинулся со скопищемъ въ Салатавію, чтобы покорить Чиркей и Зубутъ. Полученное извѣстіе вынудило Фезе выступить 11-го февраля съ отрядомъ къ Чиркею. Этимъ движеніемъ и началась зимняя экспедиція, продолжавшаяся до 28-го марта. Быстрое наступленіе главныхъ силъ черезъ Евгеніевское укрѣпленіе на гору Салатау, заставило скопище Шамиля отступить и разсѣяться. Успокоившись за Чиркей и Зубутъ, генералъ Фезе рѣшилъ немедленно овладѣть Гергебилемъ—этимъ центральнымъ пунктомъ между Аваріей, Койсубу и Андалялемъ. 15-го февраля войска возвратились изъ Чиркея въ Шуру и начали готовиться къ новому походу. Въ составъ отряда вошли: 1-я и 4-я гренадерскія и 6-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка, при чемъ первыя двѣ, вмѣстѣ съ ротой Мингрельскаго полка образовали сводный гренадерскій баталіонъ, подъ командою полковника Ясинскаго, а 6-я мушкетерская рота играла роль саперной роты. Всѣ части войскъ, расположенныя въ Шамхальскихъ владѣніяхъ и не во-

шедшія въ составъ экспедиціоннаго отряда, подчинены были командиру Апшеронскаго полка полковнику Симборскому. Въ Шурѣ остались 5-я гренадерская и 14-я мушкетерская роты и недавно пришедшій для укомплектованія полка баталіонъ Минскаго пѣхотнаго полка; въ Евгеніевскѣ расположенъ былъ баталіонъ князя Варшавскаго полка, (Ширванскаго); въ нижней Сулакской линіи 1-я мушкетерская, а въ Міатлахъ 11-я мушкетерская рота Апшеронскаго и 3 роты Мингрельскаго полковъ; въ Казіюртѣ — 15-я мушкетерская и въ Низовой—13-я мушкетерская роты. Такимъ образомъ, для обороны Шамхальской плоскости и нашихъ границъ имѣлось всего только 12 ротъ (не считая баталіона Минскаго полка).

17-го февраля главный отрядъ двинулся къ Гергебилю, черезъ аулы Большой и Малый Дженгутай; въ этотъ день войска ночевали въ Маломъ Дженгутаѣ (Верхній), а утромъ слѣдующаго дня направились къ аулу Оглы въ такомъ порядкѣ: авангардъ, подъ командою Апшеронскаго полка полковника Ясинскаго, состоялъ изъ своднаго гренадерскаго баталіона и баталіона Ширванскаго полка и 3-хъ горныхъ единороговъ; въ главныхъ силахъ находились два баталіона, два горныхъ единорога, тутъ же шли и транспорты съ продовольствіемъ; въ аріергардѣ былъ баталіонъ при двухъ легкихъ орудіяхъ. 19-го февраля, войска въ томъ же порядкѣ выступили изъ Оглы. Дорога дѣлалась все труднѣе и труднѣе. Чрезвычайно крутые спуски и подъемы, и покрытыя снѣгомъ тропы затрудняли движеніе и утомляли солдатъ; пришлось остановиться для ночлега на снѣжной горѣ Бахтуритау, причемъ ощущался недостатокъ въ дровахъ и водѣ. Съ разсвѣтомъ 20-го числа, отрядъ сталъ спускаться съ горы Бахтуриту, не далеко отъ подножія которой расположенъ Гергебиль. Этотъ аулъ построенъ на конусообразной крутой скалѣ, на которой амфитеатромъ стояло болѣе 600 сакель. Жители и мюриды укрѣпили аулъ завалами и башнями; рядъ заваловъ они устроили также по гребню высоты, имѣвшей видъ огромнаго вала, отдѣленнаго отъ Гергебиля съ юго-восточной стороны глубокимъ оврагомъ — продолженіемъ Аймакинскаго ущелья. Этотъ природный валъ, вмѣстѣ съ завалами и башнями, совершенно преграждалъ доступъ къ аулу на пространствѣ отъ Бахтуритау до Казикумухскаго Койсу, а далѣе упирался въ скалистый хребетъ горы Кулхи. Но непріятель не ограничился этими преградами: въ $3^1/_2$ верстахъ впереди, онъ выбралъ весьма сильную позицію; она состояла изъ ряда отвѣсныхъ скалъ, тянувшихся на разстояніи 2-хъ верстъ и упиравшихся флангами въ глубокія пропасти; существовала только одна тропинка въ центрѣ этой позиціи, она проходила по дну ущелья Мехикханъ-Калту, но и ее горцы могли обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ.

Для атаки Гергебиля отрядъ построился въ такой порядокъ; во главѣ шли 1-я и 4-я гренадерскія роты Апшеронцевъ и одинъ трехъ-фунтовый горный единорогъ, за нимъ еще 5 ротъ пѣхоты съ двумя единорогами; всѣ эти части составляли авангардъ, подъ командою полковника Ясинскаго. Дорога къ непріятельской позиціи была настолько узка, что люди могли пробираться по ней только по одиночкѣ, для провоза же артиллеріи, требовалась разработка. Ясинскій съ авангардомъ спустился по этой тропѣ и прикрылъ рабочихъ; подполковникъ генеральнаго штаба Форстенъ, съ двумя ротами Апшеронцевъ, занялъ край гребня горы и разсыпалъ стрѣлковъ. Между передовой цѣпью и непріятелемъ завязалась довольно жаркая перестрѣлка, и горцы сосредоточивали свой огонь на рабочихъ. Тогда начальникъ цѣпи поручикъ Шульгинъ бросился со стрѣлками на передовую позицію горцевъ, выбилъ ихъ, перекололъ защищавшихся мюридовъ и, занявъ непріятельскій завалъ, скрылъ отъ выстрѣловъ цѣпь; но, къ сожалѣнію, самъ Шульгинъ былъ тяжело раненъ[3]. Подъ

[3]) Поручикъ Одесскаго пѣхотнаго полка Шульгинъ былъ прикомандированъ къ полку.

прикрытіемъ нашей цѣпи саперная рота (6-я мушкетерская) получила возможность разработывать дорогу отъ вершины горы до позиціи, занимаемой авангардомъ. Какъ только всѣ войска спустились, то генералъ Фезе рѣшилъ штурмовать Гергебиль съ горы и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: полковникъ Ясинскій съ тремя ротами (въ томъ числѣ 1-я гренадерская Апшеронцевъ) долженъ былъ наступать на центръ расположенія непріятеля, имѣя въ резервѣ одну роту; въ обходъ лѣваго фланга по гребню скалы направленъ подполковникъ Форстенъ съ двумя ротами; для атаки праваго фланга позиціи горцевъ назначена 4-я гренадерская рота Апшеронцевъ, подъ командою капитана Берхмана. Чтобы совершить обходъ, Берхманъ долженъ былъ спуститься на дно глубокаго и узкаго, обрывистаго ущелья, гдѣ, вѣроятно, до того времени нога человѣческая не ступала. Цѣпляясь за выступы скалъ, при помощи ремней и ружей, Апшеронцы успѣли спуститься на дно ущелья и пошли вдоль его. Когда это почти невѣроятное движеніе, было выполнено съ успѣхомъ, то Фезе послалъ для поддержки Берхмана еще двѣ роты Тифлисскаго полка. Наступленіе поддерживалось огнемъ изо всѣхъ орудій и изъ крѣпостныхъ ружей, находившихся при командѣ Апшеронскаго полка. Колонна Ясинскаго быстро подвигалась впередъ и, дойдя подъ градомъ пуль и камней до главныхъ заваловъ, бросилась въ штыки; впереди шла 1-я гренадерская рота, подъ командою поручика Павлова, она первою ворвалась въ завалы. Здѣсь особенно отличился унтеръ-офицеръ Василій Даевъ: вбѣжавъ въ завалъ, онъ закололъ двухъ мюридовъ, а одного взялъ въ плѣнъ [4]. Смѣлое движеніе колонны Ясинскаго принесло большую пользу: оно разбило скопище непріятеля на двѣ части, и горцы, охваченные паническимъ страхомъ, въ безпорядкѣ бѣжали въ Гергебиль. Гренадеры по пятамъ преслѣдовали непріятеля, часть скопища они отбросили въ глубокій оврагъ, откуда горцы выбраться не могли, и гдѣ ихъ всѣхъ истребили. Между тѣмъ, Берхманъ съ 4-й гренадерской ротой, не смотря на открытый по немъ сильный ружейный огонь, бросился въ штыки на толпы мюридовъ, разбилъ ихъ на голову и по словамъ генерала Фезе: «былъ однимъ изъ первыхъ виновниковъ одержанія блестящей побѣды» [5]. Соединеніе фронтальной атаки съ обходомъ праваго фланга позиціи увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ, быстрое и рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ сильно подѣйствовало на горцевъ. Разбитый на всѣхъ пунктахъ, непріятель успѣлъ однако же занять вторую позицію, защищенную скалами и завалами; кромѣ того, она фланкировалась выстрѣлами изъ башенъ и ретраншементовъ Гергебиля. Чтобы выбить непріятеля, приходилось спускаться по крутой горѣ, обстрѣливаемой перекрестнымъ огнемъ горцевъ. Пока всѣ части отряда стягивались, генералъ Фезе двинулся впередъ съ 1-й и 4-й гренадерскими ротами Апшеронцевъ и полубаталіономъ изъ ротъ Тифлисскаго и князя Варшавскаго полковъ. Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля эти части заняли передовой уступъ горы и образовали 1-ю боевую линію. Когда подошли главныя силы, то Фезе приказалъ полковнику Ясинскому съ войсками 1-й линіи спуститься съ занятаго нами уступа и выбить горцевъ изъ ихъ второй позиціи. Не смотря на убійственный огонь непріятеля, поражавшаго войска съ фронта и фланга, роты спустились внизъ и пошли въ штыки на мюридовъ; послѣдніе не выдержали натиска и стали отступать къ линіи своихъ главныхъ заваловъ. Чтобы дать дѣлу рѣшительный оборотъ, Фезе приказалъ колоннѣ Ясинскаго произвести фланговое движеніе влѣво, параллельно линіи непріятельскихъ заваловъ, и овладѣть гергебильскимъ мостомъ черезъ Казикумухское Койсу, находившимся за правымъ флангомъ занятой непріятелемъ третьей позиціи. Какъ только горцы замѣтили наступленіе 1-й линіи, угрожавшее совершенно отрѣзать имъ путь отсту-

4) Дѣло № 44. Особаго отдѣла. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

5) Изъ донесенія генерала Фезе. Дѣло № 13. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

пленія, то мало по малу ихъ огонь сталъ ослабѣвать, а вслѣдъ за тѣмъ они очистили всѣ башни и завалы. Семейства гергебильцевъ, видя пораженіе своихъ защитниковъ разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. Непріятель бѣжалъ, бросивъ на произволъ судьбы свои семейства. Овладѣвъ Гергебилемъ и гергебильскимъ мостомъ, генералъ Фезе отправилъ милицію для занятія двухъ мостовъ на Каракойсу: одного по дорогѣ въ Кикуны, а другаго у входа въ ущелье, называемое Гумли-Керпи. Все это было исполнено въ тотъ же день. По словамъ плѣнныхъ, непріятель потерялъ болѣе 400 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, а 70 тѣлъ осталось на мѣстѣ; въ плѣнъ взято 14 мюридовъ, гергебильскій кадій и 36 гергебильцевъ обоего пола. Войскамъ досталась огромная добыча, состоявшая изъ ружей, имущества, скота и другихъ предметовъ. Взятіе Гергебиля стоило намъ 3-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранены: 4 оберъ-офицера и 32 нижнихъ чина; контужены: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера и 5 нижнихъ чиновъ. У Апшеронцевъ убито нижнихъ чиновъ 2; ранены: поручикъ Шульгинъ и 14 нижнихъ чиновъ; контужены: полковникъ Ясинскій и 3 нижнихъ чина[6].

Пораженіе четырехтысячнаго скопища горцевъ, находившихся подъ предводительствомъ Карахскаго кадія Магомы-Мирзы, оказало большое нравственное вліяніе въ горахъ: спасшіеся бѣгствомъ изъ Гергебиля мюриды, разсказывая о пораженіи своемъ, распространяли въ горахъ ужасъ, вслѣдствіе чего многія непокорныя общества, изъ опасенія подвергнуться участи Гергебиля, присылали своихъ старшинъ съ увѣреніями въ неизмѣнной преданности. Дѣйствіе вспомогательныхъ колоннъ заключалось въ слѣдующемъ. Въ то время, когда главный отрядъ двигался еще къ Гергебилю, койсубулинскій приставъ, маіоръ Евдокимовъ выступилъ съ двумя ротами Апшеронскаго полка и однимъ горнымъ единорогомъ изъ аула Араканы къ аулу Кудуху. 19-го февраля роты имѣли перестрѣлку съ горцами и заставили ихъ отступить; во время перестрѣлки у насъ ранено 5 человѣкъ и контужено 2 (въ числѣ раненыхъ одинъ Апшеронецъ, остальные милиціонеры); 20-го числа Евдокимовъ подошелъ къ Кудуху и потребовалъ отъ жителей покорности. Весьма вѣроятно, что кудухцы не замедли-ли бы исполнить это требованіе, но пришедшіе сюда изъ Хидатля, Караха, Тилитля и Гергебиля мюриды заставляли жителей драться. Открывъ по Кудуху огонь изъ горнаго единорога, Евдокимовъ началъ разрабатывать дорогу къ аулу. Спустя нѣкоторое время, у единорога сломался лафетъ и его отослали обратно въ Араканы. Видя упорство кудухцевъ, Евдокимовъ имѣлъ намѣреніе 21-го февраля взять аулъ штурмомъ. Впрочемъ, до штурма дѣло не дошло: ночью мюриды бѣжали, а жители сдались, съ условіемъ пощадить ихъ дома и имущество.

Летучая аварская колонна, маіора Познанскаго, 20-го февраля заняла аулъ Чалды; отсюда Познанскій послалъ одну роту съ милиціей въ аулъ Кикуны; въ ночь на 21-е число Кикуны сдались безъ сопротивленія. Такимъ образомъ сообщеніе съ Аваріей возстановилось[7]. По взятіи Гергебиля, генералъ Фезе рѣшилъ построить здѣсь укрѣпленіе; оно должно было состоять изъ трехъ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ: главное укрѣпленіе въ садахъ, между Гергебилемъ и мостомъ черезъ Казикумухское Койсу,—оно предназначалось для обстрѣливанія аула; мостовое укрѣпленіе на Казикумухскомъ Койсу и таковое же на Каракойсу. Всѣ три пункта соединялись крытыми ходами. Гарнизономъ назначалась рота и два полевыхъ орудія. Къ 27 февраля укрѣпленія имѣли уже достаточную высоту и отрядъ получилъ возможность двинуться дальше. Оставивъ въ Гергебилѣ 2 роты Тифлисскаго полка и команду саперной роты, Фезе съ остальными войсками, состоявшими изъ 18 ротъ и 5 горныхъ единороговъ, 28-го февраля выступилъ вверхъ по Салтинскому ущелью къ

[6]) Дѣло № 13. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.
[7]) Дѣло № 13.

Салтинскому мосту. Дорога, въ видѣ узенькой тропы, извивалась по тѣсному ущелью; по ней и горцы рѣдко рѣшались проходить. Тѣмъ не менѣе, войска безпрепятственно достигли моста и расположились около него бивуакомъ. Въ тотъ же день явились къ генералу Фезе старшины всѣхъ отложившихся ауловъ Акушинскаго общества, лежавшихъ между Аварскимъ и Кара-Койсу; отъ имени жителей они изъявили безусловную покорность и выдали аманатовъ. Имѣя намѣреніе проникнуть въ Андаляль, и желая сдѣлать это съ меньшими затрудненіями, Фезе рѣшилъ произвести рядъ демонстрацій: одну — летучей колонной Познанскаго изъ Хунзаха въ аулъ Холотлю, а другую Мехтулинской милиціей, поддерживаемой взводомъ отъ Апшеронской роты — изъ Гоцатля по направленію къ Карадахскому мосту. Маіору Евдокимову предписано было двинуться изъ Кудуха въ Ирганай и наблюдать за сборищемъ горцевъ въ Унцукулѣ. 1-го марта отрядъ направился черезъ аулъ Салты (Цудахарскаго общества) въ Кёгеръ, а на другой день вступилъ въ главный аулъ Андаляльскаго общества Чохъ. До сихъ поръ андаляльцы никогда не видѣли у себя русскихъ войскъ; поэтому неожиданное появленіе ихъ и занятіе Чоха совершенно смутило жителей. Чохъ состоялъ изъ 800 дворовъ и уже съ осени прошлаго года находился во власти мюридовъ. При другихъ обстоятельствахъ, чохцы врядъ ли позволили бы такъ безнаказанно занять ихъ аулъ; но теперь ихъ удерживало желаніе выручить арестованныхъ въ Тифлисѣ андаляльскихъ купцовъ. Когда чохскіе мюриды узнали о приближеніи нашего отряда, то обратились за помощью къ Кибитъ-Магомѣ и Абдурахманъ Кадію и послѣдніе отправили къ Чоху часть скопищъ. Но мюриды опоздали: когда авангардъ отряда вступалъ въ аулъ, то они находились еще въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чоха и, узнавъ о занятіи его, отступили къ Гунибу. Всѣ чохцы, въ томъ числѣ и нѣкоторые мюриды, изъявили покорность русскому правительству. Между тѣмъ, выпалъ большой снѣгъ; онъ покрылъ всѣ тропы, по коимъ отрядъ вошелъ въ Андаляль. Двигаться внутрь страны не было никакой цѣли, оставаться дольше также было рисковано, ибо снѣгъ могъ затруднить отряду выходъ изъ горъ, поэтому генералъ Фезе рѣшилъ немедленно идти въ Аварію и Койсубу, чтобы, пользуясь удаленіемъ всѣхъ силъ Шамиля, наказать отложившіеся аулы. Выйдя изъ Чоха, войска 5-го марта взошли на перевалъ горы Иппалты, между Салтинскимъ и Карадахскимъ мостами, а на слѣдующій день были уже у Карадахскаго моста. Маіоръ Познанскій занимая со своимъ отрядомъ позицію выше аула Холотля, видѣлъ какъ два дня сряду толпы Шамиля, прибывая изъ Гумбета, Андіи, Технуцала и другихъ обществъ, переправлялись на правый берегъ Аварскаго Койсу. Въ Куядинскомъ ущельи и въ аулѣ Тилитлѣ, по донесеніямъ лазутчиковъ, собралось около 8.000 горцевъ. Не смотря, однако на свою многочисленность, непріятель не рѣшался выйти изъ занятыхъ имъ неприступныхъ позицій на горахъ Гунибѣ и Чёмоданѣ и ограничивался только однимъ наблюденіямъ за всѣми дѣйствіями нашихъ войскъ. Когда главный отрядъ подошелъ къ Карадахскому мосту, то сильная партія изъ куядинцевъ и карадахцевъ, занимала высокія скалы на правомъ берегу Аварскаго Койсу, близъ моста, съ цѣлью не пропустить наши войска; но 3 роты, поддержанныя остальными войсками отряда, выбили горцевъ изъ скалъ и вогнали ихъ въ Куядинское ущелье. Въ происшедшей перестрѣлкѣ мы потеряли: 2 убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранено: 2 оберъ-офицера и 23 нижнихъ чина; контужено: 1 штабъ-офицеръ и 12 нижнихъ чиновъ. Послѣ дѣла у Карадахскаго моста, отрядъ двинулся къ Хунзаху, куда и прибылъ 7-го марта. Пока генералъ Фезе двигался въ Хунзахъ, маіоръ Евдокимовъ не прекращалъ своихъ удачныхъ дѣйствій въ Койсубу[8]). Прежде чѣмъ овладѣть Унцукулемъ,

[8]) Летучій отрядъ Евдокимова усиленъ былъ двумя ротами Апшеронцевъ, прибывшихъ изъ Шуры.

Евдокимову предписано было занять аулъ Харачи, расположенный на горѣ Харачибалъ, господствующей съ одной стороны надъ Балаканскимъ ушельемъ, а съ другой надъ Унцукулемъ. Еще раньше, Евдокимовъ, при посредствѣ бывшаго кадія Унцукуля-Алило, завелъ съ унцукульцами мирные переговоры; послѣ долгихъ увѣщаній, унцукульцы согласились покориться и обѣщали истребить находившихся у нихъ 80 человѣкъ мюридовъ, какъ только русскія войска покажутся передъ ауломъ. Въ ночь на 6-е марта, Алило съ койсубулинской милиціей вошелъ въ Унцукуль; жители тотчасъ взялись за оружіе, захватили врасплохъ мюридовъ и 10 изъ нихъ убили. Когда описанное выше происходило въ Унцукулѣ, маіоръ Евдокимовъ овладѣлъ Харачами, а 6-го числа спустился къ Унцукулю; жители не оказали никакого сопротивленія и колонна вошла въ аулъ. Евдокимова немедленно окружилъ народъ и онъ спокойно съ нимъ разговаривалъ, выбирая мѣсто для расположенія отряда; въ это время къ нему сзади подкрался одинъ унцукульскій мюридъ и вонзилъ кинжалъ въ лѣвый бокъ, потомъ въ правое плечо, а третьимъ ударомъ ранилъ кадія Алило въ голову. Унцукульцы пришли въ страшное негодованіе отъ такого измѣннического поступка: въ одну минуту они изрубили въ куски мюрида, умертвили его мать и сестру и до основанія разрушили принадлежавшій ему домъ. Къ счастью, раны храбраго Евдокимова оказались не смертельны; повидимому судьба берегла его для высокихъ подвиговъ, совершенныхъ имъ впослѣдствіи. Когда генералъ Фезе получилъ донесеніе о занятіи Унцукуля, то, пользуясь благопріятными обстоятельствами, двинулся со всѣмъ отрядомъ къ этому аулу. Для обезпеченія тыла и наблюденія за дѣйствіями Шамиля и Кибитъ-Магомы со стороны Андаляля, оставленъ небольшой отрядъ на границѣ Казикумухскаго ханства; въ Гергебиль отправлена часть мехтулинской милиціи, а Аварію сторожилъ летучій отрядъ маіора Познанскаго и Ахметъ ханъ съ остальною частью милиціи. Несмотря на то, что дорога отъ Хунзаха къ Унцукулю прорѣзывалась хребтомъ Арактау, покрытымъ снѣгомъ, отрядъ, выступивъ 8-го марта, на другой день уже прибылъ въ аулъ, сдѣлавъ переходъ въ 40 верстъ. Унцукульцы приняли войска съ изъявленіемъ радости; они выдали 45 человѣкъ аманатовъ, по назначенію маіора Евдокимова, управлявшаго дѣлами, не смотря на полученныя имъ тяжелыя раны. Послѣ занятія Унцукуля не могли держаться и Гимры: 8-го числа гимринцы изъявили покорность и выдали 8 человѣкъ аманатовъ; ихъ примѣру послѣдовали: Бетлы, Ахкентъ и Инколита. Чтобы держать унцукульцевъ въ постоянномъ повиновеніи, Фезе рѣшилъ построить въ аулѣ укрѣпленіе. Благодаря энергичному содѣйствію самихъ унцукульцевъ, доставлявшихъ на своихъ ишакахъ строительный матеріалъ, укрѣпленіе къ 13-му марта было почти окончено. Оно было построено на отдѣльномъ курганѣ съ западной стороны Унцукуля, и господствовало какъ надъ ауломъ, такъ и надъ окрестною мѣстностью. Успѣхи наши въ Койсубу сильно не нравились Шамилю; съ цѣлью отвлечь отрядъ изъ Койсубу, онъ двинулся со скопищемъ въ Андаляль; но это движеніе не имѣло успѣха, ибо враждебное отношеніе къ мюридамъ акушинцевъ ставило Шамиля въ опасное положеніе, поэтому онъ вскорѣ оставилъ Андаляль. Кибитъ-Магома отправился въ аулъ Тилитль, Хаджи-Муратъ — въ Пелахъ, а Абукеръ-Кадій — въ Игали; скопища ихъ разошлись.

Результаты зимней экспедиціи были слѣдующіе: приведены въ покорность Койсубу и часть Аваріи и построены на важнѣйшихъ пунктахъ укрѣпленія. Вся убыль въ продолженіи экспедиціи состояла изъ 6-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ, 8 раненыхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и 62-хъ нижнихъ чиновъ. Не смотря на то, что военныя дѣйствія происходили въ весьма суровую зиму, обмороженныхъ людей не было.

20-го марта отрядъ возвратился въ Шуру. Не успѣли войска отдохнуть и одного дня,

какъ полученныя тревожныя вѣсти о волненіяхъ въ Казикумухѣ поставили генерала Фезе въ необходимость немедленно двинуться туда.

22-го марта Фезе выступилъ въ Казикумухъ. 25-го числа войска наши, слѣдуя форсированнымъ маршемъ, прибыли въ акушинскій аулъ Кундулау, гдѣ начальникъ отряда получилъ печальныя вѣсти: казикумухцы измѣнили намъ, аулъ Казикумухъ сдался Шамилю, а всѣ находившіеся въ немъ русскіе, выданы мюридамъ.

Дальнѣйшее движеніе въ горы теряло уже свое значеніе, ибо Казикумухъ былъ во власти мюридовъ, а на поддержку со стороны жителей нечего было и расчитывать. Поэтому, 26-го марта, отрядъ двинулся обратно въ Шуру. Желая придать движенію нашихъ войскъ хоть какое нибудь значеніе, генералъ Фезе попытался отвлечь Шамиля изъ Казикумуха, чтобы тѣмъ спасти Акушу и другія общества средняго Дагестана. Съ этой цѣлью, онъ предпринялъ фланговое движеніе къ аулу Тилитлю, угрожая ему нападеніемъ. Прибытіе главнаго отряда на перевалъ горы Иппальты произвело большую тревогу между горцами: въ продолженіи 27-го числа многочисленныя толпы ихъ сосредоточивались въ Куядинскомъ ущельи и въ Холотлѣ; непріятель занялъ южный хребетъ горы Иппальты, отдѣляющій куядинское ущелье отъ дороги, ведущей съ перевала этой горы къ Карадахскому мосту, и завязалъ съ отрядомъ перестрѣлку; она продолжалась 27-го и 28-го числа. Вечеромъ 27-го марта мюриды и скрывавшіеся въ горахъ жители Гергебиля, появились въ тылу отряда.

Для облегченія движенія главныхъ силъ, генералъ Фезе выдѣлилъ изъ состава войскъ особую колонну, въ 5 ротъ, при одномъ горномъ единорогѣ и командѣ Апшеронскаго полка съ крѣпостными ружьями, подъ начальствомъ полковника Радкевича; послѣднему приказано было переправиться по Маалибскому мосту черезъ Аварское Койсу и лѣвымъ берегомъ этой рѣки двинуться къ Карадахскому мосту. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фезе предписалъ маіору Познанскому съ летучей аварской колонной произвести неожиданное нападеніе на аулъ Холотль. 28-го марта главный отрядъ поднялся на сѣверный склонъ горы Иппалты, окружилъ аулъ Дарода и ближайшіе къ нему хутора, захватилъ 21 мюрида, небольшое число гербельцевъ и принадлежавшія имъ 85 штукъ рогатаго скота; жители Дароды были обезоружены. Полагая, что цѣль предпринятаго фланговаго движенія изъ Акуши по направленію къ Тилитлю достигнута, такъ какъ главныя силы Шамиля, потянулись изъ ханства Казикумухскаго къ Тилитлю, Фезе предпринялъ обратное движеніе къ Гергебилю, чтобы отсюда наблюдать за всѣмъ происходящимъ въ Акушѣ и Цудахарѣ. 28-го марта главный отрядъ и полковникъ Радкевичъ съ вспомогательной колоной возвратились въ Гергебиль, не понеся никакой потери. За то летучему отряду Познанскаго пришлось имѣть большое дѣло у Холотля. Сообразаясь съ движеніемъ главнаго отряда къ Карадахскому мосту, и полагая, что по первымъ свѣдѣніямъ объ этомъ, непріятель станетъ тамъ сосредоточиваться, Познанскій нашелъ необходимымъ двинуться къ Холотлю, лежащему на главномъ пути непріятельскихъ сообщеній. Маіоръ Познанскій хотѣлъ принять на себя ударъ главныхъ силъ горцевъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ дѣйствій отряда генерала Фезе. Движеніе рѣшено было произвести ночью, съ такимъ расчетомъ, чтобы до разсвѣта спуститься съ горъ къ рѣкѣ Койсу, показывая намѣреніе овладѣть ауломъ. Предпріятіе Познанскаго было чрезвычайно важное и весьма рискованное, ибо отрядъ его, увеличенный передъ тѣмъ одною, ротою, состоялъ всего изъ 5 ротъ; правда, онъ получилъ извѣстіе, что изъ Койсубу двигается ему на помощь штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, Веревкинъ, съ двумя ротами Апшеронцевъ, но это подкрѣпленіе могло не поспѣть вовремя, что дѣйствительно и случилось.

Въ ночь на 28-е марта, летучій отрядъ въ составѣ 4 ротъ Апшеронскаго полка, одной роты линейнаго баталіона и 2 горныхъ единороговъ, выступилъ изъ Хунзаха и на разсвѣтѣ

спустился съ высотъ къ р. Койсу, исправивъ по пути поврежденную непріятелемъ дорогу. Горцы нигдѣ не показывались. Занявъ въ болѣе удобныхъ мѣстахъ спускъ къ рѣкѣ Койсу, войска остановились. Когда совершенно разсвѣло, то Познанскій замѣтилъ въ Холотлѣ огромное скопище мюридовъ, собравшихся для защиты аула. Черезъ нѣсколько времени изъ аула выступила партія болѣе чѣмъ въ 200 человѣкъ съ 2 значками; встрѣченная сильнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и потерпѣвъ большой уронъ, она обратилась въ бѣгство; вслѣдъ за бѣгущими направился начальникъ праваго фланга боевой линіи, командиръ 3 гренадерской роты, штабсъ-капитанъ Падловъ со своею ротою, а за гренадерами съ лѣваго фланга бросилась и 2-я мушкетерская рота. Непріятель нѣсколько разъ высылалъ изъ аула подкрѣпленія, но они были опрокидываемы стремительнымъ натискомъ ротъ. Въ пылу преслѣдованія, и не слыша подаваемыхъ маіоромъ Познанскимъ сигналовъ къ отступленію, наши роты занеслись слишкомъ далеко впередъ; они выбили горцевъ изъ заваловъ и открыли оттуда огонь по главнымъ силамъ непріятеля. Возвращать роты назадъ, не подкрѣпивъ ихъ — равносильно было подвергать ихъ сильной потерѣ; поэтому Познанскій пошелъ къ нимъ съ резервомъ. Но, прежде чѣмъ прибыло подкрѣпленіе, горцы рѣшились на послѣднее отчаянное усиліе: собравшись всей массой, они кинулись въ шашки. Произошелъ ужасный рукопашный бой, въ которомъ солдаты показали чудеса храбрости; несмотря на многочисленность непріятеля, гренадеры опрокинули его штыками, но должны были выйти изъ заваловъ и заняли другую позицію. Въ первый же моментъ схватки командиръ роты штабсъ-капитанъ Падловъ былъ убитъ. Начальство надъ всѣми стрѣлками принялъ прапорщикъ Дьяконовъ; будучи самъ сильно контуженъ, онъ однако не потерялъ присутствія духа: подъ ударами шашекъ мюридовъ, этотъ храбрый офицеръ занялъ выгодную позицію, отбилъ нѣсколько отчаянныхъ натисковъ, при чемъ самъ принималъ участіе въ рукопашной схваткѣ и сломалъ въ бою свою шашку. Видя полную невозможность сбить стрѣлковъ, непріятель отступилъ. Уронъ горцевъ былъ настолько значителенъ, что они даже не воспользовались завалами, оставленными ротами, и отбѣжали назадъ, побросавъ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Во время рукопашной схватки убиты: штабсъ-капитанъ Падловъ и изъ обѣихъ ротъ 45 нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ затѣмъ подошелъ съ резервомъ Познанскій и присоединилъ къ себѣ передовыя роты.

Дальнѣйшее движеніе къ Холотлю, въ виду многочисленности скопища, начальникъ отряда нашелъ рискованнымъ; да, наконецъ, оно было и безполезно: цѣль предпріятія была уже достигнута и часть скопищъ Шамиля отвлечена.

Принявъ всѣ необходимыя мѣры къ отступленію, маіоръ Познанскій оставался, еще нѣкоторое время на позиціи, а затѣмъ началъ обратное движеніе. Отступленіе цѣпи обратило вниманіе непріятеля, который сейчасъ же началъ преслѣдовать отрядъ, бросаясь на цѣпь въ шашки; но солдаты отбивали горцевъ штыками, съ большимъ для нихъ урономъ. Когда отрядъ занялъ первоначальную свою позицію на высотахъ, то непріятель прекратилъ преслѣдованіе.

Вся потеря летучей колонны заключалась въ 1 оберъ-офицерѣ и 51 нижнихъ чинахъ, убитыми; ранены: 1 оберъ-офицеръ (штабсъ-капитанъ Бѣлоярцевъ) и 39 нижнихъ чиновъ [9].

Движеніе къ Холотлю, хотя и повлекло за собою значительныя потери, тѣмъ не менѣе принесло большую пользу: скопища горцевъ, собравшіяся у этого аула, отвлечены были отъ главнаго отряда; это же движеніе, въ связи съ фланговымъ маршемъ генерала Фезе, заставило Шамиля оставить на время Казикумухъ [10].

9) Дѣло № 1 секретной описи. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

10) Дѣло № 13. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба

Дѣломъ маіора Познанскаго заканчивается періодъ зимнихъ военыхъ дѣйствій. Войска главнаго отряда возвратились въ Шуру. Вскорѣ, вмѣсто генералъ-лейтенанта Фезе, командующимъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ опять назначенъ былъ генералъ-маіоръ Клугенау. Между тѣмъ, близилось время для начатія предположенной экспедиціи въ Игали; сформированный для этого отрядъ ввѣренъ былъ генералъ-адъютанту Граббе. Какъ уже говорилось раньше, цѣль экспедиціи заключалась въ огражденіи Аваріи отъ покушеній Шамиля и въ упроченіи въ этомъ краѣ владычества нашего, посредствомъ занятія переправъ на рѣкахъ Андійскомъ и Аварскомъ Койсу.

Къ Дагестанскому отряду, съ лѣваго фланга Кавказской линіи, присоединились 4 баталіона пѣхоты, 10 орудій и 100 казаковъ, такъ что весь дѣйствующій отрядъ состоялъ изъ 15 баталіоновъ. 16-го іюня всѣ назначенные въ походъ войска сосредоточились въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ, куда прибылъ и генералъ-адъютантъ Граббе. 19-го числа назначено выступленіе; войска были раздѣлены на два эшелона, первый изъ нихъ выступилъ 19-го іюня (2 баталіона и 7-я мушкетерская рота Апшеронцевъ, рота Тифлисскаго полка и 4 легкихъ орудія), а второй на слѣдующій день [11]). 23-го числа авангардъ пришелъ въ аулъ Цатаныхъ, а 24-го сюда стянулись всѣ войска, за исключеніемъ 2 баталіоновъ князя Варшавскаго полка (Ширванскаго), 2 единороговъ и 2 сотенъ казаковъ, оставленныхъ на Бетлинской горѣ для наблюденія за непріятелемъ. Хотя между Шурою и Цатаныхомъ считалось не болѣе 60 верстъ, но природа не поскупилась воздвигнуть на этомъ небольшомъ протяженіи массу препятствій: чрезвычайно крутые подъемы и спуски изборождили всю дорогу и дѣлали крайне затруднительнымъ движеніе по ней даже пѣхоты, не говоря уже объ артиллеріи. Обыкновенно часть, шедшая изъ Шуры въ Аварію, въ первый день достигала только Койсубулинскаго хребта и ночевала около аула Верхніе Казанищы; на другой день, при движеніи къ Зырянамъ, нужно было перебираться черезъ хребетъ, для чего приходилось подниматься 7 или 8 верстъ, а потомъ спускаться по каменистымъ уступамъ къ Бурундукъ-Кале. Понятно, что подъемъ и спускъ орудій производился при помощи канатовъ. Въ весеннее время путь этотъ дѣлается нѣсколько отраднѣе, такъ какъ покатости горъ покрываются травой и на время нарушается обычно-тоскливый и угрюмый видъ скалъ. Чѣмъ дальше войска углублялись въ горы, тѣмъ больше увеличивались и затрудненія: въ Балаканскомъ ущельи подъемы и спуски очень круты, дорога камениста и часто размывается потоками; дровъ и фуража почти не существуетъ. Подъемъ на Аракатау и потомъ дорога къ Хунзаху или Цатаныху, чрезвычайно утомляла войска; къ тому же каждую минуту имъ грозило нападеніе со стороны непріятеля.

Вся задача Дагестанскаго отряда заключалась пока во взятіи аула Игали, и въ устройствѣ тамъ сильнаго укрѣпленія. Положеніе дѣлъ въ краѣ позволило генералу Граббе обратить исключительное вниманіе на этотъ пунктъ: Шамиль, вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій Самурскаго отряда, въ началѣ іюня мѣсяца, принужденъ былъ оставить Казикумухское ханство; вслѣдъ затѣмъ приступлено къ постройкѣ крѣпости въ аулѣ Казикумухѣ и къ разработкѣ горной дороги къ Чоху. Андаляльцы, послѣ обратнаго занятія Казикумуха нашими войсками, и узнавъ о движеніи сильнаго отряда къ Цатаныху, стали опасаться за собственную безопасность и изъявили покорность. При началѣ дѣйствій, Шамиль, съ многочисленнымъ скопищемъ, находился въ аулѣ Мехельты; онъ заставлялъ гумбетовцевъ переселяться въ

[11]) Въ составъ отряда вошли: 1 и 2 баталіоны Апшеронцевъ, сводно гренадерскій баталіонъ (изъ 3-й и 4-й гренадерскихъ ротъ Апшеронскаго полка и 2 ротъ Тифлисскаго), рота Кавказскаго сапернаго баталіона, 7-я мушкетерская рота Апшеронскаго полка; и въ качествѣ саперной роты; 4 баталіона Ширванскаго, 2 баталіона Кабардинскаго и 2 баталіона Навагинскаго полковъ, 23 орудія и 300 человѣкъ конницы.

глубь горъ и туда же свозить свое имущество. Шамиль взялъ клятву съ горцевъ въ томъ, что они позволятъ русскимъ войскамъ безпрепятственно дойти до Андіи и уже здѣсь вступятъ въ дѣло и не пропустятъ отрядъ дальше къ Дарго. Въ ночь съ 23-го на 24-е іюня Ахверды-Магома съ 40 мюридами, по приказанію Шамиля, отправился въ Игали, съ намѣреніемъ заставить жителей удалиться въ горы и не позволить имъ изъявить намъ покорности. Онъ съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе: игалинцы поклялись защищаться до послѣдней возможности, а затѣмъ уже уйти въ горы. 25-го числа присоединились къ отряду 2 баталіона, оставленные на Бетлинской горѣ, и въ тотъ же день первый эшелонъ, подъ командою генералъ-маіора Клугенау, выступилъ къ Игалямъ. Въ составъ эшелона вошли слѣдующія части: 1 и 2 баталіоны Апшеронцевъ, сводно-гренадерскій баталіонъ, 4 баталіона Ширванскаго полка, рота Кавказскаго сапернаго баталіона и соединенная съ ней 7 мушкетерская рота Апшеронскаго полка, 12 орудій, 2 сотни донскихъ казаковъ и милиція; второй эшелонъ состоялъ изъ 4 баталіоновъ 20-й пѣхотной дивизіи и 10 орудій. Генералу Клугенау приказано было, подвигаясь быстро къ Игалямъ, препятствовать непріятелю занимать позиціи, на которыхъ онъ могъ бы оказать сопротивленіе. Въ тоже время саперы и другія войска должны были разработать дорогу для легкой артиллеріи. Дорога изъ Цатаныха шла сначала по ущелью, а потомъ подымалась на высокій перевалъ, откуда открывался аулъ Игали, лежавшій въ глубокой и каменистой лощинѣ. Находившаяся при первомъ эшелонѣ конница быстро двинулась къ перевалу и заняла его; непріятельскіе караулы бѣжали въ аулъ.

Къ вечеру дорогу разработали и сдѣлали ее удобной для движенія артиллеріи. Игали занимала партія горцевъ, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; къ полдню она раздѣлилась на четыре части: одна часть пошла влѣво, по направленію къ Тлоху; другая — вправо къ Сагрытлинскому мосту; третья перешла черезъ мостъ на лѣвый берегъ Андійскаго Койсу и заняла устроенные тамъ завалы и, наконецъ, четвертая часть, состоявшая изъ нѣсколькихъ сотъ мюридовъ, осталась въ аулѣ и окружавшихъ его садахъ. Когда отрядъ находился уже въ виду Игалей, то въ аулѣ показалось пламя; скоро пожаръ распространился, и все Игали окутало дымомъ. Лазутчики сообщили, что жители, вывезя свое имущество, подожгли сакли; такимъ образомъ, фанатики предпочли лучше пожертвовать своимъ роднымъ ауломъ, чѣмъ покориться русскимъ.

Игалинцы употребили всѣ способы, чтобы оказать намъ возможно большее сопротивленіе, и съ помощью прибывшихъ къ нимъ утромъ мюридовъ, устроили нѣсколько обширныхъ заваловъ.

Пожаръ продолжался всю ночь: при свѣтѣ горѣвшихъ сакель видно было, какъ непріятель укрѣплялся въ садахъ и той части аула, гдѣ пламя еще не охватило зданій. Утромъ, 26 іюня, войска перваго эшелона начали спускаться внизъ, разработывая въ то же время, дорогу. Игалинское ущелье представляется однимъ изъ самыхъ неприступныхъ въ Дагестанѣ; имѣя протяженіе около 14 верстъ, оно пролегаетъ между двумя высокими хребтами; къ аулу Игали вела только одна узкая тропа; во время движенія по ней, непріятель могъ безнаказанно поражать войска съ высотъ и, въ случаѣ неудачи съ нашей стороны, отрѣзать путь отступленія къ перевалу. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, Клугенау пришелъ къ убѣжденію, что заставить отступить непріятеля изъ садовъ возможно только при условіи обхода аула. Съ этой цѣлью 2 баталіона Апшеронскаго полка, шедшіе въ авангардѣ, направлены по отлогости горы съ правой стороны ущелья, вся же милиція, подъ начальствомъ маіора Евдокимова, пошла къ садамъ, гдѣ и завязала съ горцами перестрѣлку; для поддержанія ея были двинуты, сводно-гренадерскій и Ширванскій баталіоны. Непріятель

сначала упорно, сопротивлялся, вполнѣ увѣренный въ недоступности занимаемой имъ позиціи; но когда въ тылу его показались Апшеронцы, то мюриды, боясь быть окруженными и отрѣзанными отъ своего пути отступленія (мостъ черезъ Андійское Койсу), начали толпами выходить изъ садовъ и уцѣлѣвшихъ отъ пожара сакель, и удалялись съ большой поспѣшностью на высоты лѣвой стороны ущелья. Апшеронцы, обойдя Игали, двинулись къ Андійскому Койсу, чтобы овладѣть мостомъ. Когда мюриды, занимавшіе завалы по лѣвому берегу рѣки, замѣтили бѣгство горцевъ изъ аула и садовъ, то зажгли мостъ, а по приближеніи нашихъ баталіоновъ, открыли по нимъ сильный огонь. Предполагая, что русскія войска, по взятіи Игали, направятся въ Тлохъ и на Сагрытлинскій мостъ, непріятель приготовился къ отчаянному сопротивленію; гребни горъ по обѣимъ сторонамъ ущелья буквально были усѣяны горцами. Игали былъ взятъ; теперь приходилось позаботиться удержать за нами аулъ и обезпечить лагерное мѣсто. Для этого генералъ Клугенау направилъ оба Апшеронскіе баталіона, отъ моста внизъ по берегу рѣки Койсу, приказавъ командовавшему ими полковнику Ясинскому очистить ближайшія высоты отъ непріятеля. Безъ выстрѣла пошли Апшеронцы на указанныя высоты, гдѣ непріятель уже успѣлъ подѣлать завалы. Горцы встрѣтили баталіоны убійственнымъ ружейнымъ огнемъ и градомъ камней; несмотря на то, солдаты успѣли ворваться въ первый завалъ, и перекололи защищавшихъ его мюридовъ; вслѣдъ за тѣмъ они взяли еще нѣсколько заваловъ. Понеся огромныя потери, мюриды отступили. Полковникъ Ясинскій приказалъ втащить на высоту находившіяся при колоннѣ два орудія, изъ коихъ былъ открытъ огонь по непріятелю, занимавшему лѣвый берегъ. Недалеко отъ Игалей, съ лѣвой стороны, возвышался скалистый гребень, онъ тянулся до рѣки, по берегу которой вилась дорога въ Тлохъ. Желая обезпечить себя отъ нечаяннаго нападенія и съ этой стороны, генералъ Клугенау счелъ необходимымъ занять тлохское дефиле и ближайшія къ нему возвышенности. Къ дефиле направлены были сводно-гренадерскій и Ширванскій баталіоны, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Форстена, а для занятія высотъ — два баталіона Ширванскаго полка. Передъ входомъ въ дефиле, колонна Форстена построилась въ боевой порядокъ, впереди шелъ сводно-гренадерскій баталіонъ, а въ резервѣ Ширванскій. Большія толпы мюридовъ занимали дефиле и по приближеніи нашихъ войскъ открыли по нимъ огонь; но гренадеры пошли въ штыки, при чемъ 3-я гренадерская рота Апшеронцевъ, подъ командою капитана Берхмана, ворвалась въ передовой завалъ и овладѣла имъ [12]. Одновременно съ колонною Форстена, Ширванцы заняли высоты.

Между тѣмъ, второй эшелонъ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, достигъ перевала къ Игалямъ. Спускаться къ аулу съ легкими орудіями было не мыслимо, ибо и горныя орудія съ трудомъ были снесены внизъ на рукахъ. Приходилось оставаться на перевалѣ; впрочемъ, присутствіе резервовъ въ этомъ важномъ мѣстѣ имѣло весьма большое значеніе, какъ поддержка авангарда. Для обезпеченія отряда съ тылу, унцукульская милиція заняла аулъ Ахкентъ и выставила караулъ для наблюденія за движеніемъ непріятельскихъ партій. На другой день, съ разсвѣтомъ, началась сильная перестрѣлка. Въ теченіе ночи скопище, занимавшее горы, усилилось, и на всѣхъ тропинкахъ возвышались уже завалы. Лазутчики дали знать, что въ скопищѣ окружавшемъ Игали, находились Абукеръ-Кадій, Хаджи-Муратъ и Кибитъ-Магома съ гумбетовцами, андійцами и технуцальцами; кромѣ того на помошь прибылъ Ахверды-Магома съ чеченцами и ичкеринцами. Видя малочисленность нашего отряда, непріятель нѣсколько разъ пытался вытѣснить войска

[12]) Дѣло № 130 особаго отдѣла. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

изъ Игалей, производя атаки со стороны садовъ то на правый, то на лѣвый фланги. На правомъ флангѣ находился 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою маіора Зайцева. Горцы, перейдя въ значительныхъ силахъ мостъ Сагры-Керпи, заняли передніе игалинскіе сады и угрожали атакой правому флангу отряда. Тогда Зайцевъ пошелъ съ баталіономъ въ атаку на приближавшіяся толпы горцевъ и, послѣ непродолжительнаго штыковаго боя, опрокинулъ ихъ. Занявъ высоты, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ прежней своей позиціи, маіоръ Зайцевъ держался тутъ болѣе сутокъ, отбивалъ штыками всѣ нападенія горцевъ и не позволялъ имъ безпокоить нашъ правый флангъ.

Передъ вечеромъ мюриды показались на правомъ гребнѣ и начали спускаться съ него, имѣя намѣреніе прервать сообщеніе между передовыми силами и резервомъ. Для связи авангарда съ главными силами служилъ пикетъ, назначенный отъ 1-го баталіона Апшеронскаго полка, подъ командою прапорщика Харитона Алексѣева. Непріятель окружилъ этотъ пикетъ со всѣхъ сторонъ; но Алексѣевъ, занимая выгодную позицію, отражалъ отчаянные натиски мюридовъ.

Вѣроятно многочисленность горцевъ восторжествовала-бы надъ горстью храбрецовъ, не подоспѣй вовремя помощь. Какъ только генералы Граббе и Клугенау замѣтили намѣреніе непріятеля, то немедленно же отправили въ помощь пикету: Клугенау — 1-ю гренадерскую и 3-ю мушкатерскую роты Апшеронцевъ, а Граббе—двѣ роты Навагинскаго полка. Изъ 1-й гренадерской роты вызвался впередъ съ охотниками и застрѣльщиками подпоручикъ Якубинскій. Команда Якубинскаго штыками отбросила горцевъ и соединилась со своимъ пикетомъ, а затѣмъ, поддержанная 3-ю мушкетерскою ротою поручика Виноградскаго 2-го, сбила горцевъ съ занятаго ими уступа и заставила ихъ бѣжать. Виноградскій съ ротой остался на взятомъ имъ съ боя уступѣ, для удержанія дальнѣйшихъ попытокъ непріятеля. Неоднократно бросались мюриды въ шашки на Апшеронцевъ, желая сбить ихъ съ позиціи, по храбрые мушкетеры опрокидывали ихъ штыками. Виноградскій держался на занятой имъ позиціи въ теченіи нѣсколькихъ часовъ [13]. 28 іюня непріятель, съ удвоенною дерзостью и ожесточеніемъ, началъ сраженіе, и толпы горцевъ нѣсколько разъ производили нападеніе,—но каждый разъ неудачно; въ полдень непріятель прекратилъ перестрѣлку. Болѣе подробный осмотръ мѣстности убѣдилъ генералъ-адъютанта Граббе въ важности постояннаго занятія аула Игали; но въ то же время постройка укрѣпленія въ этомъ мѣстѣ сопряжена была съ чрезвычайными затрудненіями; приходилось согласить два условія: 1) удерживать за собою переправу, чтобы преградить входъ партіямъ хищниковъ въ наши предѣлы и 2) держать, подъ угрозой выстрѣловъ, жителей Игали въ повиновеніи. Къ сожалѣнію, связать два этихъ условія не представлялось возможнымъ. Если бы генералъ Граббе выбралъ мѣсто для укрѣпленія въ самомъ аулѣ Игали, то непріятель легко могъ лишить гарнизонъ воды, получаемой изъ небольшаго ручья, текущаго изъ Арактау; построить же укрѣпленіе на правомъ берегу рѣки — не имѣло смысла, ибо противуположный лѣвый берегъ командовалъ надъ правымъ. Приходилось отказаться отъ мысли прочно стать у Игалей и начать движеніе вверхъ по Андійскому Койсу, или совсѣмъ отступать; наступленіе вверхъ по Койсу, съ малымъ числомъ войскъ, и притомъ крайне изнуренныхъ уже трудностями похода и постоянными дѣлами съ горцами, генералъ Граббе, не призналъ возможнымъ и рѣшилъ отступить.

Съ разсвѣтомъ 24-го іюля началось обратное движеніе; заблаговременно отправлены были впередъ больные и раненые. Затѣмъ, вся задача сводилась къ тому, чтобы аван-

[13]) Дѣло № 130. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

гардъ отступилъ съ возможно меньшими потерями, а это являлось дѣломъ очень труднымъ: во первыхъ, необходимо было изъ растянутой по необходимости позиціи, перейти въ походный порядокъ, а потомъ тянуться по узкой дорогѣ до перевала, занятаго резервомъ. Прежде всего генералъ Клугенау приказалъ баталіонамъ, расположеннымъ по дорогѣ къ Тлоху и къ Сагрытлинскому мосту сняться съ позиціи и по дорогѣ соединиться со сводно-гренадерскимъ баталіономъ. Когда непріятель замѣтилъ отступленіе войскъ, то, спустившись съ хребта, обратился противъ двухъ Ширванскихъ баталіоновъ, возвращавшихся изъ тлохскаго ущелья. Толпы горцевъ бросились на баталіоны въ шашки; во время нападенія убитъ былъ командовавшій баталіонами Апшеронскаго полка полковникъ Шафронскій; онъ дорого продалъ свою жизнь, изрубивъ предварительно трехъ мюридовъ [14]). Отбивъ нападеніе, Ширванцы, въ полномъ порядкѣ, продолжали отступленіе и соединились съ сводно-гренадерскимъ и 1-мъ и 2-мъ баталіонами Апшеронцевъ. Апшеронцы отступали изъ Сагрытлинскаго ущелья; непріятель всегда дерзкій до безразсудства при отступленіи нашихъ войскъ, окружилъ баталіоны со всѣхъ сторонъ и нѣсколько разъ кидался въ шашки; но Апшеронцы мужественно встрѣчали изступленныхъ фанатиковъ, штыками отбивали ихъ атаки, а во время послѣдней атаки перешли въ наступленіе, опрокинули и совершенно смяли толпы мюридовъ. Снялись съ позиціи, лежащей на высотахъ впереди аула и другіе два баталіона Ширванскаго полка; горцы съ яростью обрушились на нихъ; отступленіе колонны затруднялось во время движенія черезъ густые сады, тянувшіеся вверхъ по ущелью на нѣсколько верстъ. Со всѣхъ сторонъ на отступавшихъ сыпался градъ пуль и камней; часто горцы съ гикомъ бросались въ шашки. Лошадей подъ однимъ изъ орудій перебили и вывезти его было очень трудно. Увидѣвъ замедленіе, мюриды опять бросились въ шашки, и овладѣли орудіемъ. Тогда сводно-гренадерскій баталіонъ, посланный въ подкрѣпленіе Ширванцамъ, бросился на мюридовъ и вырвалъ у нихъ орудіе, которое потомъ солдаты все время несли на рукахъ. Наконецъ, всѣ части авангарда соединились и отступленіе продолжалось въ полномъ порядкѣ. Въ аріергардѣ шли два баталіона Апшеронцевъ, на которыхъ горцы направили всѣ свои атаки. Во все время отступленія сильная перестрѣлка не умолкала, и мюриды, съ воплями и распѣвая пѣсни изъ алькорана, бросались въ шашки на аріергардъ; но обезумѣвшіе фанатики каждый разъ принимались на штыки и опрокидывались. Въ особенности мужествомъ и распорядительностью отличался капитанъ Берхманъ, «который съ своими гренадерами всегда былъ впереди» [15]). Когда авангардъ вступилъ на вершину хребта, то непріятель ослабилъ преслѣдованіе, а затѣмъ вскорѣ и совсѣмъ его прекратилъ. Въ тотъ-же день, т. е. 29 іюля, отрядъ прибылъ въ Цатаныхъ, гдѣ имѣлъ дневку. Движеніе къ Игалямъ стоило отряду убитыми: 1-го штабъ-офицера и 48 нижнихъ чиновъ. Ранено 5 оберъ-офицеровъ и 183 нижнихъ чина, контужено 5 оберъ-офицеровъ и 36 нижнихъ чиновъ. Апшеронцы потеряли: *убитыми полковника Шафронскаго и 5 нижнихъ чиновъ;* ранено 53 и контужено 11 нижнихъ чиновъ (въ этомъ числѣ и потеря ротъ сводно-гренадерскаго баталіона, въ составѣ котораго находились 3-я и 4-я гренадерскія роты Апшеронцевъ) [16]).

Такъ плачевно закончилась экспедиція въ Игали, а вмѣстѣ съ нею и наши наступательныя дѣйствія въ 1842 году. Въ этомъ году предположено было произвести двѣ экспедиціи, и обѣ онѣ окончились полною неудачею: одна изъ нихъ — чеченская создала весьма печальное въ лѣтописяхъ Кавказской войны Ичкеринское дѣло, происшедшее въ началѣ іюня,

---

[14]) Дѣло № 84 и № 57. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[15]) Дѣло № 130. 2-е отд. Генеральнаго Штаба.
[16]) Дѣло № 84. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

а вторая, движеніе къ Игали, хотя и не была такъ неудачна, какъ первая, но по своимъ результатамъ явилась совершенно безплодной. Такимъ образомъ, не оставалось уже никакого сомнѣнія, что задачи военныхъ дѣйствій 1842 года, а именно: успокоеніе Дагестана и огражденіе Аваріи отъ непосредственнаго вліянія Шамиля, совершенно не достигнуты; напротивъ, неудачныя экспедиціи, поднявъ духъ горцевъ, заставили насъ перейти въ оборонительное положеніе и ожидать новыхъ покушеній непріятеля на всѣхъ пунктахъ, а особенно противъ Казикумуха, который опять сдѣлался открытымъ со стороны Аваріи.

Главная ошибка произошла вслѣдствіе неудачнаго выбора пункта наступленія.

Рѣка Андійское Койсу во всякомъ случаѣ не была выгодна для движенія къ ней, потому что весь лѣвый берегъ ея и всѣ переправы находились въ рукахъ горцевъ. Если бы генералъ Граббе выбралъ для движенія Аварское Койсу, какъ это предлагалъ корпусный командиръ, генералъ-отъ-инфантеріи Головинъ, и началъ съ отнятія у горцевъ аула Холотля, то это дало бы намъ въ руки всѣ пути въ горныя общества, лежащія между Аваріей и хребтомъ Кахетинскихъ горъ; тогда покорность андаляльцевъ дѣлалась неизбѣжной, и явилось бы надежное сообщеніе Аваріи съ ханствомъ Казикумухскимъ.

Но, къ великому прискорбію, между отдѣльными кавказскими начальниками существовала полнѣйшая несолидарность и почти явная враждебность, которая такъ и сквозила во всѣхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ между ними. Генералъ Фезе интриговалъ противъ генерала Клугенау, генералъ Граббе — противъ Головина; каждый изъ нихъ осуждалъ дѣйствія другъ друга, а это много вліяло на успѣхъ предпріятій и создавало дѣла въ родѣ Ичкеринскаго.

По возвращеніи изъ Игалей, войска Дагестанскаго отряда приступили къ постройкамъ различныхъ укрѣпленій и разработкѣ дорогъ; работы продолжались до конца года. Тѣмъ временемъ Шамиль успѣлъ наводнить Дагестанъ партіями мюридовъ, производившихъ вторженія въ наши предѣлы. Весьма значительная партія, состоявшая изъ жителей Тлоха, Харачей, Ората и другихъ, подъ начальствомъ Хаджи-Мурата, задумала отбить табунъ лошадей, пасшихся на горѣ Арактау, подъ прикрытіемъ роты Апшеронцевъ. Въ ночь съ 21-го на 22-е іюля цатаныхскій комендантъ, маіоръ Зайцевъ, получилъ извѣстіе о предполагаемомъ нападеніи, и тотчасъ отправилъ на Арактау еще одну роту; самъ онъ съ тремя ротами также приготовился къ выступленію, по первымъ выстрѣламъ на горѣ. 22-го іюля Хаджи-Муратъ, съ партіей мюридовъ, около 700 человѣкъ, атаковалъ лѣвый флангъ позиціи, занятой Апшеронцами на Арактау; но встрѣченный мѣткимъ ружейнымъ огнемъ и картечью изъ горнаго единорога, отступилъ. Апшеронцы бросились на пришедшихъ въ смятеніе мюридовъ въ штыки и совершенно ихъ опрокинули. Однако, Хаджи-Муратъ не терялъ надежды овладѣть позиціей, защищаемой только двумя ротами; ободривъ горцевъ, онъ снова устремился въ атаку, но и на этотъ разъ былъ отбитъ. Въ это время показался маіоръ Зайцевъ съ тремя ротами; непріятель, замѣтивъ приближеніе подкрѣпленія, поспѣшно отступилъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 1 убитаго и 2 раненыхъ нижнихъ чиновъ: лошадей убито 5 и ранено 3. Неудачный набѣгъ стоилъ мюридамъ такъ дорого, что на время они оставили свои замыслы [17]). Къ концу года результаты работъ были слѣдующія: 1) тщательно разработана военно-дагестанская дорога на Хунзахъ, и другая — изъ Цатаныха черезъ Унцукуль и Гимры въ Темиръ-Ханъ-Шуру, на протяженіи 50 верстъ, при чемъ работа производилась въ большинствѣ случаевъ по кручамъ и очень труднымъ спускамъ; 2) срубленъ мостъ для постановки его черезъ Аварское Койсу;

[17]) Дѣло № 57. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

у аула Ирганая, приготовленъ камень и известь для береговыхъ устоевъ и заложены фундаменты на обоихъ берегахъ рѣки; постройкой моста обезпечивалось постоянное сообщеніе Шуры съ центромъ дагестанскихъ горъ; 3) всѣ аулы и пункты, откуда непріятель могъ производить вторженія въ Койсубу, Аварію, Мехтулинскія и Шамахальскія владѣнія, а также и мѣста, черезъ которыя проходила дорога изъ Шуры въ Хунзахъ, защищались нашими укрѣпленіями и башнями, вновь вооруженными; 4) выстроены укрѣпленія въ слѣдующихъ аулахъ: въ Гоцатлѣ, Ахалчахъ, Цатаныхѣ, Унцукулѣ, Балаканахъ и Моксохѣ; кромѣ того, возведены 23 башни на нижней Сулакской линіи, въ Хунзахѣ, Гергебилѣ, Гимрахъ, Кази-юртѣ и въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; 5) во всѣхъ укрѣпленіяхъ построены вновь, или исправлены казармы, офицерскіе флигеля, лазареты, пороховые погреба, складочныя мѣста для провіанта; гарнизонамъ даны болѣе удобныя помѣщенія. Собственно въ штабъ-квартирѣ Апшеронскаго полка, Темиръ-Ханъ-Шурѣ, построены два офицерскихъ флигеля[18]). Отступимъ нѣсколько назадъ и опишемъ дѣйствія 1 баталіона Апшеронцевъ, командированнаго еще весною на лѣвый флангъ Кавказской линіи. На сѣверномъ склонѣ Качкалыковскаго хребта, у рѣки Ойсунгура, корпусный командиръ генералъ Головинъ рѣшилъ построить укрѣпленіе и надлежащимъ образомъ вооружить его. Мѣсто, избранное для новаго укрѣпленія, съ двухъ сторонъ примыкало къ равнинѣ, а съ другихъ двухъ къ высотамъ; эти послѣднія хотя и командовали надъ укрѣпленіемъ, но хорошо обстрѣливались, слѣдовательно, были безопасны. Вода для гарнизона проведена изъ ближайшихъ родниковъ, для защиты которыхъ устроенъ временный редутъ. Въ составъ отряда, подъ командою полковника Фрейтага, назначенъ былъ и 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка. Баталіонъ направленъ былъ сюда еще 25-го мая; но положеніе дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ и предполагаемая здѣсь серьезная экспедиція вызвали необходимость по возможности усилить дѣйствующій отрядъ, поэтому 14-го іюля баталіонъ вернулся въ Шуру. По просьбѣ полковника Фрейтага, баталіонъ вновь отправленъ въ его отрядъ 10-го сентября.

Сосредоточенный у Ойсунгура отрядъ состоялъ изъ 7 баталіоновъ пѣхоты, команды саперъ Кавказскаго сапернаго баталіона, 16 орудій и 7 сотенъ казаковъ. Чеченцы, подъ начальствомъ Ахверды-Магомы, каждый день заводили перестрѣлку, впрочемъ, почти всегда безвредную для войскъ; болѣе энергичныхъ противодѣйствій непріятель пока не выказывалъ, хотя весьма значительныя партіи его держались не далеко отъ лагеря. Такъ продолжалось до второй половины октября. 22-го октября полковникъ Фрейтагъ получилъ извѣстіе, что Шамиль 25-го или 26-го числа долженъ прибыть съ партіей въ Мичикъ; на другой день (25-го), Фрейтагъ назначилъ общую фуражировку съ цѣлью отбить у чеченцевъ сѣно, заготовленное ими на Качкалыковскомъ хребтѣ. Въ предпринимаемыхъ ранѣе фуражировкахъ все сѣно, съ мѣстъ болѣе доступныхъ, было свезено отрядомъ; но много стоговъ еще оставалось въ лѣсистыхъ балкахъ и около вершины хребта. Зная, что чеченцы навѣрное будутъ отстаивать свое добро, Фрейтагъ рѣшилъ послать на фуражировку большее число войскъ; колонна состояла изъ баталіона Апшеронцевъ, баталіона Навагинскаго и двухъ ротъ Куринскаго полковъ, всѣхъ казаковъ, 4 полевыхъ и 2 горныхъ орудій, подъ командою подполковника Танскаго. Придя на мѣсто, Танскій выслалъ впередъ цѣпь и приступилъ къ фуражировкѣ. Сбѣжавшіеся со всѣхъ ближайшихъ селеній, чеченцы открыли по фуражирамъ и цѣпи огонь. 2 мушкетерская рота Апшеронцевъ находилась въ правой цѣпи, а въ лѣвой — рота Куринцевъ. Нѣсколько разъ чеченцы

[18]) Донесеніе Военнаго Министра № 536. Дѣло № 84.

большими массами бросались въ шашки на цѣпи наши, но каждый разъ ихъ отбивали. Послѣ одного изъ такихъ неудачныхъ натисковъ, пять чеченцевъ пробирались черезъ густой кустарникъ, съ цѣлью броситься на фуражировъ, накладывавшихъ на повозки сѣно. Ихъ замѣтилъ унтеръ-офицеръ 2 мушкетерской роты Семенъ Кнышевъ; не поднимая тревоги, онъ позвалъ съ собою рядовыхъ Петра Алексѣева и Василія Галкина и побѣжалъ съ ними изъ цѣпи на перерѣзъ чеченцамъ. Когда мюриды вышли изъ кустовъ на прогалину, и хотѣли уже броситься на безоружныхъ фуражировъ, то совершенно неожиданно встрѣтили Кнышева, Алексѣева и Галкина. Коротка была схватка: подъ ударами штыка храбраго Семена Кнышева погибли два чеченца, одного ранилъ рядовой Алексѣевъ, а остальные двое бѣжали[19]. Какъ только повозки были наполнены сѣномъ, подполковникъ Танскій, собравъ фуражировъ, приказалъ начать отступленіе. Чеченцы, ожидавшіе обратнаго движенія отряда, окружили двѣ роты Куринскаго полка, находившіяся съ однимъ горнымъ орудіемъ въ аріергардѣ. Сначала Куринцы медленно отступали; но когда непріятель сталъ бросаться въ шашки, то роты остановились. Остановка эта еще болѣе воодушевила непріятеля и увеличила его дерзость. Замѣтивъ критическое положеніе Куринцевъ, Танскій отправилъ къ нимъ на выручку 1-ю гренадерскую роту Апшеронскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Павлова. Гренадеры, подойдя къ аріергарду, бросились въ штыки на чеченцевъ и отбросили ихъ; смѣнивъ послѣ того Куринцевъ, они все время шли въ аріергардѣ. Непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки на Апшеронцевъ, но каждый разъ былъ опрокидываемъ штыками. Озлобленные мюриды засѣли въ кустахъ и завели горячую перестрѣлку, съ цѣпью. Въ особенности огонь чеченцевъ сдѣлался убійственнымъ, когда отрядъ проходилъ вблизи густой чащи лѣса. Тогда фельдфебель гренадерской роты Иванъ Казанцевъ пошелъ съ однимъ взводомъ въ кусты, и, несмотря на сильный огонь и густоту кустовъ, добрался до чеченцевъ. Завязалась весьма упорная рукопашная схватка, послѣ которой мюриды многихъ изъ своихъ не досчитались; наконецъ, ближайшій кустарникъ былъ очищенъ и непріятель бѣжалъ. Затѣмъ отступленіе происходило безпрепятственно.

Потеря отряда заключалась въ 2 раненыхъ оберъ-офицерахъ и 20 нижнихъ чинахъ. Это движеніе показало ясно, что непріятель всегда находился въ большомъ сборѣ, поэтому полковникъ Фрейтагъ усилилъ мѣры предосторожности; впрочемъ, до самого конца работъ, т. е. до 1-го декабря, всѣ дѣла сводились къ незначительнымъ перестрѣлкамъ въ передовой цѣпи. 1-го декабря работы окончились и всѣ войска, кромѣ гарнизона вновь построеннаго укрѣпленія, были распущены. 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка расположился на зиму по нижней Сулакской линіи: 1-я гренадерская и 1-я мушкетерская роты стали въ Султанъ-Янги-юртѣ, а 2-я и 3-я мушкетерскія — въ Чиръ-юртѣ[20].

Въ концѣ 1842 года Апшеронцы размѣстились слѣдующимъ образомъ: въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ — 10, 12, 13 и 14-я мушкетерскія роты, 5-я гренадерская, нестроевая и инвалидная; въ Хунзахѣ — 7 и 8-я мушкетерскія; въ Балаканахъ — 11-я мушкетерская; въ Гимрахъ — команда съ крѣпостными ружьями; въ Міатлахъ — 9-я мушкетерская; въ Кази-юртѣ — 15-я мушкетерская; на Озеньскомъ посту — 3-я гренадерская; въ аулѣ Эрпели — 2-я гренадерская и 6-я мушкетерская роты; въ аулѣ Кафыръ-Кумыхѣ — 4 и 5-я мушкетерскія; въ Муселимъ-аулѣ — 4-я гренадерская рота[21].

---

[19]) Дѣло № 153, особое отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[20]) Дѣло № 126, 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.
[21]) Дѣло № 49, 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.

За 1842 годъ получили награды, за зимнюю экспедицію и взятіе Гергебиля: подполковникъ Евдокимовъ — св. Георгія 4 степени, полковникъ Ясинскій — св. Станислава 2-й степени, капитанъ Берхманъ — св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; капитаны Бѣлоярцевъ и Бѣлоусовъ — св. Станислава 3 степени, штабсъ-капитанъ Колокольцевъ — св. Анны 3 степени; поручики: Витковскій и Павловъ — слѣдующіе чины; Повіенскій и Шульгинъ — Монаршее благоволеніе; Виноградскій 1-й — св. Анны 4 степени съ надписью «за храбрость»; подпоручики: Якубинскій — слѣдующій чинъ, Дьяконовъ — Монаршее благоволеніе; прапорщикъ Раутенбергъ — чинъ подпоручика; баталіонный лекарь Любомудровъ — св. Владиміра 4 степени. Чинъ прапорщика унтеръ-офицеръ Степанъ Бычинскій.

Знаки отличія военнаго ордена: фельдфебель Павелъ Радіоновъ; унтеръ-офицеры: Савелій Тищенко, Петръ Рябовъ; рядовые: Михаилъ Панинъ, Алексѣй Ивановъ, Федоръ Ткаченко, Даніилъ Кировъ, Алексѣй Зайцевъ, Янъ Гренада, Алексѣй Гавриковъ, Василій Вышегородскій, Янъ Моисѣевъ, Касперъ Сикара, Николай Лаптевъ, Алексѣй Маріаковъ, Василій Петровъ, Павелъ Шевченко, Иванъ Дятловъ, Григорій Ивановъ и Ульянъ Шабореловъ [22]).

За взятіе селенія Игали: полковникъ Ясинскій — единовременно 257 руб. сер., подполковникъ Огіевскій—св. Анны 3 степени, маіоръ Зайцевъ—Монаршее благоволеніе; поручикъ Виноградскій 2-й, прапорщикъ Алексѣевъ и прикомандированный поручикъ Гржегоржевскій — слѣдующіе чины. Пять человѣкъ рядовыхъ произведены въ унтеръ-офицеры; получили знаки отличія военнаго ордена унтеръ-офицеры: Степанъ Нелюдовъ и Григорій Осмяченко; рядовые: Яковъ Чернышевъ, Тарасъ Шищенко и Феликсъ Сосновскій [23]).

За дѣла въ Ойсунгурскомъ отрядѣ: штабсъ-капитанъ Домбровскій — чинъ капитана; штабсъ-капитанъ Павловъ—золотую полусаблю съ надписью «за храбрость»; поручикъ Виноградскій 1-й — Монаршее благоволеніе; подпоручикъ Ковалевскій—чинъ поручика: чинъ прапорщика — фельдфебель Иванъ Казанцевъ.

Фельдфебель Дмитрій Монаковъ и унтеръ-офицеръ Семенъ Кнышевъ — вторыя трети прибавочной пенсіи; Иванъ Головенко, Петръ Алексѣевъ, Даніилъ Ивановъ, Василій Галкинъ — знаки отличія военнаго ордена [24]).

---

[22]) Дѣло № 44 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[23]) Дѣло № 130 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[24]) Дѣло № 153 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Четвертая.

Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ въ началѣ 1843 года. — Средства для защиты края. — Расположеніе полка. — Слухи объ усиленныхъ сборахъ Шамиля. — Планъ непріятеля. Нападеніе на Унцукуль. — Сосредоточеніе войскъ у Цатаныха. — Истребленіе мюридами отряда Веселитскаго.— Потери Апшеронцевъ.— Распоряженія генерала Клугенау.— Паденіе Унцукульскаго укрѣпленія.— Отступленіе маіора Коссовича изъ Харачей. — Движеніе своднаго баталіона Апшеронцевъ къ Харачамъ. — Штурмъ аула. — Смерть маіора Зайцева и отступленіе.—Выступленіе Дагестанскаго отряда въ Аварію.—Предписаніе воинскому начальнику Цатаныхскаго укрѣпленія.— Дѣйствія въ Аваріи. — Осада Шамилемъ Балаканскаго укрѣпленія. — Геройская защита и гибель гарнизона. — Взятіе непріятелемъ Моксохской башни. — Осада Цатаныха. — Рѣчь къ солдатамъ штабсъ-капитана Дементьева. — Измѣна цатаныхцевъ. — Приготовленіе къ оборонѣ. — Первый штурмъ. — Отказъ Дементьева на предложеніе сдаться. — Продолженіе осады — Высокій подвигъ прапорщика Безрукова. — Послѣдній бой. — Защита въ башнѣ. — Смерть Дементьева и горсти защитниковъ. — Сожженіе горцами труповъ защитниковъ. — Дѣла въ Аваріи. — Мѣры къ оборонѣ Хунзаха. — Прибытіе Самурскаго отряда. — Движеніе къ Танусу. — Дѣла 14 и 15 сентября. — Переходъ на позицію у Геничутля. — Отправленіе колонны маіора. — Познанскаго въ аулъ Чалды. — Воспоминанія участника въ сраженіи при Гоцатлѣ, полковника Шиманскаго.—Прибытіе въ Дагестанъ генералъ-лейтенанта Гурко.—Возвращеніе Дагестанскаго отряда въ Шуру. — Рапортъ генерала Клугенау корпусному командиру объ удержаніи Аваріи. — Расположеніе полка въ октябрѣ. — Движеніе генерала Гурко на Сулакскую линію. — Обложеніе непріятелемъ Гергебильскаго укрѣпленія. — Появленіе Дагестанскаго отряда на Гергебильскихъ высотахъ.—Невозможность помочь осажденнымъ.—Военный совѣтъ и рѣшеніе отступить.— Взятіе горцами Гергебиля. — Вторженіе Шамиля въ Шамхальскія владѣнія.

Неудачи прошлаго года, въ связи съ весьма ограниченнымъ количествомъ войскъ, находившихся въ Дагестанѣ, показали, что положеніе наше въ этомъ краѣ нельзя было назвать прочнымъ. Къ тому же нужно добавить, что и тѣ незначительныя военныя средства, которыми мы располагали, были разбросаны на огромномъ пространствѣ, среди малодоступной мѣстности, съ весьма незначительнымъ запасомъ жизненныхъ припасовъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ для Шамиля не представляло особеннаго затрудненія опрокинуть всю нашу систему, которая находилась въ непосредственной зависимости отъ преданности къ намъ народа, отъ прочности выбранной нами оборонительной линіи и отъ способа продовольствія войскъ. Преданность жителей была слишкомъ призрачна. Достаточно вспомнить военныя событія въ 1841 году: когда Шамиль вторгнулся въ предѣлы Койсубу и Аваріи, то всѣ койсубулинцы и жители части аварскихъ ауловъ явно намъ измѣнили и доказали, какъ мало можно было на нихъ полагаться. Въ послѣднее время Шамиль задался мыслью совершенно вытѣснить насъ изъ Дагестана, и это было далеко не фантастическое предпріятіе. Кромѣ постояннаго войска—муртазаковъ, по первому призыву Шамиля, являлись многочисленныя скопища, уже не разъ побывавшія въ битвахъ, умѣвшія прекрасно пользоваться всѣми выгодами недоступной мѣстности. Слѣдуя новой тактикѣ своего предводителя, горцы старательно избѣгали встрѣчъ съ русскими войсками въ мѣстахъ открытыхъ и атаковали насъ въ горныхъ тѣснинахъ, гдѣ нашъ солдатъ не могъ такъ свободно дѣйствовать.

Аварія представлялась для насъ доступной только съ двухъ сторонъ: черезъ Бурундукъ-Кале и Гергебиль, а Койсубу — черезъ Каранай. Всякое описаніе трудности этихъ дорогъ имѣло-бы очень слабую окраску: нужно видѣть эти дороги, чтобы судить о нихъ. Непріятель имѣлъ гораздо больше доступовъ въ обѣ названныя мѣстности, главнымъ образомъ съ сѣвера и сѣверо-запада. Однѣ изъ дорогъ шли отъ непріязненныхъ намъ койсубулинскихъ ауловъ Игали и Тлоха, расположенныхъ на правомъ берегу Андійскаго Койсу; другія, въ видѣ тропинокъ, направлялись въ Койсубу и Аварію, собственно въ Хунзахскую долину. Кромѣ того, въ Койсубулинское общество шла дорога отъ Чирката, черезъ Ашальтинскій мостъ, разрушенный нами; она шла правымъ берегомъ Аварскаго Койсу къ Гимрамъ; здѣсь дорога развѣтвлялась: одна вѣтвь черезъ койсубулинскій хребетъ выходила въ Шамхальскія владѣнія, а другая направлялась вверхъ по теченію Койсу; противъ аула Унцукуля, она переходила и на лѣвый берегъ рѣки и доходила до ауловъ Ирганая и Зырянъ. Та дорога, по которой шелъ отъ Цатаныха къ Игали въ прошломъ году отрядъ генерала Граббе, представлялась самой короткой; но зато она была крайне неудобна для движенія отряда съ артиллеріей; для Шамиля же эта дорога имѣла много выгодъ: сосредоточившись въ Игали, онъ могъ внезапно обратиться на аулы Коло, Шитибури и Цатаныхъ и взять ихъ, прежде, чѣмъ можно было подать какую либо помощь. Овладѣвъ Цатаныхомъ, непріятель свободно достигалъ до Унцукуля и Балаканскаго ущелья. Въ Аварскую долину скопища горцевъ проникали отъ Тлоха черезъ Сіухъ, и отъ Тлоха же черезъ Цельмесъ и Ахалчи; изъ Карата черезъ Талакарійскій хребетъ на аулъ Гозолоколо. Съ южной и юго-восточной стороны въ Аварскую долину вели двѣ дороги: отъ Холотля къ Хунзаху и отъ Карадахскаго моста черезъ гоцатлинскія высоты и Кахское ущелье; для защиты послѣдняго пункта, существовала башня, построенная на гоцатлинскихъ высотахъ. Изъ приведеннаго обозрѣнія путей видно, что непріятель могъ вторгнуться въ Аварію съ трехъ сторонъ: съ сѣвера нужно было ожидать главныхъ силъ Шамиля; съ сѣверо-запада, отъ Цельмеса,— Гаджи-Мурата и съ юга — Кибитъ-Магому. Въ любомъ пунктѣ непріятель имѣлъ возможность сосредоточить въ однѣ сутки до 8.000 человѣкъ, между тѣмъ, какъ помощь изъ Темиръ-Ханъ-Шуры—ранѣе двухъ сутокъ поспѣть не могла. Въ случаѣ занятія Шамилемъ Аваріи и Койсубу, ему открывались всѣ доступы въ Шамхальскія и Мехтулинскія владѣнія и нынѣшній Даргинскій округъ. Вотъ почему мы такъ дорожили Аваріей и напрягали всѣ свои силы для защиты ея. Для защиты Аваріи въ ней находился подвижной резервъ или летучая колонна; въ 1843 году она состояла изъ 7-й, 8-й и 9-й мушкетерскихъ ротъ Апшеронскаго полка, при 2-хъ единорогахъ, подъ командою вполнѣ опытнаго и храбраго офицера, маіора Познанскаго; роты размѣщались по ауламъ: 9-я стояла въ Хунзахѣ, 8-я въ Ободѣ и 7-я въ Гозолоколо. Къ сожалѣнію, малочисленность войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, а также слабый комплектъ частей дѣлалъ усиленіе отряда въ Аваріи невозможнымъ. Въ 1843 году въ распоряженіи Клугенау имѣлось всего 11 баталіоновъ; (между ними 5 баталіоновъ Апшеронскаго полка) 26, орудій и 3 сотни казаковъ. Въ Шурѣ стояло 7 ротъ Апшеронскаго полка (роты: 1-я, 2-я и 5-я гренадерскія, 1-я, 3-я, 4-я и 14-я мушкетерскія, численностью въ 1.044 человѣкъ); изъ числа ихъ необходимо было выдѣлить три роты для содержанія караула, остальныя 4 занимались устройствомъ штабъ-квартиры и окончаніемъ постройки укрѣпленія; въ Міатлинскомъ блокгаузѣ находилась 10-я мушкетерская рота; въ Агачъ-Кале — 2-я мушкетерская, для заготовленія лѣсу; въ Харачинскомъ лѣсу — 3-я и 4-я гренадерскія роты, для исправленія моста на Койсу; въ укрѣпленіи Балаканскомъ — 5-я мушкетерская рота и команда саперъ; въ укрѣпленіи Зырянахъ — 13-я мушкетерская

рота; на разработкѣ новой дороги между Шурой и Бурундукъ-Кале — 11-я, 12-я и 15-я мушкетерскія роты. Почти всѣ остальныя войска были также расположены по укрѣпленіямъ; собственно говоря, резервъ составляли 13 ротъ Апшеронскаго полка, (4 — въ Шурѣ, одна—въ Агачъ-Кале, 3—въ Аваріи, 2—въ Харачинскомъ лѣсу и 3 у Бурундукъ-Кале), баталіонъ Кабардинскаго полка, стоявшій въ укрѣпленіи Бурномъ и 2 роты Мингрельскаго полка, всего 20 ротъ, 100 человѣкъ саперъ, 4 легкихъ орудія и 8 горныхъ единороговъ; общая численность пѣхоты доходила до 2.515 человѣкъ. Но, какъ мы видимъ, даже такой, въ сущности, незначительный резервъ былъ разбросанъ и на соединеніе его потребовалось бы не менѣе двухъ сутокъ.

Военныя обстоятельства, вызвавшія занятія многихъ пунктовъ, заставили упустить изъ виду климатическія условія того или другаго расположенія, вслѣдствіе чего развилась большая болѣзненность въ частяхъ; достаточно упомянуть, что въ Апшеронскомъ полку насчитывалось не болѣе 2.547 человѣкъ, т. е. на половину менѣе комплекта. До самого августа въ Дагестанѣ царило относительное спокойствіе и войска отдыхали отъ военныхъ бурь; правда, мелкія партіи часто вторгались въ наши предѣлы, но къ этому уже давно привыкли. А между тѣмъ, гроза надвигалась. Уже въ августѣ стали носиться тревожныя вѣсти о дѣлаемыхъ Шамилемъ большихъ сборахъ, но пока численность скопищъ, а также и планы Шамиля оставались неизвѣстны. Время, выбранное Шамилемъ для открытія военныхъ дѣйствій, было самое удобное: обыкновенно въ августѣ горцы оканчиваютъ всѣ полевыя работы и дѣлаются совершенно свободными. Желая сохранить въ глубокой тайнѣ настоящую цѣль сборовъ, имамъ распускалъ слухи, о намѣреніи сдѣлать набѣгъ на Кумыкскую плоскость, а затѣмъ ограбить городъ Кизляръ. Самъ онъ отправился изъ Дарго (въ Ичкеріи) въ Дылымъ; сюда начали постепенно собираться конные и пѣшіе чеченцы, ичкеринцы, ауховцы и салатавцы; въ Дагестанѣ непріятель сосредочивался въ трехъ пунктахъ: въ Гумбетѣ у Чирката, въ Каратѣ и въ Тилитлѣ. Настоящій планъ Шамиля, какъ выяснилось въ скоромъ времени, заключался въ неожиданномъ нападеніи на Унцукуль, для наказанія жителей за измѣну; въ случаѣ неудачи, скопища обрушивались на Аварію, чтобы вытѣснить отсюда наши войска.

Утромъ 21-го августа генералъ Клугенау получилъ извѣстіе, что сильная непріятельская партія собралась въ Дылымѣ и хочетъ вторгнуться въ Кумыкскія владѣнія, или прорваться за Сулакъ; но въ первомъ часу ночи, 28-го числа, прискакалъ нарочный изъ Унцукуля съ вѣстью о приближеніи непріятеля. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о направленіи непріятеля, Клугенау приказалъ войскамъ быть готовыми къ выступленію въ Унцукуль по первому приказанію. Вскорѣ второе извѣстіе подтвердилось: Шамиль, сосредоточивъ огромное скопище въ Дылымѣ, перешелъ къ вечеру 27-го августа въ Унцукуль, сдѣлавъ 70 верстъ менѣе чѣмъ въ сутки; въ тотъ же день Хаджи-Муратъ и Кибитъ-Магома, со своими партіями прибыли къ Унцукулю, гдѣ и соединились съ Шамилемъ. Когда планъ непріятеля сдѣлался извѣстнымъ, то Клугенау двинулся съ имѣвшимися у него подъ рукою войсками къ Цатаныху и приказалъ туда же идти ротамъ, находившимся на работахъ въ разныхъ мѣстахъ Шамхальскаго владѣнія и Койсубу. Сосредоточивая отрядъ въ Цатаныхъ, генералъ Клугенау имѣлъ въ виду: 1) атаковать непріятеля, занявшаго уже Бетлинскую гору, чтобы освободить унцукульскій гарнизонъ, и 2) еслибы покушеніе горцевъ на Унцукуль не удалось, то постараться отрѣзать имъ путь отступленія. Утромъ 28-го числа всѣ войска выступили изъ Шуры въ горы, а съ разсвѣтомъ 29-го, туда же поѣхалъ и Клугенау съ конными шамхальскими милиціонерами. Въ половинѣ перваго пополудни, получено было извѣстіе, что отрядъ подполковника Веселитскаго совершенно истребленъ. Эта неожиданная вѣсть, какъ громомъ поразила командующаго войсками, уменьшивъ и безъ того слабый резервъ. Вотъ

подробности этого несчастнаго дѣла. 27-го августа командиръ баталіона Мингрельскаго полка подполковникъ Веселитскій, будучи по служебнымъ дѣламъ въ Гимрахъ, получилъ извѣстіе о появленіи непріятеля и тотчасъ отправился въ Цатаныхъ, гдѣ онъ былъ начальникомъ гарнизона, пославъ одновременно отношеніе маіору Коссовичу немедленно направить въ Моксохъ роту Мингрельскаго полка, а роту Апшеронцевъ двинуть къ Зырянамъ для усиленія гарнизона и обезпеченія переправы. Въ Моксохѣ Веселитскій нашелъ маіора Грабовскаго, который велъ изъ Цатаныха двѣ роты (Мингрельскаго полка и 13-го линейнаго баталіона) на выручку Унцукульскаго гарнизона. Грабовскій посланъ былъ для осмотра работъ въ разныхъ Койсубулинскихъ укрѣпленіяхъ; прибывши въ Цатаныхъ, онъ узналъ о нападеніи на Унцукуль и самовольно вывелъ изъ Цатаныха неподвѣдомственныя ему войска. 28-го августа подполковникъ Веселитскій отправилъ командующему войсками рапортъ, въ которомъ доносилъ о движеніи къ Унцукулю и о томъ, что онъ усилитъ свой отрядъ 3-ю и 4-ю гренадерскими ротами Апшеронскаго полка, стоявшими подъ командою капитана Шульца, въ аулѣ Харачахъ; въ концѣ того же донесенія онъ писалъ, что «сдѣлаетъ то, что велитъ Богъ и совѣсть»[1]. Спустившись изъ Харачей, Веселитскій остановился на половинѣ дороги къ Унцукулю и безъ всякой надобности простоялъ здѣсь отъ 9-ти часовъ вечера до разсвѣта. Въ 4 часа утра отрядъ Веселитскаго поднялся на высоты и продолжалъ двигаться до площадки, находившейся вблизи унцукульскихъ садовъ, верстахъ въ 2-хъ отъ аула. Здѣсь снова данъ былъ войскамъ отдыхъ. Медленность движенія отряда подполковника Веселитскаго дала непріятелю возможность придвинуть къ Унцукулю съ разныхъ мѣстъ подкрѣпленія, послѣ чего успѣхъ отчаяннаго предпріятія сдѣлался болѣе чѣмъ сомнительнымъ, а гибель войскъ почти неизбѣжной. На разсвѣтѣ 29-го августа Веселитскій поставилъ орудія на высотѣ и открылъ изъ нихъ по аулу огонь, а самъ съ баталіономъ двинулся въ сады; но атака была отбита съ большимъ для насъ урономъ. Во время атаки, когда почти всѣ войска находились у садовъ, толпы мюридовъ обошли отрядъ съ тылу и захватили два горныхъ единорога. Вскорѣ роты были окружены со всѣхъ сторонъ. Храбрый капитанъ Шульцъ, командиръ 3-й гренадерской роты Апшеронскаго полка, пытался овладѣть высотами, чтобы проложить дорогу къ отступленію; онъ успѣлъ уже занять одну изъ высотъ, но не поддержанная никѣмъ его рота была скоро сбита, а самъ Шульцъ убитъ. Да и кому же было поддержать гренадеръ, когда остальныя роты, окруженныя со всѣхъ сторонъ толпами горцевъ, уже не думали о спасеніи, а только старались какъ можно дороже продать свою жизнь и умереть съ честью. Наконецъ, непріятель произвелъ послѣднюю, отчаянную атаку и ослабленный потерями отрядъ былъ опрокинутъ къ рѣкѣ Аварскому Койсу. Тогда горцы бросились въ шашки, и въ этомъ страшномъ, послѣднемъ бою погибъ весь отрядъ. Убито было два штабъ-офицера, 10-ть оберъ-офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ. Спаслось только нѣсколько человѣкъ вплавь, которые и разсказали о несчастіи. Изъ Апшеронскаго полка были убиты: *капитанъ Шульцъ, поручики Фокъ и Вульфъ, подпоручикъ Плещеевъ, прапорщикъ Ермаковскій и 230 нижнихъ чиновъ*. И такъ, безразсудное предпріятіе подполковника Веселитскаго, не принеся никакой пользы осажденнымъ въ Унцукулѣ, погубило весь бывшій съ нимъ небольшой отрядъ, въ томъ числѣ 3-ю и 4-ю гренадерскія роты Апшеронскаго полка со всѣми офицерами, и отдало въ руки Шамиля первый трофей: два орудія съ зарядными ящиками. Въ 4 часа пополудни, 29-го августа, въ Балаканы прибылъ генералъ Клугенау. Находившійся здѣсь подполковникъ Евдокимовъ, сообщилъ генералу, что силы непріятеля простираются до 12.000 человѣкъ; часть унцукульцевъ сдалась, остальная же часть жителей, подъ началь-

[1]) Рапортъ Веселитскаго № 2.002. Дѣло № 138. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

ствомъ старшины Кибитъ-Гаджіо, перешла въ ближайшія къ укрѣпленію сакли. Генералъ Клугенау немедленно сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) маіору Коссовичу, занимавшему съ 2-мя ротами аулъ Харачи, предписано было укрѣпиться въ немъ и ни въ какомъ случаѣ не оставлять этого важнаго пункта. Аулъ Харачи, защищенный со стороны Унцукуля кручею, представлялся почти недоступнымъ мѣстомъ, въ него можно было проникнуть только по одной высѣченной въ скалѣ каменной лѣстницѣ; двѣ роты, въ составѣ 210 человѣкъ, при содѣйствіи милиціи и жителей аула, жены и имущество которыхъ находились въ Балаканахъ, легко могли удержать всѣ покушенія скопищъ Шамиля, тѣмъ болѣе, что резервъ находился на разстояніи одного перехода; 2) командиру линейнаго № 14 баталіона предписано было выслать изъ урочища Аркаса одну роту въ Зырянское укрѣпленіе, гдѣ оставалось только 29 здоровыхъ человѣкъ; 3) командиру баталіона Кабардинскаго полка приказано отправить въ Ирганай одну роту, для побужденія жителей къ защитѣ противъ Шамиля, а также для обезпеченія паромной переправы. Послѣднее распоряженіе было особенно важно, такъ какъ Шамиль, по взятіи Унцукуля, неминуемо долженъ былъ устремиться въ Ирганайское ущелье. Для сосредоточенія войскъ въ Цатаныхѣ, предписано: 1) двинуться сюда 3-мъ ротамъ Кабардинскаго полка, а командиру Апшеронскаго полка, полковнику Майбородѣ, поручено отправить въ Цатаныхъ, подъ прикрытіемъ этихъ ротъ 100.000 патроновъ и полный комплектъ снарядовъ для 6-ти горныхъ единороговъ; 2) командиру 1-го баталіона Апшеронскаго полка, маіору Зайцеву, прибывшему съ баталіономъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Моксохъ, приказано дать отдыхъ людямъ и съ разсвѣтомъ 30-го августа продолжать движеніе въ Цатаныхъ; 3) командиру 3-го баталіона Апшеронцевъ маіору Познанскому,—двинуться къ Цатаныху съ 3-мя ротами и 2-мя горными единорогами; 4) предписано полковнику Майбородѣ выслать изъ Шуры 3 горныхъ единорога, которые, подъ прикрытіемъ Шамхальской милиціи, должны слѣдовать къ Моксоху, а оттуда уже съ тремя ротами Кабардинскаго полка въ Цатаныхъ. Начальнику Самурскаго отряда, генералъ-маіору князю Аргутинскому, Клугенау сообщилъ о печальномъ положеніи дѣлъ нашихъ въ Аваріи и Койсубу, при чемъ просилъ его отправить въ Аварію черезъ Цудахаръ, Гергебиль и Чалды два баталіона пѣхоты съ 2-мя горными единорогами. Сдѣлавъ всѣ предварительныя распоряженія, генералъ Клугенау 3-го августа двинулся къ Цатаныху, куда и прибылъ въ 2 часа пополудни. Здѣсь были получены болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Унцукулѣ. Непріятель нѣсколько разъ штурмовалъ Унцукульское укрѣпленіе, но былъ отбиваемъ съ значительнымъ урономъ.

У Цатаныха сосредоточились слѣдующія силы: сводно-гренадерскій баталіонъ Апшеронцевъ маіора Зайцева (1, 2 и 5 гренадерскія и 3 мушкетерская роты) — 564 человѣка, 3 роты 3 баталіона маіора Познанскаго (7, 8 и 9 мушкетерскія роты) — 305 человѣкъ, цатаныхскій гарнизонъ — 104 человѣка, различныхъ командъ, присоединившихся къ баталіону маіора Зайцева (отъ 11 и 12 ротъ Апшеронскаго полка) — 169 человѣкъ и саперная команда — 78 человѣкъ, итого 1.220 человѣкъ пѣхоты, при 2 полевыхъ орудіяхъ, 2 горныхъ единорогахъ и 16 крѣпостныхъ ружьяхъ. За выдѣленіемъ гарнизона для Цатаныхскаго укрѣпленія, въ распоряженіи Клугенау оставалось 1.100 штыковъ, между тѣмъ, какъ непріятель съ каждымъ днемъ усиливался, а истребленіе отряда Веселитскаго значительно увеличило его смѣлость. Тѣмъ не менѣе Клугенау еще не терялъ надежды на счастливый оборотъ дѣлъ и, дождавшись прибытія 3-хъ ротъ Кабардинскаго полка, намѣревался атаковать Бетлинскую гору, на которой расположилась часть непріятельскихъ скопищъ. Генералъ считалъ эту гору единственнымъ пунктомъ, откуда онъ еще могъ подать помощь унцукульскому гарнизону, и гдѣ можно было ожидать успѣха. Уже всѣ распоряженія къ выступленію были

сдѣланы, когда вдругъ пришло печальное извѣстіе о сдачѣ унцукульскаго гарнизона. Чтобы выяснить причины этого событія, опишемъ вкратцѣ ходъ осады Унцукуля. 27-го августа, по приближеніи скопищъ мюридовъ къ Унцукулю, часть жителей встрѣтила непріятеля въ полѣ, но была опрокинута съ урономъ. Скопище Шамиля окружило аулъ и укрѣпленіе, послѣ чего началась сильная и почти безпрерывная перестрѣлка. Мюриды встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны жителей; но когда почти на глазахъ унцукульцевъ былъ истребленъ отрядъ Веселитскаго, то они потеряли бодрость духа и большая половина ихъ сдалась. Шамиль немедленно поставилъ противъ укрѣпленія взятыя у Веселитскаго горные единороги и орудіе, привезенное изъ Дарго, и началъ обстрѣливать башню, которая обороняла источникъ, снабжавшій гарнизонъ водою. Скоро башня была разрушена, а гарнизонъ ея, въ числѣ 25 рядовыхъ, взятъ въ плѣнъ. Овладѣвъ башнею, Шамиль обратилъ всѣ усилія противъ аула, который и сдался къ вечеру того же дня; только унцукульскій старшина Кибитъ-Гаджіо съ 500 человѣкъ преданныхъ ему жителей перешелъ въ верхнюю часть Унцукуля и продолжалъ обороняться. Нѣсколько разъ мюриды бросались въ атаку, но каждый разъ были отбиваемы; наконецъ ослабленіе гарнизона отъ штурмовъ и недостатокъ патроновъ заставили воинскаго начальника, поручика Аносова, 31-го августа сдаться [2]).

Такъ пало наше первое укрѣпленіе. Несмотря на быстрое передвиженіе войскъ къ Цатаныху, генералъ Клугенау не имѣлъ возможности спасти Унцукуль: идти противъ 12.000 непріятеля съ отрядомъ въ 1.000 человѣкъ равносильно было увеличивать число жертвъ, ни сколько не принося пользы дѣлу, и подвергать единственный имѣющійся резервъ чрезвычайному риску. Чтобы прекратить дальнѣйшіе успѣхи Шамиля, всѣ дѣйствія ограничились прочнымъ занятіемъ ауловъ Цатаныха и Харачей. 3-й батальонъ Апшеронцевъ отправленъ въ Аварію, такъ какъ получено было извѣстіе, что сильныя непріятельскія партіи показались у ауловъ Сіухъ и Ахалчи. До сихъ поръ успѣхи Шамиля происходили вслѣдствіе поголовнаго вооруженія горцевъ въ непокорныхъ обществахъ, соединившихся подъ Унцукулемъ, неожиданности самого нападенія и безразсудной отважности подполковника Веселитскаго, который, хотя и руководился благороднымъ побужденіемъ, но не понималъ всей невозможности предпріятія.

Но судьба готовила намъ новое испытаніе. 31-го августа Клугенау получилъ рапортъ отъ маіора Коссовича слѣдующаго содержанія: «Унцукульское укрѣпленіе взято непріятелемъ; съ 210 человѣкамъ нижнихъ чиновъ и находящимися при мнѣ милиціонерами, я не въ состояніи буду удержать натискъ непріятеля, а потому неугодно ли будетъ вашему превосходительству приказать мнѣ отступить отъ занимаемаго мною пункта?» При этомъ Коссовичъ присовокупилъ, что будетъ ожидать приказанія. Убѣдившись изъ полученнаго рапорта въ совершенной неспособности Коссовича исполнить возложенное на него порученіе, генералъ Клугенау немедленно предписалъ капитану Апшеронскаго полка Бѣлоусову съ 5 гренадерскою ротою двинуться въ Харачи и принять отъ Коссовича находившуюся въ его вѣдѣніи роту Мингрельскаго полка, а 6 мушкетерскую роту Апшеронцевъ направить въ Цатаныхъ; съ ней же долженъ былъ прибыть и маіоръ Коссовичъ. Капитанъ Бѣлоусовъ выступилъ изъ Цатаныха въ 2 часа пополудни. Прибывъ въ Моксохъ, онъ узналъ, что Коссовичъ, недождавшись отвѣта на свой рапортъ, оставилъ Харачи и отступилъ къ Балаканамъ. Это обстоятельство, въ связи съ полученнымъ извѣстіемъ, что мюриды уже заняли Харачи, поставило капитана Бѣлоусова въ необходимость остановиться въ Моксохѣ и послать обо

[2]) Въ унцукульскомъ гарнизонѣ находилась 7 рота Мингрельскаго полка. Дѣло № 138, 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

всемъ случившемся донесеніе Клугенау. Важность занятія аула Харачи заставляла употребить всѣ усилія для обратнаго овладѣнія имъ. Съ этой цѣлью Клугенау приказалъ маіору Зайцеву съ 3 ротами 1-го баталіона и ротой капитана Бѣлоусова «овладѣть Харачами во что бы то ни стало, для чего выбить оттуда мюридовъ штыками». Чтобы сдѣлать атаку болѣе успѣшной, маіору Коссовичу предписано двинуться туда же изъ Балаканъ по ближайшей дорогѣ. Для скорѣйшаго выполненія послѣдняго приказанія, Клугенау въ ту же ночь отправилъ въ Моксохъ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Капгера. По прибытіи къ Моксоху, Капгеръ передалъ всѣ инструкціи командующаго войсками маіору Зайцеву и немедленно отправилъ съ нарочнымъ предписаніе Коссовичу: «не теряя времени, двинуться къ Харачамъ и на разсвѣтѣ атаковать аулъ совмѣстно съ маіоромъ Зайцевымъ». Не надѣясь на посланнаго, Капгеръ вслѣдъ за нимъ самъ выѣхалъ и прибылъ благополучно въ Балаканы въ 4 часа пополуночи. Здѣсь онъ засталъ Коссовича въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Тогда штабсъ-капитанъ Капгеръ немедленно отправилъ къ Харачамъ 6 мушкетерскую роту Апшеронцевъ и прибывшій въ Балаканы сводно-егерскій баталіонъ.

Къ сожалѣнію, подкрѣпленіе явилось слишкомъ поздно. Храбрый маіоръ Зайцевъ, въ точности исполняя данное ему генераломъ Клугенау предписаніе, выступилъ въ 2 часа пополуночи, 1-го сентября, изъ Моксоха къ Харачамъ съ 1, 2 и 5 гренадерскими ротами Апшеронцевъ; 3 мушкетерская рота, съ 3 горными единорогами батареи подполковника Годлевскаго, слѣдовала сзади. Первый эшелонъ благополучно занялъ гору передъ Харачами, не бывъ замѣченъ непріятелемъ; но движеніе 2-го эшелона нѣсколько замедлило наступленіе гренадерскихъ ротъ; въ 4 1/4 часа утра, занявъ 3-й мушкетерской ротой высоты, Зайцевъ сталъ спускаться къ аулу. Впереди шли охотники, за ними 1-я, потомъ 2-я, а въ хвостѣ 5-я гренадерскія роты. Шамхальская милиція отказалась идти вмѣстѣ съ ротами и была оставлена при 2-мъ эшелонѣ на высотахъ. Уже совершенно разсвѣло, когда роты спустились съ горъ; однако, непріятель замѣтилъ наши войска только тогда, когда они подошли къ самому аулу. Растянутое положеніе гренадеръ, тѣснившихся по узкой вьющейся тропинкѣ, не помѣшало имъ быстро построиться. Охотники бросились впередъ и заняли передовыя сакли, на полуружейный выстрѣлъ отъ Харачей; вслѣдъ затѣмъ 2-я и 5-я гренадерскія роты, спустившись съ послѣдней терасы пошли съ двухъ сторонъ на штурмъ; 1-я гренадерская рота осталась на ближайшемъ холмѣ въ резервѣ. Первый натискъ гренадеръ былъ быстръ и удаченъ: 5-я рота заняла внѣшнюю каменную ограду, а 2-я гренадерская рота, которую велъ на штурмъ храбрый маіоръ Зайцевъ, ворвалась въ аулъ, взяла переднія сакли и переколола засѣвшихъ въ нихъ мюридовъ. Но огонь изъ остальныхъ сакель, заваловъ и башенъ сдѣлался настолько убійственнымъ, что менѣе чѣмъ въ полчаса были убиты: *маіоръ Зайцевъ, капитанъ Бѣлоусовъ, поручикъ Алинцевъ, подпоручикъ Понамаревъ и прикомандированные къ полку гвардейскихъ полковъ: Кавалергардскаго — поручикъ Шелашниковъ, Волынскаго — подпоручикъ графъ Вуичъ, Преображенскаго — подпоручикъ Аверкіевъ, Гвардейской конной артиллеріи поручикъ князь Черкасскій, Гренадерскаго короля Вильгельма III — подпоручикъ Крассовскій и Томскаго егерскаго — поручикъ Василевскій; ранены: Апшеронскаго полка штабсъ-капитанъ Павловъ и Лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Нечаевъ; около 120 нижнихъ чиновъ было убито и ранено.* Почти всѣ офицеры пали и строй былъ ослабленъ большой потерей. Между тѣмъ, совершенно разсвѣло; когда мюриды, къ которымъ пришло изъ Унцукуля подкрѣпленіе въ 500 человѣкъ, увидѣли малочисленность нашихъ войскъ, тогда они бросились въ шашки. Завязался страшный рукопашный бой, гдѣ каждому солдату приходилось отбиваться отъ 5 — 6 ожесточенныхъ горцевъ. 1-я гренадерская рота сошла съ холма и ударила въ штыки на мюридовъ; хотя гренадерамъ и удалось оттѣснить непріятеля, тѣмъ не менѣе объ удачномъ

*

исходѣ предпріятія нечего было и думать,—численность горцевъ превышала 1.000 человѣкъ, а въ нашихъ трехъ ротахъ, послѣ сильной потери во время штурма едва насчитывалось 200 человѣкъ.

Гренадеры начали отступать. Непріятель, опираясь на свою многочисленность, съ изумительной дерзостью преслѣдовалъ войска и нѣсколько разъ бросался въ шашки, но каждый разъ былъ опрокидываемъ штыками. Преслѣдованіе велось до половины подъема на высоту, гдѣ стояла 3 мушкетерская рота; дальше идти горцы опасались, ожидая нашей атаки сверху. Вся потеря отряда заключалась въ 1 штабъ-офицерѣ, 10 оберъ-офицерахъ и 117 нижнихъ чинахъ убитыми; ранено: 2 оберъ-офицера и 68 нижнихъ чиновъ[3]).

Такимъ образомъ, предпріятіе къ Харачамъ окончилось неудачей и повлекло за собою большія потери. Малочисленность отряда, въ сравненіи съ силами непріятеля, неприступность позиціи, а главное, неисполненіе маіоромъ Коссовичемъ приказанія генерала Клугенау — вотъ причины постигшей насъ неудачи. Когда дѣло уже было окончено, подошли роты изъ Моксоха; они остановились на харачинскихъ высотахъ и ожидали дальнѣйшаго распоряженія.

Какъ только генералъ Клугенау узналъ объ исходѣ боя у Харачей, то командировалъ въ отрядъ подполковника Пассека и приказалъ ему, занявъ на ближайшихъ къ Харачамъ высотахъ выгодную позицію, держаться сколько силъ хватитъ. Дѣйствительно, занятіе отрядомъ Харачинскаго хребта являлось крайне необходимымъ, въ противномъ случаѣ непріятель, войдя въ Балаканское ущелье, могъ прервать наше сообщеніе съ Шурой. Прибывъ къ отряду, Пассекъ узналъ, что до 500 человѣкъ непріятельской кавалеріи прошло въ Балаканское ущелье, а за этой партіей слѣдовалъ и Шамиль со своими скопищами. Тогда Пассекъ направился по хребту, съ цѣлью воспрепятствовать дальнѣйшему движенію непріятеля. 1-го сентября отрядъ былъ атакованъ 5.000 горцевъ, частью спустившихся уже въ Балаканское ущелье, а частью поднявшихся по крутизнамъ на самый хребетъ. Подполковникъ Пассекъ началъ отступленіе къ Моксоху, и совершилъ его съ потерей только 4 нижнихъ чиновъ ранеными. При Моксохѣ отрядъ, численность котораго состояла изъ 710 человѣкъ, занялъ сильную позицію и укрѣпилъ ее завалами, съ цѣлью не допускать непріятеля на вершину Арактау, ибо тогда прервалось-бы сообщеніе между отрядами Клугенау и Пассека. 2-го сентября Шамиль подошелъ къ Моксоху, и не смотря на численное превосходство своего скопища, не осмѣлился атаковать нашей сильной позиціи. Въ это время Клугенау получилъ, извѣстіе что Хаджи-Муратъ съ партіей, болѣе чѣмъ въ 1.000 человѣкъ, приблизился къ Цельмесу, а Кибитъ-Магома занялъ Карадахскій мостъ. Планъ Шамиля сдѣлался понятенъ: обратившись со скопищемъ въ Балаканское ущелье, онъ намѣревался захватить Аварію, если-бы Клугенау съ отрядомъ оставался въ Цатаныхѣ и на Арактау. По соединеніи различныхъ частей, всѣ силы наши заключались въ 1.350 человѣкъ. Съ такимъ количествомъ войскъ генералъ Клугенау не рѣшался атаковать скопища горцевъ, численностью въ 15.000 человѣкъ, ободренныхъ нашими неудачами и имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи артиллерію; съ другой стороны, не возможно было замедлять движеніе къ Хунзаху ибо Аваріи грозила серьезная опасность. Жители, устрашенные громадными силами Шамиля и первоначальными успѣхами горцевъ, могли легко измѣнить намъ, и тогда удержаніе этой страны въ спокойствіи дѣлалось немыслимымъ, Хунзахъ долженъ былъ пасть, а баталіонъ Апшеронцевъ маіора Познанскаго погибнуть въ неравной борьбѣ. Въ виду такихъ соображеній, командующій войсками рѣшилъ двинуться къ Хунзаху, имѣвшему достаточные запасы продовольствія и снарядовъ, что, въ связи съ малодоступностью укрѣпленія, давало надежду

[3]) Донесеніе участника дѣла Генеральнаго Штаба штабсъ-капитана Панова. Дѣло № 138. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

на долгую оборону. Въ Цатаныхѣ оставлены были двѣ роты: 11-я мушкетерская Апшеронцевъ и рота линейнаго баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Апшеронскаго полка Дементьева, которому генералъ Клугенау поручилъ защиту укрѣпленія. Въ предписаніи Дементьеву находилась слѣдующая фраза: «Защищайте всѣми силами ввѣренный вамъ пунктъ, теперь важный для насъ; сохраняйте сообщеніе съ Моксохомъ посредствомъ разъѣздовъ; ставьте въ ближайшія къ селенію балки караулы отъ гарнизона и жителей; въ случаѣ появленія непріятеля, убѣждайте жителей защищаться. При недостаткѣ приварка, можете взять у жителей скотъ подъ росписку». Занятіе и удержаніе за нами Цатаныха имѣло значеніе во первыхъ потому, что это укрѣпленіе закрывало доступъ въ Аварскую долину, во вторыхъ, здѣсь находилось много продовольствія въ мукѣ и большой артиллерійскій паркъ, оставленный еще въ прошломъ году, послѣ экспедиціи къ Игалямъ. Въ ночь на 3-е сентября, генералъ маіоръ Клугенау выступилъ изъ Цатаныха съ 12-й мушкетерской ротой Апшеронцевъ и Шамхальской милиціей и въ ту же ночь занялъ вершину Арактау,ославъ отсюда приказаніе подполковнику Пассеку идти къ нему на соединеніе. Чтобы облегчить отступленіе Пассеку, Клугенау отправилъ всю имѣвшуюся у него пѣхоту, т. е. 12-ю мушкетерскую и сборную роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Евдокимова въ Мокрую балку. Пользуясь густымъ туманомъ и темнотою ночи, отрядъ Пассека благополучно отступилъ отъ Моксоха, не будучи даже преслѣдуемъ непріятелемъ. Въ 2 часа пополуночи того-же числа оба отряда соединились и выступили въ Аварію. Утромъ 3-го сентября войска прибыли въ аулъ Ободу; здѣсь оставленъ былъ баталіонъ Кабардинскаго полка; а остальныя части направились въ Хунзахъ. Въ аулѣ Ахалчи стояли роты маіора Познанскаго (7-я, 8-я и 9-я мушкетерскія Апшеронскаго и одна рота Тифлисскаго полковъ). Въ Хунзахѣ сформированъ былъ сводный баталіонъ Апшеронцевъ въ 700 человѣкъ изъ 12-й мушкетерской, сводной и изъ ротъ, бывшихъ въ бою у Харачей Вечеромъ 5-го сентября значительная непріятельская партія пришла въ селеніе Танусъ, жители котораго приняли мюридовъ безъ всякаго сопротивленія. Вслѣдъ за тѣмъ жители Ободы, поддержанные партіей мюридовъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата, атаковали оставленный здѣсь баталіонъ Кабардинцевъ; послѣдніе выступили изъ Ободы, потерявъ 20 человѣкъ, и заняли позицію внѣ аула. Когда генералъ-маіоръ Клугенау узналъ объ этомъ, то сейчасъ-же отправилъ подполковника Пассека со всей кавалеріей къ Ободѣ, приказавъ ему соединить баталіонъ Апшеронцевъ, расположенный въ Ахалчахъ, съ Кабардинскимъ и слѣдовать вмѣстѣ съ ними въ Хунзахъ. Такое распоряженіе явилось необходимымъ въ виду измѣны вышепоименованныхъ двухъ ауловъ, что заставляло сомнѣваться въ вѣрности и остальныхъ, а раздробленіе силъ при такомъ положеніи дѣлъ могло имѣть гибельныя послѣдствія. 6-го числа Пассекъ подошелъ къ позиціи, гдѣ укрѣпился егерскій баталіонъ, а кавалерію отправилъ въ Ахалчи, для присоединенія къ баталіону маіора Познанскаго. Оставивъ въ укрѣпленіи при Ахалчахъ полуроту Тифлисскаго полка, Познанскій двинулся къ Ободѣ. Для того, чтобы отвлечь непріятеля и тѣмъ обезпечить свободное соединеніе съ Апшеронцами, Пассекъ открылъ сильный артиллерійскій огонь по Ободѣ, показывая намѣреніе штурмовать аулъ. Дѣйствіе артиллеріи имѣло полный успѣхъ: непріятель перебрался въ нижнюю часть аула, а вслѣдъ за тѣмъ все скопище Хаджи-Мурата вышло изъ Обода и отступило къ Танусу. Соединясь съ Апшеронцами, Пассекъ благополучно возвратился въ Хунзахъ, потерявъ всего 7 человѣкъ ранеными. Въ тотъ-же день, т. е. 6-го сентября, слышались пушечные выстрѣлы со стороны Куяды, а 7-го числа разнесся слухъ, что отрядъ князя Аргутинскаго отступилъ къ Чоху.

Желая удержать аварцевъ отъ измѣны, и сохранить сообщеніе Гоцатля съ Гергебилемъ,

генералъ Клугенау направилъ 4 роты Апшеронцевъ (7-ю, 8-ю, 9-ю и 12-ю мушкетерскія), милицію и два горныхъ единорога, подъ командою маіора Познанскаго къ аулу Бетланча, чтобы взять отъ него аманатовъ. Когда отрядъ подошелъ къ Бетланча, то жители, послѣ нѣкотораго колебанія, завели съ нимъ перестрѣлку; вскорѣ къ нимъ на помощь подоспѣлъ Хаджи-Муратъ съ нѣсколькими сотнями конныхъ мюридовъ; въ тоже время изъ Тануса къ аулу Геничутлю потянулась непріятельская партія. Опасаясь за участь посланнаго отряда, который оказался окруженнымъ превосходными силами горцевъ, Клугенау отправилъ къ Бетланчу подполковника Пассека съ баталіономъ егерей. Пассеку удалось соединиться съ Познанскимъ и послѣ кратковременной канонады аула, онъ сталъ отступать къ Хунзуху. Хаджи-Муратъ бросился преслѣдовать наши войска. Кавалерія Шамиля, подоспѣвшая отъ Геничутля выскакивала на фланги колоннъ, а другая часть ея старалась отрѣзать путь отступленія.

Густыя массы непріятельской пѣхоты показались изъ Геничутля, а самъ Шамиль наблюдалъ за всѣми дѣйствіями съ ближайшихъ высотъ. Черезъ нѣсколько времени толпы непріятеля совершенно окружили отрядъ. Тогда подполковникъ Пассекъ остановилъ войска и открылъ огонь картечью по скопищамъ; вслѣдъ затѣмъ онъ съ двумя ротами Апшеронцевъ бросился въ штыки на спѣшившуюся кавалерію, особенно назойливо преслѣдовавшую отрядъ съ лѣваго фланга. Апшеронцы опрокинули непріятеля, который, понеся значительный уронъ, обратился въ бѣгство. Неожиданный переходъ въ наступленіе имѣлъ блистательный результатъ: кавалерія Шамиля и скопище горцевъ Хаджи-Мурата не рѣшались приближаться уже къ отряду и послѣдній возвратился въ Хунзахъ. Наша потеря заключалась въ пяти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Пользуясь удаленіемъ Дагестанскаго отряда, Шамиль рѣшилъ уничтожить линію нашихъ укрѣпленій на границахъ съ Аваріей. Послѣ взятія Унцукуля, онъ началъ стягивать свои скопища въ Балаканское ущелье и 2-го сентября обложилъ укрѣпленіе Балаканы; жители Балаканъ, узнавъ о наступленіи горцевъ бѣжали еще наканунѣ, а гарнизонъ предоставленъ былъ собственной защитѣ. Балаканское укрѣпленіе находилось далеко не въ выгодныхъ условіяхъ для обороны: валы его почти разрушились и представляли плохую защиту; оборонительныя казармы также не отличались прочностью. Гарнизонъ состоялъ изъ 5-й мушкетерской роты Апшеронскаго полка, подъ командою поручика Доманскаго, въ составѣ 123 человѣкъ, и команды рабочихъ (21 человѣкъ); въ укрѣпленіи находилось одно горное орудіе и одна мортира. Еще 1-го сентября старшина аула и нѣкоторые изъ преданныхъ намъ жителей, видя громадное скопленіе непріятеля въ ущельи, совѣтовали Доманскому уйти ночью изъ укрѣпленія, пока путь отступленія оставался еще свободнымъ; но Доманскій на отрѣзъ отказался бросить ввѣренный его защитѣ постъ и рѣшился держаться до послѣдней крайности. 2-го сентября громадное скопище горцевъ, какъ туча обложила Балаканы. Шамиль выдвинулъ впередъ орудіе и открылъ изъ него огонь по укрѣпленію, а вслѣдъ затѣмъ послалъ толпы мюридовъ на штурмъ. Храбрый гарнизонъ встрѣтилъ непріятеля картечью и залпомъ изъ ружей, а потомъ опрокинулъ его штыками, при чемъ нѣсколько отчаянныхъ мюридовъ, успѣвшихъ ворваться внутрь укрѣпленія, были тутъ же переколоты. Горцы отступили, что значительно ободрило защитниковъ. Въ ночь на 3-е сентября, непріятель приблизился къ стѣнамъ Балаканскаго укрѣпленія, сдѣлалъ нѣсколько заваловъ и устроилъ батарею, въ которомъ помѣстилъ два орудія. На разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную канонаду; отъ дѣйствія артиллерійскаго огня стѣны укрѣпленія совершенно обвалились, и тогда мюриды, воодушевляемые Шамилемъ, вновь бросились на штурмъ. Гарнизонъ, численность котораго не превышала уже 80 человѣкъ, встрѣтилъ мюридовъ штыками, но отбить ихъ не могъ: горцы ворвались въ укрѣпленіе и началась страшная, безпощадная рѣзня. Апше-

ронцы не сдавались, а умирали съ оружіемъ въ рукахъ, дорого продавая свою жизнь. Всѣ офицеры были ранены и взяты въ плѣнъ; нижніе чины большею частью истреблены. Изувѣры не щадили ни больныхъ, ни раненыхъ, и только небольшая часть взята въ плѣнъ. Израненныхъ офицеровъ Апшеронскаго полка поручиковъ: *Доманскаго, Кротковскаго и подпоручика Шенявскаго* Шамиль отправилъ въ Дарго, гдѣ они въ 1845 году умерли мученическою смертію. Потеря непріятеля при взятіи Балаканскаго ущелья заключалась въ 250 человѣкъ [4]).

4-го числа Шамиль оставался еще у Балаканъ, а небольшую часть скопища направилъ къ Зырянамъ, чтобы держать въ осадномъ положеніи это укрѣпленіе и въ тоже время преградить намъ путь въ Балаканское ущелье.

Въ ночь съ 4-го на 5-е сентября скопища обложили Моксохскую башню, гарнизонъ которой состоялъ изъ 25 нижнихъ чиновъ. Защитники открыли по непріятелю ружейный и артиллерійскій огонь изъ единорога; но скоро орудіе было подбито, и гарнизонъ, не видя возможности сопротивляться, сдался. По взятіи Моксохской башни, Шамиль приказалъ разрушить ее, послѣ чего направился къ Цатаныху. Когда генералъ-маіоръ Клугенау находился еще въ Цатаныхѣ, то жители обратились къ нему съ просьбой бросить старое укрѣпленіе, которое пришло въ совершенную ветхость и перейти въ аулъ, гдѣ и построить новый фортъ; при чемъ цатаныхцы дали клятвенное обѣщаніе защищаться вмѣстѣ съ гарнизономъ противъ Шамиля. Клугенау согласился исполнить ихъ просьбу: онъ приказалъ начать постройку новаго укрѣпленіи въ аулѣ, а старое срыть. Работа по возведенію укрѣпленія была еще въ самомъ началѣ, когда, 6-го сентября, въ виду укрѣпленія, показались толпы мюридовъ. Тогда штабсъ-капитанъ Дементьевъ съ гарнизономъ перешелъ въ аулъ; но тутъ то и обнаружилась вся преданность къ намъ жителей: едва только показался непріятель, какъ они передались Шамилю и открыли по ротамъ огонь. Эта неожиданная измѣна заставила гарнизонъ опять возвратиться въ недостроенное укрѣпленіе, которое сейчасъ же стали приводить въ оборонительное положеніе. Воинскій начальникъ, штабсъ-капитанъ Апшеронскаго полка Дементьевъ, былъ человѣкъ уже довольно преклонныхъ лѣтъ и принадлежалъ къ числу исчезнувшихъ теперь типовъ старыхъ воиновъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ. Съ ограниченными понятіями, любившій придерживаться чарочкѣ, онъ подъ грубой оболочкой таилъ мужественную энергію, сердце горячее и рѣшительное. До сихъ поръ его жизнь текла мирно и, выслуживъ пенсію, онъ подалъ въ отставку; но событія невольно увлекли его въ общій водоворотъ. Когда генералъ Клугенау уѣхалъ изъ Цатаныха, то Дементьевъ какъ бы преобразился: онъ сразу бросилъ свои старыя привычки и впослѣдствіи явилъ подвиги истиннаго геройства и самоотверженія. Одѣваясь постоянно неряшливо, Дементьевъ вдругъ сталъ надѣвать новый сюртукъ, тщательно слѣдилъ за своимъ туалетомъ, сталъ бриться и т. п. Наконецъ, когда до него дошла вѣсть о движеніи скопищъ Шамиля къ Цатаныху, то онъ явился передъ гарнизономъ и сказалъ слѣдующую рѣчь, каждое слово которой запечатлѣлось въ сердцахъ любившихъ его солдатъ. «*Ребята, сказалъ онъ,—оставляя васъ здѣсь, генералъ надѣялся, что вы будете вести себя молодцами, отстоите крѣпость или умрете до единаго и тѣмъ исполните свой воинскій долгъ, какъ подобаетъ истиннымъ и вѣрнымъ слугамъ нашего Великаго Государя. Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ, но не изъ трусости, а чтобы посмотрѣть на того, кто осмѣлится меня пережить. Быть можетъ скоро и къ намъ Шамиль пожалуетъ, но знайте, что помощи ждать не откуда: вы видите въ какомъ мы захолустьи, а на жителей надежда плоха. И такъ встрѣ-*

4) Дѣло № 170, 2-го отдѣла Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

тимъ дорогою гостя, какъ мы его всегда встрѣчали мѣткой пулей и молодецкимъ штыкомъ. Братцы! будемъ драться на смерть, устоимъ или ляжемъ до единаго» [5]. Единодушное «ура», раздавшееся въ рядахъ, было отвѣтомъ на эти геройскія слова. Только что роты успѣли размѣститься въ недостроенномъ укрѣпленіи, какъ толпы мюридовъ бросились на штурмъ, но были отбиты съ большимъ урономъ, при чемъ храбрый гарнизонъ перекололъ многихъ горцевъ штыками. Дорого стоившая непріятелю попытка взять укрѣпленіе, заставила его быть осторожнѣе. Весь день и ночь продолжалась сильная перестрѣлка, при чемъ непріятель пытался еще нѣсколько разъ броситься на штурмъ, но каждый разъ терпѣлъ неудачу. Чрезвычайно упорная защита и большая потеря среди горцевъ заставила Шамиля нѣсколько разъ подсылать къ штабсъ-капитану Дементьеву переговорщиковъ, съ предложеніемъ сдаться; на что имамъ получалъ энергическій отказъ. Между тѣмъ, къ непріятелю ежечасно подходили подкрѣпленія со всѣхъ сторонъ. Ночью горцы подвезли три орудія и устроили батарею на разстояніи 100 саж. отъ укрѣпленія. Съ разсвѣтомъ 7-го сентября, непріятель открылъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь. Ободряемые личнымъ присутствіемъ Шамиля, мюриды нѣсколько разъ бросались на штурмъ; но храбрые защитники-Апшеронцы, руководимые Дементьевымъ и поручикомъ Водарскимъ, не смотря на свои потери, отбивали непріятеля штыками, а картечь производила страшное опустошеніе въ рядахъ горцевъ. Ровно въ полдень атаки прекратились; непріятель понесъ уронъ болѣе 500 человѣкъ, но и защитниковъ набиралось едва 80 человѣкъ, остальные были убиты или ранены. Тогда Шамиль еще разъ предложилъ Дементьеву сдаться, но вновь получилъ отказъ. Раздраженный этимъ отказомъ, онъ поклялся не отступать отъ укрѣпленія, пожертвовать еще 500 человѣкъ, но непремѣнно взять его. Въ 2 часа пополудни горцы перевезли два орудія въ аулъ, откуда открыли губительный огонь. Стѣны укрѣпленія совершенно разрушились и участь горсти героевъ была рѣшена. Чтобы не сдаваться, они порѣшили взорвать себя на воздухъ. Съ этой цѣлью прапорщикъ Безруковъ съ общаго согласія, отправился съ зажженнымъ фителемъ въ погребъ; но не успѣлъ онъ поднести фитиль, какъ ядромъ оторвало у него руку, и онъ умеръ истекая кровью, не будучи въ состояніи выполнить своего достойнаго удивленія и уваженія подвига. Съ каждымъ часомъ огонь изъ непріятельскихъ орудій усиливался и скоро въ укрѣпленіи ни осталось ни одного артиллериста; тогда самъ Дементьевъ бросился съ банникомъ къ орудію, но новый выстрѣлъ подбилъ единорогъ и контузилъ храбреца. Въ тоже время мюриды всей массой бросились на штурмъ. Начался бой на смерть, грудь съ грудью. Храбрые солдаты умирали героями и нѣсколько разъ отбивали мюридовъ; но ряды ихъ съ каждой минутой рѣдѣли. Въ саклѣ, находившейся внутри укрѣпленія, заперся Дементьевъ съ остатками гарнизона, всего около 15 человѣкъ и отсюда продолжалъ наносить непріятелю ружейными выстрѣлами страшный уронъ. Тогда мюриды разломали крышу сакли, ворвались въ нее и истребили всѣхъ защитниковъ. Только 10 израненныхъ нижнихъ чиновъ достались торжествующимъ побѣдителямъ на жертву. Но побѣда дорого стоила Шамилю: трупами горцевъ было устлано все укрѣпленіе и сакля. Со славою погибли Апшеронцы, исполняя до послѣдней капли крови свой долгъ и присягу, данную Царю и отечеству [6]. Фамиліи героевъ, штабсъ-капитана Дементьева и прапорщика Безрукова никогда не изгладятся изъ памяти Апшеронцевъ. Шамилю достались два орудія и паркъ. Желая излить злобу за гибель своихъ мюридовъ, онъ приказалъ сжечь тѣла всѣхъ защитниковъ, что у горцевъ считалось величайшимъ позоромъ.

Послѣ взятія Цатаныха, скопища Шамиля двинулись въ Аварію.

---

5) Окольничій. Перечень событій въ Дагестанѣ. Военный Сборникъ за 1859 г. за № 3 стр. 38 — 39.

6) Дѣло № 170, 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Теперь перейдемъ къ дѣйствіямъ отряда генерала Клугенау. Извѣстія объ участи Балаканскаго и Цатаныхскаго укрѣпленій явились новымъ ударомъ для Клугенау; за то храбрая защита гарнизоновъ обоихъ фортовъ подняла духъ въ войскахъ и послужила темой безчисленныхъ разговоровъ между солдатами.

8-го сентября Шамиль усилился 2.000 горцевъ, пришедшими съ Кибитъ-Магомою изъ Куяды; утромъ, 9-го числа, сдалось укрѣпленіе Ахалчи, гдѣ находилось 70 человѣкъ нижнихъ чиновъ Тифлисскаго полка, подъ командою прапорщика Залетова; по первому же требованію Шамиля, Залетовъ отворилъ ворота и положилъ оружіе; вслѣдъ затѣмъ сдалась Могохская башня, оказавъ слабое сопротивленіе. 10-го числа Кибитъ-Магома окружилъ Гоцатлинское укрѣпленіе, гдѣ гарнизонъ состоялъ изъ роты Тифлисскаго полка. 11-го числа непріятель сдѣлалъ брешь въ стѣнахъ укрѣпленія, а 12-го взялъ его штурмомъ; часть гарнизона погибла, а другая часть сдалась. Съ каждымъ днемъ успѣхи Шамиля росли, скопища его увеличивались, а положеніе отряда, запертаго въ Хунзахѣ, дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ: снарядовъ и зарядовъ оставалось весьма ограниченное количество, провіанту имѣлось всего на одинъ мѣсяцъ, а соли на нѣсколько дней. На вѣрность хунзахцевъ Клугенау не особенно расчитывалъ, а, между тѣмъ, съ потерей Хунзаха, войска могли лишиться воды и всѣхъ лошадей, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія фуража. Въ такомъ критическомъ положеніи генералъ Клугенау сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) онъ приказалъ укрѣпить и занять 7 ротами Апшеронскаго полка всю линію между башнями цитадели и башнями, окружавшими аулъ; оборона передовой линіи возлагалась на подполковника Пассека. Къ 13-му числу сдѣлали между башнями стѣнку въ 6 футовъ высоты и въ ней продѣлали бойницы; въ башняхъ поставлены лучшіе стрѣлки, а резервы расположились за куртинами; ближайшія сакли защищались завалами; на двухъ высотахъ были устроены батареи съ амбразурами. Резервъ состоялъ изъ сводnаго егерскаго баталіона и саперной роты, имъ командовалъ подполковникъ Евдокимовъ; 2) съ каждаго семейства въ Хунзахѣ взято по одному человѣку аманатовъ; 3) у жителей куплена почти вся соль, не смотря на весьма высокую цѣну ея, и положено было отпускать въ день по 3 золотника на человѣка; 4) порція сухарей уменьшена на $^1/_2$ фунта; но въ виду обилія скота, купленнаго подъ росписку у жителей, каждому солдату выдавалось въ день по одному фунту мяса; 5) весь хлѣбъ жителей свезенъ въ цитадель, чѣмъ обезпечивалось фуражное довольствіе лошадей на 10 дней. Въ этомъ заключались приготовленія отряда къ упорной борьбѣ и защитѣ противъ всѣхъ соединенныхъ силъ Шамиля, Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы. Къ счастью, испытанія отряда окончились. 12-го сентября Клугенау получилъ извѣстіе, что Самурскій отрядъ черезъ 4 дня прибудетъ въ Хунзахъ. 13-го числа князь Аргутинскій занялъ Гоцатлинскія высоты, а въ полдень 14-го сентября оба отряда соединились и немедленно двинулись къ Танусу, занятому Шамилемъ, Хаджи-Муратомъ и Кибитъ-Магомой съ 4.000 мюридовъ, при 4 орудіяхъ. Прежде чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшихъ событій, сдѣлаемъ бѣглый очеркъ происшедшихъ событій. Шамиль, только благодаря счастливому стеченію для него обстоятельствъ, достигъ такихъ успѣховъ, о которыхъ онъ не смѣлъ и мечтать. Задавшись исключительной цѣлью взять Унцукуль, чтобы наказать жителей за измѣну, онъ не только имѣлъ въ этомъ полный успѣхъ, но взялъ и разрушилъ до основанія цѣлый рядъ укрѣпленій, почти совершенно беззащитныхъ. Съ паденіемъ Цатаныха, всѣ койсубулинскіе аулы, а за ними и Аварія признали власть Шамиля; такимъ образомъ, Дагестанскому отряду пришлось имѣть дѣло не только съ одними скопищами Шамиля и его сподвижниковъ, но также съ жителями Аваріи и Койсубу. Обладая нѣсколькими орудіями, имѣя огромное скопище и заручившись расположеніемъ народа, Шамиль не ограничивался уже нападеніемъ на слабые

гарнизоны и укрѣпленія, онъ обложилъ Дагестанскій отрядъ, хотя напасть на него, не смотря на свой численный перевѣсъ, не рѣшался, боясь потерпѣть неудачу, которая могла сразу измѣнить положеніе обѣихъ сторонъ: русскій отрядъ изъ оборонительнаго положенія перешелъ бы въ наступательное, и предыдущіе успѣхи имама могли потерять значеніе. Вотъ соображенія, которыми руководился Шамиль, желая сохранить за собою блескъ первоначальныхъ успѣховъ. Занявъ позицію у Тануса, укрѣпивъ ее завалами, онъ оставался здѣсь въ выжидательномъ положеніи.

Къ вечеру, 15-го сентября, соединенные отряды достигли Тануса, и генералъ Клугенау выбралъ позицію передъ ауломъ. Фронтъ ея находился на покатости, и былъ скрытъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; правый флангъ, гдѣ стояли 7 ротъ Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Пассека, примыкалъ къ крутому оврагу, а лѣвый флангъ, занятый войсками Самурскаго отряда, оставался совершенно открытымъ; въ тылу позиціи помѣстились пѣшая и конная милиціи. Оставляя лѣвый флангъ въ такомъ положеніи, Клугенау расчитывалъ, что непріятель, замѣтя слабость его, атакуетъ насъ, и тогда можно будетъ его разбить безъ большой потери. Генералъ Клугенау предполагалъ, что Шамиль будетъ держаться въ Танусѣ только до ночи, чтобы потомъ легче отступить и увезти съ собой орудія; однако это предположеніе не оправдалось. На разсвѣтѣ 15-го числа, сильная пушечная канонада съ 3-хъ батарей, устроенныхъ въ аулѣ, на хребтѣ Танусъ-Балъ и въ близлежащихъ хуторахъ, ясно показала, желаніе Шамиля остаться на своей позиціи. Оставалось или штурмовать Танусъ, или-же находиться неопредѣленное время въ выжидательномъ положеніи. Штурмъ Тануса, при тѣхъ средствахъ обороны, которыми обладалъ Шамиль, былъ чрезвычайно рискованъ и опасенъ; неудача могла имѣть гибельные результаты, вслѣдствіе занятія непріятелемъ Гоцатля. Поэтому Клугенау рѣшилъ ограничиться обстрѣливаніемъ непріятельской позиціи. Съ этой цѣлью 2 полевыхъ и 14 горныхъ орудій открыли огонь по аулу, а къ полудню подвезли изъ Хунзаха еще одну 6-ти и одну 12-ти фунтовыя пушки и 10-ти фунтовый единорогъ. Неумолкаемый огонь продолжался до глубокой ночи. Днемъ мюриды покушались сбить нашъ правый флангъ и опрокинуть лѣвый. Въ первомъ пунктѣ имъ удалось оттѣснить роту Мингрельскаго полка, занимавшую отдѣльный пунктъ, для прикрытія родника; но ударъ въ штыки подоспѣвшихъ 2-хъ ротъ Апшеронцевъ и огонь изъ двухъ единороговъ опрокинулъ толпы непріятеля. На лѣвомъ флангѣ вылазка горцевъ окончилась также неудачей. 14-го и 15-го сентября потеря отряда заключалась въ 1 оберъ-офицерѣ, 24-хъ милиціонерахъ убитыми, раненъ генералъ-маіоръ князь Аргутинскій, 64 нижнихъ чина и 17 милиціонеровъ. Контужено 11 нижнихъ чиновъ и 13 милиціонеровъ.

Утромъ 16-го числа изъ аула Ахалчи пришелъ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что мюриды, понеся наканунѣ значительный уронъ, мало-по-малу оставляютъ Танусъ; къ отступленію вынуждалъ ихъ также большой недостатокъ въ провіантѣ и зарядахъ. Полученное, извѣстіе потвердилось тѣмъ, что непріятель 16-го сентября очень мало стрѣлялъ изъ своихъ орудій. Желая отрѣзать скопищамъ путь отступленія, генералъ Клугенау направилъ всю конницу въ обходъ Тануса, и въ тоже время усилилъ артиллерійскій огонь. Но въ полдень Шамиль получилъ сильное подкрѣпленіе, снаряды и продовольствіе. Огонь со стороны непріятеля опять усилился и продолжался до поздней ночи.

Въ этотъ день потеря отряда состояла изъ 11 убитыхъ, 12 раненыхъ и 8 контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

На разсвѣтѣ 17 числа, часть скопищъ Шамиля поднялась на хребетъ Танусъ-Балъ, а другая часть осталась въ завалахъ разрушеннаго селенія. Хотя штурмъ Тануса и былъ

подготовленъ артиллерійскимъ огнемъ, тѣмъ не менѣе Клугенау не рѣшался его предпринять, ожидая отчаяннаго сопротивленія со стороны непріятеля.

Да, наконецъ, успѣхами одержанной побѣды мы воспользоваться не могли: вслѣдствіе малочисленности отряда, недостатка снарядовъ и патроновъ нельзя было преслѣдовать непріятеля. Вмѣсто того командующій войсками счелъ за лучшее занять новую позицію, внѣ выстрѣловъ непріятеля, и расположить войска такимъ образомъ, чтобы прикрыть Хунзахъ и сообщеніе наше съ Гергебилемъ. — Такимъ мѣстомъ явилась позиція у Ботлагича. Передвиженіе отряда на новую позицію произведено было 17-го числа и стройностью своею походило на маневръ въ мирное время: правый флангъ, находившійся ближе къ непріятелю, снялся первый; движеніе его облегчалось огнемъ лѣваго фланга; по обѣимъ сторонамъ этой колонны, въ густыхъ массахъ, слѣдовала милиція. Порядокъ во всѣхъ частяхъ войскъ, даже у милиціонеровъ, былъ удивительный. Непріятель не показывался изъ Тануса и сдѣлалъ только три пушечныхъ выстрѣла, на которые наши войска совсѣмъ не отвѣчали. Занявъ новую позицію, Клугенау приказалъ усилить ее завалами, редутами и батареями.

Донося корпусному командиру о дѣлахъ 14-го по 15-го сентября, генералъ Клугенау съ похвалой отзывается о маіорѣ Познанскомъ и штабсъ-капитанѣ Павловѣ; послѣдній, командуя 2-мя ротами Апшеронцевъ, блистательно отразилъ штыками вылазку непріятеля на правый флангъ нашей позиціи при Танусѣ [7]).

19 Сентября генералъ-маіоръ Клугенау направилъ особую колонну внизъ по Кахскому ущелью, въ аулъ Чалды, на встрѣчу шедшаго изъ Шуры транспорта съ продовольствіемъ для войскъ Аварскаго отряда. Колонна, начальство надъ которой ввѣрено было маіору Познанскому, состояла изъ слѣдующихъ частей: сводная баталіона Апшеронскаго и баталіона Ширванскаго полковъ, роты Мингрельскаго полка, 5 орудій и 150 всадниковъ ширванской милиціи.

Баталіонъ Ширванскаго полка, при двухъ орудіяхъ и части милиціи, оставленъ былъ на позиціи противъ Гоцатля, гдѣ дорога, выходя изъ ущелья, круто поворачиваетъ къ къ аулу Чалды; остальныя войска заняли брошенный жителями Чалды.

По отступленіи отряда къ Геничутлю, Шамиль, сталъ переселять аварцевъ въ болѣе отдаленные аулы, лежавшіе въ Гумбетѣ, Андіи и другихъ мѣстахъ, а аварскіе аулы приказалъ сжечь; тоже самое онъ продѣлалъ и въ Койсубу. Какъ ни тяжело было жителямъ покидать родныя мѣста, но они покорялись своей участи, боясь отказомъ раздражить Шамиля, въ рукахъ котораго находились ихъ аманаты.

Въ продолженіи трехъ дней Шамиль успѣлъ выселить жителей почти всѣхъ аварскихъ ауловъ, а 21 сентября непріятельскія скопища снялись съ позиціи у Тануса, сожгли этотъ аулъ и, перейдя черезъ Аракатау, дошли до Моксоха, гдѣ остановились; всю артиллерію Шамиль отправилъ еще 20 числа прямо въ Дарго, черезъ Чиркатъ. Хаджи-Муратъ со своимъ скопищемъ расположился у Сіуха, а Кибитъ-Магома двинулся къ Гоцатлю. У этого аула онъ встрѣтилъ баталіонъ Графцевъ и атаковалъ его.

Прекрасное описаніе дѣйствій отряда маіора Познанскаго сдѣлано участникомъ событій 1843 года, Апшеронскаго полка полковникомъ Шиманскимъ. Приводимъ его воспоминанія цѣликомъ.

«20-го числа изъ Гергебиля пріѣхалъ генеральнаго штаба капитанъ Капгеръ и сообщилъ, что транспортъ съ провіантомъ еще не прибылъ въ Гергебиль, и когда прибудетъ,

---

7) Донесеніе № 111. Дѣло № 138. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба.

неизвѣстно. Въ ожиданіи колонны съ провіантомъ, отрядъ маіора Познанскаго оставался въ Чалдахъ, довольствуясь, за неимѣніемъ сухарей, фруктами и огородными овощами роскошныхъ садовъ. Яблоки, дули, виноградъ всевозможныхъ сортовъ, лукъ, чеснокъ, морковь и кукуруза, по очереди, соблазняли неприхотливый, при подобныхъ обстоятельствахъ, апетитъ нашихъ солдатъ. Благо мы были здѣсь полными хозяевами».

«Жара стояла нестерпимая. Бѣлая алебастровая гора, возвышавшаяся почти отвѣсно надъ ауломъ, и раскаленные камни сакель увеличивали духоту. Только и было занятія, что слѣдить за одиночными горцами, показывавшимися изрѣдка въ трущобахъ горы, надъ которыми потѣшались наши стрѣлки съ крѣпостными ружьями, пугая выстрѣлами смѣльчаковъ».

«21-го числа, въ часъ пополудни, вдругъ получается, не помню какимъ путемъ, записка, написанная карандашемъ на клочкѣ бумаги, въ которой подполковникъ Пассекъ сообщаетъ маіору Познанскому, что Шамиль, наканунѣ вечеромъ, оставилъ Танусъ и что по Кахскому хребту двинулась партія Кибитъ-Магомы къ Гоцатлю, въ числѣ до 7.000 человѣкъ, съ вѣроятнымъ намѣреніемъ истребить нашъ отрядъ, котораго наличный составъ не превышалъ 1.200 человѣкъ».

«Въ ту же минуту загремѣли барабаны и отрядъ бѣгомъ двинулся на соединеніе съ Ширванскимъ баталіономъ. Поднявшись на гоцатлинскія высоты, мы увидѣли, что по всему протяженію хребта, со стороны Каха, тянулись густыя толпы горцевъ. Передовые горцы, сплошною лентою, пестрѣлись на единственной крутой тропинкѣ, спускавшейся зигзагами къ садамъ и начали уже перестрѣлку съ Ширванцами».

«Въ четыре часа мы соединились на позиціи и, занявъ пять кургановъ, огибавшихъ площадку, гдѣ расположился баталіонъ, вступили въ живую перестрѣлку съ окружавшимъ насъ непріятелемъ. Татары до самой ночи спускались въ сады и еще много ихъ видно было на горѣ. Было замѣчено, что Кибитъ-Магома, расчитывая атаковать насъ ночью массами, выжидалъ, пока не соберутся всѣ его силы. Грозное пѣніе «ла-иль-алла» смѣшивалось съ громомъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ».

«Позиція наша, въ тактическомъ отношеніи, представляла мало выгодъ къ оборонѣ. Площадка, не болѣе 400 шаговъ въ квадратѣ, имѣла справа большой курганъ, который примыкалъ къ глубокому оврагу; въ тылу позиціи тянулся крутой обрывъ; съ фронта и съ лѣвой стороны, на разстояніи 200 шаговъ, возвышалось пять довольно значительныхъ голыхъ кургановъ, полукругомъ; въ промежуткахъ, между возвышенностями, разстилались сады, на разстояніи 100 шаговъ».

«Пока было свѣтло, цѣпь наша, занимая курганы, удерживала горцевъ въ чащѣ садовъ. Для ночи же подобная оборона не представляла того удобства. Маіоръ Познанскій понималъ это весьма хорошо; но чтобы увѣрить и другихъ начальствующихъ лицъ въ неизбѣжности задуманнаго имъ плана, объяснивъ положеніе дѣла собравшимся баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, спросилъ ихъ мнѣнія относительно расположенія частей, для ночной обороны позиціи. Капитанъ генеральнаго штаба Капгеръ, недавно прибывшій на Кавказъ, всевозможными доводами и тактическими правилами, старался доказать необходимость занятія нашею цѣпью передовыхъ кургановъ; мнѣнія же прочихъ, преимущественно старыхъ кавказцевъ, капитановъ Бухановскаго, Павлова и другихъ, держались предложенія Познанскаго. Маіоръ Познанскій, указавъ на то важное обстоятельство, что послѣ предшествовавшихъ неудачъ, трудно вполнѣ полагаться на стойкость солдатъ, раздробленныхъ по клочкамъ, притомъ въ ночное время, и при весьма значительномъ численномъ превосходствѣ непріятеля, предложилъ оставить на ночь передовые курганы и ограничиться защитою въ центрѣ позиціи».

«Сообразно съ таковымъ планомъ, немедленно было отдано приказаніе, устроить земляной валъ на всемъ протяженіи фронта и слѣва вышиною около аршина; пять орудій были помѣщены противъ ложбинъ между курганами; кавалерія и вьючныя лошади помѣщены въ кручѣ за курганомъ, примыкавшимъ къ позиціи, на вершинѣ которой расположились 100 человѣкъ спѣшенной милиціи, со взводомъ крѣпостныхъ ружей въ резервѣ».

«Въ сумеркахъ, передовая цѣпь, по словесному приказанію офицеровъ, сошла съ кургановъ; четыре роты были расположены на протяженіи лѣваго фланга и центра, по завалу, лежа; причемъ, за исключеніемъ промежутковъ гдѣ стояли орудія, весь брустверъ былъ занятъ сплошною линіей солдатъ. При каждомъ орудіи лежалъ взводъ пѣхоты. Остальныя двѣ съ половиною роты, составляя главный резервъ, помѣстились въ разомкнутыхъ рядахъ у подошвы кургана, къ сторонѣ площадки, средина которой, такимъ образомъ была совершенно очищена».

«Въ промежутокъ времени между закатомъ солнца и наступавшею темнотою ночи, перестрѣлка почти затихла: горцы творили намазъ, а мы устраивались и приготовлялись къ оборонѣ. Около девяти часовъ послышались въ садахъ многочисленные голоса, вѣроятно начальниковъ, сзывавшихъ въ массы своихъ людей; затѣмъ раздалась грозная пѣсня мюридовъ... все ближе и ближе къ нашей позиціи, со всѣхъ сторонъ»...

«Вдругъ, градъ выстрѣловъ, съ окружавшихъ высотъ, освѣтилъ окрестность; дикое «ги» раздалось въ промежуткахъ кургановъ. Толпы замѣтно выдвинулись изъ чащи садовъ. Залпъ картечью изъ пяти орудій и батальный огонь, на протяженіи всей позиціи, озадачили горцевъ. Послышались визгъ, стоны, и опять все смолкло на минуту... Подобные штурмы съ тѣмъ же результатомъ повторялись пять или шесть разъ. Массы приближались къ завалу на 25 шаговъ, но осыпаемыя пулями и картечью, бѣжали укрыться за курганы, или за деревьями. Крики, ругательства, пѣсни мюридовъ, по очередно раздавались въ толпахъ горцевъ, окружавшихъ позицію. У насъ неслышно было человѣческаго голоса; раздавались только громъ выстрѣловъ, свистъ пуль и картечи. Около часа пополуночи, огонь горцевъ замѣтно сталъ ослабѣвать, крики въ садахъ стали удаляться и, наконецъ, все замолкло... Еще не понимая настоящей причины этого обстоятельства, начальникъ отряда, обходя позицію, подтверждалъ не плошать и, что называется, смотрѣть въ оба».

«Съ разсвѣтомъ все объяснилось. Посланный разъѣздъ, осмотрѣвъ опушку садовъ, открылъ, что непріятель, потерпѣвъ весьма значительный уронъ, отступилъ черезъ Гоцатль на Карадахъ, съ такою поспѣшностью, что даже бросилъ въ садахъ тѣла убитыхъ, а это, вообще, между горцами случается очень рѣдко. Лужи крови на всемъ пространствѣ, окружавшемъ нашу линію, явно свидѣтельствовали о большой потерѣ горцевъ убитыми и ранеными».

«Все въ отрядѣ поднялось и встрепенулось. Наша потеря оказалась незначительною: ранены одинъ офицеръ легко въ ногу и пять нижнихъ чиновъ, преимущественно тоже въ ноги. Середина позиціи была изрыта пулями, которыя солдаты начали подбирать съ прибаутками и шутками. Всѣ они были въ восторгѣ отъ распоряженій и ловкости въ оборонѣ, понятой ими только теперь. Солдаты выглядывали чисто трубочистами: до того ихъ лица почернѣли отъ пороха, при многихъ и частыхъ выстрѣлахъ лежа, изъ тогдашнихъ нашихъ кремневыхъ ружей».

«Въ четыре часа, изъ Кахскаго ущелья, показались всадники, осторожно подвигавшіеся по дорогѣ и бдительно осматривавшіе мѣстность, а вслѣдъ за ними блеснули штыки застрѣльщичьей цѣпи. Громкое единодушное «ура» потрясло воздухъ, и всѣ вскорѣ увидѣли группу, подъѣзжавшую къ намъ на рысяхъ, впереди которой, на бѣломъ своемъ жеребцѣ,

скакалъ генералъ Клюки-фонъ-Клугенау. Недождавшись даже рапорта, онъ почти соскочилъ съ лошади и бросился обнимать Познанскаго, со словами: «Вы ихъ побили! я былъ увѣренъ въ этомъ... я зналъ, что здѣсь Познанскій!... Здорово, ребята!...»

«Узнавъ о незначительности потери, онъ почти не вѣрилъ въ возможность случившагося. Цѣловалъ офицеровъ и солдатъ».

«Здѣсь необходимо добавить, что къ намъ на выручку спѣшилъ весь Аварскій отрядъ изъ подъ Тануса. Не доходя четырехъ верстъ до нашей позиціи, онъ остановился, не рискуя ночью двигаться дальше, слышалъ залпы изъ орудій и страшную перестрѣлку, а зная о численности непріятеля, предполагалъ, по крайней мѣрѣ, весьма значительную у насъ потерю въ людяхъ».

«Вскорѣ подъѣхалъ генералъ князь Аргутинскій и начали выдвигаться массы кавалеріи и колонны пѣхоты. Въ Гоцатлѣ непріятель бросилъ въ пустыхъ сакляхъ до 50 тѣлъ убитыхъ; въ садахъ насчитали ихъ почти столько же, такъ что потеря непріятеля, навѣрное, превышала многимъ 500 человѣкъ убитыми и ранеными» [8]).

На Гоцатлинскихъ высотахъ остался генералъ-маіоръ князь Аргутинскій съ 3 1/2 баталіонами пѣхоты, 8 горными единорогами и большею частью милиціи; ему приказано имѣть связь съ Гергебилемъ и транспортировать оттуда въ Аварскую долину запасы продовольствія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Самъ Клугенау съ отрядомъ вернулся на позицію при Геничутлѣ. Съ удаленіемъ скопищъ Шамиля изъ Аваріи, прекратились въ этой странѣ военныя дѣйствія. Когда корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ узналъ объ успѣхахъ Шамиля, то сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о движеніи войскъ въ Сѣверный Дагестанъ. Какъ мы видѣли, первую помощь получилъ Дагестанскій отрядъ съ прибытіемъ въ Аварію войскъ князя Аргутинскаго; затѣмъ съ лѣваго фланга Кавказской линіи направились всѣ свободныя части, бросившія работы по постройкѣ укрѣпленій, вслѣдствіе чего войска Сѣвернаго Дагестана усилились 5 баталіонами пѣхоты. Генералъ-адъютантъ Нейдгардъ предписалъ командующему войсками на Кавказской линіи, генералъ-лейтенанту Гурко, отправиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру и принять начальство надъ всѣми войсками.

18-го сентября, по пріѣздѣ въ Шуру, Гурко нашелъ Сѣверный Дагестанъ въ такомъ положеніи: всѣ укрѣпленія, расположенныя по правую сторону Аварскаго-Койсу, взяты были Шамилемъ и разрушены до основанія, а гарнизоны или истреблены совершенно, или же взяты въ плѣнъ. Простоявъ 3 дня у Тануса, соединенные отряды отступили къ Геничутлю, не достигнувъ никакихъ положительныхъ результатовъ и страна по прежнему оставалась въ полномъ возстаніи. Генералъ Гурко рѣшилъ выступить изъ Шуры съ двумя имѣвшимися у него подъ рукой баталіонами, на соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ; колонна должна была направиться по единственному свободному еще пути въ Аваріи, проходившему черезъ Гергебиль и Гоцатль. Уже баталіоны приготовились къ выступленію, когда получены были слѣдующія извѣстія: сборы въ Чечнѣ сильно дѣйствуютъ на Кумыковъ, и они готовы измѣнить намъ; партія въ 1.500 человѣкъ отправлена Шамилемъ въ Моксохъ, чтобы напасть на аулъ Кудухъ и оттуда двинуться на сообщеніе Гергебиля съ Аваріей. Въ то же время волненіе въ Шамхальствѣ обнаруживалось все болѣе и болѣе. Извѣстія эти заставило генерала Гурко отмѣнить выступленіе къ Хунзаху; вмѣсто того онъ направилъ одинъ баталіонъ въ аулъ Аймаки, для охраненія сообщенія Шуры съ Гергебилемъ, а въ Зыряны послалъ двѣ роты. Новое извѣстіе о переходѣ 3.000 горцевъ на правый берегъ

---

[8]) Военный Сборникъ за 1869 годъ, № 7, стр. 5.

Сулака, для нападенія на укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру, заставило Гурко послать генералу Клугенау предписаніе немедленно прибыть съ отрядомъ въ Шуру, оставивъ въ Хунзахѣ небольшой гарнизонъ. Между тѣмъ, Шамиль, зная объ усиленіи Дагестанскаго отряда, и имѣя въ тылу у себя Аварскій отрядъ, не рискнулъ двинуться къ Зырянамъ, и отступилъ отъ Моксоха къ Чиркату. Отсюда онъ пошелъ къ Дылыму и соединился здѣсь съ партіями Шуаибъ-Муллы и Уллубея. Вслѣдъ за удаленіемъ непріятеля изъ Сѣвернаго Дагестана, Дагестанскій отрядъ возстановилъ сообщеніе съ Зырянами, а утромъ 27-го сентября соединился съ 4 ротами, подъ командою генералъ-лейтенанта Ренненкампфа, вышедшаго къ нему на встрѣчу изъ Зырянъ.

Получивъ предписаніе генерала Гурко возвратиться изъ Аваріи, Клугенау немедленно направилъ въ Шуру 15 ротъ (въ томъ числѣ 8 ротъ Апшеронскаго полка), два полевыхъ и два горныхъ орудія и большую часть милиціи Самурскаго отряда. Для обезпеченія Балаканскаго ущелья остался генералъ-маіоръ князь Аргутинскій съ 3 баталіонами и 11 орудіями. По возвращеніи Апшеронцевъ въ Шуру, генералъ Гурко рѣшилъ дать имъ нѣсколько дней отдыха.

Въ штабъ-квартирѣ собралось 2.230 человѣкъ Апшеронскаго полка, въ числѣ коихъ было 200 раненыхъ; кромѣ того 10 мушкетерская рота стояла въ Міатлахъ, 13 мушкетерская — въ Зырянахъ, 15 мушкетерская — въ Султанъ-Янги-Юртѣ и двѣ сводныя остались въ Хунзахѣ. 30-го сентября лазутчики принесли извѣстіе, что Шамиль напалъ на деревню Андрееву, но былъ отбитъ жителями и гарнизономъ крѣпости Внезапной, послѣ чего скопище отступило въ горы. При томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находился Дагестанъ, явился весьма важный вопросъ: слѣдуетъ ли намъ удерживать за собою Аварію, или же бросить эту, совершенно опустошенную Шамилемъ страну? Генералъ Гурко держался послѣдняго мнѣнія, т. е. оставленія Аваріи и сосредоточенія войскъ въ Шурѣ. Но генералъ Клугенау имѣлъ совершенно противоположное мнѣніе; въ рапортѣ своемъ корпусному командиру онъ писалъ: «Страна по лѣвому берегу рѣки Аварскаго-Койсу, бывшая въ нашей власти, совершенно опустѣла. Шамиль переселяетъ аулы въ покорныя ему горы; жители покинули дома, могилы отцовъ, весь запасъ хлѣба, часть имущества, даже больныхъ и калѣкъ. Зарево пожара въ ближайшихъ селеніяхъ къ непріятелю озаряетъ пустынную страну. Шамиль, зная, что не можетъ удержаться въ захваченномъ имъ краѣ, прибѣгнулъ къ общему опустошенію и истребленію ауловъ, чтобы затруднить и намъ удержаніе за собою центра горъ. Дѣйствительно, войска не имѣя впереди себя мирныхъ селеній, не будутъ имѣть, такъ сказать, аванпостовъ и даже будутъ затрудняться въ лазутчикахъ, но за то избавятся отъ труда и усилія оборонять каждое полупреданное намъ селеніе и обезпечатся безденежно не только фуражемъ, но и огромнымъ запасомъ пшеницы, ячменя, дровами и строевымъ лѣсомъ. Когда же мы прочнѣе утвердимся въ горахъ, то богатая земля Аварской долины, совершенно предоставленная нашей власти, дастъ возможность устроить значительное военное поселеніе. Таковы настоящія обстоятельства края, важнаго по своему положенію въ центрѣ горнаго треугольника всей страны (Дагестана). Отъ Хунзаха 85 верстъ до Казикумуха, 80 верстъ черезъ Андію до Ичкеріи, 80 — черезъ снѣговыя ворота Авзрскаго Койсу до Анкратля и 140 до Кахетіи. Аварія, выдавшись мысомъ въ непокорныя намъ общества, раздѣляетъ ихъ между собою и даетъ возможность обращаться противъ каждаго изъ нихъ, что и заставляетъ непріятеля смотрѣть съ опасеніемъ на наше обладаніе центромъ. Наконецъ, историческое имя Аваріи, освященное въ памяти народа преданіями тысячелѣтія, придаетъ еще болѣе важности этому пункту. И вотъ причины всѣхъ усилій горскихъ предводителей для овладѣнія Хунзахомъ, а съ нимъ и Аваріей.

Усилія враговъ заставляютъ еще болѣе дорожить нашимъ завоеваніемъ и приложить всѣ мѣры къ удержанію его, но не по одной только важности пункта, нѣтъ, честь и слава русскаго оружія требуютъ не дать восторжествовать надъ нами предводителю слабыхъ племенъ Дагестана въ сравненіи съ могуществомъ Россіи и уступить страну, однажды искупленную кровью нашихъ храбрыхъ войскъ, въ продолженіи семилѣтней борьбы. Если же угодно будетъ Государю Императору, по окончаніи военныхъ дѣйствій нынѣшнею осенью въ Дагестанѣ, удерживать нашими войсками Хунзахъ до весны 1844 года, когда необходимо должны начаться наступательныя дѣйствія для наказанія возмутителей и прочнаго нашего утвержденія въ горахъ, то должно принять слѣдующія мѣры, которыя потребуютъ значительныхъ пожертвованій: 1) расположить на зиму въ Хунзахѣ три комплектныхъ баталіона; 2) устроить на зиму сообщеніе Хунзаха съ Темиръ-Ханъ-Шурою черезъ Кахъ, Гоцатль, Чалды и Гергебиль, оставивъ на время сообщеніе черезъ Балаканское ущелье, потому что транспортировка черезъ Балаканы и Арактау, по обнаженію края, а главное по дерзости, пріобрѣтенной теперь непріятелемъ, будетъ сопряжена съ большой опасностью, и сверхъ того мятели на Арактау будутъ затруднять передвиженія оказій и войскъ; разработка же дорогъ, лежащая на жителяхъ, будетъ еще опаснѣе самыхъ передвиженій; 3) расположить въ Гоцатлѣ и Гергебилѣ по одному баталіону, въ Кахѣ и Чалдахъ по двѣ роты, а въ Кикунахъ одну роту; 4) усилить оборону Хунзаха, укрѣпить Кахъ, Гоцатль, Чалды и Кикуны; 5) для успѣшнаго хода работъ, должно прислать военно-рабочую команду и усилить команду саперъ, а искусственную часть поручить особому опытному офицеру; 6) всѣ пункты, какъ Хунзахъ, такъ и лежащіе на сообщеніи, снабдить сильною артиллеріей, снарядами, зарядами, провіантомъ и дровами изъ оставленныхъ ауловъ; 7) снабдить всѣ войска въ Хунзахѣ и на сообщеніи полушубками въ натурѣ; 8) имѣть конныхъ и пѣшихъ нарочныхъ для пересылки конвертовъ, и 9) поручить всѣ войска въ Хунзахѣ и на сообщеніяхъ одному опытному и распорядительному штабъ-офицеру и снабдить его суммою на военные и экстра-ординарные расходы» [9].

Когда Клугенау прибылъ въ Шуру, то тѣ-же соображенія изложилъ и генералъ-лейтенанту Гурко; но послѣдній все таки остался при прежнемъ мнѣніи очистить Аварію. Однако мнѣніе генерала Клугенау, впродолженіе 10 лѣтъ управлявшаго Сѣвернымъ Дагестаномъ, и хорошо знакомаго съ обстоятельствами края, восторжествовало; корпусный командиръ согласился оставить войска въ Аваріи до весны 1844 года. Чтобы пополнить убыль въ войскахъ Сѣвернаго Дагестана, на укомплектованіе частей отправлено 3.600 человѣкъ изъ Кавказской резервной дивизіи; кромѣ того, временно оставлены 3 баталіона изъ войскъ лѣваго фланга Кавказской линіи и 4 баталіона изъ Самурскаго отряда. Для сообщенія съ Аваріей избрано Балаканское ущелье, а дорога на Гергебиль и Гоцатль, какъ чрезвычайно трудная и имѣвшая большое протяженіе, брошена.

Въ половинѣ октября въ Сѣверномъ Дагестанѣ сосредоточилось 9.000 человѣкъ пѣхоты. Изъ числа этихъ войскъ въ Хунзахѣ стояло 3 баталіона пѣхоты, подъ начальствомъ подполковника Пассека. Апшеронскій полкъ расположенъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ Шурѣ — 1 и 2 сводные баталіоны; въ Хунзахѣ — двѣ сводныхъ роты, подъ командою маіора Витторта; въ Зырянахъ — 13 мушкетерская рота, подъ командою штабсъ-капитана Иванчевскаго; въ Гимрахъ — 8 мушкетерская рота, а затѣмъ туда же 14 октября отправлены 1 и 3 гренадерскія роты, подъ командою штабсъ-капитана Павлова; въ Султанъ-Янги-Юртѣ — 4 мушкетерская рота поручика Бурмина и въ Міатлахъ — 2 гренадерская рота подпоручика Дьяконова.

9) Донесеніе генерала Клугенау, № 114. Дѣло № 138. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Весь октябрь Шамиль находился въ Дылымѣ; относительно его намѣреній ходили разнорѣчивые слухи: одни говорили, что скопища горцевъ опять пойдутъ къ деревнѣ Андреевой; другіе утверждали, что имамъ двинется къ Хунзаху; но все это были одни лишь предположенія, а настоящихъ плановъ Шамиля никто не зналъ, да и не могъ знать, потому что ни одинъ лазутчикъ не рѣшался проникнуть въ Дылымъ, изъ боязни быть узнаннымъ и убитымъ. Наконецъ, отъ кумыкскаго пристава получено донесеніе о томъ, что Шамиль въ непродолжительномъ времени думаетъ направиться къ деревнѣ Андреевой. Основываясь на этомъ донесеніи, генералъ Гурко выступилъ 22 октября изъ Шуры на Сулакскую линію съ двумя баталіонами пѣхоты (въ томъ числѣ сводный Апшеронскій) при двухъ легкихъ и двухъ горныхъ орудіяхъ, а на другой день, передъ вечеромъ, прибылъ въ Султанъ-Янги-Юртъ. Генералъ Гурко, присоединивъ къ отряду войска, расположенныя на Сулакской линіи и переправившись черезъ Сулакъ, сталъ лагеремъ близь Темиръ-аула. Отсюда Дагестанскій отрядъ прикрывалъ Кумыкскую плоскость, Міатлы и Чиръ-Юртъ. Вслѣдъ за тѣмъ Гурко предписалъ двинуть изъ Шуры къ Темиръ-аулу еще одинъ баталіонъ; въ Шурѣ осталось 2 баталіона Апшеронцевъ, изъ которыхъ одинъ занималъ посты и караулы въ укрѣпленіи. Когда Шамиль увидѣлъ, что почти всѣ войска Сѣвернаго Дагестана стянулись къ кр. Внезапной, то распустилъ скопища чеченцевъ, а самъ быстро направился въ Гумбетъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что движеніе Шамиля къ Андреевой было произведено съ цѣлью отвлечь наши войска изъ Сѣвернаго Дагестана, куда онъ хотѣлъ вторгнуться. Впослѣдствіи оказалось, что Шамиль имѣлъ намѣреніе, взявъ Гергебильское укрѣпленіе, взволновать Акушинское и Цудахарское общества, вслѣдствіе чего терялась связь между Дагестанскимъ, Самурскимъ и Аварскимъ отрядами; затѣмъ скопища двигаются къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, съ цѣлью взять это укрѣпленіе. Какъ мы видѣли, начало этого плана имѣло уже успѣхъ.

Оставивъ одинъ баталіонъ на Сулакской линіи, на случай вторженія сюда непріятеля, генералъ Гурко съ остальными войсками двинулся обратно въ Шуру. Еще 28 числа генералъ Клугенау получилъ изъ горъ извѣстіе о движеніи скопища Кибитъ-Магомы къ Карадахскому мосту. На другой день полученное извѣстіе подтвердилось; повидимому, сборище предназначалось для взятія Гергебиля. Клугенау немедленно отправилъ 2-ю и 3-ю мушкетерскія роты Апшеронскаго полка, подъ командою штабъ-капитана Домбровскаго, въ Аймаки. Домбровскому было приказано: въ случаѣ, если непріятель не успѣлъ еще обложить Гергебильскаго укрѣпленія, то изъ Аймаковъ идти на усиленіе гарнизона; въ противномъ случаѣ не позволять мюридамъ проникнуть въ Мехтулинское ханство черезъ Аймакинское ущелье. Когда же генералъ Клугенау получилъ отъ гергебильскаго воинскаго начальника донесеніе, что громадное скопище, подъ предводительствомъ Кибитъ-Магомы, заняло аулъ Кикуны, то командировалъ въ Аймаки еще двѣ роты Апшеронцевъ. Оставшійся въ Шурѣ резервъ состоялъ изъ одного баталіона Апшеронцевъ.

29 октября скопище Кибитъ-Магомы подошло къ Гергебильскому укрѣпленію и окружило его со всѣхъ сторонъ; вскорѣ къ Гергебилю прибылъ и Шамиль. Въ тотъ же день непріятель произвелъ штурмъ, который былъ отбитъ. Тогда Шамиль рѣшилъ вести правильную осаду. 2-го ноября огнемъ изъ орудій стѣны верхняго укрѣпленія были пробиты, и гарнизонъ въ ночь на 3-е число перебрался въ нижнее укрѣпленіе, а въ верхнемъ были устроены мины. Утромъ 3-го ноября горцы, замѣтивъ тишину въ верхнемъ укрѣпленіи, забросали ровъ фашинами и ворвались въ укрѣпленіе; когда въ немъ собралось уже нѣсколько сотъ мюридовъ, то сообщили огонь минамъ; послѣдовалъ страшный взрывъ, отъ котораго погибло болѣе 300 мюридовъ. Непріятель съ ожесточеніемъ атаковалъ нижнее укрѣпленіе, но и на этотъ разъ былъ отбитъ.

4-го числа Шамиль продолжалъ усиленную бомбардировку укрѣпленія и въ то же время подводились траншеи къ стѣнамъ его. Около 4 часовъ пополудни на Аймакинскихъ высотахъ блеснули штыки: то былъ Дагестанскій отрядъ и у защитниковъ появилась надежда на спасеніе. Но, къ несчастію, спасти гарнизонъ не представлялось никакой возможности и вотъ по какимъ причинамъ: 31-го октября генералъ Гурко прибылъ въ Шуру и тутъ узналъ, что скопище горцевъ, численностью въ 5.000 человѣкъ, осадило Гергебиль; въ то же время получено было извѣстіе отъ Шамхала Тарковскаго, что Шамиль пріѣхалъ въ Ашальты и отсюда, черезъ Цатаныхъ и Араканы, намѣренъ вторгнуться въ Шамхальскія и Мехтулинскія владѣнія. Оба эти извѣстія заставили Гурко, съ имѣвшимися подъ рукой баталіонами, двинуться въ селеніе Оглы, откуда онъ могъ, смотря по обстоятельствамъ, пойти въ Гергебиль или въ Араканы. 1-го ноября въ Оглы отправлены два баталіона (въ томъ числѣ сводный Апшеронскаго полка), при 5 горныхъ единорогахъ; въ Шурѣ остался только одинъ баталіонъ Апшеронскаго и рота Кабардинскаго полковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гурко обратился за содѣйствіемъ къ князю Аргутинскому, но послѣдній не могъ подать помощи Гергебилю, такъ какъ Акушинское и Цудахарское общества, чрезъ которыя шла дорога къ укрѣпленію, находились въ полномъ возстаніи. Пріѣхавъ въ Оглы, Гурко узналъ, что скопище Шамиля изъ Ашальтовъ направилось къ Гергебилю. Не зная еще о томъ, что Самурскій отрядъ не можетъ содѣйствовать спасенію гарнизона, Гурко рѣшился со своими двумя баталіонами двинуться къ Гергебилю. Къ укрѣпленію шло три дороги: одна—по Аймакинскому ущелью, прорѣзывающему высокій Кутишинскій хребетъ, а двѣ другія — черезъ хребетъ, вправо и влѣво отъ ущелья. Первая дорога была самая удобная, но движеніе по ней войскъ возможно было только въ томъ случаѣ, если непріятель не занималъ выхода изъ ущелья: въ этомъ мѣстѣ нѣсколько десятковъ мюридовъ въ состояніи были задержать тысячи человѣкъ. Вправо отъ Аймакинскаго ущелья проходила черезъ гору тропинка, нѣсколько удобнѣе первой дороги; по ней можно было проводить лошадей, а съ нѣкоторымъ усиліемъ и горныя орудія. Подъемъ у нея продолжителенъ и труденъ, а спускъ къ Гергебилю значительно круче подъема. Тропинка эта извивалась по крутымъ косогорамъ, спускалась въ глубокіе овраги, проходила тѣснинами, между отрогами Кутишинскаго хребта, усѣянными огромными оторвавшимися отъ хребта глыбами камней; сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ съ уступа на уступъ, по подножію хребта, близъ котораго расположенъ Гергебиль, она появлялась противъ выхода изъ Аймакинскаго ущелья. Вотъ этотъ-то путь генералъ Гурко и избралъ для слѣдованія къ Гергебилю. Въ ночь на 4-е ноября отрядъ выступилъ изъ Огловъ и съ разсвѣтомъ пришелъ въ Аймаки; здѣсь къ нему присоединились двѣ роты Апшеронцевъ; другія двѣ роты, при одномъ горномъ орудіи, оставлены въ Аймакахъ, между жителями котораго стало обнаруживаться волненіе; эти же роты должны были охранять выходъ изъ ущелья. Отрядъ генерала Гурко состоялъ изъ 13 ротъ (въ числѣ ихъ 6 ротъ Апшеронскаго полка), при 5-ти горныхъ орудіяхъ и 3-хъ сотняхъ милиціи [10]; общая численность пѣхоты не превышала 1.600 человѣкъ. Въ полдень 4-го числа войска взошли на хребетъ, у подножія котораго виднѣлось Гергебильское укрѣпленіе. Одного взгляда достаточно было, чтобы убѣдиться въ полной невозможности соединиться съ гарнизономъ, потому что весь Гергебильскій спускъ непріятель преградилъ завалами; атаковать крѣпкую позицію Шамиля, занятую многочисленнымъ скопищемъ, было слишкомъ рискованно: въ случаѣ неудачи, отрядъ неминуемо могъ погибнуть, не принеся никакой пользы осажденнымъ. Приходилось пожертвовать Гергебилемъ. Не желая, однако, брать на свою личную отвѣтственность рѣ-

[10]) 6 ротъ Апшеронскаго, баталіонъ Тифлисскаго и 3 роты Навагинскаго полковъ.

шеніе такого важнаго вопроса, генералъ-лейтенантъ Гурко собралъ военный совѣтъ, въ составъ котораго, кромѣ генерала Гурко, вошли: генералъ-маіоръ Клугенау, начальникъ артиллеріи отряда полковникъ Ковалевскій, начальникъ штаба отряда подполковникъ Бибиковъ, оберъ-квартирмейстеръ капитанъ баронъ Турнау и генеральнаго штаба капитанъ Невѣровскій.

Послѣ долгаго совѣщанія, во время котораго за освобожденіе Гергебиля подалъ голосъ только одинъ полковникъ Ковалевскій, большинство пришло къ заключенію пожертвовать Гергебилемъ. Основаніями такого печальнаго рѣшенія послужили слѣдующія соображенія: взятіе нашими войсками въ 1842 году Гергебиля имѣло успѣшный результатъ по тремъ причинамъ: 1) неожиданность движенія отряда; 2) относительно большой составъ его (2.500 человѣкъ, противъ которыхъ было только 4.000 мюридовъ) и 3) нравственныя силы горцевъ еще не достигли такой степени развитія. Въ настоящее время отрядъ имѣлъ всего только 1.600 человѣкъ, и ему предстояло вступить въ битву съ 10.000 мюридовъ, гордыхъ своими недавними успѣхами; кромѣ того, непріятель занималъ чрезвычайно крѣпкую позицію и имѣлъ всѣ выгоды мѣстности на своей сторонѣ: сначала приходилось вытѣснить горцевъ изъ двухъ сильныхъ передовыхъ позицій, потомъ, достигнувъ подножія хребта, штурмовать довольно высокій валъ, окружавшій съ восточной стороны аулъ и, наконецъ, пробираться къ укрѣпленію садами, на протяженіи 1 1/2 версты. Такія препятствія, при незначительной силѣ отряда, немыслимо было преодолѣть. Положимъ даже, что отрядъ съ потерей половины людей пробился бы къ укрѣпленію; являлся вопросъ, помогло ли бы это дѣлу? Если осажденныхъ осталось 200 человѣкъ, то къ числу ихъ прибавлялось еще нѣсколько сотъ человѣкъ и все таки результатъ вышелъ бы одинаковъ, т. е. гибель гарнизона и взятіе укрѣпленія. Въ то же время, лишая страну единственнаго резерва, генералъ Гурко могъ погубить Аварскій отрядъ Пассека и отдать почти беззащитное укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру въ руки Шамиля. Со слезами на глазахъ пришлось пожертвовать гергебильскимъ гарнизономъ для спасенія цѣлаго края. Рѣшившись не идти къ укрѣпленію, Гурко все таки спустился съ главной высоты и расположился лагеремъ нѣсколько ниже, имѣя слабую надежду близостью своею заставить Шамиля обратить исключительное вниманіе на отрядъ. Но надежда оказалась тщетная: сознавая силу свою и хорошо понимая невыгоды, которыя представляла мѣстность для нашихъ войскъ, непріятель не оставлялъ блокады укрѣпленія, продолжалъ его бомбардировать и въ виду отряда ходилъ два раза на штурмъ; всѣ же мѣры для обезпеченія со стороны нашихъ войскъ заключались только въ томъ, что Шамиль отдѣлилъ часть своего скопища въ подкрѣпленіе той партіи, которая занимала гребни высотъ и завалы вдоль спуска съ горы. У начальника отряда мелькнула еще разъ надежда на спасеніе гарнизона, въ случаѣ, если Самурскій отрядъ подойдетъ своевременно; поэтому онъ вторично отправилъ къ князю Аргутинскому нарочнаго съ просьбой о помощи. На содѣйствіе же 3-хъ баталіоновъ Аварскаго отряда нельзя было расчитывать потому, что Гоцатлинская гора, переправа черезъ Аварское-Койсу и неприступный аулъ Кикуны находились во власти непріятеля, и представляли движенію этого отряда неодолимыя преграды; въ названныхъ пунктахъ Шамиль оставилъ сильныя партіи, которыя не только не пустили бы отрядъ Пассека, но могли отрѣзать ему дорогу и къ Хунзаху.

4-го и 5-го ноября генералъ Гурко простоялъ съ отрядомъ на безводной Гергебильской горѣ въ ожиданіи Самурскаго отряда; но 5-го вечеромъ получилъ рапортъ отъ князя Аргутинскаго, въ которомъ послѣдній донесъ, что акушинцы возстали, цудахаринцы совершенно не надежны, вслѣдствіе чего онъ, по малочисленности отряда, не можетъ двинуться на соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ ранѣе, чѣмъ не получитъ подкрѣпленіе,

*

а послѣднее ожидалось только черезъ 6 дней [11]. Это донесеніе окончательно рѣшило участь Гергебиля, и гарнизонъ предоставленъ былъ собственной защитѣ.

Между тѣмъ, получилось извѣстіе о возстаніи мехтулинцевъ и шамхальцевъ: оставаться на Гергебильскихъ высотахъ въ полномъ бездѣйствіи не имѣло смысла; поэтому, въ ночь на 6-е ноября, отрядъ снялся со своей позиціи и отступилъ на Аймакинскую гору, а 6-го числа двинулся къ Аркасу. Во время движенія возставшіе мехтулинцы преслѣдовали отрядъ съ такимъ ожесточеніемъ и упорствомъ, что аріергардъ нѣсколько разъ принужденъ былъ ходить въ штыки, чтобы остановить ихъ натиски. Къ вечеру войска пришли къ Аркасу, гдѣ и расположились лагеремъ. Отступленіе стоило войскамъ 2 оберъ-офицеровъ и 7 нижнихъ чиновъ ранеными. Чтобы вполнѣ обрисовать отношеніе къ намъ шамхальцевъ и мехтулинцевъ, достаточно упомянуть, что милиція, бывшая при отрядѣ, во время перестрѣлки, толпами переходила къ непріятелю, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовала противъ насъ. Ханша Мехтулинская бѣжала въ Шуру; туда же перевезъ свое семейство и Шамхалъ Тарковскій.

Занятіе Аваріи и Хунзаха, о которомъ такъ усиленно хлопоталъ генералъ Клугенау, не удержало отъ возстанія акушинцевъ, цудахаринцевъ, мехтулинцевъ и шамхальцевъ, не удержало Шамиля отъ рѣшенія осадить Гергебиль и не спасало другіе наши пункты, на которые онъ могъ обратиться по взятіи и уничтоженіи Гергебильскаго укрѣпленія. Чтобы исправить хоть сколько нибудь сдѣланную ошибку, генералъ Гурко предписалъ Клугенау немедленно вывести войска наши изъ Хунзаха и Гимръ, потому что Гимринское укрѣпленіе могло держаться только при условіи вѣрности гимринцевъ, а вѣрность эта подлежала большому сомнѣнію. Необходимо было озаботиться защитою Темиръ-Ханъ-Шуры и Низоваго, а также охранять сообщенія съ Кавказской линіей, и, по присоединеніи баталіоновъ изъ Аваріи, стараться возстановить спокойствіе въ Шамхальствѣ и Мехтулинской провинціи. Успѣхи Шамиля въ Аваріи въ исходѣ сентября мѣсяца распространили вліяніе его на умы мюридовъ, до того времени намъ совершенно покорныхъ; власть и слава имама въ горахъ достигла своего апогея; теперь нашимъ войскамъ приходилось имѣть дѣло не съ отдѣльными обществами, которыя сражались и покорялись по собственной иниціативѣ, а со всѣмъ населеніемъ горъ, упоеннымъ своими удачами, полнымъ фанатизма и безпрекословно повинующимся волѣ одного человѣка, и это былъ Шамиль. Какъ умный человѣкъ, онъ съумѣлъ понять всѣ невыгоды нашего положенія въ краѣ, и своевременно воспользовался сдѣланными ошибками: сначала Шамиль истребилъ отдѣльныя слабыя укрѣпленія въ Койсубу и Аваріи, а затѣмъ осадилъ Гергебильское укрѣпленіе, построенное въ такомъ мѣстѣ, гдѣ помощь ему могъ оказать только отрядъ, превышавшій численностью своею силы противника. Въ концѣ сентября пламя возстанія охватило Мехтулинское ханство и Акушу, вслѣдствіе чего прервалось сообщеніе съ Дербентомъ; на Кавказской линіи чеченцы готовились къ всеобщему возстанію [12].

Съ оставленіемъ нашимъ отрядомъ Гергебильскихъ высотъ, у гарнизона укрѣпленія пропала и надежда на спасеніе. 5-го, 6-го и 7-го числа непріятель поддерживалъ артилерійскій огонь съ прежней силой; подступы его все болѣе и болѣе подвигались къ стѣнамъ; наконецъ, 8-го ноября послѣдовалъ штурмъ и укрѣпленіе пало. Большая часть защитниковъ истреблена; взято въ плѣнъ два офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Разрушивъ Гергебиль, Шамиль перешелъ въ селеніе Дженгутай, а Акушинскаго кадія двинулъ къ Таркамъ; 11-го ноября скопище горцевъ перешло изъ Дженгутая въ Большіе Казанищи. Шамхальцы привѣтствовали Шамиля криками радости и стрѣльбой изъ ружей; многіе изъ нихъ понадѣвали чалмы.

---

[11] Донесеніе князя Аргутинскаго № 1.757. Дѣло № 138. 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[12] Тамъ же. Донесеніе генерала Гурко № 244.

Глава Пятая.

Возвращеніе Дагестанскаго отряда въ Шуру. — Рѣшеніе оставить Сулакскую линію. — Описаніе осады укрѣпленія Низоваго. — Движеніе съ лѣваго фланга Кавказской линіи отряда генерала Фрейтага. — Спасеніе Низоваго. — Уничтоженіе укрѣпленія и отступленіе отряда въ Кази-юртъ. — Осада Міатлинскаго укрѣпленія. — Разбитіе скопищъ горцевъ. — Приготовленія къ защитѣ Темиръ-Ханъ-Шуры. — Нападеніе на команду фуражировъ. — Блокада Шуры. — Измѣна Чиркея и Зубута. — Отступленіе Пассека изъ Хунзаха въ Зыряны. — Блокада Евгеніевскаго укрѣпленія. — Бѣдствія Аварскаго отряда. — Прибытіе въ Шуру Кумыкскаго отряда. — Дѣло 15-го декабря. — Снятіе блокады и отступленіе скопищъ Шамиля. — Движеніе генерала Гурко на выручку Аварскаго отряда. — Составъ Дагестанскаго отряда. — Встрѣча съ Пассекомъ. — Разрушеніе Зырянскаго укрѣпленія и отступленіе въ Шуру. — Дѣло аріергарда со скопищами Хаджи-Мурата. — Прибытіе въ Шуру. — Распредѣленіе войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. — Занятіе Шамилемъ аула Оглы. — Невозможность наступательныхъ дѣйствій. — Ночное дѣло Апшеронцевъ съ мюридами. — Атака гренадеръ. — Отзывъ генерала Клугенау о подпоручикѣ Дьяконовѣ. — Общая потеря войскъ Дагестанскаго отряда за четыре мѣсяца военныхъ дѣйствій. — Ошибки Шамиля. — Награды.

8-го ноября Дагестанскій отрядъ возвратился въ Шуру. Находя, что Сулакская военная линія, расположенная посреди возставшихъ шамхальскихъ деревень, не можетъ успѣшно удовлетворять своему назначенію, генералъ Гурко приказалъ снять находившіяся на линіи войска и сосредоточить ихъ въ Кази-юртѣ, какъ въ пунктѣ весьма важномъ, обезпечивающемъ переправу черезъ рѣку Сулакъ, и черезъ который оставался единственный путь сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ Кавказскою линіею и съ Тифлисомъ. Защиту Кази-юрта Гурко поручилъ подполковнику Апшеронскаго полка Евдокимову. 9-го ноября возвратились изъ Гимръ въ Шуру 1-я и 8-я мушкетерскія и 3-я гренадерская роты Апшеронцевъ. Не рискуя предпринять что-либо серьезное противъ Шуры, гарнизонъ которой могъ оказать энергичное сопротивленіе, Шамиль рѣшилъ сначала взять укрѣпленіе Низовое, гдѣ были сложены запасы провіанта; съ паденіемъ Низоваго, шуринскій гарнизонъ лишался жизненныхъ припасовъ, и тогда онъ долженъ былъ или отступить къ Кавказской линіи, или же погибнуть, защищая укрѣпленіе. Низовое укрѣпленіе могло расчитывать на помощь только со стороны Кавказской линіи, гдѣ находился отрядъ генералъ-маіора Фрейтага; но Шамиль надѣялся отвлечь послѣдняго сборами въ Чечнѣ. Когда Шамиль вызвалъ Шуаибъ-Муллу со скопищемъ чеченцевъ въ Дагестанъ, то отрядъ Фрейтага, состоявшій изъ $3\frac{1}{2}$ баталіоновъ пѣхоты, 11 орудій, двинулся въ Султанъ-Янги-Юртъ, куда и прибылъ 16 ноября; здѣсь Фрейтагъ нашелъ подполковника Евдокимова съ 6-ю ротами пѣхоты (въ томъ числѣ 4-я мушкетерская Апшеронскаго полка), 5-ю орудіями и 600 казаковъ. Евдокимовъ не могъ сообщить никакихъ положительныхъ свѣдѣній о Низовомъ укрѣпленіи, съ которымъ всякое сообщеніе уже было прервано. По однимъ извѣстіямъ, непріятель взялъ укрѣпленіе, а по другимъ — гарнизонъ еще держался, очистивъ только форштадтъ. Низовое укрѣпленіе стояло у подошвы горъ. Когда еще существовала кр. Бурная, то въ Низовомъ были расположены всѣ

хозяйственныя постройки гарнизона; оно было окружено канавой и обнесено невысокимъ брустверомъ, безъ всякой фланговой обороны. Съ упраздненіемъ Бурной, гарнизонъ крѣпости перевели въ Низовое; для помѣщенія войскъ устроили довольно обширный форштадтъ, который также окопали рвомъ и оградили брустверомъ; вотъ этотъ-то форштадтъ и получилъ названіе Низоваго укрѣпленія; а мѣсто хозяйственныхъ зданій названо «цитаделью». Весь гарнизонъ состоялъ изъ 300 человѣкъ, въ томъ числѣ 64 человѣка Апшеронцевъ, подъ командою прапорщика Зыбина [1].

8-го ноября на Таркинской горѣ показались огромныя толпы горцевъ; то было скопище Магомета, Акушинскаго кадія, посланнаго Шамилемъ для взятія Низоваго.

Въ ночь на 10-е ноября непріятель, вмѣстѣ съ измѣнившими намъ жителями селенія Тарковъ, бросился на рейдъ и истребилъ караулъ, состоявшій изъ 15 человѣкъ линейнаго баталіона, разграбилъ всѣ купеческіе товары и сжегъ провіантъ. Штабсъ-капитанъ Болотниковъ вызвалъ охотниковъ сдѣлать вылазку, съ цѣлью прогнать горцевъ, но вылазка не имѣла никакого успѣха. Въ тотъ же день прибыла въ Низовое команда Кабардинскаго полка изъ 60 человѣкъ. Три дня непріятель занимался грабежомъ и перевозкою товаровъ съ пристани въ селеніе Тарки; нужно было ожидать, что, покончивъ грабежъ, онъ начнетъ дѣйствовать противъ укрѣпленія.

Видя, что гарнизону предстоитъ осада, офицеры на общемъ совѣтѣ поручили защиту Низоваго штабсъ-капитанамъ Ширванскаго полка Бибанову и Кабардинскаго—Болотникову. 10-го ноября значительное скопище горцевъ, подъ предводительствомъ Магомета, кадія Акушинскаго, обложило со всѣхъ сторонъ укрѣпленіе; однако, не смотря на свою многочисленность, непріятель не рѣшился штурмовать Низовое, а ограничился перестрѣлкою.

На другой день Магометъ-кадій прислалъ переговорщика съ предложеніемъ о сдачѣ; но Бибановъ посадилъ посланнаго подъ арестъ. Видя, что гарнизонъ не въ силахъ отстоять все укрѣпленіе, Бибановъ и Болотниковъ рѣшили оставить форштадтъ. Въ тотъ же день все имущество было перенесено въ цитадель, а ближайшія къ послѣдней строенія заполнены были сѣномъ для того, чтобы вечеромъ зажечь ихъ и самый форштадтъ. Вечеромъ пламя охватило строенія и объяснило горцамъ намѣреніе гарнизона; тогда они бросились въ форштадтъ и цитадель; многіе изъ нихъ были убиты въ самомъ рву цитадели. Тѣмъ не менѣе, непріятель успѣлъ потушить пожаръ въ форштадтѣ и овладѣлъ всѣмъ скотомъ и лошадьми, находившимися внѣ цитадели. Всю ночь ружейный огонь не прекращался. Съ разсвѣтомъ 12-го ноября горцы занялись устройствомъ въ форштадтѣ заваловъ и батарей; въ этихъ занятіяхъ прошелъ этотъ и слѣдующій день. Вечеромъ 13-го числа мюриды, пользуясь сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, зажгли колючку, окружавшую форштадтъ и доходившую до самой цитадели. Скоро густой дымъ, разносимый вѣтромъ, окуталъ половину цитадели. Опасаясь, чтобы пожаръ не сообщился колючкѣ, покрывавшей брустверъ, штабсъ-капитанъ Бибановъ выслалъ 10 человѣкъ охотниковъ, которые спустившись въ ровъ, срубили колючку шагахъ въ 15 отъ цитадели, выбросили ее за контръ-эскарпъ, а вырубленное мѣсто залили водой.

Видя, что огонь уже приблизился къ цитадели и предполагая, что гарнизонъ занятъ тушеніемъ пожара, горцы двинулись съ четырехъ сторонъ на приступъ, но вездѣ были отбиты.

Прошло еще нѣсколько дней осады. Непріятель съ большимъ умѣньемъ и искусствомъ пользовался всѣми имѣвшимися у него подъ руками средствами; такъ, напримѣръ, онъ устроилъ мантелеты, подъ прикрытіемъ которыхъ мюриды подползали на самое близкое раз-

[1] Дѣло № 165 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

стояніе къ укрѣпленію, нѣчто въ родѣ параллелей было составлено изъ снятыхъ съ колесъ молоканскихъ и солдатскихъ повозокъ. 17-го ноября толпы горцевъ, вмѣсто своего обычнаго гика, съ крикомъ ура! бросились на штурмъ, но и на этотъ разъ были отбиты съ большимъ для себя урономъ. Однако, положеніе гарнизона было поистинѣ отчаянное; въ оборонѣ принимали участіе не только нижніе чины, но также молокане и женщины[2]). Солдаты днемъ и ночью стояли на валахъ, въ полной готовности встрѣтить врага; женщины перевязывали раненыхъ, дѣти дѣлали патроны. Въ послѣдніе дни осады жены офицеровъ, опасаясь, чтобы укрѣпленіе не было взято во время одного изъ приступовъ, при каждомъ штурмѣ отправлялись въ пороховой погребъ, гдѣ ожидали исхода рукопашнаго боя и въ случаѣ успѣха горцевъ, хотѣли первыя взорвать укрѣпленіе.

Въ ночь на 19-е ноября непріятель подвелъ свои траншеи шаговъ на десять отъ рва, и гарнизонъ на слѣдующій день ждалъ штурма, рѣшивъ умереть, но не сдаваться. Но вдругъ въ два часа пополудни раздались выстрѣлы со стороны Озеньскаго поста: то шелъ генералъ Фрейтагъ и въ укрѣпленіи все ожило, въ надеждѣ на скорое избавленіе.

17-го ноября генералъ Фрейтагъ находился еще у Янги-юрта. Въ полдень со стороны укрѣпленія Міатлы послышались пушечные выстрѣлы. Зная, что Міатлинское укрѣпленіе не отличается особою прочностью, Фрейтагъ имѣлъ намѣреніе выступить туда и лично удостовѣриться: можетъ ли укрѣпленіе держаться или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ хотѣлъ вывести гарнизонъ. Эта мѣра не могла принести никакого вреда: при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, защита переправы у Міатловъ являлась совершенно безполезной. Отрядъ уже собрался для движенія въ Міатлы, когда получено было извѣстіе, что гарнизонъ Низоваго укрѣпленія еще держится. Тогда Фрейтагъ приказалъ полковнику Козловскому съ 2 баталіонами и 10 орудіями двинуться въ Міатлы, а самъ, 18-го ноября, съ остальными войсками, состоявшими изъ 11 ротъ (въ томъ числѣ 4 мушкетерская рота Апшеронцевъ), 6 орудій и 1.400 казаковъ, выступилъ къ Озени, куда къ вечеру и прибылъ. Когда войска проходили мимо селенія Кумъ-Таркале, то замѣчено было, что неподалеку отъ него пасется рогатый скотъ, принадлежавшій шамхальцамъ. Начальникъ отряда послалъ казаковъ, которые и отбили 1.300 штукъ скота, розданнаго тутъ же войскамъ на порціи. Всю ночь, съ 18-го на 19-е число, раздавались выстрѣлы со стороны Низоваго; это обстоятельство заставляло предполагать, что непріятель энергично атакуетъ укрѣпленіе. Отправивъ часть отбитаго скота въ Казіюртъ, генералъ Фрейтагъ, на разсвѣтѣ 19-го ноября, выступилъ къ Низовому. Не доходя 5 верстъ до него, отъ главныхъ горъ отдѣляется къ морю незначительный хребетъ, на которомъ нѣкогда располагался станъ Петра Великаго. Отъ хребта въ укрѣпленіе вели двѣ дороги: одна изъ нихъ шла у подошвы утесистыхъ горъ; дорога эта хотя и была удобна для слѣдованія, но по горамъ лежали аулы, и вдоль дороги разведены сады, изъ которыхъ непріятель могъ наносить вредъ войскамъ ружейнымъ огнемъ; другая дорога отдѣлялась влѣво къ морю, спускалась въ обширную равнину и берегомъ вела къ пристани. Подходя къ мѣсту бывшаго лагеря Петра Великаго, Фрейтагъ выслалъ для занятія впереди лежавшихъ высотъ команду изъ 60 человѣкъ охотниковъ; выдвинувъ затѣмъ всю кавалерію на гору, онъ сдѣлалъ три сигнальныхъ выстрѣла изъ орудія, чтобы дать знать гарнизону о прибытіи помощи. По звуку этихъ выстрѣловъ непріятель огромными толпами началъ сбѣгаться на встрѣчу отряду, но противъ него никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій пока не предпринималъ: Фрейтагъ хотѣлъ собрать противъ себя все скопище, послѣ чего атаковать его. Когда вся подгорная дорога зачернѣла отъ гро-

[2]) Молокане, въ числѣ 108 душъ обоего пола, ѣхали въ Бакинскую провинцію для поселенія и были застигнуты возмущеніемъ въ Низовомъ.

маднаго количества горцевъ, то сдѣлали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій; въ это время подошла и пѣхота. Желая удалить непріятеля отъ горъ, Фрейтагъ приказалъ части пѣхоты выстроиться влѣво отъ кавалеріи; но непріятель, опасаясь послѣдней, не отходилъ отъ горъ. Тогда генералъ Фрейтагъ приказалъ всей кавалеріи перейти на лѣвый флангъ пѣхоты, а летучая команда выдвинулась впередъ и вправо. Съ удаленіемъ кавалеріи, горцы начали приближаться къ охотникамъ, которые по немногу отступали. Это еще болѣе ободрило непріятеля и дерзость его съ каждой минутой возрастала. Для поддержанія летучей команды, посланы три сотни казаковъ, и въ тоже время усиленъ артиллерійскій огонь. Но это нисколько не поколебало непріятеля и значки его приближались къ отряду. Когда посланныя три сотни выстроились на правомъ флангѣ, то Фрейтагъ приказалъ всѣмъ линейнымъ казакамъ броситься въ атаку, поддерживая ее огнемъ изъ трехъ орудій. Между тѣмъ, командовавшій тремя сотнями казаковъ, видя, что непріятель атакованъ во флангѣ, бросился на толпы горцевъ съ фронта. Казаки произвели атаку такъ неожиданно и съ такою стремительностью, что непріятель, не смотря на все свое желаніе удержаться на плоскости, принужденъ былъ искать спасенія въ горахъ, оставивъ на мѣстѣ 70 изрубленныхъ тѣлъ. Толпы горцевъ бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ, нигдѣ не останавливаясь и только гряды засѣянной марены остановили преслѣдованіе. Успѣхъ дѣла оказался полный, при весьма незначительной потерѣ: у насъ смертельно раненъ одинъ офицеръ и 5 казаковъ. «Хотя пѣхота и непринимала участія въ атакѣ,— пишетъ въ своемъ донесеніи генералъ Фрейтагъ,— но тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ полной похвалы. Когда кавалерія понеслась въ атаку, пѣхота побѣжала за нею. Я приказалъ остановить пѣхоту, но солдаты рвались впередъ, говоря: — все лучше быть поближе, неравно казаки пропадутъ безъ насъ» [3].

По окончаніи дѣла отрядъ двинулся къ Низовому укрѣпленію; непріятель поспѣшно выбирался изъ Тарковъ; вся дорога покрылась толпами бѣгущихъ горцевъ. Наконецъ, отрядъ подошелъ къ укрѣпленію. Радость гарнизона не имѣла границъ; да оно и вполнѣ естественно, ибо храбрые защитники уже обрекли себя на смерть, а прибытіе генерала Фрейтага возвратило ихъ къ жизни. «Осмотрѣвъ укрѣпленіе,— пишетъ Фрейтагъ — я не могъ не отдать должной справедливости мужественной защитѣ гарнизона, продолжавшейся болѣе 8 дней противъ многочисленнаго непріятеля. Въ укрѣпленіи находилось пять чугунныхъ пушекъ; изъ нихъ только два орудія имѣли лафеты, остальныя валялись на землѣ. Во время блокады гарнизонъ ухитрился и сдѣлалъ что-то такое, на что можно было положить орудіе и, провертѣвъ дыру въ брустверѣ, стрѣлялъ изъ этого орудія, если непріятель попадался по направленію положенія орудія». Въ продолженіи всей осады гарнизонъ потерялъ: убитыми 1 оберъ-офицера *(Апшеронскаго полка прапорщикъ Зыбинъ)* и 18 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 15 нижнихъ чиновъ; ранено: офицеровъ 4 и 58 нижнихъ чиновъ; сверхъ того, убитъ 1 черводаръ и ранено 3; женщинъ ранено 5.

И такъ, Низовое было спасено; оставалось рѣшить вопросъ: что дѣлать съ укрѣпленіемъ? Оставаться здѣсь съ отрядомъ Фрейтагъ не находилъ возможнымъ, потому что для прикрытія всей Сулакской линіи и кумыкскихъ деревень въ распоряженіи полковника Козловскаго имѣлось всего только два баталіона пѣхоты. Шамиль сдѣлалъ большую ошибку, что вызвалъ къ себѣ Шуаибъ-Муллу, и тѣмъ самымъ далъ возможность отряду генерала Фрейтага уйти изъ Чечни. Узнавъ же, что Кумыкскій отрядъ находится въ Таркахъ, онъ могъ поправить ошибку, отправивъ Шуаибъ-Муллу обратно на Кавказскую линію и тогда всѣ

3) Дѣло № 138. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

кумыкскія деревни могли отложиться, ибо безъ содѣйствія войскъ онѣ держаться не могли. Значитъ необходимо было спѣшить на Сулакъ. Усиленіе гарнизона также принесло бы мало пользы; отдѣлять отъ отряда значительное число войскъ нельзя было, а прибавка двухъ ротъ, при малочисленномъ составѣ ихъ, ничего не значило. Правда, бросая укрѣпленіе, приходилось терять 10.000 четвертей муки; но желаніе сохранить ихъ могло повлечь за собой потерю провіанта и гибель гарнизона. Всѣ эти соображенія заставили генерала Фрейтага прійти къ рѣшенію очистить Низовое укрѣпленіе.

20-го ноября сформированъ обозъ для перевозки раненыхъ и дѣтей. Выбравъ весь порохъ и артиллерійскіе снаряды, заклепавъ пять чугунныхъ орудій, отрядъ, въ 11 часовъ утра, выступилъ изъ Низоваго; все, что осталось въ укрѣпленіи, предали огню. На рейдѣ въ то время стоялъ купеческій корабль, и на немъ Фрейтагъ отправилъ въ Баку всѣхъ переселенцевъ. Отрядъ ночевалъ въ Озени, а на другой день прибылъ въ Казіюртъ, гдѣ утомленнымъ войскамъ данъ былъ отдыхъ. 22-го ноября Фрейтагъ получилъ отъ полковника Козловскаго донесеніе о томъ, что онъ съ 6 ротами при 5 орудіяхъ выступилъ къ Міатламъ, а въ Султанъ-Янги-Юртѣ, для прикрытія тяжестей, оставилъ двѣ роты.

Укрѣпленіе Міатлы состояло изъ двухъ деревянныхъ башенъ, построенныхъ по обоимъ берегамъ рѣки Сулака, для обезпеченія паромной переправы. Не подалеку отъ башни, стоявшей на правомъ берегу, находился небольшой земляной редутикъ, очень слабой профили; позади башенъ, на отдѣльной высотѣ, въ видѣ редюита, возвышался деревянный блокгаузъ, обнесенный каменною стѣною съ крышей изъ саманнаго кирпича; блокгаузъ вооруженъ былъ 2 легкими орудіями. За нѣсколько дней до нападенія горцевъ, гарнизонъ оставилъ башню, построенную на лѣвомъ берегу Сулака. Блокгаузъ со всѣхъ сторонъ окружали горы; онѣ находились въ разстояніи менѣе пушечнаго выстрѣла, командовали надъ блокгаузомъ, и тѣмъ самымъ давали непріятелю возможность безнаказанно стрѣлять по гарнизону. Пересѣченная мѣстность позволяла горцамъ подползать къ башнѣ на Сулакѣ и, поражать ружейнымъ огнемъ людей, ходившихъ за водой, вслѣдствіе чего гарнизонъ могъ лишиться воды, что дѣйствительно и случилось. Въ Міатлинскомъ укрѣпленіи стояла 2-я гренадерская рота Апшеронцевъ, подъ командою подпоручика Дьяконова. Утромъ 22-го ноября, стали показываться толпы непріятеля, а въ 9 часовъ они обложили укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько разъ мюриды бросались на штурмъ, но безъ успѣха. Наконецъ, въ 3 часа пополудни, показался отрядъ полковника Козловскаго, который быстро устроилъ войска для атаки непріятеля. Подпоручикъ Дьяконовъ, видя, что появленіе нашихъ войскъ привело горцевъ въ нѣкоторое замѣшательство, произвелъ вылазку, и опрокинулъ передовыя толпы мюридовъ и принудилъ ихъ отступать. Эта блистательная атака рѣшила дѣло: непріятель бѣжалъ и его преслѣдовали на протяженіи 3 верстъ вверхъ по Сулаку, до стараго Міатлинскаго аула.

Въ этомъ дѣлѣ потеря Апшеронцевъ заключалась въ 2 убитыхъ и 3 раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Находя, что гарнизонъ не въ состояніи держаться въ ветхомъ укрѣпленіи противъ многочисленныхъ скопищъ непріятеля, Козловскій вывелъ изъ Міатловъ роту Апшеронцевъ. На разсвѣтѣ, 23-го числа, прибылъ изъ Казіюрта въ Міатлы съ кавалеріей и 2-мя конными орудіями полковникъ Волоцкій. Огни непріятеля, подкрѣпленнаго прибывшими партіями, виднѣлись по обоимъ берегамъ Сулака. Опасаясь, чтобы мюриды не стали вредить отряду, при обратномъ его слѣдованіи отъ Міатловъ къ Чиръ-Юрту, полковникъ Козловскій рѣшилъ атаковать ихъ и прогнать въ горы. Съ этой цѣлью, въ 2 часа пополудни, на правомъ берегу Сулака оставлены баталіонъ пѣхоты, 150 казаковъ и 2 конныхъ орудія, а

на лѣвую сторону переправились на паромѣ: 2-я гренадерская рота Апшеронцевъ, 2 роты Кабардинскаго полка, 2 горныхъ единорога и 5 сотенъ казаковъ. Артиллерія выѣхала на позицію и открыла огонь по скопищу. Удачная стрѣльба принудила противника очистить лѣвый берегъ рѣки; толпы непріятеля, при трехъ значкахъ, собрались на ближайшей высотѣ. По всему было замѣтно, что горцы рѣшились принять бой. «Рота Апшеронцевъ, подъ командою молодаго, но славнаго и бойкаго офицера Дьяконова, обойдя скопище съ тыла, смѣло бросилась въ штыки[4]»; въ то же время казаки атаковали горцевъ съ фронта. Двойная атака произведена была такъ стремительно, что непріятель не выдержалъ ея, и, оставивъ на мѣстѣ 6 тѣлъ, бросился бѣжать, скрываясь по балкамъ и оврагамъ; его преслѣдовала пѣхота и спѣшенные казаки. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны потеря заключалась: въ 1 оберъ-офицерѣ и 3 нижнихъ чинахъ раненыхъ. 24-го ноября отрядъ возвратился въ Янги-Юртъ. Вслѣдствіи начавшагося волненія въ Чечнѣ, генералъ Фрейтагъ выступилъ изъ Кази-юрта въ Баташъ-юртъ; 2 гренадерская рота Апшеронскаго полка оставлена въ Казіюртѣ.

Взятіе Шамилемъ Гергебиля и вторженіе его скопищъ въ Шамхальство заставляли опасаться за Темиръ-Ханъ-Шуру, съ паденіемъ которой уничтожалось и наше владычество въ Дагестанѣ. Сейчасъ же по возвращеніи отряда въ укрѣпленіе, генералъ Гурко озаботился приведеніемъ его въ возможно лучшее оборонительное состояніе: ровъ углубили, батареи исправили, брустверъ доведенъ до надлежащей высоты, для чего употребленъ матеріалъ, заготовленный для штабъ-квартирныхъ зданій. Сосредоточенныя въ укрѣпленіи войска распредѣлены были по фасамъ и расположились внутри укрѣпленія бивуакомъ. Всѣмъ деньщикамъ, госпитальнымъ служителямъ, больнымъ, состоявшимъ на 1 порціи, и даже частнымъ лицамъ роздали ружья отъ Апшеронскаго полка. По повѣркѣ оказалось, что способныхъ защищаться за стѣнами укрѣпленія набралось до 4.000 человѣкъ, а могущихъ дѣйствовать въ открытомъ полѣ только 2.500 человѣкъ. Недостатокъ кавалеріи, весьма необходимой для разъѣздовъ, заставилъ начальника отряда вызвать въ Шуру 2 сотни казаковъ съ Сулакской линіи. Въ это время Шамиль находился въ Большихъ Казанищахъ, партіи же горцевъ бродили по всѣмъ направленіямъ около Шуры, и одна изъ нихъ, численностью около 400 человѣкъ, подъ предводительствомъ гумбетовскаго наиба Сеидъ-Кадія, атаковала въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія команду, отправленную на ближайшій кутанъ за фуражемъ. Прикрытіе въ 50 человѣкъ устроило каре изъ повозокъ и защищалось до прибытія изъ Шуры помощи, послѣ чего горцы отступили. Описанный случай ясно рисуетъ, въ какой тѣсной блокадѣ держалъ Шамиль укрѣпленіе. 12-го ноября воинскій начальникъ Евгеніевскаго укрѣпленія, полковникъ Блажіевскій, донесъ объ измѣнѣ Зубута и взятіи горцами башни, построенной въ этомъ селеніи. 13-го числа пришла, наконецъ, такъ долго ожидаемая вѣсть и отъ подполковника Пассека; изъ донесенія его видно, что занятіе непріятелемъ ауловъ Тануса, Зырянъ и Ирганая сдѣлало невозможнымъ отступленіе изъ Хунзаха, и Аварскій отрядъ по неволѣ вынужденъ былъ оставаться въ укрѣпленіи.

Чтобы вывести отрядъ изъ Аваріи, не подвергая его опасности, или по меньшей мѣрѣ, большимъ потерямъ, необходимо было двинуться изъ Шуры къ Ирганаю, на встрѣчу Пассеку съ значительнымъ отрядомъ; съ 3.000 же тысячами человѣкъ, включая въ это же число 200 казаковъ, вооруженныхъ писарей и музыкантовъ, имѣя противъ себя почти все народонаселеніе Сѣвернаго и Средняго Дагестана, не только не мыслимо было подать помощь Аварскому отряду, но даже идти на выручку Низоваго, не рискуя подверг-

4) Донесеніе полковника Козловскаго. Дѣло № 138. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

нуть явной опасности Темиръ-Ханъ-Шуру. Безспорно, освобожденіе Низовагоу крѣпленія, въ видахъ сохраненія находившихся въ немъ продовольственныхъ запасовъ, говорило само за себя; вывести изъ горъ 5 баталіоновъ, составлявшихъ Аварскій отрядъ, являлось также задачей первой важности потому, что сосредоточеніе войскъ въ Шурѣ давало возможность предпринять наступательныя дѣйствія и нѣсколько поправить наши дѣла на плоскости. Но малочисленность отряда и весьма слабая оборона Темиръ-Ханъ-Шуры принуждала генерала Гурко ограничиться защитой этого укрѣпленія, какъ важнѣйшаго и единственнаго опорнаго пункта въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шура не отличалось прочностью и было доступно съ трехъ сторонъ; линія огня простиралась на $3^1/_4$ версты; во кругъ укрѣпленія тянулся невысокій валъ, покрытый колючкою.

Въ Шурѣ находилось около 10.000 четвертей провіанта, большое количество военныхъ и всякаго рода другихъ запасовъ и сверхъ того 1.028 больныхъ и до 1.000 человѣкъ христіанскаго народонаселенія. Было бы слишкомъ рисковано уменьшить защиту такого слабаго и въ тоже время, дѣйствительно, важнаго пункта, зная, что непріятель расположенъ въ огромномъ числѣ по окрестнымъ ауламъ. Генералъ Гурко имѣлъ намѣреніе предложить генералъ-маіору князю Аргутинскому двинуться съ Самурскимъ отрядомъ въ Акушу, чтобы отвлечь хотя часть скопищъ изъ Сѣвернаго Дагестана; но ни одинъ лазутчикъ, ни за какія деньги не брался доставить бумагу къ Аргутинскому. 14-го ноября къ Шамилю прибылъ изъ Чечни Шуаибъ-Мулла съ партіей чеченцевъ въ 1.000 человѣкъ. Когда эта партія проходила черезъ Кафыръ-Кумыкъ, то 200 человѣкъ изъ нея атаковали два нашихъ пикета и сбили ихъ съ высотъ; но подоспѣвшіе казаки, поддержанные двумя ротами пѣхоты, заставили непріятеля отступить изъ Кафыръ-Кумыка въ Мусселимъ-аулъ. Съ приходомъ въ Шамхальскія владѣнія, Шамиль приступилъ къ переселенію жителей: муселимъ-аульцевъ онъ выселилъ въ Большіе Казанищи, а жителей Кафыръ-Кумыка и Халимбекъ-аула — въ Эрпели. Главныя силы Шамиля и самъ онъ находились въ Большихъ Казанищахъ, а отдѣльныя партіи занимали аулы: Кафыръ-Кумыкъ, Муселимъ-аулъ, Малое Казанище, Буглень и др.

16-го и 17-го ноября замѣчено было сильное движеніе арбъ къ Муселимъ-аулу. Чтобы узнать съ какою цѣлью это дѣлается, 18-го числа предпринята рекогносцировка со всею конницею, поддержанною баталіономъ Апшеронцевъ. Этой рекогносцировкой выяснилось, что горцы свозили въ Муселимъ-аулъ хворостъ для плетенія туровъ и вязанія фашинъ, что заставляло предполагать о намѣреніи Шамиля въ скоромъ времени приступить къ правильной осадѣ Шуры. Для лучшаго обезпеченія укрѣпленія, на случай штурма, Гурко приказалъ обнести его съ трехъ доступныхъ сторонъ волчьими ямами; въ тоже время энергично принялись за исправленіе бруствера и одѣли его новою колючкою. Ближайшія строенія, находившіяся внѣ укрѣпленія, были разобраны; внутри, въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены редуты, преимущественно изъ обывательскихъ строеній. Гарнизонъ укрѣпленія несъ весьма тяжелую службу и стоялъ бивуакомъ на открытомъ воздухѣ, не смотря на холодное время.

24-го ноября обнаружилась измѣна и Чиркея: чиркеевцы напали на команду, возвращавшуюся съ покоса въ Евгеніевское; высланная изъ укрѣпленія помощь успѣла выручить команду. Какъ только Гурко получилъ объ этомъ извѣстіе, то онъ предписалъ полковнику Блажіевскому бомбардировать аулъ и въ тоже время отправилъ чиркеевцамъ письмо съ увѣщеваніями, но отвѣтъ на него получилъ очень дерзкій, наполненный угрозами. Съ измѣной Чиркея во власти Шамиля находился весь Сѣверный и Нагорный Дагестанъ, а въ нашихъ рукахъ укрѣпленія: Темиръ-Ханъ-Шура, Евгеніевское и Зыряны. Аварскій отрядъ выступилъ 16-го числа изъ

Хунзаха, и на другой день прибылъ съ незначительной потерей въ Зыряны, гдѣ и остановился, будучи окруженъ огромнымъ скопищемъ Хаджи-Мурата. Отступленіе въ Шуру было отрѣзано, ибо Бурундукъ-Кальская башня сдалась непріятелю. Зырянское укрѣпленіе занимали 13-я мушкатерская рота Апшеронцевъ и рота линейнаго баталіона. До усиленія войскъ въ Дагестанѣ, не представлялось никакой возможности выручить отрядъ Пассека, поэтому генералъ Гурко предписалъ Пассеку держаться въ Зырянскомъ укрѣпленіи. Не осмѣливаясь атаковать Шуру, Шамиль рѣшилъ взять сначала Евгеніевское укрѣпленіе, для чего и отдѣлилъ туда часть своего скопища для совокупнаго дѣйствія съ чиркеевцами. Скопища горцевъ подъ Шурою возрастали съ каждымъ днемъ и производили опустошенія въ окрестностяхъ укрѣпленія. 22-го ноября прибыло въ Большіе Казанища 2.000 человѣкъ каракайтахцевъ. Все имущество Шамхала Тарковскаго было разграблено и на 300 ешакахъ отправлено черезъ Гимры въ Чиркатъ.

Хаджи Муратъ ожидалъ новыхъ подкрѣпленій для возобновленія дѣйствія противъ Аварскаго отряда.

Съ 28 ноября по 3-е декабря происходила блокада Евгеніевскаго, не давшая непріятелю никакихъ результатовъ, она только повлекла за собой значительный уронъ со стороны горцевъ. Нерѣшительныя дѣйствія Шамиля противъ Темиръ-Ханъ-Шуры, возвысили нравственный духъ гарнизона, поколебленный было неудачами и войска надѣялись въ недалекомъ будущемъ отомстить непріятелю за всѣ свои потери.

6-го декабря выпалъ снѣгъ и холодъ сталъ увеличиваться; морозы достигали 15°; однако, не смотря на всѣ лишенія, войска оставались бодры. Еще нѣсколько дней прошло въ незначительныхъ перестрѣлкахъ на аванпостахъ. 12-го числа получено донесеніе отъ подполковника Пассека, въ которомъ онъ писалъ, что непріятель менѣе безпокоитъ отрядъ и рѣже стрѣляетъ изъ орудій. При отрядѣ состояло всего только 120 больныхъ; дача сухарей уменьшена до $^3/_4$ фунта; изъ пороха вываривали селитру, служившую вмѣсто соли; крупы давно не было, порціоннаго скота—также; Пассекъ уговорилъ солдатъ ѣсть лошадиное мясо, въ чемъ ему способствовалъ священникъ Даніилъ Попруженко, подавшій примѣръ солдатамъ. Для прокорма лошадей вырывали съ большимъ трудомъ изъ подъ снѣга коренья и листья. Не смотря на всѣ невзгоды войска не падали духомъ и съ нетерпѣніемъ ждали, случая сразиться съ непріятелемъ. Когда корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Нейдгардъ, получилъ извѣстіе и бѣдственномъ положеніи Аварскаго отряда и о блокадѣ Шуры, то онъ усилилилъ войска лѣваго фланга Кавказской линіи и предписалъ генералъ-маіору Фрейтагу немедленно двинуться съ отрядомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру; 7-го декабря Фрейтагъ выступилъ изъ Амиръ-Аджи-Юрта и 14-го прибылъ въ Шуру; отрядъ его состоялъ изъ $6^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка), 1.400 казаковъ и 18 орудія, съ отрядомъ слѣдовали 1.350 рекрутъ [5]). Прибытіе Кумыкскаго отряда освободило гарнизонъ Темиръ-Ханъ-Шуры изъ блокаднаго положенія, а вслѣдъ за тѣмъ были открыты и наступательныя дѣйствія. Изъ войскъ, раньше находившихся въ Шурѣ, къ выступленію назначено 4 баталіона (въ томъ числѣ 1-й и 2-й сводные баталіоны Апшеронцевъ) сотня казаковъ и 6-ть горныхъ орудій. Желая дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ генерала Фрейтага, Гурко предположилъ открыть наступательныя дѣйствія противъ скопищъ Шамиля 16 декабря. Однако это предположеніе было измѣнено и вотъ по какимъ причинамъ. Въ ночь на 15-го декабря лазутчики дали знать, что Шамиль намѣренъ сжечь ближайшія къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ аулы и, какъ-бы

5) Пѣхота: 2 роты Апшеронскаго полка, два сводныхъ баталіона, по баталіону Кабардинскаго и Навагинскаго и 2 баталіона Куринскаго полковъ.

въ подтвержденіе полученныхъ извѣстій, въ 9 часовъ утра 15-го числа пламя охватило Халимъ-бекъ-аулъ. Расположенные около Шуры аулы необходимы были для размѣщенія въ нихъ баталіоновъ, такъ какъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ они не помѣщались, поэтому для спасенія Кафыръ-Кумыка и Халимъ-бекъ-аула, генералъ Гурко немедленно направилъ туда 2-й сводный баталіонъ Апшеронцевъ и по баталіону Тифлисскаго и Кабардинскаго полковъ, при 3-хъ полевыхъ орудіяхъ. Движеніе нашихъ войскъ встревожило непріятеля, занимавшаго Муселимъ-аулъ, и онъ выступилъ на помощь чеченцамъ, находившимся у Халимбекъ-аула. Дабы не допустить соединенія чеченцевъ съ шедшимъ къ нимъ подкрѣпленіемъ, выслана изъ Шуры вся кавалерія, при 6-ти конныхъ орудіяхъ; ей приказано занять дорогу между Кафыръ-Кумыкомъ и Муселимъ-ауломъ. Подойдя къ Халимъ-бекъ-аулу, пѣхота расположилась на выгодной позиціи, а орудія открыли огонь по толпамъ чеченцевъ. Между тѣмъ, линейные казаки, подъ командою полковника Волоцкаго и подполковника Апшеронскаго полка Евдокимова, атаковали горцевъ, вышедшихъ изъ Муселимъ-аула, опрокинули ихъ и, увлеченные преслѣдованіемъ, проскакали за селеніе. Непріятель занялъ ближайшія высоты, поставилъ тамъ орудіе и открылъ изъ него огонь по нашимъ войскамъ. Въ поддержку кавалеріи направлены 3 роты. Казаки стремительно атаковали мюридовъ и успѣли отбить у нихъ 3-хъ фунтовый горный единорогъ. Ободренная успѣхомъ, кавалерія не отставала отъ горцевъ, получившихъ тѣмъ временемъ подкрѣпленіе. Такъ какъ казаки слишкомъ зарвались впередъ и могли быть окружены превосходными силами непріятеля, то въ подкрѣпленіе имъ генералъ-лейтенантъ Гурко послалъ еще 4 баталіона пѣхоты при 4 орудіяхъ. Съ прибытіемъ пѣхоты казаки вторично атаковали мюридовъ, выбравшихъ новую позицію и опять успѣли сбить ихъ.

Въ 4 часа пополудни, отрядъ подошелъ къ Большимъ Казанищамъ, сейчасъ же открыли по селенію артиллерійскій огонь. Однако, Шамиль не принялъ боя и отступилъ. Наши войска заняли Большіе Казанищи, а скопища горцевъ отступили частью къ Эрпели, частью по дорогѣ къ Зырянамъ; акушинцы и мехтулинцы пошли къ Дженгутаю. Въ Большихъ Казанищахъ найдено много фуража и до 1.000 четвертей муки, вывезенной изъ Низоваго укрѣпленія. Въ то время, какъ занимались Казанищи, отрядъ, находившійся у Халимъ-бекъ-аула, исполнилъ свою задачу: постепенно подвигаясь впередъ, онъ занялъ сады и дорогу, ведущую изъ Кафыръ-Кумыка въ Муселимъ-аулъ. Не успѣвъ сжечь ауловъ, предводители чеченцевъ Шуаибъ-Мулла и Уллу-Бій отступили со своими партіями въ Эрпели. Какъ ни важно было вытѣснить совершенно Шамиля изъ Шамхальскихъ владѣній, но отчаянное положеніе, въ которомъ находился со своимъ отрядомъ подполковникъ Пассекъ, заставляло ускорить его освобожденіе. Поэтому, расположивъ весь Кумыкскій отрядъ въ Большихъ и Малыхъ Казанищахъ, командующій войсками назначилъ 16-го декабря выступленіе къ Зырянамъ; въ составъ отряда, отправлявшагося на выручку Пассека, вошли 5 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й и 2-й сводные баталіоны Апшеронцевъ)[6], сотня казаковъ, 8 орудій и 25 конгревовыхъ ракетъ. Кромѣ того, приказано взять лошадей для поднятія больныхъ и полевыхъ орудій, находившихся въ Зырянахъ, а также и транспортъ съ трехъ-дневнымъ продовольствіемъ для всего Аварскаго отряда. Пройдя черезъ Большіе Казанища, отрядъ подошелъ къ Койсубулинскому хребту; у подножія хребта остались три баталіона Кумыкскаго отряда для прикрытія сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою, а Дагестанскій отрядъ началъ взбираться на хребетъ. Непріятель не тревожилъ наши войска, и въ 11 часовъ ночи они безпрепятственно дошли до Бурундукъ-Кале. По приближеніи авангарда, горцы, занимавшіе башню, бѣжали. Придя въ Бурундукъ-Кале, генералъ Гурко немедленно далъ знать Пассеку о своемъ приближеніи.

[6] Два баталіона Апшеронскаго и по баталіону Тифлисскаго, Кабардинскаго и Навагинскаго полковъ.

Утомленіе войскъ, перешедшихъ черезъ высокій, покрытый снѣгомъ, хребетъ, сильный морозъ въ 16° и ночная темнота не позволяли войскамъ сейчасъ же приступить къ исправленію спуска въ Ирганайское ущелье, который горцы такъ испортили, что пѣшіе едва могли по немъ проходить; завалы подѣланы были на каждомъ шагу и въ концѣ ущелья непріятель устроилъ толстую стѣну въ ростъ человѣка. Подобныя препятствія, защищаемыя многочисленнымъ непріятелемъ не могъ преодолѣть трехъ тысячный Аварскій отрядъ, ибо артиллерія здѣсь дѣйствовать не могла; слѣдовательно, подполковникъ Пассекъ поступилъ весьма благоразумно, что не пытался силою оружія проложить себѣ дорогу въ Темиръ-Ханъ-Шуру. На другой день, въ 7 часовъ утра, приступили къ разработкѣ спуска, и окончили работу въ 11 часовъ дня. Оставивъ въ Бурундукъ-Кале баталіонъ для обезпеченія пути отступленія, генералъ Гурко, съ остальными войсками, началъ спускаться въ ущелье. На половинѣ дороги къ Ирганаю Дагестанскій отрядъ неожиданно встрѣтился съ Аварскимъ отрядомъ. Подполковникъ Пассекъ, получивъ увѣдомленіе о прибытіи войскъ въ Бурундукъ-Кале и замѣтивъ очищеніе непріятелемъ Ирганая, рѣшился двинуться въ тремя баталіонами въ Ирганайское ущелье. «Трудно описать встрѣчу и восторгъ отрядовъ; можно только сказать, что на лицахъ нижнихъ чиновъ обоихъ отрядовъ выражалась непритворная радость и крики восторга оглашали Ирганайское ущелье»[7]. Подполковникъ Пассекъ сообщилъ, что нарочный пришелъ въ Зыряны на разсвѣтѣ 17-го декабря. Узнавъ отъ него о приближеніи отряда, Пассекъ приказалъ раздать послѣдніе сухари, а ихъ оставалось всего только на два дня и то по фунту въ сутки на человѣка.

По соединеніи отрядовъ, въ Бурундукъ-Кале отправленъ еще одинъ баталіонъ, чтобы болѣе обезпечить этотъ важный пунктъ, на который Шимиль могъ устремиться съ двухъ сторонъ: со стороны Гимръ и со стороны Аркаса. Затѣмъ войска направились къ Зырянамъ. Когда они приближались къ укрѣпленію, то Хаджи-Муратъ встрѣтилъ ихъ выстрѣлами изъ орудія, поставленнаго на вершинѣ хребта. Аварскій отрядъ занялъ свою прежнюю позицію у Зырянъ, а баталіоны, прибывшіе изъ Шуры, расположились въ аулѣ Ирганаѣ. При осмотрѣ лагаря и позиціи Аварскаго отряда, генералъ Гурко убѣдился, что лучшей позиціи нельзя было и желать: всѣ важные стратегическіе пункты находились въ рукахъ отряда и если бы у Пассека имѣлось въ изобиліи военныхъ и продовольственныхъ припасовъ, то онъ могъ держаться очень долго. Командующій войсками рѣшилъ оставить Зырянское укрѣпленіе: будучи расположено на картечный выстрѣлъ отъ окружающихъ высотъ, оно не могло держаться. Генералъ Гурко приказалъ очистить укрѣпленіе, для чего сдѣланы слѣдующія распоряженія: въ 12 часовъ ночи раненые и больные, всего 125 человѣкъ, 4 полевыхъ орудія и 2 десятифунтовыхъ мортирки отправлены въ Бурундукъ-Кале, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ; три чугунныхъ орудія и всѣ заряды брошены въ Аварское-Койсу, а лафеты, зарядные ящики и вообще всѣ артиллерійскія принадлежности сожжены. 18-го декабря, за два часа до разсвѣта, выступили изъ Зырянъ всѣ наши войска; самое укрѣпленіе не уничтожили, потому, что взрывъ или сожженіе его могло возвѣстить непріятелю объ отступленіи соединенныхъ отрядовъ; напротивъ, чтобы скрыть отъ горцевъ движеніе войскъ, приказано развести большіе огни и усилить передовые посты. Принятыя мѣры достигли своей цѣли, и ночное движеніе спасло отрядъ отъ потерь. Если бы Хаджи-Муратъ своевременно узналъ объ отступленіи нашемъ, то могъ бы нанести отряду большой уронъ при движеніи его по Ирганайскому ущелью, гдѣ мѣстность представляла всѣ выгоды къ дѣйствію со стороны непріятеля, имѣвшаго возможность во многихъ пунктахъ охватывать фланги наши.

7) Изъ донесенія генерала Гурко корпусному командиру.

Къ счастью, Хаджи-Муратъ, замѣтилъ отступленіе отряда только съ разсвѣтомъ. Бросившись по прямой дорогѣ отъ Араканъ въ Бурундукъ-Кале, онъ въ 10 часовъ утра настигъ аріергардъ, въ 1 ½ верстахъ отъ Бурундукъ-Кальской башни. Громадныя толпы мюридовъ, при 20 значкахъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы, стремительно атаковали аріергадъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ). Генералъ Гурко отправилъ подполковника Пассека съ однимъ баталіономъ на подкрѣпленіе атакованнымъ. Зная, что отступленіе передъ 4.000 мюридовъ поведетъ къ огромной потерѣ, Пассекъ рѣшился, не давъ непріятелю времени утвердиться на высотахъ Бурундукъ-Кале, произвести общую и быструю атаку всѣмъ аріергардомъ. Стѣны ушелья при Бурундукъ-Кале образуются изъ отдѣльныхъ горъ значительной высоты, съ крутыми скатами. Это позволяло непріятелю занять крѣпкую позицію на ружейный выстрѣлъ отъ дороги по ущелью и поражать колонны перекрестнымъ огнемъ; рядъ гребней, возвышаясь одинъ надъ другимъ, способствовалъ къ занятію одной позиціи за другою. Толпы горцевъ покрыли первые гребни, гдѣ и выставили свои значки; новыя толпы спѣшили къ занявшимъ позицію. Для атаки лѣвыхъ высотъ Пассекъ направилъ 1-й сводный баталіонъ Апшеронцевъ и баталіонъ Кабардинскаго полка, на правыя высоты пошелъ баталіонъ Тифлисцевъ, а баталіонъ Графцевъ (Ширванцевъ) съ 2-мя горными единорогами остался въ резервѣ. Неожиданный и рѣшительный ударъ въ штыки и въ тоже время обходъ высотъ, занятыхъ горцами, имѣлъ въ результатѣ овладѣніе тремя рядами гребней, на которыхъ мюриды хотѣли утвердиться; дружные удары въ штыки Апшеронцевъ и Кабардинцевъ заставили мюридовъ отступить на всѣхъ пунктахъ. Раскинутые по тремъ направленіямъ, лишенные рѣшительности и единства, горцы обратились въ полное бѣгство. Дѣло продолжалось только одинъ часъ, и непріятель понесъ значительный уронъ; наша потеря заключалась въ 9-ти убитыхъ нижнихъ чинахъ и ранены: 1 оберъ-офицеръ и 15 нижнихъ чиновъ. Когда аріергардъ двинулся обратно, то горцы больше не осмѣливались его преслѣдовать. Пассекъ остановился на высотахъ хребта, ожидая, пока всѣ тяжести и главныя силы спустятся съ Койсубулинскихъ горъ. Было уже совсѣмъ темно, когда тронулся аріергардъ и пришелъ въ 2 часа ночи въ Казанищи [8]).

18-го декабря, во время слѣдованія изъ Бурундукъ-Кале въ Темиръ-Ханъ-Шуру, генералъ Гурко получилъ рапорты: отъ воинскаго начальника Евгеніевскаго укрѣпленія, полковника Блажіевскаго, и отъ командира Апшеронскаго полка. Первый доносилъ о переходѣ 17-го декабря 3.000 горцевъ на лѣвый берегъ Сулака, близъ урочища Гурко, откуда скопище потянулось къ Чиркею. Командиръ Апшеронскаго полка, полковникъ Симборскій сообщалъ о намѣреніи Шамиля переселить эрпелицевъ и каранаевцевъ въ горы, а жилища ихъ сжечь. Непріятель не могъ долго оставаться въ Чиркеѣ, ибо этотъ аулъ сильно обстрѣливался изъ Евгеніевска, поэтому Гурко обратилъ главное вниманіе на Эрпели и Каранай, гдѣ, по слухамъ, находился самъ Шамиль. Если бы только извѣстіе о переселеніи жителей подтвердилось, то съ приходомъ отряда въ Шуру необходимо было немедленно выступить противъ Шамиля и постараться окончательно вытѣснить его изъ Шамхальскихъ владѣній. Въ 3 часа пополудни, 19-го декабря, соединенные Аварскій и Дагестанскій отряды вошли въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Здѣсь ожидало генерала Гурко извѣстіе объ удаленіи Шамиля въ Гимры; значитъ движеніе въ Эрпели являлось уже лишнимъ.

20-го декабря всѣ Шамхальскія деревни изъявили покорность, жители Мехтулинскихъ селеній, расположенныхъ на плоскости, также прислали въ Темиръ-Ханъ-Шуру депутатовъ, съ изъявленіемъ раскаянія и покорности.

[8]) Донесеніе подполковника Пассека отъ 11-го января 1844 года. № 1. Дѣло № 138.

По возвращеніи въ Шуру, войска распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ распоряженіи командующаго войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ оставлено 11 дѣйствующихъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 5 баталіоновъ Апшеронскаго полка); 3 линейныхъ баталіона и 4 орудія—находились въ вѣдѣніи начальника 19-й пѣхотной дивизіи; всѣ остальныя войска 20-й пѣхотной дивизіи отправлены, подъ начальствомъ генералъ-маіора Фрейтага, на лѣвый флангъ Кавказской линіи.

21-го декабря Шамиль, перейдя съ партіею изъ Эрпели въ Гимры, направился оттуда черезъ Ирганай въ Оглы. Это движеніе имѣло цѣлью повліять на мехтулинцевъ, принесеніе покорности которыми подѣйствовало и на акушинцевъ. Хотя Шамиль, занимая Оглы, угрожалъ Мехтулѣ и Акушѣ, но предпринимать противъ него рѣшительныхъ дѣйствій мы не могли по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) войскамъ, изнуреннымъ безпрерывнымъ 4-хъ-мѣсячнымъ дѣйствіемъ противъ горцевъ, необходимо было дать отдыхъ.
2) Избѣгая открытаго боя Шамиль удалился бы въ горы, куда углубляться отряду въ зимнее, суровое время года было затруднительно. Достигнувъ горъ, войска неминуемо должны были предпринять обратное движеніе, а отступленіе всегда сопровождалось большими потерями; по возвращеніи отряда въ Шуру, Шамилю вновь открывалась дорога въ Мехтулинскія владѣнія и даже къ Дербенту.
3) Чеченцы возвратились изъ Дагестана, слѣдовательно, являлась необходимость усилить средства лѣваго фланга Кавказской линіи, а въ особенности Кумыкскихъ владѣній.

22-го декабря, баталіоны, назначенные на линію, выступили изъ Шуры. Уже въ самомъ концѣ злосчастнаго для насъ 1843 года, на долю Апшеронцевъ выпалъ еще одинъ случай сразиться съ горцами. 22-го декабря выступили изъ Шуры въ Евгеніевское 2-я гренадерская и 2-я мушкетерская роты Апшеронцевъ, при двухъ горныхъ единорогахъ и 25 казакахъ, подъ командою штабсъ-капитана Домбровскаго; ему приказано было оставить въ укрѣпленіи одно горное орудіе, необходимое во время фуражировокъ, а затѣмъ возвратиться въ штабъ-квартиру. Въ 8 часовъ вечера, 23-го декабря, роты, сдавъ орудіе, выступили въ Шуру; въ авангардѣ ѣхало 20 человѣкъ казаковъ. Отойдя верстъ пять отъ укрѣпленія, 2-я мушкетерская рота, при которой находилось орудіе, начала спускаться въ глубокую балку; казаки слѣдовали впереди по дорогѣ и, по темнотѣ ночи, не могли замѣтить непріятеля, засѣвшаго на самомъ днѣ балки и на окружающихъ ее высотахъ. Давъ казакамъ время проѣхать, а 2-й мушкетерской ротѣ спуститься въ балку, горцы сдѣлали по ней съ трехъ сторонъ залпъ и затѣмъ бросились въ шашки и кинжалы. Неожиданность ночнаго нападенія смѣшала на минуту мушкетеровъ; но сзади шла 2-я гренадерская рота подпоручика Дьяконова. Съ крикомъ «ура» бросились гренадеры въ штыки и опрокинули толпы мюридовъ; къ гренадерамъ примкнули оправившіеся уже мушкетеры, и непріятель принужденъ былъ отступать. Въ полномъ порядкѣ, имѣя въ срединѣ ротъ орудіе, двинулись Апшеронцы къ Евгеніевскому; непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки, но встрѣчалъ сильный отпоръ штыками. Какъ только воинскій начальникъ Евгеніевска услышалъ стрѣльбу, то немедленно выслалъ подкрѣпленіе въ 270 человѣкъ, при одномъ орудіи, подъ начальствомъ маіора Смолина (бывшаго Апшеронца). Всѣ дальнѣйшія попытки мюридовъ отрѣзать отряду путь отступленія оказались тщетны; тѣмъ не менѣе, горцы преслѣдовали наши войска до самыхъ стѣнъ укрѣпленія. Дѣло продолжалось отъ 10-ти до 2 хъ часовъ ночи. Потеря Апшеронцевъ была значительна: убито 5 нижнихъ чиновъ; ранены штабсъ-капитанъ Домбровскій и 40 нижнихъ чиновъ. Донося о дѣлѣ 23-го декабря корпусному командиру, генералъ Клугенау съ особенной похвалой отзывается о подпоручикѣ Дьяконовѣ, «который уже не

первый разъ проявлялъ случаи личнаго мужества и распорядительности» [9]. Ночнымъ дѣломъ Апшеронцевъ закончились военныя дѣйствія въ 1843 году.

Общая потеря нашихъ войскъ съ 27-го августа по 23-е декабря включительно состояла изъ 78 убитыхъ и раненыхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ (въ томъ числѣ взято въ плѣнъ 10 оберъ-офицеровъ) и 2.353 нижнихъ чиновъ (взято въ плѣнъ 312 человѣкъ). Матеріальная потеря заключалась въ 27 орудіяхъ, 8 крѣпостныхъ и 2.152 простыхъ ружьяхъ, 13.816 зарядахъ (изъ которыхъ 6.000 попало къ непріятелю), 350.000 патронахъ, 50 пудахъ пороху, 180 палаткахъ и 368 лошадяхъ. Шамиль разрушилъ до основанія 12 укрѣпленій различной величины (изъ числа ихъ 4 укрѣпленія нами брошены). Но наши потери были бы несравненно больше, еслибы энергичныя дѣйствія Шамиля, которыя онъ въ особенности проявилъ послѣ взятія Унцукуля, продолжались и въ послѣдніе мѣсяцы года; къ счастію, онъ впалъ въ какую-то необъяснимую бездѣятельность и сталъ дѣлать ошибки: казалось, что геній началъ измѣнять ему. Первая и весьма крупная ошибка Шамиля заключалась въ вызовѣ Шуаибъ-Муллы съ чеченцами въ Большіе Казанищи, вслѣдствіе чего Шамиль далъ возможность генералу Фрейтагу оставить Кумыкскую плоскость и идти на помощь Низовому укрѣпленію; потомъ слѣдовала безцѣльная блокада Евгеніевскаго укрѣпленія, не приведшая ни къ какимъ результатамъ; а, между тѣмъ, отдаливъ отъ себя около 3.000 горцевъ, Шамиль тѣмъ самымъ уменьшилъ силу блокирующихъ Шуру скопищъ. Имѣя болѣе 10.000 человѣкъ горцевъ, уже упоенныхъ своими недавними успѣхами, до дерзости смѣлыхъ и безпрекословно повинующихся волѣ своихъ предводителей, имамъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ рѣшительному штурму укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры, бездѣйствовалъ съ 11-го ноября по 16-е декабря; а когда къ намъ пришла помощь, то онъ принужденъ былъ отступить.

Высочайшимъ приказомъ отъ 31 декабря командиромъ полка, вмѣсто полковника Майбороды [10], назначенъ полковникъ Пассекъ.

За 1843-й годъ чинамъ полка пожалованы слѣдующія награды: полковнику Ясинскому — Св. Анны 2 степени и единовременно 515 рублей; подполковникамъ Евдокимову, Педяту и Огіевскому, маіору Познанскому, штабсъ-капитанамъ: Барону Врангелю, Павлову, Виноградскому, Усачеву и Миллеру, подпоручикамъ Дьяконову, Алексѣеву, Серебрянскому, Яворскому, Раутенбергу и Еленскому: прапорщикамъ: Рыжкевичу, Кра-

---

9) Донесеніе Клугенау № 2. Дѣло № 138. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

10) Аркадій Ивановичъ Майборода въ 1812 году поступилъ юнкеромъ въ 1-й егерскій полкъ, откуда переведенъ прапорщикомъ въ 57-й егерскій полкъ, а потомъ въ Великолуцкій пѣхотный. Въ 1817 году произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ; отсюда штабсъ-капитаномъ переведенъ въ Вятскій пѣхотный полкъ. Командиръ этого полка полковникъ Пестель — одинъ изъ главныхъ участниковъ возмущенія 14 декабря 1825 года, обращался съ солдатами съ чрезвычайною жестокостью, объясняя ее строгостью нашихъ законовъ: «Не я бью, законъ бьетъ», говорилъ онъ послѣ каждаго наказанія. Дѣлалось все это съ цѣлью поселить между солдатами недовольство законами и поднять возмущеніе. Аркадій Ивановичъ разгадалъ планъ измѣнника и отправилъ Императору Александру I письмо, въ которомъ сообщалъ о злыхъ умыслахъ Пестеля. Императоръ получилъ это письмо въ Таганрогѣ, за нѣсколько дней до своей кончины и, къ сожалѣнію, не могъ принять уже надлежащихъ мѣръ. Въ 1826 году, уже будучи капитаномъ, Майборода переведенъ тѣмъ же чиномъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ; за отличіе, оказанное въ персидской войнѣ, въ 1827 году, награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и въ память войны серебряною медалью. За отличія, оказанныя въ польской кампаніи 1831 года, награжденъ польскимъ знакомъ отличія за военныя достоинства и серебряною медалью за взятіе штурмомъ Варшавы. Въ томъ же году переведенъ въ пѣхотный князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго полкъ, съ которымъ находился въ сраженіяхъ противъ горцевъ. Въ 1832 году награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною, а въ 1833 году переведенъ въ Апшеронскій полкъ и въ томъ же году уволенъ отъ службы за болѣзнію.

Въ 1835 году Майборода принятъ подполковникомъ въ Самогитскій гренадерскій полкъ; въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. Въ 1841 г. переведенъ въ Карабинерный фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полкъ, за отличіе произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ этого полка, а въ 1842 году назначенъ командиромъ Апшеронскаго полка.

совецкому, Багизардову—слѣдующіе чины. Ордена Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ: маіору Витторту 2-му, штабсъ-капитанамъ: Васильеву, Ключарову, поручику Щодро, прапорщику Иваницкому и врачу Чельцову; маіоръ Волынскій получилъ орденъ Св. Станислава 2 степени; прапорщикъ Глембоцкій—Св. Анны 4 степени съ надписью «за храбрость». Произведены въ прапорщики: Станиславъ Лоза, Адамъ Милевскій, Иванъ Аглинцевъ, Станиславъ Немира и Христіанъ Шпоръ. Знаки отличія военнаго ордена: полное жалованіе и бантъ на имѣющійся орденъ фельдфебелю Алексѣю Рубанову; 4 степени: Никифору Говорухину; унтеръ-офицерамъ: Ильѣ Семенову, Алексѣю Захарову, Виктору Протопопову, Карнѣю Димитріевичу, Василію Денисову, Василію Лукину, Григорію Спиридонову, Осипу Петрову, Петру Звенигородскому, Филипу Молоткову, Василію Санкову, Ильѣ Михѣйчуку, Степану Родченкѣ, Андрею Бондарчику, Егору Щербинину, Ивану Веснину, Василію Улевскому, Александру Глотову и Антону Федорову. Рядовымъ: Ермолаю Иванову, Федору Слѣпухѣ, Родіону Панченко, Андрею Салоухину, Матвѣю Краснокутскому, Ивану Трачъ, Григорію Курнову, Василію Вершинину, Димитрію Косенко, Павлу Дешевому, Ивану Раболевскому, Ивану Банко, Минаю Сергѣенко, Филипу Брюханову, Ивану Волкову, Алексѣю Антонову, Антону Потапову, Даніилу Иванову, Петру Григорьеву, Гавріилу Афонасьеву, Никифору Сухачеву, Федору Казмерчуку, Павлу Брюхову, Максиму Гаврилову, Михаилу Дошаеву, Воврженцу Юзвяку, Ципріяну Ярошевичу и Антону Фіевскому [11]).

За защиту Низоваго укрѣпленія Высочайше пожаловано всѣмъ 64-мъ нижнимъ чинамъ по 3 рубля и знаки военнаго ордена: унтеръ-офицерамъ: Григорію Буравцеву и Трофиму Прудникову; рядовымъ: Федору Проскурину, Василію Иванову, Петру Кононову, Тимофею Голошѣ, Мирону Козубцу и Алексѣю Петрову [12]).

За защиту Зырянъ всей 13-й мушкетерской ротѣ по 3 рубля и знаки отличія: унтеръ-офицерамъ: Семену Гладкову, Семену Оротѣеву; горнисту Федору Васильеву и рядовымъ: Дмитрію Мухину и Данилу Веревкину [13]).

[11]) Дѣло № 149 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[12]) Дѣло № 165 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[13]) Дѣло № 41 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Шестая.

Состояніе полка въ 1844 году. — Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ. — Способы къ покоренію Чечни и Дагестана. — Предположенія на 1844 годъ. — Прибытіе на Кавказъ 5 армейскаго корпуса. — Два періода дѣйствій. — Распредѣленіе войскъ по отрядамъ. — Задачи каждаго изъ отрядовъ. — Нападеніе непріятеля на Эрпели. — Движеніе 1 и 3 баталіоновъ въ Каранай. — Приготовленія Шамиля къ открытію военныхъ дѣйствій. — Сформированіе у Дженгутая отряда, для противодѣйствія непріятелю. — Донесеніе генерала Пассека. — Появленіе скопища у Кадара. — Движеніе авангарда подполковника Евдокимова къ Дуренги. — Расположеніе войскъ Сѣвернаго Дагестана въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. — Дѣло 8 мая со скопищами горцевъ на Кадарѣ. — Отбитіе мюридами табуна лошадей. — Усиленіе непріятеля въ Акушѣ. — Переходъ отряда Пассека изъ Дженгутая въ Дургели. — Составъ отряда. — Выступленіе къ Гилли. — Приказъ по полку въ стихахъ. — Сраженіе при Кака-Шурѣ. — Послѣдній моментъ боя. — Ударъ Апшеронцевъ въ штыки и пораженіе горцевъ. — Потери Апшеронцевъ. — Результаты пораженія горцевъ. — Отзывы Императора Николая I о сражавшихся при Кака-Шурѣ. — Высочайшая награда полку. — Экспедиція въ Акушу. — Апшеронцы въ авангардѣ. — Постройка укрѣпленія для вагенбурга у Моге. — Соединеніе Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ. — Отступленіе Шамиля къ Цудахару. — Преслѣдованіе непріятеля и отбитіе у него 3 орудій. — Движеніе отрядовъ къ Карадахскому мосту. — Изъявленіе покорности андаляльскими аулами. — Неудачныя попытки устроить переправу черезъ Аварское Койсу. — Дѣйствія отряда генерала Гурко. — Отступленіе Лидерса къ Гергебилю. — Апшеронцы въ аріергардѣ. — Атака Апшеронцевъ и взятіе двухъ значковъ. — Овація сдѣланныя Апшеронцамъ остальными войсками отрядовъ. — Донесеніе генерала Лидерса о командирѣ полка. — Расположеніе отряда Пассека у Гергебиля. — Мѣры къ защитѣ. — Донесеніе генерала Нейдгарта Императору Николлю I о невозможности двинуться въ долину Андійскаго Койсу. — Распредѣленіе войскъ для работъ. — Возвращеніе отряда Пассека изъ Гергебиля въ Шуру. — Экспедиція въ Салатавію. — Разрушеніе Новаго Буртуная и уничтоженіе запасовъ хлѣба и сѣна. — Дѣло 17 сентября. — Результаты экспедиціи въ Салатавію. — Отступленіе къ Евгеніевску. — Распредѣленіе частей полка для работъ. — Переходъ 3 баталіона на Сулакскую линію. — Назначеніе новаго командира полка. — Біографія генералъ-маіора Пассека. — Итоги года. — Награды.

Тяжелый годъ испытаній для войскъ Дагестанскаго отряда, въ особенности для Апшеронцевъ, кончился.

1844 годъ застаетъ полкъ расположеннымъ въ своей штабъ-квартирѣ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; потребность отдохнуть отъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, отъ трудовъ и лишеній, испытанныхъ въ минувшемъ году, чувствовалась весьма настоятельно. Потери въ полку, какъ мы описывали раньше, были чувствительны. Апшеронскій полкъ давно уже не имѣлъ надлежащаго состава: обыкновенно въ ротѣ насчитывалось отъ 100 — 120 человѣкъ, кромѣ унтеръ-офицеровъ; убыль людей въ прошломъ году еще болѣе уменьшила это число, такъ что прибытіе рекрутъ не могло пополнить недостающихъ рядовъ. Въ офицерахъ также чувствовался большой недостатокъ; ротами командовали прапорщики и подпоручики. Когда генералъ-маіоръ Пассекъ принялъ полкъ, то немедленно приступилъ къ приведенію въ порядокъ штабъ-квартиры; но зимнее время года мѣшало удачному и скорому ходу работъ, а наступившія вскорѣ военныя дѣйствія, заставили совершенно забыть объ улучшеніи штабъ-квартиры.

Событія послѣдняго года совершенно измѣнили положеніе наше въ Дагестанѣ; окончательное покореніе восточной окраины Кавказа, казавшееся близкимъ, отсрочилось на неопредѣленное время. Благодаря давнишнему расположенію къ намъ аварцевъ, особенно жителей Хунзаха, обладаніе этой страной досталось намъ очень легко. Всякій узурпаторъ власти не пользовался популярностью между аварцами, какъ то мы видѣли на примѣрахъ

съ Кази-Муллой и Гамзатъ-бекомъ; тоже чувство проявилось и по отношенію къ Шамилю, котораго народъ ненавидѣлъ. Вотъ этой-то ненавистью ко всякой незаконной власти и объясняется, почему мы, занимая весьма важную часть Дагестана, имѣли въ ней только незначительныя укрѣпленія, сложенныя изъ дикаго камня на глинѣ, или изъ саманныхъ кирпичей, съ гарнизономъ много-много въ двѣ роты. Пока Аварія оставалась намъ вѣрна, до тѣхъ поръ слабыя укрѣпленія были хотя отчасти гарантированы отъ покушеній непріятеля; но вскорѣ сѣмена мюридизма дали Шамилю обильную жатву и среди аварцевъ; тогда укрѣпленія наши имамъ взялъ и уничтожилъ, а незначительные гарнизоны геройски погибали, не принося, однако, своею смертью никакой пользы общему дѣлу. Мы отступили изъ Аваріи и Койсубу.

Еще въ концѣ 1842 года генералъ Клугенау называлъ положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ «бѣдственнымъ». Однако ему не вѣрили. Событія конца 1843 года показали, какъ много гибельныхъ послѣдствій имѣло подобное недовѣріе. Только полное обладаніе горами могло положить предѣлъ тяжелой, долголѣтней войнѣ въ Дагестанѣ и Чечнѣ; только съ подчиненіемъ всѣхъ жителей мы могли сказать, что Кавказъ нашъ. Для покоренія Кавказа предлагали два способа; по мнѣнію однихъ надлежало: стѣснять горное населеніе подвигающимися впередъ линіями укрѣпленій, и заставить его уйти въ безплодныя горы, гдѣ оно, будучи лишено способовъ къ существованію, по неволѣ изъявитъ покорность. Таковы были мнѣнія кавказскихъ генераловъ Гурко, Граббе, Клугенау и Пассека. Въ Петербургѣ считали такой образъ дѣйствій слишкомъ медленнымъ и полагали лучшимъ вступить въ горы съ сильными отрядами, проникнуть во всѣ главныя ущелья, покорить горцевъ силою оружія и затѣмъ уже укрѣпиться въ нѣдрахъ горъ. Послѣдній способъ войны, находя себя сильную поддержку въ Петербургѣ, восторжествовалъ и немедленно сталъ приводиться въ исполненіе. 5 пѣхотный корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Лидерса отправленъ былъ на Кавказъ, въ помощь находившимся уже здѣсь войскамъ. Согласно директивамъ составленнаго въ Петербургѣ плана военныхъ дѣйствій на 1844 годъ, надлежало: усмирить общее возстаніе горскихъ племенъ, уничтожить Шамиля и прочно утвердиться въ томъ краѣ, гдѣ онъ основалъ свое владычество. Предстоявшія для выполненія изложенныхъ задачъ экспедиціи раздѣлялись на два періода: къ первому относились рѣшительныя наступательныя дѣйствія въ горы, съ цѣлью силою оружія положить конецъ возстанію; второй періодъ заключался въ нашемъ прочномъ утвержденіи въ краѣ, посредствомъ возведенія укрѣпленій. Въ первый періодъ военныхъ дѣйствій всѣ войска, за исключеніемъ необходимыхъ резервовъ для охраненія собственныхъ нашихъ предѣловъ и окончанія построекъ, сосредоточиваются на главномъ театрѣ возмущенія и дѣйствуютъ съ нѣсколькихъ сторонъ сильными отрядами, чтобы нанести владычеству Шамиля окончательный и рѣшительный ударъ.

Во второмъ періодѣ, вся задача сводилась къ утвержденію въ долинѣ рѣки Андійскаго-Койсу, чѣмъ достигалось подавленіе возмущенія въ племенахъ тамъ обитающихъ и предупреждалась возможность новаго общаго возстанія въ Чечнѣ и нагорномъ Дагестанѣ. Поэтому всѣ усилія дѣйствующихъ отрядовъ должны были обратиться къ отысканію и занятію въ долинѣ Андійскаго-Койсу одного или нѣсколькихъ пунктовъ, которые годились бы для постройки большихъ укрѣпленій и могли имѣть вліяніе на сосѣднія племена; гарнизонъ такого укрѣпленія долженъ былъ состоять не менѣе какъ изъ двухъ баталіоновъ, съ подвижнымъ резервомъ въ 5 баталіоновъ; отъ мѣста, избраннаго для новаго укрѣпленія, должна проходить постоянная обезпеченная дорога въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Если бы, послѣ подробнаго осмотра мѣстности, не нашлось вполнѣ подходящаго пункта для возведенія укрѣпленія, то главныя силы дѣйствующихъ отрядовъ обращались на устройство передовой

Чеченской линіи и постройки укрѣпленій по правому берегу Аварскаго-Койсу, съ цѣлью обезпеченія переправъ и главныхъ входовъ въ Аварію. Для выполненія всѣхъ сказанныхъ предпріятій предназначалось 50 баталіоновъ, которые распредѣлились такимъ образомъ [1]:

Въ Южномъ Дагестанѣ: пѣхоты — $9\frac{1}{2}$ баталіоновъ, кавалеріи — 12 сотенъ, артиллеріи — 14 орудій.

Въ Сѣверномъ Дагестанѣ: $17\frac{3}{4}$ баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ 5 баталіоновъ Апшеронскаго полка), $11\frac{1}{2}$ сотенъ кавалеріи, 30 орудій.

Изъ числа этихъ войскъ, 5 баталіоновъ и 6 орудій оставлялись для работъ и занятія гарнизоновъ, а остальныя части предназначались исключительно для военныхъ дѣйствій.

Третій отрядъ, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, состоялъ изъ 24 баталіоновъ пѣхоты, 16 сотенъ кавалеріи и 48 орудій.

Изъ нихъ для защиты границъ и занятія пунктовъ отдѣлялось 8 баталіоновъ, 8 сотенъ казаковъ и 12 орудій.

Всего же въ 3 отрядахъ находилось: 50 баталіоновъ пѣхоты, $1\frac{1}{2}$ баталіона саперъ, 1 стрѣлковый баталіонъ, 92 орудія и $39\frac{1}{2}$ сотенъ кавалеріи.

Вотъ съ такимъ огромнымъ количествомъ войскъ рѣшено было приступить къ военнымъ дѣйствіямъ въ 1844 году.

Въ виду того, что всѣ три отряда имѣли между собою связь, хотя и дѣйствовали съ различныхъ сторонъ, считаемъ не лишнимъ указать на задачи каждаго изъ нихъ. Задача Самурскаго отряда (подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Аргутинскаго) въ первый періодъ военныхъ дѣйствій состояла въ слѣдующемъ: 1) усмирить общества, прилегавшія къ Дербенту, т. е. Верхній и Нижній Кайтахъ, Табасаранъ и Сюргу; 2) двинуться вмѣстѣ съ Дагестанскимъ отрядомъ для окончательнаго покоренія и утвержденія нашего въ обществѣ Дарго и 3) направившись въ Андаляль и на Аварское-Койсу, содѣйствовать остальнымъ отрядамъ, во время движенія ихъ въ горы.

Во второмъ періодѣ Самурскій отрядъ поддерживалъ прямое сообщеніе Южнаго Дагестана съ Сѣвернымъ.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ предпріятій, безспорно, самое важнѣйшее заключалось въ усмиреніи и примѣрномъ наказаніи акушинцевъ и цудахаринцевъ [*], земли коихъ служили торговымъ рынкомъ для всѣхъ непокорныхъ племенъ нагорнаго Дагестана и путями вторженія; отсюда же непріятель всегда грозилъ Казикумуху и даже Кубинской провинціи. До возстановленія полнаго спокойствія въ Акушѣ, не только наши границы и покорныя общества не могли быть обезпечены, но даже и движеніе Самурскаго отряда на Аварское-Койсу, для содѣйствія Дагестанскому, являлось невозможнымъ. Поэтому экспедиція въ Акушу поставлена была въ первой очереди и временемъ начатія ея назначенъ май мѣсяцъ.

Дагестанскому отряду, подъ начальствомъ командира 5 пѣхотнаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Лидерса, до начала главныхъ наступательныхъ дѣйствій, предстояло:

1) возстановить Низовое укрѣпленіе на мѣстѣ бывшаго лагеря Петра Великаго;
2) водворить спокойствіе въ Шамхальскомъ и Мехтулинскомъ владѣніяхъ;
3) произвести экспедицію въ Акушу;
4) улучшить оборону Темиръ-Ханъ-Шуры и
5) перевезти военные и продовольственные запасы, какъ для Дагестанскаго, такъ и для Чеченскаго отрядовъ, на избранные складочные пункты.

---

[1] 14-й пѣхотной дивизіи — 12 баталіоновъ; 15-й дивизіи — 12; 19-й дивизіи — 13; 20-й дивизіи — 12; и кавказскій саперный баталіонъ. Дѣло № 7. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[*] Даргинскаго общества.

Направленіе и характеръ военныхъ дѣйствій предоставлялись иниціативѣ начальника Дагестанскаго отряда, а исполненіе остальныхъ предпріятій возложено было на усмотрѣніе и отвѣтственность ближайшаго мѣстнаго начальника. Для экспедиціи въ Акушу назначалось 8 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ), 5 сотенъ казаковъ, 16 орудій и рота саперъ. Войска выступали изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 1-го мая и направлялись кратчайшею и удобнѣйшею дорогою черезъ Лаваши въ Акушу, одновременно съ движеніемъ Самурскаго отряда изъ Кумуха. Соединенные отряды, въ числѣ 16-ти баталіоновъ, предпринимали рѣшительныя наступательныя дѣйствія для усмиренія акушинцевъ. Дѣйствія расчитывали окончить приблизительно къ концу мая, чтобы къ 1-му іюня войска Дагестанскаго отряда могли собраться въ окрестностяхъ Зырянъ и Ирганая для принятія участія въ главной экспедиціи въ долину рѣки Андійскаго-Койсу. Всѣ остальныя части Дагестанскаго отряда, которыя должны были прибыть въ Сѣверный Дагестанъ въ первой половинѣ апрѣля, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) Четыре баталіона, рота саперъ и восемь орудій назначались для устройства временнаго сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ Аваріей и переправы черезъ рѣку Аварское-Койсу.
2) 3 баталіона при 2-хъ орудіяхъ оставлялись въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ для занятія гарнизона, содержанія карауловъ, и въ видѣ подвижнаго резерва. Тѣже войска должны были заняться улучшеніемъ обороны Темиръ-Ханъ-Шуры.
3) Для возведенія укрѣпленія на мѣстѣ лагеря Петра Великаго и возможно скорѣйшаго приведенія его въ надежное оборонительное состояніе, назначалось 3 баталіона при 4-хъ орудіяхъ; на жителей Шамхальскаго владѣнія отчасти возлагались заготовленіе и перевозка строительныхъ матеріаловъ, въ видѣ наказанія за измѣну въ прошломъ году. По окончаніи экспедиціи въ Акушу, Дагестанскій отрядъ, за исключеніемъ баталіоновъ, оставляемыхъ въ Шурѣ и Низовой, сосредоточивался для главнаго наступательнаго движенія въ горы, гдѣ и дѣйствовалъ совмѣстно съ Чеченскимъ отрядомъ.

Чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, собирался къ 1-му мая въ станицѣ Червленой и въ укрѣпленіи Амиръ-Аджи-Юртѣ; отсюда онъ открывалъ дѣйствія въ земли ауховцевъ и салатавцевъ. Цѣль этихъ движеній заключалась въ наказаніи ближайшихъ чеченскихъ селеній. Отвлекая чеченцевъ отъ полевыхъ работъ, распространяя среди ихъ страхъ за семейства и имущество, мы тѣмъ самымъ удерживали ихъ отъ покушеній ко вторженію въ наши предѣлы, и отъ содѣйствія Шамилю, при движеніи отрядовъ въ горы. Во время частныхъ экспедицій, кавказскіе начальники должны были «постепенно ознакомить войска 15-й пѣхотной дивизіи съ горной войной, избѣгая всякихъ случайностей, которыя могли бы вредно подѣйствовать на духъ полковъ, еще не свыкшихся съ образомъ здѣшнихъ военныхъ дѣйствій». По окончаніи весеннихъ экспедицій, отрядъ начиналъ главное наступательное движеніе въ горы, для подавленія общаго возстанія племенъ, живущихъ около лѣваго фланга Кавказской линіи, и для нанесенія рѣшительнаго удара владычеству Шамиля[2]).

Въ началѣ 1844 г. положеніе дѣлъ въ Сѣверномъ Дегестанѣ имѣло слѣдующій характеръ. Шамиль, вытѣсненный въ концѣ прошлаго года изъ Шамхальскихъ и Мехтулинскихъ владѣній, не отказался отъ надежды владычествовать въ этихъ земляхъ; небольшія партіи мюридовъ все время тревожили жителей, заставляя ихъ вновь возставать противъ русскихъ. Иногда

[2]) Дѣло № 7 по секретной описи. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

въ Шамхальскія владѣнія вторгались и большія партіи мюридовъ. Такъ, 22-го февраля, въ 10 часовъ утра, генералъ Клугенау получилъ извѣстіе о томъ, что непріятельская партія окружила аулъ Эрпели, чтобы выселить жителей въ горы. Клугенау немедленно отправилъ къ Эрпелямъ генеральнаго штаба капитана Капгера съ сотнею донскихъ казаковъ. Вслѣдъ за казаками выступили 3-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Тифлисскаго полковъ, при двухъ полевыхъ и двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою подполковника Апшеронскаго полка Педяша. Не доѣзжая пяти верстъ до Эрпелей, капитанъ Капгеръ, замѣтилъ непріятельскіе пикеты; густой дымъ пожара окуталъ аулъ и въ немъ слышалась ружейная перестрѣлка. Казаки опрокинули непріятельскія посты и быстро двинулись къ Эрпели. Полагая, что на выручку жителямъ прибыло значительное количество войскъ, мюриды оставили Эрпели и разсѣялись по разныхъ направленіямъ; партія имѣла около 1.000 человѣкъ. Въ аулѣ казаки освободили 40 человѣкъ жителей, оставшихся намъ вѣрными, которые отчаянно защищались въ сакляхъ, изъ нихъ 4 были ранены; мюриды оставили на мѣстѣ три тѣла. Забравши жителей съ ихъ имуществомъ, капитанъ Капгеръ направился обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда раньше возвратилась и пѣхота, получивъ на полдорогѣ извѣстіе объ отступленіи непріятеля.

Въ полночь, того же числа, прискакалъ нарочный отъ каранаевскаго старшины Юсуфъ-бека и далъ знать, что непріятель окружилъ аулъ Каранай; самъ старшина съ 60-ю человѣками, изъ числа преданныхъ ему жителей, заперся въ сакляхъ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Хотя генералъ Клугенау навѣрное зналъ, что мюриды будутъ впущены безъ выстрѣла малодушными жителями, но чтобы спасти хотя малое число оставшихся намъ вѣрными, онъ поручилъ капитану Капгеру слѣдовать съ сотнею казаковъ къ Каранаю и выслалъ вслѣдъ за казаками три баталіона пѣхоты (1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ и баталіонъ Тифлисскаго полка) при 4-хъ орудіяхъ, подъ командою подполковника Педяша. Капитанъ Капгеръ прискакалъ съ казаками къ Каранаю въ то время, когда жители начали уже вывозить свое имущество въ горы. Желая задержать непріятеля до прибытія пѣхоты и артиллеріи, Капгеръ завязалъ перестрѣлку съ вышедшими къ нему на встрѣчу мюридами. Когда подошли баталіоны, то Каранай, подожженный непріятелемъ, уже пылалъ. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій заставили мюридовъ очистить аулъ. Горцы раздѣлились на двѣ партіи: значительнѣйшая изъ нихъ бросилась къ Гимрамъ, а другая — меньшая къ Ахатламъ. Въ преслѣдованіе за первой партіей направились Апшеронцы и казаки; они успѣли отбить у непріятеля нѣсколько арбъ съ имуществомъ каранаевцевъ. Горцы, въ числѣ 1.500 человѣкъ, быстро отступили, а жители разбѣжались по ущельямъ. Наступленіе темноты заставило подполковника Педяша возвратиться въ Каранай.

Получивъ объ этомъ донесеніе, а также о томъ, что въ аулахъ Эрпели, Каранаѣ и Ишкартахъ находится значительное количество фуража, генералъ Клугенау отправилъ туда 500 повозокъ и 100 быковъ для перевозки сѣна и ячменя въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Войска наши вмѣстѣ съ фуражирами возвратились въ Шуру 24-го февраля.

Посылая болѣе или менѣе значительныя партіи для переселенія жителей плоскости въ горы, Шамиль въ тоже время приготовлялся ко вторженію въ Шамхальскія владѣнія и приказалъ акушинскому кадію собрать партію для совмѣстнаго съ нимъ дѣйствія. Повидимому Шамиль спѣшилъ открыть военныя дѣйствія до прибытія въ Дагестанъ подкрѣпленій. Нѣсколько разъ имамъ собиралъ совѣты изъ своихъ главныхъ сподвижниковъ, для обсужденія цѣли сборовъ и выбора направленія; однако, до апрѣля мѣсяца въ Сѣверномъ Дагестанѣ серьезнаго ничего не предпринялъ. Въ началѣ апрѣля огромная партія мюридовъ двинулась къ Шамхальскимъ владѣніямъ и заняла селеніе Кадаръ, имѣя намѣ-

реніе переселить въ горы жителей ближайшихъ шамхальскихъ и мехтулинскихъ селеній. Появленіе непріятеля заставило генерала Клугенау двинуть 13-го апрѣля къ Дженгутаю, для прикрытія покорныхъ Мехтулинскихъ ауловъ, отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты (1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), численностью въ 2.500 человѣкъ, при одномъ полевомъ и двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка генералъ-маіора Пассека. Кромѣ того, изъ Озени черезъ Тарки и Карабудахкентъ направленъ въ Дженгутай подполковникъ Евдокимовъ съ 450 казаками. Вечеромъ 14-го апрѣля генералъ Пассекъ доносилъ слѣдующее:

«1) Въ селеніи Кадарахъ стоитъ сильная партія мюридовъ».

«2) Хаджи-Муратъ находится въ Гергебилѣ, а Муртазали, братъ Кибитъ-Магомы — въ Оглахъ».

«3) Партія Хаджи-Мурата разрабатываетъ дорогу на Аймаки и везетъ туда два орудія».

«Очевидно, писалъ Пассекъ, что передвиженіе орудій имѣетъ цѣлью усилить какую нибудь позицію, на которой горцы располагаютъ насъ встрѣтить при движеніи въ Акушу. Если же Хаджи-Муратъ безразсудно вытащитъ орудія на плоскость, то онъ лишится ихъ. Мехтулинцы въ ужасномъ страхѣ, у многихъ все уложено на арбы и при движеніи отряда обратно въ Шуру пойдутъ вслѣдъ за войсками».

«Страхъ жителей не имѣетъ дѣйствительныхъ причинъ; но результатъ его будетъ вреденъ; если же мы уйдемъ отъ Дженгутая, то ближайшія къ непріятелю селенія Дургели сдадутся, а Дженгутай и Кака-Шура опустѣютъ; наконецъ, находившійся по сосѣдству съ Мехтулой Хаджи-Муратъ, узнавъ объ уходѣ русскаго отряда, навѣрное разорилъ бы преданныя намъ селенія. Чтобы только удержать наши войска, жители предлагаютъ безденежно ячмень, дрова, арбы для подвоза провіанта и всѣхъ тяжестей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры».

«Сію минуту раздались пушечные выстрѣлы въ Кадарахъ и привѣтственные ружейные. И такъ, остаться мнѣ здѣсь—дѣло рѣшенное. Отправляю арбы за продовольствіемъ и ожидаю предписанія вашего превосходительства» [3].

Это донесеніе вполнѣ убѣдило генералъ-маіора Клугенау въ необходимости имѣть сильный наблюдательный отрядъ въ Дженгутаѣ, куда 15-го апрѣля отправленъ еще одинъ баталіонъ Подольскаго полка, одно полевое и 2 горныхъ орудія, 10-ти дневный провіантъ, 160 четвертей сухарей, палатки и вьючные патронные ящики, причемъ Клугенау писалъ генералу Пассеку: «въ случаѣ боя, отнюдь не завлекаться преслѣдованіемъ непріятеля и не вдаваться въ глубину горъ». Между тѣмъ, были получены донесенія отъ начальника Самурскаго отряда, изъ которыхъ было видно, что Шамиль направляетъ всѣ свои усилія противъ Казикумуха и уже занялъ со стороны Караха одинъ магалъ [4], а со стороны Акуши—три аула. Появленіе непріятеля у Кадара произошло слѣдующимъ образомъ. Жители этого аула послали депутатовъ въ Араканы и пригласили къ себѣ тамошняго наиба, Мусу Балаканскаго, который тотчасъ собралъ партію изъ разныхъ ауловъ койсубулинскаго общества и непокорныхъ намъ мехтулинскихъ владѣній и, соединившись съ партіями наибовъ, аймакинскаго Тевдури, и могохскаго Нуръ-Магомы, направился въ Кадары. Въ то время, какъ партія собиралась для нападенія на Мехтулинскія владѣнія, надвигалась гроза и надъ Казикумухомъ. По извѣстіямъ, полученнымъ отъ вѣрныхъ лазутчиковъ, Хаджи Муратъ, Кибитъ-Магома и наибы хидатлинскій и карахскій въ непродолжительномъ времени выступали въ походъ. Какъ ни желательно было отвлечь непріятеля движеніемъ отряда изъ

---

3) Донесеніе командира Апшеронскаго полка, генералъ-маіора Пассека, отъ 14-го апрѣля, № 30. Дѣло № 6 походнаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

4) Общество.

Шуры въ Акушу, чѣмъ облегчалось и предпріятіе князя Аргутинскаго по приведенію въ повиновеніе возмутившихся жителей Казикумуха; но, къ сожалѣнію, сдѣлать этого не представлялось возможнымъ по тремъ причинамъ.

1) Еще не всѣ войска Дагестанскаго отряда собрались, въ особенности ощущался недостатокъ въ полевой артиллеріи.
2) Продовольствія въ войскахъ имѣлось только до 1-го мая, и
3) Очень холодная весна, большая грязь и отсутствіе подножнаго корма составляли тоже не маловажныя причины къ затрудненію движенія.

Съ цѣлью, обратить вниманіе непріятеля на Сѣверный Дагестанъ и отвлечь хотя часть его силъ изъ Казикумуха, 16-го числа отправлены въ Дженгутай три баталіона при одномъ орудіи, и весь собравшійся тамъ отрядъ генералъ Лидерсъ поручилъ генералъ-маіору Клюки-фонъ-Клугенау. Отрядъ состоялъ изъ 8-ми баталіоновъ, 450 казаковъ и милиціи, при 3-хъ полевыхъ и 4-хъ горныхъ орудіяхъ. Клугенау предписано было оставить часть войскъ у Дженгутая, для прикрытія Мехтулинскихъ владѣній, а съ остальной частью двинуться къ селенію Оглы, угрожая отсюда Акушѣ. Въ полдень, 16-го апрѣля, горцы спустились къ селенію Дургели, съ намѣреніемъ овладѣть имъ; находившійся въ Дургели съ казаками и милиціей маіоръ князь Орбеліани завязалъ съ непріятелемъ перестрѣлку; она продолжалась до прибытія изъ Дженгутая генерала Пассека съ двумя баталіонами Апшеронцевъ, послѣ чего непріятель отступилъ.

На другой день въ отрядъ пріѣхалъ генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ, и лично убѣдился, что съ страшно изнуренными лошадьми, при полномъ недостаткѣ провіанта, немыслимы никакія движенія; поэтому онъ оставилъ у Дженгутая 4-е баталіона Подольскаго и Житомірскаго полковъ, 2 сотни казаковъ, милицію, 2 полевыхъ и одно горное орудія, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, а баталіонъ Житомірскаго полка, при одномъ горномъ орудіи, со всѣми казаками и остальной милиціей, подъ командою Апшеронскаго полка подполковника Евдокимова, отправилъ въ Дургели. Послѣдній отрядъ составлялъ авангардъ войскъ, расположенныхъ у Дженгутая, и наблюдалъ за всѣми дѣйствіями скопища у Кадара. Съ остальными войсками, (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), Лидерсъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Изъ донесеній его командиру Кавказскаго корпуса видно, что, хотя въ Дагестанъ и прибыли всѣ полки 14-й пѣхотной дивизіи, тѣмъ не менѣе, онъ могъ употребить для военныхъ дѣйствій только «два баталіона»: изъ числа войскъ, находившихся въ Сѣверномъ Дагестанѣ два баталіона были въ Озени, въ распоряженіи генералъ-маіора Клугенау, для прикрытія артиллерійскихъ, всѣхъ подъемныхъ и казачьихъ лошадей и воловьяго транспорта; два баталіона находились въ безпрестанномъ движеніи, конвоируя транспорты изъ Кази-юрта въ Темиръ-Ханъ-Шуру и обратно; два баталіона направлены въ Дербентъ, для препровожденія оттуда 500 черводарскихъ лошадей и 6-ти горныхъ орудій; два баталіона стояли въ Низовомъ укрѣпленіи; 1 баталіонъ находился въ Кази-юртѣ; два баталіона оставались въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для содержанія карауловъ и для работъ и, наконецъ, 4 баталіона расположены въ Дженгутаѣ; всего въ расходѣ 15 баталіоновъ.

Въ 12 часовъ ночи, 18-го апрѣля, партія горцевъ, въ числѣ 1.000 человѣкъ, подступила къ Дургели; но движеніе ея своевременно было открыто секретами, и горцы отступили. Между тѣмъ, Кибитъ-Магома, со скопищемъ около 5.000 человѣкъ, вторгнулся въ Казикумухъ; встрѣченный и разбитый Самурскимъ отрядомъ, онъ отступилъ къ аулу Чоху. Узнавъ объ этомъ, цудахаринскій кадій, Асланъ, стоявшій съ значительной партіей на правомъ берегу Казикумухскаго Койсу, бѣжалъ въ Цудахаръ. Пораженіе скопища Кибитъ-

Магомы позволило уменьшить отрядъ у Дженгутая, и тамъ оставленъ только одинъ баталіонъ, при одномъ орудіи, но вскорѣ и онъ выступилъ къ Дургели, для усиленія отряда Евдокимова.

Со времени появленія непріятеля въ Кадарѣ, постоянно получались разнорѣчивыя донесенія лазутчиковъ: одни изъ нихъ утверждали, что партія мюридовъ разошлась, а другіе напротивъ того увѣряли, что она еще болѣе усилилась. Въ тоже время получено было донесеніе князя Аргутинскаго о томъ, что Хаджи-Муратъ и Кибитъ-Магома, собравъ аманатовъ въ обществѣ Дарго, вступили съ большимъ скопищемъ въ селеніе Аракли, съ цѣлью вторгнуться въ нижніе Терекемейскіе аулы и прервать наше сообщеніе съ Дербентомъ. Въ виду предполагаемаго въ скоромъ времени движенія отряда черезъ Кака-Шуру въ Акушу, дальнѣйшее занятіе позиціи у Дургели являлось совершенно лишнимъ, ибо непріятель, находившійся на Кадарѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ будетъ сняться со своей позиціи, какъ только наши войска двинутся въ Акушу. Поэтому генералъ Лидерсъ предписалъ подполковнику Евдокимову произвести усиленную рекогносцировку къ Кадару съ цѣлью: 1) узнать въ какихъ силахъ находится тамъ непріятель; 2) для отвлеченія вниманія партіи Кибитъ-Магомы и Хаджи-Мурата отъ Дербентской дороги, по которой возвращался отрядъ (1-й и 2-й баталіонъ Апшеронцевъ), прикрывавшій артиллерію и черводарскій транспортъ и 3) держать горцевъ въ неизвѣстности на счетъ избраннаго нами пути наступленія въ Акушу.

Ночью 8-го мая, подполковникъ Евдокимовъ двинулся съ отрядомъ къ Кадару. Взойдя на высоты, гдѣ находился аулъ, онъ выбралъ себѣ крѣпкую позицію и продержался на ней два часа, отбивая атаки горцевъ, захватилъ до 1.500 штукъ барановъ, и возвратился обратно въ Дургели, потерявъ во время рекогносцировки: 1 штабъ-офицера и 15 нижнихъ чиновъ убитыми, 3 оберъ-офицеровъ и 73 нижнихъ чина ранеными.

Послѣ рекогносцировки позиціи непріятеля на Кадарѣ, Шамиль сталъ усиливать скопища свои, какъ въ этомъ пунктѣ, такъ и въ Акушѣ, куда ожидалъ движенія нашихъ войскъ. На рѣкѣ Урма-Озени расположилась партія акушинцевъ и постоянно увеличивалась мюридами, прибывавшими изъ дальнихъ ауловъ. Въ скоромъ времени численность скопища возросла до 5.000 человѣкъ. Сынъ акушинскаго кадія, Абакаръ-Хаджи, прибылъ съ отдѣльной партіей въ Кадаръ, гдѣ, такимъ образомъ, сосредоточилось уже до 10.000 человѣкъ. Такое усиленіе горцевъ вызвало увеличеніе и Дургелійскаго отряда: 11-го мая туда направлены были 1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ, съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ командира полка генералъ-маіора Пассека. Генералъ Лидерсъ предписалъ командовавшему Дургелійскимъ отрядомъ генералъ-маіору князю Кудашеву не вдаваться въ горы, а ожидать пока непріятель спуститься въ долину, и тогда уже атаковать его. Того-же числа, около Темиръ-Ханъ-Шуры, случилось такого рода происшествіе. Большой табунъ лошадей, принадлежавшихъ большею частію офицерамъ, прибывшимъ изъ Россіи, былъ выгнанъ на пастьбу, подъ присмотромъ деньщиковъ. Послѣдніе, не довольствуясь кормомъ для лошадей вблизи укрѣпленія, самовольно угнали табунъ на эрпелинскіе луга. Этимъ воспользовалась небольшая партія конныхъ и пѣшихъ чиркеевцевъ: она внезапно напала на деньщиковъ, четырехъ изъ нихъ убила, а табунъ угнала. Казаки, посланные за хищниками, не могли ихъ догнать.

Успокоенный на счетъ дѣйствій нашего отряда въ Чечнѣ, но опасаясь за Акушу, Шамиль послалъ сюда Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магому со скопищемъ при нѣсколькихъ орудіяхъ; они прибыли 16-го мая въ Аймаки, а партіи ихъ расположились въ аулахъ Оглы, Кулицмѣ и Апши; скопища, стоявшія на Кадарѣ и Урма-Озенѣ выдвинули впередъ наблю-

дательные отряды: около 500 человѣкъ стали за селеніемъ Дуренги и до 300 человѣкъ на Аркасѣ. Передвиженіе непріятеля обратило на себя серьезное вниманіе, ибо теперь онъ угрожалъ селенію Большому Дженгутаю; поэтому 17-го числа сюда направленъ былъ генералъ Пассекъ съ 2-мя баталіонами своего полка и двумя легкими орудіями для охраны селенія и дороги, ведущей изъ Дуренги въ Большія Казанища. Вскорѣ скопища горцевъ начали стягиваться къ Кадару; сюда-же пріѣхали Кибитъ-Магома и племянникъ Шамиля—Кази-Магома; Магометъ, кадій акушинскій, и Асланъ, кадій цудахаринскій, съ весьма значительными скопищами заняли кадарскіе хутора. Въ виду такого усиленія скопищъ, Апшеронцевъ направили изъ Дженгутая въ Дургели, всѣ пришедшіе изъ Россіи баталіоны были отозваны въ Шуру, а вмѣсто нихъ присланъ еще 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою капитана генеральнаго штаба Вранкена; такимъ образомъ, авангардъ у Дургели, подъ командою генерала Пассека, состоялъ изъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронцевъ, 4-хъ горныхъ орудій 19-й артиллерійской бригады и 4-хъ сотенъ казаковъ Донскаго № 38-го полка.

Намѣренія непріятеля состояли въ томъ, чтобы, отвлекая вниманіе отряда у Дургели, напасть на всѣ покорные намъ мехтулинскіе и шамхальскіе аулы, и переселить жителей ихъ въ горы, а если этого сдѣлать нельзя будетъ, то, по крайней мѣрѣ, ограбить ихъ и угнать скотъ. Генералъ Лидерсъ сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи авангарда у Дургели двумя баталіонами Житомірскаго полка, при двухъ горныхъ орудіяхъ; одинъ баталіонъ отправился изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ ночь со 2-го на 3-е іюня, а другой — съ разсвѣтомъ 3-го числа.

Небольшой лагерь нашъ располагался на возвышеніи, занимая центральную позицію между селеніями: Большимъ Дженгутаемъ, Дургели, Гилли, Параулomъ и Кака-Шурою. Непріятель сосредоточился въ Кадарѣ, верстахъ въ 5 отъ лагеря. О силахъ и намѣреніяхъ непріятеля лазутчики давали самыя нелѣпыя свѣдѣнія, а окрестные жители старались ввести Пассека въ заблужденіе. 2-го іюня въ Кадарахъ замѣчено было необыкновенное движеніе; частые ружейные и пушечные выстрѣлы означали радостную встрѣчу новыхъ подкрѣпленій. Вечеромъ того же числа, часть мюридовъ спустилась съ лѣсистаго хребта къ селенію Кака-Шурѣ. Жители впустили ихъ безъ сопротивленія. Плоха была надежда и на другія мирныя селенія. Генералъ Пассекъ донесъ Лидерсу объ усиленіи непріятеля, а самъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: двѣ роты съ однимъ орудіемъ заняли селеніе Дургели, жители коего просили нашей помощи; столько же назначалось для прикрытія лагеря, фуражировъ и подъемныхъ лошадей. Весь 3-й баталіонъ съ 2-я орудіями, подъ командою храбраго подполковника Познанскаго, составлялъ резервъ; онъ долженъ былъ подкрѣплять оставленныя въ тылу роты и оборонять окрестныя селенія, въ особенности Большой Дженгутай, куда непріятель легко могъ устремиться. Свободными оставались: 1-я гренадерская, 1-я, 4-я и 6-я мушкетерскія роты Апшеронцевъ, 2 горныхъ 10 фунтовыхъ единорога и 4 сотни казаковъ. 3-го іюня, въ 6 часовъ утра, на высотахъ Дженгутая блеснули штыки, то шелъ въ подкрѣпленіе баталіонъ Житомірскаго полка. Желая узнать силы и намѣренія непріятеля, Пассекъ отправился съ казаками къ селеніямъ Параулу и Гилли, расположеннымъ въ 8 верстахъ отъ лагеря, приказавъ сводному баталіону, съ однимъ горнымъ единорогомъ, выступить вслѣдъ за казаками по первому его приказанію.

Наканунѣ выступленія къ Гилли, генералъ Пассекъ отдалъ слѣдующій приказъ по полку, написанный въ стихахъ.

«Товарищи! Пора собираться въ походъ.

«Осмотрите замки, отточите штыки,— поучитесь колоть на повалъ.

*

«Наблюдайте всегда и вездѣ тишину; наблюдайте порядокъ и строй. Въ дѣло дружно идти, въ дѣлѣ меньше стрѣлять — пусть стрѣляютъ стрѣлки, а колонны идутъ и молчатъ. По стрѣльбѣ отличу, кто сробѣлъ и кто нѣтъ; робкимъ стыдъ, храбрымъ слава и честь.

«Безъ стрѣльбы грозенъ строй. Пусть стрѣляютъ враги; подойдите въ упоръ, а тогда ужъ ура! а съ «ура» — на штыки: и колите, рубите враговъ. Что возьмете штыкомъ, то вамъ Царь на разживу даетъ.

«Грозны будете вы, страшны будете вы татарвѣ, нечестивымъ врагамъ. Осѣнитесь крестомъ, помолитесь Христу и готовьтесь на славу, на бой».

Съ приближеніемъ казаковъ къ Гилли, находившаяся тамъ непріятельская конница отступила къ высотѣ, мимо которой шла дорога на живописное селеніе Карабудахкентъ. Пассекъ остановился съ казаками передъ Парауломъ, на бугрѣ, крутая покатость котораго была обращена къ непріятелю; здѣсь онъ рѣшился дождаться пѣхоты. Какъ только командовавшій своднымъ баталіономъ Апшеронцевъ, генеральнаго штаба капитанъ Вранкенъ, получилъ записку отъ Пассека, то сейчасъ отдалъ приказъ о выступленіи. «Солдаты опрокинули котлы съ кашей, за которую только что усѣлись, взяли по 60 патроновъ, оставили ранцы и шинели, распахнули мундиры и черезъ 10 минутъ двинулись или лучше сказать, понеслись на выручку любимому начальнику. День былъ чрезвычайно знойный, и несмотря на то, Апшеронцы прошли 7 верстъ въ одинъ часъ [5]). Въ тоже время отправлено было приказаніе командиру баталіона Житомірскаго полка, чтобы онъ, по приходѣ въ лагерь, оставилъ тамъ одну роту, а съ тремя ротами поспѣшилъ къ Параулу. Когда Апшеронцы приблизились, то Пассекъ построилъ казаковъ въ двѣ линіи, имѣя заднія въ интервалѣ противъ переднихъ; впереди обѣихъ линій были поставлены конные аварцы; въ такомъ порядкѣ отрядъ двинулся впередъ. Пологая, но довольно глубокая лощина отдѣляла незначительный русскій отрядъ отъ мюридовъ. Пассекъ съ казаками перешелъ эту лощину; бѣглымъ шагомъ слѣдовали Апшеронцы за кавалеріею, чтобы вовремя поддержать или принять ее на себя. «Весело было смотрѣть на эту атаку; почти ровная мѣстность благопріятствовала ей: удалые Донцы вмигъ настигли мюридовъ и вогнали ихъ въ Кака-Шуру. Но тутъ картина перемѣнилась: скрытая непріятелемъ артиллерія, открыла по казакамъ огонь, и, въ тоже время изъ деревни и прилежащаго къ ней лѣса выбѣжали тысячи стрѣлковъ, и показались густыя толпы пѣхоты. Казаки начали отстрѣливаться и отступать». Пассекъ приказалъ капитану Вранкену остановить баталіонъ и принять на себя казаковъ. Баталіонъ построился во взводную колонну справа; на правомъ флангѣ помѣстились два горныхъ единорога штабсъ-капитана Лагоды; ихъ прикрывали стрѣлки, которыми вызвался командовать штабсъ-капитанъ Щодро. Шагахъ въ 15 впереди фронта стала густая цѣпь съ резервомъ, подъ командою прославившагося въ Дагестанѣ своею храбростью командира 1-й гренадерской роты капитана Павлова. Къ лѣвому флангу должны были примкнуть, по приходѣ своемъ, Житомірцы, и, наконецъ, тылъ обезпечивали казаки, старавшіеся вновь построиться. Мѣры эти, при мѣткомъ картечномъ огнѣ, остановили первое стремленіе горцевъ и не позволяли имъ сдѣлать тотчасъ единодушнаго натиска; частныя же попытки ударить въ шашки, отражались штыками стрѣлковыхъ резервовъ. Увѣренные въ несомнѣнномъ успѣхѣ, горцы надѣялись, что горсть солдатъ не будетъ долго держаться, начнетъ отступать, и тогда имъ легко будетъ отрѣзывать цѣпи аріергарда, захватывать раненыхъ и, наконецъ, истребить ослабленную потерями колонну. Вся непріятельская кавалерія потянулась въ обходъ отряду и стала верстахъ въ 3-хъ на пути нашего отступленія. Между тѣмъ, толпы горцевъ, посте-

5) Изъ воспоминанія участника боя капитана Вранкена («Кавказъ» за 1846 г. № 5).

пенно густѣя, охватывали отрядъ съ трехъ сторонъ: рядъ разноцвѣтныхъ непріятельскихъ значковъ выставился по гребню небольшаго бугра, шагахъ въ 30 отъ фронта стрѣлковой цѣпи; непріятель открылъ сильный огонь. «*Вся масса горцевъ обрушилась на 4 роты Апшеронцевъ, но храбрыя войска эти, воодушевляемыя примѣромъ мужества начальствовавшаго ими капитана Вранкена, не оставившаго бой, не смотря на 3 сильныя контузіи въ грудь и руку, непоколебимо выдержали жестокій напоръ изступленныхъ мюридовъ. Къ чести и славѣ русскихъ войскъ ни одинъ солдатъ не подался назадъ*»[6]. Огонь съ обѣихъ сторонъ до того усилился, что тысячи выстрѣловъ сливались въ одинъ общій неумолкающій гулъ. Въ это время подоспѣли 3 роты Житомірскаго полка; едва вошли они въ сферу огня, какъ командиръ ихъ, подполковникъ Кіандеръ, палъ пораженный тремя пулями. Генералъ Пассекъ расположилъ прибывшія роты на лѣвомъ флангѣ Апшеронцевъ, а два единорога выдвинулъ на позицію и приказалъ открыть картечный огонь по густымъ толпамъ непріятеля. Чтобы сберечь людей и дать имъ хотя какой нибудь отдыхъ, Діомидъ Васильевичъ приказалъ всѣмъ частямъ, кромѣ стрѣлковыхъ цѣпей, прилечь. «Наступила грозная минута», пишетъ Вранкенъ: русскій отрядъ былъ окруженъ почти въ 30 разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Жители усѣяли всѣ окрестныя высоты и готовились, при первомъ нашемъ шагѣ назадъ, присоединиться къ мюридамъ. Кромѣ того, отрядъ начиналъ уже чувствовать недостатокъ въ патронахъ, а еще болѣе въ артиллерійскихъ снарядахъ; при двухъ орудіяхъ оставалось только два номера, роты также потеряли много людей, но раненыхъ не выносили, чтобы избѣжать замѣшательства и не ослаблять фронта. Раненые офицеры не оставляли своихъ частей. Всѣ понимали, что надо умереть и желали только умереть съ честью. Но герой Пассекъ не терялъ надежды побѣдить. Не слѣзая съ коня, онъ весело объѣхалъ фронтъ и приблизясь къ казакамъ спросилъ ихъ, могутъ ли они сдѣлать еще разъ атаку. «Почему нѣтъ, ваше превосходительство», былъ короткій отвѣтъ молодцовъ. Тогда Пассекъ приказалъ построить казаковъ въ лаву, сотня за сотней, выдвинуть ихъ на лѣвый флангъ пѣхоты, и по данному сигналу ударить вмѣстѣ съ нею. Чтобы подготовить атаку, перевезли одно орудіе съ праваго фланга на лѣвый, гдѣ толпы мюридовъ были и многочисленнѣе и отважнѣе. Штабсъ-капитанъ Лагода исполнилъ это превосходно: пользуясь густою и высокою пшеницею, онъ перекатилъ единорогъ подъ самыми дулами непріятельскихъ ружей, поставилъ его не далѣе 10 шаговъ отъ нихъ, рядомъ съ цѣпью 6-й мушкетерской роты Апшеронцевъ и брызнулъ картечью вдоль значковъ. Два выстрѣла картечью въ упоръ поколебали значки; нѣкоторые знаменщики стали сниматься съ позиціи. Видя это, генералъ-маіоръ Пассекъ не далъ непріятелю опомниться: «*Ребята*, воскликнулъ онъ: — *татарва бѣжитъ! Кто Апшеронецъ — за мной! Ура!*». Солдаты, увѣренные, что непріятель дѣйствительно обратился въ бѣгство, легко поднялись и бросились въ штыки, а Донцы ударили въ пики плечо-о-плечо съ Апшеронцами. Передніе мюриды дѣйствительно начали колебаться, но на нихъ напирали заднія толпы, которымъ штыки и даже картечь не могли много вредить. Произошла ужасная свалка: пѣхота, казаки и мюриды перемѣшались и составили одну волнующуюся массу. Крики «ура!» сливались съ предсмертною пѣснею горцевъ; штыки, пики, шашки, кинжалы и даже значки служили оружіемъ. Пассекъ своею рукою изрубилъ двухъ мюридовъ; солдаты не хотѣли отставать отъ своего начальника. Такая рѣзня не могла быть продолжительною: главная масса горцевъ начала отступать сперва медленно, а потомъ обратилась въ бѣгство. Тогда преслѣдованіе обратилось въ травлю: ожесточенные солдаты гнали и кололи мюридовъ, казаки давили

---

[6]) Донесеніе генерала Лидерса № 424. Дѣло № 6. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

мюридовъ конями и втоптали ихъ въ Кака-Шуру. Наконецъ, генералъ Пассекъ приказалъ ударить отбой; штурмовать большое селеніе, обороняемое артиллеріей и доведенными до отчаянія мюридами, было бы безразсудно. «Но мнѣ, — пишетъ Вранкенъ, не суждено было видѣть окончанія этого славнаго боя: четвертая и послѣдняя рана въ голову выбила меня изъ строя. Почти безъ чувствъ лежалъ я рядомъ съ капитаномъ Павловымъ, которому пуля перебила ногу. Къ намъ подъѣхалъ нашъ юный герой. «Радуйся другъ мой» сказалъ онъ, считая меня мертвымъ, мы отомстили за смерть твою: знамя даргинскаго народа, 20 значковъ и нѣсколько сотъ тѣлъ послужатъ тебѣ надгробнымъ памятникомъ»! И лицо его сіяло радостію, потому что онъ любилъ славу выше всего въ мірѣ, онъ считалъ ее достояніемъ родины, для которой каждый воинъ жертвуетъ жизнью. Онъ снова сѣлъ на коня, конь хромалъ отъ ранъ, шашка была покрыта кровью, но самъ герой Пассекъ оставался невредимымъ. И я подумалъ, что Провидѣніе бережетъ его для славы и пользы Россіи» [7]. Жители ближайшихъ селеній, наблюдавшіе за ходомъ боя съ высотъ, поспѣшили поздравить Пассека съ побѣдой и извинялись, что не успѣли подкрѣпить во время... «Я ненуждался въ вашей помощи», — сухо отвѣтилъ имъ генералъ: но не могу не поздравить васъ въ свою очередь съ тѣмъ, что вы не присоединились къ мюридамъ».

Наша потеря въ этомъ замѣчательномъ бою заключалась: въ 1 штабъ-офицерѣ, 1 оберъ-офицерѣ, 25-ти нижнихъ чинахъ и 9-ти казакахъ убитыми, ранено 6 оберъ-офицеровъ, 104 нижнихъ чина и 39 казаковъ; собственно Апшеронцы потеряли убитыми 17 нижнихъ чиновъ; *ранены капитаны Вранкенъ и Павловъ, штабсъ-капитанъ Щодро, поручикъ Вержиковскій* и 91 нижній чинъ [8].

Непріятель, котораго было около 27.000 человѣкъ, потерялъ одними убитыми, оставленными на полѣ сраженія, болѣе 250 человѣкъ, 23 значка достались побѣдителямъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, у Кака-Шуры находились скопища: Кибитъ-Магомы, Магомета, кадія акушинскаго, Аслана, кадія цудахаринскаго, Муссы Балаканскаго и другихъ наибовъ. Въ туже ночь непріятель оставилъ Кака-Шуру и бѣжалъ въ горы. Жители этого аула толпами начали переселяться въ покорныя намъ селенія. Ближайшимъ послѣдствіемъ славной побѣды 3-го іюня было успокоеніе Мехтулинскаго и Шамхальскаго владѣній. Акушинцы не только перестали тревожить наши границы, но даже оставили безъ защиты и свои собственныя. Они до того упали духомъ, что не дали обѣщанной помощи бывшему Султану Элисуйскому, котораго, спустя 4 дня, разбилъ на голову генералъ Шварцъ. «Вліяніе, произведенное этимъ пораженіемъ», пишетъ въ своемъ донесеніи генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ, «такъ велико и отступленіе горцевъ съ поля сраженія такъ быстро, что двинувшись тотчасъ вслѣдъ за ними съ цѣлымъ отрядомъ, я, по всей вѣроятности, могъ-бы вторгнуться и покорить безъ сопротивленія Акушу».

Государь Императоръ Николай 1-й, по прочтеніи донесенія о побѣдѣ при Кака-Шурѣ надъ горцами, «*принялъ извѣстіе это съ особеннымъ удовольствіемъ и Высочайше отозваться изволилъ, что стойкость, отличное мужество и похвальное соревнованіе войскъ отдѣльнаго Кавказскаго и 5-го корпусовъ въ этомъ блистательномъ дѣлѣ участвовавшихъ, вполнѣ оправдали ожиданія Его Величества*» [9]. Но при этомъ Государь Императоръ изъявилъ сожалѣніе, что нельзя было воспользоваться нравственнымъ впечатлѣніемъ одержанной надъ горцами побѣды, ибо движеніемъ въ Акушу, исполненнымъ быстро и рѣшительно, можно было, какъ

---

7) Воспоминанія капитана Вранкена. «Кавказъ» за 1846 г. № 5.

8) Дѣло № 6. Донесеніе корпусному командиру генерала-отъ-инфантеріи Лидерса № 424.

9) Отношеніе Военнаго Министра, Князя Чернышева, къ командиру Кавказскаго корпуса № 5562. Дѣло № 6. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

доносилъ самъ генералъ Лидерсъ, покорить эту область безъ сопротивленія и тѣмъ достигнуть цѣли въ первомъ періодѣ предположенныхъ военныхъ дѣйствій [10].

Государь Императоръ пожаловалъ Апшеронскому полку всѣ отбитые у горцевъ значки и знамя Кибитъ-Магомы и приказалъ хранить ихъ въ полковой церкви [11].

Государь повелѣлъ выдать по 1 руб. на человѣка и, кромѣ представленныхъ нижнихъ чиновъ, пожаловалъ еще по 6-ти крестовъ на роту.

Между тѣмъ, войска Дагестанскаго отряда приготовлялись къ усиленной рекогносцировкѣ, для оказанія содѣйствія Чеченскому отряду при овладѣніи имъ Хубарскими высотами. Это содѣйствіе должно было заключаться въ томъ, что Дагестанскій отрядъ, двинувшись къ Ахатлинской переправѣ на Койсу, устроивалъ мостъ черезъ эту рѣку и переходилъ на лѣвый берегъ, чѣмъ отвлекалась часть скопищъ Шамиля.

Апшеронцы не принимали участія въ этомъ движеніи, оставаясь на позиціяхъ у Дургели и у Дженгутая. Выступивъ изъ Шуры 10-го іюня, Дагестанскій отрядъ переправился черезъ Койсу и 13-го іюня подошелъ къ Ибрагимъ-Дада; 15-го числа Дагестанскій и Чеченскій отряды соединились. Въ это время Шамиль находился на позиціи у Буртуная. На другой день назначалась атака непріятеля, для чего предварительно отправлена была въ обходъ отдѣльная колонна; но Шамиль не принялъ боя и, въ виду нашихъ войскъ, толпы горцевъ, подъ звуки туземной музыки, отступили.

Дагестанскій отрядъ направился обратно въ Шуру. Въ половинѣ іюня постройка укрѣпленія въ Шурѣ приходила уже къ концу. Новый крѣпостной валъ имѣлъ 1.000 саженъ длины, со рвомъ въ 8 футовъ глубины и 3 сажени ширины. Постройка Низоваго укрѣпленія была также окончена; слѣдовательно, являлась возможность приступить къ экспедиціи въ Акуши.

Во второй половинѣ іюня авангардъ Дагестанскаго отряда, подъ командою генералъ-маіора Пассека, находился въ слѣдующемъ расположеніи: баталіонъ Житомірскаго полка и 4 горныхъ орудія стояли въ Дженгутаѣ; двѣ роты — близь Дургели; 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго полка, 4 горныхъ орудія, 4 сотни Донскаго № 38 полка и аварская милиція расположены были лагеремъ между Гилли и Кака-Шурою. 20-го числа главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-маіора Клугенау, выступили изъ Темиръ-Ханъ-Шуры; въ составъ ихъ вошло: 7 1/2 баталіоновъ пѣхоты, рота саперъ, рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 12 легкихъ и 6 горныхъ орудій, 7 1/2 сотенъ казаковъ, 2 сотни Грузинской конной милиціи и Дагестанскіе всадники. Отрядъ ночевалъ на позиціи у параульской мельницы. Здѣсь получилось извѣстіе, что акушинцы и цудахаринцы бросили завалы, построенные ими на хребтѣ за Кака-Шурою, и отступили сначала къ высотамъ у аула Урмы, а потомъ оставили ихъ, занявъ новую позицію близь Лавашей. Въ Кадарѣ находился наибъ Нуръ-Магометъ, въ Аркасѣ—наибъ Мусса Балаканскій, а въ Дуренги—Тедро Аймакинскій, и каждый изъ нихъ съ партіей около 300 человѣкъ. Не смотря на то, что непріятельскія партіи находились на флангахъ нашего сообщенія съ Шурой, слѣдованіе отряда въ Акушу продолжалось безпрепятственно, при чемъ генералъ Лидерсъ надѣялся, что движеніе авангарда Пассека на селенія Кулецму и Оглы принудитъ мюридовъ оставить Кадаръ.

21-го іюня авангардъ двинулся двумя колоннами: первая состояла изъ Аварской и Грузинской милицій, а вторая—изъ остальныхъ войскъ. Поднявшись на хребетъ за Кака-Шурой, авангардъ остановился. Главныя силы имѣли ночлегъ у Кака-Шуры. На другой

---

10) Дѣло № 6. Отношеніе Военнаго Министра, Князя Чернышева, къ командиру Кавказскаго корпуса и № 5562. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

11) Дѣло № 35. Отношеніе Военнаго Министра къ командиру Кавказскаго корпуса за № 6555.

день авангардъ двинулся по лѣвому берегу рѣчки Урма-Озень и зажегъ селенія Кулецму, Оглы и Урму, въ наказаніе жителей, бѣжавшихъ въ горы. По приходѣ главныхъ силъ къ рѣчкѣ Урма-Озень, явились старшины изъ Кадара, съ изъявленіемъ покорности. Начальникъ отряда объявилъ имъ, что покорность будетъ принята при непремѣнномъ условіи выдачи главныхъ виновниковъ возмущенія; для обнародованія этого условія отправленъ былъ одинъ изъ прибывшихъ старшинъ, а 5 остальныхъ отосланы въ Шуру. Разъѣзды, высланные отъ авангарда утромъ 23-го іюня, открыли, что позиція передъ Лавашами не занята непріятелемъ, а самъ аулъ оставленъ жителями.

У Лавашей главныя силы соединились съ авангардомъ и расположились на высотахъ, позади Лавашинскаго ущелья. Непріятель, въ значительныхъ силахъ, тянулся по хребту отъ Аймаковъ къ Лавашамъ, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ нашихъ войскъ. Скопище горцевъ состояло изъ конницы и, по сообщеніямъ лазутчиковъ, имъ начальствовалъ самъ Шамиль. Постепенно усиливаясь, скопище въ скоромъ времени достигло до 5.000 человѣкъ. Въ виду того, что войскамъ приходилось идти по ущелью около 3-хъ верстъ, имѣя все время непріятеля на флангѣ, генералъ Лидерсъ усилилъ авангардъ и аріергардъ, составленные изъ опытныхъ кавказскихъ войскъ. Въ главныхъ силахъ слѣдовали всѣ обозы, раздѣленные частями пѣхоты, могущими защищать ихъ, въ случаѣ нападенія. Авангардъ, пройдя дефиле, поднялся на высоты съ правой стороны, занялъ на нихъ позицію и оставался на ней во все время прохожденія главной колонны черезъ дефиле; въ то же время аріергардъ занималъ позицію въ тылу; такимъ образомъ, голова колонны, флангъ и тылъ были совершенно обезпечены. Войска выступили въ 3 часа утра; въ 6 часовъ непріятельская партія стала отступать вдоль по хребту и начала скрываться изъ глазъ, спускаясь по южному скату. Отрядъ безпрепятственно прошелъ ущелье, которое оказалось не занятымъ непріятелемъ. Партія Шамиля успѣла подняться на чоглинскія высоты и скрылась по направленію къ деревнѣ Ходжалъ-Махи. Послѣ привала у Лавашей, отрядъ, сдѣлавшій въ этотъ день до 15 верстъ, перешелъ на позицію между деревнями Кака-Махи и Насъ-Кентомъ и здѣсь ночевалъ. Всюду, куда ни приходили наши войска, они встрѣчали одни только опустѣвшіе аулы и въ наказаніе жителей жгли ихъ жилища и косили пшеницу для лошадей; солдаты разрывали ямы, находившіяся на поляхъ, но въ нихъ находили только самую бѣдную домашнюю утварь. Часто являвшіеся въ лагерь лазутчики доносили, что весь край оставленъ жителями: часть ихъ уведена Шамилемъ, а часть разбѣжалась по окрестнымъ горамъ.

Въ 7 часовъ утра, 25-го іюня, отрядъ снялся съ позиціи и, прикрываясь съ правой стороны двумя баталіонами и Донскимъ казачьимъ полкомъ, двинулся по направленію къ Акушѣ. Орудія и колесный обозъ слѣдовали по дорогѣ, а войска и вьючный обозъ шли стороною, что значительно сокращало время слѣдованія отряда, и онъ засвѣтло прибылъ къ послѣднему хребту горъ, отдѣлявшему его отъ Акуши. Двигаться далѣе въ горы и идти въ труднопроходимое дефиле со всѣми тяжестями, начальникъ отряда нашелъ невозможнымъ. На юго-западной покатости хребта, идущаго по направленію къ Моге, было избрано мѣсто для укрѣпленнаго вагенбурга, куда перенесенъ на другой день и лагерь; 26-го числа приступлено къ устройству укрѣпленія. Съ высотъ, лежащихъ передъ позиціей, виднѣлись два лагеря мюридовъ: одинъ близь аула Уксуми, а другой на чрезвычайно высокомъ хребтѣ, по дорогѣ, ведшей къ Цудахару. Въ тотъ же день генералъ Лидерсъ получилъ донесеніе отъ князя Аргутинскаго, что Самурскій отрядъ, шедшій на соединеніе съ Дагестанскимъ, находится уже въ Кубачахъ. Въ виду этого войскамъ приказано пріостановить работы и быть готовыми къ выступленію на легкѣ, т. е. съ одними только патронными и зарядными вьюками, взявъ съ собою носилки и продовольствіе на 5 дней на людяхъ. Цѣль такого по-

спѣшнаго движенія заключалась въ томъ, чтобы настигнуть и атаковать непріятеля; узкое же горное ущелье позволяло слѣдовать войскамъ только съ самымъ ограниченнымъ обозомъ.

27-го іюня войска еще оставались въ лагерѣ близь Моге, продолжая постройку укрѣпленія для вагенбурга. Хотя сильный дождь затруднялъ работу, тѣмъ не менѣе къ 5-ти часамъ вечера укрѣпленіе было совершенно окончено и въ него свезены артиллерія и летучій паркъ. Въ тотъ день производилась съемка окрестностей селенія Насъ-Кента, гдѣ предполагалось создать сильное укрѣпленіе для удержанія акушинцевъ въ повиновеніи и для сообщенія Кумуха съ Дербентомъ и Темиръ-Ханъ-Шурою.

Утромъ, 28-го іюня, получено было извѣстіе, что князь Аргутинскій, вслѣдствіе проливнаго дождя, утомившаго въ маршѣ солдатъ, сдѣлалъ дневку въ Уркрахѣ. Близость вспомогательнаго отряда позволила генералу Лидерсу сняться съ лагеря и двинуться впередъ для ближайшаго наблюденія за непріятелемъ. Свезя всѣ тяжести въ укрѣпленіе, и оставивъ ихъ подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ Житомірскаго полка, съ 4 орудіями и сотнею казаковъ, отрядъ въ 2 часа пополудни двинулся по узкому горному дефиле, исправивъ предварительно дорогу, промытую во многихъ мѣстахъ дождемъ. Пѣхота съ трудомъ шла по скаламъ, кавалерія и вьюки проходили по одиночкѣ по крутой каменистой дорожкѣ, легкую артиллерію люди стаскивали на рукахъ. Пройдя рѣчку Акушинку, и сдѣлавъ переходъ около 7-ми верстъ, войска остановились на высотѣ, позади аула Акуши. Авангардъ (3-й баталіонъ Апшеронцевъ), подходя къ этой высотѣ, встрѣтилъ непріятельскую партію до 200 человѣкъ; послѣ слабой перестрѣлки, партія отступила. Сильное непріятельское скопище сосредоточилось не хребтѣ, позади Акуши, гдѣ заняло трудно доступную позицію, черезъ которую проходила дорога изъ Акуши въ Цудахаръ. Посты горцевъ расположены были далеко впереди позиціи, но по приближеніи отряда, они отступили. Захваченные въ Акушѣ жители утверждали, что при скопищѣ находился самъ Шамиль.

29-го числа генералъ Лидерсъ предпринялъ усиленную рекогносцировку расположенія горцевъ; она показала, что непріятельская позиція, хотя съ трудомъ, но все таки можетъ быть обойдена; за лучшее признано главную атаку вести съ фронта, потому что войска для атаки могли построиться за утесами послѣдняго гребня, внѣ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ. Горцы устроили вдоль хребта линію заваловъ, имѣвшихъ фланговую оборону, а по своему положенію давали и перекрестный огонь; орудія непріятельскія стояли за амбразурами. Не смотря на всю грозность избранной Шамилемъ позиціи, генералъ Лидерсъ рѣшился атаковать ее, принимая въ соображеніе, что результатомъ пораженія непріятеля явится полная покорность Акуши.

На другой день войска Дагестанскаго отряда, за исключеніемъ авангарда, выступили на высоту, ближайшую къ гребню, занятому непріятелемъ; къ лѣвому флангу пристроился пришедшій наканунѣ Самурскій отрядъ. 1-го іюля назначенъ былъ штурмъ. Въ часъ ночи авангардъ, состоявшій изъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго и баталіона Волынскаго полковъ, 2-хъ горныхъ орудій и линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка генералъ-маіора Пассека, долженъ былъ выступить изъ Акуши, пробраться по горнымъ тропинкамъ и выйти на лѣвый флангъ непріятельской позиціи. Едва пѣхотныя колонны стали подыматься на высоты, какъ Шамиль бросилъ свою позицію и началъ отступать къ Цудахару. Тогда вся кавалерія Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ направилась въ преслѣдованіе скопища; но, къ сожалѣнію, горы, по которымъ поднимались наши войска, имѣя до $1\frac{1}{2}$ версту крутой покатости, замедляли движеніе кавалеріи. Горцы успѣли отступить, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и около 1.000 штукъ барановъ. Оставленіе Шамилемъ такой сильной и хорошо

укрѣпленной позиціи объяснилось тѣмъ, что онъ не имѣлъ надежнаго пути отступленія: въ случаѣ пораженія, скопищу его пришлось бы переходить черезъ глубокій оврагъ, по одной узкой тропинкѣ, шедшей по скату оврага. Отступленіе Шамиля произвело въ Акушѣ благопріятное для насъ впечатлѣніе, показавъ ясно народу слабость непріятеля, отдававшаго въ нашу власть всю позади лежащую страну, и открывшаго свободный путь войскамъ къ Цудахару. Преслѣдуя непріятеля, кавалерія перешла на другую сторону хребта и заняла селеніе Цолохани. На другой день отрядъ двинулся къ Цудахару по двумъ дорогамъ: весь Самурскій отрядъ и часть Дагестанскаго — на Бархали, а авангардъ генерала Пассека по долинѣ рѣчки Акушинки. Шамиль перешелъ со скопищемъ въ Бархали, а 1-го іюля, тѣснимый авангардомъ, началъ быстро отступать, оставивъ до 500 мюридовъ для переселенія жителей въ глубь горъ. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ, бархалинцы возстали противъ мюридовъ, и, напавъ на нихъ, убили до 200 человѣкъ, а нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ; жителей поддержала милиція и казаки. Бѣгство непріятеля было такъ быстро, что онъ не успѣлъ даже уничтожить мостъ черезъ Казикумухское-Койсу. Старшины окружныхъ ауловъ и кадій Цудахара предложили помогать войскамъ преслѣдовать мюридовъ. Наконецъ, у Цудахарскаго моста, по дорогѣ, ведшей въ Салты, войска успѣли догнать непріятеля и завязали съ нимъ сильную перестрѣлку. Милиція шагъ за шагомъ слѣдовала за горцами. Это обстоятельство явилось причиной того, что Шамиль вынужденъ былъ, хотя и съ бою, уступить намъ 3 орудія, изъ коихъ одно было издѣлія Кибитъ-Магомы; взятъ также значекъ Хаджи-Мурата и 20 человѣкъ плѣнныхъ; кромѣ того, мы овладѣли орудіемъ, оставленнымъ безъ лафета въ цудахаринской мечети. Скопище Шамиля преслѣдовали по 2-мъ направленіямъ: вправо за Салты—по этой дорогѣ бѣжалъ Шамиль, и за Кегеръ, куда направился Кибитъ-Магома. Весь правый берегъ Кара-Койсу горцы очистили. Дагестанскій отрядъ остановился на ночлегъ у Цудахара, а Самурскій, пройдя аулъ Кудали. Многіе аулы прислали своихъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности, и генералъ Лидерсъ разрѣшилъ жителямъ возвратиться въ свои дома.

Примѣру акушинцевъ послѣдовали жители аула Улучуръ (Даргинскаго общества) и отложившихся казикумухскихъ ауловъ Кунды и Кира.

Послѣ изгнанія Шамиля изъ Акуши, генералъ Лидерсъ рѣшилъ двинуться въ Аварію, для чего надлежало предварительно овладѣть Карадахскимъ мостомъ. Въ виду того, что новое направленіе отрядовъ измѣняло путь, по которому слѣдовало продовольствіе для войскъ, являлась необходимость проложить новую дорогу черезъ Ирганай и приготовить складъ продовольствія, дабы, по прибытіи войскъ въ Аварію, а оно предполагалось около 7-го или 8-го іюля, открыть сообщеніе съ Чеченскимъ отрядомъ. Вся легкая артиллерія обоихъ отрядовъ и порохъ оставлены въ вагенбургѣ при селеніи Моге, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ.

3-го іюля выступилъ къ Салтинскому мосту 1-й эшелонъ, состоявшій изъ 7-ми баталіоновъ (въ томъ числѣ 3 баталіона Апшеронцевъ), 7-ми горныхъ орудій и всей кавалеріи; 2-й эшелонъ — изъ остальныхъ войскъ выступилъ 4-го числа. Какъ только войска перешли черезъ рѣку Кара-Койсу, то къ генералу Лидерсу явились старшины андаляльскихъ ауловъ: Мурада, Дарада, Харты, Хуны, Тунзыбъ и др. и мехтулинскихъ—Гергебиля и Кикуны, съ изъявленіемъ покорности; жители послѣдняго селенія обязались возвратить 1.000 штукъ барановъ, отбитыхъ ими у казанищинцевъ. Не смотря на весьма быстрое преслѣдованіе Шамиля, отступавшаго къ Карадахскому мосту, отрядъ, прибывъ сюда 4-го іюля, нашелъ мостъ уже совершенно разрушеннымъ. Для сообщенія съ Аваріей необходимо было построить новый мостъ черезъ Аварское Койсу, на противуположномъ берегу котораго

расположился непріятель. Желая раздѣлить силы горцевъ, генералъ Лидерсъ произвелъ рекогносцировку, угрожая переправой въ двухъ мѣстахъ: у разрушеннаго Карадахскаго моста и при селеніи Маали, противъ стараго Гоцатля. Съ 5-го же числа приступлено къ приготовленію фашинъ и туровъ для моста и къ устройству батареи. Войска раздѣлились на двѣ части: начальникъ Самурскаго отряда, генералъ-маіоръ князь Аргутинскій, съ 5-ю баталіонами, двумя ротами Кавказскаго сапернаго баталіона, пѣшей милиціей, 6-ю горными орудіями и всей кавалеріей, направился къ селенію Маали, расположенному въ 5-ти верстахъ отъ Карадахскаго моста; а генералъ-маіоръ Клугенау съ 6-ю баталіонами (3 баталіона Апшеронскаго, 2 Подольскаго и 1 Житомірскаго полковъ), ротой 5-го сапернаго баталіона, ротой Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, пѣшей Грузинской милиціей, 10-ю горными орудіями, казаками и съ Дагестанской милиціей долженъ былъ устроить переправу у разрушеннаго моста. Съ разсвѣтомъ 6-го числа, предположено наводить мостъ и форсировать переправу. Изъ остальныхъ войскъ Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ часть осталась для прикрытія вагенбурга, а другая часть расположилась по дорогѣ отъ селенія Силя до Карадахской переправы, чтобы совершенно обезпечить путь отступленія, въ случаѣ, если необходимость заставитъ насъ отступить отъ Аварскаго Койсу. Большія толпы горцевъ, занимавшія противуположный берегъ Койсу, постепенно усиливались прибывающими партіями и располагались противъ обоихъ пунктовъ, гдѣ предполагалось устроить переправы. Большая партія заняла позицію противъ нашего лѣваго фланга въ курдинскомъ ущельи. Въ скопищѣ Шамиля находились: аварцы, гумбетовцы, андійцы и чеченцы; въ партіи на лѣвомъ флангѣ — куядинцы, хидатлинцы и тилитлинцы. Кибитъ-Магома ожидался на усиленіе послѣдней партіи. Устройство преправы при такихъ условіяхъ являлось весьма затруднительнымъ, и даже въ случаѣ успѣха, повлекло бы за собою большую потерю. По мнѣнію генерала Лидерса, переходъ черезъ Койсу могъ имѣть только моральное вліяніе на умы горцевъ, а не утвержденіе въ краѣ нашего владычества, тѣмъ болѣе, что мы на этотъ разъ совсѣмъ не имѣли въ виду удерживать за собою, Аварію; наконецъ, форсированіе сильно защищенной переправы, неизбѣжно повлекло бы за собой большое число раненыхъ, могущихъ связать отрядъ въ предстоявшихъ ему движеніяхъ [12]). Поэтому Лидерсъ рѣшилъ не переходить черезъ Аварское-Койсу; кромѣ того, явились еще два обстоятельства, представлявшихъ серьезныя препятствія для наступательнаго движенія: 1) недостатокъ провіанта и снарядовъ и 2) необходимость упрочить наше владычество въ только что занятомъ краѣ. Форсировать переправу можно еще было при своевременномъ содѣйствіи Чеченскаго отряда со стороны Зырянъ; но это содѣйствіе опоздало. Передовая часть отряда генерала Гурко пришла въ Бурундукъ-Кале только 7-го іюля. 8-го числа Чеченскій отрядъ двинулся къ Ирганаю и, подойдя къ этому аулу, нашелъ его совершенно разрушеннымъ; здѣсь отрядъ встрѣтилъ непріятеля, завязавшаго съ нимъ перестрѣлку; но вскорѣ горцы отступили. На другой день Гурко произвелъ рекогносцировку аула Зырянъ, который оказался сильно укрѣпленнымъ. Это обстоятельство заставляло предполагать, что, по всей вѣроятности, Карадахскій мостъ еще не занятъ Дагестанскимъ отрядомъ. Простоявъ цѣлый день у Ирганая, въ ожиданіи извѣстій изъ отряда Лидерса, и получивъ, наконецъ, предписаніе послѣдняго объ отступленіи Дагестанскаго отряда отъ Карадахскаго моста, генералъ Гурко, 11-го іюля, предпринялъ обратное движеніе въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Между тѣмъ, генералъ Лидерсъ, отказавшись отъ переправы, 8-го іюля двинулся черезъ Салтинскій мостъ къ Гергебилю. Предварительно онъ отправилъ кавалерію, за исключеніемъ Грузинской конной милиціи, черезъ Салтинскій мостъ

[12]) Дѣло № 7. Донесеніе генерала Лидерса командиру Кавказскаго корпуса. № 68. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

въ Гергебиль; туда же направлены были изъ селенія Силя и отъ Мурадинской переправы по баталіону пѣхоты, съ 2-мя горными единорогами. Благодаря такимъ распоряженіямъ, непріятель не могъ помѣшать намъ занять Гергебиль. Ожидая, что горцы непремѣнно выйдутъ изъ Карадахскаго ущелья и переправятся черезъ Аварское Койсу для преслѣдованія отряда, генералъ Лидерсъ рѣшился завлечь непріятеля, а потомъ быстрой и внезапной атакой разбить его на голову. Ночью, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ Житомірскаго и 1-го баталіона Подольскаго полковъ, отправлены были къ Салтинскому мосту всѣ вьюки и тяжести. Вслѣдъ за вьюками выступили войска Самурскаго отряда, слѣдовавшія отъ Маалійской переправы; пропустивъ ихъ, двинулась колонна генерала Клугенау; она состояла изъ 3-хъ баталіоновъ Апшеронскаго, 2-хъ баталіоновъ Подольскаго и баталіона Минскаго полковъ, при 6-ти горныхъ орудіяхъ, одной пѣшей и одной конной сотнѣ Грузинской милиціи. Апшеронцы, баталіонъ Минскаго полка и 4 горныхъ орудія № 2-й батареи 19-й артиллерійской бригады составляли аріергардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пассека. Аріергардъ снялся съ позиціи у моста уже на разсвѣтѣ, и двигался эшелонами, каждый изъ двухъ баталіоновъ при двухъ орудіяхъ, а при послѣднемъ, состоявшемъ изъ 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронцевъ, находилось 8-мь крѣпостныхъ ружей и Грузинская милиція. Когда аріергардъ началъ втягиваться въ ущелье, то непріятель атаковалъ послѣдній эшелонъ. Генералъ Пассекъ принужденъ былъ два раза останавливать Апшеронскіе баталіоны и штыками отражать назойливо нападавшихъ мюридовъ. Послѣднюю атаку Апшеронцы произвели такъ стремительно, что захватили до 40 непріятельскихъ тѣлъ и взяли два значка. Въ тоже время двѣ роты Минскаго полка, занимавшія отдѣльную высоту, отбивали натиски непріятеля на лѣвый флангъ. Потерпѣвъ большой уронъ въ послѣдней атакѣ, непріятель сталъ осторожнѣе, и хотя не прекратилъ преслѣдованія, однако, несмотря на усиленіе нѣсколькими прибывшими партіями, не осмѣливался уже близко подходить къ аріергарду. Когда послѣдній взошелъ на вершину Мурадинскаго перевала, гдѣ уже собрался весь отрядъ, то Апшеронцы выдержавшіе на своихъ плечахъ всю тяжесть преслѣдованія, нанеся при этомъ горцамъ чувствительный уронъ и взявъ съ боя два значка, «*прошли въ интервалы баталіоновъ, рукоплескавшихъ храбрецамъ*» [13].

Чтобы прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе горцевъ, войска выстроились въ слѣдующемъ порядкѣ: на высотахъ, командующихъ ущельемъ, съ правой стороны, сталъ баталіонъ при 2-хъ горныхъ орудіяхъ; въ центрѣ одинъ баталіонъ съ 2-я орудіями, а съ лѣвой стороны — баталіонъ князя Варшавскаго полка, имѣя въ резервѣ баталіонъ Подольскаго полка. Непріятель, видя, что на правомъ флангѣ нашемъ онъ подвергается дѣйствію сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня съ высотъ, овладѣніе которыми было невозможно для него, обратилъ все вниманіе на лѣвый флангъ, желая прорвать въ этомъ мѣстѣ нашу позицію. Однако, всѣ усилія горцевъ окончились полной неудачей: послѣ двухъ часоваго боя, понеся значительный уронъ, непріятель отступилъ. Генералъ Лидерсъ не приказалъ преслѣдовать горцевъ, желая дать утомленнымъ войскамъ отдыхъ. Послѣ двухъ-часоваго привала отрядъ продолжалъ движеніе къ Салтинскому мосту.

Наша потеря заключалась въ 11-ти убитыхъ нижнихъ чинахъ, ранено 5 оберъ-офицеровъ и 48 нижнихъ чиновъ; въ Апшеронскихъ баталіонахъ *убито нижнихъ чиновъ 7, ранены поручикъ Еленскій и 16 нижнихъ чиновъ* [14]. Донося объ этомъ дѣлѣ, генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ съ особенной похвалой отзывается о командирѣ Апшеронскаго

---

[13]) Донесеніе генерала Лидерса. № 482. Дѣло № 7. Секретное отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[14]) Тамъ же.

полка, генералъ-маіоръ Пассекъ, «который нанесъ первые и такіе чувствительные удары непріятелю, осмѣлившемуся насъ преслѣдовать» [15]. Для Апшеронцевъ Лидерсъ ходатайствовалъ бо́льшее число знаковъ отличія военнаго ордена, именно: въ первый баталіонъ по 2, а во 2-й и 3-й по 4 въ каждую роту.

Не доходя Гергебиля, войска раздѣлились: Самурскій отрядъ направился на Чохскія высоты, Дагестанскій занялъ позицію у селенія Аймаки, а авангардъ его, изъ 3-хъ баталіоновъ Апшеронцевъ, баталіона Волынскаго полка, 6-ти горныхъ единороговъ, сотни пѣшей и сотни конной Грузинской милиціи, подъ начальствомъ Пассека, расположился у Гергебиля; ему поручено было наблюденіе за тремя мостами на Койсу и за ущельемъ, ведущимъ къ Салтинской переправѣ.

По показаніямъ лазутчиковъ, партія Шамиля потянулась къ Зырянамъ, гдѣ имѣла дѣло съ отрядомъ генерала Гурко.

По приходѣ въ Гергебиль, Пассекъ расположилъ свой отрядъ въ гергебильскихъ садахъ; днемъ каждый изъ мостовъ охранялся взводомъ пѣхоты, по егерскому расчету, а ночью съ той-же цѣлью высылался цѣлый баталіонъ, располагавшійся на лѣвомъ берегу рѣки Казикумухскаго Койсу. На случай прибытія къ Гергебилю Шамиля со всѣми его скопищами, генералъ Пассекъ принялъ слѣдующія мѣры: 1) перевелъ всѣ войска на правый берегъ Казикумухскаго Койсу; снялъ доски съ мостовъ на Кара Койсу, но удержалъ за собою Гергебильскій мостъ; 2) занялъ частью войскъ самый аулъ, что обезпечивало отрядъ водою, кромѣ того занятіе Гергебиля отдавало въ нашу власть выходъ изъ Аймакинскаго ущелья; 3) приказалъ вырубить деревья впереди позиціи до оврага и рѣки Казикумухскаго Койсу, чѣмъ достигалось свободное передвиженіе войскъ въ тѣ пункты, которымъ могла угрожать опасность, у артиллеріи былъ большой обстрѣлъ и непріятель не могъ скрытно приблизиться къ расположенію отряда.

Жители Гергебиля, несмотря на увѣщанія Пассека, отказались возвратиться въ свои дома; они бродили по горнымъ трущобамъ и ущельямъ и отвѣтили Пассеку, что «ненаходятъ надобности возвращаться теперь въ свое селеніе и надѣются, что самъ Шамиль прійдетъ съ войсками въ Гергебиль и прогонитъ Русскихъ» [16].

14-го іюля генералъ Пассекъ получилъ извѣстіе, что Шамиль собирается со всѣми своими силами напасть на Гергебиль. Дѣйствительно, того-же числа скопища горцевъ показались на высотахъ у аула Кикуны, однако Шамиль нападенія не произвелъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, имамъ, разсмотрѣвъ расположеніе нашихъ войскъ въ Гергебилѣ, и считая свое скопище не достаточно сильнымъ, не рѣшился атаковать ихъ; онъ оставилъ на окрестныхъ высотахъ наблюдательные посты, а скопище свое распустилъ [17].

Наступившія жары и сильное утомленіе войскъ отъ трудныхъ переходовъ въ горахъ, заставило командира Кавказскаго корпуса, генерала Нейдгарта, впредь до возобновленія главныхъ наступательныхъ дѣйствій, дать на нѣкоторое время отдыхъ войскамъ дѣйствующихъ отрядовъ. Въ половинѣ іюля, сосредоточенныя въ Дагестанѣ войска размѣстились слѣдующимъ образомъ: изъ Чеченскаго отряда въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для содержанія карауловъ, для печенія сухарей и въ видѣ подвижнаго резерва, стояли два баталіона, при двухъ горныхъ орудіяхъ; кромѣ того здѣсь же находились всѣ пѣшія и три конныя сотни Грузинской милиціи; въ урочищѣ Агачъ-Кале, съ цѣлью заготовленія матеріаловъ для Евгеніевскаго укрѣпленія, — два баталіона, при двухъ орудіяхъ; на Эрпелинскихъ высотахъ,

---

[15]) Донесеніе генерала Лидерса № 482. Дѣло № 7. Секретное отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[16]) Дѣло № 7. Секретное отдѣленіе. Рапортъ генерала Пассека № 142.
[17]) Тамъ же.

для наблюденія за дорогами, ведущими въ земли Койсубулинскаго общества, — два баталіона, при двухъ орудіяхъ. Собственно же Дагестанскій отрядъ находился въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для прикрытія Шамхальскихъ владѣній и для поддержанія сообщенія съ отрядомъ, стоявшимъ въ Гергебилѣ, 4 баталіона (въ томъ числѣ 4-й и 5-й Апшеронскаго полка), рота саперъ, 3 сотни казаковъ и 2 орудія; въ окрестностяхъ ауловъ Аймаки и Гергебиля, для работъ по возведенію укрѣпленія, обезпеченія переправы черезъ рѣки Казикумухское и Кара-Койсу, а также для прикрытія Средняго Дагестана, находилось 11 баталіоновъ пѣхоты, (въ томъ числѣ у Гергебиля 3 баталіона Апшеронцевъ), рота стрѣлковъ, рота саперъ, 5 1/2 сотенъ казаковъ, 4 горныхъ и 4 легкихъ орудія.

Самурскій отрядъ расположился на Турчидагѣ; отсюда онъ прикрывалъ Казикумухъ и вновь покорившіяся общества Даргинское и Сюргинское.

Между тѣмъ, наступило время для экспедиціи въ долину Андійскаго Койсу. Но эта часть предположеній не могла быть исполнена. Начальникъ Чеченскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Гурко, донесъ корпусному командиру, что движеніе въ Андію онъ можетъ предпринять, имѣя въ своемъ распоряженіи не менѣе 20-ти баталіоновъ пѣхоты, 7-ми сотенъ казаковъ и транспортъ въ 2.097 вьючныхъ лошадей; при такихъ условіяхъ Гурко ручался за успѣхъ [18].

Но генералъ-отъ-инфантеріи Нейдгардъ не въ состояніи былъ собрать такого количества войскъ: пѣхоты имѣлось только 16-ть баталіоновъ, казаковъ худоконныхъ 5-ть сотенъ, а вьючнаго транспорта не набиралось и половины просимаго генераломъ Гурко; поэтому Нейдгартъ отказался отъ движенія въ Андію [19]. Въ замѣнъ того онъ предположилъ ограничиться въ этомъ году: 1) возведеніемъ двухъ, или, покрайней мѣрѣ, одного большаго форта на передовой Чеченской линіи, на одинъ баталіонъ гарнизона и на 2 — 3 баталіона подвижнаго резерва; 2) возведеніемъ укрѣпленія на одинъ баталіонъ гарнизона въ Насъ-Кентѣ, на сообщеніи Кумуха съ Темиръ-Ханъ-Шурою; 3) довершеніемъ начатыхъ работъ въ Петровскомъ укрѣпленіи (бывшемъ Низовомъ, нынѣ городъ Петровскъ) и тетъ-де-пона черезъ рѣку Сулакъ у Чиркея; 4) устройствомъ Сулакской линіи отъ Ахатлинской переправы до Кази-юрта и 5) улучшеніемъ обороны Темиръ-Ханъ-Шуры, и окончаніемъ укрѣпленія въ Чирахѣ [20].

По прочтеніи донесенія командира Кавказскаго корпуса «Государь Императоръ съ прискорбіемъ усмотрѣть изволилъ, что главнѣйшія Высочайшія предначертанія остались не исполненными. Но съ другой стороны, имѣя въ виду, что теперь уже поздно измѣнять предположенія, коими ограничился генералъ-отъ-инфантеріи Нейдгартъ, Его Величество вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность корпуснаго командира, дабы по крайней мѣрѣ эти предпріятія были совершены въ истекшемъ году, минуя всѣ затрудненія» [21].

Съ 16-го по 24-е іюля войска Дагестанскаго отряда оставались на своихъ позиціяхъ, т. е. на Аймакинскихъ высотахъ и въ Гергебилѣ. Они занимались разработкой дороги отъ Гергебиля по Аймакинскому ущелью и далѣе по направленію къ Оглы. Доставка провіанта, пополненіе израсходованныхъ патроновъ, возвращеніе въ Темиръ-Ханъ-Шуру 16-ти патронныхъ ящиковъ, оставшихся въ вагенбургѣ, отправленіе больныхъ — составляли необходимыя частныя передвиженія, подъ прикрытіемъ небольшихъ колоннъ.

[18]) Дѣло № 7. Донесеніе генерала Гурко № 43. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[19]) Тамъ же. Отношеніе генерала Нейдгарта Военному Министру № 100.
[20]) Тамъ же. Донесеніе корпуснаго командира № 160.
[21]) Отзывъ Военнаго Министра № 478.

18-го іюля, для смѣны частей Чеченскаго отряда, изъ Дагестанскаго отряда, отправлены въ Темиръ-Ханъ-Шуру 4-е баталіона и 6 орудій.

Новый характеръ военныхъ операцій, о сущности которыхъ было изложено выше, дѣлалъ пребываніе отряда въ Гергебилѣ и на Аймакинскихъ высотахъ безполезнымъ; на Дагестанскій отрядъ возлагалось устройство передовой Сулакской линіи (если положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ позволитъ отдѣлить на Сулакъ часть войскъ), продолженіе работъ въ Петровскомъ и Евгеніевскомъ укрѣпленіяхъ, а также возведеніе укрѣпленія при селеніи Насъ-Кентѣ. Вслѣдствіе этого войска распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 5 баталіоновъ и рота саперъ, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, отправлены къ Чиркею; въ Петровскомъ укрѣпленіи, подъ начальствомъ генерала Нильсена, находилось 2 баталіона, 2 орудія и команда казаковъ въ 25 человѣкъ; въ урочищѣ Аркасѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Потопчина — 5 баталіоновъ, 8 орудій и 3 сотни казаковъ; въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, подъ начальствомъ командующаго войсками въ Сѣверномъ Нагорномъ Дагестанѣ генерала Клугенау, весь Апшеронскій полкъ, 8 орудій, 4 сотни казаковъ и часть Дагестанской милиціи; въ Султанъ-Янги-Юртѣ—баталіонъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ и 60 человѣкъ милиціи, подъ начальствомъ Апшеронскаго полка полковника Евдокимова. Послѣдніе два отряда получили названіе летучихъ.

Когда вопросъ объ оставленіи Гергебиля рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ, то командиръ Кавказскаго корпуса предписалъ генералъ-маіору Пассеку разорить аулъ до основанія и затѣмъ отступить. Генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ приказалъ войскамъ, стоявшимъ у аула Аймаки, подняться на Аймакинскія высоты, съ цѣлью облегчить отступленіе Пассеку отъ Гергебиля. Вечеромъ, съ 22-го на 23 іюля, не приступая еще къ сожженію Гергебиля, генералъ Пассекъ вызвалъ въ лагерь немногихъ преданныхъ намъ гергебильцевъ и объявилъ о переселеніи ихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ жизнь ихъ будетъ обезпечена, и гдѣ они получатъ вознагражденіе за понесенные убытки. Вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ баталіоновъ Апшеронскаго полка внесъ во внутренность сакель сухія дрова, солому и другія горючія вещества. Когда совершенно стемнѣло, то сняли палатки; всѣ вьюки, тяжести, больные и часть зарядовъ отправлены впередъ. Гергебиль зажгли въ 12 часовъ ночи, и скоро пожаръ охватилъ все селеніе. Въ 5 $^1/_2$ часовъ утра, когда авангардъ отряда втянулся уже въ Аймакинское ущелье, Гергебиль еще горѣлъ, а непріятель не показывался ни для тушенія пожара, ни для преслѣдованія нашихъ войскъ. Въ 9 часовъ утра отрядъ генерала Пассека присоединился на Аймакинскихъ высотахъ къ главнымъ силамъ. Съ разсвѣтомъ 24 числа, наши войска выступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда и прибыли на другой день [22]). Небольшія партіи мюридовъ постоянно бродили въ окрестностяхъ Темиръ-Ханъ-Шуры и нападали на одиночныхъ людей, небольшія команды и табуны лошадей. Обыкновенно хищники выступали на свои предпріятія ночью, днемъ же прятались въ глубокихъ оврагахъ и въ лѣсу. Чтобы прекратить грабежи и разбои горцевъ, генералъ-маіоръ Клугенау приказалъ сформировать команду изъ 100 человѣкъ Апшеронцевъ, подъ начальствомъ двухъ офицеровъ. Охотники зорко сторожили окрестности и успѣли убить нѣсколько человѣкъ мюридовъ [23]). Въ это время Шамиль, по полученнымъ отъ лазутчиковъ извѣстіямъ, попрежнему дѣятельно занимался переселеніемъ жителей въ глубь горъ. Такія переселенія, оголяя совершенно страну, давали себя чувствовать при наступательныхъ движеніяхъ нашихъ войскъ. Однако, подобная система не могла дать Шамилю плодотворныхъ результатовъ: скудность природы въ горахъ и отсутствіе средствъ къ существованію заставляли переселявшихся жи-

[22]) Дѣло № 6 Секретнаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[23]) Дѣло № 66 Пох. отд.

телей, несмотря на фанатизмъ и страхъ, внушаемый Шамилемъ, возвращаться въ свои аулы и покоряться Русскому Правительству.

До конца августа не предпринималось никакихъ военныхъ дѣйствій. Въ половинѣ августа, согласно распоряженію командира Кавказскаго корпуса, образованъ летучій отрядъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка генералъ-маіора Пассека, для дѣйствій въ Салатавіи; въ составъ его вошли: 1-й, 2-й и 3-й баталіоны, 4-я и 5-я гренадерскія роты Апшеронскаго, баталіонъ Волынскаго, 3 баталіона Житомірскаго, 2 баталіона Люблинскаго полковъ, рота саперъ, рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 8 1/2 сотенъ казаковъ, 1/2 сотни Аварской милиціи и 14 орудій. 26-го августа Апшеронцы выступили изъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры къ Чиркею, гдѣ соединились съ остальными частями отряда. Войска обезпечены были продовольствіемъ на 20 дней. 31-го августа весь отрядъ сосредоточился у Чиркея; 4-я и 5-я гренадерскія роты Апшеронцевъ, рота сапернаго баталіона и рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона составили одинъ сводно-гренадерскій баталіонъ. Лившій все время дождь до того испортилъ дороги въ горахъ, что слѣдовать обозамъ по нимъ не представлялось никакой возможности; это обстоятельство замедлило движеніе отряда Пассека. Наконецъ, благопріятная погода наступила, и въ ночь съ 4-го на 5-е сентября отрядъ двинулся изъ аула Гертме двумя колоннами: 1-я колонна, изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты (1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ), 8 горныхъ орудій и 500 человѣкъ казаковъ, выступила въ 12 часовъ ночи по направленію къ Соукъ-Булаху; обойдя Теренгульскій оврагъ, она вышла противъ горы Цунты къ Огюстъ-тау; вторая колонна, изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты (2-й баталіонъ Апшеронцевъ и сводно-гренадерскій), съ 6-ю легкими орудіями и 2-мя сотнями казаковъ, съ летучимъ паркомъ и со всѣми тяжестями отряда, выступила въ 4 часа утра и шла прямо къ Теренгульской позиціи подъ Буртунаемъ. Непріятель безъ сопротивленія очистилъ Теренгульскій оврагъ. Партія гумбетовцевъ, не болѣе 300 человѣкъ, отступила къ верховью рѣчки Акташъ-Аухъ, а внезапно распространившійся туманъ позволилъ ей избѣгнуть преслѣдованія. Въ то же утро отрядъ расположился лагеремъ у Стараго Буртуная, а генералъ Пассекъ съ конницей дошелъ до Новаго Буртуная. Во все время движенія не произведено было ни одного выстрѣла; конные мюриды бродили въ одиночку. Неожиданное появленіе нашихъ войскъ произвело такую панику среди населенія, что жители думали не о боѣ, а только о собственномъ спасеніи. Занятіе Салатавіи, въ виду предстоявшаго движенія въ Гумбетъ, имѣло весьма важное значеніе: съ покореніемъ этого общества, отрядъ имѣлъ обезпеченный тылъ, дѣйствія получали болѣе рѣшительный и опредѣленный характеръ. Мѣрами для покоренія салатавцевъ генералъ Пассекъ избралъ сначала мирные уговоры, а если это не приведетъ къ удовлетворительнымъ результатамъ, то тогда рѣшилъ прибѣгнуть къ уничтоженію ауловъ. Движеніе къ Буртунаю и Алмакамъ стояло на первой очереди; въ случаѣ, если бы жители вздумали сопротивляться, то отряду надлежало истребить и уничтожить собранные горцами запасы хлѣба и сѣна. При такомъ характерѣ войны, жителямъ оставалось одно изъ двухъ: или изъявить намъ покорность, съ опасеніемъ подвергнуться наказанію Шамиля, или же остаться ему вѣрными, но умереть съ голоду. Пассекъ разсчитывалъ, что чувство голода возьметъ свое, и жители покорятся [24]).

Въ помощь Салатавскому отряду, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи сформированъ былъ особый летучій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ковалевскаго. Летучій отрядъ, войдя въ землю ауховцевъ не допускалъ ихъ оказать помощь салатавцамъ. Когда войска Пассека стояли лагеремъ у Стараго Буртуная, то полковникъ Ковалевскій находился уже при селеніи Акташъ-Аухѣ.

[24]) Дѣло № 66. Донесеніе Пассека № 268. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Въ 2 часа пополудни, 7-го сентября, Салатавскій отрядъ сжегъ Новый Буртунай, и уничтожилъ весь хлѣбъ и сѣно въ окрестностяхъ селенія. При обратномъ движеніи войскъ въ лагерь, непріятель вздумалъ преслѣдовать ихъ, но поплатился за это нѣсколькими убитыми мюридами. Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ и 5 раненыхъ нижнихъ чинахъ. Первый урокъ данный горцамъ, какъ и нужно было ожидать, имѣлъ благопріятныя послѣдствія: 20 семействъ каранаевскихъ и чиркеевскихъ жителей вышли изъ лѣсу и явились въ нашъ лагерь. На другой день пошелъ сильный дождь и сдѣлалось чрезвычайно холодно; но войска стояли въ хорошихъ балаганахъ и были тепло одѣты. Холодъ отзывался только на горцахъ, выгнанныхъ изъ своихъ жилищъ. Пассекъ отправилъ всѣхъ слабыхъ и больныхъ изъ отряда въ Чиркей; 20-ти дневный провіантъ постоянно поддерживался новыми подвозами, а заряды и снаряды пока еще не тратились. Въ то время, когда происходило истребленіе Новаго Буртуная, слышалась сильная канонада въ отрядѣ полковника Ковалевскаго, вслѣдствіе чего Пассекъ рѣшилъ идти къ нему на помощь; но передъ вечеромъ выстрѣлы замолкли, изъ чего можно было заключить, что летучій отрядъ удалился, слѣдовательно, движеніе къ Акташъ-Ауху являлось уже лишнимъ.

Въ полдень, 10-го сентября, генералъ Пассекъ, съ 3-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка и со всею кавалерею, произвелъ движеніе къ Буртунаевскому оврагу, причемъ сожжено все найденное здѣсь сѣно и разрушены завалы въ Теренгульскомъ оврагѣ, на прямой дорогѣ въ Чиркей; они сдѣланы были горцами еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Шамиль занималъ укрѣпленную позицію за этимъ оврагомъ. На другой день, въ 10-ть часовъ вечера, оставивъ часть войскъ для прикрытія лагеря, начальникъ отряда, съ 6-ю баталіонами (1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ), 6-ю горными орудіями и 4-мя сотнями казаковъ двинулся къ мѣсту разореннаго аула Гуни, съ цѣлью истребить собранный тамъ хлѣбъ, сѣно и захватить жителей, скрывавшихся въ ближайшихъ лѣсахъ и хуторахъ. На разсвѣтѣ, при нечаянномъ нападеніи, захвачены одинъ мужчина, 4 женщины съ ихъ дѣтьми. Весь хлѣбъ на поляхъ и частью въ складахъ, а также сѣно сожжены. При возвращеніи отрядъ имѣлъ перестрѣлку съ горцами, привлеченными сюда появленіемъ нашихъ войскъ, во время которой непріятель, потерявъ въ числѣ убитыхъ зубутовскаго старшину Юсуфа, прекратилъ преслѣдованіе. Потеря съ нашей стороны заключалась въ 4-хъ раненыхъ нижнихъ чинахъ. Въ 3 часа пополудни отрядъ возвратился въ лагерь, какъ разъ въ то время, когда конная партія, около 500 человѣкъ, покушалась зажечь сѣно, стоявшее недалеко отъ лагеря. Но отправленные противъ непріятеля два баталіона и казаки, принудили отступить. 14-го сентября, послѣ вечерней зари, генералъ Пассекъ съ 4-я баталіонами (1-й и 2-й Апшеронцевъ), при 4-хъ горныхъ единорогахъ и 500 казакахъ направился къ Зубуту. Достигнувъ за часъ до разсвѣта лѣсистаго спуска, онъ оставилъ передъ лѣсомъ два баталіона съ 2-я орудіями и 3-мя сотнями казаковъ, а самъ съ 2-я баталіонами, 2-я горными единорогами и 2-я сотнями казаковъ спустился въ Зубутъ, истребилъ вновь сдѣланный горцами мостъ, а самое селеніе сжегъ. При обратномъ слѣдованіи, когда войска взбирались на гору, мюриды, укрывавшіеся въ кустахъ и скалахъ близъ селенія, открыли сильный огонь; но такъ какъ вершину подъема горцы не могли занять, удерживаемые частью войскъ оставленною на горѣ, то потеря наша ограничилась однимъ убитымъ казачьимъ офицеромъ и однимъ рядовымъ; ранены лѣкарь и два рядовыхъ.

Чтобы ознакомиться съ мѣстностью при Алмакахъ, а также узнать о силахъ горцевъ, расположенныхъ на Мичикалѣ (верховья рѣки Акташа), генералъ-маіоръ Пассекъ, въ часъ пополудни, 17-го сентября, двинулся съ 5-ю баталіонами (1-й и 2-й Апшеронскаго, два баталіона Житомірскаго и одинъ Люблинскаго полковъ), 6-ю горными орудіями и 3-я сотнями казаковъ за Новый Буртунай. Два баталіона съ двумя орудіями Пассекъ оставилъ съ нагорной

стороны оврага у Буртуная, а Апшеронцевъ перевелъ за оврагъ; здѣсь они заняли гребень, на которомъ лежало селеніе; самъ Пассекъ съ казаками двинулся впередъ къ Алмакамъ, гдѣ находилась сильная партія гумбетовцевъ. Осмотрѣвъ мѣстность, генералъ возвратился къ пѣхотѣ и сдѣлалъ распоряженіе къ отступленію. Только что передній эшелонъ началъ готовиться къ отступленію, какъ большія толпы горцевъ выдвинулись на хребетъ со стороны Гумбета и открыли сильную перестрѣлку; въ тоже время партія изъ Алмаковъ заняла лѣсъ, покрывавшій западный скатъ буртунаевскаго гребня. Отступать при подобныхъ обстоятельствахъ было и опасно, и повлекло бы за собою большія потери; поэтому Пассекъ передвинулъ изъ задняго эшелона на буртунаевскій гребень 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка съ двумя горными единорогами и поставилъ его противъ лѣса, который старалась занять партія, прибывшая изъ Алмаковъ; самъ же онъ съ тремя баталіонами (въ томъ числѣ 2-й Апшеронскій) при двухъ орудіяхъ и съ тремя сотнями казаковъ произвелъ быстрое наступленіе на скопища горцевъ, число которыхъ доходило до 3.000 человѣкъ. Смѣлая и рѣшительная атака заставила непріятеля отступить къ самому спуску на Мичикалъ; выстрѣлы изъ орудій посбивали много значковъ у горцевъ. Оттѣснивъ непріятеля, отрядъ снова началъ отступленіе; но едва пѣхота поровнялась съ лѣсомъ и 1-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, какъ скопища горцевъ, еще съ большей энергіей, устремились на отступавшія войска; непріятель началъ уже тѣснить казаковъ. Тогда Пассекъ остановилъ войска и повелъ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и баталіонъ Житомірскаго полка въ атаку. Когда баталіоны поровнялись съ казаками, то послѣдніе присоединились къ нимъ. Грозное наступленіе двухъ густыхъ колоннъ пѣхоты, заставило горцевъ обратиться въ такое поспѣшное бѣгство, что казаки, утомленные двумя наступленіями, не могли догнать даже пѣшихъ.

Дальнѣйшее отступленіе происходило уже почти безъ выстрѣла. Непріятель понесъ значительный уронъ. У насъ убито 6 нижнихъ чиновъ; ранены 1 оберъ-офицеръ и 14 нижнихъ чиновъ[25]).

Между тѣмъ, до генерала Пассека стали доходить извѣстія объ отступленіи Самурскаго отряда отъ Тилитля къ Чоху (что вскорѣ подтвердилось и оффиціально) и о возвращеніи Чеченскаго отряда на линію.

Значительное скопище изъ различныхъ обществъ сторожило большую дорогу въ Гумбетъ черезъ Мичикалъ, а скопище ауховцевъ и салатавцевъ—дорогу на Дарго, черезъ Алмаки и Зандакъ. Предпринимать что либо противъ непріятеля не имѣло уже никакой цѣли, къ тому же позднее время года дѣлало невозможнымъ наступательныя движенія въ средину горъ. Цѣль дѣйствій Салатавскаго отряда была достигнута: всѣ запасы буртунаевцевъ, гертминцевъ, жителей Гуни, чиркеевцевъ, хубаринцевъ, зубутовцевъ, каранаевцевъ, міатлинцевъ и эрпелинцевъ, переселившихся въ верхнее Салатау, истреблены. Болѣе 100.000 пудовъ сѣна израсходовали войска на продовольствіе лошадей и на устройство балагановъ; болѣе 100.000 пудовъ хлѣба и сѣна сожжено въ копнахъ и стогахъ. Жители, послѣ безплодныхъ переговоровъ съ генераломъ Пассекомъ, большей частью переселены были мюридами въ глубь ауховскихъ и ичкеринскихъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего образовалась обширная пустыня между рѣкою Сулакомъ и границами непріятеля.

Сознавая бѣдственное положеніе салатавцевъ, Шамиль опасался, что они, находясь вблизи нашего отряда, отдадутся подъ защиту его; поэтому онъ удалилъ всѣ семейства жителей въ дальніе лѣса и поставилъ сторожевые пикеты на всѣхъ лѣсныхъ тропинкахъ, ведущихъ въ лагерь отряда. Насколько точно и строго выполняли пикеты приказанія Ша-

---

[25]) Дѣло № 7. Донесеніе генерала Пассека № 365. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

миля видно изъ того, что немногіе изъ бѣжавшихъ жителей не могли вывезти свои семейства, которыя попадались въ руки мюридовъ.

Чтобы избѣжать перестрѣлки, при отступленіи съ буртунаевской позиціи, Пассекъ предпринялъ обратное движеніе наканунѣ байрама, когда у горцевъ начинается постъ. Вечеромъ, 29-го сентября, онъ отправилъ колонну изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, при 4-хъ орудіяхъ и двухъ сотняхъ казаковъ со всѣми тяжестями отряда, паркомъ и больными по большой дорогѣ черезъ Теренгульскій оврагъ; прочія же войска оставались въ лагерѣ до утра, чтобы прикрыть движеніе обозовъ черезъ крутой спускъ и подъемъ. Утромъ два баталіона пѣхоты съ остальными 2-я полевыми орудіями направились вслѣдъ за обозомъ и догнали его на подъемѣ изъ Теренгульскаго оврага; въ лагерѣ остались 5 баталіоновъ, въ томъ числѣ всѣ Апшеронскіе и сводно-гренадерскій. Ночью сдѣлалось очень холодно, а утромъ пошелъ сильный снѣгъ съ мятелью; къ 12-ти часамъ дня, 30-го сентября, выпало снѣгу на четверть аршина, морозъ увеличился до 10°. Послѣ обѣда войска зажгли лагерь и двинулись средней дорогой черезъ Теренгульскій оврагъ, прямо на Чиркей, прикрывая такимъ движеніемъ слѣдованіе обоза со стороны Гумбета. Направленныя на Ибрагимъ-Дада 4 сотни казаковъ приняли больныхъ и обозъ. Къ полудню, 1-го октября, весь Салатавскій отрядъ переправился черезъ рѣку Сулакъ и расположился бивуакомъ около укрѣпленія Евгеніевскаго. Отступленіе произведено было безъ выстрѣла; но морозъ и мятель были настолько сильны, что 7 человѣкъ больныхъ и слабыхъ умерли по дорогѣ. Оставивъ 2 баталіона (3-й Апшеронскій) у Евгеніевска, генералъ Пассекъ съ остальными войсками пошелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда прибылъ вечеромъ, 2-го октября. Экспедиція въ Салатавію стоила отряду: 1-го оберъ-офицера и 8-ми нижнихъ чиновъ убитыми; ранены 2 оберъ-офицера и 25-ть нижнихъ чиновъ; контужены: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера и 12-ть нижнихъ чиновъ [26].

Давъ пришедшимъ войскамъ отдыхъ, командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, приступилъ къ работамъ по возведенію и исправленію различныхъ укрѣпленій. Для этого войска распредѣлены были такимъ образомъ: у Чиркея, пункта весьма важнаго въ военномъ отношеніи, въ особенности послѣ прекращенія дѣйствій въ Салатавіи, находилось 4-е баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ Апшеронскій), при двухъ полевыхъ и одномъ горномъ орудіяхъ; для окончанія работъ въ Петровскомъ укрѣпленіи назначены 2 баталіона при 2-хъ орудіяхъ; для обороны праваго берега рѣки Сулака сформированъ летучій отрядъ изъ 6-ти ротъ пѣхоты (въ числѣ ихъ 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты Апшеронцевъ), 12 1/2 сотенъ казаковъ, при 2-хъ полевыхъ и 1-мъ горномъ орудіяхъ, летучій отрядъ расположенъ былъ въ Султанъ-Янги-Юртѣ. Чтобы прикрыть плоскость со стороны Гимръ и Зубута, 2 баталіона пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ заняли аулы Каранай и Ишкарты; кромѣ того, 1 баталіонъ при 1-мъ орудіи сталъ на зимнія квартиры въ аулѣ Кадарахъ, вблизи котораго существуетъ выходъ изъ горъ въ Мехтулинскія владѣнія. Остальныя войска составляли подвижной резервъ и сосредоточены были въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка стоялъ въ Агачъ-Калѣ; 5-я и 6-я мушкетерскія роты и 4-й и 5-й баталіоны — въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; 3-й баталіонъ въ Чиркеѣ [27].

24-го октября князь Бебутовъ получилъ свѣдѣніе о томъ, что въ Зырянахъ собираются непріятельскія партіи, и немедленно отправилъ изъ Шуры въ Агачъ-Кале еще двѣ роты Апшеронцевъ, при 1-мъ горномъ орудіи, гдѣ, такимъ образомъ, собралось 6-ть ротъ

[26] Тамъ же. Донесеніе генерала Пассека № 402.
[27] Дѣло № 202, 2-е отдѣленіе генеральнаго Штаба.

*

Апшеронскаго полка (весь 1-й баталіонъ) и 5-я и 6-я роты; на другой день въ Кумтеръ-Кале направлена 4-я гренадерская рота, для прикрытія жителей во время полевыхъ работъ, а также для обороны входа въ Кумтеркалинское ущелье. Когда же получилось извѣстіе, что непріятель очистилъ Балаканское ущелье и партіи разошлись по ауламъ, то 5-я и 6-я мушкетерскія роты возвратились въ Шуру. Конецъ 1844 года прошелъ въ Дагестанѣ спокойно; мюриды заняты были устройствомъ заваловъ во всѣхъ горныхъ проходахъ, а мелкія партіи, хотя и производили грабежи и нападенія на команды, но эти нападенія кончались всегда неудачей для нихъ и не имѣли въ общемъ ходѣ дѣлъ никакого значенія.

27-го декабря въ Сулакскій летучій отрядъ, вмѣсто баталіона Волынскаго полка, назначенъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, а командиръ его подполковникъ Познанскій сдѣланъ начальникомъ отряда [28]).

Въ концѣ сентября командиромъ полка, вмѣсто Пассека, назначенъ былъ полковникъ Ковалевскій; онъ вступилъ въ командованіе полкомъ только въ февралѣ 1845 года.

Нелишнимъ считаемъ привести біографическій очеркъ одного изъ славнѣйшихъ командировъ Апшеронскаго полка, генералъ-маіора Пассека. Еще и до сихъ поръ передаются изъ устъ въ уста разсказы изъ времени командованія имъ полкомъ. Съ особенной любовью вспоминаютъ о немъ старые ветераны, рисуя его какъ человѣка въ высшей степени добраго, ласковаго и обходительнаго. Ни одна офицерская пирушка, ни одинъ ротный праздникъ въ полку, не обходились безъ непосредственнаго участія Пассека.

Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, занимающій одно изъ видныхъ мѣстъ между лицами, пользующимися громкою извѣстностью по отличіямъ въ кавказской войнѣ, въ царствованіе Императора Николая I, родился въ 1808 году и воспитывался въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 2-го января 1830 года онъ поступилъ въ институтъ корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія портупей-прапорщикомъ I-го класса, черезъ полгода 22-го іюня, на 22-мъ году отъ рода, произведенъ въ прапорщики, 14-го іюля слѣдующаго года — въ подпоручики, а 9-го іюня 1832 года — въ поручики, съ назначеніемъ въ резервъ того же корпуса и съ оставленіемъ при институтѣ въ должности репетитора. За отлично усердную службу по институту, 25-го іюня слѣдующаго года, Пассеку объявлено Монаршее благоволеніе, а 18-го мая 1834 года онъ Всемилостивѣйше награжденъ единовременною выдачею 600 руб. Съ 21-го мая этого года Пассекъ занимался въ коммисіи, учрежденной для изслѣдованія посредствомъ сондировки грунта и для отысканія камня или гравія для ремонта Московскаго шоссе, а 11-го октября 1834 года переведенъ изъ резерва въ 1-й округъ путей сообщенія. Съ 12-го іюля слѣдующаго года онъ занимался составленіемъ дополненій къ проекту по постройкѣ полубаталіонныхъ лазаретовъ въ №№ 1-мъ и 2-мъ военно-рабочихъ баталіонахъ путей сообщенія, согласно замѣчанію коммисіи проектовъ и смѣтъ. По исполненіи этого, назначенъ въ первую дирекцію Московскаго шоссе для составленія проекта разныхъ исправленій въ сооруженіяхъ, а 10-го октября 1835 года опредѣленъ къ работамъ по устроенію скотопрогонной дороги въ той же дирекціи.

По страсти къ ученымъ занятіямъ, Пассекъ, съ 31-го октября 1836 по 16-е декабря 1837 года, слушалъ курсъ наукъ въ Императорской Военной Академіи.

Произведенный, 6-го декабря 1836 года, въ капитаны еще по корпусу Инженеровъ Путей Сообщенія, онъ, 13-го декабря слѣдующаго года, т. е. по окончаніи курса въ Академіи, причисленъ къ Генеральному Штабу, съ прикомандированіемъ для узнанія фронтовой службы къ образцовому кавалерійскому полку; 10-го и 11-го іюня 1838 года, въ числѣ

[28]) Дѣло № 66. Архивъ Главнаго Штаба.

прочихъ офицеровъ, ему объявлено Высочайшее благоволеніе, а 25-го декабря онъ переведенъ въ Генеральный Штабъ.

25-го января 1839 года, Пассекъ назначенъ на службу въ 6-ой пѣхотный корпусъ, при чемъ, 27-го числа, ему Всемилостивѣйше пожалованъ, въ награду отлично-усердной службы, не въ зачетъ, годовой окладъ жалованья; въ августѣ мѣсяцѣ этого-же года, онъ участвовалъ въ празднованіи Бородинской годовщины, и удостоился получить за смотры, ученья и маневры, произведенные войсками 6-го пѣхотнаго корпуса, Высочайшія благоволенія, объявленныя въ приказахъ августа 17-го, 19-го, 24-го, 26-го, 29-го и 31-го дня, а 5-го сентября Всемилостивѣйше награжденъ, за отлично-усердную службу, орденомъ Станислава 3-й степени.

12-го мая 1840 года, Пассекъ назначенъ на службу въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, съ которымъ онъ уже не разставался до тѣхъ поръ, пока геройски не палъ въ его рядахъ.

20-го августа Пассекъ прибылъ на Кавказъ, и 26-го былъ назначенъ въ войска на Кавказской линіи и въ Черноморіи, а черезъ день, 28-го командированъ въ распоряженіе генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау, командовавшаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ. Явившись къ мѣсту назначенія 10-го сентября, онъ черезъ три дня находился уже въ военныхъ дѣйствіяхъ, и тотчасъ-же обратилъ на себя вниманіе храбростью: 14-го сентября онъ участвовалъ въ пораженіи скопищъ Шамиля въ Гимринскомъ ущельи, во взятіи штурмомъ заваловъ, укрѣпленныхъ пещеръ и занятіи съ боя аула Гимры.

21-го января 1841 года, Пассекъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ въ Кавказскую резервную гренадерскую бригаду. Въ это время открылись безпорядки въ Аваріи. Одинъ изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ бековъ, Хаджи Муратъ, арестованный по подозрѣнію въ сношеніи съ Шамилемъ, бѣжалъ отъ сопровождавшаго его изъ Хунзаха въ Темиръ-Ханъ-Шуру конвоя, и собралъ въ аулѣ Цельмесѣ шайку своихъ приверженцевъ. Генералъ-маіоръ Клюки-фонъ-Клюгенау нашелъ нужнымъ, для истребленія этого новаго возмутителя, направить туда 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка съ 2-мя горными орудіями. Въ экспедиціи принялъ участіе и Пассекъ. Слабый отрядъ нашъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и хотя потерпѣлъ значительный уронъ, но принесъ существенную пользу дѣлу, остановивъ на время успѣхи Хаджи-Мурата. Изъ описанія цельмесскаго боя, мы уже знаемъ какую видную роль игралъ въ немъ капитанъ Пассекъ.

Хаджи Муратъ, послѣ штурма аула Цельмеса, 5-го февраля, перешелъ въ аулъ Тлохъ, нѣсколько далѣе отъ границъ Аваріи, продолжая собирать партіи и возмущать окрестныя селенія.

Въ маѣ мѣсяцѣ, назначенный состоять при Дагестанскомъ отрядѣ, собранномъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала-отъ-инфантеріи Головина, Пассекъ участвовалъ въ рукопашномъ боѣ 15-го мая, при взятіи Хубарскихъ высотъ соединенными силами Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ. По раздѣленіи этихъ отрядовъ, 20-го мая, Пассекъ оставался сначала при войскахъ, назначенныхъ для возведенія на правомъ берегу рѣки Сулака Евгеніевскаго укрѣпленія, а по сооруженіи его, былъ прикомандированъ къ войскамъ главнаго Чеченскаго отряда, занятаго постройкой укрѣпленій: Заканъ-Юрта и Казанъ-Кичу на рѣкѣ Сунжѣ. Потомъ онъ участвовалъ: 30-го сентября, въ движеніи главнаго отряда генералъ-адъютанта Граббе вверхъ по рѣкѣ Ассѣ; 16-го октября къ аулу Гехи, при чемъ находился въ сильной схваткѣ съ горцами въ Богаевскомъ лѣсу; 20-го октября къ рѣкѣ Гойтѣ, 23-го при истребленіи лѣсныхъ хуторовъ и въ руко-

пашномъ боѣ и сильной перестрѣлкѣ съ толпами чеченцевъ, находившихся подъ предводительствомъ Ахверды-Магомы.

До сихъ поръ, кругъ служебной дѣятельности Пассека ограничивался исполненіемъ обязанностей офицера Генеральнаго Штаба и участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ, не занимая еще самостоятельной должности, обратилъ на себя вниманіе начальства храбростью и военными способностями. Чинъ подполковника, въ который Пассекъ произведенъ 19-го іюня 1841 года со старшинствомъ съ 14-го сентября 1840 года, Высочайшее благоволеніе, объявленное въ 1841 году и орденъ Анны 3-й степени съ бантомъ, пожалованный 5-го ноября 1842 года были поощреніемъ первоначальнаго его боеваго поприща.

Такимъ образомъ, не прошло еще и 3-хъ лѣтъ со времени прибытія на Кавказъ, какъ Пассекъ успѣлъ уже побывать на Кавказской и Лезгинской линіяхъ, въ Чечнѣ и Дагестанѣ, главнѣйшихъ театрахъ нашихъ военныхъ предпріятій. Среди постоянныхъ военныхъ тревогъ и различныхъ порученій, возлагавшихся на него начальствомъ, онъ находилъ еще время ближе ознакомиться съ нравами и обычаями многочисленныхъ горскихъ племенъ и вникнуть подробно въ устройство и духъ ихъ общественныхъ учрежденій. Занятія эти составляли для Пассека истинное наслажденіе, въ особенности то, что онъ называлъ «политикою горъ», т. е. стремленіе Шамиля къ преобладанію и средства, употребляемыя имъ къ расширенію и упроченію своей власти въ горахъ. При этомъ Пассекъ изучалъ подробно характеры, личныя качества, подвиги и взаимныя отношенія главнѣйшихъ его сподвижниковъ, говоря часто «важнѣе всего знать тѣхъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло». Не менѣе вниманія обращалъ онъ на изученіе мѣстности, игравшей столь важную роль въ горной войнѣ; обладая счастливою памятью, онъ помнилъ во всей подробности малѣйшіе оттѣнки однажды пройденнаго пространства, сколько-нибудь замѣчательные, и въ этомъ отношеніи едва-ли имѣлъ себѣ соперника. Замѣтки, дѣланныя имъ на скорую руку, въ краткія минуты досуга, если-бы сохранились, то могли послужить богатымъ матеріаломъ для топографіи Кавказа.

Въ 1843 году, послѣ краткаго нахожденія въ отрядѣ на Лезгинской линіи, Пассекъ былъ посланъ корпуснымъ командиромъ, генералъ-адъютантомъ Нейдгартомъ, въ Дагестанъ съ порученіемъ изыскать средства къ снабженію дровами гарнизоновъ Нагорнаго Дагестана. Кто былъ въ Аваріи и видѣлъ эту дикую страну, состоящую изъ обнаженныхъ скалъ и утесовъ, тотъ пойметъ всю важность возложеннаго на Пассека порученія. Доставка дровъ въ укрѣпленія была обращена въ повинность всѣмъ жителямъ, съ уплатою за небольшой ишачій вьюкъ по 1 руб. сер. и болѣе. Не взирая однако на такую высокую цѣну, повинность эта считалась весьма тягостною, по чрезвычайной затруднительности доставать дрова на вершинахъ неприступныхъ горъ, не рѣдко въ странѣ намъ непокорной, и возбуждала ропотъ въ жителяхъ, а казнѣ все это обходилось чрезвычайно дорого: сажень дровъ, или лучше сказать хвороста, стоила до 70 руб. сер. Пассеку предстояло устроить эту часть военнаго хозяйства составленіемъ положительныхъ правилъ о снабженіи гарнизоновъ дровами и установленіемъ точнѣйшей отчетности въ расходѣ этого матеріала.

Въ апрѣлѣ Пассекъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и немедленно отправился въ Хунзахъ — столицу Аваріи и тамъ въ уединеніи занялся собраніемъ подробныхъ свѣдѣній, относящихся къ порученному ему дѣлу.

Между тѣмъ, во всемъ Дагестанѣ носились уже слухи о важномъ предпріятіи, замышляемомъ Шамилемъ. Хотя слухи эти не подтверждены были еще никакими явными со стороны его покушеніями однако они тревожили преданныхъ Россіи аварцевъ и на-

полняли дерзкими надеждами другія полупокорныя намъ племена, всегда готовыя на измѣну; тревожили они и наше начальство потому, что въ томъ году не предполагалось никакихъ дѣйствій въ Дагестанѣ, и войска, послѣ экспедиціи предшествовавшаго года, были значительно уменьшены.

Въ послѣдовавшихъ вскорѣ затѣмъ событіяхъ, измѣнившихъ на долго видъ Дагестана, Пассекъ принималъ самое дѣятельное участіе: здѣсь вполнѣ высказалъ онъ блестящія военныя способности, быстроту соображеній, храбрость, энергію и твердость характера, и съ этого именно времени занялась заря будущей его славы, съ которой онъ уже не разставался до самой смерти.

Подвиги его обратили на себя особенное вниманіе въ Бозѣ почившаго, незабвеннаго, Государя Императора Николая Павловича: мы говоримъ о защитѣ Аваріи и геройской оборонѣ Зырянскаго укрѣпленія.

Государь Императоръ щедро наградилъ Пассека: произведенный 1-го января 1844 года, за отличіе по службѣ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго полка, онъ, за защиту Зырянъ, награжденъ 25-го февраля орденомъ св. Георгія 4-й степени, а на другой день — чиномъ генералъ-маіора, бывъ, такимъ образомъ, полковникомъ только 56 дней.

Сообщаемъ солдатскую пѣснь, въ которой простымъ слогомъ изложены труды и лишенія, понесенныя отрядомъ Пассека въ теченіи осады Зырянъ:

Басурманинъ, врагъ лукавый,
Вздумалъ съ нами пошутить:
Окруживши всѣ заставы,
Ну, насъ голодомъ морить!

Да кавказскіе солдаты
Ходятъ подъ руку съ нуждой;
Горемъ мы всегда богаты,
Носимъ ранцы за спиной.

Мы рогатую скотину
Прежде съѣли, ай-люли!
А потомъ и лошадину
Заварили, запекли!

Вмѣсто соли, мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ;
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростившись съ табачкомъ.

Эхъ, припомните, ребята,
Какъ мы бились въ Зырянахъ,
И Шамиля супостата
Припугнули мы въ горахъ!

Было жутко имъ въ то время,
Плохо нехристямъ пришлось:
Все татарское ихъ племя
По ущельямъ разбрелось.

И вотъ снова налетаютъ
Тѣжъ враги на нашъ отрядъ;
Градомъ ядеръ угощаютъ
И картечью насъ громятъ.

Просимъ милости, знакомцы,
Намъ картечь вѣдь ни почемъ;
Дружно, Графцы, Апшеронцы,
Встрѣтимъ нехристей штыкомъ!

Послѣ дѣла 3-го іюня 1744 года у Кака-Шуры, о Пассекѣ генералъ Лидерсъ отзывался такъ: «Столь знаменитую побѣду, одержанную нами надъ непріятелемъ, по всей справедливости должно приписать отличнымъ дарованіямъ, присутствію духа и распорядительности генералъ-маіора Пассека, который личнымъ примѣромъ геройской храбрости одушевлялъ войска и велъ ихъ въ атаку. Непринимая на себя назначенія генералъ-маіору Пассеку награды, всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство заслугу его повергнуть Всемилостивѣйшему благосоизволенію Государя Императора».

Его Величество, 29-го сентября того же года, Всемилостивѣйше пожаловалъ Пассеку «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости», оказанныхъ въ этомъ дѣлѣ, орденъ Владиміра третьей степени.

3-го ноября Пассекъ сдѣланъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.

Въ 1845 году назначенъ былъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ кавказскимъ графъ (впослѣдствіи князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Объѣзжая ввѣренный ему край, онъ прибылъ весною въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Съ восторгомъ поспѣшилъ Пассекъ на встрѣчу новому начальнику и удостоился отъ него самого лестнаго вниманія. «То, что я слышалъ объ васъ лично изъ устъ Его Величества», сказалъ графъ, «подаетъ мнѣ несомнѣнную надежду на успѣшное содѣйствіе ваше въ предстоящемъ мнѣ трудномъ дѣлѣ». Тутъ же главнокомандующій, въ знакъ особеннаго уваженія къ Пассеку, принялъ отъ него приглашеніе на приготовленный въ честь его обѣдъ, а на слѣдующій день отправился далѣе, обѣщавъ Пассеку въ готовившемся походѣ обширнѣйшій кругъ дѣйствій.

Ободренный привѣтливостью Воронцова, Пассекъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала военныхъ дѣйствій. Сдавъ ввѣренный ему полкъ пріемнику своему полковнику Ковалевскому, онъ отправился къ своей бригадѣ, простясь навсегда съ любимыми имъ Апшеронцами, съ которыми онъ пріобрѣлъ столько славы. Всѣ жители Темиръ-Ханъ-Шуры съ сожалѣніемъ разстались съ нимъ, какъ бы предчувствуя, что этотъ походъ будетъ для него послѣднимъ. Полковыя дамы, любившіе Пассека за его угодливость и любезность, поднесли ему бѣлый значекъ съ вышитымъ золотомъ изображеніемъ креста.

Утромъ 11-го іюля, во время Даргинской экспедиціи, по принятіи транспорта съ провіантомъ и по сдачѣ больныхъ и раненыхъ, колонна генерала Клугенау, по сигналу пушечнымъ выстрѣломъ, начала спускаться съ горы въ обратный путь, выдерживая самый упорный и кровопролитный бой съ многочисленными толпами горцевъ, засѣвшихъ за завалами и даже на огромныхъ деревьяхъ, откуда они безнаказанно производили убійственный ружейный огонь, поражая преимущественно лошадей. Пассекъ находился въ этотъ день при начальникѣ колонны, генералъ-лейтенантѣ Клюки-фонъ-Клугенау.

Потеря наша убитыми и ранеными были весьма значительна. Наступилъ уже вечеръ, и колонна не могла еще достигнуть Дарго; между тѣмъ, слышны были выстрѣлы посланнаго оттуда Воронцовымъ, на встрѣчу колонны небольшаго отряда, и Пассекъ отправился къ авангарду. Прибывъ къ ротѣ Навагинскаго полка, занятой разбрасываніемъ огромнаго завала, препятствовавшаго слѣдовать артиллеріи, подъ жесточайшимъ ружейнымъ огнемъ, онъ обнажилъ шашку, крикнулъ: «Ура! за мной!», и первый перескочилъ завалъ, но здѣсь палъ, пронзенный нѣсколькими пулями.

Тѣло Пассека было поднято и везено на лошади; но при наступившей темнотѣ, лошадь съ вожатымъ, вѣроятно, были убиты и не возвратились въ Дарго.

Пассекъ окончилъ славную жизнь свою на 37-мъ году. Не будемъ говорить о его личныхъ достоинствахъ, какъ воина и генерала: кратковременное боевое его поприще, украшенное честію и славою, лучше всего убѣдитъ каждаго, что русская армія понесла въ немъ чувствительную потерю. Получивъ высокое образованіе и пріобрѣтя опытность, онъ, по своимъ отличнымъ способностямъ и быстротѣ соображеній, подавалъ самыя блистательныя надежды въ будущемъ.

Пассекъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, прекрасно сложенъ, черты лица имѣлъ смуглыя, но правильныя и пріятныя. Характера былъ живаго и вспыльчиваго, но добраго. Не будучи честолюбивымъ, онъ цѣнилъ славу выше всего и для нея извинялъ многое товарищамъ и подчиненнымъ; въ отношеніи послѣднихъ доходилъ иногда до слабости; во всѣхъ поступкахъ своихъ былъ чрезвычайно скоръ и рѣшителенъ.

Въ домашнемъ быту Пассекъ отличался щедростію, радушіемъ и истинно-русскимъ

гостепріимствомъ; любилъ жить открыто и весело въ кругу товарищей и друзей, которыхъ впрочемъ, имѣлъ немного; былъ страстнымъ поклонникомъ прекраснаго пола, и въ обществѣ дамъ очаровывалъ всѣхъ своею любезностію и остротою ума.

Въ заключеніе скажемъ, что Пассекъ любилъ отечественную литературу, и самъ ею занимался; изъ сочиненій его замѣчательно: «Сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ, какъ полководцевъ». Первая часть этого сочиненія напечатана въ «Очеркахъ Россіи», издававшихся его братомъ Ваддимомъ Васильевичемъ Пассекомъ, въ 1840 году (часть IV).

Подводя итоги минувшаго года, мы видимъ, что изъ всѣхъ предположеній приведено въ исполненіе только покореніе Акуши и Цудахара; но эти предпріятія не составляли первой важности и ихъ должно было совершить, такъ сказать, мимоходомъ; главнѣйшія же предположенія, именно: движеніе въ Андію, разбитіе скопищъ Шамиля и устройство передовой Чеченской линіи остались неисполненными и отложены на будущій годъ.

Для Апшеронцевъ истекшій годъ ознаменовался побѣдой надъ горцами у Кака-Шуры, геройскимъ дѣломъ аріергарда, при отступленіи отъ Карадахскаго моста, и, наконецъ, тяжелымъ походомъ въ Салатавію и разбитіемъ 3-хъ тысячнаго скопища горцевъ 17-го сентября у Новаго Буртуная.

За 1844 годъ въ полку получены были слѣдующія награды. За Кака-Шуру: Пассеку — орденъ св. Владиміра 3-й степени; командовавшему баталіономъ капитану Вранкину и капитану Павлову—ордена св. Георгія 4-й степени, кромѣ того, Павлову—чинъ маіора. Штабсъ-капитанъ Щодро, поручикъ Раутенбергъ, подпоручикъ Москеницкій, и прапорщики: Бобровъ, Перковъ, Глотовъ, Генингъ и Никоновъ—получили слѣдующіе чины; подпоручикъ Вержиковскій — св. Анны 3-й степени и чинъ поручика. Унтеръ-офицеры: Василій Галкинъ и Павелъ Скворцовъ — чины прапорщика; полковой горнистъ Захаръ Васильевъ и рядовой Богоудинъ Халитовъ — вторыя трети прибавочнаго жалованья, по знаку отличія военнаго ордена.

Первыя трети прибавочной пенсіи, по знаку отличія военнаго ордена (4-я степень): 1-й гренадерской роты унтеръ-офицеръ Прокофій Муратовъ; рядовые: Прохоръ Адерихинъ, Ефимъ Вишняковъ, Андрей Филипповъ, Сергѣй Демидовъ, Радіонъ Яровъ; 1-й мушкетерской: фельдфебель Иванъ Ивановъ; рядовые: Алексѣй Лысой, Поликарпъ Березинъ, Андрей Ивановъ, Николай Денисовъ, Матвѣй Гуричъ; 4-й мушкетерной: унтеръ-офицеры: Иванъ Алексѣевъ, Войтъ Варфоломѣевъ; рядовые: Алексѣй Домнинъ, Илья Внуковъ, Федоръ Халатневъ и Леонтій Егоровъ; 6-й мушкетерной: унтеръ-офицеры: Николай Мануиловъ и Федоръ Васильевъ; рядовые: Григорій Бережной, Лука Тищенко, Алексѣй Моцловъ и Семенъ Малаховъ [29]).

За экспедицію въ Акушу: подполковникъ Познанскій — св. Станислава 2-й степени, маіоръ Руновскій и капитанъ Евдокимовъ — св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; капитанъ баронъ Врангель и штабсъ-капитанъ Колачковскій — св. Анны 3-й степени; поручики: Мокринскій, Грейфъ 1-й и Еленскій—слѣдующіе чины. Лекарь Ченцовъ—св. Станислава 2-й степени.

Знаки отличія военнаго ордена: фельдфебеля: Игнатій Бикъ и Иванъ Ковлюкъ; унтеръ-офицеры: Борисъ Песковъ, Иванъ Ивановъ, Макаръ Горбуновъ, Кириллъ Линяевъ, Яковъ Антоновъ, Игнатъ Семеновъ, Артемъ Муковинъ, Илья Щекинъ, Янъ Минайловскій, Иванъ Травянкинъ, Гордѣй Тринкинъ и Семенъ Пулонъ; рядовые: Макаръ Грѣшковъ, Петръ Гусевъ, Иванъ Филипповъ, Миронъ Максимовъ, Гавріилъ Щербаковъ, Иванъ Чеботаревъ, Пантелей Григорьевъ, Андрей Никитинъ, Федоръ Радіоновъ, Василій Дехтяревъ, Федоръ Исаевъ, Иванъ Картожковъ, Павелъ Бѣгловъ, Даніилъ Небратовъ, Федоръ Шустовъ, Андрей Исаевъ, Евсѣй Хотковъ, Никифоръ Яковлевъ, Емельянъ Роковъ, Мартынъ Топчіевъ, Семенъ Карташевъ, Петръ Елистратовъ, Николай Богуновъ, Петръ Антоновъ, Ларіонъ Анохинъ, Леонтій Борисовъ и Осипъ Бобровскій [30]).

---

[29]) Дѣло № 19, особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[30]) Дѣло № 33, особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Седьмая.

Назначеніе графа Воронцова главнокомандующимъ. — Рѣшеніе его взяться за исполненіе задачъ 1844 года. — Письмо генерала, князя Аргутинскаго. — Планъ экспедиціи въ Андію. — Дѣйствія Шамиля весною 1845 года. — Взятіе мюридами аула Чоха. — Движеніе Дагестанскаго отряда въ Акушу. — Разработка горцами дорогъ. — Дѣло у Агачъ-Кале. — **Даргинская экспедиція.** — Движеніе Дагестанскаго отряда къ Ибрагимъ-Дада. — Соединеніе съ Чеченскимъ отрядомъ. — Занятіе Кыркинскаго перевала. — Взятіе горы Анчимэера. — Стоянка на Анчимэерѣ. — Выступленіе отрядовъ къ Мичикалу. — Занятіе Андійскихъ воротъ. — Сраженіе у Гогатля. — Оставленіе 1-го и 2-го баталіоновъ Апшеронцевъ на опорныхъ пунктахъ. — Составъ главнаго отряда. — Возведеніе укрѣпленія у Гогатля. — Дороги въ Дарго. — Выступленіе къ аулу Дарго и порядокъ марша. — Взятіе Дарго. — Сраженіе 7-го іюля у Белгатоя. — Оборона Апшеронцевъ у кладбища. — Смерть подполковника Познанскаго. — Потери Апшеронцевъ. — Сухарная экспедиція. — Смерть Пассека. — Потери отряда. — Рѣшеніе графа Воронцова отступить къ Гергель-аулу. — Сраженіе 14-го іюля. — Подвигъ 11 Апшеронцевъ. — Приказъ графа Воронцова объ этомъ подвигѣ. — Сраженія 15-го и 16-го іюля. — Потери отряда. — Взятіе Апшеронцами Шаухалъ-Берды. — Стоянка у этого селенія — Плачевное состояніе отряда. — Прибытіе генерала Фрейтага. — Сраженіе 19-го іюля. — Общія потери отряда. — Приказъ Воронцова. — Результаты экспедиціи. — Возвращеніе Апшеронскихъ баталіоновъ въ Шуру. — Награды.

Въ концѣ прошлаго года, вмѣсто генерала Нейгарта, командиромъ Кавказскаго корпуса, съ званіемъ главнокомандующаго, назначенъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ, который взялся за весьма трудную задачу — исполнить въ наступившемъ году то, чего не могъ сдѣлать его предшественникъ.

Неисполненными-же остались слѣдующія Высочайшія предначертанія: 1) разбить скопища Шамиля; 2) проникнуть въ центръ его владычества и 3) утвердиться въ мѣстахъ, гдѣ Шамиль имѣлъ своё пребываніе.

Означенныя три задачи вошли въ предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ на 1845 годъ, причемъ главной изъ нихъ была экспедиція въ Дарго — резиденцію Шамиля. Нѣкоторые старые и опытные кавказскіе генералы высказывались противъ движенія въ глубь горъ, считая его рискованнымъ и совершенно безполезнымъ по тѣмъ результатамъ, которые оно могло дать. По этому поводу генералъ-маіоръ князь Аргутинскій, еще 1-го августа 1844 года, написалъ генералъ-адъютанту Нейдгарту слѣдующее письмо.

«Ваше Высокопревосходительство, намѣреваясь сдѣлать движеніе въ горы, конечно, изволите предполагать не больше, какъ поискъ съ цѣлью уничтожить средства Шамиля, къ веденію войны, а главное имѣть случай уничтожить скопища его, если бы онъ, встрѣтясь съ нашими войсками рѣшился дать бой».

«Послѣ этого войска должны будутъ возвратиться, очистивъ совершенно страну, въ которую мы предполагаемъ сдѣлать вторженіе. Войска, двинувшись впередъ, будутъ имѣть болѣе или менѣе жаркія дѣла съ непріятелемъ, что однако же не помѣшаетъ имъ, быть можетъ, идти впередъ. Непріятель, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, будетъ отступать въ глубь страны, терпя, конечно, уронъ отъ боя, но не разстраиваясь совершенно».

«Дальность отступленія непріятеля будетъ зависѣть отъ дальности движенія войскъ нашихъ и непріятель, имѣя за собою мѣстность, обладая большею подвижностью, всегда имѣетъ возможность предохранить себя отъ рѣшительныхъ съ нашей стороны ударовъ».

«Движеніе наше въ глубь страны будетъ находиться въ зависимости отъ запасовъ продовольствія, которое будемъ имѣть съ собою; но оно, во всякомъ случаѣ, должно будетъ прекратиться, и при томъ въ виду болѣе или менѣе сильнаго непріятеля, который не упуститъ случая преслѣдовать наши войска, къ чему много будетъ способствовать его подвижность. Такимъ образомъ, край, въ который мы сдѣлаемъ вторженіе, будетъ опять оставленъ нами».

«Кромѣ нѣкотораго разоренія, которому подвергнутся жители, средства непріятеля, заключающіяся въ его вооруженныхъ силахъ, останутся безъ большаго измѣненія».

«Наступательное движеніе наше въ Аварію, Гумбетъ и Андію и возвращеніе оттуда безъ всякихъ, по всей вѣроятности, рѣшительныхъ результатовъ, не можетъ произвести выгоднаго для насъ впечатлѣнія, какъ въ жителяхъ, занятаго нынѣ непріятелемъ края, такъ и во всѣхъ жителяхъ Дагестана, теперь намъ покорныхъ» [1].

Впослѣдствіи мы увидимъ насколько правъ былъ князь Аргутинскій, высказывая подобное мнѣніе. Не смотря, однако, на всю убѣдительность приведенныхъ доводовъ, они не были приняты во вниманіе, и экспедиція въ Дарго окончательно утверждена еще въ концѣ 1844 года. Графъ Воронцовъ, ознакомясь съ обстоятельствами Кавказскаго края, составилъ слѣдующій планъ экспедиціи. Для движенія въ Андію отрядъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 20-ти баталіоновъ; во избѣжаніе огромныхъ и неудобныхъ въ горахъ обозовъ, а также для обезпеченія обратнаго слѣдованія нашихъ войскъ, рѣшено было съ началомъ дѣйствій учредить коммуникаціонную линію съ двумя промежуточными укрѣпленіями для склада въ нихъ провіанта. На все это требовалось не менѣе 7-ми баталіоновъ. Остальные 13 баталіоновъ должны были представлять минимумъ боевой силы, съ которой можно рѣшиться проникнуть въ горы, не подвергая большимъ случайностямъ успѣхъ такого важнаго предпріятія.

Оставивъ необходимые резервы въ Дагестанѣ и Чечнѣ, графъ Воронцовъ предполагалъ:

1) собрать въ концѣ мая мѣсяца въ Сѣверномъ Дагестанѣ — Дагестанскій, а на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи — Чеченскій отряды;
2) главныя силы обоихъ отрядовъ, въ составѣ 20—22-хъ баталіоновъ, должны собраться въ Салатавіи, съ появленіемъ тамъ подножнаго корма и затѣмъ двинуться черезъ Гумбетъ въ Андію;
3) по дорогѣ возвести два временныхъ укрѣпленія: одно при спускѣ съ Салатавскихъ горъ у перевала Кыркъ, а другое на хребтѣ, отдѣляющемъ Гумбетовское общество отъ Андійскаго, около Буцуръ-Тликоля, занявъ первый 4-мя, а второй 3-мя баталіонами пѣхоты, съ цѣлью охраненія въ нихъ склада военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, перевозки провіанта изъ Евгеніевскаго укрѣпленія и перевозки больныхъ и раненыхъ изъ дѣйствующаго отряда;
4) въ началѣ мая собрать въ Кумухѣ отрядъ изъ 11 баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Аргутинскаго для усмиренія племенъ, живущихъ между Аварскимъ Койсу и главнымъ хребтомъ, чтобы тѣмъ самымъ отвлечь ихъ отъ поданія помощи Шамилю, и
5) содѣйствовать главной экспедиціи одновременнымъ движеніемъ Лезгинскаго и Наз-

[1]) Дѣло № 7. Секретной описи. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

рановскаго отрядовъ со стороны Лезгинской кордонной линіи и со стороны Военно-грузинской дороги.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію Даргинской экспедиціи, бросимъ взглядъ на положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ въ началѣ наступившаго года.

Въ продолженіе весны 1845 года, Шамиль достигъ въ Дагестанѣ значительныхъ успѣховъ и быстро распространилъ свое вліяніе на лезгинскія племена, живущія около главнаго хребта; ближайшей задачей имама было строгое наказаніе многолюднаго, богатаго и преданнаго намъ аула Чоха, представлявшаго собою центръ торговли всего нагорнаго Дагестана и постояннно враждовавшаго съ мюридами.

Въ началѣ февраля, огромное скопище горцевъ, подъ предводительствомъ Кибитъ-Магомы и Даніэль Султана Елисуйскаго, сосредоточилось въ аулѣ Тилитлѣ; скопище простиралось до 15 т. человѣкъ.

12-го февраля непріятель занялъ ближайшіе къ Чоху хутора и нижнюю часть аула.

Храбрые чохцы въ продолженіи 13-ти дней мужественно защищались. По первому извѣстію объ осадѣ Чоха, князь Аргутинскій направилъ въ помощь жителямъ милицію, составленную изъ акушинцевъ и казикумухцевъ; но акушинцы разбѣжались, а остальная часть милиціи дѣйствовала нерѣшительно. Къ сожалѣнію, трудныя дороги и зимнее время года не позволили двинуть для спасенія Чоха регулярную пѣхоту.

Командовавшій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ генералъ-лейтенантъ Бебутовъ, опасаясь за Шамхальскую плоскость, также не рѣшился двинуться къ Чоху, вслѣдствіе чего этотъ аулъ, послѣ отчаянной обороны, палъ.

24 февраля непріятель усилившись новыми партіями, произвелъ общій штурмъ, взялъ аулъ; горцы разграбили его, а затѣмъ совершенно разрушили.

Какъ и нужно было ожидать, это событіе произвело въ горахъ весьма не выгодное для насъ впечатлѣніе: во всемъ краѣ стало обнаруживаться волненіе до того покорныхъ намъ обществъ, а племена, жившія между рѣками Аварскимъ и Кара-Койсу, и только въ прошломъ году изъявившія покорность, явно отложились и передались Шамилю. Положеніе края становилось опаснымъ; поэтому князь Бебутовъ, чтобы потушить возстаніе, рѣшилъ немедленно двинуть Дагестанскій и Самурскій отряды для возстановленія спокойствія въ Даргинскомъ обществѣ и прилежащихъ къ нему племенахъ.

2-го марта генералъ-маіоръ князь Кудашевъ, съ 5-ю баталіонами пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ, 4-я гренадерская, 5-я, 6-я и 12-я мушкетерскія роты Апшеронцевъ), 6-ю орудіями и 3-мя сотнями казаковъ, выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Акушу; 5-го числа войска подошли къ Насъ-Кенту, а на другой день соединились съ кюринской милиціей. Внезапное появленіе русскаго отряда въ Акушѣ и арестованіе акушинскаго кадія Махмеда имѣли весьма благопріятный результатъ: народъ успокоился, старшины изъявили покорность и полную готовность подчиняться вновь избранному кадію, а стоявшее на границахъ Акуши непріятельское скопище отступило. 10-го марта Дагестанскій отрядъ возвратился въ Шуру.

Такимъ образомъ, волненіе въ Акушѣ было потушено.

Кромѣ разоренія Чоха, Шамилемъ было исполнено еще одно весьма удачное предпріятіе: по его приказанію горцы разработали въ Дагестанѣ и Чечнѣ нѣсколько дорогъ, вполнѣ удобныхъ для движенія по нимъ артиллеріи. Однѣ изъ нихъ направлялись изъ Андіи, какъ изъ центральнаго пункта, черезъ нагорный Дагестанъ, вверхъ по рѣкамъ Андійскому и Аварскому Койсу до главнаго хребта, пограничнаго съ Кахетіей; другія изъ Андіи же шли черезъ Гумбетъ и Койсубу въ Аварію, черезъ аулъ Дарго въ Маюртупъ и черезъ

земли чамберлоевцевъ въ Аргунское ущелье. По окончаніи экспедиціи въ Акушу, Апшеронцы стали готовиться къ походу въ Андію, куда назначены были 1-й, 2-й и 3-й баталіоны.

Не задолго до начала экспедиціи, Апшеронцамъ пришлось подъ Шурою имѣть блестящее дѣло съ горцами. Въ 2 часа пополудни, 5-го мая, воинскій начальникъ укрѣпленія Агачъ-Калы, маіоръ Нейманъ отправилъ въ Шуру транспортъ съ лѣсомъ, подъ прикрытіемъ 1-й гренадерской роты Апшеронскаго пѣхотнаго полка.

Для движенія по ущелью, ведущему въ Шуру, командиръ роты капитанъ Евдокимовъ—офицеръ опытный и весьма храбрый, построилъ свою роту такимъ образомъ: въ авангардъ онъ отдѣлилъ 1-й взводъ съ прапорщикомъ Лозою, 2 взвода расположилъ среди тянувшихся арбъ, а самъ съ 3-мъ взводомъ остался въ аріергардѣ.

Поднявшись на высоту, противъ стараго агачъ-калинскаго редута, прапорщикъ Лоза остановилъ свой взводъ, чтобы дать время подойти заднимъ подводамъ.

Въ это время шедшій впереди патруль замѣтилъ партію конныхъ и пѣшихъ хищниковъ, числомъ до 100 человѣкъ, выходившую изъ балки съ лѣвой стороны дороги.

Удостовѣрившись по числу значковъ въ значительности непріятельской партіи, Лоза, приказавъ ударить тревогу, построилъ вагенбургъ изъ ближайшихъ повозокъ, далъ знать капитану Евдокимову о появленіи непріятеля, а самъ поскакалъ за взводомъ, находившимся среди транспорта.

Слѣдовавшій съ транспортомъ, Апшеронскаго же полка, штабсъ-капитанъ Занаревскій, принялъ начальство надъ передовымъ взводомъ и ввелъ его въ устроенный вагенбургъ; отсюда онъ открылъ сильный ружейный огонь, чѣмъ успѣлъ остановить первый натискъ горцевъ, подошедшихъ къ повозкамъ на полуружейный выстрѣлъ. Непріятель отступилъ къ ближайшему оврагу и, выставивши пять значковъ, завязалъ перестрѣлку; часть партіи стала обходить вагенбургъ съ трехъ сторонъ. Между тѣмъ капитанъ Евдокимовъ, получивъ извѣстіе о нападеніи на транспортъ, бросился съ третьимъ взводомъ влѣво отъ дороги и, пробираясь лѣсомъ, вышелъ къ высотѣ, гдѣ велась перестрѣлка, во флангъ непріятелю.

Какъ только въ Агачъ-Калу донеслись звуки выстрѣловъ, то маіоръ Нейманъ немедленно послалъ 1-ю мушкетерскую роту, подъ командою поручика Винникова по балкѣ, откуда напали хищники, съ цѣлью отрѣзать имъ путь отступленія, а 3-ю мушкетерскую роту направилъ прямо по дорогѣ къ мѣсту, гдѣ происходила перестрѣлка. Вышедши съ 3-мъ взводомъ во флангъ непріятелю, Евдокимовъ съ крикомъ «ура» ударилъ, въ штыки; одновременно съ нимъ штабсъ-капитанъ Занаревскій съ 1-мъ, а прапорщикъ Лоза со 2-мъ взводами атаковали непріятеля съ фронта; при этомъ Лоза во главѣ своего взвода врубился въ ряды горцевъ. Несмотря на то, что къ мюридамъ прибыло сильное подкрѣпленіе, они все таки были опрокинуты въ оврагъ; когда же непріятель замѣтилъ 1-ю мушкетерскую роту, забѣгавшую ему въ тылъ, то началъ поспѣшно собирать своихъ раненыхъ и обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 11 тѣлъ.

Во время атаки, былъ *тяжело раненъ пулею въ лицо штабсъ-капитанъ Занаревскій.*

Командиръ 1-й мушкетерской роты, поручикъ Винниковъ, слѣдуя вдоль балки, настигъ, около дороги, ведущей изъ Эрпели въ Казанищи, партію конныхъ и пѣшихъ хищниковъ, въ числѣ 200 человѣкъ, и сталъ преслѣдовать ее по направленію къ Эрпелямъ; но замѣтивъ на горѣ вблизи Эрпели вторую партію, въ числѣ около 600 человѣкъ, Винниковъ прекратилъ преслѣдованіе и возвратился въ Агачъ-Калу, уничтожая по пути небольшія кучки разбѣжавшихся горцевъ. Впослѣдствіи найдено нѣсколько убитыхъ горцевъ въ лѣсу.

Лазутчики сообщили, что непріятельская партія состояла изъ 1.200 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ.

Внезапное появленіе партій на всемъ пространствѣ по теченію рѣки Аварскаго Койсу, не могло быть отвращено никакими предупредительными мѣрами; одно только нравственное вліяніе, производимое храбростію войскъ нашихъ и распорядительностію начальниковъ, могло отклонить пагубныя послѣдствія отъ нечаяннаго нападенія хищниковъ и отнять у нихъ смѣлость ходить на добычу.

Въ концѣ мая у крѣпости Внезапной сосредоточился Чеченскій отрядъ, въ числѣ 12-ти баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ ротъ саперъ, роты стрѣлковъ, двухъ дружинъ пѣшей милиціи, 13-ти сотенъ казаковъ и 28-ми орудій; 31-го мая онъ выступилъ изъ Внезапной на урочище Болтугай.

29-го числа двинулся изъ Шуры и Дагестанскій отрядъ.

Имѣя въ виду переправу черезъ рѣку Сулакъ и трудный подъемъ на гору Ибрагимъ-Дада изъ аула Чиркея, а также и то важное обстоятельство, что означенная мѣстность совершенно лишена подножнаго корма, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры двумя колоннами: 1-я колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, состоявшая изъ 4-хъ баталіоновъ (2-й баталіонъ Апшеронцевъ), роты саперъ, 2 1/2 сотенъ казаковъ, 2-хъ полевыхъ и 4-хъ горныхъ орудій, выступила 29-го мая; по прибытіи къ Евгеніевскому и переправившись черезъ рѣку Сулакъ, она тотчасъ отправила всѣхъ лошадей, подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ пѣхоты и всей кавалеріи, на высоту Ходумъ-Башъ на подножный кормъ. 2-я колонна выступила 30-го числа, въ составѣ: 3-хъ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ), роты саперъ, роты стрѣлковъ, 6-ти полевыхъ и 6-ти горныхъ орудій.

Обѣ колонны соединились въ Евгеніевскѣ и затѣмъ 31-го мая двинулись на Ибрагимъ-Дада.

Въ тотъ же день Дагестанскій отрядъ занялъ позицію, противъ разореннаго селенія Гертме, не переходя оврага.

На другой день князь Бебутовъ, съ 4-мя баталіонами пѣхоты и со всей кавалеріей при 6-ти орудіяхъ, сдѣлалъ рекогносцировку для обозрѣнія Буртуная и Хубарскихъ высотъ; ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ непріятеля не оказалось, только нѣсколько человѣкъ конныхъ горцевъ подъѣзжали для осмотра нашего лагеря.

Пройдя селеніе Хубары и достигнувъ вершины Хубарскихъ высотъ, Дагестанскому отряду сталъ виденъ лагерь Чеченскаго отряда, расположенный близъ селенія Зурама-Кентъ.

2-го іюня Чеченскій отрядъ перешелъ изъ своего лагеря при Зурамѣ прямо къ селенію Хубары, а 3-го числа оба отряда соединились у селенія Гертме.

Чтобы насколько возможно облегчить слѣдованіе войскъ, главнокомандующій, графъ Воронцовъ, приказалъ устроить на позиціи, занимаемой Дагестанскимъ отрядомъ, вагенбургъ, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ и двухъ сотенъ казаковъ, при 10-ти полевыхъ орудіяхъ; здѣсь оставлены нѣкоторыя менѣе необходимыя тяжести, парковыя повозки и черводарскія лошади.

Непріятель все время отступалъ; онъ бросилъ даже сильную позицію, находившуюся за большимъ Терентульскимъ оврагомъ, которую графъ Воронцовъ приказалъ немедленно занять частью войскъ. Не успѣлъ еще весь авангардъ переправиться на противуположную сторону оврага, какъ на высотахъ за селеніемъ Старый Буртунай стали появляться конныя толпы мюридовъ.

Чтобы предупредить горцевъ въ намѣреніи занять селеніе и тѣмъ лишить ихъ возмож-

ности вредить нашимъ войскамъ во время слѣдованія по пересѣченной балками мѣстности, главнокомандующій направилъ въ Буртунай всю кавалерію авангарда и поддержалъ ее баталіономъ пѣхоты съ 2-мя орудіями.

Старый Буртунай занятъ былъ безъ выстрѣла; горцы отступили и вскорѣ скрылись совершенно.

По дорогѣ въ Теренгулъ найдено много заваловъ, устроенныхъ изъ большихъ бревенъ. Хотя завалы были разбросаны авангардомъ и непрерывно слѣдовавшею за нимъ пѣхотою главныхъ силъ, но необыкновенная крутизна спуска и подъемъ, а также разразившаяся гроза съ проливнымъ дождемъ до того затрудняли слѣдованіе войскъ, что только въ $10^1/_2$ часовъ утра они стали спускаться съ горъ, идя безостановочно всю ночь; хвостъ колонны прибылъ на позицію въ 9-ть часовъ слѣдующаго утра. Дагестанскій отрядъ перешелъ Теренгулъ выше, прямою дорогою изъ своего лагеря, и пришелъ на позицію на слѣдующій день въ 7 часовъ утра.

Сильное утомленіе войскъ требовало дать имъ отдыхъ, поэтому 4-го іюня назначена была дневка.

Не желая потерять даромъ этотъ день, графъ Воронцовъ выдвинулъ нѣсколько впередъ пѣхоту авангарда, а самъ съ кавалеріей произвелъ рекогносцировку дороги, ведущей черезъ Старый Буртунай, по направленію къ Алмакамъ, въ ущелье рѣки Мичикала, черезъ которое предполагалось на слѣдующій день двинуться въ Гумбетъ. Согласно полученнымъ извѣстіямъ, горцы сильно укрѣпили это ущелье. Во время рекогносцировки открылись передовые наблюдательные посты непріятеля.

Въ Гумбетъ вели двѣ дороги: одна черезъ Мичикалъ, а другая — черезъ перевалъ Кыркъ.

Показанія лазутчиковъ относительно состоянія дорогъ и впереди лежащихъ сильныхъ позицій, укрѣпленныхъ непріятелемъ, были несогласны между собою и вообще крайне неопредѣленны.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ свѣдѣній можно было сдѣлать такой выводъ: непріятель, утвердившись въ Мичикальскомъ ущельи, ожидалъ насъ съ противуположной стороны, а дорогу на Кыркъ совершенно испортилъ и считая ее непроходимой, оставилъ тамъ лишь нѣсколько наблюдательныхъ постовъ.

Чтобы провѣрить сбивчивыя показанія лазутчиковъ, и узнать насколько возможенъ переходъ черезъ перевалъ Кыркъ, графъ Воронцовъ предпринялъ 5-го іюня рекогносцировку въ этомъ направленіи. Въ составъ рекогносцировочной колонны вошли первые баталіоны полковъ: Апшеронскаго, Куринскаго, Житомірскаго, Литовскаго и Люблинскаго, дружина пѣшей грузинской милиціи, 8 горныхъ орудій и 6 сотенъ конной грузинской и осетинской милиціи; всѣ означенныя войска Воронцовъ поручилъ генералъ-маіору Пассеку.

День былъ чрезвычайно жаркій, а въ продолженіи всего перехода въ 15 верстъ, дорога шла въ гору; тѣмъ не менѣе войска двигались безостановочно.

Достигнувъ въ $10^1/_2$ часовъ утра вершины Кыркинскаго перевада, авангардъ увидѣлъ внизу Гумбетъ.

Приходилось спускаться по узкой тропинкѣ, которая вилась надъ обрывомъ горы; въ одномъ мѣстѣ она оканчивалась почти отвѣсной скалой, составлявшей уступъ, вышиною болѣе сажени; вообще же вся остальная часть спуска была очень крута, и почти непроходима для артиллеріи.

Движеніе авангарда генерала Пассека было произведено быстро и въ полнѣйшей тишинѣ.

Горцы, ожидавшіе насъ со стороны Мичикала, оставили противъ Кыркъ только наблюдательные посты; когда же войска появились на высотахъ и стали спускаться къ пере-

валу, то конныя и пѣшія партіи ихъ начали поспѣшно стягиваться отъ Мичикальской позиціи къ находящейся противъ перевала Кыркъ горѣ Анчимэеръ; послѣдняя служила ключемъ къ вышеназванной позиціи, которую горцы намѣревались защищать, привезя туда одно орудіе.

Осмотрѣвъ мѣстность, графъ Воронцовъ приказалъ Пассеку спуститься съ перевала и занять весьма высокую и крутую гору Анчимэеръ.

«Забывъ усталось, Апшеронцы и Куринцы, спрыгивали съ выше упомянутаго уступа по одному человѣку и въ тоже время заваливали провалъ камнями, такъ что черезъ полтора часа работы могли уже быть свезены на рукахъ горныя орудія».

Между тѣмъ, пѣшая грузинская милиція, подъ начальствомъ капитана князя Меликова, прошла внизу, правѣе дороги, а три часа спустя, по прибытіи нашемъ къ перевалу, 5 баталіоновъ, пѣшая дружина и 8 орудій находились уже у подошвы горы Анчимэеръ; засѣвшіе въ завалахъ пѣшіе и конные горцы разсѣялись.

Только что войска начали подниматься на Анчимэеръ, какъ появилась партія непріятеля, около 300 человѣкъ; она тянулась по дорогѣ отъ Аргуани къ Мичикалу, но, увидѣвъ, что можетъ быть отрѣзана, поспѣшно отступила и скрылась.

Пѣшая грузинская милиція, поддерживаемая Апшеронцами и Куринцами, а также баталіономъ Житомірскаго полка, стала взбираться на гору, занятую непріятелемъ; горцы пришли въ замѣшательство отъ такого неожиданнаго наступленія и защищались очень слабо.

Не обращая вниманія на сильный ружейный огонь и на дѣйствіе орудія, поставленнаго на гребнѣ горы, штурмующія части продолжали взбираться на гору.

На первыхъ вышедшихъ грузинъ мюриды бросились въ шашки; но когда подоспѣла пѣхота, то они обратились въ бѣгство; непріятель нѣсколько разъ останавливался, пытаясь удержаться, однако, грозное наступленіе нашихъ войскъ заставляло его вновь бросать завалы и бѣжать.

Спустя часъ, послѣ начала атаки, Анчимэеръ находился, уже въ нашихъ рукахъ; непріятель, собравшійся въ числѣ 2.500—3.000 человѣкъ, бѣжалъ и увезъ свое орудіе.

Послѣ занятія Анчимэера позиція на Мичикалѣ потеряла свою неприступность, имѣя въ тылу русскія войска, поэтому горцы ее оставили.

Взятіе горы стоило намъ одного оберъ-офицера и 17-ти нижнихъ чиновъ ранеными.

Въ 9 часовъ вечера, авангардъ выстроился на главныхъ высотахъ Анчимэера; непріятель, въ числѣ 3.000 человѣкъ, расположился впереди, въ двухъ верстахъ за прямою дорогою въ Андію.

Скопища горцевъ отступали по разнымъ направленіямъ изъ мичикальскихъ заваловъ и изо всѣхъ гумбетовскихъ селеній; жители вывозили свое имущество къ Андійскому Койсу, не поджигая, впрочемъ, своихъ жилищъ.

Съ разсвѣтомъ, 6-го числа, присоединился къ войскамъ Пассека еще одинъ баталіонъ (Люблинскаго полка) съ 2-мя горными орудіями, и тогда авангардъ двинулся вдоль хребта, чтобы занять позицію на прямой дорогѣ изъ Мичикала черезъ Буцуракъ-Кала въ Андію.

Непріятель отступалъ передъ нашими войсками безъ боя и направлялся по дорогѣ въ Дарго.

Дойдя до прямой дороги изъ Мичикала въ Андію, генералъ-маіоръ Пассекъ произвелъ рекогносцировку Мичикала, а чтобы извѣстить непріятельскія скопища о движеніи своего отряда, сдѣлалъ три сигнальныхъ выстрѣла изъ орудія.

Горцы въ продолженіе двухъ часовъ вели перестрѣлку безъ всякаго для насъ вреда, между тѣмъ, какъ сами терпѣли уронъ отъ удачныхъ выстрѣловъ изъ крѣпостныхъ ружей.

Передъ вечеромъ авангардъ двинулся къ сильной позиціи на высотѣ Занокъ-Бакъ, находящейся въ одной верстѣ отъ дороги въ Андію.

Непріятель принялъ это движеніе за отступленіе и стремительно атаковалъ войска, открывъ по нимъ сильный ружейный огонь и бросаясь въ шашки; но атаки эти были отбиты штыками Апшеронцевъ, Житомірцевъ и Люблинцевъ. Наша потеря заключалась въ 7-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ. 7-го числа генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, съ частью кавалеріи и 2-мя баталіонами пѣхоты (6 ротъ Апшеронцевъ), при двухъ горныхъ единорогахъ, открылъ прямое сообщеніе Дагестанскаго отряда, расположившагося на Мичикалѣ, съ авангардомъ и доставилъ послѣднему двухдневный провіантъ.

Еще съ вечера 6-го іюня, начался проливной дождь, сопровождаемый сильнымъ, холоднымъ вѣтромъ, а въ ночь съ 8-го на 9-е число выпалъ глубокій снѣгъ, поднялась мятель и густой туманъ окуталъ всю вершину Занокъ-Бакъ; отсутствіе лѣса лишало отрядъ всякой возможности согрѣться; запасъ спирта истощился, а достать его изъ вагенбурга не представлялось возможнымъ по затруднительности сообщенія.

Положеніе авангарда, не имѣвшаго горячей пищи и спирту, при страшномъ холодѣ, дѣлалось часъ отъ часу тяжелѣе.

9-го іюня Бебутовъ успѣлъ прислать войскамъ Пассека немного дровъ и спирту, такъ что большая часть баталіоновъ, могла сварить два раза кашу, и всѣ солдаты получили по двѣ чарки водки.

Въ тотъ же день морозъ увеличился и дошелъ до 10°; вслѣдствіе холода и отсутствія подножнаго корма, лошади стали падать въ большомъ количествѣ, а число больныхъ возрастало съ каждымъ днемъ, особенно много ихъ было въ грузинской дружинѣ и въ тагаурской конницѣ.

Это заставило генерала Пассека отправить въ лагерь Дагестанскаго отряда съ баталіономъ, доставившимъ въ авангардъ спиртъ и дрова, всю кавалерію, пѣшую дружину, всѣхъ артиллерійскихъ, подъемныхъ и офицерскихъ лошадей, и не только больныхъ, но даже и людей слабаго здоровья.

Всю ночь на 10-е число шелъ сильный снѣгъ и продолжалась мятель; тѣмъ не менѣе Пассекъ рѣшилъ не покидать позиціи, ибо она прикрывала дорогу изъ Мичикала въ Андію и обезпечивала свободное движеніе Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ при дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ черезъ Буцуракъ-Кала въ Андію. Спуститься въ Гумбетъ, чтобы стать въ болѣе удобномъ мѣстѣ, равносильно было разобщить авангардъ съ главными силами и противорѣчило приказанію главнокомандующаго.

Наконецъ, 11-го іюня, въ 1-мъ часу пополудни, погода прояснилась, и снѣгъ стаялъ [2]).

Пользуясь побѣдой одержанной надъ горцами на горѣ Анчимэерѣ, главнокомандующій приказалъ генералъ-маіору Лабинцеву двинуться съ Дагестанскимъ отрядомъ съ Буртунаевскихъ высотъ на перевалъ Кыркъ. 6-го іюня туда же направился Чеченскій отрядъ и расположился на позиціи позади перевала. Подъемы на гору Отюзтау и потомъ на хребетъ Соукъ-Булахъ съ восточной стороны представляли довольно пологіе скаты, покрытые тучной травой, и войска, безъ особаго труда, къ 4-мъ часамъ пополудни, взошли по нимъ на вершину. За то спускъ съ перевала Кыркъ представлялъ неимовѣрныя трудности.

Хотя дорогу, разработанную еще въ 1839 году отрядомъ генерала Граббе и исправили, но она все-таки имѣла видъ узкой и крутой тропинки, по которой вьюки могли проходить по одиночкѣ, легкія орудія спускались на рукахъ; каждый зарядный ящикъ везли на одной лошади, съ помощью солдатъ, удерживавшихъ его веревками.

Весь день и всю ночь шелъ проливной дождь, спустился густой туманъ, и дулъ холодный, насквозь пронизывавшій вѣтеръ.

[2]) Дѣло 19. 2-е отдѣленіе генеральнаго Штаба. Военный журналъ Пассека. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Дагестанскій отрядъ, начавшій спускаться утромъ 6-го числа, къ вечеру не успѣлъ еще свезти свой обозъ; а Чеченскій отрядъ началъ спускаться съ перевала только въ 6 часовъ утра, 7-го іюня.

По выступленіи Дагестанскихъ войскъ черезъ Арубетское ущелье къ Мичикалу, Чеченскій отрядъ занялъ ихъ позицію и остановился на ночлегъ у перевала Кыркъ.

9-го числа пошелъ снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ, онъ продолжался цѣлый день и покрылъ землю почти на четверть аршина.

Когда изъ вагенбурга, находившагося у Ибрагимъ-Дада, подвезли часть тяжестей и провіанта, то получилась возможность двигаться дальше; поэтому Чеченскій отрядъ выступилъ утромъ 10-го іюня изъ лагеря и перешелъ на позицію за Мичикаломъ, гдѣ и соединился съ Дагестанскимъ отрядомъ. Это движеніе сопряжено было съ чрезвычайными затрудненіями. Снѣгъ еще лежалъ на горахъ, день былъ дождливый и холодный; по скалистымъ тропинкамъ съ крутыми спусками и подъемами лежала грязь, мѣстами по колѣно лошади; хотя переходъ былъ не болѣе 10-ти верстъ, но аріергардныя части пришли въ лагерь только въ 9 часовъ вечера.

На другой день Чеченскій отрядъ выступилъ вверхъ по ручью Аргуанъ-Дериль-Таль, а войска Дагестанскаго отряда остались при урочищѣ Кыркъ.

Дальнѣйшее движеніе уже не имѣло такихъ затрудненій: дорога была на столько широка, что войска, большей частью, могли слѣдовать густыми колоннами. На пути имѣлось два крутыхъ подъема: одинъ — при переходѣ оврага Аргуанъ-Дериль, а другой — при перевалѣ черезъ хребетъ Чагыръ-Иркенъ.

Для облегченія движенія, войска были раздѣлены на два эшелона: первый — генералъ-лейтенанта Клугенау, изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, всей кавалеріи и 4 горныхъ орудій, а второй — изъ остальныхъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлявскаго. Войска Клугенау перешли черезъ перевалъ хребта Чагыръ-Иркенъ и остановились близъ горы Орольтау (вѣтряная гора). Здѣсь первый эшелонъ соединился съ отрядомъ генералъ-маіора Лабинцева (бывшій авангардъ Пассека), спустившимся съ позиціи у вершины Занокъ-Бакъ. Съ присоединеніемъ войскъ Лабинцева, Чеченскій отрядъ увеличился 6-ю баталіонами (изъ нихъ 3 баталіона Дагестанскаго отряда, въ числѣ которыхъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка).

Цѣлый день, 11-го іюня, шелъ сильный дождь, и только къ вечеру небо стало проясняться. Съ 11 часовъ ночи горцы открыли съ высотъ орудійный и ружейный огонь по лагерю Дагестанскаго отряда; но генералъ Лабинцевъ не отвѣчалъ имъ. Какъ уже говорилось раньше, Дагестанскій отрядъ, за исключеніемъ 3-хъ баталіоновъ, остался у перевала Кыркъ, гдѣ графъ Воронцовъ приказалъ устроить промежуточный опорный пунктъ, для снабженія дѣйствующихъ отрядовъ изъ Евгеніевскаго укрѣпленія различными запасами. Для связи этого отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, на горѣ у перевала построенъ былъ редутъ на 200 человѣкъ пѣхоты и на два орудія.

Зная, какъ трудно слѣдованіе въ горахъ полевой артиллеріи, графъ Воронцовъ приказалъ отправить 8 орудій обратно на Кавказскую линію. — 12-го іюня главный дѣйствующій отрядъ продолжалъ движеніе ко входу въ Андію черезъ перевалъ Буцуръ, къ такъ называемымъ Андійскимъ воротамъ; баталіоны Дагестанскаго отряда составляли второй эшелонъ и аріергардъ отряда.

Послѣ труднаго и утомительнаго спуска въ долину, войска остановились въ 5-ти верстахъ отъ перевала близъ селенія Тилитля и провели ночь подъ проливнымъ дождемъ при сильной бурѣ, препятствовавшей разводить огни. — На слѣдующее утро назначалось взятіе непріятельскихъ заваловъ и овладѣніе Андійскими воротами.

Лазутчики дали знать, что Шамиль укрѣпился въ этомъ пунктѣ, и намѣренъ упорно сопротивляться дальнѣйшему движенію русскихъ войскъ.

Въ 7 часовъ утра солдаты пообѣдали и приготовились къ выступленію. До начала его, графъ Воронцовъ произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи, и совершенно неожиданно открылъ, что горцы оставили позицію, а андійскія селенія зажгли. — Главный входъ въ Андію преграждался каменною стѣною, около сажени толщиною, а вправо отъ нея устроены были на большомъ протяженіи высокіе завалы. Оставленіе горцами такой сильной позиціи объяснялось отчасти тѣмъ, что непріятель опасался обхода Андійскихъ воротъ справа по горѣ.

И такъ, Шамиль уклонился отъ боя, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ желали наши войска.

Уже впослѣдствіи, отъ плѣнныхъ и лазутчиковъ получились свѣдѣнія о томъ, что происходило въ горахъ.

За нѣсколько дней до прибытія войскъ, Шамиль, собравъ жителей Андіи, объявилъ имъ, что намѣренъ упорно защищать ихъ землю и что для этого необходимо занять сильнымъ скопищемъ перевалъ Буцуръ.

Осмотрѣвъ лично мѣстность и укрѣпивъ ее, какъ описано раньше, онъ расположилъ тамъ значительное скопище.

Между тѣмъ, нѣсколько дней продолжалась ненастная погода, и Шамиль, подъ предлогомъ сбереженія людей, отозвалъ мюридовъ изъ Андійскихъ воротъ, — объяснивъ, андійцамъ, что имъ самимъ лучше защищаться въ селеніяхъ, вывезя предварительно семейства и имущество.

Едва только жители привели въ исполненіе это приказаніе, какъ къ удивленію своему, увидали селенія свои въ огнѣ, что было сдѣлано мюридами по тайному распоряженію Шамиля; такая мѣра — принуждала жителей волей неволей переселяться въ глубь горъ.

Послѣ продолжительной стужи, 13 іюня потеплѣло и показалось солнце. Входъ въ Андію находился въ нашихъ рукахъ; графъ Воронцовъ приказалъ сдѣлать дневку, чтобы дать войскамъ возможность отдохнуть и просушиться, въ чемъ они крайне нуждались.

Прежде чѣмъ двинуться дальше, сдѣланы были слѣдующія распоряженія: 1) для прочнаго утвержденія въ Буцуръ-Калѣ, пунктѣ весьма важномъ, а также для того чтобы имѣть достаточно сильный постъ при сообщеніи главнаго отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, главнокомандующій приказалъ въ самомъ ущельи, возлѣ дороги, возвести укрѣпленіе изъ камня на одну роту пѣхоты и одно орудіе, остальныя войска помѣстить въ земляномъ редутѣ, на сѣверо-восточной покатости хребта; въ послѣднемъ оставлены 2 баталіона, рота саперъ и 3 орудія изъ Дагестанскаго отряда; и 2) такъ какъ непріятельскія партіи, собравшись въ оставленномъ нами Мичикальскомъ ущельи, могли тревожить транспорты съ продовольствіемъ, направляемые изъ Евгеніевскаго укрѣпленія черезъ Кыркинскій перевалъ, то для охраненія этого ущелья посланъ командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Ковалевскій съ 2 баталіонами (въ томъ числѣ 1-й Апшеронскій), сотней казаковъ и двумя горными орудіями; этотъ отрядъ обезпечивалъ слѣдованіе запасовъ продовольствія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Густой туманъ спустился на всѣ окрестныя горы и долины, когда въ 6 часовъ утра 14-го іюня войска направились къ Андійскимъ воротамъ. Едва голова колонны вошла въ страну, гдѣ никогда еще не видали нашихъ войскъ, какъ туманъ разсѣялся, и солнце озарило разстилавшуюся у ногъ отряда долину Андійскаго Койсу.

Андійское общество занимаетъ пространство, огражденное со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ. Общій характеръ мѣстности былъ слѣдующій: глубокая, обширная долина

перерѣзывалась крутымъ и широкимъ оврагомъ и шедшими отъ него отрогами, въ которыхъ протекало много рѣчекъ, ручьевъ и родниковъ; у подошвы оврага раскинулись главныя селенія общества: Анди, Гогатль и др., отъ нихъ поднимались террасами поля, а по уступамъ горъ находились обильныя пастбища.

Когда отрядъ вступилъ въ Андію, то всѣ поля были покрыты несобраннымъ еще хлѣбомъ.

Въ долинѣ дымились развалины селеній, а у Гогатля собралось скопище горцевъ, около 6.000 человѣкъ. Здѣсь произошло первое упорное сраженіе. Горцы дрались съ мужествомъ, и селеніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки; но, наконецъ, непріятель былъ отброшенъ и скопище разсѣялось.

Къ вечеру отрядъ предпринялъ обратное слѣдованіе, не будучи почти совсѣмъ преслѣдуемъ.

Въ тотъ же день занято нами селеніе Анди, въ которомъ найдено около 300 ядеръ.

Безостановочное снабженіе войскъ продовольственными запасами и наблюденіе за безопасностью расположенныхъ на сообщеніи эшелоновъ возложено было на генералъ-лейтенанта князя Бебутова.

Войска, составлявшія Дагестанскій отрядъ, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) для прикрытія транспортовъ, которые должны были слѣдовать изъ Евгеніевска въ отрядъ и обратно, остались у перевала Кыркъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, 4 баталіона (2-й Апшеронскій), полвзвода саперъ, двѣ сотни казаковъ, при 10-ти орудіяхъ; 2) съ тою же цѣлью расположены въ урочищѣ Мичикалѣ, съ командиромъ Апшеронскаго полка, полковникомъ Ковалевскимъ, 2 баталіона (1-й Апшеронскій), сотня линейныхъ казаковъ и 2 орудія.

3-й баталіонъ Апшеронцевъ поступилъ въ главный дѣйствующій отрядъ. Всего изъ Дагестанскаго отряда присоединилось къ Чеченскому 3 баталіона пѣхоты, 2 роты саперъ, 2 роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 1 1/2 сотни казаковъ и 7 орудій.

19-го іюня прибылъ транспортъ съ провіантомъ. На другой день главнокомандующій, съ 7-ю баталіонами пѣхоты, 2-я дружинами, 10-ю сотнями кавалеріи и 8-ю горными единорогами произвелъ усиленную рекогносцировку къ сторонѣ селеній Чарбили и Ансальты.

Войска налегкѣ, взявъ съ собою на три дня провіанта, выступили въ 8-мь часовъ утра верхъ по ручью Анди.

Непріятель занималъ партіей, около 1.000 человѣкъ конницы, Речельскій перевалъ и небольшими отрядами высоты, отдѣляющія Анди отъ Чербили. На перевалъ вели три дороги, изъ которыхъ правая — обходная представлялась болѣе легкой и пологой. По ней направленъ былъ авангардъ, между тѣмъ, какъ главныя силы подымались по средней дорогѣ.

Взойдя на перевалъ, кавалерія на самое короткое время пріостановилась. Непріятель, находившійся на высотѣ Тунсадъ-Дагъ, открылъ по войскамъ нашимъ огонь.

Направленныя противъ горцевъ—съ одной стороны кавалерія, а съ другой пѣхотная колонна, заставили ихъ отступать вдоль по хребту къ сторонѣ Ансальты; вскорѣ скопище было сбито со всѣхъ высотъ и спустилось въ долину. Съ горы Тунсадъ-Дагъ открылись богатыя, тонувшія въ садахъ, селенія Тинды и Ботлихъ а также вся долина Андійскаго Койсу.

Войска ночевали на брошенной непріятелемъ позиціи, а 21-го возвратились въ лагерь. Когда всѣ части, предназначенныя для экспедиціи въ Дарго, собрались, то отрядъ получилъ названіе главнаго дѣйствующаго.

Онъ состоялъ изъ 12-ти баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, въ составѣ 646 человѣкъ, подъ командою подполковника Познанскаго), сапернаго баталіона, 3-хъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона — всего 8.220 человѣкъ; пѣшей

грузинской милиціи — 800 человѣкъ; 11 сотенъ кавалеріи — 1.176 всадниковъ; 4-е легкихъ и 15-ть горныхъ орудій и 2 мортирки. Перевозочныя средства заключались въ 584 вьюкахъ[3].

Войска приступили къ возведенію временнаго укрѣпленія для вагенбурга на самомъ мѣстѣ лагеря. По окончаніи работы, дальнѣйшее движеніе въ глубь горъ, къ резиденціи Шамиля, могло продолжаться безостановочно.

Непріятель все время не переставалъ наблюдать за отрядомъ. Мелкія партіи мюридовъ бродили ночью вокругъ лагеря, съ цѣлью неожиданно въ темнотѣ убить кого-нибудь, или захватить въ плѣнъ неосторожно отдалившагося отъ лагерной стоянки; но попытки эти, при соблюдаемой осторожности, оставались безъ успѣха.

Такъ напр., 24-го іюня секретъ Апшеронцевъ, на который наткнулись горцы, убилъ одного изъ нихъ, а двухъ взялъ въ плѣнъ[4]. Отъ расположенія нашего лагеря до убѣжища Шамиля считалось всего 18-ть верстъ, и вели туда три дороги, изъ коихъ двѣ были удобны для движенія.

Къ 6-му іюля укрѣпленіе для вагенбурга было окончено, необходимое количество продовольствія подвезено,— слѣдовательно, ничто не препятствовало двинуться въ Дарго.

Изъ селенія Гогатля въ Дарго вели двѣ дороги: одна, ближайшая къ Чарбелійскимъ высотамъ, представляла сначала широкій и весьма удобный путь, но потомъ обращалась въ тропинку и спускалась въ узкое и чрезвычайно глубокое лѣсистое ущелье рѣки Аксая—въ верховьяхъ ея. Другая дорога шла по высотамъ праваго берега Аксая; проходя большей частью по лѣсистымъ гребнямъ, она была довольно удобна для слѣдованія. Послѣднюю дорогу графъ Воронцовъ избралъ для наступленія.

6-го іюля, въ 4-е часа утра, отрядъ выступилъ изъ лагеря, оставя въ укрѣпленіи у Гогатля 5 ротъ при одномъ горномъ единорогѣ.

Войска слѣдовали въ такомъ порядкѣ: въ авангардѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлявскаго, шли 2 баталіона, рота саперъ, сотня казаковъ и 4-е горныхъ орудія; правая обходная колонна, подъ начальствомъ полковника Меллеръ-Закомельскаго, состояла изъ 6-ти ротъ, взвода стрѣлковъ и 2-хъ дружинъ; лѣвая обходная колонна, полковника Козловскаго,— изъ 2-хъ баталіоновъ, грузинской дружины и взвода стрѣлковъ; главныя силы,— 3 баталіона, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Клугенау и, наконецъ, генералъ-маіоръ Лабинцевъ, съ аріергардомъ, изъ 2-хъ баталіоновъ (3-й баталіонъ Апшеронцевъ), 4-хъ горныхъ орудій и всей кавалеріи отряда.

Генералъ-маіоръ Фокъ со всѣми туземными милиціями (осетинская, кабардинская, дигорская и эрпелинская), двигался лѣвѣе отряда, съ цѣлью, если позволитъ мѣстность, быстро преслѣдовать непріятеля.

Въ описываемое время аулъ Дарго игралъ такую же роль, какъ нѣкогда Ашальты, Карата и Чиркей; онъ былъ главнымъ мѣстопребываніемъ Шамиля; сюда стекались всѣ его приверженцы и мюриды. Аулъ находился въ долинѣ Аксая, на правомъ берегу этой рѣки, въ 20-ти верстахъ отъ Гогатля.

Дорога изъ Андіи въ Ичкерію направлялась черезъ хребетъ Речелъ и Черныя Горы затѣмъ, пройдя перевалъ Гумха, она спускалась въ верховья притока Аксая, Мулла-Санжабіатхли-Тлинъ, и подымалась на хребетъ, составляющій правую сторону ущелья въ верховьяхъ Аксая. Этотъ хребетъ, сначала совершенно открытый, на 14-й верстѣ отъ Гогатля, прерывался глубокимъ оврагомъ; дорога здѣсь извивалась по хребту и дну оврага, входила въ дремучій Ичкеринскій лѣсъ, по которому шла на разстояніи

3) Дѣло № 19. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
4) Дѣло № 19. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба.

3-хъ верстъ, пересѣкаясь значительно возвышенной поляной, передъ крутымъ спускомъ въ Дарго.

Спускъ лѣсистой покатости въ 45° продолжался на протяженіи одной версты и затѣмъ, по обрыву праваго берега Аксая, подходилъ къ самому аулу.

Возвышенную площадку въ лѣсу занимало главное скопище Шамиля; все же пространство лѣса, отъ площадки до опушки къ сторонѣ Гогатля, было укрѣплено завалами изъ срубленныхъ деревьевъ, въ два и три обхвата толщиною, а при входѣ въ лѣсъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ дороги, горцы устроили каменные завалы.

Пройдя 14-ть верстъ, отрядъ остановился надъ спускомъ въ оврагъ, отдѣлявшій даргинскій лѣсъ отъ Черныхъ Горъ.

Войскамъ данъ былъ двухчасовый отдыхъ, во время котораго колонны стягивались къ оврагу; партіи непріятеля все время входили въ лѣсъ и приготовлялись къ оборонѣ заваловъ.

Для занятія опушки лѣса направлена лѣвая обходная колонна. Атаковавъ горцевъ, она дала возможность авангарду, безъ большихъ потерь, приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ находился первый завалъ, а двѣ удачно брошенныя гранаты привели мюридовъ въ замѣшательство, такъ что двинутый противъ нихъ баталіонъ безъ особаго труда очистилъ завалъ.

По ближайшемъ осмотрѣ, оказалось, что дорога до площадки проходила по дремучему лѣсу и состояла изъ узкаго перешейка, тянувшагося по вершинѣ хребта, прерываясь изрѣдка спусками и подъемами.

До 20-ти заваловъ, расположенныхъ одинъ за другимъ, преграждали путь, кромѣ того горцы взобрались на деревья, откуда открыли стрѣльбу по баталіону, занимавшему первый завалъ.

Оставаться въ занятомъ завалѣ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, не было возможности, поэтому авангардъ пошелъ впередъ, занимая одинъ завалъ за другимъ.

Командовавшій всѣмъ отрядомъ, генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ, опасаясь за увлекшіяся преслѣдованіемъ войска, нѣсколько разъ посылалъ имъ приказанія остановиться.

Но солдаты неудержимо рвались впередъ, и приказанія дошли до нихъ только по занятіи ими пятаго завала; однако и здѣсь они не могли остаться, ибо непріятель производилъ мѣткую стрѣльбу изъ впереди лежавшаго завала. Занявъ и этотъ завалъ, генералъ Бѣлявскій остановилъ свои войска.

Между тѣмъ, къ авангарду подошло подкрѣпленіе изъ одного баталіона и дружины. Тогда Бѣлявскій вновь двинулся впередъ и направился къ возвышенной площадкѣ, гдѣ находился непріятельскій лагерь. Мюриды подожгли лагерь и начали отступать къ Дарго.

Прибывшій къ авангарду генералъ-лейтенантъ Гурко, приказалъ направить одну роту саперъ для разработки спуска.

Тѣмъ временемъ, главныя силы, подъ прикрытіемъ боковыхъ цѣпей, подвигались впередъ и подошли уже къ узкому перешейку въ лѣсу, о которомъ говорилось выше. Боковыя цѣпи, не имѣя возможности слѣдовать лѣсомъ, вышли на дорогу.

У перешейка собралось значительное скопище горцевъ; для разсѣянія его былъ открытъ огонь изъ двухъ горныхъ орудій, но менѣе чѣмъ въ четверть часа, батарейная прислуга была перебита, а генералъ-маіоръ Фокъ, бросившійся наводить орудіе, получилъ смертельную рану.

Дерзость непріятеля дошла до того, что онъ бросился на орудія, но былъ отбитъ.

Наконецъ, казаки и милиціонеры, спустившіеся въ оврагъ, успѣли выбить засѣвшихъ тамъ горцевъ и очистили дорогу.

Прибывъ къ авангарду, графъ Воронцовъ приказалъ занять пылавшее Дарго, что и было исполнено, подъ выстрѣлами съ противоположнаго берега Аксая.

Въ этотъ день потеря отряда заключалась: въ 1 генералѣ, 1 штабъ-офицерѣ, 2 оберъ-офицерахъ, 28 нижнихъ чиновъ и 4 милиціонерахъ убитыми; ранены: 9 штабъ и оберъ-офицеровъ (въ томъ числѣ адъютантъ главнокомандующаго, князь Дондуковъ-Корсаковъ), 98 нижнихъ чиновъ и 50 милиціонеровъ; контужено 32 человѣка и перебито много лошадей. Потеря горцевъ не извѣстна.

Шамиль, перешелъ Аксай и расположился лагеремъ по дорогѣ къ Маюртупу [5].

Всю ночь и утромъ 7-го іюля горцы производили по нашему лагерю пальбу ядрами, вслѣдствіе чего положеніе войскъ сдѣлалось крайне тяжелымъ.

Чтобы избавить отрядъ отъ безполезныхъ потерь, а также очистить отъ непріятеля высоты лѣваго берега Аксая, куда графъ Воронцовъ предполагалъ перенести лагерь, рѣшено было атаковать непріятеля.

Лѣвый берегъ рѣки Аксая возвышается надъ правымъ; на самомъ высокомъ мѣстѣ его, противъ Дарго, расположено селеніе Белгатой и разбросано нѣсколько хуторовъ; какъ въ селеніи, такъ и въ хуторахъ находились большія партіи горцевъ.

Для взятія Белгатоя составленъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабинцева, изъ 5 1/2 баталіоновъ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ), роты саперъ, 2-хъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 6 сотенъ казаковъ, всей милиціи и 6-ти горныхъ орудій.

Около полудня, 7-го іюля, Лабинцевъ двинулся по направленію къ Маюртупу, имѣя въ первой линіи 3-й баталіонъ Апшеронцевъ и два баталіона Навагинскаго полка съ 4-мя горными орудіями. Не смотря на чрезвычайно трудный подъемъ, баталіоны выгнали непріятеля, засѣвшаго въ лѣсу; горцы отступили къ Белгатою, гдѣ заняли сакли и огороды, намѣреваясь упорно защищаться. Безостановочно слѣдовавшая за непріятелемъ пѣхота 1-й линіи выбила непріятеля изъ селенія и преслѣдовала бѣгущихъ нѣсколько верстъ.

Отъ Белгатоя мѣстность становилась уже болѣе удобной для дѣйствія.

Генералъ Лабинцевъ послалъ Апшеронцевъ съ двумя горными орудіями вправо; баталіонъ Навагинцевъ съ 2-мя орудіями расположился на кладбищѣ, у селенія Цонтери, а вся кавалерія, съ генералъ-маіоромъ Безобразовымъ, выдвинулась впередъ и стала правѣе Апшеронцевъ.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, путь отступленія, Лабинцевъ продолжалъ преслѣдованіе еще на разстояніи двухъ-трехъ верстъ.

Находя, что дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля, отдаляя небольшой отрядъ нашъ отъ главныхъ силъ, можетъ подвергнуть его значительнымъ потерямъ при отступленіи, начальникъ отряда предпринялъ обратное движеніе въ лагерь; горцы начали вновь скопляться въ разныхъ мѣстахъ и открыли сильный огонь изъ овраговъ и лѣсу.

Пѣхота отступала медленно, отбивая штыками всѣ отчаянныя атаки горцевъ; десять разъ бросались мюриды въ шашки, но дружные удары въ штыки охлаждали порывы ихъ.

Для обезпеченія переправы черезъ Аксай, Лабинцевъ приказалъ одному баталіону (Навагинскому) и ротѣ саперъ при двухъ орудіяхъ перейти на правый берегъ рѣки и укрѣпиться тамъ.

Вскорѣ бой завязался на всѣхъ пунктахъ. Непріятель сосредоточивалъ свои силы противъ селенія Белгатоя, гдѣ, совершенно неожиданно для него, войска уже находились въ боевомъ порядкѣ, имѣя въ первой линіи на правомъ флангѣ, у кладбища, Апшеронцевъ.

Кладбище играло для насъ весьма важную роль: оно обезпечивало правый флангъ и

5) Дѣло № 19. Донесеніе генерала Лидерса № 99. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

прикрывало движеніе колоннъ по весьма узкой и лѣсистой дорогѣ, пролегавшей по крутому спуску къ ущелью Аксая; вотъ почему сосредоточенныя силы непріятеля главнымъ образомъ устремились на этотъ пунктъ.

«Кладбище нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки; но храбрые Апшеронцы съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ удерживали за собою и кладбище, и правую оконечность разбросаннаго селенія Белгатоя, мужественно опрокидывали атакою въ штыки отчаянно налегающія толпы горцевъ».

«Командиръ 3-го бататаліона Апшеронскаго полка, извѣстный храбростью и хладнокровной распорядительностью въ битвахъ, подполковникъ Познанскій, былъ убитъ, но Апшеронцы продолжали бой съ тѣмъ же мужествомъ» [6].

На лѣвомъ флангѣ также кипѣлъ бой. Баталіонъ Люблинскаго полка штыками отбивалъ натиски горцевъ, выходившихъ изъ лѣсу. Въ то же время толпы непріятеля, пробравшіяся подъ защитою лѣса въ Аксаевское ущелье, зашли въ тылъ отряду и пытались отрѣзать ему путь отступленія; но направленныя сюда 3 роты при 4-хъ крѣпостныхъ ружьяхъ и одномъ горномъ орудіи оттѣснили горцевъ и удержали за собою переправу черезъ Аксай.

Дорога къ спуску становилась весьма узкою; отбросивъ снова непріятеля на всѣхъ пунктахъ, генералъ Лабинцевъ приказалъ баталіонамъ Люблинскаго и Замосцкаго полковъ спуститься къ переправѣ, а самъ съ Апшеронцами и Навагинцами остался въ аріергардѣ, «причемъ Апшеронцы изъявили новое доказательство примѣрной неустрашимости, принимая непріятеля безъ выстрѣла въ штыки» [7].

Не смотря на необыкновенно трудную для движенія войскъ мѣстность, не смотря на сильный артиллерійскій и ружейный огонь горцевъ, аріергардъ отступалъ въ стройномъ порядкѣ, не оставляя въ рукахъ непріятеля ни одного убитаго, ни одного раненаго.

Артиллерійскій огонь непріятеля не причинилъ отступавшимъ войскамъ никакого вреда; но отъ ружейнаго уронъ былъ весьма чувствителенъ и заключался въ 1-мъ убитомъ штабъ-офицерѣ *(подполковникъ Познанскій)*, одномъ оберъ-офицерѣ и 28-ми нижнихъ чинахъ; ранено большей частью легко: 9 штабъ и оберъ-офицеровъ *(Апшеронскаго полка поручикъ Пурпасовъ и подпоручикъ Кайданъ)* и 178 нижнихъ чиновъ.

Уронъ горцевъ былъ вѣроятно великъ: они едва успѣвали убирать тѣла съ поля битвы.

«Результатами произведеннаго движенія явилось истребленіе и преданіе пламени нѣсколькихъ хуторовъ Шамиля», пишетъ графъ Воронцовъ въ своемъ донесеніи Императору Николаю I.

Нельзя не сознаться, что мы весьма дорого заплатили за эти хутора, или проще сказать, саманники, а Апшеронцы въ особенности, потерявъ здѣсь своего храбраго командира баталіона и около 70-ти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Непріятель, по прежнему занялъ правый берегъ Аксая откуда тревожилъ отрядъ ружейнымъ огнемъ и выстрѣлами изъ орудій. Съ наступленіемъ сумерекъ, колонна Лабинцева возвратилась въ лагерь. 8-го и 9-го іюля непріятель не особенно тревожилъ отрядъ, и войска отдыхали, въ ожиданіи транспорта съ разнаго рода запасами.

Утромъ 10-го числа транспортъ этотъ показался на высотахъ, отдѣляемыхъ отъ Дарго большимъ лѣсистымъ оврагомъ, въ которомъ происходило дѣло 6-го іюля. Чтобы не подвергать транспортъ затрудненіямъ при переходѣ черезъ оврагъ, графъ Воронцовъ рѣшилъ выслать на встрѣчу ему особый отрядъ, который, пройдя оврагъ, долженъ былъ принять доставленные запасы и порціонный скотъ и возвратиться съ ними въ лагерь, отрядъ же,

---

6) Тамъ-же. Донесеніе генерала Лабинцева, № 91.

7) Тамъ-же.

конвоировавшій транспортъ, захвативъ раненыхъ, парковыхъ и подъемныхъ лошадей, возвращался обратно къ Гогатлю за новыми продовольственными запасами.

Съ этой цѣлью составленъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Клугенау; въ составъ его вошло по половинѣ изъ каждой части войскъ, расположенныхъ у Дарго; колонна выступила на легкѣ.

Такимъ образомъ, у Клугенау составилось шесть баталіоновъ (въ томъ числѣ двѣ роты Апшеронцевъ), 4 горныхъ орудія, сборныя команды казаковъ и милиціи. Въ помощь Клугенау назначены генералы Пассекъ и Викторовъ. Въ 3 часа пополудни колонна выступила изъ лагеря.

Предвидя затрудненія, ожидавшія войска на лѣсистомъ хребтѣ, лежащемъ въ тылу лагеря, генералъ Клугенау принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы пройти быстрѣе и въ возможно большемъ порядкѣ это опасное мѣсто.

Авангардъ, изъ одного баталіона, роты саперъ, роты стрѣлковъ и части грузинской милиціи при двухъ горныхъ орудіяхъ ввѣренъ былъ генералъ-маіору Пассеку, въ правой цѣпи находились 4 роты, въ лѣвой три; главныя силы составлялъ одинъ баталіонъ, имѣя въ головѣ линейныхъ казаковъ; аріергардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Викторова, состоялъ изъ $6^1/_2$ ротъ (въ томъ числѣ двѣ роты Апшеронцевъ) при двухъ горныхъ орудіяхъ. Когда колонна вошла въ лѣсъ, то Клугенау увидѣлъ, что завалы, уничтоженные 6-го іюля, не только вновь возведены, но даже усилены боковыми завалами, изъ которыхъ непріятель имѣлъ возможность поражать насъ убійственнымъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ.

Не смотря на то, авангардъ быстро подвигался впередъ и бралъ завалы, безъ большой потери. Но затрудненія росли съ каждой минутой; очистка дороги для свободнаго прохода орудій сдѣлалась на столько трудной, что повлекла за собою нѣкоторый безпорядокъ въ колоннѣ; въ особенности великъ онъ былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ перерѣзывается глубокой и крутой сѣдловиной и представляетъ узкій и открытый проходъ.

Непріятель, пользуясь выгодною для себя мѣстностью, обрушился всей массой на тыловыя части аріергарда и, отрѣзавъ часть его, окружилъ со всѣхъ сторонъ.

Въ одну минуту всѣ артиллерійскія лошади были перебиты артиллеристы изрублены, а равнымъ образомъ и часть прикрытія орудій; горцы сбросили два горныхъ единорога въ кручу, и, занявъ дорогу, преслѣдовали аріергардъ сильнымъ и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ.

Генералъ Клугенау послалъ на помощь аріергарду еще одну роту; но непріятель уже былъ отброшенъ; къ сожалѣнію вытащить орудія не представлялось никакой возможности, такъ какъ не было лошадей и наступила ночь.

Во время происшедшей жаркой схватки, убитъ генералъ-маіоръ Викторовъ и пострадали сильно Навагинскія роты, шедшія въ хвостѣ. Было уже около 11-ти часовъ ночи, когда войска вышли на открытыя высоты, гдѣ расположенъ былъ транспортъ.

Генералъ Пассекъ разставилъ войска на позиціи, для обезпеченія ихъ отъ непріятеля, не прекращавшаго сильнаго ружейнаго огня.

На другой день порядокъ обратнаго марша былъ слѣдующій: въ авангардѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пассека, шли 2 баталіона (Люблинскаго и Навагинскаго полковъ), рота саперъ, часть грузинской милиціи и 2 горныхъ орудія; въ правой цѣпи три роты Куринцевъ;—въ лѣвой—4 роты (Замосцкаго и Литовскаго полковъ); въ аріергардѣ, съ полковникомъ Ранжевскимъ — Апшеронцы, Кабардинцы и рота саперъ.

Употребивъ остатокъ ночи и утро слѣдующаго дня на раздачу войскамъ провіанта,

Клугенау, въ 8 часовъ утра, тремя пушечными выстрѣлами далъ знать главному отряду о началѣ своего движенія къ Дарго.

Недождавшись отвѣта на эти сигналы, Клугенау въ 10 часовъ двинулся въ путь. Непріятель въ продолженіи ночи устроилъ новые завалы и укрѣпилъ ихъ огромными деревьями, вѣтви которыхъ не были срублены и переплетались между собою.

Авангардъ, безъ большаго сопротивленія со стороны горцевъ, подвигался впередъ. Но одинъ изъ баталіоновъ, увлеченный боемъ, зарвался впередъ и тѣмъ совершенно открылъ саперъ, занятыхъ расчисткой дороги.

Тогда горцы, усиленные въ продолженіи ночи прибывшими подкрѣпленіями, и занимавшіе лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги, бросились на саперъ и, перерубивъ ихъ, снова заняли завалы, отрѣзавъ такимъ образомъ авангардъ отъ главныхъ силъ.

Услышавъ впереди сильную ружейную перестрѣлку, Клугенау поскакалъ къ авангарду и нашелъ тамъ генерала Пассека, устраивавшаго двѣ Навагинскія роты, чтобы вновь атаковать завалы.

Генералъ-Клугенау послалъ одну изъ этихъ ротъ обойти, если окажется возможнымъ правый завалъ, взять второй и захватить горцевъ, засѣвшихъ въ первомъ завалѣ. Желая скорѣе настигнуть авангардъ и остановить его, Пассекъ бросился впередъ съ другой ротой; но нѣсколько непріятельскихъ стрѣлковъ, не выбитыхъ еще изъ за заваловъ, сдѣлали въ эту минуту послѣдній залпъ и герой Пассекъ палъ мертвымъ.

Непріятель произвелъ атаку съ правой стороны нашей колонны, но она была отбита штыками.

Оттѣснивъ толпы мюридовъ, находившихся впереди и на флангахъ нашихъ, отрядъ продолжалъ движеніе. Едва только въ серединѣ колонны замѣтили, что завалы взяты и проходъ освободился, какъ грузинская кавалерія, раненые, вьючныя лошади, порціонный скотъ и ихъ вожатые, наконецъ, все бывшее внѣ строя, въ страшномъ безпорядкѣ, бросилось плотной массой на дорогу.

Напрасно генералъ Клугенау нѣсколько разъ приказывалъ строевымъ людямъ штыками остановить толпу, но ничего не помогало: безпорядочная толпа опрокидывала все, что находилось впереди. Сосредоточенный огонь горцевъ истреблялъ эту беззащитную массу людей, однимъ страхомъ приведенную въ движеніе и около разобранныхъ уже заваловъ, образовались новые изъ труповъ людей и лошадей.

Въ эту критическую минуту Клугенау потерялъ всякую надежду спасти остальныя два орудія, когда неожиданно увидѣлъ прибытіе изъ авангарда двухъ ротъ, которыя онъ и назначилъ для защиты орудій.

Успокоенный съ этой стороны и получивъ извѣстіе, что изъ лагеря идетъ подкрѣпленіе, генералъ Клугенау поѣхалъ къ авангарду и только послѣ величайшихъ усилій успѣлъ пробиться сквозь толпу и достигнуть площадки. При выходѣ изъ дефиле, онъ встрѣтилъ баталіонъ пѣхоты и грузинскую милицію, высланные изъ лагеря.

Этимъ баталіономъ Клугенау смѣнилъ остатки Навагинскихъ ротъ, державшихся еще въ боковыхъ завалахъ.

Цѣпи мало по малу вышли на поляну и стали по обѣимъ сторонамъ обоза, для прикрытія его отъ выстрѣловъ изъ опушки лѣса. Въ это время Клугенау получилъ извѣстіе изъ аріергарда: послѣдній выдержалъ страшныя атаки непріятеля, которыя Апшеронцы и Кабардинцы, со свойственнымъ имъ мужествомъ, отражали штыками, причемъ руководившій боемъ полковникъ Ранжевскій былъ убитъ.

Въ 6 часовъ вечера, когда всѣ раненые и значительная часть обоза соединились на площадкѣ, движеніе продолжалось; оставалось пройти послѣдній и самый крутой спускъ.

Здѣсь непріятель оказалъ отряду лишь слабое сопротивленіе; проливной дождь, шедшій въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ до того испортилъ дорогу, что приходилось употребить не мало усилій для спуска раненыхъ.

Эта трудная работа, равно какъ и спускъ орудій, прикрывались аріергардомъ.

Потеря колонны за два дня была огромная; убито: 2 генерала, 3 штабъ-офицера, 14 оберъ-офицеровъ и 537 нижнихъ чиновъ; ранено: 32 оберъ-офицера и 738 нижнихъ чиновъ. У Апшеронцевъ *убитъ прапорщикъ Дымовскій; ранены подпоручики Кащіевъ и Астафьевъ;* число убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ неизвѣстно [8]).

Несчастное движеніе Клугенау за продовольствіемъ солдаты окрестили именемъ «Сухарницы» [9]).

Принимая во вниманіе значительное число находившихся въ отрядѣ раненыхъ, а также недостатокъ продовольствія и невозможность доставлять его изъ Андіи по описанной выше дорогѣ, и, наконецъ, скудность подножнаго корма, главнокомандующій графъ Воронцовъ, во избѣжаніе еще большаго разстройства и изнуренія людей и лошадей — рѣшилъ выступить изъ Дарго чрезъ Шуани и Аллерой къ укрѣпленію Герзель-аулу. Для движенія былъ избранъ лѣвый берегъ рѣки Аксая. Такое направленіе Воронцовъ выбралъ по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, оно давало возможность идти наступательно на Шамиля, занявшаго съ главнымъ своимъ скопищемъ и тремя орудіями позицію у Цонтери; во-вторыхъ, тѣсня горцевъ мы тѣмъ самымъ отнимали у нихъ возможность обрушиться всею массою на части войскъ, оставленныя въ укрѣпленіяхъ при Гогатлѣ (въ Андіи) и у Андійскихъ воротъ; въ третьихъ, черезъ Шуани дорога въ Герзель-аулъ была короче другихъ, слѣдовательно, скорѣе можно было доставить покой раненымъ, а равно и продовольствіе войскамъ. По увѣреніямъ проводниковъ, дорога эта представлялась самою удобною для провоза артиллеріи, что и подтвердилось на самомъ дѣлѣ. Одновременно съ рѣшеніемъ выступать изъ лагеря у Дарго, графъ Воронцовъ послалъ приказаніе войскамъ, занимавшимъ укрѣпленные пункты у Гогатля и Буцура, отступить съ должною осторожностью, поддерживая другъ друга, къ позиціи при Мичикалѣ, прекративъ подвозъ запасовъ главному дѣйствующему отряду.

Главнокомандующій поручилъ генералу князю Бебутову начальство надъ войсками, которыя должны были сосредоточиться у Мичикала и Кыркъ (въ числѣ ихъ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), и предписалъ ему занимать оба эти пункта впредь до особаго распоряженія. Одновременно графъ Воронцовъ приказалъ начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи, генералъ-маіору Фрейтагу, собрать, сколько возможно, войскъ, не обнажая, однако же, Кумыкской плоскости и двинуться отъ укрѣпленія Герзель-аула къ Мискиту, на встрѣчу главному дѣйствующему отряду.

Для облегченія предстоявшаго отступленія отъ Дарго къ Герзель-аулу, уничтоженъ былъ почти весь лагерь; палатки обращены на обувь и другія надобности нижнихъ чиновъ, уничтожены менѣе необходимые вьюки частныхъ лицъ; лошади главнокомандующаго, а также и другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ отданы подъ раненыхъ.

Въ 4 часа утра, 13-го іюля, отрядъ выступилъ изъ лагеря къ позиціи Шамиля у Цонтери. Войска шли въ такомъ порядкѣ: авангардъ — генералъ-маіора Бѣлявскаго состоялъ изъ 3-го баталіона Апшеронцевъ, баталіона Люблинскаго полка, сапернаго баталіона, трехъ ротъ стрѣлковъ, 4-хъ горныхъ орудій, осетинской, кабардинской, дигорской и грузинской конныхъ милицій; главныя силы, подъ начальствомъ генерала Клугенау — 3 баталіона и 7 орудій; здѣсь находились всѣ тяжести, раненые и больные; аріергардъ —

[8]) Рапортъ генерала Клугенау графу Воронцову, № 74. Дѣло № 19. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[9]) Впрочемъ, то же названіе приписывается и всеобщему всему Даргинскому походу.

генералъ-маіора Лабинцева, составляли 2 баталіона, 2 орудія и всѣ казаки; правую цѣпь — 2 баталіона, Гурійская милиція и дружина пѣшей Грузинской милиціи, лѣвую цѣпь — 1 баталіонъ и горская дружина.

Дорога къ Цонтери, шла черезъ глубокій оврагъ, мимо селенія Белгатоя.

По приближеніи авангарда къ оврагу, непріятель открылъ по немъ огонь изъ двухъ орудій. Впрочемъ, сверхъ всякаго ожиданія, войска прошли оврагъ почти безъ потерь. Сосредоточенное дѣйствіе батарей и занятіе праваго берега Аксая стрѣлковымъ баталіономъ прикрыли движеніе авангарда, который быстро занялъ удобную позицію за Белгатоемъ; Апшеронцы направились влѣво и заняли кладбище.

Въ то время, когда колонны поднимались на противуположный берегъ Аксая, непріятель выдвинулъ на высоты три легкихъ орудія и дѣйствовалъ изъ нихъ по войскамъ, подходившимъ къ переправѣ.

Приближеніе авангарда и огонь двухъ орудій заставилъ Шамиля сняться съ позиціи и отступить.

Между тѣмъ, сильныя партіи горцевъ показались со стороны Беноя и Дарго; но пока онѣ оставались въ наблюдательномъ положеніи. По мѣрѣ того, какъ отрядъ проходилъ черезъ Аксай, сосредоточиваясь у Белгатоя,— толпы горцевъ собирались на лѣвомъ нашемъ флангѣ, за покинутымъ лагеремъ. Отъ Белгатоя войска двинулись по направленію къ Цонтери и безпрепятственно перешли еще одинъ крутой и лѣсистый оврагъ.

Убѣдившись, что отрядъ двигается къ Цонтери, Шамиль сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе; онъ приказалъ выдвинуть два орудія и направилъ выстрѣлы ихъ на колонны и вьюки, поднимавшіеся на высоты; но огонь нашихъ орудій заставилъ непріятельскую артиллерію умолкнуть.

Послѣ утомительнаго перехода, войска ночевали близь селенія Цонтери, на урочищѣ Кетечь-Корта (Курганъ Совѣщанія).

Передъ захожденіемъ солнца, непріятельская пѣхота потянулась вправо, кавалерія съ орудіями расположилась на ночлегъ въ значительномъ отдаленіи отъ нашего аріергарда.

Въ этотъ день потеря отряда заключалась въ 1 убитомъ оберъ-офицерѣ и 5 нижнихъ чинахъ; ранены: 1 штабъ и 4 оберъ-офицера и 62 нижнихъ чина; контужены: 1 штабъ-офицеръ и 4 нижнихъ чина. 14-го іюля, въ 4 часа утра, отрядъ въ прежнемъ порядкѣ, продолжалъ путь, направляясь къ селенію Шуани; передъ уходомъ войска зажгли Цонтери.

Апшеронцы вытѣснили непріятеля изъ опушки впереди лежащаго лѣса; во время происшедшей здѣсь перестрѣлки раненъ командовавшій баталіономъ графъ Штейнбокъ.

Изъ Цонтери дорога сворачивала влѣво и выходила на довольно ровное и открытое мѣсто. Послѣ небольшаго аріергарднаго дѣла отрядъ подошелъ къ селенію Урдали.

Шамиль все еще оставался въ неизвѣстности, какое именно направленіе выберетъ для отступленія отрядъ нашъ: пойдетъ ли онъ къ Маіортупу или къ Герзель-аулу; поэтому его кавалерія и артиллерія тянулась параллельно нашему лѣвому флангу, а большія пѣшія скопища занимали лѣсистый хребетъ, отдѣляющій Урдали отъ Шуани. Когда движеніе войскъ къ послѣднему пункту уже ясно обозначилось, то всѣ конные горцы бросились къ упомянутому хребту.

Дорога, по которой слѣдовали войска, проходила черезъ селеніе Урдали и находящійся за нимъ глубокій оврагъ; затѣмъ она подымалась вверхъ и здѣсь отлично обстрѣливалась съ высотъ покрытыхъ лѣсомъ. Высоты были заняты непріятелемъ, успѣвшимъ уже понадѣлать завалов.

Первая наша атака имѣла цѣлью занятіе высоты, лежащей съ лѣвой стороны дороги.

6 ротъ Куринскаго полка направлены были на высоту, а генералъ-маіоръ Бѣлявскій съ 3-мя баталіонами (въ томъ числѣ Апшеронскій) пошелъ вправо по дорогѣ. Поднявшись на гору, Бѣлявскій двинулъ три роты Апшеронцевъ и роту Литовскаго полка къ лѣвой сторонѣ непріятельскаго завала.

«Штыками выбили молодцы Апшеронцы горцевъ изъ завала, а совокупное дѣйствіе обѣихъ колоннъ, принудило непріятеля оставить упорно защищаемые завалы» [10].

Оставалось еще овладѣть высотами, лежащими вправо и очистить лѣсъ, занятый непріятелемъ на протяженіи болѣе 2-хъ верстъ.

Съ этой цѣлью генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ поставилъ для обстрѣливанія правыхъ высотъ двѣ батареи,—одну изъ горныхъ орудій, а другую изъ крѣпостныхъ ружей; послѣ того онъ послалъ одинъ баталіонъ прямо по дорогѣ, для занятія лѣса, а другой въ обходъ завала, съ лѣвой стороны; одновременно съ ними правая цѣпь должна была штурмовать завалъ справа.

Прибывшій къ началу атаки, графъ Воронцовъ, приказалъ кабардинской и дигорской милиціи спѣшиться и вмѣстѣ съ двумя ротами саперъ идти съ фронта на завалы, а два баталіона направилъ съ тою же цѣлью вправо.

Рѣшительное наступленіе трехъ колоннъ заставило горцевъ очистить завалъ. Генералъ Бѣлявскій, съ передовою частью авангарда, состоявшей изъ роты Апшеронцевъ и роты саперъ, направился по дорогѣ.

Встрѣтивъ на пути непріятеля, Апшеронцы съ крикомъ «ура!», при барабанномъ боѣ бросились на него въ штыки; увлеченные порывомъ своей храбрости, они пробѣжали болѣе версты, преслѣдуя непріятеля и беря одинъ завалъ за другимъ, такъ что очутились совершенно безъ поддержки, имѣя съ обѣихъ сторонъ непроходимые лѣсистые овраги. У выхода на поляну возвышался непріятельскій завалъ.

Апшеронцы, а вслѣдъ за ними и подбѣжавшія части Литовскаго полка, остановились передъ новымъ грознымъ заваломъ, откуда горцы поражали ихъ на близкомъ разстояніи сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Въ эту критическую минуту одиннадцать храбрецовъ—Апшеронцевъ, а именно: унтеръ-офицеры: Лаврентій Юзъякъ, Степанъ Владиміровъ, Іосифъ Стрѣлковскій; рядовые: Андрей Мотроховъ, Игнатъ Наштенко, Степанъ Перцовъ, Иванъ Жерновъ, Яковъ Хорошевъ, Иванъ Гавриловъ, Антонъ Вильчинскій и Марцеллъ Врублевскій съ крикомъ «ура» бросились къ завалу ворвались въ него и начали штыками колоть мюридовъ; послѣдніе, изумленные такою отчаянною храбростью, совершенно опѣшили и, почти не защищясь, падали подъ ударами штыковъ. Но когда увидѣли, что съ ними дерется только горсть смѣльчаковъ, то бросились на Апшеронцевъ въ шашки. Схватка сдѣлалась еще ужаснѣе, во время которой каждый изъ солдатъ показывалъ чудеса храбрости и все-таки они погибли-бы, не подоспѣй во время помощь [10].

---

9) Донесеніе генералъ-маіора Бѣлявскаго. Дѣло № 19. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

10) Приведемъ здѣсь приказъ, отданный княземъ Воронцовымъ по отдѣльному Кавказскому и пятому пѣхотному корпусамъ. отъ 15-го августа 1845 года, въ станицѣ Червленой, о доблестномъ и честномъ поступкѣ храбрыхъ солдатъ.

«14-го іюля сего года, во время слѣдованія главнаго отряда отъ селенія Дарго къ урочищу Герзель-аулу, часть авангарда, подъ командою генералъ-маіора Бѣлявскаго, была встрѣчена при выходѣ изъ лѣса на Шуанійскую долину губительнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ, занявшихъ, на полуружейный выстрѣлъ отъ головы колонны, хребетъ впереди лежащей возвышенности.

«Смертоносные, неожиданно встрѣченные выстрѣлы непріятельскіе, внезапно остановили малочисленный авангардъ, и когда генералъ-маіоръ Бѣлявскій, видя необходимость сбить, во чтобы то ни стало, непріятеля съ занятой имъ позиціи, откуда наносилъ онъ страшный вредъ авангарду, съ крикомъ «ура!», кинулся впередъ, тогда одиннадцать человѣкъ храбрыхъ Апшеронцевъ, а именно, унтеръ-офицеры: Лаврентій Юзьякъ, Стефанъ Владиміровъ, Іосифъ Стрѣлковскій; рядовые: Иванъ Жерновъ, Игнатъ Наштенко, Марцеллъ Врублевскій, Яковъ Хорошевъ, Андрей Мотроховъ, Степанъ Перцовъ, Иванъ Гавриловъ и Антонъ Вильчинскій бросились за нимъ на непріятельскій завалъ и примѣрнымъ самоотверженіемъ воспламенили остальныхъ товарищей своихъ, минутно пріостановившихся отъ внезапной встрѣчи смертельнаго, поражавшаго ихъ, непріятельскаго огня.

Рота Апшеронцевъ, добѣжавъ до завала, кинулась на мюридовъ въ штыки. Дружными усиліями Апшеронцевъ завалъ былъ очищенъ отъ непріятеля, причемъ половина защищавшихъ его мюридовъ легла на мѣстѣ.

Всѣ вышепоименованные герои—Апшеронцы остались живы, и на мѣстѣ же боя графъ Воронцовъ навѣсилъ каждому изъ нихъ георгіевскій крестъ [12]).

Послѣ взятія завала, Апшеронцы дальше не пошли, а расположились пока въ немъ.

Впереди возвышался еще одинъ завалъ, изъ котораго горцы производили убійственный огонь; чтобы не подвергать людей совершенно напрасной большой потерѣ, генералъ Лидерсъ отложилъ штурмъ и приказалъ солдатамъ укрыться во взятомъ ими завалѣ.

Опомнившись послѣ быстраго нашего натиска, непріятель открылъ сильный огонь изъ ближайшихъ заваловъ, а отброшенные въ оврагъ горцы снова заняли дорогу, такъ что сообщеніе съ главными силами на время прекратилось. Извѣщенный объ этомъ графъ Воронцовъ поспѣшилъ возстановить связь съ передовыми войсками. Собравъ, сколько возможно было, пѣхоты и взявъ съ собою одно горное орудіе, Воронцовъ пришелъ на подкрѣпленіе къ авангарду. Сейчасъ же поставили горное орудіе противъ передняго завала, обстрѣляли его, послѣ чего направлены были въ атаку Апшеронцы и Литовцы, которые штыками заставили горцевъ очистить завалъ.

Во время слѣдованія главныхъ силъ по узкому дефиле въ лѣсу, нѣсколько десятковъ горцевъ ворвались въ транспортъ съ вьюками и произвели страшный переполохъ; но порядокъ былъ скоро возстановленъ прибывшею на помощь ротою.

Въ продолженіе вышеизложенныхъ дѣйствій авангарда, аріергардъ отступалъ вслѣдъ за главными силами, выдерживая натиски многочисленнаго непріятеля. Ни крѣпкія, защищенныя самою природою и искусствомъ, позиціи, ни упорныя и смѣлыя атаки непріятеля, не въ состояніи были задержать движеніе отряда: съ примѣрнымъ мужествомъ войска преодолѣвали всѣ препятствія и сбивали мюридовъ на всѣхъ пунктахъ. Перейдя почти безпрепятственно еще одинъ глубокій и обрывистый оврагъ, отрядъ расположился для ночлега на высотѣ, не далеко отъ селенія Исса-Юрта. Въ этотъ день войска прошли около 12 верстъ по трудной мѣстности, находясь безпрерывно въ бою. Къ вечеру проливной дождь до того испортилъ дорогу, что два легкихъ орудія только къ разсвѣту съ большимъ трудомъ могли быть свезены на занятую отрядомъ позицію.

Въ сраженіи 14-го іюля мы потеряли 1-го штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ и 65 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены: 3 штабъ-офицера, 11 оберъ-офицеровъ и 158 нижнихъ чиновъ; контужено: 4 оберъ-офицера и 37 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропало 7 нижнихъ чиновъ.

По прибытіи къ мѣсту ночлега частей войскъ, отставшихъ вслѣдствіе испорченной дороги и наступившей ночи, отрядъ въ 10 часовъ утра, 15-го іюля, выступилъ по дорогѣ къ селенію Аллероі. Впереди находился глубокій оврагъ, противуположный лѣсистый берегъ котораго занялъ непріятель.

Подъ прикрытіемъ сильнаго орудійнаго огня авангардъ двинулся къ этой позиціи и безъ особеннаго труда заставилъ горцевъ отступить. Во время прохожденія главныхъ силъ, горцы, занявъ съ лѣвой стороны обрывистыя, покрытыя лѣсомъ высоты, откуда ихъ передъ тѣмъ сбила наша цѣпь, открыли ружейный огонь по дефилировавшимъ войскамъ;

«Наградивъ всѣхъ этихъ храбрецовъ знаками отличія военнаго ордена, я священнымъ долгомъ поставляю особенно благодарить каждаго изъ нихъ за столь доблестный подвигъ, о чемъ и объявляю по войскамъ Отдѣльнаго Кавказскаго и 5-го пѣхотнаго корпусовъ, предписываю приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, батареяхъ, эскадронахъ и сотняхъ, при собраніи всѣхъ воинскихъ чиновъ.

[12]) Дѣло № 43 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

направленная противъ непріятеля милиція разсѣяла его. Въ слѣдующемъ оврагѣ горцы вновь пытались преградить дорогу отряду, но авангардъ оттѣснилъ ихъ.

Войска успѣли пройти не болѣе 4-хъ верстъ, но за то переходъ былъ сопряженъ съ такими трудностями, что главнокомандующій счелъ необходимымъ остановиться на ночлегъ у селенія Аллерой. — Отрядъ расположился на пологомъ скатѣ, обращенномъ къ селенію, а чтобы имѣть воду, и прикрыть лагерь со стороны Аксая, графъ Воронцовъ приказалъ казакамъ и одному баталіону занять самое селеніе.

Въ этотъ день потеря наша заключалась въ 15 убитыхъ нижнихъ чинахъ; ранено 3 оберъ-офицера и 44 нижнихъ чина; контужено 19-ть нижнихъ чиновъ и 1 пропалъ безъ вѣсти.

Вслѣдствіе густаго тумана и мелкаго дождя, не позволявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ различать предметы, отрядъ выступилъ 16-го іюля только въ 8 часовъ утра. Войска двинулись въ прежнемъ порядкѣ. На противуположной сторонѣ крутаго оврага, черезъ который проходила дорога, засѣли горцы и открыли ружейный огонь; но нѣсколько, артиллерійскихъ снарядовъ заставили ихъ разсѣяться; затѣмъ авангардъ безпрепятственно занялъ оставленную непріятелемъ позицію. Дальше дорога шла черезъ молодой, но весьма густой лѣсъ. Когда главная колонна стянулась, то для занятія лежавшей впереди обширной поляны, была двинута конница; встрѣченная сильнымъ ружейнымъ огнемъ, она остановилась и пропустила впередъ авангардъ. Послѣдній, пройдя нѣсколько перелѣсковъ и выбивая изъ нихъ непріятеля штыками, вошелъ снова въ густой лѣсъ, въ которомъ встрѣтилъ глубокій оврагъ, гдѣ сосредоточились значительныя толпы горцевъ.

Не смотря на отчаянное сопротивленіе мюридовъ генералъ-маіоръ Бѣлявскій съ баталіономъ Апшеронцевъ и двумя орудіями пробирался сквозь лѣсныя трущобы; здѣсь онъ встрѣтилъ новое препятствіе — оврагъ, на противуположной сторонѣ котораго горцы устроили завалы, и поражали оттуда проходившія войска мѣткими фланговыми выстрѣлами. Бѣлявскій перешелъ оврагъ съ Апшеронскимъ и Литовскимъ баталіонами и вслѣдъ за тѣмъ овладѣлъ высотою, около селенія Шаухалъ-Берды. Двѣ роты саперъ, съ двумя горными единорогами, пѣшей грузинской милиціей и кавалеріею не могли за ними слѣдовать, потому что саперы остановились для починки бывшаго въ оврагѣ мостика; здѣсь войска эти подверглись жестокому огню засѣвшаго въ лѣсу непріятеля и несли большой уронъ.

Сообщеніе одной части авангарда съ другою прервалось; генералъ Гурко нѣсколько разъ пытался возстановить потерянную связь, направляя войска на высоты, лежавшія съ лѣвой стороны, и даже располагалъ на нихъ орудія, чтобы обстрѣливать завалы съ тылу; но успѣху дѣла препятствовала весьма неровная мѣстность, вслѣдствіе чего Гурко ограничился высылкой въ подкрѣпленіе передовыхъ войскъ двухъ ротъ, прибывшихъ изъ правой цѣпи.

Когда войска наши заняли опушку лѣса съ правой стороны, то горцы прекратили убійственный огонь по дорогѣ. Между тѣмъ, къ саперамъ и милиціи, съ противуположной стороны подоспѣли охотники Апшеронскаго полка, посланные генералъ-маіоромъ Бѣлявскимъ. Совокупное наступленіе охотниковъ и двухъ ротъ Куринскаго полка принудило непріятеля отступить.

По занятіи высоты, на лѣвой сторонѣ ея оставлена одна рота. Сообщеніе съ авангардомъ было, такимъ образомъ, возстановлено, и весь отрядъ безостановочно продолжалъ слѣдованіе.

Главныя силы непріятеля сосредоточивались у Шаухалъ-Берды; на штурмъ этого селенія генералъ Бѣлявскій послалъ 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка. Апшеронцы пошли въ атаку безъ выстрѣла, не обращая вниманія на сосредоточенный огонь горцевъ.

Падавшіе товарищи только усиливали озлобленіе солдатъ и заставляли живыхъ ускорять шагъ. Наконецъ, баталіонъ приблизился къ селенію и пошелъ на горцевъ въ штыки. Крики «ура», гиканье горцевъ и распѣваемыя ими священныя пѣсни слились въ одинъ неясный гулъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, мюриды принуждены были уступить передъ страшнымъ, неудержимымъ напоромъ Апшеронцевъ и начали отступать. Вскорѣ селеніе было совершенно очищено. По взятіи Шаухалъ-Берды, авангардъ расположился близъ него лагеремъ.

Въ это время главныя силы подходили къ мостику въ оврагѣ.

Непріятель собрался, чтобы еще разъ произвести атаку, но былъ съ урономъ отбитъ.

Наконецъ, всѣ части отряда стянулись и расположились лагеремъ у Шаухалъ-Берды, на большой полянѣ низменнаго берега рѣка Аксая, въ 15-ти верстахъ отъ укрѣпленія Герзель-аула.

16-е іюля стоило отряду очень дорого; у насъ убито: 2 оберъ-офицера и 107 нижнихъ чиновъ; ранено: 4 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ; контужено: 1 штабъ-офицеръ и 41 нижній чинъ. Безъ вѣсти пропало 15 рядовыхъ.

Отрядъ прибылъ къ Шаухалъ-Берды въ самомъ плачевномъ состояніи.

Баталіоны, вслѣдствіе понесенныхъ потерь значительно уменьшились въ своей численности; нѣкоторые изъ нихъ не имѣли и 300 человѣкъ въ строю, матеріальная часть войскъ была совершенно уничтожена; половина подъемныхъ лошадей перебита, другая часть везла раненыхъ и больныхъ, число которыхъ возросло до 1.500 человѣкъ; для переноски и сопровожденія ихъ, отдѣлено было много людей изъ дѣйствующихъ частей отряда.

Артиллерія, имѣвшая раньше 635 лошадей, потеряла 400; изъ числа 13-ти запряженныхъ орудій, кое-какъ дотащившихся въ Шаухалъ-Берды, пришлось сформировать только четыре взвода. 17-го іюля уничтожены: запасный лафетъ, 10-ть единорожныхъ и 10-ть мортирныхъ ящиковъ. При отрядѣ осталось всего 2 легкихъ и 6-ть горныхъ орудій, остальныя пришлось взять на вьюки; при орудіяхъ остались только одни картечные заряды, поэтому приходилось собирать непріятельскія ядра, разряжать неразорвавшіяся гранаты и такимъ путемъ добывать порохъ для зарядовъ; на картузы употреблялись солдатскія шинели. На каждое горное орудіе оставалось всего по 62 заряда, а на каждаго рядоваго по 50 патроновъ. Ко всему этому нужно еще замѣтить, что большая часть людей уже трое сутокъ ничего не ѣла, кромѣ собираемой съ полей кукурузы.

Однако, и при такой печальной обстановкѣ, солдаты не унывали и переносили труды и лишенія съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ. Идти дальше, при слабомъ составѣ отряда, графъ Воронцовъ считалъ невозможнымъ, и потому рѣшился дождаться у Шаухалъ-Берды прибытія генералъ-маіора Фрейтага, которому, какъ было сказано раньше, онъ предписалъ двинуться на встрѣчу отряду.

17-го и 18-го іюля отрядъ оставался въ ожиданіи. Между тѣмъ Шамиль, отлично понимая причины такого бездѣйствія, сосредоточилъ на высотахъ праваго берега рѣки Аксая огромное скопище и поставилъ на площадкѣ Бехты-Мехкѣ три орудія; въ продолженіе двухъ дней горцы стрѣляли изъ нихъ по лагерю картечью, а преимущественно гранатами, не нанося, впрочемъ, существеннаго вреда войскамъ. На ночь непріятель увозилъ орудія въ ближайшій хуторъ, гдѣ Шамиль имѣлъ пребываніе. Покрытыя густымъ лѣсомъ высоты влѣво и въ тылу лагеря, заняты были большими партіями горцевъ; днемъ они безпокоили лагерь, ведя перестрѣлку съ баталіонами Апшеронскимъ и Люблинскимъ.

По дорогѣ къ Мискиту, въ лѣсистомъ оврагѣ, близъ Шаухалъ-Берды, черезъ который приходилось слѣдовать отряду, виднѣлся сильный завалъ, а ночью слышались работы горцевъ, устраивавшихъ новые завалы.

Въ эти два дня у насъ убито 12 нижнихъ чиновъ; ранены 1 оберъ-офицеръ и 24 нижнихъ чина; контужены 2 оберъ-офицера и 6 нижнихъ чиновъ.

Положеніе отряда дѣлалось все болѣе и болѣе тяжелымъ; ожидаемая помощь не являлась, а скопища Шамиля усиливались съ каждымъ часомъ; въ случаѣ атаки горцевъ, изнуренному тяжелыми переходами отряду грозила неминуемая гибель.

Наконецъ, къ 7-ми часовъ вечера, 18-го іюля, по дорогѣ отъ Мискита показались войска Фрейтага. На основаніи предписаній графа Воронцова, Фрейтагъ собралъ отрядъ въ составѣ $7\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и 13-ти орудій, и форсированнымъ маршемъ поспѣшилъ на выручку.

Къ 9-ти часамъ утра, 9-го іюля, войска эти, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ и 4-хъ орудій, оставленныхъ у Мискита въ видѣ резерва, прибыли на поляну, отдѣленную большимъ лѣсистымъ оврагомъ отъ позиціи, занятой главнымъ дѣйствующимъ отрядомъ. Поставивъ сильную батарею на удобной возвышенности, генералъ Фрейтагъ открылъ огонь по занятому горцами правому берегу Аксая и по ихъ орудію, продолжавшему обстрѣливать наши колонны, выступавшія изъ Шаухалъ-Берды.

Какъ только Фрейтагъ занялъ позицію, то графъ Воронцовъ отдалъ приказъ о выступленіи изъ лагеря.

Войска двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлявскаго, — 1 баталіонъ, рота саперъ, рота стрѣлковъ, грузинская пѣшая милиція и два горныхъ орудія; главныя силы: 2 баталіона, 3 роты сапернаго баталіона, двѣ роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, казаки, два легкихъ и два горныхъ орудія, кабардинская и грузинская конная милиціи. Аріергардъ — генералъ-маіора Лабинцева — 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, 2 баталіона Кабардинскаго полка и 2 горныхъ орудія. (Кромѣ того, къ аріергарду присоединился еще баталіонъ — Люблинскаго полка).

Въ лѣвой цѣпи шли 2 баталіона, а въ правой, гдѣ не ожидалось серьезныхъ покушеній со стороны непріятеля — одинъ баталіонъ (Навагинскій).

Аріергардъ и лѣвая цѣпь, удерживая натиски горцевъ, дали возможность отряду спуститься въ лѣсистый оврагъ; но подъемъ съ другой стороны его сдѣлался возможнымъ только тогда, когда лѣвая цѣпь вмѣстѣ съ войсками, высланными генераломъ Фрейтагомъ, выгнала горцевъ изъ занятыхъ ими на высотахъ заваловъ; въ особенности изъ одного изъ нихъ горцы производили долгое время непрерывный огонь.

Аріергардъ, выступая изъ селенія Шаухалъ-Берды, имѣлъ въ хвостѣ роту Кабардинскаго полка, которая внезапно была атакована многочисленною партіею.

Бой продолжался всего $\frac{1}{4}$ часа, и въ этотъ короткій промежутокъ времени горцы оставили на мѣстѣ до 150 тѣлъ, но и рота потеряла 2-хъ офицеровъ и 60 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Генералъ-маіоръ Лабинцевъ нѣсколько разъ, отражалъ натиски непріятеля и охранялъ безопасность нашихъ раненыхъ и вьюковъ.

Съ появленіемъ аріергарда на противуположной сторонѣ оврага, войска генерала Фрейтага заступили его мѣсто.

Дальнѣйшее движеніе отряда до Мискита, по мѣстности довольно трудной и пересѣченной, происходило подъ прикрытіемъ прибывшихъ свѣжихъ силъ.

Въ этотъ день наша потеря была также значительна; она заключалась въ 1-мъ штабъ-офицерѣ, 2-хъ оберъ-офицерахъ и 78-ми нижнихъ чинахъ убитыми; ранены: 1 штабъ-офицеръ, 7 оберъ-офицеровъ и 139-ть нижнихъ чиновъ; контужено: 2 оберъ-офицера и 25-ть нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 17-ть человѣкъ.

Впрочемъ это была уже послѣдняя потеря отряда. Когда на слѣдующій день (20-го іюля) войска выступили изъ Мискита въ Герзель-аулъ, то непріятель совершенно не преслѣдовалъ ихъ; въ 10-ть часовъ утра отрядъ прибылъ въ Герзель-аулъ. Составъ возвратившагося изъ Дарго отряда былъ весьма слабый; среднимъ числомъ каждый баталіонъ имѣлъ около 300 человѣкъ; въ Апшеронскомъ баталіонѣ состояло 341 нижній чинъ, значитъ баталіонъ потерялъ ровно 300 человѣкъ, кромѣ офицеровъ.

Одно отступленіе отъ Дарго къ Герзель-аулу стоило намъ: 2-хъ штабъ-офицеровъ, 10-ти оберъ-офицеровъ и 282 рядовыхъ убитыми; ранено 9-ть штабъ-офицеровъ, 36-ть оберъ офицеровъ и 733 нижнихъ чина; контужено: 2 штабъ-офицера, 9-ть оберъ-офицеровъ и 132 нижнихъ чина; безъ вѣсти пропало 40 человѣкъ.

Такая потеря, принимая во вниманіе плохое вооруженіе горцевъ, была слишкомъ значительна.

21-го іюля главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса: «Воины главнаго дѣйствующаго отряда! Наконецъ твердостью, усердіемъ и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе Государя нашего и наше собственное желаніе. Съ самаго начала экспедиціи непріятель со всѣми своими сборищами не могъ вамъ противостоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Хубарскія высоты и крѣпкую Буртунаевскую позицію; онъ надѣялся остановить насъ на Мичикалѣ, но славнымъ подвигомъ взятія горы Анчимэера оттуда прогнанъ».

«Преодолѣвъ всѣ трудности природы, мы пошли къ Андійскимъ воротамъ, гдѣ онъ не смѣлъ насъ ожидать и самъ предалъ огню и опустошенію богатое Андійское населеніе; за Андіей онъ хотѣлъ держаться на позиціи, но постыдно прогнанъ съ нея горстью нашихъ храбрецовъ».

«Когда мы увидѣли опять скопище Шамиля на горахъ, мы опять пошли на нихъ, разсѣяли ихъ и дошли до самаго Технуцаля».

«Около Андіи, гдѣ русскіе доселѣ еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько было намъ нужно, но этого еще не довольно: нужно было дойти до самаго гнѣзда Шамиля, мы пошли въ Дарго и хотя нашли дорогу труднѣйшую и лѣса, въ которыхъ горцы сильно защищались, но ничего не могло намъ противустоять, и Шамиль вынужденъ самъ начать разрушеніе своего жилища и заведеній, которое мы послѣ въ полной мѣрѣ довершили. По затрудненію доставлять туда продовольствіе, было невозможно и безполезно оставаться въ Дарго, но мы пошли оттуда не назадъ, не отступая, а пошли опять прямо на него же, грудью сбили его у позиціи при Цонтери и потомъ, все отступая, гнали его съ позиціи на позицію, пока уже близко къ Герзель-аулу мы соединились съ храбрымъ генераломъ Фрейтагомъ, который по первому отъ насъ призыву, собравъ съ невѣроятной скоростью сильный отрядъ, пришелъ къ намъ на встрѣчу; тогда силы непріятельскія обратились на нашъ аріергардъ, но и тутъ съ потерею и со стыдомъ отбиты».

«Таковые подвиги не могли быть исполнены безъ урона; мы потеряли нѣсколько достойныхъ начальниковъ и храбрыхъ солдатъ; это жребій войны; истинно русскій всегда готовъ умереть за Государя и отечество».

«Но мы имѣемъ то утѣшеніе, что ни одинъ раненый, какого бы онъ ни былъ званія, нами не оставленъ (?), ни одинъ не попалъ въ руки непріятеля, и мы вчерашняго числа дошли благополучно до нашего укрѣпленія, гдѣ вамъ можно будетъ отдохнуть отъ трудовъ и утѣшаться воспоминаніями о вашихъ подвигахъ. Государь вами будетъ доволенъ; слухъ о нашемъ походѣ долго будетъ служить въ горахъ страшилищемъ для враговъ нашихъ и доказательствомъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго».

«Я горжусь тѣмъ, что имѣлъ честь вами командовать и раздѣлять съ вами труды и опасности; отъ всей души благодарю васъ за усердіе, терпѣніе и неустрашимость вами оказанныя и займусь теперь пріятнымъ долгомъ увѣдомить Всемилостивѣйшаго Государя нашего о подвигахъ всѣхъ и каждаго».

Приказъ этотъ очень хорошъ, но грѣшитъ противъ правды. Даргинскій походъ, имѣя много общаго съ несчастнымъ Ичкеринскимъ дѣломъ Граббе и его же походомъ въ Игали, представляетъ одну изъ темныхъ, кровавыхъ страницъ лѣтописей Кавказской войны. Мы углубились въ нѣдра горъ, съ цѣлью уничтожить Шамиля и его скопища, а вмѣсто того принуждены были отступить, понеся огромныя потери и не успѣвъ выполнить ни одной изъ этихъ задачъ.

Для главнокомандующаго графа Воронцова Даргинская экспедиція явилась первымъ опытомъ въ войнѣ съ горцами, опытомъ очень горькимъ, но за то весьма убѣдительнымъ: онъ понялъ, что движеніе въ горы, съ цѣлью утвердиться тамъ прежде, чѣмъ мы не овладѣемъ плоскостью и предгорьями, не только безполезно, но и опасно, не смотря на всю храбрость нашего солдата и способность его терпѣливо переносить труды и лишенія.

Теперь графъ Воронцовъ ясно сознялъ, что для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго покоренія Кавказа, хотя и необходимо подвигаться впередъ, но наступленіе должно быть совершаемо медленно и вѣрно; смѣлыя же движенія въ глубь горъ, какъ бы они блестящи ни были, но если за ними неизмѣнно слѣдуетъ отступленіе, могли произвести въ результатѣ только весьма невыгодное для насъ впечатлѣніе на горцевъ и тѣмъ принести вредъ дѣлу.

И такъ, 1845 годъ прошелъ безо всякой пользы: большая половина его заключалась въ обширныхъ приготовленіяхъ къ предстоявшему движенію, а въ результатѣ мы ни шагу не подвинулись впередъ въ восточной части Кавказа. Мало того, чувство страха, обуявшее непокорныя намъ племена съ приходомъ на Кавказъ 5-го армейскаго корпуса, послѣ несчастной Даргинской экспедиціи изгладилось у горцевъ совершенно, и они получили надежду на успѣхъ въ борьбѣ съ русскими войсками.

Князь Бебутовъ отступилъ къ Евгеніевскому укрѣпленію, имѣя по пути небольшую перестрѣлку. Въ половинѣ августа всѣ три баталіона Апшеронцевъ возвратились въ Шуру, гдѣ и оставались до конца года. Пріѣхавшій еще въ концѣ марта мѣсяца новый командиръ полка, полковникъ Ковалевскій, дѣятельно принялся за обстраиваніе штабъ-квартиры, которая, не смотря на всѣ старанія его предшественниковъ, имѣла довольно плачевный видъ.

За походъ 1845 года 3-му баталіону пожаловано новое знамя съ надписью: «за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 года, и за походъ въ Андію въ іюнѣ и въ Дарго въ іюлѣ 1845 года». Чинамъ полка пожалованы слѣдующія награды: командиру полка полковнику Ковалевскому чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Владиміра 3-й степени; маіору Руновскому, капитану Евдокимову, штабсъ-капитанамъ: Калачковскому и Грейфу — слѣдующіе чины, кромѣ того послѣднему еще орденъ св. Анны 3-й степени; штабсъ-капитану Занаревскому — св. Владиміра 4-й степени; поручикъ Пургасовъ получилъ слѣдующій чинъ и орденъ св. Анны 3-й степени, Масляницкій — св. Анны 3-й степени, Винниковъ — Монаршее благоволеніе, Армашевскій — орденъ св. Анны 3-й степени; подпоручики: Багизардовъ — слѣдующій чинъ и св. Анны 3-й степени, Кельчевскій — слѣдующій чинъ и св. Анны 3-й степени; Темриза — тоже самое, Кайданъ — слѣдующій чинъ; Астафьевъ — св. Анны 3-й степени; прапорщикъ Родзянко — слѣдующій чинъ и орденъ св. Анны 4-й степени.

Чины прапорщика получили: Михаилъ Гедримовичъ, Эдуардъ Вранкенъ, Андрей Шиманскій, Павелъ Рожбицкій, Василій Кучинъ, Емельянъ Ковалевскій, Григорій Гамазовъ, Захаръ Герасименко, Иванъ Голубовъ, Александръ Мальстремъ, Николай Горюшкинъ и Петръ Курбатовъ.

Вторыя трети прибавочной пенсіи по знаку отличія военнаго ордена получили: Лаврентій Юзвякъ, Степанъ Владиміровъ и Иванъ Ковенко, послѣдній еще 75 руб. сер.

Знаки отличія: фельдфебеля — Иванъ Смышлявкинъ, Евсѣй Филатовъ и Петръ Максимовъ, кромѣ того послѣдній еще 50 руб. сер. Унтеръ-офицеры: Василій Тимофѣевъ, Давыдъ Герасимовъ, Михей Шершовъ, Филантій Поповъ, Николай Марковъ, Максимъ Романюкъ, Данiилъ Никитинъ, Яковъ Алексѣевъ, Никифоръ Говорухинъ — послѣдніе двое еще по 25 руб. сер., Аполлонъ Броневскій и Алексѣй Чекановъ. Рядовые: Федоръ Семейковъ, Степанъ Гусевъ, Иванъ Долянскій, Ефимъ Еринъ, Димитрій Герасимовъ, Григорій Анисенко, Захарій Чувилинъ, Кирей Михайловъ, Гавріилъ Игнатьевъ, Абрамъ Гавриленко, Сергѣй Поробковъ, Лазарь Епифановъ, Григорій Прокопенко, Степанъ Мельниковъ, Алексѣй Ивановъ, Кузьма Журавлевъ, Блохій Михальскій. Барабанщики: Николай Максимовъ и Федоръ Бѣлошиняинъ — по 10 руб. сер.[13]).

Государь Императоръ Николай I-й въ воздаяніе особыхъ трудовъ, понесенныхъ офицерами въ 1845 году, и въ особенности во время Даргинской экспедиціи пожаловалъ всѣмъ раненымъ денежныя награды: маіоръ Руновскій — получилъ 40 червонцевъ, штабсъ-капитаны: Колачковскій и Занаревскій, подпоручикъ Астафьевъ и прапорщикъ Демьяновъ — по 20 червонцевъ, рядовой изъ дворянъ Брозовскій — 17 червонцевъ[14]).

---

[13]) Дѣла за №№ 17, 21, 42, 43, 188 и 189. Особое отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[14]) Дѣло № 36. Особое отдѣленіе.

Глава Восьмая.

Предположенія на 1846 годъ.— Расположеніе полка.— Движеніе 3-го баталіона и 2-хъ ротъ 2-го баталіона въ Чиръ-Юртъ.— Дѣло 25-го марта.— Появленіе непріятельскихъ партій.— Новый командиръ полка, князь Орбеліани 2-й.— Нападеніе мюридовъ на 6-ю мушкетерскую роту.— Намѣреніе непріятеля овладѣть Цудахаромъ.— Отправленіе двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ въ Дженгутай.— Экспедиція въ Акушу.— Составъ отряда.— Занятіе Шамилемъ Ходжалъ-Маховъ и Аймаковъ.— Волненія въ Мехтулинскомъ ханствѣ.— Движеніе къ Аймакамъ.—Занятіе передовыхъ заваловъ.— Штурмъ и взятіе Аймаковъ.— Потери наши.— Возвращеніе отряда въ Кулецму.— Успѣхи непріятеля въ другихъ пунктахъ.— Выступленіе отряда къ Кутишамъ.— Штурмъ этого аула.— Дѣйствія Апшеронцевъ.— Подвигъ барабанщика Погорѣлова.— Подвигъ фельдфебеля Лагунцова.— Нападеніе Хаджи-Мурата на аріергардъ.— Отбитіе Апшеронцами нападенія.— Атака 2-й гренадерской роты.— Взятіе Кутишей.— Наши трофеи.— Потери непріятеля и наши.— Донесеніе князя Бебутова.— Принесеніе акушинцами покорности.— Возвращеніе отряда въ Шуру.— Распоряженія на зиму.— Награды.— Расположеніе полка въ началѣ 1847 года.— Причины безрезультатности прошлогднихъ побѣдъ.— Предположенія на 1847 годъ.— Измѣненіе предположеній.— Рѣшеніе взять аулы Гергебиль и Салты.— Формированіе отрядовъ.— Уничтоженіе Зубутовской переправы.— Сформированіе конной охотничьей команды Апшеронскаго полка.— Дѣйствія Шамиля.— Мѣры къ оборонѣ Гергебиля.— Выступленіе въ походъ.— Составъ отряда.— Рекогносцировка Гергебиля.— Укрѣпленія этого аула.— Появленіе въ войскахъ холеры.— Прибытіе въ отрядъ князя Воронцова.— Нападеніе горцевъ 27-го мая на 2-й баталіонъ Апшеронцевъ.— Движеніе къ Гергебилю.— Вторая рекогносцировка его.— Возведеніе осадныхъ батарей.— Прибытіе Самурскаго отряда.— Продолженіе осады.— Пробитіе бреши и распоряженія къ штурму.— Штурмъ Гергебиля.— Смерть маіора Евдокимова.— Отбитіе штурма.— Наши потери.— Отзывъ князя Воронцова о штурмовавшихъ войскахъ.— Рѣшеніе отступить къ Ходжалъ-Махамъ.— Усиленіе холеры.—Приказъ Воронцова.— Отправленіе Самурскаго отряда на Турчидагъ.— Смерть командира полка и смертность въ полку отъ холеры.— Біографія полковника князя Орбеліани 2-го.— Назначеніе новаго командира полка.— Осада Салтовъ.— Прибытіе сюда двухъ ротъ Апшеронцевъ.— Постройка Апшеронскаго редута.— Наши потери во время осады.— Взятіе Салтовъ.— Взятіе Апшеронцами орудія.— Потери Апшеронцевъ.— Приказъ Воронцова.— Постройка укрѣпленія въ Ходжалъ-Махахъ.— Возвращеніе Апшеронскихъ ротъ въ Оглы.— Роспускъ отряда.— Прокламація Шамиля къ Казикумухцамъ.— Попытка непріятеля овладѣть Цудахаромъ.— Вторженіе въ Вицхинскій магалъ.— Формированіе отряда и движеніе его къ Цудахару.— Вытѣсненіе скопища горцевъ изъ Вицхинскаго и Унчугатльскаго магаловъ.— Возвращеніе Апшеронцевъ въ Шуру.— Расположеніе полка на зиму.— Награды.

Согласно предположеніямъ на 1846 годъ надлежало:

1) улучшить оборону Темиръ-Ханъ-Шуры;
2) довершить постройку Чиръ-Юртовскаго укрѣпленія и построить черезъ Сулакъ мостъ на каменныхъ устояхъ;
3) въ аулѣ Ишкартахъ построить укрѣпленный постъ для хозяйственныхъ заведеній Дагестанскаго полка;
4) если позволитъ время, то построить оборонительную башню въ Бурундукъ-Кале, занять Сулакскую линію, учредивъ наблюдательные посты противъ главныхъ бродовъ, и возвести укрѣпленіе въ Салатавіи, между Ибрагимъ-Дадою и Буртунаемъ.

Для всѣхъ означенныхъ работъ, а также для устройства штабъ-квартиры Апшеронскаго полка и содержанія карауловъ, назначалось 10 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 5 баталіоновъ Апшеронцевъ), Нижегородскій драгунскій полкъ, Донской №№ 28-й и 29-й полки, 2 сотни Дагестанскихъ всадниковъ и 12-ть орудій[1].

---

[1]) Дѣло № 16. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Въ началѣ года 1-й баталіонъ Апшеронцевъ находился въ урочищѣ Агачъ-Кале, 2-й въ Капчугаѣ, для прикрытія Шамхальской плоскости отъ набѣговъ непріятельскихъ партій; остальные три баталіона, кромѣ 13-й роты, занимавшей Озеньскій постъ, расположены были въ Шурѣ; стоянки въ Капчугаѣ и Агачъ-Кале мѣнялись между баталіонами.

Въ мартѣ мѣсяцѣ приступили къ постройкѣ Чиръ-Юртовскаго укрѣпленія, съ каковою цѣлью изъ Капчугая направленъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, а черезъ двѣ недѣли выступили изъ Шуры еще двѣ роты 2-го баталіона. Остальныя части полка занимались устройствомъ своей штабъ-квартиры.

Нечего и говорить, что работы производились при совершенно военной обстановкѣ: днемъ вокругъ укрѣпленія стояла рѣдкая цѣпь, а на ночь цѣпь постовъ усиливалась, и кромѣ того дѣлались залоги или секреты; рѣдкая ночь проходила безъ выстрѣловъ и тревоги, которую по большей части производили мелкія хищническія партіи, а подчасъ и одиночные абреки. Нерѣдко непріятель пускался на хитрости, чтобы захватить насъ въ расплохъ; одинъ изъ такихъ случаевъ имѣлъ мѣсто при постройкѣ Чиръ-Юртовскаго укрѣпленія.

6 ротъ Апшеронскаго полка (весь третій баталіонъ и 2 рота втораго), образовали Чиръ-Юртовскій отрядъ, которымъ командовалъ маіоръ Нейманъ, бывшій въ тоже время и командиромъ 3-го баталіона. Въ полдень 25-го марта, въ виду Чиръ-Юрта показалась большая конная партія, а толпа пѣшихъ горцевъ подошла со стороны башни, стоявшей на лѣвомъ берегу рѣки Сулака; непріятель выискивалъ случай неожиданно прорваться въ укрѣпленіе. Черезъ нѣсколько времени къ воротамъ укрѣпленія подошли два горца и, называя себя жителями селенія Андреева, требовали пропуска ихъ. Но часовой во время замѣтилъ появленіе конной и пѣшей партій и сдѣлалъ тревогу; два подошедшихъ горца сейчасъ же бѣжали.

Непріятель, видя себя открытымъ, приблизился къ Чиръ-Юрту и завелъ ружейную перестрѣлку съ нашими войсками; но нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій разсѣяли его.

Тогда штабсъ-капитанъ Еленскій съ 50-ю человѣками охотниковъ, собранныхъ со всѣхъ 6-ти ротъ, произвелъ вылазку и принудилъ горцевъ, съ потерей нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными, бѣжать въ горы[2]).

Еще раннею весною пронеслись слухи о сборахъ непріятеля для вторженія въ Даргинскій округъ. Шамиль въ первые мѣсяцы наступившаго года находился въ Чечнѣ; отсюда онъ двинулся въ Кабарду, но, потерпѣвъ тамъ полную неудачу, возвратился назадъ.

Въ концѣ мая значительныя партіи горцевъ стали появляться уже около Шуры, и одна изъ нихъ сдѣлала нападеніе на табуны лошадей и скота; хотя почти весь скотъ былъ отбитъ обратно, но потеря наша при этомъ состояла изъ 20-ти убитыхъ и 3-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Нападенія производили большей частью гимринскіе мюриды; поэтому командовавшій войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, предписалъ отдѣльнымъ начальникамъ соблюдать всевозможную осторожность, имѣть постоянно разъѣзды; часть войскъ Чиръ-Юртовскаго отряда заняла мѣстность Ходумъ-Башъ, около Зубутовской переправы, служившая постояннымъ притономъ хищническихъ партій. Не смотря, однако, на всѣ принимаемыя мѣры предосторожности, болѣе или менѣе значительныя партіи успѣвали прорываться въ наши владѣнія, гдѣ онѣ производили грабежи и разбои.

---

[2]) Дѣло № 6. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.

Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го іюля 1846 года, вмѣсто генералъ-маіора Ковалевскаго[3], командиромъ полка назначенъ полковникъ князь Орбеліани 2-й.

23-го сентября изъ Агачъ-Кале въ укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру слѣдовалъ транспортъ съ дровами, подъ прикрытіемъ 6-й мушкетерской роты,— штабсъ-капитана Головкина.

Около 7-ми часовъ вечера, партія мюридовъ въ 250 человѣкъ, предводимая муселимъ-аульскимъ абрекомъ Шанъ-Гиреемъ, произвела нападеніе одновременно на аріергардъ и авангардъ роты; сдѣлавъ залпъ, мюриды бросились въ шашки. Головкинъ, старый и опытный кавказскій офицеръ, велъ транспортъ въ совершенномъ порядкѣ и, не смотря на быстрое нападеніе непріятеля и вечернюю темноту, сохранилъ полное присутствіе духа: онъ приказалъ стянуть головныя повозки, отбилъ первый натискъ горцевъ, а послѣ непродолжительной перестрѣлки, повелъ авангардъ въ штыки. Ударъ Апшеронцевъ былъ такъ стремителенъ, что хищники, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, обратились въ полное бѣгство.

Въ происшедшей съ непріятелемъ схваткѣ самъ Головкинъ былъ тяжело раненъ.

Одновременно съ Головкинымъ, отбилъ атаку горцевъ и прапорщикъ Статкевичъ, командовавшій аріергардомъ.

Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, не достигнувъ никакого успѣха, хищники принуждены были отступить и скрылись въ лѣсу[4].

Изъ доставляемыхъ лазутчиками свѣдѣній, можно было заключить, что Шамиль сосредоточиваетъ скопище въ Аваріи, распуская слухи о намѣреніи своемъ вторгнуться въ Шамхальскія владѣнія съ разныхъ сторонъ.

Князь Бебутовъ отлично понималъ, что разглашаемыя извѣстія составляютъ одну изъ уловокъ имама для отвлеченія нашихъ силъ отъ настоящаго мѣста, куда онъ хотѣлъ направить свои удары. Нѣкоторые изъ лазутчиковъ увѣряли, что Шамиль вторгнется въ Даргинскій округъ.

Цудахаринцы, знавшіе планы Шамиля, нѣсколько разъ присылали нарочныхъ въ Шуру и просили о присылкѣ въ Акушу войскъ.

Не зная навѣрное въ какомъ направленіи двинутся непріятельскія скопища, князь Бебутовъ не рѣшался идти въ Акушу, тѣмъ болѣе, что онъ ожидалъ прибытія въ Цудахаръ князя Аргутинскаго съ милиціей. Для обезпеченія Шамхальскихъ владѣній, на случай вторженія непріятельскихъ скопищъ, командующій войсками отправилъ въ Дженгутай 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ, при двухъ горныхъ единорогахъ, подъ командою маіора Евдокимова. Этотъ отрядъ долженъ былъ служить авангардомъ главныхъ силъ при движе-

---

3) Михаилъ Константиновичъ Ковалевскій 2-й, опредѣленъ въ 1822 году колоноважатымъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (что нынѣ Генеральный Штабъ). Въ 1824 году произведенъ въ прапорщики, а въ 1828 году, будучи подпоручикомъ, уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ томъ же году принятъ волонтеромъ въ дѣйствующія войска отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и за отличіе въ турецкой войнѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, чиномъ поручика и зачисленъ въ Генеральный Штабъ. Въ 1829 году, за отличную храбрость, оказанную имъ при осадѣ Ахалцыха получилъ золотую шпагу съ надписью, „за храбрость“ а за дѣло при крѣпости Тонрахъ-Кале — св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и чинъ штабсъ-капитана. Въ 1832 году, за участіе въ экспедиціи въ Сѣверномъ Дагестанѣ получилъ ордена св. Станислава 2-й степени, св. Анны 2-й степени и произведенъ въ капитаны, съ назначеніемъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 21-й пѣхотной дивизіи. За распорядительность и мужество, оказанное въ 1834 году въ дѣлахъ съ горцами, Михаилъ Константиновичъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и произведенъ въ подполковники. Въ 1836 году за отличіе по службѣ произведенъ въ полковники, а за отличіе противъ горцевъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною. Пробывъ годъ въ Образцовомъ баталіонѣ для узнанія фронтовой службы, полковникъ Ковалевскій получилъ въ командованіе Невскій морской полкъ. Но служба мирная не удовлетворяла Ковалевскаго и не прошло года, какъ онъ попросился на Кавказъ, гдѣ ему представлялось болѣе широкое поле для дѣятельности. Въ 1843 году полковникъ Ковалевскій переведенъ былъ въ Навагинскій полкъ, а въ 1845 году назначенъ командиромъ Апшеронскаго полка. Съ нимъ онъ участвовалъ въ Даргинской экспедиціи, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и чиномъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи. 12-го іюля 1847 года Михаилъ Константиновичъ умеръ отъ холеры и въ лицѣ его Кавказская армія лишилась одного изъ способнѣйшихъ и храбрыхъ генераловъ.

4) Дѣло № 179. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

ніи ихъ въ Акушу, если оно окажется необходимымъ. 10-го октября получено было извѣстіе о томъ, что Шамиль со скопищемъ направился къ Цудахару, а Хаджи-Муратъ съ другою значительною партіею слѣдовалъ черезъ Гергебиль къ Ходжалъ-Махамъ. Князь Бебутовъ немедленно отправилъ въ Дженгутай 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, 2 полевыхъ и 2 горныхъ орудія и собравшійся въ Дженгутаѣ отрядъ поручилъ командиру 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору князю Кудашеву.

На другой день командующій войсками выступилъ изъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры въ Дженгутай съ остальными войсками, назначенными въ походъ.

Весь дѣйствующій отрядъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронцевъ, подъ командою командира полка, полковника князя Орбеліани 2-го; команды охотниковъ со всѣхъ Апшеронскихъ баталіоновъ, подъ начальствомъ маіора Раутенберга, команды Апшеронскаго полка съ крѣпостными ружьями, 2-хъ баталіоновъ Дагестанскаго полка, 2-хъ дивизіоновъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 2-хъ сотенъ казаковъ Донскаго № 29 полка, 6-и горныхъ и 2-хъ полевыхъ орудій, ракетной команды и пѣшихъ и конныхъ милиціонеровъ, въ числѣ 400 человѣкъ.

Положеніе дѣлъ въ Даргинскомъ округѣ совершенно измѣнилось. Жители Акуши давно уже находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ, а просьбы ихъ о помощи дѣлались съ цѣлью выставить себя вѣрными и покорными нашему правительству.

Скопище Шамиля не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей, вышло въ Ходжалъ-Махи.

На цудахаринцевъ тоже была плоха надежда; однимъ словомъ, повторилась старая исторія: съ появленіемъ Шамиля жители намъ измѣнили.

Съ отложеніемъ Даргинскаго округа, цѣль наступательныхъ движеній совершенно измѣнилась: теперь уже не представлялось необходимости идти на помощь акушинцамъ, а нужно было позаботиться о безопасности Мехтулинскихъ владѣній.

12-го октября непріятель занялъ Аймаки, несмотря на сопротивленіе жителей, подкрѣпленныхъ милиціею.

Шамхальская и Мехтулинская милиціи прибыли въ Аймаки, въ то время, когда въ этомъ селеніи находилось еще весьма незначительное число мюридовъ; послѣдніе, соединившись съ частію жителей, заняли мечеть и стали отстрѣливаться. Перестрѣлка продолжалась болѣе 3-хъ часовъ; наконецъ, мюриды получили помощь изъ Гергебиля, и тогда милиція наша, замѣтивъ приближавшуюся партію въ 400 или 500 человѣкъ, отступила съ селенію Оглы, подъ прикрытіемъ прибывшаго 1-го баталіона Апшеронцевъ.

Въ то время, когда части непріятельскаго скопища вторгнулись въ Мехтулинскія владѣнія и Акушу, Шамиль успѣлъ занять Цудахаръ и поставилъ тамъ кадіемъ брата убійцы акушинскаго пристава Оленича.

Съ занятіемъ горцами Цудахара, прямое сообщеніе съ Самурскимъ отрядомъ прекратилось.

Вечеромъ 12-го октября, князь Бебутовъ получилъ извѣстіе, что жители селеній Буйнаки, Карабухдахкента и Губдени приготовили уже депутатовъ для встрѣчи Шамиля; въ селеніи Аймаки находилась непріятельская партія въ 3.000 человѣкъ; она должна была, въ случаѣ движенія нашихъ войскъ въ Акушу, занять верхніе аулы Мехтулинскаго ханства — Оглы и Кулецму; кромѣ того, Шамиль направилъ въ Аймаки особыя партіи, чтобы поднять возмущеніе во всѣхъ селеніяхъ Мехтулинскаго и Шамхальскаго владѣній. Повидимому, имамъ надѣялся на такой же успѣхъ, какой онъ имѣлъ въ 1843 году.

На разсвѣтѣ, 13-го октября, оставивъ всѣ тяжести въ селеніи Кулецмѣ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 3-го баталіона Апшеронскаго полка, дивизіона драгунъ и двухъ горныхъ

орудій, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, съ $4^1/_2$ баталіонами пѣхоты и дивизіономъ драгунъ, при 6-ти орудіяхъ, двинулся къ Аймакамъ.

Авангардъ состоялъ изъ 1-го, 2-го и 2-хъ ротъ 3-го баталіона Апшеронцевъ, двухъ горныхъ орудій и Шамхальской милиціи, подъ командою генералъ-маіора, князя Кудашева.

Селеніе Аймаки лежитъ въ котловинѣ, образуемой высокими отрогами Койсубулинскаго хребта; спускъ къ нему чрезвычайно крутой и каменистый; отъ подошвы горъ до самаго селенія, на протяженіи $^3/_4$ версты, дорога шла по каменистымъ оврагамъ, въ которыхъ непріятель ожидалъ насъ, оградивъ себя въ продолженіи ночи наскоро набросанными завалами.

8-я и 9-я мушкетерскія роты, имѣя впереди охотниковъ, а за ними Шамхальская и Мехтулинская милиція быстро спустились съ хребта.

Не отвѣчая на выстрѣлы мюридовъ, роты очистили завалы штыками и заняли передовыя сакли селенія. Между тѣмъ, къ храбрымъ своимъ товарищамъ подоспѣли на помощь 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ, а на уступѣ, по которому спускались наши войска, поставлена батарея изъ двухъ горныхъ орудій.

Главная колонна и аріергардъ оставались въ боевомъ порядкѣ на возвышенности; эскадронъ драгунъ и Дагестанскіе всадники направлены въ обходъ на дорогу, ведущую изъ селенія Аймаковъ въ Кудуху. Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ князь Кудашевъ, повелъ 8-ю и 9-ю мушкетерскія роты и охотниковъ Апшеронцевъ противъ отдѣльнаго возвышенія, находящагося среди селенія, гдѣ заперлись въ мечети вытѣсненные изъ заваловъ мюриды; 2-й баталіонъ раздѣлился на два полубаталіона, которые двинулись по дорогамъ вправо и влѣво, имѣя въ резервѣ 1-й баталіонъ. Апшеронцы, поддерживаемые мѣткимъ огнемъ батареи, смѣло пошли на штурмъ селенія; ихъ встрѣтили мюриды изъ сакель градомъ пуль; пришлось очищать каждый домъ, причемъ особенно отличался извѣстный своею храбростью штабсъ-капитанъ Дьяконовъ: онъ бросился со 2-ю гренадерскою ротою къ башнѣ, въ которой засѣла толпа отчаянныхъ мюридовъ, ворвался въ нее и истребилъ всѣхъ до одного мюридовъ. Предводимые храбрыми маіорами Берхманомъ и Раутенбергомъ, Апшеронцы брали саклю за саклей и, наконецъ, послѣ общаго дружнаго натиска овладѣли мечетью. Въ это время 1-й баталіонъ производилъ обходное движеніе, и когда оно было съ успѣхомъ выполнено, то участь боя была рѣшена: горцы, опасаясь быть отрѣзанными, бѣжали; большая часть ихъ бросилась по дорогѣ къ Кудуху, преслѣдуемые эскадрономъ драгунъ и Дагестанскими всадниками.

Чтобы не подвергать войска напрасной потерѣ и сберечь ихъ для предстоящаго подвига — изгнанія скопищъ Шамиля изъ Акуши, князь Бебутовъ приказалъ прекратить преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что по характеру мѣстности оно не обѣщало важныхъ результатовъ.

Потеря непріятеля, по собраннымъ свѣдѣніямъ, простиралась, кромѣ 40 тѣлъ оставленныхъ на мѣстѣ сраженія, до 100 человѣкъ убитыми и ранеными, отбитъ былъ одинъ значекъ и взято въ плѣнъ три мюрида. Съ нашей стороны убиты: 1 нижній чинъ и милиціонеръ; ранено 6 нижнихъ чиновъ и 2 милиціонера; потеря пришлась на долю однихъ только Апшеронцевъ.

Жителямъ селеніи Аймаки, не послѣдовавшимъ за мюридами, князь Бебутовъ позволилъ переселиться въ селенія Кулецму и Оглы; имущество и дома измѣнниковъ преданы огню. Изгнавъ непріятеля изъ Аймаковъ, князь Бебутовъ возвратился того же числа съ отрядомъ на ночлегъ въ Кулецму и Оглы съ тѣмъ, чтобы не медля начать дальнѣйшія наступательныя дѣйствія въ Акушу.

Согласно полученнымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, тайныя сношенія съ Шамилемъ поддерживали не только акушинцы, но даже мехтулинцы и шамхальцы; это обстоятельство заставило Бебутова ускорить наступленіе.

Съ разсвѣтомъ, 14-го октября, выступилъ онъ изъ Оглы со всѣми войсками. По прибытіи отряда въ Лаваши, кромѣ управлявшаго Даргинскимъ обществомъ кадія Зухума, въ лагерь никто не явился и нельзя было даже за высокую плату отыскать человѣка, для отправленія бумагъ къ начальнику Самурскаго отряда, князю Аргутинскому, по кратчайшему пути чрезъ Акушу въ Кумухъ. Разореніе Шамилемъ Цудахара и Ходжалъ-Маховъ чрезвычайно вредно отразилось для насъ не только на акушинцахъ, но и на другихъ обществахъ.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ требовались самыя дѣятельныя и рѣшительныя мѣры; малѣйшее промедленіе могло имѣть послѣдствіемъ распространеніе пламени возмущенія между легковѣрными жителями Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана до самыхъ береговъ Каспійскаго моря. Потушить волненіе при самомъ его началѣ, не дать Шамилю утвердиться въ Даргинскомъ округѣ — вотъ двѣ задачи, которыя можно было рѣшить однимъ удачнымъ сраженіемъ, поэтому князь Бебутовъ задумалъ, не ожидая содѣйствія Самурскаго отряда, немедленно атаковать главное скопище Шамиля.

Въ ночь на 15-е октября, жена прапорщика Муртазали, племянника кадія Зухума, дала послѣднему знать, что Шамиль, тотчасъ же по полученіи извѣстія о приходѣ русскихъ войскъ въ Лаваши, выѣхалъ изъ Уллу-Ая, поручивъ оборону этого пункта, лежащаго по дорогѣ въ Акушу, извѣстному сподвижнику своему Хаджи-Мурату.

Въ Уллу-Ая собрались измѣнившіе намъ акушинцы; они вмѣстѣ съ мюридами надѣлали заваловъ не только въ Уллу-Ая, но и въ селеніи Кака-Махи. Главное скопище горцевъ, въ числѣ 20,000, при одномъ орудіи, занимало Кутиши, аулъ многолюдный и весьма крѣпкій по своему мѣстоположенію; вскорѣ сюда прибылъ и Шамиль. Изъ Кутишей скопище имѣло возможность отступить на селенія Ходжалъ-Махи и Куппу къ Гергебилю. При движеніи отряда къ укрѣпленному селенію Уллу-Ая, Шамиль рѣшилъ дѣйствовать главными своими силами во флангъ и въ тылъ нашимъ войскамъ, а Хаджи-Мурату приказалъ, въ случаѣ наступленія русскихъ къ Кутишамъ, ударить имъ въ тылъ изъ Уллу-Ая; жители же селеній Мяки-Ая и Лавашей заняли узкое и длинное лавашинское ущелье, черезъ которое надлежало проходить отряду.

Занятіе Уллу-Ая, не обѣщало важныхъ результатовъ; между тѣмъ, какъ пораженіе главныхъ скопищъ Шамиля могло дать новый оборотъ дѣлу и совершенно успокоить край, вслѣдствіе чего князь Бебутовъ предпочелъ вести войска на штурмъ кутишинской позиціи. Въ виду несоразмѣрности силъ нашихъ съ численностью непріятеля, только при быстромъ и неожиданномъ движеніи мы могли имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, Бебутовъ распустилъ слухъ о выступленіи Дагестанскаго отряда изъ Лавашей въ Акушу, для присоединенія къ отряду князя Аргутинскаго, который долженъ былъ слѣдовать туда же изъ селенія Кумуха, чрезъ Вихлилю.

Войскамъ приказано было выступить съ разсвѣтомъ 15-го октября по дорогѣ къ Акушѣ.

По прибытіи въ Лаваши еще одного баталіона, весь собранный здѣсь отрядъ состоялъ изъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго и 3-хъ баталіоновъ Дагестанскаго полковъ, двухъ дивизіоновъ Нижегородскихъ драгунъ, сборной сотни Донскаго № 29 полка, 3-хъ сотенъ милиціи, 2-хъ легкихъ и 6-ти горныхъ орудій, ракетной команды и команды съ крѣпостными ружьями; всего въ строю находилось 2.820 человѣкъ пѣхоты и 646 человѣкъ конницы.

По мѣрѣ того, какъ войска приближались къ дорогѣ, ведущей къ селенію Кутиши,

густой туманъ, скрывавшій первоначальное движеніе нашего отряда изъ Лавашей, разсѣевался. Непріятельскіе пикеты не могли заблаговременно открыть движеніе нашихъ войскъ и опредѣлить настоящее ихъ направленіе, и это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало успѣху предпріятія. Начальникъ кавалеріи, управлявшій Мехтулинскимъ ханствомъ, полковникъ князь Орбеліани 1-й, съ Дагестанскими всадниками и конной милиціей опрокинулъ передовые пикеты и быстро занялъ отдѣльныя возвышенія, окружающія Кутиши; черезъ нѣсколько времени онъ далъ знать, что внутри аула замѣтно большое замѣшательство, ясно обнаруживавшее, что появленіе нашихъ войскъ, было для непріятеля совершенно неожиданнымъ.

Желая воспользоваться удачнымъ моментомъ, князь Бебутовъ приказалъ начальнику авангарда, князю Кудашеву, по возможности ускорить маршъ его войскъ и, не теряя ни минуты, атаковать Кутиши. Князь Кудашевъ исполнилъ порученіе самымъ блистательнымъ образомъ. Опрокинувъ вышедшую на встрѣчу ему изъ аула конницу, онъ вслѣдъ за бѣгущими горцами ворвался въ Кутиши. Апшеронцы болѣе версты не отставали отъ ѣдущихъ на рысяхъ драгунъ и почти одновременно съ ними ворвались въ селеніе. Впереди находились 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою маіора Берхмана и баталіонъ Дагестанскаго полка. «*Охотники Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Раутенберга, шли на приступъ съ тѣснями между двумя означенными баталіонами*»[5].

Двѣ быстрыя и совокупныя атаки пѣхоты и кавалеріи, произведенныя съ двухъ сторонъ, привели непріятеля въ замѣшательство; не выстрѣливши ни разу изъ орудія, горцы стали отступать и группироваться въ центрѣ аула.

Подоспѣвшіе четыре горныхъ единорога, два полевыхъ орудія и ракетная команда открыли по столпившимся горцамъ сосредоточенный огонь. Между тѣмъ, подошелъ къ Кутишамъ и 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, направленный по нижней дорогѣ; встрѣтивъ у входа въ аулъ толпы мюридовъ, онъ пошелъ на нихъ въ штыки и опрокинулъ.

Въ описываемый моментъ бой завязался на трехъ пунктахъ: въ центрѣ Кутишей очищалъ себѣ путь штыками 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою храбраго маіора Евдокимова; съ правой стороны 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, охотничья команда и баталіонъ Дагестанскаго полка и съ лѣвой стороны Нижегородцы.

Опираясь на свое численное превосходство, мюриды нѣсколько разъ пытались подавить горсть храбро штурмовавшихъ русскихъ; но наши войска отбивали всѣ отчаянныя атаки и постепенно очищали аулъ.

Въ продолженіи двухъ часовъ происходилъ упорный бой, въ которомъ приходилось брать отдѣльно каждую саклю, подъ убійственнымъ огнемъ горцевъ.

«*Баталіонный барабанщикъ Степанъ Погорѣловъ, идя впереди 1-го баталіона билъ атаку; въ это время двѣ пули разомъ ударили въ него: одна пробила барабанъ, а другая ранила его въ лѣвую руку. Погорѣловъ, закинувъ барабанъ за спину, схватилъ ружье убитаго товарища и съ крикомъ «ура» бросился впереди своихъ товарищей, при чемъ собственноручно закололъ двухъ мюридовъ*»[6].

Съ правой стороны 3-й баталіонъ Апшеронцевъ подвигался впередъ, отбрасывая штыками горцевъ. Невдалекѣ стояла укрѣпленная сакля, въ которой собралось человѣкъ 60 отчаянныхъ мюридовъ, производившихъ сильный огонь по штурмующимъ войскамъ.

Тогда командиръ 3-й гренадерской роты, поручикъ Армашевскій, повелъ роту на штурмъ сакли.

---

5) Дѣло № 14. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Донесеніе князя Бебутова № 222. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
6) Дѣло № 207. Особаго отдѣленія.

Прежде чѣмъ гренадеры добѣжали до нея, они потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными; подойдя вплотную къ саклѣ, стали разбивать дверь, но она не поддавалась усиліямъ, тогда ее подожгли, а между тѣмъ, съ другой стороны стали дѣлать проломъ, и когда послѣдній имѣлъ уже достаточную ширину, то гренадеры ворвались въ саклю.

Первымъ вскочилъ рядовой Филиппъ Ждановъ, онъ закололъ мюрида, но и самъ былъ раненъ въ правую руку; черезъ нѣсколько минутъ штыковаго боя защитниковъ не существовало, за исключеніемъ 12-ти человѣкъ, сдавшихся въ плѣнъ.

Послѣ взятія сакли, гренадеры пошли дальше и встрѣтились съ большою толпою горцевъ, среди которой развѣвался значекъ — всегда желаемый трофей.

Завязалась упорная битва; мюриды не выдержали дружнаго натиска гренадеръ и начали отступать, унося съ собою и значекъ. Фельдфебель роты Макаръ Лагунцовъ съ нѣсколькими товарищами бросился въ толпу и увлекъ за собою всю роту; пробившись къ мюриду несшему значекъ, Лагунцовъ собственноручно закололъ его, оставшись самъ невредимымъ; значекъ былъ взятъ гренадерами [7]).

Поручикъ Багизардовъ съ 8-й мушкетерской ротой тѣснилъ горцевъ по узкимъ переулкамъ селенія; встрѣчая повсюду непріятеля, большей частью въ превосходныхъ силахъ, онъ опрокидывалъ его штыками, выбивалъ изъ сакель и дошелъ до выхода изъ селенія, что указывало на очищеніе Кутишей отъ непріятеля.

Замѣчательный подвигъ оказалъ фельдфебель этой роты Степанъ Гусевъ. Идя со взводомъ по одному изъ переулковъ, онъ наткнулся на саклю, защищаемую нѣсколькими десятками мюридовъ. Гусевъ съ крикомъ «ура» бросился на нихъ, но былъ раненъ въ правый бокъ. Лишившись своего начальника и нѣсколькихъ человѣкъ ранеными, Апшеронцы заняли другую саклю и открыли изъ нея ружейный огонь. Тогда Гусевъ, не обращая вниманія на сильную боль отъ раны, поднялся и уговорилъ солдатъ вторично штурмовать саклю. Онъ первый бросился къ саклѣ и увлекъ за собою мушкетеровъ. Послѣ двухъ минутъ отчаянной рѣзни, сакля была взята и ни одного мюрида не осталось въ живыхъ.

Въ рукопашномъ бою Гусевъ получилъ вторую рану въ грудь, но все таки остался живъ [8]).

Въ то время, какъ происходилъ упорный бой въ самомъ селеніи, въ тылу нашемъ показался Хаджи-Муратъ съ огромнымъ скопищемъ. Какъ сказано было раньше, онъ ожидалъ отрядъ въ селеніяхъ Уллу-Ая и Кака-Махахъ; но увидѣвъ быстрое наступленіе на Кутиши, Хаджи-Муратъ отдѣлилъ часть скопища для нападенія съ тыла на штурмующія колонны а самъ атаковалъ нашъ аріергардъ.

Толпы непріятеля постепенно окружали отрядъ и, занимая скалистые гребни, все болѣе и болѣе съуживали кругъ, имѣя намѣреніе броситься въ шашки. Въ аріергардѣ находились 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и баталіонъ Дагестанскаго полка съ двумя горными единорогами, подъ начальствомъ опытнаго кавказскаго офицера, генеральнаго штаба подполковника Капгера; вскорѣ къ аріергарду подошли еще двѣ роты съ однимъ полевымъ и двумя горными орудіями.

Кавалерія Хаджи-Мурата нѣсколько разъ бросалась въ атаку, а толпы пѣшихъ горцевъ съ гиканьемъ обходили лѣвый флангъ занимаемой аріергардомъ позиціи; «но встрѣченные штыками 2-й гренадерской и 4-й мушкетерской ротъ Апшеронцевъ, подъ командою штабсъ-капитана Дьяконова, были опрокинуты [9]).

7) Тамъ же.
8) Тамъ же.
9) Дѣло № 14. Отношеніе князя Воронцова Военному Министру № 108. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Храбрый Дьяконовъ неудовольствовался пораженіемъ пѣшихъ горцевъ: «онъ бросился на кавалерію въ штыки и заставилъ ее отступать передъ такой геройской атакой»[10].

Съ замѣчательнымъ мужествомъ выдержалъ аріергардъ всѣ натиски скопища Хаджи-Мурата; съ прибытіемъ же 1-го баталіона Апшеронскаго полка, 2-хъ эскадроновъ драгунъ съ двумя горными орудіями, подполковникъ Капгеръ немедленно перешелъ въ наступленіе. Хаджи-Муратъ отступилъ на всѣхъ пунктахъ и старался лѣвымъ флангомъ своимъ соединиться съ толпами, отступившими отъ Кутишей.

Общее наступленіе, поддерживалось дѣйствіемъ батареи изъ 4-хъ орудій.

Атаку эту, окончательно рѣшившую бой 15-го октября, поручено было вести генералъ-маіору князю Кудашеву и командиру Апшеронскаго полка полковнику князю Орбеліани. «Апшеронцы опрокинули пѣхоту непріятеля, а Нижегородцы рубили ихъ шашками и дѣйствовали въ пѣшемъ строю штыками, рука объ руку съ Апшеронцами»[11].

Трупами отступавшихъ горцевъ покрылась вся дорога къ Ходжалъ-Махинскому ущелью, въ которомъ непріятель искалъ спасенія.

На самомъ полѣ Кутишинской битвы явились депутаты изо всѣхъ ауловъ Даргинскаго округа, съ изъявленіемъ покорности.

Ночью 15-го октября, Шамиль, нигдѣ не останавливаясь, прибылъ въ селеніе Гоцатль; въ Даргинскомъ округѣ, не осталось ни одного мюрида, и взволнованный край былъ совершенно успокоенъ.

Трофеями одержанной побѣды были: одно горное орудіе, 21 зарядный ящикъ (взяты Апшеронцами), нѣсколько значковъ, изъ коихъ 4 взяты Апшеронцами, сѣкира Шамиля, печать Кибитъ-Магомы, 300 плѣнныхъ и множество оружія; даже собственная шуба Шамиля, при поспѣшномъ бѣгствѣ его, была брошена.

Потеря непріятеля одними убитыми, тѣла коихъ оставлены на мѣстѣ, простиралась до 800 человѣкъ; въ томъ числѣ погибли почти всѣ бѣглые солдаты — тѣлохранители Шамиля; изъ нихъ, по словамъ лазутчиковъ, спаслось не болѣе 20-ти человѣкъ, а 8 взято въ плѣнъ.

Впослѣдствіи оказалось, что весь уронъ горцевъ состоялъ изъ 1.200 человѣкъ убитыми и ранеными.

Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 22, милиціонеровъ 6, ранено штабъ и оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 43 и милиціонеровъ 22. Апшеронцы потеряли въ этомъ дѣлѣ убитыми 9 и ранеными 30 нижнихъ чиновъ.

Уже было совсѣмъ темно, когда окончился славный бой у Кутишей, внесшій еще одну славную страницу въ исторію Апшеронскаго полка. Войскамъ, сильно утомленнымъ почти 12-ти часовымъ сраженіемъ, данъ былъ полный отдыхъ.

Донося главнокомандующему о сраженіи у Кутишей, князь Бебутовъ между прочимъ пишетъ: «Изъ описанія Кутишинскаго штурма, ваше сіятельство, усмотрѣть изволите непоколебимое мужество войскъ нашихъ; не было въ строю солдата, который не исполнилъ бы съ самоотверженіемъ долга чести и присяги Великому Государю Императору нашему и не старался бы грудью заслужить Царское спасибо[12].

Изъ особенно отличившихся Бебутовъ упоминаетъ командира Апшеронскаго полка полковника князя Орбеліани, маіоровъ Берхмана и Раутенберга и штабсъ-капитана Дьяконова.

17-го октября отрядъ перешелъ въ селеніе Насъ-Кентъ, гдѣ и расположился по саклямъ.

---

[10]) Дѣло № 207. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[11]) Дѣло № 14. Отношеніе князя Воронцова Военному Министру за № 108. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[12]) Дѣло № 14. Донесеніе № 222. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Сюда собрались всѣ старшины Даргинскаго округа, и Бебутовъ приступилъ къ внутреннему устройству этой части Дагестана. Такъ какъ, по завѣреніямъ почетныхъ акушинцевъ, вторженіе Шамиля произошло помимо желанія жителей, и они приняли его только изъ страха, то князь Бебутовъ не перемѣнилъ старшинъ.

Но считая неудобнымъ оставить акушинцевъ совершенно безъ наказанія, князь Воронцовъ предписалъ:

1) Потребовать выдачи тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали къ призыву Шамиля, если только они остались въ своихъ селеніяхъ.
2) Возложить на жителей снабженіе дровами и перевозку продовольствія для войскъ, которыя по обстоятельствамъ потребовалось бы двинуть въ Акушу, а также расчистку просѣкъ и исправленіе нѣсколькихъ важныхъ дорогъ, и
3) Въ видѣ наказанія отдать безвозмездно Самурскому полку, котораго штабъ-квартира основана вблизи акушинскихъ земель, необходимыя пастбищныя и покосныя мѣста.

Насколько взысканіе съ виновныхъ или малодушныхъ являлось необходимымъ, настолько было важно вознагражденіе жителей селеній Цудахара и Ходжалъ-Махи, потерпѣвшихъ отъ вторженія скопищъ Шамиля, мстившаго жителямъ за оказанное ими намъ содѣйствіе въ 1844 и 1845 годахъ, при изгнаніи партій возмутителей. Князь Бебутовъ выдалъ имъ часть изъ имѣвшихся у него денегъ и исходатайствовалъ еще 3.000 рублей.

Послѣ понесеннаго пораженія, непріятель не только очистилъ Ходжалъ-Махи и Куппу, но перешелъ даже за рѣку Кара-Койсу; вскорѣ скопища горцевъ разошлись.

22-го октября отрядъ вышелъ изъ Насъ-Кента. 1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ отправлены въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а 2-й баталіонъ поступилъ въ составъ авангардныхъ войскъ и оставленъ на зимнихъ квартирахъ въ селеніи Большомъ Дженгутаѣ.

До конца года въ Дагестанѣ было спокойно. Шамиль, понеся страшное пораженіе у Кутишей, не рисковалъ уже вторгаться въ наши владѣнія, не собравъ предварительно большихъ силъ. Въ половинѣ декабря получены извѣстія о сборахъ въ аулахъ Салты и Гергебилѣ; поэтому, на случай вторженія непріятеля въ наши предѣлы, князь Бебутовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Къ двумъ баталіонамъ, находившимся въ Дженгутаѣ, присоединилъ изъ Казанищъ одинъ и изъ селеніи Урмы — два баталіона; весь этотъ отрядъ (въ томъ числѣ 2 баталіона Апшеронцевъ) порученъ былъ генералъ-маіору князю Кудашеву; онъ долженъ былъ по первому извѣстію о появленіи напріятеля, двинуться въ Акушу для успокоенія жителей. Но, какъ видно, Шамиль отложилъ свое предпріятіе и никакихъ вторженій не производилъ. Жизнь вошла въ обычную колею: мелкія нападенія хищниковъ, изо дня въ день повторяющіяся тревоги, вотъ все, что нарушало обычное теченіе жизни.

За дѣла при Аймакахъ и Кутишахъ въ полку получены слѣдующія награды: командиръ полка, полковникъ князь Орбеліани 2-й — орденъ св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною; маіоры: Евдокимовъ — орденъ св. Анны 2-й степени, Вержбицкій и Раутенбергъ — слѣдующіе чины; штабсъ-капитаны: Гржегоржевскій и Винниковъ—чины капитана, подпоручики: Кожинъ, Лоза, Якубовскій — чины поручика, прапорщики: Глуржидзе, Шатковскій, Гусевъ 1-й, Хитрово, Гедримовичъ, Вранкенъ, Герасименко, Шиманскій, Строжалковскій, Пузевичъ и Штангъ — чины подпоручика; штабсъ-капитаны: Дьяконовъ и Пургасовъ и поручики: Армашевскій, Васильевъ 3-й и Багизардовъ—ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; штабсъ-капитаны: Миллеръ и Трубачевскій — св. Анны 3-й степени; поручики: Перковъ 1-й и Войткевичъ — св. Анны 4-й степени; баталіонный лекарь Куликовъ—единовременно 278 рублей; фельдфебеля: Иванъ Смышлявкинъ—единовременно 40 рублей, Евсѣй Филатовъ — вторую треть прибавочной пенсіи по знаку отличія военнаго ордена; Иванъ Коленко и Алексѣй Рубановъ — по 10 рублей серебромъ.

Вторыя трети прибавочной пенсіи по знаку отличія военнаго ордена: фельдфебеля: Алексѣй Захариковъ, Денисъ Малоховъ, Антонъ Федоровъ и Степанъ Гусевъ—кромѣ того послѣдній еще 30 руб. сер.; унтеръ-офицеръ Онуфрій Островскій—чинъ прапорщика. Знаки отличія военнаго ордена: фельдфебель Макаръ Лагунцовъ; подпрапорщики: Гавріилъ Поповъ и Николай Автандиловъ; унтеръ-офицеры: Эдмундъ Энгбрехтъ, Василій Дреймеръ, Платонъ Чуковинъ, Кириллъ Радошевскій, Евдокимъ Сидоровъ, Андрей Ивановъ, Янъ Недбальскій, Павелъ Недосѣкинъ, Юзефъ Бѣлоусовъ, Касперъ Рыбакъ, Иванъ Тарасевичъ, Христіанъ Юганъ, Дементій Яковлевъ, Иванъ Кругловъ, Иванъ Федоровъ, Михаилъ Дятловъ; рядовые: Антонъ Анушкевичъ, Эдуардъ Обухъ, Петръ Сафроновъ, Павелъ Пургасовъ, Францъ Бружинскій, Максимъ Давыдовъ, Иванъ Васлюкъ, Ксенофонтъ Григорьевъ, Савелій Ювлевъ, Тамашъ Валенчикъ, Филиппъ Чувановъ, Фома Бѣлинъ, Мокей Лукинъ, Ермолай Прокофьевъ, Войцехъ Славинскій, Павелъ Егоровъ, Яковъ Априкъ, Василій Кравченко, Семенъ Тигуновъ, Михайло Вавиловъ, Яковъ Поповъ, Григорій Головинскій, Василій Степановъ, Григорій Яценко, Алексѣй Видеповъ, Яковъ Подрикъ, Семенъ Маргунъ, Герасимъ Леоновъ, Андрей Косыхъ, Юрій Колецкій, Григорій Воронинъ, Филиппъ Ждановъ, Илья Погребовъ, Арнистъ Адашъ, Матвѣй Герасименко, Фома Мянихинъ, Денисъ Яшкевичъ, Григорій Васильевъ, Василій Долженко, Александръ Муратовъ, Филиппъ Пеньковъ, Даніилъ Ласюковъ, барабанщикъ Степанъ Погорѣловъ, Иванъ Гузѣевъ, Иванъ Лындинъ, Егоръ Перфильевъ, Тарасъ Леонтьевъ. Многимъ прощены штрафы.

До начала военныхъ дѣйствій баталіоны Апшеронскаго полка расположены были слѣдующимъ образомъ: 1-й и 5-й баталіоны находились въ штабъ-квартирѣ и занимали Озенскій и Кончугайскій посты; 2-й баталіонъ расположенъ былъ въ селеніи Дженгутаѣ; 3-й стоялъ въ Агачъ-Кале и занимался приготовленіемъ лѣсныхъ матеріаловъ для полка и инжернаго вѣдомства; 4-й баталіонъ находился въ Чиръ-Юртѣ.

Не смотря на блистательныя побѣды, одержанныя надъ скопищами Шамиля въ 1846-мъ году, мы не достигли никакихъ положительныхъ результатовъ, придерживаясь чисто оборонительной системы.

Шамиль по прежнему оставался полнымъ хозяиномъ въ горахъ и заставлялъ дрожать за свою безопасность покорныя намъ общества. Претерпѣваемыя имамомъ неудачи не ослабляли его энергіи въ борьбѣ съ Русскими, и эта энергія, черезъ мюридовъ, сообщалось и непокорному намъ народонаселенію. Въ общемъ 1846-й годъ въ Дагестанѣ ни сколько не подвинулъ впередъ дѣло покоренія края. Составляя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ на 1847-й годъ, главнокомандующій, князь Воронцовъ, отвелъ первое мѣсто работамъ въ Дагестанѣ; онѣ должны были заключаться въ слѣдующемъ:

1) построить необходимыя помѣщенія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и усовершенствовать оборону этого укрѣпленія;
2) устроить штабъ-квартиры Самурскаго полка въ Дешлагарѣ;
3) продолжать устройство штабъ-квартиры Нижегородскаго Драгунскаго полка въ Чиръ-Юртѣ;
4) исправить укрѣпленія Евгеніевскаго.

Кромѣ того на Дагестанскій отрядъ возложено было:

1) наблюденіе за Акушею и горными обществами, лежавшими за Койсубулинскимъ хребтомъ;
2) охраненіе края и сообщеній между всѣми пунктами Сѣвернаго Дагестана и
3) содѣйствіе войскамъ Кумыкской плоскости, въ случаѣ вторженія непріятеля.

Часть войскъ всегда находилась въ готовности двинуться въ Салатавію или къ Гергебилю, если обстоятельства того потребуютъ. Въ составъ Дагестанскаго отряда вошло 10 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 5 баталіоновъ Апшеронскаго полка), 10 экадроновъ

драгунъ, Дагестанскіе всадники, милиція и 13 орудій. Изъ предположеній на 1847 годъ, видно, что наступательныя дѣйствія съ нашей стороны не стояли на первомъ планѣ; они находились въ прямой зависимости отъ движеній въ ту или другую сторону непріятельскихъ скопищъ. Но огромные сборы Шамиля въ Гергебилѣ и Салтахъ, въ декабрѣ 1846 года, заставили князя Воронцова обратить серьезное вниманіе на поименованные два аула, которые являлись для непріятеля опорными пунктами, при вторженіяхъ партій въ наши владѣнія. Въ виду этого, въ началѣ 1847 года составлены новыя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ, согласно которымъ надлежало произвести въ горы экспедицію, съ цѣлью взятія Гергебиля и Салтовъ. Для дѣйствій въ Дагестанѣ, назначались два отряда: Дагестанскій, со стороны Сѣвернаго Дагестана и Самурскій — со стороны Казикумухскаго ханства; обоимъ отрядамъ содѣйствовалъ Лезгинскій отрядъ. Дагестанскій отрядъ сосредоточивался въ Дженгутаѣ, въ составѣ 6 баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), команды саперъ въ 50 человѣкъ, 4-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудій, дивизіона драгунъ, 150 донскихъ казаковъ и 500 человѣкъ милиціи; къ 5-му мая отрядъ долженъ былъ перейти черезъ Койсубулинскій хребетъ, овладѣть Гергебилемъ, и до 1-го іюня построить тамъ укрѣпленіе, привести самый аулъ въ надежное оборонительное положеніе, а также возвести башни для прикрытія входа и выхода изъ Аймакинскаго ущелья и переправы черезъ рѣку Кара-Койсу. 1-го іюня Дагестанскій отрядъ, оставивъ два баталіона и 2 горныхъ орудія въ Гергебилѣ, выступалъ къ Салтамъ на соединеніе съ Самурскимъ отрядомъ. Затѣмъ оба отряда дѣйствуютъ противъ селенія Ирибу, взявъ предварительно Сугратль. Детальную сторону послѣднихъ предпріятій мы излагать не будемъ, такъ какъ они остались только въ сферѣ предположеній.

Но задолго до начала главныхъ военныхъ дѣйствій, нѣкоторымъ частямъ Апшеронскаго полка пришлось участвовать въ движеніяхъ противъ непріятеля. Еще въ прошломъ году разрушенъ былъ Зубутовскій спускъ къ рѣкѣ Сулаку; между тѣмъ, въ январѣ наступившаго года воинскій начальникъ Евгеніевскаго укрѣпленія, подполковникъ Бучкіевъ, донесъ князю Бебутову, что Зубутовскій спускъ возобновленъ горцами, и что они начали устраивать здѣсь переправу черезъ Сулакъ. Командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ предписалъ Бучкіеву съ отрядомъ изъ 5 ротъ (въ томъ числѣ двѣ роты и команда охотниковъ Апшеронскаго полка) двинуться на гору Ходумъ-Башъ и вновь разрушить спускъ. Чтобы оградить этотъ небольшой отрядъ отъ покушеній непріятеля, который могъ переправиться у Міатловъ, князь Бебутовъ приказалъ выдвинуть изъ Чиръ-Юрта къ Міатлинской переправѣ два эскадрона драгунъ Нижегородскаго полка и одну роту пѣхоты, которые и должны были оставаться тамъ до окончанія предпріятія Бучкіева. 30-го января подполковникъ Бучкіевъ съ 5 ротами, при одномъ горномъ орудіи, двинулся на Зубутовскій спускъ.

Когда отрядъ подошелъ къ переправѣ, то партія горцевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ открыла по нему сильный ружейный огонь. Бучкіевъ выслалъ въ цѣпь команду охотниковъ; мѣткіе выстрѣлы послѣднихъ принудили непріятеля отступить отъ переправы; подъ прикрытіемъ огня нашей цѣпи, спускъ былъ взорванъ, и устроенная въ этомъ мѣстѣ переправа черезъ рѣку Сулакъ уничтожена. Выполнивъ возложенное на него порученіе, подполковникъ Бучкіевъ, безпрепятственно возвратился въ Евгеніевское укрѣпленіе. Это предпріятіе стоило намъ всего лишь 2-хъ раненыхъ; непріятель оставилъ на мѣстѣ 4-хъ убитыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ заколотъ штыкомъ охотника [13]).

[13]) Дѣло № 6. Секретной описи. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба

Однако партіи горцевъ не переставали производить внезапные набѣги въ наши предѣлы, цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы отбить табуны лошадей и стада, которые паслись на плоскости; нѣкоторыя изъ нападеній имѣли полный успѣхъ, и горцамъ удавалось угонять скотъ; другія же оканчивались неудачно. Успѣхъ предпріятій горцевъ находился въ зависимости отъ количества кавалеріи въ той мѣстности, куда они дѣлали набѣги; въ виду же недостатка ея, генералъ-маіоръ князь Кудашевъ ходатайствовалъ у князя Воронцова о сформированіи «конной охотничьей команды изъ нижнихъ чиновъ Апшеронскаго полка», изъ числа надежнѣйшихъ людей; команда была сформирована и находилась въ Озени, гдѣ паслись казенно-подъемныя лошади полка [14]). Какъ долго просуществовали эти конные охотники-Апшеронцы неизвѣстно, равно и не видно степени участія ихъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ.

Зная о всѣхъ предположеніяхъ нашихъ въ наступившемъ году, Шамиль энергично принялся за приготовленія къ оборонѣ. Прежде всего онъ позаботился собрать огромное скопище; затѣмъ близъ аула Араканы, на рѣкѣ Сулакѣ, приказалъ построить мостъ для того, чтобы въ случаѣ движенія нашихъ войскъ къ Араканамъ, жители могли переселиться на противуположный берегъ, разрушивъ за собой мостъ; аулъ Гергебиль, куда предполагали направиться наши войска, дѣятельно укрѣплялся. По словамъ лазутчиковъ, Гергебиль былъ обнесенъ каменною стѣною въ $1^1/_2$ аршина толщиною и 2 сажени высотою; кромѣ того возведены въ разныхъ мѣстахъ пять башенъ, а между Чалдами и Гоцатлемъ горцы строили каменную стѣну. Оборону Гергебиля Шамиль поручилъ жителямъ, прислалъ имъ въ помощь нѣсколько сотъ мюридовъ; въ случаѣ движенія къ аулу Дагестанскаго отряда, онъ обѣщался прійти со всѣмъ скопищемъ. Прежде чѣмъ приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ, Дагестанскій отрядъ занялся разработкой дороги отъ селенія Буглень черезъ Дженгутай къ селенію Оглы. 2-го мая исправленіе дороги было окончено, и войска получили возможность выступить въ походъ. 3-го мая отправленъ изъ Шуры въ Большой Дженгутай 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, поступившій въ составъ авангарда (2 баталіона съ 4-мя горными орудіями); къ 6-му числу войска, назначенныя въ экспедицію, собрались въ Дженгутаѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Бебутова. Отрядъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго, $1^1/_2$ баталіона Дагестанскаго и $1^1/_2$ баталіона Ширванскаго полковъ; команда саперъ и команда Апшеронскаго полка съ крѣпостными ружьями, 4 легкихъ и 4 горныхъ орудія 20-й артиллерійской бригады, $1^1/_2$ сотни казаковъ Донскаго № 29 полка и 6 сотенъ милиціи.

7-го числа авангардъ направился въ Оглы, куда на другой день прибылъ весь отрядъ. Изъ Оглы войска пошли на Аймакинскія высоты, и поднявшись на нихъ, 10-го мая, расположились лагеремъ въ виду Гербиля. Въ тотъ же день князь Бебутовъ произвелъ усиленную рекогносцировку укрѣпленнаго аула. Колонна, отправившаяся на рекогносцировку, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ) и 4-хъ горныхъ орудій, спустилась съ Аймакинскихъ высотъ и остановилась въ разстояніи орудійнаго выстрѣла отъ Гергебиля. Изъ осмотра дороги къ аулу, князь Бебутовъ пришелъ къ заключенію, что полевыя орудія могли быть свезены внизъ съ большимъ трудомъ; за то поднять ихъ, въ случаѣ отступленія отряда, не представлялось никакой возможности. Горцы обнесли Гергебиль толстой каменной стѣной и построили нѣсколько башенъ для фланговой обороны; вдоль стѣнъ во многихъ мѣстахъ устроены были траверсы и блиндажи для защиты отъ навѣснаго огня; въ аулѣ находилось 2 орудія. Гергебильцы отправили свои се-

[14]) Дѣло № 70. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

мейства и имущество въ Кудухъ и Араканы, а сами, подкрѣпленные сильными партіями изъ другихъ ауловъ, приготовились къ упорной защитѣ. Шамиль приказалъ всѣмъ своимъ наибамъ съ конными и пѣшими партіями, окружить отрядъ и, не вступая съ нимъ въ бой, стараться только отрѣзать сообщеніе съ тыломъ. Для взятія Гергебиля необходимы были нѣкоторыя приготовленія, предварительныя работы и довольно значительный запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, поэтому Князь Бебутовъ обратилъ вниманіе на учрежденіе удобной коммуникаціонной линіи, для подвода въ отрядъ военныхъ и продовольственныхъ припасовъ. Отрядъ перешелъ въ селеніе Ходжалъ-Махи, откуда сообщеніе съ укрѣпленіемъ Темиръ-Ханъ-Шурою было несравненно удобнѣе таковаго же черезъ Аймакинскій хребетъ; въ Оглахъ устроили склады разнаго рода запасовъ, и приступили немедленно къ разработкѣ дороги до Гергебиля и къ возобновленію уничтоженнаго непріятелемъ моста у селенія Ташъ-Кента. Пользуясь пребываніемъ нашихъ войскъ въ Ходжалъ-Махахъ, командующій войсками приступилъ къ осуществленію важной для спокойствія въ Даргинскомъ округѣ мѣры — водворенія ходжалъ-махинцевъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ жительства. Однако, движеніе къ Гергебилю пришлось отложить, вслѣдствіе появленія среди войскъ страшной эпидеміи—холеры, уносившей ежедневно десятки жертвъ; эта ужасная болѣзнь, развившись въ лагерѣ, замедляла ходъ военныхъ дѣйствій и въ то же время уменьшала численность Дагестанскаго отряда. Разработка дороги къ Гергебилю и постройка моста у Ташъ-Кента были весьма непріятны Шамилю, указывая ему на упорное желаніе наше, такъ или иначе, добраться до Гергебиля; каждый день сильныя партіи тревожили находившіяся на работахъ войска, заводя съ ними перестрѣлку; горцы нападали на прикрытія табуновъ, на транспорты, на рабочихъ, старались производить нападенія въ тылу нашего расположенія и т. д. Не смотря на все это, работы подвигались впередъ, прикрытія транспортовъ увеличивались, а для обезпеченія тыла отряда, 21-го мая, при спускѣ въ Ходжалъ-Махинсхое ущелье расположенъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка. 25-го числа въ лагерь отряда у Ходжалъ-Маховъ пріѣхалъ князь Воронцовъ, съ цѣлью непосредственно руководить военными дѣйствіями. Работы приходили къ концу, и ничто уже не мѣшало отряду выступить къ Гергебилю. Предвидя близкое наступательное движеніе нашихъ войскъ, горцы усилили свои перестрѣлки и нападенія; 27-го мая непріятель завелъ перестрѣлку со 2-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, находившимся на работахъ. Начали ее горцы съ утра и продолжали цѣлый день, а особенно усилили при возвращеніи Апшеронцевъ въ лагерь; непріятель пытался даже бросаться въ шашки, но встрѣченный мѣткимъ огнемъ и штыками отступилъ. Въ этотъ день у насъ былъ раненъ одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой. На другой день пришелъ въ лагерь 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, а 1-го іюня Дагестанскій отрядъ выступилъ изъ Ходжалъ-Маховъ къ Гергебилю и, подойдя къ нему, расположился лагеремъ на высотахъ. Отрядъ находился въ слѣдующемъ составѣ: 6 баталіоновъ пѣхоты (въ числѣ ихъ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), два эскадрона драгунъ, полторы сотни казаковъ, до 600 человѣкъ пѣшей и конной милиціи, 4 полевыхъ и 4 горныхъ орудія и 2 двухпудовыя мортиры [15]).

Въ тотъ же день, начальникъ главнаго штаба, генералъ-маіоръ Коцебу, съ авангардомъ отряда (въ составѣ его и 1-й баталіонъ Апшеронцевъ) произвелъ рекогносцировку Гергебиля и опредѣлилъ мѣста для расположенія войскъ и батарей, предназначенныхъ для разрушенія сдѣланныхъ непріятелемъ за это время весьма значительныхъ укрѣпленій. Всѣ стѣны укрѣпленнаго аула имѣли фланговую оборону, а отвѣсныя скалы дѣлали

[15]) 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка оставленъ въ Ходжалъ-Махахъ для охраненія тыла отряда.

многіе пункты совершенно недоступными; внутри укрѣпленія были устроены блиндажи, барикады, завалы и траверсы, а каждая сакля обращена въ отдѣльное небольшое укрѣпленіе. Непріятель произвелъ изъ орудій нѣсколько выстрѣловъ по войскамъ, но безъ всякаго для нихъ вреда. На разсвѣтѣ, 2-го іюня, генералъ Коцебу съ двумя баталіонами, рабочею командою и саперами двинулся къ Гергебилю и занялъ возвышенность, находившуюся противъ него, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла; вслѣдъ за тѣмъ, по указанію инженеръ-подполковника Кесслера, приступлено было къ устройству батарей для всѣхъ находившихся въ отрядѣ полевыхъ и горныхъ орудій и для мортиръ; рабочіе были совершенно прикрыты гребнемъ горы. Къ двумъ часамъ пополудни постройку батарей окончили, вооружили и тотчасъ же открыли изъ нихъ огонь по укрѣпленію.

Задача артиллеріи заключалась въ томъ, чтобы разрушить южный исходящій уголъ аула, который признанъ удобнѣйшимъ пунктомъ для атаки, а также уничтожить всѣ сакли, примыкавшія къ этому углу, и искусственныя препятствія, преграждавшія путь къ верхней части Гергебиля. Непріятель все время стрѣлялъ изъ своихъ орудій, но особеннаго урона отъ этого огня войска не терпѣли; вся наша потеря заключалась въ одномъ раненомъ въ цѣпи рядовомъ.

Вечеромъ изъ Турчидага къ Гергебилю пришла большая часть Самурскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Аргутинскаго. Самурскій отрядъ, состоявшій изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, роты Кавказскаго сапернаго баталіона, 4-хъ горныхъ орудій, ракетной команды, 2-хъ сотенъ казаковъ и 10-ти сотенъ конной и пѣшей милиціи, расположился близь Гергебильскихъ садовъ.

Утромъ, 3-го іюня, значительная непріятельская партія показалась на гребнѣ, идущемъ отъ аула Кикуны къ лѣвому берегу Кара-Койсу; до 500 мюридовъ спустились къ самой рѣкѣ и, переправившись черезъ нее, заняли высоты на лѣвой сторонѣ Казикумухскаго-Койсу, впереди лагеря Самурскаго отряда. Чтобы сбить эту партію, князь Аргутинскій послалъ противъ нея кавалерію и милицію своего отряда. Конница атаковала горцевъ и заставила ихъ отступить въ ущелье Кара-Койсу. Вслѣдъ затѣмъ, главнокомандующій отправилъ черезъ гергебильскіе сады генерала Коцебу для рекогносцировки аула Кикуны; во время послѣдней осмотрѣнъ былъ Гергебиль съ западной стороны.

Въ продолженіи всего дня и ночи артиллерія не переставала стрѣлять по аулу. Бомбы разрушили большое число сакель, а выстрѣлами изъ $^1/_4$ пудовыхъ единороговъ, дѣйствовавшихъ 12-ти фунтовыми ядрами, пробита брешь въ стѣнѣ южнаго исходящаго угла. Одно непріятельское орудіе было подбито, но изъ другаго, часто перемѣнявшаго мѣсто, горцы поддерживали огонь.

Ружейный огонь горцевъ былъ довольно слабъ и наводилъ на мысль о малочисленности гарнизона, хотя точныхъ свѣдѣній о числѣ защитниковъ укрѣпленія, при всемъ стараніи, собрать нельзя было. 3-го іюня наша потеря заключалась въ 5-ти убитыхъ и 5-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ. Толпы горцевъ на высотахъ по лѣвому берегу Кара-Койсу значительно увеличились, и непріятель расположился лагеремъ; лазутчики утверждали, что съ послѣдними партіями прибылъ и самъ Шамиль. Къ вечеру 3-го іюня, пробиваемая въ стѣнѣ брешь имѣла уже достаточную ширину; сакли, примыкавшія къ южной сторонѣ, большею частью разрушены, и самый аулъ, повидимому, совершенно опустѣлъ; лазутчики дали знать, что мюриды въ ночь на 4-е число намѣрены увезти орудія. Въ виду этого, князь Воронцовъ назначилъ 4-го іюня штурмъ Гергебиля, съ каковою цѣлью образованы двѣ колонны: одна предназначалась для открытой атаки аула черезъ пробитую въ стѣнѣ брешь, а другая — въ обходъ съ западной стороны, для отвлеченія туда части гарнизона.

*

Первая колонна состояла изъ 1-го баталіона Апшеронцевъ, подъ командою храбраго маіора Евдокимова и баталіона Ширванскаго полка; вторая — изъ 6-ти ротъ Дагестанскаго полка, горнаго орудія, командъ съ крѣпостными ружьями, дивизіона драгунъ и всей пѣшей и конной милиціи, находившейся при Дагестанскомъ отрядѣ. Со штурмовою колонною шла команда охотниковъ Апшеронскаго полка съ лѣстницами, и саперы съ шанцевымъ инструментомъ, подъ начальствомъ капитана Щодро; резервъ составляли 6-ть баталіоновъ.

Первую колонну велъ командиръ Апшеронскаго полка полковникъ князь Орбеліани 2-й, а вторую полковникъ Евдокимовъ — командиръ Дагестанскаго полка (бывшій Апшеронецъ); обѣими колоннами завѣдывалъ генералъ-маіоръ князь Кудашевъ. Самурскій отрядъ оставался въ лагерѣ для отраженія горцевъ, если бы во время штурма Гергебиля, они произвели нападеніе съ какой нибудь стороны. Въ шесть часовъ утра, обходная колонна выступила изъ лагеря и, пройдя гергебильскіе сады, заняла всѣ прилегающія къ аулу террасы. Кавалерія оставлена была на открытомъ мѣстѣ позади, для наблюденія за дорогами изъ Кикуны и Могоха. Въ 8-мь часовъ утра открыта была усиленная пальба по Гергебилю изъ орудій и мортиръ, а въ 9-ть часовъ поданъ сигналъ къ атакѣ. Несмотря на сильный огонь горцевъ, штурмующіе баталіоны безостановочно шли къ бреши и заняли аулъ. Во главѣ всѣхъ, съ 1-й гренадерской ротой Апшеронцевъ ворвался въ Гергебиль капитанъ Винниковъ, а вслѣдъ за нимъ съ 3-й мушкетерской ротой штабсъ-капитанъ Дьяконовъ. Не говоря уже о непрерывномъ и мѣткомъ ружейномъ огнѣ, который открыли горцы, подпустивъ баталіонъ къ самой стѣнѣ, храбрыя наши войска встрѣтили за стѣною многочисленнаго непріятеля и совершенно непредвидѣнныя препятствія, какъ-то: врытые въ землю казематы, откуда производился убійственный огонь, укрѣпленныя пещеры-сакли, покрытыя фальшивыми крышами, черезъ которыя проваливались вскочившіе на нихъ солдаты и падали на кинжалы мюридовъ. Съ яростью бросились горцы на первыхъ ворвавшихся въ аулъ Апшеронцевъ, и завязался кровопроливный бой. Штыки, шашки, кинжалы и пистолеты все пошло въ ходъ; храбрые офицеры, принимали непосредственное участіе въ бою и подавали примѣръ солдатамъ, жертвуя на ихъ глазахъ своею жизнью. Во время этой рѣзни убитъ доблестный и храбрѣйшій офицеръ Апшеронскаго полка, маіоръ Евдокимовъ; ранены были Винниковъ и Дьяконовъ, но они не покинули мѣста боя. Тѣмъ не менѣе численный перевѣсъ горцевъ взялъ свое, наши войска были вытѣснены изъ укрѣпленія. Однако неудача эта не охладила рвенія нашихъ храбрецовъ, колонна вторично ворвалась во внутрь укрѣпленія и опять закипѣлъ жестокій бой. Апшеронцы другъ передъ другомъ отличались въ геройствѣ; раненые офицеры не уходили изъ строя; солдаты же старались какъ можно больше убить враговъ, чтобы отомстить за смерть любимаго командира баталіона. Скоро въ строю не осталось ни одного офицера, который былъ бы не раненъ или не контуженъ; число храбрыхъ солдатъ значительно уменьшилось, а между тѣмъ, толпы непріятеля густѣли и, наконецъ, вторично вытѣснили насъ изъ укрѣпленія. Часть охотниковъ — Апшеронцевъ, встрѣтивъ на своемъ пути террассы, и увлеченная мѣстностью, не попала на пунктъ, который по диспозиціи боя назначенъ ей былъ для атаки, а обогнувъ укрѣпленіе, съ примѣрною смѣлостью приставила лѣстницы къ сѣверному углу стѣны и полѣзла на нее. 15 охотниковъ вскочили на крышу устроенной тутъ башни, но обрушились во внутрь ея и сдѣлались жертвою непріятеля. Во избѣжаніе напрасной потери людей, князь Воронцовъ приказалъ войскамъ не возобновлять штурма и отойти въ лагерь. Полковникъ Евдокимовъ со второю колонною приблизился къ Гергебилю съ западной стороны; но будучи встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью изъ уцѣлѣвшаго въ укрѣпленіи орудія, онъ дальше не пошелъ, а укрывъ людей отъ непріятельскаго огня за выступами скалъ, ограничился ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ,

который удержалъ противъ него часть гарнизона; одновременно съ колонною, ходившею на штурмъ, и Евдокимовъ получилъ приказаніе возвратиться въ лагерь.

Наша потеря во время штурма была весьма значительна; убиты: 1 штабъ-офицеръ, 4 оберъ-офицера и 117 нижнихъ чиновъ; ранены: 3 штабъ-офицера, 15 оберъ-офицеровъ и 392 нижнихъ чина; контужены; 5 оберъ-офицеровъ и 72 нижнихъ чина. Изъ этого числа Апшеронцы потеряли *убитыми: маіора Евдокимова, поручика Перкова 1-го, подпоручика Хитрово и 46 нижнихъ чиновъ; ранены: капитаны Винниковъ и Щодро, штабсъ-капитаны Дьяконовъ и Стояновъ, подпоручикъ Штанъ, подпоручикъ Вранкенъ, прапорщики Перковъ 2-й и Ковалевскій и 162 нижнихъ чина; контужены: капитанъ Колачковскій, подпоручикъ Шатковскій и 41 нижній чинъ*[16].

Описывая Военному Министру штурмъ Гергебиля, князь Воронцовъ въ заключеніе говоритъ слѣдующее: «Считаю обязанностью своею свидѣтельствовать передъ вашимъ сіятельствомъ, для доклада Государю Императору, что всѣ чины войскъ Его Величества въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, исполнили съ совершеннымъ самоотверженіемъ свои обязанности и горятъ желаніемъ отомстить непріятелю за смерть своихъ товарищей; но мое дѣло не пускать ихъ иначе, какъ при совершенной увѣренности на успѣхъ. Гг. офицеры съ соревнованіемъ старались показать свое усердіе къ службѣ и примѣръ нижнимъ чинамъ; изъ нихъ особенное вниманіе на себя обратили въ пылу жаркаго боя командиръ Апшеронскаго пѣхотнаго полка полковникъ князь Орбеліани 2-й, который велъ колонну на приступъ, командиръ 1-го баталіона Апшеронскаго полка маіоръ Евдокимовъ, убитый на бреши, капитаны Винниковъ и Щодро и штабсъ-капитанъ Дьяконовъ»[17].

Съ начала осады и до утра 4-го іюня въ Гергебиль было брошено: 229 двухъ-пудовыхъ бомбъ, 513 гранатъ, 230 двѣнадцати-фунтовыхъ и 340 шести-фунтовыхъ ядеръ. Всѣ эти снаряды произвели ужасное разрушеніе; въ стѣнѣ пробита брешь, — и не смотря на то, гарнизонъ не упалъ духомъ. Изумительная стойкость горцевъ убѣдила князя Воронцова, что взять аулъ открытою силою можно только съ весьма значительными потерями, и что единственное средство къ овладѣнію Гергебилемъ есть совершенное уничтоженіе его посредствомъ дѣйствія артиллеріи. Холера, уменьшившаяся въ Дагестанскомъ отрядѣ, появилась среди войскъ Самурскаго отряда, расположеннаго въ гергебильскихъ садахъ, противъ моста черезъ рѣку Казикумухское Койсу. Перемѣщать лагерь этого отряда, князь Воронцовъ не считалъ возможнымъ, ибо на противуположномъ берегу рѣки находились массы горцевъ. Съ другой стороны, запасъ снарядовъ, казавшійся вполнѣ достаточнымъ для бомбардированія аула, истощился, а подвозъ новыхъ требовалъ нѣсколькихъ недѣль. Въ виду этого главнокомандующій рѣшилъ отступить отъ Гергебиля, а вмѣсто того предпринять наступательное движеніе за рѣку Казикумухское Койсу. 6-го и 7-го іюня производилась сильная бомбардировка аула, а 8-го назначено выступленіе отрядовъ съ занимаемыхъ имъ позицій. Дагестанскій отрядъ, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), долженъ былъ направиться въ Ходжалъ-Махи, оставить здѣсь одинъ баталіонъ и команду саперъ для приведенія части селенія въ надежное оборонительное положеніе, и затѣмъ расположиться на границахъ Мехтулинскаго владѣнія, для наблюденія отсюда за непріятелемъ. Самурскій отрядъ, увеличенный до 10 баталіоновъ, направлялся къ Турчидагу.

Наканунѣ выступленія князь Воронцовъ отдалъ слѣдующій приказъ. «Войска Дагестанскаго отряда! Я никогда не сомнѣвался въ храбрости вашей, поэтому безъ удивленія видѣлъ

[16] Дѣло № 5. Отношеніе князя Воронцова Военному Министру № 176. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[17] Тамъ же.

геройскіе подвиги 4-го іюня при штурмѣ укрѣпленнаго селенія Гергебиля; я знаю также, что ничто не можетъ устоять противъ мужества вашего—еще одно молодецкое усиліе съ вашей стороны, и горцы конечно не укрылись бы отъ штыковъ вашихъ ни за стѣнами своими, ни въ башняхъ, ни въ пещерахъ. Но жалѣя драгоцѣнную кровь храбрыхъ, я приму въ свое время мѣры, чтобы уничтожить съ меньшею для насъ потерею этотъ вертепъ мюридовъ. При этомъ я считаю обязанностью своею благодарить всѣхъ участвовавшихъ въ приступѣ; тутъ, какъ и всегда, войска исполнили съ совершеннымъ самоотверженіемъ священныя свои обязанности, и я вижу на лицахъ ихъ желаніе отомстить непріятелю за смерть товарищей. Не могу не назвать особенно отличившихся гг. офицеровъ командира Апшеронскаго полка князя Орбеліани, убитаго командира 1-го баталіона маіора Евдокимова; капитановъ Щодро и Винникова, который первый взошелъ на брешь, и штабсъ капитана Дьяконова» [18].

8-го числа началось движеніе нашихъ войскъ отъ Гергебиля къ Ходжалъ-Махамъ; сначала выступилъ Дагестанскій отрядъ, а вслѣдъ за нимъ Самурскій, усиленный 2-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, прибывшимъ не за долго передъ тѣмъ изъ Ходжалъ-Маховъ; послѣдній отрядъ прикрывалъ движеніе Дагестанскаго. Непріятель не замедлилъ начать преслѣдованіе отступавшихъ войскъ; но всѣ атаки горцевъ отражались съ уономъ для нихъ, и отрядъ отступалъ въ порядкѣ, занимая по уступамъ горъ одну позицію за другою. Отступленіе отъ Гергебиля стоило намъ одного убитаго оберъ-офицера милиціи и 37 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Осмотрѣвъ часть Ходжалъ-Маховъ, которую предполагалось привести въ оборонительное положеніе, князь Воронцевъ приказалъ приступить къ работамъ, для чего назначилъ слѣдующія части Дагестанскаго отряда: 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ, 2 баталіона Дагестанскаго полка, команду саперъ, ракетную команду, 4 легкихъ и 2 горныхъ орудія и сотню казаковъ. Самурскій отрядъ двинулся къ акушинскому селенію Моге, оттуда направился къ Турчидагу. Съ этого времени, до конца іюля, Апшеронцы находились въ Ходжалъ-Махахъ, при чемъ 1-й баталіонъ былъ смѣненъ 3-мъ, пришедшимъ изъ Шуры.

Холера вновь стала свирѣпствовать среди войскъ; въ Апшеронскомъ полку умерло отъ нея 153 нижнихъ чина, жертвою эпидеміи сдѣлался достойный, всѣми любимый командиръ полка, князь Захарій Димитріевичъ Орбеліани 2-й, умершій 11-го іюня. Новымъ командиромъ полка назначенъ родной братъ Захарія Димитріевича, полковникъ князь Григорій Димитріевичъ Орбеліани 1-й [19].

Самурскій отрядъ стоялъ 1 1/2 мѣсяца на Турчидагѣ, пока не уменьшилась холера, свирѣпствовавшая въ Салтахъ и окрестныхъ аулахъ. Какъ только эпидемія уменьшилась, то отрядъ,—въ составѣ 8-ми баталіоновъ, роты саперъ, 2-хъ ротъ стрѣлковъ со всей артил-

---

[18]) Дѣло № 5. Секретнаго отдѣленія, Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[19]) Умершій 11 іюня, командиръ полка князь Орбеліани 2-й началъ службу въ 1824 году, поступивъ фейерверкеромъ въ конно-артиллерійскую № 8 роту; въ 1826 году онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію, а въ 1828 году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ прапорщики въ 13-ю роту конной артиллеріи. Въ 1829 году Захарій Димитріевичъ участвовалъ въ войнѣ противъ турокъ и за оказанную имъ храбрость подъ Эрзерумомъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость» и въ память войны серебряною медалью. Въ 1831 году Орбеліани принималъ участіе въ польской войнѣ, гдѣ награжденъ знакомъ отличія за военныя достоинства 4-й ст. Въ 1833 году Захарій Димитріевичъ переведенъ въ 1-ю батарею кавказской гренадерской бригады и въ слѣдующемъ году за отличіе по службѣ произведенъ въ подпоручики, въ 1835 г. въ поручики, а въ 1838 г. въ штабсъ-капитаны; въ 1839 году, за отличіе противъ горцевъ награжденъ чиномъ капитана. Въ 1841 году Захарій Димитріевичъ назначенъ былъ для особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго Кавказского корпуса и за участіе въ экспедиціи въ Сѣверномъ Дагестанѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Въ 1842 году находился въ Самурскомъ отрядѣ и участвовалъ въ экспедиціи противъ непокорныхъ горцевъ. За примѣрное мужество и самоотверженіе при занятіи съ авангардомъ селенія Рычи и главное—способствованіе при разбитіи и разсѣяніи непріятеля, князь Орбеліани получилъ высокую награду — орденъ св. Георгія 4-й ст., а за труды, понесенные въ этой экспедиціи, произведенъ въ подполковники. Въ 1844 году, за оказанную имъ храбрость въ экспедиціи въ Дагестанѣ, подполковникъ князь Орбеліани награжденъ орденомъ св. Станислава

леріей, дивизіономъ драгунъ, 2-мя сотнями казаковъ и милиціей,—спустился съ позиціи на Турчидагѣ и 26-го іюля расположился впереди Салтовъ, приступивъ немедленно къ предварительнымъ работамъ для осады этого укрѣпленнаго аула. Горцы сдѣлали Салты почти недоступнымъ: они окружили его толстою, высокою и отчасти казематированною стѣною, которая фланкировалась построенными во многихъ мѣстахъ башнями. Вооруженіе укрѣпленія состояло изъ двухъ орудій; гарнизонъ былъ весьма многочисленный и, повидимому, приготовлялся къ упорной оборонѣ. Конецъ іюля и начало августа прошли въ устройствѣ батарей и расположеніи по позиціямъ осадныхъ войскъ, усиленныхъ двумя баталіонами, пришедшими изъ Дагестанскаго отряда; 6-го августа пришло еще 6 ротъ, въ числѣ ихъ находились 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка, подъ командою маіора князя Орбеліани, которыя расположились на лѣвомъ флангѣ, въ Салтинской долинѣ. Въ началѣ августа къ Салтамъ прибылъ князь Воронцовъ. Раньше произведенныя рекогносцировки открыли лагерь непріятеля между Кегеромъ, Салтинскимъ и Хиндахскимъ мостами; здѣсь собралось до 8 тыс. горцевъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и Даніель Султана Елисуйскаго. Близость такого сильнаго скопища, отвлекая наши силы, мѣшала успѣшному ходу осады, и въ то же время гарнизонъ имѣлъ возможность въ минуту необходимости получать подкрѣпленіе. Поэтому князь Воронцовъ рѣшилъ атаковать скопище и заставить его отступить.

Въ ночь съ 6-го на 7-е августа произведена была атака, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: совершенно разсѣянное скопище бросило свою позицію и отступило. Потеря наша была весьма незначительная и заключалась въ 4-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ; ранены 1 оберъ-офицеръ, 2 рядовыхъ и 11 милиціонеровъ.

Взятіе сильно укрѣпленнаго и хорошо вооруженнаго аула Салты открытою силой представлялось почти невозможнымъ, и во всякомъ случаѣ повлекло бы за собою большія потери; вслѣдствіе чего главнокомандующій рѣшилъ вести правильную осаду. Чтобы охватить аулъ съ восточной стороны, являлось необходимымъ занять гребень Куппинскихъ высотъ, гдѣ находились непріятельскія партіи, подъ начальствомъ Абакаръ-Хаджи, Хаджи-Ягвы и другихъ наибовъ.

Въ ночь на 9-е число, къ этому пункту двинулись $3^1/_2$ баталіона. Эти войска сбили непріятеля съ позиціи и заняли высоты. Осадныя работы съ успѣхомъ подвигались впередъ; батареи, дѣйствуя по Салтамъ бомбами и ядрами, разрушали стѣны и внутреннія строенія и наносили немалый вредъ защитникамъ. Гарнизонъ имѣлъ еще выходъ изъ аула черезъ сады, расположенные сзади аула. Чтобы замкнуть кругъ осады необходимо было занять эти сады.

22-го августа, въ 3 часа пополуночи, назначенныя для занятія садовъ войска, (2 баталіона, 2 горныхъ орудія и 3 сотни милиціи) подъ начальствомъ генералъ-маіора Бюрно, собрались на высотахъ, занятыхъ ахтынской милиціей; на разсвѣтѣ они приблизились къ спуску, ведущему въ сады. Въ то же время, для отвлеченія вниманія непріятеля, со всѣхъ батарей открытъ сильнѣйшій огонь по аулу, а два баталіона съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «ура» заняли передовыя траншеи. Пользуясь демонстраціей, генералъ Бюрно быстро направился въ сады и, несмотря на частый орудійный и ружейный огонь осажденныхъ, пе-

---

2-й ст. и чиномъ полковника, съ назначеніемъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантѣ князѣ Воронцовѣ. 1-го іюля 1846 года полковникъ князь Орбеліани 2-й назначенъ былъ командиромъ Апшеронскаго полка и оставался таковымъ до смерти, послѣдовавшей 11-го іюня слѣдующаго 1847 года. Всего только годъ съ небольшимъ командовалъ Захарій Димитріевичъ полкомъ и, не смотря на то, успѣлъ снискать себѣ любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ и всѣхъ знавшихъ его. Добрый любезный, внимательный къ нуждамъ офицеровъ и солдатъ, князь Орбеліани являлся прекраснымъ командиромъ полка и преждевременная смерть его глубоко опечалила весь полкъ.

решелъ два чрезвычайно глубокіе оврага и рѣчку, занялъ позицію въ садахъ и сейчасъ же приступилъ къ устройству здѣсь батареи. Взятіе части салтинскихъ садовъ, разобщивъ аулъ отъ окружавшихъ его партій, поставило защитниковъ въ крайне затруднительное положеніе, вслѣдствіе чего они задумали, во чтобы то ни стало, взять обратно сады. Въ ту же ночь огромныя толпы горцевъ вышли изъ укрѣпленія и бросились на баталіоны, расположенные въ садахъ. Завязалась упорная битва, которая кончилась отбитіемъ горцевъ на всѣхъ пунктахъ. Впрочемъ, этотъ успѣхъ обошелся слишкомъ дорого—у насъ убиты: 1 штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ и 132 нижнихъ чина; ранены: 4 оберъ-офицера и 153 нижнихъ чина; контужено: 6 оберъ-офицеровъ и 37 нижнихъ чиновъ. Вылазка горцевъ 22-го августа показала, какое важное значеніе они придаютъ позиціи нашей въ садахъ. Чтобы сдѣлать положеніе войскъ въ садахъ болѣе прочнымъ, на случай повторенія атаки со стороны непріятеля, колонна генерала Бюрно была усилена двумя ротами Апшеронцевъ, подъ начальствомъ маіора князя Орбеліани; позицію укрѣпили новыми завалами, а разрушенные во время ночной вылазки — были возобновлены.

Съ разсвѣтомъ 24-го августа, генералъ Бюрно послалъ одинъ баталіонъ для занятія передовой высоты, откуда предполагалось вести траншеи; высоту заняли безъ выстрѣла, и войска съ помощью принесенныхъ ими фашинъ, успѣли сдѣлать траншею, подъ прикрытіемъ которой начали укрѣплять высоту. Въ тотъ же день, въ 6 часовъ утра, взорваны двѣ мины, веденныя съ фронта главной осадной линіи; оба взрыва имѣли весьма удачные результаты: первый завалилъ ровъ передъ одной изъ передовыхъ башенъ, а второй совершенно обрушилъ среднюю башню.

25-го августа, въ отрядѣ Бюрно устроили редутъ на передовой высотѣ; въ немъ помѣстились двѣ роты Апшеронцевъ и двѣ роты Ширванцевъ, подъ командою маіора князя Орбеліани. Ночью изъ редута замѣтили толпы непріятеля, вышедшія для принятія провіанта отъ расположенныхъ по близости партій. Но движеніе горцевъ было остановлено сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Съ каждымъ днемъ осадныя работы подвигались впередъ, однако, непріятель не думалъ ни уходить, ни сдаваться, и нужно было ожидать упорной и отчаянной обороны при штурмѣ аула; мюриды во все время осады старались вредить работамъ вылазками, вели контръ-мины, а орудійный и ружейный огонь изъ аула не умолкалъ ни днемъ, ни ночью. Въ ночь на 3-е сентября, осажденные произвели нападеніе на Апшеронскій редутъ; находясь на пути ихъ сообщенія съ партіями, онъ препятствовалъ доставкѣ къ осажденнымъ провіанта. Гарнизонъ редута отбилъ вылазку ружейными залпами и штыками. 4-го числа съ редута спустили роту Апшеронцевъ, для освѣщенія посредствомъ ручныхъ брандскугелей дороги въ оврагѣ. Въ полночь на этой дорогѣ замѣчено было движеніе вьюковъ съ провіантомъ; немедленно изъ редута открытъ сильный ружейный огонь, заставившій горцевъ возвратиться. Расположенные близь родниковъ, наши секреты не позволяли непріятелю приближаться къ водѣ. Наконецъ, 9-го сентября, было назначено занятіе южной стѣны аула. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, это предпріятіе было исполнено съ успѣхомъ, послѣ чего войска въ теченіе 12 часовъ приводили занятую часть стѣны въ оборонительное положеніе и устроили батарею. Бой 9-го сентября стоилъ намъ: 3-хъ оберъ-офицеровъ и 104 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены: 1 штабъ-офицеръ, 18 оберъ-офицеровъ и 304 нижнихъ чиновъ. 14-го числа назначено занятіе самихъ Салтовъ. При штурмѣ аула находились охотники — Апшеронцы отъ обѣихъ ротъ, числомъ въ 20 человѣкъ, они вошли въ составъ общей охотничьей команды. Апшеронскія роты, находясь въ отрядѣ генерала Бюрно, и занимая передовой редутъ, имѣли строго опредѣленную задачу, заключавшуюся въ томъ, чтобы не выпустить горцевъ изъ Салтовъ черезъ сады. На

разсвѣтѣ по аулу открытъ былъ сильный огонь изо всѣхъ орудій и послѣ получасовой канонады, по данному сигналу, часть охотниковъ разломала въ нѣсколькихъ мѣстахъ заложенныя въ стѣнѣ двери, а другая часть перелѣзла въ открытыя амбразуры и въ пространство между башнею и оврагомъ; затѣмъ всѣ они разомъ бросились въ аулъ, гдѣ и заняли ближайшіе къ стѣнѣ непріятельскіе завалы; за охотниками шли штурмовыя колонны. Въ Салтахъ закипѣлъ упорный бой; мюриды съ отчаяніемъ отстаивали каждый завалъ, каждую саклю. Часть защитниковъ собралась у задней стѣны Салтовъ, гдѣ и продолжала еще держаться. Непріятельское скопище, занимавшее окрестныя высоты, поставило свое орудіе противъ нашихъ редутовъ въ садахъ и открыло огонь по нимъ, а также по траншеямъ. Въ полдень показалась значительная конная непріятельская партія, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата. Пользуясь тѣмъ, что всѣ наши силы и вниманіе были обращены на штурмъ Салтовъ, Хаджи-Муратъ началъ спускаться съ Куппинскихъ высотъ по Салтинскому спуску; но войска наши, встрѣтивъ непріятеля на спускѣ, не допустили его двинуться дальше. Въ продолженіи двухъ часовъ Хаджи-Муратъ оставался безучастнымъ зрителемъ боя въ Салтахъ, а затѣмъ отступилъ обратно на высоты.

Потеря отряда, при взятіи Салтовъ, заключалась въ 8 оберъ-офицерахъ и 235 нижнихъ чинахъ убитыми; ранены: 1 генералъ (князь Аргутинскій), 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ и 714 нижнихъ чиновъ; контужено: 21 штабъ-офицеръ, 16 оберъ-офицеровъ и 185 нижнихъ чиновъ.

Въ 9 часовъ вечера замѣчено было въ занятой еще непріятелемъ части аула необыкновенное движеніе; черезъ $^1/_4$ часа въ садахъ показалась значительная толпа горцевъ, выходящихъ изъ Салтовъ; одновременно по дорогѣ изъ аула въ оврагъ появились отдѣльныя части гарнизона, съ цѣлью отвлечь на себя вниманіе главныхъ силъ нашихъ. Тотчасъ съ мѣста расположенія войскъ въ аулѣ, съ редутовъ въ садахъ и со всѣхъ выставленныхъ секретовъ открытъ былъ по непріятелю сильный ружейный огонь. Часть гарнизона, направившаяся черезъ сады, должна была переходить черезъ рѣчку, текущую въ глубокомъ оврагѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ нашихъ редутовъ; здѣсь партія наткнулась на выставленную въ секретъ роту. Какъ только дали знать, что непріятель уходитъ, маіоръ князь Орбеліани съ ротой Апшеронцевъ бросился вслѣдъ за отступавшими горцами; за Апшеронцами пошли двѣ роты князя Варшавскаго полка и двѣ роты съ задняго редута. «*Настигнувъ въ садахъ толпы мюридовъ, Апшеронцы бросились на нихъ въ штыки, при чемъ горцы въ бою принуждены были отдать Апшеронцамъ вывезенное изъ аула орудіе и значекъ, а сами обратились въ бѣгство черезъ рѣчку. Оставя взводъ при орудіи, маіоръ Орбеліани бросился преслѣдовать бѣгущія толпы*»[20]. Дальнѣйшее преслѣдованіе горцевъ превратилось въ безпощадное побоище: Апшеронцы мстили мюридамъ за Гергебиль; солдаты кололи ихъ штыками на каждомъ шагу. Непріятель пощады не просилъ, да ее ему и не дали-бы... Только темнота ночи спасла горцевъ отъ совершеннаго истребленія. На другой день до 200 тѣлъ нашли по дорогѣ и почти столько же осталось въ оврагѣ, по другую сторону аула.

Утромъ 15-го сентября войска заняли весь аулъ; въ немъ оказалось множество тѣлъ, свидѣтельствовавшихъ о большой потерѣ, понесенной гарнизономъ 14-го сентября. Въ ночномъ бою Апшеронцы потеряли 2-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранены: *прапорщикъ Орда* и 6 нижнихъ чиновъ. Въ тотъ же день князь Воронцовъ произвелъ парадъ войскамъ; отслуженъ былъ благодарственный молебенъ за одержанную побѣду и панихида по убитымъ.

[20]) Дѣло № 5. Секретнаго отдѣленія. Донесеніе Начальника Главнаго Штаба Военному Министру № 543. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

На слѣдующій день главнокомандующій отдалъ такой приказъ по отряду. «Храбрые воины Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ! Неустрашимостью въ бояхъ и въ штыковомъ дѣлѣ, терпѣніемъ и твердостью въ трудахъ и работахъ, вы достигли желаемаго предмета: Салты, наконецъ, въ нашихъ рукахъ. Сами по себѣ Салты не важная деревня; но сильное укрѣпленіе его и огромныя усилія, приложенныя Шамилемъ для защиты этого аула, сдѣлали покореніе и истребленіе Салтовъ необходимымъ. Несмотря на всѣ обѣщанія и угрозы Шамиля, Салты взяты и тутъ съ каждаго общества, съ каждой деревни, погибли лютою смертью лучшіе и храбрѣйшіе люди. Зная, что Шамиль накажетъ ихъ смертью за отступленіе, они дрались, какъ бѣшенные, но въ васъ, храбрые воины, они нашли людей, которые дерутся еще лучше; всѣ усилія Шамиля противъ насъ въ полѣ были тщетны: мы разбили ихъ 7-го августа, потомъ меньшія скопища на другой сторонѣ 9-го числа; всѣ ихъ покушенія на нашъ тылъ и сообщенія, отбиты вами легко и причинили имъ только уронъ и стыдъ. Между тѣмъ, аулъ разрушался, а гарнизонъ погибалъ отъ дѣйствія артиллеріи и отъ минъ; мы испортили или отрѣзали у нихъ почти всю воду и прекратили почти совершенно для нихъ всѣ сообщенія и доставленіе провіанта. Наконецъ, приступлено было къ дѣйствію штыками; 9-го сентября мы заняли днемъ часть самой деревни, а 14-го штурмовали другую на правой сторонѣ впереди части, занятой 9-го числа. Горцы дрались отчаянно и у насъ было не безъ потери; но славу Богу, эта потеря не такъ велика, да и славно умереть за вѣру, Царя и за отечество! Видя, что отъ вашихъ рукъ и голоду не будетъ имъ спасенія, они забыли уже повелѣнія Шамиля и искали спасенія въ бѣгствѣ; но и тутъ мало кому удалось уйти отъ вашихъ штыковъ, чтобы пойти домой и разсказывать про бѣдствія салтинскаго гарнизона, болѣе половины бѣгущихъ пали отъ рукъ вашихъ, и тѣла ихъ покрываютъ всѣ выходы и дороги изъ аула, по садамъ и оврагамъ. Поздравляю васъ, храбрые воины, съ этимъ великимъ успѣхомъ; вы показали себя достойными сынами Россіи, достойными подданными Великаго Нашего Государя! Благодарю васъ отъ глубины души моей, представлю о вашихъ подвигахъ Государю и Отцу Нашему, а здѣсь немедленно сдѣлаю все, что въ моей власти, для вознагражденія отличившихся; это дѣло не легкое, ибо всѣ вы отличились, каждый изъ васъ показывалъ безпрестанно примѣры неустрашимости, усердія, а главное, что необходимо въ военномъ дѣлѣ,— дисциплины и послушанія. Дай вамъ Богъ, храбрые воины, здоровья, во всемъ довольствія и на военномъ поприщѣ всегда постоянныхъ успѣховъ; послѣдніе двѣ недѣли сильная глазная болѣзнь помѣшала мнѣ раздѣлять съ вами труды и опасности, но я безпрестанно зналъ, что вы дѣлаете, душа и голова мои были постоянно съ вами и я молю Бога скоро имѣть возможность лично васъ поблагодарить и обо всѣхъ могущихъ быть будущихъ подвигахъ вашихъ, справедливо и радостно донести Всемилостивѣйшему Нашему Государю»[21].

Съ 15-го сентября отрядъ занимался разрушеніемъ аула; стѣны и сакли разбивали бомбами или взрывали минами, сады рубили. Къ 24-му сентября аулъ былъ совершенно разоренъ, и того же числа назначено выступленіе изъ подъ Салтовъ. Непріятель въ значительныхъ силахъ преслѣдовалъ аріергардъ, когда послѣдній подымался на Цудахаринскія высоты; здѣсь горцы прекратили преслѣдованіе. Аріергардъ остался на высотахъ, а весь отрядъ спустился въ Цудахаръ.

Въ то время, какъ происходила осада Салтовъ, которая окончилась блистательнымъ взятіемъ этого укрѣпленнаго аула, Дагестанскій отрядъ находился частью въ Оглахъ, частью въ Ходжалъ-Махахъ, гдѣ дѣятельно занимался устройствомъ укрѣпленія; надъ

[21]) Дѣло № 5. Секретнаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

возведеніемъ его работалъ, въ числѣ другихъ войскъ, 2-й баталіонъ и 2-я мушкетерская рота Апшеронскаго полка, а въ Оглахъ стоялъ 3-й баталіонъ и рота 1-го баталіона. Въ Ходжалъ-Махахъ назначенъ былъ воинскимъ начальникомъ маіоръ Раутенбергъ; учреждены склады провіанта, построенъ пороховой погребъ, вырытъ колодецъ для воды, построены флигеля для офицеровъ, кухни и проч. Самое укрѣпленіе могло вмѣстить гарнизонъ въ 500 человѣкъ, и выстроено было весьма основательно.

Въ Цудахарѣ находилось до 300 семействъ вновь водворенныхъ жителей; для защиты ихъ, а главнѣе для связи Казикумуха съ Сѣвернымъ Дагестаномъ, въ Цудахарѣ оставленъ баталіонъ при одномъ орудіи, остальныя войска направились частью въ Кумухъ, частью въ Дешлагаръ. Роты Апшеронцевъ направлены въ Оглы, гдѣ и присоединились къ 3-му баталіону.

Послѣ взятія Салтовъ, Шамиль, не зная какое приметъ направленіе отрядъ, послалъ сильное подкрѣпленіе Гергебилю, а Даніель-бекъ направился со своею партіею на Гудулъ-Майданъ; но когда Шамиль убѣдился, что Русскіе не угрожаютъ ему ни въ одномъ изъ названныхъ пунктовъ, то распустилъ свои скопища. Это обстоятельство, въ связи съ наступленіемъ холоднаго времени и безпрестанныхъ дождей, заставило князя Аргутинскаго, находившагося въ Оглахъ, распустить отрядъ на зимнія квартиры. Въ октябрѣ вся дѣятельность Шамиля проявилась въ посылкѣ мелкихъ хищническихъ партій въ Казикумухъ, гдѣ онѣ производили грабежи; имамъ былъ раздраженъ противъ казикумухцевъ за то, что они приняли участіе въ изгнаніи мюридовъ. Это ясно сказалось въ отправленномъ къ нимъ посланіи; письмо это представляетъ нѣкоторый интересъ, поэтому мы приведемъ его здѣсь. Вотъ что Шамиль писалъ казикумухцамъ: «Отъ властителя правовѣрныхъ Шамиля повелѣніе казикумухцамъ».

«Кланяясь всѣмъ вамъ, я предваряю, что настало время, въ которое вы должны чувства души вашей обратить къ Богу, жертвовать жизнью и возстать противъ враговъ божьихъ, если вы вѣруете въ Бога и Его пророка; иначе оставьте край ислама и перейдите въ земли невѣрныхъ, ибо земной шаръ обширенъ. Знайте, что я не буду щадить кровь и состояніе ваше и направлю на васъ своихъ наибовъ, потому что вы есть помощники, путеводители и крылья невѣрныхъ, охранители путей и враги правовѣрныхъ. Открывая вамъ это, предоставляю на волю каждаго, быть правовѣрнымъ или невѣрнымъ. — Да оповѣститъ вѣдающій о семъ невѣдующему» [22]. Какъ ни краснорѣчиво и грозно было это краткое посланіе, равно какъ и многія другія, тѣмъ не менѣе казикумухцы непускали къ себѣ мюридовъ и энергично отстаивали свои дома и имущество отъ грабежей и разбоевъ со стороны непріятельскихъ партій. До ноября мѣсяца въ Дагестанѣ было спокойно. 9-го ноября князь Аргутинскій получилъ извѣстіе, что на высотахъ противъ Цудахара, показались значительныя силы непріятеля.

10-го ноября конная партія горцевъ заняла селеніе Унчугатль, безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей; деревни Вицхинскаго магала послѣдовали примѣру Унчугатля и впустили къ себѣ мюридовъ. Изъ показаній лазутчиковъ трудно было выяснить планъ Шамиля, и князь Аргутинскій предполагалъ, что всѣ усилія непріятеля будутъ направлены противъ Казикумуха или противъ селенія Цудахара, отъ котораго непріятельскія партіи находились въ разстояніи не болѣе 15 верстъ. Чтобы подать своевременную помощь какъ тому, такъ и другому пункту, Аргутинскій сосредоточилъ въ селеніи Лавашахъ изъ числа войскъ Дагестанскаго отряда 4 баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ весь 4-й баталіонъ и 3 роты 3-го баталіона Апшеронскаго полка) и 6 орудій; къ нимъ присоединились 14-го ноября изъ Самурскаго

[22]) Дѣло № 9. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

отряда 3 баталіона, рота стрѣлковъ и два горныхъ орудія; кромѣ того въ Кумухъ направлены изъ промежуточныхъ пунктовъ и зимнихъ квартиръ 3 баталіона съ 4-мя горными орудіями. Когда получилось достовѣрное извѣстіе о намѣреніи Шамиля овладѣть Цудахаромъ, то князь Аргутинскій, желая предупредить непріятеля, двинулъ войска Дагестанскаго отряда изъ Оглы черезъ Лаваши въ селеніе Акушу, а частямъ Самурскаго отряда предписалъ идти къ тому же селенію прямою дорогою. На пути слѣдованія перваго эшелона изъ Насъ-Кента въ Акушу, получено свѣдѣніе о томъ, что непріятель, въ числѣ 2.000 пѣшихъ и 600 человѣкъ конныхъ, сдѣлалъ нападеніе на Цудахаръ и уже успѣлъ занять нижнія сакли. Цудахаринцы защищались во внутренней части селенія. Въ самый разгаръ боя пріѣхалъ нарочный, посланный княземъ Аргутинскимъ къ цудахаринцамъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи русскихъ войскъ; онъ проскакалъ черезъ толпы непріятеля и передалъ старшинамъ письмо начальника отряда. Ободренные полученнымъ извѣстіемъ, жители сдѣлали вылазку и выгѣснили непріятеля изъ Цудахара, потерявъ 10 человѣкъ убитыми; мюриды отступили частью въ Вицхинскій магалъ, а частью къ Салтамъ. Къ 16-му числу въ Акушѣ сосредоточились всѣ войска, поступившія въ составъ дѣйствующаго отряда.

Непріятель укрѣпился въ трехъ пунктахъ: въ Унчугатлѣ, Гамашѣ и Вараѣ. Такъ какъ отправленные въ Кумухъ баталіоны уже прибыли туда, то князь Аргутинскій, 22-го ноября, двинулся двумя колоннами въ Вицхинскій магалъ: сильнѣйшая колонна пошла изъ Цудахара, а другая—слабѣйшая изъ Кумуха. Главная колонна выступила на разсвѣтѣ, 22-го ноября, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й эшелонъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника князя Орбеліани 1-го, состоялъ изъ Сюригинской, Акушинской, Цудахаринской, Мехтулинской, Кайтахской и Аварской милицій, вслѣдъ за милиціей, для поддержанія ея, шли 4-й баталіонъ Апшеронцевъ и баталіонъ Дагестанскаго полка, команда Апшеронскаго полка съ крѣпостными ружьями, ракетная команда и 4 горныхъ орудія; 2-й эшелонъ состоялъ изъ 2-хъ баталіоновъ, роты стрѣлковъ, 2-хъ горныхъ орудій, при этомъ эшелонѣ находились отрядныя тяжести; 3-й эшелонъ — изъ 2-хъ баталіоновъ, 2-хъ горныхъ орудій и дивизіона драгунъ. Авангардный эшелонъ быстро двинулся къ селеніямъ Кумалю, Бегяклю и Гамаши, чтобы войти въ связь съ Кумухскимъ отрядомъ. По прибытіи въ селеніе Гамаши, уже занятое милиціею Казикумухскаго хана Агаларъ-бека, князь Аргутинскій удостовѣрился, что всѣ непріятельскія силы сосредоточились въ селеніи Унчугатлѣ, которое мюриды вмѣстѣ съ жителями сильно укрѣпили. Изъ Гамашей виднѣлись большіе завалы внутри Унчугатля и два редута на высотѣ, командовавшей этимъ селеніемъ. Для атаки позиціи горцевъ, необходимо было выждать прибытія остальныхъ войскъ дѣйствующаго отряда; поэтому штурмъ былъ назначенъ на разсвѣтѣ 23-го числа, тѣмъ болѣе, что холодное время года и утомительный переходъ изъ Акуши, требовали дать людямъ нѣкоторый отдыхъ передъ атакой аула сильно укрѣпленнаго непріятелемъ. Но, повидимому, горцы имѣли мало охоты драться съ нашими войсками, и въ ночь на 23-е число они бѣжали изъ Унчугатля по едва проходимымъ тропинкамъ. 23-го числа толпы мюридовъ, отступая черезъ Турчидагъ, перешли Кара-Койсу. Съ удаленіемъ непріятельскаго скопища, спокойствіе въ краѣ возстановилось, — и жители возвратились въ свои дома. Водворивъ спокойствіе и порядокъ въ Вицхинскомъ и Унчугатльскомъ магалахъ, князь Аргутинскій возвратилъ въ Сѣверный Дагестанъ 2 баталіона (4-й баталіонъ Апшеронцевъ), команду съ крѣпостными ружьями, 4 горныхъ орудія № 4 батареи 20-й артиллерійской бригады, ракетную команду, дивизіонъ драгунъ и Мехтулинскую милицію, ибо, вслѣдствіе малочисленности войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, непріятель могъ вторгнуться въ Шамхальскія владѣнія. Въ отрядѣ оставались еще роты 3-го баталіона Апшеронцевъ; онѣ

ушли въ штабъ-квартиру 1-го декабря [23]). Движеніемъ Апшеронцевъ къ Казикумуху заканчивается боевая дѣятельность ихъ въ 1847 году; въ декабрѣ полкъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ стоялъ 1-й баталіонъ, 2 роты 3-го, весь 4-й и 3 роты 5-го баталіона; 2-й баталіонъ находился въ Ходжалъ-Махахъ, 2 роты 3-го — въ Оглахъ и рота 5-го баталіона — на Озеньскомъ посту.

За 1847-й годъ въ полку были получены слѣдующія награды: командиръ полка полковникъ князь Орбеліани 1-й—св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною; маіоръ Берхманъ—чинъ подполковника, капитанъ Винниковъ—св. Владиміра 4-й степени, штабсъ-капитанъ Дьяконовъ—чинъ капитана, подпоручикъ Вранкенъ—св. Владиміра 4-й степени и Анны 4-й степени; подпоручики: Штанге, Шатковскій, Герасименко и Богуцкій, прапорщики: Родомицкій, Голубовъ, Ковалевскій — всѣ семеро слѣдующіе чины; подпоручикъ Перковъ, прапорщики: Вощебниковъ и Бурноволоковъ — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость»; капитанъ Ждановъ—св. Анны 3-й степени, поручики Бриндзе и Серебрянскій—Монаршее Благоволеніе, поручикъ Агафоновъ—слѣдующій чинъ; маіоръ Раутенбергъ—св. Владиміра 4-й степени.

За Салты: штабсъ-капитаны Хохловъ—чинъ капитана, Кирклевскій и поручикъ Якубовскій—св. Анны 3-й степени, прапорщики: Гринъ, Скворцовъ и Орда слѣдующіе чины; маіоръ Волынскій—чинъ подполковника, поручикъ Богуцкій—Монаршее Благоволеніе, прапорщики: Шанявскій, Ренненкампфъ и Касаевъ—чины подпоручика.

Чины прапорщика: унтеръ-офицеры: баронъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, Павелъ Пургасовъ, Эдуардъ Энгбрехтъ, Павелъ Коновцевъ, Антонъ Калицкій, Иванъ Раевъ и Василій Кушляндскій.

Знаки отличія военнаго ордена: фельдфебель Иванъ Смышлявкинъ; полное жалованье на знакъ отличія военнаго ордена: фельдфебель Тарасъ Минаевъ; унтеръ-офицеры: Петръ Малиновскій, Ѳедосѣй Яковлевъ, Максимъ Степановъ, Касьянъ Ивановъ, Яцентій Породивскій, Игнатъ Кечиманъ, Власъ Осиповъ, Михаилъ Холодилинъ, Иванъ Смычевъ, Павелъ Шелухинъ, Антонъ Бѣлявскій.

Рядовые: Иванъ Борзенко, Вицентій Самохваловъ, Мартынъ Рубаха, Андрей Михайловъ, Филиппъ Пеньковъ, Александръ Беарѣевъ, Михаилъ Вавилинъ, Никита Дмитріевъ, Максимъ Жигулинъ, Петръ Шумаровъ, и Якубъ Кулешъ, Еремѣй Курдюковъ, Прохоръ Смоляковъ, Михаилъ Жарковъ, Александръ Коратинъ, Денисъ Полубояриновъ, Филиппъ Чуваковъ, Астафій Тертинскій, Михаилъ Алексѣевъ, Павелъ Григорьевъ и Данiилъ Головенко [24]).

---

[23]) Дѣло № 2. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[24]) Дѣла №№ 80, 88, 97, 118 и 197 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Девятая.

Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1848 году. — Численность войскъ въ Дагестанѣ. — Желаніе Шамиля упрочить свою власть въ горахъ. — Сборъ наибовъ и духовенства. — Признаніе имамата наслѣдственнымъ. — Мѣры къ укрѣпленію Гергебиля. — Сосредоточеніе Дагестанскаго отряда и составъ его. Движеніе къ Гергебилю. — Рекогносцировка этого аула и измѣненіе плана для взятія его. — Осада Гергебиля. — Прибытіе къ Гергебилю Хаджи-Мурата, Муссы балакапскаго и другихъ наибовъ. — Постройка висячаго моста черезъ Казикумухское Койсу. — Движеніе колонны Евдокимова къ Кудуху. — Занятіе гергебильскихъ садовъ. — Постройка Апшеронскаго редута. — Вылазки горцевъ. — Ночной бой 6-го іюля. — Взятіе Гергебиля. — Рѣшеніе князя Аргутинскаго разрушить Гергебиль. — Отправленіе особой колонны въ Аймаки. — Отступленіе отъ Гергебиля. — Апшеронцы въ аріергардѣ. — Отбитіе атакъ горцевъ. — Атака 2-й гренадерской роты. — Смерть прапорщика Диско. — Потери отряда и Апшеронцевъ. — Прибытіе въ Ходжалъ-Махи. — Образованіе отряда для постройки укрѣпленія въ Аймакахъ. — Разработка торфа. — Стоянка у Кутишинскаго озера. — Слухи о новыхъ сборахъ Шамиля. — Вторженіе непріятеля въ Самурскій округъ. Выступленіе Дагестанскаго отряда въ Кумухъ. — Составъ отряда.—Извѣстіе объ осадѣ скопищемъ Ахтынскаго укрѣпленія.—Позиція горцевъ у Мискинджи.—Сраженіе 22-го сентября. Атака Апшеронцевъ и взятіе завалова. — Отступленіе Шамиля и освобожденіе Ахтовъ. — Нѣсколько словъ объ ахтынской осадѣ.— Подвигъ г-жи Богуславской. — Раздѣленіе Дагестанскаго отряда на двѣ колонны. — Роспускъ Шамилемъ скопища. — Возвращеніе отряда въ Шуру. — Взятіе въ плѣнъ подпоручика Худѣева. — Награды.

Неудачный штурмъ Гергебиля въ прошломъ году нисколько не измѣнилъ рѣшенія главнокомандующаго овладѣть, во что бы то ни стало, этимъ ауломъ. Уничтоженіе Гергебиля, представлявшаго изъ себя одинъ изъ опорныхъ пунктовъ при вторженіяхъ непріятельскихъ партій въ наши предѣлы, являлось задачей первой важности; но самое главное — необходимо было поднять въ горахъ престижъ нашъ, пошатнувшійся вслѣдствіе испытанной неудачи. Правда, вскорѣ послѣ того мы взяли Салты, — но это обстоятельство нисколько не повліяло на умы горцевъ, гордыхъ сознаніемъ своего успѣха подъ Гергебилемъ.

Поэтому въ 1848 году предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ сводились къ слѣдующимъ задачамъ:

1) Овладѣть ауломъ Гергебилемъ и возвести тамъ укрѣпленіе, если это будетъ признано необходимымъ.
2) Усовершенствовать военную линію по рѣкѣ Казикумухскому Койсу.
3) Охранять покорную намъ часть Дагестана отъ покушеній непріятеля, наблюдать за Акушею и горными обществами, лежащими за Койсубулинскимъ хребтомъ и за рѣкою Кара-Койсу, при чемъ, если нужно будетъ, то производить частныя экспедиціи, съ цѣлью уничтоженія селеній непріязненныхъ намъ обществъ.
4) Возвести оборонительную башню у бывшей Міатлинской переправы на рѣкѣ Сулакѣ.
5) Продолжать работы по улучшенію обороны Темиръ-Ханъ-Шуры, устройству штабъ-квартиры Апшеронскаго полка и по постройкѣ госпитальныхъ зданій.

6) Продолжать устройство штабъ-квартиръ: Дагестанскаго полка въ Ишкартахъ, Самурскаго — въ Дешлагарѣ и Нижегородскаго драгунскаго — въ Чиръ-Юртѣ.

7) Довершить постройку укрѣпленій Чиръ-Юртовскаго и Петровскаго и

8) Разработать важнѣйшія военныя дороги.

Кромѣ того, князь Воронцовъ приказалъ начать добываніе каменнаго угля въ мѣстахъ, гдѣ онъ открытъ въ прошломъ 1847-мъ году, и снабдить запасами продовольствія войска остающіяся зимою на передовой линіи.

Въ Дагестанѣ находилось 21 1/2 баталіонъ пѣхоты (въ томъ числѣ 5 баталіоновъ Апшеронскаго полка), 10 эскадроновъ драгунъ, 8 сотенъ Донскихъ казаковъ, 2 сотни Дагестанскихъ всадниковъ и 22 сотни разныхъ милицій, 6 легкихъ и 10 горныхъ орудій, 4 двухъ пудовыхъ мортиры, 8 двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ и 2 полупудовыхъ единорога. Изъ числа этихъ войскъ, собственно для овладѣнія Гергебилемъ, назначено было 13 баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 3 баталіона Апшеронцевъ), 24 орудія, дивизіонъ драгунъ, 4 сотни казаковъ и милиція. По взятіи Гергебиля, тамъ надлежало построить укрѣпленіе и, кромѣ необходимаго гарнизона, имѣть въ немъ всегда наблюдательный отрядъ [1]. Послѣ неудачнаго вторженія въ Вицхинскій магалъ, Шамиль приказалъ своимъ скопищамъ разойтись, а самъ возвратился въ Дарго. Желая еще больше упрочить за собою власть, имамъ пустился на такого рода хитрость. Отлично понимая, что замѣнить его въ горахъ никто не можетъ, Шамиль въ половинѣ февраля созвалъ всѣхъ своихъ наибовъ, а также болѣе почетныхъ и вліятельныхъ приверженцевъ и объявилъ имъ, что складываетъ въ себя званіе имама и предводителя войскъ, потому что въ помощникахъ своихъ не видитъ слѣпаго повиновенія, и предложилъ собранію избрать вмѣсто себя другаго имама. Тонко расчитанный планъ вполнѣ удался: все сборище подняло вопли и стало униженно просить Шамиля не покидать дѣла; въ тоже время наибы и духовенство постановили сдѣлать званіе имама наслѣдственнымъ и избрали преемникомъ Шамиля сына его. Того только и добивался хитрый имамъ, — теперь онъ, на законномъ основаніи, становился неограниченнымъ владыкой непокорныхъ намъ обществъ и судьбою ихъ могъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Зная о приготовленіяхъ нашихъ къ экспедиціи въ Гергебиль, Шамиль отправилъ туда Хаджи-Мурата съ конной и пѣшей партіями, для приведенія аула въ надежное оборонительное положеніе; кромѣ того приказалъ выбрать позицію между Гергебилемъ и Кикунами и укрѣпить ее. Такой позиціей Хаджи-Муратъ избралъ урочище Уліабъ, устроилъ здѣсь редутъ и поставилъ въ немъ одно крѣпостное орудіе, а вокругъ выстроилъ 30 укрѣпленныхъ сакель, куда переселилъ жителей селенія Кикуны. Успокоившись за Гергебиль, Шамиль приказалъ укрѣпить разрушенный аулъ Чохъ, что было исполнено въ половинѣ апрѣля: часть аула обнесена высокою и толстою стѣною, вода проведена изъ Турчидага, ибо въ самомъ Чохѣ ея не имѣлось. Въ маѣ мѣсяцѣ къ этому аулу начало собираться скопище; гарнизонъ-же Гергебиля былъ увеличенъ нѣсколькими сотнями мюридовъ.

Въ концѣ мая, генералъ-лейтенантъ князь Аргутинскій сосредоточилъ Дагестанскій отрядъ въ Шурѣ; отсюда онъ по частямъ двигался къ селенію Оглы, гдѣ 6-го іюня расположились лагеремъ всѣ войска, назначенныя въ походъ, въ числѣ ихъ находились 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ командира полка, полковника князя Орбеліани 1-го. Дагестанскій отрядъ состоялъ изъ 12-ти баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, сотни донскихъ казаковъ, 5-ти сотенъ милиціи, 6-ти легкихъ и 5-ти горныхъ орудій, взвода конгревовыхъ ракетъ и командъ съ крѣпостными ружьями Апшеронскаго и другихъ

[1]) Дѣло № 15. Секретное. 2 отдѣленіе генеральнаго Штаба, Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

полковъ [2]). Почти къ тому же времени въ Ходжалъ-Махи собрался отрядъ генералъ-маіора Бриммера, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ донскихъ казаковъ, 7-ми сотенъ милиціи, 5-ти горныхъ орудій и взвода конгревовыхъ ракетъ. Войска, оставшіяся въ тылу, расположены были слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ оставленъ у Міатлинской переправы, для постройки башни и охраненія переправы у Зубута; 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка находился въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для сопровожденія оказій и для постройки полковыхъ зданій; одинъ баталіонъ расположенъ въ селеніи Оглахъ, гдѣ устроенъ промежуточный складочный пунктъ; одинъ баталіонъ—въ укрѣпленіи Ходжалъ-Махахъ съ тою же цѣлью; кромѣ того на высотахъ Турчидага, для прикрытія Казикумухскаго ханства, расположился отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ, 4-хъ сотенъ милиціи и 2-хъ горныхъ орудій.

Оставивъ всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ баталіона въ лагерѣ у Оглы, князь Аргутинскій выступилъ въ 2 часа по полуночи, 9-го іюня, черезъ селеніе Ахкентъ на Гергебильскія высоты; части взяли съ собою 4-хъ дневный запасъ провіанта. Въ полдень отрядъ поднялся на высоты, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. Въ 3 часа пополудни князь Аргутинскій со 2-мъ и 3-мъ баталіонами Апшеронцевъ и Шамхальскою милиціею произвелъ рекогносцировку по направленію къ Гергебилю и, не доходя полутора пушечныхъ выстрѣла до самаго аула, остановился. Главная цѣль рекогносцировки состояла въ изученіи мѣстности, по которой шла дорога въ Кудухъ; около нея, на высотахъ, расположена была въ прошломъ году партія наиба Муссы балаканскаго. Мѣстность, параллельно Аймакинскому ущелью, была изрѣзана чрезвычайно глубокими оврагами, черезъ которые сообщеніе представлялось весьма затруднительнымъ; спуски съ главнаго хребта на послѣднія отлогости передъ Гергебилемъ были труднопроходимы, и для провоза горной артиллеріи требовали небольшой разработки; на послѣднихъ отлогостяхъ хребта, у самаго аула, не было ни воды, ни подножнаго корма. Первоначальный планъ князя Аргутинскаго заключался въ томъ, чтобы двигаться къ Гергебилю съ двухъ противуположныхъ сторонъ: главной колоннѣ надлежало спуститься съ Кудухскихъ высотъ, по правую сторону Аймакинскаго ущелья; вторая колонна должна была занять высокій гребень горъ передъ ауломъ, а затѣмъ, обѣ колонны, черезъ гергебильскіе сады, соединялись. Но ближайшій осмотръ мѣстности заставилъ командующаго войсками измѣнить этотъ планъ: онъ опасался, что при изложенномъ порядкѣ наступленія колонны надолго разъединятся, и въ случаѣ упорной обороны непріятелемъ садовъ, отрядъ можетъ лишиться воды, а лошади подножнаго корма; поэтому князь Аргутинскій рѣшилъ начать обложеніе Гергебиля отъ одного пункта, именно со стороны Ходжалъ-Маховъ.

13-го іюня, къ главнымъ силамъ присоединился отрядъ Бриммера; два баталіона и вся кавалерія оставлены были на высотахъ лѣвой стороны Аймакинскаго ущелья, куда вскорѣ отправлены всѣ подъемныя лошади. Хотя Гергебиль и носилъ еще слѣды прошлогодняго разрушенія, но окружающая его стѣна была вновь выложена, башни исправлены и нѣкоторыя вновь возведены. Толщина стѣнъ значительно увеличена; нижняя часть аула во многихъ мѣстахъ была покрыта блиндажами и закидана камнями, сообщенія въ самомъ Гергебилѣ совершенно скрыты. Въ верхней части укрѣпленія горцы построили оборонительную казарму и поставили въ ней три орудія, два изъ нихъ обстрѣливали нашъ лагерь. Высоту, лежащую на лѣвомъ берегу рѣки Кара-Койсу, горцы обратили въ укрѣпленный лагерь; отлогости ея, спускавшіяся къ сторонѣ расположенія нашихъ войскъ и къ аулу Кикунамъ, были весьма сильно укрѣплены и представлялись доступными по одной только тропинкѣ.

[2]) Кромѣ того, при отрядѣ везли 8 двухпудовыхъ мортиръ, 8 двѣнадцатифунтовыхъ пушекъ и 4 полупудовыхъ единорога.

На вершинѣ горы, гдѣ находилась площадка въ нѣсколько квадратныхъ саженей, непріятель устроилъ батарею изъ двухъ орудій. Горцы защищали только одинъ Кикунскій мостъ, а мостъ на Казикумухскомъ Койсу разрушили.

По прибытіи отряда къ Гергебилю, сюда стали собираться со всѣхъ сторонъ непріятельскія партіи; въ числѣ первыхъ явился Хаджи-Муратъ съ 600 человѣкъ мюридовъ и привезъ съ собою два орудія — одно горное, а другое легкое. Простоявъ одинъ день на гребнѣ, гдѣ въ прошломъ году находился Шамиль, партія эта спустилась въ ущелье и заняла, при выходѣ изъ него, возвышенія. Вслѣдъ затѣмъ пришли съ партіями наибы каратинскій и балаканскій; первый занялъ прежнюю позицію Хаджи-Мурата, а второй расположился на дорогѣ изъ Кудуха, близь самаго аула Гергебиля, поставивъ тутъ же привезенное съ собою орудіе. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ 1.000 мюридовъ. 16-го числа генералъ Бриммеръ, съ 4-мя баталіонами пѣхоты, очистилъ отъ непріятеля передовыя высоты, занялъ ихъ, а равно и входъ въ гергебильскіе сады. Подъ прикрытіемъ этихъ баталіоновъ князь Аргутинскій произвелъ рекогносцировку, выбралъ мѣста для батарей и тотчасъ же приказалъ произвести разработку дорогъ, подъемовъ и спусковъ въ разныхъ направленіяхъ. Какъ только войска начали подходить къ высотамъ, занятымъ непріятелемъ, то изъ аула и укрѣпленнаго лагеря по нимъ открытъ былъ артиллерійскій огонь. Хаджи-Муратъ поставилъ два орудія за завалами и обстрѣливалъ изъ нихъ подошву хребта, занятую нашими войсками, а Мусса балаканскій, скрывъ свое орудіе въ трещинѣ скалы вблизи Гергебиля, открылъ навѣсный огонь по баталіонамъ; огонь его орудія былъ частый и мѣткій, каждый снарядъ ложился среди войскъ, между тѣмъ, какъ наша артиллерія, имѣя передъ собою весьма малую цѣль, и стрѣляя въ верхъ, не приносила горцамъ никакого вреда.

Съ 16-го по 24-е іюня, положеніе непріятеля и его артиллеріи не измѣнилось; съ разсвѣта до поздней ночи орудія не переставали стрѣлять, и ежедневно отъ 60 до 100 гранатъ и ядеръ падали въ нашъ лагерь. Повсюду на скалахъ размѣщались горцы, открывавшіе сильный огонь, при выходѣ войскъ на работу. Не смотря на всѣ затрудненія, въ продолженіи 7-ми дней устроены были батареи, проведены между ними траншеи и сдѣланы завалы; чтобы прикрыть отъ непріятельскаго огня передовыя войска, князь Аргутинскій приказалъ занять входъ въ сады и соединить его траншеею съ главной осадной линіей.

Съ начала осады до 24-го іюня наша потеря заключалась въ 1 убитомъ оберъ-офицерѣ и 48 рядовыхъ; ранены: 1 штабъ-офицеръ, 1 оберъ-офицеръ и 28 рядовыхъ; контужено 28 нижнихъ чиновъ. Потеря людей происходила большей частью отъ артиллерійскаго огня.

Батареи, построенныя противъ Гергебиля, выстрѣлами своими такъ повредили верхнюю часть его, что артиллерійскій огонь оттуда сдѣлался чрезвычайно рѣдокъ. Пользуясь отсутствіемъ бродовъ на Кара-Койсу, Хаджи-Муратъ дерзко вывозилъ свои орудія на самый берегъ рѣки и стрѣлялъ изъ нихъ по отряду. Тогда князь Аргутинскій приказалъ построить мостъ на Казикумухскомъ Койсу въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила дорога изъ Куппы; особый отрядъ долженъ былъ скрытно перейти по мосту на лѣвый берегъ рѣки и атаковать позицію Хаджи-Мурата. Къ сожалѣнію, рѣка вблизи расположенія отряда была настолько широка, что для постройки моста не хватило матеріаловъ, да и Хаджи-Муратъ уже узналъ о нашемъ намѣреніи; поэтому князь Аргутинскій рѣшилъ устроить висячій веревочный мостъ. Когда мостъ перебросили, то Хаджи-Муратъ перевелъ свою партію на лѣвый берегъ Кара-Койсу, а орудія перетащилъ въ нижнюю часть укрѣпленнаго лагеря.

Такимъ образомъ, постройка моста достигла своей цѣли, и непріятель не могъ уже безпокоить лагерь фланговыми орудійными выстрѣлами.

Вслѣдъ за тѣмъ, командующій войсками отправилъ полковника Евдокимова съ 2-мя баталіонами (въ томъ числѣ 4-й Апшеронскій) и 4-мя горными орудіями на Аймакинскія высоты, гдѣ стояла вся кавалерія и два баталіона пѣхоты. Присоединивъ къ своему отряду эти войска, Евдокимовъ долженъ былъ двинуться на Кудухскія высоты, откуда, въ условленный день и часъ, спуститься и стать на сообщеніи Кикунъ и Кудуха съ Гергебилемъ; эта демонстрація значительно облегчала главному отряду предполагаемое занятіе Гергебильскихъ садовъ. Полковникъ Евдокимовъ; въ точности исполнилъ приказаніе Аргутинскаго быстро пройдя Кудухское ущелье, онъ сбилъ съ высотъ непріятельскіе караулы, а къ вечеру 23-го іюня соединился съ Аймакинскимъ отрядомъ. Полагая, что въ одинъ день невозможно будетъ занять всѣ сады и укрѣпиться въ нихъ, князь Аргутинскій наканунѣ дня, назначеннаго для атаки садовъ, поручилъ генералу Бриммеру занять лежащій впереди нашей позиціи трудный для перехода войскъ оврагъ и возвести на противуположной сторонѣ его редутъ, чѣмъ облегчались дѣйствія слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ, 24-го іюня, Бриммеръ съ 3-мя баталіонами двинулся къ оврагу. Непріятель открылъ по войскамъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь, а затѣмъ огромныя толпы горцевъ бросились на баталіонъ въ шашки, но были отбиты и отступили черезъ Кикунскій мостъ, послѣ чего Бриммеръ занялъ оврагъ. Дѣло 24-го числа стоило намъ 1 штабъ, 1 оберъ-офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ убитыми, ранено 9 оберъ-офицеровъ и 119 нижнихъ чиновъ, контужено 34 нижнихъ чина.

Въ тотъ же день войска Евдокимова показались на нижнихъ отлогостяхъ Гергебильскихъ высотъ; тогда съ передовой позиціи двинулись два баталіона (въ томъ числѣ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ), подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника князя Орбеліани 1-го. Колонна эта быстро перешла черезъ оврагъ и передніе сады и остановилась у выхода изъ нихъ, около подошвы спуска съ Кудухскихъ высотъ; вслѣдъ за баталіонами Орбеліани вошла въ сады колонна полковника князя Барятинскаго. Занявши цѣпями наружныя стороны садовъ, войска приступили къ разработкѣ спуска и подъема черезъ глубокій оврагъ, по которому протекаетъ Гергебильскій ручей; на противуположномъ берегу его построили редутъ на одинъ баталіонъ пѣхоты и 2 орудія, со рвомъ и капониромъ. Къ 5-ти часамъ по полудни всѣ работы были окончены: редутъ вооруженъ 2-мя легкими орудіями и въ немъ расположился 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Берхмана; ему поручалась защита редута, имѣвшаго по своему положенію, весьма важное значеніе. Какъ только войска заняли сады, то полковникъ Евдокимовъ открылъ съ ними сообщеніе и отправилъ людей въ сады за водою, въ которой его отрядъ очень нуждался; вся кавалерія была отправлена въ лагерь. Когда колонна Евдокимова появилась на Кудухскомъ спускѣ, то наибъ Мусса балаканскій бросилъ свою позицію и отступилъ къ селенію Кудуху, а вслѣдъ за тѣмъ непріятель очистилъ и сады, хотя ружейная перестрѣлка продолжалась цѣлый день между правою цѣпью и гарнизономъ. Къ 27-му іюня Гергебиль имѣлъ только одинъ выходъ, именно черезъ Аймакинское ущелье. Чтобы воспрепятствовать одиночнымъ мюридамъ прокрадываться сквозь блокадную линію, въ сады отправлена команда охотниковъ въ 200 человѣкъ, собранныхъ со всѣхъ частей войскъ. Непріятель каждую ночь производилъ вылазки, направляя ихъ главнымъ образомъ противъ Апшеронскаго редута и противъ позиціи полковника Евдокимова; но всѣ вылазки горцевъ оканчивались весьма неудачно, при чемъ они несли большія потери.

28-го числа, начальникомъ передовой линіи назначенъ былъ полковникъ князь Орбеліани 1-й. Траншейныя работы, не смотря на наступившее очень жаркое время года, продолжались съ прежнимъ успѣхомъ. Къ 1-му іюля правый флангъ нашей позиціи крытою сапою подо-

шелъ ко входамъ въ Аймакинское ущелье; окруживъ Гергебиль съ тылу, онъ тянулся по садамъ, соединяясь посредствомъ редутовъ и промежуточныхъ башенъ. Лѣвый флангъ позиціи подымался на Кудухскія высоты и примыкалъ къ Аймакинскому ущелью; дорога и рѣчка въ этомъ ущельи находились подъ нашими выстрѣлами, а самое селеніе Аймаки было занято милиціей и 3-мя ротами пѣхоты. Къ 5-му іюля сообщеніе гарнизона съ внѣшними толпами горцевъ совершенно прекратилось.

Съ разсвѣтомъ 6-го числа началось усиленное бомбардированіе Гергебиля: 8-мь мортиръ, 11-ть батарейныхъ и 6 легкихъ орудій громили аулъ, въ продолженіи 17-ти часовъ; результатомъ сосредоточеннаго огня артиллеріи явилось разрушеніе части Гергебиля, прилегавшей къ Аймакинскому ущелью, значительной части стѣны, окружавшей аулъ, и водяной башни; бомбами стрѣляли въ тѣ мѣста, гдѣ укрывался гарнизонъ. Защитники Гергебиля не могли выдержать такого ужаснаго огня и, предвидя въ непродолжительномъ времени совершенное лишеніе воды, въ 10 часовъ вечера вышли изъ укрѣпленія. Въ Аймакинскомъ ущельи ихъ встрѣтили сверху ружейнымъ огнемъ, съ нижней батареи картечью, а съ позиціи полковника Евдокимова и изъ садовъ—ружейнымъ огнемъ. Такой отпоръ заставилъ часть гарнизона возвратиться въ аулъ и направиться черезъ сады. Но здѣсь мюриды наткнулись на охотниковъ, расположенныхъ въ башняхъ и остановлены были ружейными залпами; смежные редуты открыли сильный картечный огонь. Поражаемый со всѣхъ сторонъ, непріятель окончательно растерялся: останавливаясь, чтобы подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ, горцы теряли вдвое больше; когда же они выходили изъ садовъ, то верхнія батареи провожали ихъ гранатами. Наши войска остались ночью на своихъ мѣстахъ и уже на разсвѣтѣ заняли аулъ [3]).

Не говоря о потерѣ, понесенной непріятелемъ во время бомбардированія аула и при отступленіи изъ него, горцы оставили множество тѣлъ въ аулѣ, въ садахъ и въ Аймакинскомъ ущельи. Кромѣ того, намъ досталось три орудія—два въ Гергебилѣ, а одно мюриды бросили при отступленіи, артиллерійскій паркъ со снарядами и запасомъ пороха, большое количество оружія и всякаго рода имущество. При бѣгствѣ непріятеля, съ нашей стороны потери совсѣмъ не было.

И такъ, Гергебиль былъ взятъ и при томъ съ сравнительно незначительной потерей [4]). Теперь предстояло рѣшить вопросъ: оставить-ли Гергебиль въ цѣлости и устроить здѣсь сильное укрѣпленіе съ достаточнымъ гарнизономъ, или же бросить его, предварительно разрушивъ до основанія. Вся цѣль экспедиціи настоящаго года состояла въ томъ, чтобы оградить наши предѣлы отъ вторженій непріятеля, отдаливъ по возможности мѣста его сборовъ; одно изъ такихъ мѣстъ представлялъ собою Гергебиль. Экспедиція достигла желаемой цѣли: укрѣпленный аулъ былъ взятъ, непріятель разбитъ и бѣжалъ. Возстановлять укрѣпленіе въ Гергебилѣ князь Аргутинскій считалъ нецѣлесообразнымъ, потому что уже съ прошлаго года — существовало укрѣпленіе въ Ходжалъ-Махахъ, прикрывавшее Даргинскій округъ. Донося объ этомъ главнокомандующему князю Воронцову, Аргутинскій предложилъ возвести укрѣпленія въ разоренномъ селеніи Аймакахъ, съ цѣлью прикрыть отъ непріятельскихъ набѣговъ Мехтулинское ханство и вмѣстѣ съ тѣмъ еще прочнѣе оградить Даргинскій округъ [5]). Дѣйствительно, съ паденіемъ Гергебиля горцы, хотя и съ меньшей выгодою, могли избрать пунктомъ сбора Кудухъ или Араканы съ тѣмъ,

3) 2-й баталіонъ Апшеронцевъ занималъ редутъ № 1; 3-й — редутъ № 3-й и 4-й находился въ колоннѣ Евдокимова.

4) Убиты: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера и 56 нижнихъ чиновъ; ранены: 1 штабъ-офицеръ 9 оберъ-офицеровъ и 193 рядовыхъ; контужены: 1 штабъ-офицеръ 1 оберъ-офицеръ и 73 нижнихъ чина.

5) Дѣло № 9. Рапортъ князя Аргутинскаго № 331. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

*

чтобы отсюда направляться въ Мехтулинскія селенія Гапши, Ахкентъ или Оглы, а въ Даргинскій округъ черезъ Аймаки.

Гергебильское укрѣпленіе, по своему мѣстоположенію, не могло служить для непріятеля препятствіемъ къ вторженію, поэтому генералъ-лейтенантъ князь Аргутинскій — ходатайствовалъ о постройкѣ укрѣпленія въ Аймакахъ и о совершенномъ истребленіи Гергебиля. Главнокомандующій князь Воронцовъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ князя Аргутинскаго.

10-го іюля началось разрушеніе Гергебиля и вырубка садовъ. По взятіи аула, остатки гарнизона соединились съ партіями Хаджи-Мурата и Муссы-балаканскаго, послѣ чего все скопище заняло сильную позицію на лѣвомъ берегу Кара-Койсу, противъ Кикунскаго моста и въ самомъ селеніи Кикуны; отсюда непріятель не переставалъ стрѣлять по нашимъ редутамъ и рабочимъ въ садахъ. Для обстрѣливанія укрѣпленнаго лагеря горцевъ, построили батарею, которая своимъ дѣйствіемъ заставила непріятеля отступить. Черезъ восемь дней Гергебиль былъ совершенно уничтоженъ: часть его разрушена артиллерійскимъ огнемъ, а другая часть взорвана минами, съ помощью гальванизма [6]). Весь строевой лѣсъ вывезенъ по разработанной дорогѣ въ Аймакинскомъ ущельи въ селеніе Аймаки. Въ садахъ росли вѣковыя деревья, такъ что не представлялось никакой возможности вырубить ихъ; чтобы избѣгнуть непроизводительной потери труда, вырубили и сожгли только то, что позволяла войскамъ безостановочная восьмидневная работа и количество топоровъ, большія же деревья подрублены на корнѣ и подожжены, такъ что растительности на нихъ уже не могло быть.

Съ разсвѣтомъ, 15-го числа, осадная и батарейная артиллерія, всѣ излишніе артиллерійскіе и инженерные запасы, а также всѣ тяжести отряда отправлены въ Ходжалъ-Махи, селеніе Аймаки занято $2\,^1/_2$ баталіонами пѣхоты (4-й баталіонъ Апшеронскаго полка) съ частью конной и пѣшей милиціи, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника князя Орбеліани 1-го. Того же числа князь Аргутинскій рѣшилъ начать отступленіе къ Ходжалъ-Махамъ. Чтобы скрыть отъ непріятеля наше намѣреніе, въ тотъ день еще взрывались нѣкоторые остатки сакель, а рабочихъ направили въ сады и въ аулъ. Между тѣмъ, въ редутѣ, по правую сторону гергебильскаго оврага, заложили мины въ двадцать фунтовъ пороху каждая и большой каменометный фугасъ. Въ полдень, когда горцы менѣе всего готовы были къ движенію и бою, отрядъ снялся съ позиціи, а колонна подполковника Евдокимова начала спускаться въ сады. Непріятель сначала не замѣчалъ движенія войскъ и только при отступленіи послѣднихъ ротъ, партія Муссы балаканскаго бросилась за ними и первая подала сигналъ къ преслѣдованію. — Всѣ толпы, расположенныя на лѣвомъ берегу Койсу, устремились черезъ Кикунскій мостъ въ сады и атаковали аріергардъ. Баталіоны, въ полномъ порядкѣ, отступали черезъ редутъ № 1 и черезъ широкій оврагъ; усиливаясь все болѣе и болѣе, горцы начали обходить нашъ лѣвый флангъ. По переходѣ всѣхъ войскъ на противуположный берегъ оврага, гдѣ стоялъ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, послѣднія части быстро отступили изъ редута № 1, который сейчасъ же наполнился горцами. Тогда послѣдовалъ взрывъ минъ, онъ разстроилъ толпы мюридовъ и на время остановилъ преслѣдованіе. Оправившись, мюриды бросились на лѣвый флангъ, гдѣ стояли 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ. 2-й баталіонъ прикрывалъ общее отступленіе отряда сильнымъ ружейнымъ огнемъ, и принявъ на себя пришедшія изъ редута № 1 роты, самъ былъ сильно атакованъ.

---

[6]) Это были первые опыты на Кавказѣ.

Чтобы остановить натискъ горцевъ, 2-я гренадерская рота, подъ командою капитана Ковалевскаго пошла въ штыки и отбросила толпы мюридовъ; во время атаки убитъ былъ *прапорщикъ Диско*. Непріятельское скопище было настолько многочисленно, что Апшеронскіе баталіоны не въ силахъ были остановить преслѣдованіе. Когда оба баталіона соединились, то горцы усилили по нимъ ружейный огонь и участили атаки; однако, не взирая на отчаянныя усилія мюридовъ, баталіоны отступали въ полномъ порядкѣ, подъ начальствомъ своихъ храбрыхъ командировъ, подполковниковъ Берхмана и Вунша [7]. Наконецъ, Апшеронцы подошли къ самому высокому гребню, на вершинѣ котораго уже стояло 6 горныхъ орудій, встрѣтившихъ горцевъ картечью. Вслѣдъ за тѣмъ войска заняли слѣдующій гребень, а Апшеронцы остались на первомъ гребнѣ, удерживая толпы непріятеля, которыя прекратили атаки и ограничились ружейною перестрѣлкою. Когда войска поднялись на высоты, то непріятель не безпокоилъ уже наши войска.

Отступленіе отъ Гергебиля стоило отряду 1-го оберъ-офицера и 4-хъ нижнихъ чиновъ убитыми; ранено 3 оберъ-офицера и 47 нижнихъ чиновъ; контужено 2 оберъ-офицера и 10 нижнихъ чиновъ.

Выдержавъ на своихъ плечахъ всю тяжесть отступленія, Апшеронцы потеряли убитыми прапорщика Диско и 4 нижнихъ чина; ранены *капитанъ Ковалевскій* и 26 нижнихъ чиновъ; контужено 7 нижнихъ чиновъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, всѣ вьюки, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ, отправлены въ Ходжалъ-Махи, а за ними въ тотъ же день двинулся и отрядъ, занимая постепенно одну позицію за другою; Апшеронцы по прежнему находились въ аріергардѣ. Горцы сначала завязали перестрѣлку, но скоро прекратили огонь и преслѣдованіе. Въ 11 часовъ утра весь отрядъ пришелъ къ Ходжалъ-Махамъ и расположился здѣсь на ночлегъ. 18-го іюля, 3-й баталіонъ Апшеронцевъ съ батарейной и осадной артиллеріей отправленъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а остальныя войска Дагестанскаго отряда перешли къ Кутишинскому озеру. Оставивъ у послѣдняго 2 баталіона и милицію для разработки кратчайшей дороги въ Ходжалъ-Махи, князь Аргутинскій съ прочими войсками перешелъ въ Аймаки, гдѣ и соединился съ отрядомъ полковника князя Орбеліани. Произведя рекогносцировку мѣстности и выбравъ пунктъ для постройки укрѣпленія, Аргутинскій сформировалъ особый отрядъ, изъ 4-хъ баталіоновъ (въ томъ числѣ двѣ роты 4-го баталіона Апшеронцевъ, а другія двѣ роты ушли въ Шуру) 1 1/2 роты саперъ, 4-хъ легкихъ орудій, 2-хъ горныхъ орудій и 2-хъ сотенъ милиціи. Начальнику этого отряда, полковнику Евдокимову, командующій войсками поручилъ построить у Аймаковъ укрѣпленіе и разработать прямое сообщеніе съ селеніемъ Оглы. На разсвѣтѣ, 20-го іюля, князь Аргутинскій съ Дагестанскимъ отрядомъ возвратился въ лагерь у Кутишинскаго озера, гдѣ войска приступили къ разработкѣ торфа. Это, въ сущности, совершенно мирное занятіе совершалось при полной военной обстановкѣ, и сопровождалось всегда перестрѣлками. Торфъ оказалъ огромную услугу гарнизонамъ укрѣпленій, давая имъ средства отапливать свои помѣщенія, ибо весь Сѣверный, Нагорный и отчасти Южный Дагестанъ не изобиловали лѣсомъ.

Въ новомъ трудѣ принялъ участіе и 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, присоединившійся къ отряду 27-го іюля.

Въ началѣ августа Дагестанскій отрядъ перешелъ на Турчидагъ. Оставивъ здѣсь 3 баталіона пѣхоты, 6 горныхъ орудій, 2 сотни казаковъ, чохскую и казикумухскую милиціи, генералъ-лейтенантъ князь Аргутинскій отправилъ 17-го августа полковника князя Орбе-

7). Дѣло. № 9. 2 отдѣленія генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

ліани 1-го съ остальными войсками въ Кутиши [8]). По приходѣ въ Кутиши, Орбеліани, приступилъ къ разработкѣ дороги отъ Кутишинскаго озера въ Ходжалъ-Махи. Разработка дороги, на разстояніи 11 верстъ, окончена была 24-го августа, послѣ чего князь Орбеліани перешелъ въ Аймаки. Давъ войскамъ одинъ день отдыху—начальникъ отряда, 27-го числа, произвелъ рекогносцировку къ Кудуху и Араканамъ, чтобы узнать расположеніе непріятельскихъ силъ и расположился въ урочищѣ Аркасѣ, а въ началѣ сентября возвратился въ Шуру.

Въ концѣ августа стали носиться слухи о сборахъ горцевъ, съ цѣлью вторгнуться въ Казикумухское ханство. Шамиль уже успѣлъ сформировать нѣсколько партій, и одна изъ нихъ черезъ Ихрекское ущелье напала на селеніе Ихрекъ (Казикумухскаго ханства) и отбила у жителей 300 штукъ барановъ. Ихрекцы заперлись въ сакляхъ и упорно защищались до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли на помощь 1.000 человѣкъ милиціонеровъ.

9-го сентября князь Аргутинскій получилъ рапортъ отъ начальника Самурскаго округа, полковника Рота, о появленіи огромнаго скопища горцевъ въ Самурскомъ округѣ; непріятель произвелъ вторженіе на селенія Шиназъ, Лучекъ и Амсаръ. Того же числа воинскій начальникъ Ходжалъ-Махинскаго укрѣпленія донесъ о занятіи непріятелемъ Казикумухскаго селенія Курклю. Вслѣдствіе этого князь Аргутинскій предписалъ баталіону, расположенному между Цудахаромъ и Ходжалъ-Махами, двинуться на присоединеніе къ отряду, стоявшему около Кумуха, а отсюда другому баталіону, съ двумя горными орудіями, передвинуться въ селеніе Курахъ. На разсвѣтѣ, 10-го сентября, командующій войсками выступилъ съ отрядомъ изъ Шуры и направился форсированнымъ маршемъ черезъ селеніе Оглы въ Казикумухъ. Отрядъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты (2-й и 3-й Апшеронцевъ), 4-хъ горныхъ орудій, взвода ракетъ, 3-хъ взводовъ стрѣлковъ, дивизіона Нижегородскихъ драгунъ и аварской милиціи. 11-го числа, на ночлегѣ между Лавашами и Насъ-Кентомъ, къ отряду присоединились еще два баталіона съ двумя горными орудіями, въ то же время у селенія Кибиръ сосредоточивались кубинская и табасаранская милиціи, а въ Курахѣ—2 тыс. человѣкъ кюринской милиціи. Для усиленія гарнизона укрѣпленія Ахты, отправлена одна рота. Подкрѣпленіе это явилось какъ нельзя кстати, ибо на другой-же день, т. е. 12-го сентября, непріятель занялъ весь Рутульскій магалъ и приближался къ селенію Ахтамъ. 13-го числа, въ 6 часовъ вечера, Шамиль, безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей, занялъ селеніе Ахты и обложилъ Ахтынское укрѣпленіе. Несмотря на чрезвычайно трудныя горныя дороги, князь Аргутинскій 15-го сентября находился съ отрядомъ между Курахомъ и Чирахомъ, — оставивъ по дорогѣ, въ селеніи Рычи, для охраненія Казикумухскаго ханства, генеральнаго штаба полковника Капгера съ 3-мя баталіонами, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. 17-го сентября, въ селеніе Курахъ прибыли 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, баталіонъ князя Варшавскаго полка, дивизіонъ драгунъ, 2 сотни казаковъ, взводъ ракетной команды и конныя милиціи. Здѣсь князю Аргутинскому явился помощникъ начальника Самурскаго округа, штабсъ-капитанъ Бучкіевъ, успѣвшій ночью переодѣтымъ пробраться изъ осажденнаго укрѣпленія; онъ сообщилъ, что гарнизонъ потерялъ много людей во время отбитія безпрестанныхъ штурмовъ укрѣпленія, большая часть офицеровъ ранена и въ томъ числѣ полковникъ Ротъ; погребъ, въ которомъ хранилось до 400 пудовъ пороху и ящикъ съ артиллерійскими зарядами, взорванъ попавшей въ него непріятельской гранатою. Гарнизонъ поклялся защищаться до послѣдней капли крови и въ крайнемъ случаѣ, взорвать себя на воздухъ. Несмотря на страшное утомленіе войскъ, Аргутинскій двинулся прямою дорогою

[8]) Отрядъ князя Орбеліани состоялъ изъ 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго и баталіона Самурскаго полковъ, дивизіона драгунъ Нижегородскаго полка, 2-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудій и взвода боевыхъ ракетъ.

черезъ горы къ Ахтынскому укрѣпленію; войска ночевали на первомъ перевалѣ. Одновременно съ движеніемъ главныхъ силъ, послано было приказаніе всѣмъ остальнымъ войскамъ направиться, какъ можно скорѣе, по той же дорогѣ на выручку осажденнымъ. 18-го числа, войска наши взошли на хребетъ, у подножія котораго расположено Ахтынское укрѣпленіе. Отсюда князь Аргутинскій увидѣлъ всю невозможность подойти къ осажденнымъ со стороны Кураха: дороги, и безъ того едва проходимыя, были испорчены, мосты разрушены, селенія заняты большими партіями непріятеля и сильно укрѣплены; два перевала, черезъ которые надлежало проходить отряду, требовали оставленія на нихъ самостоятельныхъ отрядовъ, чтобы обезпечить сообщеніе съ Курахомъ. Ободривъ гарнизонъ появленіемъ своимъ, князь Аргутинскій рѣшился возможно быстрѣе достигнуть рѣки Самура и со стороны ея подойти къ Ахтамъ. 19-го сентября весь отрядъ сосредоточился на второмъ перевалѣ отъ Кураха; здѣсь собралось 9 баталіоновъ (въ томъ числѣ 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ); отправивъ милицію для обороны Кураха, сдѣлавшагося беззащитнымъ вслѣдствіе ухода всѣхъ войскъ къ Кибиру, князь Аргутинскій перешелъ къ селенію Ахнык, гдѣ и расположился на ночлегъ. На другой день войска переправились у селенія Зухулъ черезъ рѣку Самуръ, а съ разсвѣтомъ 22-го двинулись къ Ахтамъ, оставивъ у Зухула всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ баталіона. Шамиль отлично сознавалъ, что разъ онъ допуститъ Дагестанскій отрядъ къ Ахтамъ, то укрѣпленіе будетъ спасено, поэтому рѣшился идти на встрѣчу отряду и не допустить его къ укрѣпленію.

Оставшись съ 5.000-ми человѣкъ для осады Ахтовъ, Шамиль отправилъ остальную часть скопища, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и Даніель-Султана Елисуйскаго противъ приближающагося отряда, приказавъ имъ остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ. Чтобы преградить дорогу къ Ахтамъ, непріятель, между упраздненнымъ Тифлисскимъ укрѣпленіемъ и селеніемъ Мискинджи, занялъ позицію и сильно укрѣпилъ ее завалами. Дорога, по которой надлежало слѣдовать отряду, одной стороною примыкала къ отвѣсному и глубокому обрыву надъ рѣкою Самуромъ, а съ другой стороны имѣла весьма высокій и крутой хребетъ, обходимый не ближе, какъ на разстояніи 10 верстъ, — онъ былъ занятъ большими партіями горцевъ. Сзади непріятельской позиціи, на разстояніи полъ-версты, тянулась равнина, весьма удобная для дѣйствія кавалеріи. Численность скопища простиралась до 7 тыс. человѣкъ.

Около полудня, когда войска сосредоточились уже у рѣки Самура, Аргутинскій приказалъ поставить батарею изъ 4-хъ горныхъ орудій и 10 ракетныхъ станковъ и открылъ огонь во флангъ непріятельской позиціи; вся кавалерія переправилась на противуположный берегъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ отступленія непріятеля, зайти ему въ тылъ. Когда всѣ необходимыя распоряженія были сдѣланы, и орудія открыли огонь, тогда князь Аргутинскій послалъ на штурмъ непріятельскихъ заваловъ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и 3 баталіона Ширванцевъ, подъ командою полковника Манюкина. Наступленіе нашихъ войскъ произведено было съ такимъ хладнокровіемъ, мужествомъ и неустрашимостью, что нужно было удивляться и любоваться ими. 2-й баталіонъ бросился на правый флангъ позиціи непріятеля. Подпустивъ его на близкое разстояніе, горцы сдѣлали залпъ изъ ружей, а затѣмъ съ гикомъ бросились изъ заваловъ въ шашки. Храбрый подполковникъ Берхманъ встрѣтилъ непріятеля штыками; 2-я гренадерская рота, подъ командою поручика Шагубатова, и 6-я мушкетерская капитана Дьяконова, первыя пошли въ штыки: онѣ опрокинули толпы мюридовъ, взяли завалы и преслѣдовали горцевъ за завалами. Всѣ отчаянныя попытки мюридовъ удержать за собою позицію и остановить натиски храбрыхъ войскъ нашихъ остались тщетны: огромное скопище было вытѣснено изъ заваловъ и, разбитое на голову, искало спасенія въ

безпорядочномъ бѣгствѣ. Тогда кавалерія ударила во флангъ бѣгущимъ и довершила пораженіе ихъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ боя слишкомъ 300 тѣлъ, взято 70 плѣнныхъ и 3 значка.

Проигравъ сраженіе у Мискинджи, Шамиль не смѣлъ и думать о дальнѣйшей осадѣ Ахтовъ и поспѣшно отступилъ. Дагестанскій отрядъ, сдѣлавъ переходъ въ 35 верстъ и одержавъ блистательную побѣду, въ тотъ же день пришелъ къ Ахтынскому укрѣпленію. Потеря наша въ бою 22-го сентября заключалась въ 15 убитыхъ нижнихъ чинахъ; ранены: 1 штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ и 152 нижнихъ чина [9].

Защита Ахтынскаго укрѣпленія представляетъ собою одинъ изъ блестящихъ эпизодовъ Кавказской войны. Въ продолженіи 10-ти дней гарнизонъ, численность котораго не превышала 500 человѣкъ, съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ отстаивалъ полуразрушенное укрѣпленіе, давъ единодушную клятву умереть, но не сдаваться. Многократные приступы горцевъ оканчивались полной для нихъ неудачей. Находившіяся въ укрѣпленіи жены офицеровъ перевязывали раненыхъ, щипали корпію, а болѣе смѣлыя изъ нихъ носили на батареи патроны и артиллерійскіе заряды. Жена подпоручика Богуславскаго—совсѣмъ еще молодая женщина, принеся на батарею заряды, осталась здѣсь и вскорѣ была ранена тремя пулями. Перенесенная въ свою квартиру, эта героиня Кавказской войны, была вторично ранена. Вблизи дома находился пороховой погребъ; одно изъ непріятельскихъ ядеръ попало въ погребъ, послѣдовалъ взрывъ, отъ котораго совершенно разрушились ближайшія строенія и въ числѣ ихъ домъ, гдѣ лежала раненая Богуславская, получившая 24 раны и порѣзы отъ разбитыхъ стеколъ и бревенъ. Не смотря на тяжкія раны, Богуславская осталась жива. Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II за геройскіе подвиги г-жи Богуславской и полученныя ею раны повелѣлъ причислить ее ко второму классу комитета раненыхъ [10].

На другой день отрядъ перешелъ къ Рутулу, а вся милиція направилась къ Лучеку, для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля. Раздѣливъ войска на двѣ колонны и оставивъ одну изъ нихъ въ Ахтахъ для исправленія поврежденій, произведенныхъ во время осады, князь Аргутинскій съ другою колонною направился въ Кумухъ, куда и прибылъ 3-го октября. Здѣсь онъ получилъ донесеніе генералъ-маіора Евдокимова объ окончаніи Аймакинскаго укрѣпленія и о роспускѣ отряда; гарнизономъ во вновь построенномъ укрѣпленіи оставлены 3 роты.

4-го и 5-го октября Дагестанскій отрядъ оставался въ Кумухѣ. Шамиль удалился въ Дарго, разсорившись съ Даніель-Султаномъ, обвиняя его во всѣхъ неудачахъ; скопище горцевъ разошлось [11].

6-го октября Дагестанскій отрядъ двинулся изъ Кумуха черезъ Цудахаръ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и 11-го числа оба Апшеронскіе баталіона вступили въ свою штабъ-квартиру; 2-й баталіонъ расположился въ селеніи Дженгутаѣ, а 5-й въ Казанищахъ, но послѣдній вскорѣ перешелъ въ укрѣпленіе Агачь-Калу, и въ такомъ расположеніи баталіоны оставались всю зиму (1-й, 4-й и 5-й находились въ Шурѣ). Отступимъ нѣсколько назадъ, чтобы разсказать объ одномъ печальномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто въ Апшеронскомъ полку. Состоявшій при инвалидной ротѣ подпоручикъ Худѣевъ находился для присмотра за рабочими на полковомъ и ротныхъ покосахъ; 16-го августа онъ отправился съ одного покоса на другой, взявъ съ собою прикрытіе въ 10-ть человѣкъ. Возвращаясь обратно мимо кру-

9) Къ сожалѣнію, списковъ раненыхъ офицеровъ, равно какъ и потерь отдѣльно каждой части, нѣтъ въ дѣлахъ.

10) Марія Ивановна Богуславская, единственная оставшаяся въ живыхъ участница Ахтынской осады, живетъ теперь въ гор. Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

11) Дѣло № 9, секр. 2-го отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

таго и лѣсистаго оврага, называемаго Темерлюкъ, Худѣевъ приказалъ солдатамъ слѣдовать прямо черезъ оврагъ въ лагерь, а самъ поѣхалъ въ объѣздъ по дорогѣ. Не предчувствуя никакой опасности, онъ ѣхалъ совершенно спокойно, когда вдругъ изъ кустовъ выскочило нѣсколько человѣкъ мюридовъ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе Худѣева, взяли его въ плѣнъ. Солдаты, замѣтивъ отсутствіе своего начальника, бросились по дорогѣ и нашли въ одномъ мѣстѣ слѣды крови; всѣ розыски хищниковъ остались безъ успѣха [12]). Балка, въ которой былъ взятъ въ плѣнъ Худѣевъ, получила съ того времени названіе «Худѣевской».

Въ 1848 году получены были слѣдующія награды: подполковники: Рытцъ — св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною, Берхманъ и Вуншъ — св. Анны 2-й степени; капитаны: Щодро—св. Анны 2-й степени, Дьяконовъ — Монаршее благоволеніе; Грейфъ 1-й—св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Ковалевскій—св. Анны 3-й степени, Лавровъ—чинъ маіора и св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; штабсъ-капитаны: Трубачевскій — слѣдующій чинъ и Монаршее благоволеніе, Пургасовъ — слѣдующій чинъ, Тихомировъ—св. Анны 3-й степени и Кирклевскій—Монаршее благоволеніе; поручики: Стояновскій, Кельчевскій и Багизардовъ—слѣдующіе чины; Сарычевъ и Бычинскій—св. Анны 3-й степени; подпоручики: Колдѣевъ — слѣдующій чинъ, Родзянко—св. Анны 3-й степени, Фонъ-Бриммеръ, Гедрдимовичъ, Ковалевскій, Гринъ, Шанявскій и Хмаренко — св. Анны 4-й степени; прапорщики: Аглинцовъ, Кавнацкій, Генкель, Протопоповъ и Гамазовъ—слѣдующіе чины; Перковъ—св. Анны 3-й степени; Суриновичъ и Кучинъ—св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость; полковой штабъ-лекарь Квятковскій—св. Владиміра 4-й степени. Чины прапорщика: Александръ Коротинъ, Адамъ Ясинскій, Владиміръ Развадовскій, Давыдъ Аглинцовъ и Герасимъ Аглинцовъ.

Знаки отличія Военнаго ордена. Полное жалованье по знаку (нынѣшняя 1-я степень) фельдфебеля: Денисъ Малаховъ, Евсѣй Филатовъ, Алексѣй Захариновъ; вторую треть: Антонъ Бѣльскій; знаки отличія Военнаго ордена 4-й степени: фельдфебеля: Тарасъ Минаевъ и Петръ Занглинъ; унтеръ-офицеры: Карпѣй Григорьевъ, Ефимъ Сидоровъ, Афанасій Никитинъ, Иванъ Порхомовъ, Александръ Двигунъ, Иванъ Федоровъ и Василій Абакумовъ; рядовые: Самуилъ Войновъ, Калина Жалнинъ, Герасимъ Дементьевъ, Платонъ Тимофѣевъ, Василій Степановъ, Михаилъ Пантелѣевъ, Викентій Каменскій, Анцъ Милюнъ, Иванъ Ляшковъ, Борисъ Петровъ, Василій Семеновъ, Федоръ Токаревъ, Григорій Веревкинъ, Даніилъ Кривомазовъ, Иванъ Ивановъ, Степанъ Шалаевъ, Филиппъ Тимощенко, Иванъ Пономаринъ, Прокофій Савинъ, Макаръ Чередниченко, Антонъ Козловъ, Степанъ Глеценко, Михаилъ Алексѣевъ, Павелъ Григорьевъ и Даніилъ Головенко [13]).

---

[12]) Рапортъ завѣдывающаго штабъ-квартирою полка, подполковника Вержбицкаго, № 4801. Дѣло № 9. 2 отд. Генеральнаго Штаба.

[13]) Дѣло №№ 102, 116 и 131 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Десятая.

Характеръ военныхъ дѣйствій за послѣдніе годы.— Предположеніе на 1849 годъ.— Численность войскъ въ Дагестанѣ. — Дѣйствія Шамиля.— Сформированіе охотничьей команды.— Нападеніе на Шуру.— Подвиги рядовыхъ. — Выступленіе дагестанскаго отряда къ Чоху. — Рекогносцировка Чоха. — Разработка дорогъ и осада Чоха.— Взятіе Апшеронцами хуторовъ. — Отзывъ князя Аргутинскаго объ Апшеронцахъ.— Вылазка гарнизона.— Смерть полковника Левицкаго. Прибытіе къ Чоху 3-го баталіона Апшеронцевъ.— Бомбардированіе Чоха.— Рѣшеніе князя Аргутинскаго отказаться отъ штурма.— Отступленіе отъ Чоха. — Апшеронцы въ аріергардѣ.— Преслѣдованіе непріятелемъ отряда.—Дѣйствія Апшеронцевъ.— Атака 2-й мушкетерской роты.— Прибытіе на Турчидагъ.— Потери отряда и Апшеронцевъ. — Потери непріятеля за время осады Чоха.— Устройство Шамилемъ госпиталей.— Роспускъ части отряда въ штабъ-квартиры.—Оставленіе наблюдательнаго отряда на Турчидагѣ.— Размѣщеніе частей полка на зиму.— Дѣло 12 охотниковъ Апшеронцевъ съ партіей мюридовъ.— Итоги года.— Предположенія на 1850 годъ.— Рѣшеніе построить укрѣпленіе у Лучека.— Описаніе дорогъ.— Вторженіе непріятеля въ Казикумухское ханство. — Движеніе войскъ къ Кумуху.— Возвращеніе ихъ обратно въ Шуру.— 2-й баталіонъ Апшеронцевъ занимаетъ аулъ Хурклю.— Совѣтъ наибовъ въ Хунзахѣ.— Бѣдственное положеніе горцевъ.— Отправленія скопища для возстановленія Чоха.— Назначеніе новаго командира полка.— Сборъ войскъ у Лучека.— Сформированіе наблюдательнаго отряда.— Передвиженіе Дагестанскаго отряда.— Рекогносцировка Чоха и Салтовъ.— Движеніе въ Дусраратскій магалъ.— Быстрый переходъ черезъ Шалидагъ.— Занятіе аула Арчи.— Уничтоженіе ауловъ Арчи и Шали.— Стоянка на кутишинскихъ высотахъ. — Размѣщеніе полка на зимнія квартиры. — Пожалованіе полку новыхъ знаменъ. — Награды за 1849 и 1850 года.

Изъ описанія военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ за послѣдніе годы мы видимъ, что они сводились къ частнымъ экспедиціямъ, не имѣя въ основѣ прочнаго утвержденія въ томъ или другомъ пунктѣ въ горахъ. Такой образъ дѣйствій явился неизбѣжнымъ результатомъ неудачъ прошлыхъ годовъ: начались онѣ съ несчастнаго 1843-го года, когда Шамиль достигъ апогея своего могущества, а черезъ годъ послѣдовала Даргинская экспедиція и вновь испытанная неудача заставила насъ перейти къ оборонительной системѣ. Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ послѣдующіе годы не имѣли серьезнаго наступательнаго характера, а ограничивались только желаніемъ занять тотъ или другой пунктъ въ горахъ, съ весьма сомнительнымъ ожиданіемъ плодотворныхъ результатовъ такихъ предпріятій. Таковы были осада Гергебиля и осада и взятіе Салтовъ. Предположенія на 1849-й годъ носили на себѣ тотъ же отпечатокъ, какъ и прошлогоднія; въ этомъ году надлежало покорить ту часть Андаляла, которою еще владѣлъ непріятель по лѣвую сторону р. Кара-Койсу, потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или прочно утвердиться въ занятомъ пространствѣ, или уничтожить тамъ аулы и, такимъ образомъ, отдалить пункты непріятельскихъ сборовъ отъ нашихъ границъ и обезопасить крайніе предѣлы покорнаго намъ края отъ непріятельскихъ вторженій. Согласно этого плана, овладѣніе укрѣпленіемъ Чохомъ и укрѣпленнымъ ауломъ Согратлемъ составляли главную цѣль экспедицій 1849 года. Кромѣ того, въ кругъ обязанностей войскъ Дагестанскаго отряда входило:

1) Охраненіе края отъ покушеній непріятеля и наступательныя дѣйствія въ томъ случаѣ, если непріятель своими дѣйствіями насъ къ тому принудитъ.

2) Продолженіе работъ по устройству обороны укрѣпленія Темиръ-Ханъ Шуры и возведеніе штабъ-квартиры Апшеронскаго полка.

3) Работы по устройству штабъ-квартиръ другихъ полковъ и батареи въ укрѣпленіи Петровскомъ.

4) Разработка важнѣйшихъ военныхъ сообщеній въ краѣ и

5) Заготовленіе торфа и снабженіе имъ войскъ, оставленныхъ на передовыхъ пунктахъ.

Для выполненія всѣхъ поименованныхъ предпріятій князь Аргутинскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 16-ть баталіоновъ; изъ числа ихъ одинъ баталіонъ долженъ былъ остаться въ Чиръ-Юртѣ, одинъ—въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для содержанія гарнизона и сопровожденія оказій, вмѣстѣ съ 5-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка; кромѣ того въ Шурѣ оставался еще одинъ баталіонъ въ видѣ подвижнаго резерва, такъ какъ главныя силы, по цѣли дѣйствій, должны были удалиться на значительное разстояніе отъ Шамхальской плоскости. По выдѣленіи еще части войскъ для занятія различныхъ укрѣпленій, у князя Аргутинскаго для военныхъ дѣйствій противъ Чоха и Согратля оставалось отъ 9-ти до 10-ти баталіоновъ. А между тѣмъ, осада Гергебиля въ прошломъ году наглядно показала, что для успѣшнаго выполненія подобнаго рода предпріятій необходимо имѣть не менѣе 14-ти баталіоновъ; въ такомъ смыслѣ командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ и доносилъ князю Воронцову. По представленію Аргутинскаго главнокомандующій увеличилъ численность Дагестанскаго отряда, такъ что составъ его получился слѣдующій: пѣхоты 11 баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й, 2-й, 3-й баталіоны Апшеронскаго полка), 2 эскадрона драгунъ, 2 сотни казаковъ, милиція, 16-ть орудій и осадная артиллерія [1].

Зная о готовящейся экспедиціи въ горы, Шамиль дѣятельно занимался укрѣпленіемъ Чоха и Согратля, поручивъ защиту ихъ Хаджи-Мурату. Самъ Шамиль пока хранилъ въ тайнѣ свои намѣренія и продолжалъ неизмѣнно держаться своей системы наводненія нашихъ владѣній мелкими партіями хищниковъ. Для дѣйствія противъ хищниковъ въ Шурѣ сформирована была команда охотниковъ Апшеронскаго полка, которые и днемъ и ночью выслѣживали мюридовъ и вели съ ними ожесточенную войну.

Не проходило дня, чтобы какая-нибудь часть изъ этихъ молодцовъ не приносила въ видѣ трофея кинжаловъ, бурокъ, сѣделъ и т. п. Вечеромъ 14 апрѣля, охотники вышли на поискъ по направленію къ Муселимъ-аулу и Кафыръ-Кумыху. Въ 11 часовъ ночи по дорогѣ, между первымъ селеніемъ и Шурою, они встрѣтили 5 конныхъ хищниковъ, которые подкрадывались къ укрѣпленію; сдѣлавъ по нимъ залпъ и убивъ одну лошадь, охотники сняли съ нея сѣдло и вернулись въ укрѣпленіе, гдѣ дали знать о случившемся воинскому начальнику маіору Кендзержинскому. Кендзержинскій приказалъ охотникамъ не отходить слишкомъ далеко отъ крѣпостнаго вала и, соединившись съ другою частью своихъ товарищей, направившихся по дорогѣ въ Кафыръ-Кумыхъ, ожидать не покажутся-ли вторично мюриды. Самъ Кендзержинскій съ 30 человѣками обходныхъ, взятыхъ изъ караула у Аварскихъ воротъ, ожидалъ на бастіонѣ результата наблюденій охотниковъ. Между тѣмъ послѣдніе, не далеко отъ укрѣпленія, совершенно неожиданно наткнулись на партію пѣшихъ горцевъ, человѣкъ въ 800, направлявшихся къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Сдѣлавъ залпъ по охотникамъ горцы убили изъ числа ихъ 4-хъ человѣкъ, а затѣмъ бросились на укрѣпленіе и, поставивъ два значка на валу около батарей, полѣзли черезъ восточную часть вала во внутренность укрѣпленія. Штабсъ-капитанъ Теплинъ, находившійся на батареѣ съ нѣсколькими десятками Апшеронцевъ, встрѣтилъ непріятеля выстрѣлами и штыками и, подкрѣпленный

[1]) Дѣло № 7. Секр. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

обходомъ, подъ командою прапорщика Лебле, опрокинулъ передовыя толпы; но часть горцевъ ворвалась въ Шуру съ другой стороны вала, разбѣжалась по укрѣпленію и направилась къ освѣщенному зданію лазаретнаго отдѣленія, находившемуся въ домѣ Г-жи Ивановой[2]. Когда мюриды ворвались въ лазаретъ, то больные собрались всѣ въ одну комнату, и приперли дверь такъ сильно, что хищники ничего не могли имъ сдѣлать и ограничились пораненіемъ одного больнаго, который не могъ встать съ постели. Видя, что здѣсь ничего нельзя сдѣлать и что между тѣмъ тревога распространялась, горцы, захвативъ изъ лазаретнаго отдѣленія нѣсколько подушекъ, одѣялъ, оловянныхъ кружекъ, принятыхъ ими за серебряныя, начали уходить; но уже въ это время маіоръ Павловъ съ 4-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, спѣшилъ для встрѣчи непріятеля. Горцевъ догнали у самаго вала и проводили штыками и ружейными залпами. Охотники унтеръ-офицеры: Абдулъ Валишинъ, Юсупъ Бикуловъ и рядовые: Игнатъ Григорьевъ, Петръ Люденовъ, Иванъ Ивановъ и Григорій Митяевъ бросились за отступавшими мюридами и вступили съ ними въ рукопашный бой, гдѣ каждый выказалъ себя истиннымъ героемъ: рядовой Григорьевъ былъ раненъ въ правую руку три раза, и не обращая вниманія на сильную боль и обильно текущую кровь, онъ не переставалъ работать штыкомъ; рядовой Ивановъ, раненый кинжаломъ въ лѣвое плечо и въ голову, не вышелъ изъ строя; Митяевъ бросился на одного изъ главныхъ предводителей партіи, отнялъ у него кинжалъ, закололъ имъ мюрида и сорвалъ съ него серебряный значекъ, данный Шамилемъ за военные подвиги[3]. Къ сожалѣнію, совершенно темная ночь помѣшала преслѣдовать непріятеля, и онъ бѣжалъ по дорогѣ въ Бурундукъ-Кале. Какъ оказалось впослѣдствіи, партія состояла изъ самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и Муссы-наиба балаканскаго; непріятель во время своего смѣлаго предпріятія потерялъ болѣе 30 убитыми и около 40 раненыхъ, 10 тѣлъ остались на стѣнахъ укрѣпленія. Во всякомъ случаѣ, это была слишкомъ дорогая плата за нѣсколько больничныхъ подушекъ, одѣялъ и оловянныхъ кружекъ! Наша потеря состояла изъ 6 убитыхъ и 8 раненыхъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ Апшеронскаго полка убито 4 и ранено 4 рядовыхъ[4].

Приготовленія къ экспедиціи въ селеніе Чохъ шли своимъ чередомъ; 4-го іюня часть отряда, назначенная къ выступленію, собралась въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Прежде всего былъ отправленъ въ укрѣпленіе Кумухъ инженерный паркъ, подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ 2-го баталіона Апшеронскаго полка, а на слѣдующій день, черезъ Оглы, Леваши и Цудахаръ, двинулась осадная артиллерія подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ, (въ числѣ ихъ двѣ другія роты 2-го баталіона) и двухъ горныхъ орудій. 7-го іюня по тому-же направленію выступилъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка (командиръ баталіона подполковникъ Эггеръ), 2 роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ драгунъ, сборная сотня донскаго казачьяго № 29 полка и 1 1/2 сотни дагестанскихъ всадниковъ при 4-хъ горныхъ орудіяхъ. Войска втораго эшелона присоединились къ авангарду на другой день въ Оглахъ. Остальныя части дѣйствующаго отряда находились въ совершенной готовности и стояли частью въ Казикумухѣ (5 баталіоновъ), частью въ Дюзъ—Майданѣ (2 баталіона); 3-й баталіонъ Апшеронцевъ временно оставленъ былъ въ Шурѣ. 17-го іюня 5 баталіоновъ перешли изъ Кумуха по Турчидагу къ Чохскому спуску, гдѣ и остановились, въ ожиданіи главнаго отряда. Получивъ извѣстіе о движеніи нашихъ войскъ, чохцы поспѣшно начали переправлять свои семейства и имущество на другую сторону Кара-Койсу; всѣ мужчины, способные носить оружіе, возвратились

---

[2]) Нынѣ домъ священника Лебединскаго.

[3]) Дѣло № 81. Особое отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[4]) Дѣло № 4. Секр. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

въ Чохъ, для защиты его. 24-го іюня, по сборѣ всего отряда у Чохскаго спуска, князь Аргутинскій произвелъ рекогносцировку спусковъ въ Чохъ съ сѣверной стороны, т. е. со стороны Кегера и со стороны Цудахара, черезъ Вицхинскій магалъ и сел. Чукну. Во время рекогносцировки, онъ осмотрѣлъ сѣверную часть укрѣпленнаго аула и окружающую его мѣстность; послѣдняя оказалась крайне пересѣченной. Съ Кегерскаго спуска изъ легкихъ орудій произведено было нѣсколько выстрѣловъ съ цѣлью опредѣлить разстояніе отъ вершины спуска до укрѣпленія, причемъ оказалось, что по прямой линіи оно имѣло болѣе версты. Въ полдень, 25-го числа, прибыла въ лагерь вся осадная артиллерія, подъ прикрытіемъ 7-ми ротъ и двухъ орудій; транспортъ этотъ шелъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Чоха 21 день. Для защиты Чоха Шамиль принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры; сюда стягивались значительныя скопища горцевъ изъ Нагорнаго Дагестана, а въ самое укрѣпленіе для усиленія гарнизона вошло еще нѣсколько сотъ мюридовъ. По всему было замѣтно, что непріятель готовился къ упорной и отчаянной защитѣ. Не желая терять даромъ времени, князь Аргутинскій приказалъ разработать дорогу къ Чоху изъ сел. Чукны и спустить по ней осадную артиллерію; по прямой дорогѣ изъ лагеря отправить орудія не представлялось возможнымъ, ибо въ этомъ мѣстѣ спускъ, не смотря на разработку, былъ чрезвычайно крутымъ и почти невозможнымъ для провоза тяжелыхъ орудій. 5-го іюля къ самому Чоху спустились 6 баталіоновъ пѣхоты и свезены 8 орудій; въ лагерѣ на Турчидагѣ оставлено 3 баталіона (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка генералъ-маіора князя Орбеліани. Съ этого дня фактически приступлено къ осадѣ Чоха. Когда войска начали спускаться къ укрѣпленному селенію, то находившіеся въ завалахъ, впереди селенія, горцы открыли ружейный огонь, но вскорѣ непріятель былъ выбитъ изъ заваловъ; тѣмъ не менѣе перестрѣлка продолжалась цѣлый день. Потеря наша 5-го іюля заключалась въ одномъ убитомъ офицерѣ и 16-ти нижнихъ чинахъ; ранены 1 штабъ-офицеръ и 42 нижнихъ чина, а въ милиціи—одинъ оберъ-офицеръ и 3 милиціонера. На другой день, утромъ спущены были съ высотъ 6-ть мортиръ, и начались траншейныя работы. Прежде всего устроили двѣ мортирныхъ батареи и одну для двухъ легкихъ орудій [5]. Чтобы поднять духъ защитниковъ и поддержать партіи Хаджи-Мурата и Муссы балаканскаго, Шамиль прибылъ изъ Дарго съ огромнымъ скопищемъ и расположился вблизи осажденнаго аула.

Въ ночь на 10-е іюля выдвинута была впередъ одна изъ траншей; она шла зигзагами по крутымъ террасамъ горы. Не смотря на лившій, какъ изъ ведра, дождь и на нѣсколько попытокъ горцевъ помѣшать рабочимъ, траншея была доведена до конца. Съ разсвѣтомъ 6 ротъ перешли черезъ оврагъ, находившійся вправо отъ нашихъ траншейныхъ работъ, и заняли все пространство отъ хуторовъ, расположенныхъ внизу у Кегерскаго спуска; на правой сторонѣ оврага войска приступили къ постройкѣ редута и двухъ башенъ на хуторахъ. Къ вечеру редутъ и башни выведены были на столько, что могли совершенно прикрыть работавшихъ.

12-го іюля изъ верхняго лагеря прибылъ на позицію 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и расположился на правомъ флангѣ. Работы по устройству брешь-батарей и траншей продолжались безостановочно, при чемъ каждый день мы теряли по нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. 16-го числа заняли завалы, устроенные горцами между нашимъ лѣвымъ редутомъ и Чохомъ. Горцы оказали отчаянное сопротивленіе и завалы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, пока окончательно не остались за нами; на мѣстѣ заваловъ заложили редутъ, а къ вечеру постройку его окончили.

---

5) Траншей-маіоромъ назначенъ былъ полковникъ Апшеронскаго полка Левицкій.

Въ полночь съ 17-го на 18-е іюля колонна изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты (2-й баталіонъ Апшеронцевъ, баталіонъ Мингрельскаго и баталіонъ Кубанскаго полковъ), при двухъ горныхъ орудіяхъ, ракетной командѣ и сотнѣ Ахтынской милиціи, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Орбеліани, двинулась на ближайшіе къ Чоху сильно укрѣпленные горцами хутора, лежавшіе съ правой стороны селенія. Для непріятеля хутора эти имѣли весьма важное значеніе, служа гарнизону сообщеніемъ съ ближайшими непріятельскими скопищами; отсюда же горцы получали провіантъ и боевые припасы. Съ занятіемъ хуторовъ замыкалась осадная линія и гарнизонъ лишался матеріальной поддержки. Понимая всю важность хуторовъ, Шамиль укрѣпилъ ихъ на столько сильно, на сколько у него хватало средствъ и искусства: двойной рядъ грозныхъ заваловъ и многочисленныя толпы мюридовъ, казалось, представляли неодолимую преграду. «Колонна князя Орбеліани, пишетъ въ своемъ донесеніи князь Аргутинскій, имѣя въ резервѣ баталіонъ Кубанскаго полка, двинулась въ стройномъ порядкѣ и съ величайшей тишиною, такъ что съ разсвѣтомъ подошла на ружейный выстрѣлъ къ непріятельскимъ заваламъ. Горцы, не замѣтившіе движенія нашихъ войскъ, и встревоженные внезапнымъ ихъ появленіемъ, сдѣлали залпъ; но Апшеронцы, шедшіе въ головѣ колонны, подъ начальствомъ своего командира баталіона подполковника Берхмана, не отвѣчали на выстрѣлы горцевъ, а бросились на завалы и послѣ кратковременнаго, но весьма жаркаго боя, выбили непріятеля штыками, опрокинули его и заставили бѣжать. Впереди всѣхъ шла 6-я мушкетерская рота, подъ командою храбраго капитана Дьяконова. Ведя съ рѣдкою неустрашимостью свою роту впереди баталіона, Дьяконовъ атаковалъ непріятеля съ фронта, одинъ изъ первыхъ ворвался въ завалъ и несомнѣнно былъ первымъ виновникомъ, что непріятель такъ быстро былъ опрокинутъ» [6]. Обращенные въ бѣгство мюриды оставили въ нашихъ рукахъ 10 тѣлъ, одинъ значекъ и множество оружія, бурокъ и прочей одежды, что служило наилучшимъ доказательствомъ внезапности появленія нашей колонны. «А порядокъ и тишину, соблюденныя при движеніи и быстрое взятіе заваловъ безъ выстрѣла, пишетъ князь Аргутинскій, я отношу къ распорядительности генералъ-маіора князя Орбеліани и храбрости Апшеронскаго баталіона» [7]. При взятіи хуторовъ у насъ убито 2 и ранено 16-ть нижнихъ чиновъ.

Немедленно, по выбитіи горцевъ изъ заваловъ, приступлено было къ постройкѣ на мѣстѣ ихъ редута на двѣ роты съ 2-мя легкими орудіями и двумя 2-хъ пудовыми мортирами. Не смотря на то, что работы производились подъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ изъ Чоха, редутъ оконченъ былъ къ вечеру того-же дня. Траншейныя и вообще осадныя работы продолжались преимущественно ночью, когда непріятель не могъ наносить своими выстрѣлами большаго вреда рабочимъ. Ночью горцы дѣлали вылазки, съ цѣлью засыпать траншеи; происходили горячія рукопашныя схватки, но онѣ, постоянно оканчивались неудачею для мюридовъ. Въ одну изъ такихъ ночныхъ схватокъ, именно въ ночь на 25-е іюля, къ общему сожалѣнію, былъ убитъ траншей-маіоръ полковникъ Левицкій. Будучи незадолго передъ тѣмъ переведенъ въ Апшеронскій полкъ, Левицкій успѣлъ снискать себѣ репутацію хорошаго и добраго товарища и отличнаго боеваго офицера. Онъ былъ хорошо образованъ и много обѣщалъ въ будущемъ, и смерть его составила большой ущербъ для Дагестанскаго отряда [8]. Съ приближеніемъ нашихъ траншей къ укрѣпленію, гарнизонъ участилъ вылазки, производя ихъ почти каждый день. Въ ночь на 27-е іюля непріятель произвелъ большую вылазку противъ рабочихъ и прикрытія, но былъ отбитъ,

[6]) Дѣла № 4 секретнаго и № 147 особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[7]) Дѣло № 4. Донесеніе № 106.
[8]) Донесеніе князя Аргутинскаго № 121. Дѣло № 4 секр.

хотя и съ значительной для отряда потерей: у насъ убиты одинъ оберъ-офицеръ и 26-ть нижнихъ чиновъ, ранены: 3 оберъ-офицера и 85 нижнихъ чиновъ, контужены 1 оберъ-офицеръ и 11-ть нижнихъ чиновъ. Горцы потеряли до 300 человѣкъ убитыми и ранеными. Впрочемъ, это было послѣднее усиліе со стороны осажденныхъ: больше вылазокъ они не производили, а ограничились незначительными ночными и дневными перестрѣлками.

9-го августа прибылъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 3-й баталіонъ Апшеронцевъ и 4 горныхъ единорога, подъ командою подполковника Вунша; баталіонъ поставленъ на правомъ флангѣ, рядомъ со 2-мъ баталіономъ. Наконецъ, всѣ осадныя работы были закончены и послѣдніе выстроенныя батареи вооружены. Къ разсвѣту 11-го августа, противъ передняго фаса Чохскаго укрѣпленія стояла брешъ-батарея; въ ней находилось двѣ 24-хъ фунтовыхъ и четыре 12-ти фунтовыхъ пушки, одинъ 1/4 пудовый единорогъ, двѣ 1/2 пудовыя и двѣ 1/4 пудовыя мортиры; брешъ-батарея противъ праваго фаса укрѣпленія имѣла четыре 12-ти фунтовыхъ пушки, одинъ 1/4 пудовый единорогъ и двѣ 1/2 пудовыя мортиры; въ демонтиръ-батареѣ, противъ передняго фаса — четыре 1/2 пудовыхъ единорога; кромѣ того, противъ того же фаса построены двѣ отдѣльныя батареи и вооружены каждая двумя 2-хъ пудовыми мортирами. Въ 5 часовъ утра генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій приказалъ открыть огонь съ обѣихъ брешъ-батарей, между тѣмъ какъ демонтиръ и мортирныя батареи бросали гранаты и бомбы во внутренность укрѣпленія и на окрестныя высоты, укрѣпленныя горцами. Несмотря на усиленный огонь изъ 10-ти пушекъ, мы успѣли въ теченіи дня разбить только правый уголъ и часть лѣваго угла укрѣпленія, что служило доказательствомъ необыкновенной крѣпости стѣнъ. Дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, стѣна передняго фаса имѣла 5 шаговъ ширины, сложена изъ мелкаго булыжника и связана вдоль и поперекъ, снизу и до верху, толстыми бревнами. Разбить подобную стѣну можно было только продолжительнымъ дѣйствіемъ снарядовъ; болѣе значительные обвалы стѣны являлись невозможными, потому что частая бревенчатая связь не допускала ихъ. Съ наступленіемъ ночи брешь-батареи прекратили огонь, а демонтиръ и мортирныя батареи продолжали бомбардированіе, чтобы препятствовать горцамъ предпринимать какія-либо исправленія въ укрѣпленіи. Однако, и при такомъ страшномъ огнѣ, непріятель все-таки пытался исправлять поврежденія; хотя полнаго успѣха онъ не могъ достигнуть, тѣмъ не менѣе утромъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поврежденія заложены турами и фашинами. На другой день обрушили половину передняго фаса, а треть праваго фаса снята до основанія. Такой же сильный огонь продолжался 13-го августа, и отъ дѣйствія гранатъ и бомбъ разрушена большая часть передняго фаса. Но взамѣнъ стѣны, груда бревенъ, мусора и камней образовала собою довольно высокій валъ, который при штурмѣ укрѣпленія могъ представить новое весьма серьезное препятствіе; приходилось разбрасывать снарядами и эту новую преграду. Бомбардированіе, ни на минуту не останавливаясь, велось до 22 августа, и въ теченіи этого времени Чохское укрѣпленіе обратилось въ груду камней. Оставалось занять мѣсто бывшаго укрѣпленія. Какъ ни кратковременъ былъ-бы штурмъ, но все-таки онъ повлекъ бы за собою большія потери, ибо гарнизонъ не покидалъ укрѣпленія. Если бы вся защита горцевъ сосредоточилась только въ укрѣпленіи, то занятіе его являлось необходимымъ; но независимо Чоха, всѣ окрестныя высоты находились въ рукахъ непріятеля, были трудно доступны, и заранѣе весьма сильно укрѣплены, поэтому каждая изъ нихъ требовала отдѣльнаго приступа, что могло повести къ новымъ большимъ пожертвованіямъ; между тѣмъ, особенныхъ результатовъ отъ нихъ не предвидѣлось, такъ какъ водвореніе преданныхъ намъ Чохскихъ выходцевъ и существованіе ихъ безъ постояннаго надежнаго прикрытія было невозможно; располагать же какую-либо часть войскъ въ Чохѣ, было сопряжено съ

большимъ рискомъ, вслѣдствіе чрезвычайной трудности подвоза провіанта и боевыхъ припасовъ. Принимая въ соображеніе, что главная цѣль экспедиціи—разрушеніе Чохскаго укрѣпленія, достигнута, а съ другой стороны, что занятіе укрѣпленія и окружающихъ высотъ не могло уже доставить намъ существенной пользы и, наконецъ, что скопище Шамиля во время осады понесло довольно значительный уронъ, князь Аргутинскій рѣшилъ снять осаду. Въ ночь съ 22-го на 23-е августа отправлена была на Турчидагъ осадная артиллерія и 9 батарейныхъ пушекъ. На разсвѣтѣ началось обратное слѣдованіе отряда на Турчидагъ. Движенія артиллеріи и сопровождавшихъ ее баталіоновъ горцы не замѣтили и оно произведено было безпрепятственно. Но лишь только стало разсвѣтать, какъ непріятель, увидѣвъ отступленіе нашихъ войскъ, бросился преслѣдовать ихъ. Въ аріергардѣ шли 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ, при чемъ 3-й баталіонъ занималъ лѣвую цѣпь, а 2-й правую. Мюриды атаковали оба баталіона: часть ихъ открыла сильный ружейный огонь, а другая часть ежеминутно бросалась въ шашки; храбрые командиры баталіоновъ подполковники Берхманъ и Вуншъ принуждены были нѣсколько разъ останавливать свои баталіоны, переходили въ наступленіе и штыками опрокидывали непріятеля. Чрезвычайно густой туманъ и сильно пересѣченная мѣстность увеличивали дерзость горцевъ, и они не отставали ни на шагъ отъ отряда, въ особенности напирая на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ находился 3-й баталіонъ, который отступалъ въ полномъ порядкѣ, отбиваясь отъ назойливыхъ горцевъ штыками. На лѣвомъ флангѣ шли охотники съ крѣпостными ружьями, подъ командою подпоручика Грина, а цѣпью управлялъ подпоручикъ Аглинцевъ. Занимая одну позицію за другою, Гринъ открывалъ мѣткій огонь по толпамъ горцевъ, которые съ каждой минутой увеличивали свою дерзость. Въ это время съ Турчидага спустилась полурота 3-й мушкетерской роты Апшеронцевъ, подъ командою прапорщика Яковлева. Зайдя во флангъ горцамъ, она безъ выстрѣла бросилась на мюридовъ въ штыки и поддержанная цѣпью 3-го баталіона, а въ особенности ротою гренадеръ, подъ командою штабсъ-капитана Багизардова, совершенно опрокинула горцевъ, понесшихъ при этомъ значительный уронъ. На правомъ флангѣ, гдѣ шелъ 2-й баталіонъ, непріятель производилъ не менѣе сильные натиски, но здѣсь онъ не имѣлъ такой смѣлости, такъ какъ мѣстность не всегда благопріятствовала неожиданнымъ атакамъ; цѣпью управлялъ прапорщикъ Кистеневъ, а въ поддержкѣ находилась рота извѣстнаго своей храбростью капитана Дьяконова. Рота Дьяконова нѣсколько разъ опрокидывала горцевъ, и, наконецъ, послѣднимъ дружнымъ ударомъ въ штыки совершенно разсѣяла ихъ[9]. Къ сожалѣнію, густой туманъ, поднимаясь только изрѣдка, да и то на нѣсколько минутъ, способствовалъ горцамъ отступать безъ большихъ потерь. Въ 9-ть часовъ утра, весь отрядъ сталъ лагеремъ на Турчидагѣ, потерявъ въ продолженіи 5-ти часоваго боя убитыми: 1 оберъ-офицера и 6 нижнихъ чиновъ; ранеными: 7 оберъ-офицеровъ *(Апшеронскаго полка штабсъ-капитанъ Багизардовъ и поручикъ Генингъ)* и 69 нижнихъ чиновъ; контужены: 1 оберъ-офицеръ и 17 нижнихъ чиновъ. Потеря нижнихъ чиновъ преимущественно пала на Апшеронцевъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками князю Аргутинскому, гарнизонъ Чохскаго укрѣпленія состоялъ сначала изъ 1000 человѣкъ, не считая огромныхъ скопищъ, занимавшихъ окрестности; въ послѣдствіи гарнизонъ уменьшился до 400 человѣкъ. Во время осады непріятель похоронилъ около Чоха 600 человѣкъ, кромѣ того тѣла многихъ почетныхъ лицъ отправлены въ глубь Дагестана, въ ихъ родные аулы; множество раненыхъ умерло въ госпиталяхъ. Иниціатива учрежденія послѣднихъ принадлежала Шамилю и появились они впервые въ 1849 году.

9) Дѣло № 147. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Госпиталя были устроены въ селеніяхъ: Хиндахъ, Ходочъ и Карадѣ, въ отведенныхъ для того сакляхъ и даже въ мечетяхъ; въ первые два эвакуировались тяжело раненые, а всѣ прочіе — въ Караду, гдѣ находился самый обширный госпиталь. Отправленіе раненыхъ по приказанію Шамиля производилось съ большою поспѣшностью и какъ можно скрытнѣе, чтобы ежедневный большой уронъ не подалъ повода къ ропоту въ народѣ.

Плѣнные и лазутчики утверждали, что вся потеря горцевъ, со включеніемъ раненыхъ, простиралась до 3-хъ тысячъ человѣкъ [10]. Въ донесеніи объ осадѣ и отступленіи отъ Чоха князь Аргутинскій съ особенной похвалой отзывается о командирѣ полка генералъ-маіорѣ князѣ Орбеліани, подполковникахъ Берхманѣ и Вуншѣ, капитанахъ Дьяконовѣ и Васильевѣ [11]. Съ 24-го августа началось отправленіе осадной артиллеріи, различныхъ парковъ и частей войскъ. Первымъ двинулся 2-й баталіонъ апшеронцевъ; онъ долженъ былъ остановиться въ Цудахарѣ для обезпеченія слѣдованія осадной артиллеріи, отправленной 27-го августа, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ (въ числѣ ихъ 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка), при двухъ единорогахъ. Того-же числа въ Ахтынское ущелье направлены 2 баталіона и рота саперъ, для разработки военно-ахтынской дороги, а одинъ баталіонъ и рота саперъ въ самое укрѣпленіе Ахты для работъ по усиленію обороны укрѣпленія; дивизіонъ драгунъ направленъ въ селеніе Казанищи, а милиція, за исключеніемъ двухъ сборныхъ сотенъ, распущена по домамъ. Распустивъ часть отряда по штабъ-квартирамъ, князь Аргутинскій другую часть оставилъ на Турчидагской позиціи, чтобы наблюдать отсюда за дѣйствіями непріятеля; отрядъ состоялъ изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), 8 орудій, ракетной команды, 2-хъ сотенъ донскаго казачьяго полка и 2-хъ сотенъ сборной милиціи, подъ командою адъютанта главнокомандующаго полковника Минквица. Расположившись на одномъ изъ нижнихъ уступовъ Турчидага, эти войска должны были, смотря по обстоятельствамъ, оставаться здѣсь около одного мѣсяца.

Наблюдательный отрядъ простоялъ на Турчидагѣ до начала октября и затѣмъ былъ распущенъ. Первый баталіонъ Апшеронцевъ возвратился въ штабъ-квартиру 5-го октября. Въ концѣ года баталіоны полка размѣстились слѣдующимъ образомъ: 1-й баталіонъ сталъ въ Агачъ-Калѣ, 2-й, 3-й и 5-й, кромѣ 15 мушкетерской роты,— въ Шурѣ, 4-й — въ Казанищахъ и 15-я мушкетерская рота на Озеньскомъ посту. Съ октября мѣсяца, можно сказать, что полкъ отдыхалъ, такъ какъ работы по довершенію устройства штабъ-квартиры, по случаю дождливой осени, велись не особенно дѣятельно. Въ горахъ временно наступило затишье; тѣмъ не менѣе осторожность на всѣхъ пунктахъ соблюдалась во всей силѣ; нападеніе на Шуру въ апрѣлѣ мѣсяцѣ заставило быть еще бдительнѣе: вокругъ укрѣпленія стояла цѣпь постовъ, охотники каждую ночь выходили на поиски за мелкими партіями хищниковъ и нерѣдко ночная пальба будила шуринцевъ, свидѣтельствуя о присутствіи мюридовъ около укрѣпленія. Болѣе или менѣе значительныя партіи бродили по плоскости, и одна изъ нихъ, сдѣлала нападеніе на команду Апшеронцевъ, но при этомъ сильно пострадала. Дѣло происходило такимъ образомъ. 29-го октября 12-ть человѣкъ рядовыхъ 15-й мушкетерской роты съ унтеръ-офицеромъ Веснинымъ отправились на охоту съ Озеньскаго поста по направленію къ Кривой Балкѣ. Когда охотники отошли нѣсколько верстъ отъ поста, то партія конныхъ мюридовъ, человѣкъ въ 50-тъ, выскочила изъ оврага и захватила въ плѣнъ одного рядоваго, шедшаго впереди. Тогда унтеръ-офицеръ Веснинъ приказалъ

---

[10]) Наша потеря за время осады и отступленія отъ Чоха была слѣдующая: убиты 1 штабъ и 1 оберъ-офицеры и 47 нижнихъ чиновъ; ранено: 2 штабъ-офицера, 17 оберъ-офицеровъ и 191 нижнихъ чиновъ; контужено: 1 штабъ и 5 оберъ-офицеровъ и 67 нижнихъ чиновъ.

[11]) Дѣло № 4. Секретн. донесеніе № 203. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

сдѣлать по непріятелю залпъ, которымъ двое мюридовъ было убито, а трое ранено; вслѣдъ за тѣмъ Веснинъ бросился на хищниковъ.

Озадаченные такою безумною храбростью и потерявъ уже пять человѣкъ, мюриды, послѣ слабаго сопротивленія, бросили захваченнаго ими въ плѣнъ рядоваго, а сами обратились въ бѣгство по направленію къ Черной рѣчкѣ. Послѣ схватки команда благополучно возвратилась на Озеньскій постъ, не упустивъ случая и поохотиться [12]). Такъ закончилась послѣдняя встрѣча Апшеронцевъ съ горцами въ 1849-мъ году, не считая постоянныхъ незначительныхъ стычекъ съ мюридами около Шуры.

Подводя итоги минувшаго года, нельзя не прійти къ заключенію, что мы не достигли въ немъ ровно никакихъ результатовъ, если не считать разрушенія Чохскаго укрѣпленія за особенно блестящій успѣхъ. Составленныя на скоро предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ на 1849-й годъ имѣли слишкомъ разнообразный и въ то-же время крайне неопредѣленный характеръ, все въ нихъ сводилось къ «обстоятельствамъ», и безъ сомнѣнія иныхъ результатовъ отъ экспедиціи трудно было и ожидать. Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій сдѣлалъ все, что только представлялось возможнымъ, т. е. разрушилъ Чохъ, потерявъ при этомъ 322 человѣка убитыми, ранеными и контуженными, и затѣмъ, не штурмуя полуразрушеннаго укрѣпленнаго аула, отступилъ, находя, что утвердиться у Чоха было невозможно, да и не имѣло смысла. Узкія рамки предпринятаго нами труда не позволяютъ вдаваться въ обстоятельный разборъ, какъ предположеній о военныхъ мѣропріятіяхъ, такъ равно и исполненія ихъ, — это дѣло будущихъ историковъ кавказской войны; но нельзя, однако, не замѣтить, что цѣлый рядъ крайне неопредѣленныхъ и вполнѣ безсодержательныхъ по своимъ результатамъ экспедицій, только подрывалъ престижъ Россіи въ глазахъ горцевъ и покорныхъ намъ обществъ, отдаляя дѣло покоренія края на неопредѣленное время.

Въ виду того, что кромѣ разрушенія Чоха, почти всѣ предположенія прошлаго года остались не выполненными, они были перенесены на 1850-й годъ. Такимъ образомъ, въ наступившемъ году надлежало: покорить Согратль и ближайшіе къ нему аулы, а если бы горцы въ предстоящую весну вздумали возобновить укрѣпленіе Чохъ, то вторичное разрушеніе его должно было составлять непремѣнную задачу Дагестанскаго отряда. Но въ Тифлисѣ на общемъ военномъ совѣтѣ, на которомъ присутствовалъ и командующій войсками въ Дагестанѣ, генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій, поименованныя выше предпріятія были отмѣнены и рѣшено ограничиться работами по устройству штабъ-квартиръ, а для предупрежденія вторженія непріятеля въ Даргинскій округъ, Казикумухское и Кюринское ханства, расположить наблюдательный отрядъ между рр. Казикумухскимъ и Кара-Койсу. Чтобы гарантировать спокойствіе въ Самурскомъ округѣ, Нухинскомъ уѣздѣ и на правомъ флангѣ лезгинской линіи, а также для уничтоженія вліянія Шамиля и Даніель Султана Елисуйскаго въ верхнихъ магалахъ Балаканскаго округа, черезъ которые непріятель производилъ вторженія, — рѣшено возвести укрѣпленіе на р. Самурѣ, около аула Лучека. Прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ укрѣпленія, осмотрѣли всѣ дороги, ведущія къ Лучеку изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ стояли наши боевые резервы и откуда могла явиться помощь. Результаты этихъ осмотровъ были слѣдующіе: кратчайшая дорога къ Лучеку проходила изъ Хозрека черезъ Котрухъ и Ихрекъ; она подымалась черезъ гору Нуса-дагъ или Луса-дагъ и шла на аулы Арихкуль и Ихрекъ. Гора Нуса-дагъ ранѣе всѣхъ очищается отъ снѣга и бываетъ проходима съ половины мая до конца августа, или даже до начала сентября. Осмо-

[12]) Дѣло № 4. Секретн. 2-го отдѣленія, Генеральнаго Штаба. Архива Кавказскаго Окружнаго Штаба.

трѣна была и другая дорога, направлявшаяся къ Лучеку изъ аула Ричи чрезъ аулы Уна и Шиназъ, которая представляла болѣе удобства для разработки и содержанія ея въ исправности, хотя и была нѣсколько длиннѣе первой. 30-го мая, главнокомандующій князь Воронцовъ лично прибылъ въ Лучекъ для того, чтобы на мѣстѣ убѣдиться насколько послѣдній пунктъ удобенъ для устройства укрѣпленія. Князь Воронцовъ нашелъ Лучекъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнымъ. Окруженный съ двухъ сторонъ значительными рѣками Самуромъ и Кара-Койсу съ обрывистыми берегами, онъ прикрывался съ третьей стороны отвѣсною скалою, доступною только по одной узкой тропинкѣ; на скалѣ находились двѣ грубосложенныя башни. Аулъ Лучекъ раскинулся у подошвы скалы и былъ обнесенъ толстой стѣной съ башнями. Считая возведеніе укрѣпленія въ этомъ мѣстѣ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ, князь Воронцовъ приказалъ немедленно приступить къ работамъ. Январь и половина февраля 1850 года, прошли довольно спокойно, непріятель не дѣлалъ никакихъ сборовъ и вторженій въ наши предѣлы не производилъ. Но 16-го февраля князь Аргутинскій получилъ извѣстіе, что значительное скопище горцевъ, не смотря на сильные морозы и большой снѣгъ въ горахъ, появилось около казикумухскаго аула Унчугатля и заняло его. На помощь унчугатльцамъ двинулся управлявшій ханствомъ полковникъ Агаларъ-Бекъ съ тремя ротами пѣхоты и милиціей; онъ разсѣялъ партіи, собравшіяся на окрестныхъ высотахъ, но не въ состояніи былъ выбить непріятеля изъ самаго Унчугатля. Въ тотъ же день другія партіи появились въ Вицхинскомъ магалѣ; все скопище, численностью до 4 т. человѣкъ, находилось подъ предводительствомъ наиба Омара Салтинскаго. Опасность, угрожавшая Казикумухскому ханству принудила генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго двинуться въ Кумухъ. 17-го февраля отрядъ, состоявшій изъ 2-го баталіона Апшеронцевъ, роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 4-хъ горныхъ орудій и ракетной команды, выступилъ изъ Шуры; вмѣстѣ съ тѣмъ Аргутинскій направилъ въ Кумухъ изъ аула Уллу-ая 2 баталіона и 2 сотни Кайтахской милиціи, а изъ аула Леджета въ Курахъ — 2 баталіона, при 4 горныхъ орудіяхъ и ракетной командѣ. Проходя изъ Шуры черезъ Дженгутай, князь Аргутинскій присоединилъ къ своему отряду еще одинъ баталіонъ. Въ аулѣ Оглахъ получено было извѣстіе, что непріятельское скопище послѣ неудачнаго для него сраженія съ жителями аула Кумалю, отступило изъ Казикумухскаго ханства; поэтому движеніе отряда въ Кумухъ было отмѣнено и войска распущены по штабъ-квартирамъ, за исключеніемъ только двухъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 2-го Апшеронскаго), которые командующій войсками двинулъ въ Казикумухское ханство, чтобы занять аулы, лежащіе между Цудахаромъ и Кумухомъ. Оба баталіона назначались для защиты ханства отъ новыхъ покушеній со стороны непріятеля, а таковыхъ слѣдовало ожидать съ началомъ таянія снѣга въ горахъ. 23 февраля полковникъ Берхманъ съ 2-мъ баталіонамъ Апшеронцевъ пришелъ въ Казикумухъ и расположился въ аулѣ Хурклю.

Послѣ неудачнаго вторженія горцевъ въ Казикумухское ханство, трудно было предполагать, чтобы эту попытку они повторили въ скоромъ времени; тѣмъ не менѣе всѣ мѣры предосторожности были приняты. Въ началѣ марта Шамиль созвалъ въ Хунзахѣ своихъ наибовъ для совѣщаній; на совѣтѣ обсуждались предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ весною. Совѣщанія прошли очень шумно, были продолжительны, но ни къ какому результату не привели, предпринимать что либо серьозное противъ насъ непріятель не рѣшался, да, наконецъ, необходимо было позаботиться и о себѣ. Находясь почти круглый годъ въ набѣгахъ или оборонѣ укрѣпленій противъ русскихъ войскъ, горцы совсѣмъ позабыли о мирныхъ занятіяхъ, обработкѣ полей, садовъ и пр., возложивъ все это на своихъ женъ; но однѣ женщины, безъ помощи мужей, справиться со всѣми работами не могли, поэтому недостатокъ ощущался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ. Несмотря на сильную

*

оппозицію со стороны Хаджи-Мурата и многихъ наибовъ, Шамиль настоялъ, чтобы возстановить Чохское укрѣпленіе, куда и направилъ значительное скопище, подъ предводительствомъ гумбетовскаго наиба Абакаръ Дебира. Желая постоянно держать въ страхѣ жителей покорныхъ намъ владѣній, Шамиль приказалъ пограничнымъ наибамъ производить набѣги въ наши предѣлы по возможности чаще и по разнымъ направленіямъ.

Высочайшимъ приказомъ 29 марта новымъ командиромъ полка вмѣсто генералъ-маіора князя Орбеліани назначенъ былъ полковникъ Николай Семеновичъ Кишинскій, вступившій въ командованіе полкомъ 4 мая [13].

Въ концѣ іюня у Лучека собрался отрядъ назначенный для постройки укрѣпленія, а 29 іюня изъ Шуры выступилъ другой отрядъ, назначеніе котораго состояло въ охраненіи Казикумухскаго ханства и Самурскаго округа. Послѣдній отрядъ состоялъ изъ 2-хъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), ракетной команды, сборной сотни донскаго № 7 полка и одного единорога; въ Большихъ Казанищахъ къ этимъ войскамъ присоединился еще дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Для обезпеченія отъ непріятельскихъ вторженій Даргинскаго округа, на Кутишинскія высоты выдвинуто было 2 баталіона, при двухъ горныхъ единорогахъ. 3 іюля Дагестанскій отрядъ у Кутишинскаго озера соединился съ этими двумя баталіонами и расположился лагеремъ. Сдѣлавъ здѣсь дневку, 5-го числа войска продолжали движеніе и на другой день остановились на первомъ уступѣ Турчидага, гдѣ Дагестанскій наблюдательный отрядъ долженъ былъ имѣть болѣе продолжительную остановку. 12 іюля командующій войсками, князь Аргутинскій, произвелъ рекогносцировку, чтобы осмотрѣть окрестности Чоха и развалины Салтовъ. Колонна, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ (1-й Апшеронскій), дивизіона драгунъ, сборной сотни донскихъ казаковъ, 4-хъ орудій, ракетной команды и милиціи, выступила изъ лагеря. На Чохскомъ спускѣ войска ночевали, а на другое утро былъ осмотрѣнъ Чохъ со стороны Кегерскаго спуска, называемаго туземцами Махинуху. Горцы успѣли уже реставрировать Чохское укрѣпленіе: они уменьшили нѣсколько объемъ его и отодвинули сажень на 8 или 10 передній фасъ. Стѣны укрѣпленія имѣли до 8 аршинъ толщины; наружная и внутренняя стороны ихъ состояли изъ каменныхъ стѣнокъ, толщиною въ 1 $^1/_2$ аршина; обѣ стѣнки скрѣплялись бревнами, а промежутокъ между ними заполненъ слоями земли, камней и фашинъ. Для помѣщенія гарнизона, отъ 1500 до 2000 человѣкъ, построены были низкія казармы съ двойными каменными сводами [14]. Мѣстность позади укрѣпленія состояла изъ овраговъ и холмовъ; большая часть послѣднихъ была сильно укрѣплена. Повидимому работавшіе приложили чрезвычайно много старанія и трудовъ для своевременнаго окончанія этихъ огромныхъ сооруженій. Работы производились подъ руководствомъ и наблюденіемъ турецкаго инженера Юсуфа-Хаджи, вышедшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Турціи.

За то развалины Салтовъ и окрестностей ихъ найдены были въ совершенно пустынномъ видѣ; пашни, дороги и тропы заросли травою и густымъ бурьяномъ, повидимому горцы

---

[13]) Генералъ-маіоръ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани началъ службу въ 1816 г., поступивъ юнкеромъ въ 21 артиллерійскую бригаду. Въ 1820 г. онъ былъ переведенъ портупей прапорщикомъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ прапорщики. Въ 1825 г. произведенъ въ подпоручики; въ 1828 г. за отличіе въ сраженіяхъ съ персіянами награжденъ чиномъ поручика и орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью за храбрость. Въ 1833 г. Григорій Дмитріевичъ переведенъ былъ въ Невскій морской баталіонъ, получивъ въ немъ чинъ штабсъ-капитана и въ 1836 г. переведенъ обратно въ Грузинскій полкъ. Участвуя въ дѣлахъ противъ горцевъ, князь Орбеліани получилъ награды: св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, чинъ капитана, орденъ св. Станислава 2 ст., чинъ маіора, а за экспедицію 1843 г. св. Станислава съ Императорскою короною. За отличіе противъ горцевъ въ 1844 г. чинъ подполковника, въ слѣдующемъ году св. Анны 2 ст. и чинъ полковника. Въ 1846 г. получилъ св. Владиміра 3 ст. и въ 1847 г. св. Анны 1 ст., золотую полусаблю съ надписью «за храбрость» и назначенъ командиромъ Апшеронскаго полка, которымъ командовалъ почти три года; въ 1850 году назначенъ командиромъ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.

[14]) Безъ сомнѣнія такія подробныя свѣдѣнія не могла дать одна отдаленная рекогносцировка и, по всей вѣроятности, они добыты отъ лазутчиковъ.

совсѣмъ оставили это мѣсто. У развалинъ Салтовъ князь Аргутинскій остановился на ночлегъ и сдѣлалъ дневку. На другой день отрядъ двинулся обратно къ Турчидагу, куда прибылъ 16 числа и сталъ лагеремъ надъ ауломъ Бегаклю. Желая лично осмотрѣть нѣкоторыя мѣста Дусараратскаго магала Казикумухскаго ханства, гдѣ всегда собирались горцы для производства набѣговъ, командующій войсками предпринялъ 21-го іюля движеніе въ эту часть края. Дусараратскій магалъ не признавалъ надъ собою власти управлявшаго ханствомъ, находился въ зависимости отъ непокорныхъ намъ обществъ и жители его нерѣдко принимали участіе въ набѣгахъ. Оставивъ на Гамашинскихъ высотахъ одинъ баталіонъ съ двумя горными орудіями и полсотни конной милиціи, генералъ-адъютантъ Аргутинскій съ остальными войсками двинулся къ Кумуху, гдѣ присоединилъ къ себѣ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, два горныхъ орудія и 5-ть сотенъ милиціи, занимавшихъ Хурклю и вмѣстѣ съ ними отправился дальше. Въ тотъ день наши войска ночевали близь аула Чатурлю, въ 5-ти верстахъ отъ Кумуха. Съ разсвѣтомъ, 22 іюля, отрядъ выступилъ къ аулу Шали (Дусараратскаго магала), чтобы захватить жителей его въ расплохъ и наказать за измѣну; но чрезвычайно трудная дорога, направлявшаяся въ видѣ узкой каменистой тропы по крутому подъему и въ добавокъ сильный дождь, лившій цѣлый день какъ изъ ведра, чрезвычайно затрудняли маршъ войскъ. «Только съ двумя баталіонами Апшеронскаго полка и кавалеріей, доносилъ князь Аргутинскій, я могъ перевалиться черезъ Шали-Дагъ и все таки не успѣлъ дойти до аула, а долженъ былъ ночевать въ трехъ верстахъ отъ него» [15]. Остальныя войска и всѣ вьюки ночевали по ту сторону перевала и присоединились только на другой день вечеромъ. Между тѣмъ, жители, предупрежденные о движеніи отряда, успѣли выбраться со всѣмъ своимъ имуществомъ и семьями въ безопасныя мѣста. 24 числа войска наши направились къ аулу Арчи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дороги расходятся въ Арчи и Дусрекъ, непріятель, занявъ высоты, завязалъ перестрѣлку и бросалъ камни въ проходившія по ущелью войска. Но сосредоточенный огонь цѣпи и крѣпостныхъ ружей заставилъ горцевъ удалиться. Прибывъ въ аулъ Арчи, отрядъ нашелъ его оставленнымъ жителями. Желая пройти еще два перехода въ самыя верхнія части Дусараратскаго магала, примыкавшаго къ нагорнымъ магаламъ Джаро-белаконскаго округа, князь Аргутинскій приказалъ отыскать бродъ черезъ р. Дусараратъ-чай; но уровень воды въ этой рѣчкѣ, вслѣдствіе проливныхъ дождей, до того поднялся, что не только пѣшіе, но даже конные съ большимъ трудомъ и рискомъ для себя могли переправитьея черезъ нее. Поэтому командующій войсками отказался отъ своего намѣренія; переночевавъ у Арчи, войска, съ разсвѣтомъ, 25-го числа зажгли аулъ и выступили обратно къ Шалинскому перевалу. Аулъ Шали подвергся той же участи, а хлѣбъ на пашняхъ большей частью истребленъ. Во время движенія отряда изъ Арчи въ Шали, скопище горцевъ до 2 т. человѣкъ появилось на высотахъ противуположнаго берега Дусараратъ-чая и когда авангардъ миновалъ Шали, то горцы открыли по немъ огонь изъ орудій; но огонь былъ совершенно безвреденъ, такъ какъ скопище горцевъ держалось все время на разстояніи почти 10 верстъ. За все время движенія отряда это было первое значительное скопище; иногда виднѣлись вдали незначительные непріятельскіе пикеты, которые, переходя съ высоты на высоту, и слѣдили за движеніемъ отряда. Нерѣшительность непріятеля и нежеланіе его вступить въ бой дошли до того, что онъ даже не воспользовался такими мѣстами, гдѣ онъ могъ оказать намъ упорное сопротивленіе и нанести чувствительный уронъ; во время обратнаго слѣдованія отряда такимъ мѣстомъ былъ перевалъ черезъ Шали-Дагъ. Сильные проливные дожди удержали отрядъ 26-го, 27 и 28-го числа на уроч. Чуртадузъ, откуда онъ уже 29-го іюля направился къ аулу Марги.

[15]) Дѣло № 2 секретнаго отдѣленія. Рапортъ № 83 Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Отсюда 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, двухъ сотняхъ дагестанскихъ всадниковъ, двухъ сотняхъ аварской конной милиціи и ракетной командѣ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника Кишинскаго, отправлены были на Кутишинскія высоты для охраненія Даргинскаго округа, гдѣ Апшеронцы оставались до 14-го сентября и за тѣмъ перешли въ Чоглинское ущелье. 15-го сентября князь Аргутинскій распустилъ отрядъ на зимнія квартиры, а для охраненія жителей во время окончательной уборки хлѣба съ полей между аулами Чоглы и Аймаками оставленъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и 3-хъ сотняхъ конной милиціи; въ октябрѣ баталіонъ возвратился въ Шуру [16]). Послѣдніе мѣсяцы прошли въ Дагестанѣ спокойно; полкъ расположился на зимнихъ квартирахъ: 4-й баталіонъ сталъ въ Агачъ-Калѣ, 3-й баталіонъ — въ Большомъ Дженгутаѣ, а остальные въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Въ ознаменованіе стопятидесятилѣтія со дня сформированія полка, 25-го іюня 1850 года всѣмъ баталіонамъ Высочайше пожалованы новыя знамена. 1-му, 2-му и 4-му баталіонамъ знамена съ надписями по краямъ: «за взятіе штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года» и подъ орломъ «1700 — 1850 г.»; 3-му баталіону — по краямъ: «за взятіе штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года и за походъ въ Анди въ іюнѣ и въ Дарго въ іюлѣ 1845 года», а подъ орломъ «1700 — 1850 г.»; 5-му баталіону — «1700 — 1850 г.». Кромѣ того, согласно съ Высочайшимъ указомъ 1838 года, при всѣхъ знаменахъ полагались Александровскія ленты и скобы.

За 1849 годъ въ полку получили награды: командиръ полка, генералъ-маіоръ князь Орбеліани 1-й — Св. Станислава 1-й ст.; подполковники: Эггеръ I-й и Вуншъ — Св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною; подполковникъ Берхманъ, маіоры: Дубельтъ 2-й и Винниковъ и штабсъ-капитанъ Багизардовъ — золотыя сабли; маіоры: Луковской и Лавровъ — Монаршее благоволеніе; маіоры Павловъ и Кендзержинскій — слѣдующіе чины; капитаны: Васильевъ 2-й — чинъ маіора, Пургасовъ — Св. Анны 2-й ст.; штабсъ-капитаны: Якубинскій — слѣдующій чинъ; Еленскій — Св. Анны 3 ст.; Кирклевскій и Армашевскій — слѣдующіе чины; Теплинъ, Серебрянскій и Шагубатовъ — Св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость»; поручики: Брусиловъ, Богуцкій и Бриндзе — слѣдующіе чины; подпоручики: Гедримовичъ, Шиманскій, Голубовъ, Касаевъ, Гринъ, Кавнацкій и Гамазовъ — слѣдующіе чины; Родичевъ, Ковалевскій и Лебля — Св. Анны 3-й ст.; прапорщики: Звенигородскій, Кистеневъ, Яковлевъ, Энгбрехтъ, Экельнъ и баронъ фонъ-деръ-Остенъ Сакенъ — слѣдующіе чины; произведены въ прапорщики: Александръ Буравцевъ, Илья Ивановскій, Гавріилъ Савельевъ и князь Семенъ Тумановъ.

Получили знаки отличія Военнаго Ордена: фельдфебеля: Семенъ Николаевъ и Минай Васильевъ; унтеръ-офицеры: Эдуардъ Зейдлицъ, Тихонъ Григорьевъ, Семенъ Кременецкій, Абдулъ Велишинъ, Юсуфъ Бикуловъ, Григорій Антилоговъ, Федоръ Старцевъ, Петръ Семеновъ, Харитонъ Коваленко, Игнатій Кольско и Дмитрій Курнаковъ; барабанщики: Егоръ Линьковъ и Михаилъ Алексенцовъ; рядовые: Игнатъ Григорьевъ, Петръ Люденовъ, Иванъ Ивановъ, Григорій Митяевъ, Иванъ Сачковъ, Михаилъ Пономаревъ, Ксенофонтъ Григорьевъ, Семенъ Моргуновъ, Семенъ Щербаковъ, Федотъ Ефимовъ, Василій Донченко, Степанъ Качальниковъ, Игнатъ Рогачевъ, Филиппъ Жидковъ, Осипъ Матвѣевъ, Павелъ Колесниченко, Титъ Авдѣевъ, Никифоръ Гречанъ, Дмитрій Ермаковъ, Денисъ Яшкевичъ, Андрей Гавриловъ, Алексѣй Степановъ. Кромѣ того много нижнихъ чиновъ произведено въ унтеръ-офицеры [17]).

За 1850 годъ: полковникъ Кишинскій — Св. Владиміра 3-й ст. и Монаршее благоволеніе; подполковникъ Берхманъ, капитанъ Астафьевъ, подпоручики Радомицкій и Эккель; прапорщики: Суриновичъ, Горюшкинъ, Богаевскій, Рейнгартенъ и Миръ-Абрагимъ Бекъ — слѣдующіе чины; капитанъ князь Багратіонъ — Св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость» [18]).

---

[16]) Дѣло № 2. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[17]) Дѣла №№ 81 и 147. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[18]) Дѣло № 165. Особаго отдѣленія.

Глава Одиннадцатая.

Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1851 году.—Письмо князя Аргутинскаго главнокомандующему.—Расположеніе полка.— Стычки охотниковъ съ мюридами.—Вторженіе въ наши предѣлы Хаджи-Мурата.—Оцѣпленіе дорогъ.— Угонъ горцами табуна Самурскаго полка. — Занятіе Хаджи-Муратомъ позиціи на горѣ Акъ-Ярди Баши. — Неудачная атака кавалеріи. — Форсированный маршъ Апшеронцевъ.—Разбитіе партіи горцевъ. — Потери непріятеля и наши. — Выступленіе Дагестанскаго отряда въ горы. — Составъ его. Слухи о сборахъ Шамиля. — Стоянка на Гамашинскихъ высотахъ. — Появленіе на Турчидагѣ непріятельскаго скопища. — Взятіе 3-мъ баталіономъ Турчидагской позиціи горцевъ. — Отступленіе скопища. — Отзывъ князя Аргутинскаго объ Апшеронцахъ. — Планъ Шамиля. — Вторженіе Хаджи-Мурата въ Мехтулинское ханство и въ Каракайтахъ. — Возстаніе каракайтахцевъ. — Движеніе части Дагестанскаго отряда въ Табасарань. — Распоряженіе князя Аргутинскаго передъ выступленіемъ. — Блистательное дѣло Апшеронцевъ на Гамашинскихъ высотахъ. — Разбитіе скопища Шамиля. — Отступленіе непріятеля къ Чоху. — Успѣхи князя Аргутинскаго въ Табасарани. — Переходъ отряда на Кутишинскія высоты. — Роспускъ войскъ.—Ссора Шамиля съ Хаджи-Муратомъ и бѣгство послѣдняго къ Русскимъ.—Положеніе дѣлъ въ горахъ въ концѣ года. — Описаніе событій 1852 года.—Штурмъ аула Шеляги.—Выступленіе войскъ на передовую линію.—Образованіе въ полку штуцерной команды.—Нападеніе горцевъ на Малый Дженгутай.—Разбитіе партіи.—Рекогносцировка къ Салтамъ.—Возвращеніе на Турчидагскую позицію.—Набѣги горцевъ въ Шамхальскія и Мехтулинскія владѣнія.—Экспедиція въ Салатавію.—Мѣры для сохраненія Дагестана въ 1853 году.—Сборъ войскъ на передовой линіи. Нападеніе на табунъ Апшеронскаго полка.—Преслѣдованіе горцевъ и отбитіе табуна.—Выступленіе на Кутишинскія высоты. — Переходъ войскъ на Турчидагъ. — Дѣло охотничьей команды съ мюридами у Агачъ-Калы.—Вторженіе скопища Шамиля въ Джаро-Белаканскій округъ.—Быстрый переходъ Дагестанскаго отряда въ Джаро-Белаканскій округъ.—Неудачи Шамиля и отступленіе его въ Дагестанъ.—Нападеніе горцевъ на Кутишинскій отрядъ. — Дѣло команды подпоручика Головина.—Возвращеніе Апшеронцевъ въ штабъ-квартиру.—Печальное положеніе Шамиля.—Расположеніе полка на зиму.—Нападеніе непріятеля на Большіе Казанища.—Разбитіе партіи.—Награды за 1851, 1852 и 1853 года.

Въ 1851 году надлежало:

1) разработать важнѣйшія дороги, для соединенія сѣвернаго Дагестана съ южнымъ;
2) охранять край и производить наступательныя дѣйствія въ земли непокорныхъ горцевъ, въ видахъ предупрежденія прорывовъ ихъ въ наши предѣлы;
3) продолжать устройство помѣщеній для войскъ, расположенныхъ въ Прикаспійскомъ краѣ, и
4) улучшить оборону существующихъ укрѣпленій.

Для успѣшнаго выполненія всего вышеизложеннаго назначалось 20 баталіоновъ пѣхоты, (въ томъ числѣ 5 баталіоновъ Апшеронскаго полка), 10 эскадроновъ драгунъ, 4 сотни донскихъ казаковъ, 22 сотни Дагестанскихъ всадниковъ, конной и пѣшей милиціи, 6 легкихъ и 12 горныхъ орудій [1]).

Къ приготовленіямъ для предстоящихъ движеній приступили еще въ концѣ прошлаго года съ такимъ разсчетомъ, чтобы дѣйствующій отрядъ къ 1-му мая былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ и могъ двинуться въ горы.

Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій, не былъ согласенъ съ чисто оборонительными мѣрами, составлявшими основу пред-

---

[1]) Дѣло № 9. Секретное. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

положеній на 1851 годъ; онъ настаивалъ на начатіи наступательныхъ дѣйствій и въ особенности на движеніяхъ къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ Чоху и Согратлю, чтобы окончательно уничтожить эти два сильныхъ опорныхъ пункта Шамиля. Въ заключеніи рапорта своего къ князю Воронцову, князь Аргутинскій пишетъ слѣдующее: «...Кромѣ пользы, которую ожидаю отъ истребленія этихъ притоновъ хищническихъ партій, я нахожу, что подобныя предпріятія сопряжены съ другою еще важнѣйшею для насъ выгодою. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ войнѣ съ горцами наши преимущества надъ ними возрастаютъ въ той же соразмѣрности, какъ непріятель увеличиваетъ противъ насъ скопища, потому что, чѣмъ многочисленнѣе послѣднія, тѣмъ больше бываетъ да и должна быть ихъ потеря, преимущественно отъ дѣйствія артиллерійскаго огня. Поэтому полагаю, что для насъ выгодно заставить горцевъ собираться въ многочисленныя массы; а возможность къ тому представляется большей частью только тогда, когда мы обращаемъ войска наши на такіе пункты, которыми непріятель дорожитъ, которые онъ старался болѣе или менѣе укрѣпить и на силу которыхъ онъ надѣется. Въ такихъ мѣстахъ завязывается всегда продолжительный и упорный бой, въ которомъ горцы претерпѣваютъ огромный уронъ [2]. Доказательствомъ тому служатъ осады Салтовъ и Чоха, повлекшія къ чрезвычайнымъ со стороны горцевъ потерямъ и если послѣдствія ихъ не были видны тотчасъ, то при постепенномъ разстройствѣ домашняго хозяйства непріятеля, породятъ въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, которые скрываясь отъ страха наказанія, при удобномъ случаѣ могутъ обнаружиться въ нашу пользу. Кромѣ того скопленіе большихъ массъ горцевъ для обороны пунктовъ, избираемыхъ цѣлью нашихъ дѣйствій, обращая все ихъ вниманіе, отнимаетъ у нихъ возможность предпринимать что нибудь важное противъ другихъ частей края» [3].

Въ началѣ года Апшеронскій полкъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: 1-й и 2-й баталіоны стояли въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; 3-й — въ Большомъ Дженгутаѣ; 4-й — въ Агачъ-Калѣ и 5-й — въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; 15-я мушкетерская рота находилась на Озеньскомъ посту. Въ январѣ мѣсяцѣ горцы, кромѣ незначительныхъ набѣговъ, ничего не предпринимали; мелкія же партіи бродили съ цѣлью грабежей по окрестностямъ Шуры и одна изъ нихъ 9-го февраля наткнулась на охотниковъ-Апшеронцевъ. Послѣ залпа съ обѣихъ сторонъ охотники бросились въ штыки, но горцы, потерявъ двухъ человѣкъ убитыми, поспѣшно отступили. Команда потеряла одного рядоваго убитымъ. Подобныя схватки происходили почти ежедневно, и охотничья команда исполняла свои обязанности чрезвычайно добросовѣстно. Постоянная боевая жизнь выработала извѣстный типъ стараго славнаго кавказскаго солдата, для котораго все было нипочемъ. Знакомые со всѣми хитростями горцевъ, не уступавшіе имъ ни въ ловкости, ни въ неутомимой ходьбѣ, превосходившіе противниковъ храбростью и непоколебимой стойкостью, Апшеронцы являлись всегда опасными противниками горцевъ; послѣдніе знали ихъ хорошо и боялись встрѣчи съ ними. Вотъ почему каждое трудное предпріятіе въ горы не обходилось безъ Апшеронцевъ, а въ самые критическіе моменты, обыкновенно при отступленіи отряда, ихъ оставляли всегда въ аріергардѣ, надѣясь вполнѣ на стойкость бравыхъ солдатъ, руководимыхъ храбрыми и опытными офицерами. Дѣйствительно, Апшеронцы всегда оправдывали ожиданія, и вынося на себѣ всю тяжесть отступленій, ограждали отрядъ отъ большихъ потерь. До апрѣля мѣсяца горцы насъ не тревожили; но вечеромъ 7-го апрѣля князь Аргутинскій получилъ свѣдѣніе,

---

[2]) Аулъ Согратль въ 1845 году выставлялъ Шамилю отъ 800 до 1.000 человѣкъ; въ концѣ того же года это число уменьшилось до 700 чел., а въ 1851 году согратлинцы могли выставить не болѣе 300 чел.; такое поразительное уменьшеніе людей, способныхъ къ бою, слѣдуетъ отнести къ большимъ потерямъ, понесеннымъ жителями Согратля подъ Салтами, Мескенджи и Чохомъ.

[3]) Дѣло № 9. Рапортъ князя Аргутинскаго. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

что въ ночь съ 6-го на 7-е число конная непріятельская партія вышла изъ аула Араканы, прошла между аулами Апши и Ахкентомъ и далѣе между Кодоромъ и Оглы, чрезъ Кака-Шуринскіе лѣса—въ Губденскіе; утромъ 7-го апрѣля она появилась въ Буйнакѣ. Движеніе противъ непріятеля съ войсками, расположенными въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и окрестностяхъ, не могло дать благопріятнаго результата, во-первыхъ, по отдаленности непріятельской партіи, а во-вторыхъ, потому, что движеніе нашихъ войскъ давало непріятелю возможность безнаказанно возвратиться въ горы. Поэтому командующій войсками счелъ лучшимъ отрѣзать партіи путь отступленія, занявъ всѣ горные проходы. Съ этой цѣлью одинъ баталіонъ сталъ на Кутишинскихъ высотахъ, а двѣ роты наблюдали за мѣстностью около аула Кутишей; 3-му баталіону Апшеронцевъ, расположенному въ Большомъ Дженгутаѣ, приказано было занять дорогу, ведущую на ур. Аркасъ и далѣе въ Араканы; 3 сотни Дагестанскихъ всадниковъ и одна сотня Мехтулинской конной милиціи наблюдали за пространствомъ между Оглами и Большимъ Дженгутаемъ; 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, 4 сотни Дагестанскихъ всадниковъ съ 2-мя горными орудіями и ракетной командой направлены на высоты, отдѣляющія аулъ Бугденъ отъ Большаго Дженгутая; жители новыхъ Эрпелей, новыхъ Ишкартовъ, новаго Караная и новаго Чиръ-Юрта заняли дороги, ведущія къ Ахатлинской переправѣ; одинъ баталіонъ расположился сѣвернѣе дороги, ведущей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Евгеніевское укрѣпленіе, и далѣе къ высотамъ Ходумъ-Башъ; два дивизіона драгунъ наблюдали за пространствомъ южнѣе Чиръ-Юрта, между Міатлинской переправой и Ходумъ-Башемъ. 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ и Шамхальской милиціи, былъ въ полной готовности къ выступленію. Значительное протяженіе (около 90 верстъ) той линіи, которую пришлось оцѣпить и гдѣ партія могла искать путь отступленія, заставило князя Аргутинскаго дать слишкомъ растянутое положеніе войскамъ, чтобы хотя на главнѣйшихъ дорогахъ имѣть пѣхоту, а конницу направить туда, гдѣ покажется непріятель. Въ ночь на 8-е число получено было извѣстіе, что партіей предводительствовалъ Хаджи-Муратъ, и направился онъ не къ Буйнакамъ, а къ взморью, гдѣ находились хутора Самурскаго полка, подъ прикрытіемъ роты. Хаджи-Муратъ отдѣлилъ противъ самаго прикрытія одну часть партіи, а другая часть угнала полковой табунъ и артиллерійскихъ лошадей, послѣ чего вся партія, оставивъ Буйнакъ влѣво, двинулась берегомъ моря, по направленію къ Петровску. Тогда князь Аргутинскій приказалъ конницѣ, занимавшей высоты между Бугденемъ и Дженгутаемъ, двигаться впередъ, мимо ауловъ Параула и Гилли, соображаясь съ дальнѣйшимъ направленіемъ непріятеля, а самъ съ 1-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, при 2-хъ орудіяхъ, выступилъ къ урочищу Сара-Камышъ, гдѣ въ горахъ имѣлись проходы къ Ахатлинской переправѣ. Въ одиннадцать часовъ утра дали знать, что таркинскіе жители открыли партію, она двигалась въ аулъ Атлыбуюнъ. Слѣдовало ожидать, что непріятель постарается достигнуть одной изъ переправъ на рѣкѣ Сулакѣ, или же остановится гдѣ либо на выгодной позиціи въ ожиданіи ночи. Дѣйствительно, Хаджи-Муратъ, видя себя открытымъ, остановилъ партію въ лѣсу, называемомъ Хартматала, и занялъ позицію на горѣ Акъ-Ярпи-Баши, лежащей въ 7-ми верстахъ южнѣе Атлыбуюна и въ 5-ти верстахъ отъ Агачъ-Аула. Когда наша конница, шедшая изъ Бугденя, догнала партію, то горцы уже успѣли устроить завалы. Не выждавъ прибытія пѣхоты, спѣшившіеся драгуны и Шамхальская милиція атаковали завалы. Однако, не смотря на всѣ усилія Нижегородцевъ и милиціонеровъ, они были отбиты съ большимъ урономъ. По полученіи объ этомъ извѣстія, князь Аргутинскій ускорилъ маршъ и послалъ приказаніе полковнику Берхману спѣшить къ мѣсту боя со 2-мъ баталіономъ Апшеронцевъ и съ двумя орудіями. Въ 6 часовъ вечера 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка прибли-

зился къ горѣ Акъ-Ярпи-Баши; князь Аргутинскій приказалъ занять двѣ стороны непріятельской чрезвычайно крѣпкой позиціи пѣхотой и кавалеріей, а Берхману предписалъ двигаться какъ можно быстрѣе и расположиться съ третьей стороны, по дорогѣ къ аулу Капчугаю. Такимъ образомъ, партія была окружена со всѣхъ сторонъ пѣхотою и спѣшившеюся милиціею. Но горцы не имѣли никакого желанія вступать въ бой, который могъ окончиться для нихъ весьма плачевно. Пользуясь наступившими сумерками, они оставили свою позицію, но къ своему несчастью, совершенно неожиданно наткнулись на 2-й баталіонъ Апшеронцевъ. Впереди баталіона стояли 4-я мушкетерская рота капитана, князя Багратіона, и 5-я мушкетерская — поручика Кавнацкаго. Обѣ роты сдѣлали по отступавшему непріятелю залпъ и затѣмъ бросились въ штыки, ихъ поддержала 6-я мушкетерская рота поручика Шиманскаго. Стремительный и дружный ударъ нашихъ 3-хъ ротъ опрокинулъ горцевъ, которые, потерявъ много убитыми и ранеными, бросились во всѣ стороны по лѣсу. Началось преслѣдованіе непріятеля по пересѣченному балками лѣсу; это преслѣдованіе скорѣе походило на травлю, въ которой многіе мюриды сложили свои головы подъ ударами штыковъ; лошади были частью нами захвачены, частью разсѣялись по лѣсу. Полному успѣху преслѣдованія помѣшала темнота ночи, чрезвычайно пересѣченная лѣсистыми оврагами мѣстность и сильное утомленіе пѣхоты, сдѣлавшей въ этотъ день достойные удивленія переходы: 1-й баталіонъ Апшеронцевъ прошелъ 40 верстъ, а 2-й—въ теченіи 20 часовъ сдѣлалъ болѣе 60 верстъ [4]. Главная часть разсѣянной непріятельской партіи бѣжала мимо аула Капчугая по направленію къ горамъ, лежащимъ къ югу отъ Темиргоевскаго поста, а оттуда бросилась мимо Саракамыша къ Ахатлинской переправѣ; здѣсь одной части удалось переправиться, а другая пошла вверхъ по Сулаку къ Гимрамъ; остальные горцы по два или по три человѣка разсѣялись по лѣсу Хартматала. Въ дѣлахъ 7-го и 8-го апрѣля (7-го произошло нападеніе на самурскіе хутора) потеря наша заключалась: въ 1-мъ убитомъ штабъ-офицерѣ, 1-мъ оберъ-офицерѣ, 25-ти нижнихъ чинахъ и 5-ти милиціонерахъ; ранено: 3 оберъ-офицера, 32 нижнихъ чина и 3 милиціонера; контужено 3 нижнихъ чина. Апшеронцы потеряли 4-хъ раненыхъ и 2-хъ контуженыхъ нижнихъ чина. Непріятель успѣлъ, однако, отбить 199 лошадей, которыхъ заранѣе отправилъ въ горы. По собраннымъ отъ плѣнныхъ свѣдѣніямъ, партія состояла всего только изъ 500 человѣкъ конныхъ; въ партіи находились наибы: араканскій—Ибрагимъ, тилитлинскій—Худай-Нотъ-Магометъ и салтинскій—Гуссейнъ. По показаніямъ же плѣнныхъ потеря горцевъ убитыми и ранеными была велика; въ нашихъ рукахъ осталось 40 тѣлъ, 32 плѣнныхъ и три значка, изъ нихъ два взято Апшеронцами, они принадлежали Хаджи-Мурату, салтинскому и тилитлинскому наибамъ [5]. Хотя непріятель и понесъ чувствительную потерю, но наказаніе было бы полнѣе, если бы несвоевременная атака сильной позиціи драгунами и шамхальскою милиціею не создала неудачнаго дѣла 8-го апрѣля. Горсть храбрыхъ драгунъ, при поддержкѣ одной только милиціи, не должна была разсчитывать на успѣхъ. Вмѣсто преждевременной атаки, слѣдовало дать знать князю Аргутинскому о занятіи непріятелемъ позиціи и сторожить горцевъ, чтобы до прихода пѣхоты они не могли уйти.

Между тѣмъ, приближалось время, назначенное для открытія наступательныхъ дѣйствій; всѣ приготовленія были окончены и Дагестанскій отрядъ сталъ сосредоточиваться въ аулѣ Кулецмѣ. Въ составъ дѣйствующаго отряда вошли 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ, подъ начальствомъ командира полка полковника Кишинскаго 2-го. 1-го іюня выступилъ изъ

---

4) Дѣло № 4. Рапортъ князя Аргутинскаго № 400. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

5) Дѣла №№ 4 и 92. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.

Шуры 4-й баталіонъ, подъ командою подполковника Кендзержинскаго, а 3-го іюня 3-й баталіонъ — маіора Дубельта; всего же въ отрядѣ находилось 6 баталіоновъ, дивизіонъ драгунъ, 2 сотни Донскихъ казаковъ, 4 орудія, 4 мортиры, ракетная команда и 4 сотни милиціи. 5-го числа отрядъ расположился на Кутишинскихъ высотахъ. О намѣреніяхъ горцевъ получались ежедневно самыя разнорѣчивыя и крайне сбивчивыя свѣдѣнія; было только положительно извѣстно, что у Ириба находится скопище, подъ предводительствомъ Даніель-Султана Елисуйскаго. Наконецъ, 17-го іюня получено извѣстіе о томъ, что скопище, собранное съ разныхъ обществъ сѣверной части Нагорнаго Дагестана, направилось въ Аварію и что въ самой Аваріи также дѣлаются сборы. Шамиль прибылъ туда же, и затѣмъ со всѣми скопищами отправился къ ауламъ Ругуджѣ и Чоху. Полученныя извѣстія побудили князя Аргутинскаго выступить съ главной частью Дагестанскаго отряда въ Казикумухское ханство. Взявъ съ собою 4 баталіона пѣхоты (въ числѣ ихъ 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ) $1^1/_2$ роты стрѣлковъ, команду саперъ, дивизіонъ драгунъ Нижегородскаго полка, 3 сотни Дагестанскихъ всадниковъ, 2 единорога и 4 мортиры, онъ двинулся на Гамашинскія высоты и по дорогѣ присоединилъ къ себѣ еще одинъ баталіонъ и 2 горныхъ единорога. Для обезпеченія Даргинскаго округа отъ вторженія непріятельскихъ партій, на Кутишинскихъ высотахъ оставлены 2 баталіона, два горныхъ единорога, 4 сотни Дагестанскихъ всадниковъ и сотня Аварской конной милиціи. На Гамашинскихъ высотахъ отрядъ простоялъ до 21-го іюня, чтобы запастись провіантомъ и зерновымъ фуражемъ изъ Кумухскаго магазина. Въ 9 часовъ утра, 21-го іюня, на ближайшемъ уступѣ Турчидага показались сперва отдѣльные пикеты горцевъ, а вслѣдъ затѣмъ огромныя массы конныхъ, подъ личнымъ начальствомъ Шамиля.

Отрядъ немедленно снялся съ позиціи на Гамашинскихъ высотахъ. Князь Аргутинскій направилъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ и роту стрѣлковъ, подъ начальствомъ командира полка, полковника Кишинскаго, кратчайшимъ путемъ по крутому скалистому скату Турчидага прямо на скопище горцевъ; атаку Апшеронцевъ поддерживали остальныя войска отряда, взбиравшіяся на Турчидагъ по дорогѣ, шедшей наискось по тому-же скату. Одновременно съ движеніемъ Апшеронцевъ кавалерія проскакала по второй дорогѣ къ Турчидагу. Часть горцевъ собралась надъ обрывомъ, гдѣ предстояло взбираться Апшеронскому баталіону, остальная часть расположилась вдоль всей оконечности Турчидага и открыла сильный огонь. Пока Апшеронцы и кавалерія слѣдовали по указаннымъ направленіямъ, жители окрестныхъ казикумухскихъ ауловъ спѣшили на тревогу; изъ нихъ человѣкъ 60 бегяклинцевъ и кумалинцевъ первые вышли на ту часть Турчидага, гдѣ проходила дорога съ Гамашинскихъ высотъ. Ближайшія толпы горцевъ начали отступать; но увидѣвъ малочисленность казикумухцевъ, остановились, съ цѣлью смять горсть преданныхъ намъ жителей. Плохо пришлось бы смѣльчакамъ, если бы ихъ не спасло появленіе нашей кавалеріи, заставившей непріятеля безъ замедленія отступить. Между тѣмъ, Апшеронцы, подъ убійственнымъ огнемъ горцевъ, неутомимо карабкались на скалы. Командиръ баталіона, маіоръ Дубельтъ, въ самомъ началѣ боя былъ раненъ въ ногу на вылетъ, но не смотря на сильную боль, продолжалъ идти впереди своего баталіона; командиры ротъ: 3-й гренадерской — штабсъ-капитанъ Шалашниковъ, 7-й мушкетерской — капитанъ Хохловъ 1-й и 9-й мушкетерской — поручикъ Левицкій вели свои роты подъ выстрѣлами горцевъ въ полномъ порядкѣ: не было ни одного отсталаго — всѣ стремились впередъ. Подымаясь съ одного уступа на другой, баталіонъ взобрался на обрывистый край Турчидага. Тогда горцы, не рѣшаясь вступить въ рукопашный бой, начали поспѣшно отступать, будучи преслѣдуемы Апшеронцами и кавалеріей. Большая часть ихъ бѣжала не по прямому протяженію Турчидага къ Чохскому

*

спуску, а кинулась въ обрывъ къ сторонѣ ауловъ Эбоха и Согратля, желая скорѣе избавиться отъ насѣдавшей на нихъ кавалеріи. Все скопище горцевъ состояло изъ 2-хъ тысячъ конныхъ, и 3.000 пѣшихъ горцевъ; въ числѣ наибовъ находившихся въ скопищѣ называли: Кази-Магомета каратинскаго (сына Шамиля), аварскаго — Хаджи-Мурата, чохскаго — Инко-Хаджи, согратльскаго — Хурши и др. При началѣ дѣла на Турчидагъ подымалось изъ Чоха нѣсколько орудій; но когда горцы обратились въ бѣгство, то орудія возвратились съ половины подъема. «Быстрое рѣшеніе этого дѣла, пишетъ въ своемъ донесеніи князь Аргутинскій, въ которомъ потеря наша заключалась въ раненыхъ: 1-мъ штабъ-офицерѣ *(маіоръ Дубельтъ)*, 1-мъ оберъ-офицерѣ *(баталіонный адъютантъ, прапорщикъ Донецкій)*, 10-ти нижнихъ чинахъ (9 Апшеронцевъ) и 2 всадникахъ и контуженныхъ: 9 нижнихъ чинахъ (4 Апшеронцевъ), приписываю преимущественно неутомимому и безостановочному слѣдованію по чрезвычайно крутому подъему 3-го баталіона Апшеронскаго полка. При этомъ въ описанномъ дѣлѣ наиболѣе обратили на себя вниманіе распорядительностью и отважностью своею: командиръ Апшеронскаго пѣхотнаго полка полковникъ Кишинскій, командиръ 3-го баталіона маіоръ Дубельтъ, адъютантъ того-же баталіона прапорщикъ Донецкій и др.»[6].

Во время преслѣдованія горцевъ было получено донесеніе изъ Казикумуха о вторженіи туда 3.000 конныхъ горцевъ, подъ начальствомъ гоцатлинскаго наиба Омара, гумбетовскаго—Курбанъ-Али и хидатлинскаго—Нуръ-Магомы. Но 21-го числа скопище у рѣчки Чирахъ-чай было разбито казикумухцами, поддержанными однимъ баталіономъ при двухъ орудіяхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что 17-го іюня Шамиль прибылъ въ аулъ Ругджу, куда къ тому же времени сосредоточились партіи всѣхъ наибовъ Дагестана, за исключеніемъ Даніель-Бека. Въ тотъ-же день Шамиль сдѣлалъ распоряженіе для приведенія въ исполненіе слѣдующаго весьма смѣлаго плана. Омаръ салтинскій (онъ-же гоцатлинскій) съ 3.000 конныхъ мюридовъ отдѣленъ былъ отъ скопища, причемъ ему поручалось пробраться въ Сюргинское общество и вольный Кайтахъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ жителями поднять противъ насъ покорный Кайтахъ; самъ же Шамиль, отправляясь съ остальною частью скопища въ Чохъ, предполагалъ ворваться въ Вицхинскій магалъ и разорить аулы его, неоднократно оказывавшіе мюридамъ упорное сопротивленіе. Если бы наибъ Омаръ успѣлъ сдѣлать что нибудь въ Кайтахѣ, то Шамиль имѣлъ намѣреніе лично вторгнуться въ Даргинскій округъ и совокупно съ партіей Омара поднять противъ насъ все это общество. Кромѣ того, особая партія горцевъ отправлена къ урочищу Дучрагатырь, съ цѣлью отвлечь на себя вниманіе жителей Кумуха и окрестныхъ ауловъ, а другая партія съ той-же цѣлью появилась около Вицхинскихъ ауловъ: Чукны, Курклю и Кубалю. Съ прибытіемъ Дагестанскаго отряда на Гамашинскія высоты, Шамиль не могъ надѣяться на успѣхъ въ Вицхинскомъ магалѣ и вышелъ 21-го числа изъ Чоха на Турчидагъ, чтобы воспрепятствовать нашимъ войскамъ подняться на высоты или, что было всего вѣрнѣе, чтобы отвлечь вниманіе князя Аргутинскаго отъ скопища Омара салтинскаго и тѣмъ дать послѣднему возможность безпрепятственно пройти въ Сюргинское общество: по разсчету времени партія должна была пройти между Кума-Дагомъ и Чирахомъ въ ночь съ 21-го на 22-е іюня. Послѣ отступленія горцевъ, отрядъ занялъ позицію на Турчидагѣ и расположился здѣсь лагеремъ.

За неудачу и пораженіе, понесенное Омаромъ салтинскимъ около Кума-Дага, Шамиль смѣстилъ его и предложилъ Хаджи-Мурату взять на себя попытку проникнуть въ Кайтахъ. Хаджи-Муратъ представилъ разныя причины, мѣшавшія ему взяться за это предпріятіе и, между прочимъ, говорилъ, что его скопище, состоявшее преимущественно изъ

---

[6]) Дѣло № 4. Секретное. Рапортъ № 55. 2 отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

аварцевъ, вслѣдствіе частыхъ походовъ и набѣговъ много пострадало, а новый набѣгъ повлечетъ за собою новыя слишкомъ большія потери. Сначала Шамиль согласился съ приводимыми доводами; но вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлалъ Хаджи-Мурату весьма строгій выговоръ за его возраженія и тогда послѣдній, опасаясь гнѣва могущественнаго владыки горъ, согласился исполнить его приказаніе и выбралъ для набѣга самыхъ надежныхъ людей на лучшихъ коняхъ. Въ полдень, 1-го іюля, князь Аргутинскій получилъ извѣстіе, что Хаджи-Муратъ со своею партіею выступилъ ночью изъ подъ Чоха. Полагая, что партія направилась въ Улли-Кала или Кикуны съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы, князь Аргутинскій предупредилъ о томъ войска, расположенныя на Кутишинскихъ высотахъ, въ укрѣпленіи Аймакахъ и въ аулѣ Оглахъ, а также жителей Мехтулинскаго ханства. Не смотря на всѣ принятыя мѣры осторожности, Хаджи-Муратъ, перейдя 1-го іюля въ Араканы и поднявшись оттуда на Аркасъ, ночью 2-го іюля спустился въ Мехтулинское ханство, прошелъ между аулами Малымъ Дженгутаемъ и Дуранчи въ Кака-Шуринскіе лѣса и до разсвѣта находился уже у аула Буйнака. Часть жителей встрѣтила мюридовъ ружейнымъ огнемъ, стараясь не допустить ихъ приблизиться къ самому аулу; но появленіе непріятеля было для буйнакцевъ настолько неожиданнымъ, что только не многіе изъ нихъ успѣли выйти по тревогѣ, вслѣдствіе чего партія ворвалась въ аулъ, причемъ ротмистръ Шахъ-Вали былъ тяжело раненъ, домъ его ограбленъ, а дѣти и жена взяты въ плѣнъ (сестра управлявшаго Кайтахомъ полковника Джамовъ-Бека). Не тронувъ ничего изъ имущества жителей, оставивъ на мѣстѣ 6 тѣлъ и одного плѣннаго изъ партіи, Хаджи-Муратъ быстро направился по приморской плоскости къ югу, мимо Каякента, обогнувъ этотъ аулъ съ лѣвой стороны.

Помощникъ управлявшаго Кайтахомъ, поручикъ Шевченко, получивъ извѣстіе о происшествіи въ Буйнакахъ, наскоро собралъ сотню конныхъ нукеровъ и бросился съ ними въ погоню за непріятелемъ, но догнать партіи не могъ. А между тѣмъ, Хаджи-Муратъ пробрался по Терекемейскому участку въ Каракайтахъ. Съ разсвѣтомъ 3-го числа полковникъ Джамовъ-Бекъ нагналъ мюридовъ въ Каракайтахскомъ лѣсу, называемомъ Уллу-Меше и намѣревался атаковать ихъ. Но кайтахскіе и каракайтахскіе жители явно измѣнили, отказавшись драться съ мюридами. Не рискуя атаковать Хаджи-Мурата, имѣя въ своемъ распоряженіи только незначительное число нукеровъ, Джамовъ-Бекъ отступилъ, а непріятель безпрепятственно перешелъ изъ Кайтаха въ вольную Табасарань. Быстрота, съ которою Хаджи-Муратъ совершилъ набѣгъ, была просто невѣроятна: онъ промчался подобно вихрю и въ теченіи 30 часовъ сдѣлалъ не менѣе 150 верстъ, причемъ еще останавливался для грабежа въ Буйнакѣ. Вечеромъ, 5-го іюля, князь Аргутинскій получилъ донесеніе о вторженіи Хаджи-Мурата въ Кара-Кайтахъ и объ отступленіи его въ вольную Табасарань, при чемъ управляющій Каракайтахомъ полковникъ Джамовъ-Бекъ донесъ что каракайтахцы и табасаранцы открыто пристаютъ къ хищнической партіи.

Чтобы положить конецъ возстанію, князь Аргутинскій несмотря на близость скопища Шамиля, перешедшаго въ ночь на 8-е іюля изъ Ругджи и Чоха въ Согратль и Бухты, рѣшился выступить съ отрядомъ черезъ Чирахъ въ Табасарань и Кайтахъ.

Передъ выступленіемъ командующій войсками сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) около Турчидага на Гамашинскихъ высотахъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника Кишинскаго, оставлены для охраненія Вицхинскаго магала и Цудахарскаго общества 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ, двѣ сотни Донскаго казачьяго № 14 полка, два горныхъ единорога № 2 батареи 20-й артиллерійской бригады и половина конно-ракетной команды;
2) около Кумуха расположены были 2 баталіона при двухъ горныхъ единорогахъ;

3) для обезпеченія Даргинскаго округа, на Кутишинскихъ высотахъ оставлены 2 баліона, 2 горныхъ единорога, сотня Дагестанскихъ всадниковъ и сотня аварской конной милиціи;

4) въ Оглахъ, для охраненія верхнихъ ауловъ Мехтулинскаго ханства, находилось двѣ роты и дивизіонъ драгунъ.

Общее начальство надъ означенными войсками было ввѣрено командиру 20-й артиллерійской бригады генералъ-маіору Грамотину. Съ остальною частью Дагестанскаго отряда князь Аргутинскій выступилъ 7-го іюля изъ лагеря на Турчидагѣ въ Табасарань.

Гамашинскія высоты, на которыхъ остались Апшеронскіе баталіоны, окружены съ востока рѣкою Казикумухскимъ Койсу; подымаясь все время террасами и отдѣльными возвышенностями, онѣ на западѣ примыкаютъ къ самой высокой части Турчидага, отдѣляясь отъ послѣдняго глубокимъ оврагомъ. Съ южной стороны Гамашинскія высоты оканчиваются крутымъ и глубокимъ оврагомъ, отдѣляющимъ Турчидагъ отъ Цуара. Здѣсь высоты образуютъ родъ возвышенныхъ отроговъ, составляющихъ продолженіе южнаго края Турчидага. Наконецъ, къ сѣверной сторонѣ — высоты, постепенно понижаясь, теряются въ мелкихъ возвышенностяхъ и оврагахъ. На всей описанной мѣстности, изрытой оврагами и лощинами, частью покрытой каменистыми холмами, не росло ни одного дерева, ни одного куста.

По уходѣ князя Аргутинскаго въ Табасарань, Шамиль не оставался въ бездѣйствіи, и разсчитывая на многочисленность своего скопища, намѣренъ былъ совершенно уничтожить Гамашинскій отрядъ. 11-го іюля значительныя скопища горцевъ показались на урочищѣ Цуарѣ, вслѣдствіе чего генералъ-маіоръ Грамотинъ отправился на Турчидагъ съ 4-мъ баталіономъ Апшеронцевъ; впрочемъ, на этотъ разъ всѣ дѣйствія горцевъ ограничились только передвиженіями на Цуарѣ, поэтому генералъ Грамотинъ, простоявъ на Турчидагѣ цѣлый день, съ наступленіемъ ночи вернулся на свою позицію, а горцы скрылись за Цуаромъ. Нужно полагать, что появленіе непріятеля на Цуарѣ было лишь одною рекогносцировкою, съ цѣлью опредѣлить силы оставленнаго на Гамашинскихъ высотахъ отряда. Когда Шамиль убѣдился, что численность отряда не велика, то рѣшился атаковать его. Въ пять часовъ вечера, на оконечности Турчидага и на южной возвышенности Гамашинскихъ высотъ начали показываться сначала непріятельскіе пикеты, а вслѣдъ за ними огромныя толпы горцевъ, изъ коихъ часть спускалась на первые уступы; съ ними прибыли два орудія. При первомъ появленіи непріятеля на окрестныхъ горахъ, генералъ Грамотинъ оставилъ для охраненія лагеря три роты и двѣ сотни казаковъ, а съ 5-ю ротами и 2-мя горными орудіями выдвинулся впередъ и расположился противъ непріятельскаго скопища на удобныхъ террасахъ, мелкихъ возвышенностяхъ и курганахъ. Непріятель открылъ огонь изъ орудій и ружей, но безъ всякаго успѣха. Апшеронскія роты почти не отвѣчали на огонь горцевъ или открывали стрѣльбу только въ томъ случаѣ, когда она могла нанести вредъ непріятелю. Съ наступленіемъ темноты съ нашей стороны не послѣдовало ни одного выстрѣла; между тѣмъ какъ горцы продолжали безполезную перестрѣлку, все время гикали, близко подходили къ ротамъ и показывали видъ, что хотятъ броситься въ шашки. Но Апшеронцы какъ бы замерли: оставаясь на указанныхъ мѣстахъ, не отвѣчая на выстрѣлы и гиканье непріятеля, они хранили полнѣйшую тишину, что производило на горцевъ весьма тяжелое, близкое къ страху, впечатлѣніе. Въ 11 часовъ ночи перестрѣлка затихла; роты оставались на занятыхъ мѣстахъ всю ночь, потерявъ 12-го іюля всего только одного убитаго и 2-хъ раненыхъ. Не желая начинать дѣло вечеромъ, когда до темноты оставалось не болѣе двухъ часовъ и пришлось бы кончить бой въ темную

ночь, генералъ Грамотинъ рѣшилъ дождаться утра, тѣмъ болѣе, что считалъ необходимымъ усилить свой отрядъ однимъ баталіономъ изъ Кумуха; по его требованію баталіонъ Самурскаго полка прибылъ на позицію въ 4 часа утра 13-го іюля. Когда разсвѣло, то оказалось, что горцы, спустившіеся вечеромъ на первый уступъ южной оконечности Гамашинскихъ высотъ, ночью не только совершенно поднялись, но даже поддались значительно назадъ, ближе къ Турчидагу; тѣ же, которые сошли на первый уступъ съ Турчидага, частью остались на немъ, частью спустились еще ниже въ оврагъ, отдѣляющій передній уступъ Турчидага отъ Гамашинскихъ высотъ. Понимая, какое важное значеніе въ предстоявшемъ сраженіи могли имѣть для насъ гребни южной отрасли Гамашинскихъ высотъ, Грамотинъ послалъ туда подполковника Кендзержинскаго съ тремя ротами 4-го баталіона Апшеронцевъ, двумя сотнями казаковъ и 4 ракетными станками [7]).

Въ совершенной тишинѣ, оврагами и лощинами пробирались Апшеронцы къ позиціи непріятеля; не будучи замѣчены, они безъ выстрѣла шли по самому гребню. Въ тоже время маіоръ Васильевъ съ двумя ротами 3-го баталіона двинулся на лѣвый флангъ непріятельской позиціи. Движеніе ротъ 4-го баталіона Апшеронцевъ послужило началомъ славнаго дѣла 13-го іюля. Кромѣ неблагопріятной мѣстности, Апшеронцы имѣли впереди многочисленнаго непріятеля, который впродолженіи ночи успѣлъ окружить себя нѣсколькими ярусами высокихъ заваловъ; Когда Кендзержинскій подошелъ сажень на сто къ заваламъ, то сдѣлалъ два залпа изъ ракетъ, на которые горцы не отвѣчали ни единымъ выстрѣломъ. Одновременно на тотъ-же гребень выходилъ полковникъ Ракуса съ двумя ротами Самурскаго полка и двумя единорогами. Поднявшись на гребень, орудія открыли по заваламъ огонь, а генералъ-маіоръ Грамотинъ повелъ 3 роты Апшеронцевъ въ атаку на завалы. Подпустивъ шедшую колонну на полуружейный выстрѣлъ, горцы сдѣлали залпъ, но всѣ пули пролетѣли надъ головами солдатъ, ибо непріятель, скрываясь за завалами, выстрѣлилъ вверхъ. Въ одно мгновеніе Апшеронцы очутились въ завалахъ, гдѣ и начался рукопашный бой. «Дивное дѣло было, пишетъ въ своемъ донесеніи генералъ Грамотинъ; мнѣ казалось воскресли чудо-богатыри Суворова, чтобы такъ дружно и смѣло съ хладнокровіемъ, свойственнымъ только русскому солдату, идти на вѣрную побѣду съ далеко не равными силами». Завалъ за заваломъ падалъ подъ дружнымъ натискомъ солдатъ. На самой большой возвышенности, гдѣ непріятель, сбитый съ отдѣльныхъ пунктовъ, соединился въ огромную толпу, суждено было 4-му баталіону проявить во всемъ блескѣ мужество и беззавѣтную удаль Апшеронцевъ. Шамиль, наблюдавшій за ходомъ боя издали, поспѣшилъ прибыть къ скопищу, чтобы вдохнуть въ горцевъ покинувшее ихъ мужество. Видя, что атакующихъ очень мало, онъ разсчитывалъ на полный успѣхъ. Обыкновенно непріятель встрѣчалъ наши войска выстрѣлами; теперь-же не раздавалось ни одного: повидимому, мюриды готовились встрѣтить роты на самомъ близкомъ разстояніи залпомъ и затѣмъ броситься въ шашки. Если-бы непріятель сохранилъ до конца такое спокойствіе, то результаты залпа, на самомъ близкомъ разстояніи, были-бы весьма плачевны для Апшеронцевъ. Но хладнокровіе покинуло горцевъ въ самую послѣднюю минуту: они не выдержали и безпорядочный залпъ раздался надъ головами шедшихъ въ атаку ротъ. Тогда въ толпу ворвались Апшеронцы и началась отчаянная свалка. Шамиль бѣжалъ первый, а его примѣру послѣдовала большая часть мюридовъ; другая часть вступила въ рукопашный бой, дорого продавая свою жизнь. Сраженіе происходило не далеко отъ страшныхъ Цуарскихъ кручъ, и въ нихъ находили себѣ смерть горцы, не добитые штыками. Въ то время, когда у Апшеронцевъ происходило дѣло

7) При этой колоннѣ находился и генералъ Грамотинъ.

съ главными массами Шамиля, съ праваго фланга расположенія отряда пошли на завалы двѣ роты Самурскаго полка, но встрѣченныя сильнымъ огнемъ горцевъ, остановились. Тогда полковникъ Кишинскій направилъ въ помощь имъ еще одну роту, послѣ чего непріятель былъ оттѣсненъ. Разбитыя и опрокинутыя на правомъ флангѣ Апшеронцами, толпы мюридовъ бросились къ своему лѣвому флангу и центру. До сего времени сраженіе здѣсь ограничивалось перестрѣлкою двухъ ротъ 3-го баталіона Апшеронцевъ съ засѣвшими за завалы горцами, какъ вдругъ новыя толпы мюридовъ нахлынули къ этимъ пунктамъ. Бой возобновился съ новой силой. 7-я и 8-я мушкетерскія роты, подкрѣпленныя 3-й гренадерской и 9-й мушкетерской, пошли въ штыки. Каждый чувствовалъ, что наступила рѣшительная минута. Истомленные безсонной ночью, Апшеронцы употребили почти нечеловѣческія усилія и опрокинули врага. Въ особенности отличалась 7-я мушкетерская рота, подъ командой капитана Хохлова 1-го: «мушкетеры дрались на славу и будучи впереди всѣхъ, первые опрокинули толпы горцевъ, заставивъ ихъ бѣжать на Турчидагъ по тѣмъ самымъ тропинкамъ, по которымъ баталіонъ взбирался 21-го іюня» [8].

Толпы непріятеля, покрывавшія склонъ Турчидага отъ подножія до высоты, представляли собою сплошную стѣну въ которую баталіонъ посылалъ смерть, какъ въ огромную живую мишень; вся гора была усѣяна трупами убитыхъ, отовсюду раздавались стоны раненыхъ и предсмертное хрипѣніе умиравшихъ мюридовъ. Непріятель потерпѣлъ полное пораженіе. Въ 10 часовъ утра войска возвратились въ лагерь. Вся потеря наша въ этомъ блистательномъ дѣлѣ заключалась въ 5 убитыхъ нижнихъ чинахъ; ранено 2 оберъ-офицера и 32 нижнихъ чина, контужены 1 оберъ-офицеръ и 15 нижнихъ чиновъ. *У Апшеронцевъ убито 5 нижнихъ чиновъ; ранены: прапорщики Коротинъ и Свирщевскій и контужены: капитанъ Кирклевскій и 7 нижнихъ чиновъ.*

Огромное скопище, собранное Шамилемъ для нападенія на Гамашинскій отрядъ (около 8.000 человѣкъ при 19-ти наибахъ), подъ личнымъ его начальствомъ, смѣлость, съ которою имамъ спустилъ часть скопища съ Турчидага—доказывали съ какою увѣренностью на успѣхъ вступалъ онъ въ дѣло.

По сообщеніямъ лазутчиковъ и плѣнныхъ, Шамиль предполагалъ, по уничтоженіи Гамашинскаго отряда, проникнуть въ Даргинскій округъ и Кайтахъ, чтобы внести туда разореніе и смуту.

Донося князю Воронцову о боѣ на Гамашинскихъ высотахъ, князь Аргутинскій пишетъ: «Считаю своею обязанностью свидѣтельствовать о прекрасныхъ военныхъ способностяхъ полковника Кишинскаго. Будучи хладнокровнымъ, осмотрительнымъ и лично отважнымъ, онъ въ дѣлѣ 13-го іюля направлялъ ввѣренную ему часть противъ непріятеля съ полнымъ и вѣрнымъ успѣхомъ. Особенной похвалы заслуживаетъ также командиръ 4-го баталіона подполковникъ Кендзержинскій» [9]. Одновременно съ появленіемъ Даніель-Бека около Ницаукра и Шамиля на Турчидагѣ, особая партія горцевъ показалась передъ вечеромъ, 12-го числа, на ближайшихъ высотахъ около небольшаго казикумухскаго аула Чукна. Послѣ первыхъ выстрѣловъ, произведенныхъ Шамилемъ по Гамашинскому лагерю, мюриды бросились на аулъ Чукна, захватили пастуха, нѣсколько лошадей, коровъ и 50 барановъ. Жители открыли по нимъ огонь и перестрѣлка продолжалась до самаго вечера, причемъ мюриды успѣли занять двѣ ближайшія сакли аула. Съ разсвѣтомъ, 13-го іюля, партія возобновила нападенія и не смотря на упорную защиту жителей, заняла еще нѣсколько переднихъ сакель. Не надѣясь устоять противъ многочисленной партіи, жители Чукны прислали

[8] Дѣло № 191. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[9] Дѣло № 4. Донесеніе № 180. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

нѣсколько человѣкъ къ генералу Грамотину съ просьбою о помощи. Генералъ немедленно направилъ къ нимъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ. Не успѣлъ баталіонъ пройти и половины пути, какъ получено было извѣстіе объ отступленіи партіи, вслѣдствіе чего онъ вернулся въ лагерь.

Проклиная казикумухцевъ за постоянныя неудачи свои въ ихъ странѣ, Шамиль отступилъ къ Чоху, чтобы выждать здѣсь результатовъ набѣга Хаджи-Мурата въ Табасарань и Кайтахъ. Поддерживаемый возставшими жителями, Хаджи-Муратъ уклонялся отъ встрѣчъ съ русскими войсками. Наконецъ, 22-го іюля, около аула Вечрика, князь Аргутинскій-Долгорукій настигъ партію, усиленную жителями, и нанесъ ей полное пораженіе. Табасаранцы изъявили покорность, а Хаджи-Муратъ, въ ночь на 23-е іюля, бѣжалъ въ верхнюю Табасарань, и на слѣдующую ночь вышелъ изъ этой области, перевалившись черезъ гору Джуфу-Дагъ. Всѣ попытки догнать его не имѣли успѣха: высланную милицію Хаджи-Муратъ два раза опрокидывалъ, да и пѣхота не могла задержать стремительнаго отступленія мюридовъ. Утромъ, 25-го іюля, Хаджи-Муратъ уже находился въ Аваріи, будучи самъ раненъ и потерявъ при набѣгѣ половину людей изъ своей партіи. 30-го іюля, послѣ возстановленія спокойствія и порядка въ Табасарани и Кайтахѣ, князь Аргутинскій возвратился на Гамашинскія высоты. Находя, что дальнѣйшее пребываніе здѣсь всего отряда не можетъ принести существенной пользы, командующій войсками оставилъ на высотахъ 4 баталіона, два единорога, пѣшую ракетную команду, двѣ сотни донскихъ казаковъ и сотню милиціи, а остальныя войска, въ томъ числѣ 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ, 5-го августа выступили изъ лагеря и направились на Кутишинскія высоты, какъ центральный пунктъ передовой линіи. Въ такомъ положеніи войска оставались до 25-го августа. Необыкновенная засуха и полное отсутствіе подножнаго корма заставили распустить Кутишинскій наблюдательный отрядъ; въ аулѣ Кутишахъ оставленъ баталіонъ съ двумя горными единорогами, а 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка, дивизіонъ драгунъ Нижегородскаго полка, 4 горныхъ единорога, конно-ракетная команда и 2 сотни Дагестанскихъ всадниковъ поставлены были по квартирамъ въ Большихъ Казанищахъ.

Неудачи, понесенныя Шамилемъ въ Табасарани и на Гамашинскихъ высотахъ и большія потери скопища возбудили ропотъ и неудовольствіе въ народѣ. Но имамъ, питая втайнѣ неудовольствіе на Хаджи-Мурата и видя въ немъ опаснаго для себя соперника, придрался къ случаю и за неудачный набѣгъ въ Табасарань смѣнилъ Хаджи-Мурата съ наибства въ Аваріи, и назначилъ наибомъ Фетъ-Али. Желая поправить свои дѣла, Шамиль рѣшился предпринять новый набѣгъ въ Кайтаго-Табасарань. Въ половинѣ августа онъ собралъ своихъ наибовъ и предложилъ имъ вторгнуться въ Табасарань и Кайтахъ. На этотъ разъ предложеніе имама не встрѣтило сочувствія и наибы самымъ рѣшительнымъ образомъ отказались отъ дальнѣйшихъ набѣговъ въ покорныя намъ общества.

Съ каждымъ днемъ неудовольствія между Хаджи-Муратомъ и Шамилемъ увеличивались; главнымъ яблокомъ раздора послужила богатая добыча, награбленная во время набѣга въ Кайтахъ и Табасарань. Угрозы Шамиля и требованія отдать все въ казну не имѣли успѣха и тогда Шамиль со скопищемъ осадилъ аулъ Батлагичъ, гдѣ заперся Хаджи-Муратъ съ вѣрными ему аварцами. Однако, нападеніе Шамиля не имѣло успѣха; тогда имамъ, склонившись на просьбы всѣхъ наибовъ, примирился съ Хаджи-Муратомъ. Тѣмъ не менѣе согласіе между двумя главными вождями было нарушено, а Хаджи-Муратъ прекрасно понималъ, что дальнѣйшее пребываніе въ горахъ угрожаетъ ему опасностью, поэтому рѣшился бѣжать къ Русскимъ; по этому поводу онъ вступилъ въ тайные переговоры съ княземъ Аргутинскимъ, результатомъ коихъ явилось бѣгство Хаджи-Мурата въ наши предѣлы.

19-го сентября Апшеронскіе баталіоны возвратились изъ Большихъ Казанищъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и весь полкъ расположился слѣдующимъ образомъ: 1-й баталіонъ — въ Большомъ Дженгутаѣ, 2-й — въ Агачъ-Калѣ, 3-й, 4-й и 5-й — въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, а 15-я мушкетерская рота — на Озеньскомъ посту.

Шамиль отступилъ къ Чоху, а оттуда отправился въ Чечню. Непріязнь и открытая вражда его съ Хаджи-Муратомъ, который пользовался среди горцевъ не малымъ почетомъ и вліяніемъ, сильно повредили имаму, создавъ ему много новыхъ враговъ. Фанатизмъ горцевъ мало по малу охладѣвалъ, и желаніе борьбы съ русскими уменьшалось. Но страхъ передъ грознымъ владыкой Чечни и Дагестана былъ еще на столько великъ, что никто изъ нихъ не рѣшался открыто возстать противъ его деспотизма, никто не смѣлъ изъявить покорность Русскому Правительству.

Слѣдующій 1852-й годъ бѣденъ событіями въ Дагестанѣ; единственное выдающееся происшествіе—это штурмъ кайтахскаго аула Шеляги, но объ немъ мы упомянемъ вкратцѣ, такъ какъ Апшеронцамъ не пришлось принять участія въ этомъ дѣлѣ. Неудачный набѣгъ Хаджи-Мурата въ Кайтахъ и Табасарань, какъ мы уже знаемъ, повлекъ къ полному разрыву между нимъ и Шамилемъ. Въ концѣ прошлаго года имамъ собралъ совѣтъ изъ наибовъ, на которомъ опять предложилъ вторгнуться въ названныя области; но это предложеніе не встрѣтило сочувствія, и наибы представили весьма убѣдительные доводы безполезности подобнаго предпріятія. Принужденный покориться общему рѣшенію, Шамиль все-таки не отказался отъ мысли поднять знамя возмущенія въ Кайтахѣ и Табасарани и уже въ началѣ января наступившаго года нашелъ способъ осуществить свою мысль. 31-го декабря князь Аргутинскій получилъ извѣстіе, что въ Кайтахъ пришла партія горцевъ; впрочемъ, это были не мюриды, а бѣглецы изъ разныхъ покорныхъ намъ селеній, предводимые Букъ-Магометомъ — тоже бѣглымъ жителемъ Кумуха. Пройдя мимо аула Меджалиса, партія заняла аулъ Шеляги и, соединившись здѣсь съ жителями, приготовлялась къ оборонѣ. Для истребленія мятежнической партіи составленъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Суслова [10]. 18-го числа произошелъ штурмъ Шеляги, аулъ былъ взятъ, но за то взятіе его стоило намъ 3-хъ оберъ-офицеровъ и 142-хъ нижнихъ чиновъ убитыми; ранено: 2 штабъ-офицера, 13 оберъ-офицеровъ и 362 нижнихъ чина; контужено: 1 штабъ-офицеръ, 6 офицеровъ и 57 нижнихъ чиновъ. Весь аулъ взять было нельзя, ибо узкія улицы и сильная оборона сакель могла повлечь къ еще большей потерѣ, поэтому генералъ Сусловъ приказалъ поджечь аулъ со всѣхъ сторонъ, такъ что многіе горцы живьемъ сгорѣли въ сакляхъ. Самъ Букъ-Магометъ, раненый три раза, просилъ пощады и взятъ былъ въ плѣнъ. Послѣдующія событія не идутъ дальше не важныхъ передвиженій частей Дагестанскаго отряда, сообразно съ появленіемъ въ томъ или другомъ мѣстѣ непріятельскихъ партій. Съ одной изъ такихъ партій, человѣкъ въ 250, пришлось имѣть дѣло Апшеронцамъ. Утромъ 27-го февраля, на высотахъ около Агачъ-Калы показалась конная партія горцевъ, имѣвшая цѣлью нападеніе на жителей или на транспортъ, отправляемый за лѣсными матеріалами. Маіоръ Васильевъ, занимавшій со вторымъ баталіономъ Агачъ-Калу, выступилъ съ 2-мя ротами на встрѣчу партіи; приблизившись къ непріятелю, роты открыли огонь и стали подвигаться впередъ съ намѣреніемъ броситься въ штыки; но, очевидно, горцы не желали помѣряться силами въ рукопашной схваткѣ и обратились въ бѣгство. Перестрѣлка съ партіей обошлась для Апшеронцевъ безъ потерь, а горцы потеряли 6 человѣкъ ранеными. Непріятель предпринималъ набѣги съ разныхъ сторонъ; въ маѣ мѣсяцѣ они были исклю-

[10]) Отрядъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ Ширванскаго и баталіона Самурскаго полковъ.

чительно направлены на правый флангъ Лезгинской кордонной линіи и на горный магалъ Джаро-Белоканскаго округа. Въ концѣ того же мѣсяца получено было извѣстіе о значительныхъ сборахъ горцевъ, но цѣль сборовъ оставалась тайной. Хотя подножный кормъ на передовой линіи явился въ этомъ году чрезвычайно поздно, такъ что даже въ началѣ іюня травы почти не было, тѣмъ не менѣе извѣстіе о сборахъ непріятеля заставляло принять всѣ надлежащія мѣры для охраненія Дагестана, поэтому на передовую линію выдвинуты были наши боевые резервы. 3-го іюня выступили изъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры 5 баталіоновъ (въ томъ числѣ 1-й и 2-й Апшеронскіе), команда Кавказскаго сапернаго баталіона, рота стрѣлковъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка съ конною ракетною командою, 4 горныхъ единорога и двѣ мортиры; отрядъ этотъ 5-го іюня расположился лагеремъ на Кутишинскихъ высотахъ. При всѣхъ баталіонахъ состояли штуцерныя команды, вооруженныя Литихскими штуцерами [11].

Войска Дагестанскаго отряда производили рекогносцировки, съ цѣлью освѣщенія мѣстности и открытія непріятельскихъ партій. Отрядъ простоялъ на Кутишинскихъ высотахъ до конца іюля. Между тѣмъ, Шамиль, пользуясь отсутствіемъ войскъ на Шамхальской плоскости, послалъ туда значительную партію. Вечеромъ, 21-го іюля, управлявшій Мехтулинскимъ ханствомъ, маіоръ Лазаревъ, получилъ свѣдѣніе о томъ, что въ аулѣ Араканахъ собралась большая партія, съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы. Извѣстивъ объ этомъ жителей, для принятія ими мѣръ предосторожности, Лазаревъ приказалъ до времени не выгонять скота на пастбища и не выходить на полевыя работы. Въ 8 часовъ утра, 27-го іюля, многочисленное конное скопище горцевъ, при 9-ти значкахъ, вторгнулось со стороны Араканъ и приблизилось къ ауламъ Большому и Малому Дженгутаю. При первомъ появленіи непріятеля, маіоръ Лазаревъ собралъ всѣхъ вооруженныхъ жителей названныхъ ауловъ, сотню конно-иррегулярнаго полка, 10 Донскихъ казаковъ и находившихся случайно въ Большихъ Казанищахъ 25 человѣкъ Апшеронцевъ, въ вѣдѣніи унтеръ-офицера Корнѣя Чурилова. Съ собранными на скорую руку незначительными силами маіоръ Лазаревъ вышелъ на встрѣчу горцамъ. Завязалась жаркая перестрѣлка, въ продолженіи которой непріятель три раза атаковалъ мехтулинцевъ,... «но мехтулинцы, поддерживаемые Апшеронцами, которые прекрасно отражали штыками и ружейнымъ огнемъ атаки непріятеля, выстраивались вновь за этой командой, служившей имъ надежной опорой» [12]. Наконецъ, общими дружными усиліями удалось опрокинуть скопище, которое стало отступать къ урочищу Аркасу. То же скопище при отступленіи наткнулось на баталіонъ Дагестанскаго полка и понесло значительный уронъ. Съ нашей стороны потеря пала исключительно на жителей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что скопище горцевъ доходило до 10 тысячъ человѣкъ и предводительствовали имъ наибы: араканскій, гимринскій, харакинскій, гумбетовскій, андійскій, каратинскій, аварскій и другіе. Цѣль нападенія заключалась въ ограбленіи аула Дженгутая и переселеніи жителей въ горы. Въ то время, какъ происходило вышеописанное дѣло, временно-командующій войсками Сѣвернаго Дагестана, генералъ-маіоръ князь Орбеліани, узналъ, что около развалинъ Салтовъ собирается многочисленное скопище горцевъ. Желая провѣрить на мѣстѣ, на сколько это извѣстіе вѣрно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осмотрѣть окрестности Салтовъ, князь Орбеліани утромъ, 30-го іюля, снялся съ позиціи на Кутишинскихъ высотахъ; отрядъ состоялъ изъ 1-го и

[11]) Объ образованіи этихъ командъ состоялся приказъ главнокомандующаго еще въ ноябрѣ 1850 года; въ апрѣлѣ слѣдующаго года команды сформировались въ двухъ пунктахъ: въ Ишкартахъ, гдѣ обучались и Апшеронцы, и въ Кусарахъ. Срокъ обученія полагался шестимѣсячный—съ 1-го ноября по 1-е мая; каждый баталіонъ отправлялъ отъ себя 24 человѣка, такъ что всего въ полку состояло вооруженныхъ штуцерами 120 человѣкъ. Эти команды повсюду слѣдовали за своими баталіонами.

[12]) Дѣло № 131. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

2-го баталіоновъ Апшеронскаго полка, роты стрѣлковъ, дивизіона драгунъ, 2-хъ сотенъ конно-иррегулярнаго полка, 4-хъ орудій и двухъ конно-ракетныхъ командъ. Прибывъ вечеромъ 31-го числа на высоту Турчидагъ, князь Орбеліани присоединилъ къ отряду изъ расположенныхъ здѣсь войскъ еще два баталіона и въ тотъ же вечеръ продолжалъ слѣдованіе къ Салтамъ. Утромъ, 1-го августа, отрядъ прибылъ къ разоренному аулу Кудали, гдѣ сталъ лагеремъ. Лазутчики донесли, что около Салтинскаго моста собралось огромное скопище горцевъ, но вечеромъ 31-го іюля оно скрылось. На другой день вся кавалерія спустилась къ Салтамъ. Оказалось, что горцы совершенно не занимали эти мѣста: всюду царила мертвая тишина, развалины аула поросли бурьяномъ и травой и почти до рѣки Казикумухскаго-Койсу не было ни малѣйшихъ признаковъ не только жилья, но даже и временнаго пребыванія людей. 3-го августа войска двинулись обратно на Турчидагъ, гдѣ и расположились лагеремъ. Впродолженіи августа и даже въ началѣ сентября погода на Турчидагѣ стояла весьма благопріятная, такъ что Дагестанскій отрядъ безъ затрудненія могъ продлить тамъ свою стоянку до 7-го сентября. Дальнѣйшее пребываніе нашихъ войскъ на высотахъ могло подвергнуть ихъ большимъ невзгодамъ, вслѣдствіе наступавшаго холоднаго времени года, которое въ горахъ бываетъ чрезвычайно рѣзко. Поэтому князь Орбеліани, для охраненія Казикумухскаго ханства, оставилъ на Гамашинскихъ высотахъ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, баталіонъ Самурскаго полка, взводъ горной № 2 батареи 20-й артиллерійской бригады, 2 сотни казаковъ и 2 сотни милиціи, а съ остальными войсками выступилъ 7-го сентября въ Даргинскій округъ — къ Дюзъ-Майдану, откуда 13-го числа перешелъ въ Мехтулинское ханство. Наступившее ненастье и холода заставили распустить войска, расположенныя на передовой линіи, на зимнія квартиры, причемъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка расположенъ былъ: 1-й полубаталіонъ съ двумя горными единорогами въ аулѣ Кумалю, а 2-й полубаталіонъ въ аулѣ Цудахарѣ. Откладывая до времени вторженія въ наши предѣлы, горцы въ октябрѣ обрушились на Мехтулинскія и Шамхальскія владѣнія съ нѣсколькихъ сторонъ; численность партій доходила до 500 человѣкъ, и цѣль нападеній преимущественно заключалась въ грабежѣ и уводѣ жителей въ плѣнъ. Но времена перемѣнились: теперь уже непріятель не встрѣчалъ никакого сочувствія въ жителяхъ, смотрѣвшихъ на мюридовъ какъ на грабителей и враговъ своихъ, и они вмѣстѣ съ нашими войсками дрались противъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Ни одна изъ партій не возвратилась благополучно въ горы,—каждая изъ нихъ теряла большое число убитыми, ранеными и плѣнными, не достигнувъ своей цѣли, т. е. грабежа. Съ одной изъ такихъ партій, въ 500 человѣкъ, напавшей въ ночь съ 19-го на 20-е октября на Большіе Казанища пришлось имѣть дѣло 4-му баталіону Апшеронцевъ. Горцы, подъ предводительствомъ Аракансkаго наиба Ибрагима, спустились съ Аркаса и засѣли въ оврагахъ, лежащихъ влѣво отъ дороги изъ Большихъ Казанищъ въ Малыя. На разсвѣтѣ партія раздѣлилась на двѣ части и бросилась на скотъ обоихъ ауловъ. Захвативъ часть скота, горцы стали отступать по направленію къ Ирганаю, гдѣ находился ихъ пѣхотный резервъ въ 200 человѣкъ. По тревогѣ собрались жители и вышелъ 4-й баталіонъ, расположенный въ Большихъ Казанищахъ. Апшеронцы вмѣстѣ съ жителями бросились преслѣдовать партію; преслѣдованіе велось на столько энергично, что хищники должны были нѣсколько разъ останавливаться и бросаться въ шашки. Но атаки мюридовъ не имѣли успѣха: ихъ опрокидывали штыками и въ концѣ концовъ весь скотъ до единой штуки былъ отбитъ. Однако Апшеронцы этимъ не ограничились и захотѣли отбить у непріятеля охоту къ грабежу, нанеся ему чувствительный уронъ. Жители, обозленные потерей нѣсколькихъ человѣкъ и поддерживаемые баталіономъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовали мюридовъ и вмѣстѣ съ солдатами смѣло бро-

сались въ кинжалы. Преслѣдованіе продолжалось два часа и непріятель потерялъ около 30 человѣкъ убитыми, 4 человѣка плѣнныхъ, 32 лошади, 21 ружье и много другаго оружія. Потеря съ нашей стороны пала исключительно на жителей, а Апшеронскій баталіонъ имѣлъ всего только 2-хъ контуженныхъ нижнихъ чиновъ. До конца года Апшеронцамъ пришлось еще принять участіе въ походѣ въ Салатавію. Командующій войсками Прикаспійскаго края неоднократно получалъ извѣстія о томъ, что горцы, желая преградить входъ къ нимъ изъ укрѣпленія Евгеніевска, строятъ въ Салатавіи завалы и возводятъ различнаго рода оборонительныя постройки.

Въ теченіи 1852 года Салатавія была однимъ изъ главныхъ мѣстъ для сборовъ партій и тамъ-же непріятель учредилъ склады фуража и провіанта, въ виду чего, командующій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ рѣшилъ предпринять экспедицію, съ цѣлью уничтожить собранные горцами запасы продовольствія и разрушить укрѣпленія. 17-го ноября у Евгеніевскаго укрѣпленія сосредоточился отрядъ изъ 11-ти ротъ пѣхоты (2 роты 1-го баталіона Апшеронскаго полка, возвратившагося изъ Казикумуха въ началѣ ноября и 9 ротъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка), 4-хъ эскадроновъ Нижегородскаго драгунскаго и 5-ти сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ и 4-хъ горныхъ единороговъ. Отрядомъ командовалъ генералъ-маіоръ Волковъ. Вечеромъ того-же числа войска переправились черезъ р. Сулакъ и пошли къ Теренгульскому оврагу. Поднявшись на узкій гребень, ведущій на гору Дюзъ-Тау, отрядъ встрѣтилъ непріятельскіе завалы, перерѣзывавшіе гребень и упиравшіеся въ Теренгульскій оврагъ и въ ущелье Соакъ-Тау. У Теренгульскаго оврага завалы дѣлали поворотъ вверхъ по правому берегу того-же оврага, огибали верховья его и потомъ тянулись по лѣвому берегу внизъ версты на четыре. Всѣ завалы составляли сплошную стѣну, сложенную изъ камня и дерна, вышиною до 2-хъ саженъ, а шириною въ основаніи до 5-ти аршинъ; на всемъ протяженіи стѣны не было ни одного прохода, ни одной бойницы, такъ что разработка прохода задержала отрядъ на Дюзъ-Тау три часа. Тѣмъ не менѣе, съ разсвѣтомъ, войска успѣли подойти къ окрестностямъ Стараго Буртуная, гдѣ нашли большіе запасы сѣна и предали ихъ огню. Давъ здѣсь людямъ отдохнуть и обогрѣться, генералъ Волковъ въ то-же утро, 18-го ноября, пришелъ обратно въ Евгеніевское укрѣпленіе. За все время движенія отряда, непріятель нигдѣ не показывался и поискъ произведенъ безъ потерь, что можно объяснить во первыхъ, внезапнымъ появленіемъ нашихъ войскъ, а во вторыхъ тѣмъ, что непріятельскіе сторожевые посты прокараулили отрядъ, уйдя съ своихъ мѣстъ, такъ какъ былъ сильный холодъ и туманъ[13]).

Изъ описанія событій 1852 года, не трудно усмотрѣть, что дѣйствія наши носили характеръ чисто оборонительный, вслѣдствіе чего никакихъ результатовъ мы не достигли. Для непріятеля истекшій годъ также ни чего не принесъ утѣшительнаго; большей частью неудачныя вторженія въ наши предѣлы обходились горцамъ очень дорого, а попытки къ грабежу создавали Шамилю новыхъ враговъ въ лицѣ жителей покорныхъ намъ обществъ Сѣвернаго Дагестана, Шамхальства и Мехтулы.

Въ предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ для войскъ Прикаспійскаго края на 1853 годъ не внесено было ничего новаго; вся дѣятельность Дагестанскаго отряда должна была заключаться:

1) въ охраненіи края отъ непріятельскихъ покушеній и въ наступательныхъ движеніяхъ въ земли непокорныхъ горцевъ, въ случаѣ необходимости предупредить вторженіе ихъ въ наши предѣлы;

---

[13]) Дѣло № 6. Секретное, 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

2) въ продолженіи и окончаніи работъ по устройству штабъ-квартиръ Апшеронскаго и другихъ полковъ, въ разработкѣ дорогъ и довершеніи устройства укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры [14].

Кромѣ линейныхъ баталіоновъ и пятыхъ баталіоновъ полковъ, въ Дагестанѣ находилось 16 баталіоновъ, составлявшихъ подвижную боевую силу этой страны. Но изъ нихъ необходимо было оставить: въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ для содержанія карауловъ, для устройства штабъ-квартиры Апшеронскаго полка, для конвоированія оказій и въ видѣ резерва собственно для охраненія Шамхальства, кромѣ 5-го баталіона Апшеронскаго полка, еще два баталіона; для охраненія другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ оставалось 5 баталіоновъ. Затѣмъ находилось въ составѣ Дагестанскаго отряда 9 баталіоновъ, отъ которыхъ отдѣлялись части для занятія передовой линіи, въ случаѣ удаленія отъ нея главнаго отряда.

Начало 1853-го года прошло для Дагестана относительно спокойно; Шамиль пока ничего не предпринималъ, а постоянные набѣги партій мюридовъ представлялись явленіемъ на столько обычнымъ, что объ нихъ нечего и упоминать. Бездѣйствіе горцевъ объяснялось суровостью зимы и позднимъ наступленіемъ весны, вслѣдствіе чего и Дагестанскій отрядъ собрался на передовой линіи нѣсколько позже обыкновеннаго. Распоряженіе о сборѣ войскъ на Кутишинскихъ высотахъ послѣдовало только 22-го іюня. Туда направлено было 5 баталіоновъ (въ томъ числѣ 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ), рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ драгунъ, 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 4 орудія и двѣ мортиры. При отрядѣ находились конныя и пѣшія ракетныя команды. Присутствіе войскъ на рубежѣ владѣній горцевъ заставляло ихъ принимать всевозможныя мѣры осторожности на случай движенія отряда въ ихъ земли, и въ тоже время Шамиль приказывалъ наибамъ своимъ усиливать набѣги на плоскость, въ окрестности Шуры и другія мѣста, для отвлеченія нашихъ войскъ съ передовыхъ линій. Такъ, напримѣръ, не успѣлъ главный отрядъ уйти изъ Шуры, какъ партіи горцевъ не замедлили появиться къ окрестностяхъ укрѣпленія. Одна изъ такихъ партій, численностью около 300 человѣкъ, въ 6 часовъ пополудни, 2-го іюля, напала на табунъ лошадей Апшеронскаго полка, пасшійся около Агачъ-Калы. Часть горцевъ бросилась на прикрытіе, а другая погнала табунъ въ гору, по направленію къ Гимринскому ущелью. По сдѣланной тревогѣ, воинскій начальникъ Агачъ-Калы, капитанъ князь Багратіонъ, тотчасъ бросился вслѣдъ за непріятелемъ съ тремя взводами Апшеронцевъ и успѣлъ настигнуть мюридовъ у входа въ Гимринское ущелье. Завязалась сильная перестрѣлка; когда-же князь Багратіонъ повелъ солдатъ въ штыки на толпу, гнавшую табунъ, то горцы бросили весь скотъ и лошадей, а сами начали быстро отступать по Каранаевскому спуску къ Гимрамъ. Это дѣло стоило намъ 2-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля была значительна и видно было, какъ горцы тащили своихъ убитыхъ и раненыхъ [15]. Набѣги производились и въ другія мѣста подвластныхъ намъ земель, при чемъ вся задача горцевъ сводилась къ угонамъ скота, т. е. къ грабежамъ.

Отрядъ, стоявшій на Кутишинскихъ высотахъ, оставался тамъ до 28-го іюля. Дальнѣйшее пребываніе въ горахъ всѣхъ войскъ Дагестанскаго отряда сдѣлалось невозможнымъ, ибо недостатокъ подножнаго корма дѣлался весьма ощутительнымъ. Поэтому князь Аргутинскій оставилъ на позиціи у Кутишинскихъ высотъ 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ, 2 орудія и 2 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Волкова, а самъ съ остальными войсками двинулся на Турчидагъ, гдѣ присоединилъ къ себѣ еще 2 баталіона. Въ концѣ того же мѣсяца, именно 27-го числа, партія мю-

[14] Дѣло № 13. Секретное. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[15] Дѣло № 2. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

ридовъ опять спустилась съ Койсубулинскаго хребта въ Агачъ-Калу, съ цѣлью произвести нечаянное нападеніе на одну изъ командъ или отбить скотъ. Около Агачъ-Калы находились покосы Апшеронскаго полка, а для перевозки въ штабъ-квартиру сѣна, былъ посланъ поручикъ Яковлевъ съ 80-ю нижними чинами. Еще прежде выступленія транспорта, начальникъ гарнизона укрѣпленія Агачъ-Калы, маіоръ Долгово-Сабуровъ (командиръ 2-го баталіона), распорядился отправить впередъ для осмотра мѣстности охотниковъ Апшеронцевъ, подъ командою подпоручика Скворцова. Охотники, замѣтивъ въ опушкѣ лѣса значительную непріятельскую партію, вступили съ ней въ перестрѣлку и вслѣдъ затѣмъ подпоручикъ Скворцовъ, не давая горцамъ опомниться, бросился на нихъ въ штыки. Озадаченная такой быстрой и рѣшительной атакой, партія смѣшалась и начала отступать, оставивъ на мѣстѣ 5 человѣкъ, заколотыхъ штыками. Между тѣмъ, по первымъ услышаннымъ выстрѣламъ, изъ Агачъ-Калы, выступилъ на помощь резервъ, что еще болѣе воодушевило молодцовъ охотниковъ: они по пятамъ гнали горцевъ, не давая имъ возможности собраться для удара въ шашки. Преслѣдованіе продолжалось до половины Койсубулинскаго хребта, послѣ чего Скворцовъ далъ сигналъ къ отступленію. Схватка съ партіей стоила охотникамъ только одного раненаго нижняго чина; непріятель на мѣстѣ бросилъ нѣсколько тѣлъ и не мало унесъ съ собою убитыхъ и раненыхъ. Мѣстность была совершенно очищена отъ мюридовъ и транспортъ безпрепятственно прошелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Раздѣленный на двѣ части, Дагестанскій отрядъ стоялъ на Кутишинскихъ высотахъ и на Турчидагѣ почти весь августъ. Еще съ начала этого мѣсяца стали носиться упорные слухи о большихъ сборахъ горцевъ, начальство надъ которыми принялъ самъ Шамиль; но пока цѣль сборовъ была тайной. Послѣ 23-го августа лазутчики приносили извѣстія, что Шамиль имѣетъ намѣреніе вторгнуться въ Джаро-Белоканскій округъ. Однако получаемыя извѣстія были на столько не точны и подчасъ противорѣчили другъ другу, что каждое движеніе отряда, сообразно получаемымъ свѣдѣніямъ, въ ту или другую сторону, было бы весьма рисковано. Наконецъ, 27-го августа все разъяснилось самымъ положительнымъ образомъ. Хидатлинскій житель Гаджіовъ-Ункулау-оглы—пятисотенный начальникъ у горцевъ, обиженный за что-то Шамилемъ, выбѣжалъ изъ его скопища 24-го августа, какъ разъ въ то время, когда горцы начали уже спускаться съ главнаго Кавказскаго хребта по перевалу Гудуръ-Дагъ въ Джаро-Белоканскій округъ. Гаджіовъ говорилъ, что въ скопищѣ болѣе 10.000 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ горцевъ. Планъ Шамиля заключался въ томъ, что-бы, остановивъ скопище на джарскихъ лѣтнихъ пастбищахъ, посылать оттуда партіи въ джарскіе аулы для переселенія жителей въ горы. Послѣднія свѣдѣнія не подлежали уже никакому сомнѣнію; князь Аргутинскій вполнѣ основательно разсудилъ, что если Шамиль направилъ такое огромное скопище въ Джаро-Белоканскій округъ, то Прикаспійскому краю не можетъ угрожать опасность отъ вторженія большихъ партій и поэтому онъ счелъ обязанностью своею немедленно спѣшить на помощь Лезгинскому отряду. 27-го августа Дагестанскій отрядъ снялся съ лагеря у Турчидага и направился черезъ Кумухъ въ Джаро-Белоканскій округъ. Для защиты Даргинскаго округа, Мехтулы и Шамхальства остались на Кутишинскихъ высотахъ 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ. Пребываніе Дагестанскаго отряда въ Джаро-Белоканскомъ округѣ продолжалось до 7-го сентября, причемъ ему не пришлось имѣть дѣла со скопищемъ Шамиля, старательно уклонявшагося отъ встрѣчъ съ нашими войсками. Послѣ 12-ти дневной осады Месельдигерскаго укрѣпленія и неудачныхъ штурмовъ, Шамиль 6-го сентября поспѣшно отступилъ въ горы по направленію къ Джармуту. Одна изъ главныхъ причинъ такого быстраго отступленія заключалась въ опасеніи имама быть разбитымъ соединенными Дагестанскимъ и Лезгинскимъ отрядами. Давъ отдыхъ войскамъ,

князь Аргутинскій выступилъ обратно въ Дагестанъ. Въ то время какъ большая часть войскъ находилась въ отсутствіи, болѣе или менѣе значительныя партіи горцевъ тревожили покорныя намъ общества. Большей частью попытки горцевъ не обходились имъ дешево и не малое число изъ нихъ оставалось убитыми и плѣнными въ мѣстности, гдѣ они появлялись. Для дѣйствія противъ Кутишинскаго отряда собралось значительное скопище, которое сосредоточилось въ аулѣ Кикунахъ. Отсюда горцы производили нападенія на фуражировъ, и ежедневно заводили перестрѣлки съ цѣпью. Ночью мюриды подкрадывались къ нашимъ постамъ, съ цѣлью напасть на нихъ въ расплохъ. Въ половинѣ сентября нападенія и тревоги въ особенности сдѣлались часты, ибо съ возвращеніемъ скопища Шамиля изъ Джаро-Белоканскаго округа сборъ горцевъ у Кикунъ увеличился и они сдѣлались смѣлѣе. Чтобы отбить у непріятеля охоту тревожить наши войска, генералъ Волковъ, въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября, поручилъ подпоручику Апшеронскаго полка Головину 2-му, съ командою охотниковъ изъ 62-хъ человѣкъ, подкараулить горцевъ. Головинъ вышелъ съ охотниками изъ лагеря еще засвѣтло и занялъ дорогу, ведущую изъ Кикунъ, между Кутишинскими высотами и Ходжалъ-Махи, въ Акушу. Занявъ дорогу, охотники залегли за камнями. Въ 11 часовъ вечера значительная конная партія, ничего не подозрѣвая, направлялась къ лагерю и съ каждымъ шагомъ приближалась къ нашимъ охотникамъ. Подпустивъ горцевъ на 30 шаговъ, Головинъ сдѣлалъ залпъ и затѣмъ бросился на оторопѣвшихъ горцевъ въ штыки. Испуганная партія, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми, и ранеными бросилась во всѣ стороны и скрылась. Не довольствуясь полученнымъ успѣхомъ, Головинъ оставилъ мѣсто засады и направился вверхъ по дорогѣ; пройдя 4 версты, онъ остановилъ команду и снова сдѣлалъ засаду. Уже передъ разсвѣтомъ стали подъѣзжать 7 человѣкъ конныхъ горцевъ. Когда они приблизились шаговъ на 25, охотники опять произвели залпъ, которымъ одинъ мюридъ былъ убитъ и два ранено, а одинъ, у котораго убили лошадь, взятъ въ плѣнъ. Кромѣ того остались отъ раненыхъ и убитаго три лошади. Утромъ охотники возвратились въ лагерь.[16]). Данный горцамъ урокъ заставилъ ихъ быть осторожнѣе и съ того времени они мало тревожили нашъ лагерь. По возвращеніи въ Дагестанъ, князь Аргутинскій нашелъ край въ относительно спокойномъ состояніи. О сборахъ непріятеля никакихъ слуховъ не носилось,— послѣ вторженія въ Джаро-Белоканскій округъ, Шамиль долженъ былъ дать своимъ горцамъ отдыхъ. Эти обстоятельства позволяли распустить Дагестанскій отрядъ, оставивъ на передовой линіи только самое необходимое число войскъ. 22-го сентября оба баталіона Апшеронцевъ (3-й и 4-й), подъ командою маіора Тергукасова, отправлены были съ Кутишинскихъ высотъ въ свою штабъ-квартиру, укрѣпленіе Темиръ Ханъ-Шуру. До конца года не произошло ничего выдающагося въ Дагестанѣ; Шамиль удалился въ Чечню и скопища разошлись. Пограничные наибы производили набѣги, но не было уже у горцевъ той смѣлости и увѣренности въ себѣ, которая всегда ихъ сопровождала въ началѣ сороковыхъ годовъ; да и самъ Шамиль сталъ сознавать, что не особенно далеко то время, когда ему придется спѣть свою лебединую пѣснь. Послѣднее вторженіе его скопища окончилось неудачно, а, между тѣмъ, все говорило за хорошій результатъ: войскъ въ Лезгинскомъ отрядѣ было мало, Дагестанскій отрядъ не могъ скоро подать помощь, ибо предпріятіе сохранялось до самаго конца въ величайшей тайнѣ; изъ Закавказья тоже помощи ждать было нельзя, такъ какъ всѣ войска направились въ Азіятскую Турцію, по случаю открытія войны съ Турціей. И вотъ самое незначительное обстоятельство — измѣна одного изъ начальниковъ, Гаджіова,— объяснило планъ Шамиля и сдѣлало успѣхъ его сомнительнымъ;

---

[16]) Дѣло № 2. Донесеніе князя Аргутинскаго № 364. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

а затѣмъ быстрый переходъ Дагестанскаго отряда въ Джаро-Белоканскій округъ и геройская защита укрѣпл. Месильдигера (2-й ротой Мингрельскаго полка), заставило Шамиля отступить въ Дагестанъ. Но эти неудачи не ослабили энергіи Шамиля. Уже въ половинѣ октября стали носиться слухи о намѣреніи его возобновить вторженіе въ Кайтахъ и Табасарань, гдѣ съ 1851 года онъ имѣлъ весьма много приверженцевъ; агенты его неутомимо работали и не мало принесли пользы, вербуя имаму новыхъ друзей. Въ декабрѣ мѣсяцѣ извѣстія о враждебномъ намъ настроеніи Табасарани и Кайтаха стали подтверждаться, причемъ жители уже не скрывали своихъ сношеній съ мюридами и Шамилемъ, производимыхъ черезъ Акушу. Акушинцы, подстрекаемые кикунскимъ наибомъ Абакаръ-Хаджи, также начали волноваться и выказывали явное неповиновеніе мѣстной власти. Таково было положеніе дѣлъ къ началу 1854 года. На зиму полкъ расположился слѣдующимъ образомъ: 1-й и 2-й баталіоны стали въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, 3-й баталіонъ въ Агачъ-Калѣ, 4-й баталіонъ въ Большомъ Дженгутаѣ, а 5-й баталіонъ, кромѣ 13-й мушкетерской роты, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, 13-я же рота на Озеньскомъ посту.

13-го декабря араканскій пятисотенный нзибъ Шамсудинъ съ партіей конныхъ мюридовъ пробрался въ окрестности аула Большія Казанища, захватилъ въ плѣнъ 4-хъ жителей, послѣ чего сталъ отступать къ Ирганаю. По тревогѣ, для преслѣдованія партій, выѣхали конные жители Муселимъ-Аула и обоихъ Казанищъ, ихъ поддерживали 3-я гренадерская и 7-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка, высланныя изъ Агачъ-Калы. Непріятель былъ настигнутъ около Бурундукъ-Кальскаго подъема. Здѣсь партія Шамсудина, видя полную невозможность уйти отъ преслѣдованія, открыла по Апшеронцамъ и жителямъ огонь, а затѣмъ бросилась въ шашки. Но встрѣченные штыками нашихъ ротъ и кинжалами жителей, мюриды отхлынули и бросились бѣжать во всѣ стороны, оставивъ взятыхъ ими въ плѣнъ четырехъ жителей (въ числѣ ихъ было три женщины), 5 убитыхъ, одного плѣннаго мюрида и 5 лошадей; много изъ хищниковъ было ранено. Наша потеря состояла изъ одного убитаго и одного раненаго [17].

За 1851-й годъ Апшеронцы получили слѣдующія награды: командиръ полка, полковникъ Кишинскій—брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени; подполковники: Берхманъ — Монаршее благоволеніе, Кендзержинскій — Св. Анны 2-й степени; маіоры: Дубельтъ — чинъ подполковника, Васильевъ 2-й и Лавровъ—св. Анны 2-й степени; капитаны: князь Багратіонъ — св. Анны 3-й степени, Хохловъ 1-й — чинъ маіора; штабсъ-капитаны: Стояновскій и Багизардовъ — слѣдующіе чины, Хохловъ 2-й — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость»; Шагубатовъ — слѣдующій чинъ; Шелашниковъ и Шатковскій — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость»; поручики: Левицкій, Кавнацкій и Бандаревскій — слѣдующіе чины; Шиманскій и Касаевъ — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость»; Гринъ и Экель — Монаршее благоволеніе; подпоручики: Скворцовъ—св. Анны 3-й степени и Монаршее благоволеніе; Звенигородскій и Богаевскій — Монаршее благоволеніе; Протопоповъ и Явченко — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», Миръ-Ибрагимъ-Бекъ — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ. Прапорщики: Комаровъ, Пургасовъ 2-й—чины подпоручика; Коротинъ — прощеніе штрафа; Кушлядинскій, Шелухинъ, Поповъ, Донецкій и Клеповъ — слѣдующіе чины; Буравцевъ, Головинъ 1-й, Головинъ 2-й и Китаевскій—Монаршее благоволеніе. Произведены въ прапорщики: Александръ Комаровъ, Николай Запорожченко, Иванъ Циргальдъ, Гавріилъ Кременецкій, Антонъ Маевскій, Андрей Закутовскій и князь Бебуръ-Бебутовъ. Знаки отличія военнаго ордена: вторую треть прибавочной пенсіи — унтеръ-офицеръ Микай Васильевъ; 4-ю степень: прапорщикъ Николай Черниковъ, унтеръ-офицеры: Иванъ Гросманъ, Александръ Кетхудовъ, князь Федоръ Накашидзе, Даніилъ Савченко, Иванъ Кругловъ, Даніилъ Смарцевъ, Федосѣй Харито-

17) Дѣло № 2. Секретное. 2 отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

новъ, Яковъ Агасовъ, Семенъ Кожуховъ, Фома Щедринскій и Дмитрій Григо́рьевъ; рядовые: Аглай Кароваевъ, Захаръ Данилинъ, Кузьма Пѣтуховъ, Сильвестръ Салинскій, Никифоръ Палей, Ефимъ Бабченко, Зиновій Рябыхъ, Григорій Бризгалинъ, Федоръ Андренко, Абрамъ Чарный, Павелъ Кузнецовъ, Михаилъ Печерный, Михаилъ Ломанченко, Алексѣй Лебедевъ, Андрей Моцакъ, Петръ Галачъ, Василій Чеканскій, Агафонъ Филатовъ, Дмитрій Рогозинъ, Никита Бабовъ. За дѣло въ Хартматалинскомъ лѣсу: фельдфебель Василій Коломбетовъ; унтеръ-офицеры: Исай Абашинъ, Юсуфъ-Бекъ Казаровъ, Бенедиктъ Бекешко, Иванъ Кругловъ; рядовые: Григорій Сухомірскій, Филипъ Пахомовъ, Касперъ Мишневскій. Кромѣ того получили денежныя награды: рядовые: Михей Дементьевъ, Савелій Сащенко — по 6 руб. сер., Лука Муравлевъ и Гавріилъ Игнатьевъ по 3 руб. сер. и по 2 руб. сер. рядовые: Матвѣй Колесниковъ, Тимофѣй Ревинъ, Семенъ Сливка, Савелій Сащенко, Захаръ Мусачевъ и Иванъ Акимовъ. Многимъ нижнимъ чинамъ прощены штрафы и произведены въ унтеръ-офицеры.

За 1852-й годъ Апшеронцы получили слѣдующія награды: подполковникъ Дубельтъ — чинъ полковника (въ 1853 году назначенъ для особыхъ порученій при Военномъ Министрѣ); маіоръ Васильевъ — св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною; капитаны: князь Багратіонъ и Армашевскій — слѣдующіе чины; поручики: Голубовъ, Гедримовичъ и Шиманскій, подпоручики: Островскій, Протопоповъ, Энгбрехтъ и Яковлевъ — слѣдующіе чины; подпоручикъ Богаевскій — св. Анны 4-й ст. съ надписью за «храбрость»; прапорщики: Соловьевъ, Хмѣлевъ, Головинъ 1-й, Головинъ 2-й и Головня — чины подпоручика; произведенъ въ прапорщики — унтеръ офицеръ Егоръ Кончеевъ. Знаки отличія военнаго ордена: вторую треть прибавочной пенсіи по знаку отличія — фельдфебель Василій Колумбатовъ; первыя трети: унтеръ офицеры Корней Чуриловъ, Трофимъ Егоринъ, Емельянъ Николаевъ: рядовые: Петръ Животовъ, Семенъ Макутинъ, Александръ Очеренко, Федоръ Перфильевъ, Семенъ Ткаченко, Иванъ Фроловъ и Григорій Стецкій [18]).

За 1853 годъ маіоръ Тергукасовъ получилъ слѣдующій чинъ; капитаны: Комаровъ и князь Крапоткинъ — св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, Васильевъ 3-й — Монаршее благоволеніе; штабсъ-капитаны: Якубовскій — слѣдующій чинъ, Шелашниковъ — св. Анны 3-й ст. съ бантомъ; поручики: Касаевъ и Гринъ — слѣдующіе чины; подпоручики: завѣдующій командой охотниковъ Скворцовъ — чинъ поручика; завѣдующему штуцерной командой барону фонъ-деръ-Остенъ-Сакену — прощенъ штрафъ [19]).

Чины прапорщика: Михаилъ Навроцкій, Яковъ Огасовъ, Даніилъ Старцевъ, Федосѣй Харитоновъ, Петръ Меликъ-Бегляровъ, Иванъ Бачинскій, Иванъ Гросманъ, князь Федоръ Накашидзе, Димитрій Цициановъ, Самуилъ Войновъ, Феликсъ Кржижановскій и рядовой Александръ Навроцкій произведенъ въ унтеръ-офицеры (разжалованный изъ подполковниковъ).

Знаки отличія военнаго ордена: унтеръ-офицеръ Семенъ Дугинъ; рядовые: Алексѣй Сѣдыхъ, Павелъ Осиповъ, Иванъ Димитріевъ, Григорій Остапенко и Тимофѣй Краснояровъ [20]).

---

[18]) Дѣла №№ 131 и 166. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[19]) Онъ убилъ на дуэли оберъ-коммисара Дуббельнскаго Гауптманскаго суда Юнуса Клейста, послѣ чего бѣжалъ за границу и оттуда просилъ Государя о возвращеніи въ отечество. Императоръ Николай I разрѣшилъ Сакену вернуться въ Россію, разжаловалъ его изъ поручиковъ въ рядовые и назначилъ въ Апшеронскій полкъ.

[20]) Дѣло № 169. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Двѣнадцатая.

Положеніе дѣлъ въ Кайтахѣ и Табасарани въ началѣ 1854 года.—Формированіе отряда для движенія въ Табасарань.—Слухи о сборахъ горцевъ.—Распоряженія Шамиля къ встрѣчѣ турецкаго султана.—Мѣры къ оборонѣ края.—Опасное положеніе Дагестана.—Экспедиція къ аулу Уркраху.—Уничтоженіе Уркраха.—Распоряженія князя Орбеліани къ сосредоточенію войскъ на передовыхъ пунктахъ.—Движеніе скопища Шамиля въ Кахетію.—Экспедиція въ Салатавію.—Взятіе Новаго Буртуная.—Результаты экспедиціи.—Наши потери.—Возвращеніе отряда въ Шуру.—Донесеніе князя Орбеліани о набѣгѣ въ Салатавію.—Неудача непріятеля въ Кахетіи и отступленіе его въ Дагестанъ.—Стоянка Апшеронцевъ на Кутишинскихъ высотахъ.—Дѣйствія охотничьей команды.—Дѣло 22-го августа.—Роспускъ Кутишинскаго отряда.—Поискъ къ Гергебилю. Замыслы Шамиля.—Расположеніе полка на зиму.—Выступленіе 4-го баталіона на лѣвый флангъ Кавказской линіи.—Описаніе зимней экспедиціи въ Чечнѣ.—Штурмъ аула Халина.—Прорубка просѣкъ.—Роспускъ части Чеченскаго отряда на отдыхъ.—Дѣло охотничьей команды у аула Бугденя.—Описаніе событій 1855 года.—Отношеніе къ Шамилю жителей Дагестана.—Продолженіе описанія дѣйствій Чеченскаго отряда.—Возвращеніе 4-го баталіона въ Шуру.—Набѣги горцевъ.—Распоряженіе главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Муравьева, о сформированіи въ Дагестанѣ нѣсколькихъ отрядовъ.—Уменьшеніе гарнизоновъ укрѣпленій.—Волненія въ Табасарани.—Сосредоточеніе мюридовъ въ селеніи Гашикѣ.—Выступленіе войскъ на передовые пункты.—Нападеніе партіи горцевъ на отрядный табунъ лошадей.—Поискъ къ Кудуху.—Извѣстія о сборахъ непріятеля.—Движеніе отряда въ Салатавію.—Возвращеніе войскъ съ передовой линіи.—Поискъ къ аулу Араканамъ.—Приготовленіе къ походу въ Табасарань.—Проповѣдникъ мюридизма Шихъ-Магометъ.—Появленіе въ Табасарани непріятельскихъ партій.—Описаніе экспедиціи въ Табасарани.—Прорубка просѣкъ и успокоеніе страны.—Расположеніе полка на зиму.—Движеніе 3-го баталіона на лѣвый флангъ Кавказской линіи.—Новый главнокомандующій—князь Барятинскій.—Его система для покоренія Кавказа.—Характеръ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ.—Зимняя экспедиція въ Чечню въ 1856 году.—Сборъ отряда въ Умаханъ-Юртѣ.—Составъ отряда.—Новыя просѣки.—Результаты экспедиціи.—Возвращеніе баталіона въ Дагестанъ.—Поискъ 5-го мая къ Гимрамъ и 19-го мая въ Салатавію.—Вторженіе непріятельской партіи въ Даргинскій округъ.—Дѣло охотничьей команды 27-го сентября.—Образованіе въ полку стрѣлковыхъ ротъ.—Награды за 1854, 1855 и 1856 годы.

Волненіе въ Кайтахѣ и Табасарани, начавшееся еще въ концѣ 1853 г., вполнѣ развилось въ январѣ наступившаго 1854 г. Однако, при всемъ желаніи немедленно принять какія либо энергичныя мѣры для водворенія спокойствія въ возставшихъ провинціяхъ—этого сдѣлать не представлялось возможнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Шамиль дѣлалъ большіе сборы въ горахъ, но цѣль ихъ была неизвѣстна, поэтому двигать войска съ занимаемыхъ ими пунктовъ было бы рисковано; сильные же холода и большой снѣгъ не позволяли предпринять военныхъ дѣйствій даже и въ томъ случаѣ, если бы Шамиль и оставался спокойнымъ. Въ половинѣ февраля морозы на плоскости нѣсколько уменьшились, но погода сдѣлалась весьма непостоянной; въ горахъ по прежнему стояли холода, а морозы достигали 15°; въ Кайтахѣ и Табасарани лежалъ очень глубокій снѣгъ. Тѣмъ не менѣе, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, князь Орбеліани, рѣшилъ двинуть отрядъ въ Кайтахъ и сдѣлалъ распоряженіе къ сосредоточенію 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 8-ми горныхъ орудій и нѣсколькихъ сотенъ конницы у аула Моге, около Дюзъ-Майдана. Впрочемъ, зимняя экспедиція не состоялась: получаемыя со всѣхъ сторонъ отъ лазутчиковъ свѣдѣнія объ огромныхъ сборахъ Шамиля заставили отложить походъ въ Кайтахъ и Табасарань и при-

готовиться къ встрѣчѣ полчищъ горцевъ. Шамиль, на основаніи какихъ-то бумагъ, доставленныхъ ему отъ турецкаго правительства (вѣроятно подложныхъ), находился въ полномъ убѣжденіи, что султанъ, во главѣ турецкихъ войскъ, придетъ раннею весною въ Тифлисъ. Желая непремѣнно выйти на встрѣчу къ повелителю правовѣрныхъ, Шамиль приказалъ приготовиться всей конницѣ для дальняго похода, запастись вьючными и перемѣнными лошадьми, лишнею одеждою, взять три стана подковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ наибамъ собрать въ пользу войска по рублю серебромъ съ каждаго дыма отъ тѣхъ семействъ, члены которыхъ не будутъ участвовать въ походѣ. Въ началѣ года повелѣнія Шамиля стали приводиться въ исполненіе. Въ непокорныхъ намъ аулахъ замѣчалась большая дѣятельность, назначенные къ походу горцы приводили въ порядокъ свою обмундировку, а нукерамъ наибовъ шилось щегольское платье. Куда именно хотѣлъ Шамиль двинуть свои скопища пока никто не зналъ: одни говорили, что на Военно-Грузинскую дорогу, а другіе называли цѣлью движенія Лезгинскую линію, «гдѣ будто бы Шамиль предполагалъ соединиться съ турецкимъ султаномъ»[1]. Въ концѣ февраля извѣстія о движеніи скопища Шамиля приняли другой характеръ: стали носиться упорные слухи о намѣреніи горцевъ вторгнуться въ Кайтахъ и Табасарань. Въ виду невозможности получать вѣрныя и обстоятельныя извѣстія о планахъ Шамиля, приходилось ограничиваться слухами и показаніями лазутчиковъ, которые нерѣдко служили и намъ и Шамилю. Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, принявъ въ соображеніе послѣднія донесенія лазутчиковъ, сдѣлалъ такія распоряженія: 1) 25-го февраля 2 баталіона съ дивизіономъ горной № 4-й батареи стали въ аулахъ Насъ-Кентѣ и Уллу-Ая; 2) 2 баталіона съ другимъ дивизіономъ горной № 4-й батареи двинуты изъ Кусаръ въ Казикумухское ханство; 3) въ началѣ марта, если только показанія лазутчиковъ о движеніи непріятеля подтвердятся, предполагалось 3-мъ баталіонамъ (1-й и 2-й Апшеронскаго и баталіонъ Дагестанскаго полковъ), дивизіону горныхъ единороговъ и нѣсколькимъ сотнямъ конницы перейти изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Леваши и въ верхнюю часть Мехтулинскихъ владѣній. Расположенныя такимъ образомъ войска Дагестанскаго отряда получали возможность въ одинъ или два перехода поспѣть на тѣ пункты, гдѣ Шамиль со своими скопищами могъ появиться[2]. Несмотря на всѣ принимаемыя мѣры осторожности, положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ было затруднительное, ибо войскъ въ странѣ имѣлось весьма ограниченное количество; а между тѣмъ, исключая шамхальцевъ, жители относились къ намъ враждебно и только ждали появленія Шамиля, чтобы открыто присоединиться къ нему. Даже всегда покорный нашему правительству Кубинскій уѣздъ колебался и въ немъ началось видимое броженіе умовъ. Только Кюринское ханство оставалось пока спокойно, что отчасти объяснялось вліяніемъ на народъ управлявшаго ханствомъ, генералъ-маіора Юсуфъ-Бека. Но появленіе Шамиля могло парализовать вліяніе Юсуфъ-Бека и общее возстаніе не замедлило бы вспыхнуть среди этой, искони покорной намъ, провинціи. «Въ томъ случаѣ, писалъ въ своемъ донесеніи князю Воронцову, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, я не могу ручаться за успѣхъ противодѣйствія Шамилю, потому что изъ 18-ти баталіоновъ, находящихся въ краѣ, за расходомъ войскъ, необходимыхъ для занятія постоянныхъ пунктовъ, я могу взять для движенія на встрѣчу Шамилю только пять баталіоновъ, чего при враждебномъ къ намъ положеніи жителей чрезвычайно недостаточно»[3]. Желая хотя отчасти гарантировать безопасность края отъ совокупныхъ дѣйствій скопищъ Шамиля, князь

[1]) Дѣло № 11. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[2]) Тамъ же. Донесеніе № 171. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[3]) Тамъ же. Донесеніе № 308. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Орбеліани полагалъ необходимымъ имѣть отрядъ въ Казикумухскомъ ханствѣ, находившемся въ весьма опасномъ положеніи, и кромѣ того, располагать 6-ю или 7-ю баталіонами для встрѣчи непріятеля, который не замедлитъ броситься въ Акушу, Кайтахъ и Табасарань, въ виду чего онъ и просилъ о возвращеніи двухъ баталіоновъ изъ Азіятской Турціи. Но эта просьба не была исполнена и князю Орбеліани предписано защищать Дагестанъ имѣющимися у него войсками. Еще раньше говорилось о волненіи, возникшемъ въ Акушѣ. Для водворенія порядка туда былъ посланъ подполковникъ Лазаревъ. Разоривъ дома мюридовъ и раздѣливъ принадлежавшіе имъ скотъ и имущество между благонамѣренными жителями, Лазаревъ на время водворилъ въ Акушѣ и Даргинскомъ округѣ спокойствіе. За то въ Табасарани и Кайтахѣ, а въ особенности въ Уркрахскомъ магалѣ, приверженцы Шамиля продолжали дѣйствовать въ пользу распространенія мюридизма[4]. Чтобы положить этому конецъ, главнокомандующій разрѣшилъ собрать отрядъ для движенія въ обѣ названныя провинціи. Въ концѣ февраля въ Акушу прибыло 3 баталіона; оставалось только дождаться теплаго времени и тогда направиться къ Уркраху, гдѣ, повидимому, мюридизмъ свилъ себѣ весьма теплое гнѣздо. Желая покончить съ Уркрахомъ прежде чѣмъ непріятель будетъ въ состояніи подать ему помощь, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани рѣшился, не смотря на холодъ и снѣгъ, двинуть отрядъ въ Уркрахскій магалъ. Съ этой цѣлью, войска, расположенныя въ Даргинскомъ округѣ, были усилены двумя баталіонами (1-мъ Апшеронскимъ и Дагестанскимъ), 2-мя взводами артиллеріи, 4-мя сотнями Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 2-мя сотнями Шамхальской милиціи; весь отрядъ порученъ былъ генералъ-маіору Манюкину, при чемъ ему вмѣнялось въ обязанность: сосредоточить войска у аула Мöге, въ Акушѣ, а отсюда двинуться къ Уркраху, ободрить преданныхъ намъ жителей, въ случаѣ если они выйдутъ на встрѣчу съ изъявленіями покорности и взять съ нихъ аманатовъ въ залогъ вѣрности, разорить дома мюридовъ и бѣжавшихъ въ горы, забрать ихъ имущество, а уркрахскаго кадія Хаджи-Магомета — главнаго виновника волненія, арестовать. Если бы наши войска встрѣтили со стороны жителей сопротивленіе, то надлежало взять аулъ штурмомъ и разрушить его до основанія. Вечеромъ 26-го марта, генералъ Манюкинъ сосредоточилъ отрядъ въ аулѣ Мöге, присоединилъ здѣсь къ себѣ двѣ сотни Акушинской конной милиціи, а на слѣдующій день, въ три часа по полуночи, выступилъ къ Уркраху; его отрядъ состоялъ изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 8-ми горныхъ единороговъ, 2-хъ легкихъ орудій, 2-хъ пѣшихъ ракетныхъ командъ, 4-хъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, Шамхальской, Акушинской и Мехтулинской милицій. Войскамъ предстояли огромные труды: выпавшій въ полдень глубокій снѣгъ совершенно покрылъ горный хребетъ, отдѣляющій Акушу отъ Уркрахскаго магала, а ежедневныя снѣжныя вьюги занесли дорогу, по которой предстояло подниматься съ полевыми орудіями. Не смотря на то, генералъ-маіоръ Манюкинъ не отложилъ движенія, ибо весь успѣхъ предпріятія находился въ зависимости отъ быстроты и внезапнаго появленія отряда передъ Уркрахомъ. Въ 11 часовъ утра авангардъ (1-й баталіонъ Апшеронцевъ, баталіонъ Графцевъ, вся конница и дивизіонъ горныхъ единороговъ) достигъ вершины подъема, съ котораго уже виденъ былъ аулъ. На гребнѣ хребта генералъ Манюкинъ сдѣлалъ привалъ. За то главная колонна, гдѣ находились и полевыя орудія, шла гораздо медленнѣе, и люди двухъ баталіоновъ по очереди поднимали на себѣ орудія, потому что лошади выбились изъ силъ на первыхъ же трехъ верстахъ. Когда главныя силы находились уже недалеко, то генералъ Манюкинъ спустился съ авангардомъ съ хребта и вошелъ въ небольшую долину,

4) Аулъ Уркрахъ лежитъ въ верхнемъ Кайтахѣ.

гдѣ расположены были аулы Киши и Меушуши. Старшины ихъ не замедлили явиться къ начальнику отряда съ увѣреніемъ въ совершенной преданности правительству и въ томъ, что аулы ихъ никакого участія въ волненіи не принимали. Между прочимъ, старшины сообщили, что уркрахцы, подкрѣпленные прибывшею къ нимъ ночью партіею кайтахцевъ, рѣшились упорно защищаться; кромѣ того они ожидали помощи отъ Шамиля и Абакаръ-Хаджи. Манюкинъ немедленно направилъ авангардъ по долинѣ, съ цѣлью занять удобную позицію и выждать прибытія остальныхъ 3-хъ баталіоновъ, послѣ чего обложить Уркрахъ. Вскорѣ получено было извѣстіе, что кадій аула—Хаджи-Магометъ со своими приближенными бѣжалъ, а неожиданное появленіе нашихъ войскъ возбудило между жителями волненіе и споры, но молодежь, составлявшая большинство населенія, рѣшилась сопротивляться. Желая воспользоваться замѣшательствомъ уркрахцевъ и захватить аулъ, генералъ-маіоръ Манюкинъ приказалъ подполковнику Лазареву съ конницей зайти въ тылъ аулу, до котораго оставалось около 7-ми верстъ, а вслѣдъ за конницей двинулся и самъ съ Апшеронцами и Графцами. Отъ переправы черезъ рѣчку, гдѣ лежали аулы Меушуши и Киши, дорога къ Уркраху поднималась въ гору, и нѣкоторые подъемы, въ особенности послѣдніе къ Уркраху, были весьма круты и продолжительны. Тѣмъ не менѣе, войска подвигались чрезвычайно быстро: «пѣхота едва отставала отъ кавалеріи: Апшеронцы и Фельдмаршальцы дружно и почти бѣгомъ прошли 7 верстъ, оставшіяся до аула и подошли къ нему вслѣдъ за конницей»[5]. Въ верхней части Уркраха, трудно-доступной, находилось мало жителей, да они и не сопротивлялись вслѣдствіе чего эта часть аула немедленно была занята милиціей. За то въ нижней части аула—обширнѣйшей, гдѣ стоялъ домъ бѣжавшаго кадія, жители собрались по 30 и 40 человѣкъ въ каждой саклѣ; всѣ они были вооружены и готовились дать отпоръ нашей конницѣ, которая остановилась, ожидая приказанія къ штурму. Но воинственный пылъ уркрахцевъ быстро пропалъ, какъ только они увидѣли за конницей пѣхоту. Почетные старшины вышли къ генералу Манюкину съ хлѣбомъ-солью, выразили полную покорность и раскаяніе въ заблужденіи своемъ, причиной котораго называли кадія Хаджи-Магомета. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ управлявшій Кайтахомъ, полковникъ Джамовъ-Бекъ, съ своей милиціей. Тогда всѣ жители вышли къ нему на встрѣчу и просили его заступничества, обѣщая исполнять всѣ требованія. Согласно полученной отъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани инструкціи, Манюкинъ предложилъ Джамовъ-Беку вытребовать аманатовъ какъ отъ уркрахцевъ, такъ равно и отъ жителей окрестныхъ ауловъ, приказалъ разорить сакли Хаджи-Магомета и его приверженцевъ, собрать джамаатъ (собраніе жителей для совѣщаній) и учредить новое правленіе. Между тѣмъ уже стемнѣло. Не смотря на весьма большой переходъ, чрезвычайно трудную дорогу, большой снѣгъ, мѣстами гололедицу и глубокую грязь, войска прошли почти безостановочно 30 верстъ и нуждались въ отдыхѣ. Генералъ Манюкинъ поспѣшилъ расположить ихъ бивуакомъ около аула, а начальнику главныхъ силъ, полковнику Кеслеру, послалъ приказаніе остановиться на ночлегъ на рѣчкѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Уркраха и присоединиться къ авангарду на слѣдующій день. Утромъ, 28-го марта, полковникъ Джамовъ-Бекъ сталъ собирать джамаатъ; до 50-ти человѣкъ почетныхъ жителей явились въ лагерь для совѣщаній съ нимъ, и уже можно было надѣяться, что дѣло окончится мирнымъ путемъ. Но совершенно неожиданно обстоятельства измѣнились. При требованіи аманатовъ, Джамовъ-Бекъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны жителей, которые, измѣнивъ недавно данной клятвѣ въ покорности, собрались небольшими партіями въ сакляхъ и открыли огонь по лагерю. Оставалось рѣшить дѣло оружіемъ и

5) Дѣло № 11. Рапортъ князя Орбеліани № 398. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

примѣрнымъ образомъ наказать измѣнниковъ. Сейчасъ же двинуты были въ аулъ одинъ баталіонъ съ полевыми орудіями, всадники Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и команды охотниковъ со всѣхъ баталіоновъ. Обстрѣлявъ Уркрахъ, начальникъ отряда направилъ войска на штурмъ. Уркрахцы не выдержали атаки, веденной одновременно съ фронта и фланговъ и очистили башни и большую часть аула. Не смотря на то, что Уркрахъ занималъ очень выгодное положеніе, представлялъ изъ себя отличную позицію для обороны и имѣлъ до 380 дворовъ, гдѣ можно было защищаться очень долго, уркрахцы бѣжали изъ аула и только въ одномъ кварталѣ они держались до сумерокъ. Съ наступленіемъ ночи, генералъ Манюкинъ вывелъ пѣхоту изъ пылавшаго аула, оставивъ тамъ часть милиціонеровъ и всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, которымъ приказалъ перехватывать тѣхъ жителей, которые, скрываясь въ подвалахъ горѣвшихъ сакель, будутъ пытаться, пользуясь темнотою, уйти. На другой день привели въ лагерь нѣсколько женщинъ и дѣтей, которыхъ немедленно отпустили на свободу; изъ мужчинъ же, засѣвшихъ въ сакляхъ, никто не спасся: всѣ они погибли отъ оружія, огня или подъ развалинами обрушившихся отъ дѣйствія ядеръ сакель. Потеря отряда была незначительна: во время дѣла, съ 2-хъ часовъ пополудни до наступленія темноты, выбыли изъ строя одинъ контуженный оберъ-офицеръ; нижнихъ чиновъ убито 5, ранено 23 и контужено 2. Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка ранено 2 оберъ-офицера, 1 контуженъ; милиціонеровъ убито 2, ранено 7. Собственно Апшеронцы (охотничья команда съ штуцерными ружьями) потеряли 1 убитаго и 6 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Всѣхъ старшинъ и почетныхъ жителей, пришедшихъ въ лагерь для совѣщаній съ Джамовъ-Бекомъ, заарестовали. На другой день, т. е. 29-го марта, приступлено было къ совершенному разоренію Уркраха, для чего туда направлены отъ каждаго баталіона по одной ротѣ съ шанцевымъ инструментомъ. Для осмотра окрестностей, въ которыхъ скрывались бѣжавшіе жители, Манюкинъ послалъ конницу; она открыла въ глубокой балкѣ Каракайтахскаго ущелья часть уркрахцевъ, охранявшихъ свой скотъ, запасы хлѣба и имущество, вывезенное изъ аула. Атакованные нашей конницей, они, послѣ нѣкотораго сопротивленія разбѣжались, оставивъ въ нашихъ рукахъ до 1000 барановъ и рогатаго скота. Отбитый скотъ подѣленъ былъ между частями отряда а запасы хлѣба и ячменя уничтожены. Къ вечеру верхній и нижній Уркрахъ былъ совершенно уничтоженъ, сакли срыты до основанія и вообще этотъ аулъ приведенъ въ такое состояніе, что вновь селиться въ немъ не представлялось возможнымъ. 30-го марта отрядъ, окончивъ свою задачу, перешелъ въ Башлы, а на другой день былъ распущенъ. Донося объ окончаніи экспедиціи командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, князю Орбеліани, генералъ-маіоръ Манюкинъ, въ числѣ особенно отличившихся, называетъ командира 1-го баталіона Апшеронскаго полка подполковника Добржанскаго, «мужество и распорядительность котораго много способствовали успѣшному окончанію предпріятія»[6].

Разгромъ Уркраха произвелъ весьма благопріятное для насъ впечатлѣніе на народонаселеніе волновавшихся провинцій и заставилъ его скрыть на время свою непріязнь. Весь апрѣль, май и іюнь Шамиль никуда не двигался, хотя и сдѣлалъ распоряженія къ сборамъ. Ожидая со стороны непріятеля вторженія, князь Орбеліани расположилъ войска Дагестанскаго отряда такимъ образомъ, чтобы помощь своевременно могла поспѣть къ каждому угрожаемому пункту. Шамиль могъ направить свои скопища или въ Джаро-Белоконскій округъ или-же къ Владикавказу, сообразно чему и были расположены войска слѣдующимъ образомъ.

---

[6]) Приказъ по Кавказскому корпусу № 81.

1) Въ Казикумухскомъ владѣніи находились 4 баталіона и 9 сотенъ конницы. Отрядъ этотъ, прикрывая Казикумухъ, могъ въ одинъ или въ два перехода поспѣть въ Даргинскій и Самурскій округъ, а также двинуться на помощь Лезгинскому отряду.

2) На Аркасѣ собрано 4 баталіона (1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка), при 8-ми горныхъ единорогахъ, 4 сотни казачьяго донскаго № 7 и 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ. Аркасскій отрядъ прикрывалъ Шамхальское и Мехтулинское владѣнія, и, смотря по обстоятельствамъ, могъ направиться въ Акушу и на Кумыкскую плоскость или-же идти въ Салатавію, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, если-бы онъ вздумалъ обратиться къ Тереку.

3) Въ Кутишахъ, въ видѣ промежуточнаго отряда, а также для противодѣйствія мелкимъ партіямъ, расположился одинъ баталіонъ при взводѣ единороговъ, акушинская милиція и сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Сотни шамхальской, чиркеевской и чиръ-юртовской милиціи расположены были по ауламъ въ полной готовности къ движенію. Всего на передовой линіи стояло 9 баталіоновъ, 19 сотенъ кавалеріи и 14 горныхъ единороговъ, а остальные баталіоны Дагестанскаго отряда находились въ штабъ-квартирахъ и укрѣпленіяхъ, гдѣ занимали караулы и производили спѣшныя работы по оборонѣ укрѣпленій[7].

Согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ можно было заключить, что Шамиль имѣетъ въ виду дѣйствовать черезъ Тушетію въ Грузію или къ сторонѣ Владикавказа; въ случаѣ же неудачи онъ хотѣлъ двинуться со своими скопищами черезъ Сари-Дагъ въ Джаро-Белоканскій округъ и Нухинскій уѣздъ. Сборы горцевъ дѣлались преимущественно въ Технуцалѣ и Андіи. 5-го іюля Шамиль съ большимъ скопищемъ двинулся изъ Технуцала къ границамъ Тушетіи и Кахетіи. Желая отвлечь непріятеля и заставить подумать его о собственной защитѣ, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани рѣшилъ произвести экспедицію въ Салатавію, гдѣ занявъ позицію около стараго Буртуная, начать разореніе страны, угрожать Гумбету и сосѣднимъ обществамъ. Вечеромъ, 7-го іюля, близъ укрѣпленія Евгеніевскаго сосредоточилось 5 баталіоновъ (1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ командира полка полковника Ассѣева), 4 сотни Донскаго казачьяго № 7 полка съ конно-ракетною командою, 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 8 горныхъ единороговъ и 6 сотенъ милиціи.

Назначивъ всю кавалерію и 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ въ авангардъ, князь Орбеліани въ тотъ же вечеръ переправился черезъ Сулакъ и немедленно пошелъ къ Теренгульскому оврагу, слѣдуя по обходному пути на Дюзъ-Тау, съ такимъ разсчетомъ, чтобы рано утромъ подойти къ Буртунаю. Движеніе отряда произведено было быстро и скрытно, да и салатавцы совсѣмъ не ожидали появленія Русскихъ. Достигнувъ въ 3-мъ часу утра редута и заваловъ, пересѣкающихъ дорогу при спускѣ съ Дюзъ-Тау, войска нашли ихъ не занятыми и даже безъ караула, который выставляли здѣсь буртунаевцы. Желая воспользоваться безпечностью непріятеля, князь Орбеліани приказалъ немедленно разработать проходъ въ завалахъ, послѣ чего послалъ генералъ-маіора Суслова со всею конницею, въ окрестности аула Буртуная, съ цѣлью отбить находившіяся на пастбищахъ стада; вслѣдъ за конницей пошли два баталіона Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Волкова. Переправившись черезъ Теренгульскій оврагъ, передовая колонна захватила въ башнѣ, построенной на высотѣ около Стараго Буртуная, нѣсколько человѣкъ караульныхъ, не успѣвшихъ произвести ни одного выстрѣла; затѣмъ милиція разсыпалась по окрестнымъ высотамъ, а

7) Дѣло № 11. Донесеніе № 3. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

пѣхота, казаки и сотни конно-иррегулярнаго полка подошли къ Новому Буртунаю. Не смотря на сильный огонь, открытый жителями изъ за каменной ограды, Апшеронцы и конница ворвались въ аулъ и заняли его. Непріятель началъ отступать, преслѣдуемый 2-мъ баталіономъ Апшеронцевъ и казаками; командующій баталіономъ, капитанъ Пургасовъ, находясь все время въ передовой цѣпи, былъ раненъ пулей въ голову. Черезъ два часа аулъ былъ совершенно разграбленъ, жители, пытавшіеся защищаться, переколоты, остальные скрылись въ ближайшемъ лѣсу. Многіе плѣнные изъ шамхальскихъ и чиркеевскихъ жителей, посаженные въ ямы по приказанію салатавскаго наиба Каиръ-Бека, освобождены; все имущество жителей и наиба досталось въ руки милиціи, кромѣ того, въ окрестностяхъ захвачено болѣе 6 тысячъ барановъ, 800 штукъ рогатаго скота и до 200 лошадей. Предпріятіе произведено было съ потерей 22-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранено: оберъ-офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 18 (7 Апшеронцевъ); въ милиціи ранено 3 оберъ-офицера и 15 всадниковъ. Желая дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, сдѣлавшимъ въ теченіи однихъ сутокъ по гористой мѣстности болѣе 50-ти верстъ, командующій войсками въ полдень расположилъ отрядъ на высотахъ около Стараго Буртуная. Здѣсь князь Орбеліани имѣлъ намѣреніе остаться еще нѣсколько дней и продолжать опустошеніе страны. Но 8-го іюля онъ получилъ отъ начальника Лезгинской кордонной линіи, генералъ-маіора князя Меликова, увѣдомленіе о томъ, что съ войсками, расположенными въ укрѣпленіи Закаталахъ, онъ спѣшитъ на встрѣчу скопищъ Шамиля, появившихся въ окрестностяхъ селеній Кварели и Шильды. Такъ какъ съ уходомъ войскъ изъ Закаталъ совершенно обнажался Джаро-Белоконскій округъ, то князь Орбеліани призналъ необходимымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Салатавіи и передвинуть часть войскъ Прикаспійскаго края къ Самурскому округу. На другой день отрядъ двинулся изъ Буртуная къ Евгеніевскому. Партіи горцевъ, занявъ Теренгульскій оврагъ, начали преслѣдованіе, причемъ нѣсколько разъ пытались отбить шедшіе сзади вьюки, но находившійся въ аріергардѣ 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Тергукасова, отражалъ горцевъ штыками. Черезъ нѣсколько времени непріятель совершенно прекратилъ преслѣдованіе.

«Войска въ набѣгѣ на Буртунай», пишетъ въ своемъ донесеніи князь Орбеліани, «отличались рѣдкою неутомимостью и примѣрнымъ мужествомъ; ихъ быстротѣ и стойкости я обязанъ успѣхомъ этого движенія, которое, не смотря на трудности и многія препятствія, было исполнено въ отличнѣйшемъ порядкѣ. Долгомъ своимъ считаю донести объ отличномъ знаніи своего дѣла и распорядительности: командира Апшеронскаго полка полковника Ассѣева, командира 1-го баталіона подполковника Добржанскаго, командира 2-го баталіона капитана Пургасова, раненаго въ голову, командира 3-го баталіона маіора Тергукасова и поручика Грина» [8]. По прибытіи въ Шуру, князь Орбеліани послалъ приказаніе передвинуть изъ Казикумухскаго ханства въ Самурскій округъ 3 баталіона пѣхоты и 6 сотенъ конницы, для оказанія, въ случаѣ надобности, содѣйствія войскамъ Лезгинской линіи; самъ-же онъ, съ 3-мя баталіонами и 7-ю сотнями конницы, перешелъ изъ окрестностей Темиръ-Ханъ-Шуры и Даргинскаго округа въ Кумухъ съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за первымъ эшелономъ идти въ Самурскій округъ. Для охраненія Даргинскаго округа на Кутишинскихъ высотахъ оставлены 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка съ 4-мя сотнями конницы. Въ Кумухѣ князь Орбеліани узналъ, что Шамиль, послѣ неудачнаго покушенія на селеніе Шильды, снялся со всѣми скопищами съ позиціи у селенія Кварели и перевалился обратно черезъ главный хребетъ. Движеніе войскъ Дагестанскаго отряда въ Джаро-Белоконскій округъ являлось уже лиш-

[8]) Дѣло № 11. Донесеніе № 3 и приказъ по Кавказскому Корпусу 2 августа № 200, въ которомъ всѣмъ участвовавшимъ въ экспедиціи офицерамъ объявлена благодарность.

нимъ и они остались въ Самурскомъ округѣ впредь до выясненія новыхъ замысловъ Шамиля. Между тѣмъ, пребываніе Апшеронцевъ на Кутишинскихъ высотахъ было чрезвычайно безпокойно; близость непріятеля, занимавшаго аулъ Кикуны, заставляла быть всегда на сторожѣ, имѣть усиленную и бдительную охрану лагеря, ставить много засадъ, секретовъ и т. п. Здѣсь въ особенности пришлось много потрудиться охотникамъ 2-го баталіона со штуцерными ружьями, подъ командою прапорщика Ставрова. Ихъ всего было 40 человѣкъ и они открывали свою дѣятельность ночью, наблюдали дорогу съ Кутишинскихъ высотъ къ Ходжалъ-Махинскому укрѣпленію и выслѣживали горцевъ, какъ хорошіе охотники дичь. Не разъ имъ приходилось имѣть схватки съ значительными партіями непріятеля, но по большей части дѣла оканчивались отступленіемъ противника.

На разсвѣтѣ, 22-го августа, охотники замѣтили конную партію въ 60 человѣкъ, поднимавшуюся на Кутишинскія высоты. Подпустивъ ее на близкій ружейный выстрѣлъ, команда сдѣлала два залпа. Приведенные въ замѣшательство и полное смятеніе, горцы, подхвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, разсѣялись во всѣ стороны и затѣмъ бѣжали по направленію къ Гергебилю. Въ это время изъ Ходжалъ-Махинскаго укрѣпленія вышли для преслѣдованія партіи 1 1/2 роты пѣхоты, конные и пѣшіе ходжалмахинцы, а съ Кутишинскихъ высотъ полковникъ Ассѣевъ направилъ поручика Курилова со 2-ю гренадерскою ротою Апшеронцевъ и сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ командою подпоручика Апшеронскаго полка Быкова. Партія была настигнута нашей конницей по дорогѣ къ Гергебилю, въ 5-ти или 6-ти верстахъ отъ Кутишинскихъ высотъ; пользуясь чрезвычайно пересѣченною мѣстностью, она, отстрѣливаясь, отступала. Желая окончательно смять горцевъ, конница и впереди ея ходжалмахинскіе жители бросились на нихъ въ шашки, но совершенно неожиданно сами были атакованы толпою конныхъ горцевъ въ числѣ 800 человѣкъ, при нѣсколькихъ значкахъ, которая выѣхавъ изъ засады, ударила всей массой на передовыя части нашей конницы. Въ тоже время справа изъ балки показалось до 700 человѣкъ пѣшихъ горцевъ, открывшихъ сильный ружейный огонь. Вышедшія изъ Ходжалъ-Маховъ 1 1/2 роты Самурскаго полка, видя, что наткнулись на превосходныя силы непріятеля, остановились, заняли высоты противъ праваго фланга конной непріятельской партіи и открыли по ней огонь. Но на выручку попавшимъ въ засаду жителямъ, конницѣ и охотникамъ спѣшилъ поручикъ Куриловъ съ гренадерами; рота его не разбирая дороги спускалась съ высотъ, солдаты безстрашно спрыгивали со скалъ и во время подоспѣли къ мѣсту боя. Гренадеры вмѣстѣ съ охотниками, милиціей и жителями бросились на непріятеля съ одной стороны, а Самурскія роты съ другой. Атакованный съ двухъ сторонъ непріятель сталъ медленно отступать къ Гергебилю, подбирая своихъ убитыхъ и раненыхъ. Когда-же горцы увидѣли движеніе изъ лагеря колонны полковника Ассѣева, желавшаго отрѣзать ихъ отъ Улли-Кала, то медленное отступленіе обратилось въ полное бѣгство. Партіи бросились по направленію къ аулу Куппѣ и, переправившись въ безпорядкѣ подъ нашими выстрѣлами черезъ Казикумухское Койсу, лѣвымъ берегомъ рѣки побѣжали къ Улли-Кала. Въ этомъ дѣлѣ главная потеря пала на конницу и жителей (2 убитыхъ и 12 человѣкъ раненыхъ), кромѣ того ранено три нижнихъ чина (всѣ Апшеронцы). Потеря непріятеля была весьма велика: кромѣ нѣсколькихъ тѣлъ, оставшихся на мѣстѣ, горцы успѣли перевезти черезъ Койсу до 30 убитыхъ и много раненыхъ.

За все время стоянки Апшеронцевъ на Кутишинскихъ высотахъ это было первое и послѣднее дѣло, въ которомъ горцы, не смотря на свое численное превосходство, потерпѣли полное пораженіе. Баталіоны оставались на позиціи до 3-го сентября и затѣмъ спустились съ высотъ въ аулъ Кутиши, гдѣ 2-й баталіонъ остался на зиму, чтобы охранять Даргин-

скій отъ покушеній со стороны непріятеля, а 1-й баталіонъ возвратился въ Шуру. Изъ аула Кутишей Апшеронцы 19-го сентября еще разъ предприняли движеніе къ Гергебилю. Управлявшій Даргинскимъ округомъ, подполковникъ Лазаревъ, получилъ свѣдѣніе о томъ, что жители ауловъ Кикуны и Гергебиля начали перевозить сѣно, заготовленное ими на склонѣ Гергебильскихъ высотъ. Вечеромъ, 19-го числа, Лазаревъ сосредоточилъ на Аймакинскихъ высотахъ баталіонъ и охотничьи команды Апшеронскаго и Дагестанскаго полковъ, сотню конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни Даргинской и Мехтулинской конной милиціи. Скрывъ пѣхоту на правой сторонѣ Аймакинскаго ущелья, подполковникъ Лазаревъ спустилъ конницу и охотниковъ къ Гергебильскимъ садамъ и приказалъ имъ, выждавъ на разсвѣтѣ прихода гергебильцевъ на полевыя работы, атаковать ихъ. Дѣйствительно, на разсвѣтѣ показались жители, направлявшіеся къ Гергебильскимъ высотамъ; но вскорѣ они остановились, замѣтивъ слѣды конницы и дальше не сдѣлали ни шагу. Видя свое намѣреніе открытымъ, подполковникъ Лазаревъ приказалъ сжечь собранное на лугахъ сѣно, котораго оказалось около 1.000 копенъ. Затѣмъ охотники и конница возвратились, имѣвъ всего только незначительную перестрѣлку.

Послѣ неудачнаго вторженія въ Кахетію, Шамиль на время распустилъ скопище, назначивъ горцамъ сборные пункты и отдавъ приказаніе быть готовыми по первому призыву. Неудача нисколько не охладила желанія Шамиля, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, нанести намъ въ какомъ нибудь мѣстѣ чувствительный вредъ и опять поднять въ глазахъ покорныхъ еще ему горцевъ свою померкнувшую славу. Дагестана онъ не хотѣлъ трогать, во первыхъ потому, что его хорошо охраняли, да и жители относились къ мюридамъ враждебно; оставалась Кавказская линія и Военно-Грузинская дорога, куда Шамиль, съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ, могъ обрушиться со своими скопищами. Но какъ первое, такъ и второе предпріятіе, всетаки сопряжены были съ большимъ рискомъ: Шамиль навѣрное встрѣтилъ бы хотя и мало войска, но за то упорное сопротивленіе, а примѣры прошлыхъ годовъ краснорѣчиво говорили, что вся суть заключается не въ количествѣ войскъ, а въ качествѣ ихъ. Вотъ это обстоятельство и заставляло хитраго имама призадумываться и откладывать предполагаемое движеніе со дня на день. Чтобы развлекать наши силы, онъ распускалъ ложные слухи о своихъ намѣреніяхъ, а между тѣмъ, на основаніи этихъ слуховъ производилось сосредоточеніе войскъ нашихъ въ томъ или другомъ пунктѣ. Такъ, въ началѣ октября, командующій лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи донесъ генералъ-лейтенанту князю Орбеліани о направленіи скопищъ Шамиля съ Мичика къ укрѣпленію Герзель-Аулу или къ крѣпости Внезапной. Вслѣдствіе этого князь Орбеліани выступилъ 13-го числа изъ Шуры съ 3-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, баталіономъ Дагестанскаго, 3-мя сотнями Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 2-мя сотнями Шамхальской милиціи при 6-ти горныхъ единорогахъ и направился въ Чиръ-Юртъ. Прибывъ туда того-же числа вечеромъ, онъ получилъ извѣстіе объ удаленіи Шамиля въ горы. Пробывъ въ Чиръ-Юртѣ два дня, князь Орбеліани вернулся въ Шуру. На зиму Апшеронскій полкъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: 1-й баталіонъ (1-я гренадерская, 1-я и 3-я мушкетерскія роты и учебная команда въ Агачъ-Калѣ; 2-я мушкетерская рота — въ Большомъ Дженгутаѣ; 2-й баталіонъ — въ аулѣ Кутишахъ 3-й, 4-й и 5-й баталіоны — въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. 25 ноября 4-й баталіонъ, подъ командою маіора Долгово-Сабурова, выступилъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи для принятія участія въ зимней экспедиціи. Согласно предположенія о зимнихъ военныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ, войска стали сосредоточиваться въ крѣпостяхъ Грозной и Воздвиженской, чтобы отсюда двинуться для рубки просѣки на рѣкѣ Гойтѣ, потомъ перейти на Шалин-

*

скую поляну и, въ заключеніе, расчистить просѣку по рѣкѣ Джалкѣ на Умаханъ-Юртъ. Но Шамиль разгадалъ планъ командующаго войсками лѣваго фланга, генералъ-маіора барона Врангеля и началъ стягивать скопища въ Малую Чечню, для противодѣйствія нашимъ работамъ. Это обстоятельство вынудило барона Врангеля нѣсколько измѣнить первоначальный планъ: онъ рѣшилъ начать работы по рѣкѣ Джалкѣ, а для отвлеченія вниманія Шамиля, предписалъ войскамъ, находившимся въ Воздвиженскѣ, быть въ полной готовности къ выступленію на Урусъ-Мартанъ и туда-же направилъ изъ главнаго отряда еще одинъ баталіонъ (Тенгинскій). Убѣдивъ Шамиля въ сосредоточеніи нашихъ войскъ на рѣкѣ Гойтѣ, Врангель съ главнымъ отрядомъ выступилъ 4-го декабря изъ крѣпости Грозной на Устаро-Гардоевскую переправу черезъ рѣку Аргунъ. Въ этотъ день войска ночевали на правомъ берегу Аргуна, близь Устаро-Гардоевской переправы, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня двинулись къ переправѣ Дахинъ-Урзау (черезъ р. Сунжу). Въ 12-ти верстахъ, на правомъ берегу рѣки Джалки, расположенъ былъ аулъ Халинъ; въ немъ остались только способные носить оружіе, все остальное бѣжало, побросавъ имущество и огромные запасы продовольствія и сѣна. Ожидая упорной обороны аула, генералъ-маіоръ баронъ Врангель выдвинулъ артиллерію, обстрѣлялъ аулъ, и построивъ два баталіона въ штурмовыя колонны, приказалъ имъ атаковать Халинъ; въ обходъ-же съ противоположной стороны направилъ всю конницу при 4-хъ конныхъ орудіяхъ. Дѣло началось въ 11 часовъ утра; баталіонъ егерскаго князя Чернышева полка составлялъ правую колонну, а 4-й баталіонъ Апшеронцевъ лѣвую, подъ начальствомъ генералъ-маіора Линевича. «Не смотря на учащенный бѣглый ружейный огонь, Апшеронцы бросились въ штыки безъ выстрѣла, выбили непріятеля изъ сакель и въ продолженіи получасоваго боя заняли правую оконечность аула» [9]. Генералъ-маіоръ Бакановъ съ конницей быстро обскакалъ аулъ съ лѣвой стороны и принудилъ непріятеля очистить остальную часть Халина и отступить въ лѣсъ, откуда чеченцы продолжали еще стрѣльбу. Чтобы очистить отъ непріятеля лѣсъ, баронъ Врангель приказалъ предварительно обстрѣлять опушку его, послѣ чего послалъ тѣ-же баталіоны выбить чеченцевъ. «Это было исполнено съ такою быстротой и порядкомъ, что атака обошлась почти безъ потери [10]». При занятіи аула, кромѣ трехъ плѣнныхъ, въ добычу войскамъ досталось много домашней утвари, огромные запасы сѣна, кукурузы и проса. Въ нѣкоторыхъ сакляхъ были найдены деньги въ полуимперіалахъ, бурки, ковры и проч.; захвачено много оружія и артиллерійскихъ снарядовъ, скрытыхъ жителями подъ копнами сѣна. По окончаніи дѣла отрядъ расположился лагеремъ у Халина, а на другой день, по совершенномъ разореніи аула, имѣвшаго до 500 сакель, выступилъ внизъ по теченію рѣки Джалки къ Дахинъ-Урзау. Въ этотъ же день по пути было истреблено 6 ауловъ и уничтожены огромные запасы. Приведенные въ ужасъ неожиданнымъ появленіемъ нашихъ войскъ, жители бросали дома и имущество, не помышляя о защитѣ, и послали гонцевъ въ Малую Чечню къ Шамилю съ просьбою о помощи. Прійдя на Сунжу, войска расположились у Дахинъ-Урзау. Баронъ Врангель предписалъ генералъ-маіору Форстену, завѣдывавшему въ его отсутствіе лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, прислать изъ Грозной транспортъ съ запасами и артиллерійскимъ паркомъ. Чтобы привести Шамиля въ полное заблужденіе относительно главной цѣли дѣйствій отряда, т. е. оттѣсненія всѣхъ племенъ чеченцевъ, поселившихся на Джалкѣ, генералъ-маіоръ баронъ Врангель приказалъ устроить мостъ черезъ Сунжу и разработать дорогу къ Умаханъ-Юрту, распуская черезъ лазутчиковъ слухи о намѣреніи отряда идти на Кумыкскую плоскость, гдѣ присоединивъ

9) Дѣло № 9. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
10) Тамъ-же.

отрядъ полковника барона Николаи, направиться на Качкалыковскій хребетъ, а если позволятъ обстоятельства, то даже проникнуть въ Большую Чечню. Получивъ эти извѣстія, Шамиль отправилъ своего сына съ незначительнымъ скопищемъ на Джалку, а самъ остался въ Большой Чечнѣ, ожидая прибытія туда русскихъ войскъ. Того только и добивался баронъ Врангель: пользуясь бездѣйствіемъ Шамиля, онъ 9-го декабря двинулся съ отрядомъ вверхъ по рѣкѣ Джалкѣ, оставивъ въ лагерѣ вагенбургъ, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ при двухъ орудіяхъ. «Въ продолженіи 6 часовъ безпрерывнаго боя, доноситъ Врангель, съ храбрыми войсками отряда я истребилъ еще десять ауловъ, въ которыхъ также какъ и въ раньше разоренныхъ, найдены были огромные запасы хлѣба и сѣна, принадлежавшіе, по показаніямъ лазутчиковъ не однимъ только жителямъ, но составлявшіе главный запасъ, собранный по приказанію Шамиля». На слѣдующій день предпринято было обратное движеніе къ рѣкѣ Аргунъ и къ вечеру отрядъ прибылъ на позицію близь Халинъ-аула, вновь занятаго чеченцами, которыхъ скоро выбили казаки и милиціонеры. 11-го декабря отрядъ перешелъ къ Теплинской переправѣ и остановился на правомъ берегу Аргуна, для разработки прямаго сообщенія на Умаханъ-Юртъ и расчистки праваго и лѣваго береговъ Аргуна. Внезапное движеніе отряда на рѣку Джалку и разореніе ауловъ навели на жителей паническій ужасъ; они побросали свое имущество и искали спасенія въ Герзелинскомъ лѣсу. Наконецъ явился и Шамиль съ 10.000 человѣкъ, при 6 орудіяхъ. Съ 5-го по 10-е декабря изъ рядовъ нашихъ убыло: 1 рядовой убитымъ; ранено: 1 оберъ-офицеръ и 16 нижнихъ чиновъ (Апшеронцевъ 11 человѣкъ); контужено: 4 оберъ-офицера *(Апшеронскаго полка подпоручикъ Клеповъ)* и 23 нижнихъ чина (4 Апшеронца). Потеря непріятеля въ точности неизвѣстна, но по словамъ лазутчиковъ — она была значительна, хотя въ продолженіи всего времени непріятель оставилъ на мѣстѣ одними убитыми 29 человѣкъ[11].

Съ 11-го по 14-е число производилась рубка лѣса по направленію къ Умаханъ-Юрту вплоть до лѣваго берега рѣки Джалки. На работы ежедневно выходили колонны изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты и 6-ти сотенъ кавалеріи при 8-ми орудіяхъ. Шамиль съ каждымъ днемъ усиливалъ свое скопище, расположенное на правомъ берегу Джалки, и, какъ видно, имѣлъ намѣреніе серьезно противиться дальнѣйшимъ работамъ. Пушечные выстрѣлы и ружейный огонь, производимый непріятелемъ, не причиняли вреда войскамъ, ибо артиллерія находившаяся при колоннахъ держала чеченцевъ въ почтительномъ разстояніи. 15-го декабря, по свѣдѣніямъ, полученнымъ черезъ лазутчиковъ, Шамиль рѣшилъ атаковать колонну, вслѣдствіе чего она была усилена и состояла изъ 6-ти баталіоновъ (въ томъ числѣ 4-й Апшеронскій), всей кавалеріи отряда и 10-ти орудій; она выступила къ рѣкѣ Джалкѣ въ 5 часовъ утра, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора барона Врангеля. Апшеронскій баталіонъ назначенъ былъ въ авангардъ, которымъ командовалъ полковникъ Рудановскій; авангардъ быстро занялъ развалины сакель у самаго берега рѣки и расположился здѣсь съ 2-мя батарейными орудіями. Генералъ-маіоръ Баклановъ со всею кавалеріею, обойдя авангардъ съ лѣвой стороны, переправился черезъ Джалку, а два баталіона (князя Чернышева полка и Тенгинскій), каждый съ двумя орудіями образовали правую цѣпь. Быстрота и порядокъ, съ которыми войска заняли назначенныя имъ мѣста, парализовали дѣйствія чеченцевъ, а орудія ихъ не находили удобнаго мѣста для дѣйствій и не могли вредить отряду. Баталіоны приступили къ рубкѣ; работа пошла такъ успѣшно, что къ 11-ти часамъ густой лѣсъ на пространствѣ 2-хъ квадратныхъ верстъ не существовалъ и вмѣсто него явилась поляна, удобная для безпрепятственныхъ движеній войскъ во всякое

[11]) Дѣло № 9. Донесеніе № 57. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

время года. Итакъ, цѣль движенія была достигнута, послѣ чего баронъ Врангель предпринялъ обратное движеніе. Въ 12-мъ часу дня началось отступленіе, причемъ авангардъ обратился въ аріергардъ. Лишь только кавалерія возвратилась на лѣвый берегъ, какъ толпы чеченцевъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ, стали приближаться къ отряду и открыли по немъ сильный огонь. Но картечные выстрѣлы батарейныхъ орудій, неумолкаемый мѣткій огонь цѣпи и штуцерныхъ командъ, удержали натиски непріятеля и вся колонна совершила отступленіе въ отличномъ порядкѣ и съ ничтожной потерей: раненъ былъ 1 нижній чинъ и 3 контужено. Весь слѣдующій день войска отдыхали, а 17-го и 18-го декабря была произведена очистка сдѣланной просѣки по обоимъ берегамъ Аргуна, у переправы Тепли. Разореніе ауловъ по рѣкѣ Джалкѣ и истребленіе всѣхъ жизненныхъ припасовъ жителей поставило ихъ въ самое бѣдственное положеніе; лишившись крова и пищи, они принуждены были бѣжать къ Шамилю искать пристанища и просить его защиты. Но встрѣтя со стороны имама однѣ утѣшенія и обѣщанія лучшей будущности, при полномъ отсутствіи какой либо матеріальной поддержки, многіе изъ чеченцевъ, до сего рьяные приверженцы Шамиля, измѣнили ему и рѣшились отдаться подъ покровительство Русскихъ. Однако Шамиль своевременно узналъ о такомъ намѣреніи жителей и взялъ отъ нихъ аманатовъ, а разоренныя семейства размѣстилъ по ауламъ, лежавшимъ около Черныхъ горъ. Баронъ Врангель не ограничился только лишь разореніемъ ауловъ,—онъ открылъ также свободный доступъ къ пахотнымъ полямъ жителей Большой Чечни съ тѣмъ, чтобы по возстановленной просѣкѣ возможно было во всякое время года двигать войска отъ Аргуна на Джалку и препятствовать жителямъ производить полевыя работы. 19-го декабря отрядъ пришелъ въ Воздвиженскъ; сдѣлавъ здѣсь дневку, чтобы дать войскамъ небольшой отдыхъ, баронъ Врангель 21-го числа направился къ Шалинской полянѣ, а въ 4 часа пополудни расположился на правомъ берегу Аргуна, близь истребленнаго аула Большой Чечень. На другой день приступлено было къ производству просѣки на Шалинской полянѣ; работа продолжалась 3 дня, и сопровождалась незначительными перестрѣлками; 24-го декабря просѣку окончили. Исполнивъ по предположенію о зимнихъ дѣйствіяхъ работы на Шалинской полянѣ, баронъ Врангель съ частью отряда остался на рѣкѣ Аргунѣ, а другую часть распустилъ, при чемъ 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка направленъ былъ въ крѣпость Грозную[12]. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ окрестностяхъ Темиръ-Ханъ-Шуры случилось одно происшествіе, прекрасно рисующее мужество и стойкость солдатъ Апшеронскаго полка. 24-го числа команда 2-й мушкетерской роты, въ числѣ 8 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, слѣдовала изъ штабъ-квартиры въ аулъ Большой Дженгутай. Не далеко отъ Бугденя Апшеронцы наткнулись на партію горцевъ въ 50 человѣкъ. Нисколько не потерявшись, они сдѣлали по непріятелю залпъ и затѣмъ завели съ нимъ перестрѣлку, наступая въ то же время на горцевъ; при этомъ солдаты старались отрѣзать партіи путь къ отступленію и поставить ее между двухъ огней, ибо на помощь имъ спѣшили жители. Но хищники, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми, бросились въ разсыпную и успѣли скрыться[13].

Успѣхи наши въ Азіатской Турціи и взятіе крѣпости Карса разрушили иллюзіи Шамиля и его мюридовъ и убѣдили ихъ, что на помощь со стороны Турецкаго Султана нечего было расчитывать, приходилось бороться собственными средствами. Шамиль упалъ духомъ и въ наступившемъ 1855 году вся дѣятельность его направлена была къ оборонѣ Большой и Малой Чечни; въ Дагестанѣ же онъ и не появлялся.

[12]) Дѣло № 9. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[13]) Дѣло № 11. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Кромѣ Койсубу и Аваріи почти весь Дагестанъ относился къ Шамилю враждебно; правда, онъ имѣлъ много приверженцевъ въ Кайтахѣ и Табасарани, но усмиреніе этихъ областей не потребовало-бы большихъ трудовъ и если оно не произошло раньше, то виной были событія отвлекавшія наше вниманіе. Разгромъ сѣверной части Большой Чечни по рѣкѣ Джалкѣ, рельефно обрисовалъ дѣйствительное отношеніе Шамиля къ жителямъ и поселилъ между ними недовѣріе къ дѣйствіямъ имама. Сознавая хорошо, что при такомъ положеніи дѣлъ недалеко уже то время, когда прійдется распроститься съ властью, Шамиль напрягалъ всѣ усилія къ борьбѣ съ нами, надѣясь, что малочисленность войскъ не позволитъ русскимъ открыть наступательныя дѣйствія и они будутъ придерживаться системы практиковавшейся за послѣдніе годы, а тѣмъ временемъ онъ успѣетъ оправиться. Дѣйствительно, въ наступившемъ году никакихъ особенно выдающихся перемѣнъ въ предположеніяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ не произошло,—они были копіей прошлогоднихъ. Такимъ образомъ, назначеніе новаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Муравьева 1-го, не повлекло за собой никакихъ важныхъ перемѣнъ въ образѣ нашихъ дѣйствій.

28-го декабря баронъ Врангель оставилъ позицію на рѣкѣ Аргунѣ; распредѣливъ войска для разсчистки Гойтинской просѣки и сосредоточивъ часть ихъ въ крѣпости Грозной, онъ хотѣлъ такими распоряженіями поселить въ непріятелѣ увѣренность, что зимняя экспедиція уже окончена. Въ первое время движеніе войскъ по различнымъ направленіямъ обмануло чеченцевъ и они повѣрили, что отрядъ распущенъ. Желая поскорѣе избавиться отъ тягостнаго для нихъ продовольствія партій, вызванныхъ Шамилемъ изъ Дагестана, чеченцы просили имама о роспускѣ скопища. 26-го декабря Шамиль распустилъ горцевъ по ауламъ, а самъ уѣхалъ въ Ведень. Однако, какъ ни искусно велось дѣло, чтобы усыпить бдительность непріятеля, всетаки приготовленія къ походу не могли долго оставаться для него тайной. Вскорѣ Шамиль узналъ о готовящейся экспедиціи и немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ сбору скопища. Не зная навѣрное куда двинется отрядъ нашъ, онъ сосредоточивалъ партіи въ различныхъ пунктахъ.

Въ предстоявшихъ съ нашей стороны военныхъ дѣйствіяхъ надлежало: открыть сообщеніе крѣпости Грозной черезъ рѣку Аргунъ съ Умаханъ-Юртомъ; очистить правый берегъ Сунжи и всю сѣверную половину Большой Чечни отъ враждебнаго населенія, чѣмъ обезпечивались покорныя намъ селенія, лежавшія въ углу между Терекомъ и Сунжею, отъ безпрерывныхъ набѣговъ, и соединялась Кумыкская плоскость съ Сунжею.

3-го января въ крѣпости Грозной собрался отрядъ, онъ состоялъ изъ 5-ти баталіоновъ (4-й Апшеронскій, Тенгинскій, Навагинскій, Кабардинскій и Куринскій), двухъ ротъ Кавказскаго линейнаго № 9-й и 10 баталіоновъ, команды саперъ, 22-хъ сотенъ Донскихъ и линейныхъ казаковъ и 17-ти орудій. На другой день, въ 5 часовъ утра, войска направились на Аргунъ къ аулу Тепли. Генералъ-маіоръ Бакановъ со всею конницею двигался впереди пѣхоты и послѣ переправы черезъ Аргунъ, повернулъ на рѣку Джалку къ разоренному селенію Эльдирханъ. Внезапное появленіе казаковъ навело такой ужасъ на жителей, что они почти не сопротивлялись и скрылись въ лѣсахъ. Въ плѣнъ захвачено 27 душъ обоего пола, 230 штукъ рогатаго скота, 90 барановъ и множество имущества. Баронъ Врангель расположилъ отрядъ у Эльдирхана. Однако занятіе селенія не обошлось безъ потерь, ибо нѣкоторые изъ жителей съ отчаяніемъ защищались: ранено: 1 оберъ-офицеръ и 7 казаковъ; контужено 8 казаковъ; убито и ранено лошадей 54. 5-го января съ разсвѣтомъ, отрядъ выступилъ для рубки Герзелинскаго лѣса. Считая необходимымъ безостановочно продолжать движеніе войскъ къ Умаханъ-Юрту, генералъ-маіоръ баронъ Врангель 6-го числа снялся съ лагеря и двинулся черезъ Герзелинскій лѣсъ. Шедшіе впереди три конные полка заняли селенія Гал-

гай и Таубулатъ; вся пѣхота съ однимъ коннымъ полкомъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пулло, расположилась на лѣвомъ берегу рѣки Шавдона и продолжала рубку просѣки внизъ по направленію къ рѣкѣ Сунжѣ. Обозъ, подъ прикрытіемъ баталіона Тенгинскаго полка, переправился черезъ Дока-Шавдонъ и стянулся близь селенія Гумугой, ниже Таубулата. Рубка лѣса производилась весьма успѣшно и къ часу пополудни просѣка имѣла въ ширину до 500 саженей. Окончивъ работы, войска направились къ переправѣ черезъ рѣку Дока-Шавдонъ. До того времени непріятель производилъ лишь слабую перестрѣлку и по временамъ стрѣлялъ изъ своихъ орудій ядрами; но когда чеченцы замѣтили отступленіе войскъ, то завели болѣе живую перестрѣлку съ аріергардомъ, въ составѣ коего находился баталіонъ Апшеронцевъ. Удерживая непріятеля картечнымъ и штуцернымъ огнемъ въ почтительномъ разстояніи, отрядъ продолжалъ движеніе и остановился, дойдя до аула Большой Гуркой, лежавшаго на правомъ берегу Шавдона. Въ этотъ день мы потеряли ранеными 5 нижнихъ чиновъ и 1 оберъ-офицеръ былъ контуженъ. Результатомъ движенія 6-го января явилось уничтоженіе селеній: Шарды, Малый Гуркой и Беной, составлявшихъ сплошное населеніе до рѣки Сунжи; кромѣ того истреблены селенія на Хизи-Шавдонѣ-Аракаріонъ и Абазъ. Съ разсвѣтомъ 8-го января, Чеченскій отрядъ перешелъ Хизи-Шавдонъ и къ двумъ часамъ пополудни сталъ лагеремъ близь Умаханъ-Юрта, на лѣвомъ берегу рѣки Гудермеса, гдѣ къ нему присоединился отрядъ изъ кумыкской плоскости. Этимъ закончилось движеніе Чеченскаго отряда по всей сѣверной половинѣ Большой Чечни; въ продолженіи экспедиціи большая часть селеній была разорена, вооруженныя толпы жителей частью истреблены, частью разсѣяны; войскамъ достались въ изобиліи кукуруза, просо и сѣно, кромѣ того, много запасовъ продовольствія истреблено. Хотя Шамиль и зналъ о бѣдствіяхъ, которымъ подверглось населеніе Большой Чечни, тѣмъ не менѣе онъ не спѣшилъ на помощь, сознавая, что не въ состояніи поправить дѣла. Разоренное населеніе все спасеніе свое видѣло въ переходѣ въ покорные намъ аулы, но находясь подъ строгимъ присмотромъ наибовъ Талгика и Эски, не осмѣливалось этого сдѣлать. Впрочемъ, не смотря на всю бдительность наибовъ, со времени открытія экспедиціи, выбѣжало для поселенія въ нашихъ придѣлахъ 418 семействъ, имѣвшихъ до 1.500 душъ обоего пола. 14-го января 4-й баталіонъ Апшеронцевъ направленъ былъ обратно въ укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру, куда онъ и прибылъ 27-го января [14]).

Теперь перейдемъ къ описанію событій въ Дагестанѣ. Пограничные наибы, слѣдуя инструкціямъ Шамиля, отъ времени до времени посылали партіи въ наши предѣлы для грабежей и увода жителей въ плѣнъ. Жители покорныхъ намъ земель шамхальцы, мехтулинцы, даргинцы и другіе встрѣчали мюридовъ выстрѣлами и кинжалами. Такимъ образомъ, ошибочная тактика Шамиля создала ему только новыхъ противниковъ изъ числа его же единовѣрцевъ. Въ большинствѣ случаевъ набѣги горцевъ оканчивались неудачею, но иногда имъ удавалось угонять стада барановъ, табуны лошадей и пр. Во время нѣкоторыхъ изъ набѣговъ возникали цѣлыя дѣла, въ которыхъ принимали участіе и Апшеронцы. Такъ напримѣръ, на разсвѣтѣ, 5-го января, небольшая хищническая партія захватила близъ аула Хахиты нѣсколько штукъ скота. Конные жители этого аула и верхнихъ Чогловъ бросились преслѣдовать партію, но неожиданно наткнулись на большую партію конныхъ мюридовъ, находившуюся въ засадѣ при подъемѣ на Кутишинскія высоты. На помощь жителямъ подоспѣла сотня конной Даргинской милиціи и, несмотря на численный перевѣсъ противника, заставила его отступить на высоты и далѣе къ Ходжалъ-Махинскому спуску. Между тѣмъ, по рас-

[14]) Дѣло № 14. Секретное. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

пространившейся тревогѣ изъ аула Кутишей на Кутишинскія высоты направился 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка и вся конная Даргинская милиція, а изъ Ходжалъ-Махинскаго укрѣпленія рота Самурскаго полка. Непріятельская партія атаковала Самурскую роту и милицію, но появленіе Апшеронскаго баталіона принудило ее бѣжать по направленію къ Гергебилю. Мюриды оставили въ нашихъ рукахъ всю захваченную у хахитинцевъ добычу, 6 тѣлъ и до 20-ти убитыхъ и раненыхъ лошадей. Съ нашей стороны убыль пала на милиціонеровъ и хахитинцевъ, имѣвшихъ 2-хъ убитыхъ и 7 раненыхъ[15].

Второе большое нападеніе произвели горцы 31-го мая. Въ 8 часовъ утра партія, въ числѣ 500 человѣкъ, раздѣлившись на двѣ части, напала одновременно на табунъ лошадей 3-го баталіона Апшеронскаго полка, пасшійся недалеко отъ аула Кутишей и на стада барановъ, принадлежавшія кутишинцамъ. Находившійся въ прикрытіи табуна взводъ Апшеронцевъ встрѣтилъ горцевъ ружейнымъ огнемъ и, бросившись въ штыки на горцевъ, заставилъ ихъ разбѣжаться[16]. Но зато жительскіе пикеты, стоявшіе на Кутишинскихъ высотахъ, были сбиты мюридами, которые, захвативъ барановъ, направились къ Ходжалъ-Махинскому спуску. По первымъ услышаннымъ выстрѣламъ, управлявшій Даргинскимъ округомъ, подполковникъ Лазаревъ, съ 3-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, командою казаковъ, милиціонерами и со взводомъ горныхъ единороговъ бросился въ погоню за хищниками. Войска слѣдовали съ такою быстротой, что не доходя 4-хъ верстъ до непріятельской крѣпости Улли-кала настигли и окружили партію, которая, бросивъ добычу, пыталась уйти. Но Апшеронцы пошли въ штыки и нанесли горцамъ полное пораженіе. Понеся огромный уронъ, партія въ безпорядкѣ бѣжала за р. Казикумухское Койсу. Съ нашей стороны потеря заключалась въ 2-хъ раненыхъ и 2-хъ контуженныхъ нижнихъ чинахъ Апшеронскаго полка.

Такъ какъ много войскъ въ Дагестанѣ отвлекалось на устройство штабъ-квартиръ, на постройку различныхъ укрѣпленій и другія работы, то главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, приказалъ отмѣнить въ этомъ году всѣ работы, чтобы освободить для военныхъ дѣйствій большее число войскъ. Кромѣ того, для охраненія края онъ предписалъ князю Орбеліани сформировать нѣсколько отрядовъ; одинъ изъ нихъ долженъ былъ расположиться въ Самурскомъ округѣ и двинуться на персидскую границу, въ случаѣ открытія съ этимъ государствомъ военныхъ дѣйствій[17]. Чтобы исполнить желаніе главнокомандующаго, князь Орбеліани уменьшилъ число гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ и фортахъ, отмѣнилъ всѣ работы и, такимъ образомъ, освободилъ для военныхъ дѣйствій 2 баталіона; для несенія гарнизонной службы употреблены были роты 5-хъ баталіоновъ Апшеронскаго, Дагестанскаго и Самурскаго полковъ. Послѣднее распоряженіе имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ образованіе отдѣльнаго Самурскаго отряда могло значительно уменьшить боевую силу войскъ Прикаспійскаго края, что, въ виду тревожнаго состоянія края, было не совсѣмъ безопасно. Когда изъ Табасарани стали приходить вѣсти о волненіяхъ въ народѣ, то князь Орбеліани поторопился исполненіемъ всѣхъ изложенныхъ мѣръ, желая имѣть свободныя войска на тотъ случай, если обстоятельства вынудятъ безотлагательно двинуться въ Табасарань для водворенія тамъ порядка. Волненія въ Табасарани происходили вслѣдствіе неустанной дѣятельностью агентовъ Шамиля, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы возбудить жителей къ возстанію; оно должно было вспыхнуть съ прибытіемъ туда первой значительной непріятельской партіи, какъ то мы видѣли въ 1851 и въ 1852 годахъ. Мюридизмъ въ Табасарани пустилъ на столько глубокіе корни, что даже неудача Хаджи-Му-

15) Дѣло № 8. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
16) Тамъ же. Рапортъ командира баталіона № 672.
17) Дѣло № 57. Предписаніе № 13. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

рата и уничтоженіе партіи Букъ-Магомета не могли охладить всегдашней готовности жителей къ новой борьбѣ. Слѣпо подчинившись волѣ Шамиля, они сдѣлались фанатиками мюридизма, распространяемаго муллою Шихъ-Магометомъ — человѣкомъ весьма вліятельнымъ въ краѣ. Въ первой половинѣ 1855-го года средоточіемъ всѣхъ мюридовъ въ Табасарани явилось селеніе Гашикъ; здѣсь собирали народъ, приводили его къ присягѣ на вѣрность Шамилю и вновь принятому ученію; отсюда же разсылались воззванія и въ другія общества. Хотя такое положеніе дѣлъ и требовало принятія энергичныхъ мѣръ для водворенія спокойствія, однако генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани отложилъ движеніе отряда въ Табасарань до осени, когда всего удобнѣе было дѣйствовать въ этой чрезвычайно лѣсистой мѣстности.

Въ концѣ мая стали формировать отряды, а въ іюнѣ они направились въ назначенные имъ пункты; 4-й баталіонъ съ двумя горными единорогами выступилъ 4-го іюня на Аркасъ, а 1-я мушкетерская рота, подъ командою поручика Энгбрехта, въ аулъ Оглы для охраненія верхнихъ мехтулинскихъ ауловъ.

Съ прибытіемъ Апшеронцевъ на урочище Аркасъ, они сразу попали въ боевую обстановку: кругомъ бродили партіи горцевъ и нерѣдко дѣлали нападенія на наши табуны, фуражировъ и небольшія команды.

Пополудни, 11-го іюля, непріятельская партія, численностью въ 400 человѣкъ, пользуясь туманомъ, скрытно приблизилась къ расположенію отряда. Тридцать человѣкъ отчаянныхъ наѣздниковъ, отдѣлившись отъ партіи, прорвались сквозь пикеты и бросились на табунъ, пасшійся подлѣ лагеря. Но находившійся въ прикрытіи табуна взводъ 4-го баталіона Апшеронцевъ и сотня Донскаго казачьяго № 7-го полка ударили на горцевъ въ штыки и шашки, смяли ихъ и заставили бѣжать. Вслѣдъ за тѣмъ, командиръ 4-го баталіона, маіоръ Долгово-Сабуровъ, съ 2-мя ротами и 5-ю сотнями Донскаго казачьяго и конно-иррегулярнаго полковъ настигъ отступавшую партію на Шеншерекѣ. Здѣсь завязалось жаркое дѣло, продолжавшееся 1½ часа. Не смотря на упорное сопротивленіе, горцы были опрокинуты и отступили въ Араканское ущелье, потерявъ 13 человѣкъ убитыми и много ранеными; съ нашей стороны одинъ всадникъ убитъ и 3 ранено. Чтобы наказать мюридовъ за набѣги, начальникъ отряда, Долгово-Сабуровъ, рѣшился сдѣлать поискъ въ непріятельскіе предѣлы. Получивъ извѣстіе, что стада, принадлежавшія жителямъ аула Кудуха, охраняются слабо, онъ вечеромъ, 17-го іюля, выступилъ съ двумя ротами своего баталіона, 2-мя сотнями Донскаго казачьяго № 7 и 3-мя сотнями Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ и направился на Кудухскія высоты, куда прибылъ въ 1-мъ часу ночи. Къ аулу Кудуху спустились охотники, имѣвшіе въ резервѣ спѣшенныхъ всадниковъ. Они сбили непріятельскій караулъ, состоявшій изъ 7-ми человѣкъ и, захвативъ до 1.000 барановъ, отступили къ пѣхотѣ, расположенной на высотахъ. Къ сожалѣнію, чрезвычайно обрывистая мѣстность не позволила воспользоваться всей добычей, вслѣдствіе чего всадники большую часть барановъ перерѣзали и сбросили въ обрывъ, а 300 штукъ успѣли вывести на высоты. Захваченный скотъ былъ раздѣленъ въ роты и сотни. Собравшіеся по тревогѣ жители нѣкоторое время преслѣдовали охотниковъ и отступавшія сотни, но понеся потерю отъ мѣткаго штуцернаго огня стрѣлковъ, вернулись домой; отрядъ возвратился въ лагерь въ 8 часовъ утра 18-го числа. Ночной набѣгъ стоилъ намъ всего только одного раненаго всадника. Получая отовсюду свѣдѣнія о большихъ сборахъ горцевъ въ Дарго и Мичикѣ, куда Шамиль вызвалъ наибовъ изъ нагорнаго Дагестана съ значительнымъ партіями, командующій войсками князь Орбеліани предположилъ, что имамъ задумалъ устремиться на какой либо пунктъ Владикавказскаго округа. Желая отвлечь непріятеля отъ исполненія

задуманнаго предпріятія, князь Орбеліани рѣшилъ двинуться съ отрядомъ въ Салатавію, осмотрѣть тамъ мѣстность выше Буртуная и спуски въ Гумбетъ, а если возможно, то захватить скотъ, выгоняемый жителями на Салатавскія высоты. Вечеромъ, 3-го августа, къ укрѣпленію Евгеніевскому стянулись 3-й, 4-й и сводный баталіоны Апшеронскаго (сводный изъ 2-хъ ротъ 1-го и 2-хъ ротъ — 2-го баталіона) и баталіонъ Дагестанскаго полковъ, рота линейнаго баталіона, взводъ горныхъ единороговъ, 9 сотенъ Донскихъ казаковъ, 2 сотни конно-иррегулярнаго полка и туземная конная милиція. Въ тотъ-же вечеръ войска переправились черезъ рѣку Сулакъ, а на разсвѣтѣ, 4-го августа, заняли и разрушили завалъ, устроенный салатавцами на хребтѣ Дюзъ-Тау. Оставивъ около завала роту линейнаго баталіона, Орбеліани съ остальнымъ отрядомъ двинулся къ Кыркинскому спуску. Въ 6 часовъ утра передовыя части достигли вершинъ Салатавскаго хребта и спуска въ Гумбетъ, отсюда конница направилась впередъ къ Буртунаю, но жители скрылись въ лѣсахъ и успѣли угнать свои стада. Появленіе нашихъ войскъ на хребтѣ Салатау привлекло на себя вниманіе горцевъ; вскорѣ они начали собираться въ окрестныхъ аулахъ и завели частую перестрѣлку съ цѣпью. Отрядъ перешелъ на позицію къ Дюзъ-Тау и послѣ 4-хъ часоваго привала, къ вечеру, возвратился въ Евгеніевскъ. На слѣдующій день войска направились въ Темиръ-Ханъ-Шуру, съ тѣмъ чтобы оттуда слѣдовать на усиленіе отрядовъ, стоявшихъ на Аркасѣ и на Кутишинскихъ высотахъ (въ послѣдній пунктъ предназначались 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ). Здѣсь войска простояли весь августъ и начало сентября. Наступившіе въ горахъ сильные туманы и холода, а за тѣмъ и выпавшій снѣгъ, принудили князя Орбеліани, для сохраненія здоровья людей, распустить отряды; большая часть войскъ направилась въ свои штабъ-квартиры, а остальные распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ Казикумухѣ оставлено 3 баталіона, въ Даргинскомъ округѣ и въ аулѣ Кутишахъ — 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка и въ Мехтулинскомъ владѣніи — 2 баталіона. Пребывая постоянно въ страхѣ, вслѣдствіе близости нашихъ войскъ, горцы, по уходѣ отрядовъ съ позицій, стали по прежнему выходить на полевыя работы, выгоняли скотъ и баранту на пастьбу и уже не дрожали за цѣлость своего имущества. Впрочемъ, такое безмятежное состояніе продолжалось весьма не долго: князь Орбеліани предписалъ управлявшему Даргинскимъ округомъ, подполковнику Лазареву, производить набѣги въ предѣлы непокорныхъ горцевъ и не давать имъ покою.

Первый поискъ Лазаревъ рѣшилъ произвести къ враждебному намъ аулу Араканамъ. Съ этою цѣлью, въ ночь съ 16-го на 17-е сентября, онъ стянулъ у аула Ахкента 7 ротъ пѣхоты (въ томъ числѣ рота 2-го баталіона Апшеронскаго полка), при взводѣ горныхъ единороговъ и 8-ми сотняхъ милиціи; съ этимъ небольшимъ отрядомъ онъ направился къ Шеншереку. Утромъ, 17-го сентября, араканцы, не подозрѣвая близости русскихъ войскъ, стали выходить изъ аула на полевыя работы, подъ прикрытіемъ своей кавалеріи. Не успѣли они приняться за работы, какъ ихъ атаковала наша пѣхота. Послѣ слабаго сопротивленія, араканцы обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; въ плѣнъ захвачены 3 мужчины и 3 женщины, отбиты одна лошадь и 33 ешака со вьюками. Съ нашей стороны ранено 3 нижнихъ чина (одинъ Апшеронецъ) и 5 милиціонеровъ; контуженъ одинъ оберъ-офицеръ. Набѣги, въ родѣ только что описаннаго, совершались очень часто; не принося каждый въ отдѣльности существенной пользы, они въ общемъ имѣли большое значеніе, отвлекая непріятеля отъ необходимыхъ въ жизни полевыхъ работъ, и заставляли его постоянно быть на сторожѣ.

Наступила, наконецъ, и осень — время года, назначенное княземъ Орбеліани для экспедиціи въ Табасарань. Среди покорнаго Дагестана и далеко позади нашей передовой линіи,

*

вольные табасаранцы и кайтахцы составляли общества, непризнававшія ничьей власти, хотя и входившія въ составъ Дербентской губерніи. Неприступность страны, чрезвычайно гористой и поросшей густымъ лѣсомъ, много способствовала такому независимому положенію. Возбуждая противъ насъ табасаранцевъ, Шамиль имѣлъ въ виду перенести театръ войны въ наши предѣлы, а для поддержанія жителей посылалъ имъ въ помощь сильныя партіи изъ Аваріи. Но, какъ уже мы знаемъ, до сего времени планы Шамиля неудавались: въ 1851-мъ году Хаджи-Муратъ бѣжалъ изъ Табасарани, а въ слѣдующемъ году партія Букъ-Магомета совершенно уничтожена въ Шелягахъ отрядомъ генералъ-маіора Суслова. Съ того времени Шамиль, не взирая на усиленныя просьбы табасаранцевъ, не присылалъ къ нимъ своихъ партій. Тѣмъ не менѣе, какъ въ Кайтагѣ, такъ и въ Табасарани, мюридизмъ развивался все болѣе и болѣе. Въ Кайтахѣ явился проповѣдникомъ Магометъ—кадій уркрахскій, а въ Табасарани — мулла Шихъ-Магометъ, житель аула Ханаха. Въ Уркрахъ и Ханахъ стали стекаться послѣдователи мюридизма и уже отсюда ученіе быстро распространялось въ прочіе аулы вольныхъ обществъ. Въ прошломъ 1854-мъ году аулъ Уркрахъ былъ разоренъ до основанія и бѣгство кадія Магомета нѣсколько успокоило кайтахцевъ: страшась другаго подобнаго наказанія, они уже не такъ охотно принимали посланниковъ Шамиля. За то въ Табасарани волненіе усилилось. Объявивъ себя намѣстникомъ имама, Шихъ-Магометъ приступилъ къ формированію скопища для защиты мюридизма и для сбора податей въ пользу Шамиля. Чтобы не дать волненію разростись, князь Орбеліани двинулъ весною въ Табасарань отрядъ; тогда жители, смущенные и устрашенные появленіемъ нашихъ войскъ, вышли съ изъявленіемъ покорности, присягнули на вѣрноподданство, поклялись жить спокойно и не принимать къ себѣ мюридовъ Шамиля. Но по обыкновенію всѣ ихъ присяги, клятвы и увѣренія исчезли съ уходомъ русскихъ. Лѣтомъ Шамиль прислалъ въ Табасарань губденскаго абрека, Тагиръ-Хаджи, и дербентскаго бѣглеца Неджефъ-Кули съ небольшими партіями. Они обнадежили Шихъ-Магомета въ присылкѣ новой, болѣе сильной помощи изъ Аваріи и увѣряли народъ, что русскіе заняты внѣшней войной, а войска изъ Дагестана вытребованы для войны съ Турціей. Подобными увѣреніями Шамиль волновалъ народъ и утихшее на время возстаніе вновь стало обнаруживаться. Чтобы навсегда покончить съ Кайтахомъ и Табасаранью, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани рѣшилъ произвести экспедицію въ эти провинціи, съ цѣлью подѣлать просѣки въ табасаранскихъ лѣсахъ по главнымъ направленіямъ и довести ихъ до границъ Казикумухскаго ханства, а затѣмъ преобразовать коренное устройство обоихъ обществъ. Въ концѣ октября всѣ предварительныя распоряженія для экспедиціи были окончены; операціонной базой избранъ аулъ Марага, гдѣ 25-го октября и сосредоточился отрядъ въ числѣ 7-ми баталіоновъ (2-й баталіонъ Апшеронскаго полка), 11-ти сотенъ конницы и 8-ми орудій[18]. На случай, если-бы отрядъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе при занятіи и штурмѣ крѣпкихъ каменныхъ ауловъ Табасарани, князь Орбеліани приказалъ привезти въ Мараги двѣ 2-хъ пудовыхъ мортиры. Согласно послѣднимъ полученнымъ извѣстіямъ, Шихъ-Магометъ укрѣпился въ аулахъ Ханахѣ и Ругучѣ и рѣшился упорно защищаться. 27-го октября отрядъ двинулся малыми переходами черезъ рѣку Рубасъ и гору Калугъ-дагъ къ аулу Хушни, куда и прибылъ на слѣдующій день. Сюда явились старшины нѣкоторыхъ ауловъ съ извѣстіемъ, что бо́льшая часть жителей, страшась наказанія, покинула свои дома и удалилась въ лѣса, но Шихъ-Магометъ остался со своими приверженцами въ Ханахѣ и укрѣпляется тамъ. Желая по возможности

[18]) 2-й баталіонъ Апшеронскаго, два Дагестанскаго, три Самурскаго и одинъ Ширванскаго полковъ, 2 сотни Донскаго казачьяго № 14 полка, 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 2 кубинскія и 3 кюринскія конныя сотни милиціи и три сотни пѣшей милиціи, дивизіонъ 2-й батареи 20-й артиллерійской бригады и дивизіонъ 4-й батареи 21-й бригады.

уменьшить число приверженцевъ Шихъ-Магомета, князь Орбеліани объявилъ табасаранцамъ, что тѣ изъ нихъ, которые возвратятся въ свои дома, будутъ прощены, въ противномъ случаѣ грозилъ не оставить въ аулахъ камня на камнѣ. 30-го октября войска двумя колоннами двинулись къ Ханаху; генералъ-маіоръ Манюкинъ съ главною колонною изъ 5-ти баталіоновъ (въ томъ числѣ Апшеронскій баталіонъ) направился по дорогѣ отъ брошеннаго жителями аула Хюреки черезъ поросшій мелкимъ кустарникомъ перевалъ, ведущій въ глубокую долину рѣки Пилекъ-чая, на которой стояли Ханахъ и Ругучъ. По гребню высотъ, вправо отъ дороги, шла боковая колонна, подъ начальствомъ полковника Ракусы; она состояла изъ 2-хъ баталіоновъ и кюринской пѣшей милиціи и предназначалась для обхода заваловъ, устроенныхъ непріятелемъ на перевалѣ въ долину Пилекъ-чая, вблизи Ханаха. Одновременное движеніе главной и обходной колоннъ заставило горцевъ безъ выстрѣла оставить завалы и отступить за Ругучъ и Ханахъ, предавъ ихъ предварительно пламени; наша конница заняла пылавшіе аулы. Вслѣдъ затѣмъ скопище Шихъ-Магомета было сбито съ окрестныхъ высотъ и перестрѣлка прекратилась. Непріятель разсѣялся по лѣсамъ въ Урджалильскомъ магалѣ вольнаго Кайтаха, а отрядъ расположился лагеремъ у Ругуча. Въ слѣдующіе дни князь Орбеліани произвелъ нѣсколько рекогносцировокъ внизъ по Пилекъ-чаю къ Хушни и вверхъ по теченію рѣки къ аулу Куджникъ. Изъ рекогносцировокъ выяснилось, что отъ Хушни и Ханаха до перевала въ Аштикумскій магалъ вело нѣсколько дорогъ, которыя, при нѣкоторой разработкѣ и рубкѣ мѣстами просѣкъ, могли сдѣлаться удобными для движенія по нимъ пѣхоты и артиллеріи. 1-го ноября отрядъ приступилъ къ исправленію дорогъ, рубкѣ просѣкъ и проложенію дороги отъ Ханаха по правому берегу Пилекъ-чая до подъема къ аулу Джульджафу. Черезъ приходившихъ въ лагерь старшинъ нѣкоторыхъ ауловъ, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани объявилъ табасаранцамъ, что войска останутся въ ихъ землѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ прорублены въ лѣсахъ просѣки, что аулы Ханахъ и Ругучъ — главные притоны всѣхъ мюридовъ Табасарани — войска разрушатъ до основанія; остальные-же аулы будутъ пощажены, при условіи возвращенія въ свои дома жителей и принесеніи ими безусловной покорности. Убѣжденія Орбеліани подѣйствовали на табасаранцевъ, и они мало по малу стали возвращаться изъ лѣсовъ въ свои дома. Къ 9-му ноября, росшій въ ущельѣ Пилекъ-чая лѣсъ былъ вырубленъ и сожженъ, здѣсь проложена новая дорога до Джульджафу, а также разработана дорога внизъ по рѣкѣ до Рубаса. 10-го числа Табасаранскій отрядъ по вновь проложенной дорогѣ поднялся на высоты праваго берега рѣки Пилекъ-чая и перешелъ къ верховьямъ ея, гдѣ остановился на позиціи, не далеко отъ аула Куджника. Произведенная отсюда рекогносцировка показала, что кратчайшій путь къ подъему на хребетъ, раздѣлявшій Сюргинское общество и Аштикумскій магалъ отъ Табасарани, проходитъ по гребню служащему водораздѣломъ Пилекъ-чая и Рубаса; гребень этотъ, на разстояніи 6-ти верстъ, былъ покрытъ мелкимъ, но густымъ кустарникомъ, а мѣстами и крупнымъ лѣсомъ. Все означенное пространство начальникъ отряда рѣшилъ очистить отъ лѣса и кромѣ того прорубить просѣку и исправить спускъ къ Пилекъ-чаю противъ ауловъ Шилю и Куджника. Отрядъ перешелъ къ аулу Кулуглу и 12-го ноября приступилъ къ работамъ.

Между тѣмъ, жители Табасарани, остававшіеся еще въ лѣсахъ, сильно страдали отъ холода; видя же бѣгство Шихъ-Магомета и потерявъ надежду на помощь отъ Шамиля, они обратились къ князю Орбеліани съ просьбой дозволить имъ возвратиться въ свои дома. Въ доказательство покорности табасаранцы прислали въ лагерь шелягинскаго мюрида Абдулъ-Кадыръ-кадія — главнаго помощника Шамиля по духовнымъ дѣламъ, пользовавшагося у него большимъ уваженіемъ и принесли голову бывшаго урядника Донскаго № 7 полка Малахова; онъ бѣжалъ

отъ насъ въ 1851 году, вкрался въ большую довѣренность къ Шихъ-Магомету и завѣдывалъ всѣми вооруженными толпами въ Табасаранѣ. Лѣтомъ 1855-го года Малаховъ организовалъ 3 сотни конницы, которыя обучилъ строю. По прибытіи нашихъ войскъ къ Куджнику, жители выставили 500 человѣкъ съ топорами и лопатами для разработки дорогъ, прося дать имъ участки на равнѣ съ солдатами. Покорность табасаранцевъ произвела весьма выгодное для насъ впечатлѣніе и на кайтахцевъ. Любимецъ Шамиля, извѣстный мюридъ Султанъ Ахмедъ Шелягинскій, бывшій главнымъ виновникомъ волненій въ верхнемъ Кайтахѣ, явился въ Ханахъ съ повинною головою, прося себѣ наказанія. Въ случаѣ-же помилованія, онъ клялся быть вѣрнымъ слугою Русскаго Правительства и употребить все свое вліяніе для успокоенія народа. Имѣя всегда возможность провѣрить дѣйствія Султанъ Ахмета и наказать его въ случаѣ измѣны, князь Орбеліани далъ ему полную свободу и приказалъ на дѣлѣ доказать свое усердіе и благодарность. Къ 17-му ноября дорога отъ Кулуглу до Куджника была совершенно разработана и сдѣлана просѣка; она имѣла отъ 400 до 600 шаговъ ширины и тянулась на протяженіи 8-ми верстъ. Оставалось разработать спуски съ Калугъ-дага къ аулу Хушни и сдѣлать просѣку въ долинѣ Рубаса отъ мѣста сліянія его съ Пилекъ-чаемъ, мимо главныхъ ауловъ страны — Ягдыга и Апыля. Съ этой цѣлью 18-го ноября войска перешли на позицію у Хушни. Здѣсь отрядъ раздѣлился на двѣ части: 3 баталіона расположились на правомъ берегу рѣки Рубаса съ тѣмъ, чтобы расчистить спускъ съ Калугъ-дага, а 4 баталіона, (въ томъ числѣ и Апшеронскій) стали лагеремъ при сліяніи Рубаса съ Пилекъ-чаемъ, для рубки лѣса по марагинской дорогѣ. Скудность подножнаго корма заставила начальника отряда распустить конную милицію по домамъ. Послѣдними работами и закончилось устройство военныхъ сообщеній въ Табасарани. Въ промежутокъ времени съ 27-го октября по 27-е ноября Табасаранскій отрядъ нанесъ съ самаго начала рѣшительный ударъ возставшимъ табасаранцамъ, занялъ и разорилъ главные аулы, гдѣ засѣли и думали держаться возмутители. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ безпрерывныхъ и трудныхъ работъ; въ одинъ мѣсяцъ войска успѣли очистить мѣстность и проложить пути вверхъ по Рубасу и Пилекъ-чаю до Ханаха, откуда открывалась весьма удобная дорога по возвышенному и открытому хребту, отдѣлявшему вольную Табасарань отъ Кайтаха; прорублены были спуски съ Калугъ-дага къ Хушни, вслѣдствіе чего открылась Табасарань со стороны Дербента. Кромѣ того, разработано много побочныхъ дорогъ. Въ общей сложности длина просѣкъ, сдѣланныхъ за это время составляла 25 верстъ. Возмутившееся населеніе почти безъ сопротивленія изъявило покорность, а въ послѣднее время неоднократно старалось выказать свое усердіе, выставляя по своей собственной иниціативѣ ежедневно около 500 человѣкъ рабочихъ. Чтобы нагляднѣе доказать полный разрывъ свой съ Шамилемъ и мюридами, табасаранцы разорили дома и истребили имущество жителей, ушедшихъ съ Шихъ-Магометомъ. Окончивъ покореніе края, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани поручилъ управленіе страною кадію капитану Айди и двинулся изъ Табасарани обратно въ Мараги, а 26-го ноября распустилъ войска по штабъ-квартирамъ[19].

На зиму баталіоны Апшеронскаго полка разошлись по ауламъ, а 4-й баталіонъ остался въ аулѣ Кутишахъ для охраненія Даргинскаго округа. 28-го декабря 3-й баталіонъ, подъ командою подполковника Тергукасова, направленъ былъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи чтобы принять участіе въ зимней экспедиціи.

[19]) Дѣло № 8. Секретное. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Въ исторіи Кавказской войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторіи Апшеронскаго полка, 1856 годъ не представляетъ особенно выдающихся событій, — это былъ годъ перехода отъ бездѣйствія и оборонительной системы къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, которыя въ результатѣ должны были дать покореніе края. Шамиль чувствовалъ, что съ назначеніемъ новаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, на него надвигается гроза. Будучи прекрасно знакомъ съ Кавказомъ, проведя здѣсь почти всю свою боевую жизнь, князь Барятинскій еще въ Петербургѣ подалъ записку, въ которой изложилъ систему своихъ дѣйствій для покоренія Кавказа. Вотъ сущность ея. На лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи онъ предполагалъ прочно занять плоскость Большой Чечни, для чего признавалъ необходимымъ продолжать вырубку широкихъ просѣкъ по важнѣйшимъ направленіямъ, а именно: 1) по такъ называемой Русской дорогѣ, отъ Шалинской поляны, черезъ Автуръ, Гельдигенъ и Маюртупъ до Мичика, на соединеніе съ просѣками, проложенными черезъ Качкалыковскій хребетъ, чѣмъ открывалось прямое сообщеніе крѣпости Воздвиженской съ укрѣпленіемъ Куринскимъ; 2) проложить просѣки отъ Умаханъ-Юрта на Гертменскую поляну и далѣе къ Мичику, съ цѣлью открыть прямое сообщеніе крѣпости Грозной съ Кумыкскою плоскостью, и 3) продѣлать нѣсколько поперечныхъ просѣкъ отъ рѣкъ Сунжи и Аргуна до Русской дороги. Съ прорубкой всѣхъ этихъ просѣкъ и съ постройкой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрѣпленій, мы дѣлались полными хозяевами богатой и плодородной долины Большой Чечни, вытѣсняли оттуда все непокорное населеніе или заставляли его принести безусловную покорность. Совокупныя же дѣйствія со стороны Большой и Малой Чечни должны были поставить непріятеля въ крайне стѣсненное положеніе: лишась плодородной равнины, чеченцы теряли возможность добывать себѣ хлѣбъ и пасти свои стада. Въ то же время въ Нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ Шамиль поддерживалъ свое владычество при помощи чеченцевъ, вліяніе его должно было уменьшиться, а созданное имъ единство — рушиться.

Въ Прикаспійскомъ краѣ, по мнѣнію князя Барятинскаго, трудно было переступить за существовавшую оборонительную линію, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока могущество Шамиля не будетъ потрясено отнятіемъ у него Чечни. Когда же возстаніе въ горахъ ослабится занятіемъ Чечни, то и положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ существенно измѣнится; тогда явится возможность двинуться впередъ и приступить къ такимъ предпріятіямъ, которыя въ описываемое время представлялись неудобоисполнимыми, или были несоразмѣрны съ нашими силами и, во всякомъ случаѣ, сопряжены съ большимъ рискомъ. По перенесеніи главнаго театра военныхъ дѣйствій изъ Чечни въ Дагестанъ, первыя и необходимыя мѣры должны были заключаться въ слѣдующемъ: 1) утвердиться на рѣкѣ Кара-Койсу, посредствомъ возведенія сильнаго укрѣпленія въ окрестностяхъ аула Гергебиля, что облегчало намъ предпріятіе, съ цѣлью овладѣнія всѣмъ пространствомъ между Кара-Койсу и Казикумухскимъ Койсу, и подчиняло или вытѣсняло все непріязненное населеніе до самого Аварскаго-Койсу. Расположивъ здѣсь значительный резервъ, мы не только прикрывали главные входы въ Средній и Сѣверный Дагестанъ до рѣки Сулака, но могли одновременно угрожать со всѣхъ сторонъ непріятелю; 2) возвести значительное укрѣпленіе въ Салатавіи, въ окрестностяхъ аула Буртуная; расположивъ здѣсь особый отрядъ, у насъ въ рукахъ очутилось бы все Салатавское плато, довольно плодородное и изобилующее отличными пастбищами; тогда жители вынуждены будутъ или уйти въ глубь горъ, или, что вѣроятнѣе всего, изъявить покорность. Съ занятіемъ Салатавіи, Шамхальская плоскость и низовья Сулака обезпечивались отъ вторженій непріятельскихъ партій и получалась возможность дѣйствовать противъ Гумбета и Ауха. Въ изложеніи системы дѣйствій, ограничимся лѣвымъ флангомъ и Дагестаномъ, гдѣ исключительно приходилось трудиться Апшеронцамъ. Соб-

ственно говоря, система князя Барятинскаго не была нова и не имъ создана: это была нѣсколько видоизмѣненная система генераловъ Ермолова и Вельяминова. Ермоловъ неоднократно писалъ, что обладанія краемъ мы достигнемъ, утверждаясь на равнинѣ, посредствомъ возведенія укрѣпленій или подчиненія обитающихъ здѣсь обществъ русской власти силою оружія. «Не углубляться въ горы, не раздроблять силъ и первоначально довольствоваться распространеніемъ нашего вліянія въ горахъ посредствомъ политическихъ сношеній съ вліятельными тамъ лицами», — вотъ завѣты знаменитаго генерала Ермолова. Но прошло 30 лѣтъ и ни одна наша военная линія не получила еще окончательнаго устройства, нигдѣ мы еще прочно не утвердились. Разгадку такого, поистинѣ страннаго, явленія приходится искать въ образѣ дѣйствій преемниковъ Ермолова, которые въ большинствѣ случаевъ были плохіе полководцы и совершенно игнорировали ермоловскую систему; однимъ словомъ, каждый дѣйствовалъ по своему. Углубляясь въ горы и раздробляя свои и безъ того уже незначительныя силы, они ни на шагъ не подвинули дѣло, и только ошибками своими создали несчастный для насъ 1843 годъ съ его кровавыми жертвами. Вскорѣ послѣ того явилось желаніе поправить все, однимъ ударомъ разбить и уничтожить Шамиля,—создалась Даргинская экспедиція. Затѣмъ послѣдовалъ еще цѣлый рядъ неудачъ, принудившихъ насъ выйти изъ горъ, держаться оборонительнаго положенія и платить Шамилю за набѣги набѣгами, что могло продолжаться еще очень долго. Князь Барятинскій отлично понималъ всю несостоятельность такого рода дѣйствій, вслѣдствіе чего рѣшилъ обратиться опять къ системѣ Ермолова, подвергнувъ ее самымъ незначительнымъ измѣненіямъ, въ связи съ современнымъ состояніемъ края. Окончаніе войны съ Турціей, Франціей и Англіей и заключеніе Парижскаго мира позволило усилить войска на Кавказѣ для болѣе скораго и успѣшнаго дѣйствія; находившіяся въ Азіятской Турціи 13-я и 18-я пѣхотныя дивизіи оставлены были на Кавказѣ, весь Кавказскій корпусъ переформированъ и Апшеронскій полкъ, вмѣстѣ съ Дагестанскимъ, Самурскимъ и Ширванскимъ, вошелъ въ составъ 21-й пѣхотной дивизіи, въ которой состоитъ и до сихъ поръ[20]).

Описывая событія прошлаго года, мы упоминали, что 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка выступилъ 28-го декабря изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на лѣвый флангъ Кавказской линіи; 30-го числа онъ прибылъ въ Хасавъ-Юртъ и поступилъ въ составъ отряда генералъ-маіора барона Николаи. Назначенныя для экспедиціи части войскъ собрались въ станицу Умаханъ-Юртъ еще 28-го декабря; въ отрядѣ находилось шесть баталіоновъ пѣхоты, 11 сотенъ кавалеріи и 8 орудій. Цѣль дѣйствій заключалась въ расширеніи просѣки, сдѣланной въ прошломъ году генералъ-маіоромъ барономъ Врангелемъ, вслѣдствіе чего дорога къ Хизи-Шавдону сдѣлалась болѣе безопасной и отсюда открывался свободный входъ въ Гертменскую поляну. 3-го января къ Чеченскому отряду присоединились Апшеронцы и немедленно приняли участіе въ работахъ. До того времени работы уже нѣсколько подвинулись впередъ, а наканунѣ отрядъ вырубилъ лѣсистый мысокъ, упиравшійся правой стороной своей въ глубокую балку, а лѣвой въ Хизи-Шавдонъ. 5-го января баронъ Николаи выступилъ изъ лагеря съ 6-ю баталіонами (въ томъ числѣ и 3-й Апшеронскій), 10-ю сотнями казаковъ, при 7-ми орудіяхъ; онъ направился по прорубленной просѣкѣ до узкой поляны, въ которую просѣка упиралась. Дойдя до кургана, стоявшаго нѣсколько лѣвѣе просѣки, баронъ Николаи оставилъ здѣсь два баталіона (Тенгинскій и Мингрельскій) съ двумя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Берсенева, а съ остальными войсками пошелъ къ широкому перелѣску, отдѣлявшему курганъ отъ гертменскаго поля; отсюда

---

[20]) Роты въ полку получили общія нумераціи. Дѣло № 40. Секретное. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба.

приступлено было къ рубкѣ просѣки. По всей вѣроятности, непріятель совсѣмъ не ожидалъ появленія нашего съ этой стороны, вслѣдствіе чего войска заняли лѣсъ безъ выстрѣла. Во время работъ чеченцы появились и открыли огонь изъ трехъ орудій, но онъ былъ совершенно безвреденъ. Прорубивъ просѣку шириною въ полъ-ружейнаго выстрѣла и открывъ, такимъ образомъ, доступъ въ самое сердце Большой Чечни, баронъ Николаи въ два часа пополудни началъ отступленіе. Непріятель преслѣдовалъ колонну съ присущей ему энергіей, но картечные выстрѣлы и частыя засады въ балкахъ заставляли чеченцевъ быть осторожнѣе. Произведенное движеніе стоило отряду 2-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ.

По большей части дѣла съ чеченцами не имѣли особенно важнаго значенія,—всѣ они носили характеръ незначительныхъ перестрѣлокъ, которыя непріятель усиливалъ и дѣлался назойливымъ только при отступленіи колоннъ. Но 13-го января чеченцы собрались въ большихъ массахъ. Въ этотъ день для работъ вышла колонна, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ (3-й Апшеронскій и 2 баталіона князя Чернышева полка), при 7-ми сотняхъ и 3-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго баталіона, подполковника Тергукасова, которому было предписано уничтожить завалъ, устроенный непріятелемъ черезъ поляну Гермихизъ къ урочищу Еци-Юртъ. Прибывъ на мѣсто, Тергукасовъ приступилъ къ работамъ; въ это время появились конныя и пѣшія толпы чеченцевъ. Пользуясь пересѣченною мѣстностью, непріятель задался цѣлью мѣшать работамъ, для чего и завелъ весьма сильную перестрѣлку съ передовою и правою цѣпями, и нѣсколько разъ бросался въ шашки. Но находившіеся въ передовой цѣпи Апшеронцы дѣйствіемъ штуцеровъ и штыками опрокидывали противника. Въ 11 часовъ чеченцы открыли огонь изъ орудій; тогда цѣпь двинулась впередъ и огнемъ своимъ принудила ихъ держаться дальше. Уничтоживъ завалъ, колонна двинулась въ лагерь. Непріятель пытался было преслѣдовать отрядъ, но мѣткій штуцерный огонь и атака пѣхоты заставили его разсѣяться. Въ этотъ день у насъ ранено 4 нижнихъ чина. Рубка просѣкъ и расчистка дорогъ продолжалась до 19-го января, и за это время войска исполнили слѣдующія предпріятія: 1) расчистили просѣку на правомъ берегу рѣки Рошни и открыли свободный доступъ къ непокорному населенію, жившему у верховьевъ ея; 2) вырубили лѣсъ вверхъ по Аргуну; 3) продѣлали просѣку отъ Аргунской башни на Мезелинское поле; 4) проложили новую просѣку къ Гертмѣ и расчистили просѣки барона Врангеля и князя Барятинскаго, которыя уже вновь успѣли зарости; истреблено было нѣсколько ауловъ, хуторовъ, небольшихъ поселковъ и много припасовъ жителей. Покончивъ работы, отрядъ возвратился въ крѣпость Грозную. Войскамъ данъ былъ отдыхъ около мѣсяца. 22-го февраля отрядъ, въ томъ же составѣ, но уже подъ начальствомъ генералъ-маіора Евдокимова (заступившаго мѣсто генералъ-маіора барона Николаи), сосредоточился въ крѣпости Воздвиженской, для рубки просѣки въ Большой Чечнѣ, на правомъ берегу рѣки Аргуна. До сихъ поръ войска производили движеніе изъ крѣпости Воздвиженской въ сѣверную часть Большой Чечни по лѣвому берегу Аргуна, обходной дорогой на Теплинскую переправу, что было весьма неудобно; съ прорубкой же новой просѣки создавался безопасный путь по рѣкѣ Аргуну, отъ верховьевъ ея до самого устья. На разсвѣтѣ, 24-го февраля, отрядъ, расположившись лагеремъ на берегу Аргуна, противъ высоты Гойтенъ-Корты, приступилъ къ работамъ. До 6-го марта Апшеронцы находились въ Чеченскомъ отрядѣ, принимая дѣятельное участіе какъ во всѣхъ работахъ, такъ и въ сопровождавшихъ эти работы перестрѣлкахъ, а 6-го марта баталіонъ, по требованію командующаго войсками Прикаспійскаго края, былъ отправленъ обратно въ Шуру[21]).

[21]) Дѣло № 12. Секретное. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Отвлеченный дѣйствіями нашихъ войскъ въ Чечню, Шамиль ничего не предпринималъ въ Дагестанѣ; иногда только незначительныя партіи горцевъ появлялись въ нашихъ предѣлахъ, съ цѣлью грабежей. 3-го мая получено было извѣстіе, что въ окрестностяхъ аула Гимръ принадлежащій жителямъ скотъ пасется безъ особенныхъ предосторожностей, а гимринцы, не тревожимые никѣмъ, выставляютъ весьма малые караулы, а иногда и вовсе ихъ не имѣютъ. Это обстоятельство дало мысль командующему войсками въ Прикаспійскомъ-краѣ, князю Орбеліани, сдѣлать поискъ къ Гимрамъ. Въ ночь съ 4-го на 5-е мая изъ редута Агалъ-Калы выступили 14-я и 16-я роты Апшеронцевъ и 6 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ начальствомъ маіора князя Багратіона. На разсвѣтѣ, 5-го числа колонна поднялась на высоты Узунъ-Бутъ, откуда начинался спускъ къ ауламъ Ирганаю и Гимрамъ. Не смотря на длинный и крутой спускъ и трудно проходимыя тропинки, войска менѣе чѣмъ въ полтора часа спустились въ Гимринское ущелье и, пользуясь туманомъ, подошли къ аулу Гимрамъ почти на 4 версты. Когда туманъ разсѣялся, то сталъ виденъ пасшійся скотъ и нѣсколько человѣкъ жителей, вышедшихъ на работы. Захвативъ весь скотъ, князь Багратіонъ послалъ двѣ сотни къ самому аулу. Неожиданное появленіе нашихъ войскъ произвело между жителями страшный переполохъ; они заперлись въ сакляхъ и завели перестрѣлку со всадниками. Тѣмъ временемъ князь Багратіонъ успѣлъ отправить захваченный скотъ и затѣмъ сталъ отступать. Видя малочисленность отряда, гимринцы оправились отъ замѣшательства и бросились его преслѣдовать, сильно насѣдая на шедшихъ въ аріергардѣ всадниковъ конно-иррегулярнаго полка. Тогда послѣдніе навели толпы жителей на роты Апшеронцевъ, находившіяся въ засадѣ. Принявъ на себя отступавшія сотни, Апшеронцы встрѣтили гимринцевъ залпомъ, а затѣмъ бросились въ штыки. Не выдержавъ молодецкой атаки и понеся большую потерю, непріятель обратился въ полное бѣгство и болѣе не преслѣдовалъ отряда. Князь Багратіонъ поднялся на Койсубулинскій хребетъ почти безъ всякой потери. Весь поискъ стоилъ намъ двухъ раненыхъ. У Гимринцевъ взято въ плѣнъ 5 женщинъ и одинъ мужчина; захвачено 107 штукъ рогатаго скота, много оружія, домашней утвари и другихъ предметовъ. Въ ночь на 20-е мая былъ сдѣланъ второй довольно удачный поискъ въ Салатавію. Вечеромъ, 19-го числа, у Евгеніевска сосредоточились 6 ротъ пѣхоты, охотничьи команды Апшеронскаго и Дагестанскаго полковъ и пѣшіе чиркеевскіе и эрпелинскіе жители. Ночью отрядъ вышелъ изъ Евгеніевска, перешелъ черезъ Сулакъ и двинулся къ непріятельскому завалу, построенному непріятелемъ у горы Дюзъ-Тау. Въ завалѣ оказался непріятельскій пикетъ, изъ котораго нѣсколькихъ человѣкъ охотники захватили въ плѣнъ. Не теряя времени, вся конница понеслась къ ауламъ Новому Зубуту, Хубарамъ и Гуни. Полусонные жители почти не защищались, думая только о спасеніи бѣгствомъ. Захвативъ болѣе 200 штукъ рогатаго скота, 1.900 барановъ и нѣсколько лошадей, отрядъ двинулся обратно. Толпы салатавцевъ начали преслѣдовать войска, но, понеся значительный уронъ отъ огня охотниковъ, прекратили преслѣдованіе и возвратились назадъ. Набѣгъ стоилъ намъ 3-хъ раненыхъ. Поиски, въ родѣ только что описаннаго, совершались очень часто и перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много времени и мѣста. Горцы старались платить намъ тою же монетою, но не всегда вторженія даже и значительныхъ партій сопровождались удачею. Одна изъ такихъ партій, въ 700 человѣкъ, проникла 21-го сентября въ Даргинскій округъ и расположилась засадами въ нѣсколькихъ пунктахъ около аула Кутишей. Утромъ часть партіи была открыта съ башни у Кутишинскаго озера. По тревогѣ собрались 3 сотни Даргинской милиціи; онѣ своевременно замѣтили многочисленность партіи и, занявъ позицію, стали отстрѣливаться до тѣхъ поръ, пока не пришелъ изъ аула Чоглы 1-й баталіонъ Апшеронцевъ съ горнымъ орудіемъ. Непрія-

тель, поражаемый орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ и опасаясь быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, сталъ отступать. Апшеронцы настойчиво преслѣдовали хищниковъ и нѣсколько разъ ходили въ штыки; преслѣдованіе продолжалось до Гергебильскаго спуска, причемъ партія понесла огромный уронъ убитыми и ранеными. Дальнѣйшее преслѣдованіе могло завлечь баталіонъ въ глубь горъ и поставить его лицомъ къ лицу съ превосходными силами горцевъ, поэтому командующій баталіономъ, маіоръ Егоровъ, остановилъ преслѣдованіе и двинулся обратно. Славное дѣло 21-го сентября стоило Апшеронцамъ всего только 1 убитаго и 5 раненыхъ нижнихъ чиновъ; милиціонеровъ убитъ 1 и ранено 4.

Въ заключеніе опишемъ еще дѣло охотниковъ Апшеронцевъ, происходившее 27-го сентября. Охотничья команда находилась въ аулѣ Капчугаѣ, ею завѣдывалъ поручикъ Скворцовъ. Въ ночь на 27-е число, партія горцевъ, численностью болѣе чѣмъ въ 100 человѣкъ, пробралась на Атлыбуюнскую дорогу и успѣла захватить 25 паръ быковъ, принадлежавшихъ жителямъ аула Атлыбуйны. Когда узналъ о происшедшемъ поручикъ Скворцовъ, то немедленно, взявъ охотниковъ и команду казаковъ, поспѣшилъ къ рѣкѣ Сулаку, гдѣ и устроилъ засаду на Міатлинской дорогѣ — постоянномъ пути отступленія всѣхъ хищническихъ партій. Дѣйствительно, около полуночи горцы показались. Не подозрѣвая опасности, они ѣхали совершенно спокойно, безъ всякихъ мѣръ осторожности, окруживъ отбитый табунъ скота; когда партія подъѣхала почти въ упоръ къ охотникамъ, то они сдѣлали залпъ и съ крикомъ «ура» бросились на озадаченныхъ горцевъ. Подхвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, и бросивъ скотъ, непріятель сначала обратился въ бѣгство; замѣтивъ же малочисленность команды, мюриды завязали перестрѣлку и перешли даже въ наступленіе. Когда партія вторично приблизилась, то команда опять сдѣлала залпъ и бросилась въ штыки на конныхъ горцевъ. Смѣлая атака заставила непріятеля разсѣяться во всѣ стороны, оставивъ вторично на мѣстѣ 3 тѣла. Потеря наши въ этомъ дѣлѣ состояла изъ одного раненаго охотника и двухъ убитыхъ лошадей. Весь захваченный партіею скотъ былъ отбитъ и непріятель примѣрно наказанъ. Давъ небольшой отдыхъ командѣ, Скворцовъ возвратился въ Капчугай[22].

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ полку были образованы стрѣлковыя роты, въ каждомъ баталіонѣ по одной; вооружили ихъ штуцерами. Въ стрѣлковыя роты назначались люди преимущественно изъ числа хорошихъ стрѣлковъ, лучшаго поведенія и хорошаго здоровья.

Въ 1854 году Апшеронцы получили слѣдующія награды: подполковникъ Добржанскій — подарокъ въ 200 руб., маіоръ Долгово-Сабуровъ — слѣдующій чинъ; капитаны: Пургасовъ — чинъ маіора, Якубовскому — возвращены ордена, князь Аргутинскій-Долгоруковъ — св. Анны 3-й степени; штабсъ-капитаны: Волковъ и Подборскій — слѣдующіе чины, Гедримовичъ — св. Станислава 3-й степени, Шиманскій — слѣдующій чинъ; поручики: Горинъ, Куриловъ, Хмаренко, Радомицкій и Энгбрехтъ — слѣдующіе чины, Китаевскій и Донецкій — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», Островскому прощенъ штрафъ; подпоручики: Поповъ и Кисилевичъ — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», Головня и Явченко — слѣдующіе чины, Пургасовъ — Монаршее благоволеніе; прапорщики: Коринфскій — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость», Ставровъ — слѣдующій чинъ, Савицкій — св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость»; баталіонный лекарь Николай Пламеневскій — единовременно 125 руб.; чины прапорщика: Эдуардъ Зейдлицъ, Димитрій Домашевскій-Пислякъ, Панкратъ Никора-Ясинскій, Василій Губарь, Василій Пышкинъ, Михаилъ Міоковичъ 1-й, Василій Міоковичъ 2-й, Михаилъ Волынскій, Петръ Парапоновичъ, князь Ришардъ Святополкъ-Мирскій, Карапетъ Бекъ-Даніиловъ, Людвигъ Свѣницкій, князь Михаилъ Хованскій, Василій Лостинскій, Александръ Кетхудовъ, Агабекъ Калантаровъ, Иванъ Гогоберидзе, Григорій Цитліевъ, Павелъ Кушнаревъ, Артемъ Ахвердовъ, Константинъ Чирдилели

[22]) Дѣло № 8. Донесеніе № 38. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

и въ унтеръ-офицеры произведенъ рядовой Григорій Безобразовъ. Знаки отличія военнаго ордена 2-й степени: фельдфебель Василій Колумбетовъ и унтеръ-офицеръ Василій Тимофѣевъ; 4-й степени фельдфебеля и унтеръ-офицеры: Алексѣй Карташевъ, Илья Карташевъ, Илья Потапкинъ, Семенъ Михѣевъ, Архипъ Асоковъ, Иванъ Недиковъ, Александръ Петровъ, Еремей Бомбикъ, Степанъ Емельяновъ, Сильвестръ Соловьяновъ, Сильвестръ Тещинъ, Прокофій Яковлевъ, Иванъ Фоминъ, Василій Остриковъ; рядовые: Василій Осиповъ, Евсѣй Аносовъ, Григорій Акимовъ, Иванъ Жукъ, Григорій Анисимовъ, Илья Романовъ, Петръ Воякинъ, Трофимъ Назаренко, Ефимъ Суслинъ, Пантелей Кущенко, Яковъ Шевченко, Аксентій Саранскій, Трофимъ Лебедевъ, Абрамъ Зубовъ, Василій Гузеватый, Семенъ Ильинъ и Иванъ Кузьминъ[23]).

За 1855 пожалованы были слѣдующія награды: командиру полка полковнику Ассѣеву—Монаршее благоволеніе; подполковнику Тергукасову—св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною и мечами; капитанамъ: Комарову, князю Крапоткину и Васильеву 3-му—слѣдующіе чины; штабсъ-капитанамъ: Кавнацкому и Вріони—слѣдующіе чины; поручикамъ: Струпинскому 2-му и Гиршу—слѣдующіе чины; подпоручикамъ: Струпинскому 1-му—св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость»; прапорщикамъ: Буравцеву и Хмаренко 2-му—слѣдующіе чины; унтеръ офицеру князю Аргутинскому Долгорукову чинъ прапорщика. Нижніе чины получили 6 знаковъ отличія военнаго ордена[24]).

За 1856 годъ: подполковнику Долгово-Сабурову и маіору Егорову—св. Станислава 2-й степени съ мечами; штабсъ-капитанамъ: Щедринскому и Грину—св. Станислава 3-й степени съ мечами; поручикамъ: Островскому и Скворцову—слѣдующіе чины, Калицкому—св. Станислава 3-й степени; подпоручику Комарову—св. Анны 4-й степени, съ надписью «за храбрость»; прапорщикамъ: Коринфскому—чинъ подпоручика, Навроцкому—Монаршее благоволеніе, князю Циціанову—св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость». Чинъ прапорщика—унтеръ-офицеру Осипу Заневичу.

Знаки отличія военнаго ордена 4-й степени: унтеръ-офицерамъ: Даніилу Ященко, Харлампію Медвѣдеву, Петру Ревенко, Осипу Калужному, Дмитрію Петріякову; рядовымъ: Семену Зайцеву, Александру Иванову, Федору Глотову, Петру Семенко, Федору Терновенко, Василію Богуславу, Мартыну Михальскому, Якову Минчуку, Матвѣю Колесникову, Григорію Стрижникову, Ананію Васильеву и Никитѣ Малыхину[25]).

---

[23]) Дѣла №№ 12, 159 и 193. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[24]) Дѣло № 109. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[25]) Дѣло № 47. Особое отдѣленіе. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Тринадцатая.

Осмотръ княземъ Барятинскимъ Большой Чечни.— Результаты рекогносцировки.— Предположенія о дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ.— Выступленіе войскъ въ Салатавію. — Занятіе Теренгульскаго оврага.— Выборъ мѣста для постройки штабъ-квартиры Дагестанскаго полка.—Военныя дѣйствія въ Салатавіи. — Нападеніе непріятеля на транспортъ. — Подвиги поручика Попова-Азотова и прапорщика Безобразова. — Разбитіе скопища.— Потери нашихъ войскъ.— Донесеніе князя Орбеліани о дѣлѣ 24-го іюня. — Кавалерійское дѣло 27-го іюня. — Переходъ отряда къ Старому Буртунаю. — Распредѣленіе войскъ Дагестанскаго отряда. — Закладка штабъ-квартиры.— Нападенія горцевъ.— Удаленіе Шамиля въ Дарго.— Появленіе въ Салатавіи враждебнаго Шамилю движенія.— Изъявленіе покорности жителями Чортау.— Наступленіе ненастной погоды.— Второй періодъ дѣйствій Дагестанскаго отряда.— Взятіе Новаго Буртуная.— Окончаніе работъ по возведенію новой штабъ-квартиры.— Взятіе Апшеронцами непріятельскаго редута.— Донесеніе князя Орбеліани.— Рубка просѣкъ.— Взятіе втораго редута у горцевъ.— Занятіе Дылыма.— Окончаніе дѣйствій въ Салатавіи. — Дѣйствія въ Чечнѣ. — Прибытіе въ Чеченскій отрядъ 1-го и своднаго баталіоновъ Апшеронскаго полка. — Постройка укрѣпленія между Кишень-Аухомъ и Зандакомъ.— Переселеніе ауховцевъ въ горы.— Истребленіе ауховскихъ селеній.— Отступленіе непріятельскаго скопища изъ Бейляръ-Кергана.— Движеніе колонны генерала Кемферта къ Зандаку.— Движеніе отряда въ Большую Чечню.— Составъ отряда.— Уничтоженіе селеній по Хулхулау.— Прибытіе въ лагерь первой депутаціи съ изъявленіемъ покорности.— Прибытіе 600 чеченскихъ семействъ переселенцевъ.— Переселеніе жителей Большой Чечни въ наши предѣлы.— Распоряженія генерала Евдокимова для покоренія остальной части Большой Чечни.— Раздѣленіе отряда.— Движеніе къ Хизи-Шавдону.— Окончательное покореніе Большой Чечни.— Роспускъ Чеченскаго отряда на отдыхъ.— Описаніе Аргунскаго ущелья.— Планъ генерала Евдокимова для овладѣнія Аргунскимъ ущельемъ.— Занятіе Аргунскаго ущелья. — Взятіе Дачу-Барзоя. — Движеніе на Шара-Аргунъ.— Занятіе селеній Душена, Измаилъ-Юрта и Уллусъ-Керты. — Проложеніе просѣкъ и уничтоженіе селеній.— Изъявленіе покорности гойтинцами и гехинцами. Окончательное покореніе Малой Чечни и истребленіе селеній.— Возвращеніе Апшеронцевъ въ Дагестанъ.— Перенесеніе штабъ-квартиры полка въ Ишкарты. — Новый командиръ полка. — Награды за 1857 годъ.

Наступилъ 1857 годъ. По пріѣздѣ на Кавказъ, князь Барятинскій осмотрѣлъ Большую Чечню и произвелъ рекогносцировку въ Аухъ. Рекогносцировка эта ясно указала всю систему будущихъ военныхъ дѣйствій. Главнокомандующій убѣдился, что полное обладаніе Чеченской плоскостью и спокойствіе въ Кумыкской плоскости и въ Шамхальскихъ владѣніяхъ достижимо только при условіи занятія нами ближайшихъ предгорій Андійскаго хребта. Перенесеніе сюда передовыхъ укрѣпленій, согласно съ обще-принятой системой дѣйствій на Кавказѣ, значительно сокращало длину передовой линіи и давало возможность съ меньшимъ числомъ войскъ строже оберегать наши предѣлы отъ непріятельскихъ вторженій. По совѣщаніи съ начальникомъ лѣваго фланга, генералъ-лейтенантомъ Евдокимовымъ, и командующимъ войсками Прикаспійскаго края, генералъ-лейтенантомъ княземъ Орбеліани, князь Барятинскій рѣшилъ перенести штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка изъ укрѣпленія Ишкарты въ Салатавію—въ окрестности аула Буртуная, и исполненіе послѣдняго предпріятія возложилъ на генерала князя Орбеліани.

Для устройства штабъ-квартиры на 2 баталіона, въ суровомъ климатѣ Салатавіи, требовалось сосредоточеніе въ Прикаспійскомъ краѣ значительныхъ силъ, что отчасти достигалось освобожденіемъ войскъ, назначенныхъ для различныхъ работъ, предположенныхъ въ

укрѣпленіяхъ Воздвиженскомъ, Хасавъ-Юртѣ и друг. Съ перенесеніемъ штабъ-квартиры Дагестанскаго полка въ Буртунай, у насъ являлся новый сильный передовой пунктъ, а вышепоименованныя укрѣпленія утрачивали прежнее свое значеніе. Чтобы сосредоточить въ распоряженіи князя Орбеліани всю 21-ю пѣхотную дивизію, главнокомандующій приказалъ два баталіона этой дивизіи, предназначенные для работъ на Военно-Ахтынской дорогѣ и для прикрытія верхнихъ магаловъ южнаго Дагестана, замѣнить двумя баталіонами Бѣлевскаго пѣхотнаго полка, находившимися въ распоряженіи генералъ-лейтенанта барона Вревскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ генералъ-лейтенанту Евдокимову содѣйствовать занятію Салатавіи, въ случаѣ необходимости, наступательными дѣйствіями со стороны Чечни. Съ лѣваго крыла въ Прикаспійскій край были командированы одинъ баталіонъ Кабардинскаго пѣхотнаго и дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полковъ; первый прибылъ въ Салатавію 5-го іюля, а второй былъ расположенъ у Дженгутая, чтобы обезпечить аулъ отъ непріятельскихъ покушеній. Остальныя же войска Прикаспійскаго края размѣщались слѣдующимъ образомъ:

1) для охраненія Самурскаго округа и Нухинскаго уѣзда и для работъ по Военно-Ахтынской дорогѣ, около Барчи и въ окрестностяхъ Лучека—2 баталіона со взводомъ саперъ и 2-мя сотнями конной милиціи Самурскаго округа;
2) въ Кумухѣ и на Гамашинскихъ высотахъ—3 баталіона съ дивизіономъ горной № 4 батареи 21-й артиллерійской бригады и 5-ю сотнями конной милиціи;
3) на Кутишинскихъ высотахъ и въ аулѣ Оглахъ — 2 баталіона со взводомъ горной № 4-й батареи 21-й артиллерійской бригады и 5-ю сотнями Даргинской конной милиціи.

Начальство надъ означенными войсками ввѣрено: въ Самурскомъ округѣ — Свиты Его Величества генералъ-маіору князю Васильчикову, въ Казикумухскомъ ханствѣ — Свиты Его Величества генералъ-маіору Агаларъ-Бекъ-Омаръ-Бекъ-оглы Казикумухскому и на Кутишинскихъ высотахъ — полковнику Лисовскому.

15-го іюня генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани сосредоточилъ въ укрѣпленіи Евгеніевскомъ отрядъ, въ составѣ 10-ти баталіоновъ и 1½ роты пѣхоты, 10-ти орудій 20-й артиллерійской бригады, 2-хъ дивизіоновъ Нижегородскихъ драгунъ и 14-ти сотенъ. Въ составъ этого отряда вошли 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка [1]).

Шамиль предупредилъ жителей о предстоящемъ движеніи нашихъ войскъ въ Салатавію, обѣщалъ имъ дать помощь и, дѣйствительно, прислалъ изъ Гумбета и Ауха 4-хъ наибовъ съ ихъ партіями.

Хотя салатавцы и увѣряли Шамиля, что будутъ сопротивляться намъ всѣми своими средствами, но имамъ не вполнѣ довѣрялъ имъ, и, желая имѣть ихъ въ своихъ рукахъ, подъ различными предлогами, приказалъ угнать въ Мичикъ-Кале и Гумбетъ стада рогатаго скота и барановъ, принадлежавшія жителямъ.

По его же приказанію жители со своимъ имуществомъ и семействами, скрылись въ лѣсахъ и непроходимыхъ оврагахъ, а опустѣвшіе аулы заняты были партіями мюридовъ. Сторожевые непріятельскіе караулы и посты занимали высоты лѣваго берега Сулака.

На слѣдующій день, 16-го іюня, князь Орбеліани послалъ генералъ-маіора Волкова съ частью отряда, для обхода Теренгульскаго оврага, съ цѣлью подготовить безпрепятственное занятіе этого лѣсистаго, глубокаго и трудно-проходимаго оврага, гдѣ горцы успѣли уже сильно испортить спускъ и подъемъ.

---

[1]) 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка, 4 баталіона Дагестанскаго, 2 баталіона Самурскаго, сводный баталіонъ Ширванскаго, 21-й стрѣлковый баталіонъ, взводъ Кавказскаго сапернаго № 1 баталіона съ мастеровою ротою, собранною изъ полковъ 21-й пѣхотной дивизіи.

Въ 3-мъ часу утра генералъ Волковъ выступилъ изъ Евгеніевскаго укрѣпленія и, разобравъ завалъ, устроенный горцами на Ибрагимъ-Дада, готовился уже идти въ обходъ Теренгульскаго оврага; но сильный туманъ и проливной дождь, шедшій съ самаго утра, а также оплошность горцевъ, дали возможность избѣгнуть труднаго и дальняго обходнаго движенія и занять Теренгулъ въ тотъ же день: непріятель, не ожидая наступленія нашихъ войскъ такъ скоро и въ такую погоду, не выставилъ своихъ пикетовъ и, какъ можно было предполагать, не занялъ заваловъ на Теренгулѣ. Пользуясь этимъ, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани повернулъ авангардъ Волкова съ завала прямо на Теренгулъ, и чтобы поддержать его въ случаѣ надобности, ускорилъ движеніе остальныхъ войскъ.

Конно-иррегулярный полкъ, милиція, казаки и баталіоны Дагестанскаго полка съ артиллеріею быстро прошли пространство, отдѣлявшее завалъ отъ Теренгула, бросились въ оврагъ и черезъ полчаса заняли противоположныя высоты и караульную башню.

Узнавъ о появленіи отряда, горцы со всѣхъ сторонъ спѣшили къ Теренгулу, но было уже поздно: быстрота и неутомимость войскъ Дагестанскаго отряда дали возможность сосредоточить въ тотъ же день весь отрядъ на оврагѣ и занять его безъ выстрѣла.

Для обезпеченія сообщеній и безпрепятственнаго подвоза въ отрядъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ для будущей штабъ-квартиры, устроенъ былъ на Ибрагимъ-Дада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился непріятельскій завалъ, вагенбургъ и въ прикрытіе его оставлено два баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка со взводомъ артиллеріи и сотнею конной милиціи.

17-го іюня произведена была усиленная рекогносцировка по направленію къ Новому-Буртунаю. Она показала, что въ военномъ и хозяйственномъ отношеніи самымъ выгоднымъ мѣстомъ для штабъ-квартиры полка была довольно возвышенная покатость, примыкающая къ разоренному аулу Старый Буртунай. Находившійся въ отрядѣ начальникъ инженеровъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-маіоръ Кеслеръ, сдѣлалъ общія соображенія, какъ по устройству собственно штабъ-квартиры, такъ и по возведенію укрѣпленія, для постояннаго занятія прохода черезъ Теренгульскій оврагъ. 21-го іюня, князь Орбеліани вмѣстѣ съ командующимъ войсками лѣваго крыла, генералъ-лейтенантомъ Евдокимовымъ, пріѣхавшимъ на нѣсколько дней въ отрядъ чрезъ Евгеніевское укрѣпленіе, произвелъ вторую рекогносцировку мѣстности около Новаго Буртуная и осмотрѣлъ дороги, ведущія къ Ауху, Дылыму и Зондаку.

Съ этой цѣлью, 2 баталіона пѣхоты со взводомъ горной артиллеріи были выдвинуты на хребетъ передъ Новымъ Буртунаемъ, а вся конница направилась по склонамъ хребта, отдѣляющаго Салатавію отъ Гумбета.

Первоначально здѣсь находились только незначительныя партіи горцевъ, которыя безъ особенныхъ усилій были оттѣснены къ алмакскимъ лѣсамъ. Но съ каждымъ часомъ къ непріятелю прибывали подкрѣпленія и уже 22-го іюня общая числительность скопища доходила до 6.000 конныхъ и пѣшихъ при 4-хъ орудіяхъ. Въ тотъ же день прибылъ въ Новый Буртунай и Шамиль.

Угрожаемые съ одной стороны Шамилемъ, а съ другой нашими войсками, салатавцы продолжали скрываться въ лѣсахъ, гдѣ выжидали результата нашихъ дѣйствій.

Съ прибытіемъ отряда къ Старому Буртунаю, войска занялись разработкою вновь трасированной дороги черезъ Теренгульскій оврагъ, рубкою просѣкъ, а также заготовленіемъ камня и лѣсныхъ матеріаловъ для постройки укрѣпленія. На работы ежедневно употреблялось около 2.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Во время происходившихъ перестрѣлокъ и рекогносцировокъ, у насъ выбыло изъ строя: одинъ раненый и 2 контуженныхъ оберъ-офицера; нижнихъ чиновъ контужено 2. Лошадей строевыхъ убито 6, ранено 3.

Въ полдень, 23-го іюня, въ становищѣ непріятельскаго скопища у Новаго Буртуная замѣчено было усиленное движеніе пѣшихъ и конныхъ партій, направлявшихся къ Дылыму и Зубуту. Штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Окольничій, посланный съ конницею къ Ибрагимъ-Дада, донесъ, что большая часть конныхъ непріятельскихъ партій направляется къ Старому Зубуту, а пѣшія идутъ по большой чиркеевской дорогѣ. Стрѣлки Апшеронскаго полка и 21-го стрѣлковаго баталіона, высланные для поддержанія конницы, успѣли завязать съ непріятелемъ перестрѣлку, но горцы уклонились отъ дѣла и скрылись въ лѣсу. Вечеромъ лазутчики дали знать, что непріятель рѣшился на слѣдующій день сдѣлать нападеніе на колонну съ провіантомъ и на возвращавшійся изъ лагеря въ Евгеніевское укрѣпленіе транспортъ изъ 300 арбъ. Орбеліани немедленно усилилъ прикрытіе транспорта (оно состояло изъ семи ротъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка со взводомъ горныхъ единороговъ и одной сотни конной милиціи) стрѣлковыми ротами: 4-го Дагестанскаго, 5-го Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ и стрѣлками Грузинскаго линейнаго № 13 баталіона; вслѣдъ за нимъ направленъ былъ начальникъ штаба войскъ Прикаспійскаго края подполковникъ Радецкій съ двумя баталіонами Самурскаго пѣхотнаго полка и двумя сотнями Шамхальской конной милиціи. Князь Орбеліани приказалъ Радецкому, въ случаѣ нападенія горцевъ, частью отряда постараться зайти имъ въ тылъ и тѣмъ уничтожить ихъ предпріятіе.

Колонною, слѣдовавшею съ транспортомъ, командовалъ генеральнаго штаба подполковникъ Краевскій.

Непріятель, въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, оставивъ въ Зубутѣ лошадей, значки и тяжести, въ ночь на 24-е число расположился при спускѣ въ Евгеніевское укрѣпленіе; на протяженіи 3-хъ верстъ горцы устроили съ обѣихъ сторонъ дороги завалы и, скрываясь въ лѣсистыхъ оврагахъ, ожидали появленія транспорта. Какъ оказалось впослѣдствіи, здѣсь находилась значительная часть пришедшаго съ Шамилемъ скопища и въ немъ были мюриды изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ Дагестана и Чечни; Шамиль приказалъ имъ уничтожить нашъ транспортъ или положить свои головы.

Первою показалась колонна съ провіантомъ, шедшая изъ Евгеніевска подъ прикрытіемъ роты Грузинскаго линейнаго № 13 баталіона; при подъемѣ на высоты полковникъ Краевскій замѣтилъ непріятеля, вслѣдствіе чего построилъ транспортъ въ каре и завязалъ съ горцами перестрѣлку.

Въ это время авангардъ колонны, шедшій съ транспортомъ въ Евгеніевское, подходилъ къ непріятельской позиціи и командующій 3-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, капитанъ князь Крапоткинъ, со своимъ баталіономъ и стрѣлками Грузинскаго линейнаго № 13 баталіона, бросился выбивать непріятеля изъ заваловъ, возвышавшихся по обѣимъ сторонамъ дороги.

Вправо на завалы пошелъ со взводомъ поручикъ Поповъ-Азотовъ. Апшеронцы штыками выбили непріятеля изъ сильно укрѣпленнаго завала и, занявъ его, дали возможность благополучно прослѣдовать транспорту въ отрядъ.

Въ самый разгаръ дѣла прапорщикъ Безобразовъ получилъ приказаніе со взводомъ выбить штыками непріятеля, засѣвшаго въ крѣпкомъ завалѣ. Безобразовъ безъ выстрѣла направился къ указанному пункту и, не обращая вниманія на сильный огонь горцевъ, бросился на нихъ въ штыки. Нѣсколько мгновеній продолжалась рукопашная схватка съ многочислен-

нымъ непріятелемъ, гдѣ штыкъ соперничалъ съ лезгинскими шашками и кинжалами. Наконецъ горцы были опрокинуты съ страшной потерей и, бросивъ завалы, бѣжали [2]).

Подполковникъ Радецкій, слѣдовавшій нѣсколько лѣвѣе, направилъ, бѣгомъ по лѣсистому и пересѣченному хребту, Самурскіе баталіоны въ тылъ непріятельской позиціи.

Горцы съ ожесточеніемъ дрались въ завалахъ; выбиваемые штыками и артиллерійскимъ огнемъ, они неоднократно пытались овладѣть ими, но каждый разъ неудачно.

Вскорѣ все скопище обратилось въ бѣгство по разнымъ направленіямъ, за исключеніемъ части, находившейся въ оврагахъ, съ лѣвой стороны спуска, которая и лишена была средствъ къ спасенію. Для преслѣдованія бѣгущихъ Апшеронцы, Шімхальская, Кюринская и Чиркеевская конная милиціи спустились въ оврагъ, а горный взводъ обстрѣливалъ его, по возможности, картечью.

По временамъ горцы просили пощады; но едва умолкала перестрѣлка, какъ нѣкоторые изъ нихъ начинали стрѣлять, и побоище снова возобновлялось, продолжаясь съ 8-ми часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни.

Въ 2 часа въ оврагѣ все смолкло: онъ обратился въ обширную могилу горцевъ; послѣ нѣкотораго отдыха, уставшія войска, обремененныя непріятельскимъ оружіемъ, снятымъ съ убитыхъ, поздно вечеромъ возвратились домой.

Транспорты прошли безъ всякой потери.

Непріятель оставилъ въ оврагѣ Джансай-Голъ свыше 400 тѣлъ; между убитыми были: наибы — салатавскій Айтемиръ, технуцальскій Исмаилъ, нѣсколько приближенныхъ Шамиля и многіе изъ почетныхъ въ горахъ мюридовъ [3]).

Въ войскахъ нашихъ раненъ одинъ и контужено два оберъ-офицера; нижнихъ чиновъ убито 11, ранено 24 и контужено 6 (Апшеронцевъ убито 2 и ранено 7).

«Было много частныхъ подвиговъ и отличившихся» — пишетъ въ своемъ донесеніи князь Орбеліани; «изъ числа ихъ обратили на себя особенное вниманіе храбростію и отважностію Апшеронскаго полка капитанъ князь Крапоткинъ, штабсъ-капитаны Гедримовичъ, Кавнацкій и Щедрицкій, поручикъ Яковлевъ, подпоручикъ Поповъ-Азотовъ, прапорщики Буравцевъ и, въ особенности, Безобразовъ».

Того же числа, пополудни, Шамиль, вывезя изъ Алмака 4 орудія, открылъ съ разстоянія отъ 2-хъ до 3-хъ верстъ по лагерю огонь ядрами и гранатами; стрѣльба эта была совершенно безвредна для насъ и на нее совсѣмъ не отвѣчали. Вечеромъ непріятель отвезъ орудія назадъ въ лѣса и слѣдующіе два дня не тревожилъ лагеря.

27-го іюня, въ 3 часа пополудни, Шамиль приказалъ обстрѣливать ядрами изъ 2-хъ орудій авангардный лагерь, расположенный по лѣвую сторону Теренгульскаго оврага. Чтобы заставить горцевъ увезти свои орудія, генералъ-маіоръ Волковъ открылъ огонь, выдвинувъ для того 3 полупудовыя мѣдныя мортиры. Нѣсколько удачно брошенныхъ бомбъ заставили непріятеля убрать артиллерію.

Въ это время лучшая часть непріятельской конницы, отдѣлившись отъ скопища, атаковала стоявшую отдѣльно сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Всадники, принявъ непріятеля ружейнымъ залпомъ, въ свою очередь пошли въ атаку, поддержанную остальными сотнями конно-иррегулярнаго полка, конно-ракетною командою и дивизіономъ драгунъ. Непріятель не выдержалъ контръ-атаки и принужденъ былъ отступить съ большою потерею.

---

[2]) Дѣло № 80. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[3]) Вся переписка Айтемира съ Шамилемъ, его знаки отличія и оружіе достались солдатамъ.

Непріятельское скопище занимало лѣса въ окрестности ауловъ Алмака и новаго Буртуная. Убѣдившись въ нашемъ намѣреніи прочно утвердиться въ Салатавіи, Шамиль всевозможными средствами старался заставить жителей къ переселенію въ Андію и Гумбетъ.

Работы по устройству и оборонѣ удобнаго сообщенія черезъ Теренгульскій оврагъ, по постройкѣ укрѣпленія и заготовленію лѣсныхъ матеріаловъ въ это время шли весьма усиленно.

Въ послѣдніе семь дней потеря Дагестанскаго отряда, кромѣ дѣла 24-го іюня, выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: убиты въ пѣхотѣ 1 офицеръ и 11 нижнихъ чиновъ; ранено послѣднихъ 9 и контужено 3; въ конницѣ контуженъ офицеръ 1, ранено всадниковъ 2 и контуженъ 1. Убито и ранено 12 строевыхъ и 3 подъемныхъ лошади.

Пораженіе, понесенное горцами 24-го іюня на Джансай-Голѣ, въ связи съ неудачами остальныхъ покушеній, и бдительность нашихъ аванпостовъ дали отряду возможность относительно спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Продолжая оставаться на прежней позиціи, Шамиль не рѣшался уже тревожить ни лагеря, ни работъ, ни сообщеній нашихъ.

До сихъ поръ всѣ работы ограничивались устройствомъ обороны Теренгульскаго оврага и обезпеченіемъ путей сообщенія; когда эти предпріятія уже приходили къ концу, явилась возможность перейти съ большею частію отряда къ старому Буртунаю и приняться за постройку предположенной штабъ-квартиры.

6-го іюля начальникъ инженеровъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-маіоръ Кесслеръ, съ начальникомъ штаба войскъ Прикаспійскаго края, подполковникомъ Радецкимъ, произвелъ подробный осмотръ мѣстности, для точнаго опредѣленія линіи огня укрѣпленія и для выбора отряду новой позиціи.

Оставивъ у Теренгульскаго оврага необходимое число войскъ для окончанія постройки отдѣльныхъ башенъ и продолженія заготовленія лѣсныхъ и другихъ матеріаловъ, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани съ большею частью отряда перешелъ 7-го іюля на позицію къ старому Буртунаю.

Съ расположеніемъ войскъ около стараго Буртуная явилась необходимость занять впереди лежащія (въ 1 ½ верстѣ по направленію къ новому Буртунаю) командующія мѣстностію высоты, владѣя которыми непріятель имѣлъ возможность постоянно обстрѣливать лагерь орудійнымъ огнемъ и тѣмъ самымъ замедлять ходъ работъ. Для овладѣнія высотами, князь Орбеліани послалъ командира Сѣверскаго драгунскаго полка, полковника Голембіевскаго, со всею конницею въ обходъ праваго фланга позиціи непріятеля на высотахъ, гдѣ стояла конница Шамиля; одновременно съ этимъ три баталіона приступили къ возведенію землянаго укрѣпленія на два баталіона съ 4-мя орудіями, которое могло-бы прикрывать общее расположеніе войскъ.

Работы начались подъ руководствомъ генералъ-маіора Кесслера, и въ тотъ же день укрѣпленіе было возведено и вооружено.

Между тѣмъ, кавалерія наша сбила и прогнала непріятельскіе аванпосты и конницу. По распространившейся тревогѣ, толпы горцевъ стали поспѣшно собираться на высотахъ между новымъ Буртунаемъ и Алмакомъ; и изъ 4 орудій открыли огонь по кавалеріи. До двухъ тысячъ конницы спустилось въ оврагъ, съ цѣлью отхватить передовыя сотни конно-иррегулярнаго полка, преслѣдовавшія бѣгущихъ. Чтобы поддержать конницу, князь Орбеліани направилъ къ ней одинъ баталіонъ пѣхоты и предупредилъ о намѣреніи непріятеля командующаго Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ, маіора князя Багратіона. Тогда послѣдній собралъ свой полкъ и, выждавъ приближеніе непріятельской конницы, безъ выстрѣла пошелъ въ атаку. Горцы бросились бѣжать, а съ высотъ Шамиль снова открылъ артиллерійскій огонь,—но наши всадники и драгуны, не обращая вниманія на ядра, ложив-

шіяся въ ихъ рядахъ ядра, гнали непріятеля. Непріятельскія орудія быстро снялись и ушли, а разбитыя толпы непріятельской конницы больше уже не показывались.

Въ дѣлѣ 7-го іюля мы потеряли ранеными одного оберъ-офицера, 7 всадниковъ конно-иррегулярнаго полка; контуженъ 1 урядникъ. Лошадей строевыхъ убито 7, ранено 6.

Потеря непріятеля была весьма значительна: онъ оставилъ на мѣстѣ до 15-ти тѣлъ, кромѣ того, одинъ значекъ достался всадникамъ 1-й сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

Въ тотъ же день войска Дагестанскаго отряда расположились такимъ образомъ: въ редутѣ, около самаго Буртуная баталіоны — 21-й стрѣлковый и сводный Ширванскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ и двухъ полупудовыхъ мортирахъ.

Въ лагерѣ около стараго Буртуная—4 баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, при 4-хъ полевыхъ орудіяхъ и 2-хъ полупудовыхъ мортирахъ, дивизіонъ драгунъ, 2 казачьи сотни, конно-иррегулярный полкъ съ конно-ракетною командою и сборная сотня мѣстной милиціи.

На обѣихъ сторонахъ Теренгульскаго оврага—2 баталіона Апшеронцевъ и 2 баталіона Самурскаго полка, при взводѣ горныхъ единороговъ и двухъ полупудовыхъ мортирахъ съ двумя сотнями Шамхальской и столько же Кюринской конной милиціи.

На Ибрагимъ-Дада, для охраненія нашихъ сообщеній съ Евгеніевскимъ, стоялъ баталіонъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, дивизіонъ драгунъ и сотня Шамхальской милиціи, при взводѣ горныхъ единороговъ.

На другой день, не смотря на ненастную погоду и холодъ (температура была не выше 2° по Реомюру), приступлено къ работамъ по устройству новой штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Горцы каждый день завязывали перестрѣлку съ передовой цѣпью; 13-го іюля они напали на нашихъ фуражировъ, но штуцерный огонь 4-й стрѣлковой роты Апшеронцевъ остановилъ натискъ непріятеля, а затѣмъ рота пошла въ штыки и отбросила горцевъ.

Шамиль въ началѣ предполагалъ, что отрядъ не долго простоитъ въ Салатавіи, но 14-го іюля такія предположенія разсѣялись, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ печальной дѣйствительностью.

Въ этотъ день въ нашемъ лагерѣ происходила торжественная церемонія закладки новой штабъ-квартиры. Сначала отслуженъ былъ молебенъ, затѣмъ командующій войсками, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, произвелъ парадъ, сопровождавшійся 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, послѣ чего приступлено къ первоначальнымъ работамъ.

Погода по-прежнему стояла неблагопріятная: все время шелъ дождь, дулъ порывистый холодный вѣтеръ, а на окрестныхъ высотахъ выпалъ снѣгъ.

Скопища непріятеля большею частію перешли въ лѣса, находившіеся за новымъ Буртунаемъ. Шамиль, у котораго уже стали встрѣчаться нѣкоторыя затрудненія относительно продовольствія его скопищъ, всѣ надежды возлагалъ на обильный сборъ хлѣба въ земляхъ Ауховскаго общества. Онъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ салатавцевъ и старался по возможности вредить намъ во время фуражировокъ и тревожить войска ночными нападеніями на лагерь.

Въ ночь съ 16-го на 17-е, партія около 600 человѣкъ, спустившись съ высотъ къ лагерю Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, у стараго Буртуная, открыла по немъ частый ружейный огонь, продолжавшійся около 1 $^1/_2$ часа, но всадники не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ, а два выстрѣла $^1/_4$ пудовыми гранатами разсѣяли горцевъ.

Въ ночь на 18-е число, человѣкъ около 200 мюридовъ, пользуясь лѣсомъ и балками, подползли къ лагерю Апшеронцевъ у Теренгульскаго оврага и завели перестрѣлку; нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ полупудовой мортиры заставили непріятеля прекратить огонь и разсѣяться. Въ эту ночь у насъ ранено два рядовыхъ.

Почти ежедневно во время фуражировокъ происходили перестрѣлки, и только нарѣзныя ружья нашихъ стрѣлковъ заставляли держаться горцевъ на почтительной дистанціи.

Въ ночь на 21-е іюля, въ праздникъ Курбанъ-Байрама, Шамиль, вывезя 4 орудія на высоты передъ лагеремъ, произвелъ до 70-ти выстрѣловъ безъ особеннаго для насъ вреда; замѣтивъ же въ лагерѣ движеніе, и опасаясь за свои орудія, поспѣшно убралъ ихъ.

На слѣдующую ночь Шамиль вывезъ свою артиллерію на лѣсистый курганъ, лежащій за оврагомъ впереди фронта главнаго лагеря, и открылъ по немъ частый огонь ядрами и гранатами. Впрочемъ, выстрѣлы, направляемые съ весьма значительнаго разстоянія, не приносили намъ большаго вреда; между тѣмъ какъ нѣсколько удачно брошенныхъ съ нашей стороны гранатъ изъ $^1/_4$ пудовыхъ единороговъ и $^1/_2$ пудовыхъ мортиръ, выдвинутыхъ близко къ непріятелю, заставили его орудія замолчать и торопливо сняться съ позиціи.

19-го августа горцы открыли по нашимъ фуражирамъ, сильный артиллерійскій и ружейный огонь, на который весьма удачно отвѣчалъ изъ передоваго редута взводъ легкой № 6-й батареи, а штуцера и нарѣзныя ружья удерживали горцевъ по-прежнему въ отдаленіи.

Не смотря на неблагопріятную погоду и частыя попытки горцевъ мѣшать работамъ, послѣднія велись крайне энергично, и постройка новой штабъ-квартиры подвигалась быстро.

Видя всю безполезность своихъ усилій, употребляемыхъ для удержанія Салатавіи, Шамиль удалился въ Дарго, оставивъ для защиты этой страны гумбетовскаго наиба съ незначительнымъ сборомъ. Послѣдній устремилъ все свое вниманіе на наши сообщенія съ тыломъ, откуда и желалъ намъ вредить.

Засѣвъ въ глубокихъ оврагахъ ручья Ахъ-су, вливающагося въ Сулакъ около разореннаго Чиркея, гумбетовцы стерегли спускъ въ Евгеніевское. 20-го августа, мюриды напали на сотню Шамхальской конной милиціи, которая, не дождавшись пѣхотной колонны, спѣшила въ Евгеніевское и слѣдовала въ безпорядкѣ, изрубили 11 человѣкъ и взяли въ плѣнъ побочнаго сына шамхала Тарковскаго, прапорщика Таймазъ-Хана.

Сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и Ширванскій баталіонъ съ орудіями, поднимавшіеся въ это время изъ Евгеніевскаго, быстро двинулись на мѣсто перестрѣлки и, вмѣстѣ съ оправившимися уже шамхальцами, бросились на партію, но та успѣла отступить.

Съ уходомъ Шамиля изъ Салатавіи, въ этой странѣ появилось враждебное имаму движеніе и между самыми рьяными его приверженцами нашлось не мало лицъ, пожелавшихъ перейти къ русскимъ. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ новаго направленія явился салатавскій наибъ, увлекшій за собой жителей аула Чортау, переселенныхъ изъ разореннаго Чиркея. Опасаясь, однако, мщенія Шамиля, подозрѣвавшаго ихъ въ сношеніяхъ съ русскими и поручившаго гумбетовцамъ наблюдать за ними, чортаувцы обратились къ князю Орбеліани, съ просьбою о дозволеніи имъ выйти съ семействами въ отрядъ къ Буртунаю и о поддержкѣ съ его стороны.

Ожидая важныхъ и полезныхъ результатовъ отъ добровольнаго перехода жителей, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, въ ночь съ 29-го на 30-е августа, выдвинулъ за Буртунай къ Чортау, по лѣсистой мѣстности, отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты (3-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Дагестанскаго полковъ) и Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, при 2-хъ горныхъ единорогахъ; порученный генералъ-маіору Волкову, которому предписано было защищать выходцевъ. Для связи съ главными силами около новаго Буртуная поставленъ былъ 1-й баталіонъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка съ двумя легкими орудіями.

Гумбетовцы и дылымовцы угадали намѣреніе наиба и чортаувцевъ и, желая воспрепятствовать имъ, въ ночь на 30-е августа окружили аулъ и завели съ жителями перестрѣлку; но высланные генераломъ Волковымъ на выручку двѣ роты и конно-иррегулярный полкъ успѣли оттѣснить непріятеля, и утромъ, 30-го августа, выходцы, въ числѣ 40 семействъ (116 душъ), были приведены въ лагерь. Между ними находился съ нѣсколькими сыновьями извѣстный Джемалъ,—старшина чиркеевскій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ Шамиля.

Непріятель понесъ значительныя потери: въ числѣ тяжело раненыхъ находился нѣкій Гебекъ, бывшій раньше наибомъ въ Салатавіи, а въ числѣ убитыхъ—Юсуфъ Дылымовскій—весьма почетный человѣкъ.

Первый примѣръ оказался заразительнымъ: переходъ салатавскаго наиба и чортаувцевъ въ нашъ лагерь произвелъ сильное впечатлѣніе на все населеніе Салатавіи, и многія семейства изъ Зубута и другихъ ауловъ и хуторовъ выходили въ отрядъ изъ горъ. Вообще жители пользовались каждымъ удобнымъ случаямъ, чтобы скрыться отъ надзора мюридовъ и преслѣдованія гумбетовскаго наиба Абакаръ-Дебира, которому Шамиль поручилъ препятствовать ихъ переселенію.

Наступилъ сентябрь. Прошло уже $2^1/_2$ мѣсяца какъ отрядъ вступилъ въ Салатавію, проведя все это время въ трудныхъ работахъ и ежедневныхъ перестрѣлкахъ. Постоянная ненастная погода тормозила ходъ работъ и въ особенности препятствовала подвозу къ отряду строительныхъ и продовольственныхъ припасовъ; съ первыхъ же дней сентября началась зимняя стужа.

Проливные дожди смѣнились глубокимъ снѣгомъ съ порывистымъ вѣтромъ, при морозѣ, доходившемъ нерѣдко до 5° по Реомюру.

Нѣкоторыя работы еще продолжались, но за то совершенно прекратилась доставка различныхъ матеріаловъ изъ Евгеніевскаго укрѣпленія.

Для сбереженія лошадей, лишенныхъ подножнаго корма, князь Орбеліани отправилъ всю конницу отряда на Шамхальскую плоскость, гдѣ она должна была оставаться до наступленія хорошей погоды.

5-го октября князь Орбеліани получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Шамиль дѣлаетъ въ Андіи и Гумбетѣ новые сборы; скопище, подъ начальствомъ его сына, Кази-Магомы, должно было на дняхъ прибыть въ Салатавію и Аухъ для противудѣйствія Дагестанскому и Чеченскому отрядамъ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствамъ, что въ послѣднее время работы велись чрезвычайно энергично и сильно подвинулись впередъ, Орбеліани рѣшился на нѣкоторое время оторвать отъ нихъ людей и занять аулъ новый Буртунай, откуда осенью того же года Дагестанскому отряду предстояло рубить просѣки къ Дылыму.

Въ ночь съ 4-го на 5-е октября, командующій войсками двинулся по большой гумбетовской дорогѣ къ новому Буртунаю. Его отрядъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ (въ томъ

числѣ два Апшеронскихъ), роты саперъ, при взводѣ горныхъ единороговъ. Командиръ Дагестанскаго полка, полковникъ Ракусса, съ двумя баталіонами своего полка направился по лѣсистой мѣстности въ обходъ главныхъ буртунаевскихъ укрѣпленій.

Вслѣдъ за главною колонною шли въ резервѣ Самурскій и Дагестанскій баталіоны съ двумя легкими орудіями.

Новый Буртунай оборонялся 200 гумбетовцевъ. Аулъ былъ окруженъ высокимъ брустверомъ, увѣнчаннымъ турами, поставленными въ три ряда одинъ надъ другимъ. Въ мѣстахъ доступныхъ, впереди бруствера, горцы вырыли ровъ глубиною въ двѣ сажени, а крутизны оврага обрыли почти отвѣсно.

Въ аулѣ виднѣлись огни и замѣтно было движеніе людей, что свидѣтельствовало о бдительности гарнизона.

Главная колонна, на разсвѣтѣ, соблюдая глубокую тишину, подошла къ кладбищу около Буртуная; но непріятельскій секретъ, стоявшій на кладбищѣ, замѣтилъ ее, открылъ огонь и поднялъ въ аулѣ тревогу.

Тогда главная колонна бросилась къ аулу, быстро спустилась въ ровъ, овладѣла брустверомъ и, сбросивъ туры, устроила переправу.

Въ то же время колонна полковника Ракуссы ворвалась въ аулъ съ другой стороны, — и черезъ нѣсколько минутъ новый Буртунай находился въ нашихъ рукахъ. Горцы, послѣ довольно слабаго сопротивленія, бѣжали, такъ что вся потеря наша при взятіи весьма сильно укрѣпленнаго аула заключалась въ 14-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Такимъ образомъ, новый Буртунай, на укрѣпленіе котораго Шамиль употребилъ много времени и огромные труды, былъ взятъ нашими войсками почти безъ потерь.

Утромъ, 5-го октября, показались большія партіи пѣшихъ и конныхъ горцевъ съ многими значками, тянувшіяся изъ Гумбета къ Буртунаю; но увидѣвъ, что послѣдній занятъ нашими войсками, однѣ партіи остановились, а другія направились къ Алмаку.

Оставивъ въ новомъ Буртунаѣ 3 баталіона съ 4-мя орудіями, прочія войска князь Орбеліани отправилъ въ главный лагерь, для окончанія работъ по постройкѣ штабъ-квартиры [4]).

На другой день скопище горцевъ, подъ предводительствомъ сына Шамиля, Кази-Магомы, прибыло въ Салатавію и расположилось въ Алмакѣ, Чортау и частью въ лѣсахъ между новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ.

Кази-Магома открылъ огонь изъ 2-хъ орудій по новому Буртунаю и по колоннѣ, сопровождавшей туда провіантъ, что, впрочемъ, было для насъ совершенно безвредно.

На другой день наступилъ сильный холодъ съ морозомъ, доходившимъ до 10-ти градусовъ по Реомюру, выпалъ глубокій снѣгъ, а въ послѣдующіе дни при сильномъ вѣтрѣ почти не переставала вьюга.

Наконецъ, 19-го октября, постройка штабъ-квартиры окончилась, и, на другой день, послѣ Божественной литургіи и благодарственнаго молебна, совершено ея освященіе.

Сопровождавшій это событіе громъ орудій возвѣстилъ непріятелю, что для Салатавіи наступилъ новый періодъ существованія.

За все это время непріятель рѣдко показывался, опасаясь нашего артиллерійскаго и ружейнаго огня.

Окончаніе постройки штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка дало возможность Салатавскому отряду приступить къ послѣднимъ дѣйствіямъ, предположеннымъ въ

4) Донесеніе князя Орбеліани отъ 6-го октября. Дѣло № 34. 2-го Отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

этомъ году: къ занятію и расчисткѣ лѣса на 8-ми—верстномъ пространствѣ между новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ.

Желая одновременно съ предстоявшими работами содѣйствовать также и движенію отряда генерала Евдокимова въ Аухъ (по взаимному между начальниками отрядовъ соглашенію долженствовавшему начаться 1-го ноября), съ цѣлью отвлечь на себя скопище Кази-Магомы, тѣмъ облегчить войскамъ лѣваго крыла Кавказской линіи занятіе аула Зандака,—князь Орбеліани рѣшилъ открыть дѣйствія сутками ранѣе, т. е. 31-го октября.

Сама по себѣ задача Салатавскаго отряда была далеко не легкая: войскамъ предстояло уничтожить громадныя препятствія, воздвигнутыя природою и непріятелемъ.

Значительно возвышенный и обрывистый кряжъ тянулся, постепенно понижаясь, въ прямомъ направленіи отъ Мичикала до Дылыма. Онъ былъ покрытъ вѣковыми лѣсами изъ чинара и дуба, изрѣзанъ остроконечными вершинами и долгое время служилъ надежнымъ убѣжищемъ непріятелю; въ виду строгаго приказанія Шамиля, мѣстность эта была тщательно оберегаема. На всемъ протяженіи хребта, между Буртунаемъ и Дылымомъ, мало доступнымъ по природѣ, горцы построили множество заваловъ и редутъ изъ прочно связанныхъ туровъ. Редутъ этотъ, выстроенный Шамилемъ во время его недавняго пребыванія въ Салатавіи, стоялъ на почти неприступной горѣ (слишкомъ въ верстѣ отъ новаго Буртуная) и защита его была ввѣрена бояльскому наибу съ сотнею отчаянныхъ мюридовъ. Единственная дорога изъ новаго Буртуная въ Дылымъ проходила по гребню лѣсистаго хребта и сильно обстрѣливалась изъ редута и заваловъ.

На разсвѣтѣ, 31-го октября, въ бурную и снѣжную ночь, по распоряженію начальника авангарда, генералъ-маіора Волкова, 4-й баталіонъ Апшеронцевъ, за нимъ саперы и 3-й баталіонъ Апшеронцевъ выступили изъ Буртуная и черезъ часъ достигли подошвы горы, на которой располагался редутъ. Командующій 4-мъ баталіономъ, капитанъ князь Крапоткинъ, повелъ свой баталіонъ на гору. Замѣтя движеніе нашихъ войскъ, стоявшій на валу редута часовой поднялъ тревогу: горцы всполошились, бросились къ турамъ и сдѣлали залпъ по штурмующей колоннѣ. «Но храбрые Апшеронцы, съ крикомъ «ура» устремились бѣгомъ на непріятельскій редутъ. 4-я стрѣлковая рота обошла его справа, остальныя роты шли прямо на-проломъ».

«Видя неизбѣжную гибель, горцы большею частію спасались изъ редута по отвѣсной осыпи, стрѣляя наудачу; но многіе изъ нихъ рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Завязался упорный рукопашный бой,— и результатомъ его явилась гибель мюридовъ».

«Редутъ былъ нами занятъ, и въ немъ осталось 19-ть заколотыхъ штыками тѣлъ, а трое горцевъ были взяты въ плѣнъ живыми».

«Съ нашей стороны при этомъ отважномъ штурмѣ было только 4 раненыхъ» [5].

Въ то время, какъ капитанъ князь Крапоткинъ бралъ редутъ, командиръ 3-го баталіона, подполковникъ Тергукасовъ, съ баталіономъ и саперами быстро двинулся впередъ и занялъ съ боя лежащую въ верстѣ отъ редута лѣсистую высоту, командующую надъ всею мѣстностью между новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ, потерявъ при этомъ всего только 10 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Такимъ образомъ, было занято пространство, гдѣ предполагалось вырубить просѣку; черезъ полчаса баталіонъ Дагестанскаго и баталіонъ Самурскаго полковъ, назначенные на рубку, разойдясь по своимъ участкамъ, приступили къ работѣ [6].

Расположась въ буртунаевскомъ лѣсу, войска съ рѣдкой неутомимостью трудились

---

[5]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Донесеніе князя Орбеліани отъ 5-го ноября. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[6]) Тамъ же. Донесеніе отъ 5-го ноября.

надъ открытіемъ сообщенія къ Дылыму. Непріятель даже мелкими перестрѣлками не тревожилъ отрядъ, готовясь, повидимому, къ болѣе энергическому отпору.

Къ 13-му ноября просѣка была почти окончена; оставалось только вырубить небольшое пространство, за которымъ открывались дылымовскія пашни. Здѣсь, на высокомъ курганѣ, Шамиль приказалъ устроить полуредутъ изъ срубленныхъ деревьевъ, отъ котораго вправо и влѣво, по крутымъ скатамъ, тянулся рядъ заваловъ. Защищалъ эту крѣпкую позицію боголяльскій наибъ Шамхалъ, въ вѣдѣніи котораго находилось 12 другихъ наибовъ. Скопище его простиралось до 3.000 человѣкъ.

Войскамъ Салатавскаго отряда предстояло еще разъ разбить непріятеля.

Согласно съ предварительно отданными распоряженіями, на разсвѣтѣ, 13-го ноября, генералъ-маіоръ Волковъ, командовавшій войсками на рубкѣ лѣса, приказалъ открыть усиленный огонь изъ 2-хъ легкихъ и 2-хъ горныхъ орудій, по редуту и заваламъ и, обстрѣлявъ ихъ на самомъ близкомъ разстояніи, двинулъ съ фронта 2 баталіона, подъ начальствомъ подполковника Горшкова.

Въ то же время подполковникъ Долгово-Сабуровъ, съ двумя ротами 21-го стрѣлковаго баталіона, былъ отправленъ вправо, а другія двѣ роты съ капитаномъ Якубовскимъ пошли влѣво, для обхода непріятельскихъ заваловъ и продольнаго ихъ обстрѣливанія.

3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка шли въ резервѣ.

Самурцы, въ ротныхъ колонахъ, поднялись на оледенѣвшую крутизну и штыками начали выбивать непріятеля изъ редута и смежныхъ заваловъ. Но горцы отступали шагъ за шагомъ и дрались отчаянно. Тогда изъ резерва двинулся 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, а капитанъ Якубовскій со стрѣлковыми ротами зашелъ съ лѣвой стороны заваловъ, откуда и открылъ убійственный огонь по непріятелю. Тѣснимые отовсюду, горцы сбились въ глубокій оврагъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ были окружены Апшеронцами, стрѣлками и Самурцами.

Здѣсь завязался отчаянный, гибельный для горцевъ, рукопашный бой, по окончаніи котораго оврагъ оказался заваленымъ непріятельскими трупами.

Предводитель скопища, боголяльскій наибъ Шамхалъ, и съ нимъ 4 подвѣдомственныхъ ему наиба погибли вмѣстѣ съ 350 горцами, тѣла которыхъ остались на мѣстѣ.

Трофеями нашими въ этотъ день были 5 значковъ и огромное количество оружія. Потеря же отряда заключалась въ 2-хъ раненыхъ оберъ-офицерахъ; нижнихъ чиновъ убито 9 (одинъ Апшеронецъ) и ранено 66 (три Апшеронца).

Пользуясь одержанной побѣдой, князь Орбеліани, къ вечеру того же числа, собралъ находившіеся въ лѣсу баталіоны и занялъ Дылымъ и окрестные аулы, которые вмѣстѣ со всѣми запасами хлѣба и сѣна были преданы огню.

Одновременно, но съ другой стороны, полковникъ Ракусса съ тремя баталіонами Дагестанскаго полка уничтожалъ и жегъ укрѣпленія новаго Буртуная, самый аулъ и редутъ, взятый съ боя 31-го октября.

Слѣдующій день, 14-го ноября, разорены и сожжены аулы: Гуни, Зубутъ, Міатлы и другіе, лежавшіе по правую сторону Теренгула, куда для этой цѣли былъ направленъ полковникъ Лисовскій съ 2-мя баталіонами.

Вся Салатавія находилась въ огнѣ, но послѣ дѣла 13-го ноября уже не раздавалось ни одного непріятельскаго выстрѣла: часть скопища бѣжала за рѣку Акташъ, а большинство горцевъ направилось прямо чрезъ Мичикалъ, по домамъ, увозя и унося съ собою раненыхъ.

Итакъ, Дагестанскій отрядъ достигъ своей цѣли; его труды и усилія увѣнчались полнымъ и блестящимъ успѣхомъ: укрѣпленіе на Буртунаѣ окончено, Салатавія разорена,

жители ея принуждены селиться на мѣстахъ прежнихъ салатавскихъ ауловъ по Сулаку; просѣка отъ Буртуная къ Дылыму приведена въ такое положеніе, что войска могли двигаться по этому пространству безопасно.

Суровость зимы и приведеніе къ желаемому концу задачи, возложенной на Дагестанскій отрядъ, побудили князя Аргутинскаго распустить войска по ихъ штабъ-квартирамъ для отдыха, который являлся совершенно необходимымъ послѣ пятимѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ.

16-го ноября отрядъ перешелъ къ Евгеніевскому укрѣпленію, а въ Буртунаѣ осталось лишь 4 баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ полковника Ракуссы. Изъ Евгеніевскаго войска направились въ свои штабъ-квартиры.

Государь Императоръ Александръ II, по всеподданѣйшемъ докладѣ донесенія генералъ-лейтенанта князя Орбеліани о дѣлѣ Дагестанскаго отряда въ Салатавіи, 13-го ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: «объявить въ приказѣ за это прекрасное дѣло Монаршее благоволеніе генералъ-адъютанту князю Орбеліани и всѣмъ участвовавшимъ въ ономъ, а нижнимъ чинамъ Дагестанскаго отряда дать по одному рублю серебромъ на человѣка, донесеніе-же о дѣлѣ 13-го ноября напечатать въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Раньше мы упоминали, что 1-го ноября отрядъ генералъ-лейтенанта Евдокимова отправился въ Аухъ, съ цѣлію возвести тамъ укрѣпленіе.

Произведя 10-го ноября подробную рекогносцировку мѣстности между Кишень-Аухомъ и Зандакомъ, генералъ Евдокимовъ избралъ мѣстомъ для постройки укрѣпленія лѣвый берегъ рѣки Ярыкъ-су, въ 3-хъ верстахъ ниже аула Зандака.

Причины, побудившія генерала Евдокимова избрать именно этотъ пунктъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) возведенное здѣсь укрѣпленіе защищало узелъ дорогъ, направлявшихся изъ Ауха въ Салатавію, черезъ Акташъ-Аухъ и Дылымъ, а отсюда въ Ичкерію и къ подошвѣ Андійскаго хребта; 2) получалось правильное и удобное сообщеніе съ Кумыкскою плоскостью и даже прямая дорога до крѣпости Внезапной не требовала особенной разработки; 3) войска имѣли въ своемъ распоряженіи прекрасныя пастбища и 4) постройка укрѣпленія среди земли аухцевъ лишала жителей принадлежавшихъ имъ пахотныхъ и пастбищныхъ мѣстъ.

13-го ноября между Кишень-Аухомъ и Зандакомъ происходила закладка укрѣпленія и приступлено къ работамъ.

Отрядъ, усиленный двумя баталіонами Апшеронскаго полка [7] и 4-мя горными орудіями, прибывшими 16 и 22 ноября, до 3-го декабря трудился надъ возведеніемъ укрѣпленія и проложеніемъ удобныхъ къ нему сообщеній.

«Только неутомимости войскъ и отличному исполненію всѣми чинами отряда своего дѣла, — пишетъ Евдокимовъ въ своемъ донесеніи главнокомандующему, обязанъ я тѣмъ, что огромныя работы по устройству укрѣпленія, коего линія огня простирается слишкомъ версты на двѣ, окончены 3-го декабря» [8]. За то-же время проложено было на 8 верстъ дорогъ и прорублено 5 квадратныхъ верстъ просѣкъ.

Принимая въ соображеніе необыкновенно твердый грунтъ земли, неудобство дорогъ и необычайный по времени года холодъ, нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ огромнымъ трудамъ, понесеннымъ нашими войсками въ такой сравнительно непродолжительный срокъ.

---

7) 1-й баталіонъ, подъ командою маіора Егорова и сводный (2-я стрѣлковая, 5-я, 6-я, 17-я и 18-я линейныя роты), подъ командою подполковника Долгово-Сабурова.

8) Дѣло № 22. Журналъ военныхъ дѣйствій войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи. 2 Отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Чтобы не позволить непріятелю мѣшать работамъ, Евдокимовъ посылалъ по разнымъ направленіямъ небольшія наблюдательныя колонны изъ пѣхоты и кавалеріи. Почти ежедневно мы имѣли, по большей части, маловажныя перестрѣлки. Шамиль, видя отрядъ расположеннымъ на выгодной позиціи, не рѣшался предпринимать чего либо серьезнаго, тѣмъ болѣе, что и скопище его вначалѣ было не велико, и только ночью, 14-го ноября, въ подкрѣпленіе къ нему пришла значительная партія съ артиллеріею. 15-го ноября имамъ приказалъ открыть орудійный огонь по нашимъ войскамъ; но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ орудій съ нашей стороны заставили умолкнуть непріятельскую артиллерію.

18-го ноября Шамиль, поставивъ три орудія противъ аула Малхонберта, расположеннаго на берегу рѣки Кишень, съ 4.000 пѣхоты и конницы предпринялъ рекогносцировку нашей позиціи.

Къ тому времени уже начали обозначаться валы укрѣпленія; подобное обстоятельство вполнѣ убѣдило непріятеля, что отрядъ пришелъ въ Аухъ не временно, и что въ недалекомъ будущемъ Шамилю придется отказаться отъ этой прекрасной страны.

Желая оттѣснить и заставить скопище прекратить огонь изъ орудій, генералъ Евдокимовъ послалъ къ Малхонберту полковника Бажанова съ 3-мя баталіонами пѣхоты и 4-мя орудіями и полковника Мусу-Кундухова со всею кавалеріею, при 4-хъ конныхъ орудіяхъ. Быстрое движеніе послѣдней заставило непріятеля очистить все пространство лѣваго берега Кишеня, вслѣдъ за тѣмъ пѣхота заняла Малхонбертъ. Аулъ былъ сожженъ, а жители, въ числѣ 30-ти семействъ, перешли къ намъ въ лагерь.

Въ Малхонбертѣ найденъ незначительный запасъ боевыхъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Придя къ полному убѣжденію въ невозможности противиться нашимъ предпріятіямъ въ Аухѣ, Шамиль отошелъ къ Бійляръ-Кергану.

Расположеніе непріятеля въ Бійляръ-Керганѣ представляло для него ту выгоду, что онъ находился въ центральной—относительно Дагестанскаго и Ауховскаго отрядовъ—позиціи. Однако успѣхи нашихъ войскъ показали Шамилю, какъ не много можно извлечь пользы изъ своего расположенія, и тогда онъ приступилъ къ переселенію ауховцевъ въ глубь горъ. Съ этой цѣлью мусульманское духовенство съ новымъ жаромъ принялось проповѣдывать фанатическое ученіе мюридизма, и, вмѣстѣ съ тѣмъ началось истребленіе жилищъ ауховцевъ и ихъ запасовъ хлѣба и сѣна. Каждый день получались извѣстія объ уничтоженіи горцами разныхъ ауловъ и о переселеніи жителей въ Ичкерію.

Такой образъ дѣйствій со стороны Шамиля, принося ему мало пользы, только ускорялъ развязку кавказской драмы. Генералъ Евдокимовъ нарочно распускалъ слухи о своемъ намѣреніи двинуться къ Бійляръ-Кергану, съ цѣлью выгнать оттуда скопище горцевъ; подобные слухи вынуждали Шамиля напрягать всѣ усилія къ скорѣйшему очищенію отъ населенія занятой отрядомъ страны. Вотъ почему намъ безъ особаго труда досталась земля ауховцевъ, а непокорное населеніе, все болѣе и болѣе скопляясь въ горахъ, терпѣло тамъ крайнюю нужду, вырубало лѣса, нуждалось въ хлѣбѣ и приходило къ убѣжденію, что единственное средство выйти изъ такого невыносимаго положенія—это покориться намъ.

24-го ноября непріятель опять собрался на высотѣ противъ аула Каме, чтобы его жителямъ, переселявшимся въ горы, облегчить перевозку имущества. При сборѣ находился и Шамиль. Горцы открыли артиллерійскій огонь по находившимся на работахъ войскамъ, но съ такого дальняго разстоянія, что онъ былъ совершенно безвреденъ. Полковникъ Муса Кундуховъ съ кавалеріею и милиціею скрытно приблизился по балкѣ къ непріятельскому расположенію и молодецкою атакою опрокинулъ горцевъ въ оврагъ.

Переселеніе ауховцевъ продолжалось съ успѣхомъ; за то безпощадное истребленіе гор-

цами запасовъ хлѣба и сѣна, оказало плохую услугу Шамилю, и его скопища, всегда жившія на счетъ жителей, остались безъ продовольствія еще 25-го ноября, поэтому имамъ принужденъ былъ распуститъ большую часть своей кавалеріи.

Въ концѣ ноября почти всѣ ауховскія селенія были сожжены, оставались только Бійляръ-Керганъ, Зандакъ и нѣкоторыя другія, лежавшія на пути отъ мѣста расположенія Шамиля, въ сторону Ичкеріи.

28-го числа генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ объявилъ лазутчикамъ, что на другой день намѣревается идти въ Бійляръ-Керганъ. Вечеромъ зарево надъ этимъ ауломъ показало намъ, что извѣстіе въ точности достигло до Шамиля и онъ намѣревается отступить. 29-го ноября колонна изъ 10-ти баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ оба Апшеронскіе баталіона), 2-хъ дивизіоновъ драгунъ, 9-ти сотенъ казаковъ и 12-ти орудій [9], подъ начальствомъ генералъ-маіора Кемферта, послана была къ Зандаку, съ цѣлью отрѣзать отступленіе непріятелю. Полковникъ Бартоломей командовалъ авангардомъ колонны. У самаго Зандака замѣчены были толпы непріятеля, большею частью уже достигшія лѣсныхъ горъ, гдѣ онѣ находились въ полной безопасности, и только непріятельскій аріергардъ занималъ еще Зандакъ, прикрывая отступленіе. Полковникъ Бартоломей ворвался въ аулъ, сжегъ свезенные туда значительные запасы хлѣба и сѣна и, разрушивъ сакли, пощаженныя пламенемъ, отступилъ къ главной колоннѣ, потерявъ 5 человѣкъ ранеными. Вскорѣ послѣ того колонна возвратилась въ лагерь.

3-го декабря укрѣпленіе было окончено; его вооружили 15-ю орудіями крѣпостной артиллеріи и снабдили 3-хъ—мѣсячнымъ запасомъ продовольствія, а для защиты оставлены 3 баталіона и два легкія орудія. Вновь созданное укрѣпленіе названо Навагинскимъ.

5-го декабря отрядъ перешелъ къ урочищу Наурузъ, близъ укрѣпленія Куринскаго.

Занятіе Ауха и возведеніе тамъ укрѣпленія стоило намъ всего только 2-хъ убитыхъ и 7-ми раненыхъ нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 2 нижнихъ чина.

Продолжительное напряженіе силъ Шамиля въ теченіи послѣдняго года, сначала противъ Дагестанскаго отряда, потомъ противъ отряда генерала Евдокимова въ Аухѣ, а также суровая погода весьма утомили и обезсилили его скопища; поэтому можно было предполагать, что, послѣ ухода сбора 29-го ноября отъ Бійляръ-Кергана, имаму не скоро представится возможность собрать опять значительныя силы. Между тѣмъ, чеченцы, ожидая движенія отряда въ ихъ земли, просили помощи у Шамиля, который, послѣ роспуска скопища изъ Ауха, послалъ къ нимъ только конную партію въ 500 человѣкъ; въ устраненіе отъ себя нареканій и для успокоенія чеченцевъ, онъ увѣрялъ ихъ, что нашему отряду предстоитъ еще много дѣла въ Аухѣ и опасность можетъ угрожать лишь весной. Очевидное разстройство непріятеля, въ связи съ невозможностью для Шамиля оказать дѣйствительную помощь чеченцамъ, подало мысль генералу Евдокимову двинуться немедленно въ Большую Чечню и нанести ей рѣшительный ударъ.

Непокорное населеніе плоскости Большой Чечни, тѣснимое въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, окончательно усѣлось въ низовьяхъ рѣкъ Хулхулау и по Шавдонамъ, лежащимъ между первою рѣкою и Джалкою. Весьма трудно составить себѣ представленіе объ этой мѣстности, не видѣвъ ея; достаточно упомянуть, что топкіе берега Шавдона, сплошь покрытые густымъ, трудно проходимымъ лѣсомъ, дѣлали мѣстность по этой рѣкѣ почти недоступной во всякое время года, не исключая и зимы.

9) 1-й и сводный баталіоны Апшеронцевъ, 20-й и сводно-линейные стрѣлковые баталіоны, 2 баталіона Тенгинскаго, 2 баталіона Навагинскаго и 2 баталіона Кабардинскаго пѣхотныхъ полковъ, 2 дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, 5 сотенъ Донскихъ и 4 линейныхъ казачьихъ полковъ, 2 батарейныхъ, 8 горныхъ и 2 конныхъ орудія.

6-го декабря, отрядъ изъ 14 ½ баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 13-ти сотенъ казаковъ, 5-ти сотенъ милиціи, ракетной команды и 22-хъ орудій расположился на Мичикѣ, а на другой день, въ 5 часовъ утра, выступилъ къ низовьямъ Хулхулау [10]. Тяжелый обозъ былъ отправленъ, черезъ Исти-су и Умаханъ-юртъ прямо въ Грозную. Непріятель не подозрѣвалъ настоящей цѣли движенія и полагалъ, что войска пройдутъ въ Грозную по обыкновенной русской дорогѣ. Между тѣмъ, генералъ Евдокимовъ, выступивъ до разсвѣта, двинулся внизъ по Мичику, и отрядъ незамѣтно подошелъ къ рѣкѣ Шавдону, у аула Али-юртъ. Теперь только жители ауловъ, лежащихъ по Хулхулау, увидѣли грозившую имъ опасность, начали поспѣшно выбираться изъ жилищъ и увозить свое имущество; но было уже поздно: полковникъ Бартоломей съ авангардомъ колонны [11] быстро переправился черезъ Хулхулау, ворвался въ самую густую скученность ауловъ и занялъ тамъ крѣпкую позицію. Въ то-же время полковникъ Бажановъ съ однимъ баталіономъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ къ аулу Мицой-Ирзау и овладѣлъ имъ.

Вслѣдъ затѣмъ подошелъ генералъ Кемфертъ съ остальными частями отряда и расположился лагеремъ, занявъ всѣ селенія на урочищахъ Хасы-Ирзау.

Много непріятельскихъ тѣлъ осталось въ нашихъ рукахъ, и нѣсколько человѣкъ захвачено въ плѣнъ. Въ теченіи остальной части дня и всю ночь войска уничтожали разбросанные аулы и лѣсъ внутри бивуачнаго расположенія и въ его окрестностяхъ.

Большая часть жилищъ непокорнаго населенія на Хулхулау была уничтожена; огромные запасы хлѣба и сѣна истреблены. Жителямъ предстояло два исхода: или, по примѣру ауховцевъ, переселиться въ горы и терпѣть тамъ крайнюю нужду, или покориться намъ. Они благоразумно выбрали послѣднее. Ночью прибыли въ отрядъ депутаты отъ всего народонаселенія долины рѣки Хулхулау съ заявленіемъ принести покорность и переселиться въ покорные аулы. Депутаты просили только, чтобы Евдокимовъ освободилъ плѣнныхъ, коихъ семейства обѣщаются выйти изъ горъ, и оказалъ покоряющимся помощь войсками при переселеніяхъ, потому что Шамиль, вновь собравъ скопище, успѣлъ усилить раньше присланную въ Чечню партію и намѣревается препятствовать жителямъ выходить къ русскимъ. Партія держалась у разрушеннаго аула Чамирзау. Евдокимовъ обѣщалъ депутатамъ двинуть на другой день (8-го декабря) отрядъ къ аулу Цаинъ-Ирзау и приказалъ имъ собрать на полянѣ, передъ ауломъ, всѣхъ рѣшившихся принести покорность. Въ 8 часовъ утра, 8-го декабря, къ аулу Чамирзау выступила, подъ командой генералъ-маіора Ольшевскаго, изъ лагеря колонна состоявшая изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 4-хъ сотенъ казаковъ и 6-ти орудій; черезъ часъ она уже подошла къ ауламъ Урусъ-Хана и Чамирзау, и застала здѣсь всю партію, присланную Шамилемъ; обстрѣлявъ аулы картечью, генералъ Ольшевскій пустилъ пѣхоту въ штыки, а кавалерія пошла въ обходъ ауловъ. Менѣе чѣмъ въ часъ партія была прогнана.

По присоединеніи колонны генералъ-маіора Ольшевскаго къ главнымъ силамъ, генералъ Евдокимовъ выступилъ со всѣмъ отрядомъ къ Цаинъ-Ирзау. Передъ Цаиномъ собрались покорившіеся чеченцы, въ числѣ свыше 400 семействъ; ихъ арбы съ имуществомъ и стада занимали всю поляну. Кромѣ того, группы покорившихся тянулись со стороны

---

[10]) Составъ отряда былъ слѣдующій: баталіоны — 1-й и сводный — Апшеронцевъ, 20-й и сводно-линейный стрѣлковые, 3 — Виленскаго, 2 — Тенгинскаго, 4 — Навагинскаго, одинъ Куринскаго пѣхотныхъ полковъ, и рота сапернаго № 2 баталіона; два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка; сотни — по двѣ отъ 66, 11 и 78 Донскихъ казачьихъ полковъ; линейныхъ казачьихъ полковъ: Моздокскаго—3, Гребенскаго—одна, Кизлярскаго—2, 2-го Сунженскаго одна ракетная команда отъ Донскаго № 66 полка; милиціи: Карабулакской, Осетинской и Кумыкской 5 сотенъ, батарейной № 5 батареи 18-й артиллерійской бригады два орудія и по 4 орудія: батарей — легкой № 7 той-же бригады, легкой № 4 батареи 19-й бригады, горной № 2 батареи 20-й артиллерійскихъ бригадъ и конно-казачьей № 15 батареи.

[11]) Авангардъ состоялъ: изъ 4-хъ баталіоновъ (въ томъ числѣ оба Апшеронскіе баталіона) и 4-хъ орудій.

Гертме. Отрядъ медленно выходилъ на поляну и принималъ всѣхъ этихъ людей,—до того непримиримыхъ враговъ нашихъ. Въ самомъ Цаинѣ жители совершенно приготовились выйти, а ихъ имущество, положенное на арбы, было уже вывезено изъ аула.

Но одновременно съ прибытіемъ отряда на поляну, изъ Автура лѣсомъ къ Цаину подошли мюриды Шамиля. Переселенцы были остановлены, и въ селеніи началось смятеніе. Тогда Евдокимовъ выдвинулъ часть кавалеріи, при 4-хъ конныхъ орудіяхъ, и приказалъ открыть огонь по аулу. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ выбѣжали почетные жители съ извѣстіемъ, что мюриды удаляются и что всѣ жители немедленно выйдутъ; вслѣдъ за тѣмъ къ переселенцамъ, уже находившимся по среди отряда, присоединились и жители Цаина.

Всю ночь прибывали съ разныхъ сторонъ въ бивуакъ отряда семейства жителей; множество чеченцевъ изъ селеній, въ которыя не поспѣвали мюриды, переселились прямо въ ближайшія укрѣпленія наши; до 70-ти семействъ въ ту же ночь отправились въ Умаханъ-юртъ и почти такое же число перешло въ аулъ Исти-Су.

Ночью, въ окрестностяхъ лагеря, далеко впереди секретовъ, послышались крики и выстрѣлы. Полковникъ Зотовъ получилъ приказаніе, съ частью пѣхоты и со всей кавалеріей, разузнать о причинахъ шума и дѣйствовать по обстоятельствамъ. Оказалось, что мюриды напали на шедшихъ къ намъ чеченцевъ и завели съ ними сильную перестрѣлку. Не смотря на темноту, наша кавалерія отогнала мюридовъ, и Зотовъ привелъ въ лагерь еще до 30-ти семействъ.

Утромъ въ лагерѣ насчитывалось уже до шестисотъ семействъ.

На другой день, по сожженіи ауловъ, вокругъ Цаинъ-Ирзау, отрядъ двинулся черезъ Цацинъ-хуторъ окружною дорогою къ аулу Сартали, съ цѣлью отбросить непріятельскія партіи, шедшія по Хулхулау на помощь изнемогавшей Чечнѣ. Чеченскіе наибы продолжали взывать къ Шамилю о помощи и, между прочимъ, писали: «Чечня горитъ; владыка, приходи гасить ее».

На пути слѣдованія, къ генералу Евдокимову явилось нѣсколько депутатовъ съ просьбою отъ своихъ обществъ выслать къ нимъ на помощь войска для прикрытія переселенцевъ. Немедленно отдѣлено было два баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ и эскадронѣ драгунъ, къ рѣкѣ Кентебейнъ, версты полторы вправо отъ дороги, по которой шелъ главный отрядъ.

Для защиты переселяющихся отъ покушеній со стороны непріятеля, 8-го декабря къ селенію Сартали направлены подъ начальствомъ генералъ-маіора Мищенко $5^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 8 сотенъ казаковъ, 10 орудій и сотня милиціи. Отрядъ безпрепятственно достигъ и расположился въ Сартали, испепеливъ на пути селенія Шерди, Гуной и Дагини; отсюда войска вырубили участокъ лѣса, по направленію къ селенію Мискаръ-юрту.

Только часть населенія Чеченской плоскости была покорена; покореніе же другой большей представлялось дѣломъ гораздо труднѣйшимъ, вслѣдствіе присутствія значительнаго скопища горцевъ. Эта часть населенія сгруппирована была въ селеніяхъ, расположенныхъ на берегу рѣчекъ Хизи и Мискирой-Шавдоновъ.

10-го декабря изъ Сартали въ Бердыкель выступилъ транспортъ съ переселенцами, подъ прикрытіемъ $1^1/_2$ баталіона пѣхоты и 8-ми сотенъ казаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, и того же числа съ остальными войсками рѣшено было атаковать Хизи-Шавдонскія селенія.

Хорошо зная по какой трудной мѣстности придется дефилировать отряду, генералъ Евдокимовъ оставилъ въ Сартали, подъ сильнымъ прикрытіемъ, весь обозъ безъ исключенія.

Войска же, назначенныя для покоренія послѣдняго обломка непокорнаго населенія Чечни, были раздѣлены на двѣ колонны, подъ начальствомъ: одна — генералъ - маіора Мищенко [12]), а другая, въ составъ который вошелъ и 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кемферта [13]). Кавалерія, не вошедшая въ составъ колоннъ, подъ начальствомъ полковника Кундухова, шла за отрядомъ отдѣльно. При входѣ въ лѣсъ, у аула Исламъ, съ каждымъ шагомъ впередъ мѣстность дѣлалась все болѣе и болѣе затруднительной, такъ что трудно было придумать хотя сколько-нибудь правильный строй во все время, пока войска проходил и сквозь хаосъ строеній, заваловъ, лѣса и воды. Движеніе отряда по узкой тропинкѣ сопровождалось сильной перестрѣлкой; баталіоны шли рядами, прикрываясь со всѣхъ сторонъ густою цѣпью до самаго аула Чортой, гдѣ нѣсколько болѣе открытая мѣстность позволила двумъ баталіонамъ изъ войскъ генерала Мищенко построиться въ колонны. Прочія части пришлось оставить на дорогѣ противъ аула Хаджинъ—въ 1 1/2 верстахъ позади, для поддержанія сообщенія съ колонною генерала Кемферта, уже находившеюся у Ислама.

Для непріятеля, — замѣтившаго движеніе транспорта съ покорившимися отъ Сартали къ Бердыкелю и предполагавшаго, что отрядъ вслѣдъ за тѣмъ уйдетъ на рѣку Аргунъ,— наступленіе отряда на Хизи-Шавдонскіе аулы явилось непріятною неожиданностью: оно спутало его и было несомнѣнною причиною, что аулы защищались только самими жителями, партія же Шамиля прибыла уже въ то время, когда самыя опасныя мѣста дороги были пройдены или заняты нашими войсками.

Въ густомъ, непроходимомъ лѣсу нельзя было ничего видѣть въ 10-ти шагахъ передъ собою. Приходилось собирать свѣдѣнія о мѣстности, а также опредѣлить съ точностью положеніе войскъ генералъ-маіора Мищенко, чтобы, совокупно съ ними, начать рубку просѣки между Чортоемъ и Исламомъ. Генералъ Евдокимовъ рѣшилъ оставить на ночлегъ у Чортоя колонну Мищенко, и на усиленіе ея отправилъ баталіонъ Апшеронцевъ; баталіонъ повелъ генеральнаго штаба подполковникъ Гарднеръ. По слѣдамъ лошадей и колесъ орудій Апшеронцы добрались до Чортоя, гдѣ остановилась колонна генерала Мищенко.

Затѣмъ Гарднеръ, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты и полусотни казаковъ, отправился обратно къ генералу Евдокимову, съ донесеніемъ.

Между тѣмъ, партія непріятеля, пробиравшаяся на помощь къ Хизи-Шавдонскимъ жителямъ, сбилась съ дороги въ лѣсу, и наткнулась въ 1 1/2 верстахъ отъ Чортоя на подполковника Гарднера окружила его со всѣхъ сторонъ.

Гарднеръ немедленно спѣшилъ казаковъ и съ ними и ротою пѣхоты атаковалъ непріятеля, приказавъ въ то же время подать сигналъ «баталіонъ», на что отвѣтили изъ Чортоя и въ прочихъ частяхъ войскъ. Тогда непріятельская партія, замѣтивъ, что она въ свою очередь окружена, разбилась на небольшія кучки и разбѣжалась по лѣсу. Въ ротѣ убито два и раненъ одинъ нижнихъ чина; у казаковъ раненъ одинъ.

Войска расположились на ночлегъ и въ теченіи ночи очистили отъ лѣса все пространство, занимаемое бивуакомъ, уничтожили окрестные аулы. Обозъ изъ Сартали былъ притянутъ къ войскамъ. Ночью явились депутаты отъ Хизи-Шавдонскаго округа съ без-

---

[12]) По одному баталіону Виленскаго, Тенгинскаго, два Куринскаго пѣхотныхъ полковъ, и сводно-линейный дивизіонъ легкой № 5-й батареи 20-й артиллерійской бригады, взводъ № 8 1/2 11-й гарнизонной артиллерійской бригады и взводъ батареи Гродненскаго артиллерійскаго гарнизона.

[13]) Баталіоны: 1-й — Апшеронцевъ, по одному Тенгинскаго и Виленскаго, 3 1/2 Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 20-й и сводно-линейный стрѣлковые; двѣ роты саперъ № 2 Кавказскаго баталіона; орудія батарей артиллерійской бригады по 2,— легкой № 7-й — 18-й и № 8 полуроты гарнизонной, и по 4 — батареной № 5 — 18-й, легкой № 4 — 19-й и конно-казачьей № 15.

условною покорностію. На другой день началось переселеніе жителей, для чего сборнымъ пунктомъ назначено было селеніе Сартали, гдѣ, для прикрытія покоренныхъ, расположилась вся кавалерія съ конною артиллеріею, при баталіонѣ пѣхоты и двухъ батарейныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Мусы-Кундухова.

Въ теченіи 11-го, 12-го и 13-го чиселъ, покоренные тянулись къ Сартали. Для лучшаго прикрытія ихъ отъ блуждавшихъ въ окрестностяхъ шаекъ мюридовъ и очищенія пространства между Чортоемъ и Гертме, генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ направилъ 11-го числа генералъ-маіора Мищенко внизъ по Хизи-Шавдону, поручивъ ему удерживать непріятеля отъ покушеній на жителей и истреблять небольшіе аулы и поселки, чтобы отнять у чеченцевъ самую мысль о возможности оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства. Одновременно съ движеніемъ первой колонны, для той же цѣли полковникъ Бажановъ съ 1 1/2 баталіонами и двумя горными орудіями направленъ былъ къ аулу Таштемиръ.

Генералъ Мищенко сжегъ всѣ аулы и хутора въ назначенномъ раіонѣ; къ нему вышло мно́жество покорившихся жителей, изъ которыхъ часть имъ приведена, а другая — до 400 семействъ, подъ надежнымъ прикрытіемъ отправлена въ Умаханъ-юртъ.

12-го декабря въ Бердыкель пошелъ еще одинъ транспортъ съ покоренными и того же числа главныя силы перешли къ Чортою, гдѣ къ нимъ присоединилась колонна генералъ-маіора Мищенко, возвратившаяся съ Гертменской поляны.

На слѣдующій день окончена просѣка отъ Чортоя до Сартали, и тогда главный отрядъ двинулся къ Мискаръ-юрту, лежащему на Джалкѣ.

Чтобы обезпечить себѣ обратный путь, по вновь прорубленной просѣкѣ, окруженной необыкновенно густымъ лѣсомъ и проѣздъ по которой былъ весьма труденъ, вслѣдствіе гололедицы, пней и ямъ, оставшихся отъ уничтоженныхъ ауловъ, генералъ Евдокимовъ предписалъ генералъ-маіору Ольшевскому расположить на пространствѣ отъ хутора Алерой до Сартали 4 баталіона пѣхоты и 4 сотни казаковъ, при 12-ти орудіяхъ[14]. Порученіе это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ: хотя непріятель и завелъ весьма оживленную перестрѣлку съ войсками Ольшевскаго, тѣмъ не менѣе обозъ съ переселенцами прошелъ безпрепятственно.

Къ полудню весь отрядъ передвинулся къ Сартали, а отсюда перешелъ къ Мискаръ-юрту, приведя съ собою до 500 чеченскихъ семействъ, изъявившихъ покорность.

Такимъ образомъ, изъ Чечни переселилось, въ покорныя намъ селенія около 2.000 семействъ, т. е. почти все враждебное населеніе Большой Чеченской плоскости.

Съ 7-го по 14-е декабря потеря отряда состояла изъ 13-ти убитыхъ, 42-хъ раненыхъ, трехъ безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ и 10-ти убитыхъ и 3-хъ раненыхъ лошадей.

Большая Чеченская плоскость была покорена и на ней не осталось ни одной сакли; только немногіе десятки фанатиковъ успѣли уйти въ горы.

Такимъ образомъ, наконецъ окончилась ожесточенная война на Чеченской плоскости, продолжавшаяся почти 18 лѣтъ и стоившая намъ столько трудовъ и крови.

Но отряду предстоялъ еще новый подвигъ — покореніе Черныхъ горъ, прилегающихъ къ плоскостямъ, неотъемлемо уже намъ принадлежащимъ.

Продолжительные труды и частые бои, въ теченіи всей экспедиціи, доставивъ въ результатѣ обладаніе главнѣйшей частью предгорій Малой Чечни, Ауховскимъ обществомъ и всей плоскостью Большой Чечни, давали войскамъ полное право на кратковременный от-

---

[14]) Въ томъ числѣ сводный баталіонъ Апшеронцевъ.

дыхъ, необходимый въ виду предстоявшихъ новыхъ трудовъ. Войскамъ надлежало исправить матеріальную часть, освѣжиться и съ новыми силами приняться за дѣло.

14-го декабря отрядъ перешелъ къ крѣпости Грозной, а 17-го расположился по станицамъ для отдыха; Апшеронцы остались въ Грозной.

По заранѣе условленному плану, Чеченскій отрядъ, съ началомъ 1858 года, долженъ былъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ въ Черныхъ горахъ и открыть ихъ прорывомъ чрезъ Аргунское ущелье, получившее такую громкую извѣстность въ военныхъ лѣтописяхъ дѣйствій лѣваго крыла.

Аргунское ущелье образуется двумя крутыми, покрытыми дремучимъ лѣсомъ, возвышенностями, между которыми проложилъ себѣ дорогу быстрый Аргунъ, текущій на протяженіи почти двухъ верстъ въ глубокой трещинѣ; берега рѣки представляютъ отвѣсныя, скалистыя стѣны, вышиною отъ 10-ти до 15-ти саженъ. Единственная аробная дорога, проходившая въ ущельи, направлялась отъ крѣпости Воздвиженской вверхъ по лѣвому берегу Аргуна и въ самой тѣснинѣ лѣпилась по краю обрыва, подъ пистолетнымъ выстрѣломъ съ праваго берега рѣки. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья дорога пересѣкалась глубокимъ оврагомъ. Эта малодоступная мѣстность была усилена различными фортификаціонными сооруженіями, ибо еще съ осени носился между горцами слухъ о намѣреніи нашемъ овладѣть Аргунскимъ ущельемъ. Вдоль всего праваго берега тѣснины, по краю обрыва, горцы устроили завалъ, изъ котораго дорога могла обстрѣливаться пистолетнымъ огнемъ; перпендикулярно къ берегу, при выходѣ изъ ущелья, тянулся отъ вершины горы до обрыва другой завалъ, съ широкимъ и глубокимъ впереди рвомъ. Дорога по лѣвому берегу, совершенно испорченная непріятелемъ, уничтожившимъ переправы чрезъ оврагъ, запиралась на противуположномъ его берегу двумя завалами, а по крутому скату высоты лѣваго берега расположены были одинъ надъ другимъ три ряда заваловъ изъ толстыхъ бревенъ. Однимъ словомъ, Шамиль принялъ всѣ мѣры, чтобы оказать здѣсь самое отчаянное сопротивленіе наступленію нашихъ войскъ.

Для овладѣнія Аргунскимъ ущельемъ, генералъ Евдокимовъ составилъ планъ, главными директивами котораго было: постараться оттянуть непріятельскія силы къ какому-нибудь другому пункту и затѣмъ неожиданно броситься въ ущелье, распредѣливъ войска такимъ образомъ, чтобы лишить горцевъ возможности вредить намъ съ праваго берега.

Для выполненія этого плана, Евдокимовъ распустилъ слухъ о постройкѣ укрѣпленія въ Автурѣ, чему непріятель повѣрилъ. Въ началѣ января партіи андійцевъ, чамберлоевцевъ и ичкеринцевъ, сторожившія Аргунское ущелье, потянулись въ ущелья рѣкъ Бассы и Хулхулау. Въ Аргунской же тѣснинѣ, по приказанію Шамиля, остался только шатоевскій наибъ Батока съ шатоевцами и жителями Малой Чечни, которые, при содѣйствіи населенія Аргунскаго ущелья, составляли вооруженную силу до 2.000 человѣкъ.

Желая по возможности дольше держать непріятеля въ заблужденіи, командующій войсками распорядился часть фуража отправить изъ Воздвиженскаго въ Шали и подрядилъ подводы для перевозки сѣна къ отряду въ Аргунъ. А между тѣмъ, 15-го января, Евдокимовъ сосредоточилъ большую часть войскъ и всѣ обозы на правомъ берегу Аргуна, у Бердыкеля, приказавъ генералъ-маіору Мищенко туда же вывезти и обозъ изъ Воздвиженскаго.

На другой день назначено было овладѣніе Аргунскимъ ущельемъ и отдана слѣдующая диспозиція. Лѣвая колонна—генералъ-маіора Кемферта, изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты и восьми орудій [15]), должна была выступить изъ лагеря у Бердыкеля въ 9 часовъ вечера и слѣдовать

[15]) Сводный баталіонъ Апшеронцевъ, четыре баталіона Навагинскаго полка и четыре горныхъ орудія легкихъ № 4-го батарей 18-й и 19-й артиллерійскихъ бригадъ.

по правому берегу Аргуна; отъ Бердыкеля же, въ резервѣ за этою колонною шли подъ командою генералъ-маіора Рудановскаго,—6 баталіоновъ пѣхоты, 4 орудія и 2 сотни казаковъ [16]. Правая колонна—генералъ-маіора Мищенко (3 баталіона, 6 орудій и 2 сотни казаковъ) [17] — выступала изъ Воздвиженскаго утромъ и слѣдовала по лѣвому берегу Аргуна; ея резервы пѣхотный — подъ командою полковника Тиммермана (2 1/4 баталіона и 2 орудія) [18] и кавалерійскій—полковника Мусы-Кундухова (4 эскадрона драгунъ, 6 сотенъ казаковъ, 4 1/2 сотни милиціи и 4 конныхъ орудія) [19] — выступали изъ Грозной въ 10 часовъ вечера. Наконецъ, обозы, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, 4-хъ орудій и 2-хъ сотенъ казаковъ [20], направлены были ночью особою колонною изъ Бердыкеля на Воздвиженское. Генералъ Евдокимовъ со штабомъ находился при колоннѣ генерала Мищенко.

Въ 5 часовъ утра лѣвая колонна, двигаясь по колѣно въ снѣгу, взошла на высоты и у Воздвиженскаго и, не останавливаясь, направилась дальше въ ущелье; черезъ два часа выступила изъ Воздвиженскаго правая колонна. Въ 9 часовъ, когда голова правой колонны подошла ко входу въ тѣснину, раздались первые непріятельскіе сигнальные выстрѣлы и, вслѣдъ затѣмъ, завалы лѣваго и праваго берега Аргуни покрылись толпами горцевъ. Лѣвая колонна, двигавшаяся безъ дороги въ лѣсу и по глубокому снѣгу, еще оставалась назади.

Осмотрѣвъ мѣстность и расположеніе непріятеля, командующій войсками пришелъ къ убѣжденію, что, даже при содѣйствіи лѣвой колонны, занятіе съ фронта заваловъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Аргуна, повлечетъ за собою огромныя потери, почему распорядился: на самой дорогѣ и вправо отъ нея выставить батарею изъ 4-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудій легкой № 4 батареи 20-й артиллерійской бригады; влѣво отъ дороги, на поляну, выдвинуть два конныя орудія, а по лѣвому берегу Аргуна разсыпать въ цѣпь 4 роты. Для обхода же непріятельскихъ заваловъ слѣва былъ посланъ полковникъ Рихтеръ, съ 2-мя баталіонами и командою охотниковъ.

Въ ожиданіи результатовъ движенія колоннъ генерала Кемферта и полковника Рихтера, завалы обстрѣливались артиллеріею. Канонада продолжалась два часа; наша артиллерія дѣйствовала превосходно: — замѣтно было, какъ снаряды заставляли непріятеля очищать временно тотъ, или другой завалъ. Въ 11 часовъ утра непріятель началъ бросать завалы на правомъ берегу рѣки. Колонна Кемферта приближалась къ мѣсту боя; когда же горцы неожиданно увидѣли надъ своими головами войска полковника Рихтера, то поспѣшно очистили завалы лѣваго берега. Къ сожалѣнію, преслѣдованіе непріятеля явилось невозможнымъ, ибо переправа черезъ оврагъ, пересѣкавшій дорогу, была уничтожена и на возстановленіе ея, только для одной пѣхоты, потребовалось бы слишкомъ 2 часа времени. Несмотря, однако, на невозможность преслѣдованія, горцы, подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха, отступали съ такою поспѣшностью, что оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ.

Устроивъ переправу черезъ оврагъ, генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ продвинулъ

---

16) Два баталіона Тенгинскаго, два Виленскаго, одинъ Бѣлостокскаго полковъ и 20-й стрѣлковый баталіонъ, два орудія батарейной № 5 и два горныхъ № 2 батарей 18-й и 20-й артиллерійскихъ бригадъ и двѣ сотни Моздокскаго казачьяго полка.

17) Три баталіона Куринскаго полка, четыре легкихъ и 2 горныхъ орудія легкой № 5 батареи 20-й артиллерійской бригады и двѣ сотни Донскаго казачьяго № 76 полка.

18) 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, сводный линейный стрѣлковый баталіонъ, рота Кавказскаго сапернаго № 2 баталіона и два орудія горной № 2 батареи 20-й артиллерійской бригады.

19) Два дивизіона драгунъ, по двѣ сотни 1-го и 2-го Сунженскихъ и Владикавказскаго полковъ, 1 1/2 сотни Назрановской, Галашевской и Гамаевской милиціи, три сотни Чеченской милиціи и четыре орудія казачьей № 15 батареи.

20) По баталіону Тенгинскаго, Бѣлостокскаго и Виленскаго полковъ, четыре орудія батарейной № 5 батареи 18-й артиллерійской бригады и двѣ сотни Донскаго № 66 полка.

правую колонну къ выходу изъ тѣснины; на одной высотѣ съ нею остановилась и лѣвая колонна. Чрезвычайное утомленіе войскъ не позволило продолжать движенія на Дачу-Барзой.

Такимъ образомъ, Аргунское ущелье, въ которомъ пролито въ предшествующіе годы столько крови, занято было почти безъ потерь если не считать одного убитаго нижняго чина, однаго легко раненаго офицера и шести раненыхъ рядовыхъ. «Смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, — пишетъ генералъ Евдокимовъ, что войска наши рвались въ бой и горѣли желаніемъ пролить свою кровь, и не одной просьбѣ — атаковать съ фронта завалы — долженъ былъ я отказать, въ полномъ убѣжденіи, что Ваше Сіятельство болѣе оцѣните результатъ, пріобрѣтенный безъ пролитія крови, нежели самые блистательные подвиги храбрости, ведущіе за собою безполезную трату людей»[21].

17-го января колонна генерала Кемферта безъ выстрѣла заняла аулъ Дачу-Барзой, весьма крѣпкій по своему мѣстоположенію; прочія же войска приступили къ рубкѣ просѣки вдоль ущелья и разработкѣ дороги. Работы требовали довольно продолжительнаго времени и большихъ трудовъ.

По занятіи Дачу-Барзоя пѣхотою, генералъ Евдокимовъ съ частію кавалеріи произвелъ рекогносцировку ущелій Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна.

18-го января прибылъ въ Урусъ-Кортъ (на правомъ берегу Шаро-Аргуна) сынъ Шамиля, Кази-Магома, съ двумя полевыми орудіями и небольшею партіею тавлинцевъ; непріятель занялъ селенія Дюдень, Урусъ-Кортъ, и ущелье Шаро-Аргунъ; партіи-же наиба Батока расположились въ ущельи Чанты-Аргуна. Каждый день непріятель стрѣлялъ изъ орудій по авангардному лагерю генерала Кемферта, а пѣшія партіи, занимая ближайшія къ лагерю лѣсистыя высоты праваго и лѣваго берега Аргуна, вели перестрѣлку съ нашими цѣпями, не причинявшую, впрочемъ, значительныхъ потерь.

По занятіи Аргунскаго ущелья, отрядъ приступилъ къ работамъ. Все пространство отъ Воздвиженскаго до выхода изъ ущелья очищалось отъ лѣса и кустарника; дорога по лѣвому берегу Аргуни проложена удобною для движенія артиллеріи и обозовъ, и вновь разработаны спускъ къ Чанты-Аргуню и подъемъ къ Дачу-Барзою. Для сообщенія между лагерями устроены мостъ: черезъ Аргунь пѣшеходный, а черезъ Чанты-Аргунъ — временной на козлахъ для повозокъ и, въ то-же время, подготовлены необходимые матеріалы для постройки постоянныхъ мостовъ черезъ обѣ Аргуни и начата также постройка двухъ башенъ. На лѣвомъ берегу Чанты-Аргуня устроенъ тетъ-де понъ, а на правомъ — заложено укрѣпленіе; на лѣвомъ берегу Аргуни, на половинѣ разстоянія между Воздвиженскимъ и тѣсниною, учрежденъ казачій постъ.

Во время работъ непріятель мало тревожилъ войска и только въ авангардной колоннѣ генералъ-маіора Кемферта[22] происходили ежедневно перестрѣлки; горцы каждый разъ вывозили орудія и открывали огонь то днемъ, то ночью.

Наступилъ февраль. Работы по-прежнему продолжались съ успѣхомъ, хотя чеченцы и пытались вредить намъ.

Главный лагерь непріятеля находился въ аулѣ Чалги, лежащемъ недалеко отъ лагеря авангарда, на лѣвомъ берегу Шаро-Аргуна.

Для осмотра мѣстности по правому берегу Шаро-Аргуна, генералъ Евдокимовъ, съ 2-мя баталіонами пѣхоты, 4-мя сотнями казаковъ и 6-ю орудіями, предпринялъ 3-го февраля движеніе вверхъ по теченію этой рѣки.

---

[21]) Дѣло № 22. Донесеніе князю Барятинскому отъ 18 января. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[22]) Здѣсь находились 1-й и сводный баталіоны Апшеронцевъ.

Быстрое наступленіе нашихъ войскъ видимо застигло непріятеля въ-расплохъ, и толпы горцевъ поспѣшно очищали лѣвый берегъ Шаро-Аргуни; за то на правомъ берегу всѣ отдѣльныя непріятельскія партіи соединились въ одно скопище. Это обстоятельство заставило начальника отряда послать въ лагерь за батарейными орудіями, огонь которыхъ разогналъ собравшіяся массы. Впрочемъ, усиленіе непріятеля на правомъ берегу рѣки нисколько не помѣшало быстрому наступленію колонны: скоро аулъ Чалги-Ирзау былъ взятъ, разоренъ и сожженъ до основанія, послѣ чего войска начали постепенно отступать.

По значительной крутизнѣ береговъ Шаро-Аргуна непріятель, не имѣя возможности переправиться на лѣвый берегъ, ограничился лишь орудійной стрѣльбой по нашимъ войскамъ.

Рекогносцировка 3-го февраля показала, что главныя силы Шамиля расположены на правомъ берегу Шаро-Аргуна, въ аулахъ: Измаилъ-юртѣ, Урусъ-Кортѣ и Дюденѣ.

Для совершеннаго обезпеченія войскъ генерала Кемферта и рабочихъ, занимавшихся возведеніемъ укрѣпленія у Дачу-Барзоя отъ нападеній горцевъ, рѣшено было 5-го февраля сбить непріятеля изъ занимаемыхъ имъ пунктовъ.

Для движенія на аулы Дюдень, Измаилъ-юртъ и Урусъ-Кортъ составлены двѣ колонны: одна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рудановскаго, въ составѣ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ орудій и полусотни казаковъ, должна была идти по правому берегу Шаро-Аргуна черезъ аулъ Измаилъ-юртъ, лѣвѣе аула Дюдень, на хребетъ Шамберды, съ цѣлью угрожать непріятелю обходомъ, еслибы онъ вздумалъ держаться въ названныхъ селеніяхъ; другая колонна—генералъ-маіора Кемферта,—въ составѣ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ дивизіоновъ драгунъ, 3 $^1/_2$ сотенъ казаковъ, 12-ти орудій и милиціи, двигалась прямо на переправу черезъ Шаро-Аргунъ, имѣя впереди всю кавалерію отряда, подъ командой полковника Мусы-Кундухова.

Несмотря на крутые берега Шаро-Аргуна, кавалерія, съ милиціею и сводно-Сунженскимъ казачьимъ полкомъ въ головѣ, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня батареи, устроенной на лѣвомъ берегу Шаро-Аргуна, на рысяхъ двинулась по тропѣ, едва доступной для всадниковъ; за нею бѣгомъ направились съ двумя горными орудіями два баталіона, составлявшіе авангардъ колонны Кемферта. Колонна генерала Рудановскаго двигалась почти на одной высотѣ съ авангардомъ. Непріятель не выдержалъ общаго наступленія нашихъ войскъ и поспѣшно очистилъ аулы Измаилъ-юртъ и Дюдень; часть скопища пыталась держаться въ Урусъ-Кортѣ, но обходное движеніе баталіона Навагинскаго полка, атаковавшаго аулъ съ лѣвой стороны, заставило горцевъ очистить и этотъ пунктъ, послѣ чего они отступили въ ближайшій лѣсъ.

Въ то-же время колонна генерала Рудановскаго заняла хребетъ Шамберды и, послѣ довольно сильной перестрѣлки, оттѣснила густыя скопленія непріятеля.

Достигнувъ, такимъ образомъ, предположенной цѣли, генералъ Евдокимовъ приказалъ занять аулъ Урусъ-Кортъ 2-мя баталіонами пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ и, передвинувъ колонну генерала Рудановскаго въ Дюдень, расположилъ ее на ночлегъ; остальныя войска отведены на прежнія мѣста.

Потеря наша въ этотъ день состояла изъ 13-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ, 7-ми милиціонеровъ; и 15 убитыхъ раненыхъ лошадей. Непріятель совершенно разсѣялся; толпы горцевъ разбѣжались въ разныя стороны, объятыя паническимъ страхомъ, не оказавъ почти нигдѣ нашимъ войскамъ серьезнаго сопротивленія, какъ того слѣдовало бы ожидать на мѣстности, изрытой глубокими оврагами и сплошь покрытой садами и строеніями. Кази-Магома, подъ предводительствомъ котораго находились горцы, только за 5 дней предъ тѣмъ присягавшій

*

народу умереть въ Урусъ Кортѣ, не могъ остановить бѣгущихъ и, съ нѣсколькими вѣрными ему мюридами едва успѣлъ спастись отъ нашихъ милиціонеровъ, отрѣзавшихъ его отъ партіи и загнавшихъ въ лѣсистыя балки. Во все время дѣла непріятель не открывалъ артиллерійскаго огня. Впослѣдствіи оказалось, что горцы, опасаясь внезапнаго съ нашей стороны нападенія, орудій съ собою не возили, а хранили въ лѣсу, и, по занятіи ауловъ, сдѣлали нѣсколько безвредныхъ, по отдаленности, пушечныхъ выстрѣловъ изъ густаго лѣса лѣваго берега Шаро-Аргуна.

20-го февраля команда нижнихъ чиновъ Апшеронскаго полка, поднявшаяся на горы праваго берега Чанты-Аргуна для рубки дровъ, была встрѣчена залпомъ большой партіи чеченцевъ, засѣвшихъ въ лѣсу; завязалась сильная перестрѣлка, но вскорѣ прибывшія подкрѣпленія заставили непріятеля поспѣшно удалиться. Потеря команды состояла въ одномъ раненомъ нижнемъ чинѣ.

Дальнѣйшая задача военныхъ дѣйствій заключалась въ открытіи доступовъ въ безлѣсное пространство Черныхъ горъ, для полученія возможности дѣйствовать въ тылъ неприступныхъ съ плоскости ущелій Большой Чечни и отдѣленія ея отъ вліянія горныхъ обществъ, препятствовавшихъ жителямъ принести намъ покорность. Съ цѣлію успѣшнаго достиженія предположенной задачи, Евдокимовъ полагалъ необходимымъ овладѣть лѣсистыми высотами Даргинъ-Дука, откуда войска могли двигаться по всѣмъ направленіямъ, безъ особенныхъ препятствій. Чтобы занять безъ значительныхъ пожертвованій эту, крайне трудную для движенія мѣстность, имѣвшую много крутыхъ подъемовъ и покрытую густымъ вѣковымъ лѣсомъ, требовалось дѣйствовать быстро и пройти лѣсную полосу, прежде чѣмъ непріятель могъ тамъ собраться изъ ущелья Чанты-Аргуна и аула Шари-Хатой (по дорогѣ къ рѣкѣ Бассѣ).

Для производства необходимыхъ работъ по постройкѣ укрѣпленія и мостовъ на двухъ Аргунахъ, генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ оставилъ у Дачу-Барзоя 5 ½ баталіоновъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и всю батарейную и легкую артиллерію, подъ начальствомъ полковника фонъ-Кауфмана, а самъ съ остальными войсками Чеченскаго отряда, въ числѣ 13 ½ баталіоновъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и всей милиціи, при 10-ти горныхъ орудіяхъ[23]), съ разсвѣтомъ, 28-го февраля, двинулся правымъ берегомъ Шаро-Аргуна на высоты Даргинъ-Дукъ. Впереди шли 6 ¾ баталіоновъ пѣхоты и ½ сотни казаковъ, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кемферта, имѣя въ головѣ стрѣлковыя роты и саперъ; въ двухъ верстахъ позади слѣдовалъ генералъ Мищенко съ другою колонною изъ остальныхъ войскъ отряда, при которой находился вьючный обозъ съ 10-ти дневнымъ провіантомъ. Наступленіе произведено было такъ быстро и неожиданно для непріятеля, что онъ узналъ о дѣйствительномъ направленіи нашемъ лишь тогда, когда часть колонны генерала Кемферта успѣла уже занять вершину Даргинъ-Дука, гдѣ оканчивался дремучій лѣсъ и начиналась болѣе открытая мѣстность. Имѣя ближайшею цѣлію сдѣлать лѣсистыя высоты Даргинъ-Дука удобными для движенія нашихъ отрядовъ во всякое время года, Евдокимовъ, остановивъ передовую колонну, двинулся впередъ со всею кавалеріею, для рекогносцировки впереди лежащей мѣстности.

Горцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, успѣли собраться возлѣ хутора, въ разстояніи 1 ½ или 2-хъ верстъ отъ пункта, гдѣ остановились головныя части авангарда. Въ

---

23) 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, баталіонъ Бѣлостокскаго, 2 Виленскаго, 3 Тенгинскаго, 3 Навагинскаго и 2 Куринскаго пѣхотныхъ полковъ, 2 роты 20-го стрѣлковаго баталіона, сводно-линейный стрѣлковый баталіонъ, рота Кавказскаго сапернаго баталіона и 10 горныхъ орудій.

одно мгновеніе, по приказанію чамберлоевскаго наиба, запылали склады сѣна и сакли. Милиціонеры атаковали непріятельскую партію, а полковникъ Кундуховъ съ кавалеріею и 4-мя ротами пѣхоты поддерживалъ милицію. Горцы были такъ быстро, атакованы и опрокинуты, что не успѣли увезти или уничтожить имущества, находившагося въ хуторѣ, и оно досталось въ добычу нашей милиціи. Въ то-же время, скрывавшіяся не въ дальнемъ разстояніи семейства чеченцевъ, уведенныя незадолго предъ тѣмъ мюридами въ горы изъ разоренныхъ ауловъ Дюденя и Урусъ-Корта, прислали генералъ-лейтенанту Евдокимову депутатовъ съ изъявленіемъ покорности. Четыре роты, подъ начальствомъ маіора Каньяра и часть кавалеріи немедленно заняли удобную позицію, для защиты этихъ несчастныхъ отъ преслѣдованія мюридовъ, и къ вечеру къ намъ въ лагерь перешло около 20-ти семействъ.

На ночлегъ войска расположились эшелонами въ такомъ порядкѣ: на самой вершинѣ Даргинъ-Дука, въ авангардѣ, 3 1/2 баталіона при двухъ горныхъ орудіяхъ; въ 2 1/2 верстахъ позади — 7 1/4 баталіоновъ пѣхоты, при 6-ти горныхъ орудіяхъ и всей конницѣ; наконецъ, внизу у подошвы горы — 3 баталіона, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

На другой день (1-го марта), генералъ-маіоръ Мищенко со всею кавалеріею, вьючнымъ обозомъ и большею частью артиллерійскихъ лошадей отправился въ Дачу-Барзой, подъ прикрытіемъ колонны изъ 3-хъ баталіоновъ, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ. Въ отрядѣ оставлена только необходимая упряжь для 4-хъ горныхъ орудій и сотня пѣшихъ милиціонеровъ. Подобная мѣра явилась необходимой, вслѣдствіе затруднительной доставки въ надлежащемъ количествѣ фуража и по недостатку воды [24]). Прочія войска приступили къ рубкѣ лѣса.

До 21-го марта войска занимались проложеніемъ просѣки и новой дороги и уничтоженіемъ срубленнаго лѣса. Для большаго порядка и успѣха работъ весь отрядъ раздѣлился на 3 колонны: состоявшія подъ командою — первая колонна (4 1/2 баталіона, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ) генералъ-маіора Кемферта; средняя, — генерала Евдокимова (5 1/4 баталіоновъ и 2 горныхъ орудія) и нижняя, полковника Бажанова (4 батал., 2 батарейныхъ и 4 горныхъ орудія). У каждой колонны имѣлся свой участокъ для работъ. Войска работали съ большимъ усердіемъ, и къ 21-му марта прорубили просѣку такой ширины (смотря по свойствамъ мѣстности, отъ 300 до 500 саж.), что наши отряды могли безопасно двигаться во всякое время года. Часть срубленнаго лѣса уничтожена, и отъ Гамаринскаго оврага до вершины Даргинъ-Дука разработано 9 1/2 верстъ дороги, удобной для движенія полевой артиллеріи.

Непріятель, сознавъ полную невозможность помѣшать нашимъ работамъ на Даргинъ-Дукѣ и въ Дачу-Барзоѣ, ограничился нападеніями на колонны, наряжаемыя для сообщенія между отрядами. Но и здѣсь его попытки оказывались совершенно неудачными.

Ночью, съ 15-го на 16-е марта, непріятельская партія, въ числѣ около 100 человѣкъ, напала на небольшой редутъ, построенный изъ срубленныхъ деревьевъ въ 150 саженяхъ впереди авангарднаго лагеря и охраняемый полувзводомъ стрѣлковъ. Окруживъ редутъ съ трехъ сторонъ, горцы пытались ворваться во внутренность его, но бдительность поста, мѣткій огонь стрѣлковъ, при лунномъ свѣтѣ, и нѣсколько удачныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ съ передняго фаса авангарднаго лагеря заставили непріятеля отказаться отъ покушенія.

За то отрядъ, производившій работы въ Дачу-Барзоѣ, совсѣмъ почти не трево-

[24]) Для питья и варки люди употребляли снѣгъ.

жился горцами, только однажды они произвели неудачное нападеніе на рабочихъ у моста черезъ Чанты-Аргунъ.

5-го марта, вслѣдствіе неожиданной оттепели, уровень воды въ рѣчкахъ поднялся такъ высоко, что временный мостъ черезъ Чанты-Аргунъ снесенъ былъ, и поврежденъ; на Шаро-Аргунѣ вода сбивала козлы, уносившіеся сильнымъ теченіемъ. Войска Дачу-Барзоевскаго отряда оставили на время работы по возведенію укрѣпленій и принялись за возстановленіе переправъ.

Къ концу марта войска успѣли занять значительную часть Аргунскаго ущелья и достигли безлѣсной полосы, откуда открывались удобные доступы въ тылъ ущелій Малой Чечни. 1-го апрѣля весь отрядъ двинулся въ Малую Чечню и въ тотъ же день расположился на Энгеликѣ.

Перенося театръ военныхъ дѣйствій отряда въ самыя нѣдра горъ, генералъ Евдокимовъ имѣлъ въ виду покончить разъ навсегда съ населеніемъ Малой Чечни, гнѣздившимся въ трудно доступныхъ ущельяхъ притоковъ Сунжи, на пространствѣ отъ Аргуна до Ассы; отсюда непріятель, безъ особаго труда, могъ тревожить набѣгами наши линіи по Сунжѣ и даже по Тереку, а также и волновать населеніе мирныхъ ауловъ.

Упадокъ нравственныхъ силъ непріятеля, благодаря предшествовавшимъ успѣхамъ нашего оружія, подавалъ надежду, что это, нѣкогда необузданное, населеніе, при первомъ же появленіи русскихъ войскъ, изъявитъ покорность и, оставивъ свои мрачные притоны, выселится на плоскость.

Еще изъ Аргунскаго ущелья Евдокимовъ послалъ нѣсколько человѣкъ изъ туземцевъ объявить жителямъ селеній нагорной части Малой Чечни, что дальнѣйшее присутствіе ихъ въ этой странѣ не можетъ быть терпимо, и предоставилъ имъ на выборъ: или покориться намъ добровольно и исполнить предъявленное требованіе, или, бросивъ жилища и поля на полное разореніе, уходить далѣе въ глубь горъ. Генералъ Евдокимовъ обѣщалъ всѣхъ добровольныхъ выходцевъ надѣлить землею на плоскости, а тѣмъ, которые будутъ упорствовать и не покорятся теперь-же приказалъ объявить, что хотя впослѣдствіи отъ нихъ и будетъ принята покорность при выходѣ изъ горъ, — къ чему неминуемо принудятъ ихъ обстоятельства въ весьма непродолжительномъ времени, но они лишатся права, на полученіе земли, и на всякое къ нимъ снисхожденіе нашего Правительства.

Вся нагорная часть Малой Чечни заселена двумя обществами — Гой и Гехи. Первое жило на пространствѣ отъ Энгелика до Мартана, а второе — отъ Мартана до Фартанги.

Угрозы и обѣщанія генерала Евдокимова подѣйствовали. Съ прибытіемъ нашихъ войскъ на Энгеликъ, въ отрядъ явились депутаты изъ числа почетнѣйшихъ жителей общества Гой, съ изъявленіемъ покорности и готовности всѣхъ гойтинцевъ выселиться на плоскость; они просили только, чтобы мы обезпечили ихъ отъ насилій наиба Малой Чечни, находившагося съ партіею шатоевцевъ между верховьями Гойты и Энгелика и зорко слѣдившаго за ихъ поведеніемъ.

Обласкавъ депутатовъ, генералъ Евдокимовъ предложилъ всѣмъ желающимъ принести покорность выходить на другой же день съ имуществомъ своимъ на плоскость и обѣщалъ всякое содѣйствіе со стороны нашихъ войскъ.

2-го апрѣля, съ разсвѣтомъ, вверхъ по Энгелику направлены были двѣ колонны: одна — изъ 2-хъ баталіоновъ, одной сотни и 2-хъ горныхъ орудій, полковника Рихтера, — а другая — изъ $4\frac{1}{2}$ баталіоновъ, одной сотни и 2-хъ горныхъ орудій, полковника Бажанова. — Обѣ колонны, углубившись въ горы, заняли позиціи: первая на высотахъ, образующихъ правый берегъ ущелья Энгелика, а вторая — отъ верховьевъ Энгелика до Гойты; остальныя силы Чеченскаго отряда, подъ начальствомъ полковника Алтухова

перешли съ Энгелика на Шавдонъ (между Энгеликомъ и Гойтою). Движеніе этихъ войскъ заставило непріятельскую партію отступить, и переселеніе гойтинцевъ началось.

Въ продолженіи трехъ дней войска оставались на мѣстѣ. По мѣрѣ того какъ покорившееся населеніе вывозило имущество изъ своихъ селеній, послѣднія разрушались до основанія. Небольшія партіи шатоевцевъ, покушавшіяся въ разныхъ пунктахъ прорваться черезъ занимаемую нами линію и излить свою месть на переселенцевъ, обращались въ бѣгство при первыхъ нашихъ выстрѣлахъ.

Примѣръ, поданный гойтинцами, подѣйствовалъ и на остальное населеніе Малой Чечни. 3-го апрѣля явилась въ лагерь депутація изъ почетнѣйшихъ лицъ Гехинскаго общества съ изъявленіемъ полной готовности къ переселенію.

Поэтому, 6-го апрѣля, весь отрядъ перешелъ на Мартанъ. Полковникъ Бажановъ съ колонною, въ составѣ 3 1/2 баталіоновъ, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, двинулся по узкимъ тропинкамъ отъ Гойты къ верховьямъ Мартана и занялъ позицію на правомъ его берегу. Непріятельскіе завалы возвышались у входа въ ущелье по дорогѣ, шедшей вдоль лѣваго берега рѣки Мартана; здѣсь горцы рѣшились не допускать насъ въ глубь горъ. Но двѣ роты 20-го стрѣлковаго баталіона овладѣли высотою въ тылу непріятельской позиціи и заставили мюридовъ очистить устроенные ими завалы. Въ тотъ же день подполковникъ Бѣликъ, съ 2-мя баталіонами, 4-мя сотнями, большею частію милиціи и 4-мя орудіями, сталъ на высотахъ, образующихъ лѣвый берегъ ущелья Теньги, а въ промежуткѣ, между его колонною и колонною полковника Бажанова, расположился одинъ баталіонъ при 2-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Момбели.

Въ такомъ положеніи войска простояли до 8-го апрѣля.

На пространствѣ отъ Гойты до Теньги повторилось то же, что и за 3 дня передъ тѣмъ происходило въ верховьяхъ Гойты и Энгелика. Подъ прикрытіемъ передовыхъ нашихъ колоннъ, выдвинутыхъ далеко въ горы, гехинцы со всѣмъ имуществомъ выходили изъ своихъ неприступныхъ притоновъ, а селенія ихъ, по мѣрѣ того, предавались огню.

Къ вечеру, 7-го числа, генералъ Евдокимовъ приказалъ передвинуть къ главному отряду колонну полковника Бажанова, а самъ на другой день перешелъ на Рошни, оставивъ на Мартанѣ 3 баталіона, 2 сотни и 4 орудія, подъ начальствомъ полковника фонъ-Кауфмана, и на Теньгѣ — подполковника Добржанскаго съ 2-мя баталіонами, при 4-хъ орудіяхъ, для прикрытія переселенцевъ, не успѣвшихъ еще отправиться на указанныя имъ мѣста, и для окончательнаго истребленія уцѣлѣвшихъ селеній.

9-го апрѣля, полковникъ Бажановъ, съ 5-ю баталіонами, 4-мя сотнями и 4-мя горными орудіями, двинулся къ верховьямъ Рошни и занялъ позицію въ самыхъ горахъ, отъ Гехи до Теньги; колонна подполковника Добржанскаго присоединилась къ главнымъ силамъ на Рошнѣ, а полковникъ фонъ-Кауфманъ съ своею колонною расположился у входа въ ущелье Теньги.

Здѣсь отрядъ находился до 15-го апрѣля. Дурное состояніе дорогъ, испортившихся отъ проливныхъ дождей, не дозволило намъ раньше этого времени очистить названное пространство. Кромѣ того, у гехинцевъ имѣлось весьма мало перевозочныхъ средствъ, такъ что, для ускоренія переселенія, сами войска должны были въ этомъ случаѣ помогать жителямъ. Въ нѣкоторые, почти недоступные, аулы верховьевъ Рошни дороги сдѣлались совершенно непроходимы для вьюковъ и, чтобы достать изъ горъ имущество переселенцевъ, приходилось переносить его на рукахъ. Такимъ образомъ, солдатамъ и казакамъ нашимъ доставалось не разъ выносить на собственныхъ плечахъ достояніе своихъ прежнихъ враговъ.

Къ 17-му апрѣля всѣ аулы ближайшаго нагорнаго пространства отъ Теньги до Гехи были уничтожены, и Чеченскій отрядъ перешелъ на Гехи.

Вначалѣ партіи шатоевцевъ напрягали всѣ усилія, не допустить переселенія жителей, или, покрайней мѣрѣ, захватить и увезти имущество изъявившихъ намъ покорность. Но, убѣдившись въ своемъ безсиліи, они удалились въ горы. Послѣднимъ обстоятельствомъ воспользовалось населеніе верховьевъ Шалажей и начало выходить на плоскость еще до появленія нашихъ войскъ.

Чтобы прикрыть новыхъ выходцевъ отъ всякихъ покушеній со стороны непріятеля и уничтожить оставленныя ими жилища, 16-го числа къ верховьямъ Шалажей направленъ былъ полковникъ Бажановъ съ 5-ю баталіонами, 2-мя сотнями и 4-мя горными орудіями; остальныя войска, подъ начальствомъ полковника Алтухова, спустились 17-го апрѣля на плоскость и расположились на Валерикѣ.

Такъ закончилось покореніе почти всей Малой Чечни.

Изъ всего населенія, обитавшаго на пространствѣ отъ Аргуни до Фартанги, не осталось ни одного аула[25]; только немногіе фанатики не покорились и бѣжали къ шатоевцамъ, пшехойцамъ или акинцамъ; громадное же большинство жителей вышло въ наши предѣлы и селилось на плоскости ниже русской дороги. Не представлялось возможности съ точностью опредѣлить количество выходцевъ, но ихъ насчитывалось болѣе 2.500 семействъ.

За все время дѣйствій, т. е. съ 2-го по 19-е апрѣля, потеря отряда заключалась: въ 2-хъ убитыхъ и 9-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ и одной убитой лошади.

Со времени прихода нашихъ войскъ на Энгеликъ, наибъ Малой Чечни посылалъ къ Шамилю гонца за гонцомъ, съ донесеніями о нашихъ успѣхахъ и съ просьбою о немедленной помощи. Это побудило имама еще въ первыхъ числахъ апрѣля объявить повсемѣстные сборы. Хотя вслѣдъ за тѣмъ приходили извѣстія о появленіи значительныхъ партій на плоскости Большой Чечни, но, обезпеченный съ этой стороны отрядами, расположенными въ Аргунскомъ ущельи и близъ аула Большой Чечень, генералъ Евдокимовъ неуклонно продолжалъ намѣченныя дѣйствія. Наконецъ, онъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что сборы непріятеля усилились и самъ Шамиль принялъ надъ ними начальство. Большія скопища появились въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ укрѣпленія Воздвиженскаго, между тѣмъ какъ другія толпы обстрѣливали изъ орудій въ теченіи двухъ сутокъ Шалинское укрѣпленіе. Такія обстоятельства заставили генерала Евдокимова двинуться съ главными силами Чеченскаго отряда на Аргунъ, предоставивъ особой колоннѣ водвореніе новыхъ подданныхъ Русскаго Царя на указанныхъ имъ мѣстахъ.

Но Апшеронцамъ уже не пришлось больше участвовать въ дѣлахъ съ чеченцами: ихъ вызвали въ Дагестанъ, и оба баталіона прибыли въ Шуру въ концѣ апрѣля.

Съ постройкой укрѣпленія въ Буртунаѣ и съ перенесеніемъ сюда штабъ-квартиры Дагестанскаго полка, рѣшено было перевести Апшеронскій полкъ изъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры въ Ишкарты.

Послѣ 23-хъ-лѣтняго пребыванія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, обстроивъ это укрѣпленіе, создавъ здѣсь церковь на собственныя средства, полкъ принужденъ былъ покинуть насиженное мѣсто, гдѣ лишь въ послѣдніе годы жизнь стала ему улыбаться. Фактически переходъ полка совершился въ апрѣлѣ 1858 года. Въ этомъ же году, вмѣсто произведеннаго въ генералы полковника Ассѣева, командиромъ полка назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Эльстонъ-Сумароковъ[26].

---

[25]) Всего сожжено 96 ауловъ.

[26]) Произведенный въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ военнымъ губернаторомъ гор. Дербента, Дмитрій Кузьмичъ Ассѣевъ заболѣлъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и умеръ. Какъ строитель полковой церкви, онъ похоронен въ ней.

За 1857 годъ полку Высочайше пожалована надпись на шапки: «за отличіе въ 1857 году». Штабъ- и оберъ-офицеры полка получили слѣдующія награды: слѣдующіе чины — подполковникъ Тергукасовъ; маіоръ князь Крапоткинъ; штабсъ-капитаны: Кассаевъ, Радомицкій, Энгбрехтъ, Щедрицкій, Гедримовичъ, Куриловъ и Скворцовъ; поручики Крапивный, Кавалевскій и Яковлевъ; подпоручики Кирклевскій, Поповъ, Буравцевъ и Комаровъ и прапорщики Лебедевичъ, Драевскій, Кавтарадзе, Калантаровъ, Гогоберидзе, Чердилели, Громовъ, князь Циціановъ, Брянчаниновъ и Калицкій. Ордена: св. Владиміра 4-й степени съ мечами: подпоручикъ Поповъ-Азотовъ и прапорщикъ Безобразовъ; св. Анны 3-й степени съ мечами: маіоръ Моисеевъ; 4-й ст. съ надписью «за храбрость»—штабсъ-капитанъ Горчаковъ, подпоручикъ Хмаренко 2-й и прапорщики Навроцкій и Хмаренко 3-й; св. Станислава 3-й степени съ мечами: капитаны Волковъ, Шиманскій и Кавнацкій; штабсъ-капитаны Голубаевъ и Хмаренко 1-й и подпоручикъ Савицкій. Чины прапорщика—юнкера и унтеръ-офицеры: Яковъ Латтъ, Константинъ Милашевскій, Флоріанъ Барташевичъ, Николай Орѣшевъ, Михаилъ Масловъ, Фердинандъ Завадскій, Алексѣй Карташевъ, Димитрій Гургонидзе, Каэтанъ Буржинскій, Димитрій Федоровъ, Василій Поповъ и Янъ Храпицкій.

Знаки отличія Военнаго ордена 3-й степени—Василій Поповъ; 4-й степени Янъ Храпицкій, Никита Шатиловъ, Францъ Алхазовъ, Ѳедоръ Рыковъ, Сергѣй Трубниковъ, Михаилъ Мирко, Сергѣй Мезенцевъ, Заалъ Чердилели 1-й, Калустъ Аствацатуровъ, Иванъ Закржевскій, Николай Могилевскій, Михаилъ Чердилели, Михаилъ Ивановъ, Хайбула Имаковъ, Ѳедоръ Перфилевъ, Ѳедоръ Михайловъ, Никифоръ Кузьмичевъ, Григорій Андреевъ, Тимофей Карповъ, Ефремъ Воробьевъ, Ефимъ Поднебесный, Василій Барбашовъ, Игнатій Шестаколовъ, Николай Бабюкъ, Михаилъ Проскурѣловъ, Семенъ Барановъ, Ульянъ Марчюкъ, Капитонъ Васильевъ, Ѳедоръ Гридосъ, Василій Денисовъ, Василій Шепелевъ, Петръ Вакуловъ, Никифоръ Колесниченко, Семенъ Зайцевъ, Григорій Яковленко, Семенъ Vгрюмовъ, Димитрій Михайловъ, Степанъ Шестаковъ, Антонъ Полешукъ, Ѳедоръ Алейниковъ, Иванъ Трутинъ, Осипъ Ломарь, Францъ Суханскій, Осипъ Костюнинъ, Антонъ Битковскій, Павелъ Афонасьевъ, Семенъ Яковлевъ, Максимъ Малафѣевъ, Никифоръ Шоруда, Никифоръ Васильевъ, Яковъ Григорьевъ, Василій Барченко, Иванъ Давыденко, Герасимъ Котковъ, Ефимъ Скворцевъ, князь Иванъ Джаржадзе, Гавріилъ Егоровъ, Пантелей Мищенко, Кузьма Мастриленко, Иванъ Гоневъ, Ѳедоръ Мальшинъ, Стефанъ Лукинъ, Тимофей Костарчюкъ, Антонъ Куловскій, Прокофій Осиповъ, Ѳедоръ Виль, Никаноръ Ярцовъ, Андрей Бѣлоножка, Михаилъ Дятловъ, Спиридонъ Ивановъ, Никифоръ Юдинъ, Ѳедоръ Лагуновъ, Матвѣй Димитріевъ, Иванъ Кусевъ, Василій Суслинъ, Абрамъ Ладановъ, Иванъ Денежкинъ, Лаврентій Ѳедоровъ, Акимъ Сергѣевъ, Степанъ Журавскій и Кузьма Старцевъ.

Кромѣ того, за дѣла въ Салатавіи 24-го іюня и 13-го ноября всѣ офицеры, участвовавшіе въ нихъ, получили Монаршее благоволеніе, а нижніе чины по рублю серебромъ.

Глава Четырнадцатая.

Положеніе Шамиля въ началѣ 1858 года. — Его средства къ борьбѣ съ русскими. — Предположенія на 1858 годъ. — Сосредоточеніе отряда у Евгеніевска. — Составъ его. — Движеніе къ Дылыму. — Укрѣпленіе Шамилемъ Мичикала. — Рекогносцировка къ Гумбету. — Взятіе мичикальскихъ завалovъ. — Отступленіе отряда. — Лѣтнія занятія Салатавскаго отряда. — Положеніе Чечни и Дагестана во второй половинѣ 1858 года. — Необходимость перенесенія нашихъ передовыхъ линій въ Дагестанъ. — Выступленіе отряда для окончанія просѣки между новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ. — Составъ отряда. — Занятіе Терентульскаго оврага. — Рекогносцировка отъ Дылыма къ Кишень-Ауху. — Дѣйствія Апшеронскихъ баталіоновъ. — Донесеніе Врангеля объ Апшеронцахъ. — Набѣги горцевъ въ Дагестанъ. — Возвращеніе Апшеронскихъ баталіоновъ въ штабъ-квартиру. — Выступленіе въ составъ отряда для зимней экспедиціи. — Рубка просѣки отъ Міатловъ къ Дылыму. — Усиленіе непріятеля въ Аухѣ. — Окончаніе зимней экспедиціи. — Итоги года. — Награды.

Занятіе Салатавіи и перенесеніе сюда нашей передовой линіи сильно пошатнуло владычество Шамиля: имамъ хорошо понималъ, что, вмѣстѣ съ переходомъ Русскихъ изъ положенія оборонительнаго въ наступательное, не далеко уже и то время, когда его деспотизму и единовластію въ горахъ будетъ нанесенъ смертельный ударъ. Тѣмъ не менѣе онъ не унывалъ и желалъ бороться до послѣдней крайности. Опираясь на содѣйствіе обществъ центральнаго Дагестана и части Малой Чечни, Шамиль еще мечталъ однимъ удачнымъ дѣломъ заставить насъ опять отступить къ прежнимъ границамъ. Съ этой цѣлью онъ сосредоточивалъ болѣе или менѣе значительныя партіи въ нѣкоторыхъ пунктахъ, стараясь вредить нашимъ работамъ или противодѣйствовать наступательному движенію русскихъ отрядовъ.

По предположеніямъ на 1858 годъ, Дагестанскому отряду предстояло заняться окончаніемъ постройки штабъ-квартиры и укрѣпленія у Буртуная, прорубить въ Салатавіи нѣсколько просѣкъ и устроить колесныя сообщенія. Кромѣ того, для окончательнаго утвержденія нашего въ этомъ краѣ и для прикрытія салатавцевъ, изъявившихъ желаніе селиться на прежнихъ мѣстахъ, главнокомандующій, князь Барятинскій, нашелъ необходимымъ построить два промежуточныя укрѣпленія: одно въ Дылымѣ—на баталіонъ пѣхоты и двѣ сотни конницы, а другое у Хубара—на двѣ роты. Вмѣстѣ съ возведеніемъ новыхъ укрѣпленій должны были разработываться пути сообщенія ихъ съ Буртунаемъ и Міатлами [1]).

Для выполненія названныхъ предпріятій, 18-го мая у Евгеніевска, подъ начальствомъ командующаго въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-адъютанта барона Врангеля, сосредоточился отрядъ въ составѣ 4-хъ баталіоновъ и одной роты пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ), 4 легкихъ и 6 горныхъ орудій и 7 1/2 сотенъ конницы [2]).

[1]) Дѣло № 10. Секр. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[2]) 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго и баталіонъ Самурскаго полковъ и рота 21-го стрѣлковаго баталіона, 1/2 сотни Донскаго № 6, 4—Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ, 2—Кюринской и одна сотня сборной милиціи; 4 орудія легкой № 6 и 6 орудій горной № 2 батарей 21-й артиллерійской бригады.

Лѣто въ этомъ году выдалось чрезвычайно жаркое и нашъ переходъ изъ Шуры къ Евгеніевску по совершенно безводному пространству не обошелся даромъ: въ отрядѣ оказалось 40 человѣкъ больныхъ, преимущественно отъ солнечныхъ ударовъ.

На другой день, 19-го мая, Врангель двинулся на гору Ибрагимъ-Дада; этотъ переходъ, какъ и предыдущій, былъ весьма утомительный. Не доходя вершины горы, баронъ Врангель повернулъ отрядъ къ селенію Гертме, въ окрестностяхъ котораго и остановился на ночлегъ. 20-го мая отрядъ прибылъ на Хубарскія высоты. Непріятель въ Салатавіи не показывался и только небольшія конныя партіи слѣдили за движеніемъ войскъ, изрѣдка перестрѣливаясь съ нашими цѣпями.

Осмотрѣвъ сообщенія Буртуная съ Хубарами и Міатлинской переправой, путь отъ Міатлы къ Дылыму, баронъ Врангель 23-го мая двинулся со всѣмъ отрядомъ къ развалинамъ Дылыма, намѣреваясь обратный путь къ Буртунаю совершить по просѣкѣ, сдѣланной въ прошломъ году. Въ виду аула, всадники Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка замѣтили отступавшую партію и, преслѣдуя ее, успѣли захватить въ плѣнъ 3-хъ горцевъ; отъ нихъ получено свѣдѣніе, что ауховцы и гумбетовцы, въ числѣ 800 человѣкъ, сторожатъ пути къ селеніямъ Ваникъ и Бейляръ-Керганъ. Дѣйствительно, передъ вечеромъ большія толпы горцевъ стали показываться со стороны означенныхъ селеній и со стороны Акташъ-Ауха. Ночью непріятель усилился партіей, прибывшей съ ауховскимъ наибомъ Идрисъ-Муллой. Дорога къ Буртунаю, по которой предстояло слѣдовать нашимъ войскамъ, сначала поднималась въ гору, покрытую на протяженіи полуторы версты густымъ лѣсомъ, а потомъ шла по просѣкѣ, разработанной въ 1857 году. На разсвѣтѣ, 24-го мая, отрядъ снялся съ позиціи, а два баталіона Апшеронцевъ (1-й и 3-й), шедшіе въ авангардѣ, заняли лѣсъ, выбивъ засѣвшихъ въ немъ горцевъ. Тогда непріятель, собравшись въ большія массы, началъ насѣдать на аріергардъ, состоявшій изъ 2-го баталіона Апшеронцевъ, подъ командою подполковника Долгово-Сабурова; Апшеронцамъ неоднократно приходилось отбивать штыками назойливыхъ горцевъ. Чтобы заставить ихъ прекратить преслѣдованіе, баронъ Врангель приказалъ незамѣтно подвезти къ аріергарду орудія и открыть сильный огонь по толпамъ непріятеля, послѣ чего маіоръ Егоровъ съ 1-мъ баталіономъ пошелъ въ атаку. Дружный натискъ Апшеронцевъ, приведя непріятеля въ совершенное разстройство, заставивъ его совершенно прекратить преслѣдованіе.

Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ рядовомъ, ранено 3 оберъ-офицера и 25 нижнихъ чиновъ (12 Апшеронцевъ). 25-го мая, по прибытіи отряда къ Буртунаевскому укрѣпленію, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель рѣшилъ немедленно приступить къ предположеннымъ въ этомъ году работамъ, для чего и присоединилъ къ отряду еще 4 баталіона Дагестанскаго полка, находившіеся въ Буртунаѣ.

Шамиль жилъ въ Дарго; по его приказанію населеніе трехъ ближайшихъ ауловъ — Аргуани, Артлуха и Данухa — оставило свои жилища и, вмѣстѣ съ жителями аула Мехельты, удалилось на гору Цилитль.

Когда наши войска стали твердой ногой въ Салатавіи и Шамиль ясно увидѣлъ, что ему уже не вернуть этой страны, то онъ энергично принялся за преграждение дальнѣйшаго наступательнаго движенія русскихъ изъ Салатавіи въ Гумбетъ.

Съ этой цѣлью еще ранней весной онъ приказалъ испортить всѣ дороги въ Гумбетъ и устроить сильные завалы въ Мичикалѣ; работы велись съ усиленною дѣятельностью подъ руководствомъ гумбетовскаго наиба Абакаръ-Дебира. Желая воспрепятствовать дальнѣйшимъ работамъ непріятеля и въ тоже время осмотрѣть пограничныя съ Салатавіей земли, баронъ Врангель призналъ необходимымъ произвести усиленную рекогносцировку въ Гумбетъ. Это движе-

*

ніе, обративъ на себя вниманіе Шамиля, могло оттянуть часть его скопищъ, находившихся въ Чечнѣ, и тѣмъ облегчить Чеченскому отряду исполненіе его задачъ. 17-го іюня отрядъ, въ составѣ 5 1/4 баталіоновъ (2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ), 6-ти горныхъ орудій и 8 1/2 сотенъ кавалеріи [3]), двинулся вверхъ по ущелью р. Акташа и, спустившись по весьма трудной тропинкѣ, наскоро разработанной авангардомъ, къ 4-мъ часамъ пополудни подошелъ къ мичикальскимъ завалам, которыми непріятель хотѣлъ оградить весь Мичикалъ. Завалы, оказалось, не были доведены до конца. Земляной брустверъ, весьма значительной профили съ банкетомъ и бойницами, тянулся на протяженіи 200 саженъ; онъ начинался на скалистыхъ отрогахъ горы Анчимеера и оканчивался около дороги въ Гумбетъ; пространство же между дорогою и глубокимъ ущельемъ Акташа было покрыто лѣсомъ, еще не укрѣпленнымъ горцами. Въ завалахъ находилось незначительное скопище гумбетовцевъ, при 4-хъ значкахъ. Чтобы не допустить непріятеля усилиться въ теченіи ночи, баронъ Врангель, давъ войскамъ только самый необходимый отдыхъ, рѣшилъ атаковать горцевъ. Въ 6 часовъ вечера колонна, назначенная для атаки непріятельской позиціи, съ мѣста отдыха двинулась къ завалам, подъ начальствомъ генералъ-маіора Волкова; въ составъ колонны входили 3 баталіона (въ томъ числѣ 2-й Апшеронскій) и вся конница [4]). Два баталіона направлены были въ лѣсъ для выбитія оттуда горцевъ, а 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и конница пошли прямо на завалы. Быстрый и рѣшительный ударъ Апшеронцевъ и конно-иррегулярцевъ привелъ непріятеля въ страшное замѣшательство; гумбетовцы, сдѣлавъ нѣсколько безпорядочныхъ залповъ, бросили завалъ и бѣжали на Анчимееръ.

Все дѣло стоило намъ только 8-ми раненыхъ (изъ нихъ 5 Апшеронцевъ). Апшеронцы и баталіонъ Дагестанскаго полка расположились бивуакомъ въ самомъ завалѣ, а остальныя части отряда — на возвышенности праваго берега рѣки Арубата. На слѣдующій день предполагалось произвести рекогносцировку къ Андійскимъ воротамъ; но начавшійся съ утра дождь при густомъ туманѣ помѣшалъ движенію, и наши войска занялись разрушеніемъ непріятельскихъ заваловъ. Между тѣмъ, приходъ отряда въ Мичикалъ, и неизвѣстность цѣли его дальнѣйшихъ дѣйствій встревожилъ всѣ сосѣднія общества. Партіи горцевъ стекались со всѣхъ сторонъ; прибылъ и наибъ Абакаръ-Дебиръ со всѣми андійцами. Къ сожалѣнію, крайне неблагопріятная погода и сильные дожди, которымъ не предвидѣлось скораго окончанія, заставили барона Врангеля на время отложить дальнѣйшія дѣйствія и возвратиться въ Салатавію.

На разсвѣтѣ, 19-го іюня, авангардъ (3-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою полковника Тергукасова) направился вверхъ по ущелью Арубата для разработки подъема на Кыркъ-тау, а остальныя войска выступили часъ спустя; въ аріергардѣ шли 2-й Апшеронскій и 21-й стрѣлковый баталіоны, подъ начальствомъ командира полка графа Сумарокова-Эльстона.

Выбитые изъ заваловъ 17-го числа, горцы, при всей своей многочисленности, не осмѣливались преслѣдовать отрядъ и только издали слѣдили за нимъ. По приближеніи войскъ нашихъ къ бывшему укрѣпленію Удачному, показалась непріятельская партія, спѣшившая изъ Аргуани въ Мичикалъ; она завязала перестрѣлку съ аріергардомъ, но была разсѣяна картечными выстрѣлами и штуцернымъ огнемъ. Никѣмъ не тревожимый, отрядъ поднялся на Кыркъ-тау и благополучно прибылъ въ Буртунай. Такимъ образомъ, цѣль движенія, хотя и не въ полной мѣрѣ, все-таки была достигнута и притомъ съ весьма

---

[3]) 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ, подъ командою вновь прибывшаго командира полка, флигель-адъютанта графа Сумарокова-Эльстона, 2 баталіона Дагестанскаго полка, 21-й стрѣлковый баталіонъ, рота 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона, 6 единороговъ № 5 батареи, 5 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и три сотни Дагестанской милиціи.

[4]) 2-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ и 21-й стрѣлковый баталіонъ.

незначительной для насъ потерей[5]. На другой день по уходѣ отряда, т. е. 20-го іюня, Шамиль со всѣми скопищами прибылъ въ Андію и, убѣдившись на мѣстѣ въ беззащитности Андійскаго общества со стороны Салатавіи, приказалъ немедленно укрѣпить доступы сюда черезъ Буцрахскій хребетъ (Андійскія ворота). Конецъ іюня, іюль и большую часть августа мѣсяца Салатавскій отрядъ занимался довершеніемъ постройки штабъ-квартиры Дагестанскаго полка, и когда работы были почти уже доведены до конца, то явилась возможность приступить къ продолженію не оконченной въ прошломъ году просѣки между новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ, имѣвшей для насъ важное значеніе, ибо по ней пролегало кратчайшее сообщеніе черезъ Акташъ-Аухъ съ крѣпостью Внезапной и Кишень-Аухомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію военныхъ событій, очертимъ положеніе края въ концѣ лѣта, т. е. въ августѣ мѣсяцѣ. Съ занятіемъ Салатавіи и нижняго Ауха, съ покореніемъ всей Большой и части Малой Чечни, средства непріятеля къ борьбѣ съ нами по сѣверную сторону Андійскаго хребта значительно уменьшились. Населеніе этихъ мѣстъ утратило вѣру въ возможность защиты его Шамилемъ, а потеря жилищъ, посѣвовъ и скота заставляла горцевъ при каждомъ съ нашей стороны успѣхѣ тысячами выходить на плоскость. Тѣмъ не менѣе, Шамиль имѣлъ огромную поддержку въ центрѣ горъ, гдѣ ему слѣпо повиновались лезгинскія племена, отличавшіяся воинственностью, религіознымъ фанатизмомъ и ненавистью къ русскимъ. Занятіе Аргунскаго ущелья и Салатавіи и совокупныя дѣйствія войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи и Прикаспійскаго края заставили Шамиля сосредоточить въ этихъ мѣстностяхъ всѣ свои силы для обороны лѣсной полосы Андійскаго хребта; присутствіе имама и его партіи удерживало населеніе Черныхъ горъ отъ изъявленія покорности Русскимъ.

Центральная часть нашей передовой линіи въ Дагестанѣ, отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Цудахара включительно, уже нуждалась въ перенесеніи впередъ въ виду того, что намъ необходимо было владѣть узломъ дорогъ, выходившихъ изъ горъ. Сѣверная половина передовой линіи отъ Чиръ-Юрта и до границъ Казикумуха охранялась низовьемъ рѣки Сулака, Койсубулинскимъ хребтомъ и теченіемъ Казикумухскаго Койсу, отъ Ходжалъ-Маховъ до Цудахара. На Сулакѣ непріятель имѣлъ три главныя переправы: Ахатлинскую, Зубутовскую и Міатлинскую; но послѣ занятія Салатавіи и устройства укрѣпленія у аула Міатловъ, Шамиль лишился возможности вредить намъ на всемъ пространствѣ по правую сторону Сулака. Въ Койсубулинскомъ хребтѣ есть нѣсколько проходовъ, идущихъ отъ ауловъ Гимръ, Ирганая, Араканъ и Гергебиля, находившихся пока въ рукахъ горцевъ. Съ цѣлію парализовать дѣйствія непріятеля съ этой стороны, возведено было пять укрѣпленныхъ пунктовъ: Темиръ-Ханъ-Шура, Ишкарты, редутъ Агачъ-Кала, Аймаки и Ходжалъ-Махи; кромѣ того устроенъ рядъ башенъ, занимаемыхъ караулами отъ жителей. Въ лѣтнее время, для охраненія края, на Аркасѣ и Кутишинскихъ высотахъ располагались цѣлые отряды, зимою переходившіе на стоянку въ ближайшіе аулы.

Не смотря на всѣ принимаемыя мѣры охраненія, непріятельскія партіи успѣвали прорываться сквозь передовую линію и производили грабежи въ нашихъ предѣлахъ.

Отъ Ходжалъ-Маховъ до Цудахарскихъ воротъ линія прикрывалась теченіемъ Казикумухскаго Койсу. Хотя пространство между Казикумухскимъ Койсу и Кара-Койсу было опустошено, тѣмъ не менѣе Шамиль при сліяніи обѣихъ рѣкъ возвелъ сильное укрѣпленіе Улли-Кала, откуда горцы производили набѣги къ сторонѣ Кутишей, въ пространствѣ между

5) Дѣло № 4. Секретное. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Ходжалъ-Махами и Цудахаромъ, черезъ броды на Койсу, и проникали даже въ Акушу. Опасное положеніе нашей передовой линіи краснорѣчиво говорило въ пользу ея перенесенія за Койсубулинскій хребетъ — къ Ирганаю, Зырянамъ и къ Улли-Кала: тогда у непріятеля остался-бы въ рукахъ только одинъ проходъ—отъ Гимръ къ Эрпели и Каранаю, которымъ онъ, однако, не могъ пользоваться безнаказанно. Баронъ Врангель представилъ главнокомандующему свои соображенія по этому поводу, но князь Барятинскій, вполнѣ соглашаясь съ приведенными доводами, не могъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ году, приступить къ перенесенію передовой линіи, потому что для выполненія подобнаго предпріятія требовался значительный отрядъ, а движеніе къ непріятельской крѣпости Улли-Кала съ малымъ отрядомъ, въ случаѣ неудачи, могло поднять упавшій духъ горцевъ и ослабить значеніе нашихъ двухлѣтнихъ успѣховъ [6].

Послѣ 3-хъ-мѣсячныхъ трудовъ по возведенію Буртунаевскаго укрѣпленія, Врангель приступилъ къ окончанію просѣки между Новымъ Буртунаемъ и Дылымомъ. Салатавскій отрядъ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошли 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ (всего 7 баталіоновъ, при 6-ти орудіяхъ и 8-ми сотняхъ конницы) [7]. Выступилъ изъ стараго Буртуная 20-го августа. Въ авангардѣ находились 2-й и 3-й Апшеронскіе баталіоны.

На разсвѣтѣ оба баталіона вошли въ лѣсъ, черезъ который пролегала дорога въ Дылымъ, выбили отсюда горцевъ и, такимъ образомъ, дали возможность главной колоннѣ безпрепятственно пройти невырубленное пространство; вслѣдъ за тѣмъ отрядъ расположился лагеремъ у Дылыма. Слѣдующіе два дня (21-го и 22-го августа) войска занимались рубкой просѣки, начавъ ее отъ Дылыма. Собравшись на окрестныхъ высотахъ, непріятель все время оставался спокойнымъ зрителемъ производившихся работъ, и только нѣкоторые смѣльчаки изъ горцевъ подкрадывались къ лагерю и производили по немъ стрѣльбу. Желая осмотрѣть дороги, соединявшія Буртунаевское укрѣпленіе съ Кишень-Аухомъ, Врангель временно прекратилъ работы и, на разсвѣтѣ, 23-го августа, выступилъ изъ Дылыма къ Кишень-Ауховскому укрѣпленію. Его колонна состояла изъ $5\,^1/_4$ баталіоновъ (1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ), 4-хъ горныхъ орудій и 7-ми сотенъ конницы. Отрядныя тяжести остались въ Дылымѣ, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ (3-й Апшеронскій и Дагестанскій, при 2-хъ орудіяхъ). Отъ Дылыма къ Кишень-Ауху шли двѣ дороги: верхняя — по лѣвой возвышенной сторонѣ Теренгула, а нижняя — по правому берегу того же оврага; у Юртъ-Ауховскаго кладбища обѣ дороги соединялись въ одну, шедшую черезъ Акташъ-Аухъ къ Кишеню. Для рекогносцировки избрана нижняя дорога, проходившая черезъ перелѣски густаго орѣшника. Быстрое и неожиданное для горцевъ движеніе отряда позволило пройти по дорогѣ почти безъ потери. Когда непріятель, въ числѣ 200 человѣкъ, сбѣжался въ лѣсъ около Юртъ-Ауха, то отрядъ уже благополучно миновалъ опасное мѣсто и сталъ на Акташѣ; отсюда вплоть до Кишень-Ауха горцы не показывались, опасаясь нашей кавалеріи. На другой день непріятель ожидалъ возвращенія колонны по прежней дорогѣ, и собрался въ юртъ-ауховскомъ лѣсу, подъ предводительствомъ Булача — помощника салатавскаго наиба; въ партіи насчитывалось до 1.000 человѣкъ. Юртъ-ауховскій лѣсъ, безпрепятственно пройденный войсками наканунѣ, примыкая на протяженіи 2-хъ верстъ къ нижней дорогѣ, мѣстами удалялся отъ нея на полуружейный выстрѣлъ и образовывалъ неудобопроходимую чащу. Горцы разсыпались по

---

6) Дѣло № 26. Секр. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

7) 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго и 3 — Дагестанскаго полковъ, 21-й стрѣлковый баталіонъ, рота 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона, дивизіонъ горной № 5 батареи, взводъ № 3 батареи 21-й артил. бригады, 4 сотни Дагест. конно-иррегулярнаго полка, полусотня донскихъ казаковъ и 3 сотни милиціи.

опушкѣ и въ балкахъ, выжидая отрядъ. Разгадавъ намѣреніе непріятеля, Врангель рѣшилъ обратный путь совершить по верхней дорогѣ, а чтобы отвлечь вниманіе партіи — призналъ необходимымъ произвести предварительно демонстрацію къ Альбури-Отару — вновь выстроенному аулу, имѣвшему до 250-ти дворовъ и въ которомъ сосредоточились выходцы изъ нижнихъ ауховскихъ ауловъ. Альбури-Отаръ лежалъ верстахъ въ 6-ти выше Юртъ-Ауха и былъ окруженъ съ трехъ сторонъ лѣсною чащею. Выступивъ 24-го августа изъ Кишеня, отрядъ въ 10 часовъ утра прибылъ къ Юртъ-Ауху и сдѣлалъ видъ наступленія къ Альбури. Едва только наши войска передвинулись въ этомъ направленіи съ версту, какъ непріятель, опасаясь за аулъ, покинулъ лѣсъ и поспѣшилъ на защиту Альбури-Отара. Баронъ Врангель быстро повернулъ конницу и стрѣлковъ влѣво и завладѣлъ лѣсистыми возвышенностями верхняго пути, командовавшими всею дорогою. Подъ прикрытіемъ занятыхъ пунктовъ остальныя части колонны, смѣняя одна другую, постепенно дебушировали къ Дылыму. Только у послѣдняго лѣсистаго кургана непріятель успѣлъ настичь хвостъ колонны, но былъ отброшенъ картечью единороговъ и дѣйствіемъ штуцернаго огня аріергардныхъ ротъ 1-го баталіона Апшеронцевъ. Такимъ образомъ, демонстрація къ Альбури-Отару вполнѣ увѣнчалась успѣхомъ и непріятель понесъ чувствительную потерю, не смотря на всѣ выгоды мѣстности, на которой происходило дѣло. Во время рекогносцировки у горцевъ взято два человѣка въ плѣнъ, а въ числѣ убитыхъ находился предводитель партіи — Булачъ.

26-го августа, собранный у Дылыма отрядъ направился обратно къ Буртунаевскому укрѣпленію; пѣхота съ артиллеріей пошла по просѣкѣ, а конница и 21-й стрѣлковый баталіонъ черезъ аулъ Новый Зубутъ и Гуни. Горцы, узнавъ о движеніи первой колонны, съ чрезвычайной быстротой собрались къ просѣкѣ и стали тревожить сначала аріергардъ, а потомъ, постепенно усиливаясь прибывавшими партіями изъ Алмаки и другихъ ближайшихъ ауловъ, завязали перестрѣлку на всемъ протяженіи просѣки. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ просѣка была не такъ широка, непріятель засѣлъ въ значительномъ числѣ и открылъ частый огонь по проходившимъ войскамъ. Положеніе отряда сдѣлалось опаснымъ, ибо сосредоточенный и близкій огонь горцевъ могъ нанести нашимъ войскамъ весьма чувствительный уронъ. Изъ такого затруднительнаго положенія отрядъ вырученъ Апшеронцами. «Пока шедшій въ аріергардѣ 2-й Апшеронскій баталіонъ пробивалъ себѣ дорогу, отбивая атаки горцевъ, командиръ 3-го баталіона, полковникъ Тергукасовъ, находившійся съ баталіономъ въ правой цѣпи, бросился съ 9-ю ротою (капитана Радомицкаго) на многочисленныя толпы непріятеля. Рота безъ выстрѣла кинулась въ штыки и, несмотря на отчаянныя усилія со стороны горцевъ, опрокинула толпы ихъ. Непріятель, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ тѣлъ, обратился въ бѣгство. Апшеронцы преслѣдовали бѣгущихъ по всему лѣсу, внося въ толпы ихъ смерть и ужасъ»[8]. Въ то время какъ 9-я рота разсѣяла горцевъ по всему лѣсу, 2-й баталіонъ занялъ выгодную позицію и далъ возможность колоннѣ стянуться къ новому Буртунаю. У подъема къ аулу, непріятель снова пытался атаковать аріергардъ, но былъ отбитъ ружейнымъ огнемъ. За новымъ Буртунаемъ преслѣдованіе совершенно прекратилось, и войска спокойно возвратились въ лагерь. Потеря наша съ 23-го по 26-е августа заключалось въ 4-хъ убитыхъ и 17-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ, большею частью, Апшеронцевъ.

Въ другихъ частяхъ Прикаспійскаго края было относительно спокойно; хотя партіи горцевъ и производили набѣги, но не такъ усиленно какъ то мы видѣли раньше. Изъ этихъ набѣговъ отмѣтимъ одинъ, въ которомъ непріятелю пришлось имѣть дѣло съ Апше-

[8]) Дѣло № 4. Донесеніе № 1.450. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

ронцами. 20-го сентября партія спустилась изъ Гергебиля въ Аймакинское ущелье и, пользуясь густымъ туманомъ, успѣла угнать часть скота, принадлежавшаго жителямъ аула Аймаковъ. По тревогѣ, выбѣжала изъ Аймакинскаго укрѣпленіи 15-я рота Апшеронскаго полка; къ ней присоединились и жители. Апшеронцы настигли хищниковъ и отбили у нихъ всю добычу. Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, горцы разсѣялись по горнымъ трущобамъ [9]. Такимъ же образомъ, 2-го октября 20-я рота полка отбила обратно скотъ, захваченный горцами у ишкартинцевъ и каранаевцевъ.

До начала октября Апшеронскіе баталіоны находились въ составѣ Салатавскаго отряда, а 7-го числа направились въ новую штабъ-квартиру — укрѣпленіе Ишкарты, для отдыха послѣ весьма трудныхъ занятій и походовъ въ Салатавіи. Впрочемъ, отдыхъ былъ весьма не продолжителенъ. Согласно предположенію о зимнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, надлежало приступить къ расчисткѣ лѣснаго пространства между Міатлами, Чиръ-Юртомъ и Дылымомъ. Поэтому, 30-го ноября, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель сосредоточилъ въ Міатлинскомъ укрѣпленіи отрядъ изъ $8\frac{1}{2}$ баталіоновъ пѣхоты (2-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка), 4-хъ орудій и 7-ми сотенъ конницы [10]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вспомогательный отрядъ, изъ 3-хъ баталіоновъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, стоялъ уже у Буртуная для дѣйствій въ верхней Салатавіи, если бы того потребовали обстоятельства.

Сѣверная окраина Салатавіи отъ Міатловъ до Дылыма составляла одну изъ ея самыхъ лучшихъ частей. Огражденная со стороны Кумыкской плоскости цѣпью покрытыхъ, лѣсомъ горъ, она служила удобнымъ пристанищемъ для непріятеля, который, собираясь у Ваника или въ Альбури-Отарѣ, всегда могъ безнаказанно выходить для набѣговъ; густой орѣшникъ и множество повсюду разбросанныхъ кутановъ давали горцамъ полную возможность скрываться отъ преслѣдованія нашихъ войскъ. Баронъ Врангель предположилъ прорубить просѣку отъ Міатлинскаго укрѣпленія къ Дылыму, и тогда мы достигали самыхъ положительныхъ результатовъ: 1) непріятель навсегда терялъ возможность пользоваться вышеописаннымъ пространствомъ и 2) открывался доступъ къ Буртунаю по новому и удобнѣйшему направленію черезъ Старый Дылымъ, на мѣстѣ котораго мы должны были построить укрѣпленіе.

1-го декабря Врангель произвелъ рекогносцировку, которая выяснила, что лучшимъ направленіемъ для просѣки представлялась дорога, шедшая отъ Міатловъ къ разореннымъ ауламъ Инчхе, Костала и Дылыму. Въ тотъ же день и ночью на 2-е число войска переправились черезъ Сулакъ, а утромъ 2-го декабря часть отряда, въ составѣ 5-ти баталіоновъ (два Апшеронскихъ), при 4-хъ орудіяхъ и 2-хъ сотняхъ конницы, выдвинулась на позицію къ Инчхе; прочія войска остались по лѣвую сторону Міатлинской переправы для разработки дорогъ къ Чиръ-Юрту и Инчхе и для сопровожденія транспортовъ. У Инчхе отрядъ немедленно приступилъ къ рубкѣ просѣки, къ 5-му декабря дошедшей къ Костала и имѣвшей въ длину 7 верстъ. Когда войска приблизились къ Костала, то со стороны Дылыма показалась непріятельская партія, которая, впрочемъ, быстро разсѣялась. Въ происшедшей перестрѣлкѣ у насъ раненъ одинъ нижній чинъ. Въ виду того, что у Буртуная свирѣпствовали все время снѣжныя бури, находившіеся здѣсь на работахъ три баталіона были присоединены къ отряду.

---

9) Тамъ-же. Донесеніе № 1.621.

10) 2-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго, 2 — Самурскаго, 1 — Бѣлевскаго пѣхотныхъ полковъ и 21-й стрѣлковый, линейныя роты 14-го, 15-го и 17-го линейныхъ баталіоновъ, взводъ горной № 5 и взводъ легкой № 7 батарей, сотня Донскаго № 6 и 6 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ.

Рѣшительныя дѣйствія нашихъ войскъ со стороны Дагестана и Кумыкской плоскости произвели большую тревогу на всемъ пространствѣ между рѣками Акташемъ и Ярахъ-Су; по просьбѣ ауховскаго наиба, Нурисъ-Муллы, прибыли въ Аухъ партіи изъ Гумбета и иґалинскій кадій съ двумя конными сотнями, а изъ Дарго въ распоряженіе Нурисъ-Муллы доставлены два орудія. Мюриды, главнымъ образомъ хлопотавшіе о недопущеніи салатавцевъ и ауховцевъ изъявить намъ покорность, подъ разными благовидными предлогами заарестовали семейства жителей, а стада отогнали за Яманъ-Су; передовые же аулы Алмакъ, Альбури-Отаръ и Ваникъ были окружены сильными караулами.

Оставивъ въ Костала складъ провіанта и сѣна, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ (Самурскаго полка), баронъ Врангель съ остальными войсками перешелъ 6-го декабря къ старому Дылыму. Начавшійся съ половины дня порывистый юго-западный вѣтеръ со снѣгомъ обратилъ все пространство отъ Буртуная до Дылыма въ одно снѣжное море; морозъ доходилъ до 10° по Реомюру. Такая неблагопріятная погода, продолжавшаяся и весь слѣдующій день, вынудила 7-го числа придвинуть отрядъ ближе къ Костала, гдѣ лѣсистые отроги давали возможность укрыться отъ холоднаго, порывистаго вѣтра и продолжать начатыя работы. Наконецъ, къ 18-му числу просѣка между Міатлами и Дылымомъ была окончена, и войска распущены по штабъ-квартирамъ. Апшеронцы 19-го декабря возвратились въ Ишкарты.

Подводя итоги дѣйствіямъ Салатавскаго отряда въ 1858 году, въ которыхъ немаловажное участіе принимали Апшеронцы, мы видимъ, что дѣятельность его выразилась въ прочномъ утвержденіи за нами Салатавіи и Нижняго Ауха и въ необыкновенныхъ трудахъ и лишеніяхъ, испытанныхъ войсками при рубкѣ просѣкъ осенью и зимою этого года. Содѣйствуя Чеченскому отряду отвлеченіемъ непріятельскихъ силъ, Салатавскій отрядъ въ то же время подготовлялъ успѣхъ дальнѣйшихъ событій, закончившихся покореніемъ восточнаго Кавказа и паденіемъ Шамиля.

За 1858 годъ въ полку получили награды: слѣдующіе чины — подполковникъ Долгово-Сабуровъ; капитаны — Энгбрехтъ, Подборскій, Сидоровъ и Старосельскій; штабсъ-капитанъ Островскій; поручикъ Лебля; подпоручикъ Ставровъ и прапорщикъ Кетхудовъ. Ордена: св. Владиміра 3-й степени съ мечами — командиръ полка, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ; св. Анны 3-й степени съ мечами — штабсъ-капитанъ Калицкій; св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» — поручики Буравцевъ и Пургасовъ; подпоручики Кавторадзе, князь Накашидзе и Чердилели и прапорщики Свѣнцицкій и Брянчаниновъ 2-й; св. Станислава 2-й степени съ мечами — подполковникъ князь Крапоткинъ; св. Станислава 3-й степени съ мечами — штабсъ-капитаны Москалевъ и Явченко; золотую саблю — полковникъ Тергукасовъ. Произведенъ въ прапорщики унтеръ-офицеръ Прокофій Тацкій. Знаки отличія Военнаго ордена 2-й степени — унтеръ-офицеръ Василій Поповъ; 3-й степени — Николай Малиновскій 2-й; 4-й степени: унтеръ-офицеры — Петръ Ковтунъ, Иванъ Лапкинъ и Григорій Савченко; рядовые — Иванъ Михайловъ, Петръ Хохряковъ, Антонъ Иструнинъ, Петръ Барсовъ, Тимофей Клыковъ, Димитрій Прокопенко, Кириллъ Копопенко, Тихонъ Бѣльчинъ, Захаръ Сюткинъ, Павелъ Макаровъ, Алексѣй Варавинъ, Антонъ Букатовъ, Иванъ Назимовъ, Ѳедотъ Осиповъ, Михаилъ Сая и Карпъ Копуновъ[11]).

---

[11]) Дѣло № 156. Особаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Глава Пятнадцатая.

Рѣшеніе перенести театръ военныхъ дѣйствій въ долину Андійскаго Койсу.—Задачи Салатавскаго отряда.—Новый командиръ полка.—Сосредоточеніе отряда въ Кишень-Аухѣ.—Составъ его.—Движеніе къ Зандаку.—Рекогносцировка Зандакъ-Капа.—Взятіе этого укрѣпленія и хуторовъ Мулла-Хаджи-Юртъ. Переселеніе жителей Гассанъ-Бекъ-Кента.—Наступательныя дѣйствія къ рѣкѣ Яманъ-Су.—Сраженіе 8-го марта у Яманъ-Су.—Разбитіе непріятеля.—Потери Апшеронцевъ.—Донесеніе Врангеля князю Барятинскому о дѣйствіяхъ Апшеронцевъ.—Движеніе колонны на рѣку Аксай.—Дѣло 14-го марта.—Поиски полковника Лазарева въ Дагестанѣ.—Рекогносцировка Врангеля къ Аллерою и Саясану.—Поискъ къ Шамхалъ-Берды.—Взятіе Чеченскимъ отрядомъ аула Веденя и окончаніе дѣйствій Салатавскаго отряда.—Выступленіе отряда къ Гойтемировскимъ воротамъ и возвращеніе въ Прикаспійскій край.—Рѣшеніе главнокомандующаго произвести наступательныя дѣйствія въ центръ горъ.—Сборъ войскъ у Дылыма.—Переселеніе ауховцевъ и салатавцевъ въ наши предѣлы.—Приготовленія къ движенію въ долину рѣки Андійскаго Койсу.—Занятіе Дагестанскимъ отрядомъ Мичикала.—Занятіе Аргуани.—Движеніе колонны генерала Ракуссы къ Сагрытлосской переправѣ.—Невозможность переправиться у Сагрытло.—Движеніе вверхъ по Койсу и выборъ новаго мѣста переправы.—Замѣчательная переправа черезъ Андійское-Койсу.—Истребленіе засѣвшихъ въ пещерѣ мюридовъ.—Устройство веревочнаго моста.—Постройка моста у Сагрытло.—Наши потери.—Устройство моста у аулы Чирката.—Переходъ Врангеля съ войсками на высоты у Ахкента.—Дѣйствія отряда генерала Манюкина.—Взятіе Бурундукъ-Кале.—Занятіе Ирганая и Зырянъ и открытіе сообщенія съ Дагестанскимъ отрядомъ.—Описаніе главнокомандующимъ положенія Дагестана и Чечни.—Работы Чеченскаго отряда.—Положеніе непріятеля.—Сдача крѣпости Улли-Калы и изъявленіе покорности жителями ауловъ: Аракань, Кудуха, Кикунъ и другихъ.—Покорность Гумбета.—Сдача Чоха.—Открытіе сообщенія между Дагестанскимъ и Чеченскимъ отрядами.—Сдача Кибитъ-Магомы.—Отправленіе генерала Ракуссы съ 3-мя баталіонами въ Южный Дагестанъ.—Заложеніе «Преображенскаго» мостоваго укрѣпленія.—Нападеніе жителей на транспорты съ имуществомъ Шамиля.—Плачевное положеніе имама.—Отступленіе его на Гунибъ-Дагъ.—Обложеніе Дагестанскимъ отрядомъ Гунибъ-Дага.—Описаніе горы.—Рекогносцировка 14-го августа.—Переговоры съ Шамилемъ о сдачѣ.—Прибытіе главнокомандующаго.—Положеніе Дагестана въ августѣ мѣсяцѣ.—Путешествіе князя Барятинскаго черезъ покоренныя земли.—Телеграмма главнокомандующаго Государю Императору.—Приказы по Кавказской арміи.—Послѣднее расположеніе войскъ вокругъ Гунибъ-Дага.—Приготовленіе къ штурму.—Осмотръ доступовъ на Гунибъ.—Распоряженія въ колоннѣ Тергукасова.—Славный подвигъ охотниковъ-Апшеронцевъ.—Восхожденіе охотниковъ и 1-го баталіона на Гунибъ-Дагъ съ южнаго фаса.—Бой въ завалахъ и взятіе ихъ.—Присоединеніе двухъ ротъ 4-го баталіона.—Дѣйствія на остальныхъ фасахъ.—Сдача Шамиля.—Наши трофеи и потери.—Заключеніе.—Награды полку.

Въ наступившемъ 1859 году князь Барятинскій рѣшилъ перенести главный театръ военныхъ дѣйствій въ долину Андійскаго Койсу, имѣя цѣлью не только нанести горцамъ временной ударъ, но и окончательно и прочно утвердиться въ этомъ краѣ, занявъ здѣсь важнѣйшіе стратегическіе пункты и проложивъ нѣсколько хорошихъ дорогъ, чтобы открыть дальнѣйшіе доступы для будущихъ военныхъ дѣйствій.

Въ видахъ достиженія такихъ важныхъ результатовъ, для военныхъ операцій въ долинѣ Андійскаго Койсу необходимо было имѣть возможно большее количество войскъ и не развлекаться въ то-же время другими второстепенными задачами. Впрочемъ, большой отрядъ необходимъ былъ не столько для фактической борьбы съ непріятелемъ, сколько для предстоявшихъ огромныхъ работъ и сопровожденія транспортовъ съ продовольствіемъ и военными запасами.

Блестящіе успѣхи нашего оружія на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи доставили намъ обладаніе Большою и частью Малой Чечни.

Вмѣстѣ съ новымъ пріобрѣтеніемъ, для движенія въ долину Андійскаго Койсу открылись доступы уже не изъ Салатавіи, какъ предполагалось раньше, а со стороны Веденя и Аргунскаго ущелья. Слѣдовательно прежнія предположенія о сосредоточеніи войскъ у Буртуная для наступленія въ Андію долженствовали измѣниться. Теперь лучшимъ путемъ являлись дороги изъ Чорбили въ Технуцалъ и изъ Веденя въ Андію.

Покореніе Большой Чечни, переходъ большинства жителей въ наши предѣлы и, наконецъ, занятіе Аргунскаго ущелья заставили Шамиля сосредоточить почти всѣ свои силы у аула Веденя, для противодѣйствія дальнѣйшему побѣдоносному движенію нашихъ войскъ.

Аулъ Ведень — этотъ послѣдній оплотъ Шамиля въ Чечнѣ, — былъ чрезвычайно сильно укрѣпленъ и хорошо вооруженъ, тѣмъ не менѣе, князь Барятинскій, по соглашенію съ генералъ-адъютантомъ Евдокимовымъ, принялъ неизмѣнное рѣшеніе овладѣть имъ.

Для облегченія задачи Чеченскаго отряда, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, переносилъ операціонную линію Салатавскаго отряда на Яманъ-Су, вслѣдствіе чего скопища Шамиля, собранныя у Веденя, неминуемо раздѣлялись.

Приказомъ по Кавказской арміи 12 февраля 1859 года, вмѣсто флигель-адъютанта полковника графа Сумарокова-Эльстона, командиромъ полка назначенъ полковникъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ; Высочайшій же приказъ о томъ состоялся 3-го мая.

1-го марта Салатавскій отрядъ — изъ 6-ти баталіоновъ (2-й, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ), 6-ти горныхъ единороговъ, дивизіона драгунъ, 4-хъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 2-хъ сотенъ конной милиціи сосредоточился въ укрѣпленіи Кишень-Аухѣ [1]. — Баронъ Врангель рѣшилъ сначала направиться къ верховьямъ Яракъ-Су, истребить здѣсь аулы и запасы жителей и тѣмъ понудить ихъ или искать у насъ убѣжища, или выселяться далѣе въ лѣсныя трущобы. 2-го марта отрядъ перешелъ къ Зандаку. Во время слѣдованія нашихъ войскъ, показавшаяся со стороны Яманъ-Су, небольшая конная непріятельская партія тотчасъ же была опрокинута нашей конницей. Невдалекѣ отъ позиціи отряда стоялъ непріятельскій редутъ Зандакъ-Капа. Желая выяснить численность гарнизона укрѣпленія, его мѣстоположеніе и степень доступности, баронъ Врангель 3-го марта произвелъ усиленную рекогносцировку Зандакъ-Капа, взявъ для того баталіоны — 3-й Апшеронцевъ и 21-й стрѣлковый. Редутъ, оказалось, построенъ былъ на отдѣльной труднодоступной высотѣ и защищался чиркеевскими бѣглецами, а отброшенная наканунѣ непріятельская конница и пѣхота разсыпалась по лѣсу, прикрывая доступы къ своимъ хуторамъ. Для атаки укрѣпленія назначенъ стрѣлковый баталіонъ, въ резервѣ шелъ 3-й Апшеронскій баталіонъ, а конницѣ приказано обскакать редутъ съ тыла и фланговъ. Оборона продолжалась не долго: горцы, съ наступленіемъ русскихъ войскъ, бѣжали, оставивъ на мѣстѣ три тѣла; наша же потеря заключалась въ одномъ оберъ-офицерѣ и 3-хъ нижнихъ чинахъ ранеными. Пользуясь общимъ замѣшательствомъ непріятеля, баронъ Врангель быстро провелъ колонну черезъ лѣсъ и окружилъ обширную котловину, образовавшуюся въ верховьяхъ одного изъ притоковъ Яракъ-Су, на днѣ котораго были разбросаны непріятельскіе хутора, извѣстные подъ общимъ названіемъ Мулла-Хаджи-Юртъ или Зандакскихъ хуторовъ. Наша конница спустилась въ котловину, зажгла сакли и захватила одного горца въ плѣнъ; милиціонерамъ досталась часть имущества и скота. Не-

[1] 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго, два — Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ, 21-й стрѣлковый баталіонъ, 6 орудій горной № 5 батареи 21-й артиллерійской бригады, дивизіонъ Сѣверскаго драгунскаго полка и 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

*

пріятель бѣжалъ, а отрядъ безпрепятственно возвратился въ лагерь, истребивъ до 150 сакель со всѣми собранными въ нихъ запасами хлѣба. На другой день въ лагерь прибылъ старшина аула Новаго Гассанъ-Бекъ-Кента съ изъявленіемъ, отъ имени своихъ односельцевъ, желанія переселиться въ наши предѣлы; онъ сообщилъ начальнику отряда, что на помощь ауховцамъ прибыли гумбетовцы и салатавскій наибъ Раджабъ съ 6-ю сотнями пѣшихъ и конныхъ горцевъ, расположившихся частью въ Меджаръ-Отарѣ, частью же въ Гассанъ-Бекъ-Кентѣ. Чтобы облегчить гассанбеккентцамъ выселеніе въ наши предѣлы, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель направилъ къ аулу генерала Ракуссу съ 3-мя баталіонами (въ томъ числѣ 4-й Апшеронскій), дивизіономъ драгунъ и со всей милиціей, при 2-хъ горныхъ единорогахъ, приказавъ ему вытѣснить скопище наиба Раджаба. 5-го марта отрядъ[2] подошелъ къ Гассанъ-Бекъ-Кенту со стороны Яракъ-Су и генералъ Ракусса немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ занятію аула. Гассанъ-Бекъ-Кентъ лежалъ въ 8-ми верстахъ отъ Зандака, на обрывистыхъ отрогахъ праваго берега Яракъ-Су, и построенъ былъ амфитеатромъ на трехъ лѣсныхъ террасахъ, правильно возвышавшихся одна надъ другой и окруженъ съ трехъ сторонъ оврагами, а съ четвертой — доступной — протекала рѣка. Несмотря на сопротивленіе со стороны непріятеля, войска ворвались въ аулъ и вытѣснили оттуда горцевъ. Когда, пользуясь отступленіемъ партіи Раджаба и гумбетовцевъ, всѣ жители Гассанъ-Бекъ-Кента, въ числѣ 250-ти душъ обоего пола, съ имуществомъ и стадами своими вышли къ отряду на Яракъ-Су, — генералъ-маіоръ Ракусса подалъ сигналъ къ отступленію, которое и произведено въ полномъ порядкѣ; горцы пытались преслѣдовать отрядъ, но ихъ сдерживали стрѣлки аріергарда (баталіонъ Апшеронцевъ) и картечь горныхъ орудій. По показаніямъ лазутчиковъ, непріятель понесъ весьма чувствительную потерю убитыми и ранеными и въ числѣ первыхъ находился племянникъ Раджаба. Съ нашей стороны убито 2 нижнихъ чина и ранено 2 оберъ-офицера, 11 рядовыхъ (6 Апшеронцевъ) и 10 всадниковъ[3].

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, содѣйствіе Чеченскому отряду, Врангель рѣшилъ совсѣмъ передвинуться къ рѣкѣ Яманъ-Су. 5-го марта онъ съ главными силами перешелъ въ укрѣпленіе Кишень, оставивъ на горѣ у Зандака два баталіона, при двухъ горныхъ единорогахъ. 8-го марта Салатавскій отрядъ расположился на развалинахъ Баланъ-Су, а 10-го перешелъ къ Баши-Юрту. Здѣсь войскамъ предстояло выполнить двѣ задачи: 1) очистить лѣсъ въ тылу, по всему пройденному пространству, и 2) оттѣснить непріятельское скопище гумбетовцевъ, игалинцевъ, салатавцевъ, ауховцевъ, белетлинцевъ и бенойцевъ, въ верстѣ отъ нашего лагеря занимавшихъ лѣсныя трущобы.

Между Баши-Юртомъ и Арсеноемъ, при сліяніи Яманъ-Су съ Шельнаиномъ, выдается въ видѣ мыса лѣсистый горный кряжъ, на пространствѣ 2-хъ верстъ усѣянный отдѣльными хуторами, извѣстными подъ многими частными названіями; въ нихъ сосредоточивались переселенцы изъ разоренныхъ ауловъ по Яманъ-Су, приведенные сюда по приказанію Шамиля. Представляя изъ себя прекрасную позицію для обороны, эти хутора имѣли для непріятеля чрезвычайно важное значеніе: удерживая ихъ за собой, горцы тѣмъ самымъ останавливали дальнѣйшее наступленіе Салатавскаго отряда на Яманъ-Су и прикрывали въ хуторахъ болѣе 1.500 семействъ, готовыхъ перейти на нашу сторону.

По прибытіи къ Баши-Юрту, баронъ Врангель рѣшилъ немедленно атаковать непріятеля и выручить жителей.

Для атаки войска были построены въ двѣ линіи.

---

[2]) 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка, баталіонъ Дагестанскаго полка и 21-й стрѣлковый баталіонъ.

[3]) Дѣло № 4. Секретное. 2-го отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Въ первой линіи шли 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ, а во второй — 2-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Самурскаго полковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ; обѣ линіи находились подъ начальствомъ полковника Тергукасова. Перебѣжавъ Яманъ-Су, Апшеронцы подошли къ лѣсу, гдѣ буквально были осыпаны градомъ пуль. Но такая встрѣча не остановила и не смутила Апшеронцевъ. Баталіоны безъ выстрѣла ворвались въ лѣсъ и штыками выбили оттуда горцевъ. Смѣлая атака до такой степени ошеломила непріятеля, что его дальнѣйшее сопротивленіе не отличалось уже большимъ упорствомъ. Постепенно выбивая горцевъ съ занимаемыхъ ими позицій, Апшеронцы достигли вершины горы, гдѣ оканчивался рядъ сакель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всадники Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, проскакавъ оврагъ, ограждавшій мѣсто боя съ правой стороны, разсѣяли партію горцевъ, угонявшую семейства жителей въ глубь лѣса. Опрокинутое славной атакой Апшеронскихъ баталіоновъ, непріятельское скопище раздѣлилось на двѣ части. «Пользуясь замѣшательствомъ горцевъ, Апшеронцы бросались со всѣхъ сторонъ, кололи непріятельскую пѣхоту и выводили десятками арбы съ семействами жителей»[4].

Потерявъ болѣе 100 человѣкъ одними убитыми, между коими находилось много почетныхъ людей, горцы не могли уже дольше держаться и отступили вверхъ по Яманъ-Су, а жители, въ числѣ 800 семействъ, приведены въ нашъ лагерь. Въ дѣлѣ противъ отряда принимали участіе и жители, чего однако же баронъ Врангель не поставилъ имъ въ вину, даже не считалъ военно-плѣнными тѣхъ изъ нихъ, которые взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ въ пылу боя, основываясь на томъ, что прибывшія партіи мюридовъ поставили жителей между двухъ огней и заставили ихъ противъ всякаго желанія драться съ нашими войсками. Потеря отряда была не особенно велика и пала исключительно на долю Апшеронцевъ; она заключалась въ 4-хъ раненыхъ оберъ-офицерахъ, а именно: *поручикъ Горчаковъ, подпоручикъ Чердилели и прапорщики Цитліевъ и Міоковичъ 2-й; нижнихъ чиновъ убито 3 и ранено 46 человѣкъ*[5]. Донося объ этомъ дѣлѣ князю Барятинскому, баронъ Врангель пишетъ: «Благодаря мужеству баталіоновъ Апшеронскаго полка, непріятель былъ совершенно разбитъ и изъ рукъ его, такъ сказать, была вырвана столь огромная добыча»[6]. Въ томъ же донесеніи командующій войсками, въ числѣ особенно отличившихся, называетъ: полковника Тергукасова, капитана Кавнацкаго, штабсъ-капитановъ Китаевскаго, Кассаева и Яковлева, поручиковъ Байкова и Горчакова, подпоручиковъ Попова-Азотова и Чердилели и прапорщиковъ Цитліева и Міоковича, «которые, будучи всегда впереди своихъ солдатъ, показывали примѣры беззавѣтной храбрости, удали и необыкновеннаго хладнокровія»[7]. Въ то время, какъ кипѣлъ бой въ лѣсу, нѣсколько сотенъ непріятельской конницы показались на высотахъ со стороны Аксая, но наступленіе 2-хъ дивизіоновъ драгунъ заставило горцевъ скрыться. Слѣдующіе дни — 11-го, 12-го и 13-го марта — войска рубили лѣсъ внизъ по Яманъ-Су и устраивали на лагерной стоянкѣ укрѣпленный вагенбургъ, что являлось необходимымъ на случай дальнѣйшаго движенія отряда.

Между тѣмъ, желающихъ выселиться къ намъ нашлось еще нѣсколько сотъ семействъ, жившихъ преимущественно по Аксаю, и они обратились къ барону Врангелю съ просьбой помочь имъ.

Вслѣдствіе этого, съ разсвѣтомъ, 14-го марта, изъ лагеря отправлена на Аксай колонна изъ 3-хъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 2-й Апшеронскій), при взводѣ горной батареи, и вся конница, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Свято-

4) Дѣло № 14. Донесеніе барона Врангеля № 16. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
5) Прапорщикъ Цитліевъ умеръ отъ раны.
6) Дѣло № 14. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
7) Тамъ же.

полкъ-Мирскаго[8]. Колонна заняла хутора, разбросанные по лѣсной опушкѣ противъ бывшаго аула Аллероя, и прикрывала переселенцевъ, въ числѣ 300 семействъ изъявившихъ желаніе выйти въ наши предѣлы. Вслѣдъ за первою колонною выступила вторая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ракуссы, и расположилась по возвышенному лѣвому берегу Аксая, съ цѣлью задержать непріятеля, въ случаѣ если бы онъ сталъ препятствовать переселенію. Движеніе обѣихъ колоннъ произвело сильный переполохъ среди непріятеля, и, къ 9-ти часамъ утра, къ мѣсту расположенія нашихъ войскъ успѣли собраться ичкеринцы изъ Дарго, ауховцы со своимъ новымъ наибомъ Шамхалау и салатавцы. Скопище горцевъ завязало сильную перестрѣлку съ нашими баталіонами; когда же князь Мирскій, окончивъ переселеніе жителей, быстро отступилъ, то горцы всей массой обрушились на отрядъ генерала Ракуссы, но не смотря на свое численное превосходство, были опрокинуты и отброшены съ большимъ урономъ. Дѣло 14-го марта стоило намъ 4-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранено же 2 оберъ-офицера и 25 нижнихъ чиновъ.

Въ то время, какъ Салатавскій отрядъ такъ удачно дѣйствовалъ въ землѣ ауховцевъ, въ Среднемъ Дагестанѣ полковникъ Лазаревъ время отъ времени производилъ набѣги въ непріятельскія земли. Одинъ изъ такихъ набѣговъ совершенъ 2-го марта. Лазаревъ, сформировавъ отрядъ изъ 9-ти ротъ (въ числѣ ихъ 4 роты 5-го баталіона Апшеронскаго полка) и 9 1/2 сотенъ туземной конной милиціи, произвелъ съ нимъ поискъ къ Улли-Кала[9]. Улликалинцы, открывъ движеніе нашихъ войскъ, заблаговременно угнали свои стада и, выйдя на встрѣчу отряду, завязали перестрѣлку съ передовыми частями милиціи; но когда появилась пѣхота и пошла въ штыки, непріятель бѣжалъ въ крѣпость, будучи преслѣдуемъ до самыхъ воротъ ея; между тѣмъ, милиція успѣла ворваться въ одну изъ передовыхъ башенъ и истребила караулъ ея, а самую башню уничтожила. Горцы, кромѣ раненыхъ, потеряли около 10-ти человѣкъ убитыми; въ нашихъ рукахъ осталось много оружія и нѣсколько лошадей. Вся потеря отряда заключалась въ 3-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ милиціонерахъ.

Баронъ Врангель, занявшій съ отрядомъ позицію у Рогонъ-Кажа, рѣшилъ 17-го марта произвести рекогносцировку по направленію къ селеніямъ Саясану, Аллерою и Шамхалъ-Берды, для опредѣленія наилучшихъ доступовъ къ двумъ первымъ изъ нихъ. Непріятельскія партіи изрѣдка показывались на окрестныхъ высотахъ, но дѣйствовали крайне несмѣло тѣмъ болѣе, что штуцерный огонь нашихъ стрѣлковъ заставлялъ горцевъ держаться на самомъ почтительномъ разстояніи. Генералъ-маіоръ Ракусса, съ колонною изъ 3 1/4 баталіоновъ (4-й баталіонъ Апшеронцевъ), двухъ горныхъ единороговъ, дивизіона драгунъ и 4-хъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, посланъ былъ для занятія лѣса по правому берегу Аксая, между Аллероемъ и Шамхалъ-Берды. Шедшіе въ авангардѣ, Апшеронцы опрокинули засѣвшихъ въ лѣсу горцевъ, послѣ чего войска приступили къ рубкѣ просѣки, чтобы открыть доступы къ Аксаю. Въ дѣлѣ 19-го марта у насъ убитъ одинъ и ранено 3 рядовыхъ Апшеронскаго полка.

Слѣдующіе два дня войска занимались рубкой лѣса и постепенно очищали правый берегъ рѣки Аксая.

Во все время дѣйствія Салатавскаго отряда, Шамиль съ нѣсколькими сотнями занималъ аулъ Гуной. Онъ приказалъ жителямъ ближайшихъ къ отряду селеній и хуторовъ выйти съ семействами и имуществомъ въ лѣсъ и тамъ ожидать результатовъ борьбы, разыгрывавшейся въ Веденѣ. Для наблюденія за поведеніемъ ичкеринцевъ, которымъ имамъ въ по-

---

[8]) 2-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ и 21-й стрѣлковый баталіонъ.

[9]) Крѣпость, возведенная Шамилемъ на лѣвомъ берегу рѣки Казикумухскаго Койсу.

слѣднее время мало довѣрялъ, въ Ичкеріи постоянно пребывали партіи гумбетовцевъ и салатавцевъ. До 5-го апрѣля войска оставались на позиціи и производили рубку просѣки къ Аллерою и Саясану. Когда просѣка была совершенно готова, баронъ Врангель призналъ необходимымъ произвести движеніе къ селенію Шамхалъ-Берды. къ чему побуждали его слѣдующія причины: съ нѣкотораго времени аллеройцы, детлинцы и жители многихъ другихъ окрестныхъ селеній просили у начальника отряда покровительства; но шамхалбердинцы удерживали силой жителей, намѣревавшихся переселиться къ намъ. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ желаніемъ произвести рекогносцировку Шамхалъ-Берды, весьма важнаго пункта, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій Дагестанскаго отряда вверхъ по лѣвому берегу Аксая, и заставило барона Врангеля предпринять сказанное движеніе.

5-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, изъ лагеря выступила колонна изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты (3-й баталіонъ Апшеронцевъ), 4-хъ горныхъ орудій, двухъ дивизіоновъ драгунъ, 4-хъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и всей конной милиціи [10]. Черезъ полтора часа войска стали переправляться черезъ Аксай у самаго Шамхалъ-Берды. Непріятель, занявъ аулъ и обрывистый лѣвый берегъ рѣки, рѣшился здѣсь упорно держаться; но быстрое движеніе нашей кавалеріи заставило горцевъ отступить почти безъ сопротивленія, въ близлежащіе лѣсистые овраги. Въ двухъ верстахъ отъ Шамхалъ-Берды находились аулы Девлетъ-бей и Ноной, окруженные со всѣхъ сторонъ густымъ, трудно проходимымъ лѣсомъ; сюда-то шамхалбердинцы свезли свои пожитки и, расчитывая на крѣпкую позицію этихъ ауловъ, вознамѣрились въ нихъ защищаться. Немедленно, по занятіи лѣваго берега Аксая, баронъ Врангель направилъ къ непріятельской позиціи три баталіона пѣхоты (3-й Апшеронскій) и всю кавалерію. Горцы сначала сопротивлялись съ необыкновеннымъ упорствомъ, но, не выдержавъ атаки драгунъ и всадниковъ конно-иррегулярнаго полка, обратились въ бѣгство. Кавалерія, а вслѣдъ за ней и пѣхота ворвались въ аулы, гдѣ и успѣли захватить множество скота, весьма богатое имущество и нѣсколько артиллерійскихъ снарядовъ. Поспѣшное бѣгство непріятеля имѣло въ результатѣ выходъ къ намъ 160-ти семействъ каранаевскихъ, эрпелинскихъ и ахатлинскихъ жителей, переселенныхъ сюда Шамилемъ еще въ 1843 году. Со взятіемъ Шамхалъ-Берды и выселеніемъ обитателей его, цѣль рекогносцировки была вполнѣ достигнута и генералъ-адъютантъ баронъ Врангель предпринялъ обратное движеніе. Сначала была отведена кавалерія, а за ней двинулась пѣхота; отступленіе совершалось медленно, потому что непріятель съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ наши войска. Самымъ опаснымъ мѣстомъ представлялось переправа черезъ Аксай, гдѣ, занятіемъ командующаго лѣваго берега рѣки, непріятель могъ отряду нанести значительный уронъ. Имѣя это въ виду, баронъ Врангель направилъ туда артиллерію и часть пѣхоты, успѣвшихъ раньше непріятеля укрѣпиться на лѣвомъ берегу. Во время обратнаго движенія истреблены аулы: Девлетъ-Бей, Шамхалъ-Берды, Ноной-Отаръ и находившіяся на правомъ берегу Аксая-Дербинъ-Махки и Даванъ-Берды. Рекогносцировка 5-го апрѣля стоила отряду 7-ми раненыхъ нижнихъ чиновъ (2 Апшеронца) и всадниковъ конно-иррегулярнаго полка: убито 17 и ранено 13 лошадей [11].

Наконецъ палъ и грозный аулъ Ведень, что послужило сигналомъ окончанія дѣйствій Салатавскаго отряда, вполнѣ выполнившаго свою задачу. Во все время осады Веденя непріятель принужденъ былъ держать противъ Салатавскаго отряда значительныя силы; ичкеринцы и ауховцы, опасаясь вторженія къ нимъ русскихъ, совсѣмъ отказались отъ содѣйствія

[10]) 3-й баталіонъ Апшеронскаго, баталіонъ Дагестанскаго, 2 — Самурскаго полковъ и 21 стрѣлковый баталіонъ; 2 дивизіонъ Сѣверскихъ драгунъ, 4 горныхъ орудія № 5 батареи 21-й арт. бригады и 4 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

[11]) Дѣло № 4. Секр. Донесеніе № 86. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Шамилю. Недостаточность перевозочныхъ средствъ не позволяла генералу Евдокимову предпринять дальнѣйшія рѣшительныя дѣйствія; поэтому большую часть своего отряда онъ отвелъ на плоскость, оставивъ у взятаго укрѣпленія только 5 1/2 баталіоновъ. 9-го апрѣля и Салатавскій отрядъ выступилъ съ занимаемой имъ позиціи на Яманъ-су къ Гойтемировскимъ воротамъ. Сначала непріятель пытался-было тревожить боковыя наши цѣпи (отъ Апшеронскихъ баталіоновъ), но ударъ въ штыки заставилъ его прекратить преслѣдованіе. Во время отступленія у насъ раненъ нижній чинъ. Послѣ дневки у Гойтемировскихъ воротъ, баронъ Врангель возвратился съ отрядомъ въ Прикаспійскій край[12]).

Послѣ взятія Веденя и разгрома нижняго Ауха, главнокомандующій, князь Барятинскій, рѣшилъ двинуться въ самый центръ горъ для окончательнаго покоренія края. Къ этому рѣшенію заставили его прійти совершенно неожиданные и блистательные успѣхи наши, о которыхъ онъ и самъ не предполагалъ. Назначивъ наступательное движеніе въ концѣ іюня, Барятинскій распорядился, чтобы Дагестанскій отрядъ, сосредоточась въ одномъ изъ пунктовъ Салатавіи или Ауха, способствовалъ переселенію жителей и занялся разработкою дорогъ для предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Согласно этому распоряженію, войска Дагестанскаго отряда, въ составѣ 7-ми баталіоновъ (1-й, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскіе), дивизіона драгунъ, 6-ти горныхъ единороговъ и 7-ми сотенъ мѣстной конницы, собрались 25-го мая у Дылыма; отсюда, 30-го мая, отрядъ перешелъ къ Алмаку, имѣя въ виду прикрыть переселеніе семействъ ауховцевъ и салатавцевъ. Въ тотъ же день началось переселеніе жителей, и до 500 семействъ изъ Ауха, Ваника, Альбури-Отара и другихъ мѣстъ потянулись по двумъ направленіямъ: ауховцы — къ Андреевской деревнѣ, салатавцы — къ Сулаку; алмакинцамъ, какъ кореннымъ жителямъ, Врангель разрѣшилъ остаться на своихъ прежнихъ мѣстахъ, но съ непремѣннымъ условіемъ перенести селеніе на правый берегъ рѣки Акташа. Затѣмъ войска занялись разработкою дорогъ отъ Міатловъ и Евгеніевска къ Буртунаю и рубкою просѣкъ отъ послѣдняго пункта на Алмакъ, чтобы всегда имѣть это селеніе подъ рукою.

Въ такихъ работахъ прошелъ почти весь іюнь мѣсяцъ. Въ началѣ іюля Дагестанскій отрядъ началъ готовиться къ предстоявшимъ дѣйствіямъ совокупно съ войсками лѣваго крыла, т. е. къ движенію въ долину Андійскаго Койсу. Шамиль, прекрасно зная о скоромъ открытіи рѣшительныхъ дѣйствій, укрѣплялъ многіе пункты въ Гумбетѣ, портилъ дороги и призывалъ къ оружію всѣхъ правовѣрныхъ; семейства и имущество жителей онъ приказывалъ отправлять въ Аварію. Главнѣйшею позиціею его была мало доступная и весьма сильно укрѣпленная, Цилитлинская гора. Согласно плана главнокомандующаго, общее движеніе колоннъ долженствовало начаться въ половинѣ іюля. Въ виду этого и того что Буртунай, при новомъ направленіи отрядовъ, не могъ уже служить ближайшимъ складомъ для продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, Врангель призналъ необходимымъ устроить вагенбургъ въ Мичикалѣ, какъ въ пунктѣ наиболѣе удовлетворявшемъ условіямъ будущихъ военныхъ дѣйствій и чрезвычайно важномъ при необходимости снабженія запасами войскъ Чеченскаго отряда.

3-го іюля баронъ Врангель приказалъ генералъ-маіору Ракуссѣ, съ тремя баталіонами Ширванскаго полка и 5-ю сотнями Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, при 6-ти горныхъ единорогахъ № 5 батареи, занять Мичикалъ, что и было имъ исполнено безъ потерь. Находившіеся на мичикальскихъ завалахъ гумбетовцы, при появленіи нашихъ войскъ, быстро отступили къ Мехельтѣ.

---

[12]) Тамъ же. Донесеніе № 548.

Сосредоточеніе Дагестанскаго отряда въ Мичикалѣ представляло важныя выгоды въ военномъ отношеніи: отсюда дороги развѣтвлялись по тремъ направленіямъ — къ Аргуни, чрезъ Анчимееръ, къ Мехельтѣ и къ Андійскимъ воротамъ; неизвѣстность, какое изъ этихъ направленій будетъ нами избрано, принуждала непріятеля раздроблять свои силы, результатомъ чего явилось впослѣдствіи безпрепятственное занятіе крѣпкаго по мѣстоположенію аула Аргуани.

Въ Мичикалѣ баронъ Врангель получилъ положительное приказаніе князя Барятинскаго перейти къ Аргуани и занять переправы у Чирката и Сагрытло. Оставивъ два баталіона, дивизіонъ драгунъ и 2 сотни конной милиціи, при 8-ми орудіяхъ, для прикрытія вагенбурга и сообщеній съ Буртунаемъ, Врангель съ отрядомъ изъ 9 1/4 баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 1/2 сотни Донскихъ казаковъ и 8-ми сотенъ туземной конницы, при 8-ми орудіяхъ [13]), на разсвѣтѣ, 14-го іюля, выступилъ чрезъ Анчимееръ къ Аргуани. Съ вершины Анчимеера конница отряда, поддержанная 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, быстро спустилась на Чиркатскую дорогу, въ обходъ Аргуани, и заставила засѣвшаго здѣсь непріятеля очистить завалы и аулъ.

Въ Аргуани яснѣе сказались тѣ затрудненія, которыя могъ встрѣтить отрядъ, если-бы избралъ для движенія путь генерала Граббе въ 1839 году, проходившій отъ бывшаго укрѣпленія Удачнаго сначала по ущелью, а потомъ у самаго аула чрезъ глубокую балку, откуда засѣвшій въ скалахъ непріятель могъ безнаказанно поражать войска, тогда какъ движеніе отряда изъ Мичикала чрезъ Анчимееръ и занятіе Аргауни (доступнаго только съ этой стороны) стоило намъ всего только 2-хъ раненыхъ всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

Давъ отряду въ Аргуани 2-хъ-часовой отдыхъ, баронъ Врангель направилъ колонну, — изъ 3 1/4 баталіоновъ, 2-хъ орудій и 3-хъ сотенъ конницы, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ракуссы,— на Сагрытлосскую переправу, для захвата ея, въ случаѣ возможности. Войска, сдѣлавъ уже трудный переходъ черезъ Анчимееръ и неся на рукахъ заранѣе приготовленный въ Буртунаѣ мостъ (деревянный, на ширину рѣки въ 3 сажени), ускореннымъ маршемъ прошли 10-ти верстное, крайне трудное разстояніе, раздѣлявшее переправу отъ Аргуани, и къ вечеру достигли Койсу. Осмотръ охотниками мѣстности подъ огнемъ непріятеля, засѣвшаго на противуположной сторонѣ въ завалахъ, показалъ полную невозможность тотчасъ же приступить къ наводкѣ моста.

У Сагрытло Койсу течетъ въ глубокихъ отвѣсныхъ скалахъ, доступъ къ которымъ повсюду загражданся самою природою. Единственное возможное для переправы мѣсто (гдѣ у горцевъ раньше былъ построенъ мостъ и гдѣ рѣка суживается отъ 1 1/2 до 2-хъ саженъ) находилось подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ устроенныхъ на противуположномъ берегу заваловъ, имѣвшихъ видъ крытой галлереи, въ нѣсколько ярусовъ, перпендикулярно спускавшейся къ рѣкѣ. Предвидя попытку съ нашей стороны переправиться черезъ Койсу, горцы заблаговременно уничтожили мостъ и испортили каменную, ведущую къ нему, тропинку.

---

13) 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго, 2 — Дагестанскаго и 3 — Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ, 21-й стрѣлковый баталіонъ, рота Кавказскаго сапернаго № 1 баталіона, дивизіонъ Сѣверскаго драгунскаго полка, 1/2 сотни сборныхъ Донскихъ № 6 и 81-го полковъ, 2 орудія—№ 5-й, 4 орудія горной № 6-й батарей и двѣ 1/2 пудовыхъ мортиры; 6 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, сборная и Чиркеевскаго конныя сотни. Въ вагенбургѣ въ Мичикалѣ было оставлено 7 ротъ (2 роты 2-го баталіона Апшеронскаго и баталіонъ Дагестанскаго полковъ), при 2 полевыхъ орудіяхъ и 6 горныхъ единорогахъ, подъ начальствомъ маіора Ассѣева; для прикрытія сообщеній вагенбурга чрезъ Мичикальское ущелье съ Буртунаемъ — 3 роты 2-го баталіона Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ капитана Шиманскаго (командира 2-го баталіона Апшеронскаго полка), двѣ сотни Акушинской милиціи (командиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка поручикъ князь Чавчавадзе) и дивизіонъ Сѣверскихъ драгунъ (командующій штабсъ-капитанъ князь Назаровъ), которые и были размѣщены въ удобныхъ пунктахъ.

Подробный осмотръ берега, произведенный 15-го числа, еще болѣе убѣдилъ начальника отряда въ невозможности безъ продолжительныхъ осадныхъ работъ овладѣть мѣстомъ бывшаго Сагрытлосскаго моста, такъ какъ, независимо вышеописанной крытой галлереи, по всему берегу рѣки непріятель устроилъ другую галлерею изъ толстаго тесаннаго камня съ бойницами.

Между тѣмъ непріятельскія партіи, постепенно прибывая, заняли крѣпкія мѣста за гребнемъ высотъ лѣваго берега; въ свою очередь, отрядъ генералъ-маіора Ракуссы былъ усиленъ однимъ баталіономъ, двумя горными единорогами и двумя $^1/_2$-полпудовыми мортирами. Рѣшили испытать переправу въ полуверстѣ ниже Сагрытлосскаго моста, гдѣ хотя ширина рѣчки достигала 15 саженъ, но за то доступы туда были гораздо свободнѣе; повидимому непріятель совсѣмъ не предполагалъ, чтобы войска наши могли здѣсь что либо предпринять, и держалъ противъ этого пункта отдѣльный постъ изъ 20 человѣкъ, засѣвшихъ въ пещерѣ подъ кручею берега.

Въ ночь на 16-е число по всему протяженію лѣваго берега Койсу были насыпаны небольшіе завалы, въ которыхъ помѣстились густою цѣпью стрѣлки, а напротивъ пещеры, на выгодномъ мѣстѣ, устроили батарею изъ 3-хъ единороговъ. Такимъ образомъ, правый берегъ находился подъ перекрестнымъ огнемъ, что отнимало у непріятеля возможность усилить подкрѣпленіемъ засѣвшихъ въ пещерѣ горцевъ, а послѣднимъ покинуть свое убѣжище.

Утромъ, 16-го іюля, мюридамъ предложено было сдаться, на что они, послѣ нѣкотораго совѣщанія между собою, согласились и вышли изъ пещеры.

«Войска подняли головы изъ-за своихъ завальчиковъ, и началось любопытное разсматриваніе красныхъ и темнокрасныхъ бородъ, съ нависшими бровями, съ насупившимися вѣками, сквозь которыя очень недружелюбно блестѣли зловѣщіе глаза.

«Бросили веревку разъ, другой и третій: — все неудачно. Ухищрялись привязывать къ концу ея камни, прикрѣпляли ее вдоль шеста, пускали сверху по теченію рѣки—все не беретъ; бѣшеное Койсу не уступаетъ. Мюриды, стоя на той сторонѣ, комически растопыривъ руки, вотъ-вотъ готовы были схватить конецъ веревки, но Койсу какъ-бы смѣялось надъ ихъ усиліями и чуть не изъ подъ носа уносило отъ нихъ основаніе нашей переправы. Да, этимъ именно должна была начаться наша знаменитая переправа. Вѣдь отъ искры сгорѣла же Москва! Отчего же отъ одной бичевы не могла быть устроенною переправа для цѣлаго отряда, и за тѣмъ—покореніе края? И она должна была устроиться во что бы то ни было.

«Послѣ цѣлаго часа усилій, генералъ Ракусса убѣдился, что толку изъ перебрасыванья каната никакого не выйдетъ, и, обратясь къ войскамъ, вызвалъ желающихъ отправиться на ту сторону рѣки вплавь.

«Койсу гудѣло, ревѣло, будто стараясь заглушить этотъ вызовъ, посягавшій на его завѣтныя преимущества. Но, несмотря на этотъ страшный ревъ, на клокотанье, среди котораго тамъ и сямъ рѣка открывала свои черные водовороты, вызовъ достигъ по назначенію и изъ рядовъ дагестанцевъ выступили: юнкера Агаевъ, Шпейеръ и рядовой Сергѣй Кочетковъ, а изъ 21-го стрѣлковаго баталіона унтеръ-офицеръ Моисей Мардановъ и рядовые Василій Гуськовъ и Елизаръ Кочетовъ. Было еще два или три другихъ, но, къ крайнему сожалѣнію, имена ихъ намъ неизвѣстны.

«Строгія, сосредоточенныя, молчаливыя лица этихъ воиновъ выражали полную рѣшимость, полную увѣренность въ своихъ силахъ. Агаевъ и Шпейеръ, еще юноши, отличались отъ старыхъ, закоснѣлыхъ въ бояхъ и трудахъ своихъ товарищей развѣ только тѣмъ, что движенія ихъ были нѣсколько торопливѣе, лихорадочнѣе, глаза ихъ сверкали будто бо́льшимъ одушевленіемъ, чѣмъ тусклые глаза ихъ сподвижниковъ.

«Торжественная тишина воцарилась по всей нашей линіи. Ни у одного забилось сердце сильнѣе, полное участія къ этимъ героямъ и преисполненное всякаго добраго имъ желанія; ни одна рука поднялась ко лбу и не однѣ губы пролепетали молитву, напутствуя смѣльчаковъ, такъ какъ каждый хорошо понималъ, что броситься въ Койсу—значитъ преднамѣренно и предумышленно искать себѣ смерти.

«По ту сторону рѣки, опершись на винтовки, въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и чохахъ, стояли двадцать мюридовъ. Ироническая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зловѣщая улыбка скользила у нихъ по губамъ. На лицахъ ихъ ясно было написано, что напрасно изощряется въ тонкостяхъ сумасшедшій русскій солдатъ: легче ему взять руками самаго Шамиля, чѣмъ одолѣть Койсу, которое не дается въ обиду. И какое торжество будетъ для этихъ двадцати бритыхъ головъ, если ожиданія ихъ сбудутся! А главное, что они сами тогда, если захотятъ, могутъ раскланяться и удалиться вполнѣ спокойно, такъ какъ не виноваты же они, что русскіе не могутъ ихъ взять руками, если они протянули имъ свои руки. Конечно, русскіе не нарушатъ условія и не станутъ стрѣлять по нимъ; въ этомъ мюриды вполнѣ увѣрены. Они и теперь, пожалуй, удалились бы и, вѣроятно, русскій генералъ отпустилъ бы ихъ,—что ему въ двадцати головахъ, которые всадники обозвали бараньими! Но не хотятъ они уйти: имъ интересно полюбоваться нашимъ фіаско и засвидѣтельствовать самому имаму.

«Пока подобныя мысли могли копошиться подъ чалмами у мюридовъ, наши герои сложили свое оружіе, сняли платье, полнымъ благоговѣйнымъ крестомъ осѣнили свою грудь, и одинъ за однимъ приблизились къ берегу.

«Минута святая... Кто первый? Не было перваго, или, лучше сказать, всѣ были первыми— и Койсу разомъ приняла ихъ въ свои холодныя объятія.

«Началась борьба—ожесточенная борьба человѣка съ стихіею.

«Не успѣли пловцы нѣсколько разъ взмахнуть руками, какъ рѣка разнесла ихъ во всѣ стороны, словно щепы. Тамъ барахтался одинъ изъ нихъ, тамъ выбивался изъ силъ другой, тамъ силился вынырнуть изъ подъ-волны третій, встряхая головою и пуская изо рта цѣлую струю воды.

— «Агаевъ не сладитъ, поддается»: слышится на берегу въ кругу его товарищей.

«И, дѣйствительно, Агаевъ съ трудомъ разсѣкаетъ руками бурливую воду. Попалъ ли онъ въ водоворотъ, или выбился изъ силъ, но... какъ ни подойдетъ къ серединѣ рѣки,— волна съ шумомъ отбрасываетъ его назадъ, къ берегу, будто тамъ какое-то заколдованное мѣсто.

— «Агаевъ погибнетъ»: повторяютъ тѣ голоса.

«Но пловецъ борется до послѣднихъ силъ, до изнеможенія. Вдругъ снова блеснула волна—и Агаева понесло назадъ къ берегу, и вышвырнуло его на камни. Но упрямый молодой человѣкъ не поддается. Стряхнувшись и переведя духъ, онъ снова бросается въ воду и снова гребетъ къ серединѣ. Опять та же волна бьетъ и хлещетъ по немъ и не уступаетъ ему безъ ожесточенія ни одной пяди изъ своего холоднаго царства. Наконецъ, мышцы сжимаются, тѣло коченѣетъ: Агаевъ теряетъ силу и отдается на произволъ судьбы. Волна бѣшено гонитъ его къ берегу, — и, обезсиленный, онъ опять очутился на прибрежныхъ камняхъ. Повторить попытку еще разъ—нѣтъ мочи, и Агаевъ остается на берегу.

«Злорадная улыбка искривила губы мюридовъ.

«Вонъ, мечутся и бьются еще нѣсколько человѣкъ. Духъ захватываетъ при взглядѣ на эту неравную битву. У несчастныхъ пловцовъ отъ напряженія глаза наливаются кровью, мозгъ переполняется ею, но совладать съ рѣкою они не могутъ. Ихъ несетъ, несетъ

*

назадъ—и безсознательно они отдаются прибою. Слава Богу, что хоть очутились они на берегу, подобно Агаеву.

«Мюриды готовы захлопать въ ладоши; но благоразуміе велитъ молчать, потому что на это ихъ хлопанье можетъ раздаться съ того берега другое хлопанье, послѣ котораго уже не придется имъ ни разу похлопать на этомъ свѣтѣ.

«На лицахъ многихъ изъ насъ выражается безнадежность, разочарованіе.

«Посреди рѣки остаются только четверо. И борются, и бьются они, что есть силъ; но бѣшеная татарская волна не допускаетъ ихъ до берега, кидаетъ ихъ словно резиновые мячи, со скалы на скалу, грозитъ размозжить имъ черепы о гранитные выступы этихъ скалъ.

«Но они, повидимому, не теряютъ бодрости и надежды. Долгъ, обязанность, самолюбіе, честь, польза дѣла, о которыхъ мы говорили еще вначалѣ, одушевляютъ ихъ, огнемъ поджигаютъ ихъ въ холодной водѣ на новыя усилія.

«Одинъ изъ нихъ уже близокъ къ тому берегу; нѣсколько взмаховъ — и онъ тамъ. Крикъ радости готовъ вырваться у всей колонны,—какъ вдругъ руки борца, видно издали, слабѣютъ; тѣло все болѣе и болѣе, будто свинцовое, погружается въ волны; еще одинъ моментъ — и онъ скрылся подъ водою, и не кому ему помочь, и понесло его вдоль по теченію, съ глазъ долой. Еще нѣсколько минутъ — и другаго постигла та же участь. Къ сожалѣнію, мы теперь не можемъ назвать даже именъ несчастныхъ утопленниковъ.

«Мюриды молча торжествуютъ.

«По нашимъ рядамъ мелькнуло крестное знаменіе за упокой товарищей.

«Остаются двое — послѣдніе: Шпейеръ и Кочетковъ. При нихъ наша веревка. Бьются они и надъ водою, и подъ водою; то скроются, то вновь явятся. Видятъ они участь своихъ двухъ товарищей, но, скрѣпя сердце, не падаютъ духомъ. Что перевернулось у нихъ въ это время въ головѣ и въ груди, — можетъ быть, и сами они даже теперь не дадутъ себѣ въ томъ отчета. Только одинъ Богъ видѣлъ это и зналъ. Вотъ, они сближаются; вотъ, опять разошлись и снова стремятся другъ къ другу, словно ищутъ взаимной помощи. Берегъ близко—рукой подать. Разъ-два—и Шпейера вынесло на голую землю. Почва подъ ногами твердая, онъ не вѣритъ глазамъ своимъ; перехвативъ веревку, онъ кидаетъ ее Кочеткову—и оба спасены.

«Громкое «ура»! пронеслось по рядамъ нашихъ войскъ.

«Не медля ни минуты, Шпейеръ и Кочетковъ начали прикрѣплять канатъ.

«Мюриды дрогнули. Не по душѣ имъ эта удача. Сплотившись, заговорили они о чемъ-то вполголоса, потомъ неожиданно раздѣлились, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по пловцамъ и на ту сторону рѣку, и, какъ глазомъ мигнуть, скрылись въ пещерѣ. Раздался залпъ сотни ружей, вмѣстѣ съ нимъ грянули три орудія,— но было поздно: пещера спрятала въ себя мюридовъ невредимыми. Стрѣлки снова усѣлись на своихъ ложементахъ и насторожили дула ружей противъ вѣроломной пещеры» [14].

Переправившіеся же на ту сторону Кочетковъ и Шпейеръ укрылись за камнями, шагахъ въ 50-ти отъ пещеры; пройти и убить ихъ не позволялъ мюридамъ огонь нашихъ стрѣлковъ.

Вслѣдъ за симъ къ натянутому чрезъ рѣку канату была привѣшена деревянная корзина, въ которой нашлись охотники изъ офицеровъ, солдатъ и всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка перебраться на ту сторону рѣки. Черезъ часъ такой трудной и неудобной переправы, на противоположномъ берегу собралась команда изъ 42 человѣкъ. Имѣя впереди себя хорунжаго Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка Кайтуки Тюлевова, прапорщика 21 стрѣлковаго баталіона Туркестанова и юнкера конно-иррегулярнаго полка

[14]) Волконскій. Окончательное покореніе восточнаго Кавказа. Кавказскій Сборникъ. Томъ IV, стр. 265—270.

Алхаза Гусейнова, охотники вскарабкались по скаламъ до пещеры, несмотря на сильный оттуда ружейный огонь, ворвались въ нее и истребили всѣхъ защитниковъ, за исключеніемъ одного, сдавшагося военно-плѣннымъ.

Такимъ образомъ, мы завладѣли противоположнымъ берегомъ. Оставалось сладить съ бѣшеною рѣкою; къ сожалѣнію, всѣ усилія, сдѣлать переправу сколько нибудь безопасной для войскъ, на этотъ разъ оказались тщетными: серьезнымъ препятствіемъ являлась ширина рѣки и стремительность потока.

Тогда подполковникъ Девель предложилъ устроить веревочный мостъ, на-подобіе морскихъ плетенокъ.

Непріятель въ теченіи 17-го числа значительно усилился. Тѣмъ не менѣе, горцы, наученные опытомъ предшествовавшаго дня, скрывались въ своихъ блиндажахъ и за буграми; перестрѣлка происходила только на самой переправѣ, противъ которой, на горѣ, непріятель успѣлъ устроить ночью нѣсколько сомкнутыхъ заваловъ; въ то-же время два непріятельскія орудія, расположенныя на одной изъ ближайшихъ высотъ по рѣкѣ, цѣлый день стрѣляли гранатами по нашему лагерю. Разстояніе было настолько велико, что наша артиллерія не отвѣчала, чтобы не тратить попусту снарядовъ.

Въ пещерѣ, занятой наканунѣ горцами, остались охотники, весь берегъ противъ переправы обстрѣливался такимъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ стрѣлковъ и артиллеріи, что непріятель не могъ оказать большого сопротивленія переходу нашихъ войскъ. Однако, у насъ все еще не существовало сообщенія съ правымъ берегомъ, кромѣ каната, по которому успѣла перебраться команда охотниковъ; къ непріятелю же ежечасно прибывали новыя подкрѣпленія. Необходимо было въ тотъ же день стать твердою ногою на другой сторонѣ рѣки: въ противномъ случаѣ горцы, при своей многочисленности, могли въ продолженіи ночи преградить намъ переходъ, подѣлавъ нѣсколько сильныхъ заваловъ.

Устроивавшій переправу подполковникъ Девель превзошелъ всѣ ожиданія. Изъ коновязей и другихъ веревокъ онъ приказалъ сплести мостъ въ 13 саженъ длиною; затѣмъ со стороны отряда была возведена плотина на двѣ сажени, и, несмотря на огонь непріятеля съ горы, постоянно усиливавшійся въ продолженіи работы, Девель, къ 2 часамъ пополудни, успѣлъ перекинуть веревочный мостъ.

Переходить представлялось возможнымъ только по одиночкѣ; но, по разсчету времени, къ разсвѣту слѣдующаго дня должно было собраться на противуположномъ берегу достаточное число войскъ для атаки непріятеля.

На разсвѣтѣ, 18-го числа, на правомъ берегу Андійскаго Койсу собралось только 8 ротъ. Послѣ чрезвычайныхъ усилій двухъ предшествовавшихъ дней, побѣдивъ послѣднее препятствіе, долго казавшееся неодолимымъ, войска были столь одушевлены, что генералъ-маіоръ Ракусса рѣшился идти на штурмъ съ этими 8-ю ротами. Съ восходомъ солнца роты направлены на непріятельскіе завалы, которые, къ своему удивленію, нашли брошенными: горцы ночью бѣжали.

Какъ только мы овладѣли правымъ берегомъ, тотчасъ же было приступлено къ устройству моста у Сагрытло, гдѣ висящія надъ бездною скалы сближаются на 5 аршинъ. Главное затрудненіе въ начатой работѣ заключалось въ томъ, чтобы открыть съ лѣваго берега спускъ чрезъ скалу, взорванную горцами на высотѣ 7 и на протяженіи 10 саженъ. Подполковникъ Девель пристроилъ къ скалѣ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ завалахъ, деревянный срубъ — и сообщенія открылось.

Несмотря на всѣ трудности устройства переправы и на присутствіе значительныхъ партій горцевъ, потеря отряда была ничтожна, что отчасти объясняется искуснымъ распо-

ложеніемъ нашихъ стрѣлковъ, совершенно скрытыхъ за завалами. Въ теченіи 4-хъ дней выбыло изъ строя: 2 убитыхъ, ранено 39 и утонуло два нижнихъ чина.

Потеря непріятеля оказывалась гораздо значительнѣе: кромѣ 19 мюридовъ, убитыхъ въ пещерѣ, онъ ежедневно терялъ убитыми и ранеными отъ мѣткаго дѣйствія нарѣзнаго оружія; къ вечеру каждаго дня можно было видѣть трупы, валявшіеся въ завалахъ, разбитыхъ артиллеріею.

Обезпечивъ сообщеніе съ тыломъ посредствомъ устройства моста у Чирката, Врангель двинулся по обоимъ берегамъ Койсу и, къ 22-му числу, появился на высотахъ Ахкента. Въ то же время генералъ-маіоръ Манюкинъ съ особою колонною овладѣлъ непріятельскимъ укрѣпленіемъ Бурундукъ-Кале.

Когда войска Дагестанскаго отряда занимали Мичикалъ, Аргуани и совершали переправу черезъ Андійское Койсу, Манюкинъ открылъ наступательныя дѣйствія въ Аварскую долину.

14-го іюля онъ выступилъ съ отрядомъ, — изъ $2\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 9-ти сотенъ конной и 7-ми сотенъ пѣшей милиціи, при 2-хъ орудіяхъ,—на перевалъ Койсубулинскаго хребта. На слѣдующій день, въ то время, какъ главныя силы занимались разработкою дороги, генералъ Манюкинъ съ авангардомъ прибылъ въ Бурундукъ-Кале, гдѣ къ нему присоединилась, прибывшая изъ Шеншарека, колонна генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, состоявшая изъ 8-ми ротъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, взвода горныхъ единороговъ и 3-хъ сотенъ конной милиціи. Въ крѣпкой башнѣ, защищающей узкій и единственный проходъ къ Ирганаю, который, кромѣ того, перерѣзывался высокою каменною стѣною, засѣло 20 отчаянныхъ мюридовъ.

Предпринять обходное движеніе въ тылъ укрѣпленія и стѣны оказалось невозможнымъ, поэтому генералъ Манюкинъ, не желая сразу предпринимать штурма, сопряженнаго съ вѣроятной большою потерей, устроилъ батарею изъ 2-хъ горныхъ единороговъ (легкія орудія въ то время только еще спускались), изъ которыхъ и открылъ по башнѣ огонь. Нѣсколько удачно пущенныхъ снарядовъ пробили въ башнѣ брешь. Вслѣдъ за тѣмъ назначенныя заблаговременно три спѣшенныя сотни милиціи бросились на приступъ и овладѣли какъ самою башнею, такъ и примыкавшею къ ней крытою галлереею, истребивъ почти всѣхъ ея защитниковъ. Мы потеряли при этомъ 1 убитаго милиціонера и ранеными: прапорщика милиціи и 7 милиціонеровъ.

Сдѣлавъ распоряженіе о разрушеніи стѣны и Бурундукъ-Кальской башни, генералъ Манюкинъ отправилъ полковника Лазарева, съ 4-мя ротами и со всею конницею, для осмотра дороги къ Ирганаю. Пройдя 10 верстъ по чрезвычайно труднымъ горнымъ тропинкамъ, при безпрерывной перестрѣлкѣ съ горцами, занимавшими окрестныя высоты, Лазаревъ возвратился обратно въ лагерь, безъ потери.

Вслѣдъ за тѣмъ колонна генерала Манюкина спустилась къ Ирганаю и, направившись къ Зырянамъ, открыла сообщеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ.

«Въ нѣсколько дней», пишетъ князь Барятинскій въ своемъ отношеніи къ военному министру, «мы достигли цѣли, къ которой стремились 16 лѣтъ. Страны Нагорнаго Дагестана, отторгнутыя изъ Русской власти въ 1843 году, просятъ забыть прошедшее и спѣшатъ изъявлять покорность. Аварія, Койсубу, Гумбетъ, Салатау, Анди, Технуцалъ, Чаберлой и другія верхнія общества пали къ стопамъ Его Императорскаго Величества. Цѣлый край, бывшій какъ недавно театромъ упорныхъ военныхъ дѣйствій, объятъ всеобщимъ желаніемъ скорѣе присоединиться къ державѣ Великаго Монарха»[15].

[15]) Отношеніе отъ 27-го іюля, № 197.

Съ 16-го числа войска Чеченскаго отряда производили въ большихъ размѣрахъ работы по проложенію дорогъ и устройству трехъ редутовъ, для прикрытія вагенбурга на позиціи у озера Ретло, а 22-го іюля отрядъ перешелъ на высоты Гарналой-Ламъ, господствующія надъ долиною Койсу; авангардъ занялъ технуцальскій аулъ Таждо.

Непріятель жегъ всѣ аулы на лѣвомъ берегу рѣки и силою угонялъ жителей, съ ихъ скотомъ и имуществомъ на правый берегъ Андійскаго Койсу.

Шамиль съ семействомъ и приверженцами оставался въ новомъ укрѣпленіи на горѣ Ичичели, а Кази-Магома, съ партіею избранныхъ мюридовъ, расположился лагеремъ надъ сильно укрѣпленными обрывами праваго берега Койсу, готовясь защищать до крайности переправу и доступы въ Карату.

Князь Барятинскій приказалъ ускорить дорожныя работы отъ озера Ретло въ обходъ крутаго спуска въ Технуцалъ, а самъ съ войсками оставался на позиціи, съ которой угрожалъ непріятелю по всѣмъ направленіямъ.

Благодаря совокупнымъ, чрезвычайно удачнымъ дѣйствіямъ Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ, непріятель оказался обойденнымъ съ обоихъ фланговъ и, какъ говорится, попалъ между двухъ огней. Чеченскій отрядъ, овладѣвъ Тенхнуцаломъ, угрожалъ Каратѣ и другимъ непокорнымъ ауламъ, а Дагестанскій—молодецкою переправою черезъ рѣку Андійское Койсу и быстрымъ движеніемъ къ Аваріи,— отрѣзалъ непріятеля, съ другой стороны, отъ главной массы непокорнаго населенія.

Съ замѣчательной быстротой чередовались событія въ Дагестанѣ, и разумно веденныя военныя дѣйствія давали поразительные результаты.

Въ самомъ дѣлѣ: въ теченіи 14 дней Дагестанскій отрядъ прошелъ отъ Мичикала въ сердце Аваріи и съ весьма малою потерею овладѣлъ трудно доступнымъ нагорнымъ пространствомъ отъ Анчимеера до Аварскаго Койсу.

24-го іюля, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель получилъ новое, чрезвычайно важное извѣстіе о сдачѣ крѣпости Улли-Калы со всѣмъ гарнизономъ, орудіями, продовольственными и военными запасами. Паденіе одного изъ надежнѣйшихъ оплотовъ Шамиля со стороны Прикаспійскаго края произвело самое благопріятное для насъ впечатлѣніе на народъ: жители ауловъ: Араканы, Кудуха, Кикуны-Дорода, Мурада и другихъ, лежавшихъ между Аварскимъ и Кара-Койсу и защищаемыхъ Улли-Калою, не замедлили изъявить безусловную покорность.

Въ то время какъ Аварія и Койсубу спѣшили покориться, Гумбетъ — это отчаянное гнѣздо мюридизма, все еще продолжалъ оставаться въ своемъ двусмысленномъ положеніи, и, только послѣ того, какъ гумбетовцы увидѣли, что ихъ упорство ни къ чему не приведетъ и только можетъ вызвать совершенно справедливыя репрессаліи со стороны русскихъ, они покорились.

26-го іюля къ барону Врангелю явились депутаты отъ чиркатовцевъ, артлухцевъ, данухцевъ, жителей Нижняго Инхо, аргуанцы и депутаты отъ жителей верхнихъ койсубулинскихъ ауловъ—Игалей и Тлоха. Въ тотъ же день прибыли въ лагерь наиболѣе приближенные къ Шамилю наибы: гумбетовскій — Абакаръ-Дебиръ, араканскій — Доногопо-Магома и салатавскій—Раджабъ, а наканунѣ явились извѣстный по своему вліянію въ горахъ—Шахмандаръ-Хаджи и бывшій первый мирза Шамиля—Абдулъ-Керимъ.

Гумбетъ, Койсубу и Аварія безусловно покорились и передали намъ свои крѣпости, орудія (числомъ 19, большею частію мѣдныя) и запасы; жители Карата и Богело изъявили покорность.

27-го іюля укрѣпленный аулъ Чохъ, съ 3-мя орудіями и значительнымъ количествомъ

снарядовъ, сдался, а чохскій наибъ Исмаилъ (зять Шамиля) 2 августа явился съ покорностью къ князю Барятинскому.

Главныя силы войскъ Дагестанскаго отряда перешли съ Бетлинской горы въ Аварскую долину, а пѣхотный авангардъ выдвинулся къ Токитѣ. Наконецъ сдѣлалось возможнымъ открыть сообщеніе Дагестанскаго отряда съ Чеченскимъ, куда баронъ Врангель и направилъ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ.

Одновременно колонна генералъ-маіора Манюкина продолжала свои дѣйствія на Аварскомъ Койсу. Имѣя намѣреніе открыть сообщеніе Аваріи съ плоскостью черезъ Балаканское ущелье и Бурундукъ-Кале, Врангель поручилъ Манюкину разработку дороги чрезъ Койсубулинскій хребетъ на Бурундукъ-Кале и Ирганай и устройство переправы чрезъ Койсу у послѣдняго пункта или у Зырянъ, смотря по тому, гдѣ это окажется удобнымъ. Вскорѣ Шамиль получилъ еще одинъ тяжелый ударъ. 28 іюля въ лагерь Дагестанскаго отряда прибыли посланные отъ Кибитъ-Магомы Тилитлинскаго съ изъявленіемъ покорности Тилитля. Желая выразить искренность своей преданности, Кибитъ-Магома задержалъ у себя тестя и наставника Шамиля—Джамалъ Эддина и знаменитаго проповѣдника мюридизма—Асланъ Кадія Цудахаринскаго. Въ ходѣ военныхъ дѣйствій это событіе занимало мѣсто первой важности, ибо аулъ Тилитль всегда оказывалъ сильное вліяніе на весь Южный Дагестанъ. Измѣна-же Кибитъ-Магомы, одного изъ вѣрнѣйшихъ помощниковъ Шамиля, поставила имама въ самое критическое положеніе: она его лишала надежнаго убѣжища, на которое могъ до того разсчитывать.

Между прочимъ, посланные Кибитъ-Магомы сообщили, что Шамиль и Кази-Магома наканунѣ были на Ругджинской горѣ, намѣреваясь пробраться въ Гунибъ, гдѣ уже находился третій сынъ Шамиля—Магометъ-Шефи.

Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Шамиля, баронъ Врангель направилъ въ Южный Дагестанъ генералъ-маіора Ракуссу съ 3-мя баталіонами.

30-го іюля въ Чеченскій отрядъ, для свиданія съ главнокомандующимъ, княземъ Барятинскимъ, пріѣхалъ баронъ Врангель, котораго сопровождалъ только дивизіонъ драгунъ; 4-го августа туда же прибылъ командующій войсками Лезгинской кордонной линіи, генералъ-маіоръ князь Меликовъ; отрядъ его, перейдя Вагозскій хребетъ, остановился у аула Тынды.

Соединеніе частей войскъ Чеченскаго, Лезгинскаго и Дагестанскаго отрядовъ у Андійскаго Койсу само по себѣ составляло событіе, краснорѣчиво говорившее о совершенно новомъ положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ и о важности результатовъ, достигнутыхъ предпринятыми наступательными дѣйствіями трехъ отрядовъ.

Послѣ произведенной 3-го августа рекогносцировки лѣваго берега Андійскаго Койсу до Конхидатльскаго моста, главнокомандующій на другой день перешелъ къ мосту съ частью войскъ; 5-го числа онъ окончательно избралъ пунктъ для устройства моста и укрѣпленія, а 6-го августа, послѣ молебствія, заложено мостовое укрѣпленіе, названное «Преображенскимъ».

Съ покореніемъ Аваріи и прилегавшихъ къ ней обществъ Нагорнаго Дагестана, оставалось еще уничтожить послѣднее препятствіе, мѣшавшее полному успокоенію вновь покореннаго края,—партію приверженцевъ Шамиля, которая, подъ его личнымъ предводительствомъ, двинулась въ концѣ іюля изъ Гумбета въ Южный Дагестанъ.

Шамиль питалъ еще слабую надежду, что появленіе его въ Южномъ Дагестанѣ произведетъ благодѣтельную реакцію въ его пользу. Но разсчеты имама не оправдались и, вслѣдъ за покорностію Тилитля, не замедлили изъявить то же самое андаляльцы, хидатлинцы и куядинцы; послѣдніе, чтобы наиглядиѣе показать свою намъ преданность, при

прохожденіи чрезъ ихъ хутора вьюковъ съ имуществомъ Шамиля, произвели нападеніе на конвой и, разсѣявъ его, овладѣли 32-мя лошадьми съ разнымъ добромъ имама и большимъ количествомъ серебра; 2-го августа то же самое повторили тилитлинцы, которые, узнавъ, что на границѣ Караха укрываются почетные и приближенные къ Шамилю люди, направились туда, подъ начальствомъ Муртузали (брата Кибитъ-Магомы Тилитлинскаго) и, безъ выстрѣла, овладѣли находившимся здѣсь имуществомъ Шамиля, при чемъ конвой сдался имъ безъ сопротивленія.

Видя полную измѣну незадолго предъ тѣмъ безусловно преданныхъ жителей и надежныхъ своихъ сподвижниковъ, и встрѣчая недоброжелательство со стороны народа, Шамиль ясно сознаlъ, что наступилъ конецъ его владычеству и что, при существующемъ положеніи дѣлъ, ему не воскресить событій прошлыхъ годовъ. Тѣмъ не менѣе, имамъ рѣшилъ до конца остаться вѣрнымъ принятой на себя роли и защищаться до послѣдней возможности, избравъ для того какой нибудь укрѣпленный пунктъ. Выборъ Шамиля палъ на Гунибъ-Дагъ, извѣстный своею неприступностью, куда онъ и удалился съ небольшимъ числомъ, оставшихся еще ему вѣрными, мюридовъ.

8-го августа войска Дагестанскаго отряда, за исключеніемъ нѣсколькихъ баталіоновъ, оставленныхъ на сообщеніяхъ, сосредоточились въ Куядинскомъ обществѣ, у урочища Гуки-мееръ. На другой день баронъ Врангель произвелъ рекогносцировку впереди лежащей мѣстности, а затѣмъ баталіоны двинулись къ подножію Гуниба и заняли указанныя имъ для блокады мѣста.

10-го августа позиція отряда около Гуниба была слѣдующая.

На западномъ и сѣверо-западномъ склонахъ Гунибъ-Дага расположились 2 баталіона Дагестанскаго полка; къ нимъ долженъ былъ впослѣдствіи присоединиться 18-й стрѣлковый баталіонъ.

На южномъ склонѣ стали 1-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ, 21-й стрѣлковый и баталіонъ Самурскаго полка.

Восточный фасъ по Кара-Койсу занималъ баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго и 5 сотенъ конно-иррегулярнаго полковъ.

Сѣверный и сѣверо-восточный фасы охранялись баталіономъ Самурскаго и баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полковъ и 2-мя сотнями Акушинской конной милиціи.

Затѣмъ остальные баталіоны (2 лейбъ-Эриванскіе, 3 Ширванскіе, рота саперъ, 14 горныхъ единороговъ, дивизіонъ драгунъ и 6 сотенъ туземной конницы [16]), перейдя въ Гудулъ-Мейданѣ на правую сторону Кара-Койсу, стали лагеремъ противъ Гуниба, въ 2-хъ верстахъ выше разореннаго аула Кегеръ.

Такимъ образомъ, на всей окружности горы, простирающейся отъ 45 до 50 верстъ, была возстановлена по возможности строгая блокада. Въ группѣ горъ Дагестана, отдѣльно отъ нихъ, на правомъ берегу Аварскаго Койсу, возвышается Гунибъ-Дагъ, имѣющій 7.680 ф. высоты надъ поверхностью моря и съ восточной стороны омываемый рѣкою Кара-Койсу.

Вершина горы представляетъ изъ себя довольно широкое плато, раздѣленное оврагомъ, на лѣвой сторонѣ котораго расположенъ аулъ Гунибъ. Вся правая сторона оврага состоитъ изъ небольшихъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Скаты горы чрезвычайно обрывисты и вогнуты, что объясняется частыми ея обвалами. Основаніе Гунибъ-Дага значительно уже вершины.

---

[16]) Эти войска прибыли 12 августа.

Шамиль поспѣшно укрѣплялся на Гунибѣ, взорвалъ ведущія туда отъ Кара-Койсу, Ругджи и Хиндаха каменныя тропинки, а въ наиболѣе доступныхъ мѣстахъ устроилъ прочно сложенные изъ камня завалы и даже стѣны.

Рекогносцировка 14-го августа показала, что непріятель, благодаря неприступной и искусно укрѣпленной мѣстности, несмотря на ограниченность имѣвшихся подъ руками средствъ для обороны (у Шамиля находилось подъ ружьемъ около 600 человѣкъ, изъ коихъ половина состояла изъ самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, при 4-хъ орудіяхъ), могъ разсчитывать только на временную задержку нашихъ войскъ.

Съ 10-го по 15-е августа непріятель безпрерывно, хотя и совершенно безвредно, стрѣлялъ изъ орудій по блокирующимъ войскамъ; съ своей стороны, стрѣлки наши, засѣвъ въ ямахъ и за камнями, съ успѣхомъ прогоняли толпы мюридовъ, показывавшихся на гребнѣ горы.

15-го августа Шамиль, до того мало обращавшій вниманія на предложенія о сдачѣ, изъявилъ желаніе вступить съ нами въ переговоры, для чего просилъ прислать къ нему Даніель-Бека Элисуйскаго и полковника Алихана [17] и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратить непріязненныя дѣйствія, обѣщая не стрѣлять по нашимъ войскамъ.

Баронъ Врангель согласился на предложеніе Шамиля, пригласилъ въ отрядъ Даніель-Султана и прекратилъ артиллерійскій и ружейный огонь на всемъ протяженіи блокадной линіи; но 17-го августа снова стали изрѣдка раздаваться непріятельскіе выстрѣлы; поэтому блокирующимъ войскамъ приказано было стрѣлять по горцамъ, какъ только будетъ замѣчено, что они продолжаютъ укрѣплять свои передовыя позиціи.

18-го августа въ Дагестанскій отрядъ прибылъ главнокомандующій, князь Барятинскій, принявшій непосредственное начальство надъ войсками.

Чтобы обрисовать положеніе Дагестана въ началѣ августа мѣсяца, намъ придется отступить нѣсколько назадъ.

10-го августа главнокомандующій оставилъ Чеченскій отрядъ и, сопровождаемый только однимъ кавалерійскимъ конвоемъ, отправился обозрѣвать вновь покоренныя общества Дагестана. Онъ посѣтилъ Тлохъ, Игали, Чиркатъ, осмотрѣлъ аулъ Ахульго, — знаменитый осадою 1839 года, и, чрезъ Ашильты, проѣхалъ въ Унцукуль и Гимры. Отпустивъ отсюда сопровождавшій дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ въ Чиръ-Юртъ, князь Барятинскій, съ одними только аварцами и койсубулинцами, поднялся на Бетлинскія высоты къ Ахкенту. Жители повсюду толпами выходили на встрѣчу главнокомандующему и криками восторга выражали ему совершенную покорность и преданность.

Изъ Ахкента, чрезъ Арактау и Танусъ-Балъ князь прибылъ въ Аварію, все населеніе которой ликовало и благодарило за назначеніе ханомъ флигель-адъютанта Его Величества, ротмистра Ибрагимъ-Хана, и, въ особо поданномъ адресѣ, выразило свою радость по случаю избавленія отъ тяжелаго ига, тяготѣвшаго надъ Аваріей въ теченіи 15 лѣтъ.

Переночевавъ въ Хунзахѣ, главнокомандующій спустился въ долину Аварскаго Койсу, къ аулу Хидатль, гдѣ къ нему явился Кибитъ-Магома съ тилитлинцами. Отсюда чрезъ Куядинское общество князь прибылъ въ Ругджу, 18-го числа переправился черезъ Кара-Койсу, осмотрѣлъ укрѣпленіе Чохъ, замѣчательное по искусной постройкѣ, и затѣмъ, въ сопровожденіи чохскихъ жителей, восторженно принявшихъ начальника края, поднялся на высоты къ разоренному аулу Кегеръ, въ лагерь Дагестанскаго отряда.

Командующій войсками Лезгинской кордонной линіи, князь Меликовъ, по возвращеніи изъ главной квартиры, проѣхалъ всѣ покорившіяся общества, причисленныя къ раіону

[17] Даніель-Султанъ Элисуйскій сдалъ 2-го августа укрѣпленіе аулъ Ирибъ съ 9-ю орудіями и большимъ количествомъ запасовъ, а 7-го числа явился къ князю Барятинскому, который отъ имени Государя Императора объявилъ ему полное прощеніе.

Лезгинской кордонной линіи и, устроивъ вездѣ управленіе, вступилъ съ частью своихъ войскъ въ аулъ Ирибъ, оттуда 20-го августа прибылъ на позицію у Кегера, гдѣ назначенъ былъ общій съѣздъ трехъ командующихъ войсками.

Такимъ образомъ, полувѣковая кровавая борьба въ восточной половинѣ Кавказа, наконецъ, завершилась: неприступныя тѣснины, укрѣпленные природой и искусствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, взятіе которыхъ потребовало бы весьма большихъ жертвъ, 48 орудій, огромное количество снарядовъ, значковъ и разнаго рода оружія сданы намъ въ теченіи нѣсколькихъ дней безъ выстрѣла. Край, въ которомъ, казалось, не суждено было утихнуть гулу выстрѣловъ, умиротворился.

Оставалась еще одна задача — взятіе Шамиля, укрѣпившагося на Гунибъ-Дагѣ; но и эта задача вполовину уже была рѣшена: послѣднее убѣжище имама находилось въ тѣсной блокадѣ.

22-го августа князь Барятинскій послалъ Его Величеству телеграмму такого содержанія;

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ Августѣйшимъ Тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго до Военно-грузинской дороги Кавказъ покоренъ Державѣ Вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятельскія въ рукахъ нашихъ.

«Я лично былъ: въ Каратѣ, Тлохѣ, Игали, Ахульго, Гимрахъ, Унцукулѣ, Цатаныхѣ, Хунзахѣ, Тилитлѣ, Ругджѣ и Чохѣ.

«Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами».

Того же числа главнокомандующій отдалъ два приказа:

I. «Съ радостію спѣшу опять передать вамъ, храбрыя войска Кавказской арміи, Августѣйшія слова, начертанныя въ собственноручномъ ко мнѣ рескриптѣ Государя Императора, по поводу послѣднихъ успѣховъ, одержанныхъ оружіемъ Его Величества въ Дагестанѣ: «Скажи вновь отъ Меня Кавказскимъ молодцамъ искреннее спасибо, и что они Мнѣ опять доказали, что для нихъ невозможнаго нѣтъ» [18].

II. «Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край, я призвалъ васъ къ стяжанію великой славы Государю нашему, и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-грузинской дороги.

«Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до сердецъ вашихъ» [19].

Раньше мы упоминали, что Шамиль вступилъ въ переговоры, избравъ посредниками Даніель-Бека и полковника Алихана, временно управлявшаго Койсубулинскимъ обществомъ. Но послѣ 4-хъ-дневныхъ безплодныхъ переговоровъ, князь Барятинскій приказалъ прекратить ихъ и приступить къ предварительнымъ работамъ для овладѣнія Гунибомъ.

23-го августа начальникомъ передовыхъ войскъ назначенъ генералъ-маіоръ Кесслеръ; къ этому времени войска располагались слѣдующимъ образомъ: два баталіона Ширванскаго полка, подъ начальствомъ командира полка, полковника Кононовича, должны были дѣйствовать по восточному скату горы; 2 баталіона того же полка, баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго и 2 баталіона Самурскаго полковъ, 5 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 2 сотни Даргинской конной милиціи, подъ начальствомъ князя Тараханъ-Моуравова, расположились по сѣверному фасу Гунибъ-Дага; на южномъ фасѣ горы находились баталіоны 1-й и 4-й Апшеронцевъ, 2 Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника Тергукасова, и, наконецъ, на западномъ склонѣ стояли 2 баталіона, подъ начальствомъ командира Дагестанскаго пѣхотнаго полка, полковника Радецкаго.

[18] Приказъ по Кавказской арміи отъ 22 августа № 381.

[19] Приказъ по Кавказской арміи отъ 22 августа № 382.

Принявъ начальство надъ передовыми блокадными войсками, генералъ Кесслеръ приказалъ сдвинуть ихъ тѣснѣе и расположить у самой подошвы Гунибъ-Дага.

Немедленно приступили къ изготовленію и доставкѣ войскамъ туровъ, фашинъ, деревянныхъ и веревочныхъ лѣстницъ, крючьевъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей для осадныхъ работъ и для штурма.

Осмотръ доступовъ на вершину горы показалъ, что восточный скатъ горы хотя и былъ слабѣйшимъ и доступнѣйшимъ по условіямъ мѣстности, но, въ то же время, представлялъ значительныя препятствія для атаки, ибо тропинки, по немъ расположенныя преграждались чрезвычайно крѣпкими искусственными препятствіями и бдительно охранялись большею частію гунибскаго гарнизона. Въ виду такого обстоятельства, генералъ Кесслеръ рѣшилъ предпринять атаку съ этой стороны лишь въ крайнемъ случаѣ, предпочитая открытымъ дѣйствіямъ неожиданное нападеніе, или штурмъ горы открытою силою съ котораго нибудь изъ остальныхъ 3-хъ фасовъ. Съ цѣлію отвлечь вниманіе и силы осажденныхъ и заставить непріятеля постоянно ожидать рѣшительнаго наступленія нашего съ восточнаго фаса, Кесслеръ приказалъ полковнику Кононовичу подвигаться впередъ къ завалamъ постепенно при посредствѣ осадныхъ работъ.

Въ нóчь на 24 число стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ непріятеля, выдвинулись впередъ и расположились за камнями въ недальнемъ разстояніи отъ заваловъ, помѣстивъ резервъ въ строеніяхъ брошеннаго непріятельскаго хутора.

24-го числа командующій войсками передовой линіи объѣхалъ сѣверный фасъ горы и сообщилъ начальникамъ частей свои распоряженія къ занятію въ слѣдующую ночь указанныхъ пунктовъ, по близости отъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Въ точно такомъ же смыслѣ получили приказаніе полковники Тергукасовъ и Радецкій.

Въ ночь на 25-е августа Тергукасовъ приказалъ командиру 1-го баталіона своего полка, подполковнику Егорову, двинуться съ баталіономъ къ высотамъ Гуниба и, если представится возможность, подняться на самую вершину. Передъ тѣмъ всходы на Гунибъ съ южнаго фаса осмотрѣны охотниками Апшеронцами съ капитаномъ Скворцовымъ во главѣ, и оказалось, что единственная возможность взобраться на Гунибъ представляется со стороны трещины горы.

Въ половинѣ 2-го часа по полудни, густой туманъ окуталъ всю гору, чѣмъ подполковникъ Егоровъ и рѣшился воспользоваться какъ удобнымъ моментомъ, и повелъ баталіонъ на вершину Гунибъ-Дага. Мѣстность, заранѣе осмотрѣнная охотниками, представляла въ этомъ пунктѣ такія громадныя препятствія для нападенія, что осажденные, считая ее вѣроятно недоступною для насъ, содержали здѣсь лишь незначительный караулъ. Передъ нападающими, какъ стѣны, возвышались одинъ надъ другимъ три скалистые крутые обрыва (каждый отъ 8-ми до 10-ти саженъ высоты), лишь въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною.

«Изъ колонны выдѣлились сто тридцать живыхъ существъ и быстро стали подвигаться къ скалистому обрыву [20]). Безъ сапоговъ, обутыя въ лапти, въ толстыя онучи, переплетенныя сверху веревочками, тѣни эти неслышно скользили по землѣ, будто духи. Густой туманъ, въ которомъ онѣ двигались, дѣйствительно дѣлалъ ихъ какими-то фантастическими, не отъ міра сего, существами. Подойдя къ обрыву, онѣ пріостановились. Голая скала перваго уступа подставляла имъ свои вертикальныя, отвѣстныя ребра, будто искушая и насмѣхаясь надъ ихъ отвагою, будто приглашая попробовать всю ея недоступность. Во главѣ

[20]) То были охотники Апшеронскаго полка, предводимые капитаномъ Скворцовымъ и прапорщиками Кушнеревымъ, Ассѣевымъ и Вышинскимъ.

охотниковъ были: капитанъ Скворцовъ и прапорщикъ Кушнеровъ, имена которыхъ, безъ сомнѣнія, становятся съ той минуты неизгладимыми въ нашей исторіи.

«— Ишь, какъ ее оборвало! слетѣло почти шепотомъ съ губъ одного изъ охотниковъ.

«— И ноги-то негдѣ поставить, прошепталъ другой, всматриваясь въ плоскіе камни, словно отыскивая на нихъ какую нибудь букашку.

«— А что, парни, подхватилъ близстоявшій унтеръ-офицеръ: не подставить ли намъ лѣсенку?

«— Лѣсенку-то? почесался за ухомъ одинъ изъ переднихъ... Лѣсенку-бы ничего, да непривычно: еще неравно ногу переломаешь.

«И объ этомъ переломѣ ногъ разсуждалъ тотъ, кто преднамѣренно шелъ на вѣрную смерть, и у кого эта смерть висѣла уже надъ головою.

«— Нѣтъ лѣсенки не надо-ть, а мы вотъ какъ: Илья, упрись на мушкетъ, да выгни спину!

«— Во-на, нешто въ чехарду?...

«Послышался сдержанный смѣхъ.

«— Не балагурь, становись-ко скорѣе, а то и къ шамильскому обѣду не поспѣемъ, безъ насъ откушаетъ.

«И Илья, урезоненный такимъ вѣскимъ доводомъ, подставляетъ свои мощныя плечи. Другой и третій, смотря на Илью, ступаютъ шагъ-два ближе къ горѣ и изловчаются выгнуться какъ получше.

«—Семенъ, да ты ужь больно въ три дуги свернулся, словно нехристу поклоны бьешь; подвытянись маленько.

«И, какъ бы подкрѣпляя слово дѣломъ, товарищъ безцеремонно ткнулъ Семена прикладомъ въ бокъ.

«— Ты, гляди, осторожнѣй, кафтанъ продырявишь: вещь казенная.

«— Нешто до срока далеко? перебилъ товарищъ, приготовляясь лѣзть на Семена.

«— Вотъ Шамиля возьмемъ, такъ и срокъ кончится.

«— Подсаживай, ребята! Ладно.

«А тамъ, гдѣ стоитъ Илья, слышится вполголоса:

«— Ну, что гнешься! кожаный, что-ли?

«— Подавай, братцы, крючья!

«— Подсади прикладомъ маленько.

«Нѣсколько человѣкъ, хватаясь крючьями за выдающіеся отпрыски скалы, уже стояли надъ головами своихъ товарищей. За ними слѣдовали другіе, какъ кошки цѣпляясь руками за камни, обрывая ногти, надсажая локти.

«Въ четверть часа первый уступъ скалы завоеванъ, и охотники сгруппировались подъ вторымъ. Этотъ, какъ предыдущій, какъ и послѣдующій за нимъ, былъ высотою отъ восьми до десяти саженей.

«За охотниками тѣмъ же порядкомъ карабкался первый баталіонъ Апшеронскаго полка, оставивъ стрѣлковую роту внизу, въ мѣстахъ удобныхъ для обстрѣливанія уступовъ. Правѣе Апшеронскихъ охотниковъ поднимались, при помощи лѣстницъ, охотники же 21-го стрѣлковаго баталіона, подъ командою поручика Теріева. Постороннему зрителю, который-бы внимательно слѣдилъ за этимъ восхожденіемъ, могло казаться, что все дѣло происходитъ на обширной сценѣ какого нибудь театра:—такъ все дѣлалось спокойно, тихо, размѣренно, и такъ мало все это было похоже на войну».

«Съ противуположной стороны горы, верстахъ въ тринадцати отъ описываемаго нами

пункта, то же самое происходило и въ колоннѣ князя Тарханъ-Моуравова, который велъ ее подъ личнымъ своимъ начальствомъ.

«Лишь только на южномъ фасѣ охотники столпились на первой террасѣ,—сверху раздался отчаянный залпъ изъ винтовокъ, и нѣсколько жертвъ свалилось на землю.

«— Впередъ, скорѣе! крикнулъ командный голосъ.

«Осыпаемые пулями, охотники, теперь уже безъ прежнихъ предосторожностей, потому что были открыты, полѣзли на второй обрывъ.

«— Живѣе, братцы! ободряли солдаты другъ друга. Вишь, тамъ ихъ мало; значитъ Шамиль еще не спохватился.

«Дѣйствительно, на этомъ пунктѣ горы, за завалами, примкнутыми къ скаламъ, въ упоръ которымъ карабкались Апшеронцы, было, сравнительно, мало защитниковъ. Шамиль, вѣроятно, увѣренный въ совершенной неприступности этого мѣста, охранялъ его лишь небольшимъ числомъ мюридовъ; большинство же находилось на восточномъ фасѣ, обманутое предшествовавшими дѣйствіями полковника Кононовича.

«Уже часть охотниковъ вступила на вторую террасу и, не обращая вниманія и не отвѣчая непріятелю на его огонь, кидала внизъ веревки, протягивала крючьи и втаскивала наверхъ остальныхъ товарищей. Каждое движеніе героевъ, каждый ихъ шагъ стоилъ намъ одного, двухъ, трехъ, изъ этихъ золотыхъ, незамѣнимыхъ воиновъ. Вонъ, ужь и Илья приникъ къ скалѣ, держась рукою за голову, изъ которой струящаяся кровь обливаетъ его щеки; вонъ, въ растяжку, неподвижно лежитъ его товарищъ, опасавшійся переломать себѣ ноги на лѣстницѣ, а далѣе — Семенъ перехватываетъ ружье изъ раненой руки въ здоровую и упорно, какъ баранъ, стремящійся пробить лбомъ стѣну, лѣзетъ все впередъ.

«Уже совсѣмъ разсвѣло; туманъ сталъ рѣже; гора задымилась, застонала, заохала, загрохотала на всѣхъ фасахъ, по разнымъ направленіямъ, словно разорваться хотѣла отъ вздымавшихъ ее вулканическихъ силъ: стоны, крики, пальба, могильное пѣніе мюридовъ, бой барабановъ, все это смѣшалось вмѣстѣ какъ бы нарочно для того, чтобы произвести неслыханный хаосъ.

«Теперь, при свѣтѣ дня, уже не тѣни, а живыя существа быстро взбирались на всѣхъ пунктахъ горы по эскарпамъ, встрѣчаемыя, предупреждаемыя смертью.

«Непріятельскія палатки исчезли съ обрыва горы, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

«Апшеронскіе охотники охватили цѣпью весь карнизъ третьяго уступа, и, прежде чѣмъ Шамиль успѣлъ подослать сюда секурсъ,— они стояли лицомъ къ лицу съ горстью непріятеля, засѣвшаго въ завалахъ. На этотъ разъ мюриды не бѣжали, какъ дѣлали часто, когда видѣли неизбѣжную смерть; они съ ожесточеніемъ выдвигались на половину тѣла изъ-за заваловъ, посылали пулю за пулей, вновь скрывались за каменную стѣнку, чтобы зарядить винтовку, и опять высовывали свои папахи съ дымившимся дуломъ ружья. Наконецъ, видя, что ни что не беретъ, никто не помогаетъ имъ и ничѣмъ не устрашатъ они охотниковъ, которые уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, мюриды бросаютъ винтовки, выхватываютъ шашки, кинжалы...

«Но вдругъ раздается дружное, единодушное «ура!» за нимъ послѣдній залпъ—и охотники уже въ завалахъ, уже сцѣпились, схватились не только оружіемъ, но и просто голыми руками съ своими врагами, на этотъ разъ вполнѣ ихъ достойными. Въ нѣсколько секундъ десять татарскихъ труповъ уже валялось на землѣ; озлобленно дерутся остальные горцы, въ особенности трое изъ нихъ: какъ фуріи, какъ бѣшеныя кошки кидаются они въ лицо солдатамъ. Физіономіи ихъ искривлены, сухіе пальцы хватаютъ лезвіе подста-

вленнаго имъ штыка, и, въ то же время, лѣвая рука заноситъ кинжалъ надъ солдатомъ; одежда ихъ въ безпорядкѣ, волосы открыты, разсыпались по плечамъ, груди обнажены...

«Но чтоже это такое? Неужели это не сонъ?...

«Передъ охотниками, представляя изъ себя оживотворенныхъ вѣдьмъ, возстаютъ въ неистовомъ видѣ, вооруженныя съ ногъ до головы, отбивающіяся и нападающія какъ гіены, три женщины.

«Одна за другой повисли эти несчастныя на штыкахъ Апшеронцевъ и отброшены въ сторону; падаютъ еще двое; у остальныхъ семерыхъ выбиты изъ рукъ шашки, они думаютъ сопротивляться безоружными, мечутся, хотятъ выхватить оружіе изъ коченѣющихъ рукъ близлежащихъ товарищей, но ихъ сваливаютъ каждаго на-земь и берутъ живьемъ[21])».

Вскорѣ подошли сюда двѣ роты 4-го баталіона Апшеронцевъ, подъ командою маіора Лагоріо, и тогда полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому аулу Гунибу, находившемуся еще верстахъ въ 8-ми; по дорогѣ онъ соединился съ 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, который успѣлъ въ то же время овладѣть непріятельскими завалами, правѣе занятыхъ Апшеронцами.

Одновременно и войска сѣвернаго фаса (верстахъ въ 15-ти отъ Апшеронцевъ), подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, поднялись на Гунибъ съ противоположной сѣверной покатости. Взойдя на высоты, князь Тарханъ-Моуравовъ направилъ стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка и сотню конно-иррегулярнаго полка, а вслѣдъ за ними и весь гренадерскій баталіонъ къ палаткѣ Шамиля и къ устроеннымъ на восточномъ скатѣ укрѣпленіямъ, а послѣ — въ обходъ аула.

Озадаченные появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать отъ стѣнъ южнаго фаса вверхъ, преслѣдуемые снизу выстрѣлами ширванскихъ стрѣлковъ. Большая часть мюридовъ, въ томъ числѣ и самъ Шамиль, съ сыновьями, бѣжали въ аулъ Гунибъ и засѣли по саклямъ.

Вслѣдъ за бѣгущими отъ стѣнъ мюридами, полковникъ Кононовичъ двинулъ на гору 2 баталіона Ширванскаго полка съ 4-мя горными орудіями, а полковникъ Радецкій поднялся туда же съ большимъ трудомъ съ западной стороны.

Партія мюридовъ человѣкъ во 100, изъ числа бѣжавшихъ вразсыпную отъ укрѣпленій, отрѣзанная отъ аула, собралась на лѣсистомъ холмѣ, влѣво отъ ведущей къ аулу дороги, и тамъ, засѣвъ за камнями, открыла частую пальбу по подымавшимся снизу ротамъ Ширванскаго полка. Одна и вслѣдъ за ней другая рота этого полка были направлены — выбить мюридовъ изъ-за камней.

Горцы, не видя никакого спасенія, выхватили шашки и кинжалы и бросились на встрѣчу Ширванцамъ; завязалась непродолжительная, но жаркая схватка: сброшенные съ холма, мюриды кинулись на стоявшій внизу у непріятельскаго орудія караулъ нашъ, но, преслѣдуемые съ тылу, были отброшены внизъ къ небольшому ручью, гдѣ ихъ окружили со всѣхъ сторонъ и истребили поголовно.

Когда взобравшіяся на Гунибъ-Дагъ войска устремились съ разныхъ сторонъ къ аулу, то генералъ-маіоръ Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе князя Барятинскаго — употребить всѣ усилія къ захвату Шамиля живымъ, остановилъ солдатъ, уже готовыхъ ворваться въ Гунибъ, и расположилъ части такимъ образомъ, чтобы преградить защищавшимся въ аулѣ мюридамъ всѣ пути къ отступленію.

Въ это время къ мѣсту боя прибылъ главнокомандующій; онъ приказалъ остановить

[21]) Волконскій. Окончательное покореніе восточнаго Кавказа. Кавказскій Сборникъ, т. IV стр. 415—419.

перестрѣлку съ засѣвшими въ Гунибѣ мюридами и предложилъ имъ сдаться, а не подвергать напрасно всѣмъ ужасамъ штурма аула, въ которомъ было много женщинъ и дѣтей.

«Баронъ Врангель подъѣхалъ къ войскамъ, обложившимъ селеніе. Тутъ предсталъ передъ нимъ чиркевскій бѣглецъ Юнусъ, съ просьбою — объявить условія сдачи имама.

«— Условій никакихъ, безусловная сдача. И если не поторопитесь — войскамъ приказано будетъ взять аулъ и все, что въ немъ есть. Тогда не будетъ пощады.

«Какъ молнія, пронесся этотъ отвѣтъ по войскамъ отъ одного къ другому. Всѣ до послѣдняго солдата горѣли нетерпѣніемъ скорѣе покончить эту сверхполувѣковую драму; какъ рьяные кони, приготовленные къ скачкѣ, ждали солдаты только мановенія руки военачальника, чтобы разнести вдребезги и аулъ, и самого Шамиля, и, кажется, всю гору.

«Юнусъ отправился. Всѣ взоры жадно были устремлены на Гунибъ. Едва лишь кто тамъ показывался — глухой шепотъ проносился въ рядахъ:

«— Вотъ, вотъ *онъ*...

«Но его пока не было.

«Спустя нѣкоторое время, вновь является Юнусъ съ просьбою — допустить его къ главнокомандующему.

«Нечего дѣлать — и здѣсь послѣдовала уступка.

«Приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, подошелъ парламентеръ, низко сгибаясь, къ князю Барятинскому и отъ имени Шамиля попросилъ условій.

«Послѣдовалъ тотъ же сухой и короткій отвѣтъ, что и прежде, лишь съ прибавленіемъ, что личности и безопасность Шамиля, его семейства и приверженцевъ обезпечены.

«Юнусъ уходитъ.

«Гробовая тишина и нетерпѣливое, томительное ожиданіе.

«Вдругъ раздается голосъ изъ аула:

«— Имамъ проситъ допустить къ нему его зятя, чохскаго наиба Исмаила.

«— А, чтобъ его чортъ побралъ! послышалось то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, среди офицерскихъ кружковъ.

«Разрѣшили отправиться въ аулъ Исмаилу.

«По истеченіи нѣкотораго времени возвращается и Исмаилъ — опять съ какою-то нелѣпою просьбою. Говорили, что она состояла въ томъ, что Шамиль желаетъ... «оставить намъ въ залогъ роднаго сына».

«Въ этомъ случаѣ нужно было удивляться хладнокровію и терпѣнію главнокомандующаго, который, вмѣсто слова «впередъ», велѣлъ отвѣтить «нельзя».

«— Нельзя! понеслось въ аулъ.

«Вновь тишина и молчаніе. Драма начинала принимать просто комическій оттѣнокъ. Впрочемъ, все это служило доказательствомъ тому, какъ сильно былъ Шамиль напуганъ. Ему, не безъ основанія, могло казаться, что вотъ, только онъ появится, — его разорвутъ на клочки.

«Спустя минутъ двадцать, вновь показался изъ аула Юнусъ.

«— Что еще?

«— Шамиль проситъ нѣсколько удалить войска.

«Ему не дали договорить.

«— Нельзя! Скорѣе — иначе будетъ штурмъ.

«Парламентеръ скрылся. Черезъ пять минутъ онъ выбѣжалъ изъ аула, какъ опареный.

«— По крайней мѣрѣ, хоть мусульманскую милицію спрятать, жалобно завопилъ онъ.

«Раздался общій хохотъ.

«Порѣшили, что эта уступка возможна, и спрятали всю татарщину, которая съ неудовольствіемъ, повѣся носы, отретировалась на задній планъ и скрылась за войсками.

«Вслѣдъ затѣмъ, въ аулѣ обнаружилось движеніе: густая, хотя небольшая, толпа народа стала приближаться къ выходу.

«Вдругъ толпа исчезла, и все скрылось, какъ миражъ.

«— Выходите же, закричали Даніельбекъ и Исмаилъ: — иначе пропадете всѣ. Чего дразните! Не забавляются же съ вами, какъ съ дѣтьми!

«Толпа вновь выросла изъ земли и, двигаясь медленно, нерѣшительно, выступила изъ за ближайшихъ къ намъ сакль аула. «Ура!» потрясло воздухъ.

«Толпа, какъ напуганные бараны, сжалась, съежилась и остановилась. Среди нея, верхомъ на лошади, красовался во всеоружіи Шамиль. Видно было, что «ура» оглушило его; что этотъ побѣдный и торжественный кликъ столько же надрывалъ его сердце, сколько казался ему какимъ-то зловѣщимъ сигналомъ.

«Но онъ ошибся; никакое движеніе не обнаруживало для него бѣды.

«Успокоившись, онъ двинулся вновь, прошелъ чрезъ баталіоны блѣдный, растерянный и направился къ главнокомандующему. Его сопровождали до пятидесяти мюридовъ —остатки нѣкогда многочисленной и по-своему грозной его арміи.

«Шагахъ въ двадцати пяти или въ тридцати отъ главнокомандующаго, Шамиль слѣзъ съ коня и, что-то лепеча себѣ подъ носъ, подошелъ къ князю Барятинскому.

«Видно было, что онъ приготовилъ какой-то спичъ, но слова замерли на его губахъ, языкъ не повиновался. Въ особенности, онъ растерялся и вздрогнудъ, когда князь Барятинскій, ступивъ шагъ впередъ, почти крикнулъ:

«— Шамиль!

«Бывшій имамъ, предводитель богомольцевъ, вросъ въ землю.

«Мы не беремся передать послѣдующія слова главнокомандующаго въ подлинникѣ, потому что ихъ трудно помнить чрезъ двадцать лѣтъ, и притомъ до нашего слуха они не достигли; но смыслъ ихъ былъ тотъ, что князь Барятинскій въ свое время звалъ его къ себѣ добромъ, предлагалъ выгодныя условія — и все было отвергнуто. Тогда онъ явился самъ и взялъ оружіемъ то, что не сдалось ему добровольно. Условій теперь быть не можетъ: Шамиль долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ предоставить себя милосердію Монарха; жизнь его въ безопасности и потребности въ пути будутъ удовлетворены.

«Вотъ смыслъ рѣчи, съ которою князь Барятинскій обратился къ Шамилю. Послѣдній опять что-то пролепталъ, но главнокомандующій его болѣе не слушалъ, направившись съ Гуниба обратно въ свою ставку. За нимъ поѣхалъ Шамиль, подъ наблюденіемъ конвоя и полковника Алибека Пензулаева.

«Все это свершилось въ три часа пополудни.

«Вечеромъ князь Барятинскій прислалъ въ подарокъ Шамилю свою походную шубу, которая, конечно, очень пригодилась ему въ послѣдовавшемъ затѣмъ переѣздѣ.

«Плѣнникъ, наконецъ, успокоился и попросилъ позволенія вызвать съ Гуниба свое семейство. Ему разрѣшили, и оно въ полномъ составѣ явилось въ лагерь къ нему на слѣдующій день»[22].

При овладѣніи Гунибомъ взято четыре орудія, одно крѣпостное ружье и шамилевская сѣкира; въ плѣнъ захвачено около ста мюридовъ и такое же число убито. Потеря съ нашей стороны заключалась: въ 19 нижнихъ чинахъ и двухъ милиціонерахъ убитыхъ, семи офи-

[22]) Волконскій. Окончательное покореніе Восточнаго Кавказа. Кавказскій сборникъ. Т. IV, стр. 423—426.

церахъ, 114 нижнихъ чинахъ и 7-ми милиціонерахъ раненыхъ; контужено 2 офицера и 29 нижнихъ чиновъ [23]).

Геройскій подвигъ овладѣнія Гунибомъ блистательно закончилъ рядъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднее время славными Кавказскими войсками.

Съ плѣненіемъ Шамиля и уничтоженіемъ почти половины окружавшихъ его въ послѣднія минуты мюридовъ, мюридизму былъ нанесенъ смертельный ударъ.

Такимъ образомъ въ Гунибѣ суждено было разыграться послѣднему акту полувѣковой Кавказской драмы.

За 1859-й годъ полку пожалованы слѣдующія награды: 1-й и 4-й баталіоны получили Георгіевскія знамена; ордена: св. Георгія 4-й степени—командиръ полка полковникъ Арзасъ Тергукасовъ, подполковникъ Егоровъ, капитанъ Скворцовъ и прапорщикъ Кушнеревъ; св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ—командиръ полка полковникъ Тергукасовъ, маіоръ Старосельскій, капитанъ Касаевъ, поручики Серченко и Богаевскій; св. Анны 2-й степени—маіоръ Сидоровъ; св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною—подполковникъ Волынскій; св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ — маіоры Энгбрехтъ и Кавнацкій, капитаны — Островскій, Голубовъ, Китаевскій, поручикъ Савицкій; св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ—капитанъ Касаевъ, штабсъ-капитаны: Яковлевъ, Байковъ и Поповъ-Азотовъ; поручики Поповъ, Горчаковъ, Комаровъ 1-й; подпоручики Моунъ, Калантаровъ, Бачинскій, Черноцкій и Даниловъ; прапоршикъ князь Святополкъ-Мирскій; св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» — подпоручики Ага-Бекъ-Аваковъ-Калантаровъ, князь Микеладзе и Смирновъ 2-й, прапорщики Навроцкій, Ассѣевъ 4-й, Карташевъ, Бирюковъ, Комаровъ 2-й, Агафоновъ 1-й, Завадскій, Масловъ, Домашевскій-Пислякъ, Зейдлицъ, Губарь, Барташевичъ и Арѣшевъ; слѣдующіе чины: — подполковникъ Егоровъ; маіоры Моисеевъ и Лагоріо; капитаны Кавнацкій, Шиманскій, Скворцовъ, Щедринскій и Касаевъ; штабсъ-капитаны Крапивный, Голубовъ, Китаевскій, Хмаренко 1-й и Явченко, поручики Буравцовъ, Поповъ-Азотовъ, Поповъ, Струпинскій; подпоручики Китаевскій, Ковторадзе, Савицкій, Овечкинъ, Чердилели, Гогоберидзе, князь Накашидзе и Бачинскій; прапорщики Даниловъ, Міяковичъ 2-й, Мдивани, Асѣевъ 1-й, Латту, Агафоновъ, Нагибинъ, Хмаренко 2-й, Брянчаниновъ, Міаковичъ 1-й, Никора-Ясинскій, Пышкинъ, Волынскій, Карташевъ, Гурганидзе, Каргановъ и Федоровъ; старшинство въ чинахъ: поручики Киселевичъ, Смирновъ и Хмаренко 2-й; подпоручики Гросманъ, Кончеевъ, Свѣнцицкій и Кушнеревъ, Хмаренко и Навроцкій; произведены въ чинъ прапорщика: унтеръ-офицеры Карташевъ, Подборскій, Поповъ, Медвѣдевъ, Аствацатуровъ, Брянчаниновъ, Малкоѣдовъ, Алхазовъ, Столбинъ, Трухновскій, Малиновскій 2-й, Зейфертъ и Сресули. Знаки отличія Военнаго ордена: 2-й степени — унтеръ-офицеръ Григорій Маркаровъ; 3-й степени — Заалъ Чердилели, Иванъ Закржевскій, Михаилъ Чердилели, Василій Даниловъ, Иванъ Лапкинъ, Григорій Савченко, Николай Могилевскій, Казиміръ Яворскій, Михаилъ Фрязиновъ, Станиславъ Канцевичъ, Харлампій Полукаровъ; 4-й степени — фельдфебеля Захаръ Пирожковъ, Ѳедотъ Трембачевъ, Филиппъ Агаповъ, Павелъ Шелковскій, Емельянъ Пиксайкинъ, Яковъ Телѣгинъ и Потапъ Яковлевъ; унтеръ-офицеры Василій Поповъ, Михаилъ Косаренко, Василій Полушкинъ, Ѳедоръ Тюринъ, Григорій Вѣсичъ, Тимофей Купоносовъ, Василій Даниловъ, Илья Капрановъ, Иванъ Барышевъ, Андрей Елистратовъ, Агафонъ Степановъ, Іосифъ Шманевскій, Иванъ Скопцовъ, Карлъ Цытляковскій, Ефимъ Архиповъ, Миронъ Рыжевъ, Генрихъ Бѣленовичъ, Кайтанъ Герштенцвейгъ, Казиміръ Яворскій, Афанасій Киселевъ, Алексѣй Наваковъ, Станиславъ Канцевичъ, Сергѣй Савельевъ, Иванъ Насоновъ, Николай Нашкинъ, Абрамъ Разсказовъ, Осипъ Вороновъ, Ѳедоръ Деминъ, Петръ Котисовъ, Иванъ Артемьевъ, Мартынъ Глуховскій, Семенъ Ильинъ, Ѳедоръ Гавриленко, Егоръ Голубовъ, Андрей Фитъ, Яковъ Шевченко, Петръ Слесаревъ, Меркулъ Гавскій, Прокофій Чехарь, Прокофій Хахулинъ, Тимофей Ивановъ, Кириллъ Долгошенко, Григорій Стамбуловъ, Александръ Карташовъ, Иванъ Мухинъ, Кузьма Михайловъ, Ѳедоръ Кучеренко, Семенъ Лыхновъ, Иванъ Карпенко, Захаръ Кайнахъ, Дмитрій Тимошевскій, Михаилъ Телятниковъ, Кассіанъ Киріенко, Михаилъ Бирюковъ, Михаилъ Смирновъ, Ефимъ Смогоржевскій, Василій Ковалевъ, Панфилъ Скуфати, Илья Астрецовъ, Поликарпъ Малаховъ, Ѳома Хабренчукъ, Андрей Калита, Михаилъ Дуевъ, Миронъ Мамацевъ, Павелъ Жаровскій, Ермолай Ненинко, Сергѣй Кобзаренко, Яковъ Мѣшковъ, Прохоръ Гаршинъ, Филиппъ Дягель, Еммануилъ Храписъ, Иванъ Хертеръ, Никаноръ

---

[23]) Апшеронцевъ убито 2 и ранено 12 нижнихъ чиновъ. Отношеніе князя Барятинскаго къ Военному Министру за № 463.

Аляпкинъ, Данилъ Лысяковъ, Степанъ Скородумовъ и Александръ Теріевъ; рядовые: Харлампій Полукаровъ, Иванъ Рубанцъ, Осипъ Свистуновъ, Ѳеофанъ Николаевъ, Иванъ Михайловъ 1-й, Михаилъ Зырановъ, Илья Романовскій, Антонъ Марушкинъ, Тихонъ Шараповъ, Ануфрій Стрѣлковскій, Алексѣй Утинъ, Ефремъ Спиридоновъ, Осипъ Курчевскій, Тимофей Клещевъ, Алексѣй Витушкинъ, Климъ Цыбуля, Степанъ Балашевъ, Емельянъ Солодовниковъ, Иванъ Гусьевъ, Дмитрій Галактіоновъ, Алексѣй Шульгинъ, Ѳедоръ Маклаевъ, Василій Филатовъ, Ефимъ Матковъ, Иванъ Гучковскій, Андрей Старчевскій, Антонъ Чабаловъ, Михаилъ Леонтьевъ, Григорій Шумаковъ, Илья Бондарь, Иванъ Бурыкинъ, Леонтій Марченко, Никита Праска, Александръ Павловъ, Яковъ Углановъ, Ѳедоръ Зайцевъ, Петръ Мартыновъ, Петръ Козятченко, Михаилъ Рубинъ, Яковъ Даниловъ, Нестеръ Приходько, Степанъ Евтушенко, Емельянъ Григорьевъ, Максимъ Широкій, Емельянъ Журавлевъ, Ларіонъ Никитчинко, Афанасій Блиновъ, Трофимъ Ильинъ, Алфимъ Арциренко, Григорій Бабенко, Трофимъ Почабскомъ, Сидоръ Мартыновскій, Василій Кулишевъ, Константинъ Моисеенко, Абдулъ Девлеткильдѣевъ, Прокофій Ивановъ, Ѳедоръ Тамчукъ, Иванъ Годовскій, Тимофей Лаврухинъ, Никита Плиска, Павелъ Кашковъ, Харитонъ Тамбовцевъ, Петръ Герасимовъ, Петръ Назаровъ, Алексѣй Шитовъ, Игнатъ Кувичевъ, Андріанъ Дмитріевъ, Алексѣй Ухтіаровъ, Августъ Жуковскій, Гаврилъ Алексѣевъ, Василій Нырковъ, Дмитрій Егоровъ, Константинъ Степановъ, Иванъ Зиминъ, Григорій Скоростинскій, Емельянъ Гуцинъ, Тарасъ Степановъ, Василій Малемоненко, Михаилъ Спасюкъ, Василій Барташмъ, Ѳедоръ Ничасовъ, Илья Нанкинъ, Яковъ Арзамасцевъ, Григорій Ахматовъ, Янъ Мачисъ, Степанъ Страховъ, Иванъ Корниловъ, Юзефъ Жиржинскій, Кузьма Бѣлякинъ, Михаилъ Глазуновъ, Григорій Нестеровъ, Григорій Черненко, Никита Ралцайцевъ, Спиридонъ Дорофѣевъ, Борисъ Филипповъ, Францъ Орловскій, Андрей Гульчинскій, Андрей Моисеевъ, Семенъ Андреевъ, Гаврилъ Митрофановъ, Ѳедоръ Гавриловъ, Мартынъ Анимкевичъ, Константинъ Кусковъ, Василій Мартыняновъ и Герасимъ Васильевъ.

Глава Шестнадцатая.

Обзоръ театра войны на правомъ флангѣ.— Предположенія о дѣйствіяхъ въ 1860 году.— Усиленіе войскъ праваго крыла.— Сформированіе стрѣлковаго баталіона Апшеронскаго полка и движеніе его на Западный Кавказъ.— Поступленіе баталіона въ составъ Шапсугскаго отряда.— Сосредоточеніе отряда у поста Великолагернаго.— Составъ отряда.— Переправа черезъ Кубань.— Движеніе къ р. Илю.— Дѣйствія Шапсугскаго отряда.— Рубка просѣкъ.— Взятіе аула Кабаница.— Потери при занятіи аула.— Движеніе отряда вверхъ по теченію р. Иля.— Рубка лѣса по р. Убину.— Дѣло 30-го мая.— Результаты дѣйствій Шапсугскаго отряда за апрѣль и май мѣсяцы — Разработка Анапской дороги.— Осмотръ пути на р. Шебшъ.— Переправа черезъ Шебшъ.— Дѣло 7-го іюня.— Атака Апшеронцевъ и Кабардинцевъ.— Потеря отряда и Апшеронцевъ.— Выборъ мѣста для постройки укрѣпленія на Шебшѣ.— Постройка укрѣпленія.— Рекогносцировка къ р. Афипсу.— Постройка Григорьевскаго укрѣпленія.— Мелкія дѣла и перестрѣлки.— Рекогносцировка кавалеріей ущелій Шебша и Безебса.— Окончаніе военныхъ дѣйствій лѣтняго періода.— Обзоръ дѣйствій.— Осеннія дѣйствія.— Движеніе вверхъ по р. Афипсу.— Истребленіе ауловъ и хуторовъ.— Результаты осенникъ военныхъ дѣйствій.— Изъявленіе покорности частью шапсугскаго населенія.— Награды.

На правомъ крылѣ Кавказской линіи всѣ наши усилія направлены были на два театра военныхъ дѣйствій: одинъ обнималъ пространство, заключавшееся между Адагумскою военною линіею, низовьемъ Кубани и сѣверо-восточнымъ берегомъ Чернаго моря, а другой — находился въ нагорной полосѣ, между верховьями рѣкъ Бѣлой и Малой Лабы. Поэтому приходилось дѣйствовать двумя самостоятельными отрядами: одинъ оперировалъ со стороны Чернаго моря, а другой — со стороны Лабинскаго округа.

Опустошительная осенняя экспедиція 1858 года поставила натухайцевъ въ бѣдственное положеніе. Нѣсколько разъ этотъ легкомысленный и измѣнчивый народъ начиналъ переговоры о покорности, не приводившіе къ успѣшному исходу потому, что новыя внушенія изъ Константинополя порождали въ народѣ нелѣпыя надежды и заставляли его отлагать изъявленіе покорности, въ ожиданіи какого либо благопріятнаго переворота въ краѣ или прибытія помощи извнѣ. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что Адагумская военная линія еще не была доведена до такого состоянія, чтобы могла совершенно отдѣлять землю натухайцевъ отъ земли шапсуговъ, чѣмъ послѣдніе и не замедлили воспользоваться: въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда войска были распущены на зимнія стоянки, одинъ изъ предводителей шапсуговъ, Карабатырь-Заноко, съ большимъ скопищемъ вошелъ въ землю натухайцевъ и сталъ грабить и убивать тѣхъ изъ жителей, которые подозрѣвались въ сношеніяхъ съ нами или склоняли народъ къ покорности. Карабатырю-Заноко помогали многіе натухайцы изъ страсти къ хищничеству или по закоренѣлой къ намъ враждѣ. Естественно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, натухайцы могли сдѣлать рѣшительный шагъ къ покорности только въ томъ случаѣ, когда бы ихъ избавили отъ страха разоренія со стороны шапсуговъ; для самостоятельнаго же дѣйствія у этого народа не доставало единства и воли.

Ихъ лучшіе люди были перебиты или переселились къ шапсугамъ; изъ наличныхъ же старшинъ не было ни одного, который бы имѣлъ серьезное вліяніе на народъ. Находясь подъ сильнымъ внѣшнимъ давленіемъ, натухайцы для военныхъ дѣйствій противъ насъ стали дѣлать значительные сборы, приглашая къ участію въ нихъ и убыховъ[1]. Такимъ образомъ этотъ народъ еще разъ рѣшился попытать счастья въ борьбѣ съ Адагумскимъ отрядомъ и, въ случаѣ неудачи, начать переговоры о покорности. Одновременно съ приготовленіями, натухайцы переселялись къ шапсугамъ. Хотя занятіе нашимъ отрядомъ выходовъ изъ Баканскаго и Неберджайскаго ущелій и весьма стѣснило переселеніе, но оказалось, что, на занятомъ пространствѣ Адагумской линіей, у горцевъ имѣлись еще двѣ аробныя дороги чрезъ Неберджай: одна—при входѣ въ тѣснину (въ 13 верстахъ отъ укрѣпленія Крымскаго), а другая шла чрезъ, такъ называемую, Георгіевскую поляну (въ 11 верстахъ отъ укрѣпленія Константиновскаго). Возведя въ этихъ мѣстахъ отдѣльныя укрѣпленія, мы совершенно могли преградить всѣ удобныя пути изъ земли натухайцевъ къ шапсугамъ; постройкою же нѣсколькихъ промежуточныхъ башенъ и блокгаузовъ довершалось полное устройство Адагумской линіи. Въ видахъ ускоренія завоеванія Натухайской земли, предполагалось произвести въ нее усиленную зимнюю экспедицію. Можно было съ увѣренностью разсчитывать, что, съ появленіемъ нашихъ войскъ, изъявленіемъ полной покорности натухайцы не замедлятъ отвратить отъ себя новое, грозящее имъ бѣдствіе.

Для упроченія нашего владычества на пространствѣ между Лабою и Бѣлою, рѣшено было казачьимъ поселеніямъ подвигаться впередъ къ послѣдней рѣкѣ, со стороны существовавшихъ уже поселеній кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Оставлять же туземное населеніе на постоянномъ жительствѣ въ нагорной полосѣ, между Бѣлой и Малой Лабой, было рисковано по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, имѣя впереди себя хотя и покорное, но живущее въ труднодоступной мѣстности, населеніе, мы никогда не могли поручиться за безопасность нашихъ казачьихъ станицъ, возведенныхъ между Кубанью и Лабою, поэтому для ихъ обороны приходилось бы держать тамъ много войска. Во-вторыхъ, съ возведеніемъ, въ 1860 году, предполагаемыхъ двухъ новыхъ станицъ, въ слѣдующемъ, 1861 году, необходимо было перенести казачье населеніе за Большую и Малую Лабу, что могло явиться затруднительнымъ, въ виду близости границъ враждебнаго и, даже въ случаѣ покорности, ненадежнаго туземнаго населенія. Наконецъ, въ-третьихъ, вытѣсняя изъ гористой мѣстности непокорныя племена бесленеевцевъ, махошевцевъ и другихъ, обитавшихъ между Малою Лабою и Бѣлою, мы нисколько не ставили ихъ въ безвыходное положеніе, подобно натухайцамъ, которымъ некуда было дѣваться, а напротивъ—указывали нетолько свободныя для поселенія земли, Высочайше назначенныя для туземцевъ, между Урупомъ и Кубанью, между Кубанью и Тарсомъ, Мокрымъ Зеленчукомъ, но и даже свободныя земли между Лабою и Бѣлою, на сѣверъ отъ прямой дороги, шедшей изъ станицы Лабинской къ Майкопскому укрѣпленію. Въ этихъ мѣстностяхъ вновь покорившіяся племена, поселенныя въ большихъ аулахъ, находились подъ лучшимъ наблюденіемъ и непосредственно въ нашихъ рукахъ.

Такимъ образомъ, хотя существенная цѣль военныхъ дѣйствій со стороны Лабинскаго округа оставалась цѣлостною, но совершенно измѣнялась въ подробностяхъ исполненія. Минувшія осеннія и зимнія дѣйствія Майкопскаго и Лабинскаго отрядовъ, строго говоря, были лишь подробными рекогносцировками до того времени совершенно неизвѣстной намъ страны, заключающейся между Малою Лабой и Бѣлою, выяснившими намъ лучшій способъ, къ которому слѣдовало прибѣгнуть для достиженія предположенной задачи.

[1]) Шапсуги, натухайцы и убыхи — черкесскія племена, обитавшія въ Западномъ Кавказѣ.

Главнымъ средствомъ къ изгнанію непокорныхъ племенъ изъ нагорной полосы представлялось лишеніе горцевъ насущныхъ потребностей жизни, отнятіемъ у нихъ пространствъ, удобныхъ для хлѣбопашества и скотоводства.

Просѣки, сдѣланныя въ 1859 году Майкопскимъ и Лабинскимъ отрядами съ сѣверной стороны полосы лѣсовъ, тянувшихся отъ Майкопа къ Лабинской станицѣ, приблизили насъ ко многимъ полянамъ, на которыхъ горцы имѣли свое хозяйство; но ближайшее знакомство съ краемъ показало, что многочисленныя поляны, находившіяся также въ самой полосѣ лѣсовъ и за ними къ югу, по направленію къ Чернымъ горамъ, представляли многочисленному туземному населенію источники для существованія. Завладѣть этими полянами и не позволить горцамъ сѣять, жать и косить— значило рѣшить задачу, положенную въ основаніе покоренія Западнаго Кавказа.

Само собою разумѣется, что устройство просѣкъ въ извѣстныхъ направленіяхъ, для открытія доступовъ къ ауламъ непокорнаго населенія и къ его полямъ, а также проложеніе удобныхъ операціонныхъ путей служили цѣлью дѣйствій Лабинскаго отряда.

Покореніе восточнаго Кавказа, завершившееся взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, дало возможность отдѣлить значительную часть войскъ для болѣе рѣшительныхъ дѣйствій противъ горцевъ Западнаго Кавказа. По распоряженію главнокомандующаго, князя Барятинскаго, всѣ стрѣлковыя части полковъ: гренадерской, 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій двинуты были на правый флангъ, въ вѣдѣніе командующаго войсками Кубанской области, генералъ-адъютанта графа Евдокимова. Четыре стрѣлковыя роты Апшеронскаго полка составили сводный баталіонъ, численностью въ 700 человѣкъ и, подъ командою маіора Шиманскаго, 9-го февраля 1860 года выступили изъ штабъ-квартиры. 15-го апрѣля баталіонъ прибылъ въ Кубанскую область и вошелъ въ составъ Шапсугскаго отряда, которымъ начальствовалъ генералъ-маіоръ Рудановскій.

Къ 17-му апрѣля войска Шапсугскаго отряда, состоявшаго изъ $20^1/_4$ баталіоновъ пѣхоты, 10 сотенъ кавалеріи и 24 орудій, сосредоточились у Великолагернаго поста, на рѣкѣ Кубани[2]). Въ $2^1/_4$ верстахъ ниже поста избрана была переправа. Съ ранняго утра, 18-го числа, разработывались спуски къ мѣсту переправы, а къ полудню навели уже два парома и войска начали переправу на лѣвый берегъ рѣки Кубани, продолжавшуюся до 20-го апрѣля; одновременно съ этимъ производилась и наводка плашкоутнаго моста, прибывшаго 19-го числа изъ станицы Тифлисской. 20-го апрѣля генералъ Рудановскій съ 2-мя баталіонами, 5-ю сотнями, ракетной командой и съ двумя орудіями произвелъ рекогносцировку мѣстности впереди лагеря, по направленію къ рѣкѣ Илю.

При движеніи нашихъ войскъ, непріятель, занимавшій отдѣльными партіями лѣвый нагорный берегъ Иля, завязалъ-было перестрѣлку, но вскорѣ очистилъ высоты и отступилъ къ лѣсу.

При обратномъ движеніи отряда въ лагерь, хотя горцы снова появились и начали перестрѣлку, но, огнемъ артиллеріи и штуцеровъ, сдерживались на дальнемъ разстояніи.

Во время рекогносцировки у насъ раненъ одинъ казакъ и убито двѣ лошади. 21-го числа войска окончательно переправились на лѣвый берегъ Кубани.

Желая произвести вторую, болѣе подробную рекогносцировку къ рѣкѣ Илю, генералъ Рудановскій послалъ оберъ-квартирмейстера отряда, генеральнаго штаба капитана Комарова, съ колонною изъ 2-хъ баталіоновъ, 4-хъ сотенъ казаковъ и 2-хъ орудій.

---

[2]) Стрѣлковые баталіоны Апшеронскаго, Тенгинскаго, Навагинскаго, Куринскаго, Кабардинскаго и Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ и сводно-стрѣлковые № 1, 2, 3, пять Ставропольскаго и три Кубанскаго пѣхотныхъ полковъ, три резервные и одна рота Кавказскаго сапернаго № 2 баталіона.

Съ приближеніемъ колонны къ лѣвому нагорному берегу, непріятель, занимавшій высоты, началъ быстро сосредоточиваться и открылъ огонь, но артиллерія и стрѣлки очистили высоты, и колонна продолжала движеніе, направляясь къ балкѣ, подъ названіемъ Пхатлямижъ. Нѣсколько разъ капитанъ Комаровъ останавливалъ войска для рытья пробныхъ колодцевъ. Къ 2-мъ часамъ пополудни вода была найдена въ значительномъ количествѣ, окрестная мѣстность осмотрѣна и колонна начала обратное движеніе. Непріятель, собравшійся уже въ значительныхъ силахъ, окружилъ войска со всѣхъ сторонъ и, пользуясь кустарникомъ, завелъ сильную перестрѣлку.

При спускѣ съ высотъ на равнину, конныя и пѣшія партіи горцевъ начали сильно насѣдать на правую и арріергардную цѣпи, но сосредоточенный огонь артиллеріи и стрѣлковъ заставилъ ихъ держаться на почтительномъ разстояніи. Въ 4 часа пополудни значительная конная партія произвела атаку на цѣпи. Подпустивъ всадниковъ на близкое разстояніе, стрѣлки и артиллерія открыли огонь, а казаки бросились въ атаку, — и непріятель обратился въ бѣгство, успѣвъ увезти нѣсколькихъ, сбитыхъ съ лошадей, товарищей. Съ нашей стороны потеря заключалась въ раненыхъ 4-хъ нижнихъ чинахъ и 6-ти казачьихъ лошадяхъ.

На другой день изъ лагеря выступили колонны: въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, дивизіона батарейныхъ орудій и 2-хъ сотенъ казаковъ, подъ командою подполковника Нордштейна, къ балкѣ Пхатлямижъ — для постройки промежуточнаго редута, и генерала Рудановскаго — изъ 2-хъ баталіоновъ, 4-хъ орудій, 3-хъ сотенъ и 4-хъ ракетныхъ станковъ, — для рубки лѣса и другихъ работъ.

Собравшись въ значительныхъ силахъ, непріятель завязывалъ перестрѣлки съ обѣими колоннами.

Того же числа производились работы по устройству плашкоутнаго моста и впереди его тетъ-де-пона.

Въ отрядъ прибыли: Нижегородскій драгунскій полкъ, въ составѣ 6-ти эскадроновъ, и 20 всадниковъ Анапскаго горскаго полуэскадрона.

Ближайшая цѣль Шапсугскаго отряда заключалась въ прочномъ занятіи пункта въ землѣ шапсуговъ, откуда бы онъ могъ распространить свои дѣйствія въ этомъ краѣ. Прежде всего Рудановскій рѣшилъ предпринять движеніе къ аулу Кабаницу. Этотъ огромный аулъ, расположенный въ верхнемъ теченіи рѣки Иля, имѣлъ очень много жителей и находился въ центрѣ самаго густаго населенія. Нѣсколько выше его, параллельно хребту, пролегала торговая дорога, представлявшая возможность, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій, устроить сообщеніе съ Адагумскимъ отрядомъ, а на востокъ — съ верхнимъ теченіемъ рѣкъ Убина, Пшебса и Псекупса.

24-го апрѣля Шапсугскій отрядъ открылъ свои дѣйствія. 7-мь баталіоновъ пѣхоты, 3 сотни кавказскаго линейнаго казачьяго войска, дивизіонъ батарейныхъ и взводъ облегченныхъ орудій, подъ начальствомъ полковника Левашева, оставлены были на лѣвомъ берегу Кубани, для принятія и конвоированія транспорта съ провіантомъ.

Остальныя войска выступили на рѣку Илю двумя эшелонами: первый, подъ начальствомъ подполковника Тришатнаго, состоялъ изъ трехъ сотенъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, шести орудій, роты черноморскихъ пластуновъ и роты саперъ; во второмъ эшелонѣ — подполковника Юргенсона — находилось 4 баталіона пѣхоты, 2 сотни, 8 ракетныхъ станковъ, 4 орудія и обозъ обоихъ эшелоновъ [3].

3) Въ составъ этой колонны поступилъ и стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка.

Непріятель небольшими партіями слѣдилъ за движеніемъ отряда; постепенно стягиваясь въ балку и на курганы, покрытые лѣсомъ, онъ отсюда завязалъ съ нами перестрѣлку. Кабардинскій стрѣлковый баталіонъ, выдвинувшись въ лѣвую цѣпь, отбросилъ толпы горцевъ. Вслѣдъ затѣмъ стрѣлковый баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка также прогналъ нѣкоторыя толпы, засѣвшія въ лѣсу вправо отъ нашихъ войскъ.

Дальнѣйшее слѣдованіе къ рѣкѣ Илю происходило безъ выстрѣла; горцы сосредоточились на лѣвомъ берегу рѣки, съ цѣлью препятствовать переправѣ войскъ. Чтобы очистить отъ непріятеля лѣвый берегъ, генералъ Рудановскій двинулъ противъ горцевъ баталіонъ Шиманскаго. Апшеронцы, бѣгомъ занявъ этотъ берегъ, штыками выбили горцевъ изъ закрытій и заставили ихъ совершенно разсѣяться. Вслѣдъ затѣмъ отрядъ расположился лагеремъ на обоихъ берегахъ рѣки и приступилъ къ разработкѣ спусковъ и подъемовъ и къ устройству моста.

На другой день, генералъ-маіоръ Рудановскій, взявъ 3 баталіона (въ томъ числѣ Апшеронскій), роту черноморскихъ пластуновъ, 4 сотни и 4 орудія, осматривалъ мѣстность между рѣками Илемъ и Афипсомъ, причемъ непріятель нѣсколько разъ завязывалъ сильную перестрѣлку.

26-го апрѣля вырубленъ былъ лѣсъ и разработана дорога по направленію къ редуту, у балки Пхатлямижъ, гдѣ 24-го числа горцы пытались насъ задержать.

Оставленная на Кубани колонна полковника Левашева, дождавшись транспорта съ провіантомъ въ 1.300 повозокъ, присоединилась къ отряду.

27-го числа, отрядъ, лѣвымъ берегомъ рѣки Иля, двинулся къ аулу Кабаницу; войска шли тремя колоннами: въ 1-й, подъ личнымъ начальствомъ генерала Рудановскаго, находилось 7 баталіоновъ, рота черноморскихъ пластуновъ, 4 сотни конницы, 8 орудій и 4 ракетныхъ станка [4]; во 2-й, полковника Левашева — 9 баталіоновъ, рота саперъ, 8 орудій, весь обозъ отряда и транспортъ съ провіантомъ [5]; 3-я колонна, подъ начальствомъ полковника Вельяшева, состояла изъ 6-ти эскадроновъ драгунъ, 4-хъ сотенъ казаковъ, 4-хъ орудій и 4-хъ ракетныхъ станковъ [6]. Послѣдняя колонна назначалась для прикрытія движенія 2-го эшелона и слѣдовала нѣсколько правѣе, но на одной съ нимъ высотѣ.

Пройдя четыре версты по густому лѣсу, прикрывавшему Кабаницъ, всѣ три колонны, къ часу пополудни, стянулись на поляну передъ ауломъ.

Непріятель все время слѣдилъ за движеніемъ войскъ, завязывалъ въ лѣсу перестрѣлки со всѣми тремя колоннами, но сосредоточенный огонь стрѣлковыхъ цѣпей заставлялъ горцевъ отступать, и они постепенно стягивались къ аулу. Кабаницъ лежалъ на обоихъ берегахъ Иля, раскинувшись въ густомъ лѣсу болѣе чѣмъ на 3 версты вверхъ по рѣкѣ, и состоялъ изъ нѣсколькихъ, одинъ возлѣ другаго расположенныхъ ауловъ.

Не находя возможнымъ сразу занять весь аулъ, генералъ-маіоръ Рудановскій рѣшилъ ограничиться пока взятіемъ какой либо его части, и для штурма назначилъ 7 баталіоновъ. Войска построились въ двѣ линіи: въ первой — находились стрѣлковые баталіоны Апшеронскаго, Куринскаго и Кабардинскаго полковъ, а во второй — 3 баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка. Стрѣлковый баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка назначался для

---

4) Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій, Кабардинскій, Куринскій и Дагестанскій и 3 баталіона Кубанскаго полка; 4 сотни линейныхъ казаковъ и по дивизіону № 3 — батареи 19-й артиллерійской бригады и конно-казачей № 13 батареи.

5) 5 баталіоновъ Ставропольскаго и 6-й резервный Кубанскаго пѣхотнаго полковъ, сводно-стрѣлковые баталіоны № 1-й, 2-й и 3-й, дивизіоны № 3 батареи 19-й и облегченной № 2 батареи 20-й артиллерійскихъ бригадъ.

6) Въ полномъ составѣ Нижегородскій драгунскій полкъ, сотня 1-й и три 4-й бригады линейнаго казачьяго войска и дивизіонъ конно-казачьей № 13 батареи.

усиленія праваго фланга штурмующихъ колоннъ, гдѣ непріятель собрался въ значительныхъ силахъ. Двѣ батареи открыли канонаду по атакуемой части аула, въ который вслѣдъ затѣмъ баталіоны бросились бѣгомъ и, овладѣвъ частью его, предали огню расположенныя здѣсь сакли.

Выбитые изъ передняго аула, толпы горцевъ сосредоточились въ слѣдующемъ и открыли сильный огонь по нашимъ войскамъ, но вскорѣ затѣмъ прекратили стрѣльбу и скрылись изъ виду. Въ 5 часовъ пополудни, отрядъ расположился лагеремъ въ передней части Кабаница и на полянѣ, прилегавшей къ аулу. Для обезпеченія же мѣста лагерной стоянки, по приказанію генерала Рудановскаго, изъ вырубленнаго лѣса немедленно были устроены два редута.

На слѣдующій день войска занимались рубкою лѣса вблизи лагеря, разработкою въ нѣсколькихъ мѣстахъ переправъ черезъ рѣку Иль, фуражировкою и складомъ провіанта.

Огромныя толпы горцевъ скрывались въ лѣсу, ожидая дальнѣйшихъ наступленій отряда; непріятельскіе стрѣлки засѣли въ ближайшей опушкѣ и открыли ружейный огонь. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безплоднаго ожиданія, непріятель скрылся.

Въ ночь на 29-е апрѣля, охотники отъ роты Черноморскихъ пластуновъ сдѣлали поискъ въ незанятыя еще нами части аула и успѣли зажечь ближайшія къ лагерному расположенію сакли, откуда горцы тревожили выстрѣлами лагерь.

29-го апрѣля, полковникъ Левашевъ, съ колонною изъ 4-хъ баталіоновъ, 6-ти орудій, 2-хъ дивизіоновъ драгунъ и 3-хъ сотенъ [7], отправился прямою дорогою съ праваго берега рѣки Иля на Кубань, прикрывая транспортъ съ повозками, привозившими провіантъ. На другой день Левашевъ возвратился съ Кубани, приведя съ собою транспортъ съ зарядами и патронами.

Вмѣстѣ съ колонной прибыли въ отрядъ стрѣлковый баталіонъ Навагинскаго полка и взводъ батарейной № 4 батареи 20-й артиллерійской бригады.

Въ продолженіи недѣли въ дѣлахъ съ непріятелемъ отрядъ потерялъ: убитыми 4 нижнихъ чина, ранено же 3 оберъ-офицера и 28 нижнихъ чиновъ.

Въ ночь на 1-е мая горцы стрѣляли по лагерю изъ орудій, но огонь ихъ не нанесъ намъ никакого вреда. Непріятель занималъ крайнія сакли Кабаница и съ большою поспѣшностью возводилъ завалы въ лѣсу, вверхъ по теченію рѣки Иля.

Чтобы выбить горцевъ изъ аула и для дальнѣйшаго наступленія въ глубь страны, образована была особая колонна, подъ командою полковника Левашева, составленная изъ 7-ми баталіоновъ пѣхоты, 6-ти орудій и одной сотни казаковъ.

За полчаса до выступленія, изъ состава колонны выдѣлились одинъ баталіонъ, два орудія и сотня казаковъ, которые, отправясь по правому берегу рѣки Иля, должны были обойти непріятеля справа, въ то время какъ остальныя части пойдутъ противъ него съ фронта.

Обходное движеніе вполнѣ достигло своей цѣли: непріятель, атакованный одновременно въ тылъ и съ фронта, бросилъ лѣсъ и часть аула. По занятіи этого пространства, приступлено было къ рубкѣ лѣса, уничтоженію сакель и проложенію удобной дороги.

Однако, едва только прекратили преслѣдованіе, какъ горцы, несмотря на нашу довольно выгодную позицію, искусно пользуясь всѣми закрытіями мѣстности, завязали съ цѣпями сильную перестрѣлку.

---

7) Стрѣлковые баталіоны Апшеронскаго и Дагестанскаго полковъ, сводно-стрѣлковый № 1 баталіонъ, 2 Ставропольскаго пѣх. полка, 3 три роты 1-й бригады Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, дивизіонъ конныхъ и взводъ батарейныхъ орудій.

Къ полудню всѣ сакли въ занятой части аула были сожжены, лѣсъ вырубленъ, и, безъ замедленія, въ центрѣ аула устроенъ изъ засѣки редутъ, для помѣщенія одного баталіона и двухъ орудій. Къ тому же времени непріятельскій огонь прекратился и колонна возвратилась въ лагерь безъ перестрѣлки, съ отбитымъ у горцевъ орудіемъ. Съ нашей стороны убито: нижнихъ чиновъ 4, ранены — 1 оберъ-офицеръ и 8 нижнихъ чиновъ; лошадей убито 2, ранено 1.

4-го мая, вышедшая на работу, колонна, подъ начальствомъ подполковника Папчинскаго (4 баталіона, въ числѣ ихъ и Апшеронскій, 2 орудія и одна сотня), окончила рубку лѣса.

На другой день генералъ Рудановскій произвелъ движеніе вверхъ по обоимъ берегамъ рѣки Иля; войска выступили двумя колоннами: одна направилась по лѣвому берегу рѣки (7 баталіоновъ, взводъ саперъ, 8 орудій, 4 ракетныхъ станка, два дивизіона драгунъ и три сотни казаковъ)[8], а флигель-адъютантъ полковникъ Чертковъ, со второю колонною, пошелъ по правому берегу (4 1/2 баталіона, 4 орудія и 2 сотни казаковъ).

Обогнувъ Кабаницъ, обѣ колонны соединились въ 2-хъ верстахъ выше аула, на дорогѣ, шедшей отъ Анапы вдоль хребта (Анапа-Гогъ). Здѣсь начальникъ отряда избралъ мѣсто для возведенія укрѣпленія. Непріятель нигдѣ не показывался и только одиночные люди слѣдили за движеніемъ колоннъ.

Въ 4 часа пополудни войска начали обратное движеніе въ лагерь. Слѣдуя обоими берегами рѣки Иля, по дорогамъ, пролегавшимъ чрезъ аулъ, они сожгли остававшіяся еще въ цѣлости строенія.

Казаки изъ колонны полковника Черткова, во время наступательнаго движенія, отбили 76 штукъ скота.

6-го мая Рудановскій рѣшилъ приступить къ рубкѣ просѣки на правомъ берегу рѣки, къ мѣсту, гдѣ предполагалось возвести укрѣпленіе.

8-го мая работы по рубкѣ лѣса и устройству дороги отъ лагеря вверхъ, по правому берегу рѣки Иля, приведены къ окончанію. Того же числа подполковникъ Гейманъ съ 3-мя баталіонами произвелъ фуражировку[9].

Непріятель въ значительныхъ силахъ, встрѣтивъ колонну Геймана, завязалъ съ ней сильную перестрѣлку, но огонь артиллеріи и стрѣлковъ не позволялъ горцамъ приближаться, и войска возвратились въ лагерь безъ потери.

Окончаніе работъ позволило генералу Рудановскому направиться съ отрядомъ вверхъ по теченію рѣки Иля, въ глубь страны. 9-го числа главныя силы отряда (14 баталіоновъ, рота саперъ, 18 орудій, 2 дивизіона драгунъ, 5 сотенъ казаковъ, ракетная команда и рота Черноморскихъ пластуновъ)[10] двинулись къ ущелью рѣки.

Поднявшись на лѣсистыя возвышенія праваго берега, войска заняли аулъ Емпсихіако и того же названія оврагъ, лѣвый берегъ котораго командовалъ долиною рѣки. Непріятель, не отстаивая лѣсистаго входа въ ущелье, стянулся къ ауламъ, расположеннымъ въ самой тѣснинѣ, съ цѣлью защищать ихъ; передовыя войска отбросили горцевъ въ глубину ущелья. Начавшійся въ 11 часовъ утра проливной дождь продолжался, съ небольшими промежутками, болѣе сутокъ и заставилъ насъ ограничиться работами по укрѣпленію лагеря, въ ка-

---

[8] Стрѣлковые баталіоны Апшеронскаго, Дагестанскаго и Навагинскаго, 3 баталіона Ставропольскаго п. полковъ и сводно-стрѣлковый баталіонъ, 3 сотни, дивизіоны: батарейной № 3 батареи 19-й артиллерійской бригады и конно-казачьей № 13 батареи.

[9] Баталіоны Апшеронскаго и Кабардинскаго полковъ, баталіонъ Ставропольскаго полка, 3 сотни казаковъ, взводъ конно-казачьей № 13 и дивизіонъ № 2 батареи 20-й артиллерійской бригады.

[10] Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскаго, Навагинскаго, Куринскаго и Кабардинскаго полковъ и сводно-стрѣлковые баталіоны № 1-й, 2-й и 3-й, по 3 баталіона Ставропольскаго и Кубанскаго полковъ, 6-й резервный лейбъ-эриванскій, два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, 3 сотни казаковъ, 3-я батарея 19-й артиллерійской бригады, конно-казачья № 13 батарея и взводъ 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады.

кихъ занятіяхъ прошли 10-е и 11-е мая; за это время стянулись обозы, артиллерійскіе и провіантскіе запасы; лагерь обнесенъ былъ засѣками, и войска прочно утвердились на высотахъ, командующихъ ущельемъ.

Слѣдующіе два дня отрядъ оставался на мѣстѣ: разрабатывались подъемы и спуски дороги на сообщеніи обоихъ береговъ, строились передовые редуты, временный пороховой погребъ, запруды и пекарни.

Особая колонна, подъ начальствомъ подполковника Геймана, производила очистку мѣстности у передоваго редута и сожгла впереди лежавшій аулъ.

Въ эти дни непріятель произвелъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ весьма дальняго разстоянія.

Между тѣмъ, подполковникъ Нордштейнъ, стоявшій съ колонною у балки Пхатлямижъ, оставивъ устроенный тамъ редутъ, перешелъ на позицію у Кабаница, а 14-го числа прибылъ въ главный лагерь. Такимъ образомъ, у Емпсихіяко сосредоточился весь Шапсугскій отрядъ и здѣсь заложено укрѣпленіе на одинъ баталіонъ.

Съ 16-го мая войска приступили къ постройкѣ укрѣпленія и продолжали рубку просѣки, шириною до одной версты; съ одной стороны просѣка подходила къ рѣкѣ Убину, а съ другой — къ рѣкѣ Афипсу.

Одновременнно съ капитальными работами и расходомъ войскъ для сопровожденія транспортовъ, постоянно посылались охотничьи команды въ непріятельскія мѣстности для сжиганія ауловъ и устройства засадъ. Удачные набѣги охотниковъ, заставляя горцевъ считать себя не въ безопасности даже и въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ, въ то же время совершенно обезпечивали отъ тревогъ и лагерь и рабочихъ.

Со времени прибытія отряда къ послѣдней стоянкѣ потеря его была весьма незначительна: ранены 2 оберъ-офицера и 9 нижнихъ чиновъ.

18-го мая генералъ-маіоръ Рудановскій выступилъ съ отрядомъ для рубки лѣса на обоихъ берегахъ рѣки Убина.

Горцы, пользуясь высотами праваго берега, весьма густымъ лѣсомъ и разбросанными въ немъ аулами, защищали пространство, избранное для просѣки; но вскорѣ тѣ и другіе были взяты съ боя и уничтожены.

Спустя три дня окончили просѣку къ рѣкѣ Афипсу, имѣвшую въ длину 4 версты.

Всѣ попытки непріятеля вредить работамъ не увѣнчались успѣхомъ, и войска неутомимо продолжали свое дѣло, ограждая себя со всѣхъ сторонъ густою цѣпью, принимавшей на себя всѣ натиски горцевъ.

30-го мая для рубки лѣса выступила колонна, подъ начальствомъ подполковника Черепанова. Придя на мѣсто, Черепановъ выставилъ цѣпь изъ 6 ротъ [11]).

Не успѣли войска приняться за работу, какъ многочисленныя толпы непріятеля, безъ выстрѣла, бросились въ шашки на авангардную и правую цѣпи. Подполковники графъ Гауке и Гейманъ, съ Апшеронцами и Кабардинцами, принявъ горцевъ въ штыки, отбили ихъ и преслѣдовали ружейнымъ огнемъ. Въ то же время дивизіонъ драгунъ Нижегородскаго полка атаковалъ непріятельскія толпы во флангъ и отбросилъ ихъ въ глубь лѣса.

Послѣ того горцы еще нѣсколько разъ бросались въ шашки на наши цѣпи, но были постоянно отбиваемы съ большимъ урономъ. Во время этихъ, весьма жаркихъ схватокъ въ колоннѣ ранены одинъ оберъ-офицеръ и 11 нижнихъ чиновъ.

Рядъ блистательныхъ дѣйствій Шапсугскаго отряда положилъ начало прочному утверж-

11) Стрѣлковыя роты: 1-я и 2-я Апшеронскаго, двѣ Навагинскаго, 1 Кабардинскаго, 1 Ставропольскаго полковъ и команда охотниковъ Кабардинскаго полка.

денію русскихъ въ непріятельской землѣ; работы по постройкѣ укрѣпленія продолжались успѣшно, а прокладка пути по бывшей Анапской дорогѣ, черезъ верстовую просѣку, обезпечивала движеніе нашихъ войскъ во всякое время года. Можно было безошибочно утверждать, что пройденное отрядомъ пространство непріятель потерялъ безвозвратно.

Одновременно съ усиленными работами, направленными къ прямой цѣли, — овладѣнію плоскостью, неутомимо велась и малая война. Съ 24-го мая по 1-е іюня разорено и совершенно уничтожено до 30 непріятельскихъ ауловъ, теченіе Убина и большая часть пространства между нимъ и Афипсомъ очищены отъ непріятельскихъ жилищъ.

Съ 1-го іюня войска производили рубку лѣса и разработку дороги по направленію къ рѣкѣ Афипсу.

Въ продолженіи 12-ти дней устроена была дорога и просѣка на протяженіи 11-ти верстъ; она проходила черезъ шесть балокъ, покрытыхъ густымъ строевымъ лѣсомъ. Дальнѣйшее направленіе дороги, черезъ рѣки Афипсъ и Шебшъ на правый берегъ послѣдней, къ урочищу Сатерикъ, — хотя и представляло большія затрудненія для движенія, но за то не менѣе важныя выгоды пріобрѣталъ отрядъ, который, согласно предположеніямъ, долженъ былъ прочно утвердиться на правомъ берегу рѣки Шебша, а именно: слѣдуя по этому кратчайшему пути, онъ избѣгалъ необходимости движенія черезъ Кубань, вслѣдствіе чего выигрывалось много времени.

Вотъ почему генералъ-маіоръ Рудановскій рѣшился двинуться разработанною отрядомъ дорогою. 4-го іюня войска отдыхали и готовились къ движенію съ полнымъ обозомъ и съ 16-ти дневнымъ запасомъ сухарей.

Того же числа, къ 9-ти часамъ вечера, прибыла изъ Емпсихіако на Насъ-Шукъ колонна подполковника Есакова, приведя съ собою транспортъ съ различными запасами.

Въ 2 часа пополуночи, 5-го іюня, отрядъ снялся съ позиціи. Колонна подполковника Есакова двинулась впередъ и заняла въ 5-ти верстахъ отъ лагеря гребни глубокихъ балокъ Камелюкъ и Пшехако.

Подъ прикрытіемъ этой колонны, отрядъ весьма быстро стянулся на поляну между балками Пшехако и 1-я Хагезукъ; продолжая движеніе черезъ балки 2-ю и 3-ю Хагезукъ, войска къ 8-ми часамъ утра стали въ боевомъ порядкѣ между балками 3-ею и 4-ою Хагезукъ, уничтоживъ на пути два завала, построенные горцами на нашей просѣкѣ.

Какъ только главныя силы миновали балки и скрылись изъ виду, — колонна Есакова возвратилась въ лагерь на Емпсихіако.

За 4-ою балкою Хагезукъ, по Анапской дорогѣ къ рѣкѣ Афипсу, непріятельскія толпы приготовились къ оборонѣ, устроили завалы въ лѣсу и укрѣпили аулъ. Считая безполезнымъ завязывать дѣло, генералъ Рудановскій рѣшилъ избрать для наступленія другую, болѣе открытую дорогу. Давъ войскамъ небольшой отдыхъ, онъ поручилъ отрядному оберъ-квартирмейстеру, капитану Комарову, съ однимъ баталіономъ, дивизіономъ драгунъ и сотнею казаковъ, осмотрѣть дорогу на Афипсъ, между 3-ею и 4-ою балками Хагезукъ, самое теченіе рѣки и избрать пунктъ для переправы.

Рекогносцировка показала возможность движенія къ рѣкѣ безъ всякихъ предварительныхъ работъ; переправа же черезъ Афипсъ хотя и требовала большихъ усилій, но все-таки представлялась возможною.

Въ 10 часовъ утра отрядъ, повернувъ налѣво, занялъ позицію на обоихъ берегахъ Афипса.

Въ полдень войска приступили къ устройству переправы. Работы, безостановочно продолжавшіяся 19 часовъ, закончились срытіемъ крутыхъ береговъ Афипса и затѣмъ наводкою моста черезъ эту, чрезвычайно быструю и имѣющую топкое дно, рѣку.

На другой день, отрядъ переправился на правый берегъ, оставивъ на лѣвомъ — два баталіона и одну сотню, въ видѣ аріергарда.

Ночью съ 6-го на 7-е число, генералъ Рудановскій, осмотрѣвъ путь къ р. Шебшу, обнаружилъ, что мѣстность вездѣ представлялась удобной для слѣдованія, хотя и была покрыта густымъ терновникомъ. Въ 3 часа утра, отрядъ двинулся прямо къ р. Шебшу, на переправу противъ бывшаго укрѣпленія Ивано-Шебскаго. Войска подвигались впередъ безъ выстрѣла, разрабатывая дорогу. Въ 5 часовъ всѣ части, съ обозомъ, стянулись къ переправѣ. Непріятель, занимавшій правый, почти отвѣсный, берегъ Шебша, открылъ огонь. 2 баталіона и черноморскіе пластуны, слѣдовавшіе въ авангардѣ колонны, подъ командою полковника Горшкова, направлены были для занятія праваго берега; въ то же время туда пошли и два стрѣлковые баталіона, находившіеся въ головѣ правой и лѣвой цѣпей.

Послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ, всѣ эти части произвели общую атаку и, несмотря на сильный огонь горцевъ, взобрались на правый берегъ, сбили непріятеля и опрокинули въ лѣсъ; вскорѣ перестрѣлка затихла. Вслѣдъ затѣмъ генералъ-маіоръ Рудановскій перевелъ на правый берегъ стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго и линейный баталіонъ Ставропольскаго полковъ, поставилъ ихъ въ цѣпь и приступилъ къ разработкѣ подъемовъ и спусковъ, по окончаніи которой орудія переправлены были на канатахъ.

Непріятель, отброшенный въ лѣсъ, видимо ожидалъ новыхъ подкрѣпленій, что подтверждалось частымъ гиканьемъ горцевъ, раздававшимся на весьма большомъ разстояніи.

Предположеніе это не замедлило оправдаться: не прошло и часа, какъ на правомъ флангѣ, гдѣ баталіонъ Кабардинскаго полка занималъ цѣпью часть лѣса, разгорѣлась весьма сильная перестрѣлка, вслѣдъ затѣмъ распространившаяся по всей линіи. Горцы большими толпами стали выдвигаться изъ лѣсной опушки, но сосредоточенный огонь отъ переправленныхъ уже 4-хъ орудій принудилъ непріятеля отойти и ограничиться огнемъ изъ лѣса.

Найдя полезнымъ отбросить непріятеля отъ ближайшей къ расположенію опушки, генералъ Рудановскій поручилъ начальнику правой цѣпи[12]), подполковнику Гейману, продвинуться нѣсколько впередъ, въ глубь лѣса, оттѣснить горцевъ и, занявъ выгодную позицію, обезпечить бивуачное расположеніе отряда.

Получивъ приказаніе, Гейманъ послалъ впередъ Апшеронскій и Кабардинскій баталіоны, въ резервъ которыхъ изъ главныхъ силъ отдѣлено было 6 ротъ и охотничья команда Кубанскаго полка.

Опередивъ взводъ орудій, поставленный противъ опушки, Апшеронцы и Кабардинцы бросились въ лѣсъ, выбили горцевъ изъ заваловъ и, такимъ образомъ, заставили ихъ сражаться при болѣе равныхъ условіяхъ. Артиллерія наша, имѣя впереди себя пѣхоту, пріостановила огонь. Сбитый со всѣхъ пунктовъ стрѣлками, непріятель съ ожесточеніемъ отстаивалъ тѣла своихъ убитыхъ; толпы черкесовъ нѣсколько разъ бросались въ шашки, но, истощивъ всѣ усилія, принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Оставленныя на мѣстѣ 50 тѣлъ свидѣтельствовали о полномъ пораженіи противника.

Въ то время, какъ кипѣлъ бой въ лѣсу, главныя силы продолжали переправляться вбродъ на правый берегъ рѣки, разработывали спускъ и подъемъ для движенія обоза, и устраивали на обоихъ берегахъ редуты изъ срубленныхъ деревьевъ.

Къ 10 часамъ утра редуты были готовы и часть лѣса вырублена, чѣмъ вполнѣ обезпечилось мѣсто переправы. Генералъ Рудановскій послалъ приказаніе Гейману, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня и цѣпей, вывести войска изъ лѣсу. Обратное движеніе послужило

---

[12]) Въ этой цѣпи находились стрѣлковые баталіоны Апшеронскаго и Кабардинскаго полковъ, линейный баталіонъ Кубанскаго и 2 роты Ставропольскаго пѣхотныхъ полковъ и 1/2 сотни казаковъ.

для горцевъ новымъ поводомъ къ бою: они съ яростью устремились на выходившія изъ лѣсу части, неоднократно бросались въ шашки и вновь несли большую потерю.

Къ полудню отрядъ расположился лагеремъ на обоихъ берегахъ рѣки, и перестрѣлка по всей линіи затихла.

7-го іюня войска потеряли убитыми одного оберъ-офицера и 7 нижнихъ чиновъ; ранено: 4 оберъ-офицера и 27 нижнихъ чиновъ; лошадей убито 2 и ранено 4.

Въ Апшеронскомъ баталіонѣ раненъ *капитанъ Китаевскій* и 8 нижнихъ чиновъ.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ и горцевъ, пріѣзжавшихъ за тѣлами, сборъ непріятеля былъ весьма значителенъ. Все народонаселеніе рѣкъ Шебша и Афипса участвовало въ дѣлѣ и потеряло болѣе 60 человѣкъ убитыми и ранеными. Скопища съ рѣкъ Джуба, Шапсухо и Сукъ съ ея притоками, сражавшіяся съ нашими войсками, также понесли большую потерю.

Несмотря на постоянныя усиленныя работы, войска были бодры, и больныхъ въ отрядѣ, кромѣ раненыхъ, къ 8-му числу состояло всего только 22 человѣка.

Утвердивъ за собою берега рѣки Шебша, генералъ Рудановскій принялся за устройство лагерной стоянки. 8-го іюня Апшеронцы, войдя въ составъ колонны, подъ командою подполковника Папчинскаго, отправились на р. Кубань, для открытія съ нею сообщенія.

13-го числа произведенъ былъ осмотръ мѣстности на 6 верстъ вверхъ по лѣвой сторонѣ р. Шебша, а на урочищѣ Ханмезыкѣ выбрано мѣсто для постройки укрѣпленія.

Значительная непріятельская партія, слѣдуя правымъ берегомъ рѣки, въ продолженіи всего движенія войскъ, вела горячую перестрѣлку съ нашею лѣвою цѣпью, а при обратномъ движеніи — съ аріергардомъ.

Потеря отряда заключалась въ одномъ оберъ-офицерѣ и 2 нижнихъ чинахъ ранеными.

18-го іюня отрядъ приступилъ къ заготовленію на зиму 6-ти-мѣсячнаго запаса сѣна.

Кромѣ того, явилась необходимость построить постоянный мостъ черезъ р. Шебшъ и для его прикрытія возвести мостовое укрѣпленіе на одну роту, чѣмъ обезпечивалось сообщеніе съ линіею, а отрядъ получалъ большую свободу въ дѣйствіяхъ, при дальнѣйшемъ движеніи.

Служба войскъ отряда заключалась въ ежедневномъ конвоированіи фуражировъ къ мѣсту покоса и обратно, для чего назначались колонны отъ 2-хъ до 3-хъ баталіоновъ съ кавалеріею, при 2-хъ орудіяхъ. При каждомъ движеніи, колонны имѣли съ горцами по большей части незначительныя перестрѣлки.

Наконецъ, 16-го іюля, работы по устройству мостоваго укрѣпленія и моста чрезъ рѣку Шебшъ были закончены, а вмѣстѣ съ тѣмъ заготовлено и 500 тысячъ пудовъ сѣна.

Оставивъ у Шебшскаго укрѣпленія, для прикрытія сѣнника, 3 баталіона пѣхоты[13], при 2-хъ орудіяхъ и полусотнѣ казаковъ, генералъ Рудановскій въ тотъ-же день перевелъ остальныя войска вверхъ, по лѣвому берегу рѣки Шебша, на урочище Хапсиль, гдѣ и расположилъ ихъ лагеремъ. Непріятель велъ перестрѣлку съ передовыми частями, при движеніи ихъ на новую позицію и при фуражировкѣ, произведенной того же числа.

Занявъ урочище Хапсиль, Шапсугскій отрядъ на другой день приступилъ къ устройству лагеря и рубкѣ лѣса вблизи своего расположенія.

Для окончательной перевозки всѣхъ тяжестей, 17 и 18 числъ посылались колонны къ укрѣпленію Шебшскому и, въ то же время, назначались войсковыя части для разработки дорогъ къ Шебшскому и для открытія сообщенія между обоими берегами р. Шебша на мѣстѣ

[13]) Въ томъ числѣ Апшеронскій баталіонъ.

лагеря. Послѣднія изъ этихъ работъ, вслѣдствіе крутости высокихъ береговъ, потребовали весьма большихъ трудовъ.

Съ 18-го по 22-е число двѣ колонны ходили на Кубань: одна — для конвоированія оттуда транспорта съ провіантомъ, а другая—для обратнаго доставленія транспорта на линію. Одновременно съ этимъ движеніемъ, къ отряду присоединился, по частямъ, стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка, остававшійся у Шебшскаго укрѣпленія.

21-го іюля, генералъ-маіоръ Рудановскій, съ колонной изъ 6-ти баталіоновъ (въ числѣ ихъ Апшеронскій), 4-хъ орудій и 2-хъ сотенъ, произвелъ рекогносцировку Анапской дороги, по направленію къ р. Афипсу, съ цѣлью открыть сообщеніе съ просѣкою, устроенною отъ Ильскаго укрѣпленія. При движеніи по весьма густому лѣсу, тянувшемуся полосою по правому берегу р. Афипса, горцы завели съ нами перестрѣлку, что не помѣшало войскамъ очистить дорогу на 25 саженъ въ обѣ стороны. Къ полудню непріятель отступилъ на лѣвый берегъ р. Афипса, а войска возвратились въ лагерь безъ потерь.

22-го числа на лѣвомъ берегу р. Шебша заложено укрѣпленіе Григорьевское и въ тотъ-же день приступлено къ доставкѣ необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ.

На другой день, не останавливая начатыхъ работъ, генералъ Рудановскій, съ 3 ½ баталіонами, дивизіономъ драгунъ и 2-мя сотнями казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, двинулся вверхъ по лѣвому берегу р. Шебша, чтобы освѣтить впередилежащую мѣстность и уничтожить ближайшіе непріятельскіе аулы, жители которыхъ, убирая поля въ виду отряда, безпокоили наше лагерное расположеніе. Пройдя 3 ½ версты, колонна на разсвѣтѣ подошла къ ауламъ Этогуако, расположеннымъ на весьма пересѣченной мѣстности, въ густыхъ садахъ. Выбивъ горцевъ изъ двухъ крайнихъ ауловъ, отрядъ занялъ позицію на гребнѣ глубокой балки, раздѣлявшей аулы и доходившей до самой рѣки. Взятые аулы немедленно сожжены, а большіе запасы только-что собраннаго хлѣба уничтожены.

При отступленіи, непріятель съ ожесточеніемъ насѣдалъ на аріергадъ, но понесъ большую потерю. Перестрѣлка прекратилась только близъ самаго лагеря.

Нашъ уронъ заключался въ одномъ убитомъ и 7 раненыхъ рядовыхъ.

Наступленіе лѣтней жары стало быстро отражаться на войскахъ: появились лихорадка и дезентерія, и, уже къ концу іюля, въ лазаретѣ лежало 402 человѣка больныхъ.

Съ 25-го іюля по 8-е августа войска трудились надъ возведеніемъ укрѣпленія Григорьевскаго и производили фуражировки въ окрестностяхъ лагеря, сопровождаемыя всегда перестрѣлками.

Производимые отъ времени до времени поиски подтверждали прежнія свѣдѣнія о томъ, что жители отправляютъ свои семейства въ глубь горъ; изъ ближайшихъ къ намъ ауловъ они вывозили собранный хлѣбъ, обмолачиваньемъ котораго въ августѣ занималось все населеніе.

Чтобы отбросить непріятеля отъ круга дѣйствій Шапсугскаго отряда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить собранные съ полей запасы, начальникъ отряда, на разсвѣтѣ, 7-го августа, двинулся съ частію войскъ вверхъ по правому берегу р. Афипса, уничтожилъ аулъ Схунукоякъ, имѣвшій до 1000 сакель и расположенный въ весьма пересѣченной мѣстности по гребню горы, раздѣляющей теченіе рѣкъ Афипса и Шебша.

При взятіи аула, войскамъ досталось 19 штукъ рогатаго скота, оружіе и разное хозяйство жителей.

Наша потеря состояла изъ раненыхъ 5-ти нижнихъ чиновъ и 5-ти лошадей; непріятель, сверхъ оставленныхъ въ рукахъ нашихъ 2 тѣлъ, понесъ значительную потерю при взятіи аула и при обратномъ слѣдованіи колонны въ лагерь.

Кромѣ земляныхъ работъ, войска устраивали: временный пороховой погребъ, цейхгаузы,

мастерскія, кузницу, кирпичный сарай, обжигательныя печи и выдѣлывали сырецъ. Для капонировъ платформъ и другихъ построекъ вывезено 1.800 крупныхъ бревенъ, длиною отъ 2-хъ до 3-хъ саженъ.

Внутри укрѣпленія устраивались казармы и другія помѣщенія для гарнизона.

Часть лагеря, примыкавшая съ одной стороны къ р. Шебшу, а съ другой — къ укрѣпленію, обнесена двойнымъ, набитымъ землею плетнемъ, вышиною въ 7 футовъ, съ двумя земляными батареями, барбеты которыхъ уже были готовы и выводился брустверъ до полной высоты. Пространство это назначалось для склада излишнихъ тяжестей отряда и помѣщенія части гарнизона укрѣпленія, въ виду недостатка мѣста въ случаѣ движенія войскъ въ глубину горъ.

На правомъ берегу рѣки Шебша, для обезпеченія переправы и водопоя, приступлено къ постройкѣ блокгауза.

Ежедневно на работу выходило до 2.500 человѣкъ, и, для прикрытія подводъ, доставлявшихъ лѣсъ, посылались колонны въ составѣ 6-ти ротъ, 2-хъ орудій и 2-хъ сотенъ.

Слѣдующіе четыре дня производились фуражировки на правомъ берегу Шебша. За невозможностью добыванія фуража вблизи, войска принуждены были его искать на значительномъ разстояніи отъ лагеря, при чемъ непріятель обыкновенно собирался въ довольно большихъ силахъ, заводилъ перестрѣлки, но безъ всякой для насъ потери.

16-го августа, съ окончаніемъ просѣки по Анапской дорогѣ, открылось прямое сообщеніе между укрѣпленіями Ильскимъ и Григорьевскимъ.

Дорога имѣла весьма важное стратегическое значеніе. Проходя по предгорію хребта Черныхъ горъ, она пересѣкала нѣсколько параллельно текущихъ рѣкъ[14]), по которымъ гнѣздилось значительное число Шапсугскихъ ауловъ, и соединяла два опорные пункта нашихъ военныхъ дѣйствій въ землѣ Шапсуговъ; мы получили возможность имѣть подъ постояннымъ наблюденіемъ все пространство къ сѣверу отъ дороги до Кубани, гдѣ непріятель владѣлъ огромными пахатными и сѣнокосными мѣстами.

17-го августа, генералъ-маіоръ Рудановскій, съ отрядомъ изъ 6-ти баталіоновъ, дивизіона драгунъ, 5-ти сотенъ казаковъ и 4 орудій, выступилъ изъ лагеря при укрѣпленіи Григорьевскомъ къ рѣкѣ Афипсу, къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ рубилась просѣка. Переправивъ на противоположный берегъ 2 баталіона и одну сотню, подъ начальствомъ подполковника Геймана, Рудановскій двинулъ остальную кавалерію рысью вверхъ по правому берегу Афипса съ тѣмъ, чтобы она, въ 4-хъ верстахъ по рѣкѣ выше просѣки, заняла переправу чрезъ нее у пункта, гдѣ начиналось ущелье хребта Черныхъ горъ, перерѣзываемое этою рѣкою. Подполковникъ Нордштейнъ съ остальными войсками направился форсированнымъ маршемъ за кавалеріей, для занятія позиціи у переправы по обоимъ берегамъ Афипса. Непріятель, введенный въ заблужденіе переправой колонны Геймана, сосредоточилъ противъ него всѣ свои силы и совершенно оставилъ переправу, къ которой бросилась наша конница. Въ колоннѣ Геймана началась довольно сильная перестрѣлка и, въ это время, пользуясь оплошностью непріятеля, сначала кавалерія, а потомъ колонна подполковника Нордштейна, заняли верхнюю переправу чрезъ Афипсъ. Видя себя обойденными, горцы прекратили перестрѣлку съ войсками Геймана и обратились въ полное бѣгство. Тогда всѣ три колонны двинулись вверхъ по рѣкѣ и уничтожили въ ущельи Афипса 8 большихъ ауловъ съ запасами только-что собраннаго хлѣба.

Одна изъ главныхъ задачъ предстоящихъ осеннихъ и зимнихъ военныхъ дѣйствій Шап-

---

[14]) Отъ рѣки Иля рѣки Убинъ, Афипсъ и Шебшъ.

сугскаго отряда заключалась въ томъ, чтобы разработать дороги въ ущельяхъ рѣки Шебша и притока его Безепса къ перевалу черезъ главный хребетъ.

Лазутчики дали знать, что шапсуги перегородили Шебшское ущелье, нѣсколько выше входа въ него рѣки Безепса, большимъ заваломъ и вообще съ большою энергіею приготовляютъ это ущелье къ оборонѣ. Рекогносцировка обоихъ ущелій могла бы повлечь за собою большія потери, ибо мѣстность была чрезвычайно затруднительна для движенія артиллеріи и давала непріятелю возможность пользоваться всѣми ея выгодами. Хотя успѣхъ предпріятія находился въ непосредственной зависимости отъ быстроты и неожиданности движенія нашихъ войскъ, тѣмъ не менѣе, находя осмотръ ущелій крайне необходимымъ, командующій войсками праваго крыла, генералъ-лейтенантъ Филипсонъ, приказалъ произвести рекогносцировку ихъ одной только кавалеріей.

23-го августа, въ 2 часа пополудни, т. е. въ такое время, когда непріятель менѣе всего могъ ожидать движенія войскъ въ лѣсистыя трущобы Шебшскаго ущелья, дивизіонъ Нижегородцевъ и 4 сотни казаковъ, подъ начальствомъ капитана князя Амилохварова, полнымъ карьеромъ понеслись вверхъ по правому берегу Шебша. Для поддержанія конницы, вслѣдъ за нею двинулись двѣ колонны: одна пошла по лѣвому берегу (8 ротъ и взводъ орудій), а другая — по правому (6 ротъ, взводъ орудій и одна сотня). Сторожевые непріятельскіе посты не замедлили открыть движеніе конницы по ущелью Шебша; началась стрѣльба и зажглись сигнальные огни, извѣщавшіе горцевъ о неожиданной опасности. Кавалерія, тронувшись въ карьеръ по пересѣченной мѣстности, проскакала 9 верстъ, до впаденія Безепса въ Шебшъ. Поднявшаяся въ обоихъ ущельяхъ тревога не позволяла терять времени, почему капитанъ князь Амилохваровъ, съ двумя передовыми сотнями и эскадрономъ драгунъ, переправился черезъ Шебшъ и бросился въ ущелье Безепса, куда потревоженный непріятель отгонялъ свои стада, изъ которыхъ одно, ближайшее стадо, въ 350 штукъ крупнаго рогатаго скота, было настигнуто и захвачено въ 4-хъ верстахъ отъ ущелья. Двигаться дальше представлялось и невозможнымъ, и рискованнымъ, да наконецъ цѣль движенія была уже вполнѣ достигнута: мы получили полное понятіе о мѣстности обоихъ ущелій. Въ то время, когда передовые эскадроны и сотни скакали по ущелью Безепса, остальная конница, съ капитаномъ Комаровымъ, спѣшилась. Съ отбитымъ стадомъ князь Амилохваровъ отступилъ къ устью Безепса, перешелъ черезъ Шебшъ и сталъ за спѣшенной конницей, занимавшей завалъ. Горцы начали собираться въ значительныхъ массахъ и открыли сильный огонь. Не ожидая прибытія пѣхоты, кавалерія начала отступленіе отъ завала, который хотя и подожгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но отъ сырости деревья не загорались, разбрасывать же его не было времени. Князь Амилохваровъ отступалъ медленно, спѣшивая по очереди то казаковъ, то драгунъ; сотни и эскадроны переходили съ одной позиціи на другую, зажигая по пути брошенные непріятелемъ аулы съ запасами хлѣба.

Отступивъ, такимъ образомъ, болѣе 4-хъ верстъ, кавалерія была смѣнена пѣхотою изъ колонны, шедшей по лѣвому берегу рѣки. Толпы озлобленныхъ горцевъ обрушились на пѣхоту, которая, прикрывая кавалерію, отбивала атаки непріятеля штыками. Съ выходомъ войскъ изъ ущелья, горцы прекратили преслѣдованіе.

При смѣломъ поискѣ кавалеріи ранены: тяжело — одинъ оберъ-офицеръ и 4 нижнихъ чина изъ пѣхотной колонны.

Во время рекогносцировки всѣми тремя колоннами, истреблено въ ущельи Шебша 17 ауловъ съ большими запасами хлѣба.

Движеніемъ 23-го августа закончился лѣтній періодъ военныхъ дѣйствій и занятій войскъ Шапсугскаго отряда.

16-го апрѣля, отрядъ, назначенный для дѣйствій въ землѣ Шапсуговъ, вступилъ въ ея предѣлы и, послѣ успѣховъ, одержанныхъ близъ аула Кабаница, очистилъ отъ непріятельскаго населенія большую часть теченія рѣки Иля. 15-го мая, на позиціи Эмпсихіако, войскап риступили къ постройкѣ укрѣпленія на одинъ баталіонъ.

Вслѣдствіе усиленныхъ работъ по постройкѣ укрѣпленія, рубкѣ просѣкъ, въ различныхъ отъ него направленіяхъ, и прокладкѣ дорогъ, явилась необходимость раздѣлить отрядъ на двѣ части: на главный Шапсугскій и средній, при чемъ на первый — возложено развитіе военныхъ дѣйствій на всей плоской части земли Шапсуговъ, и преимущественно по теченію рѣки Шебша.

Главный Шапсугскій отрядъ, въ составѣ 12 1/4 баталіоновъ, 12-ти орудій, 2-хъ, а впослѣдствіи 1-го дивизіона драгунъ и 5 сотенъ, къ октябрю мѣсяцу достигъ слѣдующихъ существеннѣйшихъ результатовъ:

1) Очистилъ отъ непріятельскаго населенія большую часть теченія рѣки Убина и пространство между нею и рѣкою Супсомъ (послѣдняя составляла границу съ Абадзехами), при чемъ жители рѣки Афипса окончательно отброшены за главный перевалъ.
2) Построилъ укрѣпленіе Григорьевское съ помѣщеніями на одинъ баталіонъ и, вблизи него, большой укрѣпленный лагерь съ временными постройками для расположенія войскъ отряда.
3) Построилъ укрѣпленіе Шебшское съ постоянными казармами для 2-хъ ротъ.
4) Построилъ два капитальные моста черезъ рѣку Шебшъ и одинъ временный—черезъ рѣку Афипсъ.
5) Заготовилъ въ непріятельской землѣ сѣна для довольствія всѣхъ войскъ отряда, съ значительнымъ экстро-ординарнымъ запасомъ (75 тысячъ пудовъ) на весь періодъ предполагаемыхъ осеннихъ и зимнихъ дѣйствій.
6) Для открытія сообщенія съ укрѣпленіемъ на рѣкѣ Илѣ, прорубилъ 19 верстъ просѣки, большею частью по густому строевому лѣсу, и разработалъ дорогу.
7) Прорубилъ значительныя просѣки для обезпеченія сообщенія съ Кубанью близъ Шебшскаго укрѣпленія и по обоимъ берегамъ рѣки Шебша, для свободнаго сообщенія этого укрѣпленія съ Григорьевскимъ. Непріятель, неоднократно пытавшійся остановить успѣхи отряда, вездѣ терпѣлъ пораженія и значительныя потери, о чемъ свидѣтельствовало множество тѣлъ, брошенныхъ имъ на мѣстахъ боя, хотя, надо отдать справедливость, горцы держались весьма стойко и изыскивали всевозможные способы къ нанесенію намъ вреда.
8) Все пространство между Кубанью, границею земли Абадзеховъ, и теченіемъ рѣки Иля, до ущелій главнаго перевала, совершенно очищено отъ населенія; въ послѣднее время горцы отказались даже выгонять на плоскость свои стада, потерявъ въ самый непродолжительный срокъ 2.600 штукъ скота.

Въ теченіи всѣхъ лѣтнихъ дѣйствій у насъ убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 20; ранено: оберъ-офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 129; лошадей убито 28 и ранено 70.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ занятія войскъ главнаго Шапсугскаго отряда заключались: въ возведеніи укрѣпленія Григорьевскаго, постройкѣ моста черезъ рѣку Шебшъ и посылкѣ колоннъ за матеріалами для укрѣпленія и запасами на Кубань, къ посту Хомутовскому. Въ то же время, начальникъ отряда не упускалъ случая наносить вредъ туземному населенію, разоряя аулы и истребляя запасы: такъ, напримѣръ, уничтоженъ большой аулъ Куракцако, лежавшій въ ущельи того же имени. Независимо отъ этого, осмотрѣны ущелья рѣкъ Супса и Догая.

Съ 21-го сентября начался рядъ движеній, съ цѣлью уничтоженія ауловъ и запасовъ горцевъ въ ущельи рѣки Афипса.

21-го сентября, отрядъ изъ 30-ти ротъ, дивизіона драгунъ, 2-хъ сотенъ казаковъ и команды саперъ, при 4-хъ орудіяхъ[16], подъ начальствомъ генералъ-маіора Рудановскаго, выступилъ изъ укрѣпленія Григорьевскаго.

Войска двинулись тремя колоннами: первая, подъ командою подполковника Юргенсона, состояла изъ 10-ти ротъ и взвода орудій; вторая — подполковника Геймана — 11 ротъ; третья — подполковника Черепанова — имѣла 9 ротъ, взводъ орудій и обозъ отряда. Вся кавалерія, подъ командою полковника Кишинскаго, собрана въ особый эшелонъ и шла, смотря по обстоятельствамъ, въ авангардѣ или за первою колонною.

Слѣдуя безостановочно вверхъ по правому берегу рѣки Афипса, всѣ три колонны весьма скоро сосредоточились у урочища Ассечуче, куда ранѣе всѣхъ прибылъ кавалерійскій эшелонъ.

Между тѣмъ, непріятель, уже приготовившійся къ отпору, значительными партіями занималъ вершину горы Сханукоякъ, съ явнымъ намѣреніемъ препятствовать нашей переправѣ.

Для овладѣнія переправой посланы 2 баталіона, которые, быстро двинувшись впередъ, выбили горцевъ изъ опушки лѣса, заняли высоту и тѣмъ самымъ совершенно обезпечили переправу.

Разработавъ спускъ и подъемъ для прохода артиллеріи, отрядъ перебрался на лѣвый берегъ рѣки и направился къ урочищу Курагукъ, тѣсня передъ собою отступавшаго непріятеля.

Давъ войскамъ въ урочищѣ 1 1/2 - часовой привалъ, генералъ Рудановскій, въ 4 часа пополудни, двинулъ колонну подполковника Черепанова на правый берегъ Афипса, для уничтоженія двухъ ауловъ, ближайшихъ къ занятой нами позиціи, а для разоренія нѣсколькихъ другихъ ауловъ на томъ же берегу, оставшихся въ тылу нашей позиціи, отправлены были двѣ сотни казаковъ.

Обѣ колонны весьма скоро принудили горцевъ очистить сакли и отступить; уничтоживъ аулы, войска возвратились на позицію.

На ночь весь отрядъ расположился бивуакомъ, найдя въ изобиліи во взятыхъ аулахъ сѣно и необмолоченный хлѣбъ.

На другой день, оставивъ на позиціи вагенбургъ, подъ прикрытіемъ колонны подполковника Черепанова, генералъ Рудановскій направился съ остальными двумя колоннами вверхъ по рѣкѣ и достигъ урочища Тахіако — мѣста, гдѣ долина рѣки Афипса сужівается и образуетъ уже ущелье.

Остановивъ войска, начальникъ отряда отправилъ двѣ колонны для уничтоженія ауловъ на высотахъ лѣваго берега рѣки Афипса и боковаго ущелья. Въ тотъ же день вагенбургъ присоединился къ отряду.

Обѣ посланныя колонны, отбросивъ непріятеля, разорили 8 ауловъ съ большими запасами хлѣба.

Къ 3 часамъ весь отрядъ сосредоточился на урочищѣ Тахіако, а въ 4 часа колонна подполковника Геймана направилась для окончательнаго уничтоженія остальныхъ ауловъ въ ущельи Тахіако. Горцы дрались съ ожесточеніемъ, но, охваченные нашими войсками

---

[16]) 2 роты Апшеронцевъ, по 3 роты отъ стрѣлковыхъ баталіоновъ Навагинскаго, Куринскаго, Тенгинскаго, Дагестанскаго и Кабардинскаго; 12 ротъ Кубанскаго и охотничья команда Кабардинскаго полковъ, взводъ орудій № 3 батареи 19-й и взводъ орудій № 4 батареи 20-й артиллерійскихъ бригадъ; дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка и сотня № 4 бригады Кавказскаго линейнаго войска.

по гребнямъ высотъ съ обоихъ флланговъ, принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Къ 6-ти часамъ пополудни колонна Геймана возвратилась на позицію.

23-го сентября, оставивъ на мѣстѣ бивуака вагенбургъ, подъ прикрытіемъ 8-ми ротъ пѣхоты, одной сотни и всей артиллеріи, Рудановскій съ остальными частями войскъ двинулся вверхъ по правому берегу рѣки Афипса и, на походѣ, выдѣлялъ колонны, уничтожавшія аулы и отдѣльные хутора какъ по рѣкѣ Афипсу до самаго ея истока, такъ и въ сторонѣ отъ нея.

Къ 3-мъ часамъ пополудни весь отрядъ возвратился на позицію у Тахіако.

На слѣдующій день, генералъ Рудановскій отправилъ на переправу Ассечуче отрядные вьюки и артиллерію съ колонною подполковника Юргенсона, а съ остальными войсками пошелъ на высоты праваго берега Афипса, и уничтожилъ аулы какъ здѣсь, такъ и въ ущельи рѣки Нехебса. Къ 4 часамъ пополудни отрядъ прибылъ къ переправѣ Ассечуче и, въ тотъ же день, возвратился въ Григорьевское укрѣпленіе.

Вся потеря отряда заключалась въ одномъ раненомъ оберъ-офицерѣ, одномъ убитомъ и 11-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ и 11-ти раненыхъ лошадяхъ.

Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ одного раненаго и 3 тѣла; взято 18 штукъ скота, уничтожено 38 большихъ ауловъ и множество отдѣльныхъ хуторовъ, съ громадными запасами хлѣба и домашнимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, Афипское ущелье было совершенно очищено отъ населенія.

До 4-го октября войска главнаго Шапсугскаго отряда продолжали производить постройки въ Григорьевскомъ укрѣпленіи. Въ этотъ промежутокъ времени окончены мостъ черезъ Шебшъ и просѣка по его правому берегу къ мостовому Шебшскому укрѣпленію, а также разработана дорога въ этомъ направленіи. Въ самомъ Григорьевскомъ устраивались платформы и капониры и крыши зданій.

Весь октябрь и ноябрь мѣсяцы прошли въ работахъ, прерываемыхъ движеніями для уничтоженія непріятельскихъ ауловъ и запасовъ.

Въ концѣ ноября отрядамъ главному и средне-Шапсугскимъ и Адагумскому данъ былъ отдыхъ.

18-го ноября, въ командованіе Шапсугскимъ отрядомъ, вмѣсто генералъ-лейтенанта Рудановскаго, вступилъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Святополкъ-Мирскій.

Дѣйствія нашихъ отрядовъ въ землѣ Шапсуговъ въ теченіи декабря имѣли своимъ результатомъ: 1) окончательное устройство просѣки и удобной во всякое время года прямой дороги отъ укрѣпленія Крымскаго до Григорьевскаго, такъ что на разстояніи около 74 верстъ путь сдѣлался совершенно безопаснымъ даже для небольшихъ колоннъ, и 2) совершенное очищеніе всей плоскости между рѣками Адагумомъ и Супсомъ отъ непріязненнаго намъ населенія. На всемъ этомъ пространствѣ, свыше 2.000 квадратныхъ верстъ, не осталось ни одного сколько-нибудь значительнаго аула, и не только жилища шапсуговъ, но и всѣ ихъ запасы истреблены; лишь самую ничтожную часть скота и имущества успѣли они укрыть въ болотистыхъ плавняхъ р. Кубани, доступъ къ которымъ представлялся возможнымъ для нашихъ войскъ не иначе, какъ во время морозовъ. Потеря плоскости явилась тѣмъ болѣе чувствительною для непріятеля, что здѣсь находились главныя его пастбища скота и большая половина пахатныхъ земель. Это обстоятельство видимо поколебало рѣшимость шапсуговъ къ дальнѣйшему сопротивленію, такъ что, на другой день послѣ движенія нашихъ отрядовъ въ горы (14-го декабря), къ начальникамъ отрядовъ явились депутаты съ принесеніемъ безусловной покорности и съ просьбою дозволить имъ снова селиться на плоскости, на мѣстахъ, которыя имъ будутъ указаны.

Хотя покорность изъявило только меньшинство населенія (всего около 2.000 семействъ), тѣмъ не менѣе и это обстоятельство надлежало признать началомъ общаго подчиненія намъ шапсуговъ, — подчиненія, которое не могло свершиться окончательно до тѣхъ поръ, пока горы не были заняты нашими поселеніями, потому что шапсуги, какъ и всѣ черкесскія племена, не имѣли почти никакой общественной связи и, слѣдовательно, ихъ нельзя было иначе покорить, какъ по частямъ и при непремѣнномъ условіи отнятія горъ.

Покорившіяся семейства утверждали, что большинство населенія готово послѣдовать ихъ примѣру, если только условія, нами предложенныя, будутъ сколько-нибудь снисходительны. Командующій же войсками праваго крыла, графъ Евдокимовъ, имѣя въ виду, что горцы будутъ соблюдать эти условія только до перваго удобнаго случая къ возстанію, приказалъ начальникамъ отрядовъ объявить имъ, что считаетъ покорными лишь тѣхъ, которые выселятся въ аулы на указанныя имъ мѣста на рѣкѣ Кубани.

За 1860 годъ въ стрѣлковомъ баталіонѣ получили слѣдующія награды: ордена — св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ — маіоръ Шиманскій; св. Станислава 2-й степени съ мечами — капитанъ Китаевскій; слѣдующіе чины — штабсъ-капитаны Яковлевъ и Поповъ-Азотовъ, подпоручики Ахвердовъ и Шахназаровъ и прапорщикъ Кудрявцевъ; чины прапорщика — унтеръ-офицеры Александръ Орловъ и Эммануилъ Храписъ. Знаки отличія Военнаго ордена: 1-й степени — унтеръ-офицеръ Григорій Маркаровъ; 4-й степени: унтеръ-офицеры — Сидоръ Александровъ, Василій Цибулька, Николай Селивановъ, Михаилъ Петрусевичъ и Иванъ Котляревскій; рядовые — Антонъ Шаповаловъ, Трофимъ Барковъ и Карпъ Герасимовъ [16]).

---

[16]) Приказы по Кавказской арміи отъ 14-го сентября за № 409 и отъ 31-го декабря № 578.

Глава Семнадцатая.

События 1861 года. — Пріѣздъ въ Кубанскую область Государя Императора Александра II.—Переходъ Апшеронскаго баталіона на постъ Топ-Гогдабъ. — Очеркъ положенія дѣлъ въ Кубанской области въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 годовъ. — Блистательное дѣло Апшеронцевъ 2-го марта у Чхафизепса. — Подвиги солдатъ. — Солдатскія пѣсни. — Поступленіе баталіона въ составъ Даховскаго отряда. — Сборъ отряда въ ст. Царской. — Движеніе отъ Царской въ Даховское общество. — Выборъ мѣста для постройки станицы на правомъ берегу р. Бѣлой. — Результаты, достигнутые послѣ занятія Даховскаго общества.—Дѣйствія отряда полковника Горшкова. — Прибытіе въ этотъ отрядъ Апшеронскаго баталіона. — Движеніе въ долину р. Курджипса. — Составъ отряда.—Дѣло 3-го іюня. — Уничтоженіе ауловъ Тахустана, Куашева, Хаджи-Кассоева и др. — Атаки непріятеля. — Потери отряда и Апшеронцевъ. — Возвращеніе въ Майкопъ. — Движеніе на р. Пшеху. — Сосредоточеніе отряда у ст. Ханской. — Составъ отряда. — Возведеніе редута у оврага Мишоко. — Рекогносцировка отъ р. Куаго до Пшехи. —Выступленіе отряда на Пшеху.—Дѣло 16-го іюня.— Набѣгъ къ ауламъ Дженгира и Тлашо-Хаблямъ. — Смерть подпоручика князя Цицианова и прапорщика Срисули.—Рекогносцировка 3-го сентября. — Дѣйствія ва р. Лабою отряда генерала Преображенскаго. — Соединеніе Пшехскаго и Шапсугскаго отрядовъ. — Дальнѣйшія дѣйствія въ 1863 году. — Награды.

Согласно предположеній на 1861 годъ, Апшеронскій стрѣлковый баталіонъ, вошедшій въ составъ Нижне-Абадзехскаго отряда, участвовалъ во всѣхъ его работахъ и въ сопровождавшихъ ихъ перестрѣлкахъ. 12-го октября въ отрядъ прибылъ командующій войсками Кубанской области, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ. Въ это время войска пролагали Фарсскую просѣку.

Произведя подробную рекогносцировку праваго берега рѣки Фарса и избравъ мѣста для новыхъ станицъ и промежуточныхъ постовъ, графъ Евдокимовъ, найдя, что нѣтъ болѣе необходимости въ совокупномъ дѣйствіи Верхне- и Нижне-Абадзехскихъ отрядовъ, оставилъ 9 баталіоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тихоцкаго, для уширенія и расчищенія проложенной просѣки.

Стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка въ началѣ 1861 года былъ передвинутъ на Лабу и поступилъ здѣсь въ составъ Нижне-Фарсскаго отряда. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ баталіонъ, вмѣстѣ съ прочими войсками, трудился надъ устройствомъ Абадзехской линіи и постройкой станицы Нижне-Фарсской, участвовалъ при рубкѣ просѣкъ и возведеніи постовъ и редутовъ вверхъ по рѣкѣ Бѣлой до Финфта и далѣе до Хамкетовъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ баталіонъ имѣлъ счастье представляться Государю Императору Александру II и удостоился Высочайшей благодарности за молодецкій видъ и выправку.

Конецъ 1861 года баталіонъ, находясь въ Нижне-Абадзехскомъ отрядѣ, провелъ въ различныхъ работахъ.

Послѣ проѣзда Государя Императора по Кубанской области, Абадзехемъ и другимъ полупокореннымъ племенамъ, населявшимъ предгорье сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, отъ Лабы къ морю, окончательно и рѣшительно было объявлено, что прежнія ихъ полу-

враждебныя и неопредѣленныя отношенія къ нашему правительству должны прекратиться. Имъ оставалось или подчиниться всѣмъ условіямъ, предложеннымъ отъ имени Государя Императора, или же предпринять борьбу, исходъ которой легко было предвидѣть и на которую сами горцы смотрѣли какъ на послѣднюю крайность, долженствовавшую окончиться для нихъ совершеннымъ разореніемъ и отнятіемъ земли для русскаго поселенія.

Въ концѣ осени и въ началѣ зимы, несмотря на постепенное занятіе отрядами новыхъ позицій отъ Майкопа вверхъ по Бѣлой, на рубку просѣкъ, разработку дорогъ и устройство станицъ и постовъ по этой рѣкѣ и далѣе по Фюнфту до Хамкетовъ, горцы, волнуемые междуусобіями, безначаліемъ, подстрекательствомъ турецкихъ эмисаровъ и убыхскихъ князей, не рѣшались начинать съ нами открытой войны. Нападеніе на колонну маіора Граббе и на фуражировъ линейнаго стрѣлковаго полубатальона было скорѣе дѣломъ даховскихъ и убыховскихъ разбойниковъ, нежели осѣдлаго населенія. Начало же окончательнаго разрыва съ абадзехами слѣдуетъ отнести къ концу января мѣсяца, — времени перехода главнаго отряда черезъ р. Бѣлую, на Ханской переправѣ.

Но и тогда жители праваго берега Бѣлой, а именно: махошевцы, темираи, егерукаи и верхніе абадзехи по Фюнфту, уклоняясь отъ явнаго участія съ сосѣдями на лѣвомъ берегу, уже вступившими съ нами въ борьбу, выказывали лишь притворное желаніе остаться мирными и лицемѣрно соглашались выселиться на вновь указанныя имъ земли по Лабѣ и Кубани.

Съ уходомъ главнаго отряда за Бѣлую, для занятія трехъ постовъ, устроенныхъ отъ Майкопа вверхъ по Бѣлой, оставлены были слѣдующія войска: на посту Топ-Гогдабъ — стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шиманскаго, расположившійся здѣсь въ концѣ января мѣсяца 1862 года, по соединеніи у Ханскаго брода отрядовъ полковниковъ Горшкова и Геймана; на Фюнфтѣ — сводно-стрѣлковый № 4 полубаталіонъ съ маіоромъ Солтаномъ, и на посту Напага-Нашъ — двѣ роты Самурскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою подполковника Фридерикса. Сообщеніе между этими частями прекратилось вслѣдъ за уходомъ отряда. Хотя горцы, въ теченіи февраля, нѣсколько разъ безуспѣшно и покушались тревожить два передовые поста, тѣмъ не менѣе отдѣльныя непріятельскія партіи постоянно проходили въ виду постовъ, то вверхъ по каменному мосту, то внизъ къ Майкопу, переправлялись за Бѣлую, словомъ,— держали посты какъ бы въ блокадѣ, затрудняя часто посылку командъ за дровами и водою.

Въ концѣ февраля въ главномъ отрядѣ получились донесенія отъ подполковника Фридерикса и маіора Солтана о недостаточности продовольственныхъ припасовъ, преимущественно же говядины и соли у гарнизоновъ на ввѣренныхъ имъ постахъ. 28-го февраля, начальникъ Верхне-абадзехскаго отряда, полковникъ Горшковъ, предписалъ маіору Шиманскому двинуться со стрѣлковымъ баталіономъ Апшеронскаго полка, сотнею Кубанскаго № 3 полка и полевымъ орудіямъ на Фюнфтъ, доставить туда необходимые продовольственные припасы и, возвратившись того же дня къ Топ-Гогдабу, подробно донести о положеніи дѣлъ на двухъ передовыхъ постахъ. Конвертъ съ предписаніемъ къ мѣсту назначенія доставилъ старшина одного изъ сосѣднихъ ауловъ, Сулейманъ, которому, между прочимъ, было поручено, какъ надежному человѣку, развѣдать о сборахъ непріятеля, о состояніи дороги и сообщить обо всемъ начальнику колонны, прежде ея выступленія.

Вечеромъ, 1-го марта, на Топ-Гогдабъ прибыли повозки съ продуктами для самурскихъ и линейныхъ ротъ, одно полевое орудіе и двѣ роты изъ майкопскаго гарнизона, назначенныя для занятія поста на время отсутствія Апшеронцевъ. Туда же вскорѣ явился и сынъ старшины Сулеймана съ извѣстіемъ, что вблизи особенныхъ сборовъ нѣтъ, и только на

каменномъ мосту находится партія абадзеховъ въ 500 человѣкъ; но что мосты, устроенные нами по дорогѣ, разломаны, а путь во многихъ мѣстахъ испорченъ или заваленъ деревьями. Онъ же принесъ письмо отъ подполковника Фридерикса, который сообщалъ маіору Шиманскому о весьма затруднительномъ положеніи гарнизона, а главное, что люди питаются одними сухарями и вовсе не имѣютъ соли.

По полученіи этихъ свѣдѣній, маіоръ Шиманскій немедленно распорядился: колесный обозъ замѣнить вьючнымъ, а полевое орудіе оставить на посту, такъ какъ оно могло замедлять движеніе, стѣснять подвижность колонны на пересѣченной мѣстности и крайне затруднило бы при переправахъ черезъ овраги и рѣчки, гдѣ были уничтожены мосты.

2-го марта, въ 4 часа утра, баталіонъ налегкѣ, вьюки и сотня казаковъ, всего имѣя подъ ружьемъ 560 человѣкъ, выступили по назначенію. Проложенная прошлою осенью дорога вверхъ по правому берегу рѣки Бѣлой до Фюнфта, изгибаясь по нижнимъ уступамъ лѣсистаго хребта, проходила въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ овраги и небольшіе ручьи, въ числѣ которыхъ былъ одинъ—значительный, подъ названіемъ Чхафизепсъ. Спускъ къ этой рѣчкѣ, лежавшей въ глубокой ложбинѣ, при впаденіи въ Бѣлую, шелъ зигзагами по предгорьямъ, образующимъ полукругъ, такъ что низменная площадка, у соединенія рѣкъ, имѣла видъ неправильнаго треугольника, края котораго составляли оврагъ Чхафизепса, рѣка Бѣлая и возвышенности, по которымъ спускалась дорога, то огибая бока выдающихся высотъ, то углубляясь въ ложбины ската.

Въ двухъ верстахъ отъ спуска, нѣсколько сигнальныхъ выстрѣловъ, вдоль хребта къ Фюнфту, обнаружили, что жители предувѣдомлены уже о нашемъ движеніи. Затѣмъ стали попадаться деревья, поваленныя поперекъ дороги, кучи кряжей, въ видѣ заваловъ, преимущественно въ узкихъ мѣстахъ, загромождавшихъ проходъ. Выдвинутые впередъ люди съ шанцевымъ инструментомъ наскоро разработывали дорогу для слѣдованія колонны, такъ что войска, почти безъ остановки, подошли къ спуску.

Въ горной войнѣ самое маловажное, повидимому, обстоятельство, упущенное своевременно изъ виду, или невсесторонняя обдуманность въ распоряженіяхъ могутъ имѣть весьма пагубныя и ничѣмъ неисправимыя послѣдствія. При рубкѣ просѣки вверхъ по Бѣлой, оставлены были несрубленными, по обѣимъ сторонамъ дороги, два ряда деревьевъ, въ видѣ аллеи, съ цѣлью доставить тѣнь колоннамъ, проходящимъ во время лѣтнихъ жаровъ, а иногда и удобное прикрытіе для стрѣлковъ, въ случаѣ нападенія: этой-то аллеей непріятель и воспользовался. При рубкѣ просѣки, обыкновенно все срубленное тутъ же сжигается, и тогда образуется открытая мѣстность, съ обѣихъ сторонъ дороги, по меньшей мѣрѣ на 500 шаговъ. Для воспрепятствованія движенію нашей колонны на мѣстности гористой и перерѣзанной крутыми оврагами, горцы срубили оставленную нами аллею и завалили дорогу, такъ что двигаться по сторонамъ ея даже и для пѣшихъ оказалось почти невозможно. Счастье, что при колоннѣ не имѣлось колеснаго обоза и маіоръ Шиманскій распорядился оставить орудіе: иначе намъ пришлось бы возвратиться въ Топ-Гогдабъ, не исполнивъ своего назначенія, ибо, для расчистки дороги, незначительная колонна не имѣла ни средствъ, ни времени.

При спускѣ, передовой пикетъ былъ встрѣченъ нѣсколькими выстрѣлами изъ-за деревьевъ и зигзаговъ; но колонна, не увлекаясь перестрѣлкою, подвигалась впередъ, очищая на скорую руку дорогу для прохода людей и вьюковъ. Переправясь черезъ оврагъ Чхафизепса и выдвинувъ влѣво цѣпь, мы перестрѣливались сначала съ провожавшими насъ по хребту одиночными конными и пѣшими горцами, но затѣмъ ихъ прибывало со всѣхъ сторонъ все болѣе и болѣе, такъ что, не доходя двухъ верстъ къ посту на Фюнфтѣ, завязалась жаркая перестрѣлка въ цѣпи. Но колонна продолжала слѣдовать впередъ и, соединившись

въ верстѣ отъ поста съ высланною оттуда ротою, отбросила горцевъ, а въ десять часовъ подошла къ Фюнфту. На этомъ переходѣ у насъ убитъ одинъ стрѣлокъ и одинъ раненъ. Передавъ часть обоза линейнымъ ротамъ, баталіонъ двинулся на постъ Напага-Нашъ, куда и прибылъ къ двѣнадцати часамъ.

День былъ свѣтлый и жаркій. Люди устали, а между тѣмъ каждая минута была дорога для насъ. Со всѣхъ сторонъ подходили партіи горцевъ; ихъ толпы постепенно густѣли по хребту, идущему вправо отъ дороги, по которой намъ предстояло возвращаться. Самурцы, какъ могли, угостили насъ, и, баталіонъ, напутствуемый добрыми пожеланіями нашихъ дагестанскихъ товарищей, въ часъ пополудни двинулся въ обратный путь.

Баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ, отличавшихся разноцвѣтными значками — которые впослѣдствіи абадзехи узнавали издалека, — имѣя цѣпь впереди и справа, съ облегченными вьюками посрединѣ, стройно, усиленнымъ шагомъ, двинулся на-встрѣчу непріятелю. Всѣ, отъ перваго до послѣдняго, видѣли ясно, что намъ придется выдерживать упорный бой, но на лицѣ каждаго выражалось единодушное желаніе помѣряться силами съ врагомъ, еще новымъ для насъ, но о храбрости котораго, въ прежнія времена, ходило много разсказовъ.

Нравственное настроеніе офицеровъ и солдатъ подавало несомнѣнную надежду на успѣхъ. Какъ ни громадны казались толпы горцевъ, находившіяся въ виду колонны, однако между офицерами и солдатами и мысли не было объ «отступленіи». Когда начальникъ колонны, маіоръ Шиманскій, подъѣзжая къ ротамъ, спрашивалъ солдатъ: «Что, ребята, одолѣемъ мы эту орду?» тѣ, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства, отвѣчали: «Побьемъ, ваше высокоблагородіе, хотя, може, и жарко намъ придется». Горцы, густыми массами, впереди насъ и справа по хребту, спѣшили къ семиколѣнному спуску, въ то время какъ мы, почти безъ выстрѣла, слѣдовали за ними по дорогѣ низомъ. Очистивъ отъ непріятеля хребетъ, роты подвигались впередъ, сообразуясь съ движеніемъ по-низу другой части колонны. За 600 шаговъ отъ оврага представилось хотя и ожиданное, но, тѣмъ не менѣе, грозное зрѣлище: вся окраина оврага справа и слѣва отъ дороги обрамлялась сплошною массою непріятельскихъ папахъ, поднятыми вверхъ винтовками, шашками и кинжалами наголо. Площадка за оврагомъ усѣяна была толпами; по всему семиколѣнному подъему пестрѣли горцы, засѣвшіе за срубленными деревьями, завалами и уступами дороги; самыя высоты, по всему полукругу, занимались пѣшими и конными, въ видѣ резерва. Словомъ, какъ оказалось впослѣдствіи, почти всѣ, до сихъ поръ мирные, махошевцы, егерукаи, темиргои, абадзехи по Фюнфту и жители ближайшихъ ауловъ лѣваго берега рѣки Бѣлой, предувѣдомленные о нашемъ движеніи, собрались здѣсь въ числѣ свыше 4.000, чтобы, вмѣстѣ съ партіей, находившеюся уже на каменномъ мосту, преградить колоннѣ путь и, ежели удастся, совершенно уничтожить ее. При этомъ почти первомъ серьезномъ столкновеніи съ нами, непріятель, надѣясь на свое численное превосходство и крѣпкую позицію, расчитывалъ навѣрное дать намъ кровавый урокъ и тѣмъ возбудить народъ къ упорной борьбѣ.

Колонна остановилась. Частямъ, расположеннымъ на горѣ, данъ сигналъ присоединиться къ баталіону. При отступленіи съ горы, спускаясь съ крайнимъ звеномъ цѣпи, первымъ палъ храбрый капитанъ Яковлевъ, пораженный на близкомъ разстояніи пулею въ лобъ. Минута была торжественная!... Еще было время отступить безъ значительныхъ потерь. Рѣшаясь же атаковать непріятеля, почти въ десять разъ сильнѣйшаго и занимавшаго выгодную мѣстность, укрѣпленную завалами по всему протяженію труднаго, подъема въ гору, въ три четверти версты длиною, маіоръ Шиманскій рисковалъ подвергнуть колонну если не совершенной гибели, то, во всякомъ случаѣ, жестокому пораженію.

Сознавая въ эту минуту всю свою громадную отвѣтственность, начальникъ колонны;

какъ и всѣ его испытанные въ бояхъ офицеры, вполнѣ былъ убѣжденъ, что для русскаго кавказскаго солдата вообще, а для Апшеронца въ особенности, наступленіе равносильно побѣдѣ, отступленіе же, напротивъ, — стыдъ и неминуемое пораженіе. Такое сознаніе глубоко утвердилось среди Апшеронцевъ побѣдами и неудачами, испытанными въ теченіи сорокалѣтней службы полка на Кавказѣ и, быть можетъ, остатками преданій о тѣхъ славныхъ боевыхъ подвигахъ, которые полкъ совершилъ подъ начальствомъ Румянцева, Суворова и Кутузова въ Турціи, Италіи и во время наполеоновскихъ войнъ. Намъ предстояло первое рѣшительное столкновеніе съ вѣроломнымъ непріятелемъ; уклоняясь отъ него, мы бы тѣмъ самымъ дали горцамъ нравственный перевѣсъ и внушили надежду противустать намъ въ борьбѣ, исходъ которой до этого они сами считали для себя гибельнымъ. Къ тому же наше отступленіе неминуемо долженствовало или парализировать дѣйствія главнаго отряда за Бѣлой, или замедлить исполненіе предначертаннаго плана войны на неопредѣленное время.

Шиманскій приказалъ тремъ ротамъ атаковать засѣвшую въ оврагѣ толпу; а одна рота съ обозомъ и казаками приняла влѣво и подвигалась по берегу Бѣлой, по мѣрѣ наступленія боевой колонны. Ударъ былъ такъ стремителенъ и дружен, что озадаченный непріятель, сдѣлавъ почти безвредный залпъ, бѣжалъ вверхъ по оврагу, а толпы, ожидавшія на площадкѣ, стремглавъ бросились укрываться за завалами. Массы же, наполнявшія оврагъ, поражаемыя штыками и пулями на близкомъ разстояніи, также бѣжали безъ оглядки и дали намъ возможность переправиться черезъ оврагъ Чхафизепса, занять террассу вдоль берега Бѣлой и устроиться для дальнѣйшаго дѣйствія.

Затѣмъ баталіонъ занялъ слѣдующую позицію: правый флангъ примыкалъ къ оврагу Чхафизепса, имѣя позади себя, шагахъ въ тридцати, рѣку Бѣлую; лѣвый флангъ упирался въ откосъ выдавшагося мыса, отвѣсно подходившаго къ самому берегу рѣки; передъ фронтомъ находилась ровная треугольная площадка, бока которой имѣли отъ 300 до 500 шаговъ длины; далѣе, полукругомъ, шли, занятые и укрѣпленные непріятелемъ, отроги горъ, съ извивавшимся по нимъ подъемомъ. Противъ нашего праваго фланга, у самаго оврага, возвышалось нѣсколько могилъ, съ большими рѣзными надгробными камнями, покрытыхъ деревянными навѣсами на столбикахъ. Здѣсь столпились массы горцевъ, укрываясь отъ выстрѣловъ за уступами дороги и за могильными памятниками. На этой-то позиціи и пришлось выдержать упорный бой съ окружившимъ насъ непріятелемъ.

Въ теченіи полутора часа, со всѣхъ возвышенностей, а также изъ-за Бѣлой, на войска сыпался градъ пуль. Горцы, толпами отъ 500—600 человѣкъ, съ шашками и кинжалами, отдѣлялись отъ памятниковъ и нѣсколько разъ пытались атаковать нашъ фронтъ и правый флангъ, съ цѣлью отбросить колонну къ рѣкѣ; но, осыпаемые пулями, не добѣжавъ и половины раздѣлявшаго ихъ отъ передовыхъ ротъ пространства, съ большою потерею принуждены были поворачивать назадъ и укрываться за завалами. Выстрѣлы съ высотъ намъ мало вредили, но, подъ-конецъ, пули съ лѣваго берега Бѣлой, гдѣ, на довольно близкомъ отъ насъ разстояніи, засѣло нѣсколько горцевъ, безнаказанно начали наносить намъ чувствительную потерю.

Непріятель оставался на своей грозной позиціи, штурмовать которую пока не представлялось возможности, а между тѣмъ потеря людей въ колоннѣ съ каждою минутою увеличивалась. Необходимо было придумать средство вынудить непріятеля ослабить главный ключъ занятой имъ позиціи и дать намъ случай атаковать его съ надеждой на успѣхъ.

Съ этой цѣлью, сначала правый флангъ отодвинули шаговъ на сто отъ оврага и расположили къ нему лицомъ, благо изгибъ террассы дозволялъ это сдѣлать, не подвергаясь большой опасности отъ дѣйствія горцевъ во флангъ. Оврагъ вторично былъ занятъ мас-

сами; когда же стало замѣтно, что маневръ удался и нѣкоторые изъ горцевъ, вѣроятно, наскучивъ бездѣйствіемъ въ верхнихъ завалахъ, начали спускаться внизъ, то, съ цѣлію еще болѣе вызвать ихъ на необходимое для насъ передвиженіе, приказано было полусотнѣ казаковъ сѣсть на коней и стараться переправиться за Бѣлую, а къ самому берегу отодвинули одну роту, какъ бы для перехода рѣки въ бродъ.

Непріятель вдался въ обманъ; массы за завалами начади рѣдѣть; толпы, собравшіяся около могильныхъ памятниковъ и за первыми уступами горы, начали спускаться въ оврагъ, а всадники по-за-оврагомъ поскакали къ Бѣлой.

«Минута была самая желанная и удобная для удара: 1-я и 2-я роты, съ извѣстнымъ своею отвагою капитаномъ Поповымъ-Азотовымъ во главѣ, уже раненымъ, но лихо на лошади поспѣвавшимъ вездѣ, гдѣ была опасность, поднявшись, какъ одинъ человѣкъ, съ крикомъ «ура», бросились къ оврагу... штыками столкнули засѣвшихъ на окраинѣ и выстрѣлами, на разстояніи десяти шаговъ, пронизывали толпу, повернувшую вверхъ по оврагу. На плечахъ бѣжавшихъ горцевъ роты достигли кладбища и сбросили штыками засѣвшаго тамъ непріятеля, а 4-я рота, съ подпоручикомъ Нагибинымъ, и спѣшенные казаки одновременно устремились на высоты влѣво, заняли выдавшійся мысъ и, очищая зигзаги и завалы нижней дороги, способствовали двумъ первымъ ротамъ.

«Непріятель вездѣ, въ неописанномъ смятеніи, бросается то вверхъ по Чхафизепсу, то въ гору къ лѣсу, безъ оглядки; остающіеся за завалами гибнутъ подъ ударами штыковъ»... [1].

Между тѣмъ, 3-я рота и казаки—съ убитыми и ранеными на носилкахъ и на лошадяхъ—подвигались серединою по ложбинѣ, подходившей къ главной высотѣ, которую справа уже занялъ Поповъ-Азотовъ и прапорщикъ князь Магаловъ съ 1-й и 2-ю ротами, а слѣва подпоручикъ Нагибинъ съ 4-ю ротою.

Къ шести часамъ вся колонна была на горѣ и начала устраиваться для дальнѣйшаго слѣдованія. Ошеломленный непріятель толпился въ оврагѣ Чхафизепса, и только конные лѣниво продолжали почти безвредную для насъ перестрѣлку.

Не легко досталась намъ побѣда и потеря наша была весьма чувствительна. Убиты: командиръ 3-й роты капитанъ Яковлевъ и 4-й — поручикъ Ясинскій, два унтеръ-офицера и 19 стрѣлковъ; ранены: командиры ротъ 1-й — штабсъ-капитанъ Овечкинъ, 2-й — капитанъ Поповъ-Азотовъ, подпоручики Кудрявцевъ, Міаковичъ, Кушнаревъ и прапорщикъ Губарь, 6 унтеръ-офицеровъ, 1 горнистъ и 80 стрѣлковъ; казаковъ ранено 5 человѣкъ [2].

Благодаря по-истинѣ изумительному самоотверженію и достойной величайшей похвалы заботливости баталіоннаго врача Банцлебена и случайно находившагося въ колоннѣ лекаря 21-го стрѣлковаго баталіона Панфиловича, всѣ раненые до одного получили перевязку на мѣстѣ боя. Заботливости и усердію обоихъ медиковъ должно приписать и то обстоятельство, что, съ началомъ атаки, раненые были уже или на носилкахъ, или на лошадяхъ и могли двинуться безъ задержки вслѣдъ за штурмовою колонною. Объ убитыхъ заботились ихъ товарищи. Восемь тѣлъ были сложены на берегу Бѣлой, въ наскоро вырытыхъ могилахъ, покрытыхъ землею и дерномъ. Не успѣли похоронить только одного — юнкера Керлика, умершаго отъ тяжелыхъ ранъ двумя пулями, передъ началомъ атаки. Его тѣло было положено на лошадь, которую велъ въ поводу легко раненый стрѣлокъ. Слѣдуя почти въ хвостѣ колонны, тѣло убитаго при подъемѣ свалилось съ лошади. Провожавшій стрѣлокъ, не будучи въ состояніи поднять трупа на лошадь, а быть можетъ и отъ малодушія, — не позвалъ на помощь товарищей изъ цѣпи, но взялъ однако ружье и патронташъ Керлика

[1] Военный Сборникъ за 1869 г. № 11.

[2] Дѣло № 1. Секретнаго отдѣленія. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

и съ лошадью поспѣшилъ присоединиться къ колоннѣ. Это произошло на изгибѣ въ ложбинѣ, такъ что цѣпь 3-й роты, прикрывавшая обозъ, оступая по возвышенности, ничего не замѣтила. Узнали о случившемся только тогда, когда всѣ взобрались на верхъ, такъ что посылать команду поднять тѣло юнкера значило рисковать потерею нѣсколькихъ человѣкъ, да и притомъ уже наступили сумерки.

5-го марта колонна, посланная на Фюнфтъ, подобрала 8 вырытыхъ изъ земли тѣлъ, а также изувѣченный трупъ несчастнаго юнкера и доставила въ Топ-Тогдабъ. Всѣ они были погребены близъ станицы Егерукаевской, въ одной общей могилѣ.

Потеря непріятеля была огромна: по показанію лазутчиковъ, она простиралась свыше 600 человѣкъ. И неудивительно: пули Минье наглядно выказали здѣсь свое достоинство. Всѣ участники дѣла видѣли, какъ отъ одного выстрѣла въ массу, на близкое разстояніе, падали два-три человѣка, пораженные одною и тою-же пулею. По отзыву же самихъ горцевъ, изъ числа раненыхъ не умиралъ или не оставался калѣкою на всю жизнь развѣ десятый человѣкъ. Вотъ слова горцевъ, бывшихъ въ дѣлѣ 2-го марта, буквально переданныя лазутчиками командовавшему войсками, графу Евдокимову: «До сихъ поръ мы никогда не видали такихъ солдатъ: красные, какъ раки, толстые, ростомъ великаны, глаза какъ у шайтана, а каждое ихъ ружье стрѣляетъ десятью пулями» [3].

«Какъ примѣръ истинной неустрашимости и находчивости, передаетъ маіоръ Шиманскій, разскажу случай, котораго самъ былъ свидѣтелемъ. Стрѣлокъ 4-й роты, Евлампій Шестоглазовъ, при занятіи одной изъ возвышенностей, отдѣлившись нѣсколько отъ своихъ товарищей, не замѣтилъ какъ два горца выскочили изъ-за срубленнаго дерева и бросились на него сзади. Передовой подбѣгаетъ торопливо, наноситъ Шестоглазову два удара шашкою по головѣ и въ лѣвое плечо; стрѣлокъ оборачивается, колетъ штыкомъ дерзкаго татарина, и, повернувъ штыкъ, сбрасываетъ трупъ на землю. Увидя другого, который въ испугѣ побѣжалъ назадъ, догоняетъ и убиваетъ штыкомъ, подобно первому. Взявъ съ убитыхъ оружіе, бравый Шестоглазовъ присоединился къ ротѣ. Раны его оказались не очень глубоки, благодаря папахѣ и торопливости татарина. Одну изъ отнятыхъ шашекъ онъ подарилъ лекарю Бацнлебену въ знакъ признательности за сдѣланную ему перевязку» [4].

Послѣ заката солнца, колонна тронулась къ Топ-Тогдабу и во время перехода изъ горцевъ только одиночные конные провожали насъ издалека да слышались рѣдкіе выстрѣлы въ цѣпи. Въ верстѣ отъ редута, когда уже совершенно стемнѣло, насъ встрѣтила колонна, высланная изъ Майкопа по тревогѣ. На постъ баталіонъ возвратился въ десять часовъ вечера.

Дѣло 2-го марта, совмѣстно съ другими причинами и самымъ планомъ войны, послѣдствіемъ своимъ имѣло — упадокъ энергіи абадзеховъ въ ихъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ съ нами: почти безъ серьезнаго боя мы занимали постепенно самыя крѣпкія мѣста и позиціи, — и со стороны горцевъ не было уже оказываемо того упорнаго сопротивленія, той геройской отваги, неутомимости и удали, которыми, въ прежнія времена, такъ славились вообще черкесскія племена въ рукопашныхъ схваткахъ. Они какъ будто только теперь поняли страшное превосходство нашего оружія и нашей нравственной силы.

Все сорокатысячное населеніе между Псефисомъ и Бѣлой, вѣроломно поднявшее на насъ оружіе, почти безъ сопротивленія вынуждено было оставить свои, неприступныя до сихъ поръ, лѣсистыя трущобы. Двинутыми со всѣхъ сторонъ отрядами, въ теченіи одного мѣсяца, пространство на 60 верстъ въ длину и ширину очищено отъ жителей, которые принуждены были уйти за Бѣлую и скитаться между абадзехами, до выселенія вмѣстѣ съ

3) Тамъ же.

4) Со словъ командира баталіона маіора Шиманскаго. Военный Сборникъ за 1869 г. № 11.

ними въ Турцію. Этимъ самымъ мы пріобрѣли надежный базисъ для послѣдовавшихъ затѣмъ дѣйствій въ Дахо, на Пшешѣ и Курджипсѣ.

Унтеръ-офицеръ Солодовъ, спустя нѣсколько дней послѣ дѣла, сочинилъ солдатскую пѣсню, которая и до сихъ поръ поется солдатами въ полку, какъ боевое наслѣдство, переданное старыми ихъ товарищами, участниками подвига. Не хитро сложена пѣсня, но въ ней почти вѣрно изображенъ ходъ дѣла, благодаря чему она не лишена относительныхъ занимательности и достоинства. Впослѣдствіи, именно 2-го марта 1863 года, въ годовщину побѣды Апшеронцевъ, Его Императорское Высочество, Главнокомандующій Кавказскою арміею, въ отрядѣ на рѣкѣ Пшишѣ милостиво удостоивъ выслушать боевую пѣсню стрѣлковъ, пожаловалъ сочинителю Солодову часы съ цѣпочкою. Вотъ слова этой пѣсни, которую считаемъ умѣстнымъ здѣсь привести:

Вспомнимъ, братцы-Апшеронцы,
Славный день втораго марта!
Славно, братцы-Апшеронцы,
День втораго марта (*припѣвъ*).
Сила горцевъ собиралась,
Чтобъ стрѣлочковъ заплѣнить,
Два редута заплѣнить,
Къ нимъ дороги завалить.
Мы дорогою бѣжали
И завалы раскидали.
Въ оборванцевъ мы стрѣляли,
Насъ линейные встрѣчали.
У самурцевъ побывали,
Возвращались мы назадъ —
Злые горцы ухищрялись
Какъ стрѣлочковъ въ плѣнъ забрать.
Не сизой орелъ летаетъ
На крутой большой горѣ:
То нашъ командиръ бывалый,
На своемъ сѣромъ конѣ.
Онъ къ стрѣлочкамъ подъѣзжалъ,
На словахъ имъ разсказалъ:
«Впередъ, братцы: не робѣть!
Пуль, штыковъ мнѣ не жалѣть!»
Всѣ стрѣлочки не смолчали,
Въ одинъ голосъ закричали:
«Съ тобой рады воевать.
Кровь до капли проливать!»
«Вы, ротные командиры,
Показать людямъ примѣръ.
А господа субалтерны —
Помогать людямъ въ строю»...
Праву гору открывали,
Много выстрѣловъ давали.
Капитанъ Поповъ-Азотовъ
Со второй ротой взлетѣлъ,
На поганыхъ оборванцевъ
Онъ зубами заскрипѣлъ.
А Яковлевъ съ третьей ротой
На помощь ему подоспѣлъ.
Вскорѣ смерть его постигла,
Онъ упалъ грудью на-земь.
Тутъ нашъ командиръ бывалый
Назадъ роты возвращалъ,—
Онъ тутъ думалъ, какъ намъ быть,
Какъ завалы разгромить.
Завязался бой геройскій,
Возмутилась вся орда.
Балки всѣ они заняли.
Кругомъ горы да лѣса,—
Намъ были лишь открыты
Бѣла-рѣчка, небеса.
Бѣлу-рѣчку измѣряли:
Бусурманъ вдался въ обманъ.
Казаки пошли на шашки,
А стрѣлочки на штыки.
Мы побѣду совершили,
Открывали путь впередъ.
Битыхъ мы несли на ружьяхъ,
А раненыхъ на рукахъ.
Господа же офицеры
Видятъ шутка не мала:
Принимали съ битыхъ ружья,
Пошли впередъ на ура!—
Подкрѣпляли насъ, стрѣлочковъ:
«Впередъ, братцы, не робѣй!
Вспомни Бога и присягу,—
Намъ помогутъ небеса!»
Бравый докторъ нашъ Баншлебенъ
Всю силу употреблялъ,
Перевязывалъ стрѣлочкамъ раны,
Онъ и слабыхъ подбодрялъ.
Съ двухъ часовъ начался бой,—
Мы дралися до шести.
Намъ зарядовъ стало мало,
Надѣялись на штыки.
Очень ужь намъ трудно было —
Не чувствовали вгорячахъ.

Плясовая съ барабаномъ.

Что вы вздумали, поганцы,
Насъ, стрѣлочковъ, въ плѣнъ забрать!
Или насъ впередъ не знали,
Что умѣемъ воевать?
Мы ужъ старые вояки,
Хоть недавно здѣсь у васъ:
Мы Шамиля живьемъ взяли
И теперь онъ помнитъ насъ!
Обождите, оборванцы,
Доберемся мы до васъ!
Вы шутить хотѣли съ нами,
Да не здорово пришлось:
Били пулей и прикладомъ,
Мы кололи васъ штыкомъ [5]).

Во все время проложенія просѣки по Фарсу, жители оставались совершенно спокойны; поэтому, чтобы не нарушить такого удобнаго положенія дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержать обѣщаніе, данное абадзехскимъ старшинамъ,— не переходить на лѣвый берегъ рѣки Фарса впредь до окончанія переговоровъ, Евдокимовъ приказалъ генералу Тихоцкому заниматься работами на правомъ берегу, а самъ съ остальными войсками выступилъ въ укрѣпленіе Майкопское, куда и прибылъ 14-го октября.

Въ виду ожидаемаго пріѣзда въ Кубанскую область Государя Императора Александра II, въ Майкопѣ уже сосредоточилось 12 баталіоновъ [6]).

Въ половинѣ апрѣля 1862 года баталіонъ поступилъ въ составъ Даховскаго отряда.

Послѣ очищенія мѣстности между рѣками Лабою и Бѣлою, войска, дѣйствовавшія за послѣднею рѣкою, были обращены на устройство станицъ и промежуточныхъ между ними постовъ по рѣкамъ Псефиру, Фарсу и Бѣлой.

Съ цѣлію не только окончить колонизацію названнаго пространства, но продолжить и внести ее въ горы, во вновь устраиваемыя Бѣлорѣченскую и Фарсскую линіи, графъ Евдокимовъ приступилъ къ занятію Даховскаго общества, составлявшаго стратегическій ключъ упомянутаго пространства.

Въ этихъ видахъ, 25-го апрѣля, въ Царской станицѣ, при сліяніи рѣкъ Меведука и Фарса, сосредоточился отрядъ въ составѣ 16 1/2 баталіоновъ пѣхоты [7]), дивизіона драгунъ и 5-ти сотенъ казаковъ, при 4-хъ пѣшихъ, 2-хъ конныхъ и 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Евдокимова. Въ то же время отряду полковника Горшкова (4 баталіона и 2 сотни казаковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ) предписано переправиться у Топо-Гуаба на лѣвую сторону рѣки Бѣлой и, демонстраціями къ Курджипсу, отвлечь часть непріятельскихъ силъ изъ раіона дѣйствій нашихъ войскъ — Даховскаго общества.

26-го апрѣля, главный отрядъ, имѣя необходимыя тяжести на вьюкахъ, двинулся отъ Царской станицы въ Даховское общество по дорогѣ, разработанной и расчищенной отъ лѣса еще въ мартѣ мѣсяцѣ; къ полудню онъ прибылъ на урочище Чнакасъ, гдѣ и расположился лагеремъ. Войска заняли урочище безъ всякаго сопротивленія со стороны непріятеля; но когда стали устраивать лагерь, то вблизи появилось нѣсколько партій горцевъ; а одна изъ нихъ, наиболѣе сильная, заняла ущелье рѣки Жешуко, по которому пролегала самая удобная дорога въ долину рѣки Дахо.

Съ Чнакаса въ Даховское общество можно было проникнуть по тремъ дорогамъ: средняя шла по самой удобной мѣстности, именно—по ущелью рѣки Жешуко; восточная—пересѣкала лѣсистый гребень Черныхъ горъ, а западная—проходила черезъ скалистый гребень тѣхъ-же горъ, покрытыхъ вѣковымъ лѣсомъ. Послѣдній, едва доступный, путь былъ оставленъ непріятелемъ безъ надлежащаго надзора, почему графъ Евдокимовъ и остановилъ на

5) Разсказъ полковника Шиманскаго. Военный Сборникъ за 1869 годъ, № 11.
6) Дѣло № 7. Секретное. 2-го Отдѣленія Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
7) Въ томъ числѣ Апшеронскій баталіонъ.

немъ свой выборъ. Спустившись съ горъ по западной дорогѣ, мы безъ большихъ потерь могли овладѣть ущельемъ Жешуко и проложить тамъ удобную колесную дорогу.

Когда командующій войсками получилъ достовѣрное свѣдѣніе, что непріятель всѣ свои силы сосредоточилъ для защиты лѣсистаго ущелья Жешуко, то сдѣлалъ видъ, будто избираетъ восточный путь для движенія въ долину Дахо, и, въ тотъ-же день, направилъ на эту дорогу полковника Геймана съ 6-ю баталіонами пѣхоты. У лѣсной опушки значительная партія горцевъ встрѣтила залпомъ авангардные баталіоны, которые, ворвавшись въ лѣсъ, штыками гнали непріятеля до самаго спуска въ долину Дахо и только здѣсь открыли огонь. Осмотрѣвъ спускъ, графъ Евдокимовъ убѣдился, что, по характеру мѣстности, онъ представлялъ для непріятеля много выгодъ, и здѣсь мы могли понести чувствительную потерю, не достигнувъ никакихъ положительныхъ результатовъ, ибо дорога вела въ лѣсныя трущобы верховья рѣки Дахо.

До разсвѣта, 27-го апрѣля, полковникъ Гейманъ, съ 9-ю баталіонами, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, выступилъ изъ лагеря для занятія скалистой высоты, по которой проходила западная дорога въ долину Дахо. Колонна безъ выстрѣла заняла полосу лѣса, версты въ три длиною, продвинулась къ болѣе удобной горной тропѣ, откуда уже начинался спускъ въ Даховскіе аулы, и тотчасъ приступила къ рубкѣ просѣки по всему протяженію занятаго лѣса. Непріятель, убѣжденный, что отряду невозможно будетъ спуститься, принималъ эту рубку за демонстрацію и не трогался съ занятой имъ восточной дороги, на которой устроилъ цѣлую систему заваловъ. Только къ полудню горцы перебрались на западный гребень и завязали-было живую перестрѣлку съ войсками, рубившими лѣсъ, но, понеся уронъ отъ нашего штуцернаго огня, въ 3 часа пополудни прекратили огонь. Къ вечеру колонна возвратилась въ лагерь, сдѣлавъ просѣку въ три версты длиною и отъ 200 до 300 шаговъ шириною.

На другой день колонна изъ 8 1/2 баталіоновъ, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ опять-таки полковника Геймана, послана была въ то же самое мѣсто для расширенія начатой просѣки и приготовленій къ спуску въ долину Дахо.

Многочисленныя толпы горцевъ, прибывшихъ съ рѣки Бѣлой на помощь даховцамъ, заняли лѣсъ и, сильно укрѣпивъ его, завязали перестрѣлку съ приближавшимися войсками. Но наши стрѣлки, пользуясь мѣстностью, сперва били на выборъ разъяренныхъ горцевъ; когда же тѣ стали сильно насѣдать на цѣпи, то — кинулись въ штыки, гнали непріятеля по лѣсу и, наконецъ, опрокинули въ кручу. Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ наши войска захватили много оружія съ убитыхъ горцевъ, тѣла которыхъ въ значительномъ числѣ валялись въ лѣсу.

Подъ прикрытіемъ сражавшихся войскъ, графъ Евдокимовъ осмотрѣлъ весь скалистый гребень, опоясывающій Даховскую долину съ сѣвера, и для спуска избралъ среднюю тропу, хотя и наименѣе удобную, но брошенную непріятелемъ безъ вниманія. Оставивъ на мѣстѣ лагеря на Чнакасѣ, для обезпеченія сообщеній съ тыломъ, 2 1/2 баталіона и одну сотню казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ, командующій войсками, 29-го апрѣля, двинулся съ остальными войсками по проложенной просѣкѣ къ перевалу чрезъ хребетъ. Авангардъ, подъ начальствомъ полковника Геймана (4 баталіона, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ), прибылъ къ перевалу двумя часами ранѣе главныхъ силъ и началъ устраивать засѣки по обѣимъ сторонамъ средней тропы.

Къ 4-мъ часамъ пополудни устройство засѣкъ закончено и въ нихъ размѣстился одинъ баталіонъ при двухъ орудіяхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ авангардъ быстро спустился съ кручъ южнаго склона Черныхъ горъ и, безъ выстрѣла, занялъ позицію у рѣки Дахо. Подъ его прикрытіемъ спустились и осталь-

ныя войска, а къ пяти часамъ весь отрядъ сосредоточился на правомъ берегу Дахо и расположился здѣсь лагеремъ. Непріятель, ожидавшій появленія войскъ съ другой стороны, замѣтилъ ихъ въ долинѣ уже тогда, когда авангардные баталіоны прошли половину горы.

30-го числа производилась рекогносцировка къ устью рѣки Дахо и избрано мѣсто для станицы на правомъ берегу рѣки Бѣлой, въ 7-ми верстахъ выше каменнаго моста.

Съ занятіемъ Даховскаго общества, трудное дѣло колонизаціи предгорнаго пространства между рѣками Лабою и Бѣлою можно было считать законченнымъ.

Долина Дахо замыкала съ фланга Бѣлорѣченскую линію и владѣла всѣми проходами къ Большой и Малой Лабѣ, чрезъ которые постоянно устремлялись къ намъ хищническія партіи. Владѣя Дахо, мы получали готовый базисъ для дѣйствій въ горныхъ котловинахъ, лежавшихъ за рѣкою Бѣлою, избѣгали необходимости вновь прорываться съ сѣвера чрезъ хребты, прикрывавшіе другія горныя общества; но самое важное заключалось въ томъ, что упроченіе Бѣлорѣченской линіи давало намъ средства уменьшить резервы въ тыльныхъ станицахъ Лабинскаго округа и сосредоточить главную оборону края на передовой линіи.

До того времени почему-то существовало мнѣніе, что выше каменнаго моста нѣтъ населенія, а если и есть, то весьма дикое и бѣдное.

Экспедиція же въ Даховское общество совершенно опровергла подобное мнѣніе. Долина Дахо — одно изъ самыхъ роскошныхъ и плодородныхъ мѣстъ предгорій западнаго Кавказа: здѣсь войска встрѣтили огромное населеніе, разбросанное въ 20 или 30 аулахъ, въ которыхъ насчитывалось отъ 800 до 1.000 сакель. Со дня выступленія отряда изъ Царской, онъ нигдѣ еще не встрѣчалъ хорошаго подножнаго корма, долина же Дахо вознаградила за всѣ лишенія: высокій хлѣбъ, мѣстами начавшій уже колоситься (на южномъ склонѣ), далъ обильную пищу лошадямъ.

Невольный вопросъ: какимъ образомъ горцы сумѣли окружить Даховское общество такою непроницаемою тайною, что, въ теченіи 70 лѣтъ, не доходили даже и слухи до русскихъ объ этихъ сокровенныхъ мѣстахъ, и мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о роскошныхъ лѣсахъ, лежавшихъ выше каменнаго моста на рѣкѣ Бѣлой, — безъ сомнѣнія, разрѣшается тѣмъ, что окружавшія высоты и горы являлись главною причиною такого, по-истинѣ прискорбнаго невѣдѣнія.

Въ перестрѣлкахъ и дѣлахъ, происходившихъ съ непріятелемъ съ 26-го по 30-е апрѣля, мы потеряли убитыми: нижнихъ чиновъ 9; ранеными — оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 75; лошадей убито 15 и ранено 12.

Теперь перейдемъ къ дѣйствіямъ отряда полковника Горшкова. Съ 6-го по 16-е мая этотъ отрядъ очистилъ отъ лѣса дороги: 1) отъ оврага «Первый Кожохъ» до выхода рѣки Бѣлой изъ тѣснины; 2) отъ мѣста расположенія отряда, у оврага «Второй Кожохъ», по высотамъ праваго берега Бѣлой, до спуска съ нихъ дороги въ долину рѣки Дахо, всего на протяженіи 4-хъ верстъ. Кромѣ того, войска разработали дорогу чрезъ оврагъ «Второй Кожохъ» и устроили при ней постъ, равно какъ у каменнаго моста и у оврага «Первый Кожохъ»; приступили къ возведенію ограды станицы Абадзехской и очистили лѣсъ на высотахъ обоихъ береговъ Бѣлой выше каменнаго моста. Во время этихъ работъ войска имѣли перестрѣлки съ непріятелемъ.

Съ 9-го по 14-е мая на усиленіе отряда прибыло 6 баталіоновъ, рота саперъ и сотня казаковъ, въ томъ числѣ и Апшеронскій баталіонъ, пришедшій 14-го мая и расположившійся у станицы Абадзехской, для ускоренія работъ по устройству ея ограды.

До 23-го мая, войска заготовляли лѣсные матеріалы, окончили ограду станицы Абадзехской и дорогу съ мостомъ черезъ оврагъ «Второй Кожохъ», и построили постъ на 25

человѣкъ казаковъ, при входѣ въ ущелье рѣки Бѣлой, выше каменнаго моста. Вскорѣ послѣ того Апшеронскій баталіонъ выступилъ изъ Абадзехской въ Майкопъ, гдѣ и присоединился къ отряду генералъ-маіора Тихоцкаго, назначенному для военныхъ дѣйствій за Лабою.

Большіе сборы непріятельскихъ партій между Бѣлою и Куржипсомъ, усилившихся въ послѣднихъ числахъ мая подкрѣпленіями изъ непокорныхъ обществъ южнаго склона Кавказскаго хребта, побудили генералъ-маіора Тихоцкаго предпринять вновь движеніе въ долину Курджипса, чтобы удержать непріятеля отъ серьезныхъ предпріятій на правомъ берегу Бѣлой, противъ нашихъ новыхъ поселеній, прогнать туземное населеніе съ Курджипса и сжечь находившіеся тамъ аулы.

Съ этою цѣлью 31 мая, въ укрѣпленіи Майкопѣ сосредоточено было: 8 1/2 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 5 сотенъ казаковъ, при 2-хъ конныхъ и 2-хъ горныхъ орудіяхъ[7].

Въ тотъ-же день, въ 4 часа пополудни, отрядъ перешелъ по майкопскому мосту на лѣвый берегъ Бѣлой и расположился на ночлегѣ въ низовьяхъ Курджипса.

Непріятельскіе пикеты все время слѣдили за движеніемъ нашихъ войскъ.

Проведя ночь на Курджипсѣ, близъ просѣки, проложенной въ 1857 году генераломъ Дебу, отрядъ, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, двинулся просѣкой вверхъ по Бѣлой, и горцы, съ момента его выступленія, завязали перестрѣлку съ цѣпями.

Постепенно усиливаясь прибывавшими партіями, непріятель энергично отстаивалъ тѣ мѣста, черезъ которыя предстояло проходить отряду. Тѣмъ не менѣе, авангардъ (въ составѣ его находился и Апшеронскій баталіонъ), подъ начальствомъ полковника Есакова вездѣ опрокидывалъ скопища горцевъ; самое горячее дѣло онъ имѣлъ при занятіи балки Курале, гдѣ сосредоточивались значительныя массы горцевъ.

Въ продолженіи движенія отряда и въ ожесточенной схваткѣ, при переходѣ черезъ балку Курале, съ нашей стороны: убитъ одинъ нижній чинъ и ранено: 1 оберъ-офицеръ и 22 нижнихъ чина; горцы оставили на мѣстѣ 14 тѣлъ. Дальнѣйшій путь совершенъ уже безпрепятственно, и отрядъ остановился на ночлегѣ противъ станицы Егерукаевской.

2-го іюня, за два часа до разсвѣта, отрядъ выступилъ сначала вверхъ по Бѣлой, а потомъ свернулъ на перевалъ къ Курджипсу. До 2.000 горцевъ занимали эти высоты и, кромѣ того, значительныя партіи расположились въ лѣсистыхъ балкахъ, лѣвѣе дороги.

Приблизясь къ высотамъ Шундуко, генералъ Тихоцкій направилъ въ обходъ непріятельской позиціи, съ праваго ея фланга, генеральнаго штаба полковника Комарова съ 2 1/2 баталіонами, а остальныя войска стянулъ къ подножію высотъ, для атаки непріятеля съ фронта. Лишь только горцы замѣтили обходное движеніе, какъ ихъ толпы стали поспѣшно отступать, такъ-что наши главныя силы поднялись на высоты почти безъ сопротивленія и затѣмъ продолжали безостановочно движеніе мимо устья рѣки Хокодза къ Курджипсу; но, отступая, черкесы вели перестрѣлку съ нашими цѣпями и заняли вновь значительными массами выгодную мѣстность на пути слѣдованія отряда, что и вынудило начальника отряда вторично прибѣгнуть къ обходу. Вся кавалерія спустилась въ долину Хокодза и, слѣдуя внизъ по теченію этой рѣки, обошла непріятеля съ праваго фланга. Появленіе кавалеріи въ тылу расположенія горцевъ заставило ихъ раздѣлиться на мелкія партіи и отступить по разнымъ направленіямъ; отрядъ же безпрепятственно достигъ Курджипса и расположился на ночлегѣ у впаденія въ эту рѣку Хокодза, потерявъ за день 1-го убитаго и 14 ранеными.

---

7) Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій, Кавказскій, Гренадерскій, № 19 стрѣлковый, Самурскій, Ширванскій и сводный баталіонъ Ставропольскаго полка, пѣшій казачій баталіонъ, сводно-линейный полубаталіонъ, баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, два дивизіона Нижегородскаго и по одному дивизіону отъ Тверскаго и Переяславскаго драгунскихъ полковъ, три сотни казаковъ Кубанскаго войска, двѣ сотни Донскаго № 30 полка, взводъ орудій конно-казачьей № 13 батареи и взводъ горныхъ орудій.

Ночью горцы безпокоили лагерь ружейною перестрѣлкою и сдѣлали даже нѣсколько выстрѣловъ изъ появившихся у нихъ орудій.

Оставивъ часть отряда въ лагерѣ, генералъ Тихоцкій, на разсвѣтѣ 3 іюня, съ остальными силами, произвелъ рекогносцировку вверхъ по Курджипсу. Пройдя 6 верстъ отъ лагеря по весьма пересѣченной мѣстности и уничтоживъ аулы Тахустанъ, Куашевъ и Дзепшевъ, имѣвшіе въ общей сложности до 300 дворовъ, войска возвратились въ лагерь безъ потери, хотя аріергардная цѣпь и вела перестрѣлку съ преслѣдовавшими ихъ непріятельскими партіями.

Въ тотъ-же день, въ 4 часа полудни, Тихоцкій, съ 5-ю баталіонами[8]), двумя дивизіонами драгунъ и 3-мя сотнями казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ, двинулся внизъ по Курджипсу къ мѣсту главнаго сбора непріятеля у ауловъ Тляустана и Анцчокова, съ цѣлью уничтожить ихъ и обрекогносцировать дорогу по правому берегу этой рѣки.

Въ верстѣ отъ лагеря, за глубокимъ оврагомъ находился аулъ Хаджи-Касаева, занятый и сильно укрѣпленный непріятелемъ.

Начальникъ отряда атаковалъ этотъ аулъ пѣхотою съ фронта, а кавалерію послалъ въ обходъ по высотамъ. Не взирая на грозность своей позиціи, горцы оказали самое незначительное сопротивленіе и въ безпорядкѣ отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ 4 тѣла.

Предавъ аулъ огню, отрядъ продолжалъ наступленіе внизъ по Курджипсу и уничтожилъ еще два аула Термишъ-Хавъ и Анцчоковъ; во время слѣдованія войскъ, горцы, соравшіеся въ ближайшихъ балкахъ, неоднократно кидались въ шашки на наши цѣпи, но каждый разъ отбрасывались съ урономъ. Во время одного изъ такихъ непріятельскихъ нападеній на цѣпь Апшеронскаго баталіона, былъ раненъ *прапорщикъ Шахназаровъ*.

Изъ рекогносцировки выяснилось, что дорога въ долинѣ Курджипса удобна, особенно по лѣвому берегу рѣки, но разработка ея требовала значительной рубки лѣса. Достигнувъ своей цѣли, генералъ Тихоцкій началъ постепенно отводить войска въ лагерь, причемъ горцы, снова собравшіеся въ значительныхъ силахъ, неоднократно съ яростью, хотя и безуспѣшно, атаковывали аріергардъ. При одномъ изъ такихъ отчаянныхъ нападеній близъ аула Касаева, толпы непріятеля, увлекшіяся преслѣдованіемъ, попали подъ сильный перекрестный огонь нашихъ стрѣлковъ и, понеся вновь большія потери, отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, послѣ чего войска достигли лагеря безъ выстрѣла.

Во время движенія колонны внизъ по Курджипсу, до 500 абадзеховъ нападали на лагерь, но, встрѣченные аванпостами и подоспѣвшимъ резервомъ, были отброшены назадъ, оставя въ нашихъ рукахъ 5 тѣлъ.

Дѣла 3-го іюня обошлись отряду недешево: у насъ убито 5 нижнихъ чиновъ, ранено 3 оберъ-офицера и 48 нижнихъ чиновъ (Апшеронцевъ 9 человѣкъ).

Необходимость поспѣшить съ войсками на рѣку Пшеху, дабы своевременно занять тамъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій до наступленія покоса, заставила предпринять обратное движеніе къ Майкопу. 4-го іюня отрядъ перешелъ отъ Курджипса къ Абадзехской станицѣ; горцы только издали слѣдили за уходившими баталіонами и вели слабую перестрѣлку съ частями, занимавшими, для обезпеченія движенія, высоты Шундуко. На другой день отрядъ прибылъ въ укрѣпленіе Майкопъ.

По окончаніи главныхъ работъ на пространствѣ между Бѣлою и Лабою, генералъ-маіоръ Тихоцкій предпринялъ, съ освободившимися отъ работъ войсками, движеніе на Пшеху, съ цѣлью, занявъ на этой рѣчкѣ позицію, устроить тамъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій за Бѣлою.

---

[8]) Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій, Кавказскій гренадерскій № 19, Ширванскій и сводный баталіонъ Ставропольскаго полка.

10-го іюня, 13 1/4 баталіоновъ, — въ томъ числѣ и Апшеронскій баталіонъ, — 8 эскадроновъ драгунъ и 4 сотни казаковъ, при 12-ти пѣшихъ, 2-хъ горныхъ и 4-хъ конныхъ орудіяхъ, сосредоточились у станицы Ханской. Эти войска получили наименованіе «Пшехскаго» отряда[9].

Въ тотъ же день войска переправились на лѣвую сторону рѣки Бѣлой, а 11-го числа перешли за оврагъ Мишоко (просѣкою, прорубленною въ концѣ февраля и въ первыхъ числахъ марта мѣсяца) и расположились лагеремъ на высотѣ между рѣками Бѣлою и Аяко.

Отрядъ приступилъ къ возведенію у оврага Мишоко редута на двѣ роты пѣхоты и два орудія и къ исправленію испорченныхъ частей дороги и мостовъ, устроенныхъ въ началѣ весны. Во время работъ непріятель велъ перестрѣлки съ работавшими войсками и цѣпями.

На разсвѣтѣ, 12 іюня, 6 3/4 баталіоновъ и двѣ сотни, при 6-ти орудіяхъ, подъ командою начальника штаба войскъ Дагестанской области, полковника Доливо-Добровольскаго[10], и вся кавалерія, предводительствуемая полковникомъ Джемарджидзе, двинулись съ позиціи на рѣчку Куаго; на мѣстѣ лагеря остались 7 баталіоновъ и двѣ сотни, при 8-ми орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Виберга, для окончательнаго исправленія дорогъ чрезъ оврагъ Мишоко, устройства тамъ редута и для рубки лѣса по направленію къ рѣкѣ Куаго, одновременно съ движеніемъ туда войскъ.

Вьючный обозъ первыхъ двухъ колоннъ (полковниковъ Доливо-Добровольскаго и Джемарджидзе) шелъ сзади, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ изъ колонны полковника Виберга; сдавъ вьюки на Куаго войскамъ колоннъ, эти баталіоны возвратились вечеромъ къ своему мѣсту.

Во время движенія обѣихъ колоннъ между рѣками Бѣлою и Аяко, непріятель нѣсколько разъ пытался удержать наступленіе войскъ, но каждый разъ его опрокидывали авангардныя части передней колонны (полковника Доливо-Добровольскаго), нанося горцамъ большой уронъ. Въ перестрѣлкѣ этого дня мы потеряли ранеными 5 нижнихъ чиновъ.

На другой день генералъ Тихоцкій, съ 4-мя баталіонами, 3-мя дивизіонами драгунъ и 2-мя сотнями казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, произвелъ рекогносцировку мѣстности отъ рѣки Куаго до Пшехи и рѣшилъ утвердиться на мѣстѣ впаденія въ послѣднюю рѣки Пшекодза.

Во время перестрѣлки съ партіями непріятеля, у насъ ранены 1 штабъ-офицеръ, 2 нижнихъ чина и контуженъ атаманъ Новороссійскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Генгардтъ, прибывшій съ депутатами отъ Азовскаго и Новороссійскаго войскъ для осмотра занимаемыхъ нами мѣстностей подъ русскія поселенія.

Слѣдующіе два дня войска занимались рубкою лѣса, устройствомъ редутовъ на Мишоко и на рѣкѣ Куаго.

На разсвѣтѣ, 16-го іюня, Тихоцкій, оставивъ на Куаго 1 1/2 баталіона, при 2-хъ орудіяхъ, для занятія устроеннаго тамъ редута и обезпеченія сообщенія съ станицей Ханской, съ остальными войсками выступилъ на Пшеху. Въ авангардѣ шло 4 баталіона, 2 эскадрона драгунъ и одна сотня, при 8 орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Доливо-Добровольскаго; главная колонна (5 баталіоновъ, 2 эскадрона драгунъ и 1 сотня, при 4 орудіяхъ) съ

9) Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій, 19-й, Кавказскій гренадерскій, Самурскій, Ширванскій и Сводно-линейный баталіонъ Ставропольскаго, 2 баталіона Кубанскаго полковъ, Кавказскій линейный № 16 баталіонъ, 6-е резервные баталіоны Кубанскаго и Куринскаго полковъ, пѣшій казачій № 13 баталіонъ и 4-я рота Кавказскаго сапернаго № 2 баталіона; по одному дивизіону Тверскаго и Нижегородскаго и два дивизіона Переяславскаго драгунскихъ полковъ, по двѣ сотни отъ Донскаго № 30 полка и Кубанскаго казачьяго войска, 4 орудія батарейной № 3, 6 орудій облегченной № 3, 2 — облегченной № 4 и по два отъ конно-казачьей №№ 13 и 14 и 2 горной батарей.

10) Прибылъ въ отрядъ для инспектированія стрѣлковыхъ баталіоновъ 21-й пѣхотной дивизіи.

*

обозомъ находилась подъ командою полковника Виберга, аріергардъ же состоялъ изъ 2 баталіоновъ, 2 эскадроновъ драгунъ и 2 сотенъ казаковъ. Толпы непріятеля, занимая лѣсистую мѣстность по пути слѣдованія отряда, пытались остановить его наступленіе. Однако, несмотря на отчаянную храбрость и многочисленность противника, авангардъ выбивалъ его изъ всѣхъ занятыхъ имъ позицій. Особенно упорно держались горцы въ лѣсистомъ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣчки Пшекодза съ Пшехою, но, вытѣсненные и оттуда, отступили на лѣвый берегъ Пшехи. Въ полдень авандгардъ и главныя силы заняли правый берегъ Пшехи, у впаденія въ нее Пшекодза, и расположились здѣсь лагеремъ; а одинъ баталіонъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, переправился на лѣвый берегъ Пшехи. Въ 3-мъ часу пополудни въ общій лагерь вступилъ аріергардъ, имѣвшій во все время движенія живую перестрѣлку съ горцами. Лагерь былъ уже окончательно устроенъ, когда совершенно неожиданно появилась на лѣвомъ берегу Пшехи конная партія горцевъ до 2.000 человѣкъ. Непріятель атаковалъ стоявшій здѣсь стрѣлковый баталіонъ, но, встрѣченный картечными выстрѣлами 2-хъ горныхъ орудій и огнемъ стрѣлковъ изъ засѣкъ впереди лагеря, понесъ большой уронъ и поспѣшно удалился. Потеря наша въ этотъ день заключалась въ 2-хъ убитыхъ и 29-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Уронъ непріятеля, съ начала движенія отряда на рѣку Пшеху, былъ весьма великъ. Огромное скопище абадзеховъ и шапсуговъ дало клятву не пропускать войскъ на Пшеху, и эта клятва принуждала горцевъ къ ожесточенному сопротивленію. Они выходили изъ опушекъ лѣса, толпами бросались на цѣпи но, не достигая никакихъ результатовъ, гибли отъ огня артиллеріи и стрѣлковъ. Непріятельскія тѣла, разбросанныя на всемъ пути отряда, краснорѣчиво свидѣтельствовали о потеряхъ горцевъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, у нихъ было убито и ранено свыше 300 человѣкъ, въ томъ числѣ 12 старшинъ.

17-го іюня войска приступили къ возведенію станичнаго окопа при устьи Пшекодза, заготовленію матеріаловъ для моста на Пшехѣ и къ устройству предмостнаго укрѣпленія на лѣвомъ берегу рѣки.

Занятый постройкой Пшехинской станицы, отрядъ почти около двухъ мѣсяцевъ не предпринималъ движеній противъ непріятеля.

Въ продолженіи этого времени окончены были станичный редюитъ и сѣнникъ, и войска приступили къ заготовленію сѣна, лѣсныхъ матеріаловъ и устройству редутовъ, имѣвшихъ цѣлью обезпечить доступы къ станицѣ.

Занятые уборкою хлѣба и перевозкою своихъ семействъ въ болѣе безопасныя мѣстности, горцы ограничивались только незначительными перестрѣлками съ передовыми разъѣздами и пикетами.

Когда работы приходили уже къ концу, начальникъ Пшехскаго отряда, полковникъ Офрейнъ, заступившій мѣсто генералъ-маіора Тихоцкаго, рѣшилъ произвести набѣгъ въ верхнія части теченія рѣки Пшиша, къ ауламъ Дженгита-Хаблю и Тлашо-Хаблю.

На разсвѣтѣ, 9-го августа, колонна изъ 5-ти баталіоновъ (въ томъ числѣ двѣ роты Апшеронскаго баталіона), 2-хъ эскадроновъ и 2-хъ сотенъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ[11]), направилась вверхъ по лѣвому берегу Пшехи и, достигнувъ густонаселенныхъ мѣстъ, заняла тамъ позицію. Между тѣмъ, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, не ожидавшаго движенія нашихъ войскъ, полковникъ Офрейнъ немедленно послалъ два баталіона (въ томъ

[11]) Сводно-стрѣлковый баталіонъ (2 роты Апшеронскаго, рота Куринскаго и рота 6-го резервнаго баталіона), баталіонъ Кубанскаго полка, стрѣлковые баталіоны Ширванскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ и сводно-линейный № 1-й баталіонъ, 2 эскадрона Тверскаго драгунскаго полка, 2 сотни Донскаго казачьяго полка, взводъ облегченной № 3 и взводъ горной батарей 19 артиллерійской бригады.

числѣ и сводно-стрѣлковый), при двухъ горныхъ орудіяхъ, по рѣкѣ Пшишу, къ аулу Дженгиту. Подъ прикрытіемъ лѣса, баталіоны подошли къ аулу и атаковали его. Благодаря неожиданности нападенія и быстротѣ атаки, Дженгитъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе засѣвшихъ въ немъ горцевъ, былъ взятъ и сожженъ; вслѣдъ за тѣмъ такой же участи подвергся и аулъ Тлашо-Хабль, послѣ чего колонна начала отходить къ главнымъ силамъ. Хотя толпы горцевъ съ ожесточеніемъ преслѣдовали отступавшія части, но сдерживались огнемъ артиллеріи и штуцернымъ — изъ главныхъ силъ.

По уничтоженіи ауловъ, отрядъ предпринялъ обратное движеніе къ лагерю, ведя все время весьма сильную перестрѣлку съ непріятелемъ. Произведенный набѣгъ стоилъ намъ: 2-хъ оберъ-офицеровъ и 3-хъ нижнихъ чиновъ убитыми; 1-го оберъ-офицера и 22-хъ нижнихъ чиновъ ранеными.

Апшеронцы потеряли убитыми: *подпоручика князя Циціанова и прапорщика Срисули и 2-хъ нижнихъ чиновъ; ранено 8 нижнихъ чиновъ.*

Вплоть до сентября войска трудились надъ возведеніемъ ограды станицы Пшехинской и заготовляли сѣно для ея будущихъ жителей.

3-го сентября произведена была рекогносцировка хребта Ангуля, тянущагося между рѣками Бѣлою и Пшехою, параллельно теченію послѣдней. 3 баталіона, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Лагоріо, выступили изъ лагеря по дорогѣ къ станицѣ Ханской и, пройдя въ этомъ направленіи около 4-хъ верстъ, круто повернули вправо, поднялись на хребетъ по его сѣверному лѣсистому склону и, выйдя на ближайшую поляну, приступили къ фуражировкѣ. Одновременно, другая — меньшая — колонна изъ одного баталіона и дивизіона драгунъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ командующаго отрядомъ, полковника Шостака, поднялась на хребетъ съ западной стороны, по прямой дорогѣ изъ лагеря и, занявъ одну изъ высотъ, правѣе колонны подполковника Лагоріо, прикрывала фуражировку. Непріятель, застигнутый врасплохъ, успѣлъ только тогда собраться и завязать перестрѣлку, когда фуражировка уже приходила къ концу и войска, набравъ сложеннаго въ копны хлѣба и сѣна, начали отступать. Во время отступленія, съ нашей стороны убитъ одинъ и раненъ одинъ рядовой.

Къ 10-му сентября Пшехскій отрядъ успѣлъ окончить перевозку заготовленнаго близъ рѣки Бѣлой сѣна, и привелъ станичный окопъ въ оборонительное положеніе.

Такимъ образомъ, войска, дѣйствовавшія со стороны Лабы, произведя необходимыя работы, обезпечивавшія безопасность нашихъ станицъ между Бѣлою и Лабою отъ покушеній непріятельскихъ партій, и, заготовивъ опредѣленное количество сѣна, для фуражнаго довольствія на зимнее время, получили, наконецъ, возможность открыть наступательныя дѣйствія въ глубь непріятельскаго края.

Имѣя въ виду, что послѣдующая задача наша въ этомъ году заключалась въ перенесеніи военныхъ дѣйствій въ нагорное пространство между Бѣлою и Пшишемъ, командующій войсками Кубанской области, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, рѣшилъ одинъ отрядъ направить для занятія долины Курджипса, а Шапсугскій отрядъ двинуть вверхъ по Пшишу, съ цѣлью открыть сообщеніе съ — Пшехскимъ, послѣ чего приступить безотлагательно къ устройству надежнаго опорнаго пункта для дальнѣйшихъ предпріятій вверхъ по Курджипсу, Пшехѣ и Пшишу, до переваловъ чрезъ главный хребетъ Кавказскихъ горъ.

Для приведенія въ исполненіе первой части предположенія, т. е. занятія долины Курджипса, предназначались войска Даховскаго отряда. Желая отвлечь вниманіе непріятеля, который, въ послѣднее время, сосредоточился въ значительныхъ силахъ на пространствѣ между верховьями рѣкъ Бѣлой и Пшехи, Шапсугскій отрядъ, 13-го сентября, производилъ

различныя движенія, причемъ войска доходили до урочища Кошхо. Съ тою же цѣлью, начальникъ войскъ, расположенныхъ за рѣкою Лабою, генералъ-маіоръ Преображенскій, оставивъ въ Пшехской станицѣ 3 1/2 баталіона и одну сотню, при 4-хъ орудіяхъ, съ остальными силами Пшехскаго отряда (6 баталіоновъ,— въ томъ числѣ и Апшеронскій, — 2 эскадрона и одна сотня казаковъ, при 8-ми орудіяхъ), 21-го сентября выступилъ вверхъ по лѣвому берегу Пшехи, разработывая во время движенія дорогу и прокладывая просѣку. Хотя и медленно, но все-таки подвигаясь впередъ и ведя постоянную перестрѣлку съ непріятелемъ, войска прошли въ тотъ день до 3-хъ верстъ и расположились на ночлегъ. 22-го числа отрядъ продолжалъ наступленіе по лѣсу, усѣянному аулами, и вскорѣ приблизился къ большому завалу, занятому горцами. Съ цѣлью овладѣть заваломъ безъ большихъ потерь, генералъ Преображенскій задумалъ отвлечь изъ него часть непріятеля, для чего послалъ вправо два баталіона, съ приказаніемъ разорить ближайшіе аулы. Какъ только горцы замѣтили движеніе баталіоновъ, то поспѣшили къ угрожаемымъ пунктамъ, что дало возможность остальнымъ войскамъ, безъ особаго труда, уничтожить завалъ. Между тѣмъ, два баталіона, посланные вправо, послѣ весьма упорнаго боя, овладѣли большимъ ауломъ Лагумжи-Хаблемъ и еще другимъ — меньшимъ; захвативъ огромные запасы хлѣба, предали аулы огню, и присоединились къ отряду. Въ 6-ти верстахъ отъ станицы Пшехской, на высотахъ лѣваго берега Пшехи, войска расположились на ночлегъ. Взятіе Лагумжи-Хабля и перестрѣлки въ лѣсу стоили намъ 5 нижнихъ чиновъ убитыми, одного оберъ-офицера и 33 нижнихъ чиновъ ранеными. Кромѣ того, убито 10 и ранено 4 лошади.

До конца сентября дѣятельность войскъ Пшехскаго отряда заключалась въ разработкѣ сообщенія съ Пшехскою станицеею и въ рекогносцировкахъ по различнымъ направленіямъ отъ мѣста лагернаго расположенія отряда; движенія преимущественно производились къ рѣкѣ Пшишу и на 6 верстъ вверхъ по Пшехѣ.

30-го сентября отрядъ поднялся по лѣвому берегу Пшехи еще на 6 верстъ и расположился у аула Пшикуй-Хабля, а 1-го октября, двигаясь въ томъ-же направленіи, перешелъ на позицію къ аулу Эскакъ-Эфенди-Солохова, лежавшему въ 19 верстахъ отъ станицы Пшехской; по пути были разорены и преданы огню непріятельскіе хутора и аулы, съ собранными въ нихъ запасами хлѣба и сѣна.

На другой день въ лагерь Пшехскаго отряда, у аула Солохова, прибылъ командующій войсками Кубанской области, графъ Евдокимовъ. Произведя, въ тотъ-же день, съ частью войскъ рекогносцировку мѣстности на 7 верстъ вверхъ по Пшехѣ отъ лагернаго расположенія отряда, онъ призналъ необходимымъ: 1) постараться прочно занять верхнее теченіе Пшехи; 2) связать дѣйствія Пшехскаго и Шапсугскаго отрядовъ проложеніемъ сообщенія отъ Пшехской станицы къ Пшишу и устройствомъ поста между рѣками Пшехой и Пшишемъ, и 3) образовать новую передовую кордонную линію отъ Константиновской переправы, на Кубани, вверхъ по Пшишу, до урочища Котхо и далѣе чрезъ станицу Пшехскую къ Ханской. Послѣдняя линія могла послужить намъ новой базой при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ нагорномъ пространствѣ между верховьями Курджипса и Пшиша; вмѣстѣ съ тѣмъ она прикрывала все позади лежавшее пространство.

Снявшись, 3-го октября, съ позиціи у аула Эсканъ-Эфенди-Солохова, графъ Евдокимовъ двинулся съ войсками Пшехскаго отряда внизъ по Пшехѣ и, на другой день, прибылъ въ станицу Пшехскую. Во время движенія уничтоженъ былъ аулъ Ахметукъ-Хабль, находившійся въ недальнемъ разстояніи отъ пути слѣдованія отряда; при штурмѣ аула у насъ убитъ одинъ офицеръ.

5-го октября командующій войсками продолжалъ движеніе внизъ по лѣвому берегу

Пшехи; въ этотъ день авангардъ отряда успѣлъ отбить у непріятеля 90 штукъ рогатаго скота. Войска остановились въ 10 верстахъ отъ Пшехской станицы, на берегу Бѣлой. Утромъ 6-го числа, отрядъ перешелъ къ урочищу Кошхо, на рѣкѣ Пшишѣ; давъ здѣсь войскамъ отдохнуть, графъ Евдокимовъ продолжалъ движеніе внизъ по теченію Пшиша, къ рѣкѣ Хагуже-Хаблю, достигнувъ которой отрядъ расположился лагеремъ.

7-го октября произошло соединеніе Пшехскаго и Шапсугскаго отрядовъ; они образовали одинъ Пшехскій отрядъ, и начальство надъ нимъ ввѣрено было генералъ-маіору Преображенскому. Оставаясь пока на прежнихъ позиціяхъ: бывшій Шапсугскій отрядъ — у впаденія рѣки Псечетина, а на урочищѣ Хагуже-Хабль бывшій Пшехскій отрядъ, — оба занимались рубкою лѣса и устройствомъ — у Псечетина укрѣпленнаго поста, а на Хагуже-Хаблѣ — редюита для предполагаемой новой станицы. Непріятель только изрѣдка заводилъ съ нашими аванпостами перестрѣлку, по большей части совершенно для насъ безвредную.

11-го октября, большая часть Пшехскаго отряда направилась къ урочищу Кошхо. Собравшись въ лѣсистой балкѣ Кошхо-Дечугѣ, непріятель съ большимъ упорствомъ сопротивлялся движенію отряда, и только послѣ продолжительнаго и весьма ожесточеннаго боя наши войска овладѣли позиціею горцевъ и заставили ихъ отступить вверхъ по рѣкѣ Шекоцу. Потеря отряда при занятіи Кошхо-Дечуга была, относительно, велика; она заключалась: въ двухъ раненыхъ оберъ-офицерахъ, въ 10 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чинахъ; лошадей убито 6 и 6 ранено.

Утвердившись на взятой съ боя позиціи, отрядъ приступилъ къ очищенію окрестной мѣстности отъ лѣса и къ заготовленію матеріаловъ для устройства здѣсь поста.

До послѣднихъ чиселъ октября всѣ занятія войскъ Пшехскаго и соединеннаго съ нимъ Шапсугскаго отрядовъ были направлены къ устройству линіи, которая долженствовала прикрывать наши поселенія по нижнему теченію Бѣлой и Лабы и частію по Кубани. Къ 1-му ноября работы закончились. Новая кордонная линія направлялась отъ Гобукаевской станицы на рѣку Пшишъ, затѣмъ шла вверхъ ея по правому берегу до урочища Кошхо, гдѣ построенъ былъ укрѣпленный постъ; отсюда она поворачивала на станицу Пшехскую, пересѣкала рѣку Пшеху и упиралась противъ станицы Ханской въ рѣку Бѣлую. Протяженіе кордона составляло 44 версты; линія охранялась тремя станицами и 8-ю постами, занятыми пѣхотными гарнизонами съ артиллеріею, при небольшомъ числѣ конницы.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, наши передовыя линіи и подготовивъ въ надлежащей степени успѣхъ будущихъ военныхъ предпріятій въ краѣ, графъ Евдокимовъ предпринялъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія. Войска Пшехскаго отряда должны были собраться у станицы Пшехской и двинуться оттуда вверхъ по лѣвому берегу Пшехи, по мѣстности, уже достаточно намъ извѣстной, съ цѣлью отвлечь вниманіе горцевъ; главный же ударъ графъ Евдокимовъ предполагалъ нанести непріятелю со стороны Курджипса, для чего и увеличилъ численность Даховскаго отряда до 10 1/2 баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ драгунъ, 7-ми сотенъ казаковъ и 14 орудій.

Имѣя въ виду совокупность дѣйствій, начальникъ Пшехскаго отряда, полковникъ Шестаковъ, съ 8 1/4 баталіонами и 3-мя дивизіонами драгунъ, при 8-ми орудіяхъ [12]), выступилъ на разсвѣтѣ, 4 ноября, изъ станицы Пшехской и, двигаясь въ продолженіи 5, 6, 7, 8 и 9 чиселъ, по обоимъ берегамъ рѣки Пшехи до впаденія въ нее рѣки Тыжжи, по рѣкамъ Бже-

---

12) Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій, Кавказскій гренадерскій, № 19, Самурскій и Ширванскій, сводно-стрѣлковый № 1 и сводно-стрѣлковый № 4 полубаталіонъ; баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, 2 роты 13 баталіона Кубанскаго пластунскаго войска и рота Кавказскаго сапернаго № 2 баталіона; сводный дивизіонъ Тверскаго и дивизіонъ Переяславскаго драгунскихъ полковъ и 2 сотни Донскаго каз. № 30, по взводу батарей: облегченной № 3, батарейной № 3, горной и конно-казачьей № 13.

невъ-Кубѣ, Даго и другимъ незначительнымъ лѣвымъ притокамъ Пшехи, возвратился 10-го ноября въ Пшехскую станицу, уничтоживъ въ теченіи 6-ти дней до 30-ти непокорныхъ ауловъ; потеря отряда, въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ, заключалась въ 4-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ и раненыхъ: одномъ оберъ-офицерѣ и 32-хъ нижнихъ чинахъ; лошадей убито 6 и ранено 21.

9-го ноября, во время движенія отряда внизъ по рѣкѣ Пшехѣ, при спускѣ съ высотъ Валгай-Обидова, кавалерія произвела блестящую атаку съ весьма плачевнымъ результатомъ для непріятеля, оставившаго на мѣстѣ боя 35 тѣлъ, много лошадей и разнаго оружія; съ нашей же стороны, во время атаки, ранено 4 драгуна.

Три дня отрядъ оставался въ станицѣ Пшехской, занимаясь устройствомъ моста и нѣкоторыми другими работами, а 13-го числа, принявъ необходимое количество провіанта, выступилъ, мимо высотъ Валгай-Обидова, въ долину рѣки Шебша. Отсюда войска вытѣснили туземное населеніе и, овладѣвъ съ боя ауломъ Басыръ-Беемъ, расположились около него лагеремъ, гдѣ и оставались до 19-го ноября, уничтожая ближайшіе аулы и разрабатывая шедшую по ущелью дорогу.

Въ полдень, 19-го ноября, отрядъ снялся съ позиціи у Басыръ-Бея и, пройдя 6 верстъ вверхъ по рѣкѣ Шебшу, расположился лагеремъ при устьи рѣки Аммы, приступивъ въ тотъ-же день къ уничтоженію ближайшихъ непріятельскихъ ауловъ. До 28-го ноября войска уничтожили всѣ аулы по рѣкамъ Шебшу, Аммы, Псефиржу, Панако и ихъ притокамъ, безъ всякой съ нашей стороны потери; у непріятеля захвачено въ плѣнъ 5 человѣкъ, отбито 103 штуки рогатаго скота и 36 барановъ.

28-го числа отрядъ возвратился въ Пшехскую станицу и, оставаясь въ ней по 4-е декабря, занимался приведеніемъ къ концу начатыхъ въ станицѣ построекъ и исправленіемъ еще неоконченнаго постояннаго моста близъ станицы черезъ Пшеху и поврежденнаго напоромъ льда, вскрывшагося вслѣдствіе оттепелей.

Весь декабрь прошелъ въ работахъ, прерываемыхъ иногда фуражировками и набѣгами, изъ числа которыхъ отмѣтимъ два: въ ночь съ 15-го на 16-е декабря, когда уничтоженъ былъ аулъ Хутъ-Хабль, и набѣгъ 22-го декабря, предпринятый для уничтоженія аула Басыръ-Бей-Хабля.

27-го декабря часть Пшехскаго отряда, въ составѣ 8 баталіоновъ[13], 4-хъ эскадроновъ и 2-хъ сотенъ при 8 орудіяхъ, выступила изъ Пшехской станицы по прямому направленію на рѣку Пшишу. Съ приближеніемъ войскъ къ рѣкѣ Даргаю отряжена была отдѣльная колонна, которая, двинувшись въ верховья рѣки, уничтожила уцѣлѣвшіе тамъ два аула—Батыръ-Хабль и Хатеръ-Хабль. Затѣмъ отрядъ перешелъ на рѣку Шекодзь и расположился лагеремъ у аула Умохомъ-Хабля.

29-го числа отрядъ снялся съ позиціи у аула Умохомъ-Хабля и двинулся, по такъ называемой, Анапской дорогѣ на рѣку Пшишъ. Дойдя до праваго притока Пшиша—Этердока, имѣющаго болотистую долину, войска, послѣ рекогносцировки дороги къ Анапской переправѣ черезъ Пшишъ, повернули на рѣку Шекодзь и, достигнувъ ея, расположились лагеремъ въ 3-хъ верстахъ отъ редута Кошко.

31-го декабря отрядъ возвратился въ Пшехскую станицу,—чѣмъ и закончились дѣйствія войскъ въ 1862-мъ году.

---

[13]) Въ числѣ ихъ и Апшеронскій стрѣлковый баталіонъ.

За отличія въ 1861 и 1862 годахъ чинамъ стрѣлковаго баталіона пожалованы награды:

Орденъ св. Георгія 4-й степени и слѣдующій чинъ — маіору Шиманскому; орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ — подпоручику Нагибину и прапорщику князю Магалову; подполковнику Сидорову — золотая сабля съ надписью «за храбрость»; св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ — капитану князю Аргутинскому-Долгорукову, подпоручикамъ—Мдивани и Хмаренко 3-му и прапорщику Безобразову. Слѣдующіе чины: поручикамъ Шахназарову и Гогоберидзе, подпоручику Ѳедотову и прапорщикамъ—Карташеву и Гашинскому; чины прапорщика: унтеръ-офицерамъ—Каетану Герштенцвейгу, Петру Сальнову, Ефиму Смогоржевскому, Григорію Маркарову и Генриху Бѣлиновичу. Знаки отличія Военнаго ордена 4-й степени: унтеръ-офицерамъ—Трофиму Величко, Никифору Пыжову, Абраму Герчину, Герасиму Ткаченку, Лукьяну Горавому, Тарасу Аксеньеву, Матвѣю Матгорину, Ефиму Овсову, Іоаницѣ Николаю, Александру Абису, Василію Ставерскому, Василію Комарову, Аѳанасію Сливинскому, Всеволоду Гранникову, баталіонному горнисту Евсевію Синельникову. Рядовымъ: Аѳанасію Бѣлявскому, Данилѣ Бондарчуку, Лаврентію Матвѣеву, Исидору Бинкѣ, Антону Мостовому, Ефиму Филатову, Андрею Анофріеву, Леонтію Мирошникову, Игнату Никонову, Андрею Кочеткову, Ѳедору Зуеву, Ивану Гусаку, Сергѣю Кадонцеву, Ивану Мисюренку, Михаилу Сеню, Ефиму Брызгалову, Осипу Шусту, Герасиму Ковалеву, Ивану Кіенко, Филиппу Антонову, Елизару Рябинину, Григорію Алимову, Степану Пажневу, Григорію Брагину, Никитѣ Грабину, Евлампію Шестиглазову, Егору Кулакову, Ѳедору Михайлову, Касперу Зухняку, Петру Лещенку, Павлу Птиченку, Ефиму Зенькову, Спиридону Славину, Семену Кущенку, Моисею Семенцу, Даніилу Бага, Филимону Кулышну, Василію Ѳедченку, Борису Чернову, Матвѣю Холину, Ивану Терещенку, Василію Кулешенку, Николаю Карпинскому, Тимоѳею Бикетову, Марку Залепухину, Петру Панькину, Мухамеду Абдулъ-Валею, Терентію Петрякову, Ильѣ Шувалову, Сергѣю Лукину и Павлу Труневскому[14]).

---

[14]) Приказы по Кавказской арміи за 1862 годъ. №№ 88, 324, 331; за 1863 годъ: №№ 72, 95, 99, 127, 137.

Глава Восемнадцатая.

Задачи военныхъ дѣйствій въ 1863 году. — Дѣйствія Пшехскаго отряда въ январѣ. — Выборъ мѣста подъ новыя станицы. — Набѣгъ къ аулу Абда-Хаблю. — Прибытіе въ Кубанскую область Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. — Сосредоточеніе войскъ на переправѣ у Хасай-Хабля. — Смотръ и движеніе къ Пшишу. — Порядокъ наступленія. — Дѣло 1-го марта. — Наши потери. — Переходъ къ Бжедуховской станицѣ. — Порядокъ движенія 3-го марта. — Измѣненіе маршрута слѣдованія Августѣйшаго Главнокомандующаго. — Постройка станицы «Апшеронской». — Дѣйствія охотниковъ-апшеронцевъ. — Рекогносцировка 27-го апрѣля на р. Дынь-Шекодзу. — Движеніе Пшехскаго отряда къ Анапской переправѣ. — Цѣль дѣйствій отряда у верховьевъ р. Пшехи. — Рубка просѣкъ. — Дѣло 7-го іюня у аула Ходыжея. — **Назначеніе шефомъ полка** Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича. — Военныя дѣйствія въ 1864 году. — Образованіе трехъ отрядовъ и задачи ихъ. — Дѣйствія Малолабинскаго отряда. — Окончательное покореніе Западнаго Кавказа. — Возвращеніе стрѣлковаго баталіона Апшеронскаго полка въ штабъ-квартиру. — Состояніе штабъ-квартиры. — Мирная жизнь полка. — Командиръ полка Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ. — Его отношеніе къ офицерамъ. — Послѣдующіе командиры полковъ. — Строевая и стрѣлковая подготовка полка. — Измѣненіе состава полка. — Награды за 1863 и 1864 годы.

Въ наступившемъ 1863 году цѣль военныхъ дѣйствій въ Кубанской области сводилась къ двумъ задачамъ: 1) колонизировать непріятельскій край и 2) обезпечить наши передовыя линіи и вообще занятый нами край отъ непріязненныхъ покушеній со стороны горцевъ.

Когда наша линія поселеній отъ береговъ Чернаго моря до Адагумской линіи получила прочное основаніе, то являлась возможность приступить къ дальнѣйшему заселенію непріятельскаго края, лежавшаго между рѣками Бѣлою и Адагумомъ. Колонизація страны должна была подвигаться съ двухъ сторонъ, опираясь на Бѣлорѣченскую и Адагумскую линіи. Величина раіоновъ, которые предполагалось отнять у непріятеля для возведенія въ нихъ новыхъ станицъ, находилась въ зависимости не только отъ денежныхъ и матеріальныхъ средствъ и числа переселенцевъ, но и отъ успѣшнаго очищенія края отъ враждебнаго для насъ населенія. Безъ сомнѣнія, всѣ эти условія трудно было съ точностью опредѣлить заранѣе, а потому и не представлялось никакой возможности хотя бы приблизительно обозначить раіоны будущей нашей колонизаціи.

Военныя дѣйствія въ концѣ 1862 и въ началѣ 1863 годовъ подготовляли край для водворенія нашего казачьяго населенія, дѣйствія же въ лѣтнее время имѣли непосредственною цѣлью возведеніе предположенныхъ станицъ, или самую колонизацію, разработку новыхъ дорогъ и дальнѣйшее наступательное движеніе въ непріятельскую землю.

Согласно вышеизложеннаго, войска Кубанской области въ наступившій періодъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) Адагумскій отрядъ, оставивъ свои главные продовольственные склады на р. Абинѣ, долженъ былъ дѣйствовать со стороны Натухайскаго округа, на пространствѣ между

этою рѣкою и укр. Григорьевскимъ, и въ особенности обратить свои усилія на очищеніе отъ непріязненнаго населенія мѣстностей, предназначавшихся для новыхъ станицъ. Имѣя въ виду главную цѣль — подготовленіе края для заселенія, Адагумскій отрядъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженствовалъ угрожать шапсугамъ вторженіемъ въ ихъ земли, чтобы отвлекать ихъ силы отъ другихъ пунктовъ Кубанской области.

2) Со стороны Черноморіи, на р. Пшишѣ, или въ ея окрестностяхъ, продолжалъ свои дѣйствія Шапсугскій отрядъ, который долженъ былъ дойдти до такой численности, какая признавалась необходимой по мѣстнымъ военнымъ обстоятельствамъ. Этотъ отрядъ имѣлъ своею цѣлью прикрывать часть Нижне-Кубанской кордонной линіи, войти въ связь съ войсками, дѣйствовавшими со стороны р. Бѣлой, и тѣмъ самымъ облегчить исполненіе общей всѣмъ отрядомъ задачи — подготовленія занимаемаго края къ колонизаціи русскимъ поселеніемъ.

3) Со стороны Бѣлой войска наши должны были дѣйствовать по двумъ главнымъ направленіямъ, двумя или болѣе отрядами: по горной полосѣ, шедшей отъ Каменнаго моста на р. Бѣлую, и по предгорной — отъ станицы Ханской, чрезъ низовья Пшехи, — къ Пшишѣ. На обязанности этихъ отрядовъ лежало исполненіе главныхъ задачъ въ Кубанской области: окончательное вытѣсненіе или покореніе немирнаго Абадзехскаго населенія и доведеніе нашей колонизаціи за р. Бѣлой до такой степени, чтобы дѣло заселенія сѣверной покатости Кавказскаго хребта представлялось яснымъ и рѣшеннымъ вопросомъ.

Независимо поименованныхъ отрядовъ, къ числу дѣйствующихъ имѣлось въ виду присоединить и всѣ тѣ войска, которыя занимали: а) вновь устроенную Бѣлорѣченскую линію отъ станицы Тенгинской чрезъ укрѣпленіе Бѣлорѣченское, вверхъ по р. Бѣлой, до снѣговаго хребта; б) Абадзехскую и Даховскую кордонныя линіи отъ станицы Баговской до станицы Даховской и в) передовую Адагумскую линію.

На этихъ линіяхъ сосредоточивалась главная оборона всего занятаго нами края и на нихъ преимущественно обращались удары непріятеля.

Затѣмъ всѣ остальныя войска Кубанской области, не поступившія въ категорію дѣйствующихъ, причислялись къ резервамъ Лабинскаго и Натухайскаго округовъ, къ гарнизонамъ передовыхъ укрѣпленій, или составляли резервъ передовыхъ и внутреннихъ линій Кубанской области.

Съ 1-го по 7-е января войскамъ Пшехскаго отряда данъ былъ отдыхъ, въ теченіи котораго отдѣльныя колонны производили фуражировки въ ближайшихъ къ мѣсту расположенія отряда аулахъ и въ лѣсу, покрывавшемъ высоты праваго берега р. Шекодзи, куда непріятель перевезъ большую часть своихъ хлѣбныхъ запасовъ и сѣно.

7-го января отрядъ снялся съ занимаемой имъ позиціи и двинулся на рѣку Ден-жу; произведя въ окрестности ея фуражировку, войска перешли къ редуту Кошхо, а отсюда возвратились въ Пшехскую станицу, и до 10-го января занимались заготовленіемъ лѣсныхъ матеріаловъ для казенныхъ здѣсь строеній.

Отдѣльныя колонны, на которыя раздѣлился Пшехскій отрядъ, съ 11-го по 22-е января, производили: просѣки на прямомъ сообщеніи станицъ Ханской съ Пшехскою, возведеніе поста на этомъ сообщеніи, у урочища Кудануртъ, устройство ограды станицы Бжедухской, окончательную отдѣлку внутренней крутости Пшехскаго станичнаго окопа и рубили просѣки отъ станицы Пшехской на р. Пшишѣ къ Анапской переправѣ.

Окончивъ занятія по устройству сообщенія отъ Пшехской станицы къ р. Пшишу и отдѣливъ часть войскъ для работъ на прямомъ сообщеніи между Пшехской съ Ханской

*

станицами, начальникъ Пшехскаго отряда, полковникъ Офрейнъ, съ 6-ю баталіонами (въ числѣ ихъ и Апшеронскій), командою пластуновъ, 2-мя эскадронами драгунъ, 2-мя сотнями казаковъ, при 6-ти орудіяхъ, выступилъ 24-го января вверхъ по лѣвому берегу р. Пшехи для выбора мѣстъ подъ станицы и посты, предполагаемые къ возведенію на лѣвомъ берегу рѣки. Пройдя около 13-ти верстъ, отрядъ расположился бивуакомъ на правомъ берегу р. Куаже [1]). Для предполагаемой станицы «Кубанской» выбрано было мѣсто близъ лагернаго расположенія отряда, а для промежуточнаго поста (Тубинскаго)—между этою станицею и Пшехскою, въ 7-ми верстахъ отъ послѣдней. Небольшія непріятельскія партіи, слѣдившія за движеніемъ отряда, не оказывали нигдѣ серьезнаго сопротивленія и, отступая передъ нашими войсками, завязывали изрѣдка перестрѣлки съ авангардомъ и правою цѣпью.

25-го числа отрядъ двинулся далѣе, вверхъ по лѣвому берегу Пшехи и, пройдя около 15-ти верстъ, расположился на правомъ берегу Тухи, у впаденія ея въ Пшеху. Здѣсь было избрано мѣсто для постройки станицы «Апшеронской» въ углу, образуемомъ сліяніемъ Тухи и Пшехи, а также и для двухъ постовъ, между предполагаемою станицею и «Кубанскою». Непріятель хотя уже успѣлъ собраться въ довольно значительныхъ силахъ, но не предпринималъ ничего серьезнаго противъ насъ, и лишь изрѣдка горцы заводили перестрѣлки съ авангардомъ и правою цѣпью, но огонь, производившійся съ дальней дистанціи, оказывался совершенно безвреденъ; только когда войска расположились уже на ночлегъ, въ происшедшей на аванпостахъ перестрѣлкѣ,—раненъ одинъ рядовой. Въ тотъ же день, во время фуражировки на правомъ берегу Пшехи, для чего отправлены были 7-мь ротъ и вся кавалерія, мы потеряли 3-хъ нижнихъ чиновъ ранеными и 6-ть убитыхъ и раненыхъ лошадей; фуражировавшія войска доставили въ лагерь, кромѣ сѣна и разнаго хлѣба въ зернѣ, нѣсколько штукъ рогатаго скота, отбитаго у горцевъ. На другой день начальникъ отряда предпринялъ набѣгъ въ аулъ Абда-Хабль и ближайшіе къ нему хутора, расположенные по р.р. Амбошу и Пщелуку. Съ этой цѣлью колонна, въ составѣ 11-ти стрѣлковыхъ ротъ [2]), 2-хъ эскадроновъ драгунъ, 2-хъ сотенъ казаковъ и 2-хъ орудій, подъ личнымъ начальствомъ полковника Офрейна, выступила на разсвѣтѣ изъ лагеря и направилась по дорогѣ, пролегавшей по правому берегу р. Тухи. Въ авангардѣ шла вся кавалерія. Недалеко отъ хуторовъ, виднѣлись выставленные горцами пикеты. Конница наша рысью двинулась къ Абда-Хаблю и, овладѣвъ имъ, успѣла захватить до 150 штукъ барановъ. Застигнутые въ-расплохъ, горцы поспѣшно отступили, а семейства ихъ бѣжали по двумъ направленіямъ—вверхъ по Амбошу и къ р. Пщелуку. Для преслѣдованія непріятеля кавалерія раздѣлилась также на двѣ части: казаки пошли по Амбошу, а драгуны — по направленію къ р. Пщелуку, причемъ первые изрубили 5 человѣкъ горцевъ, столько же взяли въ плѣнъ и захватили 40 штукъ рогатаго скота и до 80-ти барановъ, а послѣдніе изрубили 15 человѣкъ горцевъ и отбили 60 штукъ рогатаго скота и до 150 барановъ. Между тѣмъ, подоспѣла пѣхота и, прикрывъ собою увлекшуюся въ преслѣдованіи кавалерію, съ успѣхомъ отражала всѣ атаки разъяренныхъ горцевъ, насѣдавшихъ на драгунъ и казаковъ. Вскорѣ вся колонна собралась на водораздѣльномъ хребтѣ между Пщелукомъ и Амбошомъ, оттуда и предприняла отступленіе къ лагерю по дорогѣ, пролегавшей вдоль лѣваго берега Пшехи. Въ аріергардѣ шли 3 стрѣлковыя роты. Едва горцы замѣтили наше отступленіе, какъ толпы ихъ съ ожесточеніемъ устремились на аріергардъ, а другія партіи, находившіяся въ лѣсу, между дорогою, по которой слѣдовали войска, и Амбошомъ, покушались ударить на нашу колонну во флангъ и въ тылъ, но всѣ нападенія непріятеля

[1]) Лѣвый притокъ р. Пшехи.

[2]) Въ томъ числѣ двѣ роты Апшеронцевъ.

были отражены огнемъ артиллеріи и стрѣлковъ и штыками аріергарда, которому приходилось вступать по-временамъ въ рукопашный бой. Въ полдень колонна возвратилась въ лагерь съ захваченною добычею.

Набѣгъ стоилъ намъ 1-го штабъ-офицера, 1-го оберъ-офицера и 13 нижнихъ чиновъ ранеными; убито и ранено 15 лошадей.

Въ виду того, что предположенная задача — т. е. ближайшій осмотръ лѣваго берега Пшехи и выборъ мѣстъ подъ новыя станицы «Кубанскую» и «Апшеронскую», и промежуточные между ними посты — была достигнута, утромъ, 27-го февраля, отрядъ снялся съ позиціи и двинулся обратно внизъ по Пшехѣ. Сборище горцевъ, числомъ около 2.000 человѣкъ, раздѣлилось на три партіи и стало настойчиво преслѣдовать отрядъ: большая партія устремилась на аріергардъ, а двѣ другія—на наши фланги. Но и въ этотъ день, какъ и наканунѣ, усилія горцевъ оказались тщетными, и всѣ атаки ихъ были отражены артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Медленно отступая, отрядъ подошелъ къ оврагу Дагою, гдѣ горцы рѣшились еще разъ произвести нападеніе на наши войска, для чего партія около 500 человѣкъ расположилась въ засадѣ въ прилегавшемъ къ дорогѣ лѣсу. Но намѣреніе непріятеля было открыто; посланныя противъ партіи 2 стрѣлковыя роты атаковали ее и заставили отступить; вслѣдъ за тѣмъ дивизіонъ драгунъ ударилъ во флангъ отступавшимъ горцамъ и окончательно разсѣялъ ихъ; оставивъ на мѣстѣ боя 8 тѣлъ, непріятель уже болѣе не тревожилъ отрядъ, который, безпрепятственно прослѣдовавъ отъ оврага Дагой до р. Куажъ, расположился здѣсь на ночлегъ, близъ мѣста, избраннаго для предполагаемой станицы «Кубанской». Наша потеря въ этотъ день заключалась въ 6-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ и въ 7-ми убитыхъ и раненыхъ лошадяхъ.

Съ 30-го января войска заготовляли матеріалы для постройки станицъ и приступили къ устройству оградъ Кубанской и Апшеронской; для послѣдней ограда возводилась стрѣлковымъ баталіономъ Апшеронскаго полка.

Отъ времени до времени производились фуражировки и набѣги въ непріятельскіе предѣлы и истреблялись ближайшіе къ нашему расположенію аулы; одновременно съ возведеніемъ станицъ, наведены были пловучіе мосты черезъ р.р. Пшишъ и Пшеху.

1-го марта на Псекупсъ долженъ былъ прибыть новый командующій Кавказскою арміею, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Для встрѣчи Его Высочества на Псекупсѣ и сопровожденія до Пчаса, на лѣвый берегъ Псекупса къ переправѣ близъ аула Хасай-Хабля, 28-го февраля прибыла часть Пшехскаго отряда, въ составѣ 5 1/2 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 2-хъ дивизіоновъ драгунъ, 2-хъ сотенъ казаковъ, 1 1/2 сотни милиціи, роты саперъ и команды пластуновъ, при 6-ти орудіяхъ и 3-хъ ракетныхъ станкахъ [3]).

Сосредоточившись у переправы и оттѣснивъ оберегавшія ее партіи горцевъ, войска приступили-было сначала къ постройкѣ плота, а затѣмъ пловучаго моста, но вскорѣ прекратили работу, потому что происшедшая убыль воды въ рѣкѣ давала возможность переправиться въ бродъ.

Утромъ 1-го марта, прибывшія на Псекупсъ, части войскъ выстроились для встрѣчи Августѣйшаго Главнокомандующаго арміею.

Произведя въ 9 часовъ утра смотръ войскамъ, Его Императорское Высочество приказалъ

---

3) Часть Лабинскаго конно иррег. эскадрона, сотни—сводная милиціи Верхне-Нижне-Кубинскаго и Лабинскаго приставствъ, Михайловская — коннаго № 14 и Убѣжинская — коннаго № 15 полка Кубанскаго казачьяго войска; первые дивизіоны Тверскаго и Переяславскаго драгунскихъ полковъ; Апшеронскій, Кавказскій гренадерскій стрѣлковые баталіоны, 3 роты 19-го, 3 роты сводно-резервнаго № 3, Самурскаго и Ширванскаго полковъ, 4-я рота 2-го кавказскаго сапернаго баталіона, команда пластуновъ конныхъ № 7 и 9 полковъ Кубанскаго казачьяго войска, взводы — конно-каз. № 13 батар., облегчен. № 3 и горной батареи 19 арт. бриг., 3 сотни учебн. конно-ракетн. батарейн. Кубанскаго казачьяго войска.

начать движеніе по направленію къ Пшишу, при чемъ части войскъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Въ авангардѣ, подъ начальствомъ командира Тверскаго драгунскаго полка, полковника Борковскаго, слѣдовали: туземная милиція, часть Лабинскаго конно-иррегулярнаго эскадрона, двѣ сотни 1-й[4] и двѣ сотни 3-й бригадъ и 3 станка конно-ракетной батареи Кубанскаго казачьяго войска, 1 дивизіонъ Тверскаго драгунскаго полка и взводъ конно-казачьей № 13 батареи, 3 роты 19-го стрѣлковаго баталіона, стрѣлковый баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, 4-я рота 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона, команда пластуновъ конныхъ № 7 и 9 полковъ Кубанскаго казачьяго войска.

Въ правой цѣпи, подъ начальствомъ командира стрѣлковаго баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка, маіора Скворцова[5], находились: стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, три роты сводно-стрѣлковаго резервнаго № 3 баталіона и два горныхъ орудія.

Въ лѣвой цѣпи слѣдовалъ, подъ начальствомъ своего командира, полковника Солтана, стрѣлковый баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка.

Въ аріергардѣ, подъ начальствомъ командира Переяславскаго драгунскаго полка, полковника Джемарджидзе, слѣдовали: 1-й дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ и два орудія облегченной № 3 батареи.

Мѣстность отъ р. Псекупса до р. Марте по большей части ровная, покрыта кустарникомъ и небольшимъ лѣсомъ съ обширными полянами и перерѣзана глубокими балками вперемежку съ незначительными возвышенностями, образующими водораздѣлы р. Псекупса отъ р. Пчаса и Пчаса отъ р. Марте. Мѣстность-же отъ р. Псекупса до ближайшей возвышенности совершенно открытая. На ближайшихъ высотахъ виднѣлась партія абадзеховъ, приблизительно около 1.000 человѣкъ; но съ наступленіемъ отряда часть горцевъ ушла въ лѣсъ, а другая заняла небольшую, впереди лежащую балку.

Слѣдовавшая въ головѣ авангардной колонны, кавалерія бросилась на абадзеховъ и вступила съ ними въ рукопашный бой. Вслѣдъ затѣмъ посланы были, для подкрѣпленія ея, 4 сотни казаковъ съ дивизіономъ драгунъ, 2 конными орудіями и 3 ракетными станками. Опрокинутый непріятель принужденъ былъ удалиться въ глубь лѣса. Во время атаки убитъ начальникъ Бжедуховскаго округа, полковникъ Крымъ-Гирей-Гусаровъ, указавшій удобнѣйшую дорогу къ лагерю у Нивжукай-Хабля на Пчасѣ. Кромѣ Крымъ-Гирея, никто не зналъ хорошо дороги, по которой надлежало слѣдовать; поэтому отрядъ принялъ влѣво и направился къ Пчасу.

Ближайшія опушки лѣса, примыкавшаго къ дорогѣ съ правой стороны, оказались заняты значительными партіями непріятеля, для вытѣсненія которыхъ направлено съ фронта 7 ротъ стрѣлковъ, а въ тылъ по полянѣ—2 сотни Кубанскихъ казаковъ. Но такъ какъ горцы упорно держались въ лѣсу, видимо рѣшившись защищаться до крайности, то изъ правой цѣпи двинулся баталіонъ Апшеронцевъ, а въ помощь казакамъ посланъ дивизіонъ Тверскаго драгунскаго полка, при 3-хъ ракетныхъ станкахъ. Вновь произведенная атака, гдѣ Апшеронцамъ пришлось дѣйствовать штыками, поколебала рѣшимость абадзеховъ, и они, понеся большой уронъ, принуждены были отступить въ глубь лѣса.

При дальнѣйшемъ наступленіи отряда, горцы продолжали слѣдить за нимъ, оставаясь однако внѣ сферы дѣйствія орудійныхъ выстрѣловъ, хотя мѣстность, въ особенности около Шатуко, могла быть обороняема съ успѣхомъ.

Усиливъ авангардъ однимъ баталіономъ и взводомъ облегченной № 4 батареи, и при-

---

[4]) Сотни эти прибыли въ Пшехскій отрядъ изъ Адагумскаго 1-го марта.

[5]) Въ концѣ 1862 г. маіоръ Скворцовъ назначенъ былъ командовать баталіономъ, вмѣсто маіора Шиманскаго.

бавивъ къ правой и лѣвой цѣпи и къ аріергарду также по одному баталіону, отрядъ двинулся къ р. Марте, которой благополучно достигъ, не встрѣчая никакого препятствія съ стороны непріятеля, и расположился для ночлега лагеремъ на правомъ берегу.

Въ отрядѣ въ этотъ день убиты: въ милиціи — штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеръ 1, всадниковъ 2; раненъ Апшеронскаго баталіона *прапорщикъ Колендо*, 1 казакъ и 4 милиціонера. Лошадей убито и ранено: милиціонерскихъ 8, драгунскихъ 1, и казенно-подъемныхъ 2.

На другой день отряду надлежало перейти, съ позиціи на правомъ берегу Марте, ко вновь возведенной на правомъ же берегу Пшиша станицѣ Бжедуховской, т. е. сдѣлать переходъ въ 23 версты.

Для движенія отряда отдана была такая диспозиція.

Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Джемарджидзе, слѣдовали: милиція, часть Лабинскаго конно-иррегулярнаго эскадрона, три сотни Кубанскаго казачьяго войска, три ракетныхъ станка, дивизіонъ переяславскихъ драгунъ, взводъ конныхъ орудій; стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій, гренадерскій, три роты сводно-стрѣлковаго резервнаго № 3 баталіона, рота 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона, команда пластуновъ конныхъ № 4 и 9 полковъ Кубанскаго казачьяго войска и 2 орудія облегченной № 3 батареи 19 артиллерійской бригады.

Правую цѣпь, подъ начальствомъ подполковника Полторацкаго, составляли: три роты 19-го стрѣлковаго баталіона, Самурскій и Ширванскій стрѣлковые баталіоны, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

Лѣвую цѣпь — 5-й резервный баталіонъ Ширванскаго полка.

Аріергардъ, подъ начальствомъ полковника Барковскаго, образовали: дивизіонъ Тверскаго драгунскаго полка, сводно-стрѣлковые баталіоны — резервный № 2 и линейный № 1, при 2-хъ орудіяхъ облегченной № 4 батареи 19 артиллерійской бригады.

При обозѣ, для разбитія палатокъ и занятія карауловъ, находился, подъ начальствомъ своего командира, баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка.

До поворота къ переправѣ черезъ Пшишъ, у Бжедуховской станицы, мѣстность, по которой пролегалъ путь, представлялась большей частью ровной и открытой, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкій густой кустарникъ и топкія балки, напримѣръ на р. Цицѣ, сильно затрудняли движеніе артиллеріи и обоза, и ослабляли дѣйствіе кавалеріи въ конномъ строю. Чтобы отъ возвышенности, прилегающей къ лѣвому берегу Пшиша, достигнуть берега самой рѣки, противъ Бжедуховской станицы, приходилось пройти около 2-хъ верстъ по топямъ, образовавшимся отъ разлива Пшиша и покрытымъ густымъ, едва проходимымъ для одиночныхъ людей кустарникамъ. Впрочемъ, къ мосту на Пшишѣ и устроенной впереди него—на протяженіи около 300 саж.—дамбѣ вели двѣ туземныя дороги, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дотого узкія, что едва могли проходить повозки.

Во все время движенія отряда съ р. Марте до поворота къ переправѣ черезъ Пшишъ, непріятель ограничивался наблюденіемъ издалека, оставаясь внѣ сферы дѣйствительнаго оружейнаго огня; съ приближеніемъ-же войскъ къ переправѣ, оказалось, что опушка лѣса съ правой стороны дороги, по которой шелъ отрядъ, въ особенности по направленію, параллельному дамбѣ, была занята горцами, которые, для усиленія своей позиціи, устроили завалъ, соединявшій двѣ сосѣднія опушки.

Чтобы выбить отсюда непріятеля, командующій войсками Кубанской области, графъ Евдокимовъ, направилъ: съ фронта—2 $^{3}/_{4}$ баталіона [6], при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ

---

[6]) Кавказскій гренадерскій, — 3 роты 19-го и Самурскій стрѣлковые баталіоны, взводъ облегченной № 3 батареи 19 артиллерійской бригады.

полковника Цаберга; справа—подъ начальствомъ командира Апшеронскаго баталіона, маіора Скворцова, 7-мь ротъ (въ томъ числѣ весь Апшеронскій баталіонъ[7]), за которыми слѣдовалъ дивизіонъ Переяславскихъ драгунъ, при 2-хъ конныхъ орудіяхъ. Пользуясь благопріятною для себя мѣстностью, абадзехи изъ-за холмиковъ, деревьевъ, кустовъ и заваловъ открыли сильный огонь по наступавшимъ войскамъ. Но дружная атака наступавшихъ частей заставила непріятеля сначала отойти въ глубь лѣса, а затѣмъ совершенно разсѣяться. Горцы оставили на мѣстѣ боя 9-ть тѣлъ и множество оружія.

Съ цѣлью лишить непріятеля — уже оправившагося отъ пораженія и опять начавшаго показываться изъ-за лѣса — возможности вновь укрѣпиться въ завалѣ, гренадерскій и сводно-резервный стрѣлковые баталіоны, остановясь у завала, заняли часть его, равно какъ и ближайшіе перелѣски и балки, а Апшеронцы и 3 роты сводно-резервнаго № 3 баталіона съ двумя конными орудіями тѣмъ временемъ продолжали перестрѣлку съ горцами, появлявшимися справа у опушекъ.

Послѣ занятія нашей цѣпью лѣса съ правой стороны дамбы, началось слѣдованіе колясокъ Великаго Князя и обоза частей войскъ по двумъ дорогамъ — къ дамбѣ и къ мосту.

Когда часть обоза переправилась чрезъ мостъ, то Августѣйшій Главнокомандующій со свитою, подъ ближайшимъ прикрытіемъ 2-хъ сотенъ казаковъ Кубанскаго казачьяго войска и 2-хъ ротъ сводно-стрѣлковаго линейнаго № 1 баталіона, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, изволилъ по кратчайшей дорогѣ направиться чрезъ лѣсъ къ дамбѣ и, около 5 часовъ пополудни, благополучно прибылъ въ Бжедуховскую станицу. Генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, съ оставшимися на позиціи частями войскъ, продолжалъ отражать нападенія горцевъ, все еще пытавшихся задержать нашу переправу черезъ Пшишъ. Наконецъ, видя безполезность своихъ усилій и, вѣроятно, вслѣдствіе понесенныхъ большихъ потерь, непріятель совершенно прекратилъ перестрѣлку.

Послѣдніе повозки и вьюки переправились по мосту черезъ Пшишъ около 7 часовъ, а аріергардъ прибылъ къ мѣсту своего бивуачнаго расположенія лишь въ 8 часовъ вечера.

Потеря наша въ дѣлѣ 2-го марта заключалась въ 1-мъ убитомъ и 27 раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Большая часть войскъ на ночлегъ расположилась лагеремъ внутри ограды Бжедуховской станицы; а милиція, 3 сотни казаковъ, дивизіонъ драгунъ, одинъ стрѣлковый баталіонъ, команда пластуновъ и 2 горныхъ орудія остались на правомъ берегу Пшиша, на случай если-бы абадзехи вздумали ночью тревожить лагерь, подкрадываясь къ мосту или станищѣ. Однако, въ теченіи всей ночи никакой тревоги не было.

На слѣдующій день войска двинулись въ такомъ порядкѣ.

Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Барковскаго, слѣдовали: вся кавалерія отряда, за исключеніемъ одной сотни, оставленной для усиленія аріергарда. три ракетные станка, при 2-хъ конныхъ орудіяхъ, команда пластуновъ; стрѣлковые баталіоны: Самурскій, сводно-резервный № 2 и сводно-линейный № 4 полубаталіонъ, при 2-хъ орудіяхъ облегченной № 3 батареи 19-й артиллерійской бригады.

Въ правой цѣпи, подъ командой подполковника Евдокимова, — сводно-стрѣлковый линейный № 1 баталіонъ и три роты сводно-стрѣлковаго резервнаго № 3 баталіона, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

Въ лѣвой цѣпи — стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка.

Въ аріергардѣ, подъ начальствомъ полковника Виберга, гренадерскій и 19-й стрѣлковый баталіоны, при 2-хъ орудіяхъ облегченной № 4 батареи 19-й артиллерійской бригады.

[7]) Апшеронскій баталіонъ и 3 роты сводно-стрѣлковаго резервнаго № 3 баталіона.

На рубку просѣки, по прямому направленію къ станицѣ Пшехской, направились саперная рота и 2 баталіона. При обозѣ слѣдовали Ширванскій стрѣлковый баталіонъ и сотня Кубанскихъ казаковъ.

Рубка была прекращена, когда прослѣдовали черезъ лѣсъ обозъ Его Императорскаго Высочества и всѣ войсковыя части. Лишь только войска прошли ближайшій къ Бжедуховской станицѣ лѣсъ, какъ въ его опушкахъ съ правой стороны, прилегавшей къ дорогѣ, появились небольшія толпы конныхъ абадзеховъ. До р. Даргая они оставались внѣ сферы ружейнаго и артиллерійскаго огня; когда-же правая цѣпь приблизилась къ этой рѣкѣ, то партія, конныхъ и пѣшихъ горцевъ, численностью около ста человѣкъ, открыла пальбу по нашимъ стрѣлкамъ, которые быстрымъ занятіемъ опушки, заставили непріятеля удалиться въ глубь лѣса.

Около рѣки Хостака другая партія, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, пыталась занять балку, по которой протекала названная рѣка, чтобы здѣсь задержать движеніе отряда. Но горцы были опрокинуты высланными впередъ казачьими штуцерными и драгунскими наѣздниками, за которыми непосредственно слѣдовали и всѣ сомкнутыя части кавалеріи. Пользуясь встрѣчавшимися на пути полянами, полковники Борковскій и Джемарджидзе преслѣдовали бѣжавшихъ абадзеховъ въ глубь лѣса и, наконецъ, выбили ихъ изъ завалова, устроенныхъ на дорогѣ, шедшей вверхъ по Хостаку.

Наша потеря заключалась: въ одномъ нижнемъ чинѣ убитомъ, одномъ оберъ-офицерѣ и 6 нижнихъ чинахъ раненыхъ и 6 убитыхъ и раненыхъ лошадяхъ.

Около 3-хъ часовъ пополудни, Его Императорское Высочество прибылъ съ авангардомъ въ станицу Пшехскую, а спустя два часа пришелъ обозъ и послѣднія части аріергарда. Весь Пшехскій отрядъ расположился бивуакомъ на лѣвомъ берегу рѣки Пшехи, въ виду станицы Пшехской, неподалеку отъ дороги въ станицу Кубанскую, черезъ которую предполагалось на слѣдующій день двинуться до мѣста расположенія Даховскаго отряда. Впрочемъ, движеніе это было отмѣнено и по слѣдующей причинѣ. Генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ еще въ станицѣ Пшехской получилъ свѣдѣніе, что значительныя массы абадзеховъ наводнили весь лѣсъ, по которому предстояло двигаться отряду, съ намѣреніемъ въ немъ упорно защищаться. Графъ Евдокимовъ доложилъ объ этомъ Главнокомандующему кавказской арміей, и Его Императорское Высочество, желая избѣжать большихъ потерь, неминуемыхъ при дефилированіи войскъ нашихъ черезъ лѣсъ, измѣнилъ маршрутъ, рѣшивъ ѣхать черезъ станицу Ханскую въ городъ Майкопъ. Въ 11 часовъ утра, 4-го марта, Его Высочество роздалъ частямъ Пшехскаго отряда награды, распростился съ войсками и, сопровождаемый драгунами, выѣхалъ изъ станицы Пшехской. Вскорѣ затѣмъ Пшехскій отрядъ раздѣлился на три колонны, изъ которыхъ одна направилась къ мѣсту, избранному для станицы Апшеронской, гдѣ и занялась устройствомъ ограды, заготовленіемъ необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ и рубкою просѣки внизъ по лѣвому берегу рѣки Пшехи[7]; другая — расположилась у станицы Кубанской, для окончанія ея ограды; третья же колонна сначала двинулась къ станицѣ Бжедухской и, очистивъ противъ нея отъ лѣса лѣвый берегъ рѣки Пшиша, — перешла 17-го марта къ Габукаевскому редуту и приступила къ окончательному устройству при немъ окопа.

Во время работъ, у станицы «Апшеронской», собранная изъ Апшеронскаго баталіона охотничья команда время отъ времени производила поиски и набѣги въ непріятельскія мѣстности, причемъ охотники угоняли скотъ, жгли аулы и вообще страшно вредили гор-

7) Въ этой колоннѣ находились и Апшеронцы.

цамъ. Во время одного изъ такихъ поисковъ, именно 21-го марта, когда охотники посланы были осмотрѣть правый берегъ рѣки Пшехи, по направленію къ рѣкѣ Курджипсу, ихъ встрѣтила значительная партія горцевъ. Завязалась перестрѣлка, и охотники, несмотря на численный перевѣсъ горцевъ, опрокинули ихъ и принудили бѣжать.

До конца апрѣля войска занимались работами по возведенію станицъ и въ тотъ же періодъ времени построили Янгскій и Эчепцокскій посты, мосты на рѣчкахъ Янгъ-Даго и Эчепцоко и уширили просѣку по дорогѣ между станицами «Апшеронской и «Кубанской».

27-го апрѣля, начальникъ Пшехскаго отряда, полковникъ Офрейнъ, рѣшилъ осмотрѣть мѣстности влѣво отъ станицъ Пшехской и Самурской, для чего у первой изъ нихъ сосредоточилъ 5-ть баталіоновъ (въ числѣ ихъ и Апшеронскій), два эскадрона драгунъ, двѣ сотни казаковъ, 6-ть орудій и команды пластуновъ и саперъ. Эти войска, выступивъ въ 6-ть часовъ утра изъ лагеря прошли безъ выстрѣла 9 верстъ, до равнины Хіячь. Здѣсь изъ отряда выдѣлилась вся кавалерія и два баталіона, при двухъ конныхъ орудіяхъ, для уничтоженія непріятельскихъ ауловъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ рѣки Дынь-Шекодза, на протяженіи около 4-хъ верстъ отъ впаденія ея въ Пшеху. Драгуны пошли вверхъ по правому берегу, а казаки и пѣхота съ артиллеріей по лѣвому, при чемъ пѣхота слѣдовала правѣе казаковъ, по лѣвой сторонѣ глубокой балки, тянувшейся въ лѣсу параллельно, теченію Дынь-Шекодза, на разстояніи саженъ 200 отъ крайнихъ сакель ауловъ.

Для воспрепятствованія непріятелю угнать скотъ и вывезти имущество, казаки, опередивъ пѣхоту, быстро двинулись въ указанномъ имъ направленіи и, овладѣвъ самымъ дальнимъ ауломъ носившимъ названіе Нагумко-Хабля, успѣли захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, много добычи и часть скота.

Горцы, занявъ сакли и опушку лѣса, подходившаго къ самому аулу, открыли ружейный огонь; но вскорѣ съ праваго берега Дынь-Шекодза подоспѣли драгуны и вмѣстѣ съ казаками овладѣли всѣмъ ауломъ.Вслѣдъ за тѣмъ подошла и пѣхота, захвативъ по дорогѣ въ плѣнъ нѣсколько горцевъ и часть непріятельскаго скота. Предавъ огню аулы, вся колонна отступила. Въ происходившей съ горцами перестрѣлкѣ у насъ ранены—одинъ оберъ-офицеръ и 11-ть нижнихъ чиновъ и 10-ть лошадей убито и ранено. У непріятеля взято въ плѣнъ 23 души обоего пола и отбито 68 штукъ рогатаго скота, 163 барана и захвачено много разнаго имущества.

По истребленіи ауловъ, отрядъ, переправясь черезъ Дынь-Шекодзъ, продолжалъ движеніе; между тѣмъ, толпы разсѣянныхъ горцевъ успѣли собраться и заняли лѣсистые курганы, близь бывшаго Магометъ-Аминовскаго аула, расположившагося на отрогѣ хребта, тянувшагося вдоль лѣваго берега Пшехи. Нѣсколько партій расположились на самомъ гребнѣ хребта и, съ приближеніемъ нашихъ войскъ къ курганамъ, завязали живую перестрѣлку съ правою цѣпью и аріергардомъ. Несмотря на это, войска подвигались безостановочно, отражая всѣ покушенія на наши правый флангъ и тылъ; авангардъ, подойдя къ курганамъ, и встрѣченный сильнымъ огнемъ, стремительно атаковалъ непріятельскую позицію и овладѣлъ ею послѣ непродолжительнаго, упорнаго боя. Въ то-же время правая цѣпь, поддержанная резервами, оттѣснила толпы, угрожавшія нашему правому флангу, и заняла гребень хребта; часть же войскъ изъ главныхъ силъ устремилась въ обходъ лѣваго фланга скопища, атаковавшаго авангардъ. Обходное движеніе и большія потери, понесенныя горцами отъ штуцернаго огня и въ рукопашныхъ схваткахъ, заставили ихъ поспѣшно отступить, послѣ чего войска безпрепятственно продолжали движеніе, уничтожая встрѣчавшіеся по дорогѣ аулы, до самой рѣчки Феэкса, гдѣ и расположились на ночлегъ, не дойдя 19 верстъ до станицы Апшеронской. Во время движенія отъ Дынь-Шекодза и при овладѣніи непрія-

тельскою позиціею у Магометъ-Аминовскаго аула у насъ убитъ одинъ оберъ-офицеръ и 10-ть нижнихъ чиновъ; ранены: одинъ оберъ-офицеръ и 63 нижнихъ чина; лошадей убито и ранено 15-ть. Горцы же, судя по брошенному и подобранному солдатами разнаго рода оружію, понесли весьма значительный уронъ; по собраннымъ свѣдѣніямъ, они оставили близъ Магометъ-Аминовскаго аула до 40 тѣлъ, не считая другихъ убитыхъ и большаго числа раненыхъ.

28-го апрѣля войска подвинулись вверхъ по Пшехѣ еще на 2 1/2 версты; кавалерія, переправившись на правый берегъ рѣки, дошла до строившейся станицы Самурской, а къ вечеру вся колонна возвратилась въ лагерь у станицы Апшеронской. Непріятель нигдѣ не показывался, во время обратнаго движенія войскъ.

Слѣдующіе два дня отрядъ оставался въ лагерѣ, а 1-го мая генералъ-маіоръ Зотовъ, съ колонною изъ 5-ти баталіоновъ и 2-хъ эскадроновъ драгунъ, при 4-хъ орудіяхъ [8], выступилъ изъ Апшеронской ст. къ устью р. Залуко, для рубки лѣса. На другой день колонна, расположившись лагеремъ на Пшехѣ въ двухъ верстахъ отъ Апшеронской, приступила къ рубкѣ просѣки отсюда до станицы и вверхъ по Пшехѣ.

5-го мая, генералъ Зотовъ перешелъ къ ст. Кубанской, а 6-го прибылъ въ Пшехскую. Послѣ двудневнаго отдыха, генералъ-маіоръ Зотовъ, усиливъ войска 3-мя баталіонами, 2-мя эскадронами драгунъ, 4-мя сотнями казаковъ и 4-мя орудіями, взятыми изъ Пшехской, выступилъ, 9-го мая, съ отрядомъ изъ 8-ми баталіоновъ, 4-хъ эксадроновъ драгунъ и 4-хъ сотенъ казаковъ, при 8-ми орудіяхъ [9] къ такъ называемой Анапской переправѣ на Пшишѣ, которую и заняли въ тотъ же день, послѣ незначительной перестрѣлки съ горцами, послѣ чего отрядъ расположился на обоихъ берегахъ Пшиша.

Утромъ, 10-го мая, генералъ Зотовъ, подъ прикрытіемъ части войскъ, произвелъ, перестрѣливаясь съ непріятелемъ; рекогносцировку внизъ по Пшишу до поста Кошхо-Дечука и вверхъ по этой рѣкѣ на 6 1/2 верстъ отъ отряднаго лагеря. Главная задача при движеніи Пшехскаго отряда къ верховьямъ Пшехи, заключалась въ томъ, чтобы, постепенно подвигаясь вверхъ по р. Тхухѣ, вытѣснять непокорное населеніе, гнѣздившееся между верховьями Пшехи и Пшиша, и, затѣмъ, открыть сообщеніе Апшеронской ст. съ уроч. Хадыжи.

Присоединивъ къ себѣ въ Апшеронской ст. еще три баталіона, генералъ-маіоръ Зотовъ выступилъ, 15-го мая, вверхъ по р. Тхухѣ и, пройдя 6-ть верстъ отъ станицы, расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу Тхухи, при аулѣ Цей-Хаблѣ.

До 20-го мая производилась рубка просѣки на пространствѣ между лагеремъ и Апшеронскою станицею; непріятель не оказывалъ никакого сопротивленія работамъ, хотя большія скопища пѣшихъ и конныхъ горцевъ занимали оба берега Тхухи, верстахъ въ двухъ выше лагеря.

Съ 20-го числа началась рубка лѣса впереди лагеря, по направленію къ р. Яша. Не успѣли еще войска начать работъ, какъ горцы произвели нападеніе. О намѣреніи горцевъ дано было знать заблаговременно генералу Зотову, и онъ, для прикрытія работавшихъ войскъ съ фронта, откуда могло быть сдѣлано нападеніе, приказалъ незамѣтно расположить 6-ть стрѣлковыхъ ротъ и 4 орудія, подъ начальствомъ подполковника Экельна [10]. Часовъ въ 10-ть утра толпа пѣшихъ горцевъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, съ гикомъ, атаковала рабочихъ; но, встрѣченная залпами 6-ти стрѣлковыхъ ротъ и картечью изъ горныхъ орудій,

[8] Генералъ-маіоръ Зотовъ вступилъ въ командованіе Пшехскимъ отрядомъ вмѣсто полковника Офрейна.

[9] Стрѣлковые баталіоны: Апшеронскій и Ширванскій, 19-й Кавказскій гренадерскій и сводно-стрѣлковый резервный № 3; два баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка, по дивизіону драгунъ отъ Тверскаго и Переяславскаго полковъ, 4 сотни Терск. каз. войска, по взводу батарейной № 3 и конно-казачьей № 13 батарей и дивизіонъ горныхъ орудій.

[10] Двѣ роты Апшеронцевъ и четыре роты 19-го стрѣлковаго баталіона.

потерпѣла такой уронъ, что уже болѣе не возобновляла непріязненныхъ дѣйствій. Съ нашей стороны въ этомъ дѣлѣ выбыло изъ строя 4-е нижнихъ чина убитыми и одинъ оберъ-офицеръ и 15-ть нижнихъ чиновъ ранеными.

Оставаясь лагеремъ на томъ же мѣстѣ, отрядъ до 28-го мая продолжалъ рубку просѣки и разработку дороги отъ лагеря чрезъ перевалы между рр. Тхухою и Яша и между послѣдней и р. Догуа. При слѣдованіи колоннъ на работу, въ особенности при отступленіи, непріятель ежедневно завязывалъ перестрѣлки. Но, помня урокъ, 20-го числа, горцы уже не отваживались подходить слишкомъ близко къ войскамъ, вслѣдствіе чего и наша потеря войскъ была незначительная, за исключеніемъ 26-го мая, когда ранено было 15-ть нижнихъ чиновъ. Въ этотъ день работъ не предполагалось вести. Генералъ-маіоръ Зотовъ рѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ и разорить ближайшіе къ лагерю аулы, лежавшіе по обоимъ берегамъ р. Тхухи. 5-ть стрѣлковыхъ ротъ (три Апшеронскихъ и двѣ Ширванскаго стрѣлковаго баталіона), подъ командою маіора Скворцова, двинулись изъ лагеря вверхъ по правому берегу Тхухи, между тѣмъ какъ вся кавалерія понеслась по лѣвому берегу рѣки. Какъ ни быстро произведено было нападеніе, однако горцы все-таки успѣли угнать въ лѣсъ скотъ, пасшійся въ 6-ти верстахъ выше лагеря, такъ что удалось отхватить только небольшое стадо въ 120 головъ, преимущественно мелкаго скота.

Въ различнаго рода работахъ и движеніяхъ въ предѣлы непріятеля прошла остальная часть года. Апшеронскій баталіонъ, находясь въ Пшехскомъ отрядѣ, принималъ непосредственное участіе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, изъ которыхъ отмѣтимъ болѣе выдающееся для Апшеронцевъ дѣло 7-го іюня, при отступленіи Пшехскаго отряда отъ Хадыжей.

Въ первыхъ числахъ іюня, начальникъ Пшехскаго отряда, полковникъ Вибергъ, предпринялъ поискъ къ аулу Хадыжу, увѣнчавшійся успѣхомъ. Истребивъ нѣсколько непріятельскихъ ауловъ, отрядъ двинулся обратно къ ст. Пщехинской, имѣя въ аріергардѣ стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Скворцова. Какъ только отрядъ началъ отступленіе, то горцы всей массой обрушились на аріергардъ и два раза ходили въ шашки и кинжалы, но были отброшены съ большимъ урономъ. Полковникъ Вибергъ, предполагая большую потерю въ баталіонѣ и желая дать ему отдыхъ, назначилъ въ аріергардъ другой баталіонъ, а Апшеронцы переправились за оврагъ и заняли его возвышенный лѣвый берегъ. Между тѣмъ, смѣнившій Апшеронцевъ баталіонъ (сводно-стрѣлковый резервный № 3) у самаго оврага былъ атакованъ непріятелемъ, который, сдѣлавъ залпъ, бросился въ шашки. Произошло замѣшательство и неопытные люди бросились къ рѣчкѣ. Но Апшеронцы не дали дѣлу принять неблагопріятнаго оборота. Раздался дружный крикъ: «Держись, Апшеронцы идутъ!»—и 1-ая стрѣлковая рота, какъ одинъ человѣкъ, мгновенно очутилась на противуположной сторонѣ оврага и бросилась въ штыки на торжествующія толпы непріятеля. Горцы приняли Апшеронцевъ въ кинжалы: завязалась хотя и непродолжительная, но весьма ожесточенная схватка. Непріятель былъ опрокинутъ, потерялъ много убитыхъ и раненыхъ, и, наконецъ, прогнанъ. Однако, молодецкое дѣло Апшеронцевъ недешево имъ обошлось: рота потеряла 7 человѣкъ убитыми и 11 ранеными. Послѣ того Апшеронскій баталіонъ снова отошелъ въ аріергардъ, гдѣ и оставался до самого прихода отряда въ ст. Пшехинскую.

1863 годъ былъ знаменательный для полка. Въ этотъ годъ Апшеронцы осчастливлены были Высокою Царскою милостію: Высочайшимъ приказомъ 11-го августа 1863 года, Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ назначенъ Шефомъ полка. Эта Царская милость была встрѣчена въ полку съ живѣйшею радостію и восторгомъ, и вотъ уже двадцать восемь лѣтъ, какъ Апшеронцы съ гордостью имѣютъ счастіе считать первымъ

офицеромъ своего полка Его Императорское Высочество Августѣйшаго Шефа, Великаго Князя Георгія Михаиловича.

Для окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, графъ Евдокимовъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи въ началѣ 1864 года трехъ отрядовъ, которымъ надлежало согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями войскъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства, направляемыхъ съ тою-же цѣлью изъ Джигетіи и Абхазіи на общества Ахчипсу и Пеху.

Правая колонна (Хамышейскій отрядъ), предназначенная Его Императорскимъ Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ для дѣйствій въ связи съ Даховскимъ отрядомъ, состояла изъ 5 1/2 баталіоновъ пѣхоты и одной сотни казаковъ, при взводѣ горныхъ орудій.

Средняя и лѣвая колонны (Мало-Лабинскій отрядъ)[11] были сосредоточены первоначально на урочищѣ Малаго Рашташита; въ составъ обѣихъ колоннъ входило 12 баталіоновъ и 2 сотни казаковъ, при взводѣ горныхъ орудій.

Къ концу апрѣля мѣсяца войска всѣхъ трехъ колоннъ заняли назначенныя имъ мѣста, и тогда графъ Евдокимовъ приказалъ начать работы.

Задача правой колонны заключалась: въ разработкѣ вьючной дороги отъ Хамышейскаго укрѣпленія вверхъ по лѣвому берегу Бѣлой до устья рѣки Гузеритля, а оттуда по послѣдней рѣкѣ къ Бѣлорѣченскому перевалу, гдѣ надлежало войти въ связь съ передовыми частями Даховскаго отряда. Средняя колонна долженствовала проложить вьючную тропу отъ урочища Малаго Рашташита къ перевалу Псегашко и, перейдя послѣдній, соединиться съ Ахчипсуховскимъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ на Ахчипсу отъ морскаго берега вверхъ по рѣкѣ Мзымтѣ. Задача лѣвой колонны заключалась въ открытіи вьючнаго сообщенія черезъ Умпыръ и Загданъ съ переваломъ изъ Большой Лабы на Бзыбь; по переходѣ этого перевала колонна дѣйствовала въ связи съ Псхувскимъ отрядомъ, предполагавшимъ наступать изъ Абхазіи къ горному обществу Псху.

Хотя глубокій снѣгъ, лежавшій на перевалахъ черезъ хребетъ, затруднялъ быстрое исполненіе возложенныхъ на войска задачъ, но, тѣмъ не менѣе, работы подвигались впередъ. Лишь совершенная недоступность Больше-Лабинскаго перевала не только въ апрѣлѣ, но даже и въ маѣ мѣсяцѣ, вынудила отмѣнить движеніе лѣвой колонны на этотъ перевалъ. Большая часть войскъ послѣдней колонны, совмѣстно съ среднею колонною, была обращена на скорѣйшую разработку вьючной тропы на перевалъ Псегашко и дороги отъ Малаго Рашташита къ Ултыру.

Пшехскій отрядъ остался въ Пшишскомъ ущельи для окончанія тамъ дороги и открытія колеснаго сообщенія черезъ Гойтхскій перевалъ.

Перейдемъ теперь къ дѣйствіямъ Мало-Лабинскаго отряда (такъ назывался отрядъ генерала Граббе — средняя и лѣвая колонны).

Въ началѣ мая мѣсяца наступившаго года, войска Мало-Лабинскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Граббе, были расположены лагеремъ на горѣ Старгварта; они разработали дорогу по Шангиреевскому ущелью до рѣки Малый Рашташитъ, а отсюда проложили вьючную дорогу вверхъ по рѣкѣ Малой Лабѣ, на протяженіи одной версты, и по горѣ Старгварта, на перевалъ Псегашко — на 10 верстъ. Къ 7-му мая въ главномъ лагерѣ отряда, для движенія на южный склонъ Кавказскаго хребта, сосредоточились 10 баталіоновъ, 4 сотни казаковъ, 2 сотни милиціи и взводъ горныхъ орудій раздѣленные на двѣ колонны: одна, изъ семи баталіоновъ пѣхоты, сотни милиціи, двухъ сотенъ казаковъ и взвода горныхъ орудій[12], направлена налегкахъ къ рѣкѣ Алуусъ, для разработки вьючной дороги.

---

[11]) Апшеронскій стрѣлковый баталіонъ вошелъ въ составъ Мало-Лабинскаго отряда.

[12]) Въ томъ числѣ стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка.

Полковникъ Ильиничъ со второю колонною (3 баталіона, сотня милиціи и двѣ сотни казаковъ), двигаясь по слѣдамъ первой колонны, прикрывалъ вьюки отряда.

Поднявшись къ верховьямъ рѣки Малый Алуусъ, отрядъ спустился внизъ по ея теченію едва замѣтной тропинкой, разработывая почти на каждомъ шагу дорогу, заваленную крупными деревьями. При переходѣ черезъ высоту, раздѣляющую воды Алууса и Урумтена, партія горцевъ, засѣвъ на одной изъ высотъ, черезъ которую надлежало проходить войскамъ, сдѣлала залпъ по шедшему въ авангардѣ Апшеронскому стрѣлковому баталіону. Но Апшеронцевъ не смутила такая неожиданность: они безъ выстрѣла, съ крикомъ «ура», бросились въ штыки и отбросили горцевъ. Послѣ того непріятель еще нѣкоторое время велъ слабую перестрѣлку, а затѣмъ совершенно скрылся. Продолжая слѣдовать далѣе, войска уже въ сумеркахъ остановились на позиціи при рѣкѣ Малыхъ-Адзы, пройдя съ утра 10 верстъ.

Въ этой перестрѣлкѣ съ нашей стороны убиты проводникъ отряда (туземецъ) и два рядовыхъ Апшеронца.

10-го числа, войска, двигаясь въ томъ-же порядкѣ, подошли къ рѣкѣ Уруштенъ. Но значительная глубина рѣки и сильное теченіе, вслѣдствіе шедшаго цѣлыя сутки дождя, замедлили переправу, и отрядъ только къ вечеру успѣлъ переправиться на лѣвый берегъ, гдѣ и расположился на ночлегъ. Къ утру слѣдующаго дня устроили мостъ на козлахъ черезъ рѣку Уруштенъ.

Оставивъ баталіонъ Владикавказскаго полка на полянѣ Ачи-Капарты, для устройства поста, охраненія моста и разработки дороги назадъ къ рѣкѣ Мамырь-Адзы, генералъ Граббе съ остальными войсками продолжалъ движеніе вверхъ по рѣкѣ Уруштену, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Колонна полковника Нолькена, въ составѣ Апшеронскаго, Ширванскаго и сводно-стрѣлковаго баталіоновъ, одной сотни казаковъ и милиціи при взводѣ орудій, шла впереди, разработывая дорогу; а по ея слѣдамъ двигалась колонна полковника Ильинича (2 баталіона и сотня казаковъ), прикрывая вьюки отряда. Достигнувъ вершины Уруштена, отрядъ расположился на ночлегъ при сліяніи истоковъ Уруштена, Большаго и Малаго Псизипса, гдѣ былъ временно назначенъ складъ провіанта. 12-го мая на позиціи Псизипса остался одинъ баталіонъ для устройства поста, а остальныя войска, двумя колоннами, двинулись къ перевалу Псегашко.

Авангардная колонна, подъ начальствомъ полковника Нолькена (Апшеронскій, Ширванскій и сводно-стрѣлковый баталіоны, при взводѣ орудій, съ милиціею и двумя сотнями казаковъ), получила назначеніе проложить дорогу черезъ снѣжный перевалъ, къ спуску на южный склонъ; колонна же полковника Ильинича сопровождала вьюки авангарда. Достигнувъ на 5-й верстѣ перевала Псегашко, генералъ Граббе далъ войскамъ получасовой отдыхъ и затѣмъ двинулся къ спуску. Колонна полковника Нолькена, пройдя 20 верстъ отъ позиціи Псизипса, подошла къ небольшой полянѣ, на южномъ склонѣ, и расположилась здѣсь на ночлегъ. Войска полковника Ильинича имѣли ночлегъ въ 4-хъ верстахъ позади первой колонны и присоединились къ ней съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Во время спуска отряда, по южному весьма крутому склону, 10 лошадей сорвались съ кручъ и расшиблись на-смерть.

Въ виду того, что площадь занятой войсками позиціи была недостаточна для лагернаго расположенія и вокругъ отсутствовалъ подножный кормъ, генералъ Граббе, въ часъ пополудни передвинулся къ рѣкѣ Мзымтѣ и расположился лагеремъ въ долинѣ Аріута.

Здѣсь начальникъ отряда получилъ свѣдѣніе, что въ котловинѣ Мзынтъ проживаютъ

еще около пятисотъ семействъ туземцевъ, изъ числа коихъ 200 семействъ направились къ псхувцамъ, а остальныя раздѣлились на три партіи: одна желала перейти въ наши предѣлы, другая слѣдовала внизъ по рѣкѣ Мзымту для переселенія въ Турцію, а третья скрывалась въ верховьяхъ Мзымта и ея притоковъ.

Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1864 году принудили шапсуговъ, абадзеховъ и убыховъ уйти въ Турцію. Проѣзжая горами на всемъ протяженіи отъ Мзымты до Геленджика, трудно было открыть остатки горнаго населенія, безъ особенно настойчиваго разслѣдованія мѣстности. Только въ самыхъ страшныхъ трущобахъ Кавказскаго хребта находились еще по одному, по два или по три семейства горцевъ, не успѣвшихъ своевременно уйти въ Турцію. На всемъ Западномъ Кавказѣ всего сгруппированнаго населенія осталось лишь нѣсколько десятковъ семействъ, извѣстныхъ подъ именемъ Хокучей и занимавшихъ котловину верховья Псезуапсе.

За непокорными племенами послѣдовала въ Турцію большая часть натухайцевъ и шапсугъ, водворившихся въ прошломъ году на Прикубанской плоскости.

20-го мая, дѣйствующіе въ Кубанской области отряды сошлись въ урочищѣ Гбаада, куда наканунѣ изволилъ прибыть Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

21-го мая, съ утра, войска стали обширнымъ покоемъ въ баталіонныхъ колоннахъ и, послѣ объѣзда Его Высочествомъ всѣхъ линій выстроенныхъ войскъ, на небольшомъ курганѣ, посреди обрамленной войсками площади, совершилось благодарственное Богу молебствіе, съ пушечными выстрѣлами, далеко разнесшими перекатнымъ эхомъ побѣдоносное умиротвореніе обширной страны.

Послѣ духовнаго торжества, начался церемоніальный маршъ побаталіонно въ колоннахъ, подъ звуки хора музыки.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, большая часть войскъ выступила на разработку дорогъ по Мзымтѣ, а стрѣлковые баталіоны 20-й и 21-й пѣхотной дивизіи двинулись въ свои штабъ-квартиры.

Штабъ-квартира полка, урочище Ишкарты, куда перешли Апшеронцы въ 1858 году, лежитъ въ глубокой котловинѣ, образуемой отрогами Койсубулинскаго хребта. Воздухъ здѣсь очень чистый, здоровый; въ моментъ перехода полка въ Ишкартахъ насчитывалось всего только нѣсколько турлучныхъ зданій—помѣщеній для офицеровъ и такія-же казармы. Жизненныхъ удобствъ не было никакихъ; все необходимое выписывалось изъ укр. Темиръ-Ханъ-Шуры, отстоявшей отъ Ишкартовъ на 14-ть верстъ. До 1860 года штабъ-квартира имѣла самый плачевный видъ, потому что о ней некому было позаботиться: баталіоны все время находились въ походѣ и въ Ишкартахъ стояло только нѣсколько ротъ, помѣщеній для которыхъ оказывалось вполнѣ достаточно. Но кончилась война, Шамиля плѣнили—и баталіоны возвратились въ свою штабъ-квартиру. Потребность въ помѣщеніяхъ для нижнихъ чиновъ и для офицеровъ съ ихъ семействами сдѣлалась весьма ощутительною,—и полкъ съ лихорадочною дѣятельностью приступилъ къ различнымъ постройкамъ. Скоро явились зданіе полковаго клуба, лазаретъ, казармы увеличены, сооружены частные дома, начали разводить полковой садъ. Благодаря заботливости командира полка, Арзаса Артемьевича Тергукасова, полковое общество быстро сплотилось, часто устраивались семейные вечера, посѣщеніе которыхъ было обязательно. Будучи самъ холостымъ человѣкомъ, Арзасъ Артемьевичъ чрезвычайно любилъ общество и то, чтобы у него каждый день обѣдали офицеры, которыхъ приглашалъ къ столу по нѣсколько человѣкъ. Встрѣтится-ли нужда у офицера или посѣтитъ его какое нибудь несчастье,—командиръ полка являлся первымъ на

помощь, но такъ деликатно, что никогда не затрогивалъ самолюбія офицера. Арзасъ Артемьевичъ зналъ каждаго офицера такъ-же, какъ самого себя, зналъ его хорошія и дурныя стороны и лаской старался искоренить послѣднія. Теперь уже прошло 27 лѣтъ, какъ этотъ всѣми уважаемый и достойнѣйшій изъ полковыхъ командировъ, покинулъ полкъ, а между тѣмъ добрая слава о немъ и до сихъ поръ живетъ; еще и теперь въ полку служатъ офицеры, помнящіе Арзаса Артемьевича и разсказывающіе о его добрыхъ дѣлахъ. Бѣднякомъ полковникъ Тергукасовъ вступилъ въ командованіе полкомъ и такимъ-же его и покинулъ,— и это въ то доброе старое время, когда другіе наживались. Когда Арзасъ Артемьевичъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, то онъ, изъ образовавшихся экономическихъ суммъ, роздалъ бѣднымъ офицерамъ безвозвратно по 300—400 руб., не взявъ себѣ ни копѣйки. Теперь уже этотъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ покончилъ свою славную, обильную добрыми дѣлами жизнь:—вѣчная память ему. Глубокій всесторонне развитой умъ, большая начитанность, прекрасная боевая подготовка и опытъ — вотъ характерныя черты Арзаса Артемьевича. Въ минувшую кампанію съ Турціей 1877—1878 гг., генералъ Тергукасовъ занималъ уже видное назначеніе, командуя Эриванскимъ отрядомъ и за подвиги въ эту кампанію награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, сынъ армянскаго протоіерея Тифлисской губерніи, родился въ 1819 году; по окончаніи первоначальнаго образованія въ Тифлисѣ, онъ, въ 1833 году, поступилъ своекоштнымъ кадетомъ въ институтъ корпуса путей сообщенія. Въ 1837 году, по окончаніи курса, произведенъ былъ въ прапорщики, съ оставленіемъ при институтѣ для продолженія курса наукъ. Въ 1838 году Арзасъ Артемьевичъ произведенъ въ подпоручики, а въ слѣдующемъ году назначенъ на службу въ 1-ю дирекцію петербургскихъ дорогъ. Прослуживъ здѣсь два года, онъ произведенъ былъ въ поручики, а въ 1841 году переведенъ въ дирекцію военныхъ сообщеній на Кавказѣ. Въ 1843 году, въ чинѣ уже капитана, Тергукасова назначили начальникомъ 1-й дистанціи II отдѣленія VIII округа, затѣмъ помощникомъ начальника 2-го отдѣленія, а въ 1845 году—исправляющимъ должность начальника этого отдѣленія. Но, какъ видно, служба въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія не по душѣ была Арзасу Артемьевичу; не ко двору пришелся онъ и своимъ сослуживцамъ: это былъ пришлецъ, съ какими-то своеобразными, нетерпимыми взглядами на казенное добро. Въ 1850 году капитанъ Тергукасовъ уволенъ отъ службы подполковникомъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Но въ отставкѣ Арзасъ Артемьевичъ прожилъ только два года: 6-го марта 1852 года онъ былъ опредѣленъ вновь на службу маіоромъ въ Апшеронскій полкъ. Въ маѣ мѣсяцѣ маіоръ Тергукасовъ прибылъ въ полкъ, а въ слѣдующемъ году получилъ въ командованіе 3-й баталіонъ. Участвуя съ полкомъ во всѣхъ дѣлахъ съ горцами, Арзасъ Артемьевичъ, независимо Монаршихъ благоволеній, послѣдовательно получилъ: чинъ подполковника, орденъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною, чинъ полковника, золотое оружіе и, за штурмъ Гуниба, удостоенъ орденовъ: Св. Георгія 4-й ст. и Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Полковникъ Тергукасовъ командовалъ Апшеронцами до 6-го августа 1865 года, когда, произведенный въ генералы, онъ сдалъ полкъ полковнику Евграфу Ивановичу Евдокимову. Новый командиръ принялъ полкъ въ самомъ блистательномъ видѣ: цейхгаузы были полны всякаго добра, строевая подготовка и выправка солдатъ не оставляли желать ничего лучшаго, общество офицеровъ прекрасное. Трехлѣтнее командованіе полкомъ полковника Евдокимова прошло довольно спокойно; въ 1867 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и въ запасныя войска. Отъ него принялъ полкъ полковникъ

Василій Аристарховичъ Давыдовъ, который, прокомандовавъ только два года, произведенъ въ генералы и сдалъ полкъ полковнику Николаю Ивановичу Ореусу.

По возвращеніи своемъ съ Западнаго Кавказа, стрѣлковый баталіонъ не разбился поротно, а продолжалъ свое существованіе какъ самостоятельная стрѣлковая часть и стоялъ большей частью въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Принимая въ соображеніе вооруженія стрѣлковъ того времени, штуцера и систему обученія, которыя слишкомъ далеки были отъ совершенства, — все-таки стрѣлковое дѣло въ этомъ баталіонѣ стояло очень высоко, онъ стрѣлялъ прекрасно, да и люди туда выбирались лучшіе со всего полка. За то стрѣльба линейныхъ баталіоновъ полка, откровенно сознаться, была изъ рукъ вонъ плоха и результаты ея на смотрахъ могутъ вызвать у насъ теперь только улыбку. Въ самомъ дѣлѣ: баталіонъ, дѣлая залпъ, на разстояніи 500—700 шаговъ, попадалъ въ мишень 5—6 пуль, много-много—десять, и это считалось еще удовлетворительной стрѣльбой. Впрочемъ, тутъ три четверти вины слѣдуетъ отнести полному несовершенству вооруженія. Оно, конечно, смѣшно, но, съ другой стороны, наводитъ и на размышленія: вѣдь съ такими ружьями мы покорили край съ милліоннымъ населеніемъ, жители котораго были вооружены нарѣзными ружьями. Слѣдовательно, какъ же должна была быть велика нравственная сила солдата, когда, имѣя дѣло съ противникомъ лучше его вооруженнымъ, онъ все упованіе свое возлагалъ только на штыкъ и этимъ штыкомъ побѣждалъ врага. Немудрено, что наши кавказскіе солдаты предпочитали открытую схватку перестрѣлкѣ, ибо въ первой они всегда видѣли побѣду, а во второй уронъ для себя. «Пуля дура, а штыкъ молодецъ», говорилъ всегда нашъ солдатъ:— и это изреченіе являлось неопровержимою истиною.

Изъ происшедшихъ въ полку перемѣнъ отмѣтимъ одну, касавшуюся состава его: въ 1862 году 5-й баталіонъ упраздненъ и полкъ приведенъ въ составъ 3-хъ дѣйствующихъ и одного резервнаго баталіоновъ.

Восемь лѣтъ, протекшихъ вслѣдъ за покореніемъ Западнаго Кавказа, посвящены были мирнымъ занятіямъ и усовершенствованіямъ полка въ строевомъ и стрѣлковомъ дѣлѣ, согласно требованій того времени.

Для Апшеронцевъ эти восемь лѣтъ явились отдыхомъ послѣ 44 лѣтъ непрерывной борьбы съ фанатичнымъ населеніемъ Восточнаго и Западнаго Кавказа, борьбы, изъ которой полкъ вышелъ побѣдителемъ и получилъ не мало отличій. Въ числѣ послѣднихъ отмѣтимъ еще одно. 19-го февраля 1868 года полку Высочайше пожалованы четыре Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за отличіе при покореніи Восточнаго Кавказа въ 1859 году». Это была послѣдняя Монаршая награда за боевыя заслуги Апшеронскаго полка въ минувшую Кавказскую войну.

За отличія при покореніи Западнаго Кавказа, всѣмъ четыремъ ротамъ стрѣлковаго баталіона Апшеронскаго полка Высочайше пожаловано по Георгіевскому серебряному рожку, съ надписью «за отличіе при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году» [13]).

Чинамъ баталіона за 1863 и 1864 годы пожалованы награды: ордена: маіорамъ—Скворцову—Св. Станислава 2-й степени съ мечами и корону къ ордену съ мечами; Попову-Азотову — Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ; Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ штабсъ-капитану Гогоберидзе, поручикамъ: Гросману и Ставрову, подпоручику Маслову и прапорщику Трухновскому. Слѣдующіе чины: маіору Скворцову, штабсъ-капитану князю Магалову, поручикамъ Ставрову и Савицкому, подпоручику Орлову, прапорщикамъ: Арешеву, Герштенцвейгу, Астафьеву, Сливинскому, Гранникову и Тоцкому. Возвращенъ чинъ штабсъ-капитана

[13]) Высочайшій приказъ 20-го іюля 1865 г.

прапорщику Гамазову. Чины прапорщика: юнкеру Комарову; унтеръ-офицерамъ: Ястребову, Всеволоду Граннікову, Николаю Астафьеву и Аѳанасію Сливинскому.

Знаки отличія Военнаго ордена: 2-й степени—фельдфебелю Ѳедору Перфильеву; 4-й степени унтеръ-офицерамъ: Ивану Комельчуку, Филиппу Батракову, Степану Верещагину, Матвѣю Нефедову, Ѳомѣ Иванову, Венедикту Ротковскому, Василію Булычеву и Павлу Летанину; рядовымъ: Григорію Егорову, Герасиму Папкину, Ильѣ Солодову, Степану Голозубову, Петру Кушнырюку, Еремѣю Капралову, Игнату Харламову, Алексѣю Бочкареву, Григорію Ходякову, Григорію Усову, Андрею Манченко, Ѳедору Носкову, Петру Бондаренку, Леонтію Лашкину, Сидору Самородову, Касперу Купѣ, Панкрату Терентьеву, Михаилу Буту, Ивану Буравлеву, Нефеду Шавраюку, Ивану Сачикову и Михаилу Доимиченко [14]).

Кромѣ того, согласно приказа отъ 27-го іюля 1864 года за №№ 236 и 239, всѣмъ чинамъ Кавказской арміи пожалованы особые кресты въ память покоренія Восточнаго и Западнаго Кавказа. Кресты должны носиться на правой сторонѣ груди.

[14]) Приказы по Кавказской арміи за 1863, 1864 и 1865 годы; №№ 466, 525, 142, 156, 224, 234, 14, 19, 72, 101, 138 и 148.

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ[1].

Глава Девятнадцатая.

Первые наши походы въ Хиву. — Разстояніе отъ нашихъ владѣній до Хивы. — Рѣшеніе предпринять походъ. — Рекогносцировка 1872 года. — Назначеніе въ походъ частей Апшеронскаго полка. — Сосредоточеніе войскъ въ Киндерли. — Составъ отряда. — Инструкціи начальнику Мангишлакскаго отряда. — Распредѣленіе по ротамъ верблюдовъ. — Приказъ по отряду. — Выступленіе Апшеронской колонны изъ Киндерли. — Переходъ къ Сенеку. — Недостатокъ воды. — Страшныя мученія солдатъ. — Движеніе отъ Сенека къ Бишъ-Акты. — Оставленіе 8-й роты Апшеронцевъ гарнизономъ въ Бишъ-Акты. — Переходъ къ Бусага. — Окончательный составъ отряда. — Уменьшеніе въ отрядѣ дачи сухарей. — Движеніе къ колодцамъ Ильтедже. — Устюртъ. — Легенда о пустынѣ. — Миражи. — Добываніе изъ колодцевъ воды. — Вечернie переходы. — Приходъ въ Ильтедже 12-й роты Апшеронцевъ. — Очистка колодцевъ. — Оставленіе 12-й роты у Ильтедже. — Порядокъ движенія къ Айбугиру. — Тяжелый переходъ къ Байчагиру. — Прибытіе нарочнаго отъ генерала Веревкина. — Предписанія полковнику Ломакину. — Отъ Табанъ-су до Алана. — Стычка съ киргизами у Итыбая. — Отбитіе 800 пуд. крупы. — Движеніе къ гор. Ходжейли. — Падежъ лошадей. — Колодцы Учь-кудукъ. — Спасительный дождь. — Ночлегъ въ Устюртѣ съ 10-го на 11-е мая. — Вступленіе въ Хивинское ханство. — Первые поселки. — Бивуакъ у колодцевъ Бураганъ. — Переходъ къ Кунграду. — Соединеніе Мангишлакскаго отряда съ Оренбургскимъ. — Нападеніе хивинцевъ на наше стадо. — Кунградъ. — Окончаніе труднаго похода по пустынямъ. — Результаты похода. — Видъ кавказскихъ войскъ. — Геройское отступленіе 12-й роты изъ Ильтедже въ Бишъ-Акты.

Изъ числа войнъ и походовъ, въ которыхъ пришлось участвовать Апшеронскому полку, Хивинскій походъ 1873 года занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по трудностямъ и лишеніямъ, испытаннымъ нашими войсками.

Небольшое Хивинское ханство, отдѣленное отъ русскихъ владѣній трудно-проходимыми пустынями, въ силу своего счастливаго географическаго положенія, въ продолженіи почти двухъ столѣтій, сохраняло независимость; хивинцы грабили русскіе караваны, производили нападенія на покорныхъ намъ киргизовъ и русскіе поселки, убивали ихъ жителей или уводили въ плѣнъ.

Первый нашъ походъ противъ Хивы, предпринятый еще въ 1717 году, при Петрѣ Великомъ, окончился весьма трагически: русскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, благодаря обману и вѣроломству хивинцевъ, а главнымъ образомъ излишней довѣрчивости князя, былъ совершенно истребленъ. Гордые своимъ случайнымъ успѣхомъ, хивинцы стали въ явно враждебныя отношенія къ намъ: они усилили набѣги, и грабежи, и подстрекали киргизовъ и покорныхъ намъ туркменъ похищать русскихъ людей и потомъ покупали ихъ.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до царствованія Императора Александра I. Послѣ окончанія войнъ съ французами, Александръ I обратилъ свое вниманіе на Среднюю Азію,

---

[1]) Матеріаломъ для описанія Хивинскаго похода послужили намъ дѣла за №№ 5701 и 5703 Военно-Ученаго архива: «Матеріалы для описанія Хивинскаго похода», составленные подъ редакціею генералъ-лейтенанта В. Н. Троцкаго.

Матеріалы эти изложены весьма обстоятельно и настолько компетентно, что намъ пришлось только подвергнуть ихъ самому незначительному измѣненію и сокращенію. *Авторъ.*

*

и у него явилось желаніе упорядочить наши отношенія съ Хивой. Императоръ предложилъ бывшему тогда Оренбургскому военному губернатору, генералу Эссену, послать одного изъ чиновниковъ къ Хивинскому хану, съ цѣлью установить правильныя пограничныя сношенія. Но посылка чиновника изъ Оренбурга не состоялась; за то съ Кавказа генералъ Ермоловъ отправилъ въ Хиву штабсъ-капитана Муравьева, которому поручилъ «склонить туркменъ, или трухменцевъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею».

Попытка Ермолова окончилась полной неудачею: хивинцы держали Муравьева, какъ въ плѣну, съ трудомъ допустили до аудіенціи у хана, отобрали у него всѣ привезенные имъ подарки и едва отпустили его обратно. Когда же хивинцы узнали, что Муравьевъ былъ не таможенный чиновникъ, за каковаго онъ себя выдавалъ, а офицеръ, то сожалѣли, что не отрубили ему головы.

Въ 1839 году, въ царствованіе Императора Николая I, предпринятъ былъ второй походъ въ Хиву. Отрядъ нашъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго, выступилъ зимою къ Хивѣ; но, испытавъ цѣлый рядъ страшныхъ лишеній въ борьбѣ со снѣжными мятелями, Перовскій возвратился въ Оренбургъ и, такимъ образомъ, экспедиція неудалась.

Прошло еще 30 лѣтъ. Блистательные успѣхи нашего оружія въ Средней Азіи, покореніе Коканскаго ханства, разгромъ Бухары и отнятіе отъ нея города Самарканда, казалось, должны были повліять на Хивинское ханство и заставить его перемѣнить свои къ намъ отношенія. Но хивинцы слишкомъ были увѣрены въ неодолимости тѣхъ преградъ, которыя сама природа воздвигла между ними и русскими; они подстрекали противъ насъ туркменъ и по-прежнему производили грабежи и насилія. Такое положеніе долго продолжаться не могло, и покореніе Хивинскаго ханства сдѣлалось крайне настоятельной задачей.

Находясь въ соприкосновеніи съ Туркестанскимъ, Оренбургскимъ и Кавказскимъ военными округами, Хивинское ханство отъ каждаго изъ нихъ отдѣлялось песчаными пустынями, считающимися однѣми изъ самыхъ страшныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Со стороны Туркестана, ближайшіе къ Хивѣ пункты — Казалинскъ, Перовскъ, Самаркандъ и Ташкентъ — находятся въ разстояніи отъ 660 до 890 верстъ. Оренбургъ отстоитъ отъ Хивы на 1395 верстъ, а Уральскъ — на 1495 верстъ. Со стороны Кавказа опорными пунктами при дѣйствіяхъ нашихъ противъ Хивы могли служить: фортъ Александровскій, заливъ Киндерли, Красноводскъ и Чикишляръ; первый изъ нихъ отстоялъ отъ Хивы на 1000 верстъ, второй — на 814, третій — на 800 и четвертый — на 750 верстъ. Вотъ въ какомъ отдаленіи находились предполагаемыя базы будущихъ нашихъ операцій противъ Хивинскаго ханства. Хотя путь изъ Оренбурга былъ самымъ длиннымъ, но за то представлялся самымъ безопаснымъ и наиболѣе удобнымъ для движенія. Экспедицію противъ Хивы рѣшено было предпринять въ 1873 году и двинуть войска съ трехъ сторонъ: со стороны Кавказа — Мангишлакскій отрядъ, со стороны Оренбурга — Оренбургскій отрядъ и со стороны Ташкента — Ташкентскій отрядъ. Главное начальство надъ всѣми войсками ввѣрено было командующему войсками Туркестанскаго округа, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману.

Когда переговоры, веденные съ Хивою въ 1872 году, не привели къ благопріятнымъ результатамъ, то осенью того же года произведены были двѣ рекогносцировки: со стороны Красноводска и Мангишлака, съ цѣлью опредѣленія наиудобнѣйшихъ путей движенія къ Хивѣ. Во время рекогносцировки, 7-го октября 1872 года, у колодцевъ Топіатана, текинцы произвели нападеніе на одну изъ нашихъ колоннъ, что свидѣтельствовало о явно враждебномъ отношеніи къ намъ и хивинцевъ. Упорство хивинскаго хана Сеидъ-Магомета и нежe-

ланіе его исполнить законныя требованія нашего правительства служили вполнѣ достаточной причиной для открытія военныхъ дѣйствій противъ ханства.

Иниціатива движенія кавказскихъ войскъ къ Хивѣ всецѣло принадлежала Августѣйшему главнокомандующему Кавказской арміей, Великому Князю Михаилу Николаевичу; по мнѣнію Его Императорскаго Высочества, Кавказскій отрядъ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, въ случаѣ, если-бы онъ достигъ Хивы раньше Оренбургскаго и Туркестанскаго отрядовъ, тѣмъ самымъ облегчалъ послѣднимъ движеніе по пустынѣ и, слѣдовательно, упрощалъ исполненіе общей задачи.

Конецъ 1872 и начало 1873 годовъ прошли въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ предстоящему походу; началось формированіе двухъ отрядовъ со стороны Кавказа: одинъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, сосредоточивался въ Киндерли, а другой — полковника Маркозова, въ Красноводскѣ. Оба отряда имѣли своею задачею: постараться, во что бы то ни стало, войти въ связь съ Оренбургскимъ отрядомъ генерала Веревкина. Въ описаніи Хивинскаго похода мы ограничиваемся изложеніемъ движенія и дѣйствій отряда Ломакина, ибо, во-первыхъ, ему только удалось достигнуть Хивы, тогда какъ Красноводскій отрядъ принужденъ былъ возвратиться, да и, кромѣ того, въ послѣднемъ совсѣмъ не находилось частей Апшеронскаго полка.

Въ концѣ марта, въ гор. Петровскѣ начали собираться войска, для отправленія на восточный берегъ Каспійскаго моря; въ числѣ ихъ прибылъ весь 3-й баталіонъ, 1-я, 3-я стрѣлковыя и 8 линейная роты; послѣднія части полка составили сводный баталіонъ; 3-мъ баталіономъ командовалъ маіоръ Буравцовъ, а сводными — маіоръ Аварскій. При баталіонахъ отправился въ походъ и хоръ полковой музыки. Въ походѣ приняла участіе и 4-я стрѣлковая рота Апшеронцевъ, находившаяся въ фортѣ Александровскомъ. 31-го марта происходила нагрузка пяти паровыхъ шхунъ тяжестями и посадка войскъ, а 1-го апрѣля они отплыли въ Киндерли. Туда же пришли сухимъ путемъ изъ Александровскаго двѣ роты и двѣ сотни, сопровождавшія верблюжій и повозочные транспорты, остальныя же войска отправились моремъ на шхунѣ «Шахъ-Иранъ».

Въ составъ экспедиціоннаго Мангишлакскаго отряда вошли: 1-я, 3-я и 4-я стрѣлковыя, 8-я, 9-я, 10-я и 12-я линейныя роты Апшеронскаго полка, каждая въ составѣ 120 человѣкъ, и хоръ полковой музыки; 2 роты Самурскаго, 3 — Ширванскаго полковъ и команда изъ 8 человѣкъ, при офицерѣ, отъ 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона, по одной сотнѣ Сунженскаго, Владикавказскаго, Кизляро-Гребенскаго и Ейскаго казачьихъ полковъ и двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, каждая — въ составѣ 70 человѣкъ; дивизіонъ 2-й батареи 21-й артиллерійской бригады и горный взводъ изъ четверти-пудовыхъ единороговъ отъ 1-й батареи той же бригады. Всего въ отрядѣ состояло 2140 человѣкъ и 650 лошадей.

Изъ прочихъ, прибывшихъ въ Киндерли частей, 11-я рота Апшеронскаго полка отправлена въ фортъ Александровскій, гдѣ былъ весьма слабый гарнизонъ, а рота Ширванскаго полка — въ Красноводскъ. Прочими оставшимися частями предположено занять опорные пункты въ Киндерли, Бишъ-Акты и Ильтедже.

Хотя роты Апшеронскаго полка прибыли въ Киндерли вполнѣ мобилизованными, но перевозочныя средства не позволяли взять ихъ въ походъ въ полномъ составѣ на томъ основаніи, что въ походѣ по пустынѣ особенно важное значеніе получало качество войскъ; поэтому численность ротъ уменьшилась до 120 человѣкъ, и въ ряды войскъ Мангишлакскаго отряда поступили самые отборные люди въ отношеніи здоровья и боевыхъ ихъ качествъ. Начальникомъ Мангишлакскаго отряда назначенъ былъ полковникъ Ломакинъ и на-

чальниками: штаба—подполковникъ Гродековъ, артиллеріи—подполковникъ Буемскій, кавалеріи—полковникъ Теръ-Асатуровъ и офицеръ генеральнато штаба—подполковникъ Скобелевъ.

Согласно полученныхъ полковникомъ Ломакинымъ инструкцій, его главная задача заключалась въ томъ, чтобы со своимъ отрядомъ войти въ связь съ отрядами Оренбургскимъ и Красноводскимъ, посредствомъ посылки нарочныхъ, въ виду чего полковникъ Ломакинъ еще изъ Киндерли послалъ таковыхъ въ оба отряда: перваго нарочнаго—за недѣлю до выступленія, второго—16-го апрѣля. По полученнымъ свѣдѣніямъ, Оренбургскій отрядъ генералъ-лейтенанта Веревкина, сосредоточившись на Эмбѣ 23-го марта, долженъ былъ выступить оттуда 23-го апрѣля и прибыть въ Ургу 1-го мая. Отъ послѣдняго пункта до оконечности бывшаго Айбугирскаго залива около 9-ти дней пути, и Мангишлакскому отряду, для своевременнаго присоединенія къ Оренбургскому у Айбугира, надлежало выступить между 12-го и 15-го апрѣля. Во всякомъ случаѣ, командующій войсками Дагестанской области, князь Меликовъ, рекомендовалъ Ломакину расчитать свое движеніе такимъ образомъ, чтобы Оренбургскому отряду не пришлось ждать Мангишлакскаго.

Послѣдніе эшелоны экспедиціоннаго отряда прибыли въ Киндерли 12-го апрѣля; къ тому же времени собраны были верблюды и свезено все продовольствіе для войскъ. Несмотря на всѣ старанія и предварительныя хлопоты, перевозочныхъ средствъ находилось при отрядѣ весьма мало и, въ связи съ характеромъ предстоявшаго похода, они заключались главнымъ образомъ въ верблюдахъ—этихъ корабляхъ пустыни. Другой родъ перевозки тяжестей, принимая въ соображеніе пустынную песчаную мѣстность и страшныя жары, былъ положительно немыслимъ. Но верблюдовъ собрано было самое ограниченное количество, и, понятно, что войска не могли и думать поднять то количество провіанта, которое полагалось каждой части, согласно приказа по отряду.

Каждая рота получила: 30 верблюдовъ для поднятія довольствія (4-хъ-дневный запасъ имѣлся на людяхъ), 2 верблюда подъ патронные ящики, 1—подъ офицерскія вещи; всего на роту дано 33 верблюда. Кромѣ того, въ Апшеронскія роты назначено было 3 верблюда подъ вещи баталіонныхъ командировъ (маіоровъ Буравцева и Аварскаго), съ ихъ штабомъ, 5—подъ фуражъ верховыхъ лошадей, 10—подъ довольствіе 40 музыкантовъ и 1—подъ аптеку, такъ что всего въ Апшеронскія роты назначено 250 верблюдовъ.

Послѣ нагрузки верблюдовъ патронами и сухарями, оставшіеся затѣмъ подняли воду. Тѣмъ не менѣе, Апшеронцы не могли захватить всего довольствія и оставили въ Киндерли запасъ сухарей на 7 дней и крупы на 8.

Первый эшелонъ отряда, состоявшій изъ шести ротъ Апшеронскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ маіора Буравцева, поднялъ на своихъ верблюдахъ довольствіе на одинъ мѣсяцъ; съ этимъ эшелономъ выступилъ повозочный транспортъ (ротныя повозки) и вьючныя лошади Апшеронскаго полка съ запасомъ овса.

Солдаты выступили изъ Киндерли въ гимнастическихъ рубахахъ, имѣя на себѣ, кромѣ вооруженія, четырехдневный запасъ сухарей, мундиръ, шинель, сапоги и собственныя вещи, для которыхъ перевозочныхъ средствъ не было дано. Багажъ офицеровъ тоже отличался чрезвычайной скромностью и состоялъ изъ нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья, мундира, пальто, запасовъ чаю, сахару и табаку; о походныхъ кроватяхъ никто и не помышлялъ, да и ложе самаго начальника отряда состояло изъ простого войлока. Всѣ пѣхотные офицеры шли пѣшкомъ, ѣли то же, что и солдаты, потому что никакихъ маркитантовъ при отрядѣ не находилось.

Войска Мангишлакскаго отряда были всѣ какъ на подборъ: пѣхота принадлежала къ стариннымъ полкамъ русской арміи, считавшимъ существованіе свое за полтораста лѣтъ.

За свою долгую службу, знамена Апшеронскаго полка появлялись во Франціи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Турціи, въ Германіи, въ Австріи, въ Швеціи и въ Персіи. Такія славныя историческія имена, какъ Берлинъ, Кагулъ, Прага, Требія, Чортовъ мостъ, Лейпцигъ, Парижъ и многія другія обезсмертили уже имя полка.

Въ походъ отправилось много офицеровъ и солдатъ, участвовавшихъ въ долголѣтней Кавказской войнѣ, бывшей такою образцовою школою для нашихъ войскъ. 14-го апрѣля полковникъ Ломакинъ отдалъ по отряду приказъ, въ которомъ, не скрывая предъ войсками предстоявшихъ трудностей, все-таки выражалъ надежду, что эти трудности будутъ преодолѣны. «Братцы! говорилось въ приказѣ:—большое и весьма трудное дѣло предстоитъ вамъ. Много трудовъ и лишеній придется перенести въ здѣшней пустынѣ, прежде чѣмъ доберемся до Хивы. Но Кавказскимъ ли войскамъ, испытаннымъ въ многотрудной Кавказской войнѣ, прошедшимъ громадныя горы и дремучіе лѣса, остановиться предъ какими либо препятствіями въ этихъ пустыняхъ. Увѣренъ вполнѣ, что съ такими бравыми молодцами, шутя, пройдемъ эту пустыню. Помолимся Богу, чтобы Онъ помогъ намъ съ честью вернуться на нашъ дорогой Кавказъ.»

Войска приняли этотъ приказъ, прочитанный самимъ начальникомъ отряда, громкими криками «ура». Вслѣдъ за тѣмъ началось молебствіе. По окончаніи богослуженія, отрядный священникъ Андрей Варашкевичъ сказалъ теплое слово войскамъ, вызвавшее слезы у многихъ слушателей. Напомнивъ войскамъ, что они присягали служить до послѣдней капли крови, онъ выставилъ предъ ними трудности, которыя стоятъ впереди, но совѣтывалъ надѣяться на Бога и уповать на святую Его помощь. «Мы идемъ за святое дѣло выручать изъ неволи невѣрныхъ нашихъ братій, а Христосъ сказалъ: нѣтъ выше любви къ ближнему, какъ положить за него душу свою.»

Взаключеніе войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо начальника отряда, и, въ двѣнадцатомъ часу дня, первый эшелонъ съ пѣснями тронулся въ далекій походъ.

День былъ чрезвычайно жаркій и термометръ показывалъ 30° по Р. Не успѣли войска пройти нѣсколько сотъ шаговъ, какъ верблюды начали падать; вьюки съ нихъ, за невозможностію распредѣлить тяжесть по другимъ верблюдамъ, были относимы въ лагерь и сдавались тамъ въ магазинъ, такъ что люди изъ первой колонны безпрестанно возвращались въ лагерь. Только когда колонна отошла верстъ 6 отъ лагеря, относить довольствіе въ магазинъ оказалось уже невозможнымъ, солдаты перестали возвращаться въ лагерь и вьюки пришлось оставлять тамъ, гдѣ приставали верблюды.

Путь отъ Киндерли къ колодцамъ Онъ-Каунды сначала (на протяженіи 5-ти верстъ) идетъ по глубокому сыпучему песку, затѣмъ начинается подъемъ на небольшую возвышенность Кызъ-Крылганъ (дѣвичья погибель), на которой, по преданію, погибли семь дѣвушекъ, застигнутыхъ бураномъ. На окраинѣ возвышенности виднѣлись семь могилъ, въ которыхъ похоронены эти дѣвушки. Поднявшись на возвышенность, дорога проходитъ по мѣстности довольно твердой, но во многихъ мѣстахъ до того разрыхленной землеройными животными, что лошадь, ступившая на нихъ, проваливалась по брюхо.

Пройдя 14-го числа 13 верстъ, маіоръ Буравцовъ остановился на ночлегъ въ безводномъ пространствѣ. На первомъ переходѣ пало три верблюда и пристало пять; оставлено на пути довольствія — 25 пудовъ сухарей и 13 пудовъ крупъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня колонна выступила далѣе. Первый привалъ, послѣ 6 верстъ пути, сдѣланъ былъ въ 8 часовъ утра близъ высохшаго озера Каунды, у колодцевъ Онъ-Каунды. Несмотря на такой малый переходъ, на дорогѣ пришлось бросить 16 верблюдовъ и съ ними всѣ вьюки, за которыми уже съ привала послали здоровыхъ верблюдовъ. Здѣсь Кавказскія войска впервые

узнали, что за вода въ пустынѣ. Хотя и въ Киндерли вода обладаетъ дурными свойствами, но почти всѣ офицеры и нѣкоторые солдаты не упускали ни одного случая достать прѣсной воды на судахъ. Каундинская вода имѣетъ до того сильный растворъ разныхъ солей, что нѣкоторыхъ отъ нея тошнило; сильнымъ же разстройствомъ желудка страдали всѣ, кто только пробовалъ пить эту воду. Никакое кипяченіе ея, никакое сдабриваніе кислотами, сахаромъ, ромомъ и проч. не могло отнять у воды отвратительнаго горькосоленаго вкуса. Однако же надо было пить — и пили.

Послѣ 6-ти-часоваго привала, въ два часа пополудни, маіоръ Буравцовъ отправилъ 1-ю стрѣлковую роту Апшеронцевъ съ шанцевымъ инструментомъ и сотню Кизляро-Гребенскаго полка налегкѣ въ Артъ-Каунды, къ мѣсту предположеннаго ночлега; онѣ отправились по ближайшей дорогѣ по дну высохшаго озера Каунды, чтобы, придя къ мѣсту ранѣе прочихъ частей, расчистить колодцы; остальныя войска выступили въ 4 часа по полудни, по дорогѣ вокругъ озера Каунды, ибо движеніе повозокъ и верблюдовъ по первому пути, при крутомъ и неразработанномъ подъемѣ на Артъ-Каунды, представлялось невозможнымъ. На мѣстѣ оставлено 13 верблюдовъ, 18 пудовъ сухарей, 13 пудовъ крупъ и 13 пудовъ соли. Проводники увѣряли, что отъ Онъ-Каунды до Артъ-Каунды три часа ходу. Но колонна шла уже болѣе пяти часовъ, а колодцы все еще не показывались[2]).

Наконецъ, наступившая темнота и усталость верблюдовъ заставили прекратить движеніе и остановиться верстахъ въ трехъ отъ Артъ-Каунды. Съ мѣста бивуачнаго расположенія отъ каждой роты послано было по взводу съ повозками при офицерѣ, къ колодцамъ за водою. На другой день, утромъ, люди нашли засорившіеся источники, которые, при небольшихъ усиліяхъ, расчистили; воды оказалось довольно много. Такъ какъ на мѣстѣ ночлега находился хорошій подножный кормъ для верблюдовъ, то начальникъ отряда рѣшился остаться тамъ до вечера 16-го числа. Верблюдовъ напоили, бурдюки наполнили водою, у каждаго солдата въ манеркѣ или въ котелкѣ тоже была вода. Въ 5 часовъ вечера маіоръ Буравцовъ выступилъ по направленію къ колодцамъ Сенекъ, намѣреваясь наверстать ночью время, потерянное днемъ; 1-я же стрѣлковая рота (капитана Усачева) изъ Артъ-Каунды послана была по другому направленію, съ такимъ разсчетомъ, чтобы соединиться съ общею колонною утромъ слѣдующаго дня.

Вечеръ былъ прекрасный; солдаты шли бодро, съ пѣснями; безпрестанно отпускались остроты по поводу отвратительной каундинской воды, которой каждый человѣкъ выпилъ чуть не ведро и которая разстроила у всѣхъ желудки. Мѣстность, слегка волнистая и по твердому грунту покрытая небольшимъ слоемъ песку, благопріятствовала движенію; даже верблюды, будто сочувствуя общему настроенію, шли довольно сносно и развьючивать ихъ приходилось рѣдко; колонна прошла верстъ 10 совершенно незамѣтно; попадавшіеся на пути быстроногіе сайгаки содѣйствовали общему оживленію. Но едва стало темнѣть, какъ начали довольно часто раздаваться крики — «послать рабочихъ»,— признакъ, что верблюды начинаютъ ложиться подъ вьюками. Когда совсѣмъ смерклось, подобные крики стали повторяться чаще, присталые верблюды и брошенный провіантъ попадались на каждомъ шагу, а колонна растянулась верстъ на пять. Признавая дальнѣйшее движеніе невозможнымъ, маіоръ Буравцовъ остановился на ночлегъ, назначивъ продолженіе марша съ разсвѣтомъ. Хотя поднявшійся утромъ, 17-го апрѣля, удушливый вѣтеръ не предвѣщалъ ничего хорошаго, тѣмъ не менѣе войска успѣли до 10 $^1/_2$ часовъ утра пройти 20 верстъ и остановились на привалъ. Между тѣмъ наступила такая жара, какой войска до сего времени

---

[2]) Донесеніе маіора Буравцова полковнику Ломакину, отъ 15-го апрѣля № 50.

еще не испытывали; къ тому же и вода уже была выпита солдатами. Чтобы хотя нѣсколько освѣжить ихъ, Буравцовъ приказалъ выдать изъ запасовъ въ бурдюкахъ на каждаго человѣка по три чарки, а часа черезъ два — еще по двѣ.

Послѣ выдачи 5 чарокъ на каждаго человѣка, запасъ воды въ каждой ротѣ оказался весьма незначительный, а между тѣмъ, по словамъ проводниковъ, предстоялъ еще переходъ около 50 верстъ, и по той дорогѣ, по которой шелъ отрядъ, до колодцевъ еще очень далеко. Проводники говорили про другой путь, ближайшій, прямо черезъ горы; но эта дорога, по ихъ словамъ, была проходима только для «верховыхъ людей». Послѣднее обстоятельство могло явиться весьма серьезной помѣхой; поэтому маіоръ Буравцовъ рѣшилъ продолжать прежній круговой путь; но, чтобы облегчить переходъ слѣдующаго 18-го апрѣля, онъ приказалъ капитану Усачеву съ его ротой и сотней Кизляро-Гребенскаго полка взять на двѣ ротныя повозки всѣ порожніе бурдюки, котелки и манерки и, въ 4 часа утра, выступить къ колодцамъ Сенекъ, по прямой дорогѣ черезъ гору, постараться прибыть туда къ разсвѣту, набрать воды и съ конными казаками отправить ее на встрѣчу колоннѣ.

Уже наступалъ вечеръ, но жара была все-таки невыносима; она начала отзываться не только на верблюдахъ, но и на солдатахъ, которые понемногу приставали. Первый примѣръ подали музыканты Апшеронскаго полка, за ними строевые чины, сначала по одиночкѣ, а потомъ цѣлыми десятками. Чтобы облегчить присталыхъ, изнуренныхъ солдатъ, офицеры несли ихъ аммуницію, ружья и отдавали имъ сохранившуюся еще у нихъ воду и сахаръ съ мятными лепешками. Но это мало помогало, и число пристававшихъ увеличивалось съ каждымъ шагомъ, такъ что, при наступленіи темноты, ихъ уже насчитывали около 70 человѣкъ. Совершенно стемнѣло; продолжать дальше движеніе равносильно было увеличенію числа отсталыхъ, въ виду чего Буравцовъ остановилъ колонну на ночлегъ, и сюда, только къ полуночи, подошли всѣ отставшіе нижніе чины. По приходѣ на ночлегъ, провѣрили количество оставшейся воды: она оказалась только въ двухъ ротахъ, въ остальныхъ же всю израсходовали на отсталыхъ людей. Да и свойства артыаундинской воды были своеобразны: непріятная на вкусъ, она, вдобавокъ, не только не утоляла жажды, но, напротивъ, еще болѣе распаляла ее.

Два киргиза, посланные Буравцовымъ разыскивать воду, возвратились и привезли въ бурдюкахъ какой-то бѣлой жидкой грязи, которая, вмѣстѣ съ оставшимся запасомъ, дала возможность удѣлить каждому солдату по три чарки. Но вода только на очень короткое время утолила жажду. Въ лагерѣ никто не спалъ, солдаты бродили какъ тѣни, еле-передвигая ноги; нѣкоторые изъ нихъ, обойдя весь бивакъ, въ надеждѣ получить хоть глотокъ воды, въ концѣ-концовъ приходили къ маіору Буравцову и безмолвно, по временамъ глубоко вздыхая, стояли передъ нимъ, ожидая отъ него помощи. Къ довершенію печальнаго положенія, у нѣкоторыхъ солдатъ показались признаки холеры.

Одинъ изъ очевидцевъ страшной ночи съ 17-го на 18-е апрѣля, между прочимъ, писалъ своимъ роднымъ. «Всѣ мы въ душѣ призывали Бога, и намъ казалось, что только сверхъестественная помощь могла спасти отъ неминуемой гибели».

Часа за два до разсвѣта одинъ изъ музыкантовъ принесъ къ начальнику колонны мѣдный чайникъ, въ которомъ было стакана на два воды, купленной имъ у какого-то киргиза или туркмена. Нѣкоторые солдаты увѣряли, что вода по близости, но что киргизы скрываютъ ее отъ русскихъ. Стали разыскивать продавца, но не нашли. За два часа до разсвѣта, 18-го апрѣля, колонна выступила. Вскорѣ наступилъ страшный зной и поднялся удушливый юго-восточный вѣтеръ; люди вдыхали въ себя какъ бы пламя изъ раскаленной печи. Еще при выступленіи, начальникъ колонны узналъ, что нѣсколькихъ солдатъ не досчиты-

вается: по всей вѣроятности, они отлучились для розыска воды. Не останавливая движенія, маіоръ Буравцовъ послалъ во всѣ стороны казаковъ для розысканія пропавшихъ. Пройдя четыре версты, казаки издали увидѣли идущаго солдата; подъѣхавъ къ нему, они убѣдились, что у него въ манеркѣ была вода. Изъ разспросовъ выяснилось, что онъ набралъ воды въ дождевой лужѣ, до которой нужно было идти еще нѣсколько верстъ. Движеніе войскъ происходило крайне медленно, и скоро люди опять начали приставать. Къ 8-ми часамъ утра прошли только 10 верстъ. Въ аріергардѣ шли 3-я стрѣлковая и 9-я линейная роты, которыя поднимали вьюки, укладывали ихъ въ повозки, собирали больныхъ и усталыхъ; въ 8-й и 10-й ротахъ, слѣдовавшихъ въ боковыхъ авангардахъ, оставалось въ строю не болѣе какъ по 28 человѣкъ; шедшая въ авангардѣ 12-я рота уменьшилась почти на половину. И страшно мучимые жаждою и изнуреніемъ, офицеры проявляли полное самоотверженіе: каждый изъ нихъ несъ ружья и аммуницію присталыхъ, а имѣвшіе лошадей отдавали ихъ солдатамъ. Съ каждымъ часомъ положеніе колонны все болѣе и болѣе ухудшалось: вездѣ на пути слѣдованія валялись верблюды, вьюки и люди; со всѣхъ сторонъ слышались стоны; хриплымъ голосомъ страдальцы умоляли дать имъ воды; тѣ изъ нихъ, которые сохранили еще силу, руками вырывали изъ-подъ жгучаго песка влажную землю, съ жадностью сосали ее и обкладывали ею себѣ грудь, голову и горло; нѣкоторые вырывали ямы въ видѣ могилъ и, раздѣвшись донага, ложились въ нихъ и обсыпали себя влажною землею. Посланная къ дождевой лужѣ, казачья сотня, часамъ къ 9-ти, привезла около 10 ведеръ бѣлой грязи, напившись которой колонна имѣла возможность сдѣлать еще верстъ пять. Но дальше идти было положительно невозможно; жара и удушливый вѣтеръ сдѣлались страшно невыносимы; во всей колоннѣ не имѣлось и капли воды: — все было выпито. Оставалась только одна надежда на посланную впередъ роту Усачева и сотню казаковъ. Но вотъ на горизонтѣ показался всадникъ: то былъ казачій хорунжій Кособрюховъ, который несся въ карьеръ, держа въ правой рукѣ высоко, надъ головою, небольшой боченокъ воды; вслѣдъ за нимъ скакали человѣкъ 20 казаковъ съ бурдюками, боченками и бутылками. Вмигъ все заволновалось, все ожило и въ колоннѣ раздались радостные крики: она была спасена. Но, при раздачѣ воды, надлежало соблюдать весьма большую осторожность и порядокъ, такъ какъ одному могло достаться много, а другому ничего; вслѣдствіе этого Буравцовъ и офицеры лично раздавали каждому солдату по чаркѣ. Конечно, не обходилось безъ весьма курьезныхъ уловокъ со стороны истомленныхъ жаждою солдатъ; такъ, напримѣръ, многіе солдаты, уже выпившіе свою чарку, забирались въ ряды еще непившихъ, съ цѣлью еще разъ попросить воды. Обыкновенно такихъ людей называли «двуручниками» и ловили ихъ при каждой раздачѣ воды.

Напоивъ солдатъ водою и давъ имъ до вечера отдохнуть, Буравцевъ въ 7 часовъ двинулъ колонну по частямъ, а самъ съ 10-й ротою, штабсъ-капитана Хмаренко, и со всѣми фельдшерами ротъ остался при больныхъ, число которыхъ возрасло до 200 человѣкъ; изъ нихъ только половина, да и то безъ ружей и аммуниціи, могла дойти до колодцевъ Сенекъ, остальныхъ же везли на повозкахъ и верблюдахъ. Наконецъ, въ 2 часа по полуночи, вся колонна, двигаясь частями, добралась до колодцевъ. Къ тому времени подоспѣла и голова второго эшелона (собственно его кавалерія). Этотъ эшелонъ, подъ начальствомъ полковника Теръ-Асатурова (3 роты Ширванскаго и одна Самурскаго полковъ, дивизіонъ полевыхъ орудій, 2 баталіона 21 артиллерійской бригады, горный взводъ 1-й батареи, 2 сотни казаковъ и 2 сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка), выступивъ изъ Киндерли 15-го апрѣля и испытавъ почти такія же трудности, какъ и первый, собрался къ Сенеку около 5 часовъ вечера, 19-го апрѣля.

Вотъ краткое описаніе тѣхъ страданій и лишеній, которыя пришлось испытать вообще нашимъ войскамъ въ продолженіи пятидневнаго перехода по безводной пустынѣ. Конечно, наше описаніе слишкомъ слабо и не въ состояніи дать полнаго представленія обо всемъ, что выстрадалъ каждый изъ участниковъ этихъ страшныхъ переходовъ, названныхъ солдатами весьма мѣтко «мертвыми станціями». Нельзя не упомянуть о положительно святомъ исполненіи долга и самоотверженіи, выказанныхъ офицерами перваго эшелона, со своимъ начальникомъ во главѣ, а равно и о капитанѣ Усачевѣ вмѣстѣ съ сотникомъ Кизляро-Гребенскаго полка Сущевскимъ-Ракусою, спасшихъ колонну, выславъ ей во-время воду. Посланные къ Сенеку, они сбились съ пути, проблуждали всю ночь и половину дня 18-го числа, сдѣлавъ переходъ болѣе 75 верстъ. Штабсъ-капитаны Булатовъ, Левенцовъ и Хмаренко, поручикъ Орловъ и подпоручикъ Сливинскій все время несли на своихъ плечахъ по нѣскольку ружей съ присталыхъ людей и отдавали больнымъ всѣ, имѣвшіяся у нихъ прохладительныя средства и воду. Ротные фельдшера Апшеронскаго полка — Красковъ и Маяцкій — (при 1-й колоннѣ не было врача) своею неутомимою дѣятельностію и участіемъ къ больнымъ много способствовали къ облегченію ихъ страданій, и многіе изъ солдатъ положительно имъ обязаны были жизнью. 19-го апрѣля собравшійся у Сенекъ отрядъ отдыхалъ. День былъ чрезвычайно жаркій; дулъ горячій вѣтеръ, несшій тучи песку.

Тяжелый переходъ Мангишлакскаго отряда къ Сенеку стоилъ очень дорого: изъ числа 865 верблюдовъ, розданныхъ въ Киндерляхъ, въ дорогѣ пало 340 штукъ, независимо отъ 11 обозныхъ лошадей. Продовольствія и фуража брошено по пути до 6000 пудовъ. Такія страшныя матеріальныя потери отряда неминуемо должны были отозваться на дальнѣйшемъ движеніи. Становилось ясно, что продолжать путь всему отряду немыслимо и волей-неволей приходилось его сократить. Къ дальнѣйшему походу полковникъ Ломакинъ назначилъ: 8, 9 и 10 линейныя, 1, 3 и 4 стрѣлковыя роты Апшеронскаго полка, 2 роты Ширванскаго и и одну Самурскаго полковъ, 2 сотни казаковъ и горный взводъ. Остальныя войска, въ томъ числѣ 12 рота Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ полковника Теръ-Асатурова, временно оставлены у колодцевъ Сенекъ. Назначенныя къ движенію войска распредѣлили, между собою довольствіе, и затѣмъ приказано было, чтобы каждый солдатъ не имѣлъ на себѣ ничего, кромѣ ружья, патроновъ и котелка или манерки съ водою.

Въ 6 часовъ пополудни, 19-го апрѣля, войска направились къ Бишъ-Акты (въ переводѣ пять стрѣлъ). Передъ выступленіемъ, начальникъ отряда получилъ отъ маіора Навроцкаго донесеніе, что предпринятый имъ набѣгъ на киргизскіе аулы совершенъ удачно и, будучи обремененъ добычею, онъ проситъ выслать ему на встрѣчу сотню казаковъ. Удача эта совершенно изгладила впечатлѣніе трудовъ 17-го и 18-го апрѣля; войска ободрились, кое-гдѣ раздалась пѣсня. Хотя до Бишъ-Акты насчитывалось не болѣе 16 верстъ, тѣмъ не менѣе переходъ этотъ, совершенный ночью, по трудно-проходимой мѣстности, пересѣкаемой песчаными холмами и поросшей саксауломъ, былъ весьма тяжелъ. Къ полуночи отрядъ пришелъ въ Бишъ-Акты и расположился на ночлегъ. Колодцы Бишъ-Акты находятся недалеко отъ подошвы мѣлового гребня, продолжающагося отъ колодцевъ Сенекъ, и расположены на ровной мѣстности; грунтъ земли здѣсь глинистый, покрытый толстымъ слоемъ песку.

Колодцевъ у Бишъ-Акты очень много; они не глубоки и вода въ нихъ весьма холодная, съ небольшою примѣсью глауберовой соли. По поводу названія, даннаго колодцамъ, у мѣстныхъ аборигеновъ существуетъ такое сказаніе. Въ давно-прошедшія времена, когда киргизы вели съ туркменами войну, здѣсь произошло сраженіе. Противники были въ равныхъ силахъ и дрались одинаково храбро, такъ что побѣда не склонялась ни въ чью сторону. Тогда сражавшіеся рѣшили избрать отъ каждаго племени по пяти бойцовъ, и предоставили имъ право

рѣшить исходъ сраженія: племя, къ которому принадлежали побѣдившіе, должно было владѣть окрестною мѣстностью. Пять киргизскихъ батырей пустили пять стрѣлъ и наповалъ убили пятерыхъ туркменъ. Киргизы были признаны побѣдителями — и съ тѣхъ поръ стали хозяевами этихъ мѣстъ.

21-го апрѣля, въ Бишъ-Акты былъ отправленъ изъ Сенека транспортъ съ продовольствіемъ, брошеннымъ на пути къ нему; съ транспортомъ отправилась и 12 рота Апшеронскаго полка. На другой день прибыли въ Бишъ-Акты и остальныя войска полковника Теръ-Асатурова. Когда все довольствіе изъ Сенека было свезено, то Ломакинъ сдѣлалъ распоряженіе для дальнѣйшаго движенія къ предѣламъ Хивинскаго ханства.

Войска выступали двумя колоннами; первая, подъ начальствомъ подполковника Скобелева, выступала 21-го апрѣля; въ составъ ея вошли 4-я стрѣлковая рота Апшеронскаго и рота Самурскаго полковъ и 30 казаковъ отъ Кизляро-Гребенской сотни; вторая колонна выступила 22-го числа, состояла изъ 9 и 10 линейныхъ, 1 и 3 стрѣлковыхъ ротъ Апшеронскаго и 2-хъ ротъ Ширванскаго полковъ, сотни Кизляро-Гребенскаго полка, команды саперъ и 2 горныхъ орудій; она была ввѣрена подполковнику Гродекову. Обоимъ начальникамъ колоннъ надлежало направиться къ колодцамъ Бусага, и, соединясь здѣсь, ожидать прибытія начальника отряда, оставшагося въ Бишъ-Акты съ частью войскъ.

Хотя родникъ Камыста, гдѣ предназначался ночлегъ первой колонны, находился всего только въ 13-ти верстахъ отъ Бишъ-Акты, тѣмъ не менѣе войско прошло этотъ путь лишь въ теченіи 5 часовъ. Сначала большіе пески, а потомъ крутой и крайне неудобный подъемъ сильно замедляли движеніе, такъ что солдаты едва могли проходить около 3-хъ верстъ въ часъ.

Въ 4 часа утра, 22-го апрѣля, выступила и колонна Гродекова. Пройдя 10 верстъ, проводникъ объявилъ, что онъ дороги не знаетъ и не берется далѣе вести войска. Послали въ Бишъ-Акты за другимъ проводникомъ, въ ожиданіи котораго колонна оставалась на мѣстѣ пять часовъ. Въ это время поднялся такой сильный вѣтеръ, что не было никакой возможности варить пищу, потому что огонь засыпало пескомъ. Всѣ люди, свободные отъ аванпостной службы и пастьбы верблюдовъ, укрывши головы шинелями, лежали неподвижно. Въ пятомъ часу по-полудни, по прибытіи новаго проводника, колонна двинулась дальше и черезъ 1½ часа спустилась къ роднику.

Изъ Камысты обѣ колонны пошли къ Каращеку, куда считается 30 верстъ. Въ Каращекѣ вода оказалась дотого скверной, что, несмотря на сдабриваніе ея различными кислотами, солдаты ее пили съ большимъ отвращеніемъ. Съ приближеніемъ къ Бусага мѣстность измѣняла свой характеръ,— пески уменьшались, и какъ солдаты, такъ и верблюды двигались уже съ меньшимъ трудомъ.

Въ степныхъ походахъ по Средней Азіи огромное значеніе имѣетъ, когда верблюды идутъ спокойно, сѣдла на нихъ въ исправности и сопровождающіе ихъ люди знаютъ свое дѣло; нѣтъ тогда ни остановокъ, ни паденія верблюдовъ, ни перетаскиванія вьюковъ съ одного верблюда на другаго; не слышно рева животныхъ и перебранки между солдатами,—развѣ только при захожденія солнца, когда киргизы и туркмены бросаютъ все — и верблюдовъ, которыхъ ведутъ, и лошадей, на которыхъ ѣдутъ, чтобы творить свой намазъ. Тогда передовой верблюдъ, ведомый за веревку, останавливается и начинаетъ щипать траву; другіе слѣдуютъ его примѣру; все сбивается въ кучу, и происходитъ безпорядокъ. Унтеръ-офицеръ, слѣдующій при ротныхъ вьюкахъ, замѣтя это, подбѣгаетъ къ верблюдовожатому и торопитъ его молитву. «Верблюдъ, работай», говоритъ онъ ему; но азіатъ не обращаетъ на него никакого вниманія. «Ты вѣдь не у марушки своей, а на службѣ царской», уже возвышая голосъ, произноситъ унтеръ-офицеръ. «Верблюдъ, работай», и кри-

комъ заканчиваетъ онъ свою рѣчь, и, въ большинствѣ случаевъ, водворяетъ верблюдовожатаго на свое мѣсто, беря его за шиворотъ.

Такіе случаи служили, впрочемъ, солдатамъ нѣкотораго рода развлеченіемъ, повторявшимся систематически каждый день, при этомъ, каждый разъ, между людьми начинался смѣлый говоръ, сыпались остроты. Въ остальное же время царила мертвая тишина, нарочно нарушаемая ругательствами по адресу хивинскаго хана, въ родѣ напримѣръ нижеслѣдующей фразы: «Ну, да и забрался же этотъ хивинскій ханъ въ проклятую сторону». Офицеры по большей части шли каждый около своей части и только иногда сойдутся два три человѣка и при этомъ у нихъ происходитъ разговоръ самого прозаическаго характера, причемъ излюбленными темами были: прѣсная вода, свѣжій хлѣбъ и говядина. Иногда солдаты оживлялись при видѣ выскочившаго изъ норы тушканчика — землянаго зайца,— какъ его называли солдаты, или ползущей змѣи. Несмотря на усталость, всегда находилось много охотниковъ побѣгать за звѣрькомъ, съ цѣлью поймать; змѣю же непремѣнно догоняли и убивали. По мнѣнію солдата, убить змѣю считается религіознымъ долгомъ: тому, кто убьетъ змѣю, прощается сорокъ грѣховъ, потому что «змѣя сосетъ солнце», говорили солдаты. На просьбу объяснить, какимъ это образомъ змѣя сосетъ солнце, солдаты отвѣчали, что она «постоянно держитъ голову вверхъ по направленію къ солнцу и поминутно высовываетъ языкъ, которымъ и сосетъ солнце; а такъ какъ солнце святое, то убить змѣю не только дѣло похвальное, но даже долгъ всякаго крещенаго человѣка». Первая колонна прибыла въ Бусага вечеромъ, 24-го апрѣля, а вторая утромъ, на слѣдующій день.

Въ то время какъ передовыя колонны двигались къ Бусага, начальникъ отряда дѣятельно занимался устройствомъ продовольственнаго транспорта; изъ всѣхъ находившихся у Бишъ-Аты войскъ въ дальнѣйшій походъ назначены были только 12-я линейная рота Апшеронскаго и рота Ширванскаго полковъ; 8-я же рота перваго и рота втораго полковъ оставлены въ Бишъ-Аты, гдѣ воинскимъ начальникомъ оставленъ командиръ 8-й роты штабсъ-капитанъ Булатовъ.

Войсковыя части для дальнѣйшаго движенія раздѣлены на двѣ половины: въ 1-ой — двѣ роты и два орудія (подъ начальствомъ подполковника Буемскаго), а во 2-ой — 3 сотни кавалеріи и ракетная команда (подъ начальствомъ подполковника Теръ-Асатурова).

Подполковникъ Буемскій выступилъ изъ Бишъ-Акты 23-го апрѣля и 28-го пришелъ въ Бусага; того же числа, вечеромъ, сюда прибылъ съ кавалеріею и начальникъ отряда. Такимъ образомъ, у Бусага собрался весь дѣйствующій Мангишлакскій отрядъ, въ своемъ окончательномъ составѣ; въ немъ находилось Апшеронскихъ ротъ шесть: а именно 9-я, 10-я и 12-я линейныя, 1-я, 3-я и 4-я стрѣлковыя; всего же было 10 ротъ, 4 сотни, двѣ команды саперная и ракетная и 4 орудія (1.620 человѣкъ и 474 лошади). Продовольствія въ отрядѣ состояло весьма ограниченное количество, вслѣдствіе чего дача сухарей каждому солдату уменьшена на $^1/_4$ фунта. Въ тылу имѣлось два опорныхъ пункта: Киндерли и Бишъ-Акты; въ первомъ оставлено 5 ротъ (въ томъ числѣ сборная Апшеронская, въ составѣ 235 человѣкъ), 297 казаковъ, 50 всадниковъ конно-иррегулярнаго полка и 3 орудія; въ Бишъ-Акты: 8-я рота Апшеронскаго полка (120 человѣкъ), рота Ширванскаго полка и орудіе, 2-й батареи 21-ой артеллерійской бригады, которое было безъ лошадей.

Отъ Бусага Ломакинъ предполагалъ двигаться по двумъ параллельнымъ дорогамъ: одинъ путь пролегалъ на Ильтедже, чрезъ Каракинъ, а другой, сѣверный, чрезъ Акъ-крукъ, Карсакъ, Еркембай, Учь-кудукъ и Аланъ, къ Табанъ-су, гдѣ обѣ колонны должны были соединиться. Разстояніе между дорогами опредѣлялось отъ 40 до 70 верстъ. Двигаясь на одной высотѣ, колонны могли имѣть между собою постоянное сообщеніе. Движеніе эше-

лонами, по мѣрѣ приближенія къ хивинскимъ предѣламъ, начальникъ отряда считалъ не вполнѣ безопаснымъ, а движеніе колонною по одному изъ этихъ путей — невозможнымъ, ибо для людей и животныхъ не доставало бы воды [3]. Вслѣдствіе этого, начальникъ передняго эшелона, подполковникъ Скобелевъ, 23-го апрѣля получилъ приказаніе осмотрѣть путь къ колодцу Акъ-крукъ [4]. Хотя въ его колоннѣ оказался проводникъ, знавшій дорогу къ этому колодцу, но одинъ онъ ѣхать туда не рѣшался, а соглашался отправиться только въ сопровожденіи другого киргиза, котораго, однако, въ колоннѣ, не оказалось; прочіе же проводники совсѣмъ не знали дороги къ колодцамъ Акъ-крукъ [5]. По приходѣ въ Бусага, полковникъ Ломакинъ получилъ извѣстіе, что воды по пути до Ильтедже достаточно и потому нашелъ возможнымъ, не раздробляя отряда на двѣ отдѣльныя колонны по двумъ особымъ дорогамъ, идти въ Ильтедже, чрезъ Каракинъ, четырьмя небольшими колоннами, въ разстояніи одна отъ другой на полперехода [6].

Первая колонна — подполковника Скобелева — состояла изъ 9-й линейной и 4-й стрѣлковой ротъ Апшеронскаго и роты Самурскаго полковъ, команды саперъ, горнаго взвода отъ 1-й батареи 21-й артиллерійской бригады и 25 казаковъ; вторая, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Гродекова, изъ 1-й и 3-й стрѣлковыхъ и 10-й линейной ротъ Апшеронскаго, роты Ширванскаго полковъ и сотни Кизляро-Гребенскаго полка; третья — генеральнаго штаба подполковника Пожарова — изъ 12-й линейной роты Апшеронскаго и 2-хъ ротъ Ширванскаго полковъ, взвода 2-й батареи 21-й артиллерійской бригады и команды казаковъ и, четвертая — полковника Теръ-Асатурова — изъ трехъ сотенъ кавалеріи съ ракетною командою. Порядокъ выступленія колоннъ, отъ колодцевъ Бусага, назначался такой: 26-го апрѣля, въ $3^1/_2$ часа утра, выступилъ авангардъ, а въ 4 часа пополудни — вторая колонна; 27-го, въ $3^1/_2$ часа утра, — третья колонна; четвертая же должна была выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть къ колодцу Ильтедже одновременно съ третьею колонною [7].

Движеніе первой колонны до колодцевъ Каракинъ, находящихся въ $20^1/_2$ верстахъ отъ колодцевъ Бусага, у самой подошвы Устюртской плоской возвышенности, совершено было вполнѣ благополучно, и, на другой день по выступленіи, эта колонна поднялась на Устюртъ. Чинкъ, т. е. оконечность Устюрта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ войска поднимались на него, имѣлъ довольно пологій подъемъ и не представлялъ затрудненія для движенія, возвышаясь надъ окружающею мѣстностью не болѣе какъ на 25 саженъ.

Устюртъ по направленію, по которому шелъ Мангишлакскій отрядъ, представляетъ почти вездѣ совершенно ровную, какъ море, поверхность: ни одного холма, ни одной складки мѣстности, и глазу рѣшительно не на чемъ остановиться, — только изрѣдка попадается киргизская могила. Скудная растительность, встрѣчавшаяся до сего отряду, смѣнилась почти совершеннымъ безплодіемъ; кое-гдѣ попадалась полынь, да небольшіе кусты гребеньщика и саксаула; ни одного звѣря, ни одной птицы; только на каждомъ шагу встрѣчались небольшой величины змѣи и ящерицы. Сухость воздуха была поразительная. Дожди въ этой мѣстности весьма рѣдки, и дни стоятъ почти постоянно ясные. Въ раскаленномъ воздухѣ замѣтно легкое дрожаніе — это испареніе земли. Суточныя колебанія температуры вообще большія: днемъ сильная жара, до 30° R., ночью температура понижалась иногда до 14° R. Однимъ словомъ, пустыня въ полномъ смыслѣ слова. Вступивъ сюда въ

3) Рапортъ начальника отряда командующему войсками Дагестанской области, отъ 21-го апрѣля 1873 года № 31.
4) Рапортъ начальника 2 колонны, подполковника Гродекова, начальнику Мангишлакскаго отряда отъ 24 апрѣля, изъ Сай-кую.
5) Донесеніе подполковника Скобелева начальнику штаба Мангишлакскаго отряда, отъ 24 апрѣля, изъ Бусага.
6) Рапортъ начальника Мангишлакскаго отряда командующему войсками Дагестанской области, 1 мая 1873 года № 39.
7) Словесное приказаніе начальника отряда, отданное при паролѣ 25 апрѣля 1873 года, № 19.

первый разъ, человѣкъ поражается ужасомъ; ему кажется, что отсюда не выйдти живымъ, потому что не для человѣка создана эта страна, на что указывали слѣды разрушенной, уничтоженной жизни, въ видѣ бѣлѣющихся костей людей или животныхъ. «Въ первые дни творенія міра», говорится въ одной персидской легендѣ, «Богъ усердно занимался устроеніемъ земли: вездѣ пустилъ рѣки, насадилъ деревья, выростилъ траву. Долго Онъ трудился и полсвѣта уже устроилъ; наконецъ Ему надоѣло и Онъ предоставилъ одному изъ своихъ ангеловъ докончить устройство земли. Но ангелъ былъ лѣнивъ: ему тяжело было насаждать деревья, произращать травы, пускать рѣки. Чтобы поскорѣе сбыть дѣло съ рукъ, онъ взялъ только песокъ, да камень, и началъ раскидывать ихъ по еще неустроенной части земли. Дѣло это онъ сдѣлалъ очень скоро и доложилъ, что все готово. Богъ посмотрѣлъ на его работу, ужаснулся, но поправить ничего не могъ: тамъ, гдѣ коснулась рука лѣниваго ангела, образовалась пустыня. Богъ проклялъ ангела и твореніе рукъ его, и повелѣлъ ему самому жить въ пустынѣ. Съ тѣхъ поръ ангелъ сталъ духомъ тьмы, а страна, созданная имъ, — страною тьмы (Туранъ) въ отличіе отъ Ирана, страны свѣта». Какъ бы въ подтвержденіе легенды, что пустыня есть обиталище злаго духа, Мангишлакскій отрядъ не встрѣтилъ на Устюртѣ ни одного человѣка до самаго Аральскаго моря. Сами кочевники признаютъ невозможнымъ жить тамъ съ конца марта по октябрь, и откочевываютъ или въ Хиву, или на Эмбу, а между тѣмъ русскому отряду пришлось двигаться именно въ это самое время. Солдаты, не шутя, вѣрили, что здѣсь обитаетъ діаволъ. Необыкновенные размѣры и странныя формы, которыя раскаленный воздухъ придавалъ мѣстнымъ предметамъ, а также миражи убѣждали ихъ въ томъ, потому что: кому же, какъ не чорту, придетъ въ голову смущать людей издали видомъ бѣгущихъ ручейковъ, осѣненныхъ деревьями, которыя такъ и манятъ укрыться подъ ихъ тѣнью, или какому нибудь кустику придать форму огромной пирамидальной тополи, а человѣку форму большой башни. Уже впослѣдствіи, пройдя не одну сотню верстъ, солдаты, наконецъ, освоились съ миражами и не бросались къ нимъ, какъ прежде. Тѣмъ не менѣе, каждый миражъ, изображавшій такія соблазнительные предметы, какъ воду и деревья, тѣнь которыхъ даже отражается въ водѣ, такъ и манилъ къ себѣ, ибо все это представлялось слишкомъ естественно.

Хотя проводники и сообщили, что по дорогѣ на Каракинъ до Ильтедже колодцевъ весьма много, однакожъ на самомъ дѣлѣ оказалось, что воды по этому пути такое ограниченное количество и колодцы такъ глубоки, что эшелоны, которыми выступилъ отрядъ изъ Бусага, оказались слишкомъ велики. Поэтому каждый изъ нихъ во время движенія самъ собою раздѣлился на новыя, болѣе мелкія части. Это была первая причина раздробленія эшелоновъ. Другая заключалась въ томъ, что крайне маловодное или, вѣрнѣе, безводное пространство, въ 100 верстъ отъ колодцевъ Каракинъ до Ильтедже, надлежало пройти какъ можно быстрѣе, а быстрота движенія колонны увеличивалась съ ея уменьшеніемъ. За колодцемъ Каракинъ слѣдуетъ колодецъ Кынырь,—самый мелкій изъ всѣхъ встрѣчавшихся по пути, но и его глубина достигала 30 саженъ. Надо сказать, что въ отрядѣ имѣлись самыя смутныя понятія о колодцахъ на Устюртѣ: говорили, будто здѣсь колодцы въ 12—15 саженъ глубины, и это для всѣхъ казалось уже чѣмъ-то необыкновеннымъ. Каково же было удивленіе и офицеровъ и солдатъ, когда, по измѣреніи колодца Кынырь, его глубина оказалась въ 30 саженъ. Для доставанія воды изъ глубокихъ колодцевъ, при отрядѣ везлось два кожаныхъ ведра, каждое вмѣстимостью до 5 ведеръ. Вечеромъ, 26-го числа, когда колонна подполковника Гродекова ночевала, благодаря проводнику, въ 1½ верстахъ отъ колодцевъ Каракинъ, прибылъ нарочный отъ подполковника Скобелева съ просьѣ-

бою дать ему одно ведро и какъ можно больше веревокъ. И то и другое немедленно отправлено съ киргизомъ; такимъ образомъ первая колонна, прибывшая утромъ 27-го апрѣля, къ Кыныру, доставала изъ него воду посредствомъ этого ведра. Одинокій колодецъ Кыныръ высѣченъ въ скалѣ и имѣетъ узкое наружное отверстіе ¼ аршина[8]; вокругъ него изъ камня устроены перила и каменное корыто. Въ окрестностяхъ колодца на довольно большомъ пространствѣ не росло ни одной былинки: все было вытравлено; повидимому, путникамъ, которыхъ забрасывала сюда случайно судьба, приходилось тратить много времени, чтобы напоить животныхъ и налить водою бурдюки.

Первой колоннѣ нельзя было долго оставаться у Кыныра: въ 12-ти часахъ разстоянія слѣдовала вторая колонна, подполковника Гродекова. Приходилось идти далѣе. Здѣсь предстояли на выборъ два пути: одинъ шелъ, по старой караванной дорогѣ, прямо на Ильтедже, по безводной мѣстности въ 50 верстъ, а другой — кружный — тянулся по колодцамъ. Въ виду того, что въ Кынырѣ первая колонна могла набрать воды въ количествѣ, которое могло быть достаточно лишь для раздачи людямъ у колодца, — выбора между этими путями не могло и быть: пришлось поневолѣ слѣдовать кружной дорогой, проходившей черезъ одиночные, хотя и весьма глубокіе колодцы. Вечеромъ, 27-го числа, подполковникъ Скобелевъ выступилъ къ колодцу Десюмбой, или Усюнъ, лежащему къ югу отъ большой караванной дороги.

Вторая колонна, подполковника Гродекова, выступила изъ Бусага 26-го апрѣля, въ 4 часа по полудни. Къ ночи она прошла 19 верстъ и ночевала въ безводномъ пространствѣ, всего въ 1½ верстахъ отъ колодцевъ.

На другой день, хвостъ колонны не успѣлъ еще тронуться съ мѣста ночлега, какъ уже голова подошла къ колодцамъ Каракинъ, расположеннымъ въ небольшомъ оврагѣ, въ числѣ пяти, глубиною до воды, солоноватаго вкуса, въ пять саженъ. Войска, почти не останавливаясь, набрали воды въ ручную посуду, а казаки напоили своихъ лошадей. На переходѣ отъ Бусага начался падежъ лошадей: 26-го числа въ первой и во второй колоннахъ пало нѣсколько штукъ; когда же поднялись на Устюртъ, гдѣ почти не было подножнаго корму, — пали всѣ туркменскія лошади, а затѣмъ и офицерамъ пришлось идти пѣшкомъ[9].

Уже поздно ночью пришла къ Кыныру вторая колонна. Собравъ и связавъ веревки со всей колонны, достали большое кожаное ведро и опустили въ колодезь. Сначала за работу принялись солдаты; но наполненіе ведра водою, при невозможности на 30-ти саженной глубинѣ слышать плескъ ея, шло медленно; ведро вытягивали только на половину наполненнымъ и самый процесъ добыванія воды длился весьма долго, — каждый рейсъ минутъ двадцать. Тогда киргизы изъ верблюдовожатыхъ, сами томимые жаждою и видя, что дѣло подвигается медленно, напросились на работу. Этому, конечно, не только никто не препятствовалъ, но всѣ были довольны и киргизамъ обѣщана денежная награда. Лишь только веревка очутилась въ ихъ рукахъ, какъ работа закипѣла: ведро вытягивалось постоянно полнымъ и самое добываніе воды пошло вдвое скорѣе. Часа черезъ три посуда одной роты была уже наполнена; за нею приступила другая рота. Вдругъ послышались звуки зурны, — знакъ, что приближается начальникъ отряда съ кавалеріею. Хотя въ приказаніи по отряду и говорилось, что кавалерія выступитъ съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы прибыть къ колодцамъ Ильтедже одновременно съ третьею колонною, однако полковникъ Ломакинъ, желая видѣть всѣ эшелоны на маршѣ, выступилъ отъ колодцевъ

[8] По всей вѣроятности такія узкія отверстія дѣлались съ тою цѣлью, чтобы предохранить колодцы отъ заноса песками.

[9] Лошади эти были отбиты маіоромъ Навроцкимъ у туркменъ и розданы офицерамъ.

Бусага 27-го утромъ, и, послѣ большаго привала у колодцевъ Каракинъ, двинулся далѣе. Вслѣдствіе несвоевременнаго выступленія, онъ находилъ всѣ колодцы занятыми, и кавалерія, напоенная послѣдній разъ въ Каракинѣ, едва не погибла; только случайность выручила ее изъ неминуемой бѣды. Прибывъ къ колодцу Кыныръ, кавалерія остановилась; начальникъ отряда, для облегченія подъема воды и ускоренія работы, приказалъ устроить нѣчто въ родѣ ворота. Съ единственной арбы, находившейся при второй колоннѣ и на которой везлись отрядныя суммы, сняли ось съ колесами и поставили надъ колодцемъ; къ ней прикрѣпили и намотали веревку, привязанную къ ведру. Каждое колесо держали нѣсколько человѣкъ, а человѣкъ пятнадцать тянули веревку съ ведромъ. Такимъ способомъ вытащили только три ведра; затѣмъ веревки перетерлись и ведро упало въ колодезь. Другаго такого ведра въ колоннѣ не имѣлось; доставать же воду обыкновенными ведрами было безполезно. До разсвѣта оставалось не болѣе трехъ часовъ, а между тѣмъ не были напоены три роты и сотня кавалеріи, находившіяся во второй колоннѣ, потому что каждой изъ этихъ частей колодезь предоставлялся только на полчаса; войска, насколько было возможно, пользовались этимъ временемъ и до самого разсвѣта толпились у колодца. Всю ночь никто не спалъ въ лагерѣ. За полчаса до выступленія, подполковникъ Гродековъ приказалъ той ротѣ, которая набрала воды, подѣлиться своимъ запасомъ съ другими частями колонны. Еще солнце не показывалось на горизонтѣ, а вторая колонна была уже въ движеніи къ колодцу Дюсембай. Едва только она выступила отъ колодца Кыныръ, какъ командиръ 4-й сотни Кизляро-гребенскаго полка, сотникъ Сущевскій-Ракуса, въ виду того, что лошади его сотни не видѣли воды уже цѣлыя сутки, испросилъ разрѣшеніе, двинуться на рысяхъ къ колодцу Дюсембай, чтобы, до прихода пѣхотной колонны, успѣть напоить лошадей. По словамъ проводника, этого можно было достичь, ибо тамъ колодцы не глубже 10 саженъ. Предполагая даже, что проводникъ показалъ глубину колодца вдвое меньше, все-таки она выходила въ 20 саженъ. Каково же было отчаяніе сотника Сущевскаго-Ракусы и всей его сотни, когда глубина оказалась только на одну сажень меньше глубины Кыныра, т. е. 29 саженъ. Колодезь этотъ, подобно Кыныру, высѣченъ въ скалѣ, въ разстояніи отъ послѣдняго на 11 1/2 верстъ.

Въ 8 часовъ утра, сотня, прибывъ къ колодцу, застала тамъ команду казаковъ первой колонны, ночевавшей 27-го числа въ безводномъ пространствѣ, недалеко отъ Дюсембая. Утромъ, 28-го апрѣля, узнавъ, что колодезь близко, подполковникъ Скобелевъ съ казаками направился къ нему, а пѣхоту съ горнымъ взводомъ послалъ къ колодцамъ Акъ-Мечеть. Къ приходу сотника Сущевскаго-Ракусы казаки оканчивали поить своихъ лошадей; пѣхота же первой колонны виднѣлась верстахъ въ семи. Напоивъ лошадей, казаки изъ первой колонны предоставили колодезь въ распоряженіе кизляро-гребенской сотни; но едва достали нѣсколько ведеръ воды, какъ большая копка (киргизское кожаное ведро) оборвалась въ колодезь; вскорѣ затѣмъ подошла пѣхота съ вьюками второй колонны. Тогда сотникъ Сущевскій-Ракуса испросилъ разрѣшеніе идти далѣе къ колодцу Черкезлы, до котораго, по словамъ проводника, было верстъ 15; но какъ бараны не пили съ колодцевъ Бусага и напоить ихъ у Дюсембая не представлялось никакой возможности, то начальникъ эшелона поручилъ командиру сотни взять съ собою барановъ и напоить ихъ у Черкезлы. Кавалерія съ своими вьюками и съ баранами немедленно выступила, а пѣхота заняла ея мѣсто у колодца Дюсембая. Жара въ этотъ день стояла свыше 40° R., при полномъ отсутствіи всякаго движенія воздуха.

Каждый разъ, когда войска достигали одиночнаго, слѣдовательно, глубокаго колодца, обыкновенно происходило слѣдующее. Не успѣвали солдаты, шедшіе въ головѣ

колонны, составить ружей въ козлы, какъ бѣжали уже къ колодцу съ своими котелками, манерками и веревками, и сразу спускали въ колодезь штукъ по 10 этой посуды, причемъ, конечно, происходила страшная давка. Веревки перепутывались, обрывались и посуда падала въ колодезь; только часть опущенныхъ манерокъ вытаскивалась на-половину наполненными водою; прочія же поднимались пустыми. Но черезъ нѣкоторое время прибывали къ колодцу вьюки и съ ними ведра, и тогда установлялся такой порядокъ: каждой части назначалась очередь для добыванія воды; къ колодцу ставился караулъ, чтобы не допускать къ нему людей тѣхъ частей, которымъ еще не пришла очередь, и назначался офицеръ для наблюденія. Затѣмъ людямъ раздавалась вода, привезенная на вьюкахъ, по порціямъ, величина которыхъ зависѣла отъ совокупности многихъ обстоятельствъ: отъ количества воды, находившейся въ бурдюкахъ и боченкахъ, величины разстоянія предстоявшаго перехода, отъ того, въ какое время пришли на привалъ или ночлегъ, т. е. утромъ, въ полдень или ночью, и, наконецъ, отъ числа колодцевъ и ихъ глубины [10]). Наименьшая порція воды, отпускавшаяся солдату на полсутки, равнялась пяти крышкамъ отъ манерки, т. е. двумъ обыкновеннымъ стаканамъ, а наибольшая — половинѣ манерки, т. е. 1 1/2 бутылки. Можно себѣ послѣ этого представить, что испытывалъ человѣкъ при подобномъ мизерномъ отпускѣ воды, когда испариной у него выходило больше жидкости, чѣмъ сколько онъ ея получалъ. Мучимые жаждою, солдаты подходили къ колодцу и вымаливали себѣ глотокъ воды, или же подставляли свою крышку подъ бурдюкъ, во время наливанья въ него, и терпѣливо выжидали, когда къ нимъ попадетъ нѣсколько капель жидкости. При ничтожномъ отпускѣ воды можно ли было думать о варкѣ пищи? О качествѣ воды конечно никто не заботился: «была бы только мокрая», — говорили солдаты.

Никто такъ не цѣнитъ воду, какъ кочевники. Недаромъ въ пустынѣ существуетъ повѣрье: «капля воды, поданная жаждущему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ»; недаромъ считается верхомъ гостепріимства напоить въ лѣтній зной жаждущаго путника, а постройка колодцевъ приписывается святымъ людямъ. Нѣтъ святѣе дѣла, какъ вырыть колодезь. Имена строителей въ большей части случаевъ увѣковѣчены, ибо колодцы называются въ честь ихъ. Нѣкоторымъ колодцамъ приписывается чудесное происхожденіе. Такъ, про колодезь Балкую, около Красноводска, разсказываютъ, что онъ открылся мгновенно, отъ прикосновенія костыля одного старца, не находившаго нигдѣ воды и изнемогавшаго отъ жажды.

Жара начиналась уже черезъ часъ по восходѣ солнца; часа черезъ три по выступленіи съ ночлега, люди начинали приставать. Къ 9 — 10 часамъ утра зной становился невыносимъ, въ воздухѣ удушье, и миражи начинали играть на горизонтѣ. Приблизительно около этого же времени колонна становилась на привалъ. Двигаться позже было неудобно уже потому, что въ жару солдаты могли дѣлать только по двѣ, по двѣ съ половиною версты въ часъ, вмѣсто 3—3 1/2 верстъ, которыя они проходили по утрамъ и по вечерамъ, когда спадалъ зной. Привалъ, продолжавшійся обыкновенно до 3-хъ или 4-хъ часовъ пополудни, не много освѣжалъ людей, мучимыхъ жаждою и лежавшихъ на солнцѣ безъ палатокъ. Хотя къ полудню солнце и окутывалось сухою туманною мглою, но изъ-за нея продолжали литься отвѣсные жгучіе лучи. Какъ ни ничтожно казалось бы закрытіе, представляемое однимъ полотномъ противъ солнечныхъ лучей, но на самомъ дѣлѣ разница въ температурѣ на солнцѣ и подъ полотномъ была огромная: почти такая же, какая существуетъ

[10]) Начальники колоннъ приняли за правило: расходовать воду такимъ образомъ, чтобы по приходѣ къ колодцу всегда имѣть хотя небольшой запасъ ея на случай засоренія или отравленія водоема и, вообще пока успѣютъ набрать воду изъ новаго колодца. Люди, зная, что въ запасѣ есть вода, шли бодрѣе.

лѣтомъ между комнатой, расположенной на солнечной сторонѣ, и подваломъ, обращеннымъ къ сѣверу. При неимѣніи палатокъ, солдаты, составивъ ружья въ козлы, покрывали ихъ шинелями, которыя могли дать защиту отъ солнечныхъ лучей только одной головѣ; все же остальное тѣло немилосердо обжигалось солнечными лучами. Вечерніе переходы бывали всегда легче утреннихъ, потому что по вечерамъ становилось прохладнѣе. Вечеромъ шли часовъ до девяти, до десяти. Такимъ образомъ, отрядъ находился отъ 10 до 12-ти часовъ въ движеніи, совершая нерѣдко болѣе 40 верстъ. И такъ шли не одинъ и не два дня, а цѣлыя три недѣли.

Часамъ къ шести вечера двѣ Апшеронскія роты колонны подполковника Гродекова набрали воду въ ручную посуду и напоили часть верблюдовъ, и, подъ командою маіора Буравцова, тотчасъ же были двинуты къ колодцамъ Черкезлы. Прочія войска остались у Дюсембая наливать свои бурдюки, что и окончили только къ десяти часамъ вечера. Въ темную ночь подполковникъ Гродековъ повелъ ихъ тоже къ Черкезлы.

Между тѣмъ, сотникъ Сущевскій-Ракуса, постоянно увѣряемый проводникомъ, что Черкезлы близко, шелъ уже въ продолженіи пяти часовъ. Наконецъ, часа въ 4 пополудни, онъ подошелъ къ колоннѣ подполковника Скобелева, которая, двигаясь съ самаго утра въ теченіи шести часовъ, къ колодцамъ Акъ-Мечеть не дошла и остановилась всего въ трехъ верстахъ отъ колодца Черкезлы. О существованіи этого колодца Скобелеву не было извѣстно. Когда сотникъ Сущевскій-Ракуса подошелъ къ первой колоннѣ и сообщилъ ея начальнику, что идетъ къ колодцу Черкезлы, то и подполковникъ Скобелевъ приказалъ своей колоннѣ двигаться туда же. Въ Черкезлы оказался одинъ колодезь въ 25 саженъ глубины; вода въ немъ была протухлая, соленая и чрезвычайно мутная. Кизлярогребенской сотнѣ, не поившей своихъ лошадей цѣлый день 27-го апрѣля, разрѣшено было дать по ведру воды. У несчастныхъ животныхъ полопались отъ жары и жажды языки; они дрались, кусались, дрожали при видѣ воды и пили ее съ такою жадностью, что падали на колѣни; трудно было лошадь оторвать отъ пустого, но еще мокраго ведра. Но немногимъ лошадямъ досталось напиться. Замѣтили, что вода въ колодцѣ плохо набѣгаетъ, а потому поеніе лошадей прекратили, и воду стали отпускать только людямъ. Часа черезъ два вся вода изъ колодца была вычерпана. Въ это время пріѣхалъ проводникъ, посланный подполковникомъ Скобелевымъ для разысканія колодцевъ Акъ-Мечеть, и сообщилъ что они недалеко. Въ тотъ же вечеръ первая колонна прибыла къ Акъ-Мечети, гдѣ воды въ двухъ колодцахъ нашлось весьма много, а сотня Сущевскаго-Ракусы осталась у Черкезлы. Часа черезъ три вода набѣжала; лошадямъ дали только по полведру, и затѣмъ воды въ колодцѣ опять не стало. Около полуночи пришелъ къ Черкезлы маіоръ Буравцевъ съ двумя ротами, а утромъ 29-го, апрѣля, прибылъ и подполковникъ Гродековъ съ остальными двумя ротами, прослѣдовавъ безостановочно 25 верстъ. Люди, проведшіе безъ сна всю ночь у колодца Кыныръ, не спали и въ эту ночь. Всѣ были сильно утомлены. Нѣкоторые изъ офицеровъ, чтобы прогнать сонъ, одолѣвавшій ихъ, слѣзали съ лошадей и шли пѣшкомъ; но силы ихъ были такъ изнурены, что они спѣшили опять сѣсть на коней; другіе выѣзжали передъ колонну шаговъ за 600—700, покидали сѣдло, ложились на землю и засыпали минутъ на пять; когда колонна подходила, ихъ будили: они опять садились на коней и, затѣмъ, повторяли то же самое. Киргизъ Курманъ-Джановъ, посланный сотникомъ Сущевскимъ-Ракусою съ донесеніемъ къ подполковнику Гродекову, заснулъ на лошади, которая, не будучи понукаема, остановилась. Киргиза встрѣтили верстахъ въ 12-ти отъ колодца Черкезлы и насилу добудились. Одно только выручало—прохлада ночи.

29-го апрѣля, часовъ въ 6-ть утра, когда вода въ колодцѣ набѣжала, приступили къ поенію лошадей. Но едва успѣли дать по ведру нѣсколькимъ лошадямъ, какъ колодезь

*

опять весь вычерпали. Пришлось ждать. Хотя къ часамъ 9-ти воды набѣжало достаточное количество, но въ это время къ колодцу подошли два полевыя орудія изъ колонны подполковника Пожарова, подъ конвоемъ сотни казаковъ. Командиръ сотни просилъ напоить артиллерійскихъ лошадей, безъ чего онѣ не могли дойти до Ильтедже. Подполковникъ Гродековъ приказалъ отпустить по одному ведру на каждую артиллерійскую лошадь, всего счетомъ 24 ведра, и напоить казаковъ, отъ которыхъ узналъ, что они поили своихъ лошадей въ послѣдній разъ 28-го числа, слѣдовательно животныя могли еще ждать. Затѣмъ артиллерія, отдохнувъ около часу, двинулась далѣе по большой дорогѣ, прямо на Ильтедже.

Колонна подполковника Пожарова выступила отъ колодцевъ Бусага утромъ, 27-го апрѣля; дойдя до колодцевъ Каракинъ, она остановилась; вскорѣ сюда пріѣхалъ начальникъ отряда и приказалъ ей тронуться далѣе, къ Кыныру, гдѣ предполагалось много воды. Подполковникъ Пожаровъ немедленно выступилъ, дошелъ до Кыныра, но не могъ напоить пѣхоты, потому что уцѣлѣвшее большое ведро находилось въ колоннѣ подполковника Скобелева. Тогда онъ отправилъ артиллерію, подъ прикрытіемъ сотни казаковъ, отдѣльно впередъ прямо на Ильтедже, по большой дорогѣ, по которой затѣмъ послѣдовалъ съ пѣхотою, съ возможной скоростью. Часовъ около четырехъ пополудни, 29-го числа, колонна Пожарова обогнала колонну подполковника Гродекова, когда эта послѣдняя находилась у Черкезлы.

Между тѣмъ колоннѣ подполковника Гродекова, по недостатку запаса воды и по сильной усталости людей, нельзя было идти прямо ни на Ильтедже отъ Черкезлы, ни на Акъ-мечеть, гдѣ въ это время находился подполковникъ Скобелевъ и кавалерія съ начальникомъ отряда. Рѣшено было выждать вечера и тогда слѣдовать къ Акъ-мечети. Когда вода въ колодцѣ Черкезлы набѣжала, то прежде всего дали по ведру лошадямъ; затѣмъ ея набрали въ ручную посуду двѣ роты Апшеронцевъ, съ которыми вслѣдъ затѣмъ маіоръ Буравцевъ двинулся къ колодцамъ Акъ-мечеть. Къ восьми часамъ вечера набрали воду въ котелки и манерки остальныя двѣ роты Апшеронскаго полка и, съ начальникомъ колонны, тронулись тоже къ Акъ-мечети, до колодцевъ которой считалось всего 5 верстъ. Придя къ нимъ, маіоръ Буравцевъ засталъ остатки кавалеріи, ночевавшей у колодцевъ съ 28-го на 29-е число. Кизляро-гребенская сотня оставалась у Черкезлы, такъ какъ отъ маіора Буравцева получено было не совсѣмъ опредѣленное извѣстіе о количествѣ воды въ Акъ-мечети. Сотнику Сущевскому приказано было напоить своихъ лошадей въ Черкезлы досыта и утромъ слѣдующаго дня прибыть въ Акъ-мечеть. Здѣсь оказались два колодца глубиною 10-ть саженъ и неисчерпаемое количество воды, такъ что не только кавалерія напоила своихъ лошадей, но набралъ про запасъ и напоилъ верблюдовъ и подполковникъ Скобелевъ и все-таки воды въ нихъ не уменьшалось. Колодцы расположены на гладкой, глинистой, совершенно обнаженной отъ всякой растительности, мѣстности. Недалеко отъ нихъ находится небольшой мѣловой курганъ, въ которомъ вырыта пещера, служащая мѣстомъ совершенія богослуженія, т. е. мечетью. Отсюда и самое названіе колодцевъ Акъ-мечеть (бѣлая мечеть). Къ утру 30-го апрѣля были напоены всѣ люди, лошади и верблюды.

Дальнѣйшее движеніе второй колонны къ Ильтедже не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій. Большіе пески, начинающіеся верстахъ въ 10-ти отъ Ильтедже, пройдены довольно легко. 30-го апрѣля, предъ закатомъ солнца, колонна подполковника Гродекова пришла въ Ильтедже, гдѣ уже собрались остальныя части отряда.

Четвертая колонна (кавалерія съ ракетною командою) выступила отъ колодцевъ Бусага 27-го апрѣля и, послѣ большаго привала у колодцевъ Каракинъ, гдѣ были напоены

лошади, въ тотъ же день прибыла къ колодцу Кыныръ, заставъ тамъ колонну подполковника Гродекова. Какъ выше сказано, большое кожаное ведро уронили въ этотъ колодезь, и кавалерія не имѣла никакихъ средствъ напоить своихъ лошадей, а между тѣмъ проводники не знали другаго колодца ближе чѣмъ Алпай-масъ, въ 50-ти верстахъ отъ Кыныра. Тронулись къ Алпай-масу. Къ полудню, 28-го апрѣля, жара достигла 40° R., Конница начинала выбиваться изъ силъ; нѣкоторыя лошади не въ состояніи были двигаться и пристали. Начальникъ колонны потерялъ уже надежду достигнуть колодцевъ, до которыхъ оставалось еще болѣе 20-ти верстъ, т. е. 4 часа марша, поэтому полковникъ Ломакинъ приказалъ остановиться. Вотъ какъ описываетъ состояніе колонны находившійся при ней прусскій поручикъ Штумъ: «Ни одного глотка воды! и, на сколько видитъ глазъ, все песокъ, отсвѣчивающій подъ солнечными лучами. Ни кустарника, ни травки, которая могла бы служить пищею насѣкомому! Мой слуга и переводчикъ уже въ теченіи нѣсколькихъ часовъ растянулись, безъ всякаго сознанія, на пескѣ около своихъ лошадей. Я не только не зналъ объ ихъ исчезновеніи, но начиналъ и самъ падать въ обморокъ. Всѣ мы думали, что пробилъ нашъ послѣдній часъ и наступила та критическая минута, о которой говорятъ не иначе, какъ съ содроганіемъ. Вдругъ на горизонтѣ, среди густаго облака пыли, показались два призрака, несшіеся къ намъ во весь опоръ. Крикъ: «Вода! вода»! вырвался у всѣхъ изъ груди. «Всѣ вставайте, колодецъ близко!» Въ секунду всѣ эти истощенные люди поднялись на ноги, какъ по волшебству, и радость внезапно озарила лица людей, которые предались-было полной безнадежности!».

Надо замѣтить, что, за нѣсколько минутъ до описываемаго момента, полковникъ Ломакинъ совершенно случайно открылъ одну изъ тѣхъ тропинокъ, которыя часто попадаются въ окрестностяхъ колодцевъ. Чтобы никого не разочаровывать, онъ, не говоря ни слова, послалъ по этой тропинкѣ двухъ киргизъ; они, проѣхавъ около 2-хъ верстъ, открыли колодезь, о существованіи котораго не было извѣстно ни одному изъ проводниковъ. Въ благодарность за свое спасеніе, офицеры, бывшіе въ кавалерійской колоннѣ, дали этому колодцу названіе «Благодатный». Колодезь «Благодатный» оказался съ большимъ количествомъ воды, при глубинѣ въ 17-ть саженъ. Напоивши здѣсь людей и лошадей, кавалерія двинулась къ колодцамъ Акъ-Мечеть, гдѣ и ночевала, а 29-го прибыла въ Ильтедже.

Такимъ образомъ, Мангишлакскій отрядъ, несмотря на всѣ препятствія, противопоставленныя враждебною природою, недостатокъ воды и сильную жару, преодолѣлъ все и, безъ горячей пищи, безъ сна въ теченіи нѣсколькихъ ночей, въ постоянной работѣ — ногами при движеніи, а руками при добываніи воды изъ колодцевъ — бодро переносилъ всѣ труды и лишенія. Насколько велико было самоотверженіе всѣхъ чиновъ отъ перваго до послѣдняго, видно уже изъ того, что на верблюдахъ, которыхъ берегли и на которыхъ не позволялось сидѣть никому, кромѣ больныхъ, ѣхало не болѣе человѣкъ 10-ти изъ цѣлаго отряда. Только въ Ильтедже опредѣлилось, во что обошелся войскамъ тяжелый путь отъ Бусага. 30-ть человѣкъ не могли слѣдовать далѣе и были оставлены въ устроенномъ въ Ильтедже укрѣпленіи. До прихода же къ этимъ колодцамъ, кромѣ упомянутыхъ 10-ти человѣкъ, ни одинъ изъ остальныхъ 20-ти не показывалъ даже вида, что болѣнъ, изъ опасенія, чтобы его не посадили на верблюда и тѣмъ не обременили послѣдняго до такой степени, что онъ могъ пристать; всякій понималъ, что чѣмъ дальше идти, тѣмъ верблюды будутъ нужнѣе отряду, а ихъ безъ того отъ Бусага до Ильтедже пало болѣе 30-ти штукъ. Въ Ильтеджѣ оказалось семь колодцевъ, глубиною каждый въ 3 сажени; изъ нихъ три были вырыты вновь киргизами, посланными изъ Бусага съ шанцевымъ инстру-

ментомъ собственно для открытія новыхъ колодцевъ и очистки старыхъ. Работу эту они выполнили вполнѣ добросовѣстно. Окрестности Ильтедже покрыты песками, поросшими кустами саксаула. Здѣсь постоянно господствуютъ сильные вѣтры, несущіе цѣлыя облака песчаной пыли. Во время трехнедѣльнаго пребыванія 12-й роты Апшеронскаго полка въ устроенномъ у колодцевъ редутѣ, пять разъ пришлось очищать рвы отъ заносившихъ ихъ до самаго верха песковъ. Верстахъ въ 3-хъ отъ Ильтедже находятся могилы двадцати туркменскихъ джигитовъ, сопровождавшихъ купеческій караванъ изъ Хивы на Мангишлакъ, но истребленныхъ поголовно напавшими киргизами. Вообще въ старину, когда Мангишлакъ былъ еще занятъ туркменами, хивинская торговля направлялась на Тюбъ-караганскую бухту. Слѣды этого торговаго пути сохранились и до сихъ поръ: съ самаго поднятія на Устюртъ, у колодцевъ Каракинъ, отрядъ встрѣчалъ множество верблюжьихъ тропъ. Когда же киргизы оттѣснили туркменъ далѣе къ югу и движеніе каравановъ по этому пути стало опасно, то торговый путь подвинулся также къ югу и направился сперва на бухту Александръ-бай, и потомъ, по тѣмъ же причинамъ, на Карабугазъ.

Ильтедже предназначено было для второго опорнаго пункта, а потому въ немъ устроили редутъ, который предполагалось занять одною ротою Апшеронскаго полка до прихода туда двухъ ротъ Ширванскаго полка съ продовольствіемъ для отряда; затѣмъ это довольствіе должна была конвоировать въ Айбугиръ Апшеронская рота, а Ширванцы занимали опорный пунктъ. Этотъ пунктъ, равно какъ и Бишъ-акты, начальникъ отряда считалъ необходимымъ занять до времени, пока не опредѣлится положеніе дѣлъ въ ханствѣ, двумя ротами, по той причинѣ, какъ доносилъ онъ командующему войсками Дагестанской области, что одной роты слишкомъ мало для ночныхъ карауловъ и секретовъ, а днемъ—для прикрытія верблюдовъ и барановъ и для заготовленія топлива. Съ другой стороны, всѣ киргизы находились въ сильномъ возбужденіи и относились вообще съ большимъ недовѣріемъ и даже враждебно къ нашему движенію въ Хиву. Поэтому полковникъ Ломакинъ считалъ рискованнымъ поручить охрану каждаго изъ опорныхъ пунктовъ одной ротѣ, въ столь значительномъ разстояніи другъ отъ друга, Въ ожиданіи прибытія маіора Навроцкаго, въ Ильтедже временно была оставлена 12-я рота 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, подъ командою поручика Гриневича, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ и воинскимъ начальникомъ укрѣпленія. Въ укрѣпленіи оставлены 30 больныхъ со всего отряда и 60 слабыхъ верблюдовъ. Въ ротѣ имѣлось довольствія по 21-е мая, считая по 1-му фунту сухарей въ сутки. Баранами гарнизонъ былъ обезпеченъ приблизительно тоже по 21-е мая.

До того времени въ Мангишлакскій отрядъ не былъ доставленъ отвѣтъ отъ начальника Оренбургскаго отряда, генерала Веревкина, на донесеніе къ нему полковника Ломакина, посланное изъ Киндерли 7-го апрѣля,—отвѣтъ, который, по разсчету начальника отряда, слѣдовало получить въ Бусага или Каракинѣ. Предполагая, что нарочный, посланный съ этимъ донесеніемъ, перехваченъ, полковникъ Ломакинъ изъ Ильтедже послалъ въ Оренбургскій отрядъ другаго нарочнаго, съ которымъ сообщалъ генералу Веревкину о настоящемъ составѣ отряда, о количествѣ войскъ, оставленныхъ на опорныхъ пунктахъ, и о томъ, что, двигаясь чрезъ Байларъ, Кизылъ-ахиръ и Итыбай, онъ предполагаетъ быть 6 или 7-го мая у Акъ-чеганака (Айбугиръ), гдѣ расположится противъ киргизской могилы Кизыль-гумбетъ и будетъ ожидать распоряженія генерала Веревкина.

Дальнѣйшее движеніе къ Айбугиру долженствовало происходить, какъ и до сихъ поръ, четырьмя колоннами: 1) первая, подъ командою подполковника Скобелева, состояла изъ 9-й линейной и 4 стрѣлковой ротъ Апшеронскаго и роты Самурскаго пол-

ковъ, горнаго взвода и команды казаковъ Кизляро-Гребенскаго полка; 2) вторая, подполковника Пожарова,—изъ трехъ ротъ Ширванскаго полка, одного полеваго оружія и вьюковъ двухъ сотенъ кавалеріи; 3) третья, подъ начальствомъ подполковника Гродекова, изъ трехъ ротъ Апшеронскаго полка (10-й линейной, 1 и 3 стрѣлковыхъ), одного полевого орудія и вьюковъ двухъ сотенъ кавалеріи, и 4-я — кавалерійская колонна, безъ вьюковъ, полковника Теръ-Асатурова. Время выступленія колоннамъ назначалось: первой—въ 3½ часа утра, 1-го мая; второй — въ 4 часа пополудни, того-же числа; третьей—въ 3½ часа утра, 2-го мая и 4-й—въ три часа пополудни, въ тотъ же день.

По всему пути до Айбугира, по имѣвшимся въ отрядѣ свѣдѣніямъ, — болѣе всего трудностей предстояло на большомъ безводномъ переходѣ въ 62 версты отъ Кизылъ-Ахира до Байчагира, гдѣ имѣлся только одинъ колодезь, который въ отрядѣ опасались, чтобы хивинцы не засыпали. Затѣмъ отъ Байчагира одинъ день пути до Итыбая, чрезъ колодезь Мендали, такъ какъ на другой день можно уже было спуститься къ Айбугиру, отъ киргизской могилы Кизылъ-Гумбетъ. Если-бы не встрѣтилось на пути препятствій, то полковникъ Ломакинъ разсчитывалъ 6 или 7 мая быть въ хивинскихъ предѣлахъ, гдѣ и ожидать приказаній отъ начальника Оренбургскаго отряда [11]).

До настоящаго времени никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ или слѣдовъ его не было; казалось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что отрядъ не встрѣтитъ въ пустынѣ противника въ значительныхъ массахъ. Исключительно дѣйствуя верхомъ, для непріятеля вопросъ о водѣ, при непремѣнныхъ безпорядкахъ, сопровождающихъ всегда сборъ азіятцевъ въ значительныхъ массахъ, пріобрѣталъ еще большее значеніе, чѣмъ для европейскаго отряда. «У васъ есть низамъ» (порядокъ, дисциплина), говорилъ хивинскій ханъ русскимъ офицерамъ въ Хивѣ, «а у насъ этого не можетъ быть. Какой можно устроить низамъ съ туркменами»? Вотъ почему въ отрядѣ были убѣждены, что на Устюртѣ противодѣйствіе непріятеля по необходимости ограничится лишь высылкою незначительныхъ партій для порчи колодцевъ Табанъ-су, Мендали и Итыбая. Въ виду этого, всѣ соображенія сводились къ одному условію: возможно быстрѣе пройти пространство, бѣдное водою, и притомъ непремѣнно малыми эшелонами, съ достаточными между ними интервалами. Однако указанное распредѣленіе войскъ по колоннамъ не совсѣмъ удовлетворяло выработанному условію: колонны были слишкомъ велики, а разстоянія между ними слишкомъ малы, всего на полсутки пути. Уже на пути отъ Каракина до Ильтедже сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что разстоянія малы между эшелонами, такъ какъ они сталкивались у колодцевъ; что требовалось много времени, чтобы напоить людей и лошадей, и что колонны сами-собою раздроблялись на болѣе мелкія части. Съ 1-го мая послѣдовало распоряженіе, чтобы войска довольствовались однимъ фунтомъ сухарей въ сутки. За весь путь отъ Бишъ-акты до Ильтедже рогожные кули сильно поистрепались; отъ постояннаго навьючиванія и развьючиванія верблюдовъ сухари потерлись и обратились въ порошокъ, сыпавшійся сквозь рѣдкую ткань, куски же сухарей терялись сквозь отверстія въ куляхъ. Хотя, по мѣрѣ опорожненія кулей, сухари пересыпались въ двойные кули, но и это мало помогало. Часто приходилось видѣть, какъ верблюдъ, несущій сухарный вьюкъ, оставляетъ послѣ себя дорожку изъ сухарей. Идущій при вьюкахъ солдатъ замѣтитъ это и заткнетъ прорѣху крупнымъ сухаремъ, который, отъ сотрясенія, выходитъ изъ даннаго ему положенія: отверстіе въ кулѣ опять открывается и сухари опять начинали сыпаться. Бараны, которые прошли уже нѣсколько сотъ верстъ, весьма сильно похудѣли, и, конечно, мясо ихъ было мало питательно. Если

[11]) Рапортъ начальника Мангишлакскаго отряда командующему войсками Дагестанской области, отъ 1 мая 1873 года № 39.

къ этому прибавить еще, что горячая пища варилась не каждый день, то нельзя не удивляться необыкновенной выносливости русскаго солдата.

Колонна подполковника Скобелева выступила отъ колодцевъ Ильтедже 1-го мая, въ 3 1/2 часа утра, и, сдѣлавъ большой привалъ у колодца Байларъ, въ 20 1/4 верстахъ отъ Ильтедже, направилась подъ вечеръ того же дня къ колодцу Кизылъ-ахиръ, гдѣ и ночевала. Въ Байларѣ оказался одинъ колодезь, глубиною 14 саженъ; въ Кизылъ-ахирѣ, отстоящемъ отъ Байлара въ 8 1/2 верстахъ, тоже одинъ колодезь, глубиною 18 саженъ. Дорога къ колодцамъ была твердая, глинистая, отчасти солонцеватая. Затѣмъ большой безводный переходъ въ 53 версты отъ Кизылъ-ахира до Байчагира совершенъ первою колонною въ 1 1/2 сутокъ. Опасаясь за цѣлость колодца Байчагиръ, начальникъ колонны, подполковникъ Скобелевъ, 2-го мая, въ 4 1/2 часа утра, опередилъ свою колонну, выступившую изъ Кизылъ-ахира, и, съ 12-ю казаками и 10-ю киргизами, двинулся къ Байчагиру, къ которому и прибылъ въ 12 1/2 часовъ пополудни. Колодезь найденъ былъ въ исправности; его діаметръ = одному аршину, а глубина 16 саженямъ, столбъ воды въ 1 1/2 сажени. По словамъ киргизовъ, накопленіе воды въ колодцѣ происходитъ весьма быстро, въ виду чего вокругъ него весною собираются кочевники, обладающіе нѣсколькими тысячами головъ скота. Свѣжіе слѣды кочевниковъ виднѣлись и теперь. «Сдѣлавъ въ жаркое время трудный переходъ отъ Кизыль-ахира до Байчагира», доносилъ подполковникъ Скобелевъ, «я, на мѣстѣ, вполнѣ оцѣнилъ значеніе этого колодца, столь важнаго для успѣшнаго движенія всего отряда. Не только положеніе колонны войскъ, но даже такого незначительнаго разъѣзда, какъ мой, было бы весьма затруднительно, если бы хивинцамъ удалось засыпать такой колодезь, какъ Байчагиръ. Чтобы засыпать его, потребовалось бы не болѣе трехъ часовъ времени; отрыть-же его, при большой глубинѣ и недостаточной ширинѣ, киргизы считаютъ, что нужно шесть дней» [12]).

Съ цѣлію обезпечить свой незначительный разъѣздъ отъ нападенія непріятеля въ превосходныхъ силахъ и, во всякомъ случаѣ, удержать за собою колодезь Байчагиръ до прибытія колонны, подполковникъ Скобелевъ, немедленно по приходѣ къ колодцу, приступилъ къ сооруженію вокругъ него траншеи, съ насыпью по обѣимъ сторонамъ ровика, для обезпеченія тыла стрѣлковъ во время нападенія со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ онъ предполагалъ, по уходѣ съ своей колонной изъ Байчагира, занять эту траншею 15—25-ю стрѣлками до прибытія второй колонны. Оставленіе команды у колодца являлось дѣломъ въ высшей степени важнымъ, потому что порча его могла повести за собою гибельныя послѣдствія и нанести громадный вредъ успѣху движенія всего отряда: отчего имѣть въ рукахъ этотъ пунктъ на все время прохожденія колоннъ являлось крайне необходимымъ. Зная о движеніи трехъ колоннъ, въ 12 часахъ разстоянія одна отъ другой, казалось, что противникъ не можетъ энергически напирать на караулъ у колодца, ибо это было не въ его характерѣ. Слѣдовательно, оставленіе небольшой команды у Байчагира не представлялось дѣломъ рискованнымъ. Подобный образъ дѣйствій можно считать вполнѣ цѣлесообразнымъ, потому что кочевое населеніе слишкомъ дорожитъ колодцемъ, чтобы безъ крайности забить или испортить его.

Подполковникъ Пожаровъ выступилъ изъ Ильтедже 1-го мая, въ 4 часа пополудни, и, сдѣлавъ до вечера 20 1/2 верстъ, ночевалъ съ колонной у колодца Байларъ, гдѣ, въ виду

[12]) Киргизы колодцевъ не засыпаютъ, а отравляютъ ихъ травою ицтекъ, или забиваютъ. Забивка колодцевъ производится слѣдующимъ образомъ: прежде всего затыкаютъ войлокомъ ту жилу, изъ которой бьетъ вода, затѣмъ вычерпываютъ изъ колодца всю воду и, наконецъ, наружное отверстіе колодца покрываютъ кошмою, насыпаютъ на нее землю, и, для совершеннаго скрытія слѣдовъ, втыкаютъ кусты травы саксаула. Коль скоро найдено мѣсто колодца, стоитъ только открыть водяную жилу и затѣмъ поскорѣе вытащить человѣка, который производитъ эту операцію.

большаго безводнаго пространства, поилъ верблюдовъ. Вслѣдствіе этого онъ тронулся съ ночлега довольно поздно, такъ что колонна Гродекова, выступившая отъ Ильтедже 2-го мая, подходя къ Байлару въ часовъ 9-ть утра, видѣла аріергардъ 2-й колонны въ верстѣ отъ колодца. 2-го мая подполковникъ Пожаровъ въ Кизылъ-ахирѣ опять поилъ людей, лошадей, барановъ и верблюдовъ и, выступивъ далѣе, ночевалъ въ безводномъ пространствѣ, а подполковникъ Гродековъ ночевалъ въ Байларѣ. Часовъ въ 8 вечера къ этому колодцу пришла кавалерія съ начальникомъ отряда. Отсюда полковникъ Ломакинъ рѣшилъ предпринять усиленную рекогносцировку по направленію къ Акъ-чеганаку, кратчайшимъ путемъ по маловодному пути чрезъ Мендали, для чего назначены были: кавалерія, ракетная команда, горный взводъ, одно полевое орудіе и пять ротъ пѣхоты. Обозъ, подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ и одного орудія, долженъ былъ двигаться чрезъ Табанъ-су и Итыбай тоже къ Акъ-чеганаку. Сообщивъ это предположеніе начальнику 3-й колонны, подполковнику Гродекову, Ломакинъ, съ кавалеріей, двинулся къ колодцу Кизылъ-ахиру, куда прибылъ въ полночь на 3-е мая; здѣсь войска ночевали, а вечеромъ, на другой день, прибыли въ Байчагиръ. Обогнавъ на пути вторую колонну, начальникъ отряда сообщилъ подполковнику Пожарову, что, для производства усиленной рекогносцировки, изъ его колонны назначаются двѣ роты и одно полевое орудіе, и что, придя въ Байчагиръ, онъ долженъ будетъ, отдѣливъ наиболѣе сильныхъ верблюдовъ, по 15-ти на роту, съ патронами, водою и сухарями на 5 дней, двинуться чрезъ Мендали и Итыбай къ Акъ-чеганаку, куда идетъ и вся колонна подполковника Скобелева; остальныхъ же своихъ верблюдовъ, наиболѣе слабыхъ, подъ прикрытіемъ одной роты, слѣдуетъ оставить у колодца Байчагиръ. Подполковнику Скобелеву послано приказаніе: оставить у Байчагира всѣхъ слабыхъ верблюдовъ и, взявъ съ собою по 15-ти верблюдовъ на роту, съ патронами, водою и сухарями на 5 дней, двигаться на Итыбай. Самъ полковникъ Ломакинъ съ кавалеріею рѣшилъ двинуться къ Акъ-чеганаку чрезъ Табанъ-су и Итыбай. Третья же колонна, забравъ у Байчагира всѣ оставленныя первою и второю колоннами тяжести, возможно скорѣе двигалась къ Акъ-чеганаку по тому же пути, какъ и кавалерія.

Колодцы Мендали и Табанъ-су представляли для отдыха первостепенное значеніе, и возможно быстрѣйшее занятіе ихъ являлось дѣломъ самымъ необходимымъ. Здѣсь, по словамъ всѣхъ проводниковъ, колонны должны были запастись водою на три дня до Акъ-чеганака (Кизылъ-Гумбетъ), гдѣ находится болѣе ста колодцевъ, ибо въ Итыбаѣ вода горько-соленая, вредная для людей, а въ колодцахъ Гуннанъ-урусъ, лежавшихъ на разстояніи часа пути отъ Итыбая, влѣво отъ дороги, хотя воды и очень много, но она одинакова съ итыбайской. Проводники говорили, что въ Итыбаѣ и Гуннанъ-урусѣ вода такая же, какъ и въ колодцахъ Онъ-каунды. Въ Каундахъ вода оказалась дѣйствительно отвратительной, но все-таки ее пили; слѣдовательно, въ случаѣ нужды, можно было, пить и итыбайскую и гуннанъ-урусскую воду; но, для сбереженія здоровья людей, этого надлежало избѣгать, и вотъ почему занятіе Табанъ-су и Мендали явилось дѣломъ необходимымъ.

4-го мая кавалерія выступила изъ Байчагира къ Табанъ-су, а подполковникъ Скобелевъ направился къ Мендали; въ тотъ же день, около полудня, прибылъ въ Байчагиръ подполковникъ Пожаровъ, а подполковникъ Гродековъ — въ 11 часовъ ночи.

Переходъ колоннъ къ Байчагиру былъ весьма тяжелый: жара стояла до 40° Р., и люди по такой жарѣ сдѣлали отъ 40 до 50 верстъ. Ровно въ полночь, съ 4-го на 5-е мая, подполковникъ Пожаровъ выступилъ на Мендали, по той же дорогѣ, по которой пошелъ подполковникъ Скобелевъ. Такъ какъ пространство отъ Байчагира до Акъ-чеганака надлежало пройти какъ можно скорѣе, то Гродековъ назначилъ выступленіе своей колонны въ

3 часа утра, 5-го мая. Люди, пройдя наканунѣ 45 верстъ и бодрствуя уже въ продолженіи двухъ ночей, у колодца Байчагиръ спали такъ крѣпко, что многихъ солдатъ надо было не только расталкивать, но даже ставить на ноги. Въ четыре часа третья колонна выступила, оставивъ у Байчагира роту Ширванскаго полка, чтобы напоить нѣкоторую часть верблюдовъ и барановъ. Пройдя верстъ 15, подполковникъ Гродековъ получилъ съ нарочнымъ киргизомъ записку отъ начальника отряда изъ Табанъ-су, слѣдующаго содержанія: «Отъ трехъ перехваченныхъ мною киргизъ я получилъ свѣдѣніе, что Оренбургскій отрядъ дня три-четыре не выходилъ еще изъ Ургу. Поэтому я рѣшился остановиться въ Табанъ-су и Аланѣ, гдѣ буду ожидать новыхъ извѣстій объ Оренбургскомъ отрядѣ, для чего и послалъ къ Веревкину нарочныхъ. Переходите скорѣе съ колонною и вьюками въ Табанъ-су и Аланъ: тамъ много воды, говорятъ, хорошій кормъ. Пять ротъ отъ Мендали я тоже требую сюда. Если подполковникъ Пожаровъ не вышелъ еще туда изъ Байчагира, передайте ему мое приказаніе идти сюда». Въ данной полковнику Ломакину кавказскимъ начальникомъ инструкціи было сказано, что главное назначеніе Мангишлакскаго отряда заключается въ усиленіи отряда генерала Веревкина прежде вступленія его въ предѣлы Хивинскаго ханства, и что если Мангишлакскій отрядъ прибудетъ къ предѣламъ ханства (кододцамъ Табанъ-су, Итыбай, Айбугиръ) ранѣе войскъ Оренбургскаго отряда, не получивъ при этомъ отъ начальника ихъ положительныхъ инструкцій относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій, то онъ, Ломакинъ, обязывается, смотря по обстоятельствамъ, или выждать тамъ прибытія Оренбургскаго отряда, или даже, въ случаѣ необходимости, двинуться ему на встрѣчу. Впрочемъ, всѣ эти указанія даны были въ томъ предположеніи, что кавказскія войска выступятъ въ походъ съ двухмѣсячнымъ запасомъ довольствія. Между тѣмъ, отрядъ выступилъ изъ Бишъ-акты только съ мѣсячнымъ довольствіемъ, считая 1 $^1/_2$ фунта сухарей въ сутки на человѣка, каковая дача уже съ 1 мая была сокращена до одного фунта.

Если бы отрядъ имѣлъ продовольствія на два мѣсяца, то онъ могъ оставаться въ пустынѣ хотя двѣ недѣли и ждать распоряженія отъ генерала Веревкина о дальнѣйшемъ движеніи; но таковое въ отрядѣ уже было на исходѣ, почему полковникъ Ломакинъ и рѣшилъ идти впередъ, пока не вступитъ на культурную землю, гдѣ можно пріобрѣсти довольствіе. Опасаться же, что отрядъ такого состава (по числительности, вооруженію и качеству войскъ), какъ Мангишлакскій, не будетъ въ состояніи удержаться въ занятой мѣстности, не слѣдовало. По Высочайше утвержденному плану кампаніи, Оренбургскій отрядъ долженъ былъ идти на Айбугиръ; но генералъ Веревкинъ взялъ на себя отвѣтственность отступить отъ этого плана, когда увидѣлъ, что онъ не соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ, найденному имъ по приходѣ въ Ургу.

Получивъ приведенное выше приказаніе, подполковникъ Гродековъ остановился на привалѣ, и вечеромъ, часовъ въ семь, прибылъ къ колодцу Табанъ-Су, не доходя котораго видѣлъ колонну подполковника Пожарова, уже свернувшую съ пути на Итыбай и слѣдовавшую на Аланъ.

Съ половины пути отъ Байчагира до Алана начинаются пески; самый Табанъ-су представляетъ изъ себя только одинъ колодезь. Прежде ихъ было три, но, по словамъ проводниковъ, два засыпаны песками. Вода въ колодцѣ горькосоленая, отвратительная на вкусъ; она нисколько не утоляла жажды и содержала въ себѣ большое количество глауберовой соли, разстраивавшей желудки не только у людей, но и у всѣхъ животныхъ.

Видя, что люди сильно устали на послѣднемъ переходѣ по пескамъ и не спали почти трое сутокъ, подполковникъ Гродековъ рѣшился ночевать у колодца Табанъ-су, тѣмъ

болѣе что рота, оставленная у Байчагира, еще не подошла, да и ночь была темная, а до Алана предстоялъ тяжелый путь по пескамъ.

Въ 8 часовъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло, изъ колонны Скобелева, въ Табанъ-су прибылъ нарочный, съ запиской, на имя начальника отряда, помѣченной 5-мъ мая, 2 1/2 часа пополудни. Подполковникъ Скобелевъ доносилъ, что въ этотъ день онъ имѣлъ дѣло съ киргизами подъ Итыбаемъ, и въ этомъ дѣлѣ ранены два офицера и два нижнихъ чина и контужены два офицера и четыре казака; что киргизы оставили на мѣстѣ 10 труповъ и 176 верблюдовъ съ имуществомъ, кибитками и хлѣбомъ. Не успѣлъ подполковникъ Гродековъ прочитать это донесеніе, какъ прибылъ другой нарочный отъ генерала Веревкина, съ бумагою отъ 21 апрѣля (съ урочища Каска-Джулъ), служащею отвѣтомъ на рапортъ полковника Ломакина, посланный изъ Киндерли 7-го апрѣля. Веревкинъ увѣдомлялъ, что онъ около 1-го мая прибудетъ на Ургу и, примѣрно, около 5-го или 6-мая предполагаетъ двинуться вдоль восточнаго берега высохшаго Айбугирскаго залива по направленію къ Кунграду. Слѣдовательно, Мангишлакскому отряду надлежало также двигаться на Ургу. Въ случаѣ, если бы къ 5 мая Оренбургскій отрядъ не успѣлъ прибыть на Ургу, то къ этому сроку полковникъ Ломакинъ долженъ былъ прислать къ генералу Веревкину на Ургу извѣстіе: гдѣ будетъ находиться Мангишлакскій отрядъ. Въ той же бумагѣ начальникъ Оренбургскаго отряда увѣдомлялъ, что, относительно снабженія кавказскихъ войскъ продовольствіемъ, сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ на Эмбу и далѣе въ Ургу мѣсячнаго запаса на 1.500 человѣкъ и 600 лошадей; но къ какому сроку прибудетъ этотъ запасъ по назначенію, онъ не знаетъ. «Изъ запасовъ же, имѣющихся при ввѣренномъ мнѣ отрядѣ, — говорилось въ той бумагѣ, удѣлено ничего быть не можетъ» [13].

Послѣдняя, весьма странная приписка ставила отрядъ въ самое критическое положеніе, ибо продовольствія въ войскахъ оставалось всего только на нѣсколько дней. Въ виду того, что до Куня-Ургенча, гдѣ предполагали добыть довольствіе, было ближе чѣмъ до Кунграда, а отъ киргизъ, дравшихся у Итыбая, добыто свѣдѣніе, что Кафаръ-Караджигитовъ и Капауръ-Калбинъ ожидаютъ русскихъ у Айбугира и, что, вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, посланное подполковнику Скобелеву приказаніе идти на Аланъ можетъ быть сочтено кочевниками за отступленіе,—подполковникъ Гродековъ испрашивалъ разрѣшенія двинуться въ Итыбай, а первой колоннѣ продолжать движеніе къ Айбугиру [14]. Въ ожиданіи отвѣта, Гродековъ послалъ въ Итыбай копію съ своего донесенія для свѣдѣнія и приказалъ своей колоннѣ быть готовою къ выступленію въ 2 часа пополуночи 6-го мая.

Получивъ изъ Табанъ-су одновременно донесенія подполковниковъ Скобелева и Гродекова и предписаніе генерала Веревкина, полковникъ Ломакинъ, для разрѣшенія вопроса: куда идти—прямо-ли на Итыбай, или на Ургу, рѣшился прежде всего лично узнать въ какомъ положеніи находятся дѣла въ авангардѣ; въ то же время онъ послалъ Гродекову приказаніе ожидать его въ Табанъ-су, куда Ломакинъ предполагалъ пріѣхать часамъ къ четыремъ утра. Приказаніе начальника отряда получено въ Табанъ-су около 2 часовъ утра, какъ разъ въ то время, когда колонна уже совершенно приготовилась къ выступленію. 6 мая, въ 2 часа утра, начальникъ отряда съ сотнею казаковъ выступилъ чрезъ Табанъ-су въ Итыбай, куда и прибылъ въ 4 1/2 часа утра. Взвѣсивъ здѣсь всѣ обстоя-

---

13) Предписаніе начальника экспедиціоннаго отряда Оренбургскаго военнаго округа начальнику Мангишлакскаго отряда, отъ 21 апрѣля 1873 года, № 281.

14) Донесеніе подполковника Гродекова начальнику Мангишлакскаго отряда отъ 5 мая 1873 года, въ 9 часовъ пополудни изъ Табанъ-су.

тельства, въ которыхъ находился Мангишлакскій отрядъ, и принявъ во вниманіе, что генералъ Веревкинъ категорически объявилъ, о невозможности изъ запасовъ Оренбургскаго отряда удѣлять кавказцамъ, а также и то, что, двигаясь на Куня-Ургенъ, отряду легко соединиться съ генераломъ Веревкинымъ на восточномъ берегу высохшаго Айбугирскаго залива, полковникъ Ломакинъ хотя, повидимому, и склонялся къ продолженію движенія на Акъ-чеганакъ (Кизылъ-Гумбетъ), однакоже никакого рѣшенія не предпринялъ, и приказалъ подполковнику Гродекову не переходить изъ Табанъ-су на Аланъ, а ожидать окончательныхъ его приказаній изъ Итыбая, куда онъ въ часовъ шесть утра и отправился съ казаками. Отъ Табанъ-су до Итыбая около 30 верстъ по песчаной дорогѣ; слѣдовательно, это пространство можно было проѣхать только въ 5 или 6 часовъ. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ Гродековъ получилъ отъ начальника отряда записку слѣдующаго содержанія: «По подробному разспросу прибывшаго отъ Веревкина нарочнаго, намъ ничего не осталось, какъ идти на соединеніе съ нимъ въ Ургу или Кунградъ. Поэтому, какъ управитесь, нынѣче же идти на Аланъ». Какія именно новыя дополнительныя свѣдѣнія сообщилъ нарочный генерала Веревкина полковнику Ломакину — неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что нарочный подполковника Скобелева сообщилъ объ отбитіи у киргизъ подъ Итыбаемъ большаго количества довольствія, котораго могло хватить на отрядъ при движеніи его къ мысу Ургу, что и явилось причиною отмѣны прежняго приказанія.

Вечеромъ, 6-го числа, колонна подполковника Гродекова прибыла въ Аланъ, гдѣ, такимъ образомъ, собрались всѣ колонны, за исключеніемъ первой — подполковника Скобелева. На пути отъ Табанъ-су къ Алану, какой-то туркменъ распространилъ въ колоннѣ подполковника Гродекова слухъ будто Красноводскій отрядъ на половину погибъ отъ жажды въ пустынѣ, а другая половина, оставшаяся въ живыхъ, возвратилась въ Красноводскъ. Несмотря на всѣ розыски, нельзя было найдти источника этого слуха. Это было первое извѣстіе, которое Мангишлакскій отрядъ получилъ о Красноводскомъ.

Отъ Табанъ-су до Алана, на протяженіи 13½ верстъ, дорога пролегаетъ частью по бугристымъ пескамъ, частью по твердому глинистому грунту. На полпути встрѣчаются небольшіе холмики, съ которыхъ къ востоку открывается видъ на огромный солончакъ Барса-Киммасъ, во время дождей совершенно непроходимый, такъ какъ солонцеватая почва чрезвычайно размокаетъ и превращается въ жидкую, топкую грязь. У Алана, куда колонна Гродекова пришла ночью, находится нѣсколько большихъ проваловъ въ каменистомъ грунтѣ, діаметръ которыхъ достигаетъ 6-ти саженъ, глубина до воды 4 сажени, а глубина самой воды саженъ 5; слѣдовательно ея весьма много. Цвѣтъ воды мутно-зеленоватый, какого не встрѣчалось до сихъ поръ ни въ одномъ колодцѣ. Хотя вода оказалась довольно прѣсной, но за то сильно разстраивала желудки какъ у людей, такъ и у всѣхъ животныхъ. У одного изъ такихъ проваловъ находятся развалины каменнаго укрѣпленія, носящаго у киргизъ названіе «Эмиръ-Темиръ-Арсакъ» (Тамерлана хромого); фасы укрѣпленія имѣютъ 20-ть саженъ длины; укрѣпленіе квадратное; по угламъ находятся выступы вродѣ башенъ; толщина стѣнъ болѣе аршина. Постройка этого укрѣпленія, какъ и многихъ другихъ въ Средней Азіи, приписывается Тамерлану, на что указывало и самое названіе. Отрядъ расположился бивуакомъ вокругъ укрѣпленія.

Утромъ, 7-го мая, прибылъ изъ Итыбая начальникъ отряда и привезъ подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ подполковника Скобелева 5-го мая. Въ этотъ день, въ 3 часа утра, Скобелевъ выступилъ отъ колодцевъ Мендали къ колодцамъ Итыбай. Пройдя 7-мь верстъ отъ ночлега, въ сторонѣ отъ дороги замѣтили караванъ въ 30-ть верблюдовъ. Подполковникъ Скобелевъ съ 10-ю казаками подъѣхалъ къ нему и заставилъ его сдаться. Изъ разспросовъ

плѣнныхъ оказалось, что у колодцевъ Итыбай собралось значительное число кибитокъ Кафара-Караджигитова и остановился караванъ, въ которомъ находилось болѣе 100 мужчинъ; въ караванѣ этомъ везли на Устюртъ разные товары и продовольствіе. Предполагая, что кочевники уже извѣщены о движеніи русскаго отряда, и не желая упустить изъ вида измѣнниковъ, Скобелевъ взялъ съ собою семь казаковъ и трехъ офицеровъ и направился съ ними къ Итыбаю. Около полудня, выѣхавъ на возвышенность, окружавшую Итыбай, Скобелевъ увидѣлъ кочевниковъ, расположившихся группами около колодцевъ, и часть верблюдовъ, уже навьюченныхъ для слѣдованія. Мѣшкать было нечего; всѣ поскакали къ первому колодцу. Одинъ изъ толпы выстрѣлилъ въ подъѣзжавшихъ и затѣмъ поскакалъ по направленію къ Айбугиру. Предполагая, что кочевники хотятъ сдаться, такъ какъ это былъ единственный выстрѣлъ, сдѣланный съ ихъ стороны, разъѣздъ оставилъ ихъ и бросился за ускакавшимъ киргизомъ. Когда подполковникъ Скобелевъ выѣхалъ на противоположную возвышенность, то встрѣтилъ здѣсь другой караванъ, подходившій къ Итыбаю. Онъ сдался безъ сопротивленія и былъ направленъ къ колодцамъ, куда поѣхалъ и разъѣздъ. Въ то время какъ разъѣздъ гнался за киргизомъ, кочевники у Итыбая успѣли собрать верблюдовъ и, оставивъ на мѣстѣ часть груза, начали уходить. Начальникъ колонны неоднократно обращался къ нимъ съ требованіемъ сдаться, но они продолжали уходить. Мало того: видя горсть русскихъ, они выставили впередъ цѣпь изъ нѣсколькихъ человѣкъ съ ружьями. Такъ какъ переговоры не привели ни къ какому результату, а напротивъ, — со стороны кочевниковъ замѣчены были враждебныя намѣренія, то подполковникъ Скобелевъ,ославъ приказаніе пѣхотѣ спѣшить на помощь, съ бывшими при немъ людьми бросился въ шашки. Во время схватки, Скобелевъ получилъ семь ранъ пиками и шашками, артиллеріи штабсъ-капитанъ Кедринъ раненъ пикою въ бокъ, одинъ казакъ кизляро-гребенской сотни и одинъ всадникъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка ранены пулями; контужены—двое остальныхъ офицеровъ и 4 казака; лошадей убито 4 и ранено 2. Непріятель потерялъ 10-ть человѣкъ убитыми и ранеными.

Получивъ приказаніе Скобелева, старшій послѣ него штабъ-офицеръ Апшеронскаго полка, маіоръ Аварскій, взялъ 4-ю стрѣлковую роту Апшеронцевъ капитана Бекъ-Узарова и на-легкѣ бросился бѣгомъ (за четыре версты) къ мѣсту схватки. Прибѣжавъ къ колодцамъ, маіоръ Аварскій увидѣлъ, что киргизы на самыхъ лучшихъ верблюдахъ уходятъ въ солончакъ Барса-Кильмасъ. Тогда онъ съ одними казаками, которымъ розданы были игольчатыя ружья, бросился въ погоню за убѣгавшими; нагналъ одну партію киргизъ и, положивъ на мѣстѣ трехъ человѣкъ, отбилъ пять лошадей и, затѣмъ, возвратился къ колодцамъ. Итыбайская стычка имѣла въ результатѣ отбитіе десять лошадей, 200 верблюдовъ съ имуществомъ, кибитками, джугарою, пшеничною мукою и проч., и значительное количество разнаго рода оружія. Тотчасъ послѣ дѣла, изъ добычи розданы были въ роты и казакамъ крупа, мука и котелки, а кибитки и прочее имущество сожжено. Полковникъ Ломакинъ, по незначительности партіи, и за потерею достаточно времени, не рѣшился преслѣдовать ея. Къ полудню у Алана собралась колонна подполковника Скобелева, который, вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Кедринымъ, былъ привезенъ на арбѣ, принадлежавшей полковнику Теръ-Асатурову. Тяжело было первой колоннѣ, уже достигавшей цѣли, возвращаться назадъ.

Нижеслѣдующія строки, выписанныя изъ дневника одного офицера этой колонны, такъ характеризуютъ настроеніе людей: «Сильно были мы удивлены, когда, по дорогѣ къ Алану, натыкались на прошлую свою дорогу, которая, за трудностью, сильно врѣзалась каждому въ память, и немудрено: полагаю, что человѣкъ, раненый и потерявшій гдѣ нибудь

много крови, долженъ помнить то мѣсто; такъ и мы: хотя потери крови не было, но трудъ былъ равносильный потери крови».

У Алана начальникъ отряда рѣшился ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ начальника Оренбургскаго отряда. По счастью, 7-го же мая онъ получилъ собственноручное письмо генерала Веревкина, въ которомъ послѣдній приглашалъ Ломакина идти на Ургу, причемъ выставлялъ причины, побудившія его предпочесть направленіе на этотъ пунктъ предъ движеніемъ на Айбугиръ или на Куня-Ургенчъ, а именно: имѣя довольно достовѣрныя свѣдѣнія, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ долженъ быть уже на переправѣ чрезъ Аму-Дарью и, по всей вѣроятности, на дняхъ подойдя къ Хивѣ, конечно, безъ большихъ затрудненій овладѣетъ ею, не ожидая уже запоздалаго содѣйствія прочихъ отрядовъ [15], Веревкинъ находилъ, что прямое направленіе этихъ отрядовъ къ Хивѣ будетъ даже излишнимъ; между тѣмъ въ сѣверной части ханства можетъ образоваться новый центръ сопротивленія — изъ каракалпаковъ, туркменъ и бѣжавшихъ изъ предѣловъ Имперіи киргизъ. Поэтому направленіе на Кунградъ, какъ военно-административный центръ сѣверной части ханства и какъ городъ, имѣющій особое значеніе въ глазахъ киргизъ и туркменъ, едва ли не будетъ болѣе соотвѣтственнымъ. При этомъ же, если бы и потребовалось потомъ идти къ Хивѣ, то потери времени почти не будетъ, а между тѣмъ двигаться придется по путямъ, болѣе населеннымъ и лучшимъ, и самое довольствіе, въ которомъ можетъ нуждаться Мангишлакскій отрядъ, заготовить легче въ Кунградѣ, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ ханства. Взаключеніе своего письма, генералъ Веревкинъ, сообщая, что въ непродолжительномъ времени онъ сосредоточитъ отрядъ свой возлѣ Урги и предприметъ атаку противъ крѣпостцы, существующей тамъ (Джанъ-Кала), выражалъ, что «было бы очень пріятно и лестно для насъ, если бы славныя кавказскія войска могли оказать при этомъ содѣйствіе» [16].

Какъ уже говорилось выше, войска израсходовали почти все довольствіе. Дѣло подъ Итыбаемъ, гдѣ мы отбили 800 пудовъ крупы, дало возможность дойти до оазиса. Въ противномъ случаѣ, войска по сѣверному пути не дошли бы, и направленіе на Куня-Ургенчъ являлось самымъ цѣлесообразнымъ.

7-го мая генералъ Веревкинъ писалъ: «по занятіи Кунграда, Оренбургскій отрядъ пойдетъ на Ходжейли, гдѣ собрались хивинцы; было бы весьма полезно, если бы въ то самое время, какъ хивинцы будутъ атакованы имъ съ фронта, Мангишлакскій отрядъ вышелъ бы имъ въ тылъ или во флангъ. Это единственный способъ нанести имъ серьезное пораженіе, иначе они могутъ уйти до стычки съ нами». Для достиженія данной кавказскимъ войскамъ задачи, они должны были изъ Куня-Ургенча двинуться кратчайшимъ путемъ чрезъ высохшій Айбугиръ, прямо на Ходжейли, для совокупныхъ дѣйствій съ войсками Оренбургскаго округа. Во всякомъ случаѣ, сосредоточится ли Мангишлакскій отрядъ въ Куня-Ургенчѣ или въ Ургу, генералъ Веревкинъ признавалъ наиболѣе удобнымъ пунктомъ для соединенія Оренбургскаго и Мангишлакскаго отрядовъ городъ Ходжейли. Несмотря на то, что отъ колодцевъ Итыбай лежалъ прямой путь къ этому городу черезъ Куня-Ургенчъ, причемъ отрядъ могъ именно войти въ тылъ или во флангъ хивинцамъ, собравшимся тамъ, помимо того, что эта дорога короче, чѣмъ идущая на Кунградъ, и что, наконецъ, при движеніи на Куня-Ургенчъ, войска черезъ два дня пути отъ Итыбая могли вступить уже въ культурную страну, все-таки рѣшено было идти на Кунградъ.

---

[15] Свѣдѣнія оказались менѣе чѣмъ достовѣрныя: туркестанскія войска тогда еще не вышли къ Аму-Дарьѣ и стояли на Алты-Кудукѣ.

[16] Письмо генерала Веревкина къ полковнику Ломакину, отъ 28-го апрѣля 1873 года.

Путь предстоялъ очень длинный, и, дабы присоединиться къ Оренбургскому отряду пришлось идти форсированнымъ маршемъ по песчаной и маловодной, съ глубокими колодцами пустынѣ. Это движеніе было въ высшей степени рисковано и могло окончиться катастрофою, тѣмъ болѣе что въ отрядѣ не нашлось даже и проводниковъ, знавшихъ дорогу, не говоря уже про недостатокъ продовольствія и страшное изнуреніе людей и лошадей, потому что отрядъ уже сдѣлалъ 500 верстъ въ пустынѣ, все время идя подъ палящимъ солнцемъ, и имѣя только 5 дневокъ и вездѣ дурную воду, которая ослабляла и людей всѣхъ и животныхъ. Какъ удивимъ, форсированный маршъ къ Кунграду дорого обошелся Мангишлакскому отряду.

Для дальнѣйшаго движенія къ предѣламъ ханства, отрядъ раздѣлился на три колонны: первая состояла изъ кавалеріи съ ракетною командою, подъ личнымъ начальствомъ полковника Ломакина; во второй колоннѣ — генеральнаго штаба подполковника Пожарова, — находились 1-я, 3-я и 4-я стрѣлковыя роты Апшеронскаго, рота Самурскаго и двѣ роты Ширванскаго полковъ, полевой и горный взводы и саперная команда, и въ третьей 9-я линейная рота Апшеронскаго и рота Ширванскаго полковъ съ командою казаковъ, подъ начальствомъ Апшеронскаго полка маіора Аварскаго. Всѣмъ тремъ колоннамъ назначено выступить 8-го мая. Въ первой колоннѣ шло только по 5-ти верблюдовъ при каждой сотнѣ, а при второй — столько верблюдовъ, чтобы поднять оставшееся довольствіе, патроны, солдатскія сумки, шинели и воду.

Въ 4 часа утра, изъ Алана первою выступила колонна подполковника Пожарова; за нею, чрезъ часъ, — колонна маіора Аварскаго и въ 6 часовъ двинулся начальникъ отряда съ кавалеріей.

Еще 4-го мая, когда отрядъ подошелъ къ колодцу Байчагиръ, проводники, считавшіе особенно труднымъ переходъ отъ Байлара къ этому колодцу, прямо заявили, что войска теперь можно поздравить съ окончаніемъ самой труднѣйшей части похода, за судьбу ихъ уже опасаться нечего и что до оазиса осталось уже недалеко. Всѣ были этимъ успокоены; но, съ поворотомъ на Кунградъ, вновь явились опасенія, такъ какъ при отрядѣ не было проводниковъ, знавшихъ дорогу по новому направленію. Колоннамъ Мангишлакскаго отряда предстояло двигаться въ Кунградъ на Торча-тюле, Ирбасанъ и Учъ-кудукъ.

Съ разспросами о дорогѣ обратились къ тому нарочному, который привезъ письмо отъ генерала Веревкина. Такимъ образомъ, на весь отрядъ имѣлся одинъ проводникъ; всѣ колонны шли только днемъ по слѣдамъ головнаго эшелона, а ночью — по огнямъ, зажигавшимся имъ. Кавалерія, выступившая позже другихъ отъ Алана, обогнала пѣхотныя части, которыя слѣдовали нѣсколько правѣе кавалеріи, и на часъ останавливалась у колодца — Торча-тюле. Войска двигались весьма быстро и къ вечеру сошлись у колодцевъ Ирбасана, пройдя разстояніе 27 1/2 верстъ. Дорога къ колодцамъ Ирбасанъ, сначала, на протяженіи пяти верстъ, идетъ по бугристымъ пескамъ, поросшимъ колючимъ кустарникомъ, затѣмъ поднимается по незначительному каменистому подъему, а далѣе — уже по совершенно ровной мѣстности, почти до самыхъ колодцевъ, окруженныхъ песками. Въ Ирбасанѣ находятся четыре неглубокихъ колодца, съ соленою и въ недостаточномъ количествѣ водою. Послѣ привала, продолжавшагося часа три, колонны выступили къ колодцамъ Учъ-кудукъ. Вечеромъ того-же дня кавалерійская колонна встрѣтила на пути хивинскій караванъ съ хлопкомъ. Завидѣвъ издали русскія войска, караванъ-башъ остановилъ караванъ; всѣхъ верблюдовъ поставилъ въ тѣсный кружокъ, а самъ съ верблюдовожатыми сталъ впереди этого круга ожидать своей участи — избіенія или увода людей въ неволю и разграбленіе каравана, какъ то дѣлается въ пустынѣ. Вооруженіе людей состояло изъ нѣсколькихъ ружей и дреколья. Вѣроятно, караванъ-башъ и его помощники сильно изуми-

лись, когда начальникъ отряда, подъѣхавъ къ нимъ, не освѣдомился даже, что они везутъ, а только спросилъ куда идутъ и что слышали о другихъ русскихъ отрядахъ и объ Аральской флотиліи. Оказалось, что они идутъ въ Астрахань; отрядъ изъ Оренбурга уже вступилъ въ ханство, пароходы находятся верстахъ въ 50-ти отъ Кунграда; Красноводскій отрядъ погибъ и что объ отрядѣ изъ Ташкента ничего не слышно. Объявивъ караванъ-баши, что въ недалекомъ разстояніи слѣдуютъ тоже русскія войска, полковникъ Ломакинъ сказалъ ему, чтобы онъ никого не боялся и, на случай встрѣчи съ ними, выдалъ ему нѣчто въ родѣ охраннаго листа. Этотъ-же самый караванъ встрѣтилъ потомъ подполковника Пожарова и взялъ у него одного проводника, который и повелъ его не на Учъ-кудукъ, а на Кара-кудукъ.

Лишь только начало смеркаться, какъ киргизы, слѣдовавшіе при кавалерійской колоннѣ, стали раскладывать костры для указанія пути шедшимъ позади колоннамъ.

9-го мая, отъ недостатка фуража, лошади начали приставать и прежде всего у киргизъ, которые, вслѣдствіе этого, ѣхали на верблюдахъ, иногда по нѣсколько человѣкъ. Въ этотъ день пристало нѣсколько лошадей и въ кавалеріи, а недостатокъ продовольствія для людей давалъ уже сильно себя чувствовать. Ручей Куркруты, встрѣченный колоннами кавалерійскою и маіора Аварскаго, оживилъ-было надеждою освѣжить людей и лошадей, не пившихъ болѣе сутокъ, но вода въ немъ оказалась такого вкуса, что ея не могли пить даже верблюды. Этотъ ручей образуется изъ родника того-же имени и протекаетъ въ оврагѣ съ пологими берегами, поросшими саксауломъ. Два раза сбившись съ пути, кавалерія пришла къ колодцамъ Учъ-кудукъ только поздно ночью. Колодцевъ здѣсь два, 15-саженной глубины. Не пивши весь день, люди и лошади всю ночь толпились у колодцевъ. Хотя вода въ нихъ отвратительнаго вкуса и обладаетъ качествами колодцевъ Табанъ-су, Итыбая, Онъ-каунды и другихъ, но, послѣ тяжелаго и душнаго дня, всѣ пили ее съ жадностью и похваливали. Утромъ, 10-го числа, изъ одного колодца вытащили разложившагося до послѣдней степени козла. При воспоминаніи о томъ, что пришлось пить отвратительную воду, у нѣкоторыхъ появилась рвота. Но киргизы и туркмены утѣшали ихъ, говоря: «если козелъ попадется въ воду, то ничего, пить ее можно; бѣда только тогда, когда попадется собака». Отъ колодцевъ Учъ-кудукъ до колодцевъ Бураганъ предстоялъ безводный переходъ въ 80 верстъ. По недостатку воды въ колодцахъ Учъ-кудукъ ея нельзя было набрать на весь переходъ, а въ кавалерійской колоннѣ не на чемъ было везти ее, такъ какъ верблюдовъ взяли по пяти на каждую сотню. Но, къ счастію, послѣ полудня небо заволокло тучами, подулъ холодный вѣтеръ и началъ капать дождь. Истомленные утреннимъ жаркимъ переходомъ, люди съ жадностью сосали платья, стараясь этимъ освѣжить запекшіяся губы и высохшіе языки. Никто не думалъ укрываться отъ дождя; напротивъ: каждый желалъ быть промоченнымъ насквозь. Версты за четыре не доходя до высохшаго Айбугирскаго залива, надъ нимъ показалась обширная синева, подобная той, какую видѣлъ отрядъ надъ высохшимъ озеромъ Онъ-кунды. Казаки стали на спины своихъ лошадей, стараясь разглядѣть вдаль. Всѣ крикнули: «Море, море». Начали креститься, обнимать и поздравлять другъ друга. Всякій чувствовалъ, что черезъ день увидитъ прѣсную воду, обработанныя поля и деревья, однимъ словомъ—все, чѣмъ отличается культурная страна отъ пустыни и что такъ цѣнится человѣкомъ только тогда, когда онъ хотя временно лишается этихъ великихъ даровъ природы.

Въ ночь съ 10-го на 11-е, въ послѣдній разъ предъ вступленіемъ въ ханство, кавалерія и колонна маіора Аварскаго ночевали на Устюртѣ. Бивакъ стоялъ на краю спуска, называемаго Караулъ-гумбетъ. Здѣсь находятся развалины нѣсколькихъ небольшихъ башенъ,

построенныхъ изъ мѣстнаго камня, и въ которыхъ прежде находились хивинскіе караулы; но, съ тѣхъ поръ какъ Айбугирскій заливъ высохъ, караулы эти перенесены къ мысу Ургу, гдѣ построено укрѣпленіе Джанъ-кала. Ночь была очень холодная. Казаки пошли разыскивать воду и, спустившись къ самому дну высохшаго озера, нашли два, столь неглубокихъ колодца, что изъ нихъ можно было черпать воду прямо руками, безъ посредства веревки. Къ сожалѣнію, въ колодцахъ оказался крѣпкій соляной растворъ, котораго не могли пить лошади, и, такимъ образомъ, ночь провели безъ воды. Почти все продовольствіе къ этому дню было израсходовано, и оставалось лишь немного джугары изъ захваченной подъ Итыбаемъ; ее истолкли между камнями и напекли лепешекъ, продававшихся по баснословнымъ цѣнамъ: такъ, лепешку въ ладонь величиною и въ палецъ толщиною покупали по рублю. Множество лошадей отъ форсированнаго марша разбились на ноги, другія же до того изнурились, что не въ состояніи были нести сѣдоковъ, и потому ихъ вели въ поводу; на лошадяхъ сидѣла едва половина всѣхъ всадниковъ,— остальные или брели пѣшкомъ, или ѣхали на верблюдахъ. Вслѣдствіе этого, кавалерійская колонна сильно растянулась; одиночные люди, задержанные въ пути ихъ измученными лошадьми, далеко отставали, поздно приходили на ночлегъ или на привалъ.

Утромъ, 11-го мая, обѣ колонны, спустившись на дно озера, вступили въ густой камышъ, которымъ поросло все пространство, недавно бывшее подъ водою. По мѣрѣ движенія впередъ, чувствовалось приближеніе къ культурной странѣ: прежде всего стали попадаться птицы, затѣмъ небольшія ивы и старыя оросительныя канавы, хотя миражъ попрежнему рисовалъ въ отдаленіи быстро сады и бѣгущіе ручейки. Часамъ къ четыремъ пополудни кавалерія подошла къ колодцамъ Бураганъ, а часа черезъ три, когда уже смеркалось, къ биваку кавалеріи подтянулась и пѣхота маіора Аварскаго. Колодцевъ Бураганъ весьма много, они не глубоки и расположены на днѣ бывшаго глубокаго и широкаго канала. У колодцевъ находилось большое киргизское кочевье. Первое живое существо, которое увидѣли, приближаясь къ аулу, былъ пасущійся верблюдъ; медленно поднималъ онъ свою голову съ земли и его умные глаза выражали недоумѣніе при видѣ людей, непохожихъ на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ до сихъ поръ. Въ ближайшихъ частяхъ степи разбросаны были стада разнаго скота, ближе къ аулу—бараны, а дальше—лошади и рогатый скотъ. Женщины-киргизки повылѣзли изъ своихъ кибитокъ и съ великимъ изумленіемъ смотрѣли на невиданныхъ пришельцевъ; только дѣвушки не боялись идти къ колодцамъ за водою, да нѣсколько стариковъ пришли къ начальнику отряда съ айраномъ [17]), вмѣсто хлѣба-соли, и съ поздравленіемъ. Первыя дружественныя отношенія русскихъ установились съ дѣвушками у колодцевъ; нѣкоторыя изъ нихъ были весьма красивы. Офицеры вступили съ ними въ разговоры и подарили имъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Наслушавшись любезностей и набравъ воды въ свои мѣхи, дѣвушки потянулись къ кибиткамъ и вѣроятно разнесли молву, что русскіе — народъ добрый. По крайней мѣрѣ вскорѣ многіе изъ жителей понесли на бивакъ продавать айранъ, молоко, ячмень, рисъ, барановъ и проч., но за все требовали непомѣрную плату, и непремѣнно серебряною монетою; такъ, напримѣръ, за пару небольшихъ коровъ, которыя обѣ вмѣстѣ могли дать не болѣе 10-ти пудовъ мяса, они запросили 180 рублей. Послѣ тяжкихъ трудовъ и лишеній, никто не отказывалъ себѣ въ удовольствіи насытиться такими вкусными блюдами, каковы пловъ съ кишмишемъ на курдючьемъ салѣ, рисовая каша на молокѣ и проч. Не забыли конечно и лошадей. Несчастныя животныя, при видѣ наполненныхъ торбъ, срывались съ приколовъ, съ остервененіемъ бросались на кормъ, бились, кусались и зубами рвали торбы и мѣшки съ ячменемъ.

[17]) Кислое молоко, разведенное водою.

Колонна подполковника Пожарова, пройдя немного отъ Ирбасана на Учъ-Кудукъ, повернула на Кара-Кудукъ, чрезъ который, по словамъ проводника, ближе къ Кунграду, чѣмъ чрезъ Учъ-Кудукъ. Движеніе колонны по безводному пространству совершалось съ такими великими трудностями, что, не будь дождя, она бы сильно пострадала. У одного изъ участниковъ этого движенія въ дневникѣ записано слѣдующее: «За сегодняшній день приносимъ благодареніе Богу, что мы живы и будемъ еще двигаться, а въ три часа дня я не предполагалъ, что мнѣ придется писать объ этомъ днѣ. Да! искреннее благодареніе Всевышнему Творцу, Который, нѣкогда пославшій евреямъ во время голода въ пустынѣ манну, послалъ намъ воду въ видѣ дождя». Передъ грозой солнце припекало сильнѣе чѣмъ обыкновенно. Воды въ каждой ротѣ оставалось только по пяти ведеръ, потому что часть ротныхъ запасовъ пошла на утоленіе жажды артиллерійскихъ лошадей, которыя безъ того не могли двигаться. Оставшаяся въ запасѣ вода оказалась отравленною разложившеюся кожею самодѣльныхъ бурдюковъ. Съ людьми начались солнечные удары, и пораженныхъ ими было уже три человѣка. Но вотъ показалась съ востока туча, которую вѣтеръ гналъ прямо на колонну; раздался отдаленный раскатъ грома; затѣмъ все небо заволокло тучами; громъ грянулъ надъ самыми головами — и полился дождь. Люди прильнули къ землѣ и жадно пили воду изъ небольшихъ лужицъ; другіе, снявъ съ себя платье, освѣжались, и всѣ шли съ открытыми головами. Ночью подулъ сильный холодный вѣтеръ, и всѣ спѣшили достать свои, давно уже не надѣванныя пальто и шинели.

11-го мая колонна съ криками «ура» спустилась на дно высохшаго Айбугирскаго залива; каждый осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и возблагодарилъ Бога за то, что, считавшійся непроходимымъ для сколько нибудь значительной части войскъ, Устюртъ — пройденъ и побѣждена пустыня, самый сильный союзникъ Хивинскаго ханства. Пройденный путь казался даже самимъ киргизамъ и туркменамъ, находившимся при отрядѣ, до того труднымъ, что они были вполнѣ увѣрены, что войска по немъ не пройдутъ. Они, какъ сами впослѣдствіи заявили, думали, что русскіе, придя въ Бишъ-акты, построятъ тамъ крѣпость и уйдутъ домой; когда же отрядъ двинулся далѣе, то они стали думать, что, дойдя до Ильтедже, онъ построитъ тамъ укрѣпленіе и, оставивъ тутъ гарнизонъ, вернется назадъ. Сомнѣнія проводниковъ исчезли лишь тогда, когда отрядъ дошелъ до Байчагира. Дорога отъ спуска Чыбанъ сначала на протяженіи верстъ двадцати проходитъ по песчаному грунту, поросшему саксауломъ, а потомъ до самыхъ озеръ Ирали-кочканъ пролегаетъ по густымъ камышамъ. Здѣсь въ первый разъ за весь мѣсячный походъ отрядъ встрѣтилъ слѣды колесъ и небольшія землянки, принадлежавшія жителямъ, занимавшимся приготовленіемъ цыновокъ изъ камыша. Два озера Ирали-кочканъ расположены у песчаныхъ бугровъ, поросшихъ небольшимъ колючимъ кустарникомъ; они не велики, шаговъ по 1000 въ окружности каждое, расположены въ глубокой котловинѣ; вода въ нихъ прѣсная, но затхлая и на вкусъ противная, даже въ кушаньи. У этихъ озеръ за весь походъ въ первый разъ войска увидѣли птицъ — дикихъ курочекъ и фазановъ.

Утромъ, 12-го мая, начальникъ отряда у колодцевъ Бураганъ получилъ предписаніе генерала Веревкина прибыть къ нему лично съ конвоемъ на каналъ Угузъ, верстахъ въ 25-ти отъ Кунграда, куда онъ въ тотъ же день и выступилъ послѣ трехдневной стоянки въ городѣ. На случай, если бы полковнику Ломакину не удалось прибыть на Угузъ, генералъ Веревкинъ сообщалъ ему свое предположеніе, что къ 15-му мая онъ будетъ въ городѣ Ходжейли, гдѣ собралось хивинское скопище. Но какъ кавказскія войска, послѣ труднаго перехода, нуждались въ отдыхѣ, то генералъ Веревкинъ предполагалъ дать таковой въ Кунградѣ.

Кромѣ того, начальнику Мангишлакскаго отряда предписывалось оставить въ Кунградѣ одну сотню кавалеріи и два горныя орудія.

Полковникъ Ломакинъ тотчасъ же послалъ нарочнаго къ подполковнику Пожарову, на озеро Ирали-кочканъ, съ приказаніемъ двинуться къ Кунграду, оставить тамъ горный взводъ, и если затѣмъ не получитъ дальнѣйшихъ распоряженій, то продолжать движеніе къ Угузу. Самъ же онъ, съ чинами штаба и съ конвоемъ изъ кавалеріи и ракетной команды, тронулся къ Кунграду, а маіоръ Аварскій долженъ былъ оставаться у колодцевъ Бураганъ до 11-ти часовъ утра 12-мая. Если бы къ этому времени къ колодцамъ не пришелъ подполковникъ Пожаровъ, то маіоръ Аварскій двигался къ Кунграду, гдѣ поступалъ подъ команду подполковника Пожарова.

Отъ колодцевъ Бураганъ къ Кунграду кавалерія шла чрезвычайно легко; не было уже той сухости воздуха, какая существуетъ въ пустынѣ, не попадалось песку. Часа черезъ два конница вступила въ оазисъ. Со времени высадки въ Киндерли, т. е. уже болѣе полутора мѣсяца, глазъ, видѣвшій только однообразную мертвую пустыню, теперь съ любовью останавливался на зелени и особенно на деревьяхъ. Первая встрѣченная отрядомъ деревня называлась Айранъ. Она вся окружена роскошными садами. Въ канавахъ, орошающихъ сады, войска въ первый разъ утолили жажду отличною прѣсною, проточною водою изъ Аму-Дарьи. Вкусъ ея, послѣ горькосоленыхъ и соленыхъ водъ, показался необыкновенно пріятнымъ:—ничего въ жизни не пилось съ такимъ удовольствіемъ, какъ пилась въ тѣ минуты чистая прѣсная вода.

Окрестности деревни Айранъ, по направленію къ Кунграду, великолѣпно обработаны и по всѣмъ направленіямъ изрѣзаны оросительными канавами. Поля засѣяны пшеницею, рисомъ, джугарою, хлопкомъ, кунжутомъ и проч. Этотъ характеръ мѣстности почти вездѣ одинаковъ во всемъ ханствѣ. Путешественника на каждомъ шагу поражаетъ и восхищаетъ замѣчательная ирригація, чрезвычайный трудъ земледѣльца и превосходно обработанныя поля. Нѣтъ клочка земли, изъ котораго бы человѣкъ не извлекалъ пользы, и за то земля щедро вознаграждаетъ труженика, такъ усиленно и тщательно за ней ухаживающаго. Въ примѣръ замѣчательной производительности почвы въ хивинскомъ оазисѣ, можно привести слѣдующее: обыкновеннаго луговаго сѣна въ Хивѣ нѣтъ; лошадей и скотъ кормятъ клеверомъ (дженушкой, по хивински), который въ теченіи девяти мѣсяцевъ, съ марта по октябрь, снимается на одномъ и томъ же корнѣ до 4-хъ разъ. Но насколько, съ одной стороны, восхищаетъ и изумляетъ человѣка на каждомъ шагу богатство почвы и ирригація, настолько же, съ другой, производитъ чрезвычайно грустное впечатлѣніе видъ часто встрѣчающихся развалинъ домовъ, селъ, укрѣпленій и цѣлыхъ городовъ; все выжжено и разорено:—все указывало на постоянныя междоусобицы, продолжавшіяся тамъ уже въ теченіи нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ.

По выходѣ изъ Айрана, чрезъ часъ пути, виднѣются 11 высокихъ пирамидальныхъ тополей, посаженныхъ въ одну линію: тутъ Кунградъ. Городъ расположенъ частью на каналѣ Ханъ-ябъ, частью на рукавѣ Аму-талдыкѣ; послѣдній входитъ въ городъ съ южной стороны широкою (50 саженъ) рѣкою и, выпустивъ изъ себя каналъ Ханъ-ябъ, дѣлается узкимъ (7—10 саженъ) и такимъ выходитъ за городъ. На лѣвой сторонѣ этого рукава, расположенъ большой загородный домъ, около котораго и посажены только что упомянутыя 11 тополей. Домъ этотъ, какъ и всѣ хивинскіе загородные дома, съ виду похожъ на крѣпость: обнесенъ высокою, сажени въ три, глиняною зубчатою стѣною; ворота одни и обиты желѣзомъ. Домъ предназначенъ былъ подъ помѣщеніе гарнизона.

Когда кавказская кавалерія пришла въ Кунградъ, въ этомъ домѣ только очистили мѣсто подъ помѣщеніе лазарета, но никакихъ приспособленій къ оборонѣ не было сдѣлано. Не доходя полверсты до дома, кавказцы въ первый разъ завидѣли оренбургскаго казака, стоявшаго на небольшомъ курганѣ на пикетѣ. Когда кавказскіе казаки поравнялись съ нимъ, онъ привѣтствовалъ ихъ: «Здорово, земляки! откуда Богъ несетъ»?—«Съ Кавказа», отвѣтили ему. «Должно, далече вы перли, что такъ заморили своихъ коней», замѣтилъ оренбургскій казакъ.—«Досталось-таки», отвѣтили кавказцы. Чистая и опрятная одежда, сытый конь и здоровое, полное лицо этого казака составляли рѣзкую противоположность съ оборваною одеждою и худыми, заморенными конями кавказской кавалеріи.

Прибывъ къ дому, занимаемому оренбургскимъ гарнизономъ, кавалеріи данъ былъ отдыхъ часа на два. Послѣ угощенія, предложеннаго полковникомъ Новокрещеновымъ, начальникомъ гарнизона и Кунградскаго округа, начальникъ отряда слѣдовалъ дальше, къ каналу Угузъ, подъ прикрытіемъ двухъ казачьихъ сотенъ; сотни-же Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка оставлены въ Кунградѣ, для покупки лошадей и для переформированія. Здѣсь-же оставленъ былъ офицеръ для закупки довольствія для людей и фуража для лошадей, такъ какъ, по приходѣ въ ханство, у войскъ, за исключеніемъ 4-ой сотни Кизляро-гребенскаго полка, не оставалось никакихъ запасовъ. Ночью, 12-го числа, начальникъ отряда прибылъ на каналъ Угузъ, къ мѣсту расположенія Оренбургскаго отряда, и представился генералу Веревкину. Оренбургцы приняли кавказцевъ дружелюбно, дали корму ихъ лошадямъ, и узнавъ, что войска не имѣютъ палатокъ, выдали имъ нѣсколько юламеекъ. Офицеръ Оренбургскаго отряда, на обязанности котораго лежало указать мѣсто ночлега двумъ кавказскимъ сотнямъ, предполагая, что у нихъ такой-же огромный обозъ, какъ и у оренбургцевъ, сначала затруднялся, гдѣ ихъ поставить, такъ какъ лагерь былъ разбитъ въ каре безъ промежутковъ между частями; но его вывели изъ затрудненія сотенные командиры, сообщившіе ему, что ихъ сотни не имѣютъ обоза и тяжестей и потому, вездѣ помѣстятся.

Подполковникъ Пожаровъ, отслуживъ у Ирали-кочкана благодарственное молебствіе, 12-го мая двинулся къ Кунграду. Путь на протяженіи 18 верстъ пролегалъ по сплошнымъ густымъ камышамъ. Восточнаго берега бывшаго Айбугирскаго залива не осталось и слѣда; по всей вѣроятности, берегъ находился тамъ, гдѣ оканчивался камышъ. При выходѣ изъ камышей, небольшая партія хищниковъ, пользуясь закрытою мѣстностью, приблизилась къ аріергарду и пыталась-было отбить барановъ, двигавшихся около аріергарда. Апшеронскіе стрѣлки, прикрывавшіе стадо, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и прогнали партію. Дальнѣйшій путь колонны лежалъ по тѣмъ-же мѣстамъ, гдѣ прошла и кавалерія. Завидѣвъ цвѣтущіе поля и сады, проточную прѣсную воду, заслышавъ пѣніе птицъ, нѣкоторые солдаты стали говорить: «такъ бы и остались здѣсь жить навсегда». И когда другіе выразили сомнѣніе, то первые отвѣчали: «Наша губернія — мякинная, промѣнять ее не жаль на такую благодать». Придя въ Кунградъ, колонна подполковника Пожарова застала уже тамъ маіора Аварскаго.

Немного отдохнувъ, офицеры отправились осматривать первый средне-азіятскій городъ, въ ту пору совершенно оставленный жителями. Кунградъ окруженъ стѣною, въ видѣ неправильнаго многоугольника протяженіемъ въ три версты. Стѣны находились въ неисправномъ видѣ, въ особенности западная часть, гдѣ замѣчалось много проваловъ. Какъ стѣна, такъ и всѣ городскія постройки въ Кунградѣ глиняныя. Улицы узкія, кривыя и содержались весьма не чисто; по сторонамъ протянулись двѣ глиняныя стѣны, и только ворота и калитки, да кое-гдѣ высоко на-верху микроскопическое окошечко

доказывали, что за этими стѣнами жили люди. Изъ-за стѣнъ виднѣлись вѣтви инжировыхъ, абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ. Въ другихъ мѣстахъ изъ внутреннихъ дворовъ жилищъ подымались вѣтвистые карагачи. Всѣ постройки казались полуразрушенными. Самое лучшее и большое зданіе — ханскій домъ, въ которомъ помѣщался кунградскій бекъ,—находилось внутри города. На базарѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ рядовъ скученныхъ вмѣстѣ лавокъ, попадались вездѣ разбросанными: мука, соль, хлопокъ, лукъ, кишмишъ и проч. Въ городѣ происходилъ пожаръ, не кончившійся и тогда, когда кавказцы вышли къ каналу Угузъ.

Сдавъ въ кунградскій лазаретъ 46 человѣкъ больныхъ, купивъ нѣсколько довольствія и фуража и оставивъ въ гарнизонѣ Кунграда взводъ горныхъ орудій и сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подполковникъ Пожаровъ, съ отрядомъ изъ 9-ти ротъ пѣхоты, сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двухъ полевыхъ орудій, выступилъ къ каналу Угузъ.

Дорога вначалѣ пролегала по обработаннымъ полямъ, пересѣкая нѣсколько канавъ. Выйдя изъ деревни Дженичка, на шестой верстѣ отъ Кунграда, войска шли сначала по ровной, открытой, необработанной мѣстности; но версты черезъ три начинался уже густой кустарникъ, который далѣе переходилъ въ сплошной лѣсъ. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ дорога подошла къ самому берегу Талдыка, ширина котораго около 40 саженъ. На пути встрѣчались развалины деревни Карагаджа. Не доходя версты три до канала Угузъ, кончился лѣсъ и начались камыши, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги вплоть до самаго канала. Протяженіе всего пути равнялось 24 1/2 верстамъ.

Оставивъ у Угуза полковника Ломакина, съ конвоемъ, генералъ Веревкинъ, 14-го мая, двинулся далѣе, къ каналу Карабайли. Такимъ образомъ, кавказскій отрядъ отдѣлялся отъ Оренбургскаго двумя переходами. Хотя войска Мангишлакскаго отряда и нуждались въ отдыхѣ, будучи сильно утомлены, но развѣ для того они сдѣлали съ такою, по истинѣ, замѣчательною быстротою тяжелый походъ, чтобы теперь, когда непріятель уже былъ близко, отдыхать и слѣдовать въ одномъ переходѣ за Оренбургскими войсками? Конечно нѣтъ; поэтому начальникъ отряда, при свиданіи съ генераломъ Веревкинымъ на каналѣ Угузъ, доложилъ ему, что, несмотря на сильное утомленіе, ввѣренныя ему войска стремятся скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ, и отдыхъ теперь былъ-бы для нихъ истиннымъ наказаніемъ. Вслѣдствіе этого, согласно полученнаго разрѣшенія, весь Мангишлакскій отрядъ, 14-го числа, сдѣлавъ переходъ въ 44 1/2 версты, соединился ночью съ войсками Оренбургскаго отряда у канала Карабайли.

Путь отъ канала Угузъ шелъ по сплошнымъ густымъ камышамъ до урочища Кандыгель; отсюда начинался кустарникъ, продолжавшійся до канала Кіотъ-Джарганъ. Каналъ, или, правильнѣе, рукавъ Аму-дарьи, Кіотъ-Джарганъ, вливавшійся прежде въ бывшій Айбугирскій заливъ, нынѣ у истоковъ его изъ Аму запруженъ и воду пропускаютъ въ него только по мѣрѣ надобности. Ширина рукава до 10 саженъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и больше; глубина въ однихъ мѣстахъ измѣряется саженями, а въ другихъ аршиномъ; теченіе весьма быстрое. Перейдя въ бродъ черезъ Кіотъ-Джарганъ, отрядъ, около полудня, расположился на привалъ въ лѣсу, на берегу канала. Здѣсь люди освѣжились купаньемъ и, наловивъ множество рыбы, сварили себѣ обѣдъ. Часовъ около четырехъ выступили съ привала и шли безостановочно 26 верстъ до самаго мѣста расположенія Оренбургскаго отряда. Было уже поздно ночью, когда кавказскія войска, съ музыкою и пѣснями, подходили къ мѣсту ночлега. Едва они стали располагаться на бивакъ, какъ въ оренбургскомъ лагерѣ затрубили тревогу и раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Произошла-ли эта тревога отъ-

того, что аванпостная цѣпь приняла бой турецкаго барабана въ Мангишлакскомъ отрядѣ за непріятельскіе выстрѣлы, или оттого, что нѣкоторые изъ офицеровъ кавказскаго отряда, быстро проѣхавъ въ оренбургскій лагерь къ маркитанту напиться чаю, не успѣли дать отвѣта на окликъ часовыхъ—неизвѣстно; но дѣло въ томъ, что все это могло окончиться катастрофою, потому что кавказцы, быстро разобравъ ружья, ускореннымъ шагомъ двинулись на выстрѣлы. Только благодаря тому, что нѣкоторые старшіе офицера, выѣхавъ на аванпостную цѣпь и узнавъ въ чемъ дѣло, возвратили войска, тревога обошлась безъ несчастныхъ случаевъ.

На другой день, 15-го числа, генералъ Веревкинъ, осмотрѣвъ кавказскія войска привѣтствовалъ и благодарилъ ихъ за совершенный ими славный походъ. По поводу этого осмотра а также участія Мангишлакскаго отряда въ дѣлѣ подъ Ходжейли, онъ, между прочимъ, сообщилъ командующему войсками Дагестанской области, что, къ своему величайшему удовольствію и не безъ удивленія, онъ убѣдился, что отрядъ вполнѣ сбереженъ, въ людяхъ не только не замѣтно слѣдовъ усталости или изнуренія, но, напротивъ, всѣ они смотрятъ бодро и весело—истинными молодцами. «Войска эти», писалъ Веревкинъ, «вполнѣ достойны своей высокой боевой репутаціи и всегда сумѣютъ поддержать громкую славу, заслуженную ими въ кавказской полувѣковой войнѣ. Чувствую глубокое удовольствіе и горжусь честью хотя временно командовать такими прекрасными войсками» [18].

Дѣйствительно, было чему удивляться. Мангишлакскій отрядъ, имѣя продовольствіе на исходѣ, при самой скудной дачѣ, прошелъ пространство отъ Алана до Карабайли въ 220 верстъ, въ теченіи семи дней, съ 8-го по 14-е мая включительно, дѣлая среднимъ числомъ по 32 версты въ сутки. Требовались страшныя, почти нечеловѣческія усилія для такого быстраго марша. Прусскій поручикъ Штумъ о походѣ отъ Алана до Кунграда отзывается слѣдующимъ образомъ: «Этотъ переходъ, совершенный войсками въ теченіи трехъ дней, по знойной песчаной пустынѣ, при совершенномъ отсутствіи воды, представляетъ собою, быть можетъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, когда либо совершенныхъ пѣхотною колонною съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ арміи. Переходъ отъ Алана до Кунграда навсегда останется въ военной исторіи Россіи однимъ изъ славныхъ эпизодовъ дѣятельности не только кавказскихъ войскъ, но и вообще всей русской арміи и, въ особенности, безпримѣрно-мужественной выносливости и хорошо дисциплинированной русской пѣхоты». Кавказцы поразили всѣхъ въ Оренбургскомъ отрядѣ болѣе чѣмъ спартанскою обстановкою; въ кавказскомъ лагерѣ почти не видно было ни одной палатки; ни у кого изъ офицеровъ, даже у начальника отряда, не находилось ни кровати, ни стола, ни стула; вьюковъ также не было замѣтно. Когда генералъ Веревкинъ въ первый разъ осматривалъ кавказскія войска, то свита его, не видя въ лагерѣ никакихъ тяжестей, полагала сначала, что онѣ ушли уже впередъ:—такъ поразила всѣхъ пустота кавказскаго бивака, а между тѣмъ на этомъ бивакѣ было все, что только имѣлъ отрядъ. Люди, взявшіе изъ Киндерли по двѣ рубахи и по двое подштанниковъ, изорвались до такой степени, что рубахи держались на ихъ плечахъ только на швахъ и вездѣ просвѣчивало голое тѣло. Офицеры были не въ лучшемъ положеніи: кителя ихъ износились такъ, что, вмѣсто полъ, болталась какая-то бахрома; нѣкоторые пошили себѣ башмаки, въ родѣ тѣхъ, какіе были у солдатъ. Плечи у пѣхотинцевъ, отъ постоянной носки винтовки, покрылись ссадинами и болячками. Лица загорѣли до такой степени, что цвѣтъ ихъ мало отличался отъ цвѣта кожи самыхъ смуглыхъ туркменъ или киргизъ; носы покрылись какою-то скор-

[18] Письмо генералъ-лейтенанта Веревкина командующему войсками Дагестанской области отъ 17 мая 1873 года № 400, изъ лагеря подъ гор. Ходжейли.

лупою, а лица и уши—пузырями. Но все это ни мало не портило общаго вида; напротивъ, бодрость солдатъ, казаковъ и дагестанскихъ всадниковъ, ихъ воинственная выправка, неумолкаемыя боевыя пѣсни, зурна съ неизбѣжною лезгинкою, смѣлые отвѣты солдатъ, ихъ загорѣлыя, но свѣтлыя лица,—были такъ внушительны при описанной обстановкѣ, что казалось для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Дѣйствительно, войска уже закалились до такой степени, что никакія лишенія не могли сломить ихъ высокаго нравственнаго духа.

Какъ примѣръ такого высокаго нравственнаго духа въ войскахъ, можемъ привести слѣдующій случай: при движеніи пѣхотной колонны отъ колодцевъ Кара-кудукъ къ озерамъ Ирали-кочканъ, при совершенномъ затишьи въ воздухѣ и жарѣ отъ 38° до 40° R., при ничтожномъ запасѣ соленой, вонючей, мутной и горячей воды, люди, сами изнемогавшіе отъ жажды, видя, что артиллерійскія лошади пристаютъ, подѣлились водою съ изнемогавшими конями. Трогательно было видѣть, какъ солдаты подносили въ шапкахъ воду этимъ животнымъ. И никто изъ нихъ не думалъ, что совершаетъ подвигъ, а каждый считалъ долгомъ помогать своимъ боевымъ товарищамъ и выручать ихъ изъ бѣды. Поручикъ Штумъ не разъ выражалъ свое удивленіе по поводу замѣченныхъ имъ гуманности и братства въ рядахъ кавказскихъ войскъ. Его удивляло, что, при утомительныхъ переходахъ, офицеры, казаки и дагестанскіе всадники, отдавши своихъ лошадей подъ присталыхъ солдатъ, шли пѣшкомъ.

«Каждый солдатъ долженъ поставлять себѣ за честь слыть хорошимъ ходокомъ», говорится въ нашихъ военныхъ законахъ, «и гордиться симъ именемъ, такъ какъ всякій переходъ сближаетъ его съ непріятелемъ»[19]. Пѣхота Мангишлакскаго отряда вполнѣ заслужила репутацію хорошаго ходока. Дѣйствительно, исключивъ 5 дневокъ, выходитъ, что отрядъ шелъ въ теченіи 25-ти дней, и въ это время сдѣлалъ 635 верстъ, т. е. среднимъ числомъ по 25-ти верстъ въ сутки. Сравнивать этотъ походъ съ другими, когда либо совершенными замѣчательными маршами,— невозможно уже потому, что обстановка, при которой совершался Хивинскій походъ, единственная въ исторіи регулярныхъ армій. Однако, форсированный маршъ на соединеніи съ Оренбургскимъ отрядомъ дорого обошелся кавказцамъ. Во время этого перехода Мангишлакскій отрядъ потерялъ: умершими трехъ человѣкъ, больными оставлено въ кунградскомъ лазаретѣ 46 человѣкъ[20], лошадей пало 41, верблюдовъ растеряно и пало болѣе 200.

Теперь возвратимся назадъ и скажемъ нѣсколько словъ объ участи оставленной въ тылу 12-й роты Апшеронцевъ.

Въ виду недостатка перевозочныхъ средствъ, не только не было возможности усилить гарнизоны Бишъ-акты и Ильтедже до двухъ ротъ, одной сотни и одного орудія, какъ предполагалось раньше, но даже самое существованіе 12-й роты Апшеронскаго полка, занимавшей Ильтедже, не было обезпечено и она принуждена была отступить въ Бишъ-акты. Раньше мы упоминали, что роту эту обезпечили провіантомъ по 21-е мая. 8-го мая, отъ колодца Торча-тюле, на пути отъ Алана до Караулъ-гумбета, полковникъ Ломакинъ послалъ съ нарочнымъ приказанія за опорные пункты, къ маіору Навроцкому и воинскому начальнику Ильтедже, поручику Гриневичу. Первому предписывалось идти съ транспортомъ въ Ильтедже, гдѣ остановиться и ожидать распоряженій,—куда направить транспортъ: на Кунградъ или на Куня-Ургенчъ; въ ожиданіи же этого приказанія, принять всѣ мѣры къ безостановочному подвозу довольствія изъ Бишъ-акты въ Ильтедже. Гриневичу предлагалось: въ случаѣ, если маіоръ Навроцкій къ 18-му мая не прибудетъ въ Ильтедже съ

[19]) Наказъ войскамъ, часть 3-я. § 613, №№ 188 и 191.

[20]) Приказаніе по Мангишлакскому отряду 29-го іюля 1873 года, № 87.

транспортомъ довольствія, то, оставивъ ильтеджинскій редутъ, со всѣмъ гарнизономъ и верблюдами, идти на встрѣчу транспорту, хотя бы до Бишъ-акты[21]).

Получивъ такого рода предписаніе и прождавъ маіора Навроцкаго съ транспортомъ довольствія до 18-го мая, поручикъ Гриневичъ рѣшился отступить въ Бишъ-акты. Предстояло пройдти 185 верстъ по знойной пустынѣ, чрезъ колодцы, вода въ которыхъ совершенно испортилась отъ оборвавшихся въ нихъ желѣзныхъ ведеръ и кожаныхъ копокъ при движеніи Мангишлакскаго отряда въ Хиву, и притомъ безъ мяса, слѣдовательно безъ горячей пищи и только съ двумя или тремя фунтами сухарей на человѣка. Такое ничтожное количество довольствія могло поддерживать силы людей въ продолженіи не болѣе четырехъ дней, и потому пространство въ 185 верстъ надо было сдѣлать во что бы то ни стало въ теченіи этого времени.

Отступленіе 12-й роты Апшеронскаго полка исполнено высокаго трагизма и представляетъ собою примѣръ высокой военной доблести. Прекрасное описаніе того нравственнаго и физическаго состоянія, въ которомъ находились люди этой роты во время движенія, мы находимъ въ рапортахъ командира роты, поручика Гриневича, которое и приводимъ цѣликомъ. — «Я приказалъ, пишетъ Гриневичъ, выстроить роту и спросилъ у людей, знаютъ ли они, что у нихъ сухарей осталось дня на три-на четыре, менѣе фунта въ день. Они отвѣчали, что знаютъ. Тогда я сказалъ имъ, что намъ надо отступить, на что я получилъ приказаніе начальника отряда. Чтобы отступить въ Бишь-акты, гдѣ намъ дадутъ сколько угодно сухарей, крупъ, капусты, а также солонины не по фунту, а сколько съѣдите, намъ надо спѣшить. Если во время движенія будутъ падать солдаты, отберу у нихъ оружіе, обрѣжу пуговицы и, не останавливая роты, поведу ее далѣе. Я получилъ отвѣтъ: «Постараемся, ваше благородіе». Я назвалъ ихъ молодцами, сказалъ, что смѣло на нихъ надѣюсь, и приказалъ сейчасъ же наливать боченки и бурдюки водою. Въ 5 часовъ утра, 18-го мая, приказалъ вьючить верблюдовъ. Положивъ больныхъ и распредѣливъ рабочихъ по вьюкамъ, поздравилъ роту съ походомъ; нѣсколько пошутилъ съ людьми, приказалъ пѣсенникамъ пѣть пѣсни и двинулся въ походъ. Объ энергіи пѣсенниковъ писать не буду; каждый можетъ предположить, на сколько они могли пѣть съ душою на тощій желудокъ. Пройдя не болѣе 17-ти верстъ, дежурный сказалъ мнѣ, что одинъ рядовой изъ евреевъ упалъ. Я находился въ аріергардѣ. Правда, паденіе его на первой станціи сильно потрясло мою душу; но я, не показывая виду, хладнокровно, не останавливая роты, приказалъ дежурному обрѣзать съ упавшаго пуговицы. Приказаніе это пронеслось громко, такъ что вся рота слышала. Дежурный усилилъ мое приказаніе: вмѣсто того, чтобы обрѣзать пуговицы, онъ снялъ съ него мундиръ. Не прошли и 15-ти шаговъ, какъ слышу умоляющій голосъ упавшаго взять его. Я приказалъ посадить его на запаснаго верблюда, и рядовой этотъ, проѣхавши верстъ 10, пошелъ пѣшкомъ до самаго привала. Привалъ былъ сдѣланъ въ 10 часовъ утра, 19-го числа. Въ этотъ день я видѣлъ сильную усталость въ людяхъ, но подкрѣпить ихъ силы мнѣ было нечѣмъ, такъ какъ на каждаго изъ нихъ оставалось только по одному фунту сухарей, и въ первый день выступленія я роздалъ имъ на руки по полуфунту, а остальное нужно было приберегать; на второй день далъ по одной четверти фунта и на третій день столько же. Затѣмъ у меня еще осталось около пуда. 20-го числа я дѣлалъ привалъ; люди отдыхали, и я прилегъ. Приходитъ фельдфебель и говоритъ, что меня проситъ умирающій солдатъ Ширванскаго полка. Я сейчасъ отправился къ нему, но уже засталъ его въ безпамятствѣ, такъ что онъ ничего не могъ сказать и, въ

[21]) Предписаніе начальника Мангишлакскаго отряда маіору Навроцкому и поручику Гриневичу, 8-го мая 1873 года.

присутствіи моемъ кончился. Я приказалъ вырыть могилу, осмотрѣлъ его торбочку, но въ ней, кромѣ одной грязной рубахи, ничего не оказалось. Смерть его на роту сильно подѣйствовала. Я старался всѣми силами воодушевить ее, и рота повеселѣла. Въ это время фельдфебель доложилъ, что яма для покойника готова. Я приказалъ солдату, который находился при мнѣ, вынуть мое чистое бѣлье и надѣть его на покойника. Затѣмъ выстроилъ роту; покойника опустили въ могилу, покрыли его шинелью, а подъ голову положили его грязное бѣлье; прочитали молитву и засыпали землей. Тотчасъ поднялся съ привала. Долго я слышалъ говоръ роты о покойникѣ; но вѣроятно усталость заставила ее умолкнуть. 21-го числа, въ 11 часовъ утра, пришелъ къ колодцамъ, гдѣ отрядъ нашъ дѣлалъ привалъ. Вся рота разбрелась искать сухарей. Нѣкоторыя нашли какія-то крошки сухарей, покрытыя зеленью; но они ихъ кушали съ жадностью. Въ это время я началъ дѣлить своими руками послѣдній пудъ сухарей. При дѣлежѣ я соображался съ силами солдатъ: кого находилъ болѣе слабымъ, тому давалъ большой сухарь, а кто былъ посильнѣе, тому давалъ поменьше. Правда, съ жадностью смотрѣли на меня солдаты, что я ихъ неправильно дѣлю, но, между тѣмъ, каждый изъ нихъ старался поскорѣе помочить свой сухарь въ водѣ и съѣсть его. Я все слѣдилъ за ихъ движеніемъ и вижу, что они начали ложиться кое-гдѣ на отдыхъ. У колодцевъ я пробылъ до 5-ти часовъ вечера. Въ это время я выступилъ, и цѣлую ночь былъ въ движеніи. Во все время моего слѣдованія я находился въ аріергардѣ, а субалтернъ-офицеръ мой[22]) съ двумя проводниками въ авангардѣ. Лишь только поднялось солнце, я увидѣлъ высоты Камысты; въ то же время увидѣли ихъ и солдаты, и, какъ будто сговорясь, крикнули въ одинъ голосъ: — «Ваше благородіе, Камысты видны!» Въ отвѣтъ на это я имъ сказалъ: — «Теперь, братцы, мы на родинѣ, въ Бишъ-акты отдохнемъ и поѣдимъ вдоволь». Мнѣ на это крикнули: — «Борща, ваше благородіе, съ солониной и по два фунта сухарей!» Я отвѣтилъ: — «Больше дамъ, братцы». Тутъ пошелъ по ротѣ говоръ. Наконецъ, въ 8 часовъ утра, 22-го числа, у Камысты, при ротѣ не было уже ни одного сухаря, и люди подкрѣпили свои силы надеждой въ Бишъ-акты поѣсть борща съ солониной. Не видя 24 года своей родины, едва ли я могъ такъ обрадоваться ей, какъ обрадовался Камыстамъ. Я совершенно былъ покоенъ душой и съ 9-ти часовъ утра спалъ до 3-хъ пополудни; я зналъ хорошо, что часть моя спасена. Люди шли неутомимо въ теченіи четырехъ сутокъ и сдѣлали 185 верстъ. Это было сверхъ моихъ ожиданій. Я командую 12-й ротой шесть лѣтъ, но не настолько былъ увѣренъ въ ней, хотя и зналъ, что рота расположена ко мнѣ, но боялся за силы людей. Въ 3 1/2 часа пополудни я выступилъ изъ Камысты. Люди шли торопливо, стараясь какъ можно скорѣе достигнуть Бишъ-акты. Чрезъ четыре часа мы были у воротъ этого укрѣпленія. Не доходя его версты полторы, я построилъ роту, душевно благодарилъ ее за походъ, и объявилъ ей, что такъ какъ мы совершили геройское отступленіе, то нужно придти въ крѣпость героями, а потому запѣвало впередъ, пѣсенники на правый флангъ, начинай. И вотъ, какъ теперь слышу, начали пѣть: — «Слава русскому солдату съ командиромъ молодцомъ». Но пѣсенники пѣли настолько громко, что въ 15-ти шагахъ едва-ли можно было что услышать; за то барабанъ былъ натянутъ и сильно гремѣлъ. И вотъ мы съ такой церемоніей вступили въ Бишъ-акты, гдѣ находились двѣ роты: одна Апшеронскаго полка — 8-я, а другая Ширванскаго полка. Первая предложила моей ротѣ ужинъ, а вторая угостила водкой..... Я получилъ подъ квитанцію нѣсколько мѣшковъ сухарей и крупъ, и на ужинъ выдалъ по полуфунту. Люди же, выпивши послѣ усталости по полчаркѣ водки и поѣвши давно невиданной имъ горячей

[22]) Подпоручикъ Каркашвили.

пищи, уснули по обыкновенію на открытомъ воздухѣ мертвымъ сномъ. На другой день, часовъ въ семь, пришелъ ко мнѣ съ докладомъ фельдфебель и отрапортовалъ, что въ ротѣ все обстоитъ благополучно, больныхъ не имѣется, но люди просятъ сухарей. Такъ какъ сухари находились около моей палатки, то я приказалъ сейчасъ же роздать въ присутствіи моемъ на завтракъ каждому по полуфунту, затѣмъ на обѣдъ, на полдникъ и на ужинъ было выдано по столько же. Такая выдача по четыре раза въ день малыми пріемами производилась мною три дня, т. е. до тѣхъ поръ, пока я не увидѣлъ, что люди пришли въ себя и ѣдятъ уже безъ жадности»[23]. 30-го мая рота Гриневича была передвинута въ Киндерли, причемъ во время этого движенія одинъ человѣкъ умеръ.

Командующій войсками Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ все время изыскивалъ способы доставить довольствіе для отряда въ предѣлы ханства; но, къ сожалѣнію, средствъ для этого не имѣлось. Наконецъ, съ возвращеніемъ Красноводскаго отряда представилась возможность усилить перевозочныя средства опорныхъ пунктовъ Мангишлакскаго отряда 800 верблюдами, которыхъ предполагалось перевезти изъ Красноводска въ Киндерли въ два рейса. На первыхъ 400 верблюдахъ генералъ-адъютантъ князь Меликовъ предполагалъ отправить продовольственные припасы въ Бишъ-акты, а оттуда въ Ильтедже, и затѣмъ они должны были быть заняты перевозкою довольствія исключительно отъ Бишъ-акты до Ильтедже; вторая же партія въ 400 верблюдовъ и колесный транспортъ предназначались для перевозки довольствія между Киндерли и Бишъ-акты. Но не успѣли перевезти въ Киндерли и 300 верблюдовъ, какъ получено было отъ полковника Ломакина извѣстіе о томъ, что Мангишлакскій отрядъ не нуждается въ доставкѣ довольствія въ предѣлы ханства; кавказское начальство должно было озаботиться лишь объ обезпеченіи кавказскихъ войскъ довольствіемъ на обратномъ пути изъ ханства къ Каспійскому морю. «Изъ посланныхъ къ вамъ въ разное время депешъ и бумагъ — писалъ генералъ-адъютантъ князь Меликовъ полковнику Ломакину — вы уже знаете, что, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ, въ какое затруднительное положеніе я былъ поставленъ по доставкѣ къ вамъ продовольствія и по обезпеченію войскъ опорныхъ пунктовъ. Послѣднее увѣдомленіе ваше о томъ, что въ подвозѣ изъ Киндерли продовольствія вы не нуждаетесь, меня совершенно успокоило, а казну избавило отъ чрезвычайныхъ расходовъ»[24]. Вслѣдствіе этого и дальнѣйшая доставка верблюдовъ изъ Красноводска въ Киндерли была пріостановлена. Такъ какъ на опорныхъ пунктахъ уже не представляло надобности держать того значительнаго числа войскъ, которое тамъ находилось, то въ іюлѣ были спущены на западный берегъ Каспійскаго моря, въ свои штабъ-квартиры: сборная и 12-я роты Апшеронскаго и сборная рота Самурскаго полковъ, два орудія и сотня Владикавказскаго казачьяго полка, а въ началѣ августа возвратилась и 8-я рота Апшеронскаго полка.

---

[23]) Рапорты поручика Гриневича начальнику Мангишлакскаго отряда 20-го мая и 1-го іюня 1873 года, №№ 43 и 52.
[24]) Письмо генералъ-адъютанта князя Меликова полковнику Ломакину, 5-го іюня 1873 года, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Глава Двадцатая.

Свѣдѣнія о непріятелѣ. — Мѣры осторожности. — Порядокъ движенія. — Перестрѣлка Апшеронцевъ съ каракалпаками. — Встрѣча съ хивинцами. — Дѣло передъ Ходжейли. — Атака 1-й стрѣлковой роты. — Отступленіе непріятеля. — Отзывъ генерала Веревкина о кавказскихъ войскахъ. — Вечеръ въ кавказскомъ лагерѣ. — Извѣстія о Туркестанскомъ отрядѣ. — Дальнѣйшее движеніе къ Хивѣ. — Переправа черезъ арыки и каналы. — На пути къ Мангиту. — Дѣло 20-мая. — Нападеніе на обозъ и отбитіе атакъ Апшеронскими ротами. — Занятіе Мангита. — Рѣзня въ городѣ. — Движеніе къ городу Китаю. — Прибытіе депутацій изъ городовъ: Янги-Яна, Гурленя, Китая и Кята. — Порядокъ движенія 22 мая. — Дѣло у Янги-яна. — Измѣненіе маршрута соединенныхъ отрядовъ. — Движеніе къ Хивѣ. — Переправа черезъ каналъ Клычъ-Ніязъ-бай. — Занятіе Кята. — Взятіе Кошъ-Купыра. — Переходъ къ Хивѣ. — Расположеніе бивуакомъ въ саду Чинакчикѣ. — Рекогносцировка Хивы 26 мая. — Молодецкое дѣло 3-й стрѣлковой роты. — Схватка кавалеріи съ хивинцами. — Рѣшеніе перенести лагерь отряда къ самой Хивѣ. — Диспозиція на 28-е мая. — Сраженіе подъ Хивой. — Атака Апшеронцевъ и взятіе ими двухъ орудій. — Неудачная атака Ширванскихъ ротъ. — Перестрѣлка на кладбищѣ. — Отступленіе ротъ. — Вызовъ охотниковъ Апшеронцевъ тащить отбитыя орудія. — Усиленный огонь хивинцевъ. — Прибытіе депутаціи изъ Хивы. — Переговоры. — Наши потери. — Переполохъ въ Хивѣ. — Прибытіе Туркестанскаго отряда. — Лагерь кавказскихъ войскъ подъ Хивою. — Распоряженія генералъ-адъютанта Кауфмана. — Выступленіе колонны въ Туркменскую экспедицію. — Приготовленія къ обратному походу. — Перевозочныя средства. — Прощаніе генералъ-адъютанта Кауфмана съ кавказскими войсками. — Апшеронскія орудія и способъ перевозки ихъ. — Гор. Шабатъ. — Отъ гор. Ильяллы до Куня-Ургенча. — Развалины стараго Куня-Ургенча. — Легенда о развалинахъ башни. — Порядокъ движенія отряда отъ Куня-Ургенча. — Персіяне. — Способъ довольствія отряда въ пути. — Вступленіе въ пустыню. — Неудачныя распоряженія о времени выступленія войскъ. — Недостатокъ воды. — Мученія жажды. — Безпорядокъ у колодца Алибекъ. — Падежъ скота. — Приходъ въ Кара-кудухъ. — Дальнѣйшее движеніе. — Прибытіе отряда въ Кущато. — Разработка дороги между Каунды и Сенекомъ. — Встрѣча колонны маіора Навроцкаго съ экспедиціоннымъ отрядомъ. — Переходъ отъ Кущато до Бишъ-акты. — Возвращеніе отряда въ Киндерли. — Состояніе матеріальной части отряда. — Благодарственное молебствіе. — Сооруженіе въ Киндерли пирамиды и надпись на ней. — Отплытіе войскъ въ Петровскъ. — Заключеніе. — Главнокомандующій даритъ хивинскія пушки Апшеронцамъ. — Приказъ по кавказской арміи. — Награды. –

15-го мая соединенный Оренбургско-Кавказскій отрядъ выступилъ съ ночлега у Карабайли съ тѣмъ, чтобы въ тотъ-же день дойти до г. Ходжейли и занять его.

По полученнымъ начальникомъ отряда свѣдѣніямъ, непріятельскія войска, направленныя противъ отрядовъ, двигавшихся со стороны Кунграда, расположены были лагеремъ недалеко отъ мѣста ночлега, у протока Карабайли, и только наканунѣ прибытія сюда Оренбургско-Мангишлакскаго отряда отступили къ Ходжейли, съ намѣреніемъ дать русскимъ около этого города сраженіе.

Тѣ же лазутчики сообщили, что сборище хивинцевъ, подъ предводительствомъ узбека Якубъ-бія, простиралось до 5 тыс. человѣкъ и состояло изъ коннаго и пѣшаго ополченія, при нѣсколькихъ орудіяхъ, число которыхъ опредѣлялось отъ 3 до 5-ти. Конное ополченіе составляли преимущественно узбеки и туркмены.

Предполагая, что непріятель въ предстоящихъ дѣлахъ, занимая войска съ фронта, будетъ направлять нападенія и на обозъ, съ цѣлью задержать движеніе головныхъ войскъ, генералъ Веревкинъ придалъ обозу самостоятельное прикрытіе, съ тѣмъ, чтобы остальныя войска, составивъ собственно наступательную колонну, могли безостановочно двигаться впередъ въ полной увѣренности за безопасность своихъ тяжестей.

*

Для прикрытія обоза обоихъ отрядовъ, двигавшагося въ одной общей колоннѣ, назначено было 5 ротъ пѣхоты, въ томъ числѣ двѣ роты Апшеронскаго полка, 2 сотни казаковъ и два орудія, подъ начальствомъ полковника Новинскаго.

Остальныя войска двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ шли 6 сотенъ кавалеріи съ ракетными командами; а главныя силы въ трехъ колоннахъ, правая — изъ трехъ ротъ Апшеронскаго и роты Самурскаго полковъ, средняя — изъ стрѣлковыхъ ротъ Ширванскаго полка и лѣвая изъ 2-го Оренбургскаго линейнаго баталіона; артиллерія шла по дорогѣ, конная — впереди, пѣшая кавказская — сзади. Дорога извивалась по берегу Аму-дарьи, имѣющей здѣсь шаговъ 800 въ ширину. Мѣстность, вначалѣ прорѣзанная арыками и покрытая зарослями камыша и кустарника, высоты 2—3 сажени, представляла довольно серьезныя препятствія, въ особенности гдѣ шли кавказскія войска. По мѣрѣ движенія впередъ, она дѣлалась открытѣе, камышей и кустарниковъ становилось меньше и, наконецъ, на половинѣ перехода оказывалась уже удобной для кавалерійскихъ атакъ. Для переправы черезъ арыки имѣлись довольно исправные мостики, только въ одномъ мѣстѣ пришлось поправить мостъ.

Когда войска отошли отъ мѣста ночлега верстъ шесть, на правомъ берегу Аму показалась большая толпа народа. Не зная, что это за толпа и каковы ея намѣренія, генералъ Веревкинъ остановилъ голову колонны и, на всякій случай, въ то время, какъ начались переговоры съ нею, приказалъ выдвинуться впередъ четыремъ коннымъ орудіямъ. На требованіе генерала и чтобы разобрать слова, которыя выкрикивалъ переводчикъ Оренбургскаго отряда, съ праваго берега отдѣлились два человѣка и вошли въ воду; но, по быстротѣ теченія, они не рѣшились переплыть рѣку и, дойдя до ея средины, давали отвѣты на предлагаемые вопросы. Оказалось, что это были каракалпаки и никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ предпринимать не намѣревались. Такой отвѣтъ показался удовлетворительнымъ, и начальникъ отряда приказалъ войскамъ продолжать движеніе впередъ. Но не успѣла голова отряда отойти и версту отъ мѣста переговоровъ, какъ каракалпаки открыли стрѣльбу по Апшеронскимъ ротамъ, которыя, встрѣтивъ затрудненія при движеніи по камышамъ, должны были свернуть на дорогу. Маіоръ Буравцевъ немедленно вызвалъ нѣсколько стрѣлковъ и приказалъ имъ отвѣчать каракалпакамъ. Перестрѣлка продолжалась всего только нѣсколько минутъ; каракалпаки, не выдержавъ огня, скрылись въ кусты и камыши, покрывавшіе весь правый берегъ. Во время перестрѣлки ранены двое нижнихъ чиновъ Апшеронскаго полка, изъ которыхъ одинъ, упавъ въ рѣку, не могъ быть спасенъ по быстротѣ теченія и глубинѣ воды. — Такимъ образомъ въ Хивинскомъ ханствѣ первыми пролили свою кровь Апшеронцы.

Пройдено уже было верстъ 15, а непріятеля на лѣвомъ берегу Аму не замѣчалось; виднѣлись только слѣды его поспѣшнаго отступленія: брошенныя кошмы, цыновки и проч. Наконецъ, около середины перехода, когда отрядъ вышелъ на болѣе открытую мѣстность, передъ правымъ флангомъ появилась густая цѣпь всадниковъ, поддерживаемая сзади довольно значительными массами конницы. Полковнику Теръ-Асатурову, съ сотнею Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, Кизляро-гребенскою и сводною Терско-кубанскою и ракетною командою, приказано было двинуться впередъ и атаковать непріятеля; въ то же время полковникъ Леонтьевъ, съ 3-мя сотнями и 2-мя ракетными станками перейдя на правую сторону дороги, долженъ былъ, подвигаясь вправо, стараться, одновременно съ фронтальной атакой полковника Теръ-Асатурова, охватить лѣвый флангъ непріятеля. Но хивинцы уклонились отъ принятія сраженія, отступили къ камышамъ и, повидимому, старались вовлечь нашу кавалерію въ разсыпной одиночный бой на закрытой мѣстности;

видя же, что цѣпь нашихъ наѣздниковъ постоянно можетъ найти надежную опору въ сомкнутыхъ частяхъ, слѣдовавшихъ за ней въ полной готовности, непріятель продолжалъ отходить и ни разу не рѣшился сразиться съ дагестанцами и терскими казаками, упорно насѣдавшими на него. Приблизясь на 200 саженъ къ столпившейся массѣ всадниковъ на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ, полковникъ Леонтьевъ выдвинулъ на позицію ракетный казачій взводъ; послѣ четырехъ пущенныхъ ракетъ, противникъ отступилъ, преслѣдуемый всѣми тремя сотнями. Хотя черезъ полчаса хивинцы снова начали собираться, но брошенными 4-мя ракетами съ дистанціи 175 саженъ снова принуждены были къ отступленію.

Такимъ образомъ, то шагомъ, то ускоряя наступленіе и преслѣдуя непріятеля, наша кавалерія, незамѣтно, далеко опередила пѣхоту и прошла отъ мѣста ночлега 25 верстъ. Оставалось еще 5 верстъ до Ходжейли, гдѣ, по слухамъ, у непріятеля находилась пѣхота и артиллерія. Начальникъ отряда, предполагая, что хивинцы, занявъ сады и предмѣстья города, будутъ защищаться и постараются задержать дальнѣйшее наше наступленіе по узкой дорогѣ, составлявшей дефиле между стѣнами домовъ и оградами садовъ, рѣшилъ остановить кавалерію и выждать прибытія пѣхоты, которая усиленнымъ маршемъ двигалась за головными частями отряда. Хотя послѣдняя и подоспѣла вскорѣ, но такъ была утомлена безостановочнымъ движеніемъ, что пришлось дать ей по крайней мѣрѣ $1^1/_2$ часовый отдыхъ. Какъ только отрядъ остановился, прекратилъ свое отступленіе и непріятель, и его всадники снова загарцовали передъ правымъ флангомъ и съ правой стороны отряда, а со стороны города хивинцы открыли по войскамъ изъ фальконетовъ совершенно, впрочемъ, безвредную пальбу.

Въ три часа пополудни войска поднялись съ привала. Мѣстность, по которой имъ предстояло движеніе къ Ходжейли, была покрыта, вплоть до самыхъ городскихъ предмѣстій, полями, изрѣзанными узкими и мелкими арыками (каналы). На 3-й верстѣ отъ города, дорога принимаетъ два направленія: одно — по берегу рѣки Аму, а другое — прямо къ Ходжейли. Параллельно послѣдней дорогѣ, съ правой ея стороны, тянулся и подходилъ къ самому городу большой глубокій и широкій арыкъ Су-Али, переправа черезъ который возможна была только по двумъ мостамъ, одинъ изъ которыхъ находился недалеко отъ мѣста привала, а другой—въ самомъ городѣ. Между городомъ и Аму-Дарьей, лѣвѣе дороги, шедшей въ Ходжейли, находилось большое болото. Предполагая, что непріятель будетъ защищать городъ и имѣя свѣдѣніе, что лагерь хивинцевъ раскинулся лѣвѣе города, между рѣкою и вышеупомянутымъ болотомъ, генералъ Веревкинъ далъ войскамъ такое направленіе: Оренбургскій отрядъ шелъ прямо по дорогѣ, а Мангишлакскій, за исключеніемъ своднаго баталіона изъ Апшеронскихъ ротъ, подъ начальствомъ маіора Буравцева, оставленнаго въ общемъ резервѣ, долженъ былъ, переправясь черезъ арыкъ, двинуться противоположнымъ его берегомъ, а затѣмъ садами къ городу, стараясь возможно скорѣе выйти къ другому городскому мосту. Если-бы непріятель дѣйствительно вздумалъ серьезно защищать городъ, то Мангишлакскій отрядъ, зайдя съ западной стороны Ходжейли, облегчалъ задачу войскъ, направленныхъ на городъ съ фронта; въ противномъ же случаѣ полковникъ Ломакинъ, войдя съ своимъ отрядомъ къ городскому мосту, долженъ былъ отрѣзать единственный путь отступленія хивинцамъ, уходившимъ изъ города.

Согласно отданной диспозиціи, войска Оренбургскаго и Мангишлакскаго отрядовъ, въ 4-мъ часу пополудни, начали движеніе къ Ходжейли. Оренбургскій отрядъ безпрепятственно дошелъ до города; вмѣстѣ съ его наступленіемъ, исчезали и непріятельскіе всадники. По вступленіи нашихъ войскъ въ черту городскихъ предмѣстій, генералъ Веревкинъ былъ

встрѣченъ и привѣтствуемъ депутаціею, высланною отъ города, которая, сдавая Ходжейли, заявила, что всѣ хивинскія войска уже оставили его.

Движеніе Мангишлакскаго отряда происходило далеко не такъ легко, какъ оренбургскихъ войскъ: съ перваго-же шага на противоположную сторону канала Су-Али, отрядъ началъ встрѣчать затрудненія при переправахъ черезъ арыки, всѣ спуски къ которымъ были вскопаны лопатами, броды испорчены, плотины спущены, вслѣдствіе чего передовымъ частямъ пришлось переходить каналы или въ бродъ, или буквально вплавь. По мѣрѣ приближенія войскъ къ городу, ихъ слѣдованіе постепенно замедлялось: арыки, заборы и всякаго рода изгороди встрѣчались на каждомъ шагу, потому что приходилось идти цѣликомъ по полямъ и садамъ, безъ дороги. Передніе роты, углубясь въ сады, видѣли передъ собою быстро отступавшихъ хивинцевъ, и безъ выстрѣла заняли предмѣстья; но когда вступили въ тѣ-же сады Апшеронцы, то хивинцы, засѣвшіе въ особенно скрытныхъ мѣстахъ, открыли пальбу противъ 1-й стрѣлковой роты капитана Усачева. Мѣткій огонь и затѣмъ молодецкое наступленіе этой роты заставили непріятеля очистить занятыя имъ мѣста, и оставить здѣсь одного убитаго и одного раненаго.

По занятіи предмѣстій, лежавшихъ къ западу отъ города, множество невольниковъ изъ персіянъ и авганцевъ начали выбѣгать къ кавказскимъ войскамъ. Несчастные, прося защиты, показывали слѣды цѣпей на рукахъ, ногахъ и шеяхъ. Командиръ 10-й роты Апшеронскаго полка, штабсъ-капитанъ Хмаренко, по указанію выбѣжавшихъ невольниковъ, въ теченіи не болѣе получаса отыскалъ и освободилъ около 30 человѣкъ, прикованныхъ цѣпями въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ домовъ.

Препятствія, встрѣченныя на пути кавказскимъ отрядомъ, позволили ему подойти къ городскому мосту уже въ то время, когда городъ былъ занятъ Оренбургскимъ отрядомъ и хивинскія войска очистили окрестности. Оба отряда расположились лагеремъ верстахъ 1 1/2 отъ города.

Непріятель бросилъ свой лагерь и поспѣшно переправился черезъ рѣку. Въ лагерѣ найдено одно орудіе, до 1000 пудовъ муки и джугары, нѣсколько палатокъ, незначительное количество пороха и нѣсколько ядеръ.

Наша потеря въ этотъ день состояла, какъ сказано выше, изъ одного потонувшаго и одного раненаго рядовыхъ Апшеронскаго полка. Хотя потеря непріятеля въ точности не приведена въ извѣстность, тѣмъ не менѣе она не могла быть велика, потому что онъ совсѣмъ не защищался и не находился подъ огнемъ нашей пѣхоты; артиллерійскіе-же выстрѣлы, съ дальняго разстоянія и ракеты дѣйствовали болѣе морально, заставляя хивинцевъ быстрѣе отступать и, повидимому, не нанесли имъ никакого вреда.

По очищеніи Ходжейли, непріятель продолжалъ отступать далѣе въ глубь страны, что, сколько можно судить по ходу ходжейлинскаго дѣла, задумано было еще заблаговременно до его начала, и самое дѣло имѣло цѣлью замаскировать переправу хивинской пѣхоты и тяжестей на правый берегъ Аму-дарьи. Надо отдать нашему противнику полную справедливость: онъ исполнилъ свою задачу съ полнымъ успѣхомъ. Сгруппировавъ противъ нашего праваго фланга конницу, хивинцы заставили насъ предполагать, что ихъ путь отступленія идетъ черезъ городъ и городской мостъ на каналѣ Су-Али. Поддерживая насъ въ такомъ убѣжденіи и уклоняясь отъ рѣшительнаго боя, непріятель успѣлъ, во время хода самаго дѣла и стоянки нашей на привалѣ, отвести войска свои за городъ и отойти далѣе по двумъ направленіямъ: кавалерія — по лѣвой сторонѣ Аму, а пѣхота и артиллерія — по правой. Всѣ старанія непріятеля направлялись къ одной цѣли: какъ бы благополучно уйти,—вотъ почему онъ не атаковалъ наши войска, не сдѣлалъ ни одного нападенія на обозъ,

не послалъ ни одной конной партіи въ тылъ нашихъ войскъ, для перерыва сообщенія между отрядомъ и обозомъ и для нападенія на отставшихъ, какъ то дѣлалось имъ въ предыдущихъ и въ послѣдующихъ дѣлахъ.

Успѣху хивинцевъ въ задуманномъ ими отступленіи много помогло, между прочимъ, и то обстоятельство, что начальникъ отряда не имѣлъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ ихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ; извѣстія же, получавшіяся чрезъ лазутчиковъ, не отличались достовѣрностью.

Несмотря на то, что наканунѣ ходжейлинскаго дѣла кавказскимъ войскамъ пришлось сдѣлать переходъ въ 45 верстъ и семидневный предъ тѣмъ форсированный маршъ, кавказцы были веселы, бодры и неутомимы; пѣхотѣ нѣсколько разъ при движеніи къ Ходжейли приходилось переплывать арыки. Генералъ Веревкинъ такъ отозвался генералъ-адъютанту князю Меликову объ участіи кавказскихъ войскъ въ дѣлѣ подъ Ходжейли:

«Хотя полное отсутствіе стойкости и поспѣшность бѣгства непріятеля, конечно, не могли представить случая кавказскимъ войскамъ проявить на дѣлѣ всю ихъ энергію и боевую опытность, но, за всѣмъ тѣмъ, видя ихъ быстрое, грозное наступленіе, порядокъ и отчетливость всѣхъ движеній и общее воодушевленіе, — несмотря на сдѣланный уже въ тотъ день большой переходъ и утомительные предшествовавшіе переходы, — я позволяю себѣ выразить мое глубокое убѣжденіе, что войска эти вполнѣ достойны своей высокой репутаціи и всегда сумѣютъ поддержать громкую славу, заслуженную имъ въ полувѣковой Кавказской войнѣ» [1]).

Жители Ходжейли, съ занятіемъ этого города нашими войсками, не разбѣжались, а остались на мѣстахъ и продолжали свои занятія. Въ двухдневную стоянку отрядовъ около Ходжейли, въ городѣ были открыты базары и велась дѣятельная и выгодная для жителей торговля съ войсками, запасы которыхъ, вещевые и съѣстные, успѣли значительно истощиться во время продолжительнаго перехода черезъ степи. Въ особенности необходимъ былъ отдыхъ для кавказскихъ войскъ. За два дня люди успѣли хотя немного исправить свою одежду и обувь, а начальникъ отряда закупилъ довольствія для войскъ на цѣлый мѣсяцъ.

Днемъ все лагерное расположеніе окружалось пѣшею цѣпью, для воспрепятствованія людямъ ходить по окрестностнымъ саклямъ. Нижніе чины, имѣвшіе надобность быть въ городѣ, увольнялись туда не иначе, какъ съ билетами и, притомъ, командами, подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ.

16-го числа въ кавказскомъ лагерѣ полковникъ Ломакинъ устроилъ вечеръ, на буркахъ, подъ деревьями, на которомъ присутствовалъ генералъ Веревкинъ со своимъ штабомъ. Здѣсь впервые на берегахъ Аму-дарьи, въ хивинскихъ предѣлахъ, раздались звуки народнаго гимна, исполненнаго полковою музыкою Апшеронскаго полка, на предложенный генераломъ Веревкинымъ тостъ за здоровье Государя Императора. Крики «ура» долго переливались отъ кавказскаго лагеря въ оренбургскій и обратно. На слѣдующій день у генерала Веревкина былъ обѣдъ для чиновъ штаба Мангишлакскаго отряда,

Въ Ходжейли начальникъ соединенныхъ отрядовъ не оставилъ гарнизона для обезпеченія сообщеній, ибо жители обязались принять всевозможныя и зависящія отъ нихъ мѣры къ безопасному слѣдованію транспортовъ и чапаровъ (гонцовъ), причемъ послѣднимъ обязались даже давать конвой на весь путь до Хивы и до Кунграда.

Послѣ двухдневнаго отдыха, 18-го мая, всѣ войска выступили изъ Ходжейли, оставляя который начальникъ отряда назначилъ изъ мѣстныхъ жителей главныхъ должностныхъ

[1]) Письмо 17-го мая 1873 года, № 400.

лицъ для городскаго управленія, съ предупрежденіемъ, чтобы они свято исполнили принятыя на себя обязательства къ поддержанію порядка и спокойствія въ городѣ и обезпеченію сообщеній отряда съ тыломъ, грозя, въ противномъ случаѣ, жестокимъ и неумолимымъ наказаніемъ городу, если бы нашъ чапаръ или какая либо команда подверглись враждебнымъ дѣйствіямъ населенія.

Генералъ Веревкинъ, предположивъ двигаться изъ Ходжейли по лѣвому берегу Аму до Мангита, намѣревался оттуда, если только не будутъ получены точныя извѣстія о положеніи войскъ туркестанскаго отряда, или какія-либо приказанія отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, продолжать путь на городъ Новый-Ургенчъ, чтобы войти въ связь съ войсками, дѣйствовавшими со стороны Туркестана. По слухамъ, доходившимъ въ это время до соединенныхъ отрядовъ, генералъ Кауфманъ разбилъ на правомъ берегу Аму скопище хивинцевъ и долженъ былъ, если его не задержитъ переправа, 18-го мая занять Новый-Ургенчъ [2]).

Мангишлакско-Оренбургскій отрядъ, сдѣлавъ 18-го мая 16 верстъ, остановился на ночлегъ при устьи канала Джакунъ-бай (Ніязъ-бай) въ Суюнды. Лагерь былъ разбитъ въ густомъ и высокомъ кустарникѣ (гребенщикъ, колючка, саксаулъ и проч.), который начинался верстъ за шесть до ночлега и тянулся далѣе верстъ на тридцать вверхъ по Аму-Дарьѣ. Расположеніе отряда было очень неудобно въ томъ отношеніи, что непріятель, пользуясь весьма закрытою мѣстностью, могъ подкрадываться небольшими партіями къ лагерю и тревожить войска, для устраненія чего пришлось произвести усиленный нарядъ на аванпосты и выставить кругомъ всего лагеря густую пѣшую цѣпь, съ частыми подкрѣпленіями. Впрочемъ, хивинцы не воспользовались невыгодами нашего расположенія и войскъ всю ночь не тревожили. Только къ утру, 19-го числа, почти передъ самымъ подъемомъ, они произвели нападеніе, съ гикомъ и пальбой, на сторожевую цѣпь, отбитое выстрѣлами аванпостовъ.

Сюда явился съ повинной киргизъ Капоуръ-Калбинъ, бывшій заурядъ-хорунжій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ возстанія адаевцевъ въ 1870 году; вмѣстѣ съ нимъ изъявили покорность многіе представители туркменскихъ народовъ, кочующихъ въ ханствѣ.

Въ виду того, что отряду 19-го мая предстояла на серединѣ перехода переправа черезъ Саубатъ-джарганъ, широкій и глубокій арыкъ съ водою, саперныя команды отправлены были впередъ ранѣе выступленія войскъ, для наводки моста, съ прикрытіемъ изъ двухъ сотенъ,— № 2-й Оренбургской и 4-й Дагестанской, подъ начальствомъ подполковника Квинитадзе.

При движеніи этой колонны къ мѣсту устройства переправы, непріятель, пользуясь кустарникомъ, плотно примыкавшимъ къ дорогѣ, завелъ перестрѣлку съ цѣпью, прикрывавшею движеніе инженернаго парка, во время которой у насъ раненъ одинъ всадникъ дагестанской сотни. Въ 8 часовъ утра саперная команда, нетревожимая непріятелемъ, приступила къ устройству моста, спуска и подъема. Мостъ, устроенный на пяти козлахъ, имѣлъ въ длину 6 саженъ и былъ совершенно готовъ въ 9 $^1/_4$ часовъ утра. Переправа отряда и обоза совершилась вполнѣ благополучно и заняла не болѣе двухъ часовъ времени. Остальную половину перехода войска прошли безъ особыхъ затрудненій; хотя дорога и пролегала по мѣстности, изрѣзанной арыками, но послѣдніе всѣ были безводны и на-половину занесены пескомъ, а потому войска проходили ихъ безпрепятственно.

На ночлегъ отряды остановились на берегу рѣки Аму, при урочищѣ Джелангачъ-чеганакъ, верстахъ въ 8-ми выше истока Лаудана, и въ такомъ же разстояніи отъ того пункта, который на картахъ названъ крѣпостью Бендъ.

[2]) Въ дѣйствительности 18-го мая туркестанскій отрядъ началъ переправляться черезъ Аму у Шейхъ-Арыка, и отъ Новаго-Ургенча былъ въ разстояніи еще нѣсколькихъ переходовъ.

По извѣстіямъ отъ бѣжавшихъ изъ неволи персіянъ, лазутчиковъ и отъ жителей, непріятель стянулъ къ городамъ Мангыту и Кипчаку большія массы конницы, состоявшія изъ ополченій всѣхъ народностей, населявшихъ ханство. Цѣль дѣйствій скопища заключалась не только въ пассивной защитѣ Мангыта, Кипчака и позади ихъ лежащей территоріи ханства, но и въ наступленіи противъ русскихъ, а потому составъ сторожевыхъ частей былъ усиленъ; однако никакой попытки къ нападенію на лагерь непріятель не сдѣлалъ. Только утромъ, 20-го мая, съ противуположнаго берега, на весьма значительномъ разстояніи отъ рѣки, произведены два артиллерійскихъ выстрѣла по войскамъ, но ядра, не долетѣвъ до цѣли, упали въ воду.

Дорога къ Мангыту, по которой тронулись войска 20-го мая, шла первыя десять верстъ камышами, затѣмъ незамѣтно поднималась на слегка возвышенное обширное плато. Вдали, верстъ за пять впереди, виднѣлась цѣпь песчаныхъ холмовъ, а впереди ихъ гарцовала густая конная цѣпь непріятельскихъ всадниковъ, поддерживаемая сзади сильными конными же группами. Скатъ холмовъ, обращенный къ отряду и вершины ихъ, казалось, были сплошь покрыты всадниками.

Благодаря ровной и удобной мѣстности, войска двигались широкимъ фронтомъ. По дорогѣ, колонною въ два орудія, двигались конная батарея и пѣшій артиллерійскій взводъ—Мангишлакскаго отряда. Правѣе дороги шли: двѣ терско-кубанскія и дагестанская сотни съ ракетною командою; за ними — пѣхота въ двухъ колоннахъ, причемъ правую составляли пять ротъ Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Буравцева. Лѣвѣе артиллеріи направлялись: одна уральская и двѣ оренбургскихъ сотни съ ракетною командою, за ними—оренбургскій линейный баталіонъ. Обозъ слѣдовалъ отдѣльно, подъ прикрытіемъ пяти ротъ и двухъ сотенъ, при двухъ пѣшихъ орудіяхъ.

Кавалерія и конная артиллерія, при которыхъ ѣхалъ отрядной штабъ, не сообразуя своихъ движеній съ сзади-слѣдовавшей пѣхотой, значительно ушли впередъ, такъ что въ первый моментъ встрѣчи съ непріятелемъ можно было противопоставить ему только эти войска. Не доходя верстъ трехъ до упомянутой выше цѣпи холмовъ, стало замѣтно, что непріятель намѣревается предпринять нападеніе: передовая цѣпь его всадниковъ, раздавшись вправо и влѣво, стала обскакивать фланги нашей кавалеріи. Скоро обозначилось, что главныя усилія хивинцевъ направляются на лѣвый флангъ и частію на центръ кавалерійскаго отряда. Кавалерія остановилась и развернулась, батарея снялась съ передковъ; кавказскимъ сотнямъ велѣно было податься нѣсколько впередъ, для атаки непріятеля, во флангъ и тылъ въ то время, когда онъ устремится противъ трехъ сотенъ, находившихся лѣвѣе батареи. Но не успѣли кавказскія сотни приступить къ исполненію отданнаго имъ приказанія, какъ непріятель бросился съ громкимъ крикомъ и гиканьемъ на три лѣво-фланговыя сотни, которыя встрѣтили его огнемъ спѣшенной оренбургской сотни и атакой одной уральской. Непріятель, не ожидавшій встрѣтить дружный и мѣткій залпъ, тотчасъ же повернулъ назадъ, преслѣдуемый казаками. Послѣ того хивинцы, сгруппировавшись передъ фронтомъ конныхъ частей, остановились на холмахъ въ выжидательномъ положеніи. Массы же ихъ, бывшія по сторонамъ, обскакавъ кавалерію, устремились на фланги пѣхотной колонны и на обозъ, стараясь въ то же время прервать сообщеніе между ушедшими впередъ кавалеріей и пѣхотой. Наши головныя части также остановились, въ ожиданіи прибытія пѣхоты, для ускоренія которой посылались приказаніе за приказаніемъ, между тѣмъ какъ, сгруппировавшійся на холмахъ, противъ кавалеріи, непріятель принужденъ былъ нѣсколькими удачными выстрѣлами конной батареи скрыться за холмистый кряжъ.

Пѣхотная колонна, оставшаяся подъ начальствомъ полковника Ломакина, ускореннымъ шагомъ спѣшила къ мѣсту дѣйствія. Атаки непріятеля, направленныя противъ фланговъ

пѣхоты, легко были отбиты огнемъ и нисколько не задержали ея движенія; точно также остались безъ успѣха и нападенія непріятельской конницы на обозъ. Какъ только выяснилось, что главную часть своихъ силъ непріятель направляетъ мимо лѣваго фланга, на обозъ, то изъ Апшеронской колонны видвинулись 9-я и 10-я рота, подъ начальствомъ маіора Аварскаго, и взводъ 2-й батареи 21 артиллерійской бригады, которыя, развернувшись почти параллельно дорогѣ, составили съ лѣво-фланговою колонною тупой уголъ и мѣткими орудійными выстрѣлами и ружейными залпами отразили нападеніе. Не успѣвъ ничего сдѣлать противъ верблюжьяго обоза, непріятель атаковалъ колесный обозъ, состоявшій изъ офицерскихъ повозокъ, казачьихъ каруцъ, баталіонныхъ и лазаретныхъ фуръ двигавшійся по дорогѣ въ нѣкоторомъ разстояніи впереди верблюдовъ, подъ прикрытіемъ 25 человѣкъ саперной команды, баталіоннаго караула отъ 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона и людей отъ разныхъ частей, находившихся при повозкахъ. Но и здѣсь, несмотря на стремительность натиска, непріятель потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. Во время рукопашной схватки, происшедшей въ колесномъ обозѣ, у насъ убиты два казака.

Съ приближеніемъ пѣхоты, головныя части отряда двинулись впередъ и заняли впереди лежащіе холмы. Непріятель еще нѣсколько разъ бросался на войска съ большою смѣлостью и неоднократно подскакивалъ шаговъ на 150 къ стрѣлковымъ цѣпямъ; но когда, выставили на позицію 4 орудія и открыли изъ нихъ огонь, — хивинцы отступили съ высотъ и направились частію въ Мангытъ, частію же заняли туркменскій кишлакъ, расположенный вправо отъ дороги. Войска, продолжая центромъ и лѣвымъ флангомъ боеваго расположенія движеніе къ городу, правымъ флангомъ (Апшеронскія роты) направились къ туркменскимъ жилищамъ, для выбитія засѣвшаго тамъ непріятеля, который, не выждавъ приближенія русскихъ, быстро отступилъ къ городу. Для разоренія туркменскаго кишлака и для преслѣдованія хивинцевъ, ушедшихъ отсюда, направлены были кавказскія сотни. Остальныя войска обоихъ отрядовъ двинулись къ городу двумя колоннами: правая, — изъ роты Ширванскаго, роты Самурскаго полковъ и 2-го Оренбургскаго линейнаго баталіона, — вступила въ Мангытъ черезъ сѣверныя ворота, а лѣвая — изъ Апшеронскихъ ротъ, при которыхъ находился начальникъ Мангишлакскаго отряда, — вошла въ городъ черезъ сѣверо-восточныя.

У городскихъ воротъ генерала Веревкина встрѣтила депутація, объявившая, что городъ не намѣренъ защищаться и жители никакого участія въ дѣлѣ подъ Мангытомъ не принимали. Генералъ Веревкинъ обѣщалъ депутаціи, что если городъ безусловно отдастся на волю побѣдителей, мирно встрѣтитъ войска и исполнитъ все, что ему будетъ предписано, то ничего изъ достоянія жителей не тронется и жизни ихъ даруется пощада. Затѣмъ, привѣтствуемая мангытцами, колонна безпрепятственно начала проходить чрезъ городъ; повидимому, ничто не предсказывало печальной судьбы Мангыта, постигшей городъ въ тотъ же день, спустя нѣсколько мгновеній, послѣ того какъ голова отряда вышла изъ черты городскихъ предмѣстій. Хотя въ отрядѣ и господствовало мнѣніе, что жители Мангыта — большею частью узбеки — принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ, тѣмъ не менѣе, какъ ни были сильно всѣ возбуждены противъ непріятеля, покорность горожанъ избавляла ихъ отъ мести. Не подай сами жители повода разразиться сдерживаемой дисциплиной злобѣ солдатъ, дѣло обошлось бы безъ кровопролитія и страшныхъ сценъ, разыгравшихся на улицахъ Мангыта и всегда неизбѣжныхъ при военной расправѣ. Дѣло началось съ того, что по небольшой саперной командѣ, оставленной для исправленія моста черезъ арыкъ, проходившій передъ городской стѣной, послѣ переправы черезъ него артиллеріи,

была открыта со стѣны города пальба, которая, не причинивъ вреда рабочимъ, повлекла за собой избіеніе виновниковъ безумной попытки оказать намъ сопротивленіе.

Въ то же время части войскъ правой колонны, входившія въ городъ, не только слышали выстрѣлы, но, будучи сами встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ нѣкоторыхъ домовъ, бросились разламывать подозрительныя зданія. Найдя тамъ взмыленныхъ и усталыхъ лошадей, обличавшихъ участіе хозяевъ въ дѣлѣ, войска расправились съ ними, какъ подсказывало имъ ихъ возбужденное состояніе. Какъ разъ въ это время началъ втягиваться въ городъ обозъ. Пыль, которую онъ поднималъ, а равно движеніе по узкимъ и кривымъ улицамъ затрудняли надзоръ за всѣми людьми, бывшими при верблюдахъ и при повозкахъ; вслѣдствіе чего нестроевые нижніе чины, солдаты и казаки, джигиты, чапары, верблюдовожатые и персіяне разсыпались по домамъ для баранты, превратившейся скоро въ грабежъ и убійство. Отъ неразлучныхъ съ этимъ безпорядковъ, вспыхнулъ пожаръ. Генералъ Веревкинъ, узнавъ о насиліяхъ, производимыхъ въ городѣ людьми, шедшими при обозѣ, для принятія энергическихъ мѣръ къ прекращенію грабежей, убійствъ и безпорядковъ, послалъ туда сильные патрули, при офицерахъ, благодаря усиліямъ которыхъ удалось, наконецъ, возстановить тишину и порядокъ въ городѣ и въ обозѣ; тѣмъ не менѣе, около 400 труповъ были послѣдствіемъ неурядицы, вызванной главнымъ образомъ самими жителями, открывшими пальбу по войскамъ. Что касается до движенія черезъ Мангытъ лѣвой колонны, то она подошла къ городу въ то время, когда уже тамъ раздавались выстрѣлы. Полковникъ Ломакинъ, встрѣченный жителями совершенно мирно, но слыша перестрѣлку въ городѣ, рѣшился на дальнѣйшее движеніе черезъ городъ только тогда, когда подтянулись всѣ части лѣвой клонны. Затѣмъ, построивъ изъ нихъ одну общую колонну, начальникъ отряда съ музыкой и въ порядкѣ провелъ войска черезъ Мангытъ совершенно безпрепятственно и безъ всякихъ случайностей.

Потери наши подъ Мангытомъ заключались въ 1-мъ оберъ-офицерѣ и 2-хъ казакахъ убитыми, и ранеными: въ 1-мъ юнкерѣ и 3-хъ рядовыхъ. Что касается потерь непріятеля, то ихъ опредѣлить было невозможно, хотя онѣ должны были быть значительны; при вступленіи войскъ въ городъ найдено много убитыхъ и раненыхъ, свезенныхъ съ поля стычки и оставленныхъ здѣсь отступившимъ хивинскимъ скопищемъ.

Отрядъ остановился на ночлегъ на южной сторонѣ города Мангыта, въ одной отъ него верстѣ, на каналѣ Арно-босу, причемъ мостъ, находившійся на противоположной сторонѣ города, въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря, былъ разрушенъ, для предохраненія отряда съ этой стороны отъ ночнаго нападенія.

На слѣдующій день, войска направились по дорогѣ къ городу Китаю. Опасаясь, чтобы мостъ, имѣвшійся на серединѣ перехода черезъ широкій и глубокій каналъ Аталыкъ-Арносу, не былъ разрушенъ или испорченъ непріятелемъ, генералъ Веревкинъ, до выступленія войскъ съ ночлега, послалъ саперную команду кавказскаго отряда, подъ прикрытіемъ сотни казаковъ, для устройства, въ случаѣ надобности, переправы.

Когда отрядъ отошелъ отъ мѣста ночлега версты двѣ, Веревкинъ приказалъ генеральнаго штаба подполковнику Скобелеву, съ сборною сотнею кавказскихъ казаковъ, ракетною командою Мангишлакскаго отряда и оренбургскою сотнею, повернувъ назадъ черезъ гор. Мангытъ, двинуться къ горѣ Кобе-тау и вдоль арыка Караузъ, для разоренія и уничтоженія расположенныхъ тамъ, туркменскихъ ауловъ, и для преслѣдованія части непріятельскихъ войскъ, ушедшихъ въ томъ направленіи послѣ мангытской стычки.

Переправа черезъ каналъ Аталыкъ была совершена благополучно: мостъ, не разрушенный непріятелемъ, оказался въ полной исправности. Только что хвостъ отряда перепра-

на фланги расположенія войскъ; но всѣ попытки непріятеля задержать движеніе были отражены и отрядъ продолжалъ путь безостановочно. Потерпѣвъ неудачу въ открытомъ нападеніи, непріятель рѣшился задержать слѣдованіе войскъ огнемъ изъ-за-закрытій. Это былъ первый случай подобнаго образа дѣйствій, и, повидимому, на него рѣшились не мгновенно, а обдумавъ заранѣе, судя по тому, что во многихъ домахъ и стѣнкахъ, мимо которыхъ шла дорога, были продѣланы бойницы. Однако непріятель и тутъ не сумѣлъ воспользоваться преимуществами, предоставляемыми ему мѣстностью. Не долго онъ удерживался за закрытіями; сдѣлавъ на воздухъ нѣсколько торопливыхъ выстрѣловъ и не выждавъ даже приближенія цѣпей, онъ поспѣшно выходилъ изъ-за-закрытій и ретировался. Только въ одномъ изъ небольшихъ кишлаковъ, окруженномъ густымъ садомъ и находившимся у самой дороги, засѣли нѣсколько человѣкъ и, подпустивъ нашу цѣпь, открыли пальбу, съ разстоянія 25 шаговъ, по свитѣ генерала Веревкина; но пальба эта не причинила никому вреда и, вслѣдъ за тѣмъ, непріятель быстро исчезъ изъ кишлака.

Пройдя около 10 верстъ, войска вступили на открытое мѣсто; здѣсь непріятель собрался и приготовился атаковать отрядъ по выходѣ его изъ садовъ. Какъ только показалась стрѣлковая цѣпь, хивинцы перешли въ наступленіе. Стрѣлки остановились на опушкѣ садовъ и открыли частый огонь, заставившій противника отхлынуть; вскорѣ вышли изъ садовъ на открытое мѣсто и остальныя части отряда. Частый огонь пѣхоты и артиллеріи, открытый съ близкихъ дистанцій по коннымъ массамъ непріятеля, произвелъ въ нихъ большія опустошенія и заставилъ скопище очистить равнину. Колонна продолжала движеніе и остановилась на привалъ у кладбища Удотъ. Чувствовалась настоятельная потребность въ отдыхѣ, потому что люди сильно утомились движеніемъ по пересѣченной мѣстности и, кромѣ того, необходимо было дать подтянуться обозу, который, вслѣдствіе узкости дороги и безпрестанныхъ переправъ черезъ арыки, шелъ медленно, очень растянулся и, одновременно съ нападеніемъ на боевыя части отряда, тревожился непріятелемъ. Атаки на обозъ были особенно часты и ведены энергично, подъ покровительствомъ благопріятной для того мѣстности. Хотя, при нападеніяхъ, хивинцамъ и удалось достигнуть нѣсколькихъ частныхъ успѣховъ, но, вообще, они несли пораженіе, несмотря на то, что поспѣвать прикрывавшимъ обозъ войскамъ на атакованные пункты было весьма затруднительно, такъ какъ имъ приходилось по нѣскольку разъ проходить одно и то-же пространство для отраженія возобновлявшихся нападеній, поддерживать порядокъ въ обозѣ и помогать верблюдамъ и повозкамъ при переходѣ черезъ различныя препятствія. Оренбургскіе казаки также не отставали отъ своихъ кавказскихъ товарищей. Потери наши 22 мая заключались въ убитыхъ—1-мъ унтеръ-офицерѣ Апшеронскаго полка и 5 казакахъ и раненыхъ—1 рядовомъ и 2 казакахъ и 6 лошадяхъ, выбывшихъ изъ строя; кромѣ того, изрублено непріятелемъ нѣсколько арбакешей изъ мѣстныхъ жителей, нанятыхъ для перевозки продовольствія Мангишлакскаго отряда, и отбиты три арбы съ провіантомъ и два верблюда съ вьюками. Изъ числа потерянныхъ вьюковъ одинъ принадлежалъ инженерному парку и часть вьюка состояла изъ ящика съ мостовыми болтами, ключами, гвоздями, инструментами плотничьими и частью кузнечными; словомъ—съ самыми необходимыми вещами при сборкѣ моста. Такая потеря тѣмъ болѣе была чувствительна, что не дальше какъ на другой день встрѣтилась надобность въ этихъ вещахъ при наводкѣ моста черезъ Клычъ-Ніязъ-бай.

Сдѣлавъ 16 верстъ, отрядъ остановился на ночлегъ у селенія Янги-янъ. Несмотря на такой незначительный переходъ, войска дошли до ночлега только въ 4 часа пополудни, а обозъ прибылъ уже вечеромъ.

Потери непріятеля въ дѣлѣ подъ Янги-яномъ, сравнительно съ нашими, надо полагать,

были весьма велики, судя по тому, что въ тотъ день ему часто приходилось попадать подъ огонь пѣхоты, въ особенности при нападеніи на обозъ, гдѣ стрѣльба производилась почти въ упоръ. Болѣе другихъ имѣла случай отличиться и поразить непріятеля 1-я стрѣлковая рота Апшеронскаго полка, капитана Усачева, прикрывавшая верблюжій транспортъ. Много непріятельскихъ труповъ осталось разбросанными на равнинѣ передъ Янги-Яномъ, въ садахъ и по арыкамъ; въ точности же опредѣлить какъ цифру потери хивинцевъ, такъ равно и число сражавшихся непріятельскихъ войскъ весьма трудно, хотя, по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ жителей, силы непріятельскія простирались до 10 т. человѣкъ; впрочемъ, цифра эта весьма гадательна.

По той энергіи, которую непріятель обнаружилъ 22 мая, можно было заключить, что хивинцы предполагали дать русскимъ войскамъ подъ Янги-Яномъ рѣшительный отпоръ, такъ какъ, повидимому, они все еще не падали духомъ, вѣрили въ свои силы и надѣялись, выставивъ противъ насъ многочисленное скопище, заградить намъ путь. На случай, если-бы же не удалось задержать нашъ отрядъ, у нихъ была попытка вступить въ мирные переговоры, для чего слѣдовавшій при ихъ войскахъ ханскій посланецъ долженъ былъ ѣхать въ лагерь отряда и вручить его начальнику письмо отъ хана. Дѣйствительно, какъ только войска стали располагаться на ночлегъ, на аванпосты явился, съ небольшой свитой, какой-то важный хивинецъ съ просьбою о допускѣ его къ генералу Веревкину, которому онъ имѣлъ передать ханское письмо. Въ письмѣ этомъ, «достопочтенному могущественному и любезному лейтенанту губернатору» выражалось прежде всего удивленіе хана о причинахъ вторженія русскихъ въ его владѣнія, такъ какъ никакихъ предлоговъ для враждебныхъ дѣйствій, по его мнѣнію, не существовало. Онъ никакъ не могъ понять, чтобы пять или 10 человѣкъ русскихъ, бывшихъ въ Хивѣ и жившихъ тамъ, по дружбѣ, безобидно и къ тому же отпущенныхъ на родину, могли послужить предлогомъ для войны. Затѣмъ ханъ, увѣдомляя о вступленіи въ сношенія съ генераломъ Кауфманомъ, просилъ генерала Веревкина остановить дальнѣйшее движеніе на три дня и выяснить условія для заключенія мира, подобно тому, какъ сдѣлалъ Туркестанскій генералъ-губернаторъ, остановившійся въ Ташъ-Саки и обязавшійся пробыть тамъ три дня въ ожиданіи исхода переговоровъ[3]. Генералъ Веревкинъ, согласно полученной имъ на этотъ предметъ инструкціи, словесно отвѣчалъ посланному, что, не имѣя уполномочій вести переговоры, онъ не считаетъ себя въ правѣ остановить войска безъ приказанія генерала Кауфмана.

Вслѣдствіе полученныхъ въ тотъ же день слуховъ, что Туркестанскій отрядъ занялъ уже нѣсколько дней тому назадъ Хазараспъ и направляется къ Хивѣ, генералъ Веревкинъ рѣшился измѣнить первоначальный планъ движенія на Новый-Ургенчъ и идти, для соединенія съ генераломъ Кауфманомъ, прямо на Хиву, черезъ города Кятъ и Кошъ-купыръ, расчитывая прибыть туда одновременно съ войсками туркестанскими. Къ такому рѣшенію склоняли генерала Веревкина: 1) отступленіе самаго непріятеля въ направленіи къ Хивѣ и 2) удобство для движенія войскъ по прямой дорогѣ, какъ менѣе пересѣченной, сравнительно съ кружнымъ путемъ черезъ Новый-Ургенчъ.

23-го мая соединенные отряды продолжали движеніе, выступивъ съ ночлега въ 6 часовъ утра. Непріятель, показавшійся передъ войсками, не предпринималъ ничего рѣшительнаго ни противъ отряда, ни противъ обоза, и, повидимому, только наблюдалъ за движеніемъ русскихъ, потому что съ приближеніемъ ихъ онъ немедленно и быстро удалялся, портя за собой переправы черезъ арыки. Но испорченные наскоро мосты черезъ широкіе

3) Какъ оказалось потомъ, Туркестанскій отрядъ никакой остановки не дѣлалъ, а генералъ Кауфманъ никакихъ обязательствъ въ этомъ родѣ никому и никогда не давалъ.

арыки быстро исправлялись, и отрядъ, безостановочно направляясь впередъ, къ 9-ти часамъ утра, въ верстахъ семи отъ ночлега, подошелъ къ большому каналу Клычъ-Ніязъ-бай, мостъ на сваяхъ черезъ который оказался сожженнымъ отступавшими впереди скопищами. Ширина канала Клычъ-Ніязъ-бай была до 27 саженъ, а глубина до 4 футовъ, при быстромъ теченіи. При такихъ условіяхъ переправа въ бродъ становилась невозможною, а навести мостъ изъ имѣвшихся въ инженерномъ паркѣ матеріаловъ также было нельзя, такъ какъ всѣ мостовыя принадлежности, возившіяся при отрядѣ, расчитаны были для длины не болѣе 15 саженъ. Такимъ образомъ, движеніе войскъ поневолѣ пріостановилось и отрядъ приступилъ къ устройству моста изъ матеріаловъ имѣвшихся подъ рукой. Несмотря на неблагопріятныя условія, работа быстро подвигалась впередъ и мостъ окончательно устроенъ къ 1-му часу ночи. Но въ три часа вода въ каналѣ стала прибывать, и усилившимся теченіемъ подмыло одинъ козелъ, поставленный на отмели, такъ что мостовая настилка съ одной стороны опустилась въ воду. Когда разобрали поврежденную часть моста, оказалось, что козелъ былъ совсѣмъ опрокинутъ въ образовавшуюся отъ подмыва яму, глубиною до 5 футовъ; поэтому связали новый козелъ, большій прежняго и, установивъ его въ яму, снова уложили прежнія переводины и настилку. Въ 4 часа утра, 24-го мая, исправленіе моста окончено, и въ 5 часовъ началась переправа. Первымъ пошло стальное 4-хъ-фунтовое орудіе Мангишлакскаго отряда, и хотя спускъ былъ разработанъ полого, но лошади, не сдержанныя ѣздовыми, рысью въѣхали на мостъ. Орудіе, благополучно миновавъ первую половину моста съ досчатой настилкой, а также большую часть фашинной, — обломило одну перекладину въ томъ мѣстѣ, гдѣ мостовое полотно, вслѣдствіе подмыва козелъ, образовало ложбину, за которою слѣдовалъ подъемъ на корневую часть моста у противоположнаго берега. Глубина не превышала 1 1/2 фута, почему мостовыя переводины, послѣ подлома перекладины, уперлись въ дно и настилка осталась непрерывною, образовавъ только глубокую ложбину съ болѣе крутымъ подъемомъ къ берегу. Орудіе съ помощію людей было вывезено безъ поврежденія. Однако этотъ случай помѣшалъ успѣху переправы: потребовалось около получаса времени на исправленіе поломки, и, въ концѣ-концовъ, пришлось обратиться къ перевозкѣ артиллеріи и экипажей на людяхъ, что сопрягалось съ большой потерей времени и труда. Къ 9-ти часамъ утра всѣ войска, колесный обозъ и почти весь верблюжій транспортъ сосредоточились на противоположномъ берегу, за исключеніемъ лишь инженернаго и артиллерійскаго парковъ: послѣдній, во избѣжаніе подмочки огнестрѣльныхъ припасовъ, не рѣшились пустить въ бродъ на верблюдахъ и перенесли по мосту на людяхъ.

Еще 23-го мая, какъ только отрядъ расположился у Клычъ-Ніяза, полковникъ Леонтьевъ, съ 4-мя сотнями казаковъ (двумя уральскими, одной дагестанской и одной кизляро-гребенскою), былъ направленъ вплавь, черезъ каналъ, для очистки отъ непріятеля лѣса, находившагося на противоположномъ берегу, изъ котораго раздавались фальконетные выстрѣлы по войскамъ, а также для занятія большаго моста на рѣкѣ Алдачъ, верстахъ въ 6-ти отъ Клычъ-Ніязъ-бая. Переправясь черезъ каналъ, сотни Леонтьева на рысяхъ направились къ лѣсу, занятому хивинцами, которые, завидѣвъ русскихъ, тотчасъ же стали быстро отступать. Казаки настойчиво преслѣдовали непріятельскихъ всадниковъ, съ цѣлію не дать имъ уничтожить гать и мостъ, находившійся на рѣкѣ Алдачъ. Благодаря быстрому наступленію кавалеріи, переправа черезъ рѣчку досталась намъ неиспорченною.

Главныя силы, переправившись черезъ Клычъ-Ніязъ-бай, двинулись къ городу Кяту, куда раньше того направленъ подполковникъ Скобелевъ съ двумя сотнями конницы, для занятія въ городѣ моста черезъ каналъ Ярмышъ. Скобелевъ явился къ мосту и занялъ

его какъ разъ въ то время, когда непріятель уже собирался ломать его. Вслѣдъ за авангардомъ, ни кѣмъ не тревожимый, отрядъ спокойно подвигался, не встрѣчая никакихъ затрудненій при переправахъ черезъ небольшіе арыки и попадавшіеся на пути мосты; послѣдніе, равно и дорога были исправлены жителями ближайшихъ кишлаковъ, депутаціи отъ которыхъ явились въ отрядъ.

Главныя силы, пройдя отъ Клычъ-Ніязъ-бая 12 верстъ и переправившись черезъ каналъ Ярмышъ, остановились для ночлега у города Кята. Двигаться дальше генералъ Веревкинъ не хотѣлъ, желая дать возможность подтянуться войскамъ и тяжестямъ, оставшимся на переправѣ у Клычъ-Ніязъ-бая. Авангардъ продвинулся впередъ къ переправѣ черезъ каналъ Кятъ-Купыръ, верстахъ въ 6-ти отъ города Кята. Подойдя къ мосту на этомъ арыкѣ, подполковникъ Скобелевъ встрѣтилъ непріятельскій пикетъ, который, послѣ незначительной перестрѣлки, удалился; но мостъ оказался уже испорченнымъ: его бревенчатую настилку хивинцы разобрали. Расположивъ авангардъ на ночлегъ, Скобелевъ сейчасъ же распорядился заготовленіемъ необходимыхъ матеріаловъ для исправленія поврежденной части моста. Казаки дружно принялись за работу и всю ночь неутомимо таскали на себѣ и на лошадяхъ бревна, фашинникъ и землю, а затѣмъ приступили и къ поправкѣ моста. Когда утромъ, 25 мая, главныя силы подошли къ авангарду, то мостъ уже былъ вполнѣ готовъ и выдержалъ переправу отряда.

Между тѣмъ, пока совершалось передвиженіе главныхъ силъ къ г. Кяту, тяжести, оставшіяся на каналѣ Клычъ - Ніязъ - баѣ, продолжали переправляться на рукахъ. Къ сожалѣнію, работа эта, несмотря на все усердіе носильщиковъ, подвигалась медленно, такъ что къ 4-мъ часамъ пополудни успѣли переправить только $^3/_4$ всего груза. Распоряжавшійся переправой, инженерный капитанъ Красовскій, видя, что до наступленія темноты времени остается немного, предложилъ, для ускоренія переправы, перевезти остальныя артиллерійскія тяжести на верблюдахъ, пустивъ ихъ въ бродъ и измѣнивъ лишь способъ вьючки ящиковъ, для предохраненія отъ подмочки. Дѣйствительно, когда ящики, вьючившіеся стоймя на особыхъ лѣсенкахъ, прицѣпили логомъ, то на самомъ глубокомъ мѣстѣ канала верблюды прошли, не подмочивъ вьюка; для предупрежденія же паденія верблюдовъ, къ каждому назначено было по четыре человѣка, которые помогали верблюду спуститься въ воду, сопровождали по водѣ и помогали ему выбраться на противоположный берегъ. Такимъ образомъ, въ полчаса были переправлены остальные 200 ящиковъ. Въ 5 час. 20 мин. началась разборка моста, на что, а равно и на вьючку предметовъ инженернаго парка и сформированіе транспорта, потребовалось 40 минутъ. Въ 6 часовъ аріергардъ со всѣми тяжестями выступилъ въ Кяту. Вынужденный, при наступленіи темноты, останавливаться, чтобы дать подтянуться отставшимъ верблюдамъ и арбамъ, онъ присоединился къ главнымъ силамъ только въ 11 часовъ ночи.

На стоянкѣ у города Кята было получено письмо отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, помѣченное 21-го мая. Изъ этого письма усматривалось, что Туркестанскій отрядъ 16-го числа находился около уроч. Акъ-Камыша, и, послѣ предпринятой того же числа рекогносцировки, генералъ Кауфманъ началъ переправу у Шейхъ-Арыка на лѣвый берегъ Аму-Дарьи. Въ то время, когда писалось письмо, большая половина отряда уже переправилась и войска приступили къ формированію обоза изъ арбъ, для дальнѣйшаго похода къ Хивѣ, черезъ г. Хазараспъ. Такимъ образомъ, слухъ о занятіи г. Хазараспа туркестанскимъ отрядомъ не подтвердился. Въ отвѣтъ на полученное письмо, генералъ Веревкинъ, увѣдомляя генерала Кауфмана о положеніи дѣлъ въ отрядѣ и о послѣднихъ дѣйствіяхъ съ непріятелемъ, прибавилъ, что онъ двинется къ Хивѣ, въ окрестностяхъ которой

остановится и будетъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ главнаго начальника войскъ хивинской экспедиціи.

25-го мая главныя силы выступили изъ лагеря при Кята и двинулись по мѣстности, пересѣченной арыками, съ весьма плохими мостиками, требовавшими постоянныхъ исправленій. Соединившись на Кятъ-Купырѣ съ авангардомъ, начальникъ отряда приказалъ подполковнику Скобелеву по возможности скорѣе направиться къ городу Кошъ-Купыру и постараться захватить переправы на Шахъ-Абатѣ (Шабатѣ) и на Казаватѣ, при которомъ расположенъ Кошъ-Купыръ. Скобелевъ, съ двумя сотнями казаковъ, двинулся для исполненія возложеннаго порученія, торопясь захватить переправу, ибо, по слухамъ, непріятель занималъ еще Кошъ-Купыръ, имѣя свои пикеты впереди города; нужно было помѣшать хивинцамъ испортить при отступленіи мостъ. Не доходя до города верстъ трехъ, въ пескахъ, по которымъ пролегала дорога, наѣздники изъ сунженскихъ казаковъ наткнулись на непріятельскій пикетъ человѣкъ въ 50. Стремительно атаковавъ его, сунженцы на плечахъ непріятеля помчались къ городу, стараясь одновременно съ нимъ подскакать къ мосту. Подполковникъ Скобелевъ, опасаясь, какъ бы казаки не попались въ засаду, приказалъ взводу сунженскихъ казаковъ слѣдовать въ карьеръ на помощь товарищамъ, а самъ, съ остальными казаками, продолжалъ движеніе рысью по дорогѣ. Казаки ворвались въ городъ и подскакали къ мосту въ тотъ моментъ, когда послѣдній непріятельскій всадникъ готовился его поджечь, и, конечно, вслѣдствіе этого, не въ состояніи оказался исполнить своего намѣренія. Занявъ сады на противоположномъ берегу Казавата, хивинцы выстрѣлами встрѣтили подходившій дивизіонъ. Подполковникъ Скобелевъ приказалъ 50-ти казакамъ спѣшиться, переправиться на тотъ берегъ и выбить непріятеля. Подъ непріятельскимъ огнемъ и по разломанному отчасти уже мосту казаки перебѣжали, и одно появленіе ихъ вблизи садовъ заставило хивинцевъ прекратить пальбу и поспѣшно очистить сады. Къ 4-мъ часамъ пополудни, подошли главныя силы къ Кошъ-Купыру и, въ полуверстѣ отъ него, остановились лагеремъ, сдѣлавъ въ этотъ день около 17-ти верстъ; люди и лошади были сильно утомлены переходомъ черезъ бугристые пески Чукуръ-кумъ, пересѣкавшіе путь отряда во второй половинѣ перехода. Городъ Кошъ-Купыръ оказался покинутымъ жителями, по приказанію хана перебравшимися въ Хиву для защиты столицы.

На слѣдующій день отрядъ, пройдя черезъ Кошъ-Купыръ, двинулся къ Хивѣ. Начальникъ отряда предполагалъ выбрать гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Хивы удобное мѣсто для стоянки, расположиться тамъ лагеремъ и, произведя предварительно рекогносцировку городской стѣны, ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ генерала Кауфмана. Мѣстомъ, удовлетворявшимъ всѣмъ условіямъ хорошей стоянки, оказался лѣтній ханскій дворецъ Чинакчикъ, съ его окрестностями, на каналѣ Хотыръ-Тутъ, верстахъ въ 6-ти отъ Хивы. Садъ Чинакчикъ считался однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ ханомъ, который онъ чаще другихъ посѣщалъ и проводилъ большую часть лѣта. Превосходныя фруктовыя деревья, широкія прямыя аллеи, бассейны и цвѣтники придавали этому саду европейскій характеръ и указывали, что онъ воздѣланъ и обработанъ руками русскихъ плѣнниковъ; на многихъ деревьяхъ найдены вырѣзанныя на корѣ кресты, надписи «1869», «1870» и русскія имена.

Здѣсь отрядъ и расположился, сдѣлавъ 26-го мая совершенно спокойно переходъ въ 8 верстъ. Скобелевъ, съ авангардомъ изъ двухъ сотенъ, высланъ былъ версты на двѣ впередъ, по направленію къ Хивѣ, и ему приказано, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, оттѣснить его къ городу, но отнюдь не увлекаться преслѣдованіемъ.

Сначала генералъ Веревкинъ намѣревался послать изъ-подъ Хивы навстрѣчу Туркестанскому отряду сильный разъѣздъ, потому что, основываясь на слухахъ, впрочемъ, про-

тиворѣчившихъ письму генерала Кауфмана отъ 21-го мая, онъ предполагалъ, что туркестанскія войска должны уже находиться гдѣ либо въ окрестностяхъ Хивы, на юго-восточной сторонѣ столицы. Но свѣдѣнія, собранныя 26-го мая отъ жителей, не подтвердили такого предположенія: жители утверждали, что Туркестанскій отрядъ стоитъ въ Питнякѣ, верстахъ въ 70 отъ Хивы[4]. Вслѣдствіе этого генералъ Веревкинъ, опасаясь подвергнуть отдѣльному пораженію разъѣздъ, посылаемый на такое далекое разстояніе, отмѣнилъ отправленіе его и рѣшился оставаться у Чинакчика, въ ожиданіи приказаній отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не вынудятъ принять какія-либо другія мѣры.

Едва войска расположились лагеремъ, какъ послышались выстрѣлы впереди, въ томъ направленіи, гдѣ двигался авангардъ. Туда немедленно командирована кавалерія обоихъ отрядовъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ. Дѣло въ авангардѣ произошло такимъ образомъ. Пройдя около версты по узкой дорогѣ, пролегавшей между садами, огороженными глиняными стѣнками, подполковникъ Скобелевъ вышелъ на открытую поляну и замѣтилъ впереди себя, саженяхъ въ 300, значительную непріятельскую партію, разбиравшую мостъ черезъ большой арыкъ. Высланные впередъ наѣздники, послѣ довольно жаркой перестрѣлки, заставили непріятеля отойти отъ моста; затѣмъ, переѣхавъ мостъ, наѣздники бросились преслѣдовать хивинцевъ, бѣжавшихъ черезъ дефиле, между высокими стѣнами двухъ садовъ. Слѣдуя съ двумя сотнями за наѣздниками, подполковникъ Скобелевъ, прошелъ это дефиле и снова увидѣлъ передъ собою довольно сильную партію непріятеля, одна часть котораго занимала сады противъ лѣваго фланга, а другая—разъѣзжала по открытой мѣстности, противъ праваго фланга. Пользуясь смятеніемъ, произведеннымъ у противника быстрымъ появленіемъ нашей кавалеріи, Скобелевъ атаковалъ и обратилъ въ бѣгство хивинцевъ. Преслѣдованіе ихъ продолжалось на разстояніи не болѣе версты, причемъ у непріятеля изрублено нѣсколько человѣкъ и отбиты лошади изъ-подъ убитыхъ. Имѣя въ виду приказаніе не зарываться слишкомъ далеко, подполковникъ Скобелевъ началъ отходить къ главнымъ силамъ. Какъ только хивинцы замѣтили отступленіе авангарда, они тотчасъ же остановились и, собираясь все въ большія и въ большія толпы, намѣревались обрушиться на казаковъ. Спѣшивъ сотни и отстрѣливаясь отъ насѣдавшаго противника, Скобелевъ медленно отходилъ къ упомянутому дефиле, входъ въ которое обстрѣливался непріятельскими стрѣлками, занявшими стѣнки ближайшаго сада. Спѣшенный взводъ уральскихъ казаковъ, примкнувъ штыки, тотчасъ же выбилъ хивинцевъ изъ сада и затѣмъ направился къ противоположному выходу. Войдя въ дефиле, Скобелевъ продолжалъ отступленіе, оставивъ въ аріергардѣ два спѣшенныхъ взвода казаковъ, подъ начальствомъ ротмистра Алиханова, которые заняли передъ дефиле позицію и удерживали непріятеля огнемъ до тѣхъ поръ, пока не прослѣдовали черезъ тѣснину коноводы; а затѣмъ сами взводы стали, отстрѣливаясь, медленно отходить. Въ это время прискакали на выстрѣлы казачьи сотни обоихъ отрядовъ, подъ начальствомъ полковниковъ Теръ-Асатурова и Леонтьева, со взводомъ конной артиллеріи. Непріятель, завидѣвъ прибывшія подкрѣпленія, началъ поспѣшно отступать провожаемый выстрѣлами артиллеріи и преслѣдуемый двумя сотнями казаковъ. Прогнавъ хивинцевъ въ городъ, сотни возвратились въ лагерь. Потеря наша въ авангардѣ была незначительна: ранены два казака и нѣсколько лошадей; сколько же ранено и убито у хивинцевъ—неизвѣстно.

Весь остальной день, 26-го мая, и ночь на 27-е прошли спокойно, если не считать одиночныхъ нападеній хивинцевъ, на передовые посты авангарда, усиленнаго къ вечеру 3-ю стрѣлковою ротою Апшеронскаго полка и двумя ракетными станками.

[4] Въ дѣйствительности Туркестанскій отрядъ 26-го мая былъ подъ Хазараспомъ, въ 65-ти верстахъ отъ Хивы.

Выгодное для насъ положеніе сада Чинакчика дало возможность заготовить въ близкомъ отъ лагеря разстояніи достаточное количество фуража для лошадей; верблюды же по трудности накосить для нихъ достаточное количество корма, паслись недалеко отъ лагеря, на поляхъ и пустыряхъ, внутри расположенія аванпостовъ. Часовъ въ 9-ть утра, 27-го мая, хивинцы, пробравшись садами къ самой аванпостной цѣпи, къ той ея части, которая прикрывала лѣвый флангъ лагернаго расположенія и верблюжій табунъ, бросились разомъ всей массой, съ гикомъ и ружейной пальбой, оттѣснили ближайшіе посты и, обскакавъ часть табуна, погнали верблюдовъ къ городу.

Подполковникъ Гротенгельмъ, командиръ Оренбургскаго баталіона, расположеннаго на лѣвомъ флангѣ, вблизи табуна, услыхавъ пальбу и завидѣвъ непріятельскихъ всадниковъ, немедленно направилъ двѣ роты къ мѣсту нападенія. Быстро подбѣжавшая пѣхота открыла огонь по нападавшимъ. Хивинцы, видя сомкнутыя части войскъ и поражаемые выстрѣлами, торопились уйти, бросивъ часть захваченныхъ верблюдовъ. Въ это время 3-я стрѣлковая рота Апшеронскаго полка, поручика Алхазова, по случаю полковаго своего праздника (день св. Троицы) возвращалась изъ авангарда въ главныя силы, будучи смѣнена 1-ю стрѣлковою ротою Ширванскаго полка. Завидѣвъ хивинцевъ, переправлявшихся съ добычею черезъ арыкъ, поручикъ Алхазовъ остановилъ роту и открылъ по непріятелю огонь учащенными залпами. Хивинцы два раза пытались-было обрушиться всею своею массою на горсть Апшеронскихъ стрѣлковъ, но оба раза отбиты, съ большою потерею въ людяхъ и лошадяхъ. Труповъ было навалено столько, что начальникъ отряда, проѣзжая къ авангарду, невольно обратилъ на это вниманіе. «Какая команда?» спросилъ онъ у поручика Алхазова, и на его отвѣтъ, что это 3-я стрѣлковая рота Апшеронскаго полка, благодарилъ стрѣлковъ: «Спасибо, ребята, славно работали!» [5].

Отправляясь изъ лагеря къ мѣсту стычки, генералъ Веревкинъ направилъ двѣ изъ подскакавшихъ сотенъ для преслѣдованія непріятеля и отбитія отъ него захваченныхъ верблюдовъ; одной сотнѣ приказано было остаться въ лагерѣ, другая же отошла къ ротамъ Оренбургскаго линейнаго баталіона. Всѣмъ остальнымъ войскамъ приказано не выходить изъ мѣстъ расположенія до полученія приказанія. Сдѣлавъ эти распоряженія, начальникъ отряда направился къ авангарду, откуда также слышались выстрѣлы, поручивъ начальнику штаба, полковнику Саранчову, остаться на лѣвомъ флангѣ при резервѣ. Обходъ непріятелемъ лѣваго фланга былъ своевременно замѣченъ изъ авангарда, и, по полученіи объ этомъ извѣстія, подполковникъ Скобелевъ, оставивъ 1-ю стрѣлковую роту Ширванскаго полка на мѣстѣ и пославъ приказаніе 3-й стрѣлковой ротѣ Апшеронскаго полка возвратиться къ авангарду, самъ, съ дивизіономъ казаковъ и ракетными станками, двинулся впередъ. Подъѣхавъ къ аванпостамъ, онъ увидѣлъ незначительные непріятельскіе разъѣзды, въ то время какъ со стороны главныхъ силъ, отдѣленныхъ отъ него садами, раздавались гиканье и выстрѣлы. Догадавшись, что непріятель производитъ нападеніе на верблюжій табунъ, подполковникъ Скобелевъ рѣшился двинуться садами (съ расположеніемъ которыхъ онъ ознакомился наканунѣ, во время рекогносцировки), чтобы выйти непріятелю въ тылъ и отрѣзать ему путь отступленія. Пройдя версты двѣ садами, Скобелевъ увидѣлъ хивинцевъ, которые, въ числѣ около 1000 всадниковъ, гнали невдалекѣ отъ него, по равнинѣ, 400 отбитыхъ верблюдовъ. Какъ только авангардныя сотни выѣхали на открытую мѣстность, хивинцы открыли по нимъ пальбу изъ садовъ, находившихся на ихъ правомъ флангѣ.

5) Рота имѣла не болѣе 80-ти человѣкъ; остальные находились въ лагерѣ. При отраженіи атакъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, поручикъ Алхазовъ расположилъ свою роту повзводно, въ нѣкоторомъ разстояніи взводъ отъ взвода. Генералъ Веревкинъ замѣтилъ сначала взводъ съ ротнымъ командиромъ, почему и спросилъ «какая команда?»

Не обращая вниманія на хивинскую пѣхоту, сотни прежде всего атаковали непріятельскій конный отрядъ, гнавшій верблюдовъ. 4-й сотнѣ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подполковника Квинитадзе, удалось вернуть большую часть верблюдовъ, изрубивъ много непріятельскихъ всадниковъ. Въ это время показались сотни, скакавшія изъ лагеря. Подполковникъ Скобелевъ, остановивъ преслѣдованіе коннаго непріятеля, обратился противъ пѣхоты, которая, въ числѣ человѣкъ 500, вышла изъ садовъ на равнину. Хивинская пѣхота состояла частью изъ людей, вооруженныхъ ружьями, частью же имѣвшихъ пики и разное дреколье. Дагестанцы ударили на эту толпу съ фронта, а уральцы—съ фланга. Здѣсь опять произошла схватка. Сотни подполковника Квинитадзе и здѣсь работали покавказски. Рѣдкій изъ всадниковъ не изрубилъ трехъ-четырехъ хивинцевъ. Остатки толпы разсыпались, стараясь спастись въ ближайшихъ садахъ и арыкахъ.

Преслѣдуя неотступно, на сколько позволяла мѣстность, непріятеля, подполковникъ Скобелевъ остановилъ движеніе, въ виду утомленія лошадей; но прибывшая въ это время свѣжая оренбургская сотня доставила возможность отпустить въ лагерь людей съ наиболѣе утомленными лошадьми, спѣшить часть остальныхъ казаковъ и очистить отъ непріятеля сады.

Дѣло, начавшееся угономъ отрядныхъ верблюдовъ, разыгралось совершенной для непріятеля неудачей, благодаря находчивости и самостоятельности командира Оренбургскаго линейнаго баталіона полковника Гротенгельма, подполковника Скобелева, а главное чрезвычайно смѣлому и удачному дѣйствію Апшеронской полуроты поручика Алхазова и сотенъ конно-иррегулярнаго полка. Вся схватка рѣшилась до такой степени быстро, что когда генералъ Веревкинъ, выѣхавшій при первыхъ выстрѣлахъ, направился къ авангарду, то на пути туда онъ уже получилъ донесеніе объ успѣшной атакѣ авангарда, заставившей непріятеля бросить всѣхъ отбитыхъ верблюдовъ. Одновременно съ дѣломъ въ авангардѣ, шла перестрѣлка съ непріятелемъ на правомъ флангѣ лагеря, въ которой участвовали 4 роты Апшеронскаго полка. Апшеронцы взялись за винтовки, едва лишь окончено было молебствіе по случаю ихъ полковаго праздника.

Потери наши въ дѣлѣ 27-го мая состояли: изъ одного убитаго и раненыхъ: трехъ уральскихъ казаковъ и шести всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 12 раненыхъ лошадей и 70 убитыхъ, раненыхъ и искалѣченныхъ при быстрой гоньбѣ черезъ арыки верблюдовъ. Что касается до непріятеля, то потери его хотя въ точности и неизвѣстны, но были значительны.

По окончаніи перестрѣлки, войска соединенныхъ отрядовъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: въ авангардѣ оставлены двѣ роты пѣхоты и двѣ сотни, при двухъ ракетныхъ станкахъ изъ Кавказскаго отряда; при верблюдахъ и на аванпостахъ 1 $^1/_2$ сотни; на отдѣльномъ посту влѣво отъ лагеря—одна рота, остальныя войска, въ томъ числѣ и всѣ роты Апшеронскаго полка расположились въ лагерѣ.

Вечеромъ, 27-го числа, генералъ Веревкинъ приказалъ подполковнику Скобелеву, съ авангардомъ, произвести «тщательную рекогносцировку мѣстности, не далѣе двухъ верстъ передовой позиціи, съ тѣмъ, чтобы авангардъ къ ночи былъ переведенъ впередъ, если для этого выбрано будетъ удобное мѣсто» [6]. Рекогносцировка эта имѣла цѣлію выборъ новой позиціи для авангарда, ближе къ крѣпости, чѣмъ обезпечивалось спокойствіе войскъ во время ночлега.

Въ 5-мъ часу вечера, подполковникъ Скобелевъ, съ двумя сотнями и двумя ракетными станками, бывшими въ авангардѣ, двинулся по направленію къ Хивѣ, приказавъ пѣхотѣ

[6]) Реляція генерала Веревкина отъ 6-го Іюня № 493-й.

навьючить всѣ тяжести и быть въ полной готовности слѣдовать за кавалеріей, по первому требованію. Едва сотни отошли полверсты отъ своего лагеря, какъ съ фронта и фланговъ показались одиночные хивинскіе всадники, составлявшіе сторожевую цѣпь непріятеля; они поспѣшно отступили къ крѣпости. Затѣмъ, непріятельская конница, подкрѣпленная выѣхавшими изъ окрестныхъ садовъ и кишлаковъ всадниками, собравшись въ нѣсколько отдѣльныхъ кучъ, пробовала остановить наше движеніе, но дорога всякій разъ была очищаема ракетными выстрѣлами. Выбравъ, верстахъ въ двухъ съ небольшимъ отъ прежней стоянки, новую авангардную позицію, Скобелевъ предпринялъ обратное движеніе, чтобы, соединившись съ пѣхотой, передвинуться окончательно на вновь избранное для авангарда мѣсто. Когда хивинцы увидѣли, что казаки отступаютъ, то они ободрились и стали все ближе и ближе насѣдать на отходившія назадъ сотни, какъ бы вызывая ихъ на рукопашную схватку.

Желая еще засвѣтло перейти на новую позицію, подполковникъ Скобелевъ не заводилъ дѣла и продолжалъ отступать, не обращая вниманія на непріятеля. Но когда непріятель, принимая наше молчаливое отступленіе за нерѣшительность вступить съ нимъ въ бой, приблизился къ войскамъ слишкомъ близко, то Скобелевъ приказалъ двумъ взводамъ казаковъ произвести атаку, что исполнено съ успѣхомъ, и хивинская конница отброшена къ находившимся сзади садамъ. Съ цѣлью обезпечить движеніе отряда съ лѣвой стороны дороги, гдѣ мѣстность представляла болѣе удобства для нападенія непріятельской кавалеріи, выслана была пѣшая казачья цѣпь изъ 25 человѣкъ, съ приказаніями переходить отъ закрытія къ закрытію и ружейнымъ огнемъ задерживать непріятеля.

Какъ только пѣхота авангарда услышала сильную перестрѣлку, то немедленно выступила на соединеніе съ кавалеріею; завидѣвъ пѣхоту, хивинцы, не ожидая атаки, очистили сады. Вслѣдъ за тѣмъ авангардъ двинулся къ вновь избранной позиціи.

Выдвинутый на четыре версты отъ расположенія главныхъ силъ, авангардъ привлекъ на себя еще большее вниманіе непріятеля, чѣмъ наканунѣ; всю ночь, съ 27-го на 28-е мая, хивинцы обстрѣливали войска изъ ружей и фальконетовъ. Ожидая болѣе сильнаго нападенія непріятеля, генералъ Веревкинъ съ разсвѣтомъ подкрѣпилъ авангардъ одной сотней и двумя конными орудіями.

Весь день 27-го мая отрядъ занимался заготовкою предметовъ, потребоныхъ въ случаѣ штурма Хивы. Къ сожалѣнію, несмотря на самые тщательные розыски, въ окрестностяхъ Чинакчина не оказалось матеріаловъ, годныхъ для плетенія туровъ, вязки фашинъ и устройства штурмовыхъ лѣстницъ. Сакли, окружавшія ханскій садъ, принадлежали къ разряду бѣднѣйшихъ, а добытый изъ нихъ лѣсъ, тонкій, кривой и мелкій, негодился ни на какія подѣлки. Хворостъ могъ быть полученъ только обрубкою вѣтвей ивы и другихъ крупныхъ деревьевъ, но онъ негодился для плетенія туровъ и дѣланія фашинъ. Сплетенный изъ этого хвороста пробный туръ оказался неплотнымъ, угловатымъ, а связанныя фашины очень тяжелы. Лучшій хворстъ получался отъ молодыхъ тутовыхъ деревьевъ; а какъ ихъ въ окрестностяхъ Чинакчика было мало, то предполагалось на слѣдующій день послать саперную команду, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, для заготовленія потребнаго количества тутоваго хвороста въ дальнихъ садахъ. Но состоявшееся рѣшеніе двинуть отрядъ къ Хивѣ остановило приготовленіе саперныхъ матеріаловъ.

Впрочемъ, несмотря на затрудненія, съ которыми пришлось бороться инженерной части отряда, въ теченіи 27-го числа успѣли приготовить 5 туровъ, 36 фашинъ и одну штурмовую лѣстницу. Послѣдняя, сдѣланная изъ только что срубленныхъ тополей, при 25 футахъ длины, оказалась очень тяжела, такъ что потребовалось-бы 16 человѣкъ для носки ея ускореннымъ шагомъ при штурмовой колоннѣ.

На 28-е мая, по соединеннымъ отрядамъ — Мангишлакскому и Оренбургскому — была отдана слѣдующая диспозиція:

«Въ 11 1/2 часовъ утра войска, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ, выступаютъ съ мѣста расположенія по направленію къ г. Хивѣ. Сообразно съ этимъ начать вьючку верблюдовъ.

«Къ означенному часу войска выстраиваются въ полуверстѣ впереди лагеря.

«Для прикрытія верблюдовъ обоза назначаются двѣ линейныя роты 1-го Оренбургскаго баталіона, двѣ роты отъ войскъ Кавказскихъ и двѣ сотни по назначенію полковника Леонтьева. Для непосредственнаго прикрытія колеснаго обоза, которому слѣдовать кромѣ арбъ (идущихъ съ верблюдами), вслѣдъ за войсками, назначается взводъ отъ 2-го Оренбургскаго линейнаго баталіона при ротномъ командирѣ. Стрѣлковая рота 1-го баталіона поступаетъ въ вѣдѣніе полковника Гротенгельма».

Причины, побудившія генералъ-лейтенанта Веревкина перемѣнить позицію и передвинуться ближе къ Хивѣ, были слѣдующія.

Образъ дѣйствій непріятеля въ теченіи послѣднихъ двухъ дней (26-го и 27-го мая) обнаружилъ, что дерзость его увеличивается съ каждымъ днемъ и, вмѣсто отдыха, въ которомъ сильно нуждались войска послѣ 10-ти-дневнаго безостановочнаго движенія и постоянныхъ дѣлъ съ непріятелемъ, ведетъ къ совершенному ихъ изнуренію. Смѣлость хивинцевъ наводила также на мысль, что Туркестанскія войска еще далеко отъ Хивы, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, носились слухи, будто Туркестанскій отрядъ, по занятіи Хазараспа, отошелъ снова къ Питняку, а во-вторыхъ—неполученіе отъ генерала Кауфмана приказанія на донесеніе, посланное 26-го мая изъ Чинакчика, въ 5 экземплярахъ, по разнымъ дорогамъ. При такихъ обстоятельствахъ генералъ Веревкинъ счелъ наиболѣе благоразумнымъ выждать до полудня 28-го числа полученія приказаній отъ главнаго начальника войскъ, а затѣмъ сняться съ позиціи и произвести рекогносцировку Хивы.

Генералъ Веревкинъ предполагалъ дойти со всѣмъ отрядомъ только до позиціи авангарда и, оставивъ здѣсь тяжести, произвести рекогносцировку, съ цѣлью выбора мѣстъ, удобныхъ для бомбардированія города. О штурмѣ Хивы, при отсутствіи шурмовыхъ лѣстницъ, нечего было и думать, да наконецъ, и не предстояло настоятельной потребности въ немедленномъ овладѣніи городомъ: результаты кампаніи не измѣнялись, овладѣли ли бы Хивою днемъ раньше или позже.

Согласно отданной по войскамъ диспозиціи, отрядъ въ 11 1/2 часовъ утра выступилъ отъ Чинакчика. На протяженіи двухъ верстъ, дорога шла между засѣянными полями, по длинной и широкой аллеѣ, затѣмъ предстояла переправа частью по мосту, а частью по гати и въ бродъ черезъ небольшое озеро и широкій арыкъ. Войска шли въ одной колоннѣ. Пройдя мѣсто бивуака авангарда, отрядъ продолжалъ движеніе и вступилъ на песчаные барханы, предъ которыми открылась довольно обширная болотистая поляна. Войскамъ, составлявшимъ авангардъ, и обозу, съ его прикрытіемъ, приказано было временно пріостановиться, но не развьючивать тяжести. Показавшіяся кучки непріятельскихъ всадниковъ на полянѣ передъ песчаными барханами, послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ, быстро исчезли: одна часть ускакала по дорогѣ къ городу, а другая, большая, свернула вправо отъ дороги, мимо болота, и вошла въ сады предмѣстій. Однако войскамъ недолго пришлось идти широкимъ фронтомъ. Сдѣлавъ не болѣе версты отъ позиціи авангарда, отрядъ вошелъ въ черту городскихъ предмѣстій и долженъ былъ свернуть артиллерію и кавалерію въ глубокую походную колонну. Части эти слѣдовали по одной дорогѣ, пролегавшей между садами и саклями, пѣхота же шла по сторонамъ, на одной высотѣ съ орудіями, имѣя влѣво отъ дороги двѣ роты Оренбургскаго отряда, а вправо кав-

казскую пѣхоту въ двухъ колоннахъ: передней—изъ 9-й и 10-й линейныхъ и 4-й стрѣлковой ротъ Апшеронскаго полка и задней—изъ 2-й и 3-й стрѣлковыхъ ротъ Ширванскаго полка. Начальникъ отряда съ штабомъ ѣхалъ впереди артиллеріи по дорогѣ, на линіи стрѣлковой цѣпи. Путь, по которому двигались артиллерія и кавалерія, покрытъ былъ, по крайней мѣрѣ на четверть аршина, слоемъ тонкой пыли, вслѣдствіе чего надъ войсками поднялось такое густое пыльное облако, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. При такихъ условіяхъ уже не представлялось возможности поддерживать порядка въ движеніи, и каждая часть подвигалась впередъ, какъ позволяли обстоятельства и мѣстность. Кошъ-Купырская дорога, въ разстояніи не болѣе 600 саженъ отъ г. Хивы, выходитъ на Шахъ-Абадскую дорогу. Отрядъ, дойдя до пересѣченія этихъ двухъ дорогъ, круто повернулъ вправо къ Шахъ-Абадскимъ воротамъ городской стѣны. Только что штабъ вытянулся по новому направленію, какъ совершенно неожиданно раздалась пушечная пальба и загудѣли ядра надъ головами сопровождавшихъ начальника отряда. Проѣхавъ еще нѣкоторое разстояніе по дорогѣ, штабъ свернулъ въ сторону, чтобы очистить мѣсто слѣдовавшей за нимъ артиллеріи. Четыре орудія № 2-й батареи и пѣшій взводъ Оренбургскаго отряда немедленно развернулись и заняли позицію на площадкѣ, примыкавшей съ лѣвой стороны къ дорогѣ, остальная пѣхота продолжала наступленіе. Къ счастію, хивинскіе артиллеристы, давая вѣрное направленіе своимъ выстрѣламъ, принимали слишкомъ большой уголъ возвышенія, вслѣдствіе чего снаряды, перелетая черезъ головы, падали далѣе того мѣста, гдѣ войска выходили на Шахъ-Абадскую дорогу.

При нѣсколько иномъ дѣйствіи непріятельской артиллеріи, не смотря даже на самое плачевное состояніе матеріальной ея части, голова отряда, двигаясь узкимъ фронтомъ, могла бы понести весьма чувствительныя потери. Ядра ложились въ раіонѣ движенія пѣхоты второй линіи.

Въ то время, какъ артиллерія производила стрѣльбу, 4-я стрѣлковая и 9-я линейная роты Апшеронскаго полка (командиры ротъ капитанъ Бекъ-Узаровъ и штабсъ-капитанъ Левенцовъ), подъ начальствомъ маіора Буравцова, продолжали переходить изъ одного сада въ другой, съ одной поляны на другую. Наконецъ, онѣ совсѣмъ скрылись изъ виду. Эта колонна совершенно неожиданно наткнулась на небольшую кучку хивинцевъ, которые еще не успѣли отступить къ стѣнамъ города и, потому, дорого поплатились за свою медленность, оставивъ на мѣстѣ 27 тѣлъ.

Когда генералъ Веревкинъ со свитою перешелъ влѣво отъ дороги и приказалъ всѣмъ спѣшиться, чтобы не терпѣть понапрасну отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, Апшеронцы уже далеко опередили артиллерію. Опасаясь, чтобы они, обходя препятствія и забираясь вправо, не разорвались съ артиллеріею, начальникъ штаба Кавказскаго отряда, подполковникъ Гродековъ, поѣхалъ указать ротамъ направленіе. На пути онъ встрѣтилъ двухъ солдатъ, которые вели верблюда съ патронами, и на вопросъ, «гдѣ маіоръ Буравцовъ?» они отвѣчали, что не знаютъ, но должно быть уже далеко впереди. Поскакавъ впередъ по слѣдамъ Апшеронцевъ, подполковникъ Гродековъ, наконецъ, нагналъ ихъ передъ одной стѣнкой, которую они принялись ломать, чтобы проложить себѣ путь. Гродековъ сообщилъ маіору Буравцову, что Апшеронцы слишкомъ взяли вправо и что имъ слѣдуетъ держаться въ полоборота налѣво къ дорогѣ, чтобы войти въ связь съ артиллеріею. Вслѣдъ затѣмъ Гродековъ поѣхалъ отыскивать проходъ къ дорогѣ и въ то же время послалъ вольнонаемнаго слугу своего изъ гурійцевъ, Григорія Тхокадзе, впередъ посмотрѣть, нѣтъ-ли тамъ прохода влѣво. Григорій Тхокадзе поскакалъ впередъ и, все ища прохода, не замѣтилъ, какъ очутился у канала Полванъ-Ата, за которымъ стояли два орудія. Хивинцы замѣтили Тхокадзе и двое изъ нихъ, выскочивъ изъ-за канала, бросились на него. Тогда

Тхокадзе, отстрѣливаясь изъ револьвера, повернулъ назадъ, подъѣхалъ къ Апшеронцамъ и сказалъ капитану Бекъ-Узарову: «Бекъ-Узаровъ, не ходи, не ходи, убьютъ, тамъ стоятъ два орудія.» Но Апшеронцамъ только это и надо было. Разсыпавъ 4-ю стрѣлковую роту въ цѣпь, а 9-ю линейную построивъ во взводную колонну, маіоръ Буравцовъ двинулъ ихъ впередъ. Выбѣжавъ изъ-за угла дома на поляну, они на мгновеніе пріостановились, чтобы осмотрѣться. Передъ ними саженяхъ въ 50-ти, за каналомъ, стояли два орудія; по сю сторону канала, противъ моста, была баррикада по крайней мѣрѣ изъ 200 арбъ; по ту сторону канала, саженяхъ въ 120, возвышались зубчатыя стѣны съ башнями; со стѣнъ шла весьма оживленная стрѣлба по нимъ; сзади Апшеронцевъ наша батарея, за пылью не видя ихъ, стрѣляла прямо за ними, такъ что осколкомъ одной гранаты ударило по штыку рядоваго 4-й стрѣлковой роты и отбросило его на нѣсколько шаговъ. Апшеронцы, имѣя въ головѣ маіоровъ Буравцова и Аварскаго, капитана Бекъ-Узарова, штабсъ-капитана Левенцова, поручика Орлова и прапорщика Аргутинскаго-Долгорукова, бросились впередъ, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ городской стѣны, перебѣжали черезъ мостъ и овладѣли двумя орудіями. Натискъ ихъ былъ совершенъ съ такою быстротою, что хивинцы успѣли дать выстрѣлъ картечью только изъ одного орудія, стоявшаго за каналомъ; другое досталось въ наши руки не разряженнымъ. Орудійная прислуга и прикрытіе бѣжали къ городской стѣнѣ, поражаемые огнемъ стрѣлковъ.

Это молодецкое дѣло дотого поразило и озадачило непріятеля, что на нѣсколько мгновеній стрѣльба съ городскихъ стѣнъ совершенно замолкла.

Подошедшія въ это время казачьи сотни Оренбургскаго отряда къ тому мѣсту, гдѣ находился штабъ генерала Веревкина, во избѣжаніе потерь, которыя онѣ могли понести, находясь сзади нашей артиллеріи, на открытомъ мѣстѣ, были тотчасъ же направлены влѣво по дорогѣ, гдѣ и поставлены за садами, съ цѣлію прикрыть лѣвый флангъ расположенія войскъ.

Какъ только раздались крики «ура» Апшеронцевъ и прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ отъ маіора Буравцова, что орудія взяты, генералъ Веревкинъ приказалъ артиллеріи подъѣхать къ каналу Полванъ-Ата, и самъ со свитою поскакалъ туда же. Здѣсь онъ увидѣлъ такую картину: Апшеронцы, взявшіе орудія, находились по ту сторону канала, за небольшимъ домомъ, стоявшимъ у самаго моста; кромѣ баррикады по сю сторону моста, устроена была другая баррикада изъ арбъ по улицѣ, шедшей прямо къ стѣнѣ; кромѣ этой улицы, къ стѣнѣ вела еще другая, узкая и кривая, мимо кладбища. Непріятельскіе выстрѣлы со стѣны, по взятіи орудій, на минуту прекратившіеся, снова стали безпокоить войска. Лишь только генералъ Веревкинъ подъѣхалъ къ мосту, какъ маіоръ Буравцовъ доложилъ ему, что за кладбищемъ, всего саженяхъ въ 20, стоитъ еще одно орудіе, «*и честь взятія этого орудія Апшеронцы просятъ предоставить своимъ кунакамъ—Ширванцамъ.*» Въ это время къ каналу Полванъ-Ата подошла артиллерія и пѣхота. Артиллерія заняла позицію вдоль канала, лѣвѣе моста, прикрываясь насыпью, устроенною по обѣимъ сторонамъ канала; пѣхота Оренбургскаго отряда расположилась тоже за насыпью канала, лѣвѣе артиллеріи, а Ширванцы съ криками «ура» бросились черезъ мостъ, для овладѣнія третьимъ орудіемъ. То были чудныя, электризующія минуты, которыя воинъ испытываетъ въ бою,—все такъ и рвалось впередъ; 4-я стрѣлковая и 9-я линейныя роты Апшеронскаго полка, не довольствуясь взятіемъ двухъ орудій, пошли сами на помощь Ширванцамъ за третьимъ. Всѣ эти части бросились по узкой дорогѣ, ведущей къ кладбищу. Но, къ сожалѣнію, здѣсь дѣло вышло не такъ удачно, какъ съ первыми двумя орудіями. Изъ-за

арыка Полванъ-Ата, изъ-за большихъ могилъ кладбища и изъ-за баррикады, преграждавшей подступъ къ городской стѣнѣ, казалось, что орудіе стоитъ впереди стѣны и на одномъ съ нами горизонтѣ; но когда подбѣжали къ кладбищу, то обнаружилось, что хотя прислуга и прикрытіе при орудіи и были частью перебиты, а частью разбѣжались, но за то самое орудіе находится на большой высотѣ и захватить его безъ особыхъ приспособленій было невозможно. Роты находились у самой городской стѣны, и изъ-за башенъ людей били на выборъ. Прежде всего были ранены: *маіоры Буравцовъ и Аварскій и прапорщикъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ*; люди, не имѣя возможности штурмовать стѣны, не зная гдѣ ворота, прилегли за могилами, чтобы укрыться отъ убійственнаго огня непріятеля, но могилы представляли мало закрытія: сверху стѣны былъ видѣнъ почти каждый человѣкъ. Къ огню со стѣнъ присоединился огонь изъ медрессе, расположеннаго недалеко отъ стѣны, у самаго кладбища; тогда капитанъ Бекъ-Узаровъ, съ 20-ю своими стрѣлками, бросился въ зданіе и перекололъ тамъ всѣхъ хивинцевъ.

Въ то время какъ происходило вышеописанное, наша артиллерія и пѣхота, расположенныя за насыпью канала Полванъ-Ата, открыли огонь по городскимъ стѣнамъ, прямо черезъ головы войскъ, засѣвшихъ на кладбищѣ. Одна изъ гранатъ ударила въ уголъ медрессе и осколками кирпичей и извести засыпала солдатъ, засѣвшихъ возлѣ него на кладбищѣ, причемъ кирпичами контузило нѣсколько человѣкъ, а Ширванскаго полка подпоручика Ѳедорова ранило въ щеку. Какъ только узнали, что у Апшеронцевъ и Ширванцевъ есть раненые, немедленно былъ посланъ къ нимъ врачъ Мишвеловъ, который, вмѣстѣ съ священникомъ кавказскаго отряда Андреемъ Варашкевичемъ, устроилъ перевязочный пунктъ у кладбища, позади одного дома.

Огонь нашей артиллеріи, равно какъ и стрѣлковыхъ цѣпей, расположенныхъ по обѣимъ ея сторонамъ, содѣйствовалъ уменьшенію ружейнаго и пушечнаго огня со стѣнъ; нѣкоторыя хивинскія орудія были подбиты и замолчали.

Такъ какъ цѣль рекогносцировки была уже достигнута, то генералъ Веревкинъ нашелъ этотъ моментъ наиболѣе удобнымъ для отвода войскъ отъ стѣнъ и расположенія внѣ выстрѣловъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, выстроивъ для обстрѣливанія его демонтиръ и мортирную батарею, т. е. пришелъ къ тому положенію, занять которое предполагалось передъ началомъ нашего движенія изъ сада Чинакчика, отъ чего отрядъ былъ отвлеченъ случайно разыгравшимся дѣломъ, 28-го мая, подъ стѣнами г. Хивы.

Но не успѣлъ еще начальникъ отряда отдать соотвѣтствующихъ приказаній, какъ былъ раненъ пулею въ лицо, около лѣваго глаза. Генералъ Веревкинъ удалился на перевязочный пунктъ, поручивъ привести въ исполненіе предположенія, относительно дальнѣйшихъ дѣйствій войскъ, начальнику штаба соединенныхъ отрядовъ, полковнику Саранчову.

Занимаемое войсками положеніе въ это время было такое:

На противоположномъ берегу Полванъ-Ата, у самой городской стѣны, находились двѣ роты Апшеронскаго и двѣ — Ширванскаго полковъ, частью укрытыя зданіями, частью же стоявшія за могилами совершенно открыто. Перевязочный пунктъ этихъ ротъ былъ за саклею, близъ самой шахъ-абадской дороги, по сю сторону кладбища. Остальныя войска, кромѣ оставленныхъ въ тылу и при обозѣ, расположились, не переходя моста, по обѣимъ сторонамъ шахъ-абадской дороги, прикрываясь саклями и имѣя стрѣлковыя цѣпи и артиллерію вдоль по каналу, за береговою насыпью; оренбургскія сотни—на мѣстѣ, занятомъ ими въ началѣ дѣла; сотни Мангишлакскаго отряда—въ резервѣ на шахъ-абадской дорогѣ, позади кирпичныхъ заводовъ.

Подполковникъ Скобелевъ, находившійся съ войсками бывшаго авангарда въ тылу, заслышавъ сильную канонаду въ главныхъ силахъ и видя, что обозъ продолжаетъ безпрепятственно свое движеніе, рѣшился подойти ближе къ мѣсту дѣйствія, и въ описываемый моментъ дѣла былъ уже въ весьма небольшомъ разстояніи отъ боевыхъ линій.

Исполненіе приказанія объ отводѣ войскъ не представляло особыхъ затрудненій для частей, расположенныхъ по сю сторону канала. Пѣхота и кавалерія могли отойти безъ потерь, прикрываясь зданіями; только для батареи это дѣло явилось болѣе труднымъ, потому что приходилось брать въ передки подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но затѣмъ, пройдя нѣкоторое незначительное разстояніе, она выходила уже изъ сферы дѣйствительныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, ибо артиллерійскаго огня, за подбитіемъ орудій, на атакованномъ фронтѣ у защитниковъ Хивы не было.

За то отводъ назадъ четырехъ ротъ кавказскаго отряда и особенно кучекъ людей, занимавшихъ кладбище близъ самой городской ограды, равно какъ и увозъ двухъ взятыхъ Апшеронцами орудій, представлялось дѣломъ не только опаснымъ, но и грозило большими потерями. Роты надо было вывести изъ-за зданій въ какихъ нибудь пятнадцати саженяхъ отъ стѣны и затѣмъ отходить назадъ къ мосту, а людямъ, занимавшимъ кладбище, кромѣ того,—пролѣзать чрезъ могильные, густо наставленные памятники. Эти памятники, по своей малой высотѣ, не только не прикрывали отступавшихъ людей, но, напротивъ, затрудняли движеніе и тѣмъ задерживали ихъ большее время подъ крѣпостнымъ ружейнымъ огнемъ, хотя и производившимся изъ гладкоствольнаго оружія, но, тѣмъ не менѣе, весьма дѣйствительнымъ на такомъ близкомъ разстояніи. Пройдя кладбище и подобравъ раненыхъ и взятыя съ боя орудія, роты должны были свернуться въ колонну, чтобы перейти мостъ.

Отступленіе начато было съ тѣхъ четырехъ ротъ, которыя находились на городскомъ берегу канала Полванъ-Ата. Извѣстно, насколько трудно отступать въ порядкѣ подъ непріятельскимъ огнемъ и какъ тяжело для солдата отдавать мѣсто, для занятія котораго потрачено съ его стороны много усилій и пролито крови его товарищей. Отступленіе подъ огнемъ недаромъ считается пробнымъ камнемъ стойкости и дисциплины войскъ. Впрочемъ, на долю Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ, въ теченіи ихъ славной боевой жизни, не разъ выпадали положенія и болѣе трудныя, изъ которыхъ они всегда выходили съ честью для русскаго оружія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: опасное и трудное отступательное движеніе, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились Апшеронцы и Ширванцы, благодаря распорядительности подполковника Гродекова, было исполнено ими въ образцовомъ порядкѣ. Получивъ приказаніе отступать, роты очистили занятыя ими зданія, прошли безъ суеты кладбище, присоединили къ себѣ всѣхъ бывшихъ на перевязочномъ пунктѣ и затѣмъ подошли къ мосту. Здѣсь, для перевозки двухъ непріятельскихъ орудій, взятыхъ Апшеронцами, вызваны были охотники, которые немедленно явились изъ Апшеронцевъ же; перекрестясь, они ухватились за неуклюжіе станки, съ лежавшими на нихъ очень тяжелыми хивинскими пушками и потащили ихъ за собой черезъ мостъ. Усилившійся непріятельскій огонь съ началомъ отступленія не ослабѣвалъ ни на минуту, во все время обратнаго движенія этихъ ротъ, и весь былъ направленъ на наши отступавшія изъ-за арыка войска, въ особенности въ тѣ группы людей, которыя собрались около взятыхъ орудій, передъ переправой ихъ черезъ мостъ. Огонь былъ такъ силенъ, что по баррикадѣ изъ арбъ пули выбивали какъ будто дробь на барабанѣ. Чтобы ослабить непріятельскіе выстрѣлы, приказано было пѣхотѣ и артиллеріи, стоявшей по сю сторону арыка, открыть самый частый огонь по крѣпости, что заставило хивинцевъ на нѣкоторое время прекратить пальбу; этимъ

и воспользовались, чтобы перетащить орудія безъ потери въ людяхъ, хотя въ каждую пушку впрягалось человѣкъ по 50.

Какъ только Апшеронскія и Ширванскія роты прошли линію расположенія войскъ по сю сторону канала, и когда уже не требовалось покровительствовать нашимъ огнемъ ихъ отступленію, началось движеніе назадъ и остальныхъ частей войскъ главныхъ силъ. Непріятель не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки къ переходу въ наступленіе, и войска, не останавливаясь, прошли за позицію, занятую подполковникомъ Скобелевымъ въ тылу ихъ расположенія на шахъ-абадской дорогѣ, вблизи того мѣста, гдѣ стояла кавказская кавалерія.

Вслѣдъ за отступленіемъ главныхъ силъ, на мѣсто лагернаго расположенія (въ саду младшаго брата хана), отошелъ туда же и аріергардъ и началъ подходить обозъ.

Не успѣли войска стать лагеремъ, какъ изъ Хивы явилась депутація, во главѣ которой находился ишанъ, съ мирными предложеніями; но въ чемъ они заключались, — опредѣлить было трудно, такъ какъ въ донесеніи генерала Веревкина о событіяхъ этого дня ничего не говорится о сущности этихъ предложеній. По всей вѣроятности, они не отличались, вслѣдствіе уклончивости азіатовъ, особой ясностью и заключались скорѣе всего только къ просьбѣ прекратить съ нашей стороны пальбу по городу и дальнѣйшія военныя дѣйствія, не ставя взамѣнъ того для себя никакихъ обязательствъ. Депутація заявила, что ханъ ушелъ изъ города еще наканунѣ [7]), и въ Хивѣ царитъ безначаліе, вслѣдствіе раздоровъ между двумя партіями, изъ которыхъ—одна изъ людей, понимающихъ безполезность сопротивленія русскимъ, желала прекращенія войны, а другая — требовала продолженія сопротивленія во что бы то ни стало.

По порученію генерала Веревкина, переговоры съ депутатами велъ начальникъ Мангишлакскаго отряда полковникъ Ломакинъ, которымъ и предложены были депутаціи слѣдующія условія: 1) дѣйствія наши прекращаются на два часа; 2) по истеченіи ихъ, изъ города должна выйти депутація самыхъ почетныхъ лицъ и привезти съ собою, для выдачи, сколько успѣютъ собрать пушекъ и оружія; 3) такъ какъ генералъ Веревкинъ не уполномоченъ прекращать совершенно военныя дѣйствія, то старшее въ городѣ лицо немедленно должно отправиться на встрѣчу генералу Кауфману за рѣшеніемъ участи города, и 4) если, по истеченіи трехъ часовъ, не послѣдуетъ отвѣта, то городъ будетъ бомбардированъ. Условія эти были безотговорочно приняты депутаціей.

Дѣло 28-го мая подъ стѣнами Хивы является самымъ серьезнымъ изъ всѣхъ происходившихъ до того дня столкновеній нашихъ съ непріятелемъ въ теченіи экспедиціи 1873 года.

«Вся честь дѣла безспорно принадлежала 4-й стрѣлковой и 9-й ротамъ Апшеронскаго полка и артиллеріи Оренбургскаго и Мангишлакскаго отрядовъ, занимавшей позицію по каналу въ 120 саженяхъ отъ крѣпости» [8]).

Бой подъ стѣнами Хивы почему-то названъ усиленной рекогносцировкой; а между тѣмъ изъ самаго хода боя и изъ реляціи о немъ видно, что дѣло 28-го мая вполнѣ можетъ быть отнесено къ разряду, такъ называемыхъ въ тактикѣ, случайныхъ сраженій для одной изъ враждующихъ сторонъ, и такимъ именно оно и было для насъ.

Изъ реляціи генерала Веревкина видно, что съ разстоянія 1200 саженъ впервые открылись башни и минареты города Хивы, слѣдовательно отсюда и должны бы начаться дѣйствія, обыкновенно сопровождающія обозрѣніе укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій. Между тѣмъ, мы продолжали слѣдовать всѣми силами, въ порядкѣ, отчасти весьма неудобномъ для движенія подъ огнемъ и для рекогносцировки,

7) Это оказалось невѣрно: ханъ вышелъ изъ города передъ вечеромъ 28 мая.

8) Гродековъ. Хивинскій походъ 1873 г., стр. 306.

потому что густая пыль, поднятая массою лошадей, препятствовала дальнѣйшему обозрѣнію всего происходившаго впереди. Такъ войска шли, не приступая къ рекогносцировкѣ и не разсчитывая на штурмъ, къ которому не были приготовлены, пока первыя, просвистѣвшія надъ головами непріятельскія ядра не напомнили отряду, что онъ подошелъ очень близко къ столицѣ, и уже пора на что-нибудь рѣшиться.

Обозрѣніе было забыто. Все рванулось впередъ, пока передовыя части, захвативъ непріятельскую батарею, не уперлись въ городскую стѣну, преградившую имъ дальнѣйшее движеніе. Затѣмъ началось огнестрѣльное состязаніе съ непріятелемъ и потомъ обратное движеніе отъ Хивы. Свѣдѣнія, получаемыя при рекогносцировкахъ, веденныхъ такимъ образомъ, не могли быть особенно точны и обширны. Такъ и въ дѣлѣ 28-го мая, все добытое рекогносцировкою представлялось неполнымъ и заключалось въ слѣдующемъ: 1) что городская стѣна находилась въ 100 саженяхъ отъ канала Полванъ-Ата, о чемъ уже было давно извѣстно изъ плана Хивы съ ея окрестностями, составленнаго еще въ 1858 году и имѣвшагося въ отрядномъ штабѣ, и 2) сдѣлалось извѣстнымъ, что городскія стѣны малодоступны для атаки открытою силою,—явленіе, во всякомъ случаѣ присущее всѣмъ долговременнымъ укрѣпленіямъ, а въ томъ числѣ и азіатскимъ.

Наши потери въ сраженіи подъ Хивою заключались въ 4-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ, одной артиллерійской и трехъ казачьихъ лошадяхъ; ранены: 1 генералъ (генералъ-лейтенантъ Веревкинъ), 2 штабъ-офицера *(Апшеронскаго полка маіоры Буравцевъ и Аварскій)*, оберъ-офицеровъ 4 (въ числѣ ихъ Апшеронскаго полка *капитанъ Бекъ-Узаровъ* и прапорщикъ *Аргутинскій-Долгоруковъ*), нижнихъ чиновъ Кавказскаго отряда 33 и волонтеръ Тхокадзе; лошадей 7; контужено офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 5. У Апшеронцевъ убито было двое и ранено 14 нижнихъ чиновъ.

Многіе раненые нижніе чины не оставляли своихъ рядовъ и сохраняли рѣдкое мужество и присутствіе духа.

При взятіи медрессе, когда раненый командиръ 4-й стрѣлковой роты Апшеронскаго полка, капитанъ Бекъ-Узаровъ, отыскивая въ строеніяхъ непріятеля, наткнулся въ одной комнатѣ на трехъ хивинцевъ, и они бросились на него,—рядовой этой роты Малярчикъ, заградивъ своею грудью капитана Бекъ-Узарова, одного хивинца закололъ штыкомъ, а другаго положилъ пулею, но приэтомъ былъ раненъ самъ; что касается третьяго, то его убилъ изъ револьвера капитанъ Бекъ-Узаровъ.

При взятіи же медрессе одинъ изъ хивинцевъ бросился съ шашкою на капитана князя Меликова. Тогда рядовой 4-й стрѣлковой роты Караваевъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ офицера и выстрѣломъ въ упоръ положилъ непріятеля. Раненый въ это время другимъ хивинцемъ, Караваевъ однако не пошелъ на перевязочный пунктъ, а оставался въ медрессе до тѣхъ поръ, пока всѣ войска не были переведены за Полванъ-Ата.

Хотя потери непріятеля въ точности не были извѣстны, но, надо полагать, онѣ были велики, ибо 8 нашихъ орудій выпустили въ этотъ день 388 снарядовъ; направляемые съ близкаго разстоянія, въ большинствѣ въ верхнюю часть стѣны, болѣе тонкую, они пробивали ее и разрывались въ улицахъ города, за стѣнами котораго укрылись не только постоянные жители Хивы, но и собравшіеся туда изъ окрестныхъ поселеній, въ надеждѣ найти тамъ защиту себѣ и своимъ семействамъ.

Дѣйствіе нашей артиллеріи произвело въ городѣ страшное смятеніе и навело на жителей паническій страхъ. Когда кавказцы очутились у стѣны, то въ Хивѣ стали кричать, что русскіе уже ворвались въ крѣпость; народъ въ страшномъ перепугѣ бросался изъ улицы въ улицу, топталъ и давилъ другъ друга; люди, поставленные на стѣнахъ, броса-

лись внизъ и разбивались, потому что лѣстницы отъ стѣнъ были отняты, съ цѣлью заставить оборонявшихъ стѣны не покидать своихъ мѣстъ. Вслѣдствіе всего этого по улицамъ города валялось много труповъ. Чрезъ недѣлю, по занятіи Хивы, у шахъ-абадскихъ воротъ отъ вони разложившихся труповъ невозможно было стоять.

Послѣ отпуска депутаціи и по размѣщеніи войскъ въ лагерѣ, произведена была рекогносцировка мѣстности, ближайшей къ городу и лежащей по обѣимъ сторонамъ шахъ-абадской дороги, для выбора мѣста къ устройству демонтирной и мортирной батарей. Обозрѣніе производилось полковникомъ Саранчовымъ съ инженернымъ и артиллерійскимъ офицерами. Мѣста для батарей были выбраны: для демонтирной — въ 250 саженяхъ отъ Хивы, на дворѣ одного большаго загороднаго дома; для дѣйствій же изъ орудій прорѣзаны амбразуры въ глиняной стѣнѣ, окружавшей дворъ; мортирная батарея устроена въ 150 саженяхъ отъ города, также за глинянымъ заборомъ, фута въ четыре вышиною.

Демонтирную батарею вооружили 6-ю орудіями № 2-й конной батареи и двумя орудіями 21-й артиллерійской бригады, а мортирную—4-мя полупудовыми мортирами.

Въ прикрытіе батарей назначены 4 роты и 2 сотни казаковъ.

Двухчасовой срокъ перемирія, условленный при переговорахъ съ депутатами, уже истекалъ, а между тѣмъ почетныя лица все еще не пріѣзжали изъ города въ лагерь сдавать оружіе; напротивъ, хивинцы открыли даже огонь по возводимымъ нами батареямъ, совершенно, впрочемъ, слабый и безвредный. Когда же срокъ истекъ, то изъ Хивы прибылъ посланецъ, который заявилъ, что жители просятъ прекратить военныя дѣйствія до утра, и подтвердилъ при этомъ, что часть горожанъ не желаетъ сдачи, и вліянію этой партіи должны быть приписаны выстрѣлы, направляемые противъ нашихъ работъ. Полковникъ Саранчовъ, не придавая этому заявленію особаго значенія и видя въ немъ уловку, съ цѣлью затянуть дѣло, приказалъ, съ разрѣшенія генерала Веревкина, открыть огонь съ мортирной батареи. Едва было брошено нѣсколько гранатъ въ городъ, какъ снова явилась депутація съ просьбою пощады и прекращенія пальбы до утра, когда обстоятельства разъяснятся и получится отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя генералу Кауфману. Тѣмъ не менѣе, полковникъ Саранчовъ, съ цѣлію потрясти духъ непріятеля и тѣмъ понудить его къ рѣшительной сдачѣ, еще въ теченіи цѣлаго часа продолжалъ огонь, и затѣмъ, уступая просьбамъ депутаціи, прекратилъ его на три часа. Всего нами брошено было въ городъ изъ мортиръ 92 гранаты, произведшія пожаръ въ трехъ мѣстахъ. Съ демонтиръ-батареи выстрѣловъ не производилось.

Вскорѣ послѣ того, какъ была дана эта новая отсрочка, отъ генерала Кауфмана получено приказаніе прекратить бомбардированіе города и возобновить его лишь въ случаѣ, если непріятель вынудитъ насъ къ тому. Вслѣдствіе этого, хотя батареи и прикрытіе ихъ и были оставлены на занимаемыхъ ими мѣстахъ, но имъ было приказано не отвѣчать на отдѣльные непріятельскіе выстрѣлы до тѣхъ поръ, пока на то не будетъ получено особаго распоряженія. Ночь прошла спокойно, и только изрѣдка раздававшіеся съ крѣпости выстрѣлы нарушали ночную тишину и показывали, что въ Хивѣ есть еще люди, не угомонившіеся послѣ бомбардированія и разсчитывавшіе на борьбу съ нами, тѣмъ болѣе, что, какъ стало замѣтно къ утру, непріятель въ теченіи ночи успѣлъ задѣлать нѣкоторыя пробоины въ стѣнахъ и воротахъ, произведенныя нашими выстрѣлами наканунѣ. Такія, повидимому безцѣльныя и вызывающія дѣйствія хивинцевъ и приготовленія ихъ для послѣдняго отпора можно объяснить только отчаяніемъ и убѣжденіемъ найти въ насъ людей, не держащихъ своего слова и совершенно подобныхъ азіатскимъ завоевателямъ, одинаково

жестоко относившимся и къ сопротивлявшемуся и къ просящему пощады врагу. Съ нашей стороны на эти одиночные и безвредные для насъ выстрѣлы отвѣта не было.

Согласно полученнаго, 28 мая, вышеприведеннаго приказанія отъ главнаго начальника войскъ, Оренбургско-мангишлакскій отрядъ долженъ былъ направиться 29 числа на встрѣчу и соединеніе съ Туркестанскимъ отрядомъ, шедшимъ въ этотъ-же день отъ Янги-арыка къ Хивѣ. Въ 8 часовъ утра туркестанскимъ войскамъ надлежало быть верстахъ въ шести отъ Хивы, и соединенные отряды къ этому времени должны были перейти къ мосту Сары-Купрюкъ на арыкѣ Полванъ-Ата.

Генералъ Веревкинъ не нашелъ однако возможнымъ со всѣми силами, бывшими въ его распоряженіи, двинуться въ указанномъ ему направленіи, между прочимъ, по обилію раненыхъ, перевозка которыхъ представляла затрудненія. Поэтому на встрѣчу Туркестанскому отряду, рано утромъ 29 мая, отправились только двѣ роты, 4 сотни и два конныхъ орудія; съ этимъ отрядомъ послѣдовали полковники Ломакинъ и Саранчовъ. Остальныя войска остались на мѣстахъ, занятыхъ наканунѣ.

Утро 29-го мая застало положеніе дѣлъ на передовой позиціи передъ Хивой въ такомъ видѣ: войска находились на прежнихъ мѣстахъ, упираясь лѣвымъ флангомъ въ строенія, расположенныя по лѣвой сторонѣ дороги изъ Шахъ-абада, близъ моста черезъ Полванъ-Ата, а правымъ занимая минаретъ и садъ, правѣе мортирной батареи. Непріятель хотя и задѣлалъ поврежденія въ стѣнѣ и воротахъ крѣпости, и успѣлъ поставить другія орудія, взамѣнъ подбитыхъ, для обстрѣливанія подступовъ къ воротамъ, однако ничѣмъ не обнаруживалъ желанія начать враждебныя дѣйствія; напротивъ того, часть стѣнъ, обращенныхъ къ намъ, была усыпана жителями, которые, свѣсивъ ноги наружу, съ любопытствомъ разсматривали нѣсколько небольшихъ кучекъ русскихъ солдатъ, расположившихся почти подъ самыми стѣнами Хивы. Скоро между нашими войсками и жителями завязались переговоры; хивинцы совершенно безпрепятственно позволили намъ убрать трупы убитыхъ наканунѣ солдатъ, лежавшіе у самой стѣны, у которыхъ однако уже были отрѣзаны головы и распороты животы.

По всему замѣчалось, что горожане не желали продолженія военныхъ дѣйствій и готовы были сдаться и довѣриться намъ; на требованіе наше выдать пушки, они очень охотно спустили со стѣны одно изъ своихъ орудій.

Вскорѣ послѣ того, стали появляться въ лагерѣ нашемъ персіяне, выбѣгавшіе изъ Хивы черезъ обвалы въ стѣнахъ и даже спускавшіеся со стѣнъ, въ виду хивинцевъ, глазѣвшихъ на насъ, и въ виду нашихъ войскъ. Хивинцы не разъ посылали имъ въ догонку пули, большею частію, впрочемъ, безвредныя. Выходцы эти разсказывали, что въ Хивѣ, со времени отъѣзда хана, господствуютъ большіе безпорядки, и въ городѣ много плѣнныхъ персіянъ и русскихъ, которыхъ собираются вырѣзать.

Какъ ни мало правдоподобны были подобные разсказы, въ особенности показаніе относительно существованія русскихъ плѣнныхъ, которые, какъ извѣстно, были высланы ханомъ въ Казалинскъ всѣ, въ числѣ 21 человѣка, тотчасъ же по полученіи въ Хивѣ извѣстія о выступленіи нашихъ войскъ къ Хивѣ, тѣмъ не менѣе эти свѣдѣнія взволновали многихъ.

Генералъ Веревкинъ, предполагая существованіе въ городѣ двухъ партій,—одной, склонявшейся къ миру, и другой,—желавшей войны, въ видахъ предупрежденія безпорядковъ въ самую минуту сдачи города, отдалъ приказаніе занять городскія шахъ-абадскія ворота и прилегающія къ нимъ части стѣны путемъ переговоровъ, а если это окажется не возможнымъ, то и силою оружія. Хивинскіе начальники, какіе въ то время находились на стѣ-

нахъ, не соглашались на предложеніе открыть ворота, говоря, что теперь каждую минуту ожидается вступленіе въ городъ туркестанскаго генералъ-губернатора (ярымъ-падышаха), для чего открыты хазараспскія ворота, и всѣ высшія власти ханства выѣхали уже къ нему на встрѣчу, народъ тоже собирается у воротъ, и что теперь не къ кому обратиться. Факты эти и тогда казались вѣроятными и, какъ видно изъ послѣдующаго хода дѣлъ, вполнѣ потомъ подтвердились, тѣмъ не менѣе приказаніе начальника требовало исполненія. Поэтому, наскоро исправивъ брешь-батарею на два орудія, измѣрили шагами разстояніе до воротъ, пробили ядрами ворота,—и двѣ роты, съ двумя ракетными станками, заняли ихъ и ближайшія къ нимъ части стѣны. Непріятель не дѣлалъ попытокъ къ истребленію нашихъ людей, пролѣзавшихъ по одиночкѣ въ узкую пробоину. Такимъ образомъ, передовая стѣна Хивы была занята нашими войсками въ то самое время, когда съ противоположной стороны города выстраивались, для вступленія въ открытыя ворота, войска Туркестанскаго отряда и та часть Кавказскаго и Оренбургскаго отрядовъ, которая, во исполненіе приказанія главнаго начальника войскъ, выслана была для занятія моста на арыкѣ Полванъ-Ата.

29-го же мая, по окончательномъ занятіи города войсками Туркестанскаго отряда, всѣ силы наши, сосредоточенныя въ Хивинскомъ ханствѣ, поступили подъ непосредственное начальство генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го.

Мангишлакскій отрядъ былъ отдѣленъ отъ Оренбургскаго и расположенъ въ промежуткѣ между послѣднимъ и Туркестанскимъ, а начальникъ его, полковникъ Ломакинъ, съ того времени, такъ же, какъ и начальникъ Оренбургскаго отряда, сталъ получать приказанія прямо черезъ полевой штабъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы.

Согласно распоряженію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, Мангишлакскій отрядъ отдѣлился отъ Оренбургскаго, и 3-го іюня расположенъ бивуакомъ у шахъ-абатскихъ воротъ города Хивы, въ верстѣ отъ Оренбургскаго лагеря и въ двухъ верстахъ отъ лагеря Туркестанскаго отряда.

Кавказскія войска стали въ обширномъ фруктовомъ саду, принадлежавшемъ дядѣ хивинскаго хана Сеидъ-уль-Омару. Садъ, обнесенный глиняною стѣною, болѣе сажени высотою, заключалъ въ себѣ почти исключительно абрикосовыя деревья, въ небольшомъ количествѣ персиковыя, а также виноградные кусты и гранаты, и пересѣкался множествомъ неглубокихъ канавъ, наполненныхъ водою. Здѣсь помѣстились восемь ротъ пѣхоты, два орудія и лазаретъ; кавалерія же и одна рота заняли брошенные жителями сосѣдніе дома. Роты, расположившіяся внутри ограды, по четыремъ сторонамъ сада, устроили себѣ шалаши изъ цыновокъ, найденныхъ въ домахъ, а 1-я стрѣлковая Апшеронскаго полка, въ полномъ своемъ составѣ, укрылась подъ огромнымъ карагачемъ.

Для раненыхъ офицеровъ устроили весьма удобное и тѣнистое помѣщеніе на террасѣ находившагося въ саду дома, впереди котораго былъ большой бассейнъ[9]; раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ помѣстили частью въ большихъ войлочныхъ кибиткахъ, нанятыхъ у хивинцевъ, а частью въ госпитальной палатѣ, полученной отъ уполномоченнаго общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, доктора Гримма.

Единственное неудобство лагерной стоянки кавказскихъ войскъ представляли постоянные прорывы канавъ, когда выходившая изъ нихъ вода затопляла какъ окрестности лагеря, такъ и самый лагерь, причемъ затруднялось сообщеніе не только съ городомъ, но и съ другими отрядами.

9) До 18-го іюня раненые и больные Мангишлакскаго отряда помѣщались въ лагерѣ Оренбургскаго отряда. Съ выходомъ послѣдняго въ Куня-Ургенечъ, всѣ больные Мангишлакскаго отряда размѣщены въ лазаретѣ, открытомъ при этомъ отрядѣ 19-го іюня.

Съ цѣлью сохранить здоровье войскъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ приказалъ принять къ руководству слѣдующія мѣры:

1) Продажу, покупку и употребленіе незрѣлыхъ овощей и фруктовъ воспретить.
2) Отпускъ людямъ спирта и водки прекратить, а находившіеся въ продажѣ у маркитантовъ и торговцевъ всякаго рода спиртные напитки опечатать печатью начальниковъ отрядовъ, дабы напитки не могли быть отпускаемы въ частную продажу нижнимъ чинамъ.
3) Учредить правильное распредѣленіе воды по мѣстамъ лагерныхъ расположеній отрядовъ; поэтому въ каждомъ лагерѣ были точно опредѣлены и указаны мѣста для употребленія воды на пищу и питье, для купанья и обмыванья, для стирки бѣлья и мытья посуды и, наконецъ, для водопоя лошадей и другихъ животныхъ. Вслѣдствіе купанья въ Полванъ-арыкѣ людей и лошадей Туркестанскаго отряда, вода доходила до расположенія Мангишлакскаго отряда не въ надлежащей чистотѣ; поэтому послѣдовало распоряженіе, чтобы въ мѣстахъ стоянки каждой части этого отряда вырыты были колодцы, изъ которыхъ и употреблялась вода для питья и варки пищи.
4) Въ лагеряхъ и около нихъ строго соблюдалась и постоянно поддерживалась чистота и опрятность, для чего всякаго рода нечистоты, навозъ отъ животныхъ и самые трупы животныхъ вывозились изъ лагеря и зарывались вдали отъ него въ землю, на глубину не менѣе трехъ саженъ [10]).

Днемъ биваки охранялись отдѣльными пикетами, выставленными на дорогахъ и въ мѣстахъ удобо-проходимыхъ, на виду другъ у друга. Изъ лагерей нижніе воинскіе чины пропускались за пикеты не иначе, какъ въ составѣ вооруженныхъ командъ. «Солдата безъ ружья внѣ лагерей—сказано было въ приказѣ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана—я не желалъ-бы видѣть». Жителей изъ туземцевъ за цѣпь изъ лагерей разрѣшалось выпускать, но для входа ихъ въ бивачное расположеніе слѣдовало посылать съ ними караульныхъ до того лица, къ которому они имѣютъ надобность. Одиночныхъ вооруженныхъ туземцевъ запрещалось пускать въ лагерь; но если бы имъ представилась къ тому надобность, то они обязывались складывать оружіе у пикетовъ. Служба кавказскихъ войскъ ограничивалась ежедневною высылкою роты пѣхоты въ караулъ къ шахъ-абатскимъ воротамъ. Съ возвращеніемъ Сеидъ-Магомета Рахимъ-хана—съ повинною и съ утвержденіемъ его генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ хивинскимъ ханомъ, 12-го іюня, посылка роты въ караулъ къ воротамъ была отмѣнена.

Для опредѣленія, въ какомъ состояніи находится въ войскахъ обувь, и для приведенія ея въ такой видъ, чтобы она могла выдержать обратный походъ, назначена была комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Бардовскаго, изъ членовъ—нѣсколькихъ начальниковъ частей. Согласно заключенію этой комиссіи, въ каждую роту отпущено было на всѣхъ нижнихъ чиновъ по одной парѣ передовъ съ подошвами и по двѣ пары только тѣмъ, у коихъ сапоговъ не имѣлось вовсе, или хотя и была одна пара, но совершенно изношенная. Всего на обувь Кавказскому отряду израсходовано изъ суммъ, состоявшихъ въ распоряженіи командовавшаго войсками, дѣйствовавшими противъ Хивы, 1,965 рублей 32 копѣйки.

По распоряженію генерала фонъ-Кауфмана, для кавказскихъ войскъ, не имѣвшихъ съ собою полушубковъ, для обратнаго похода заготовлены были стеганые на ватѣ халаты.

---

[10]) Приказъ по войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ Хивы отъ 11-го іюня 1873 года, № 53.

Для участія въ предполагаемой Туркменской экспедиціи, изъ Мангишлакскаго отряда выдѣлена особая колонна, подъ начальствомъ маіора Бекъ-Узарова; въ составъ ея вошли двѣ роты Апшеронскаго полка и двѣ сборныя сотни изъ казаковъ и всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка; колонна выступила изъ лагеря подъ Хивою 31-го іюля. Въ походъ взяли сухари, крупу и скота на 12 дней, а также всѣ патронные ящики (по 100 патроновъ на человѣка), причемъ тяжести каждой роты поднимались на 15-ти верблюдахъ.

Во время стоянки подъ Ильяллы, къ этой колоннѣ присоединились: 3-я сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, занимавшая гарнизонъ въ городѣ Кунградѣ, и всѣ больные Мангишлакскаго отряда (числомъ 46), находившіеся въ кунградскомъ госпиталѣ.

7-го августа, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Туркменской экспедиціи въ Хиву, Мангишлакскій отрядъ нашелъ въ готовности все, необходимое для обратнаго похода: ватные халаты, обувь и сухарный запасъ, обезпечивавшій войска до мыса Ургу. Въ послѣднемъ пунктѣ отрядъ долженъ былъ принять изъ продовольственнаго склада Оренбургскаго отряда довольствіе до колодцевъ Кущата, куда завѣдывавшій опорными пунктами Мангишлакскаго отряда, маіоръ Навроцкій, заблаговременно долженъ былъ доставить продовольствіе изъ Бишъ-акты, на переходъ отъ Кущата до этихъ колодцевъ.

Для подъема тяжестей и продовольствія отряда до Урги имѣлось на лицо только 483 верблюда, но изъ нихъ уже насчитывалось 39 совершенно непригодныхъ верблюдовъ; слѣдовательно отрядъ могъ располагать только лишь на 444. А между тѣмъ, для подъема отряда настоятельно требовалось 483 верблюда, въ виду чего недостающее число ихъ было замѣнено нанятыми арбами.

Медикаментами и госпитальными вещами отрядъ былъ снабженъ съ избыткомъ отъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Патроновъ имѣлось полтора комплекта.

Къ отправленію въ казалинскій госпиталь (на каюкахъ по Аму до мѣста стоянки нашихъ судовъ ниже Кунграда и потомъ на пароходахъ до Казалинска) назначены были двое раненыхъ офицеровъ (маіоръ Буравцовъ и ротмистръ Алихановъ) и заболѣвшій въ походѣ одинъ штабъ-офицеръ; нижнихъ чиновъ четырнадцать, изъ нихъ 4 для излеченія ранъ, а остальные 10 человѣкъ для излеченія внутреннихъ болѣзней.

Для перевозки больныхъ въ отрядѣ имѣлись арбы.

Генералъ Кауфманъ сначала намѣревался направить Мангишлакскій отрядъ на Кятъ-кала, Мангитъ, Ходжейли и Кунградъ, т. е. по той-же дорогѣ, по которой онъ двигался къ Хивѣ; но, получивъ извѣстіе, что этотъ путь залитъ водою, избралъ для обратнаго похода кавказскихъ войскъ другую дорогу: на Шабатъ, Амбаръ, Ташаусъ, Кизилъ-такиръ, Куня-Ургенчъ и Кунградъ. Изъ Куня-Ургенча, вслѣдъ за Мангишлакскимъ отрядомъ, чрезъ день, выступалъ къ Кунграду и Оренбургскій отрядъ, который, послѣ разгрома туркменъ, изъ Кизылъ-такира перешелъ къ этому городу. Присоединивъ къ себѣ остававшійся во время всей кампаніи въ Кунградѣ горный взводъ отъ 1-й батареи 21-й артиллерійской бригады и принявъ въ Ургу (Джанъ-кала) продовольствіе на путь до колодцевъ Кущата, Мангишлакскій отрядъ долженъ былъ пройти Устюртъ по дорогѣ, лежащей верстъ на 40 къ сѣверу отъ прежней, по которой онъ слѣдовалъ въ ханство.

По распоряженію командующаго войсками, дѣйствовавшими противъ Хивы, хивинскій ханъ выслалъ впередъ, по пути движенія кавказскихъ войскъ, нарочныхъ съ приказаніемъ, чтобы жители попутныхъ городовъ и селеній исправили къ приходу отряда мосты и дороги. Для указанія пути въ ханствѣ и оказанія войскамъ всевозможнаго содѣйствія, ханъ

назначилъ состоять при начальникѣ отряда, до Кунграда одного изъ своихъ чиновниковъ, Романъ-бая, и нѣсколькихъ джигитовъ.

Въ 7 часовъ вечера, 8-го августа, наканунѣ выступленія отряда, кавказцы выстроились для прощанія съ командующимъ войсками. Генералъ фонъ-Кауфманъ обошелъ ряды войскъ, поблагодарилъ каждую часть за молодецкую службу и пожелалъ счастливаго пути, а казакамъ, кромѣ того, найти въ своихъ домахъ все въ полномъ благополучіи.

Утромъ, 9-го августа, послѣ напутственнаго молебствія, Мангишлакскій отрядъ, въ составѣ 9-ти ротъ (въ томъ числѣ пяти Апшеронскихъ), 2 полевыхъ и 2 хивинскихъ орудій, отбитыхъ Апшеронцами 28-го мая, 4 сотенъ кавалеріи и командъ саперной и ракетной, выступилъ въ походъ.

Опять предстоялъ трудный походъ по пустынѣ; опять страшила неизвѣстность новаго пути по Устюрту, избраннаго для обратнаго движенія. Мертвыя станціи, пройденныя 17-го и 18-го апрѣля, хорошо еще оставались въ памяти войскъ, и опасенія, чтобы подобный случай не повторился, были дотого сильны, что даже въ предѣлахъ ханства, не смотря на приказанія беречь верблюдовъ для похода по Устюрту, т. е. не обременять ихъ излишними тяжестями, солдаты все-таки везли на нихъ воду. Впрочемъ, это обстоятельство указывало только на то, что войска пріобрѣли хорошую опытность для такого, предстоящаго имъ своеобразнаго похода. Начальникъ отряда, генералъ Ломакинъ, въ приказѣ своемъ по войскамъ, выражалъ надежду, что они перенесутъ неизбѣжно сопряженные съ походомъ труды и лишенія съ тѣми же бодростью и мужествомъ, каковыя уже такъ блистательно выказаны ими при движеніи въ предѣлы ханства.

Первый ночлегъ отрядъ имѣлъ у Шабата. На переходѣ къ этому пункту сразу обнаружилось неудобство запряжки одного изъ хивинскихъ орудій четырьмя верблюдами. Какъ уже сказано выше, съ отрядомъ слѣдовали два хивинскія орудія. Одно изъ нихъ, малое, приблизительно шестифунтоваго калибра, запряженное четырьмя лошадьми, купленными и впряженными въ него лишь наканунѣ выступленія отряда, тѣмъ не менѣе везлось дружно. Другое же орудіе, около 70 пудовъ вѣсомъ, было запряжено четырьмя сильными верблюдами. Оба орудія, какъ и вообще всѣ хивинскія пушки, были мѣдныя, гладкія, весьма плохаго туземнаго литья, украшены фризами, съ винградомъ неправильной формы, въ родѣ прилива, безъ мушекъ, прицѣловъ и правильныхъ чертъ для наводки. На большой пушкѣ имѣется надпись: «Харезмъ [11]). Сеидъ Магометъ Бахарадинъ. Харезмъ—цвѣтущая столица отъ владѣтелей до владѣтелей, отъ хановъ до хановъ. Высокопочтенный Абдула Мюшникъ совершилъ. По распоряженію Худай-Бергена сдѣлалъ мастеръ Магометъ Пана. Харезмъ. 1260 года». Орудія были поставлены на одностанинныхъ лафетахъ; въ станинѣ имѣлся желѣзный винтъ для опусканія и подниманія ихъ казенной части. Заряды возили въ передкахъ, на которые надѣвался хоботъ лафета помощью крюка. Съ перевозкою тяжелаго хивинскаго орудія отрядъ имѣлъ много хлопотъ [12]). На первомъ-же переходѣ до Шабата верблюды, впервые запряженные въ повозку, не умѣли брать съ мѣста сразу, а во время движенія рвались въ разныя стороны. Въ пескахъ между Кошъ-купыромъ и Шабатомъ верблюды выбились изъ силъ и стали. Отрядъ пришелъ въ Шабатъ поздно ночью, а начальникъ отряда остался съ орудіемъ ночевать въ пескахъ, подъ прикрытіемъ одной роты изъ аріергарда. Отсюда, на другой день утромъ, онъ послалъ приказаніе въ отрядъ купить въ Шабатѣ лошадей и прислать ихъ къ нему для запряжки орудія. Лошади были доставлены по назначенію и орудіе присоединилось къ отряду лишь около полудня.

[11]) Хива.

[12]) Въ настоящее время оба орудія стоятъ у зданія полковаго собранія Апшеронскаго полка.

Незначительный хивинскій городокъ Шабатъ окруженъ глиняною, полуразрушенною стѣною, имѣвшею видъ четырехугольника, стороны котораго имѣли до 100 саженъ длины. Съ сѣверной стороны города протекаетъ каналъ Шахъ-абатъ. Поля, окружающія городъ, засѣяны были пшеницею, джугарою, рисомъ и хлопкомъ. Отрядъ выступилъ изъ Шабата на слѣдующій день и, пройдя 26 1/2 верстъ, остановился на ночлегъ у селенія Рапнай, расположеннаго на весьма пересѣченной канавами мѣстности. Отъ Рапная дорога шла къ сѣверозападу до деревни Уйгуръ, а отсюда поворачивала на западъ и въ послѣднемъ направленіи, на 44-й верстѣ, достигаетъ города Ильяллы. Здѣсь, 11-го августа, Мангишлакскій отрядъ имѣлъ третій ночлегъ.

Изъ Ильяллы дорога принимаетъ сѣверозападное направленіе и въ этомъ послѣднемъ, на протяженіи 20 верстъ, шла до Кизылъ-такира, представляющаго нѣчто въ родѣ постоялаго двора. Тамъ находится постоянная лавочка, въ которой можно достать чай, хлѣбъ и джугару и выкурить чилимъ (кальянъ).

У Кизылъ-такира въ теченіи довольно продолжительнаго времени стоялъ Оренбургскій отрядъ, оставившій послѣ себя много слѣдовъ, въ видѣ кишекъ и требушины отъ зарѣзанныхъ животныхъ. На этихъ остаткахъ сидѣло безчисленное множество мухъ, которыя мало того, что не давали покоя людямъ во время непродолжительнаго привала Мангишлакскаго отряда у Кизылъ-такира, но облѣпили лошадей и спины людей—и такъ слѣдовали съ ними до самаго выхода въ пустыню за Кунградомъ.

Четвертый ночлегъ, 12-го августа, войска имѣли у кишлака Алили, въ 10 3/4 верстахъ отъ Кизылъ-такира. На этомъ переходѣ дорога шла по травянистой степи, на которой изрѣдка встрѣчались отдѣльныя зимовки полуосѣдлыхъ туркменъ. Эта страна когда-то была хорошо обработана и населена осѣдлымъ народомъ, о чемъ свидѣтельствовали встрѣчавшіяся развалины городовъ Гокленъ-кала и Ташъ-сеита и множество сухихъ канавъ.

Отъ Алили до Куня-Ургенча 28 верстъ безводнаго пространства. Сначала, дорога, на протяженіи восьми верстъ, пролегала по травянистой степи; потомъ, на разстояніи 22 верстъ, по высокому кустарнику и, наконецъ, по пескамъ, поросшимъ саксауломъ до канала Кошъ-беги, находившагося у развалинъ стараго Куня-Ургенча, расположеннаго на правомъ берегу высохшаго русла Аму-Дарьи. Русло это, шириною до одной версты; въ мѣстѣ его пересѣченія, дорога, въ настоящее время, занесена пескомъ, такъ-что даже мало замѣтны его берега.

Отрядъ расположился у канала Кошъ-беги, недалеко отъ развалинъ храмовъ и башенъ, построенныхъ еще во время господства здѣсь арабской цивилизаціи. По словамъ хивинцевъ и туркменъ, ничто въ мірѣ не можетъ быть красивѣе этихъ развалинъ. Атаджанъ-тюря, уже будучи въ Тифлисѣ, никакъ не хотѣлъ вѣрить, что въ Россіи есть зданія лучше куня-ургенчскихъ развалинъ. Надо отдать справедливость этимъ развалинамъ, онѣ дѣйствительно были великолѣпны: легкость сводовъ, красивыя ажурныя работы, прочность израсцовъ и сочетаніе на нихъ красокъ возбуждаютъ восторгъ зрителя. Израсцы эти, которымъ надо положить около 500 лѣтъ, сохранились такъ хорошо, какъ будто вчера только сдѣланы. Стоящая особнякомъ, недалеко отъ храма, сѣрая башня имѣетъ 28 саженъ вышины. Какъ и вообще во всѣхъ башняхъ, попадавшихся въ Хивѣ, входъ въ башню отстоитъ отъ поверхности земли на нѣсколько саженъ, такъ-что взобраться на нее можно только по приставной лѣстницѣ; башня сохранилась вполнѣ, и въ настоящее время служитъ обиталищемъ множеству голубей и летучихъ мышей, а прежде, давнымъ-давно, какъ говоритъ преданіе, здѣсь жила царевна, которую заключилъ одинъ ханъ за то, что она не хотѣла выйдти за него замужъ. Старый городъ былъ такъ обширенъ, что остатки его стѣны и теперь еще нельзя окинуть однимъ взглядомъ; но въ настоящее время отъ него

*

только и осталось, что упомянутыя развалины, да городская стѣна; на мѣстѣ бывшей столицы Хивы теперь лишь одинъ пѣсокъ. Новый Куня-Ургенчъ расположенъ въ верстѣ отъ развалинъ стараго города; это жалкій азіатскій городишко, населенный киргизами, каракалпаками и частью узбеками. Чрезъ городъ протекаетъ каналъ, называемый ханскимъ (Ханъ-ябъ) и дающій жизнь окрестной мѣстности, которая хорошо обработана.

Въ Куня-Ургенчѣ, 14-го августа, была дневка, и кавказцы простились съ Оренбургскимъ отрядомъ, стоявшимъ здѣсь лагеремъ.

Движеніе отъ Хивы до Куня-Ургенча кавказскія войска совершили благополучно; только переходъ отъ деревни Ранкай до Ильяллы, по величинѣ своего разстоянія (44 версты), былъ весьма тяжелъ. Люди, отъ сильной жары, устали; отрядъ очень растянулся и собрался къ мѣсту ночлега лишь поздно ночью. Послѣ этого перехода появилось нѣсколько больныхъ.

Войска двигались въ такомъ порядкѣ: впереди ѣхали три сотни кавалеріи съ ракетною и саперною командами, двѣ роты пѣхоты, взводъ нарѣзныхъ орудій, хивинскія пушки и три роты пѣхоты; затѣмъ ихъ вьюки; далѣе рота пѣхоты, ея вьюки, рота пѣхоты, всѣ арбы, рота пѣхоты, отрядное стадо, рота пѣхоты и сотня кавалеріи. Если мѣстность позволяла, то двѣ роты слѣдовали въ боковыхъ цѣпяхъ. Позади всѣхъ двигался караванъ освобожденныхъ невольниковъ, изъ людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, имѣвшихъ возможность содержать себя во время похода, въ числѣ 828 человѣкъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей). При нихъ 22 лошади, 33 верблюда и 46 ословъ. Байгуши, до 390 душъ обоего пола и дѣтей, не имѣвшіе ничего, кромѣ рваныхъ халатовъ (нѣкоторые даже безъ рубахъ), были прикомандированы къ каждой войсковой части человѣкъ по 20—25. Взрослые мужчины должны были вьючить верблюдовъ, вести ихъ въ пути, собирать топливо и исполнять прочія подобныя работы; прикомандированные же къ тяжелой хивинской пушкѣ, числомъ около 30 человѣкъ, слѣдовали позади нея, чтобы вытаскивать орудіе изъ песковъ, если бы однѣ лошади не въ состояніи были вывезти. На довольствіе персіянъ, находившихся при частяхъ войскъ, отпускалось сначала каждому на руки, изъ отрядныхъ суммъ, по 20 коп. въ сутки. Но вскорѣ замѣтили, что персіяне, вмѣсто того, чтобы запасаться съѣстными припасами на переходъ по пустынѣ, покупаютъ только одни лакомства, почему въ Кунградѣ сдѣлано было распоряженіе, чтобы слѣдуемую имъ сумму за весь переходъ до Киндерли передать въ части, которыя и обязывались кормить ихъ въ теченіи похода по пустынѣ. Впрочемъ персіяне, состоявшіе при войскахъ, мало приносили имъ пользы. По большей части это были люди слабые и болѣзненные, истощенные непосильными работами на своихъ хозяевъ, которые за малѣйшую провинность надѣвали на нихъ оковы и жестоко наказывали; болѣе же здоровые и сильные люди ничего не дѣлали безъ принужденія.

15-го августа отрядъ двинулся къ Кунграду. Верстахъ въ двухъ отъ Куня-Ургенча расположено селеніе Кипчакъ, отъ котораго дороги раздѣляются: одна идетъ на западъ къ Айбугирскому спуску, а другая—на сѣверъ, къ Кунграду. Дорога, до ночлега отряда у канала Копъ-сеитъ, пролегала по травянистой степи, на протяженіи 19-ти верстъ. Здѣсь попалось нѣсколько кочевьевъ. Отъ Копъ-сеита путь шелъ частью по сплошнымъ густымъ камышамъ, частью по камышамъ и саксаульнику. Верстахъ въ 15-ти отъ Копъ-сеита находится каналъ Кундуэлы, шириною до 10 саженъ, въ которомъ вода стоитъ плесами. Затѣмъ войска переходили каналы: Черманай—въ 19-ти верстахъ отъ Кундуэлы, Качу—въ 2-хъ верстахъ отъ Черманая и Кіатъ-джарганъ—въ 11 ½ отъ Качу. Кіатъ-джарганъ, въ мѣстѣ перехода отряда, имѣетъ около 15 саженъ ширины и весьма быстрое теченіе. Отъ

Кіатъ-джаргана до деревни Костерекъ, лежащей на пути, пройденномъ отрядомъ отъ Кунграда при движеніи въ Хиву, 15 верстъ. Отрядъ имѣлъ ночлеги: 16-го августа—у Кутунъ-кала, 17-го — на Талдыкѣ и 18-го — подъ Кунградомъ.

Путь отъ Куня-Ургенча до Кунграда совершенъ Мангишлакскимъ отрядомъ благополучно. По выходѣ изъ Куня-Ургенча, къ кавказцамъ присоединился братъ хивинскаго хана, Атаджанъ-тюря. Первоначально онъ слѣдовалъ съ Оренбургскимъ отрядомъ, съ которымъ и предполагалъ отправиться въ Россію и затѣмъ поѣхать въ Мекку. Но, узнавъ, что путь въ этотъ послѣдній пунктъ чрезъ Кавказъ гораздо короче, чѣмъ чрезъ Оренбургъ, онъ оставилъ отрядъ полковника Саранчова и присоединился къ Кавказскому.

По утвержденному командующимъ войсками, дѣйствовавшими противъ Хивы, маршруту, Мангишлакскому отряду надлежало отъ Кунграда слѣдовать на Ургу и далѣе на колодцы Учъ-кудукъ. Но когда въ Кунградѣ получилось извѣстіе отъ посланныхъ впередъ для осмотра этихъ колодцевъ киргизъ, что въ Учъ-кудукѣ вода дотого испортилась, что ея не могли пить даже лошади и верблюды, то начальникъ отряда рѣшился направить войска на озера Ирали-кочканъ и далѣе на колодцы Кара-кудукъ, т. е. по той дорогѣ, по которой вступила въ ханство колонна подполковника Пожарова. Что касается довольствія, которое отрядъ долженъ былъ принять въ Ургу, двигаясь, по первоначальному предположенію, чрезъ этотъ пунктъ, то начальникъ отряда сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: пока отрядъ дневалъ въ Кунградѣ, пріемщики, подъ прикрытіемъ сотни, отправились въ Джанъ-кала, и, принявъ тамъ довольствіе, подняли его на нанятыхъ въ Кунградѣ арбахъ и затѣмъ двинулись къ озерамъ Ирали-кочканъ, куда прибылъ и отрядъ.

Пріемщики, подъ прикрытіемъ сотни кавалеріи, въ полдень, 18-го августа, выступили изъ Кунграда чрезъ садъ Азбергень, и прибыли въ Джанъ-кала (всего 65 верстъ) 19-го августа, гдѣ въ тотъ же день и приняли провіантъ и фуражъ: 433 пуда сухарей, 150 пудовъ крупъ и 265 четвертей овса, полагая въ сутки на человѣка по 2 фунта сухарей, по $^1/_2$ ф. крупъ и по четыре гарнца овса на лошадь. Утромъ, 20-го числа, пріемщики выступили къ саду Азбергень и, переночевавъ здѣсь, на другой день отправились къ озерамъ Ирали-кочканъ, гдѣ тогда находился уже отрядъ.

19-го и 20-го августа отрядъ оставался подъ Кунградомъ; за это время послѣдовали окончательныя распоряженія для похода по пустынѣ, заключавшіяся въ слѣдующемъ. Въ виду того, что Капауръ-Калбинъ, считавшійся самымъ вліятельнымъ между хивинскими киргизами и обѣщавшій выставить въ Кунградѣ верблюдовъ и бурдюки, доставилъ всего два бурдюка и ни одного верблюда, пришлось вмѣсто верблюдовъ купить арбы, запряженныя лошадьми, а вмѣсто бурдюковъ — травянки (тыквы). Каждая часть получила разнаго рода кислоты, присланныя отъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ; кромѣ того, куплены халаты, кому таковыхъ недостало въ Хивѣ, и проч. На базарѣ пріобрѣтено значительное количество рыбы, которая тамъ необыкновенно дешева: за икрянаго осетра, въ аршинъ величиною, платили по 40 копѣекъ.

21-го августа, Мангишлакскій отрядъ, соединясь съ горнымъ взводомъ, выступилъ въ пустыню, къ озерамъ Ирали-кочканъ. Переходъ предстоялъ въ 24 версты, и войска прибыли къ озерамъ около полудня, а часа чрезъ два пришелъ и провіантскій транспортъ изъ Джанъ-кала. При движеніи этого послѣдняго нѣсколько арбъ пристали въ пескахъ, и потому, для облегченія на нихъ тяжестей, изъ лагеря пришлось посылать прибывшія съ отрядомъ повозки. Войска приняли провіантъ въ тотъ же день. Изъ транспорта, привезшаго довольствіе изъ Джанъ-кала, куплено было около 50 арбъ съ

лошадьми и нѣсколько десятковъ нанято собственно на переходъ до колодцевъ Кара-кудукъ.

22-го числа предстоялъ переходъ къ Кара-кудуку. Отрядъ раздѣленъ былъ на два эшелона: первый—изъ всей пѣхоты, артиллеріи и обоза, — выступилъ въ 9 часовъ утра, 22-го августа, а второй,—изъ кавалеріи—23-го августа, тоже въ 9 часовъ утра. Позднее выступленіе эшелоновъ назначено было съ цѣлью, до наступленія жары напоить досыта лошадей, которыя рано по утрамъ не пьютъ. Точно такъ, по словамъ киргизъ, выступаютъ обыкновенно и караваны: слѣдовательно такъ долженъ былъ выступить и отрядъ, которому предстояло сдѣлать 71 3/4 версты по безводному пути. Къ сожалѣнію, начальникъ отряда, склонившись на убѣжденія киргивъ, совершенно упустилъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство, что движеніе военнаго отряда имѣетъ мало общаго съ движеніемъ каравана, и, потому, вслѣдствіе поздняго выступленія, съ отрядомъ едва не повторились сцены 17-го и 18-го апрѣля.

Предъ дорогою люди пообѣдали и сварили чай; верблюды и лошади были напоены въ 8 часовъ. Съ самаго утра жара стояла весьма сильная и къ 9-ти часамъ термометръ Реомюра показывалъ уже до 30°. Въ первый день шли безостановочно (въ буквальномъ смыслѣ слова): голова колонны до 8 часовъ вечера, а хвостъ—до 11, т. е. въ теченіи 10—13 часовъ. Сначала войска шли развернутымъ фронтомъ (поротно), а верблюды — имѣя головы нѣсколькихъ вереницъ на одной высотѣ. Но въ полдень, когда жара достигла 40° R., люди начали понемногу приставать, развернутые фронты перестраиваться рядами, вереницы верблюдовъ вытягиваться одна за одной и, наконецъ, весь отрядъ вытянулся въ одного человѣка. Когда голова колонны въ 8 часовъ вечера поднялась на Устюртъ, по подъему Чыбынъ, то съ возвышенія невозможно было на совершенно ровной поверхности увидѣть хвостъ колонны. Присталые попадались на каждомъ шагу; были роты, которыя пришли въ составѣ не болѣе 15 человѣкъ. Павшихъ лошадей и брошенныхъ съ ними арбъ было также много.

Для дальнѣйшаго движенія, выступленіе первоначально назначено было того же числа, въ 11 часовъ ночи; но когда увидѣли, что хвостъ можетъ подтянуться только къ этому времени, то пришлось тронуться въ часъ пополуночи, 23-го августа. Выступивъ съ мѣста ночлега, войска безостановочно шли до 9 часовъ утра, до одиночнаго колодца Алибекъ, въ 15-ти верстахъ отъ Кара-кудака. Жара въ этотъ день, какъ и наканунѣ, стояла большая. У колодца Алибекъ войскамъ былъ данъ отдыхъ часа на четыре. Артиллерійскія и обозныя лошади получили по ведру воды изъ колодца; людямъ-же розданъ весь запасъ воды, хранившійся въ бурдюкахъ и боченкахъ; но запасъ оказался весьма небольшимъ (пришлось стакана по два на человѣка), и вскорѣ начались страданія отъ жажды. У единственнаго колодца столпилась масса солдатъ, персіянъ и животныхъ. Всѣ вырывали другъ у друга воду, кричали и дрались; нѣкоторые въ изнеможеніи лежали на землѣ и едва слышнымъ голосомъ могли произносить: «воды, воды! су, су»! Въ довершеніе всего, воду изъ колодца вычерпали,—пришлось ждать, пока она не набѣжитъ вновь. Чрезъ полчаса вода набѣжала, и люди, находившіеся въ безчувственномъ состояніи, были приведены въ себя. Часовъ около двухъ пополудни, къ Кара-кудуку отправлена артиллерія, подъ прикрытіемъ пѣхоты, а въ четыре часа пополудни двинулись и прочія войска. Персіяне-же, болѣе другихъ страдавшіе отъ жажды, остались у колодца, подъ прикрытіемъ одной пѣхотной роты. Когда колодезь остался въ ихъ распоряженіи, то они съ такою жадностью кинулись къ нему, что сначала нѣкоторое время не могли достать ни одного ведра воды, потому что всѣ вмѣстѣ бросили туда свои копки, веревки отъ которыхъ перепутались,

и произошли драка и безпорядокъ. Тѣмъ временемъ человѣкъ шесть персіянъ, карабкаясь по выступамъ стѣнъ колодца, спустились на самое его дно. Имъ такъ понравилось тамъ, что никто не хотѣлъ оставлять своего мѣста, не смотря на спущенныя имъ веревки, а между тѣмъ, благодаря такой новой помѣхѣ, нельзя было вовсе доставать воды. Тогда въ колодезь спустили на веревкахъ еще нѣсколько человѣкъ, которые силою привязывали упрямцевъ, давали знакъ на верхъ—и ихъ вытаскивали. При подъемѣ одинъ изъ персіянъ оборвался, но ушѣлѣлъ.

Во время перехода отъ Алибека къ Кара-кудуку множество людей пристало; вездѣ валялись брошенныя арбы и издыхающіе быки и лошади; по дорогѣ валялись также трупы рогатаго скота, отпущеннаго на мясныя порціи отряду, изъ числа отбитой у непріятеля въ туркменскую экспедицію. Этотъ скотъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ головъ, скученный на пастьбѣ въ одномъ мѣстѣ у города Ханки, конечно, не могъ имѣть хорошаго ухода и уже тамъ начали падать. 300 быковъ, пригнанныхъ подъ Хиву, для довольствія Мангишлакскаго отряда, только наканунѣ его выступленія, находились въ дурномъ тѣлѣ и не могли поправиться по неимѣнію времени. Во время движенія въ предѣлахъ ханства, при большихъ переходахъ, рогатый скотъ не успѣвалъ выкармливаться, и его много погибло до Кунграда. Въ предвидѣніи, что быки не выдержатъ похода по пустынѣ и вообще, что ихъ будетъ недостаточно для войскъ, сдѣлано было распоряженіе о покупкѣ барановъ въ Кунградѣ.

Поздно ночью собрался отрядъ въ Кара-кудуку. Причинами, почему онъ пострадалъ на безводномъ переходѣ къ этимъ колодцамъ, были: 1) недостатокъ водоподъемныхъ средствъ; 2) назначеніе слишкомъ большаго числа войскъ въ одномъ эшелонѣ и 3) несоотвѣтственный порядокъ движенія. Горькій опытъ похода по пустынѣ весьма наглядно доказалъ, что самое лучшее время для движенія—отъ 3-хъ часовъ пополуночи до 9 утра и отъ 4-хъ пополудни до 10 часовъ вечера, когда сравнительно не въ такое жаркое время можно дѣлать по 3 и по 3 ½ версты въ часъ; слѣдовательно, въ первый день въ теченіи 12 часовъ можно было пройти болѣе 40 верстъ, на другой день до 10 часовъ утра—остальное пространство до Кара-кудука. Двигаясь такимъ образомъ, войска въ самую жару могли отдыхать на привалахъ, а потому и потребность въ водѣ представлялась-бы меньшая. Между тѣмъ, выступивъ въ 9 часовъ утра, т. е. въ жару, люди едва проходили по 2 ½ версты въ часъ, потребность въ водѣ являлась необыкновенно великою и самый переходъ совершился лишь въ два дня. Что касается кавалеріи, то она, выступивъ отъ озеръ Ирали-кочканъ, 23-го августа, утромъ, имѣла привалъ у подъема Чыбынъ и рано утромъ 24-го прибыла къ Кара-кудуку, потерявъ всего одну строевую лошадь.

Отъ каракудукской воды, содержащей въ растворѣ глауберову соль, въ отрядѣ открылась дизентерія, перешедшая потомъ въ кровавый поносъ. Болѣзнь эта увеличивалась вслѣдствіе прохладныхъ ночей, которыя съ подъема на Устюртъ сильно давали себя чувствовать, въ виду чего начальникъ отряда распорядился, чтобы войска, если только не находятся въ движеніи, съ 5 часовъ вечера и до 8 часовъ утра надѣвали шинели или халаты.

24-го августа, часовъ около 9-ти утра, прибылъ нарочный отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана съ письмомъ къ генералу Ломакину, извѣщавшимъ о заключеніи съ ханомъ мира, по которому къ Россіи отходитъ правый берегъ и дельта Аму; а такъ какъ съ запада граница наша идетъ по Талдыку и далѣе на мысъ Ургу, по чинку и затѣмъ вдоль такъ называемаго стараго русла Аму, или по Узбою, то, съ прибытіемъ къ чинку, можно поздравить войска съ вступленіемъ на Русскую землю. Въ заключеніе, бывшій главный начальникъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, просилъ генерала Ломакина «передать его

спасибо Мангишлакскому отряду и не поминать лихомъ тѣхъ, которые гордятся товариществомъ кавказцевъ [13])».

Отъ Кара-кудука отрядъ направился тремя колоннами: первая, изъ ротъ Ширванскаго и Самурскаго полковъ, горнаго взвода, хивинскихъ пушекъ и обоза кавалеріи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Пожарова, выступила въ 3 часа пополудни, 24-го августа; вторая—изъ пяти ротъ Апшеронскаго полка и полеваго взвода, подъ командою генералъ-маіора Ломакина,—25-го августа, въ 3 часа утра, и третья колонна, подполковника Квинитадзе, состоявшая изъ кавалеріи съ ракетною командою, въ 4 часа пополудни того же числа. Всѣ колонны, долженствовавшія прибыть къ колодцамъ Суня-темиръ 26-го августа, двигались—первыя двѣ чрезъ колодцы Ирбасанъ, а послѣдняя—чрезъ ручей Куркрукты и Аланъ.

Сдѣлавъ переходъ въ 24 версты, колонна подполковника Пожарова, 24-го августа, прибыла къ колодцамъ Ирбасанъ. Въ 5 часовъ пополуночи, 25-го августа, она выступила далѣе, на колодезь Торча-тюле; но какъ проводникъ не зналъ къ нему дороги, то долго плуталъ и, наконецъ, только въ 10 часовъ утра привелъ колонну къ маловодному колодцу Картбай. Во время движенія проводникъ все увѣрялъ, что Торча-тюле не далеко, и голова колонны, слѣдовавшая за нимъ, незамѣтно отдѣлилась слишкомъ на восемь верстъ отъ своего хвоста, который присталъ (собственно большое хивинское орудіе) въ пескахъ. Солдаты, случайно найдя, недалеко отъ мѣста остановки орудія, колодезь, воспользовались, чтобы напоить присталыхъ лошадей. Между тѣмъ, подполковникъ Пожаровъ, не могшій долго оставаться у Картбая, за его маловодьемъ, въ тотъ же день выступилъ только съ двумя ротами и вьюками къ колодцу Джамбай, въ 18-ти верстахъ отъ Картбая; а хвостъ его колонны (двѣ роты и хивинскія орудія) подошелъ туда 26-го августа, въ 10-ть часовъ утра. Въ тотъ же день, въ 3 ½ часа пополудни, вся колонна двинулась къ колодцамъ Суня-темиръ, переходъ къ которымъ, по песчаной мѣстности, оказался весьма тяжелымъ.

Вторая колонна, выступивъ отъ Кара-кудука въ 3 часа утра, 25-го августа, къ 10-ти пришла уже къ колодцамъ Ирбасанъ, сдѣлавъ 28 верстъ. Въ 5 часовъ пополудни выступила далѣе, и въ 7 ½ часовъ вечера, послѣ 6-ти-верстнаго марша, заночевала у безъименнаго колодца, изъ опасенія растерять людей въ темную ночь, что уже случилось въ первой колоннѣ 24-го августа, когда вечеромъ потерялся одинъ рядовой, подобранный на другой день второю колонною. 26-го августа, послѣ привала у колодца Торча-тюле, колонна въ 2 часа пополудни прибыла къ колодцамъ Суня-темиръ. Отъ колодца Ирбасанъ до Торча-тюле 16 ½ верстъ. Съ половины пути дорога пролегаетъ по слегка волнистой мѣстности, отъ Торча-тюле до Суня-темира, на протяженіи 22 ½ верстъ, она шла по совершенно ровному и твердому грунту. Съ полпути начался саксаулъ, достигавшій большихъ размѣровъ у самыхъ колодцевъ.

Кавалерійская колонна совершила движеніе чрезъ Куркрукты и Аланъ вполнѣ благополучно, и прибыла въ Суня-темиръ 26-го августа, въ 5 час. пополудни. Ручей Куркрукты бьетъ изъ скалы сильной струей, около аршина въ діаметрѣ; вода отвратительна на вкусъ и производитъ поносъ. Въ Аланѣ, чрезъ который проходилъ отрядъ въ ханство въ маѣ мѣсяцѣ, трупы животныхъ даже въ августѣ оставались неповрежденными: жара и сухость воздуха обратила ихъ въ муміи.

Названіе Суня-темиръ присвоено собственно не колодцамъ, а урочищу; самые же колодцы, числомъ четыре, имѣющіе каждый особое наименованіе, вырыты не въ одномъ мѣстѣ,

[13]) Письмо 15-го августа 1873 года, съ переправы близъ Ханки, на лѣвомъ берегу Аму.

а на пространствѣ четырехъ верстъ. Отрядъ расположился у двухъ изъ нихъ, называемыхъ Косъ-кудукъ. Колодцы не глубоки (2 1/2 сажени), съ порядочною водою, и находятся среди песковъ, поросшихъ кустарникомъ. Корма здѣсь для верблюдовъ и топлива очень много. Въ Суня-темирѣ былъ расположенъ небольшой киргизскій аулъ, кибитки въ четыре, и двѣ изъ нихъ киргизы приготовили для начальника отряда, по приказу котораго, посланному изъ Кунграда, адаевцы выставили сюда для отряда 72 верблюда съ соотвѣтствующимъ числомъ вожатыхъ.

27-го августа, отрядъ имѣлъ дневку, а на другой день тремя колоннами выступилъ къ колодцамъ Кущата. Первая колонна, состоявшая изъ 5-ти ротъ Апшеронскаго полка и полеваго взвода артиллеріи, подъ начальствомъ подполковника Буемскаго, направилась чрезъ колодцы Аманджулъ и Тюзебай; вторая—средняя колонна—изъ трехъ ротъ Ширванскаго и одной роты Самурскаго полковъ, горнаго взвода, хивинскихъ пушекъ и вьюковъ кавалеріи, подъ командой подполковника Пожарова, чрезъ колодцы Акъ-крукъ, Учъ-кудукъ, Долъ-джитергенъ и Еркембай, и лѣвая, подполковника Квинитадзе, изъ кавалеріи съ ракетною командою, чрезъ колодцы Акъ-чукуръ, Кизылъ-ташъ и Еркембай. Пѣхота выступила въ 4 часа утра, кавалерія въ 5-ть. Начальникъ отряда находился при средней колоннѣ, при которой гналось и отрядное стадо, а боковыя колонны должны были взять съ собою столько барановъ, чтобы ихъ достало на четыре дня до самыхъ колодцевъ Кущата.

Утро было дождливое и холодное, — самая благопріятная погода для движенія, и потому правая колонна шла до полудня и сдѣлала 23 версты, по совершенно ровной дорогѣ, съ твердымъ, глинистымъ грунтомъ, не имѣя ни людей, ни верблюдовъ отсталыми; только нѣкоторыя лошади не въ состояніи были везти арбы, даже и послѣ того какъ всѣ тяжести съ послѣднихъ переложили на верблюдовъ: поэтому часть арбъ пришлось бросить въ пути. Въ 2 часа пополудни колонна поднялась, и къ 7-ми часамъ достигла колодца Аманджулъ. Отъ Суня-темира до этого колодца 40 1/2 верстъ. Аманджулъ—колодезь одиночный, глубиною 11 саженъ, со столбомъ воды—въ двѣ сажени, при діаметрѣ—1 1/2 аршина и наружномъ отверстіи 3/4 аршина; вода въ немъ прѣсная, но затхлая. Выступивъ въ 3 1/2 часа утра, 29-го августа, колонна шла до 9 1/2 часовъ и остановилась въ безводномъ пространствѣ на привалъ, гдѣ пробыла 5-ть часовъ и, затѣмъ, тронулась къ колодцу Тюзембай, куда и пришла въ 5 часовъ пополудни. Во время этого перехода умерли отъ тифа одинъ апшеронецъ и казакъ, которыхъ и схоронили въ общей могилѣ на привалѣ. Отъ Амунджула до Тюзембая 31 верста. Тюзембай-колодезь одиночный, глубиною 12 саж., при столбѣ воды—въ одну саж.; но вода въ немъ затхлая, скоро истощается, и надо было ждать около получаса, пока она набѣжитъ. Корму мало; топливо—кизякъ. По недостаточности воды въ колодцѣ, колонна могла выступить лишь въ полдень слѣдующаго дня, употребивъ много времени на поеніе верблюдовъ. Въ тотъ день было пройдено 29 верстъ, и войска ночевали у дождевой лужи воды, въ 3 1/2 верстахъ отъ колодцевъ Кущата.

Кавалерійская колонна, выступившая отъ Суня-темира утромъ, 28-го августа; къ полудню прибыла къ колодцамъ Акъ-чукуръ, гдѣ и имѣла привалъ до 4 1/2 часовъ пополудни, поила лошадей и варила обѣдъ. Въ четыре часа она выступила далѣе и ночевала у колодцевъ Кизылъ-ташъ. 29-го числа на ночлегъ колонна располагалась у колодца Еркембай, а 30-го августа, въ половинѣ перваго часа пополудни, подошла къ колодцамъ Кущата одновременно съ колонною маіора Навроцкаго.

31-го августа, рано утромъ, къ Кущата прибыли почти одновременно правая и средняя колонны Мангишлакскаго отряда.

Довольствіе кавказскихъ войскъ, на время пребыванія ихъ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, приняло на себя туркестанское полевое интендантство, и потому на обязанности кавказскаго начальства лежало лишь обезпеченіе Мангишлакскаго отряда при обратномъ походѣ. Прибытіе запасовъ изъ Оренбургскаго военнаго округа въ Ургу, вслѣдствіе чего отрядъ могъ снабдить себя довольствіемъ на половину пути между Аральскимъ моремъ и Киндерли, значительно облегчило кавказскому начальству задачу снабженія отряда; ему оставалось только заготовить и выслать на встрѣчу войскамъ провіантъ и фуражъ не болѣе какъ на полмѣсяца. По полученіи объ этомъ донесенія начальника отряда, командующій войсками Дагестанской области сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ довольствія изъ Киндерли въ Бишъ-акты на три недѣли, причемъ пропорція на 12 дней предназначалась для экспедиціоннаго отряда на полпути между Аральскимъ моремъ и Бишъ-акты, а остальное—для обезпеченія его отъ послѣдняго пункта до Киндерли. Затѣмъ, на берегу было заготовлено продовольствіе на время нахожденія отряда въ Киндерли, впредь до отправленія оттуда частей войскъ въ Петровскъ, приблизительно на двѣ недѣли.

Въ виду значительности безводнаго пространства между Каунды и Сенекомъ (мертвыя станціи) и предоставленія экспедиціонному отряду удобствъ при возвращеніи его изъ ханства, оказалось возможнымъ сократить разстояніе между этими пунктами на нѣсколько верстъ, разработавъ дорогу на Артъ-каунды, гдѣ движенію препятствовали скалы, крутые подъемы и спуски. Генералъ-адъютантъ князь Меликовъ поручилъ завѣдывающему опорными пунктами Мангишлакскаго отряда, маіору Навроцкому, разработать дорогу въ указанномъ направленіи, что и исполнено тремя ротами пѣхоты. Разработка дороги значительно облегчила слѣдованіе отряда, давъ ему возможность обойти сыпучіе пески, простирающіеся на 15 верстъ между Бишъ-акты и Сенекомъ. Однако, и за сокращеніемъ разстоянія между колодцами Каунды и Сенекъ, все же оставалось большое безводное пространство; запасенная же вода, насколько можно было ея взять съ собою, при дурномъ своемъ качествѣ, сильно портилась при перевозкѣ въ бурдюкахъ и теряла свѣжесть. Поэтому командующій войсками Дагестанской области, желая предоставить отряду возможность, при обратномъ слѣдованіи, имѣть въ достаточномъ количествѣ свѣжую воду между Бишъ-акты и Артъ-каунды, призналъ необходимымъ вырыть нѣсколько новыхъ колодцевъ, и приказалъ маіору Навроцкому нанять для такой работы туземцевъ за извѣстное вознагражденіе[14]). Но распоряженіе это не было приведено въ исполненіе.

Во время туркменской экспедиціи, въ концѣ іюля, опредѣлилось, когда Мангишлакскій отрядъ можетъ быть отпущенъ домой. 25 іюля изъ лагеря подъ Ильяллы начальникъ отряда послалъ приказаніе завѣдывающему опорными пунктами, чтобы у него къ 20-му августа все было готово въ Бишъ-акты; но когда посылалось это приказаніе, еще не имѣлось свѣдѣній, по какому пути пойдетъ отрядъ въ Киндерли, т. е. на Ильтедже—по старой дорогѣ, или на Кущата — по новой; поэтому маіору Навроцкому предписывалось быть въ готовности доставить между 30-мъ августа и 4-мъ сентября въ Ильтедже или Кущата двухнедѣльную пропорцію довольствія для дѣйствующаго отряда, для 1.400 человѣкъ и 400 лошадей, а также полушубки, бурдюки, боченки, колесо для поднятія воды изъ глубокихъ колодцевъ, а если достанетъ перевозочныхъ средствъ, то и 246 переносныхъ палатокъ: по 20 на роту, по 14—на сотню и по 10—на артиллерію. Для конвоированія транспорта, маіору Навроцкому предлагалось взять съ опорныхъ пунктовъ

14) Отзывъ командующаго войсками Дагестанской области въ штабъ кавказскаго военнаго округа 26-го іюля 1873 года, № 3753, и 25-го августа, № 4231.

возможно-большее количество войскъ, оставивъ въ Киндерли и въ Бишъ-акты только по одной ротѣ. Съ колонной долженствовали прибыть и всѣ разсыльные изъ туземцевъ, находившіеся на опорныхъ пунктахъ. 2-го августа окончательно опредѣлилось направленіе отряда по дорогѣ на Кущата, куда, по заранѣе составленному маршруту, отряду и надлежало прибыть 31-го августа. Къ этому же времени долженъ былъ подойти туда и маіоръ Навроцкій.

Для поднятія транспорта, у маіора Навроцкаго находилось 507 верблюдовъ и около 10 повозокъ. Въ конвой транспорту назначены 1 $^1/_4$ роты (185 штыковъ) и сотня казаковъ (105 коней). По неимѣнію достаточныхъ перевозочныхъ средствъ, маіоръ Навроцкій не могъ поднять палатокъ для экспедиціоннаго отряда, и, кромѣ того, конвойныя войска не были снабжены мясомъ въ достаточномъ количествѣ. Дѣло въ томъ, что, съ прибытіемъ верблюдовъ изъ Красноводска, не представлялось уже надобности въ арбяномъ транспортѣ, и потому всѣ транспортные быки (97 штукъ) пошли на мясныя порціи. Навроцкій потребовалъ барановъ изъ Дагестана; но какъ военная шкуна «Персіянъ», поддерживавшая сообщеніе Киндерлинскаго залива съ Петровскимъ, могла доставлять еженедѣльно только по 50-ти барановъ, которыхъ недоставало для довольствія войскъ на опорныхъ пунктахъ, то это обстоятельство и явилось причиною, почему конвой транспорта и не имѣлъ мяса въ достаточномъ количествѣ.

Колонна маіора Навроцкаго выступила изъ Бишъ-акты утромъ, 23-го августа, и прибыла по назначенію вполнѣ благополучно, не потерявъ ни одного вьюка, несмотря на то, что для ухода за верблюдами онъ имѣлъ слишкомъ мало людей.

Всеобщій восторгъ и одушевленіе, съ которыми дѣйствующій отрядъ встрѣтился съ своими товарищами, пришедшими отъ Каспійскаго моря, трудно поддаются описанію: это была по-истинѣ братская, родственная встрѣча послѣ долгой разлуки. Крики «ура» долго не умолкали, когда эшелоны отряда подходили къ колодцамъ Кущата. Вечеромъ, 31-го августа, чтобы отпраздновать дорогой для всѣхъ русскихъ день 30-го августа, а также благополучное соединеніе съ колонной маіора Навроцкаго, у начальника отряда собрались всѣ офицеры. До самаго разсвѣта гремѣла музыка, не умолкали пѣсни, не переставали танцы. Тостъ за здоровье Государя Императора сопровождался салютомъ изъ всѣхъ шести орудій, причемъ хивинскія пушки стрѣляли хивинскимъ же порохомъ.

Въ Кущата два колодца, съ весьма обильною водою, а въ окрестностяхъ есть порядочный кормъ, но за то мало топлива. Въ 3 $^1/_2$ верстахъ отъ колодцевъ находилась большая лужа дождевой воды, на которую отправляли для водопоя всѣхъ животныхъ.

1-го сентября отрядъ дневалъ. Всѣ части приняли отъ маіора Навроцкаго довольствіе на девять дней и верблюдовъ, въ числѣ болѣе 900 человѣкъ.

2-го сентября пѣхота и артиллерія двинулась къ колодцамъ Бусага двумя колоннами: первая, изъ 5 $^1/_2$ ротъ и одной роты горнаго взвода и хивинскихъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Пожарова, въ 4 часа утра, и вторая, изъ 5-ти ротъ Апшеронскаго полка, полеваго взвода и вьюковъ кавалеріи, подъ командою подполковника Буемскаго, въ полдень. Кавалерія выступила въ 3 часа утра, 3-го сентября; при ней слѣдовалъ и начальникъ отряда. Первыя двѣ колонны направились чрезъ колодцы Ханбай, Карсакъ-джайнакъ, Косъ-акъ-крукъ и Кайгылы-бабаханъ, а кавалерія—чрезъ колодцы Косъ-кудукъ, Кайбагаръ, Акъ-крукъ и Кайгылы-бабаханъ.

Колонна подполковника Пожарова, послѣ небольшаго привала у колодца Джалхи-бекъ, въ полдень, 2-го сентября, прибыла къ колодцу Ханбай, глубиною 25 саженъ. Въ окрестностяхъ его кормъ скудный, а топлива почти нѣтъ. Къ колодцамъ Косъ-

акъ-крукъ (2 колодца, глубиною въ 25 саженъ) колонна пришла на слѣдующій день, около полудня, имѣя всего только часовой привалъ у лужи дождевой воды, находившейся верстахъ въ четырехъ отъ колодцевъ Карсанъ-джайнакъ. Эта лужа была столь обширна, что воды изъ нея достало на весь второй эшелонъ и на кавалерію. 4-го сентября первый эшелонъ достигъ колодцевъ Бусага.

Вторая колонна, выступившая въ полдень, 2-го сентября, пройдя колодезь Тагылъ-бай, въ 4-хъ верстахъ отъ Кущата (глубина 18 саженъ), имѣла привалъ у колодца Джалхи-бекъ, въ 19 верстахъ отъ Кущата. Такъ какъ въ этомъ колодцѣ воды оказалось мало [15]), то подполковникъ Буемскій рѣшился слѣдовать далѣе и заночевать въ безводномъ пространствѣ, пройдя въ тотъ день $24^1/_2$ версты. На ночлегѣ умеръ отъ тифа одинъ казакъ. На слѣдующій день утромъ колонна пришла къ колодцамъ Карсакъ-джайнакъ ($16^1/_2$ верстъ). Всѣхъ колодцевъ три, глубиною: одинъ въ 25 саженъ, другой въ 15 и третій въ 20; воды много, но только въ одномъ колодцѣ она хороша; въ остальныхъ же соленая и съ запахомъ сѣрнистаго водорода. Кормъ въ окрестностяхъ плохой, топлива нѣтъ. 4-го сентября подполковникъ Буемскій прослѣдовалъ чрезъ колодцы Косъ-акъ-крукъ, а 5-го числа чрезъ Кайгылы-бабаханъ, и рано утромъ пришелъ къ колодцамъ Бусага. Колодцы Кайгылы-бабаханъ лежатъ у подошвы чинка, въ глубокомъ, узкомъ и скалистомъ ущельѣ, и ихъ два, глубиною 10 саженъ съ соленою, съ запахомъ сѣрнистаго водорода водою. Спускъ къ колодцамъ весьма крутой и неудобный, такъ что артиллерію и арбы пришлось спускать при помощи людей.

Кавалерійская колонна обогнала подполковника Буемскаго на пути между колодцами Косъ-акъ-крукъ и Кайлылы-бабаханъ, и къ Бусага подошла одновременно съ колонною подполковника Пожарова. Отрядъ собрался къ колодцамъ Бусага раньше предположеннаго времени, и потому здѣсь была сдѣлана дневка.

6-го сентября войска выступили къ Бишъ-акты по той же дорогѣ, по которой двигались къ Хивѣ: колонны—подполковника Пожарова—до разсвѣта, подполковника Буемскаго—въ 8 часовъ утра, а кавалерія—въ 7 часовъ. Начальникъ отряда слѣдовалъ при второй колоннѣ. По составленному предположенію, кавалерія въ тотъ день долженствовала ночевать въ Каращекѣ, отдѣльно отъ пѣхоты, чтобы облегчить водопой; но, въ виду того, что въ Сай-кую находится 18 неглубокихъ колодцевъ, въ которыхъ воды такое изобиліе, что ея достанетъ на отрядъ, въ нѣсколько разъ превосходящій Мангишлакскій, начальникъ отряда собралъ сюда на ночлегъ всѣ войска.

Изъ Сай-кую колонны выступили къ роднику Камысты. Хорошо зная, что вода въ немъ дурнаго качества, войска взяли съ собою воду изъ Сай-кую. Кавалерія, прибывъ въ Камысты и сдѣлавъ здѣсь привалъ, прослѣдовала въ Бишъ-акты, за исключеніемъ сотни Ейскаго коннаго полка, оставшейся въ Камысты на нѣкоторое время, для разработки подъема изъ оврага на плоскость, и прибывшей въ Бишъ-акты уже отдѣльно отъ прочихъ сотенъ. Обѣ пѣхотныя колонны 6-го числа ночевали у Камысты и на другой день прибыли въ Бишъ-акты, гдѣ стояли гарнизономъ одна рота и одно полевое орудіе.

Послѣ дневки 8-го числа, во время которой принято изъ бишъ-актинскаго склада продовольствіе, отрядъ двинулся въ Кандерли слѣдующимъ порядкомъ:

1) 2 сотни кавалеріи—8-го сентября, послѣ полудня, для конвоированія курьера, отправленнаго на западный берегъ Каспія съ донесеніями. Сотни прибыли въ Киндерли 9-го числа, въ 4 часа пополудни.

[15]) Глубина колодца 20 сажевъ.

2) Три сотни кавалеріи, съ ракетною командою, подъ начальствомъ подполковника Квинитадзе, 9-го сентября, утромъ, чрезъ колодцы Сенекъ, и прибыли въ Киндерли на другой день, вечеромъ.

3) 3 1/2 роты, подъ командою подполковника Пожарова, 9-го числа послѣ полудня, тоже черезъ Сенекъ и дошла до Киндерли 12-го сентября утромъ.

4) Три роты, по одной отъ Апшеронскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ, и три полевыхъ орудія, подъ начальствомъ подполковника Буемскаго, 9-го числа, въ 2 часа пополудни, по прямой дорогѣ (разработанной) на Артъ-каунды, куда и прибыли въ 8 часовъ пополудни, 10-го числа, т. е. чрезъ 30 часовъ, находясь собственно въ движеніи 21 1/2 часовъ. Въ Киндерли роты прибыли 11-го числа, въ три часа пополудни. На дорогѣ умеръ одинъ рядовой.

5) Четыре роты Апшеронскаго и одна рота Ширванскаго полковъ, горный взводъ и хивинскія орудія, подчиненные подполковнику Гродекову, поднявъ тяжести на гору у Бишъ-акты, по разработанной дорогѣ, вечеромъ 9-го числа, выступили отсюда около полудня 10-го числа, и 12-го сентября, въ три часа пополудни, прибыли въ Киндерли. Когда колонна подошла къ послѣднему уступу Кызъ-крылгаръ, съ котораго уже видно море, войска привѣтствовали его криками «ура», а хивинскія орудія открыли пальбу, на которую отвѣчали орудія, находившіяся въ Киндерли. Персіяне тоже радовались, что насталъ конецъ ихъ трудному путешествію и недалеко уже время возвращенія ихъ на родину.

Во все время движенія отряда отъ колодцевъ Кущата до Киндерли погода стояла благопріятная: дни были прохладные и иногда пасмурные, а ночи весьма холодныя. Халаты оказались весьма полезны, и нижніе чины не разъ помянули добромъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана.

Немедленно по приходѣ въ Киндерли, всѣ 826 верблюдовъ, съ которыми войскамъ пришлось такъ долго возиться, были сданы киргизскимъ старшинамъ, съ тѣмъ, что они могутъ ими пользоваться для своихъ работъ, и приплодомъ отъ нихъ, но съ обязательствомъ, по требованію, представить немедленно этихъ животныхъ, не ссылаясь ни на какія отговорки, что верблюды пали или больны[16]. На верблюдахъ положены были клейма К (казенный). Отрядъ выступилъ всего съ 483 верблюдами, изъ нихъ маіоръ Навроцкій привелъ съ собою 507 штукъ, да на пути до Кунграда куплено 20 верблюдовъ; слѣдовательно, во время обратнаго похода, пало или брошено въ пути 184 верблюда; прибывшіе же въ Киндерли были весьма сильно изнурены. Половина изъ нихъ имѣла на спинахъ и на бокахъ большія раны, съ копошившимися въ нихъ червями, которыхъ нельзя было вывести, по неимѣнію лекарствъ; смрадъ отъ животныхъ былъ невыносимъ. Въ февралѣ 1874 года изъ числа 826-ти верблюдовъ пало 403 штуки.

Персіяне, прикомандированные къ частямъ войскъ, были отпущены въ персидскій таборъ, расположенный недалеко отъ военнаго лагеря. Со дня прибытія въ Киндерли всѣмъ, безъ исключенія, персіянамъ отпускалось въ сутки: взрослымъ 2 фунта муки и 1/8 фунта коровьяго масла, а малолѣтнимъ половина этой дачи. Нѣкоторые изъ персіянъ, преимущественно изъ числа находившихся, во время похода при офицерахъ въ качествѣ слугъ, изъявили-было желаніе отправиться вмѣстѣ съ ними въ Россію. Но когда прибылъ первый пароходъ для перевозки персіянъ на родину, всѣ они отказались отъ своего намѣренія: нѣкоторые изъ желанія увидѣть свое отечество, а другіе—изъ страха быть взятыми

[16]) Походное дѣло Мангишлакскаго отряда 1873 г., № 4.

въ солдаты, какъ о томъ кто-то распустилъ слухъ между ними. Хотя офицеры и старались растолковывать имъ, что Бѣлый Царь не нуждается въ службѣ такихъ людей, десятки которыхъ одинъ туркменъ ведетъ на продажу въ Хиву или въ Бухару, но они были твердо увѣрены въ справедливости приведеннаго слуха, и ни одинъ изъ нихъ не поѣхалъ въ Россію.

По случаю счастливаго окончанія хивинскаго похода, 14-го сентября, въ день воздвиженія Креста Господня, ровно чрезъ пять мѣсяцевъ по выступленіи изъ Киндерли перваго эшелона въ Хиву, отслужено было благодарственное молебствіе, и, при возглашеніи многолѣтія Государю Императору, изъ всѣхъ орудій произведенъ 101 пушечный выстрѣлъ. На мѣстѣ совершенія молебствія, при отправленіи отряда въ походъ и по возвращеніи изъ него, по мысли отряднаго священника, Андрея Варашкевича, поставлена войсками и персіянами изъ камня большая пирамида въ пять саженъ высотою и на ней водруженъ большой деревянный крестъ. Въ пирамиду вставлена доска съ слѣдующею надписью:

14-го апрѣля 1873 года
отрядъ кавказскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина:
9-я и 10-я линейныя и 1-я, 3-я и 4-я стрѣлковыя роты 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка,
8-я рота 83-го Самурскаго полка,
1-я, 2-я и 3-я стрѣлковыя роты 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка,
взводъ полевыхъ орудій 2-й батареи 21-й артиллерійской бригады,
команда 1-го кавказскаго сапернаго баталіона,
3-я и 4-я сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка,
4-я сотня Кизляро-гребенскаго полка,
1-я сотня Сунженскаго полка,
выступилъ противъ Хивы.
Хива занята 29-го мая.
Убитыхъ и умершихъ 23 человѣка.
Отрядъ возвратился изъ Хивы 12-го сентября 1873 года.

По прибытіи въ Киндерли, генералъ-маіоръ Ломакинъ получилъ предписаніе командующаго войсками Дагестанской области о распущеніи отряда. Войска съ нетерпѣніемъ ждали прихода судовъ, и только 21-го сентября прибыли три шкуны: военная:—«Персіянинъ» и Общества «Кавказъ и Меркурій»—«Армянинъ» и «Тамара».

Пользуясь хорошими буфетами на прибывшихъ судахъ, всѣ офицеры съ радостью привели въ исполненіе давно задуманную мысль — предъ роспускомъ отряда провести время въ дружеской пирушкѣ за стаканомъ вина; были приглашены всѣ командиры и офицеры судовъ и вечеръ прошелъ очень оживленно: музыка гремѣла, пушечные выстрѣлы не умолкали, тосты шли за тостами.

22-го сентября на шкунахъ отправились роты Ширванскаго полка, хоръ музыки Апшеронскаго полка, всѣ георгіевскіе кавалеры, сотня Ейскаго коннаго полка и хивинскія пушки. Съ первымъ же рейсомъ отправились Атаджанъ-тюря и генералъ-маіоръ Ломакинъ, передавшій начальство надъ войсками, остававшимися въ Киндерли, подполковнику Гродекову. 23-го числа ночью, суда, привезшія первый эшелонъ, медленно входили въ Петровскую гавань. Музыка на берегу играла маршъ; на шкунѣ же «Армянинъ» Апшеронская музыка, послѣ вечерней зари, исполнила «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и затѣмъ народный гимнъ, причемъ всѣ стоявшія въ гавани суда освѣтились фальш-

фейерами; раздались пушечные выстрѣлы, полетѣли ракеты, по всему берегу пронеслось продолжительное «ура» жителей, которому долго вторили войска на шкунахъ.

На слѣдующій день командующій войсками Дагестанской области привѣтствовалъ прибывшія войска, поздравилъ съ побѣдою и благодарилъ, отъ имени Государя Императора, за ихъ славную, молодецкую службу. Затѣмъ отслужили благодарственное молебствіе, послѣ котораго войска, пройдя церемоніальнымъ маршемъ, сѣли за устроенные подлѣ столы завтракать. Въ тотъ же день генералъ-адъютантъ князь Меликовъ давалъ большой обѣдъ прибывшимъ офицерамъ. Во время тостовъ за здоровье Государя Императора хивинскія орудія салютовали хивинскимъ порохомъ.

Сдавъ дессантъ и грузы, шкуны отплыли въ Киндерли за прочими войсками, которыя и были перевезены въ три рейса: въ первый—двѣ роты Апшеронскаго, 1 рота Самурскаго и 3 роты Ширванскаго полковъ, во второй — двѣ роты Апшеронскаго и 4-я сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ, и въ третій—рота Апшеронскаго полка, полевая и горная артиллерія, 3-я сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго и 1-я сотня Сунженскаго коннаго полковъ. Послѣдній эшелонъ отплылъ изъ Киндерли въ Петровскъ 6-го октября. Затѣмъ въ Киндерли оставалась лишь одна сотня Кизляро-гребенскаго полка, для прикрытія персіянъ, которыхъ еще не успѣли перевезти на родину, и для конвированія въ фортъ Александровскій разнаго отряднаго имущества. 12-го октября, съ отплытіемъ въ Астару послѣдней партіи персіянъ, сотня двинулась сухимъ путемъ въ фортъ Александровскій и осталась тамъ для занятія гарнизона.

Войска, прибывшія въ Петровскъ, были встрѣчаемы и чествуемы такъ же, какъ и первый эшелонъ.

Знаменательный походъ кавказскаго отряда въ Хиву окончился; войска, а въ особенности Апшеронцы стяжали себѣ новую славу, пріобрѣли новые трофеи, а Государю своему новаго вассала и обширную область. Хивинскія орудія, славный трофей Апшеронцевъ, «дѣти Буравцова», какъ назвалъ ихъ Августѣйшій главнокомандующій кавказскою арміею, имъ были подарены Апшеронскому полку и теперь находятся въ его штабъ-квартирѣ, въ гор. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ память, на вѣчныя времена, мужества и доблестей, оказанныхъ Апшеронцами въ славной Хивинской экспедиціи.

Его Императорское Высочество, главнокомандующій кавказскою арміею, въ приказѣ своемъ благодарилъ всѣхъ чиновъ Мангишлакскаго отряда, отъ перваго до послѣдняго, за ихъ доблестную службу. «Объ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи войскъ Мангишлакскаго отряда, — говорилось въ приказѣ, — ихъ мужествѣ и храбрости въ дѣлахъ съ непріятелемъ, бодрости и стойкости, съ которыми переносили они всѣ труды и лишенія, ихъ готовности, послѣ утомительныхъ переходовъ, тотчасъ встрѣтить новую борьбу съ враждебными силами природы, я получилъ нѣсколько заявленій какъ отъ ближайшаго ихъ начальника, полковника Ломакина, такъ отъ начальника Оренбургскаго отряда генералъ-лейтенанта Веревкина и отъ главнаго начальника всѣхъ экспедиціонныхъ въ Хивѣ войскъ, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, благодарившаго, послѣ занятія города Хивы, отъ имени Государя Императора, кавказскія войска за ихъ доблестную, молодецкую, честную службу. Относя столь блестящій походъ совершенной Мангишлакскимъ отрядомъ экспедиціи къ неусыпнымъ трудамъ и попеченіямъ командующаго войсками Дагенстанской области, генералъ-адъютанта князя Меликова, по приготовленію и снаряженію сего отряда, къ отличной распорядительности, энергіи и заботливости начальника отряда полковника Ломакина и всѣхъ ихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ,— равно къ примѣрной, вполнѣ соотвѣтствующей цѣли подготовкѣ войскъ обученіемъ и воспитаніемъ, подъ

наблюденіемъ прямаго ихъ начальства—отъ командующаго дивизіею до субалтернъ-офицера,—наконецъ къ превосходному духу и неослабному рвенію всѣхъ безъ исключенія офицеровъ и нижнихъ чиновъ свято исполнить долгъ службы и присяги,—я съ особеннымъ удовольствіемъ выражаю мою искреннюю признательность генералъ-адъютанту князю Меликову и мою душевную благодарность полковнику Ломакину, всѣмъ вообще ихъ сотрудникамъ въ дѣлѣ снаряженія отряда, всѣмъ начальникамъ войскъ, отдѣльныхъ въ отрядѣ частей, и всѣмъ офицерамъ. Нижнимъ чинамъ объявляю мое сердечное спасибо».

Подвиги Апшеронцевъ были достойно оцѣнены: 3-му баталіону Высочайше пожаловано Георгіевское знамя, съ надписью «за отличіе въ Хивинскомъ походѣ», а 1 и 4 стрѣлковыя роты получили надпись на шапки: «за отличіе въ Хивинскомъ походѣ».

Пожалованы награды: ордена — Св. Георгія 4 ст. маіору Буравцову; Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ подполковнику Аварскому, капитану Бекъ-Узарову, штабсъ-капитану Левенцову, поручику Орлову, подпоручику князю Аргутинскому-Долгорукову; Св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ: поручику Алхазову, подпоручику Сливинскому и прапорщику Сржедницкому; золотыя сабли съ надписью «за храбрость»: капитану Усачеву и штабсъ-капитану Хмаренко; Св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость»: прапорщикамъ Сржедницкому и Криштопенко.

Произведены въ слѣдующіе чины: въ подполковники—маіоры Буравцовъ и Аварскій; въ маіоры: Исламбекъ Бекъ-Узаровъ; въ капитаны: Хмаренко, Шкуринскій и Левенцовъ; въ штабсъ-капитаны: Алхазовъ и Орловъ; въ поручики—Сливинскій и въ подпоручики—Криштопенко.

Знаками отличія Военнаго ордена 4 ст. награждены: фельдфебеля: Иванъ Андреевъ, Михаилъ Шитовъ, Игнатъ Шестаковъ, Иванъ Новицкій и Яковъ Ханино. Унтеръ-офицеры: Семенъ Романовъ, Кузьма Коротковъ, Осипъ Дурденскій, Войцехъ Влязло, Иванъ Бѣлетовъ, Романъ Барзовъ, Степанъ Коломицъ, Павелъ Липинскій, Григорій Карповъ, Павелъ Стафуринъ, Петръ Кутулисъ, Василій Лукьяновъ, Казиміръ Микуличъ, Петръ Числянскій, Алексѣй Сурковъ, Антонъ Колпатъ, Меркулъ Юшковъ, Иванъ Герусъ, Осипъ Тимофеевъ, Петръ Сулѣевъ, Василій Окишевъ, Герасимъ Дубицкій, Василій Ухановъ, Михаилъ Асетниковъ, Матвѣй Левандовскій, Никита Котовъ, Гайбадулъ Гайфулинъ и Францъ Романовскій. Рядовые: Осипъ Малярчикъ, Кириллъ Мироненко, Людвигъ Кулакъ, Ѳедоръ Кузнецовъ, Василій Кряковъ, Антонъ Пасикъ, Алексѣй Умновъ, Ефимъ Семакинъ, Иванъ Писанинъ, Логинъ Ѳедоровъ, Петръ Кузнецовъ, Томашъ Буржановскій, Михаилъ Никифоровъ, Никифоръ Загородновъ, Константинъ Балаболкинъ, Никифоръ Калининъ, Василій Коноваловъ, Елистратъ Еванцовъ, Степанъ Козинъ, Иванъ Козовъ, Филиппъ Татарченко, Михаилъ Кровзюкъ, Михаилъ Галкинъ, Михаилъ Александровъ, Антонъ Гвоздевъ, Николай Крюковъ, Касперъ Варшавскій, Иванъ Сементинъ, Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Корневъ, Захаръ Бурдинъ, Кириллъ Филипповъ, Михаилъ Сабитовъ, Ефимъ Есиповъ, Мартынъ Куявскій, Яковъ Ивановъ, Адамъ Даткевычъ, Абдулъ Булатовъ, Исай Дементьевъ, Григорій Евдокимовъ, Николай Орѣховъ, Янъ Киштаринъ, Осипъ Боликовъ, Николай Галгинъ, Алексѣй Рубановъ, Андрей Кущенъ, Юрій Станкевичъ, Иванъ Караваевъ, Евдокимъ Сидоровъ, Николай Чекулаевъ и Сидоръ Шорвъ.

ВОЗСТАНІЕ ВЪ ЧЕЧНѢ И ДАГЕСТАНѢ.

Глава Двадцать Первая.

Трехлѣтній мирный періодъ. — Отдѣленіе 4-го баталіона на сформированіе 164 Закатальскаго полка. — Новый командиръ полка. — Начало возстанія въ Дагестанѣ. — Дѣйствія отряда князя Накашидзе. — Подавленіе возмущенія въ Гумбетѣ и Дидо. — Военныя дѣйствія въ Чечнѣ. — Расположеніе войскъ въ половинѣ августа. — Движеніе отряда къ селенію Дышни-Веденю. — Атака и взятіе селенія. — Дѣло у Гамердука. — Движеніе главныхъ силъ на Эрсенай-Кортъ. — Потери отряда. — Донесеніе генерала Смѣкалова о дѣлѣ 14 августа. — Наступленіе къ Эрсеною. — Занятіе и истребленіе этого селенія. — Перестрѣлка у переправы черезъ Гудермесъ. — Занятіе Цонтороя. — Дѣло съ партіями мятежниковъ на Тезенкалинскихъ высотахъ. — Изъявленіе покорности жителями Верхняго и Средняго Кургалая и др. — Движеніе отряда къ Беною. — Занятіе этого аула. — Выступленіе къ Веденю. — Прибытіе въ отрядъ генералъ-адъютанта Свистунова. — Движеніе на р. Бассъ. — Описаніе мѣстности между Веденемъ и Мохкеты. — Силы противника. — Порядокъ марша. — Дѣло съ чеченцами у четвертой балки. — Атака Апшеронцевъ. — Разсѣяніе мятежниковъ и взятіе заваловъ. — Наши потери. — Истребленіе жительскихъ посѣвовъ. — Порядокъ движенія отряда. — Рубка лѣса. — Продолженіе наступленія къ Элистанджинской полянѣ. — Дѣло аріергарда. — Изъявленіе покорности жителями Элистанджи. — Засада чеченцевъ. — Потери отряда. — Донесеніе генералъ-маіора Смѣкалова о дѣлахъ 25 и 28 августа. — Возвращеніе Нагорнаго Дагестанскаго отряда въ Шуру.

По возвращеніи изъ Хивинскаго похода, для Апшеронцевъ наступилъ мирный періодъ, продолжавшійся, впрочемъ, очень недолго. Большая часть полка собралась въ штабъ-квартирѣ, въ уроч. Ишкартахъ; отсюда баталіоны по-очереди ходили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, для занятія караула.

Во второй половинѣ 1874 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи на Кавказѣ четырехъ полковъ, которые должны были образовать 41-ю дивизію, вслѣдствіе чего для этой цѣли назначались баталіоны кавказскихъ полковъ.

1-го августа того же года послѣдовало распоряженіе о сформированіи 164 Закатальскаго полка, для чего отъ Апшеронскаго полка назначенъ къ отправленію 4-й баталіонъ въ полномъ составѣ, со всѣми его отличіями.

Отдѣленіе именно 4-го баталіона для Апшеронцевъ было весьма тяжелой потерей. Изъ состава полка, пришедшаго въ 1819 году изъ Россіи, въ полку оставались только 1-й и 4-й баталіоны; онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею съ европейскими государствами, и имѣлъ отличія: 1) серебряную трубу съ надписью: «поспѣшность и храбрость за взятіе города Берлина 28-го сентября 1760 года»; 2) походъ за военное отличіе, пожалованный полку 20-го сентября 1799 года; 3) знаки на шапкахъ «за отличіе въ 1857 году», пожалованные 25-го декабря 1858 года, и 4) Георгіевское знамя, пожалованное за штурмъ Гуниба 25 августа 1859 года, и, кромѣ того, имѣвшее надпись: «за отличіе при взятіи штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года».

Грустно и трогательно было разставаніе Апшеронцевъ съ покидающимъ ихъ баталіономъ, и не одна слеза пролилась при прощаніи. Да оно и понятно: часть полка, составлявшая ядро стараго Апшеронскаго полка, уходила навсегда, перемѣняла свое названіе

и, кромѣ того, уносила немало дорогихъ отличій, добытыхъ Апшеронцами сообща на поляхъ Европы и въ горахъ Кавказа. Съ отдѣленіемъ баталіона Апшеронцы лишались части своихъ отличій и навсегда теряли связь съ бывшими своими полковыми товарищами и братьями...

Наименованіе 4-го баталіона принялъ стрѣлковый баталіонъ, сохранивъ отдѣльную нумерацію своихъ ротъ, и только въ 1877 г., приказомъ по Кавказскому военному округу отъ 5-го мая, стрѣлковыя роты наименованы: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й.

Въ концѣ 1875 года командиръ полка, полковникъ Ореусъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 39-й дивизіи, а вмѣсто него, Высочайшимъ приказомъ 6 января 1876 года, командиромъ полка назначенъ полковникъ Левъ Кузьмичъ Чижиковъ. Въ январѣ того же года 2-й баталіонъ полка, подъ командою подполковника Энгбрехта, отправленъ былъ въ гор. Красноводскъ, гдѣ и поступилъ въ составъ Красноводскаго отряда; изъ остальныхъ частей полка 2-я линейная рота находилась въ фортѣ Александровскомъ и оставалась тамъ до мая мѣсяца 1877 года.

Несправедливыя гоненія турокъ на православное населеніе Оттоманской Порты, угнетенія и жестокости, которымъ подвергались наши единовѣрцы и единоплеменники въ подвластныхъ Турціи провинціяхъ, вынудили наше правительство, послѣ неоднократныхъ попытокъ уладить дѣло путемъ мирныхъ переговоровъ, объявить Турціи войну.

Еще задолго до открытія военныхъ дѣйствій, — турецкое правительство озаботилось отправить на Кавказъ своихъ эмисаровъ, съ цѣлью поднять знамя возстанія въ мусульманскихъ провинціяхъ и тѣмъ самымъ отвлечь часть нашихъ войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ. Дѣятельность турецкихъ агентовъ оказалась вполнѣ плодотворной, что вскорѣ и выяснилось: едва открылись военныя дѣйствія съ Турціей, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана и Чечни появились частныя возмущенія, перешедшія вскорѣ въ открытое, поголовное возстаніе.

По полученіи первыхъ извѣстій о возстаніи, командующій войсками въ Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ сдѣлалъ распоряженіе о сформированіи отряда въ укрѣпленіи Ботлихѣ и ввѣрилъ начальство надъ нимъ полковнику князю Накашидзе; въ составъ этого отряда, въ числѣ прочихъ частей, вошли также 1-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ [1]). Къ нашему глубокому сожалѣнію, о первоначальныхъ дѣйствіяхъ отряда князя Накашидзе мы можемъ дать только весьма краткій отчетъ, ибо дѣло Главнаго Штаба, гдѣ находились описанія этихъ дѣйствій, утеряно.

Сформированный у Ботлиха, нагорный Дагестанскій отрядъ имѣлъ первоначальною цѣлью оказать содѣйствіе войскамъ Терской области къ усмиренію мятежа, обнаружившагося въ пограничныхъ съ Дагестаномъ обществахъ. Начавъ свою дѣятельность со стороны Андійскихъ высотъ и продолжая ее въ Чаберлоевскомъ обществѣ, нагорный отрядъ, въ половинѣ мая, выполнилъ свою задачу и поторопился возвратиться въ Дагестанъ, такъ какъ мятежъ, вспыхнувшій въ Гумбетѣ и угрожавшій сообщиться ближайшимъ селеніямъ Западнаго Дагестана, требовалъ для подавленія его принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Не смотря на малочисленность отряда, полковникъ князь Накашидзе направился изъ Ботлиха въ Гумбетъ по чрезвычайно трудной для движенія дорогѣ. 17-го мая, послѣ весьма тяжелой ночи, во время которой свирѣпствовала снѣжная мятель, отрядъ у сел. Сіухъ наголову разбилъ скопище возставшихъ гумбетовцевъ, что сразу измѣнило положеніе дѣлъ: Гумбетъ былъ усмиренъ, главные мятежные аулы истреблены, а населеніе ихъ, подъ кон-

[1]) Командиры баталіоновъ: 1-го маіоръ князь Магаловъ и 3-го маіоръ Поповъ.

воемъ гумбетовцевъ же, не принимавшихъ участія въ возстаніи, отправлено въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Едва отрядъ водворилъ спокойствіе въ Гумбетѣ, какъ обнаружилось возстаніе на противоположной окраинѣ Западнаго Дагестана, въ трудно доступномъ и хорошо укрѣпленномъ Дидоевскомъ обществѣ, гнѣздившемся въ самыхъ недоступныхъ горныхъ трущобахъ, путь къ которымъ пролегалъ черезъ высокія горы, покрытыя вѣчными снѣгами.

Поднявшись на снѣжныя высоты и разработавъ снѣжные завалы у глетчера горы Бочокъ, отрядъ князя Накашидзе вошелъ въ Дидоевское общество, и 18-го іюня взялъ штурмомъ сел. Асохо, послѣ чего все населеніе изъявило безусловную покорность.

Нагорный отрядъ вторично возвратился въ Ботлихъ, но оставался здѣсь недолго: распространившійся мятежъ въ Чечнѣ потребовалъ усиленія находившихся тамъ войскъ, и, въ половинѣ іюля, князь Накашидзе съ отрядомъ двинулся въ Терскую область, гдѣ и поступилъ въ составъ отряда генералъ-маіора Смѣкалова.

Въ половинѣ августа положеніе дѣлъ въ Чечнѣ было таково: все населеніе Ичкеріи находилось въ полномъ возстаніи; огромныя скопища горцевъ расположились на господствующихъ надъ Веденемъ высотахъ и, не смотря на сосредоточеніе въ окрестностяхъ укрѣпленія довольно значительныхъ русскихъ силъ, дерзко вступали въ перестрѣлку съ отрядомъ, занимавшимъ Эрсеной-Кортъ, и съ прибывшими изъ Дагестанской области войсками, подъ начальствомъ полковника гвардіи князя Накашидзе. На хребтѣ Гамердукъ, устроивъ завалы, расположились партіи: Алибека, Султанъ-Мурада и Сулеймана; они же заняли аулъ Дышни-Ведень, жители коего, скрывъ въ лѣсахъ свой скотъ и имущество, присоединились къ возмутившимся. Высоты, составляющія лѣвый берегъ Западнаго Хулхулау и тянущіеся параллельно дорогѣ, ведущей изъ укр. Ведень въ Эрсеной, занимала шайка Такзая Малкетинскаго. Только одинъ аулъ Ца-Ведень, благодаря близкому сосѣдству партизанской команды, сохранялъ сомнительное положеніе, не передаваясь явно на сторону мятежниковъ. Войска, собранныя въ окрестностяхъ укр. Ведень къ 12 августа, были расположены слѣдующимъ образомъ:

На полянѣ, между укрѣпленіемъ и ауломъ Дышни-Ведень,—1-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго полка, дивизіонъ горной № 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады, 5 сотенъ пѣшей Дагестанской дружины и 3 ½ сотни Дагестанской конной милиціи.

Въ укр. Ведень—4 роты Куринскаго полка.

Вблизи милиціонерскаго поста—Ингушевская сотня временной милиціи и прибывшая 13-го августа 1-я сотня Сунженскаго полка.

На Эрсеноѣ—9-ть ротъ Куринскаго полка и горный взводъ 3-й батареи 20-й артиллерійской бригады.

На сѣверной оконечности Веденскаго плато, при спускѣ дороги къ Хулхулау, — рота Куринскаго полка.

Въ бывшемъ укрѣпленіи Арджнахкѣ,—партизанская команда, силою въ 30-ть штыковъ.

Въ укр. Эрсеной—рота Куринскаго полка.

Присутствіе многочисленныхъ шаекъ и враждебное намъ настроеніе всего населенія Ичкеріи указывали на необходимость безотлагательныхъ и самыхъ энергическихъ мѣръ, тѣмъ болѣе что въ средѣ горцевъ, судя по ихъ дерзко-вызывающему поведенію, сложилось убѣжденіе, что мы не рѣшимся предпринять наступательныхъ дѣйствій, чему подтвержденіемъ служило явное неповиновеніе жителей аула Дышни-Веденя, находящагося подъ выстрѣлами укрѣпленія.

На вечернемъ совѣщаніи 12-го августа, въ которомъ принималъ участіе начальникъ Дагестанскаго отряда, полковникъ князь Накашидзе, было рѣшено: предложить жителямъ

*

аула Дышни-Веденя выдать аманатовъ, по одному съ каждыхъ 10-ти дворовъ, а въ случаѣ отказа—уничтожить аулъ, двинувшись затѣмъ съ отрядомъ чрезъ Эрсеной-Кортъ къ аулу Эрсеной. Такъ какъ войска 13-го же числа могли быть вынуждены приступить къ выполненію сказаннаго предположенія, то генералъ Смѣкаловъ послалъ приказаніе начальнику колонны на Эрсеной-Кортъ о занятіи тремя ротами возвышенности Гамердукъ, для поддержанія сообщенія съ укр. Веденемъ и для облегченія движенія отряда на Эрсеной-Кортъ.

Переговоры съ жителями аула Дышни-Веденя затянулись до вечера и выразились въ прибытіи въ отрядъ нѣсколькихъ человѣкъ стариковъ, съ заявленіемъ, что требованія генерала относительно выдачи аманатовъ не могутъ быть выполнены. Три роты Куринскаго полка, занимавшія Гамердукъ, весь день вели перестрѣлку съ мятежниками и потеряли при этомъ одного раненаго. Такъ какъ на Гамердукѣ не было воды и оставленіе здѣсь ротъ на ночь, въ виду сосредоточенія значительнаго числа горцевъ, признавалось неудобнымъ, то начальникъ отряда приказалъ имъ, съ наступленіемъ сумерекъ, возвратиться обратно, а съ разсвѣтомъ 14-го занять ту же позицію. Отступленіе колонны съ Гамердукской возвышенности совершилось безъ потерь. Съ Эрсеной-Корта, для облегченія движенія, выслана была на встрѣчу одна рота. Въ 11 часовъ вечера, 13-го числа, послѣдовало приказаніе о выступленіи на другой день, въ 5 часовъ утра, отряда князя Накашидзе и сотенъ Сунженской и Ингушевской по направленію къ аулу Дышни-Ведень; Дагестанскій отрядъ взялъ съ собою 8-ми-дневный запасъ провіанта.

Для занятія аула Дышни-Веденя предназначалось восемь ротъ пѣхоты, 4 горныхъ орудія, пять сотенъ Дагестанской пѣшей дружины и вся кавалерія отряда.

Въ назначенное время войска выступили съ бивуачнаго расположенія и, оставивъ обозъ, подъ прикрытіемъ 1-й и 11-й ротъ Апшеронскаго полка, въ 160 саженяхъ отъ 1-й балки, двинулись къ аулу. 4-я рота 1-го баталіона Апшеронскаго полка, прикрывала артиллерію, слѣдовавшую по дорогѣ, а 3-я и 2-я роты, выславъ цѣпь стрѣлковъ, двигались вправо отъ артиллеріи въ ротныхъ колоннахъ; кавалерія слѣдовала за правымъ флангомъ 2-й роты; 9-я и 10-я роты 3-го баталіона, имѣя въ резервѣ 12-ю, подъ прикрытіемъ цѣпи стрѣлковъ, составили лѣвый флангъ, за крайней оконечностью котораго шли, въ густой колоннѣ, 5 сотенъ пѣшей Дагестанской дружины.

Первую балку, находящуюся въ 200 саженяхъ отъ аула, и расположенный передъ нею кирпичный заводъ—мятежники не защищали; лѣвый же обрывистый берегъ второй балки пришлось занимать подъ выстрѣлами непріятеля, засѣвшаго въ крайнихъ сакляхъ кварталовъ аула, расположенныхъ на правомъ берегу этой балки. Предварительно форсированія переправы, рѣшено было подготовить занятіе аула артиллерійскимъ огнемъ, для чего дивизіонъ 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ командира батареи, подполковника князя Шервашидзе, подъ выстрѣлами мятежниковъ, выѣхалъ на позицію и немедленно открылъ огонь по аулу картечными и обыкновенными гранатами съ разстоянія не болѣе ста саженъ. Закипѣла оживленная ружейная перестрѣлка. Горцы особенно сильно вредили намъ съ кладбища, расположеннаго на западной оконечности аула. Для дѣйствія противъ этого пункта отдѣлился вправо одинъ взводъ горныхъ орудій, который, занявъ удобную позицію, нѣсколькими удачными выстрѣлами, заставилъ мятежниковъ оставить кладбище. Этотъ моментъ былъ признанъ удобнымъ для штурма аула. По данному сигналу, вторая, третья, девятая и двѣнадцатая роты Апшеронцевъ быстро спустились въ балку, а стрѣлки, поддержанные резервами, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ начали подниматься, подъ выстрѣлами, на противопо-

ложный крутой берегъ. Чтобы не позволить непріятелю сосредоточиваться въ большихъ массахъ для дѣйствія противъ стрѣлковъ и резервовъ во время подъема, артиллерійскій огонь не прекращался по аулу и кладбищу. Замѣтивъ, что горцы, весьма искусно воспользовались лѣсистымъ выступомъ праваго берега балки и начали наносить вредъ колоннамъ, занимавшимъ дно ея, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ приказалъ есаулу Аѳанасьеву послать пятьдесятъ спѣшенныхъ казаковъ, въ обходъ по лѣсистому оврагу, для выбитія засѣвшихъ въ лѣсу смѣльчаковъ, что казаки и исполнили превосходно, быстро заставивъ мятежниковъ очистить занятую ими мѣстность. Какъ только стрѣлки и слѣдующіе за ними резервы поднялись на крутой берегъ обрыва и выбили мятежниковъ изъ крайнихъ саклей, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ предложилъ подполковнику Шервашидзе переправиться въ аулъ со взводомъ артиллеріи и, принявъ общее начальство надъ колонною, пройти аулъ и, преслѣдуя непріятеля на возможно дальнее разстояніе за оный, остановить затѣмъ войска, чтобы дать время милиціи заняться уничтоженіемъ аула и истребленіемъ хлѣбовъ, произраставшихъ на полянахъ, къ югу отъ поселенія. Вошедшіе въ аулъ стрѣлки и роты Апшеронцевъ начали тѣснить мятежниковъ и, быстро занимая саклю за саклей, въ непродолжительномъ времени очистили все селеніе. 2 горныхъ орудія, проѣхавъ чрезъ пылавшій аулъ, открыли стрѣльбу по толпамъ отступавшихъ на Гамердукъ мятежниковъ; цѣпь продолжала вести перестрѣлку съ горцами, часть которыхъ, не успѣвъ присоединиться къ партіи, отступавшей къ Гамердуку, засѣла вновь на кладбищѣ и открыла оттуда огонь по Дагестанской конной милиціи, направлявшейся чрезъ аулъ, для истребленія полей. Нѣсколько гранатъ, удачно пущенныхъ взводомъ горныхъ орудій, оставшимся на лѣвомъ берегу балки, принудили мятежниковъ броситься въ лѣсистый оврагъ, тянущійся по направленію къ аулу Хорогой, и кладбище было занято спѣшившимися Дагестанцами. Этимъ однако не окончилось сопротивленіе защитниковъ аула: нѣсколько десятковъ горцевъ, изъ числа выбитыхъ изъ кладбища, пробравшись по лѣснымъ тропинкамъ, пытались нанести вредъ прикрытію взвода и сотнямъ Сунженской и Ингушевской, стоявшимъ на оконечности праваго фланга. Спѣшенные казаки и ингуши прогнали стрѣлявшихъ мятежниковъ. Подполковникъ Шервашидзе, выдвинувъ свою колонну за аулъ, остановилъ, согласно приказанія, войска и прикрылъ ими пѣшую и конную Дагестанскія милиціи, занявшіяся уничтоженіемъ селенія и истребленіемъ хлѣбовъ.

Въ то время, когда войска Дагестанскаго отряда двигались къ аулу и занимали его, на высотахъ Гамердука происходило слѣдующее.

Въ 2 1/2 часа утра съ Эрсеной-Корта двинулась, для занятія возвышенности Гамердука, колонна, подъ начальствомъ капитана Битнерскаго, въ составѣ 4-хъ ротъ Куринскаго полка, при одномъ горномъ орудіи. Колонна слѣдовала со всѣми предосторожностями, имѣя въ авангардѣ одну роту съ передовою цѣпью; за нею слѣдовали горное орудіе и двѣ роты; аріергардъ состоялъ изъ роты съ посланною назадъ цѣпью. Чтобы горцы не могли заподозрить присутствія при колоннѣ орудія, колеса его обвернули соломой и мочалой. Въ 600-хъ шагахъ отъ Гамердука горное орудіе, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, было оставлено на позиціи, весьма удобной для обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности, а двѣ роты продолжали движеніе къ Гамердуку. Въ 40 шагахъ отъ занимавшейся, наканунѣ, позиціи, роты были встрѣчены, изъ устроенной мятежниками засады, нѣсколькими сильными залпами. Отвѣтивъ на нихъ, обѣ Куринскія роты бросились въ штыки и заставили мятежниковъ очистить устроенные ими на скорую руку завалы. Затѣмъ одна изъ ротъ разсыпала цѣпь стрѣлковъ и, занявъ ими оврагъ и курганы влѣво отъ дороги, ведущей изъ укрѣпленія Ведень на Эрсеной-Кортъ, до самаго разсвѣта вела съ мятежниками пере-

стрѣлку; послѣдніе, пользуясь темнотою ночи и пересѣченною мѣстностію, упорно держались на разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла.

Для противодѣйствія горцамъ, одна рота расположилась вправо отъ вышеупомянутой дороги; съ разсвѣтомъ горное орудіе открыло огонь по засѣвшимъ за завалами толпамъ горцевъ и нѣсколько разъ, своими мѣткими выстрѣлами, заставляло мятежниковъ очищать занятую ими мѣстность. Хребетъ Гамердукъ впереди цѣпи стрѣлковъ переходилъ въ узкій перешеекъ, покрытый густымъ кустарникомъ; горцы, воспользовавшись этимъ закрытіемъ, своими выстрѣлами сильно безпокоили колонну, и потому капитанъ Битнерскій, съ 3-мя взводами, выбилъ ихъ оттуда штыками и, приступивъ, подъ огнемъ непріятеля, къ вырубкѣ кустарника, приказалъ въ то же время горному орудію спуститься на Гамердукъ и открыть огонь съ болѣе близкой дистанціи. Три, удачно разорвавшіяся въ рядахъ мятежниковъ, гранаты, заставили ихъ обратиться въ бѣгство. Пользуясь безпорядкомъ, съ которымъ отступалъ противникъ, наши войска преслѣдовали его по пятамъ и успѣли занять курганъ, находящійся въ 200 саженяхъ отъ главнаго укрѣпленія мятежниковъ. Съ вершины занятаго кургана видно было, что горцы, рѣшившись упорно защищать занятую ими позицію, сильно ее укрѣпили, устроивъ на одной изъ ея возвышенностей нѣчто въ родѣ редута изъ земли, хвороста и бревенъ. Лѣсистая восточная покатость хребта была сплошь покрыта крѣпкими завалами, а впереди укрѣпленія возвышался холмъ, занятіе котораго являлось для насъ весьма важнымъ, ибо съ вершины его можно было обстрѣливать внутренность укрѣпленія. Горное орудіе, занявъ позицію, приступило къ обстрѣливанію укрѣпленія; вслѣдъ за тѣмъ произведена была атака холма, который, послѣ упорной перестрѣлки, и былъ занятъ русскими войсками, заставившими мятежниковъ укрыться въ укрѣпленіи. Въ это самое время капитанъ Битнерскій получилъ записку отъ генерала Смѣкалова, предлагавшаго ему сообразовывать свои дѣйствія съ дѣйствіями главныхъ силъ, которыя, покончивъ съ ауломъ Дышни-Веденемъ, приступили къ выполненію 2-й части своей задачи—къ движенію на Эрсеной-Кортъ.

Пользуясь полнымъ разстройствомъ непріятеля, капитанъ Битнерскій, слабо преслѣдуемый, отошелъ къ Гамердуку.

Между тѣмъ, дѣло уничтоженія ауловъ и истребленія посѣвовъ было закончено на сколько возможно, и Апшеронцы, очистивъ пылавшее селеніе, къ часу пополудни, сосредоточились на пространствѣ между двумя балками. Здѣсь былъ данъ двухъ-часовой отдыхъ, и затѣмъ отрядъ, имѣя 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка въ авангардѣ, двинулся на Эрсеной-Кортъ, куда и прибылъ въ 5 часовъ пополудни, присоединивъ къ себѣ, на Гамердукѣ, колонну Битнерскаго.

Во время движенія къ Гамердуку и далѣе на Эрсеной-Кортъ перестрѣлка велась въ колоннѣ Битнерскаго и въ главныхъ силахъ въ правой цѣпи, которую занимали спѣшенные казаки 1-й сотни Сунженскаго полка.

Въ дѣлѣ 14-го августа отрядами, занимавшими аулъ Дышни-Ведень и хребетъ Гамердукъ, наши потери заключались въ 7 раненыхъ нижнихъ чинахъ Апшеронскаго полка.

Патроновъ выпущено въ Апшеронскихъ баталіонахъ 4.390, артиллерійскихъ снарядовъ 3.

Пользуясь отдыхомъ, даннымъ послѣ разоренія аула и распорядившись отправленіемъ раненыхъ въ укрѣпленіе Ведень, начальникъ отряда послалъ приказаніе капитану Битнерскому спустить къ подножію Гамердука, по приближеніи къ нему авангарда главныхъ силъ, раненыхъ въ его командѣ, чтобы, подъ прикрытіемъ войскъ, доставить ихъ въ укрѣпленіе съ полною безопасностью. Войска во все время боя вели себя блистательно,—всѣ отъ перваго до послѣдняго, исполняя свой долгъ. Дѣло колонны, занявшей Гамердукъ, задержавъ зна-

чительныя скопища матежниковъ, облегчило для главныхъ силъ занятіе и истребленіе аула Дышни-Веденя.

Въ своемъ донесеніи начальнику Терской области, генералъ-адъютанту Свистунову, генералъ Смѣкаловъ пишетъ: «Роты Апшеронцевъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля перешли глубокую балку и, занявъ противоположный крутой берегъ, молодецкимъ натискомъ выбили непріятеля изъ аула, упорно имъ защищаемаго». Въ числѣ лицъ, наиболѣе отличившихся въ дѣлѣ 14 августа, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ называетъ: командира 1-го баталіона Апшеронскаго полка, маіора князя Магалова, и завѣдующаго 3 баталіономъ того же полка, капитана Нагибина [2]).

Горцы оказали сопротивленіе, какого нельзя было ожидать отъ нихъ: въ Дышни-Веденѣ они пользовались каждымъ закрытіемъ и съ замѣчательнымъ упорствомъ держались, не смотря на артиллерійскій огонь на кладбищѣ. На Гамердукскомъ хребтѣ они пробовали даже переходить въ наступленіе. Замѣчено было также, что у мятежниковъ имѣлось значительное число если не скорострѣльнаго, то нарѣзнаго оружія стараго образца. Весьма естественно, что при такомъ образѣ дѣйствій мятежники понесли чувствительныя потери.

Когда, по прибытіи отряда на Эрсеной-Кортъ, начальникъ Веденскаго округа отправилъ довѣренныхъ лицъ въ аулы Егашпатой и Эрсеной съ требованіемъ изъявленія покорности, то общество перваго аула явилось съ повинною, эрсенойцы же отказались отъ присылки кого либо для переговоровъ.

Для дальнѣйшаго движенія въ глубь Ичкеріи, признано необходимымъ усилить отрядъ присоединеніемъ къ нему баталіона Куринскаго полка. На Эрсеной-Кортѣ, для поддержанія сообщеній съ укрѣпленіемъ Веденемъ и отрядомъ оставлены, подъ начальствомъ капитана Битнерскаго, 5-ть ротъ Куринскаго полка и одно орудіе горнаго взвода 3-й батареи 20-й артиллерійской бригады; другое же орудіе передано въ дивизіонъ подполковника князя Шервашидзе, вмѣсто испортившагося въ дѣлѣ, при занятіи аула Дышни-Веденя. За продолжавшимся всю ночь дождемъ и густымъ туманомъ, не позволявшими различать предметы на самомъ близкомъ разстояніи, отрядъ могъ выступить 15 августа только въ 10 часовъ утра.

Движеніе къ аулу Эрсеной совершалось такимъ порядкомъ: въ авангардѣ слѣдовали 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, дивизіонъ горной № 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады, 1-я сотня Сунженскаго полка и сотни конной Дагестанской милиціи; главныя силы состояли изъ 1-го баталіона Апшеронскаго полка и 5-ти сотенъ пѣшей Дагестанской дружины, за которою слѣдовали вьюки отряда; въ аріергардъ былъ назначенъ баталіонъ Куринскаго полка и Ингушевская сотня Терской постоянной милиціи. Оставшіяся на Эрсеной-Кортѣ роты и орудіе обезпечивали съ тыла движеніе отряда.

По приближеніи авангарда къ аулу, горцы пытались задержать движеніе войскъ, занявъ кусты по окраинѣ балки съ сѣверной стороны селенія, но были прогнаны стрѣлками 9-й и 10-й ротъ Апшеронцевъ и спѣшенными казаками 1-й сотни Сунженскаго полка.

По переходѣ войскъ чрезъ аулъ и расположеніи бивуакомъ на открытомъ плато, между селеніемъ и крутымъ спускомъ къ р. Гудермесу, было приступлено къ уничтоженію сакель и истребленію хлѣба.

Мятежники, повидимому, предполагали защищать весьма трудную переправу черезъ Гудермесъ, покрывъ толпами, выставившими значки, возвышенности Кейтышъ-Кортовскую и Тезенкалинскую. Весь день на лѣсныхъ полянахъ къ югу отъ мѣста расположенія отряда раздавались такъ называемые «шатлахи» (привѣтственные выстрѣлы) и вид-

[2]) Дѣло № 4966. Военно-Ученый Архивъ.

нѣлись прибывающія со всѣхъ сторонъ конныя шайки. Такъ какъ горцы, занимая лѣсистую Тезенкалинскую возвышенность, вздумали открыть стрѣльбу по войскамъ, то на восточную окраину плато было выдвинуто скрытно два горныхъ орудія, открывшихъ огонь картечными гранатами по толпамъ, группировавшимся около значковъ; въ то же время цѣпь, занявъ зигзаги дороги къ Гудемерсу и покрытый кустарниками спускъ къ этой рѣкѣ, завязала перестрѣлку и заставила непріятеля держаться дистанціи, съ которой его выстрѣлы оказывались безвредными для отряда. Особенную услугу въ этомъ случаѣ оказывали казаки, вооруженные берданками. Поражаемые мѣткими выстрѣлами изъ горныхъ орудій, горцы хотя и укрывались въ овраги и за возвышенностями, но упорно оставляли значки на мѣстахъ. Получивъ свѣдѣніе, что жители скрыли свое имущество вблизи лежащихъ лѣсистыхъ балкахъ, генералъ Смѣкаловъ отправилъ команду спѣшенныхъ казаковъ въ 50 человѣкъ, которые, пользуясь пересѣченною мѣстностью и напавъ совершенно врасплохъ на эрсеноевцевъ и кургалинцевъ, расположившихся на днѣ глубокаго оврага, обратили ихъ въ бѣгство, уничтожили арбы съ разнымъ имуществомъ и значительные, собранные въ этомъ мѣстѣ, продовольственные запасы. Команда возвратилась къ отряду благополучно безъ потерь, слабо преслѣдуемая мятежниками. Съ наступленіемъ сумерекъ горцы начали подползать къ мѣсту бивуака по сѣверному и восточному, крытымъ лѣсистымъ склономъ плато, и цѣлую ночь въ сторожевыхъ цѣпяхъ и секретахъ гремѣла перестрѣлка. Въ теченіи 15 августа наши потери заключались въ одномъ раненомъ рядовомъ Апшеронскаго полка, и за это время патроновъ выпущено въ Апшеронскихъ баталіонахъ 944.

16-го числа, въ 6 часовъ утра, было назначено выступленіе отряда къ Цонторою. Съ цѣлью, по возможности, уменьшить потери при трудной переправѣ черезъ Гудермесъ, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ приказалъ капитану Битнерскому съ тремя ротами и орудіемъ двинуться съ Эрсеной-Корта и, занявъ восточную окраину открытаго плато, не дозволять мятежникамъ тревожить отрядъ на крутыхъ спускѣ и подъемѣ. Независимо отъ того, колонна капитана Битнерскаго имѣла своимъ назначеніемъ: поддержаніе сообщеній съ укр. Веденемъ и отрядомъ, и окончательное истребленіе аула и хлѣбовъ.

При движеніи на возвышенность Кейтышъ-Кортъ, въ авангардѣ шли 3-й батальонъ Апшеронскаго полка, дивизіонъ горныхъ орудій, 1-я сотня Сунженскаго полка; въ главныхъ силахъ 1-й батальонъ Апшеронскаго полка, конная Дагестанская милиція, пѣшая дружина, въ аріергардѣ—вьюки, подъ прикрытіемъ Ингушевской сотни и батальона Куринскаго полка.

Трудность переправы, независимо отъ крутизны спуска и подъема, увеличивалась состояніемъ дороги, совершенно испорченной предшествовавшими сильными дождями и высокой водой въ Гудермесѣ. Какъ только авангардъ началъ подниматься на Кейтышъ-Кортовскую возвышенность, горцы завели съ правою и лѣвою цѣпями довольно сильную перестрѣлку, искусно пользуясь закрытіями, представляемыми мѣстностью, лежащею съ сѣверной и южной сторонъ дороги, по которой слѣдовалъ отрядъ. Особенно усилилась перестрѣлка въ аріергардѣ, прикрывавшемъ вьюки и съ величайшимъ трудомъ подвигавшемся впередъ по чрезвычайно крутой и скользкой тропѣ, покрытой невылазной глинистой грязью. Движенія аріергарда замедлилось также вслѣдствіе необходимости поданія первой помощи раненымъ людямъ, переворачиванія и сбрасыванія съ тропы убитыхъ и искалѣченныхъ лошадей. Пришлось поневолѣ остановить авангардъ и главныя силы, чтобы дать время подтянуться Куринцамъ и Ингушевской сотнѣ. Горцы продолжали перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока послѣдніе вьюки и люди аріергарда не поднялись съ кладбища, расположеннаго въ 2-хъ верстахъ отъ аула Цонторой. Наши потери заключались: въ получившемъ смертельную рану всадникѣ Ингушевской сотни Терской милиціи, раненомъ въ голову рядовомъ

12 роты Апшеронскаго полка и 3-хъ контуженныхъ нижнихъ чинахъ; лошадей убито 2 и въ кручу свалилось 2.

Согласно отданнаго наканунѣ приказанія, капитанъ Битнерскій выступилъ съ разсвѣтомъ съ Эрсеной-Корта съ 3-мя ротами и горнымъ орудіемъ и, расположивъ колонну на мѣстѣ отряднаго бивуака, вступилъ съ горцами въ перестрѣлку и весьма много содѣйствовалъ успѣшной переправѣ чрезъ Гудермесъ, притягивая на себя непріятельскія силы и не позволяя дѣйствовать массами мятежникамъ, насѣдавшимъ на аріергардъ. Оставаясь до сумерекъ въ окрестностяхъ Эрсеноя, Битнерскій перешелъ въ наступленіе и успѣлъ истребить до 50 стоговъ сѣна и пшеницы, находившихся въ ближайшихъ къ мѣсту расположенія колонны балкахъ.

Къ 11-ти час. утра отрядъ стянулся къ Цонторою и расположился для отдыха на весьма удобной позиціи. Аулъ оказался покинутымъ жителями, укрывшимися въ лѣса вмѣстѣ съ семьями и имуществомъ. Было рѣшено подвергнуть селеніе той же участи, какая постигла Дышни-Ведень и Эрсеной. Особо назначенныя для того части войскъ уже приближались къ переднимъ саклямъ, какъ въ это время явилось нѣсколько стариковъ съ мольбою о пощадѣ, увѣряя, что за ними готово слѣдовать и все общество. Въ виду этого, войска возвратились назадъ, а уполномоченные поѣхали по направленію къ Гурдали для того, чтобы собрать народъ.

Между тѣмъ, возвышенности Тезенкалинская къ югу отъ Кейтышъ-Корта и Телипъ-Кортовская къ сѣверу отъ него покрылись густыми массами горцевъ и представители мятежа:—Алибекъ-Хаджи, Султанъ-Мурадъ, Сулейманъ и тавлинецъ Реджебъ-Али—выставили свои значки.

Гремѣвшая въ колоннѣ капитана Битнерскаго, въ тылу отряда, перестрѣлка и положеніе, занятое скопищами мятежниковъ, послужили основаніемъ къ слухамъ, распущеннымъ въ Дагестанѣ, будто наши войска окружены со всѣхъ сторонъ и чуть не истреблены. Весьма естественно, что благомыслящая часть населенія, желавшая избѣгнуть крайнихъ и—нельзя не признаться—жестокихъ мѣръ наказанія, къ коимъ, по необходимости, пришлось прибѣгнуть, колебалась и, подъ вліяніемъ страха мщенія со стороны мятежниковъ, боялась явиться съ повинной. Представлялось необходимымъ уничтожить обаяніе Алибека и другихъ предводителей, именовавшихъ собранныя ими толпы войсками имама.

Мятежники, достаточно наученные горькимъ опытомъ предшествовавшихъ дѣлъ, уклонялись отъ принятія боя съ сколько-нибудь значительными силами и въ открытомъ полѣ, и потому рѣшено было послать небольшія колонны — сперва противъ партіи Алибека, а затѣмъ противъ Султанъ-Мурада и Сулеймана.

1-я колонна — изъ одной сотни Сунженскаго полка, 70-ти нижнихъ чиновъ 9-й роты Апшеронскаго полка, 1-го горнаго орудія, 20-ти дагестанскихъ конныхъ милиціонеровъ, подъ общимъ начальствомъ командира 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады подполковника князя Шервашидзе,—выступила въ 12 1/2 часовъ дня, и, переправившись черезъ глубокій оврагъ, отдѣляющій Кейтышъ-Кортовскую возвышенность отъ Тезенкалинской, двинулась на встрѣчу партіи. Орудіе и пѣхота шли окруженные сотнею казаковъ; горцы, обманутые звуками дагестанскихъ пѣсенъ, приняли двигающуюся массу за милицію и пошли къ ней на встрѣчу. Приблизившись къ войскамъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, мятежники открыли огонь, на который совершенно для нихъ неожиданно послѣдовалъ орудійный выстрѣлъ и живой огонь казачьей и пѣхотной цѣпи. Такъ какъ непріятель, пользуясь пересѣченной лѣсистой мѣстностью, продолжалъ упорно держаться на занятой позиціи, то подполковникъ князь Шервашидзе послалъ спѣшенныхъ казаковъ и милиціонеровъ

прогнать мятежниковъ, приказавъ въ то же время пѣхотѣ и артиллеріи усилить огонь. Партія, не выдержавъ натиска, раздѣлилась на двѣ части и стала, отстрѣливаясь, отступать; казаки также раздѣлились и бросились стремительно преслѣдовать непріятеля, уходившаго къ лѣсистому оврагу, тянувшемуся по направленію къ аулу Дарго. Достигнувъ лѣса, партія разсѣялась, оставивъ на мѣстѣ боя 10 тѣлъ. При первыхъ услышанныхъ выстрѣлахъ генералъ Смѣкаловъ послалъ-было подкрѣпленіе, состоящее изъ 1-й роты Апшеронскаго полка и двухъ сотенъ конной Дагестанской милиціи, подъ начальствомъ подполковника Фейзуллы. Къ тремъ часамъ пополудни войска возвратились на позицію, въ то время, когда формировалась вторая колонна, предназначавшаяся для движенія на Теликъ-Кортъ. Наши потери заключались въ 1-мъ убитомъ казакѣ и 1-мъ контуженномъ рядовомъ 9-й роты Апшеронцевъ. Начальство надъ второй колонной было возложено на подполковника князя Шервашидзе, такъ блистательно исполнившаго первое порученіе.

Колонна—изъ 2-й, 3-й и 4-й ротъ 1-го баталіона Апшеронскаго полка, сотни ингушъ и 1-го горнаго орудія—выступила, въ 5 часовъ пополудни, по направленію къ Теликъ-Корту, занятому партіями Султанъ-Мурада и Сулеймана.

Подойдя на 360 саженъ къ мѣсту расположенія мятежниковъ, подполковникъ Шервашидзе открылъ огонь картечными гранатами. Двѣ изъ нихъ, удачно разорвавшіяся въ рядахъ мятежниковъ, заставили ихъ укрыться въ рощемъ на возвышенности лѣсѣ. Для дѣйствія противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи князь Шервашидзе двинулъ сотню ингушей, которая въ карьеръ бросилась на высоту. Мятежники, засѣвшіе въ лѣсу, встрѣтили сотню залпами. Проскакавъ, подъ фланговымъ огнемъ горцевъ до первой площадки, сотня быстро спѣшилась и, не давъ опомниться непріятелю, бросилась на него съ крикомъ «ура». Ошеломленные неожиданностью кавалерійской атаки въ мѣстности, гдѣ они ожидали встрѣтить пѣхоту, мятежники бѣжали, понеся значительную потерю. Вслѣдъ за выступленіемъ колонны, начальникъ отряда призналъ необходимымъ, для дѣйствій противъ праваго фланга мятежниковъ и съ цѣлію обхода, направить на западную оконечность Теликъ-Корта батальонъ Куринскаго полка, подъ начальствомъ маіора Явченко, который, послѣ довольно сильной перестрѣлки, сбилъ непріятеля съ высотъ, потерявъ приэтомъ одного нижняго чина раненымъ.

Потеря Ингушевской сотни заключалась только въ двухъ убитыхъ лошадяхъ, что объясняется неожиданностью атаки и неспособностью горцевъ стрѣлять въ быстро движущіеся предметы. Войска возвратились на бивуакъ въ 7 часовъ вечера. При переправѣ черезъ Гудермесъ и въ дѣлахъ противъ партій Алибека, Султанъ-Мурада и Сулеймана было выпущено артиллерійскихъ снарядовъ—15; патроновъ въ 1-мъ батальонѣ Апшеронскаго полка 1.487, въ 3-мъ батальонѣ—1.416.

Въ то время, когда колонна князя Шервашидзе завязала дѣло въ Теликъ-Кортѣ, послышались выстрѣлы со стороны Дарго. Это, какъ оказалось, даргинцы и белгатоевцы встрѣтили бѣжавшее войско имама, пытавшагося съ остатками шайки пробраться, черезъ земли названныхъ ауловъ, въ Самсиръ. Отброшенный жителями, Алибекъ, въ теченіи ночи съ 16-го на 17-е, успѣлъ, черезъ Тезень-Кале и Нижній-кургалой, соединиться съ Султанъ-Мурадомъ и, двинувшись на Гендыргеновскія высоты, сталъ на пути слѣдованія отряда къ аулу Беной.

Трехдневный бой, происходившій на глазахъ всей Ичкеріи, и большія потери, понесенныя мятежниками, произвели огромное нравственное впечатлѣніе на населеніе, убѣдившееся въ невозможности дальнѣйшей борьбы съ русскими и въ томъ, что пора снисходительнаго къ нему отношенія миновала безвозвратно. Поворотъ къ лучшему въ на-

строеніи населенія рельефно выразился въ томъ, что, вслѣдъ за разбитіемъ шайки Алибека, въ отрядъ прибыли даргинцы и белгатоевцы съ заявленіемъ о прогнаніи партіи имама и о готовности выполнить всѣ наши требованія. Предшествовавшее поведеніе обществъ этихъ ауловъ было относительно лучшее, чѣмъ другихъ, и потому имъ объявлено, что они могутъ спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ. Вслѣдъ за ними явились депутаты отъ Цонороевскаго общества съ изъявленіемъ безусловной покорности, и курчалоевцы съ просьбой пощадить ихъ и выбрать аманатовъ, но въ послѣднемъ имъ было положительно отказано.

Этимъ завершился богатый событіями день 16-го августа.

Такъ какъ утромъ 17-го числа ожидаемые тезенкалинцы и каулаевцы не явились, то, для истребленія ауловъ и хлѣбовъ, отправились колонны: одна—изъ 2-хъ ротъ Куринцевъ и Ингушевской сотни—въ Тезенкале, и другая, подъ начальствомъ подполковника Ширвашидзе, въ составѣ 1-го баталіона Апшеронскаго полка, взвода горныхъ орудій, сотни казаковъ и 3-хъ сотенъ пѣшей Дагестанской милиціи, — въ Каулай. Колонна князя Шервашидзе имѣла съ горцами незначительную перестрѣлку, причемъ Апшеронскимъ батальономъ выпущено 190 патроновъ.

Дѣйствіямъ войскъ, къ сожалѣнію, помѣшалъ страшный ливень, хлынувшій въ часъ пополудни и продолжавшійся до 4-хъ часовъ.

Колонна изъ двухъ ротъ Куринцевъ и оставшейся милиціи, двинутая къ Курчалоямъ, возвратилась назадъ, потому что жители этихъ ауловъ и лежащихъ внизъ по Гудермесу, подъ вліяніемъ прибывшаго изъ Андіи тамошняго наиба, поручика Гирея, имѣвшаго родство въ Курчалояхъ, изъявили готовность выполнить всѣ наши требованія.

Капитанъ Битнерскій, съ тремя ротами и горнымъ орудіемъ, занявъ позицію на кладбищѣ надъ ауломъ Эрсеноемъ, продолжалъ выполнять возложенную на него задачу и, въ теченіи 17-го числа, истребилъ значительное количество хлѣбовъ, принадлежащихъ эрсеноевцамъ и дышни-веденцамъ.

Прибывшія подкрѣпленія[3] позволили генералъ-маіору Смѣкалову ускорить движеніе къ Беною, тѣмъ болѣе что и начальникъ Дагестанскаго отряда, князь Накашидзе, принимая во вниманіе возможность перехода въ Гумбетъ и Анди, черезъ Даргинскій подъемъ, изъявилъ согласіе остаться на нѣкоторое время въ Ичкеріи.

Отъ жителей, независимо представленія аманатовъ, требовалась доставка порціоннаго скота для войскъ. 18-го числа, утромъ, цонторoевцы привели въ лагерь 23-хъ заложниковъ, обѣщая на другой день привести остальныхъ и пригнать назначенныхъ съ нихъ, въ видѣ контрибуціи, 60 быковъ[4]. Замедленіе въ исполненіи требованій произошло вслѣдствіе появленія вблизи аула шайки Сулеймана. Мятежники, очень хорошо понимая значеніе Цонтороя и поданнаго имъ первымъ примѣра безусловной покорности, употребляли всѣ мѣры къ запугиванію жителей и затяжкѣ дѣла. Съ цѣлью изгнанія партіи была послана сотня Сунженскаго полка; но мятежниковъ своевременно предупредили: казаки застали только хвостъ шайки, съ которымъ и завязали перестрѣлку, поранивъ притомъ двухъ горцевъ. Вслѣдъ за цонторoевцами — оба селенія Курчалой-Верхній и Средній, представили

---

3) 2 баталіона Навагинскаго полка, резервный баталіонъ, 2 сотни Сунженскаго казачьяго полка, Осетинская временная милиція и взводъ 3-й батареи 20-й артиллерійской бригады.

4) Аманатовъ первоначально предполагалось требовать съ каждыхъ пяти дворовъ по одному; но затѣмъ, вслѣдствіе приказанія генералъ-адъютанта Свистунова, число ихъ уменьшено вдвое, причемъ обращено особенное вниманіе на выборъ лицъ, представляемыхъ въ заложники. Аманаты, независимо отъ нѣкоторой гарантіи относительно спокойствія ауловъ, выдававшихъ ихъ, служили первою ступенью для взарестованія, впослѣдствіи лицъ, дѣйствительно виновныхъ въ возбужденіи мятежа. Въ видахъ уменьшенія расходовъ казны, довольствіе аманатовъ возлагалось на представившія ихъ общества.

*

9 человѣкъ аманатовъ и пригнали 90 быковъ. Гурдалинцы обязались привести 20 человѣкъ аманатовъ, 50 быковъ и 200 барановъ. Тезенкалинцы явились съ мольбою о пощадѣ и объ оставленіи имъ еще неистребленныхъ хлѣбовъ.

Предполагая, 19-го числа, двинуться въ Беной, генералъ Смѣкаловъ послалъ приказаніе баталіону Навагинскаго полка выступить съ разсвѣтомъ изъ укр. Веденя на Кейтышъ-Кортъ; оставленіе колонны на Кейтышъ-Кортовской позиціи представлялось крайне необходимымъ для охраненія сообщеній и, главнымъ образомъ, для окончанія дѣлъ съ изъявившими покорность селеніями.

Для облегченія движенія отряда, было рѣшено раненыхъ и больныхъ отправить до Эрсеной-Корта, подъ прикрытіемъ 2 ротъ и Ингушевской сотни. Выступивъ въ 9 часовъ утра, колонна къ вечеру возвратилась на позицію безъ потерь, хотя и вела по дорогѣ перестрѣлку съ эрсеноевцами, старавшимися задержать движеніе войскъ на Эрсеной-Кортъ и обратно: положеніе, занятое ротами капитана Битнерскаго, много облегчило благополучное движеніе колонны. Изъявленіе покорности нѣкоторыми изъ селеній, безпощадное наказаніе сопротивлявшихся, разбитіе партій главныхъ предводителей мятежа, сожженіе Зондака и движеніе отряда полковника Батьянова вверхъ по Аксаю,—все это настолько сильно подѣйствовало на беноевцевъ, что они вечеромъ, 18-го августа, прислали нѣсколько стариковъ съ изъявленіемъ готовности выдать аманатовъ, хотя-бы по одному съ каждаго двора, и выставить контрибуціонный скотъ въ размѣрѣ, какой угодно будетъ опредѣлить начальству. Имѣя въ виду инструкцію начальника Терской области, генералъ-адъютанта Свистунова, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ объявилъ прибывшимъ, что по отношенію къ нимъ начальство не можетъ удовлетвориться подобною мѣрою взысканія, а требуетъ поголовнаго выселенія всего Беноевскаго общества на плоскость, причемъ земли объявляются казенными. Уполномоченные уѣхали, заявивъ, что едва-ли жители согласятся выполнить подобное требованіе.

Для обезпеченія сообщеній и прегражденія партіямъ мятежниковъ возможности переходить на лѣвый берегъ Аксая, Смѣкаловъ объявилъ обществамъ селеній: Дарго, Белгатой, Гурдали, Курчалой, Тезенкале, Наяси и расположенныхъ вверхъ по Гудермесу, что на ихъ отвѣтственности лежитъ охраненіе ихъ земель отъ прорыва шаекъ, и если бы оказалось, что ими пропущены партіи или кто либо изъ главныхъ предводителей мятежа, то аманаты будутъ повѣшены, а аулы и имущество виновныхъ преданы безпощадному истребленію. Независимо того, населенію подтверждалось о безпрекословномъ выполненіи какихъ бы то ни было требованій мѣстнаго начальства и объ уничтоженіи льготы относительно подводной повинности,

Баталіонъ Навагинскаго полка выступилъ изъ укрѣпленія Веденя въ 5 часовъ утра и, послѣ кратковременнаго отдыха на Эрсеной-Кортѣ, двинулся далѣе. Для защиты переправы чрезъ Гудермесъ, капитанъ Битнерскій, съ своими ротами и однимъ горнымъ орудіемъ, занялъ позицію надъ спускомъ къ рѣкѣ и, пропустивъ баталіонъ, благополучно поднявшійся на Кейтышъ-Кортъ, энергически продолжалъ истребленіе хлѣбовъ. Начавшая же собираться партія изъ эрсеноевцевъ, дышни-веденцевъ и разнаго сброда была разсѣяна нѣсколькими, удачно разорвавшимися въ ея рядахъ гранатами, и ротами въ этотъ день уничтожено до 50 стоговъ сѣна и пшеницы. Впрочемъ, это уже была послѣдняя перестрѣлка съ эрсеноевцами. На другой день (20-го числа) они явились поголовно къ приставу Прусакову съ мольбою о пощадѣ.

Навагинцы прибыли на Кейтышъ-Кортовскую позицію въ 9 часовъ утра, а въ 11 часовъ отрядъ выступилъ въ Беной, взявъ съ собою переданныхъ аманатовъ. Начальство надъ

оставшимися войсками поручено подполковнику Крузенштерну, долженствовавшему прибыть на другой день, съ другимъ баталіономъ Навагинскаго полка и взводомъ горныхъ орудій.

Отрядъ двигался къ Беною въ общей колоннѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, то есть съ передовою, заднею и боковыми цѣпями. Въ Белгатоѣ общество этого аула и даргинцы встрѣтили войска съ хлѣбомъ-солью. Весь народъ находился въ сборѣ. Объявивъ собравшимся, что они могутъ избавиться отъ наказанія при условіи безпрекословнаго исполненія требованій начальства и охраненія своихъ земель отъ злоумышленниковъ, генералъ Смѣкаловъ направился къ переправѣ чрезъ Аксай, куда успѣли уже подтянуться передовыя части отряда. На белгатоевской полянѣ отрядъ имѣлъ двухъ-часовой отдыхъ, во время котораго явились, бывшіе наканунѣ на Кейтышъ-Кортѣ, беноевцы съ заявленіемъ, что жители рѣшились не защищать переправы чрезъ Аксай, и что Алибекъ со своей шайкой перешелъ въ Самсырскій лѣсъ. Дѣйствительно, отрядъ прошелъ чрезъ Аксай безъ выстрѣла и, въ шесть часовъ вечера, расположился на восточной окраинѣ аула Большой Беной, значительная часть жителей котораго съ имуществомъ и скотомъ находилась въ лѣсахъ. Тотчасъ по прибытіи отряда, были приняты мѣры къ сбору народа изъ лѣсовъ, и 20-го августа беноевцамъ объявлено о поголовномъ выселеніи ихъ на плоскость.

Къ уничтоженію аула и хлѣбовъ начальникъ отряда рѣшилъ приступить лишь при началѣ переселенія. Явившимся, въ этотъ день, съ повинною дышни-веденцамъ приказано, всѣмъ до одного, выйдти изъ лѣсовъ на аульное пепелище и тамъ ожидать рѣшенія своей участи. Принятый въ укрѣпленіи Веденѣ 8-ми-дневный запасъ сухарей приходилъ уже къ концу; поэтому нарочно сформированная изъ 2-хъ ротъ колонна выступила съ вьючными лошадьми на Кейтышъ-Кортовскую позицію, куда, по заблаговременному распоряженію, долженъ былъ доставиться запасъ провіанта изъ укрѣпленія Веденя.

Колонна возвратилась благополучно 21-го числа, въ 11 часовъ утра, вмѣстѣ съ сотнею Сунженскаго полка и Осетинскою временною милиціею. Беноевцы, придя къ убѣжденію о невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, рѣшились подчиниться нашимъ требованіямъ, и наиболѣе зажиточные изъ нихъ, съ утра 21-го числа, начали перевозить семейства и имущество въ аулы Белгатой и Дарго. Въ то же время явилась депутація съ просьбой объ оказаніи пособія бѣднякамъ, не имѣвшимъ перевозочныхъ средствъ для этой цѣли; жителямъ селеній: Цонторой, Гурдали, Курчалой, Белгатой и Дарго предложено было прислать арбы и вьючныхъ лошадей въ Александровскій хуторъ[5], что и выполнено безпрекословно. Въ этотъ же пунктъ получили приказаніе сносить имущество и собираться съ семьями всѣ нуждавшіеся въ средствахъ къ перевозкѣ. Въ шесть часовъ вечера, прибылъ на позицію, занятую отрядомъ, полковникъ Батьяновъ съ баталіономъ Кабардинскаго полка, взводомъ горныхъ орудій, сотней Кизляро-гребенскаго полка и Кумыкской.

Все населеніе, гнѣздившееся внизъ по Аксаю, изъявило безусловную покорность. Окончательное водвореніе въ покорившихся селеніяхъ порядка, взысканіе контрибуціи и наблюденіе за безпрекословнымъ выполненіемъ нашихъ требованій генералъ Смѣкаловъ поручилъ полковнику Батьянову, для содѣйствія которому предполагалось сосредоточить въ Ножай-Юртѣ, два баталіона Кабардинскаго полка, сотню казаковъ и взводъ горныхъ орудій.

22-го числа, въ 9 часовъ утра, полковникъ Батьяновъ выступилъ обратно къ отряду, расположенному между Балансу и Ножай-Юртомъ. Предполагавшіяся совмѣстныя съ отрядомъ полковника Батьянова дѣйствія противъ партіи Алибека, скрывшейся въ

5) Одинъ изъ беноевскихъ хуторовъ, на правомъ берегу Аксая, ближайшій къ мѣсту переправы чрезъ эту рѣку.

Самсырскій лѣсъ, не состоялись, а потому генералъ Смѣкаловъ рѣшилъ, съ войсками Дагестанскаго отряда, возвратиться въ Ведень, оставивъ на позиціи подъ Беноемъ, для наблюденія за переселеніемъ, два баталіона (Куринскій и Навагинскій), взводъ горныхъ орудій и сотню Сунженскаго полка. Передъ выступленіемъ послѣдовали слѣдующія приказанія:

1) 1-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго полка, горный дивизіонъ, пѣшая дружина Дагестанской милиціи и 1-я сотня Сунженскаго полка выступаютъ съ позиціи подъ ауломъ Беной 23-го августа, въ 6 часовъ утра, и слѣдуютъ въ укрѣпленіе Ведень.
2) Дагестанская конная милиція и Осетинская временная сотня выступаютъ 24-го числа, первая въ укрѣпленіе Ведень, а вторая на Кейтышъ-Кортъ, гдѣ и остается при баталіонѣ Навагинскаго полка.
3) 4-й баталіонъ Навагинскаго полка и взводъ горныхъ орудій, 23-го числа, въ 6 часовъ утра, выступаютъ съ Кейтышъ-Кортовской позиціи и прибываютъ въ Беной.
4) Начальство надъ колонной, остающейся въ Беноѣ, возлагается на подполковника Навагинскаго полка Крузенштерна.
5) Наблюденіе за безостановочнымъ выселеніемъ беноевцевъ поручается начальнику Веденскаго округа, маіору князю Авалову, который, въ случаѣ надобности, для понужденія жителей, прибѣгаетъ къ содѣйствію войскъ.

23-го числа отрядъ прибылъ совершенно благополучно въ Ведень и расположился на прежней своей позиціи между укрѣпленіемъ и ауломъ Дышни-Веденемъ. Для руководства дальнѣйшими дѣйствіями войскъ и рѣшенія вопроса объ отпускѣ Дагестанскихъ войскъ, 24-го августа прибылъ въ укрѣпленіе Ведень генералъ-адъютантъ Свистуновъ, и на совѣщаніи того же числа признано необходимымъ, предварительно отправленія отряда князя Накашидзе, произвести движеніе противъ расположенныхъ по Бассу селеній, давшихъ убѣжище партіи Умы и упорно отказавшихся изъявить покорность. Утромъ, 25-го числа, генералъ-адъютантъ Свистуновъ объѣхалъ назначенныя къ выступленію войска и благодарилъ ихъ за доблестную службу, результатомъ коей явилось усмиреніе Даргинскаго участка и выселеніе на плоскость жителей безпокойнаго Беноя.

Къ отряду, предназначенному для движенія на Бассъ, присоединились, притянутыя съ Эрсеной-Корта, двѣ роты Куринскаго полка, взводъ горныхъ орудій 3-й батареи 20 артиллерійской бригады и прибывшая съ генераломъ Свистуновымъ сотня Сунженскаго полка.

Мѣстность между укр. Веденемъ и ауломъ Мохкеты перерѣзана 5-ю глубокими лѣсистыми балками, съ крутыми спусками и подъемами. Невозобновлявшіяся просѣки, прорубленныя въ концѣ 50-хъ годовъ, заросли густымъ и значительныхъ размѣровъ лѣсомъ, такъ что для энергическаго противника на каждомъ шагу представлялись удобныя позиціи къ упорному сопротивленію. Населеніе ауловъ Элистанджи, Хатуни, Таузень и Махкеты могло выставить minimum 600 ружей; въ шайкѣ Умы, по слухамъ, насчитывалось до 300 человѣкъ, независимо отъ кореннаго, такъ сказать, населенія, да необходимо было еще разсчитывать на прибытіе, при первыхъ же выстрѣлахъ, молодежи изъ плоскостныхъ ауловъ.

Приказаніе о движеніи отряда отдано было только за 2 часа до выступленія, съ единственною цѣлью, чтобы мятежники не могли узнать объ этомъ заблаговременно и приготовиться къ защитѣ. Партизанской командѣ, расположенной въ Арджлакхѣ, послано секретное предписаніе выступить въ 10 часовъ утра и, пройдя прямою дорогою по лѣсамъ, занять, если окажется возможнымъ, лѣвый берегъ балки 2-й Арджлакхъ (Баженовской).

Отрядъ двинулся, въ 12 часовъ дня, въ такомъ порядкѣ:

Авангардъ: — 1-я и 2-я роты Апшеронскаго полка, взводъ горныхъ орудій 3-й батареи 20-й артиллерійской бригады, 3-я и 4 роты и 1-я сотня Сунженскаго полка.

Главныя силы — 9 и 10 роты Апшеронскаго полка, три горныхъ орудія 6-й батареи 21 артиллерійской бригады[6]), 11 и 12 роты, 4-я сотня Сунженскаго полка, всѣ вьюки отряда подъ прикрытіемъ 3-хъ сотенъ конной Дагестанской милиціи, и 5-ть сотенъ пѣшей Дагестанской дружины.

Аріергардъ — двѣ роты Куринскаго полка и Ингушевская сотня временной милиціи.

Отрядъ совершалъ движеніе со всѣми предосторожностями, сохраняя неразрывную связь посредствомъ боковыхъ цѣпей, между авангардомъ, главными силами и аріергардомъ.

Ближайшія къ укрѣпленію Веденю три балки и слѣдующую за ними Элистанджинскую войска прошли благополучно. Погода была чрезвычайно жаркая; люди сильно устали, вслѣдствіе чего на Элистанджинской полянѣ рѣшили сдѣлать привалъ. Партизанская команда, къ сожалѣнію, задержанная трудною дорогою, запоздала и не успѣла выполнить приказанія относительно занятія лѣваго берега балки. Не совсѣмъ довѣряя свѣдѣніямъ о томъ, что мятежники не думаютъ защищать переходъ чрезъ балку и не желая втягивать весь отрядъ въ лѣсистую мѣстность, начинающуюся въ 150 саженяхъ отъ мѣста привала, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ предложилъ командиру сотни Сунженскаго полка отправиться съ казаками на развѣдки, и, если окажется возможнымъ, занять противоположный берегъ балки. Не прошло получаса, какъ послышался залпъ и затѣмъ закипѣла оживленная перестрѣлка. Мятежники, позволивъ одной части сотни спуститься на дно балки, встрѣтили ее залпомъ изъ устроенныхъ на лѣвомъ берегу огромныхъ заваловъ. Спустившіеся внизъ казаки тотчасъ засѣли за деревья и открыли огонь.

Оставшіеся наверху разсыпались на окраинѣ крутого спуска и прикрывали своихъ товарищей отъ попытокъ горцевъ броситься въ шашки. Для поддержанія казаковъ была двинута другая сотня Сунженскаго полка, Ингушевская сотня и партизанская команда, въ числѣ 90 человѣкъ. За ними тронулся весь отрядъ. Единственною позиціею для артиллеріи представлялась небольшая площадка, свободная отъ лѣсныхъ зарослей при самомъ началѣ спуска. Подполковникъ князь Шервашидзе, подъ градомъ пуль, расположилъ на ней бывшія подъ его командою 5 орудій и тотчасъ открылъ огонь гранатами и картечью по горцамъ, укрывавшимися за завалами. Прикрытіе для артиллеріи составили 1-я и 2-я роты Апшеронскаго полка. Такъ какъ атака съ фронта непріятельскихъ укрѣпленій была крайне затруднительна и могла повлечь за собою весьма большія потери, то генералъ Смѣкаловъ послалъ въ обходъ двѣ колонны: одну изъ двухъ ротъ 3-го баталіона Апшеронскаго полка и сотни пѣшей Дагестанской милиціи, а другую изъ двухъ ротъ Куринскаго полка. Въ то же время на дно балки, для подкрѣпленія казаковъ и партизановъ, спущены 3-я и 4-я роты 1-го баталіона Апшеронскаго полка и сотня Гумбетовской милиціи. Первые выстрѣлы въ обходныхъ колоннахъ долженствовали служить сигналомъ для начала фронтальной атаки.

Сдѣлавъ приведенныя распоряженія и указавъ безопасныя отъ непріятельскихъ выстрѣловъ мѣста для перевязочнаго пункта, коноводовъ и обоза, начальникъ отряда съ княземъ Накашидзе отправился взглянуть на дѣйствія артиллеріи, и прибылъ въ тотъ моментъ, когда командиръ батареи былъ тяжело раненъ пулею въ грудь на-вылетъ. Пораженные выбытіемъ изъ строя любимаго начальника, артиллеристы сначала на нѣсколько мгновеній прекратили огонь, но тотчасъ же возобновили его съ новою силою. Горцы употребляли всѣ усилія для сбитія артиллеріи и буквально осыпали пулями прислугу и прикрытіе. Между тѣмъ обходныя колонны, съ величайшими затрудненіями, успѣли перебраться на

[6]) 4-е орудіе, получившее раздутость въ дулѣ, 14 августа, при взятіи штурмомъ аула Дышни-Веденя, было поставлено, какъ негодное, въ укр. Ведень.

другой берегъ и очутились на флангахъ непріятельской позиціи; раздались выстрѣлы и вслѣдъ за ними громкое «ура» Апшеронцевъ, партизановъ, казаковъ и милиціонеровъ, бросившихся въ штыки и шашки.

Мятежники не выдержали дружнаго натиска и, выбитые штыками изъ заваловъ, бѣжали. Перешедшія балку части войскъ преслѣдовали горцевъ до Керкенъ-Дука,— возвышенности, замыкающей выходъ изъ лѣса на Хатуни-Таузень-Махкетинскую поляну. Съ этого пункта партіи мятежниковъ раздѣлились на двѣ части: одна, подъ предводительствомъ Алабая и Лорсанъ-Хаджи, бросилась въ верховья Бассовскаго ущелья, а другая, съ Умою и Танзаемъ во главѣ, отступила къ Махкетамъ.

Взятые у непріятеля завалы оказались построенными съ замѣчательнымъ искусствомъ: они были приспособлены къ двухъ-ярусной оборонѣ и взаимно защищали другъ друга.

Повидимому, возведеніемъ заваловъ руководилъ опытный человѣкъ, и дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, что это былъ нѣкто Джамбазъ, ансалтинецъ родомъ, офицеръ турецкой службы, прибывшій въ Терскую область, въ числѣ другихъ агитаторовъ съ порученіями отъ Кази-Магомы и турецкаго правительства, и слывшій у горцевъ подъ именемъ Абасъ-Паши.

Осмотрѣнные завалы оказались залитыми кровью защитниковъ и покрытыми осколками гранатъ. Сбрасываніе въ балку толстыхъ бревенъ, изъ коихъ завалы были устроены, могло замедлить движеніе отряда; поэтому, для ускоренія дѣла, неразрушенную часть ихъ подожгли. Задержанныя трехчасовымъ горячимъ боемъ, войска на позицію подъ ауломъ Таузень стянулись только къ 8 часамъ вечера, причемъ отъ Керкендука отрядъ слѣдовалъ безъ выстрѣла.

Взятіе съ боя сильно укрѣпленной позиціи непріятеля, дѣйствовавшаго при весьма благопріятныхъ для него мѣстныхъ условіяхъ, не могло у насъ обойтись безъ потерь, хотя и незначительныхъ: убитъ одинъ нижній чинъ Апшеронскаго полка и ранены 1 штабъ-офицеръ и 3 нижнихъ чина того же полка.

Выпущено артиллерійскихъ снарядовъ 75 и патроновъ въ обоихъ Апшеронскихъ баталіонахъ 5.197.

Утромъ, 26-го числа, отправлены: 1-я сотня Сунженскаго полка—для сожженія селенія Хатуни и особая колонна, въ составѣ 1-го баталіона Апшеронскаго полка, 5-ти сотенъ пѣшей Дагестанской дружины, 3-хъ сотенъ конной Дагестанской милиціи и Ингушевской,— для уничтоженія хлѣбовъ, принадлежащихъ жителямъ селеній: Хатуни, Маугень и Махкеты. Партизанская команда, переправившись чрезъ Бассъ, подожгла уцѣлѣвшія сакли въ Махкеты и, послѣ незначительной перестрѣлки съ жителями, возвратилась благополучно въ лагерь. Не ограничиваясь сожженіемъ Хатуни, казаки углубились въ лѣсъ и успѣли отбить нѣсколько штукъ скота. Въ теченіи дня истреблены почти всѣ хлѣба туземцевъ. Съ утра 27-го числа съ тою же цѣлію высылались: 3-й Апшеронскій баталіонъ, двѣ роты Куринцевъ, вся кавалерія и пѣшая Дагестанская дружина. Мятежники оказали весьма слабое сопротивленіе и затѣяли перестрѣлку только по переправѣ черезъ рѣку Бассъ колонны, назначенной для уничтоженія хлѣбовъ, махкетинцевъ. Выполнивъ свою задачу, войска прибыли на бивуакъ безъ потерь. Такъ какъ дальнѣйшее оставленіе Дагестанскаго отряда въ предѣлахъ Терской области оказывалось, по многимъ причинамъ, невозможнымъ, то, согласно первоначальнаго предположенія, рѣшено было, 28-го числа утромъ, выступить обратно въ Ведень.

Для облегченія движенія и вырубки балки 2-й Арджнахкъ, генералъ-адъютантъ Свистуновъ распорядился высылкой на встрѣчу отряду двухъ ротъ Куринскаго полка, должен-

ствовавшихъ прибыть къ назначенному пункту въ 8 часовъ утра и тотчасъ же приступить къ рубкѣ лѣса.

Съ цѣлью лишить мятежниковъ возможности безпокоить отрядъ при движеніи лѣсомъ отъ Керкендука до перехода чрезъ балку, генералъ Смѣкаловъ приказалъ казакамъ Ингушевской сотнѣ и партизанской командѣ выступить въ 3 часа утра и, занявъ эту возвышенность, ожидать на ней прибытія отряда.

Партизанамъ, прикрывшись казаками, надлежало слѣдовать далѣе и, занявъ оба берега балки 2-й Арджнахкъ, ожидать прибытія Куринскихъ ротъ, которымъ и указать мѣста, назначенныя къ вырубкѣ. Командовавшій казачьими сотнями, есаулъ Аѳанасьевъ, подойдя скрытно къ Керкендуку и пропустивъ партизанскую команду, въ ожиданіи прибытія отряда, вызвалъ охотниковъ и направилъ ихъ, въ числѣ 60 человѣкъ, вверхъ по лѣсистому ущелью Басса, куда, послѣ боя 25-го числа, скрылась партія, подъ предводительствомъ Алабая и Лорсанъ-Хаджи. Охотники, незамѣтно подкравшись, сняли пикетъ, перебивъ 5, занимавшихъ его, горцевъ.

Отрядъ выступилъ въ 6 часовъ утра въ слѣдующемъ порядкѣ:

Авангардъ: — 1-я и 2-я роты Апшеронскаго полка, два орудія 3-й батареи 20-й артиллерійской бригады, 3-я и 4-я роты Апшеронцевъ, конная Дагестанская милиція.

Главныя силы. Раненые и обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Куринскаго полка и пѣшей Дагестанской дружины.

Аріергардъ: — 1-я и 4-я сотни Сунженскаго полка, Ингушевская сотня временной милиціи, 11-я и 12-я роты Апшеронскаго полка, 3 орудія 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады и 9-я и 10-я роты Апшеронцевъ.

Наканунѣ выступленія генералъ Смѣкаловъ призвалъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и приказалъ имъ, чтобы указанный порядокъ движенія не нарушался ни подъ какимъ видомъ, и милиція, какъ пѣшая, такъ и конная, отнюдь не смѣла оставлять назначенныхъ ей мѣстъ и выходить за пѣхотныя цѣпи. Аріергардъ, по вступленіи въ лѣсъ, долженъ былъ отходить перекатными цѣпями. Охотники изъ казаковъ, по снятіи пикета, заняли въ лѣсу цѣпь, прикрывшую отрядъ со стороны ущелья. Остальная часть казаковъ также спѣшилась и, по присоединеніи коноводовъ и Ингушевской сотни къ главнымъ силамъ, осталась въ арріергардѣ и все время находилась въ цѣпи вмѣстѣ съ Апшеронцами. Одному изъ застигнутыхъ врасплохъ мятежниковъ, бывшихъ въ пикетѣ, удалось пистолетнымъ выстрѣломъ, подать сигналъ къ тревогѣ. Партія Алабая и Лорсана-Хаджи начала собираться и вступила въ перестрѣлку съ казаками; со стороны Махкетовъ показались значки и толпы горцевъ, державшихся, впрочемъ, внѣ орудійныхъ выстрѣловъ. Между тѣмъ, двѣ роты Куринскаго полка, прибывшія совершенно благополучно къ балкѣ 2-й Арджнахкъ, приступили къ вырубкѣ лѣса, а партизаны заняли кругомъ пикеты. Лѣсорубщикамъ приказано было отойти только по приближеніи аріергарда. По переправѣ авангарда, начальникъ отряда распорядился, чтобы горный взводъ занялъ позицію на окраинѣ подъема, а 3-й и 4-й ротамъ Апшеронцевъ, составлявшимъ прикрытіе къ орудіямъ, разсыпать цѣпь вдоль праваго берега балки. Остальныя двѣ роты 1-го баталіона и главныя силы съ тяжестями продолжали движеніе къ Элистанджинской полянѣ. Съ каждой минутой перестрѣлка въ аріергардѣ все болѣе и болѣе усиливалась. Три орудія 6-й батареи, съ двумя Куринскими ротами, перебравшись чрезъ балку, пристроились къ горному взводу и совершенно неожиданно встрѣтили залпомъ мятежниковъ, показавшихся на дорогѣ изъ Махкетовъ. Орудія оставались на позиціи до прибытія резервовъ цѣпи аріергарда. Горцы упорно насѣдали на аріергардъ до его выхода на Элистанджин-

скую поляну. Апшеронцы и казаки отходили шагъ за шагомъ, и движеніе перекатными цѣпями дало блистательные результаты. Мятежники, въ дѣлѣ съ аріергардомъ, потеряли одними убитыми 10 человѣкъ. Стройное, какъ на ученьи, движеніе отряда дало возможность достигнуть до привала съ незначительными потерями. У насъ оказались ранеными: командиръ 3-й роты Апшеронскаго полка *поручикъ Соббатовскій*, который все-таки остался въ строю.

На Элистанджинской полянѣ отрядъ имѣлъ кратковременный отдыхъ, во время котораго партизанская команда двинулась далѣе для осмотра мѣстности; съ нею отправились 1-я и 2-я роты Апшеронскаго полка и конная Дагестанская милиція для занятія праваго берега Элистанджинской балки; мѣсто же ушедшихъ ротъ въ авангардѣ заняли двѣ роты Куринскаго полка. Для наблюденія за мятежниками на высоту, къ сѣверу отъ дороги, были высланы сотни: 1-я Сунженскаго полка и Ингушевская. Прибывъ первыми, Ингуши спѣшились и, разсыпавшись въ цѣпь, замѣтили одиночныхъ людей, старавшихся, прикрываясь высотой, пробраться къ Элистанджинской балкѣ, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, мятежники скрылись въ лѣсу. Отдавъ приказаніе о порядкѣ выступленія, причемъ вся артиллерія долженствовала слѣдовать въ авангардѣ, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ поѣхалъ къ аулу Элистанджи, передъ которымъ собрались жители съ просьбою о разрѣшеніи имъ, съ имуществомъ и скотомъ, переселиться въ ближайшіе аулы, объясняя при этомъ, что они участія въ дѣлѣ возстанія не принимали и изъ ихъ общества въ шайкахъ находятся только три человѣка. Объяснивъ просителямъ, что о ихъ заявленіи будетъ доложено начальнику Терской области, генералъ Смѣкаловъ приказалъ уничтожить сакли измѣнниковъ, и самъ возвратился къ отряду. При описанной мирной обстановкѣ началась переправа войскъ. Задержанный разговорами съ жителями, начальникъ отряда засталъ на спускѣ Сунженскія сотни и Ингушевскую[7]), за которыми шли вьюки и несли раненыхъ, подъ прикрытіемъ ротъ Куринскаго полка и пѣшей Дагестанской дружины. Лѣвая цѣпь, не имѣя возможности спуститься съ сѣверной стороны аула, гдѣ берегъ представлялъ совершенно отвѣсные глинистые обрывы, по необходимости должна была пойти по дорогѣ, по которой спускался и весь отрядъ. Не успѣлъ генералъ Смѣкаловъ со свитой, вслѣдъ за казаками, переѣхать чрезъ рѣчку и достигнуть поворота дороги на подъемъ, какъ раздался залпъ изъ устроенной мятежниками засады. Въ этотъ моментъ на днѣ балки Ингушевская сотня поила лошадей и столпились раненые и вьюки. Мятежники чрезвычайно удачно выбрали мѣсто для засады и съ самой близкой дистанціи могли на выборъ поражать людей и лошадей, не подвергаясь сами опасности, сидя за сваленными бревнами на самой окраинѣ вертикальнаго обрыва, покрытаго густымъ лѣсомъ. Совершенная наожиданность залпа, послѣдствіемъ котораго было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ людей и лошадей, весьма естественно, породила безпорядокъ среди скопившихся около рѣчки вьюковъ, чѣмъ воспользовавшись, горцы успѣли произвести второй залпъ. Это былъ послѣдній, потому что, въ отвѣтъ на него, послѣдовалъ бѣглый огонь задержанныхъ на подъемѣ мгновенно спѣшившихся казаковъ и оставленныхъ на днѣ балки двухъ ротъ Куринскаго полка. Начальнику пѣшей дружины Западнаго Дагестана, штабсъ-ротмистру Магома Даногоко Масома, удалось отыскать тропинку, ведущую на подъемъ, и онъ, окруживъ раненыхъ густою толпою милиціонеровъ, совершенно благополучно доставилъ ихъ къ мѣсту расположенія авангарда. Горцы, въ числѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, 46 человѣкъ, поражаемые со всѣхъ сторонъ, лишены были возможности про-

7) Сотни 1-я Сунженская и Ингушевская оставили высоту, когда аріергардъ началъ подходить къ аулу и, двинувшись рысью, успѣли занять назначенныя имъ въ колоннѣ мѣста.

должать перестрѣлку, такъ какъ для этого имъ надлежало, при стрѣльбѣ сверху внизъ, обнаружить себя. Подъ покровительствомъ огня казаковъ и ротъ, тяжести отряда продолжали переправу; аріергардъ же, чтобы дать возможность вьюкамъ и раненымъ подняться по крутому подъему, остановился на лѣвомъ берегу балки. Подъѣхавъ къ артиллеріи, занявшей позицію на открытой площадкѣ праваго берега, генералъ Смѣкаловъ увидѣлъ, что на Элистанджинской полянѣ показались значки и толпы конныхъ и пѣшихъ горцевъ; въ то же время въ аріергардѣ началась перестрѣлка съ мятежниками, успѣвшими, прикрываясь возвышенностью и лѣсомъ, росшимъ вдоль дороги съ южной ея стороны, пробраться къ аулу. По толпамъ горцевъ, какъ только они вошли въ сферу орудійнаго огня, было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ картечными гранатами,—и они быстро скрылись въ опушку лѣса. Вслѣдъ за вьюками и аріергардъ, поддерживаемый огнемъ ротъ, занявшихъ цѣпями окраину подъема, присоединился къ главнымъ силамъ.

На дальнѣйшемъ пути войска уже не тревожились мятежниками и прибыли въ укрѣпленіе Ведень къ 12-ти часамъ дня.

При переходѣ чрезъ Элистанджинскую балку, у насъ убито 5 и ранено 6 нижнихъ чиновъ, въ баталіонѣ Апшеронскаго полка—убитъ 1 нижній чинъ; лошадей 13 убито и ранено 3.

Въ донесеніи своемъ начальнику Терской области, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ пишетъ:

«Нахожу лишнимъ говорить объ отличной храбрости всѣхъ чиновъ отряда, такъ какъ, ваше превосходительство, встрѣтивъ возвратившіяся изъ экспедиціи войска, изволили лично благодарить ихъ за молодецкое движеніе и обѣщали довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго о ихъ подвигахъ.

«Обратившими на себя особенное вниманіе въ дѣлахъ 25-го и 28-го августа были слѣдующія лица: командиры 1-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго полка, маіоры: Магаловъ и Поповъ.

«Считаю также долгомъ свидѣтельствовать объ отличномъ усердіи и мужествѣ медиковъ Апшеронскаго полка — Ольшанскаго и Митависа, перевязывавшихъ раненыхъ подъ выстрѣлами мятежниковъ».

Послѣ дневки, Дагестанскій отрядъ, 30-го августа, въ 6 часовъ утра, выступилъ чрезъ Керкетскій перевалъ, въ Ботлихъ.

Возвращеніе отряда князя Накашидзе было болѣе чѣмъ своевременно, такъ какъ 29-го числа вспыхнуло возстаніе въ среднемъ Дагестанѣ, охватившее затѣмъ всю Дагестанскую область.

*

Глава Двадцать Вторая.

Развитіе мятежа въ Дагестанѣ. — Рѣзня въ Казикумукскомъ укрѣпленіи. — Намѣренія мятежниковъ. — Численность войскъ въ южномъ Дагестанѣ. — Возстаніе въ Кайтагѣ и Кюринскомъ ханствѣ. — Первоначальныя мѣры для подавленія возстанія. — Движеніе изъ Шуры въ Дербентъ отряда полковника Теръ-Асатурова. — Дѣла у Джеемикента и Берикея. — Извѣстія о блокадѣ матежниками Дербента. — Дѣло у Ханъ-Мамедъ-Калы. — Прибытіе отряда въ Дербентъ. — Радость жителей города. — Нѣсколько словъ о блокадѣ Дербента. — Прибытіе изъ Красноводска 2-го баталіона Апшеронцевъ. — Дѣйствія Кайтагскаго отряда. — Задачи, возложенныя на Кайтагскій отрядъ.—Занятіе селенія Башлы. — Дѣло у Янги-Кента. — Взятіе этого аула. — Наши потери. — Возстаніе въ Самурскомъ округѣ. — Дѣло у Великента. — Занятіе Маджалиса. — Изъявленіе покорности кара-кайтагскими старшинами. — Движеніе отряда къ Дювеку. — Сраженіе съ мятежниками у этого селенія. — Занятіе Дювека. — Переходъ отряда къ Башламъ. — Рекогносцировка къ сел. Чумлы. — Водвореніе спокойствія въ Уркрахскомъ наибствѣ. — Движеніе въ Самурскій округъ. — Составъ отряда. — Освобожденіе Ахтовъ отъ блокады. — Расположеніе Кайтагскаго отряда на зиму. — Дѣйствія Нагорнаго Дагестанскаго отряда по возвращеніи изъ Чечни. — Составъ его. —Расположеніе отряда въ Лавашахъ. — Отдѣленіе колонны въ Дюзъ-Майданъ. — Дѣло у сел. Ассуши. — Отправленіе изъ Лавашей въ Урму за провіантомъ двухъ ротъ Апшеронцевъ. — Неожиданное нападеніе горцевъ. — Ночныя атаки горцевъ. — Отбитіе атакъ. — Дѣло съ горцами 4-го и 5-го октября. — Наши потери и трофеи. — Роспускъ Нагорнаго отряда. — Награды.

Подъ вліяніемъ турецкихъ эмисаровъ и нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ туземцевъ, населеніе Дагестана еще съ апрѣля мѣсяца начало проявлять признаки броженія, чему первый примѣръ подало Гумбетовское общество, а за нимъ возстали и дидоевцы. Сосѣднее съ послѣдними Анцухо-капучинское общество также не замедлило проявить враждебные замыслы, и мятежъ, постепенно распространяясь, не замедлилъ охватить почти весь Дагестанъ. Возстаніе, развивавшееся въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, сообщилось даже и такимъ обществамъ, которыя изстари были намъ покорны и въ свое время играли не маловажную роль въ дѣлѣ покоренія Дегестана: говоримъ о Казикумухѣ, Согратлѣ и Цудахарѣ.

Въ первой половинѣ сентября казикумухцы измѣннически напали на полуразрушенное Казикумухское укрѣпленіе, взяли его и вырѣзали всѣхъ чиновъ мѣстнаго окружнаго управленія и команду. Поощренные первымъ успѣхомъ, они вслѣдъ за тѣмъ избрали своимъ предводителемъ сына бывшаго владѣтеля Казикумуха, Джафаръ-хана, и рѣшились двинуться на плоскость, чтобы и здѣсь поднять знамя возмущенія. Одновременно съ казикумухцами, взялись за оружіе и кайтаго-табасаранцы, имѣя во главѣ сына бывшаго уцмія—Мехти-хана. Дерзкая рѣшимость повстанцевъ поддерживалась съ одной стороны—увѣреніями турецкихъ эмисаровъ въ близкой помощи войсками Порты, а съ другой стороны—легкомысленнымъ убѣжденіемъ, что въ Дагестанѣ слишкомъ мало вооруженныхъ русскихъ силъ для успѣшной съ ними борьбы.

Между горцами разнесся и укрѣпился нелѣпый слухъ, будто чудодѣйственныя молитвы шейха ихъ Абдурахмана въ состояніи превратить порохъ русскихъ въ воду, если-бы, паче чаянія, пришлось встрѣтиться съ нашими войсками.

Итакъ, фактъ возстанія вполнѣ установился. Правда, горцы были плохо вооружены, предводители ихъ никуда не годились, дѣйствовали крайне нерѣшительно и, по большей части, безъ всякой между собою связи; но за то противникъ имѣлъ на своей сторонѣ громадный численный перевѣсъ, между тѣмъ какъ у насъ въ Дагестанѣ находилось самое ограниченное количество войскъ.

Появленіе, во главѣ казикумухцевъ, потомковъ прежняго ханскаго дома, имѣло огромное значеніе, и партіи мятежниковъ, не встрѣчая ни малѣйшаго противодѣйствія, почти одновременно возмутили не только сосѣднія общества Даргинскаго округа, но и весь южный Дагестанъ.

Въ этомъ раіонѣ полевыхъ войскъ вовсе не было. Мѣстныя же команды, Дербентская (472 челов.), Маджалисская (271 челов.) и Ахтынская (283 челов.), назначенныя преимущественно для этапной службы, не могли служить надежнымъ гарнизономъ: Дербентская и Ахтынская — по крайней несоразмѣрности величины командъ съ линіей обороны въ пунктахъ ихъ расположенія, а Маджалисская — по совершенному отсутствію въ селеніи Маджалисѣ искусственныхъ закрытій.

Еще до возстанія въ Кумухѣ, въ первыхъ числахъ сентября, въ виду тревожныхъ извѣстій изъ Гунибскаго округа, признавалось необходимымъ охранить спокойствіе южнаго Дагестана частями полевыхъ войскъ, хотя бы и въ небольшомъ числѣ; но для этого ни одной части свободной до сентября не было.

Между тѣмъ, присутствіе ихъ принесло бы существенную пользу въ южномъ Дагестанѣ: во-первыхъ, для нравственнаго вліянія на населеніе, большею частью (за исключеніемъ жителей Кайтага и Самурскаго округа) не воинственное, во-вторыхъ, для обезпеченія гор. Дербента и укр. Ахты, перваго—какъ центра управленія южнымъ Дагестаномъ и складочнаго пункта запасовъ для обезпеченія довольствія войскъ, при сборѣ ихъ для военныхъ дѣйствій; втораго—по затруднительности подать своевременно помощь мѣстной командѣ, не соотвѣтственной по своей малочисленности длинѣ линіи обороны (285 с.), ветхости крѣпостныхъ верковъ и полуразрушенности рва укрѣпленія.

Командующій войсками въ Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ, телеграммой 10-го сентября, сообщилъ военному начальнику южнаго Дагестана, генералъ-маіору Комарову, о возстаніи въ Казикумухскомъ округѣ и о движеніи мятежниковъ на Лаваши и Ходжалъ-Махи, и, впредь до открытія возможности послать туда какую-либо войсковую часть, предложилъ ему, во всѣхъ округахъ отдѣла для отраженія непріятеля, собрать постоянную и вызвать временную милицію; всѣ же находившіяся въ отдѣлѣ воинскія команды собрать къ своимъ частямъ, а гор. Дербентъ и пункты расположенія мѣстныхъ командъ приспособить къ оборонѣ, дабы, въ случаѣ нападенія мятежниковъ, возможно было держаться до прибытія подкрѣпленія.

Извѣстіе о взятіи мятежниками Казикумухскаго укрѣпленія, распространившись въ южномъ Дагестанѣ съ замѣчательною быстротою, произвело волненіе, скоро перешедшее въ открытое возстаніе въ округахъ Кюринскомъ и Кайтаго-Табасаранскомъ.

Сформировать милицію не представлялось никакой возможности; явившіеся-было по первому призыву начальниковъ округовъ немногіе, желавшіе служить въ ней, разбѣжались; въ народѣ начали распространяться вредные для насъ слухи, будто бы въ Дагестанъ уже прибылъ съ турецкими войсками сынъ Шамиля — Кази-Магометъ, и что турки взяли Александрополь, Эривань и т. д.

Вооруженное возстаніе первымъ поднялъ житель селенія Ханъ-Мамедъ-Кала — Мехти-бекъ (сынъ управлявшаго Кайтагомъ генералъ-маіора Джемовъ-бекъ Уцміева); явясь 10-го

сентября въ селеніе Башлы, имѣвшее до 1,500 дворовъ, онъ, при содѣйствіи вліятельныхъ лицъ, успѣлъ заставить признать себя уцміемъ, послѣ чего приступилъ къ сбору вооруженныхъ людей для «джигата» противу русскихъ.

На слѣдующій день появились шайки вооруженныхъ жителей, которыя, хотя и начали грабить и разорять находившіеся къ сѣверу и югу отъ Дербента имѣнія, хутора, рыболовныя ватаги и проч., однако воздерживались отъ убійствъ.

Одновременно съ этимъ, начальникъ южнаго Дагестана получилъ подробныя извѣстія объ охватѣ мятежемъ Даргинскаго округа, что и заставило генерала Комарова, по необходимости, перевесть Маджалисскую мѣстную команду въ Дербентъ, для усиленія оборонительныхъ средствъ города.

Жители селенія Маджалиса, измѣнившіе изъ первыхъ, еще на 11-е сентября отправили свои семейства въ лѣсъ и угнали скотъ; поэтому команда, при выступленіи, не могла забрать тяжестей и, выступивъ на-легкѣ, передъ вечеромъ 11-го сентября, 12-го пришла въ Дербентъ.

Волненіе, начавшееся въ Кюринскомъ округѣ, къ 12-му сентября достигло такихъ размѣровъ, что даже мѣстные жители, служившіе въ окружномъ управленіи, начали явно оказывать неповиновеніе окружному начальнику; въ округѣ распространился слухъ о приближеніи казикумухцевъ къ селенію Касумкенту, и вечеромъ, 12-го сентября, жители, собравшись толпою, съ пѣніемъ вышли на дорогу въ селеніе Курахъ. При такомъ возбужденномъ состояніи жителей цѣлаго округа, чины окружнаго управленія, не имѣя никого для своей защиты, не могли болѣе оставаться на мѣстѣ, и потому, 13-го числа, выѣхали въ Кубу, потому что сообщеніе съ Дербентомъ уже было отрѣзано шайками возмутившихся табасаранцевъ и кайтагцевъ, грабившихъ христіанскіе хутора.

Въ Самурскомъ округѣ волненіе хотя еще не переходило въ открытое возмущеніе, однако оно приняло такой угрожающій характеръ, что окружный начальникъ нашелъ необходимымъ перейти съ управленіемъ въ укрѣпленіе и озаботиться приведеніемъ его въ возможно-лучшее оборонительное состояніе. Тѣмъ не менѣе, онъ ежедневно, до самаго дня возстанія, не переставалъ посѣщать аулъ, ободряя и успокоивая жителей.

Тревожное положеніе края и ограниченность средствъ для его успокоенія, принудили генералъ-адъютанта князя Меликова обратиться къ Его Высочеству Главнокомандующему съ просьбою дозволить перевезти баталіонъ изъ Красноводска и часть мѣстнаго баталіона изъ Баку для обезпеченія Дербента и Ахтовъ. Одновременно съ этимъ послѣдовали распоряженія: 1) сформированному въ Шурѣ отряду, изъ 7-ми пѣхотныхъ ротъ, двухъ полевыхъ орудій и 3-хъ сотенъ кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Теръ-Асатурова, приказано отправиться черезъ Дешлагаръ въ южный Дагестанъ; 2) для этого отряда отправить изъ Петровска въ Дербентъ моремъ 400 четв. сухарей и 3) изъ тамошняго же артиллерійскаго склада—150.000 патроновъ и одинъ комплектъ зарядовъ для 2 орудій.

Сообщая о всѣхъ означенныхъ распоряженіяхъ генералу Комарову, князь Меликовъ увѣдомлялъ, что отправляемый отрядъ предназначается въ его распоряженіе для наказанія башлинцевъ и подавленія мятежа въ Кайтагѣ, по его указанію; въ случаѣ же нападенія мятежниковъ на Дербентъ, отрядъ долженъ идти туда немедленно.

14-го сентября сѣверная Табасарань избрала своимъ предводителемъ прапорщика Умалатъ-бека Рустанъ-Кадіева, который немедленно приступилъ къ набору вооруженныхъ людей, по одному человѣку съ каждаго двора, съ цѣлью нападенія на Дербентъ.

Южные табасаранцы, 15-го сентября, избрали майсумомъ Асламъ-бека, вошедшаго въ сношенія съ Мехти-бекомъ и Умалатомъ, для совмѣстныхъ дѣйствій.

Кюринцы, 16-го сентября, признали своимъ ханомъ штабсъ-капитана Магомета-Алибека Гарунъ-бекъ-оглы, недовольнаго на наше правительство за удаленіе его, за пьянство, отъ должности наиба.

Разоривъ Яломинскую почтовую станцію, коринцы порубили телеграфные столбы и разграбили хутора близъ р. Самура; предводители мятежниковъ перестали показываться въ Дербентѣ, подъ разными предлогами. Но однажды, съ своимъ двоюроднымъ братомъ и тремя нукерами, явился туда рукельскій житель, прапорщикъ Косумъ-бекъ Ага-бекъ-оглы, который по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ начальникомъ южнаго Дагестана, съ партіею возмутившихся участвовалъ уже въ грабежѣ, а отецъ его былъ одинъ изъ главныхъ руководителей мятежа въ Табасарани; поэтому генералъ-маіоръ Комаровъ поручилъ начальнику Кайтаго-Табасаранскаго округа арестовать Косумъ-бека. При объявленіи объ арестѣ, Касумъ-бекъ и его двоюродный братъ, обнаживъ кинжалы, бросились на милиціонеровъ и нижнихъ чиновъ, пришедшихъ для ареста. Произошла непродолжительная, но отчаянная схватка, въ которой оба бека со всѣми нукерами были убиты. Изъ милиціонеровъ убитъ одинъ и двое тяжело ранено. Происшествіе это, по донесенію генерала Комарова, имѣло довольно важное значеніе: послѣ него явились въ Дербентъ съ семействами нѣкоторые изъ табасаранскихъ бековъ, находившіеся до того въ нерѣшимости—къ какой сторонѣ примкнуть.

Еще при самомъ началѣ возмущенія генералъ Комаровъ принялъ мѣры къ приведенію Дербента въ оборонительное положеніе. Недостаточность войскъ не дозволяла и думать о защитѣ всего города, ибо—древнія, окружающія его, стѣны имѣютъ около семи верстъ длины; поэтому генералъ рѣшилъ держаться въ нижней части города, отдѣленной оборонительными казармами и представлявшей какъ бы отдѣльное укрѣпленіе, внутри котораго находятся тюрьма, провіантскій магазинъ, казармы мѣстной команды и пристань, а вблизи—госпиталь и маякъ. Съ прибытіемъ Маджалисской команды занята была и цитадель, находящаяся въ разстояніи болѣе 3-хъ верстъ отъ моря. Верхняя часть города, занятая шіитами, не сочуствовавшими возстанію, предоставлена для обороны самимъ жителямъ и сотнѣ милиціи, сформированной изъ горожанъ. Они быстро исправили древнюю стѣну, устроили на улицахъ баррикады и вообще выказали полную готовность всѣми мѣрами противодѣйствовать мятежникамъ. Наибольшую опасность представляла средняя часть города, занятая христіанами, евреями и сунитами. Первые, отправивъ свои семейства въ Астрахань и Кубу, перешли въ нижнее укрѣпленіе, а послѣдніе хотя не приняли явнаго участія въ мятежѣ, но и не выказывали ни малѣйшей готовности къ отраженію мятежниковъ.

Опасаясь, чтобы мятежъ, охватившій весь южный Дагестанъ, не перешелъ въ Шуринскій округъ и тѣмъ не лишилъ ожидаемыя въ скоромъ времени войска перевозочныхъ средствъ, крайне необходимыхъ для предстоящихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ горахъ, князь Меликовъ предписалъ генералу Комарову, по прибытіи баталіона изъ Красноводска, оставить часть его для гарнизона въ Дербентѣ, если только по обстоятельствамъ это признается необходимымъ, а остальную часть присоединить къ отряду полковника Теръ-Асатурова. Принявъ этотъ отрядъ подъ свое начальство, генералъ Комаровъ обязывался лично руководить его операціями, начавъ умиротвореніе съ Кайтага, ближайшаго къ Шуринскому округу, и переходя за тѣмъ послѣдовательно для той же цѣли въ Кюринскій и Самурскій округа.

Когда первые слухи о возстаніи въ горахъ достигли Шуры, то немедленно сформированъ былъ отрядъ и двинутъ въ селеніе Лаваши.

Вечеромъ, 12-го сентября, начальникъ этого отряда, полковникъ Теръ-Асатуровъ, получилъ предписаніе князя Меликова двинуться въ Дербентъ и, на другой же день, въ 9

часовъ утра, выступилъ изъ Лавашей, а въ 8 вечеромъ прибылъ въ Дешлагаръ, сдѣлавъ въ этотъ день 45-ти верстный переходъ.

Для охраненія Дешлагара оставлена одна рота, а остальныя войска, въ составѣ шести ротъ, двухъ орудій, трехъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двухъ сотенъ милиціи, высланной изъ Шуры, предназначались для дальнѣйшихъ дѣйствій, ближайшая цѣль коихъ заключалась въ наказаніи селеній Каякента, Башлы и Маджалиса за измѣну, а въ случаѣ изъявленія покорности — для отобранія отъ жителей аманатовъ. Съ цѣлью придать такому малочисленному отряду большую самостоятельность при усмиреніи мятежа въ лѣсистой и пересѣченной Табасарани, князь Меликовъ направилъ изъ Шуры, на его усиленіе двѣ роты Апшеронскаго полка и два 9-фунтовыя орудія съ огнестрѣльными и интендантскими припасами, комплектъ зарядовъ для четырехъ полевыхъ орудій и 10-ти-дневный сухарный запасъ для всего отряда.

16-го сентября полковникъ Асатуровъ выступилъ съ войсками изъ Дешлагара къ Каякенту и на полдорогѣ остановился на ночлегъ. На другой день отрядъ прибылъ къ Каякенту, гдѣ нанесъ мятежникамъ, укрѣпившимся въ селеніи, сильное пораженіе артиллерійскимъ и съ высотъ ружейнымъ огнемъ [1]. У насъ ранено въ этомъ дѣлѣ 4 всадника; мятежники же оставили на мѣстѣ 90 человѣкъ убитыхъ, вся же потеря ихъ простиралась до 250 человѣкъ; кромѣ того, взято 300 плѣнныхъ и 2.000 штукъ рогатаго скота. По окончаніи боя, отрядъ, поднявшись на командующую ауломъ высоту, расположился бивуакомъ.

19-го сентября изъ отряда отправлены въ Дешлагаръ двѣ роты, подъ командою подполковника Ловенецкаго, на соединеніе съ колонной, шедшей изъ Шуры. 20-го сентября колонна эта возвратилась обратно. Такимъ образомъ, отрядъ имѣлъ въ своемъ составѣ: сводно-стрѣлковый баталіонъ (изъ 13-й и 15-й ротъ Апшеронскаго и двухъ ротъ Самурскаго полковъ), баталіонъ Дагестанскаго полка, полубатарею 4-й батареи 21-й артиллерійской бригады, двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни Шуринской дружины (милиціи).

21-го сентября, при наступленіи отряда Теръ-Асатурова къ Джемикенту, около 4.000 мятежниковъ заняли лѣсъ и командующія надъ дорогой высоты, но были сбиты тремя ротами (двѣ Апшеронскихъ и одна Самурская) и двумя сотнями, подъ начальствомъ подполковника Ловенецкаго. На высотахъ и въ лѣсу мятежники неоднократно бросались въ шашки на пѣхоту, и, во время отраженія этихъ атакъ, у насъ убиты: *поручикъ Апшеронскаго полка Кронебергъ* и трое рядовыхъ; ранено 10 нижнихъ чиновъ. Въ тотъ же день получилось извѣстіе о блокадѣ Дербента. Это обстоятельство заставило полковника Теръ-Асатурова спѣшить на выручку городу, гарнизонъ котораго былъ весьма незначителенъ.

Ночью, съ 21-го на 22-е сентября, лазутчикъ Абдулла-Мурагинскій, пробравшійся въ отрядъ по морскому берегу, подтвердилъ извѣстіе о блокадѣ и нахожденіи въ опасности города Дербента, добавивъ, что жители въ страхѣ ожидаютъ нападенія кюринцевъ, верхне-табасаранцевъ и рукельцевъ, собравшихся въ большихъ массахъ; партіи мятежниковъ уже появились въ окрестностяхъ Дербента, жгли и грабили ближайшіе хутора.

На разсвѣтѣ, 22-го сентября, начальникъ отряда получилъ свѣдѣніе, что Мехти-Уцміевъ, не зная точно куда двинутся войска: на Башлы или на освобожденіе города Дербента, призываетъ все населеніе къ «газавату» [2], и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы непропустить русскихъ къ Дербенту, для чего и сосредоточиваетъ скопища у селеній Джемикента

[1] Донесеніе полковника Асатурова препровождено начальнику Окружнаго штаба отъ 5-го апрѣля 1878 года, за № 2.244.
[2] Война на смерть противъ иновѣрцевъ.

и Берикея, укрѣпленныхъ завалами и баррикадами. Черезъ послѣднее селеніе пролегала единственная удобная колесная дорога, имѣвшая впереди себя переправу на рѣкѣ Уллучаѣ или Буганѣ; на правой же сторонѣ дороги, у переправы, и почти въ тылу движенія, расположены джемикентскіе густые сады, обнесенные земляными и плетневыми оградами. Слышанная войсками наканунѣ молитва мятежниковъ, какъ оказалось, была клятва мюридовъ и зикристовъ драться, во имя вѣры, съ цѣлію не пропустить отряда и тѣмъ дать возможность Ага-беку Рукельскому, Уммалатъ-беку Кюринскому и Исмаилу-Эфенди Яраглярскому захватить Дербентъ. Вновь провозглашенный народомъ въ Косумъ-Кентѣ ханъ, штабсъ-капитанъ Магомедъ-Али-бекъ-Гарунъ-бекъ-оглы, также двинулся съ большимъ скопищемъ къ городу.

Всѣ полученныя извѣстія наглядно свидѣтельствовали объ опасномъ положеніи Дербента и указывали полковнику Теръ-Асатурову его задачу: отряду надлежало, во что бы то ни стало, пробиться къ городу по единственной дорогѣ, сквозь толпы превосходящаго числомъ непріятеля, освободить отъ блокады городъ и подать помощь его малочисленному гарнизону; предположенное раньше движеніе на Башлы оставлено было впредь до болѣе благопріятнаго случая. Послѣ ранняго завтрака, войска выступили къ Дербенту. Не успѣли онѣ пройти и пяти верстъ, какъ начальникъ авангарда[3]), подполковникъ Ловенецкій, далъ знать, что непріятель бросилъ укрѣпленный имъ Мамай-Кутанъ и поспѣшно отступаетъ отъ насѣдающихъ наѣздниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка къ Джемикенту. Спустя нѣсколько времени, когда уже обозначилось направленіе отряда, кавалерія, прикрывавшая съ правой стороны колонну, замѣтила, что мятежники оставляютъ хуторъ Актерекъ и толпы ихъ тянулись, изъ Араллара и Козмаллара, по дорогѣ отъ Башловъ къ Джемикенту. Сначала за поднявшеюся по дорогѣ пылью ничего не было видно, а потомъ ясно показались скопища пѣшихъ и конныхъ мятежниковъ, пересѣкавшія дорогу отъ Башловъ къ ауламъ Джемикенту и Берикею.

Предпринимая такое движеніе, непріятель имѣлъ въ виду произвести только лишь демонстрацію, съ цѣлью отвлечь войска отъ прямаго дѣйствія, для чего и разставилъ группами безъ прикрытія, на высотахъ ниже другой стороны гребня, около 50-ти значковъ, желая показать отряду, что ему угрожаетъ еще громадное скопище съ фланга.

Едва авангардъ началъ подходить къ Джемикенту, какъ мятежники, засѣвшіе въ садахъ, открыли по немъ учащенный огонь, и стрѣлковая цѣпь завязала съ непріятелемъ перестрѣлку.

Стрѣлки быстро заняли бугоръ, со старымъ кладбищемъ, находившійся съ лѣвой стороны дороги, противъ средней большой улицы аула, и мѣткими выстрѣлами лишили противника возможности присоединиться къ засѣвшимъ въ садахъ за земляными и густозаросшими оградами мятежникамъ, нанося въ то же время большой вредъ правому флангу занимаемой непріятелемъ позиціи.

Артиллерійскій взводъ, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, открылъ огонь по засѣвшимъ въ садахъ и аулу Джемикенту, и гранатами наносилъ сильный вредъ мятежникамъ.

Кавалерія, шедшая въ авангардѣ, отбросила мелкія партіи, засѣвшія въ кустарникахъ, и стала прикрывать нашъ правый флангъ.

Видя упорство мятежниковъ, занимавшихъ Джемикентъ, и постоянное усиленіе ихъ прибывавшими изъ Башловъ партіями, полковникъ Теръ-Асатуровъ потребовалъ изъ аріергарда взводъ 9-ти-фунтовыхъ орудій, а 13-й и 15-й ротамъ Апшеронскаго пѣхотнаго

[3]) Авангардъ состоялъ изъ 2-хъ ротъ Самурскаго полка, сотни 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и взвода 4-хъ фунтовыхъ орудій.

полка [4] приказалъ выдвинуться по дорогѣ, перестроиться въ боевой порядокъ и, въ случаѣ надобности, служить резервомъ двумъ ротамъ Дагестанскаго полка, прикрывать съ правой стороны артиллерію и открыть огонь по засѣвшимъ за оградами мятежникамъ.

Всему обозу было приказано стянувшись ближе къ войскамъ, остановиться на равнинѣ какъ можно тѣснѣе въ нѣсколько рядовъ; въ прикрытіе ему назначены двѣ роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка и сотня милиціи. Въ прикрытіе же лѣваго фланга отряда назначены двѣ сотни Темиръ-Ханъ-Шуринской конной дружины, подъ командою маіора Александра Алипкачева.

Выѣхавшій на позицію взводъ 9-ти-фунтовыхъ орудій, совмѣстно со взводомъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій, удачными выстрѣлами скоро заставилъ шедшаго по башлинской дорогѣ во множествѣ непріятеля перемѣнить свое направленіе къ Джемикенту: часть партіи укрылась въ небольшихъ перелѣскахъ и въ аулѣ Джемикентѣ, а большая часть бросилась вверхъ и чрезъ оврагъ, на другую сторону къ Берикею. Мятежники, засѣвшіе за оградами въ садахъ, были также осыпаны гранатами и пулями стрѣлковъ, вслѣдствіе чего непріятель нашелся вынужденнымъ очистить верхнюю часть Джемикента; оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ,—горцы бросились къ Берикею.

Послѣ того начальникъ отряда выдвинулъ по дорогѣ двѣ роты Апшеронцевъ и занялъ ими возвышенность надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Уллу-чая: роты открыли ружейный огонь по толпамъ мятежниковъ, расположеннымъ по другой сторонѣ аула Джемикента и по широкому, мѣстами заросшему, руслу названной рѣки. Взводъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій, переведенный на командуемое надъ переправою кладбище, а также подоспѣвшія къ переправѣ двѣ роты Самурскаго полка усиленнымъ огнемъ заставили мятежниковъ, наступавшихъ по руслу рѣки, бѣжать обратно вверхъ, оставляя на мѣстѣ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Непріятель, предвидя у аула Берикея готовившуюся противъ него атаку, стянулъ къ переправѣ на угрожаемые пункты большую часть своего скопища, и, засѣвъ по ту сторону Уллу-чая, въ изрытой балками мѣстности и въ аулѣ, началъ обстрѣливать всю ложбину рѣки.

Когда начальникъ авангарда, подполковникъ Ловенецкій, получилъ приказаніе форсировать переправу, то мятежники были въ полной готовности встрѣтить его массою своихъ силъ. Авангардъ въ бродъ переправился черезъ быструю рѣчку, теченіемъ которой много нижнихъ чиновъ было сбито съ ногъ, и занялъ цѣпью стрѣлковъ противоположный берегъ.

Не смотря на то, что къ этому времени къ взводу 4-хъ-фунтовыхъ орудій, расположенному на кладбищѣ, присоединился взводъ 9-ти-фунтовыхъ орудій, выстрѣлы которыхъ производили страшное опустошеніе въ толпахъ защитниковъ Берикая и переправы, мятежники упорно держались въ аулѣ и поддерживались свѣжими, безпрерывно прибывавшими со стороны сел. Падаръ, партіями. Соединенныя усилія горцевъ угрожали опрокинуть Самурцевъ отъ занятаго ими берега; но послѣдніе, поддержанные двумя ротами Апшеронцевъ, подъ командою маіора Хоментовскаго, совершенно обезпечили переправу за нами. Маіоръ Хоментовскій, перейдя рѣчку ниже Самурцевъ, занялъ позицію и открылъ усиленный огонь двумя своими стрѣлковыми ротами во флангъ непріятелю, занимавшему самое предмѣстье и улицы аула Берикея.

Когда наши войска совершенно укрѣпились на противоположномъ берегу,—полковникъ Геръ-Асатуровъ потребовалъ къ авангарду взводъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій, между тѣмъ какъ 9-ти-фунтовыя орудія продолжали стрѣльбу. Одновременно съ этимъ, начальникъ аріергарда,

4) Командиры ротъ: поручикъ Малиновскій и прапорщикъ Шіоновскій.

маіоръ Фіалковскій, получилъ приказаніе двинуть къ переправѣ двѣ роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка, чтобы прикрыть взводъ 9-ти-фунтовыхъ орудій и, занявъ стрѣлками сады Джемикента, усилить этими ротами огонь на переправѣ, къ которой долженъ былъ придвинуться весь обозъ въ своемъ прежнемъ порядкѣ; прикрытіе же фланговъ возложено на кавалерію.

Какъ только взводъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій, послѣ переправы, открылъ огонь по Берикею, то и 9-ти-фунтовыя орудія также переправились и, занявъ выдающійся мысомъ къ срединѣ рѣки полуостровъ, поражали откуда мятежниковъ вдоль русла рѣки, равно какъ и засѣвшихъ на берегу у аула Джемикента.

Когда, дѣйствіемъ артиллеріи и шести пѣхотныхъ ротъ, ближайшіе пункты были очищены отъ непріятеля, начальникъ отряда приказалъ артиллерійскій огонь сосредоточить на Берикеѣ и обстрѣливать дорогу, которая вела въ селеніе. Подъ прикрытіемъ огня изъ орудій, подполковникъ Ловенецкій двинулъ одну роту влѣво отъ Берикея, а самъ съ другою ротою, поддерживаемый маіоромъ Хоментовскимъ съ 13-й и 15-й ротами Апшеронцевъ, атаковалъ селеніе. Апшеронцы и Самурцы блистательно и молодецки исполнили возложенное на нихъ порученіе.

Непріятель, выбитый изъ засадъ и преслѣдуемый по улицамъ Берикея, бѣжалъ къ селенію Падаръ и на прилежащія возвышенности Саманъ-Лыхъ-Топу и Гогаръ-Топу.

При выходѣ колонны изъ селенія, полковникъ Теръ-Асатуровъ послалъ приказаніе маіору Фіалковскому,—весь обозъ, подъ прикрытіемъ баталіона, двинуть чрезъ аулъ Берикей, который вслѣдъ затѣмъ и преданъ былъ огню аріергардными ротами.

Въ виду полнаго разстройства мятежниковъ, начальникъ отряда рѣшилъ немедленно атаковать и взять селеніе Падаръ, до котораго оставалось еще 5 верстъ. Окруженное садами и лѣсомъ, селеніе Падаръ могло имѣть большое значеніе для защиты мятежниковъ; но, потерпѣвъ наканунѣ пораженіе и опрокинутые въ этотъ день, горцы потеряли всякую энергію для продолженія дѣла газавата, и только нѣсколько сотъ фанатиковъ засѣли-было въ Падарѣ и въ окрестныхъ садахъ; но, попавъ подъ огонь артиллеріи, открытый съ 200 саженъ и подъ выстрѣлы густой пѣхотной цѣпи, мятежники отказались отъ надежды отстоять селеніе и вразсыпную бросились бѣжать.

Дѣло было окончено полнымъ пораженіемъ противника.

Послѣ небольшаго отдыха, когда стянулись всѣ войска, полковникъ Теръ-Асатуровъ двинулся къ селенію Великенту, у входа въ который онъ былъ встрѣченъ джамагатомъ съ хлѣбомъ-солью. Пройдя Великентъ, отрядъ расположился бивуакомъ у канавы, по дорогѣ къ Дербенту.

Въ дѣлѣ 22-го сентября, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, мятежники потеряли 57 человѣкъ плѣнными.

У насъ ранено пять всадниковъ, лошадей убито три и ранено семь.

Въ числѣ отличившихся въ сраженіи подъ Джемикентомъ и Берикеемъ, полковникъ Теръ-Асатуровъ называетъ маіора Апшеронскаго полка Хоментовскаго, «который своевременной поддержкой и атакой способствовалъ удачному исходу дѣла» [5].

Утромъ, 23-го сентября, конный пикетъ далъ знать, что показалась партія, около 300 человѣкъ, которая совершаетъ обходное движеніе къ селенію Великенту. Лазутчикъ и жители этого селенія, прибѣжавшіе въ отрядъ и подтвердившіе донесеніе пикетныхъ, сообщили, что вновь прибывшая партія еще не участвовала въ дѣлахъ противъ русскихъ,

5) Дѣло № 4952. Военно-Ученый Архивъ

отдѣлилась отъ скопища табасаранцевъ, кюринцевъ и рукельцевъ, ожидавшихъ отрядъ подъ Ханъ-Мамедъ-Калою и Дербентомъ, и имѣетъ намѣреніе, занявъ, въ тылу отряда, селеніе Великентъ, укрѣпиться на бывшемъ посту этапной команды.

Для отраженія подходившей къ Великенту партіи, полковникъ Теръ-Асатуровъ направилъ, подъ начальствомъ маіора Алискендера-Алипкачева, двѣ сотни Темиръ-Ханъ-Шуринской дружины, для поддержанія коихъ пошли, чрезъ сады, двѣ роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Лишь только дивизіонъ прошелъ Великентъ и маіоръ Алискендеръ-Алипкачевъ сдѣлалъ распоряженіе усилить еще нѣсколькими всадниками пикетъ, занимавшій зданіе этапной команды, какъ партія мятежниковъ стала уже подходить къ селенію. Не обнаруживая себя заранѣе, маіоръ Алипкачевъ далъ ей приблизиться и, послѣ залпа, бросился съ дивизіономъ на нее въ шашки. Неожиданная атака совершенно разстроила непріятеля, и онъ бѣжалъ, преслѣдуемый сотнями, оставя въ нашихъ рукахъ 9-ть человѣкъ плѣнными, и бросивъ на мѣстѣ 5-ть тѣлъ и нѣсколько лошадей.

Плѣнные дѣйствительно оказались табасаранцы и кюринцы, только что пришедшіе въ распоряженіе Мехти Ушміева.

По разсѣяніи мятежниковъ, сотни Темиръ-Ханъ-Шуринской дружины и двѣ роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка были отозваны назадъ, для слѣдованія къ Дербенту.

Около 9-ти часовъ утра двинулся авангардъ, состоявшій подъ командою маіора Хоментовскаго, изъ двухъ сотенъ 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, 13-й и 15-й ротъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка и взвода 4-хъ-фунтовыхъ орудій.

Колонна съ транспортомъ находилась подъ прикрытіемъ баталіона Дагестанскаго пѣхотнаго полка и двухъ сотенъ Темиръ-Ханъ-Шуринской дружины; аріергардъ же составляли остальныя войска отряда.

Вдоль дороги, въ особенности съ правой стороны ея, виднѣлись незначительныя партіи мятежниковъ; но едва только кавалерія прошла селеніе Саликъ, какъ вправо отъ него замѣтила присутствіе скопища мятежниковъ и большое движеніе прибывающаго непріятеля.

Полковникъ Асатуровъ остановилъ отрядъ, чтобы дать войскамъ возможность стянуться, послѣ чего авангардъ двинулся по дорогѣ чрезъ оврагъ. Когда наѣздники 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка стали выступать изъ-за селенія Ханъ-Мамедъ-Кала, то мятежники, съ правой стороны дороги, изъ густой опушки лѣса, открыли съ весьма близкой дистанціи учащенный огонь, отъ котораго наѣздники потеряли двухъ всадниковъ ранеными, трехъ лошадей убитыми и пять ранеными. Тогда дивизіонъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка выскочилъ изъ оврага; но, замѣтивъ, что, вслѣдствіе густо заросшей мѣстности и балки, нельзя произвести атаки, онъ живо спѣшился и, занявъ вдоль дороги канаву, сталъ отстрѣливаться.

Начальникъ авангарда, маіоръ Хоментовскій, вслѣдъ за кавалеріею, съ своими Апшеронскими ротами, бѣгомъ поднялся на дорогу, разсыпалъ стрѣлковъ, вправо отъ Дагестанскихъ всадниковъ, и открылъ огонь по мятежникамъ. Стрѣлки, лежа въ канавѣ и пользуясь прикрытіями, не давали противнику перебѣгать чрезъ прогалину къ ближайшей намъ опушкѣ лѣса. Взводъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій, слѣдуя непосредственно за Апшеронцами, занялъ между стрѣлками выгодную позицію и началъ громить выстрѣлами непріятеля.

Были слышны громкіе, воодушевляющіе крики мятежниковъ. Около дома предводителя возстанія, Мехти-Ушміева, а также и въ самомъ селеніи Ханъ-Мамедъ-Кала, на площади и за сѣнниками, виднѣлось большое скопище.

Непріятель у опушки усиливался прибывавшими къ нему свѣжими партіями и занялъ

отличную для обороны, закрытую лѣсомъ позицію, выгоды которой, при превосходной числительности противника, уравновѣшивали наше оружіе.

Повидимому, непріятель приготовился дать намъ отпоръ въ этомъ пунктѣ. Первое время начальникъ отряда ожидалъ, что горцы, воодушевляемые предводителями, бросятся изъ опушки въ рукопашную на малочисленный авангардъ, чтобъ опрокинуть его и не дать колоннѣ выйдти изъ оврага; поэтому, для поддержанія Апшеронцевъ и усиленія огня противъ лѣсной опушки, онъ потребовалъ изъ главныхъ силъ двѣ роты бѣгомъ. Какъ только роты подбѣжали къ передовой линіи огня, Апшеронскіе стрѣлки сгустились за закрытіями, къ нимъ пристроились, вдоль канавы, роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка—и открыли огонь на дымъ стрѣлявшаго и иногда уже выходившаго изъ опушки непріятеля.

Но опасенія полковника Теръ-Асатурова оказались напрасны, и мятежники не рискнули выйдти изъ лѣса.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, флангъ движенія отряда, начальникъ отряда приказалъ дивизіону 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, Темиръ-Ханъ-Шуринской конной дружинѣ и одной ротѣ Дагестанскаго пѣхотнаго полка слѣдовать по дорогѣ, чтобъ, вмѣстѣ съ выходившимъ изъ оврага обозомъ, образовать вагенбургъ за садами, на равнинѣ; въ то же время двѣ роты аріергарда заняли высоту надъ оврагомъ и кладбищемъ, о которымъ непріятель изъ аула могъ броситься на транспортъ и незамѣтно выйдти намъ въ тылъ.

Когда скопище горцевъ сосредоточилось у дома предводителя Мехти-Уцміева и на площади селенія Ханъ-Мамедъ-Кала, то изъ аріергарда потребованъ былъ взводъ 9-тифунтовыхъ орудій, который, вмѣстѣ съ 4-хъ-фунтовымъ взводомъ, открылъ огонь, какъ по дому Мехти-бека-Уцміева, такъ и по мятежникамъ.

Несмотря, однако, на огонь батальона стрѣлковъ и артиллеріи, не позволявшихъ непріятелю показываться на прогалинахъ, онъ усиливалъ безвредный для насъ огонь изъ опушки лѣса, балки и строеній: пули горцевъ все время визжали надъ головами стрѣлковъ и артиллеристовъ, и успѣли только ранить нѣсколько лошадей въ обозѣ.

Сложенный изъ сырцоваго кирпича, двухъ-этажный домъ Мехти-Уцміева представлялъ для артиллеріи отличную цѣль. Гранаты пронизывали зданіе насквозь и, разрываясь въ толпѣ мятежниковъ, наносили имъ видимый уронъ. Сосредоточенное дѣйствіе полубатарей на площадь заставило скопище разбѣжаться и укрыться въ ближайшихъ садахъ.

Между тѣмъ, стрѣлки, засѣвшіе по окраинѣ оврага, надъ садами, не позволяли непріятелю перебѣгать и выходить по балкѣ, и наносили имъ значительный вредъ.

Когда обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ Дагестанскихъ ротъ и шести сотенъ кавалеріи, продвинувшись версты на двѣ впередъ, остановился на равнинѣ вагенбургомъ, то дивизіонъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка обогнулъ лѣсъ, для наблюденія за движеніемъ непріятеля и воспрепятствованія приближаться одиночно стрѣлявшимъ мятежникамъ.

Съ присоединеніемъ Самурскихъ ротъ къ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ опушки, и съ открытіемъ усиленнаго ими огня, стрѣльба со стороны непріятеля начала ослабѣвать и по прогалинамъ ясно виднѣлись быстро отступавшія толпы горцевъ.

Почти четыре часа продолжался съ обѣихъ сторонъ сильный ружейный, а съ нашей стороны и артиллерійскій огонь. Наконецъ, около двухъ часовъ пополудни, когда выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ прекратились, полковникъ Теръ-Асатуровъ приказалъ Апшеронцамъ и Дагестанцамъ двинуться по дорогѣ къ вытянувшемуся обозу, оставивъ опять въ аріергардѣ двѣ роты Самурскаго полка съ полубатареею и дивизіономъ 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

«Въ этомъ дѣлѣ, пишетъ въ своемъ донесеніи полковникъ Теръ-Асатуровъ, я долженъ отдать полную справедливость начальнику авангарда, маіору Хоментовскому, за его отличную распорядительность быстрымъ открытіемъ мѣткаго огня, чѣмъ удержалъ непріятеля у опушки лѣса» [6].

Изъ Ханъ-Мамедъ-Калы дорога къ Дербенту до морскаго берега идетъ: съ лѣвой стороны по открытой равнинѣ, а съ правой, почти до полпути къ этому городу встрѣчаются кусты и рощи, за которыми подымается хребетъ горъ, спускающихся къ Дербенту. Самая дорога представляется довольно волнистою и на половинѣ пересѣкается глубокою, съ крутыми обрывистыми берегами балкою, чрезъ которую перекинутъ каменный мостъ; по обѣимъ же ея сторонамъ прокопаны канавы для грядокъ марены.

Лишь только войска двинулись по направленію къ Дербенту и аріергардъ прошелъ нѣсколько верстъ отъ Ханъ-Мамедъ-Кала, какъ непріятель снова открылъ огонь изъ рощи, съ правой стороны дороги: тогда подполковникъ Ловенецкій разсыпалъ стрѣлковъ и, отстрѣливаясь, продолжалъ движеніе.

Когда въ прилегавшей къ дорогѣ рощѣ замѣчена была партія, то полубатарея, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, обогнувъ ее, снялась съ передковъ и открыла вдоль лѣса огонь. Непріятель, ведя безвредную для насъ перестрѣлку, отступилъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ.

При дальнѣйшемъ движеніи отряда, цѣпь наша перестрѣливалась съ непріятелемъ, подкрадывавшимся въ кустахъ и засѣдавшимъ за канавою, въ глубокихъ грядахъ марены; съ приближеніемъ же къ каменному мосту, гдѣ мѣстность дѣлалась совершенно открытой, перестрѣлка прекратилась.

Вдали, по террасамъ горныхъ дорогъ, видѣлось уходившее скопище, а у подошвы горъ, очевидно, уже безъ общаго руководителя, бродили по разнымъ направленіямъ мелкія партіи.

Отряду, перешедшему каменный мостъ, чрезъ сухую съ отвѣсными берегами балку, былъ данъ у колодца малый привалъ, на которомъ начальникъ отряда получилъ письмо отъ генералъ-маіора Комарова, отъ 22-го сентября писавшаго, что цѣлый день слышалась стрѣльба въ отрядѣ; поздравляя съ побѣдою, генералъ сообщалъ, что ожидаетъ войска въ Дербентъ 23-го числа, къ вечеру.

Послѣ малаго отдыха, отрядъ въ прежнемъ порядкѣ двинулся по дорогѣ къ Дербенту.

Съ приближеніемъ войскъ къ городу, кавалерія начала со всѣхъ сторонъ приводить въ отрядъ плѣнныхъ табасаранцевъ, кюринцевъ и рукельцевъ.

По показаніямъ плѣнныхъ, непріятель подъ сел. Ханъ-Мамедъ-Калою, понесъ большія потери отъ артиллерійскаго и стрѣлковаго огня.

На встрѣчу къ отряду выѣхала изъ города 2-я сотня 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

Наконецъ, за Кафарскимъ постомъ и цитаделью, показались городскія стѣны, усѣянныя народомъ.

Около городскихъ кладбищъ отрядъ былъ встрѣченъ начальникомъ южнаго Дагестана, генералъ-маіоромъ Комаровымъ, со свитою, который поздравилъ войска съ побѣдою и поблагодарилъ ихъ за службу.

Все городское населеніе радостно встрѣтило войска, какъ своихъ избавителей отъ блокады; прибывшихъ привѣтствовали:—выстрѣлами—орудія, перевезенныя со шхуны, еще

[6] Дѣло № 4.964. Военно-Ученый Архивъ.

16-го сентября, громкими криками—толпа мужескаго населенія и дѣти, а женщины, стоя на крышахъ,—хлопали въ ладоши.

Не смотря на позднее время и на проливной потомъ дождь, жители, не отходя отъ войска до глубокой ночи, угощали отрядъ изъ своего скуднаго, по случаю блокады, довольствія свѣже-испеченными чуреками и чаркою вина.

Положеніе Дербента, до прихода Темиръ-Ханъ-Шуринскаго отряда, было критическое. Находясь въ центрѣ возстанія Кайтаго-Табасаранскаго, Самурскаго и Даргинскаго округовъ, этотъ городъ, окруженный стѣною до 7-ми верстъ въ окружности и съ двумя третями домовъ принадлежавшихъ не-христіанамъ, до прихода Маджалисской команды имѣлъ для своей защиты одну лишь только мѣстную команду въ 400 штыковъ. При такихъ ничтожныхъ средствахъ къ оборонѣ, Дербентъ подвергался большой опасности. Еще 14-го сентября прекратилось сообщеніе съ Дешлагаромъ, Темиръ-Ханъ-Шурою и съ Кубой. Телеграфное сообщеніе было прервано: проволоки и столбы отвезены въ ближайшія, измѣнившія намъ селенія, а почтовыя станціи преданы огню; изъ нихъ уцѣлѣли только Каякентская и Куларская, когда-то наши старыя укрѣпленія, которыя, по своей силѣ, могли служить надежной опорой мятежникамъ[7]. Оставалось единственное сообщеніе—моремъ; но съ 11-го числа сентября на одинъ пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій», по случаю бурливаго состоянія моря, не могъ безъ большаго риску приблизиться къ берегу Дербента, исключая военной шхуны Каспійской флотиліи, которая, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, передала свои орудія городу и немедленно ушла.

Гарнизона настолько было не достаточно, что генералъ-маіору Комарову пришлось бросить командующую надъ городомъ цитадель[8].

Паника въ городѣ господствовала всеобщая: до 300 семействъ уѣхало на пароходахъ въ Астрахань и Баку. Показанія лазутчиковъ, еще во время расположенія отряда въ Каякентѣ и Мамай-Кутанѣ, оказались справедливыми. Верхнюю часть города и среднюю, христіанскую, заключающую въ себѣ въ числѣ прочихъ присутственныя мѣста и церковь, совершенно бросили на произволъ судьбы. И только мусульмане шіитскаго толка, безъ всякаго приказанія начальства, баррикадами и завалами стали отдѣльно укрѣплять занимаемую ими верхнюю часть города; а христіане и евреи перешли изъ своихъ кварталовъ въ нижнюю приморскую часть, гдѣ основалъ свою резиденцію и военный начальникъ южнаго Дагестана.

Всѣ присутственныя мѣста и управленія, перешедшія въ приморскую часть, въ казармы мѣстной команды, прекратили свою дѣятельность; въ городѣ чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, дровахъ и другихъ предметахъ первой необходимости, потому что окрестныя мусульманскія деревни прекратили всякое сношеніе съ Дербентомъ.

Съ 11-го сентября въ окрестностяхъ Дербента запылали принадлежавшія христіанамъ и евреямъ строенія и уничтожены сады и плантаціи, а кругомъ города бродили партіи измѣнниковъ, грабившіе преданныхъ Русскому правительству жителей Уллускаго магала. Прекратилась возможность выгонять за черту города скотъ и баранту. Безъ сильнаго прикрытія нельзя было хоронить умершихъ: пришлось бросить кладбище, и покойниковъ начали хоронить возлѣ городскихъ стѣнъ. Внутри города рыскали измѣнники, не выдаваемые мусульманами, и съ ними даже была перестрѣлка. Не далеко отъ Дербента, въ Кюрѣ, мятежники измѣннически вырѣзали русскихъ рабочихъ.

7) Объ эти станціи построены съ оборонительными двухъ-ярусными казармами и такими же на фасахъ бойницами изъ тесаннаго камня, на известковомъ цементѣ.

8) По приходѣ Маджалисской мѣстной команды, была отдѣлена маленькая команда для охраны цитадели.

День и ночь Дербентская, а потомъ и Маджалисская команды, не смыкая глазъ, держали на стѣнахъ сторожевую цѣпь, строили баррикады изъ дровъ и камня, въ интервалахъ между казармами, и окапывались со стороны моря.

Вотъ въ какомъ положеніи находился Дербентъ съ 11-го сентября по 24-е число, когда вступилъ въ него Темиръ-Ханъ-Шуринскій отрядъ.

Освобожденіе отъ блокады Дербента являлось лучшимъ вознагражденіемъ отряда, безустанно трудившагося подрядъ четырнадцать сутокъ.

Кромѣ приведенія къ покорности всего Даргинскаго округа, трофеями отряда были: фальконетъ, четыре значка, свыше 600 человѣкъ плѣнныхъ, большое число оружія, множество лошадей, около пяти тысячъ барановъ, до трехъ тысячъ рогатаго скота и нѣсколько арбъ печенаго хлѣба. Благодаря энергіи и отважному рѣшительному образу дѣйствій, дѣла съ мятежниками, сравнительно съ достигнутыми результатами, обошлись отряду не дорого, а именно: убиты — 1 оберъ-офицеръ, 3 нижнихъ чина и 4 милиціонера; ранены — 1 оберъ-офицеръ и 57 нижнихъ чиновъ.

«Какъ за все время, такъ и въ этотъ послѣдній день войска вели себя молодецки; храбрость и мужество, какъ въ перенесеніи тяжелыхъ боевыхъ трудовъ похода, такъ и при встрѣчѣ съ непріятелемъ, стоятъ выше всякой похвалы»[9].

Прибытіе отряда въ Дербентъ произвело на жителей, въ особенности на христіанъ и евреевъ, самое благопріятное впечатлѣніе: прекратившаяся-было торговля вновь открылась, явилась возможность, подъ прикрытіемъ карауловъ отъ временной милиціи, приступить къ полевымъ работамъ и къ посѣву хлѣбовъ.

23-го сентября прибыла въ Дербентъ, на пароходѣ, рота Бакинскаго губернскаго баталіона, а на другой день, на казенномъ пароходѣ «Насръ-Эдинъ-Шахъ» доставлены изъ Красноводска двѣ роты 2-го баталіона Апшеронскаго полка.

До 26-го числа отрядъ оставался въ Дербентѣ, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ всей матеріальной своей части, нѣсколько разстроенной отъ усиленныхъ маршей и дѣйствій съ мятежниками. Къ отряду присоединена еще одна сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, снятая съ постовъ по почтовому тракту.

Собранный въ Дербентѣ отрядъ получилъ названіе Кайтагскаго, и въ командованіе имъ вступилъ военный начальникъ южнаго Дагестана, генералъ-маіоръ Комаровъ.

25-го августа, изъ Красноводска въ Дербентъ прибыли остальныя двѣ роты Апшеронцевъ. Баталіонъ обоза съ собою не имѣлъ и, по невозможности—достать потребныхъ для подъема его тяжестей арбъ, оставленъ въ Дербентѣ.

На Кайтагскій отрядъ возлагалось выполненіе слѣдующихъ задачъ: 1) оказывать во-время помощь, въ случаѣ нападенія мятежниковъ на уроч. Дешлагаръ; 2) не допускать распространенія мятежа, со стороны этого урочища, въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ; послѣднее обстоятельство имѣло первостепенную важность, потому что только изъ этого округа и могли быть взяты необходимыя перевозочныя средства для доставки продовольствія главному Дагестанскому отряду, сформированному въ Шурѣ и предназначенному для дѣйствій въ среднемъ Дагестанѣ и Даргинскомъ округѣ, и 3) наказать селеніе Башлы, жители котораго первые подняли въ южномъ Дагестанѣ вооруженное возстаніе и выставили значительную партію Мехти-беку.

27-го сентября, отрядъ въ составѣ 8 ротъ пѣхоты (въ томъ числѣ 13-я и 15-я—Апшеронцевъ), 4-хъ орудій и сотенъ: 3-хъ—Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка,

---

9) Тамъ же.

2-хъ—Шуринской, одной—южно-Дагестанской милиціи и сборной—изъ жителей селеній Мюраго, Утемышъ и Мекеге, выступилъ изъ Дербента въ селеніе Ханъ-Мамедъ-Кала, жители котораго сначала бѣжали въ лѣсъ, но потомъ явились съ покорностью, объявивъ, что ихъ селеніе до прихода отряда было занято партіею мятежниковъ, подъ предводительствомъ Бей-бала-бека-Асланъ Гирея, двоюроднаго брата Мехти-бека.

На слѣдующій день отрядъ дошелъ до селенія Джемикента, исправивъ на пути три моста, испорченные мятежниками; толпы послѣднихъ не рѣшались вступить въ бой и быстро отступали передъ отрядомъ. Жители терекемейскихъ селеній: Великента, Биляра, Падара, Татегира, Уллу-Терекеме, Кородалы, Дели-Чабана, Берикея и Джемикента, принимавшіе въ возмущеніи незначительное участіе, явились съ покорностію и исполняли безпрекословно всѣ требованія начальника отряда. На ночлегѣ близъ Джемикента, получено было свѣдѣніе, что самозванный Казикумухскій ханъ, Джафаръ, съ значительною партіею казикумухцевъ прибылъ въ селеніе Мулебка и собираетъ мятежниковъ изъ Даргинскаго округа, для вторженія въ Нижній Кайтагъ; поэтому генералъ Комаровъ отпустилъ домой временную милицію изъ мюрагинцевъ и мекегинцевъ, заявившихъ опасенія за свои семейства.

29-го сентября Кайтагскій отрядъ подошелъ къ селенію Башлы, занятому небольшими партіями мятежниковъ, которые, сдѣлавъ нѣсколько безвредныхъ залповъ по посланнымъ на рекогносцировку командамъ, ушли на близлежащія лѣсистыя горы, гдѣ и оставались во все время стоянки отряда подъ Башлами. Жители селенія разбѣжались по окрестнымъ лѣсистымъ ущельямъ, куда раньше отправили свои семейства и скотъ.

Слѣдующіе три дня отрядъ стоялъ въ Башлахъ; къ генералъ-маіору Комарову явились джамааты селеній Алходжакента и Гатыя, изъ которыхъ, а также и изъ другихъ терекемейскихъ было вытребовано 500 арбъ, для перевозки въ Великентъ части огромнаго запаса зерноваго хлѣба, собраннаго Мехти-бекомъ изъ разграбленныхъ имъ хуторовъ, для продовольствія, какъ онъ объяснялъ народу, имѣющихъ скоро прибыть въ Дагестанъ турецкихъ войскъ. Въ ночь на 3-е октября селеніе Башли было сожжено.

Передъ вечеромъ, 2-го октября, лазутчики дали знать, что Джафаръ съ большою партіею изъ Мулебка перешелъ на урочище Канзай, занялъ селенія Чумлы и Янгикентъ, куда на соединеніе съ нимъ идетъ Мехти-бекъ изъ Маджалиса, а Умалатъ-бекъ собиралъ партію изъ табасаранцевъ. По полученіи свѣдѣній о движеніи мятежниковъ къ селенію Янгикенту, отрядъ утромъ, 3-го октября, выступилъ съ бивака у Башлы, и въ 4 $^1/_2$ часа пополудни подошелъ къ Янгикенту. У входа въ селеніе стояла, выстроившись во фронтъ, конная партія мятежниковъ съ тремя значками; высоты, командующія селеніемъ съ юга, были заняты пѣшими и конными толпами, съ десятью значками; кромѣ того всѣ окрестныя лѣсистыя горы, по обѣимъ сторонамъ ущелья, въ которомъ расположенъ Янгикентъ, занимались отдѣльными кучками мятежниковъ.

Здѣсь, по словамъ лазутчиковъ, находились соединенныя партіи Джафара и Мехти-бека, въ числѣ до 4,000 человѣкъ. По первому выстрѣлу изъ орудія, стоявшая у входа въ селеніе конница мятежниковъ вбѣжала въ Янгикентъ и большею частью скрылась въ домѣ Мехти-бека, построенномъ на отдѣльной высотѣ, командующей всѣмъ селеніемъ. Домъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ саманныхъ построекъ, окружавшихъ большой дворъ; на двухъ углахъ находились башни для фланговой обороны, а во всѣхъ зданіяхъ виднѣлись бойницы, такъ что онъ представлялъ довольно сильное укрѣпленіе, трудно доступное съ сѣверной и западной сторонъ по крутости подъема на гору. Наступленіе ночи заставило отложить рѣшительныя дѣйствія до слѣдующаго дня и ограничиться лишь нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій по укрѣпленію и аулу и ружейною перестрѣлкой съ мятежниками, занимавшими

высоты надъ мѣстомъ, на которомъ отрядъ расположился бивакомъ. Перестрѣлка продолжалась всю ночь. Въ отрядѣ ранено 3 нижнихъ чина и 4 лошади.

4-го октября генералъ Комаровъ, оставивъ на бивакѣ одну роту Апшеронцевъ, двѣ роты Дагестанцевъ, взводъ 3 батареи, сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и сотню дружины южнаго Дагестана, съ остальными войсками, въ 7 часовъ утра, двинулся на высоты, командующія надъ Янгикентомъ съ юга, и, постепенно сбивая мятежниковъ съ занятыхъ ими крѣпкихъ позицій и выбивая ихъ изъ крайнихъ домовъ селенія, къ 11 часамъ занялъ весь гребень надъ Янгикентомъ. Для взвода 5-й батареи была выбрана удобная позиція, въ разстояніи около 500 саженъ отъ укрѣпленія, по которому открытъ огонь какъ изъ этихъ орудій, такъ и изъ оставшихся на бивакѣ. Въ то же время велась почти безпрерывная перестрѣлка съ мятежниками, собравшимися въ лѣсистой балкѣ, выше селенія, съ занимавшими высоты надъ бивакомъ и засѣвшими въ домахъ селенія Янгикента.

Снаряды, безъ промаха попадавшіе въ укрѣпленіе, пробивали насквозь стѣны, но наносили незначительный вредъ саманнымъ постройкамъ. Только къ 3 часамъ пополудни удалось обрушить часть построекъ южнаго фаса укрѣпленія; къ тому же времени, почти все селеніе было занято, и только въ двухъ смежныхъ домахъ еще держались до 50 человѣкъ мятежниковъ, которые вели непрерывную перестрѣлку съ войсками, занимавшими гору. Оба эти дома, сначала обстрѣлянные изъ орудій, зажжены были охотниками; засѣвшіе же въ домахъ защитники почти всѣ перебиты.

Сѣверную сторону укрѣпленія заняла посланная туда кавалерія, а западную—цѣпь двухъ ротъ; такимъ образомъ, укрѣпленіе было окружено со всѣхъ сторонъ. По прекращеніи пальбы изъ орудій, занимавшимъ укрѣпленіе казикумухцамъ предложено было сдаться; но они объявили, что намѣрены защищаться до конца. Тогда орудія вновь открыли стрѣльбу по укрѣпленію, а кавалерія, до которой долетали осколки гранатъ, переведена на прежнее мѣсто.

Изъ передовыхъ ротъ вызвалось 15 человѣкъ охотниковъ поджечь разбитый уголъ укрѣпленія; послѣ нѣсколькихъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ изъ орудій, охотники подбѣжали къ пролому и уже развели огонь, но въ это время защитники укрѣпленія успѣли продѣлать отверстіе въ проломѣ и открыли по смѣльчакамъ сильный огонь.

Не желая безъ пользы терять людей, генералъ Комаровъ приказалъ послѣднимъ отойти.

При наступленіи темноты, небольшія партіи мятежниковъ, цѣлый день перестрѣливавшіяся съ отрядомъ, ушли—и аулъ былъ зажженъ; войска остались на ночь на мѣстахъ, занятыхъ днемъ.

5-го октября, на разсвѣтѣ, укрѣпленіе было занято; въ немъ оказалось много осѣдланныхъ лошадей, 43 убитыхъ и тяжело раненыхъ и 18 сдавшихся въ плѣнъ мятежниковъ; въ числѣ раненыхъ находился и пятисотенный начальникъ, житель селенія Янгикента Вача-Хаджи-Муса-Али-оглы, показавшій слѣлующее. Джафаръ приказалъ ему съ 500 человѣкъ упорно защищать Янгикентъ, обѣщаясь, въ случаѣ надобности, подать помощь. Изъ числа защитниковъ Янгикента, болѣе 10 убито и ранено еще 3-го октября, часть бѣжала, а другая часть заняла дома въ селеніи; съ Вача-Хаджи заперлось всего 120 человѣкъ. Изъ нихъ до полученія имъ раны убито 70 человѣкъ; многіе, легко раненые, успѣли уйти по-одиночкѣ скрываясь въ глубокой балкѣ, прилегающей къ сѣверному фасу укрѣпленія. Кромѣ этой потери, мятежники понесли огромный уронъ въ селеніи, на высотахъ и въ особенности въ балкѣ отъ огня роты Апшеронскаго полка, и потеряли три значка. Въ продолженіи дѣла 4-го октября у насъ убитъ одинъ унтеръ-офицеръ, ранено 2 унтеръ-офицера, 10 рядовыхъ и 1 всадникъ; контуженъ 1 рядовой. Ранено и убито 8 лошадей.

Остатки партіи Джафара и Мехти ушли въ Маджалисъ, большая же часть кайтагцевъ разошлась по домамъ. Къ отряду собралось изъ лѣсовъ до 600 душъ янгикентскихъ евреевъ, ограбленныхъ казикумухцами; въ числѣ ихъ было 7 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, раненыхъ кинжалами. Они обратились къ генералу Комарову съ просьбою о защитѣ и дозволеніи остаться при отрядѣ, до выхода его на плоскость, дабы потомъ пробраться въ Дербентъ, что имъ и было дозволено.

Между тѣмъ, командующій войсками Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ, получилъ слѣдующія свѣдѣнія: на четвертый день мусульманскаго праздника Рамазанъ-Байрама, именно 1-го октября, волненіе въ Самурскомъ округѣ перешло въ открытое возстаніе, и житель селенія Ахты, милиціи капитанъ Кази-Ахметъ, провозглашенъ ханомъ; что сообщенія съ Ахтынскимъ укрѣпленіемъ отрѣзаны, и мятежники, окруживъ укрѣпленіе и занявъ высоту на лѣвомъ берегу Самура, вели постоянную перестрѣлку съ гарнизономъ, а новый ханъ дѣятельно занимался сборомъ скопища, для вторженія въ Кубинскій уѣздъ. Двинуться въ Самурскій округъ, для подавленія возстанія и освобожденія Ахтынскаго гарнизона, не представлялось возможнымъ: сначала необходимо было водворить полное спокойствіе въ округахъ, прилегавшихъ къ плоскости. Сообщая объ этомъ начальнику Самурскаго округа, подполковнику Юзбашеву, князь Меликовъ обѣщалъ подать ему помощь по усмиреніи Кайтаго-Табасарани, или по приходѣ войскъ, ожидаемыхъ въ Дагестанъ изъ Терской области. Въ томъ же предписаніи начальникъ области предлагалъ подполковнику Юзбашеву, до прибытія подкрѣпленія, принять всевозможныя мѣры къ оборонѣ укрѣпленія и поддержанію бодрости въ жителяхъ и гарнизонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Меликовъ предложилъ генералу Комарову, по возстановленіи спокойствія въ Кайтагѣ и Табасарани, направиться къ Ахтамъ, для освобожденія его отъ блокады.

Находясь съ отрядомъ у Янгикента, генералъ-маіоръ Комаровъ получилъ извѣстіе, что Умалатъ-бекъ, собравъ большую партію табасаранцевъ, намѣревается съ нею двинуться для разоренія терекемейскихъ селеній, въ отомщеніе за то, что жители ихъ изъявили намъ покорность и отстали отъ мятежа. Хотя прикрыть только-что покорившіяся терекемейскія селенія представлялось дѣломъ первой важности, но въ отрядѣ чувствовался уже недостатокъ въ провіантѣ и артиллерійскихъ запасахъ; поэтому генералъ Комаровъ послалъ въ Дербентъ особую колонну, и всѣхъ раненыхъ и больныхъ, возложивъ на ея обязанность доставить въ отрядъ провіантскіе и огнестрѣльные запасы. 6-го октября весь отрядъ перешелъ отъ Янгикента въ Великентъ, откуда легче было поддерживать сообщеніе съ Дербентомъ.

По прибытіи сюда отряда, генералъ Комаровъ узналъ, что огромная партія мятежныхъ табасаранцевъ находится на правомъ берегу Дарварской рѣчки, въ 6 верстахъ отъ Великента, гдѣ заняла лѣсъ и возвышенности близъ почтовой дороги; что жители Великента отослали свои семейства въ лѣсъ, а сами приготовляются къ оборонѣ, расчитывая на помощь отряда. Предположивъ утромъ аттаковать мятежниковъ, генералъ Комаровъ немедленно, морскимъ берегомъ, послалъ нарочнаго въ Дербентъ съ приказаніемъ выслать по направленію къ сел. Ханъ-Мамедъ-кала колонну изъ трехъ ротъ 2-го баталіона Апшеронцевъ и часть милиціи, какъ можно ранѣе, имѣя въ виду отрѣзать непріятелю отступленіе къ горамъ.

Въ исполненіе такого приказанія, въ 3½ часа утра, 7-го октября, изъ Дербента выступила колонна, подъ начальствомъ помощника военнаго начальника Южнаго Дагестана, полковника Момбели; пройдя по почтовой дорогѣ 11 верстъ, она повернула по направленію къ уроч. Иранъ-Хоробъ и, въ 3-хъ верстахъ отъ дороги, расположилась на привалъ. Мятежники, числомъ до 3.000 человѣкъ, узнавъ о движеніи колонны изъ Дербента и части отряда изъ Великента, отступили отъ Дарванъ-чая и, видя малочисленность войскъ полковника

*

Момбели, рѣшились аттаковать ихъ; пѣшіе заняли небольшой оврагъ, шагахъ въ 700 отъ нашей позиціи, а конные обскакали оба фланга и открыли перестрѣлку. Неся большую потерю и убѣждаясь, что пули ихъ не наносятъ войскамъ никакого вреда, горцы начали отступать; тогда полковникъ Момбели двинулъ въ атаку Апшеронскія роты, которыя и выбили всѣхъ пѣшихъ изъ занятаго ими оврага. Бѣжавшіе мятежники присоединились къ толпамъ, находившимся на предгорьяхъ Табасаранскаго хребта, и стали собираться при своихъ значкахъ.

По полученіи извѣстія о сборѣ горцевъ у Дарванъ-чая, генералъ Комаровъ выступилъ изъ Великента въ Ханъ-Мамедъ-калу съ 5-ю ротами, 2 орудіями, 2 сотнями Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 1-й сотни временной милиціи; придя на мѣсто и узнавъ о начавшейся перестрѣлкѣ, онъ послалъ къ полковнику Момбели двѣ сотни иррегулярнаго полка, а самъ съ остальною частью своей колонны двинулся чрезъ лѣсъ, въ обходъ лѣваго фланга позиціи мятежниковъ, которые съ поспѣшностью стали отступать къ горамъ. По выходѣ изъ лѣса, колонна генерала Комарова быстро двинулась впередъ, но мятежники, послѣ четырехъ по нимъ орудійныхъ выстрѣловъ, бѣжали вразсыпную.

Въ этомъ дѣлѣ горцы понесли значительную потерю убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ изъ ихъ предводителей, Аскендеръ-бекъ Аракскій. Съ нашей стороны, въ колоннѣ полковника Момбели легко раненъ одинъ милиціонеръ.

Къ окончанію дѣла подошелъ изъ Великента транспортъ съ больными, ранеными и евреями; принявъ его, полковникъ Момбели пошелъ въ Дербентъ, а колонна генерала Комарова возвратилась къ мѣсту прежняго расположенія.

На другой день, въ ожиданіи подвоза провіанта, войскамъ былъ данъ отдыхъ. 8-я рота Апшеронцевъ и взводъ Дербентской мѣстной команды, конвоировавшіе въ отрядъ транспортъ изъ Дербента, до половины пути въ Великентъ, при обратномъ слѣдованіи въ городъ имѣли перестрѣлку съ мятежниками, причемъ контужено пулями двое нижнихъ чиновъ, а горцами оставленъ на мѣстѣ одинъ убитый.

Утромъ, 9-го октября, прибылъ транспортъ, ночевавшій въ Ханъ-Мамедъ-Калѣ, а въ полдень отрядъ выступилъ къ Маджалису и расположился на ночлегъ у входа въ Янгикентское ущелье.

10-го октября, отрядъ, перейдя чрезъ хребетъ Пиръ-Булагъ, остановился на ночлегъ на берегу Уллучая, въ 6 верстахъ отъ Маджалиса. Во время перехода, проливной дождь и грязь крайне затрудняли движеніе, такъ что, на подъемахъ, орудія втаскивались людьми, а въ зарядные ящики впрягались буйволы.

Въ полдень слѣдующаго дня, войска вступили въ Маджалисъ. Входъ въ Маджалисское ущелье былъ сильно укрѣпленъ завалами, а дорога перерыта рвами. Только небольшая партія мятежниковъ, съ однимъ значкомъ, занимала разрушенный домъ окружнаго управленія, но и она, съ приближеніемъ нашего авангарда, бѣжала по дорогѣ въ Уркрахъ. Оказалось, что казикумухцы, послѣ Янгикентскаго дѣла, уже не рѣшались вступать въ бой съ войсками и ушли изъ Маджалиса, чрезъ Табасарань, въ Кюринскій округъ, какъ только узнали о выступленіи отряда изъ Великента, партія же Мехти направилась къ Уркараху и въ Кала-Курсишъ.

Каракайтагскіе старшины встрѣтили отрядъ у входа въ Маджалисское ущелье и заявили, что каракайтагцы, принявшіе первоначально, подъ вліяніемъ своего бывшаго наиба, чохскаго уроженца Каранаилова, незначительное участіе въ мятежѣ, раскаялись въ своемъ заблужденіи и теперь приносятъ полную покорность; при этомъ они представили задержаннаго ими Каранаилова, собравшагося уйти вмѣстѣ съ казикумухцами.

До 17-го октября отрядъ оставался въ Маджалисѣ. Въ теченіи этого времени къ генералу Комарову являлись джамааты всѣхъ каракайтагскихъ и нѣкоторыхъ селеній Нижняго Кайтага; въ числѣ послѣднихъ были представители отъ башлинцевъ. Джамаатамъ объявлено о предстоящемъ наказаніи виновныхъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были арестованы; взамѣнъ оказавшихся виновными назначены были новые старшины и открыты народныя управленія въ Кара-Кайтагскомъ и Нижне-Кайтагскомъ наибствахъ. Въ Верхній Кайтагъ, оставшійся на сторонѣ Мехти, генералъ-маіоръ Комаровъ не могъ двинуться, за неимѣніемъ вьючнаго обоза и горной артиллеріи, а потому и ограничился лишь рекогносцировкой къ селенію Зубанчи и по Кала-Курейштскому ущелью.

Прибывшіе изъ Самурскаго округа, оставшіеся вѣрными, два всадника постоянной милиціи, сообщили генералу Комарову, что 9-го октября соединенныя силы мятежниковъ Кюринскаго и Самурскаго округовъ аттаковали Кусары, но были совершенно разбиты, и, понеся большія потери, бѣжали; что укрѣпленіе Ахты содержится въ блокадѣ и доступъ въ него совершенно прекращенъ даже одиночнымъ людямъ, и ахтынцы роютъ траншеи, съ цѣлью поближе подойти къ стѣнамъ укрѣпленія.

Пребываніе партіи казикумухцевъ въ Табасаранѣ и Кюринскомъ округѣ усилило мятежъ въ этихъ частяхъ южнаго Дагестана. Умалатъ-бекъ и Асланъ-бекъ снова начали набирать сильныя партіи, то же происходило и въ Кюрѣ. При такомъ положеніи дѣлъ генералъ-маіоръ Комаровъ нашелъ умѣстнымъ перейти, 19-го октября, въ Дербентъ, чтобы, во-первыхъ, отсюда имѣть возможность направляться туда, гдѣ того потребуетъ необходимость; во вторыхъ, — для приведенія въ порядокъ матеріальной части отряда, пострадавшей отъ продолжительнаго похода и усиленныхъ передвиженій, и, въ-третьихъ, для приготовленія къ походу въ Ахты, если-бы обстоятельства дозволили то сдѣлать немедленно.

Получивъ чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что собранная Умалатъ-бекомъ партія мятежниковъ-табасаранцевъ направилась въ селеніе Дювекъ, чтобы, дѣйствуя совмѣстно съ Мехти-бекомъ, вновь поднять возстаніе въ Кайтагѣ, откуда только что ушелъ отрядъ, и имѣя въ виду предписаніе генералъ-адъютанта князя Меликова не оставлять Кайтага до полнаго возстановленія спокойствія,—генералъ-маіоръ Комаровъ, приведя въ возможный порядокъ обозъ, обувь и одежду, счелъ необходимымъ двинуться къ Дювеку.

Въ Дербентѣ оставлено 2 роты Самурскаго полка, которыя долженствовали выступить на слѣдующій день къ Рубасской почтовой станціи, для охраненія селеній Улусскаго магала отъ грабежа партій кюринцевъ, собравшихся въ окрестностяхъ. Остальной отрядъ въ составѣ: 2-го баталіона, 13-й и 15 ротъ Апшеронскаго и баталіона Дагестанскаго полковъ, двухъ взводовъ 3-й и 5-й батарей 21-й артиллерійской бригады, 3-хъ сотенъ конно-иррегулярнаго полка и временной милиціи, перешелъ въ селеніе Великентъ.

Постоянные проливные дожди дотого испортили дороги, что движеніе съ обозомъ сдѣлалось положительно невозможнымъ. Поэтому въ Великентѣ оставленъ былъ весь обозъ, взводъ 3-й батареи 21-й артиллерійской бригады, три пѣхотныхъ роты (въ числѣ ихъ 13-я и 15-я роты Апшеронцевъ) и одна конно-иррегулярная сотня; остальной же отрядъ (2-й баталіонъ Апшеронскаго и три роты Дагестанскаго полковъ, взводъ 5-й батареи 2 сотни 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и три сотни временной милиціи) выступилъ налегкѣ къ Дювеку. Весьма трудная горная дорога, размытая разлившеюся рѣчкою, не дозволила однако добраться въ одинъ переходъ до этого селенія, и отрядъ расположился на ночлегъ въ ущельи, на урочищѣ Бейсъ-Кедемтъ, не дойдя до Дювека пяти верстъ.

Селеніе Дювекъ и всѣ окрестныя горы, покрытыя виноградниками и перелѣсками,

оказались сильно занятыми мятежниками, число которыхъ, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, превышали три тысячи человѣкъ.

Утромъ, 24-го октября, съ приближеніемъ отряда къ селенію, мятежники, занимавшіе оврагъ и сады впереди него, открыли по войскамъ хотя и сильный, но безвредный огонь. Для дѣйствія противъ нихъ были высланы двѣ роты; артиллерія, выѣхавъ на удобную позицію, открыла пальбу. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ оказалось, что двухъ легкихъ орудій, съ однимъ комплектомъ зарядовъ, будетъ недостаточно, чтобы выбить мятежниковъ изъ крѣпкаго аула или даже произвесть такое разрушеніе, послѣ котораго возможно было бы рѣшиться на штурмъ, съ полною надеждою на успѣхъ; поэтому генералъ Комаровъ призналъ за лучшее подняться на лѣсистый хребетъ и взойти на командующую ауломъ высоту, откуда было удобнѣе взять его. Двѣ роты Дагестанскаго полка остались на прежней позиціи, а 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою подполковника Энгбрехта, направленъ прямо, безъ дороги, чрезъ виноградники и лѣсъ на хребетъ; взводъ 5-й батареи, подъ прикрытіемъ роты Дагестанскаго полка, двинулся назадъ, чтобы выйти на дорогу. Мятежники, принявшіе эти движенія за отступленіе, усилили стрѣльбу и стали собираться на поляну за рѣчкою, противу нашего праваго фланга. Туда была направлена временная милиція, а въ резервъ къ ней двѣ сотни 1-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Временная милиція аттаковала мятежниковъ и заставила ихъ скрыться въ лѣсъ.

Между тѣмъ, подполковникъ Энгбрехтъ, выбивая горцевъ изъ виноградниковъ и лѣса, быстро занялъ вершину хребта и остановился въ ожиданіи подъема орудій. По крайне грязной и трудной дорогѣ удалось, при постоянной помощи людей, вывезть орудія на хребетъ и двинуться впередъ. Мятежники, неся огромную потерю отъ нашего огня, скрылись въ лѣсъ. Къ 4-мъ часамъ вечера весь отрядъ собрался на вершинѣ, въ верстѣ отъ селенія. Приближавшаяся ночь, утомленіе людей и дождь заставили на этотъ день прекратить дальнѣйшее наступленіе. Горцы бѣжали изъ селенія.

Утромъ, 25-го октября, Дювекъ былъ занятъ; переходъ чрезъ него орудій и зарядныхъ ящиковъ, отъ страшной грязи, сопровождался необыкновенными трудностями: и тѣ и другіе, на разстояніи болѣе версты, пришлось перетаскивать людьми. Для ночлега была выбрана поляна въ ущельи, ниже селенія, которое было разорено и сожжено. Джаматъ ближайшаго селенія Ерси явился къ генералу Комарову, съ просьбою о пощадѣ и изъявленіемъ полной покорности.

Когда отрядъ уже расположился на ночлегъ, въ ближайшихъ перелѣскахъ собрались мятежники и открыли безвредную для насъ перестрѣлку; нѣсколько удачно сдѣланныхъ картечныхъ выстрѣловъ обратили часть ихъ въ бѣгство. Особенно упорно поддерживала перестрѣлку партія мятежниковъ, засѣвшая въ виноградникахъ и въ лѣсу на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Противу нихъ на небольшую высоту былъ высланъ взводъ 6-й роты Апшеронскаго полка, подъ командою прапорщика Бениславскаго. Скрывъ людей въ виноградникѣ, Бениславскій приказалъ имъ не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока мятежники не подойдутъ на самое близкое разстояніе. Полагая, что высота не занята, горцы, при наступленіи сумерекъ, собрались въ кучку и стали подниматься на высоту; подпустивъ ихъ шаговъ на 50, Апшеронцы сдѣлали залпъ и ударили въ штыки: горцы бѣжали, оставивъ на мѣстѣ болѣе 10-ти человѣкъ убитыми; этимъ окончилось дѣло подъ Дювекомъ.

Въ оба дня мятежниковъ убито 95 и ранено болѣе 120. Предводитель ихъ Умалатъ бѣжалъ въ вольную Табасарань, а вся его партія разошлась по домамъ. У насъ потеря ограничилась однимъ раненымъ милиціонеромъ и одною раненою артиллерійскою лошадью.

Вечеромъ того же дня начальникъ отряда получилъ свѣдѣніе, что Мехти-бекъ вновь

собралъ изъ Верхняго Кайтага партію въ 200 человѣкъ и, по приглашенію башлинцевъ, занялъ разоренное селеніе Башлы, откуда разсылаетъ возмутительныя прокламаціи не только по Кайтагу, но и въ Шуринскій округъ.

Генералъ Комаровъ рѣшилъ вновь идти къ Башламъ.

26-го октября отрядъ ночевалъ на берегу Уллу-чая, противу урочища Гауръ-Тапа.

На слѣдующій день въ Великентѣ присоединились къ отряду рота Дагестанскаго полка, взводъ 3-й батареи и обозъ; 27-го числа войска ночевали возлѣ разоренной мятежниками Джемакентской почтовой станціи.

Здѣсь генералъ Комаровъ получилъ отъ князя Меликова увѣдомленіе о занятіи главнымъ Дагестанскимъ отрядомъ Казикумуха, послѣ взятія штурмомъ Цудахара, о поимкѣ Джафара; о томъ же сообщали извѣстія и частнымъ путемъ изъ Кюринскаго округа, съ добавленіемъ, что мятежъ здѣсь утихаетъ и все населеніе охватила страшная паника.

28-го октября отрядъ пришелъ въ селеніе Башлы. Мехти-бекъ, не рѣшаясь болѣе оказывать какого-либо сопротивленія, бѣжалъ чрезъ Маджались въ недоступное Катаганское ущелье, гдѣ и намѣревался держаться до послѣдней крайности. Башлинцы, не ожидавшіе прихода русскихъ войскъ, не обнаружили никакого сопротивленія, только на высотахъ небольшая партія ихъ завязала незначительную перестрѣлку, скоро, впрочемъ, прекратившуюся. Въ тотъ же день арестованы генераломъ Комаровымъ наиболѣе виновные и собрана часть семействъ.

29-го октября генералъ-маіоръ Комаровъ со 2-мъ баталіономъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, взводомъ 5-й батареи и двумя сотнями милиціи направился въ селеніе Чумлы и къ вечеру возвратился на бивакъ при Башлахъ; во время движенія собрана изъ лѣсовъ большая часть семействъ башлинцевъ, причемъ въ этомъ дѣлѣ отряду помогали жители селеній Мюраго, Утемышъ и Алхаджакентъ, исправно явившіеся для того въ назначенное время. Генералъ Комаровъ, отъ имени начальника области, объявилъ башлинцамъ, что, за вторичную измѣну, селеніе ихъ уничтожается навсегда и они будутъ разселены въ четырехъ мѣстахъ на принадлежащихъ селенію земляхъ; всѣ заарестованныя семейства отправлены на плоскость для временнаго жительства въ Терекемейскихъ селеніяхъ и зимовникахъ.

На другой день отрядъ возвратился въ Великентъ. Распространившіяся въ народѣ извѣстія о занятіи Казикумуха, объ арестѣ Джафара и объ участи, постигшей башлинцевъ, въ большой степени способствовали усмиренію мятежа. Изъ многихъ селеній Верхняго Кайтага прибыли повѣренные отъ джамаатовъ съ изъявленіемъ полной покорности. По возвращеніи въ Великентъ, здѣсь тотчасъ приступлено къ открытію дѣйствій Кайтаго-Табасаранскаго окружнаго управленія, пріостановленныхъ на время мятежа.

31-го октября явились повѣренные изъ Уркараха, Кубачей, Киши и другихъ селеній Уркарахскаго наибства, при чемъ нѣкоторыя изъ главныхъ виновниковъ были арестованы. Для водворенія окончательнаго спокойствія, оставлены при окружномъ управленіи 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка и три сотни временной милиціи; остальныя войска двинулись къ Дербенту, куда въ тотъ же день и вступили.

Съ прибытіемъ войскъ изъ Терской области въ Дагестанъ и по успокоеніи Даргинскаго округа, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ нашелъ возможнымъ Кайтагскій отрядъ генерала Комарова направить къ укрѣпленію Ахтамъ, для освобожденія его отъ блокады и водворенія порядка въ Самурскомъ округѣ. Для приведенія же въ покорность табасаранцевъ (кайтагцы успокоились) и кюринцевъ сформированъ новый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Васильева, въ составѣ 1-го баталіона Апшеронскаго и одного баталіона

Тенгинскаго полковъ, при двухъ полевыхъ, двухъ горныхъ орудіяхъ [10], и двухъ сотенъ Темиръ-ханъ-Шуринской конной дружины. Отрядъ собрался въ селеніи Губдени.

Генералу Васильеву предложено было расположиться съ войсками въ томъ пунктѣ Кайтага, откуда окажется удобнѣе дѣйствовать на партію мятежниковъ Мехти-бека, охранять спокойствіе въ Кайтагѣ и удерживать въ повиновеніи селенія, лежащая на югъ отъ Дешлагара.

Въ Дербентѣ къ генералу Комарову явились съ повинною самозванный Кюринскій ханъ Магомедъ-Али-бекъ съ нѣсколькими главными виновниками, сообщившій, что въ Кюринскомъ округѣ, вслѣдствіе дѣйствій главнаго Дагестанскаго отряда, мятежъ повсемѣстно окончился; а въ Самурскомъ округѣ значительная партія мятежниковъ, подъ предводительствомъ капитана Кази-Ахмеда, еще стоитъ у Цухульскаго поста.

По предписанію князя Меликова, отрядъ генерала Комарова, въ составѣ 13-й и 15-й ротъ Апшеронскаго, 1-го баталіона Дагестанскаго и двухъ ротъ Самурскаго полковъ, взводовъ 3-й и 5-й батарей 21-й артиллерійской бригады, трехъ сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и одной сотни временной милиціи, 1-го ноября, выступилъ изъ Дербента въ Ахты. Проливной дождь и глубокая грязь крайне затрудняли движеніе, такъ что войска до ночи едва успѣли дойти до бывшей Арабъ-архской почтовой станціи, находившейся всего въ 14-ти верстахъ отъ города.

Задержанный трудными переправами чрезъ разлившіяся отъ дождей рѣки Рубасъ и Гюргень-чай, отрядъ 2-го ноября расположился на ночлегъ на правомъ берегу Гюргень-чая, куда начали являться съ повинною джамааты ближайшихъ селеній Кюринскаго округа.

На слѣдующій день войска перешли къ селенію Маграмкенту. На пути явились съ повинною: предводитель мятежниковъ въ южной Табасарани — Асланъ-бекъ Руджинскій и назначенный Джафаромъ Кубинскимъ ханомъ — Нохъ-бекъ-Джабраиль-бекъ-оглы.

Въ Маграмкентѣ отъ отряда отдѣлилась рота Бакинскаго баталіона, — находившаяся въ Дербентѣ, и присоединенная къ нему для обратнаго отправленія въ Баку. 4-го ноября, начальникъ отряда получилъ извѣстіе, что Мехти-бекъ, котораго уже больше никто не хотѣлъ слушать, съ пятью человѣками выѣхалъ изъ селенія Карчаги, съ цѣлью пробраться въ Кубинскій уѣздъ и оттуда бѣжать въ Персію или Турцію. Для преслѣдованія его была тотчасъ же сформирована особая команда изъ 1 урядника, 15 рядовыхъ всадниковъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и 25 всадниковъ временной милиціи. Командѣ этой приказано направиться къ устью р. Самура и разыскивать Мехти-бека въ лѣсахъ, на большомъ пространствѣ покрывающихъ морской берегъ, какъ въ мѣстности, самой удобной для скрытнаго перехода въ Кубинскій уѣздъ и далѣе. И, дѣйствительно, здѣсь Мехти-бекъ съ участниками былъ взятъ, послѣ упорнаго сопротивленія, раненымъ, 10-го ноября, доставленъ въ Дербентскій госпиталь, гдѣ и умеръ.

Въ тотъ же день отрядъ расположился на ночлегъ на берегу рѣки Самура у маграмкентскихъ хуторовъ, куда къ генералъ-маіору Комарову явились съ повинною нѣсколько человѣкъ жителей Самурскаго округа, объявившіе, что мятежники, узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, тотчасъ же разбѣжались по домамъ, а главный виновникъ возмущенія, капитанъ Кази-Ахмедъ, съ нѣсколькими приверженцами, бѣжалъ чрезъ Ахты по Ахты-чайскому ущелью; Ахтынское же укрѣпленіе освобождено отъ блокады.

5-го ноября, для переправы черезъ Самуръ, устроенъ былъ мостъ изъ арбъ, а артиллерія и обозъ перешли рѣку въ бродъ. Переправа настолько задержала движеніе отряда,

[10] По разформированіи Нагорнаго Дагестанскаго отряда, 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, 2 горныхъ орудія и 2 сотни милиціи стояли нѣкоторое время въ сел. Оглахъ, а оттуда перешли въ Гергебиль для прикрытія верхнихъ деревень Шуринскаго округа и приведенія въ покорность жителей какъ этого селенія, такъ и Кикунъ. Въ Гергебилѣ баталіонъ оставался до начала ноября.

что ночевать ему пришлось у Цухульскаго моста. Съ Ахтынскимъ укрѣпленіемъ открылось свободное сообщеніе.

На другой день, отрядъ подошелъ къ Аджіахурскому мосту, гдѣ и расположился бивуакомъ, а 7-го числа, въ часъ пополудни, вступилъ въ Ахтынское укрѣпленіе. Жители селенія Ахты съ женами и дѣтьми вышли на встрѣчу отряду, пали на землю передъ генераломъ Комаровымъ и, съ плачемъ, объявляя о своей виновности, просили пощады. Многіе изъ главныхъ виновниковъ еще до прихода отряда были уже арестованы начальникомъ округа, подполковникомъ Узбашевымъ; остальные задержаны по прибытіи отряда.

Съ 7-го по 13-е ноября, отрядъ простоялъ въ укрѣпленіи Ахты.

Въ это время въ округѣ водворенъ былъ полный порядокъ, принята покорность отъ джамаатовъ селеній Самурскаго и части Кюринскаго округа, выбраны и назначены, взамѣнъ измѣнившихъ, новые старшины, депутаты окружныхъ судовъ и наибы; вообще въ округѣ возстановлено полнѣйшее спокойствіе.

Отрядъ генерала Васильева, 5-го ноября, перешелъ изъ Дешлагара въ сел. Каякентъ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями съ хлѣбомъ-солью; 6-го числа онъ прибылъ въ Берикей.

Получивъ свѣдѣніе отъ генерала Комарова, что Мехти-бекъ, потерявшій уже всякое вліяніе на народъ, скрылся, и въ Табасарани мятежники Ага-бекъ Рукельскій съ братомъ своимъ укрѣпились въ Рукелѣ, а Умалатъ-бекъ — въ Дювекѣ, генералъ Васильевъ, 7-го ноября, направился, черезъ Дербентъ, на первое селеніе съ тѣмъ, чтобы оттуда идти, смотря по обстоятельствамъ, далѣе во внутрь Табасарани.

10-го ноября, рукельскіе жители встрѣтили отрядъ далеко за селеніемъ съ хлѣбомъ-солью и, раскаявшись въ своихъ поступкахъ, выполняли всѣ требованія начальника войскъ; предводители же ихъ, за нѣсколько дней ранѣе, явились въ Дербентъ съ повинною.

12-го числа, по горной дорогѣ, отрядъ двинулся къ селенію Мокрого, жители котораго тоже вышли съ полнымъ раскаяніемъ.

13-го ноября, съ ранняго утра, начали являться съ покорностью жители прочихъ 76 селеній. Главный предводитель возстанія въ Табасарани, Умалатъ-бекъ, оказался убитымъ въ селеніи Ханагѣ своими приближенными. Защитники и важнѣйшіе участники въ мятежѣ были выданы самими жителями.

Возстановивъ полное спокойствіе и порядокъ въ сѣверной Табасарани, отрядъ генерала Васильева, 24-го ноября, прибылъ въ Дербентъ, а на слѣдующій день выступилъ обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру, выдѣливъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, отправившійся въ Андійскій округъ, въ составѣ Ботлихскаго отряда.

Отрядъ генерала Комарова, оставивъ въ укрѣпленіи Ахтахъ 2 роты, 14-го ноября, выступилъ въ селеніе Косумъ-Кентъ, куда и прибылъ 17-го ноября.

Здѣсь, во время пребыванія отряда, открыто было управленіе Кюринскаго округа и въ Южномъ Дагестанѣ возстановленъ полный порядокъ.

На зиму отрядъ, дѣйствовавшій въ Южномъ Дагестанѣ, расположился въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Великентѣ — 2-й баталіонъ 81 пѣхотнаго Апшеронскаго полка, въ Дербентѣ — 13-я и 15-я роты того же полка и по взводу 3 и 5 батарей 21-ой артиллерійской бригады, въ сел. Косумкентѣ — одинъ баталіонъ и въ Ахтахъ — 2 роты.

Какъ можно видѣть по результатамъ, Кайтагскій отрядъ блистательно выполнилъ свои задачи; войска выказали примѣрное мужество, замѣчательную энергію и выносливость въ перенесеніи трудностей двухмѣсячнаго похода, совершеннаго большею частію при дурной погодѣ и весьма тяжелыхъ для движенія дорогахъ.

Чтобы закончить съ описаніемъ участія Апшеронцевъ въ подавленіи возстанія въ Дагестанѣ, намъ остается еще очертить дѣятельность нагорнаго Дагестанскаго отряда (полковника князя Накашидзе), пришедшаго, какъ намъ извѣстно, изъ Чечни въ Шуру въ началѣ сентября. Изъ состава этого отряда 3-й баталіонъ командированъ былъ въ сел. Ботлихъ, а остальныя войска, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, соединясь съ гунибскимъ отрядомъ, къ 15-му сентября сосредоточились въ сел. Лавашахъ. Въ составъ отряда входили слѣдующія части: 1-й баталіонъ Апшеронскаго и по три роты отъ Дагестанскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, 3 сотни 4-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, пѣшая и конная временныя милиціи изъ жителей Западнаго Дагестана и 8 горныхъ орудій 21-й артиллерійской бригады.

Кромѣ водворенія спокойствія въ Даргинскомъ округѣ, на отрядъ князя Накашидзе возложено было слѣдить за движеніями партій мятежниковъ и, привлекая ихъ на себя, не давать имъ возможности переходить на плоскость для возбужденія тамъ возстанія.

Съ этою цѣлью части отряда изъ Лавашей производили рекогносцировки, а три сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка расположились въ сел. Кутишахъ, откуда дѣлали разъѣзды къ сел. Ходжалъ-Махамъ и по окрестнымъ высотамъ.

Для обезпеченія войскъ провіантскимъ довольствіемъ служилъ складъ въ 400 четвертей сухарей, съ соотвѣтствующимъ количествомъ крупъ; часть провіанта изъ этого склада предназначалась въ горные магазины, но по случаю прекращенія сообщенія, до прибытія отряда, провіантъ былъ сложенъ въ сел. Урмѣ. Изъ урминскаго склада начальникъ отряда, по мѣрѣ надобности, долженъ былъ доставлять провіантъ въ Лаваши.

Снабженіе огнестрѣльными припасами производилось изъ Ходжалъ-Махинскаго склада, гдѣ пріостановленъ былъ транспортъ съ патронами и артиллерійскими зарядами, предназначенный на Гунибъ и задержанный здѣсь, по случаю возстанія въ среднемъ Дагестанѣ.

Расположеніе отряда въ сел. Лавашахъ способствовало успокоенію жителей многихъ ауловъ Даргинскаго округа, джамааты которыхъ съ 17-го сентября начали являться къ начальнику округа съ изъявленіями раскаянія и покорности; только Акушинское общество, не принимая, впрочемъ, открытаго участія въ возмущеніи, сочувственно относилось къ мятежу и жители нѣкоторыхъ селеній давали у себя убѣжище мятежникамъ, оправдываясь безпомощностью и безсиліемъ своимъ противу многочисленности ихъ партій, будто-бы грозящихъ имъ, при вторженіи изъ Казикумуха, разореніемъ и сожженіемъ жилищъ. Въ видахъ успокоенія жителей и для поданія своевременной помощи тѣмъ селеніямъ, которымъ могла угрожать дѣйствительная опасность, начальникъ отряда выслалъ къ сторонѣ сел. Цудахара колонну изъ 1-й и 2-й роты Апшеронскаго и баталіона Самурскаго полковъ, четырехъ горныхъ орудій 6-й батареи и двухъ сотенъ 4 Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ командою маіора Высоцкаго. Выступивъ 22-го сентября изъ Лавашей, колонна того-же числа прибыла на уроч. Дюзъ-Майданъ (вблизи сел. Цудахара), гдѣ и расположилась бивуакомъ.

Дѣйствительно, партія мятежниковъ, изъ казикумухцевъ и частью изъ жителей Даргинскаго округа, приставшихъ къ возмутившимся, подошла 25 сентября къ сел. Акушѣ и, занявъ окрестные хутора, намѣревалась войти въ это селеніе, съ цѣлію поднять противъ насъ все Акушинское общество.

Получивъ объ этомъ донесеніе, полковникъ князь Накашидзе счелъ необходимымъ, съ разсвѣтомъ, 26 сентября, двинуться съ однимъ баталіономъ, всей кавалеріей и двумя орудіями изъ Дюзъ-Майдану, гдѣ и предполагалъ соединиться съ колонною маіора Высоцкаго.

Для обезпеченія сообщеній съ тыломъ и сел. Лавашами, въ послѣднемъ оставлены были четыре роты, при 2-хъ орудіяхъ, подъ командою полковника Войно-Оранскаго.

По полученіи вторичнаго донесенія о томъ, что у сел. Акуши слышна перестрѣлка и что маіоръ Высоцкій, оставивъ у Дюзъ-Майдана двѣ роты въ прикрытіе лагеря, съ остальными войсками выступилъ къ этому селенію, начальникъ отряда приказалъ баталіону съ двумя орудіями слѣдовать форсированнымъ маршемъ къ Акушѣ, а самъ послѣдовалъ съ кавалеріею по дорогѣ къ этому селенію, гдѣ войска Высоцкаго уже вступили въ перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ гребни горъ по обѣимъ сторонамъ Акушинской рѣчки.

Мятежники, послѣ сильнаго сопротивленія, были выбиты изъ своихъ позицій, причемъ часть нашей пѣхоты, зайдя непріятелю во флангъ и дѣйствуя штыками, положила на мѣстѣ 19 человѣкъ; кавалерія-же, преслѣдуя отступавшую партію, взяла 8 человѣкъ въ плѣнъ. Спустя нѣкоторое время по окончаніи дѣла, именно около трехъ часовъ пополудни, замѣчено было, что большая партія мятежниковъ, пѣшихъ и конныхъ, числомъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, спускается съ Акушинскихъ высотъ къ сторонѣ Дюзъ-Майдана. Она расположилась у селенія Меге, въ намѣреніи, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, напасть на лагерь, въ прикрытіе котораго, какъ сказано выше, оставлены были только двѣ роты, и отрѣзать путь отступленія дѣйствовавшимъ впереди войскамъ. Но полковникъ князь Накашидзе предупредилъ мятежниковъ, открывъ по нимъ огонь изъ шести орудій. Вся партія разбѣжалась самымъ постыднымъ образомъ, съ потерей болѣе 100 человѣкъ, половина которыхъ осталась на мѣстѣ.

Отрядъ въ дѣлѣ 26 сентября лишился: убитыми 8 и ранеными 14 человѣкъ.

Послѣ дневки въ Дюзъ-Майданѣ, отрядъ двинулся въ Лаваши, куда и прибылъ 28 сентября.

Расположеніе отряда въ Лавашахъ и постоянная его готовность къ дѣйствіямъ препятствовали мятежникамъ расширить кругъ своей дѣятельности и перенести возстаніе изъ Средняго Дагестана въ окрестности гор. Шуры.

Опасаясь, однако, потерять время и опираясь на превосходство силъ своихъ скопищъ, предводители мятежа рѣшились воспользоваться малочисленностью отряда, занимавшаго Лаваши, и, уничтожить его, послѣ чего начать рѣшительныя дѣйствія въ Шуринскомъ округѣ.

Такое предпріятіе со стороны непріятеля, въ случаѣ успѣха, дѣйствительно усложнило бы наше положеніе въ Дагестанѣ, потому что новыя части войскъ, назначенныя въ распоряженіе генералъ-адъютанта князя Меликова, еще не всѣ прибыли, и потому не былъ готовъ отрядъ, формируемый для окончательнаго подавленія возстанія въ краѣ.

Въ виду важности охраненія Шуринскаго округа отъ покушеній со стороны мятежниковъ, командующій войсками области, получивъ донесеніе окружнаго начальника, что партіи изъ возмутившихся жителей селеній Араканы, Гергебиля, Кикуновъ и Кудуха имѣютъ намѣреніе поднять возстаніе въ горныхъ селеніяхъ округа (въ бывшемъ Мехтулинскомъ ханствѣ), 1-го октября отправилъ изъ Шуры въ селеніе Оглы, для предупрежденія волненій и нравственнаго вліянія на жителей, баталіонъ Кабардинскаго полка со взводомъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій 5-й батареи.

По всей вѣроятности, появленіе на границѣ Шуринскаго округа новыхъ частей войскъ заставило мятежниковъ поспѣшить съ задуманными ими рѣшительными дѣйствіями, которыя начали приводиться въ исполненіе при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Съ разсвѣтомъ, 3-го октября, полковникъ князь Накишидзе отправилъ изъ Лавашей въ селеніе Урму (въ 14-ти верстахъ) маіора князя Магалова[11] съ 3-ею и 4-ою ротами

[11]) Командиръ 1-го баталіона Апшеронскаго полка.

Апшеронскаго полка и съ одною сотнею Гумбетовской конной милиціи, приказавъ ему доставить въ отрядъ изъ сложеннаго въ Урмѣ провіанта, сколько будетъ возможно, по количеству жительскихъ арбъ, и того же числа возвратиться въ лагерь.

Князь Магаловъ спокойно прошелъ въ Урму, собралъ у жителей арбы и, нагрузивъ ихъ провіантомъ, около 3-хъ часовъ пополудни выступилъ обратно въ Лаваши. Не успѣла колонна отойти отъ селенія и нѣсколькихъ верстъ, какъ совершенно неожиданно встрѣтила огромную партію мятежниковъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ транспортъ. Двигаться дальше при подобныхъ обстоятельствахъ было дѣломъ весьма рискованнымъ; поэтому маіоръ князь Магаловъ приказалъ устроить изъ повозокъ вагенбургъ и отбиваться отъ многочисленнаго непріятеля до прихода подкрѣпленія.

Наступила темная октябрская ночь; слегка моросило; вокругъ раздавались гиканья, ободрительные возгласы и заунывныя боевыя пѣсни горцевъ. Устроенное изъ арбъ карре защищалось съ четырехъ сторонъ полуротами Апшеронцевъ, рѣшившихся драться до послѣдней крайности и дорого продать свою жизнь. Наконецъ, какъ бы по волшебству, голоса стихли, вслѣдъ за тѣмъ мятежники, сдѣлавъ залпъ, съ отчаянными криками бросились на карре. Раздался дружный залпъ Апшеронцевъ по толпамъ мятежниковъ: предсмертные крики и стоны раненыхъ краснорѣчиво свидѣтельствовали, что наши пули даромъ не пропадали и каждая нашла свою жертву. Подобравъ убитыхъ и раненыхъ, мятежники отхлынули. Потерпѣвъ неудачу въ открытой атакѣ, горцы открыли по карре огонь, къ счастью почти безвредный, благодаря слишкомъ темной ночи. Прошло еще нѣсколько томительныхъ часовъ, и толпы горцевъ снова устремились въ атаку, но и на этотъ разъ они были отбиты съ большимъ для себя уономъ. Во время второй атаки нѣсколько изступленныхъ фанатиковъ, успѣвшихъ ворваться въ карре, тутъ же были подняты на штыки. Неудачи еще болѣе разжигали бѣшенство горцевъ, предполагавшихъ задавить своею численностью двѣ роты; они еще нѣсколько разъ ходили въ атаку и терпѣли неудачи. Наконецъ, начало свѣтать и послышались выстрѣлы изъ орудій: то шелъ на выручку князь Накашидзе со всѣмъ отрядомъ.

По полученіи извѣстія о положеніи колонны съ транспортомъ, начальникъ отряда тотчасъ-же выступилъ изъ Лавашей въ Урму, взявъ съ собою 3 роты Самурскаго полка, взводъ горныхъ орудій и полусотню Даргинской милиціи; но, пройдя нѣсколько верстъ, онъ встрѣтилъ густыя массы мятежниковъ, занявшихъ съ обѣихъ сторонъ высоты, образующія тѣснину и завязавшихъ жаркую перестрѣлку.

Наступившая ночь, густой туманъ и, главное, значительное превосходство въ силахъ мятежниковъ—заставили князя Накашидзе не только повременить съ рѣшительными дѣйствіями, до разъясненія обстоятельствъ, но, остановившись на ночлегъ, не доходя нѣсколькихъ верстъ до устроеннаго колонной съ провіантомъ вагенбурга, потребовать изъ лагеря подкрѣпленія изъ двухъ ротъ и взвода горныхъ орудій (подкрѣпленіе это прибыло на другой день, въ разгаръ дѣла).

Въ продолженіи ночи мятежники, расположившись на высокихъ берегахъ протекавшей черезъ Лаваши рѣченки, устроили въ нѣсколько ярусовъ непрерывные завалы, хотя ничего рѣшительнаго и не предпринимали.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, начальникъ отряда отправился съ коннымъ конвоемъ по направленію къ селенію Урмѣ, съ цѣлью выяснить, въ какомъ положеніи находится атакованныя роты. Проѣхавъ съ версту, онъ замѣтилъ, что окружавшіе транспортъ мятежники начали стягиваться къ лавашинской рѣчкѣ, противъ трехъ Самурскихъ ротъ, на высоты, занятыя уже другой массой горцевъ. Повидимому, непріятель имѣлъ намѣреніе общими

силами обрушиться на тѣ три роты и уничтожить ихъ, а потомъ истребить и транспортъ. Къ такому рѣшенію мятежниковъ привели неудавшіяся наканунѣ попытки атаковать карре вагенбурга съ двухъ сторонъ и понесенныя при этомъ большія потери. Хотя толпы непріятеля и отступили отъ вагенбурга, тѣмъ не менѣе транспортъ съ провіантомъ не могъ двигаться впередъ, потому что аробщики изъ жителей селенія Урмы заявили, что скотъ ихъ, угнанный ими на пастьбу, забранъ горцами. Признавая крайне необходимымъ доставить провіантъ въ Лаваши, начальникъ отряда распорядился перевезти его, при посредствѣ спѣшенныхъ всадниковъ гумбетовской сотни, разобравшихъ мѣшки съ сухарями на своихъ лошадей; нѣкоторыя же арбы съ сухарями солдаты сами привезли на себѣ въ Лаваши, куда отправлены были и Апшеронскія роты, послѣ славнаго дѣла въ ночь на 4-е октября. Затѣмъ, полковникъ князь Накашидзе возвратился къ тремъ ротамъ Самурскаго полка и, произведя поверхностную рекогносцировку мѣстности, нашелъ возможнымъ атаковать мятежниковъ въ завалахъ.

Предпринимая штурмъ заваловъ, полковникъ князь Накашидзе имѣлъ въ виду, что, при удачномъ исходѣ, однимъ ударомъ, сразу положенъ будетъ конецъ всѣмъ волненіямъ, обнаружившимся въ послѣднее время въ Даргинскомъ округѣ, а главное — разсчитывалъ преградить мятежникамъ путь на плоскость, въ чемъ заключалась основная задача отряда; при неудачѣ же предпріятія, роты, опираясь на подкрѣпленіе, высланное изъ лагеря, имѣли возможность, хотя и съ потерями, отступить къ Лавашамъ.

Атакующимъ войскамъ при наступленіи пришлось встрѣтиться съ большими мѣстными препятствіями, и лишь только непріятель замѣтилъ движеніе ротъ, какъ открылъ сильный огонь со всѣхъ заваловъ и высотъ; но войска наши, воодушевляемыя офицерами, несмотря на всѣ препятствія, представляемыя едва доступною мѣстностью, и не взирая на неумолкаемый безпрерывный огонь изъ заваловъ и другихъ естественныхъ закрытій, шли упорно впередъ. Въ самый моментъ начала атаки подошли изъ лагеря 1-я и 2-я роты Апшеронцевъ [12]); занявъ гребни высотъ съ правой стороны рѣчки, онѣ открыли учащенный огонь по лѣвому флангу скопищъ мятежниковъ и, вслѣдъ за тѣмъ, его атаковали; одновременно съ этимъ три роты Самурскаго полка заняли высоты и, атаковавъ завалы съ трехъ сторонъ, выбили оттуда мятежниковъ.

Взятіе нашими войсками высотъ, считавшихся, по понятіямъ горцевъ, неприступными; появленіе солдатъ на высотахъ, открытый ими губительный огонь и дружная атака заваловъ—до такой степени поразили мятежниковъ, что они, послѣ нѣсколькихъ залповъ противъ нихъ и учащенной перестрѣлки, въ паническомъ страхѣ стали искать спасенія въ неудержимомъ бѣгствѣ, оставивъ на мѣстѣ до 400 труповъ. Преслѣдованіе горцевъ ротами продолжалось версты двѣ и было прекращено лишь вслѣдствіе сильной усталости нижнихъ чиновъ.

Однако, богатый событіями день 4-го октября этимъ дѣломъ еще не кончился.

3-го октября, за выступленіемъ полковника князя Накашидзе съ тремя ротами Самурскаго полка, при селеніи Лаваши оставались въ лагерѣ, подъ командою полковника Войно-Оранскаго, девять ротъ пѣхоты и шесть горныхъ орудій; потомъ, когда въ подкрѣпленіе ушли еще двѣ роты Апшеронцевъ и взводъ орудій, то въ лагерѣ утромъ, 4-го октября, остались только 7 ротъ и 4 орудія. Эти части имѣли назначеніемъ своимъ охранять лагерь, разное имущество, запасъ провіанта, раненыхъ, больныхъ и до 150 человѣкъ военно-плѣнныхъ; всего для обыкновеннаго караула требовался нарядъ полторы роты, за вычетомъ

[12]) Командиры ротъ: 1-й – поручикъ Чирдиллели и 2-й—капитанъ Нагибинъ.

коихъ для дѣйствій оставалось свободныхъ 5 1/2 ротъ, при 4-хъ орудіяхъ. Отдѣльно-же, въ селеніи Кутишахъ по-прежнему находились три сотни 4-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, производившія разъѣзды для прикрытія лагеря съ западной стороны.

Съ разсвѣтомъ, 4-го октября, со сторожевыхъ пикетовъ вокругъ лагеря дано было знать, что съ ближайшихъ къ нему Улуянскихъ и Кутишинскихъ высотъ замѣчено движеніе большихъ массъ мятежниковъ, направлявшихся къ лагерю. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ горцы, преимущественно пѣшіе, окружили лагерь съ трехъ сторонъ и, занявъ крѣпкія позиціи, открыли перестрѣлку съ передовою цѣпью, неоднократно обнаруживая попытки броситься въ атаку на нее.

По значительной длинѣ оборонительной линіи, большому числу охраняемыхъ больныхъ, арестантовъ и разнаго имущества, не представлялось возможности безъ значительнаго риска предпринять наступательное движеніе, вслѣдствіе чего начальникъ лагеря рѣшился выждать окончанія дѣла у полковника князя Накашидзе съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи всѣхъ войскъ, соединенными силами прогнать мятежниковъ, обложившихъ лагерь.

Въ 3 1/2 часа пополудни полковникъ князь Накашидзе съ частью войскъ возвратился въ лагерь; осмотрѣвъ позиціи наши и занятыя мятежниками, онъ приказалъ командиру баталіона Дагестанскаго полка, маіору Пагиреву, атаковать непріятеля, выбить изъ занятыхъ имъ позицій и преслѣдовать при отступленіи; къ баталіону присоединена была еще одна рота, для дѣйствій во флангѣ непріятельской позиціи.

Главныя массы мятежниковъ сосредоточивались въ завалахъ съ южной стороны лагеря и съ западной къ сторонѣ селенія Кутиши (гдѣ оставались отрѣзанными отъ лагерныхъ войскъ три сотни 4-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка). Послѣ первыхъ-же выстрѣловъ Дагестанскихъ ротъ, горцы, не дожидая атаки и побросавъ свои значки, поспѣшно отступили, преслѣдуемые на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Хотя погромъ, нанесенный мятежникамъ въ двухъ дѣлахъ 4-го октября, долженъ-бы подѣйствовать самымъ отрезвляющимъ образомъ на населеніе Даргинскаго округа, тѣмъ не менѣе, для полнаго успокоенія его жителей, оставалось еще довершить такъ успѣшно начатое дѣло.

Въ ночь съ 4-го на 5-е октября, полковникъ князь Накашидзе получилъ донесеніе, что 4-го числа, вблизи селенія Кутишей показалась партія горцевъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ, при появленіи которыхъ кутишинцы открыто приняли сторону мятежниковъ, впустили ихъ въ селеніе, позволили занять часть сакель и, вмѣстѣ съ мятежниками, бросились въ атаку на сотни конно-иррегулярцевъ. Завѣдывавшій тремя сотнями, подполковникъ Мамаловъ, занялъ башню въ домѣ старшины съ тремя сотенными командирами, врачемъ и 100 всадниками, оставшимися вѣрными изъ числа трехъ сотенъ 4-го Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка; остальные всадники разбѣжались и приняли сторону мятежниковъ. Хотя, по полученнымъ свѣдѣніямъ, подполковникъ Мамаловъ еще держался противъ огромныхъ силъ мятежниковъ, но патроны у его всадниковъ были уже на исходѣ и люди вторыя сутки не пили воды.

При всемъ сознаніи критическаго положенія этой команды, отрѣзанной въ селеніи Кутишахъ, начальникъ отряда, по ночному времени, не могъ ему подать немедленной помощи и только на разсвѣтѣ, 5-го октября, отправилъ для его освобожденія, подъ командою маіора Высоцкаго, одинъ баталіонъ съ 2-мя орудіями. Получивъ же отъ послѣдняго донесеніе, что вблизи селенія Кутишей видна значительная масса мятежнической кавалеріи и что самое селеніе сильно занято возмутившимися, а со стороны селенія Кака-махи идетъ на подкрѣпленіе конница, полковникъ князь Накашидзе, взявъ еще четыре роты (въ томъ

числѣ и роту Апшеронцевъ) и два орудія, самъ отправился съ ними для подкрѣпленія маіора Высоцкаго и освобожденія подполковника Мамалова.

Послѣ непродолжительной, но весьма упорной перестрѣлки съ горцами, засѣвшими въ сакляхъ, часть Кутишей была занята нами, и подполковникъ Мамаловъ съ командой освобожденъ.

Подвигъ Мамалова и бывшихъ съ нимъ офицеровъ и всадниковъ достоинъ особеннаго вниманія: въ теченіи сутокъ они съ успѣхомъ отбивались отъ окружавшихъ ихъ двухъ тысячъ мятежниковъ. Въ наказаніе кутишинцевъ за измѣну, полковникъ князь Накашидзе приказалъ сжечь ихъ хлѣба въ стогахъ и третью часть деревни.

Вслѣдъ за занятіемъ нашими войсками селенія Кутишей, на противоположныхъ высотахъ, по дорогѣ изъ селенія Уллуая, замѣчено было движеніе большой массы кавалеріи, тянувшейся по направленію къ ходжалъ-махинскому спуску. Начальникъ отряда, немедля, направилъ на встрѣчу ей три роты, при двухъ орудіяхъ; мятежники, замѣтивъ движеніе нашихъ войскъ, остановились, какъ-бы съ намѣреніемъ принять бой; но, послѣ первыхъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, тотчасъ начали отступать по Цудахарскому спуску. Полковникъ князь Накашидзе, объясняя себѣ это бѣгство паникой послѣ понесеннаго ими наканунѣ погрома и желая по возможности дать новый урокъ мятежникамъ, посадилъ стрѣлковъ позади конныхъ милиціонеровъ, и съ этою горстью погнался за бѣгущими.

Такимъ образомъ, 40 стрѣлковъ, настигнувъ бывшихъ въ хвостѣ скопища мятежниковъ, открыли по нимъ убійственный огонь, приведшій противника въ смятеніе и страхъ: горцы побросали вьюки съ вещами и провизіей, безсознательно отдавали своихъ лошадей и оружіе всадникамъ, и искали спасенія въ бѣгствѣ.

Въ дѣлѣ 3-го, 4-го и 5-го октября съ нашей стороны: убито нижнихъ чиновъ — 4, ранено — 24, контужено — 4, въ милиціи убито — 2, ранено — 14. У Апшеронцевъ въ дѣлѣ подъ Урмою убито — 2 и ранено — 14 нижнихъ чиновъ.

Въ эти дни мятежники выставили почти всѣ свои силы, дѣйствовали значительными скопищами, достигавшими въ общей сложности до 20 тысячъ,—но потерпѣли полное пораженіе на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только ни появлялись. Результатъ нашихъ успѣховъ не замедлилъ обнаружиться: большая часть селеній Даргинскаго округа съ 5-го числа ежедневно стали присылать депутаціи съ письменными заявленіями о раскаяніи и просьбами о прощеніи; въ подтвержденіе своей искренности, они доставляли лошадей, оружіе и вещи, отбитыя ими у мюридовъ, и арестовывая изъ нихъ не успѣвшихъ уйти за ранами или оставшихся по другимъ случаямъ, доставляли въ лагерь.

На другой день послѣ пораженія мятежниковъ близъ селенія Кутишей, полковникъ князь Накашидзе, въ виду скораго прихода главнаго Дагестанскаго отряда, располагавшаго въ достаточномъ числѣ кавалеріею, сдѣлалъ распоряженіе о роспускѣ по домамъ всей милиціи Западнаго Дагестана по личной настоятельной просьбѣ милиціонеровъ, принимая во вниманіе, что они, находясь при отрядѣ съ ранней весны, совершенно обносились и не имѣли теплой одежды. Но какъ милиція не могла быть отправлена въ Западный отдѣлъ черезъ средній Дагестанъ, вслѣдствіе возмущенія, то полковникъ князь Накашидзе, пользуясь случаемъ и исполняя, въ то же время, предписаніе командующаго войсками, придавъ къ ней 1-й баталіонъ Дагестанскаго полка, сформировалъ колонну, подъ начальствомъ маіора Пагирева, для сопровожденія транспорта съ больными, ранеными и военно-плѣнными, приказавъ названному штабъ-офицеру, по приходѣ колонны въ Урму, весь транспортъ сдать въ 3-й баталіонъ Ширванскаго полка (выдвинутый изъ Шуры для дальнѣйшаго сопровожденія транспорта), а самому съ баталіономъ возвратиться обратно въ Лаваши;

милиціи же, съ 27 значками, отбитыми у мятежниковъ, слѣдовать далѣе въ Шуру и, доставивъ значки генералъ-адъютанту князю Меликову, отправиться въ Западный Дагестанъ, черезъ Гимры и Унцукуль.

7-го октября, по распоряженію князя Меликова, 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка со взводомъ горныхъ орудій выступилъ изъ Лавашей на смѣну баталіона Кабардинскаго полка и взвода 4-хъ-фунтовыхъ полевыхъ орудій, бывшихъ въ составѣ колонны, расположенной въ селеніи Оглахъ; Кабардинцы-же съ артиллеріею, по прибытіи Апшеронцевъ, выступили изъ Оглы и 9-го числа прибыли въ Урму, гдѣ и присоединились къ главному отряду.

11-го октября главный Дагестанскій отрядъ прибылъ въ селеніе Лаваши, гдѣ соединенные Нагорный и Гунибскій отряды расформированы, а всѣ части войскъ, входившія въ ихъ составъ, присоединились къ главному отряду.

25-го ноября 1-й баталіонъ Апшеронцевъ изъ Дербента отправился въ Ботлихъ, гдѣ поступилъ въ составъ Ботлихскаго отряда, въ которомъ уже находился и 3-й баталіонъ.

Въ концѣ ноября военныя дѣйствія закончились, ибо Дагестанъ былъ окончательно смиренъ.

За 1877 годъ получены были слѣдующія награды: 3-му баталіону пожаловано новое Георгіевское знамя съ надписью: «за взятіе штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года, за походъ въ Андіи въ іюнѣ и Дарго въ іюлѣ 1845 г. и за подавленіе возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 году»; кромѣ того, полку пожалованы двѣ георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «Поспѣшность и храбрость взятія города Берлина и за подавленіе возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 году»; 2, 3, 4, 5, 6 и 7 роты получили знаки на шапки, съ надписью: «за подавленіе возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ 1877 году».

Произведены въ слѣдующіе чины: въ подполковники — маіоры Поповъ и князь Магаловъ; въ капитаны — штабсъ-капитанъ Алхазовъ; въ штабсъ-капитаны — поручики Чирдиллели и Сливинскій. Пожалованы: золотое оружіе съ надписью «за храбрость» — маіору князю Магалову и капитану Нагибину; св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ — прапорщику Бениславскому; св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ — штабсъ-капитану Зейферту; св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ: поручикамъ Берхману и Каркашвили, прапорщикамъ: Коробкову, Васильеву, Воропанову и Шіоновскому.

Знаки отличія Военнаго ордена получили: 3-й степени — фельдфебель Иванъ Новицкій и унтеръ-офицеръ Степанъ Кологинцъ; 4-й степени: фельдфебеля — Николай Козловъ, Димитрій Нагосцевъ, Мангалей Ибрагимовъ, Андрей Косихинъ и Петръ Чернышевъ; унтеръ-офицеры — Вячеславъ Вутетичъ, Григорій Алехинъ, Евгеній Левицкій, Лаврентій Садыкъ, Прокофій Мячинъ, Елистратъ Супрѣевъ, Денисъ Тютюлинъ, Алексѣй Постновъ, Алексѣй Грошковъ, Игнатій Чернышевъ, Иванъ Далматовъ, Михаилъ Варгановъ, Ѳедоръ Буружинъ, Иванъ Саламакинъ, Павелъ Кодловъ, Василій Михайловъ, Ѳедоръ Дубровинъ, Семенъ Дьяконовъ, Мусафилъ Абдулъ-Сатѣевъ, Семенъ Воропаевъ, Петръ Засадка, Степанъ Пимошинъ, Кирилъ Ѳедосѣевъ, Иванъ Рогоновъ, Василій Спиридоновъ, Илья Быстрожанскій, Рафаилъ Сучковъ и Михаилъ Абраменко. Рядовые: Ѳедоръ Елфимовъ, Евдокимъ Улановъ, Тимофей Рогачевъ, Андрей Сазоновъ, Иванъ Рогановъ, Иванъ Медвѣдевъ, Трофимъ Кузнецовъ, Павелъ Митенко, Юрій Челкуса, Лукьянъ Кожевниковъ, Осипъ Янзинъ, Антонъ Никоновъ, Макей Мещеряковъ, Иванъ Чичаловъ, Никонъ Бессарабовъ, Димитрій Погибельный, Елистратъ Ивановъ, Степанъ Яшковъ, Поликарпъ Фроловъ, Андрей Зиковъ, Петръ Овсянниковъ, Василій Рѣпкинъ, Миронъ Поваровъ, Михаилъ Хрюкинъ, Прокофій Курдюмовъ, Евстигней Чуреинъ, Димитрій Сафоновъ, Адольфъ Брастовскій, Александръ Горбунчиковъ, Селивестръ Мкайтусъ, Демьянъ Семикопный, Григорій Добредней, Осипъ Машатайшисъ, Иванъ Цыганковъ, Кузьма Ляпняговскій, Иванъ Тужиковъ, Ермолай Захаровъ, Василій Рубцовъ, Григорій Ротвясскій, Яковъ Алексѣевъ, Абубенъ Янбухтинъ, Матвѣй Мардишазовъ, Григорій Кротовъ, Кузьма Пряткинъ, Ильязъ Галкинъ, Степанъ Болдыревъ, Иванъ Тарасовъ, Герасимъ Синицынъ, Гурьянъ Лисицынъ, Нукифоръ Кузьминъ, Яковъ Заболоцкій, Иванъ Ширяевъ, Никифоръ Егоровъ, Семенъ Колтуповъ, Михаилъ Климовъ, Ефимъ Тарпановъ, Степанъ Романовъ, Мартынъ Николайчикъ, Иванъ Куликовъ, Петръ Прохоровъ и Кириллъ Петровъ.

АХАЛЪ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Глава Двадцать Третья.

Расположеніе частей полка въ 1878 году. — Отправленіе 13-й роты въ Красноводскъ. — Слухи объ Ахалъ-текинской экспедиціи. — Назначеніе въ составъ отряда 1-го баталіона и 3-хъ ротъ 4-го баталіона. — Очеркъ событій въ Ахалъ-теке въ 1879 году. — Размѣщеніе Апшеронцевъ на зиму. — Назначеніе начальникомъ экспедиціи генералъ-адъютанта Скобелева. — Планъ покоренія Ахалъ-теке. — Подготовка экспедиціи. — Наступательное движеніе въ концѣ мая. — Занятіе Терсакана и Ходжакала. — Рекогносцировка дорогъ въ оазисъ. — Прокламація Скобелева къ текинцамъ. — Выгоды занятія Бами. — Нападенія непріятельскихъ партій. — Занятіе Бами. — Приказъ Скобелева. — Изысканія между Кизилъ-арватомъ и Михайловскимъ заливомъ. — Болѣзненность въ войскахъ. — Смерть доктора Студитскаго. — Слухи о наступленіи текинцевъ. — Письмо нухурцевъ къ Скобелеву. — Рекогносцировка къ Геокъ-тепе. — Результаты рекогносцировки. — Появленіе хищническихъ партій въ Копетдагскомъ хребтѣ. — Занятіе Бендесена и образованіе охотничьей команды. — Движеніе полковника Вержбицкаго къ Арчману. — Нападеніе текинцевъ на укрѣпленіе Ходжакала.

Хотя возстаніе въ Дагестанѣ окончательно подавлено было еще въ концѣ 1877 года, тѣмъ не менѣе и въ началѣ 1878 года наши войска занимали многіе пункты въ горахъ, а отряды не расформировывались. Такъ, напримѣръ, баталіоны Апшеронскаго полка находились: 1-й—въ Мехтулинскомъ ханствѣ, 3-й—въ Ботлихѣ, а 2-й и 4-й въ началѣ года—въ штабъ-квартирѣ, а въ маѣ мѣсяцѣ на нѣкоторое время передвинулись въ Дербентъ, но вскорѣ опять возвратились въ Ишкарты. 1878 годъ прошелъ для полка спокойно; населеніе Дагестана приведено было къ повиновенію и надлежащему порядку; но за то стали носиться упорные слухи о скоромъ походѣ въ Ахалъ-текинскій оазисъ. Предвѣстникомъ этихъ слуховъ явилось отправленіе на восточный берегъ Каспійскаго моря 13-й роты, поступившей въ составъ Красноводскаго рекогносцировочнаго отряда.

Въ началѣ 1879 года слухи объ Ахалъ-текинской экспедиціи получили оффиціальную достовѣрность и въ составъ экспедиціоннаго отряда получилъ назначеніе 1-й баталіонъ, отправившійся, въ январѣ мѣсяцѣ, въ Красноводскъ; въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Закаспійскій край перевезены были также 14, 15 и 16 роты 4-го баталіона; такимъ образомъ, въ числѣ войскъ, сосредоточенныхъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, находились также и два баталіона Апшеронцевъ.

Мы не будемъ описывать злосчастной экспедиціи 1879 года, ибо въ ней Апшеронцы не принимали участія; 1-й баталіонъ полка, послѣ отбитія нашихъ войскъ подъ Геокъ-тепе, выступилъ изъ Кизилъ-Арвата въ Беурму на встрѣчу отряду, и съ этого пункта все время шелъ въ аріергардѣ.

Назначенный, вмѣсто генерала Ломакина, начальникъ экспедиціи, генералъ-лейтенантъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, по прибытіи на восточный берегъ Каспійскаго моря и при ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ, нашелъ, что завоеваніе Ахалъ-текинскаго оазиса можетъ быть окончено не ранѣе трехъ лѣтъ при условіи, что мы должны

постоянно подвигаться впередъ и строить укрѣпленія. Планъ этотъ, хотя и вѣрный, требовалъ однако много времени и денегъ, вслѣдствіе чего и не былъ принятъ.

Конецъ 1879 и начало 1880 года прошли въ бездѣйствіи. Войска, участвовавшія въ прошлогодней экспедиціи, большею частью возвратились въ свои штабъ-квартиры, оставшіяся же заняли пункты отъ Чекишляра до Дузъ-олума; въ послѣднемъ стояли 1-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ.

Неудачная экспедиція 1879 года явилась неизбѣжнымъ результатомъ плохой подготовки матеріальной части ея: количество войскъ играло, какъ впослѣдствіи показала и Скобелевская экспедиція, второстепенную роль; вотъ почему въ предстоявшихъ дѣйствіяхъ обращено было особенное вниманіе на продовольственную и перевозочную часть, а также на устройство надежныхъ коммуникаціонныхъ линій.

Когда генералъ Тергукасовъ, по болѣзни, уѣхалъ въ Тифлисъ, то временное командованіе войсками на восточномъ берегу Каспійскаго моря поручено было командиру 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Муравьеву, а вскорѣ затѣмъ начальникомъ экспедиціи въ Ахалъ-теке назначенъ генералъ-адъютантъ Михаилъ Димитріевичъ Скобелевъ, начавшій свою боевую дѣятельность въ Средней Азіи и близко знакомый съ нравами ея жителей и образомъ веденія съ ними войны.

По плану, составленному Михаиломъ Димитріевичемъ, для покоренія Ахалъ-теке надлежало:

1) Образовать отрядъ вторженія, силою въ $6^1/_4$ баталіоновъ (по 42 ряда въ полуротѣ), 7 эскадроновъ и сотенъ, 48 орудій, съ 3-мя артиллерійскими парками, и госпиталь.
2) Тылъ обезпечить $2^1/_2$ мобилизованными баталіонами (по 42 ряда въ полуротѣ), 3 баталіонами немобилизованными, 3-мя сотнями казаковъ и 16 орудіями; госпитали учредить въ Чекишлярѣ и Ташъ-арватъ-калѣ, а укрѣпленія создать: въ Чекишлярѣ, Дузъ-олумѣ, Михайловскѣ, Айдинѣ, Ушакѣ, Кизилъ-арватѣ и въ Ташъ-арватъ-калѣ.

Перевозочныя средства отряда долженствовали состоять: изъ 3,000 верблюдовъ подъ перевозку четырехмѣсячнаго довольствія въ Дузъ-олумъ для отряда вторженія и укрѣпленій, и изъ 2,500 верблюдовъ, пригнанныхъ изъ Мангишлака и Бакинской губерніи, для перевозки грузовъ изъ Михайловскаго залива послѣдовательно въ Айдинъ, Ушакъ, Кизилъ-арватъ и Бами.

Для удобства сообщенія предположено устроить переносную желѣзную дорогу, системы Дековиля, отъ Михайловскаго залива до Айдина.

Военныя операціи генералъ Скобелевъ предполагалъ производить въ такомъ порядкѣ: 1) въ іюнѣ 1880 года—занятіе Айдина (по Михайловской военной линіи) и учрежденіе здѣсь укрѣпленія, для прикрытія различныхъ складовъ и постройки желѣзной дороги; 2) въ сентябрѣ того же года занятіе Кизилъ-арвата и колодцевъ Ушакъ; 3) въ мартѣ 1880 года—сосредоточеніе въ Кизилъ-арватѣ всѣхъ войскъ отряда вторженія; 4) въ апрѣлѣ передвиженіе отряда къ Беурмѣ и въ сентябрѣ—дальнѣйшее движеніе къ Дуруну, Геокъ-тепе и Асхабаду.

Проектъ генералъ-адъютанта Скобелева обсуждался въ февралѣ мѣсяцѣ 1880 года особымъ совѣщательнымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра графа Милютина. Комитетъ согласился по всѣмъ пунктамъ скобелевскаго проекта; но, при обсужденіи базы будущихъ военныхъ дѣйствій, рѣшено замѣнить операціонную линію Чекишляръ-Дузъ-олумъ—линіею Михайловскій заливъ – Кизилъ-арватъ и устроить на послѣдней ширококолейную желѣзную дорогу.

Въ апрѣлѣ генералъ Скобелевъ прибылъ въ Тифлисъ, гдѣ происходило нѣсколько совѣщаній съ кавказскимъ начальствомъ по вопросамъ о перевозочныхъ средствахъ и довольствіи войскъ. Изъ Тифлиса Скобелевъ черезъ Т.-Х.-Шуру и Петровскъ отправился въ Закаспійскій край.

Весна и лѣто 1880 года всецѣло были посвящены подготовкѣ къ экспедиціи: учреждались обширные склады провіанта и боевыхъ запасовъ, временные госпитали и приступлено къ постройкѣ желѣзной дороги изъ Михайловскаго залива по направленію къ Кизилъ-арвату. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ былъ спущенъ въ свою штабъ-квартиру, и въ составѣ экспедиціоннаго отряда остался только 4-й баталіонъ, подъ командою подполковника князя Магалова; въ маѣ этотъ баталіонъ находился въ составѣ дузъ-олумскаго гарнизона. Всѣ войска, находившіяся въ Закаспійскомъ краѣ, размѣстились по укрѣпленіямъ, и большая часть ихъ была сосредоточена на линіи Чекишляръ — Дузъ-олумъ.

Текинцы, узнавъ, что начальникомъ экспедиціи назначенъ генералъ Скобелевъ, уже извѣстный въ Средней Азіи побѣдами въ Коканскомъ ханствѣ, рѣшили переселиться въ крѣпость Геокъ-тепе и въ ней защищаться. Этимъ переселеніемъ занялись Тыкма-сардаръ и Курбанъ-Мурадъ-ишханъ. Переселеніе жителей происходило весьма дѣятельно, и вскорѣ большая часть населенія Ахала, бросивъ свои аулы, собралась въ крѣпости.

Въ концѣ мая рѣшено было произвести рекогносцировку путей въ оазисъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занять текинскую крѣпостцу Бами, съ цѣлью учрежденія здѣсь передоваго пункта и склада продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ. 26-го мая генералъ Скобелевъ прибылъ въ Дузъ-олумъ, въ которомъ уже сосредоточилось 12 ротъ пѣхоты, 3 сотни казаковъ и одна батарея и ракетная сотня. Въ составѣ войскъ находились 13-я и 14-я роты Апшеронцевъ, а 15-я и 16-я роты занимали укрѣпленіе Чатъ [1]). Къ отряду, собранному въ Дузъ-олумѣ, вскорѣ присоединились пришедшія изъ Чекишляра 3 роты пѣхоты, морская батарея, полубатарея 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады, отдѣленіе полевого интендантства, транспортъ Краснаго Креста и полевая аптека [2]).

30-го мая занятъ былъ пунктъ Ходжакала, гдѣ рѣшено возвести укрѣпленіе, и въ тотъ же день образованы двѣ колонны для обозрѣнія дорогъ въ оазисъ. Одна изъ нихъ—кавалерійская, подъ начальствомъ полковника Гродекова, состояла изъ 4 сотенъ казаковъ и должна была, пройдя черезъ Бендесенскій перевалъ, занять Бами; пѣхотная колонна, изъ 2-хъ ротъ, 20 казаковъ и джигитовъ и геліографнаго станка, черезъ Коджскій перевалъ спускалась къ сел. Коджъ, послѣ чего соединялась съ кавалерійскою колонною.

Въ 4 часа пополудни, 30 мая, выступила изъ Ходжакала кавалерійская колонна, а въ 8 часовъ вечера—пѣхотная. Пройдя Бендесенъ и сдѣлавъ здѣсь небольшой привалъ, кавалерійская колонна въ 6 часовъ утра заняла Бами, сдѣлавшійся впослѣдствіи передовымъ пунктомъ нашихъ операцій въ оазисѣ до самого выступленія въ Геокъ-тепе. Изъ Бами направлена была въ Беурму сотня казаковъ, а въ 10 часовъ утра къ этому же селенію, въ виду полученныхъ извѣстій о появленіи многочисленной непріятельской конницы, двинулись и остальныя части кавалеріи. Пройдя нѣсколько верстъ изъ Беурмы по направленію къ селенію Арчману, и не встрѣтивъ непріятеля, исключая одиночныхъ всадниковъ, державшихся на весьма почтительномъ разстояніи, Скобелевъ возвратился въ Бами.

Изъ Бами генералъ Скобелевъ послалъ текинцамъ прокламацію слѣдующаго содержанія: «Предъ началомъ наступательныхъ дѣйствій, которыя поведутъ къ покоренію Ахалъ-

[1]) 2 роты Апшеронскаго, 4 роты Дагестанскаго и 6 ротъ Самурскаго полковъ, 2 сотни Полтавскаго и одна Таманскаго казачьихъ полковъ и 4-я батарея 21-й артиллерійской бригады.

[2]) Двѣ роты Ширванскаго полка и рота Красноводскаго мѣстнаго баталіона.

*

текинской земли и отъ которыхъ могутъ пострадать жены, дѣти и имущество, я, вдохновляемый добротою Государя Императора, въ послѣдній разъ предлагаю сдаться на милосердіе Бѣлаго Царя. Доказательствомъ покорности буду считать: 1) высылку въ Бами вліятельныхъ лицъ, по моему требованію; 2) сдачу Геокъ-тепе и Денгиль-тепе, которые занимаются русскими войсками; 3) продовольствіе доставлять русскимъ войскамъ на все время, по моему усмотрѣнію. Предлагаю отвѣтить мнѣ въ трехдневный срокъ въ Бами. Если въ теченіи этого времени не получу отвѣта, то вамъ будетъ худо» [3].

Прокламація эта осталась безъ отвѣта, такъ какъ текинцы рѣшились упорно защищаться.

Въ то время какъ кавалерія производила рекогносцировку путей и заняла Бами, пѣхотная колонна въ 4 часа утра, 31-го мая, заняла селеніе Коджъ, гдѣ былъ захваченъ одинъ текинецъ, сторожившій посѣвы. Изъ разспросовъ его выяснилось, что жители селеній Кизилъ-арвата, Коджа, Зау, Кизилъ-чешме и Бами, по полученіи достовѣрнаго извѣстія о скоромъ наступленіи русскихъ, переселились за Арчманъ и Дурунъ, ближе къ Геокъ-тепе. Того же числа, въ 2 часа по полудни, колонна выступила изъ Коджа и, дойдя до селенія Зау, остановилась на ночлегъ. На другой день обѣ колонны—пѣхотная и кавалерійская—соединились и передъ вечеромъ возвратились въ Ходжакала.

Ближайшій осмотръ мѣстности выяснилъ, что самымъ удобнымъ передовымъ пунктомъ при будущихъ нашихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ является селеніе Бами, по слѣдующимъ причинамъ. Селеніе Бами лежало на прямомъ пути нашего наступательнаго движенія Дузъ-олумъ-Ходжакала-Бендесенъ; этотъ путь былъ очень удобенъ для движенія по немъ артиллеріи и транспортовъ. Имѣя срединное положеніе въ оазисѣ, Бами съ занятіемъ его получало важное значеніе потому, что населеніе лишалось доброй половины своихъ земель, способныхъ къ культурѣ, слѣдовательно и жизненныя средства текинцевъ значительно уменьшились; наконецъ, занимая Бами, отстоявшее отъ Геокъ-тепе всего только на 120 верстъ, мы тѣмъ самымъ стѣсняли текинцевъ, переселившихся въ Дурунъ и Арчманъ, заставляли ихъ очистить свои новыя мѣста жительства и убраться въ Геокъ-тепе. Послѣ занятія Бами, текинцы уже не могли безнаказанно производить нападенія въ тылу нашего расположенія.

Впрочемъ, окончательное занятіе Бами было отложено до прибытія въ Дузъ-олумъ перевозочныхъ средствъ для поднятія необходимаго провіантскаго довольствія и тяжестей отряда. Тѣмъ временемъ въ Терсаканѣ и Ходжакалѣ устраивались укрѣпленія, учреждались геліографныя станціи и происходили изысканія для постройки желѣзной дороги отъ Мулла-кари до Кизилъ-арвата.

Дѣятельность текинцевъ за это время выразилась въ нападеніяхъ на наши транспорты. Такъ, 2-го іюня, непріятельская партія, подъ начальствомъ Тыкма-сардара, у Текенджика [4] произвела нападеніе на нашъ транспортъ, отбила 35 верблюдовъ и повредила телеграфную проволоку.

Черезъ три дня, 5-го іюня, другая партія, состоявшая изъ гохлановъ, коджуковъ и юмудовъ, напала у Харъ-олума на транспортъ, слѣдовавшій, подъ прикрытіемъ 15-й роты Апшеронскаго полка и взвода казаковъ, изъ Чата въ Дузъ-олумъ.Ославъ въ Чатъ извѣстіе о нападеніи, начальникъ транспорта устроилъ изъ повозокъ и верблюдовъ карре, по сторонамъ котораго размѣстилъ стрѣлковъ, и ружейнымъ огнемъ отбивалъ нападеніе партіи. Вскорѣ прибыла изъ Чата другая Апшеронская рота (16-я), и тогда непріятель, не успѣвъ ничего сдѣлать, удалился.

Когда въ Дузъ-олумъ прибылъ ожидаемый транспортъ верблюдовъ, а вмѣстѣ съ нимъ

3) Гродековъ. Война въ Туркменіи. Томъ II, стр. 77.

4) Промежуточная станція между Чатомъ и Дузъ-олумомъ.

пѣхота и артиллерія, то генералъ Скобелевъ рѣшилъ приступить къ занятію Бами, для чего назначались двѣ колонны: одна направилась черезъ Бендесенскій, а другая — черезъ Коджскій перевалы. Войска сосредоточились въ укр. Ходжакала, и здѣсь, передъ выступленіемъ, генералъ-адъютантъ Скобелевъ отдалъ такой приказъ:

«Послѣ девятимѣсячной остановки, Августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣть вновь вступить въ предѣлы Ахалъ-текинской земли.

«Всѣмъ предстоитъ перенести много трудностей, встрѣтиться съ непріятелемъ храбрымъ, болѣе чѣмъ вдесятеро васъ сильнѣйшимъ.

«Кавказское сердце ваше всегда сумѣетъ быть на высотѣ боеваго дѣла. Благодарный знаменамъ вашимъ за Георгіевскій крестъ, я знаю васъ и не считаю враговъ.

«Прошу всѣхъ чиновъ отряда не забывать, что русская честь требуетъ мести за павшихъ товарищей нашихъ» [5].

10-го іюня генералъ Скобелевъ выступилъ изъ Ходжакала черезъ Коджскій перевалъ и, въ тотъ же день, занялъ Бами. Пѣхотная колонна, слѣдуя черезъ Бендесенскій перевалъ, прибыла въ Бами 11-го іюня.

Одновременно съ выступленіемъ колоннъ для занятія Бами, изъ Ходжакала выступила небольшая колонна (одна рота пѣхоты и 15 джигитовъ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Петрусевича, для изысканій дороги изъ Кизилъ-арвата къ Михайловскому заливу. Изысканія были произведены съ полнымъ успѣхомъ и совершенно безпрепятственно.

Всѣ лѣтніе мѣсяцы посвящены были приготовленіямъ къ экспедиціи: войска занимались постройкой укрѣпленій, сопровождали транспорты, несли сторожевую службу, работали въ складахъ и проч. Служба эта, при жарахъ, доходившихъ въ нерѣдко до 55° по Р., сильно истомляла и изнуряла солдатъ; въ войскахъ начали развиваться болѣзни и появилось множество больныхъ цынгою. Такъ напр., въ одномъ только Дузъ-олумѣ, гдѣ весь гарнизонъ состоялъ изъ 690 человѣкъ, больныхъ въ концѣ іюня показано 60 человѣкъ.

Войска, занимавшія укрѣпленія Терсаканъ, Ходжакала и Бами, были подчинены одному начальнику и вошли въ составъ передоваго отряда. Изъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ іюнѣ мѣсяцѣ, опишемъ нападеніе на команду доктора Студитскаго и смерть послѣдняго. Произошло это такимъ образомъ. 19-го іюня, на Бендесенскомъ перевалѣ убитъ былъ казакъ, о чемъ дали знать ѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ два джигита-туркмена. Когда генералъ Скобелевъ получилъ объ этомъ происшествіи донесеніе, то приказалъ арестовать джигитовъ, предполагая, не было ли тутъ съ ихъ стороны измѣны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для осмотра трупа, послалъ доктора общества «Краснаго Креста» Студитскаго, въ сопровожденіи 12 казаковъ. Въ 5 часовъ утра, 21-го іюня, докторъ Студитскій выѣхалъ изъ Бами и прибылъ въ Бендесенъ въ 8 часовъ утра. Оставивъ конвой у бендесенскаго ручья, Студитскій поднялся на гору, гдѣ былъ похороненъ казакъ. Не успѣлъ докторъ подняться на гору, какъ оставленные внизу казаки замѣтили трехъ текинцевъ и крикнули о томъ Студитскому, который сбѣжалъ внизъ и, вмѣстѣ съ казаками, погнался за текинцами. Но вскорѣ обнаружилось, что текинцевъ не трое, а цѣлая партія, состоявшая не менѣе какъ изъ 300 человѣкъ. Когда докторъ Студитскій увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ многочисленнымъ противникомъ, то остановилъ свою команду на горкѣ, у могилы казака, спѣшилъ ее и началъ отстрѣливаться. Текинцы нѣсколько разъ производили атаки, но, встрѣчаемые дружными залпами, ничего не могли сдѣлать, и, засѣвъ за камнями, въ 30 шагахъ отъ команды, открыли по ней ружейный огонь. Во время этой перестрѣлки убиты были докторъ Студитскій и два

5) Приказъ по отряду отъ 10-го іюня 1880 года, за № 91.

казака и ранено 5 казаковъ. По всей вѣроятности, малочисленная команда была бы вся истреблена, не подоспѣй ей на выручку рота, возвращавшаяся съ транспортомъ верблюдовъ изъ Бами въ Ходжакала. Текинцы атаковали роту, но безуспѣшно, послѣ чего отступили по дорогѣ въ Нухуръ. Какъ ни незначительно было дѣло 21-го іюня, тѣмъ не менѣе оно, по результатамъ своимъ, имѣло довольно важное значеніе, показавъ непріятелю, что превосходство его въ силахъ не имѣетъ никакого значенія, при совершенствѣ нашего оружія.

Уже въ началѣ іюня стали носиться упорные слухи о предполагаемомъ наступленіи текинцевъ. По извѣстіямъ, принесеннымъ лазутчиками, вскорѣ послѣ занятія нашими войсками Бами, въ Геокъ-тепе собирался совѣтъ почетнѣйшихъ текинцевъ. На совѣтѣ нѣкоторые высказывали мнѣніе очистить Денгиль-тепе и отступить въ пески; очень немногіе желали мира, но большинство требовало войны, указывая на недоступность крѣпости, малочисленность русскихъ войскъ въ странѣ и на примѣръ нашей неудачи въ прошломъ году. Мнѣніе сторонниковъ войны одержало верхъ, и текинцы дѣятельно принялись за окончаніе необходимыхъ сооруженій въ крѣпости. Между тѣмъ, слухи о наступленіи текинцевъ продолжали упорно держаться; говорили, что непріятель приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ тотчасъ по уборкѣ хлѣба съ полей. По свѣдѣніямъ, партія текинцевъ, подъ предводительствомъ Тыкма-сардара, сосредоточилась уже у сел. Арчмана, откуда намѣревалась вторгнуться въ Нухуръ (особое независимое общество, живущее недалеко отъ Арчмана). Тогда нухурцы обратились къ Скобелеву съ просьбою о помощи, и въ посланіи своемъ къ начальнику экспедиціи писали:

«Да будетъ вамъ извѣстно, что чуждой души къ вамъ не имѣемъ. Искали на небѣ, нашли на землѣ. Живемъ въ сосѣдствѣ съ извергами-текинцами. Мы, общество, сильно терпимъ отъ нихъ. Сары-ханъ умеръ по волѣ божьей; по поводу его смерти, у насъ въ душѣ ничего не сложилось, и вы о томъ не задумывайтесь [6]. Слово состоитъ въ томъ, что ишаны и ханы (текинскіе) прислали намъ съ нарочнымъ бумагу, чтобы мы переселились къ нимъ и воевали съ русскими, и если не перейдемъ къ нимъ, то сами должны пенять на себя за послѣдствія, и тогда текинцы должны воевать съ нами, нухурцами. Ханы и старшины приказали Тыкма-сардару, чтобы онъ выселилъ семейство своего отца въ Геокъ-тепе, ибо говорили они: Нухуръ и Эвезъ-Мурадъ-Тыкма-сардаръ—русскіе и ихъ словамъ не вѣримъ. Да будетъ извѣстно нашему генералу, если онъ желаетъ принять наше общество въ подданство, то чтобы пришелъ на двадцать дней въ Арчманъ, или въ Бегерденъ, дабы мы успѣли собрать свои посѣвы на Сумбарѣ. Если не прійдете, то мы выселимся. Зависитъ отъ васъ. Мы питаемъ много надеждъ на Бѣлаго Царя» [7].

Письмо нухурцевъ, въ связи съ достовѣрностью слуховъ о переходѣ текинцевъ изъ пассивнаго положенія къ наступательнымъ дѣйствіямъ, вынудило генералъ-адъютанта Скобелева произвести рекогносцировку въ Геокъ-тепе, съ цѣлью выяснить намѣренія противника, осмотрѣть крѣпость и одновременно помочь и нухурцамъ. «По моему мнѣнію, писалъ Скобелевъ своему начальнику штаба, полковнику Гродекову, нухурцевъ оставлять въ бѣдѣ нельзя. Изъ этого можетъ выйти, въ началѣ кампаніи, маленькая Эски-загра, что не поведетъ къ возвеличенію нашего обаянія. Думаю, что идти на встрѣчу непріятелю надо, какъ бы теперь намъ это ни трудно. Увы! недостаетъ данной главнѣйшей для рѣшенія: знанія этого непріятеля. Не хорошо запоздать въ дѣлѣ военномъ. Лучше плоше, но во-время, чѣмъ превосходно, но поздно».

---

6) Сары-ханъ былъ приговоренъ военнымъ полевымъ судомъ въ Бами, за шпіонство, къ повѣшенію, и приговоръ приведенъ въ исполненіе.

7) Гродековъ. Война въ Туркменіи. Томъ II, стр. 111.

Итакъ рѣшено было перейти во временное наступленіе, хотя ничего серьезнаго противъ Геокъ-тепе не предпринималось. Выступленіе назначено 1-го іюля.

Изъ дислокаціи войскъ за іюнь мѣсяцъ видно, что 13-я и 14-я роты Апшеронцевъ помѣщались въ Терсаканѣ, а 15-я и 16-я въ Чатѣ; въ Терсаканѣ же находился и штабъ баталіона. Санитарный осмотръ стоянокъ нашихъ войскъ показалъ, что укрѣпленіе Чатъ, перешедшее незадолго передъ тѣмъ на новое мѣсто, находилось въ удовлетворительной чистотѣ. Люди помѣщались въ кибиткахъ и на нарахъ. Въ кибиткахъ соблюдалась чистота и опрятность. Тѣмъ не менѣе, нижніе чины 15 и 16 ротъ найдены были изнуренными и страдали цынгой. Хотя пища была и хорошая, но варилась она безъ луку и чесноку. Другая стоянка Апшеронцевъ—Терсаканъ—было мѣсто прекрасное, съ хорошею водою. Люди здѣсь помѣщались въ тантабри; пища варилась также безъ луку, чесноку и зелени, и здѣсь такъ же, какъ и въ Чатѣ, солдаты страдали цынгой и поносами. Развившаяся болѣзненность въ войскахъ сильно уменьшила ихъ численность; изъ мѣсячныхъ вѣдомостей усматривалось, что почти въ каждомъ баталіонѣ 21-й пѣхотной дивизіи недоставало до комплекта: въ 4-мъ баталіонѣ Апшеронскаго полка ощущался недостатокъ въ 3-хъ офицерахъ и 74 нижнихъ чинахъ, а въ баталіонахъ другихъ полковъ недостатокъ былъ еще больше; въ общемъ въ 6 баталіонахъ пѣхоты и 2 батареяхъ недоставало 18 офицеровъ и 512 нижнихъ чиновъ. Въ виду этого, генералъ-адъютантъ Скобелевъ обратился къ главнокомандующему кавказской арміей съ просьбою, чтобы, при учетѣ комплекта и некомплекта, послѣдній производился не по списочному, а по наличному составу.

Такъ какъ для баталіоновъ 21-й пѣхотной дивизіи требовалось постоянное пополненіе, то Августѣйшій главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ ходатайствовалъ о допущеніи въ полкахъ этой дивизіи сверхъ-комплекта; на это ходатайство послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, и, осенью 1880 года, изъ мѣстныхъ войскъ переведены были въ полки 21-й дивизіи 2,500 человѣкъ, въ томъ числѣ въ Апшеронскій полкъ 650 человѣкъ.

31-го іюля, отрядъ, назначенный для рекогносцировки къ Геокъ-тепе, былъ сформированъ и состоялъ изъ 3 1/4 ротъ, 4-хъ сотенъ и 18 орудій, подъ командою самого Скобелева. 1-го іюля, въ 9 часовъ пополудни, послѣ молебствія, отрядъ выступилъ изъ Бами. На разсвѣтѣ 2-го числа генералъ Скобелевъ съ кавалеріею прибылъ въ Арчманъ, гдѣ оказалось всего только 40 конныхъ текинцевъ; четверо изъ нихъ были убиты въ происшедшей перестрѣлкѣ, а остальные ускакали. Въ 9 часовъ утра подошла пѣхота. Давъ войскамъ нѣсколько часовъ отдыху, Скобелевъ выступилъ дальше и, 3-го числа, въ 5 часовъ пополудни, занялъ сел. Дурунъ. Здѣсь отрядъ засталъ небольшую непріятельскую партію, которая быстро разсѣялась. Прослѣдовавъ 4-го числа черезъ Акъ-калу, отрядъ на другой день, послѣ полудня, подошелъ къ сел. Егянъ-батыръ-кала, отстоявшему всего только въ 12 верстахъ отъ Геокъ-тепе. Сосредоточивъ войска въ небольшой крѣпости, генералъ Скобелевъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія на случай ночного нападенія текинцевъ. Однако ночь прошла спокойно; повидимому текинцы ожидали насъ у Геокъ-тепе, куда начальникъ экспедиціи на слѣдующій день намѣревался двинуться. Оставивъ въ крѣпости Егянъ-батыръ-кала обозъ, всѣхъ слабыхъ и скотъ, подъ прикрытіемъ полуроты, при одной картечницѣ, генералъ Скобелевъ съ остальными войсками, въ 3 часа пополуночи, 6-го іюля, выступилъ въ Геокъ-тепе. Наканунѣ выступленія, генералъ Скобелевъ написалъ записку, которую, въ случаѣ его смерти, надлежало прочитать всѣмъ офицерамъ отряда. Въ ней говорилось: «Полковнику Вержбицкому и всѣмъ офицерамъ отряда. Въ случаѣ моей смерти на предстоящей рекогносцировкѣ 6-го іюля, я поручаю командованіе отрядомъ пол-

ковнику Гродекову; онъ вполнѣ способенъ вывести цѣлымъ отрядъ, и ему извѣстны всѣ мои соображенія.

«Я сознательно поставилъ отрядъ, повидимому, въ весьма трудное положеніе; но я убѣжденъ, что при молодецкомъ веденіи онъ вернется съ честью.

«Общее впечатлѣніе этого смѣлаго движенія оправдываетъ рискъ. Въ Азіи надо бить по воображенію. Бомбардировка Геокъ-тепе, съ горстью людей, и благополучное возвращеніе отряда отзовутся во всей Азіи. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ. Егянъ-батыръ-кала. 5-го іюля 1880 года. 5 часовъ вечера»[8].

По мѣрѣ приближенія отряда къ крѣпости, стали появляться конныя партіи текинцевъ, начавшія съ войсками перестрѣлку. Слѣдуя у подошвы Копетъ-дагскаго хребта, отрядъ направлялся къ сел. Янги-кала, отстоявшему отъ крѣпости на 2,000 шаговъ. Не успѣли войска отойти отъ Егянъ-батыръ-кала 4 верстъ, какъ за однимъ бугромъ открыто было присутствіе партіи около 400 текинцевъ, подъ предводительствомъ Тыкма-сардара, имѣвшихъ намѣреніе внезапно атаковать наши войска. Нѣсколько пущенныхъ въ партію ракетъ заставили ее отступить къ Геокъ-тепе. Значительныя массы конныхъ текинцевъ окружили отрядъ съ трехъ сторонъ; но, угрожаемые огнемъ нашей артиллеріи, держались на весьма почтительномъ разстояніи. Около 12 часовъ дня отрядъ подошелъ къ ручью Секизъ-ябъ, протекающему чрезъ всѣ селенія, носящія общее названіе Геокъ-тепе.

Послѣ небольшаго отдыха, Скобелевъ произвелъ рекогносцировку южной стороны Янги-калы и, въ это время, въ крѣпость Геокъ-тепе было брошено 120 артиллерійскихъ снарядовъ. Произведя осмотръ крѣпости и окружающей ея мѣстности, Скобелевъ считалъ свою задачу поконченной—и рѣшилъ начать отступленіе.

Замѣтивъ, что отрядъ предпринимаетъ обратное движеніе, текинцы окружили русскія войска со всѣхъ сторонъ и открыли по нимъ усиленный огонь. Непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки, но его отбивали огнемъ артиллеріи. 12-ти верстный путь до Егянъ-батыръ-кала, отрядъ прошелъ лишь въ 5 час., все время отбивая назойливо преслѣдовавшихъ его текинцевъ. Въ 6 час. пополудни Скобелевъ возвратился въ Егянъ-батыръ-кала и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отбитію ночной атаки текинцевъ, которую, по всѣмъ признакамъ, слѣдовало ожидать. Дѣйствительно, въ 2 часа пополуночи, непріятель съ криками и выстрѣлами сталъ приближаться къ расположенію нашихъ войскъ. Но мертвая тишина, царившая въ станѣ русскихъ, совершенно смутила и устрашила текинцевъ, и они отступили. На слѣдующій день, въ 5 часовъ утра, отрядъ началъ дальнѣйшее движеніе къ Бами. Непріятель только издали слѣдилъ за отступленіемъ нашихъ войскъ, не рѣшаясь ихъ атаковать. 10-го іюля отрядъ прибылъ въ Бами. Рекогносцировка стоила намъ 3-хъ убитыхъ, 8 раненыхъ и 8 контуженныхъ нижнихъ чиновъ. Слухи о движеніи отряда къ Геокъ-тепе разнеслись по всей Средней Азіи и произвели громадное впечатлѣніе. Разсказывали, что наши войска уже овладѣли Ахалтекинскимъ оазисомъ, причемъ убито было 15,000 текинцевъ. Генералу Скобелеву рекогносцировка 6-го іюля дала возможность на дѣлѣ познакомиться съ противникомъ, о которомъ, послѣ штурма крѣпости въ 1879 году, ходили самые разнорѣчивые и преувеличенные слухи. Осязательные результаты рекогносцировки Геокъ-тепе заключались въ слѣдующемъ: атаку крѣпости надлежало вести отъ Янги-кала, такъ какъ мы, имѣя въ рукахъ истоки ручья Секизъ-ябъ, становились на пути отступленія непріятеля, ибо отъ Янги-кала шла дорога къ персидскому селенію Гярмабъ. Наконецъ со стороны Янги-кала грунтъ земли благопріятствовалъ траншейнымъ работамъ. Въ виду того, что Скобелевъ предпола-

[8]) Гродековъ. Томъ II, стр. 139.

галъ взять Геокъ-тепе правильной атакой, въ Закаспійскій край было отправлено 10 полупудовыхъ мортиръ.

Еще въ то время, когда отрядъ нашъ находился подъ Геокъ-тепе, въ тылу его, въ особенности въ Копетдагскихъ горахъ, появились небольшія шайки текинцевъ. Копетдагскій хребетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ цѣпей съ глубокими котловинами, представлялъ большія удобства для партизанскихъ дѣйствій со стороны непріятеля, хорошо знакомаго съ мѣстностью и со всѣми проходами въ горахъ. Текинцы преимущественно сосредоточились около Бендесенскаго перевала, гдѣ находился прекрасный родникъ, и отсюда производили нападенія.

Для противодѣйствія непріятелю, генералъ Скобелевъ рѣшилъ занять Бендесенъ войсками и образовать охотничью команду, которая предупреждала бы нападенія текинцевъ и давала знать о появленіи партій. 13-го іюля въ Бендесенъ прибыла рота Самурскаго полка, а черезъ недѣлю изъ Терсакана пришла еще 13-я рота Апшеронцевъ, подъ командою поручика Коркмасова. Кромѣ того, въ составѣ бендесенскаго гарнизона находились два полевыя орудія.

Дѣятельность непріятеля въ іюлѣ мѣсяцѣ выразилась въ нападеніяхъ на джигитовъ, перевозившихъ почту, и нападеніи на каракалинцевъ, заготовлявшихъ, въ 12 верстахъ отъ Терсакана, сѣно для отряда.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ наша новая коммуникаціонная линія отъ Михайловскаго залива до Бами получила окончательное устройство и по ней начали отправляться транспорты съ верблюдами, необходимыми для отряда при предстоявшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. На новой линіи пока были заняты слѣдующіе пункты: Кизилъ-арватъ, Мулла-кари и Михайловскій заливъ, а впослѣдствіи къ нимъ прибавились еще Ахча-куйма и Казанджикъ.

Между тѣмъ извѣстія о наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны текинцевъ усиленно распространялись; лазутчики утверждали, что въ Геокъ-тепе состоялся совѣтъ, на которомъ рѣшено направиться къ Бендесенскому перевалу, овладѣть укрѣпленіями Бендесеномъ и Ходжакалой, послѣ чего обрушиться на Бами и уничтожить его гарнизонъ. Съ этой цѣлью изъ Геокъ-тепе посылались 4,000 пѣхоты и 400 человѣкъ конницы.

По заранѣе составленному плану, непріятельская пѣхота раздѣлялась на двѣ части: одна — подъ предводительствомъ Хазретъ-Кули-хана и Овазъ-Дурды-хана — направлялась къ Бендесену, а другая — должна была прервать сообщенія между Бами и Бендесеномъ. Затѣмъ обѣ партіи, соединясь, устремлялись въ Бами. Извѣстія лазутчиковъ не замедлили оправдаться. 30-го іюля непріятель выступилъ изъ Геокъ-тепе; пѣшіе текинцы направились песками, а конница двинулась вдоль Копетдагскаго хребта. Но непріятель далеко не ушелъ: дойдя до Мегина, непріятельская пѣхота узнала, что русскіе вновь идутъ на Геокъ-тепе, поэтому текинцы поспѣшно двинулись назадъ для защиты своей крѣпости. Непріятельская же конница, подъ предводительствомъ Тыкма-сардара, пошла впередъ. Чтобы объяснить отступленіе текинцевъ, намъ придется возвратиться нѣсколько назадъ.

Когда командующій войсками передовой линіи и начальникъ баминскаго гарнизона, полковникъ Вержбицкій, получилъ извѣстіе о наступленіи текинцевъ, то онъ притянулъ въ Бами изъ Бендесена 13-ю роту Апшеронцевъ и затѣмъ, вечеромъ, 30-го іюля, выступилъ изъ Бами къ Арчману съ Апшеронскою и Самурскою ротами, при 4 дальнобойныхъ орудіяхъ и ракетной сотнѣ.

Въ 8 часовъ утра, на слѣдующій день, эта небольшая колонна прибыла въ Арчманъ, но текинцевъ здѣсь не застала. Простоявъ тутъ до 3-хъ часовъ, и узнавъ, что текинцы возвращаются, Вержбицкій снялся съ бивака и двинулся въ Бами, куда и прибылъ на другой день. По окончаніи движенія, 13-я рота Апшеронцевъ возвратилась въ Бендесенъ.

Въ то время, какъ полковникъ Вержбицкій двигался къ Арчману, партія Тыкма-сардара произвела нападеніе на Ходжакала и, съ самаго начала, успѣла захватить 720 барановъ и 12 быковъ, пасшихся внѣ укрѣпленія. На другой день Тыкма-сардаръ, послѣ неудачной попытки овладѣть укрѣпленіемъ, началъ отступать. Въ преслѣдованіе партіи вышла часть гарнизона Ходжакалы; въ 12 верстахъ отъ укрѣпленія хвостъ партіи былъ настигнутъ и, во время происшедшей перестрѣлки, непріятель потерялъ 18 убитыхъ, оставленныхъ на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, отбить обратно захваченный скотъ не удалось. Это было послѣднее серьезное предпріятіе текинцевъ противъ нашихъ укрѣпленій.

Глава Двадцать Четвертая.

Дислокація войскъ въ августѣ.— Воспоминанія участника экспедиціи. — Назначеніе въ 4-й баталіонъ.— Отъ Тифлиса до Чекишляра.— Командиръ баталіона князь Магаловъ.— Отъ Чекишляра до Чата.— Стоянка въ Чатѣ.—Пріѣздъ Скобелева. —Въ поискахъ за гохланами.— Выступленіе въ Бами.— Дузъ-олумъ.— Нѣсколько словъ о взаимныхъ встрѣчахъ частей.— Терсаканъ.— Куначество между Апшеронцами и Ширванцами.— Укрѣпленія Ходжака, Бендесена и Бами.— Жизнь въ Бами.— Нападенія текинцевъ.— Развлеченія офицеровъ бамійскаго гарнизона.— Хожденіе съ транспортами.— Нападеніе текинцевъ на транспортъ подпоручика Васильева.— Вмѣшательство маіора Мартынова.— Потери полуроты.— Общее наступленіе къ Геокъ-тепе.— Снаряженіе солдатъ.— Выступленіе перваго эшелона.— Отъ Бами до Келете.— Движеніе изъ Дузъ-олума кавалерійской колонны.— Отбитіе текинской баранты.— Занятіе Егянъ-батыръ-кала.— Рекогносцировка 4-го декабря.— Обратное движеніе.— Баталіонный докторъ Троцкій.— Лунное затмѣніе.— Потери отряда.— Рекогносцировка 11-го и 12-го декабря.— Занятіе Янги-кала. —Занятіе «Правофланговой» и «Ольгинской» кала. — Дѣло 23-го декабря. —Начало траншей.—Вылазка текинцевъ 28-го декабря.— Смерть Магалова, Чикарева, Готто и Троцкаго.— Потеря знамени.— Подвигъ солдатъ 14-й роты.— Ночные поиски за знаменемъ.— Угнетенное состояніе офицеровъ и солдатъ.— Перенесеніе лагеря.— Овладѣніе Великокняжеской калой.— Вылазка 30-го декабря.— 3-й баталіонъ Апшеронцевъ отбиваетъ нападеніе текинцевъ на лѣвый флангъ. — Встрѣча новаго года на мортирной батареѣ. — Неудачная вылазка текинцевъ 4-го января. — Ночная буря. — Перемиріе 7-го января. — Попытка произвесть 8-го января динамитный взрывъ въ бреши.— Ходъ работъ въ минахъ.— Динамитный взрывъ 11-го января.— Приготовленія къ штурму.— Переходъ 4-го баталіона съ праваго фланга на лѣвый.— Апшеронская брешь.— Диспозиція къ штурму.— Штурмъ Геокъ-тепе 12-го января.— Овладѣніе стѣнами крѣпости.— Бой между кибитками.—Занятіе холма Денгиль-тепе.— Преслѣдованіе текинцевъ за стѣнами крѣпости.— Знамя Апшеронцевъ найдено.— Потери отряда и потери Апшеронцевъ.— Потери текинцевъ.— Аламанъ въ крѣпости.— Высочайшее повелѣніе о возвращеніи 4-му баталіону Апшеронскаго полка знамена.— Жизнь подъ Геокъ-тепе до выступленія въ штабъ-квартиру.— Отъ Геокъ-тепе до Красноводска.— Жизнь въ Красноводскѣ.— Штабъ-квартира Ишкарты. — Переходъ полка въ Шуру.— Стрѣлковое и строевое дѣло въ полку. — Поднятіе вопроса объ исторіи полка. — Самоубійство полковника Чижикова.— Новый командиръ полка и его заботы по составленію исторіи полка и украшеніе полковаго собранія.— Лагерь въ Баку.— Представленіе двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ Его Императорскому Величеству. — Августѣйшій Шефъ принимаетъ дѣятельное участіе въ составленіи и изданіи исторіи полка.— Награды за Ахалъ-текинскую экспедицію.

Согласно дислокаціи войскъ Закаспійскаго края на августъ мѣсяцъ 1880 года, 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка расположенъ былъ слѣдующимъ образомъ: 13-я рота, подъ командою поручика Коркмасова, находилась въ составѣ бендесенскаго гарнизона; 14-я рота—подпоручика Чикарева,—стояла въ Терсаканѣ; 15 рота — поручика Бениславскаго и 16 рота—подпоручика Коробкова — въ укр. Чатѣ. Въ непродолжительномъ времени ожидалось прибытіе въ Закаспійскій край 3-го баталіона Апшеронскаго полка, вытребованнаго генераломъ Скобелевымъ для усиленія дѣйствующихъ войскъ [1]).

Дальнѣйшее описаніе Ахалтекинской экспедиціи мы заимствуемъ изъ воспоминаній одного изъ офицеровъ Апшеронскаго полка — участника экспедиціи.

«Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1880 года я, въ числѣ другихъ офицеровъ-охотниковъ изъ полковъ кавказской гренадерской дивизіи, назначенъ былъ для участія въ предстоявшей Скобелевской экспедиціи. Каждому изъ насъ предоставлялось право выбора полка 21-й пѣхотной

[1]) 12 рота прибыла въ Чекишляръ 3 сентября, 9 и 12-я роты высажены въ Красноводскѣ 11 сентября, а 11-я рота—13 сентября.

дивизіи, въ которомъ пожелали-бы мы служить. Мало знакомый съ полками этой дивизіи, я выбралъ на-удачу первый полкъ — Апшеронскій, въ чемъ никогда и не раскаявался. Мнѣ особенно посчастливилось: въ то время, когда многіе изъ офицеровъ гренадерской дивизіи отправлены были въ штабъ-квартиры полковъ, откуда они уже не попали въ экспедицію, я, по волѣ Августѣйшаго Главнокомандующаго Кавказской арміей, Великаго Князя Михаила Николаевича, получилъ предписаніе отправиться въ 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка, который, какъ извѣстно, находился въ Закаспійскомъ краѣ. Сборы мои были коротки и заключались въ покупкѣ азіатской шашки и револьвера, а 20-го іюля я уже мчался на перекладныхъ въ Баку.

«Я рѣшительно не имѣлъ представленія о томъ краѣ, въ который я, полный самыхъ радужныхъ надеждъ, съ такою жадностью рвался. Благодаря вранью нашихъ досужихъ корреспондентовъ, у меня сложилось убѣжденіе, что Ахалъ-теке — это обѣтованная земля, гдѣ ростутъ лимоны, апельсины, пальмы и прочія чудныя растенія тропической полосы. А въ одномъ изъ нѣмецкихъ иллюстрированныхъ журналовъ, не помню теперь въ какомъ, мнѣ попалось изображеніе укрѣпленія Чата, въ видѣ города, съ двухъэтажными домами и съ разъѣзжающими по улицѣ колясками, съ надписью: «Die Stadt Tschad» — и я, по своей наивности, повѣрилъ, что дѣйствительно въ Закаспійскомъ краѣ существуютъ уже города съ двухъэтажными зданіями и со всѣми атрибутами цивилизаціи. Впрочемъ, такому моему легкомыслію въ самомъ непродолжительномъ времени предстояло весьма полное и горькое разочарованіе.

«Послѣ пятидневнаго утомительнаго путешествія на перекладныхъ, я, наконецъ, пріѣхалъ въ Баку, и черезъ день сѣлъ на паровую шхуну общества Кавказъ и Меркурій «Тамару», которая должна была перевезти меня на восточный берегъ Каспійскаго моря. Погода была прекрасная, и мы - пассажиры пароходные, безъ всякихъ злоключеній, добрались до Красноводска — единственнаго въ Закаспійскомъ краѣ города, если только такимъ громкимъ названіемъ можно окрестить полтора десятка каменныхъ построекъ и десятка два деревянныхъ балагановъ - красноводскихъ магазиновъ. Жара стояла невыносимая, такъ что я — полукавказецъ, привыкшій къ жарѣ, страдалъ отъ нея въ Красноводскѣ. Видъ этого города, построеннаго на скалистой мѣстности, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой растительности, уже породилъ во мнѣ сомнѣніе на счетъ роскоши природы въ Закаспійскомъ краѣ. Въ Красноводскѣ наша шхуна простояла всего только 4 часа и затѣмъ мы поѣхали въ Чикишляръ.

«Вообще весь восточный берегъ Каспійскаго моря отличается мелководіемъ, что мы, имѣли случай наблюдать и у Чекишляра: пароходъ нашъ остановился верстахъ въ четырехъ отъ берега. Вскорѣ къ «Тамарѣ» подъѣхали туркменскія лодки, въ одну изъ нихъ сѣлъ и я, помѣстивъ возлѣ себя свой тощій прапорщичій багажъ. На пристани стояло нѣсколько офицеровъ и въ числѣ ихъ подполковникъ Апшеронскаго полка; онъ былъ кругленькій, подвижной человѣкъ, съ весьма симпатичнымъ лицомъ кавказскаго типа,—это былъ мой командиръ баталіона, князь Магаловъ, о чемъ я узналъ отъ стоявшихъ по близости офицеровъ. Я немедленно ему представился и получилъ приглашеніе расположиться у него въ кибиткѣ.

«Постъ Чекишляръ расположенъ у самаго берега, на весьма песчаной мѣстности; кругомъ ни одного деревца, ни одного кустика, ни травинки — пески и больше ничего. Каменныхъ построекъ не имѣется, есть только порядочное количество деревянныхъ зданій, изъ коихъ самыя лучшія были домикъ Скобелева и временный госпиталь. Гарнизонъ и различныя управленія помѣщались въ войлочныхъ кибиткахъ, или—какъ тутъ ихъ называли —

юламейкахъ. Несмотря на такую неприглядную внѣшность, въ Чекишлярѣ замѣчалось весьма большое оживленіе, вслѣдствіе присутствія множества различныхъ ресторановъ и лавокъ, въ которыхъ по вечерамъ собирались почти всѣ офицеры проводить время за картами или виномъ.

Въ Чекишлярѣ, въ обществѣ князя Магалова, я прожилъ пять дней, въ ожиданіи транспорта, съ которымъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту своего служенія—въ укр. Чатъ.

Житье въ одной кибиткѣ дало мнѣ возможность ближе ознакомиться съ моимъ начальникомъ. Это былъ добрѣйшій и деликатнѣйшій человѣкъ, въ числѣ добродѣтелей котораго выдѣлялись: замѣчательная чистоплотность и идеальное отношеніе къ женщинамъ. Первое качество князя доходило у него подчасъ до смѣшнаго, если касалось его постели; боясь, чтобы кто нибудь посторонній не сѣлъ на его кровать, онъ обыкновенно всю ее закрывалъ газетами. Сюртука Магаловъ въ походѣ избѣгалъ носить и надѣвалъ его только въ тѣхъ случаяхъ, когда того требовало офиціальное представленіе начальству; обыкновенный-же его костюмъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимой,—составлялъ китель, брюки на выпускъ и неизбѣжныя перчатки. О всѣхъ женщинахъ князь былъ самаго высокаго мнѣнія, любилъ о нихъ говорить, хотя знакомства съ ними избѣгалъ самымъ тщательнымъ образомъ. Лошадей нашъ баталіонеръ боялся; своего аргамака, смирнѣйшаго мерина, онъ считалъ очень злымъ и никогда на него не садился, отговариваясь тѣмъ, что любитъ ходить пѣшкомъ.

«Купивъ себѣ лошадь и нѣкоторыя вещи, необходимыя въ походной жизни, я 8-го августа выѣхалъ съ транспортомъ въ Чатъ, гдѣ стояла 15-я рота, въ которую меня назначилъ князь Магаловъ.

«Еще въ Чикишлярѣ я получилъ болѣе опредѣленное представленіе о мѣстѣ моего будущаго служенія; всѣ мои сомнѣнія разлетѣлись, какъ мыльный пузырь, и я очутился лицомъ къ лицу съ печальной дѣйствительностью: ни лимонныхъ, ни другихъ какихъ плодовыхъ деревьевъ мнѣ не предстояло встрѣтить, ибо въ Закаспійскомъ краѣ они совсѣмъ не росли; вся растительность этой страны заключалась въ гребенчукѣ и саксаулѣ да и то растущемъ только по немногимъ рѣчкамъ. Выступили мы изъ Чекишляра послѣ обѣда, въ 6 часовъ пополудни, когда жара нѣсколько спала; шли часовъ до 12-ти и затѣмъ на открытой равнинѣ расположились на ночлегъ. На другой день, задолго до разсвѣта, тронулись въ путь и, въ часовъ 9 утра, прибыли въ укр. Караджабатыръ. Здѣсь стояли гарнизономъ 2 роты Самурскаго полка; люди имѣли весьма болѣзненный видъ, да они и на самомъ дѣлѣ болѣли очень часто, вслѣдствіе отсутствія хорошей воды. Послѣ 7-ми-часоваго привала, транспортъ нашъ выступилъ дальше. Я тутъ долженъ немного остановиться и сказать нѣсколько словъ о верблюдахъ. Мнѣ еще на Кавказѣ приходилось не разъ видѣть верблюдовъ—и одиночныхъ и тянущихся караваномъ одинъ за другимъ,—при чемъ нѣсколько верблюдовъ соединяютъ другъ съ другомъ веревками, чтобы не растягивался караванъ. Все это представляло довольно оригинальную картину для зрителя. Но совсѣмъ другое я почувствовалъ, когда мнѣ пришлось путешествовать съ этими «кораблями пустыни». При нашемъ транспортѣ находилось около двухсотъ верблюдовъ, везшихъ на себѣ провіантъ для войскъ передоваго отряда; за недостаткомъ верблюдовожатыхъ изъ туркменъ, на таковыя должности назначались солдаты изъ прикрытія, совершенно не знавшіе—какъ обращаться съ верблюдами; поэтому верблюды солдатъ не слушались, часто вырывались изъ рукъ своихъ неопытныхъ вожаковъ или ложились, и тогда никакія понуканія не помогали, и кончалось тѣмъ, что съ упрямаго верблюда снимался вьюкъ, а самъ онъ оставлялся въ полѣ. По приходѣ на ночлегъ верблюды развьючивались и пускались

на пастьбу, а утромъ начиналась навьючка, что сопровождалось всегда невообразимой суматохой: верблюды ревѣли, солдаты кричали, переругивались съ вожаками-туркменами и, въ концѣ-концовъ, слышалась неизмѣнная фраза: «ну, ужь и Азія проклятая»; фраза адресовалась и къ странѣ, и къ верблюдамъ, и къ народу.

«Послѣ довольно, таки утомившаго меня перехода къ Караджабатыру, я спалъ крѣпчайшимъ сномъ, когда меня разбудилъ ревъ верблюдовъ, поднятый въ нашемъ лагерѣ; послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ заснуть подъ этотъ шумъ, я наконецъ всталъ и отъ нечего-дѣлать пошелъ бродить по лагерю. Всѣ мои спутники-офицеры, не разъ ужь извѣдавшіе прелесть совмѣстныхъ съ верблюдами путешествій и привыкшіе къ ихъ реву, спали сномъ праведниковъ. Но солдаты уже проснулись и развели изъ бурьяна костры, на которыхъ грѣли воду въ чайникахъ для чая. Цѣлый часъ мучились солдаты съ верблюдами, наконецъ кое-какъ навьючили ихъ, и транспортъ выступилъ къ Яглы-олуму, второму укрѣпленію на пути къ Чату. Укрѣпленіе Яглы-олумъ расположено недалеко отъ р. Атрека; гарнизонъ его состоялъ изъ роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка; окрестная мѣстность совершенно пустынная, ровная, съ полнымъ отсутствіемъ всякой растительности. Послѣ небольшаго привала, запасшись водою, транспортъ двинулся къ Чату, моему будущему мѣстожительству. Чатъ расположенъ на весьма высокомъ и крутомъ берегу р. Атрека; укрѣпленіе имѣло самый примитивный характеръ: оно состояло изъ невысокаго земляного вала и неглубокаго рва; внутри Чата имѣлся только одинъ домикъ — вѣрнѣе — глиняная мазанка, въ которой одно время жилъ покойный генералъ-адъютантъ Лазаревъ. Большая часть офицеровъ и солдаты помѣщались въ юламейкахъ. Въ укрѣпленіи находился еще деревянный балаганъ, въ которомъ какой-то армянинъ торговалъ махоркой и совершенно высохшими коробками сардинъ. Въ самомъ укрѣпленіи и кругомъ него было множество проваловъ, происхожденіе которыхъ наши доморощенные геологи объясняли существованіемъ обширныхъ подземныхъ галлерей, которыхъ, впрочемъ, никто не видѣлъ. Провалы случались постоянно; одинъ изъ нихъ поглотилъ походную церковь, а въ другой—упалъ казакъ съ лошадью и его съ большимъ трудомъ оттуда извлекли.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы подходили къ Чату; постоянные провалы по обѣимъ сторонамъ узкой дороги къ укрѣпленію чрезвычайно затрудняли движеніе; не помогалъ намъ и костеръ, разведенный въ укрѣпленіи, съ цѣлью указать путь: солдаты и верблюды постоянно сбивались съ дороги, попадали въ обвалы, откуда ихъ потомъ съ большимъ трудомъ приходилось вытаскивать. Наконецъ, уже въ 10 часовъ вечера, мы прибыли въ Чатъ. Я немедленно представился коменданту укрѣпленія, поручику Бениславскому,—командиру 15-й роты, и познакомился со своими сослуживцами; одинъ изъ нихъ высокій и стройный офицеръ, подпоручикъ Коробковъ, былъ командиромъ 16-й роты, а другой—прапорщикъ Кашерининовъ — субалтернъ-офицеромъ этой роты. Оба они жили въ мазанкѣ, куда пригласили и меня, и, такимъ образомъ, у насъ составилась компанія изъ трехъ юныхъ офицеровъ, изъ коихъ мнѣ, самому младшему, едва минуло 19 лѣтъ. Житье въ Чатѣ оставило во мнѣ самыя отвратительныя воспоминанія; жара здѣсь доходила до 55° по Р., а средняя температура не сходила съ 50-ти; чтобы какъ нибудь спасаться отъ этого невыносимаго пекла, мы устроили на рѣкѣ Атрекѣ навѣсъ изъ гребенчука, и почти цѣлые дни жили въ водѣ; но купанье мало помогало, ибо вода сильно нагрѣвалась, и мы въ рѣкѣ сидѣли, какъ въ теплой ваннѣ. Несчастные солдаты изнывали отъ жары; многіе изъ нихъ рыли себѣ глубокія ямы, куда и прятались, и ко всѣмъ прелестямъ частной жизни добавьте еще огромное количество фалангъ, змѣй, скорпіоновъ и другой нечисти, положительно отравлявшей наше и безъ того уже жалкое существованіе. Въ провалахъ водились громадныя

ящерицы, достигавшія иногда полутора аршина длины. Къ 12 часамъ дня выходили мы изъ воды и поднимались по крутому берегу рѣки въ укрѣпленіе, чтобы пообѣдать. Столомъ нашимъ распоряжался Кашериновъ, и тутъ его кулинарныя способности, несмотря на скудность продуктовъ, доходили до виртуозности: сегодня у насъ былъ, положимъ, борщъ изъ прессованной капусты, съ чеснокомъ и на второе пловъ только съ изюмомъ; завтра, мы ѣли уже борщъ безъ чесноку, но за то его въ большемъ количествѣ клали въ пловъ; на послѣзавтра нашъ кормилецъ ухитрялся давать винегредъ изъ сардинокъ, но такого качества, что, поѣвши этого винегреда, я дня два былъ болѣнъ.

«Скука смертельная, книги и газеты совершенно отсутствовали, и мы по вечерамъ занимались игрой въ карты. Оживлялось наше укрѣпленіе только съ приходомъ транспорта; каждый ожидалъ писемъ, газетъ, новыхъ свѣжихъ продуктовъ и пр. Являлись новыя лица, которыхъ мы, по обычному всѣмъ кавказцамъ гостепріимству, принимали съ полнымъ радушіемъ и угощали «чѣмъ Богъ послалъ». Первые вопросы, которыми мы закидывали каждаго прибывшаго въ укрѣпленіе офицера, заключались въ слѣдующемъ: «Что новаго»? «гдѣ Скобелевъ?» и «когда насъ выведутъ изъ этого проклятаго мѣста?» Отвѣты въ большинствѣ случаевъ получались малоутѣшительные, и мы съ нетерпѣніемъ ждали новаго транспорта, чтобы къ новымъ пріѣзжимъ обратиться съ тѣми же вопросами. 20-го августа поручикъ Бениславскій получилъ извѣстіе, что черезъ два дня въ укрѣпленіе Чатъ, проѣздомъ въ Бами, прибудетъ «генералъ»: такъ у насъ въ отрядѣ называли Михаила Димитріевича Скобелева. Въ укрѣпленіи началась чистка, солдаты мыли свои рубахи и чахлы; все принимало праздничный видъ. Я былъ назначенъ командовать почетнымъ карауломъ и, въ 3 часа пополудни, 22-го числа, выстроилъ караулъ у кибитки Скобелева. Черезъ полчаса вдали появилось облако пыли: то ѣхалъ въ простомъ молоканскомъ фургонѣ нашъ генералъ, конвоируемый полусотней казаковъ.

«До того времени я еще не видѣлъ Скобелева; но почти легендарные разсказы о «Бѣломъ генералѣ», создавшіе ему такую популярность въ Россіи и возведшіе его въ циклъ героевъ, возбуждали во мнѣ чрезвычайный интересъ, и я гордился тѣмъ, что буду имѣть честь служить подъ начальствомъ такого героя. Михаилъ Димитріевичъ, выскочивъ изъ фургона, подошелъ къ почетному караулу. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую офицерскую тужурку и красныя кожаныя чакчиры; при немъ не было никакого оружія. Высокая, стройная фигура генерала, его красивое, симпатичное лицо, обрамленное длинными русыми бакенбардами, и проницательный взглядъ его голубыхъ глазъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе; на видъ Скобелеву было лѣтъ 35—36. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, Михаилъ Димитріевичъ спросилъ: какъ моя фамилія, изъ какого я полка и кто командиръ полка? Получивъ на все отвѣты, Михаилъ Димитріевичъ пожелалъ мнѣ счастливо служить и затѣмъ поздравилъ насъ, офицеровъ, и солдатъ со скорымъ выступленіемъ въ Бами и скорымъ походомъ къ Геокъ-тепе[2]. Мое перо слишкомъ слабо, чтобы описать тотъ энтузіазмъ и радость, которые обуяла всѣхъ насъ при вѣсти о скоромъ оставленіи «растриклятаго Чада», какъ называли солдаты наше злополучное укрѣпленіе. Пѣсни солдатъ и ихъ веселый говоръ не умолкалъ почти до полуночи. Генералъ Скобелевъ ходилъ между группами солдатъ и спрашивалъ, не осталось-ли въ ротахъ солдатъ, участвовавшихъ въ хивинскомъ походѣ. Одинъ такой нашелся: это былъ псаломщикъ, ефрейторъ Лебедевъ. Скобелевъ подарилъ ему 10 рублей и обѣщалъ при первомъ же дѣлѣ дать Георгіевскій крестъ. На другой день, съ разсвѣтомъ Михаилъ Димитріевичъ выѣхалъ въ Дузъ-олумъ. Однако

[2]) Согласно дислокаціи войскъ, составленной 20-го августа, 13, 14 и 15 роты назначались въ составъ гарнизона укр. Бами, а 16-я рота въ Кизилъ-арватѣ.

намъ еще не такъ скоро пришлось распроститься съ Чатомъ, ибо передвиженіе войскъ совершалось очень медленно, да и не прибыли еще съ Кавказа части, потребованныя начальникомъ экспедиціи на усиленіе войскъ дѣйствующаго отряда.

«31-го августа поручикъ Бениславскій получилъ секретное предписаніе о томъ, что между Яглы-олумомъ и Чатомъ появилась партія гохлановъ (туркменское племя), имѣющихъ намѣреніе произвести нападеніе на одинъ изъ нашихъ транспортовъ; поэтому Бениславскому предписывалось сформировать охотничью команду и отправить ее въ Текенджикъ (на половинѣ дороги между Чатомъ и Яглы-олумомъ). Комендантъ выбралъ 40 человѣкъ бравыхъ солдатъ, приказалъ имъ взять по 60-ти патроновъ, а начальникомъ команды назначилъ меня. Это была моя первая боевая экскурсія въ Закаспійскомъ краѣ, въ которую я отправился съ большимъ удовольствіемъ.

«Того же числа, послѣ ранняго обѣда, я выступилъ въ Текенджикъ. День былъ пасмурный, слегка моросило. Для насъ, изнывавшихъ отъ постоянной жары, такой день былъ истиннымъ благодѣяніемъ; я, по обыкновенію, отправился только въ бѣлой лѣтней блузѣ, а солдаты предусмотрительно захватили съ собою и шинели. Шли мы по берегу Атрека, чтобы хищники, если только они находились гдѣ либо по близости, не замѣтили насъ и не дали тягу. Послѣ четырехъ часовъ марша, прибылъ я въ Текинджикъ и въ одной изъ ближайшихъ котловинъ скрылъ свою команду. Наступила ночь и притомъ очень холодная; попрѣжнему моросило и поднялся вѣтеръ. Скоро я до такой степени измокъ и такъ продрогъ, что положительно у меня зубъ на зубъ не попадалъ. Одинъ изъ солдатъ, сжалившись надъ моею горькою судьбиною, снялъ съ себя шинель и предложилъ мнѣ. Какъ ни совѣстно было лишать солдата шинели, тѣмъ не менѣе отказаться отъ предложенной такъ великодушно помощи, при моемъ плачевномъ положеніи, я считалъ глупымъ и, укрывшись шинелью, я присѣлъ у телеграфнаго столба, согрѣвая себя отъ времени до времени папиросами. Надежды мои на встрѣчу съ партіей начали понемногу улетучиваться. «Какой чортъ», думалъ я, «станетъ рыскать въ эту анаѳемскую погоду, когда добрый хозяинъ и собаку-то не выгонитъ». А вѣтеръ, какъ на зло, усиливался, а вмѣстѣ съ нимъ и холодъ. Такъ просидѣли мы до самаго утра, не видѣвши ни одного гохлана; только вдали блуждалъ брошенный какимъ то транспортомъ истомленный верблюдъ. Получивъ приказаніе на слѣдующій день возвратиться, я въ 9 часовъ выступилъ обратно въ Чатъ, куда и прибылъ около 2 часовъ пополудни.

«Черезъ два дня (3-го сентября) прибыла въ Чатъ рота Дагестанскаго полка, а мы, собравъ свои пожитки, на другой день выступили въ Бами. Дорога отъ Чата на разстояніи 21 версты тянется сначала по берегу Сумбара, притока р. Атрека, а затѣмъ сворачиваетъ влѣво; мѣстность совершенно ровная и грунтъ земли глинистый. Къ вечеру пришли къ переправѣ Харъ-олумъ, гдѣ имѣли ночлегъ. На другой день, съ разсвѣтомъ, переправившись на правый берегъ рѣки Сумбара, наша колонна двинулась въ Дузъ-олумъ. Мѣстность начала измѣняться: сначала появились небольшіе холмы, которые вскорѣ замѣнились невысокими горами, — то были отроги Копетдагскаго хребта. Дорога проходила между горами, и здѣсь мы поохотились, вѣрнѣе погоняли, каменныхъ барановъ, ибо эти животныя настолько осторожны, что ближе, чѣмъ на 800 шаговъ, къ себѣ не подпускали. У самаго Дузъ-олума, мы опять переправились черезъ Сумбаръ и, по крутому, высокому подъему, взобрались въ укрѣпленіе, гдѣ имѣли ночлегъ. У насъ, военныхъ, знакомство, а въ особенности въ походѣ, завязывается очень быстро; не успѣли мы прійдти въ укрѣпленіе, не успѣли еще расположиться роты, какъ всѣ офицеры уже разобраны были по кибиткамъ, гдѣ насъ ожидало, правда, незатѣйливое, но приправленное душевнымъ радушіемъ и сердечною простотою, уго-

щеніе. Такое угощеніе встрѣчали мы вездѣ, куда бы ни приходили: это былъ традиціонный кавказскій обычай, отступать отъ котораго считалось преступленіемъ и срамомъ. И нельзя безъ чувства особеннаго, глубокаго уваженія отнестись къ такому патріархальному обычаю, который еще во всей своей силѣ живетъ у насъ, на Кавказѣ.

«На разсвѣтѣ, 6-го сентября, выступили къ Терсакану. Отъ Дузъ-олума дорога все время шла по отрогамъ Копетдага; это былъ самый трудный переходъ по Чекишлярской военной линіи; множество спусковъ и крутыхъ подъемовъ чрезвычайно утомляли войска; воды по дорогѣ не было; правда, по близости протекалъ Сумбаръ, но вода въ немъ заключала значительное количество минеральныхъ солей и пить ее, при всемъ желаніи, не представлялось возможнымъ. Сумбаръ, въ видѣ ленты, извивался на днѣ глубокаго оврага; по берегу его росли кусты, а иногда попадался и довольно порядочный лиственный лѣсъ, въ которомъ водилось очень много фазановъ. Не доходя нѣсколькихъ верстъ до Терсакана, мы спустились въ узкую долину Сумбара и слѣдовали ею вплоть до самаго укрѣпленія. Укрѣпленіе Терсаканъ расположено, хотя и въ каменистой, но не лишенной растительности мѣстности. Вода здѣсь очень хорошая.

«Въ Терсаканѣ стояли Апшеронцы (14-я рота и штабъ баталіона) и Ширванцы. Здѣсь насъ уже ждали, и встрѣча, подготовленная для насъ, превосходила всѣ ожиданія. За цѣлую версту отъ укрѣпленія стали попадаться группы офицеровъ и солдатъ Апшеронцевъ, вышедшихъ на встрѣчу своимъ однополчанамъ. Въ ротахъ поднялся оживленный говоръ, начались шутки и смѣхъ. У входа въ укрѣпленіе роты были встрѣчены командиромъ баталіона, княземъ Магаловымъ; здѣсь же находились остальные офицеры Апшеронскіе и Ширванскіе. Они повели насъ — офицеровъ — въ большую кибитку, гдѣ уже приготовленъ былъ обѣдъ, а солдаты отправились угощаться въ роты. Намъ, чатскимъ жителямъ, предложенный обѣдъ и закуски, гдѣ фигурировали разные маринаты, колбаса, сыръ и прочія, въ сущности, незатѣйливыя явства—показались просто лукуловскимъ пиромъ, ибо уже почти полтора мѣсяца какъ, кромѣ прессованной капусты, ничего другаго не ѣли. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Пили за здоровье командира баталіона, за здоровье другъ друга и не обошлось безъ обычнаго тоста Апшеронцевъ—«за добрыхъ, славныхъ кунаковъ Ширванцевъ».

«Трогательна, поучительна и достойна подражанія дружба Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ; она началась на поляхъ Турціи еще въ царствованіе Императрицы Екатерины, продолжалась на поляхъ Франціи во время наполеоновскихъ войнъ и вполнѣ окрѣпла въ многолѣтней Кавказской войнѣ. Здѣсь оба полка не разъ встрѣчались, не разъ имъ приходилось выручать другъ друга; часто жертвуя за это жизнью; они вполнѣ оцѣнили другъ друга и прониклись обоюднымъ уваженіемъ и любовью. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не трогательный эпизодъ, когда подъ стѣнами Хивы, Апшеронцы, взявши уже два орудія, просятъ генерала Веревкина «честь взятія третьяго орудія предоставить ихъ кунакамъ Ширванцамъ». Всегда непобѣдима будетъ та армія, въ которой между частями существуетъ такая любовь; онѣ скорѣе всего лягутъ костьми, но ужь другъ друга не оставятъ безъ помощи.

«И, впослѣдствіи, при вполнѣ уже мирной обстановкѣ, мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ дружбы двухъ этихъ полковъ; она существуетъ не только между офицерами, но и между солдатами и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Утромъ, 17-го сентября, три роты баталіона выступили изъ Теркасана, чтобы слѣдовать къ своимъ новымъ стоянкамъ: 14 и 15 роты въ Бами, а 16 рота—въ Кизилъ-арватъ; 13-я же рота еще раньше передвинута была въ Бендесенъ.

«Роты были мирнаго состава; въ каждой численность людей не превышала 75 че-

ловѣкъ, кромѣ унтеръ-офицеровъ; офицеровъ недостовало, такъ что ротами командовали подпоручики [3]).

«Ночлегъ баталіонъ имѣлъ въ Маргызѣ: такъ назывались колодцы, въ 22-хъ верстахъ отъ Терсакана, вырытые еще въ 1879 году; но вода въ нихъ была настолько солона, что ея не могли пить даже неприхотливые верблюды. Поэтому мы довольствовались водою, взятою изъ Терсака́на. Съ разсвѣтомъ тронулись дальше. Дорога опять проходила между горами; мѣстность кругомъ носила характеръ пустыни: ни одной травинки, ни одного животнаго, и только часто попадавшіяся по дорогѣ фаланги и змѣи свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь еще не все вымерло. Выйдя изъ горъ, роты спустились въ обширную долину, въ которой росъ мѣстами лѣсъ и было много травы; долину орошалъ довольно широкій съ прѣсной холодной водой ручей. Послѣ Кавказа, мнѣ впервые пришлось встрѣтить такую мѣстность, гдѣ взоръ, не утомляемый однообразіемъ пустыни, могъ хотя нѣсколько минутъ отдохнуть при видѣ зелени. На солдатъ такое рѣзкое и рѣдкое въ Закаспійскомъ краѣ измѣненіе мѣстности также, повидимому, произвело весьма пріятное впечатлѣніе: они сразу повеселѣли—и въ ротахъ раздались пѣсни. Солдаты подбавили шагу и, въ 9 часовъ утра, мы пришли въ Ходжакала. Здѣсь 16-я рота отдѣлилась и пошла прямою дорогою въ Кизилъ-арватъ, назначенный стоянкою; по дислокаціи 20-го августа, а остальныя роты двинулись дальше. На пути къ Бендесену, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ходжакала, стояли развалины древней крѣпости Чухуръ-кала; въ давно-отдаленныя времена она вѣроятно играла какую нибудь роль, теперь же это были жалкія руины, служившія обиталищемъ совъ и шакаловъ. Бендесенское укрѣпленіе расположено на высокой горѣ, у подошвы которой течетъ ручей.

«Переночевавъ въ Бендесенѣ, двѣ наши роты отправились въ Бами. Дорога по песчаной мѣстности поднималась въ гору; путь былъ очень трудный, ибо не рѣдко попадались мѣста изъ сыпучаго и глубокаго песку. Но впервые здѣсь я увидѣлъ лѣсъ, растущій въ пескахъ; онъ былъ, правда, очень рѣдкій, и скорѣе походилъ на кусты, но порода его была лиственная. Поднявшись на Бендесенскій перевалъ Копетдагскаго хребта, мы начали спускаться въ Ахалъ-текинскій оазисъ. Ширина дороги, по которой шли роты, не превышала и двухъ аршинъ; съ одной стороны ея находились глубокіе овраги. По сѣверному склону хребта росъ уже довольно порядочный лѣсъ; по многочисленнымъ балкамъ встрѣчалось множество дикихъ куръ, преспокойно разгуливавшихъ цѣлыми стадами и въ одиночку. Спустившись съ перевала, колонна втянулась въ скалистое ущелье, по которому протекаетъ довольно широкій ручей; воды его орошали поля жителей селенія Бами. Наконецъ добрались мы и до Бами. Укрѣпленіе построено по обѣимъ сторонамъ ручья, верстахъ въ двухъ отъ селенія Бами; обнесено оно невысокимъ валомъ. Внутри укрѣпленія находились различные продовольственные и боевые склады; громадные бунты мѣшковъ съ мукою и овсо́мъ, какъ горы, возвышались посреди укрѣпленія. Внутри стояла небольшая мазанка—домикъ генерала Скобелева—и по близости устроены купальни для офицеровъ и нижнихъ чиновъ: это были довольно большія ямы, выложенныя внутри камнемъ. Наши двѣ роты расположились на сѣверо-западной сторонѣ укрѣпленія. Жизнь бамійскаго гарнизона проходила при вполнѣ боевой обстановкѣ:—здѣсь уже чувствовалась близость текинцевъ, которые почти каждую ночь подползали къ укрѣпленію, съ цѣлью убить какого-нибудь изъ зазѣвавшихся часо-

[3]) Вотъ списокъ офицеровъ баталіона: командиръ баталіона подполковникъ князь Магаловъ; помощникъ его и завѣдующій хозяйствомъ—штабсъ-капитанъ Скуфати; адъютантъ—прапорщикъ Лебединскій; казначей—подпоручикъ Воропановъ; дѣлопроизводитель—подпоручикъ Шіяновскій; командиры ротъ: 13-й—поручикъ Коркмасовъ, 14-й—подпоручикъ Чикаревъ, 15-й (въ которой состоялъ и я)—поручикъ Бениславскій; 16-й—подпоручикъ Коробковъ. Субалтернъ-офицеры: подпоручики—Готто, Поповъ и Рудневъ; прапорщики: Богуславскій, Кашеринивовъ, Сабецкій и Усачевъ.

выхъ и воспользоваться потомъ его ружьемъ. Большею частью на ночныя экскурсіи текинцы выходили по два или по три человѣка. Они снимали съ себя рубахи и смазывали тѣло жиромъ, чтобы труднѣе было ухватиться за нихъ.

«На ночь ставилась за укрѣпленіемъ цѣпь постовъ и ежечасно посылались патрули для провѣрки постовъ. Однако, не смотря на всѣ мѣры осторожности, текинцамъ не разъ удавалось близко подкрадываться къ часовымъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ они даже успѣвали поранить. Въ ночь же на 30-е сентября былъ такой случай. Патруль, состоявшій изъ двухъ солдатъ роты Красноводскаго баталіона, обходя посты, неожиданно для себя наткнулся въ камняхъ на трехъ совершенно голыхъ текинцевъ; они бросились на солдатъ, поранили ихъ и унесли ружья. Каждую ночь, какъ только въ передовой цѣпи завязывалась перестрѣлка, роты бамійскаго гарнизона выстраивались на своихъ фасахъ въ ружье; перестрѣлка стихала—и люди опять расходились по кибиткамъ. Днемъ гарнизонъ укрѣпленія занятъ былъ тяжелыми работами: солдаты складывали ежедневно подвозимый провіантъ въ бунты и улучшали оборонительную линію укрѣпленія, а ночью начиналась боевая служба, и, такимъ образомъ, солдату рѣдко приходилось хорошо выспаться. Но за то пища въ ротахъ была превосходная: такую, я думаю, рѣдко приходится ѣсть и въ мирное время, въ штабъ-квартирѣ; солдатамъ отпускалась такъ называемая «морская порція» и ежедневно они пили чай. Въ октябрѣ нападенія текинцевъ усилились по всей линіи. 7-го октября Тыкма-сардаръ съ конною партіей напалъ на транспортъ, шедшій изъ Буджнурда въ Нухуръ. Въ виду послѣдняго селенія, текинцы разбили транспортъ, 10 человѣкъ убили, а около 40 увели въ плѣнъ; кромѣ того, угнали 2,000 барановъ, принадлежавшихъ нухурцамъ. Послѣ того непріятель окружилъ сел. Нухуръ, съ цѣлью взять его и разорить. Начальникъ войскъ передоваго отряда, полковникъ Вержбицкій, получивъ извѣстіе о плачевномъ положеніе Нухура, послалъ на выручку ему изъ Бендесена одну роту и охотничью команду, подъ начальствомъ подполковника Гайдарова. Когда колонна наша показалась въ виду селенія, то непріятельская партія отступила. Для меня жизнь въ Бами всегда будетъ служить пріятнымъ воспоминаніемъ: — я здѣсь не скучалъ. Для офицеровъ гарнизона была устроена въ большомъ наметѣ библіотека, куда мы сходились почитать и побесѣдовать. Еженедѣльно по вечерамъ въ этомъ наметѣ устраивались въ складчину «журъ-фиксы», или литературно-вокально-инструментальные вечера. Музыкальную и вокальную часть исполнялъ саперный офицеръ Васильевъ, игравшій на какой-то балалайкѣ и обладавшій довольно пріятнымъ теноромъ; литературный отдѣлъ былъ не особенно затѣйливъ: онъ по большей части состоялъ изъ анекдотовъ и разсказовъ довольно-таки игриваго содержанія, и на этомъ поприщѣ отличался мичманъ Голиковъ. Публики собиралось всегда много; устраивался чай, пуншъ, пили вино и играли въ карты, но только не въ азартныя игры, ибо Скобелевъ ихъ запретилъ, да и «дѣдъ», такъ мы называли полковника Вержбицкаго, этого не любилъ.

Вскорѣ по приходѣ нашемъ въ передовой пунктъ, стоявшая въ Бендесенѣ 13-я рота смѣнена была 14-й, и прибыла въ Бами. 14-я рота ежедневно уходила въ горы для рубки лѣса для телеграфныхъ столбовъ. Работа эта была чрезвычайно трудная; приходилось лазить по скаламъ, гдѣ росли купы деревьевъ. Этой же ротѣ пришлось и устанавливать телеграфные столбы между Бендесеномъ и Бами. 21-го октября, во время работы, солдаты замѣтили нѣсколько человѣкъ текинцевъ, которые поспѣшно взбирались на скалы, съ цѣлью уйти. Командиръ роты, подпоручикъ Чикаревъ, отправилъ въ погоню за текинцами полувзводъ, который и успѣлъ убить двухъ хищниковъ.

Въ началѣ октября нашъ баталіонный казначей, подпоручикъ Воропановъ, назначенъ былъ начальникомъ охотничьей команды, расположенной въ укр. Бендесенѣ. Команда со-

*

стояла изъ людей, взятыхъ отъ каждой части войскъ передовой линіи, кромѣ артиллеріи и саперъ; цѣль дѣйствій ея заключалась въ охраненіи Бендесенскаго перевала, гдѣ мѣстность вполнѣ благопріятствовала текинцамъ для нападеній на проходящіе транспорты.

Между тѣмъ, подвозка въ Бами провіанта и боевыхъ припасовъ продолжалась безостановочно; почти ежедневно приходили довольно большіе транспорты; они направлялись изъ Михайловскаго залива на Кизилъ-арватъ и отсюда на Бами. Не далеко уже было и то время, когда отряду предстояло вступить въ рѣшительную борьбу съ текинцами. Погода все время стояла прекрасная; изрѣдка шелъ дождь, но холоду большого не было. Только по ночамъ бывалъ иногда морозецъ, не превышавшій, впрочемъ, одного градуса. Наступилъ ноябрь; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали движенія къ Геокъ-тепе, ибо даже и бамійская жизнь успѣла всѣмъ намъ порядочно-таки наскучить; каждый желалъ извѣдать чего нибудь новаго, посмотрѣть новыя мѣста; словомъ,—манила въ даль страсть къ сильнымъ ощущеніямъ, которыхъ, сидя въ Бами, мы не находили. Мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ офицерамъ бамійскаго горнизона, не разъ приходилось «ходить съ транспортами»: такъ у насъ называлось конвоированіе транспортовъ въ Бами. Обыкновенно изъ Бами на встрѣчу транспорту высылалась полурота при офицерѣ; если транспортъ шелъ по Чекишлярской линіи, то полурота выходила къ Бендесенскому перевалу, а если по Михайловской линіи, то въ Коджъ, — такъ называлось селеніе, лежавшее между Кизилъ-арватомъ и Бами. Въ этихъ пунктахъ мы принимали транспорты отъ стараго конвоя и сопровождали его въ Бами. Идя съ транспортомъ, изъ которыхъ рѣдкій не достигалъ тысячи штукъ верблюдовъ, вслѣдствіе чего онъ растягивался версты на двѣ, я всегда удивлялся слабой предпріимчивости текинцевъ. Партія человѣкъ въ триста, безъ особаго труда, могла разбить каждый такой транспортъ, и прикрытіе ровно ничего не могло бы подѣлать. Обыкновенно въ полуротѣ насчитывалось не болѣе 40 человѣкъ; 10 человѣкъ назначались въ авангардъ, 10—въ аріергардъ, а остальные двадцать составляли боковое прикрытіе. При нападеніи непріятеля, ему можно было противопоставить только 10 человѣкъ авангарда, если противникъ нападалъ спереди, и 10 человѣкъ аріергарда, если нападеніе производилось съ-тылу. Что бы они могли сдѣлать съ многочисленной партіей? Конечно, при самомъ благопріятномъ случаѣ,—не дать истребить себя, а транспортъ навѣрное былъ-бы отбитъ. Такое происшествіе вскорѣ и случилось.

Для сопровожденія обратнаго транспорта въ 2,000 верблюдовъ изъ укр. Казанджика (по Михайловской линіи) въ Кизилъ-арватъ была выслана полурота 11-й роты Апшеронскаго полка, подъ командою подпоручика Васильева; такъ какъ 3-й баталіонъ нашего полка былъ мобилизованнымъ, то полурота имѣла 80 штыковъ. Васильевъ принялъ транспортъ и утромъ, 23-го ноября, выступилъ къ колодцамъ Ушакъ; при транспортѣ слѣдовалъ въ Красноводскъ маіоръ Харитоновъ.

Переночевавъ въ Ушакѣ, Васильевъ выступилъ къ колодцамъ Узунъ-су. Мѣстность между Ушакомъ и Узунъ-су имѣетъ множество глубокихъ балокъ, вполнѣ пригодныхъ для засадъ; поэтому Васильевъ старался, чтобы транспортъ, по возможности, шелъ тѣснѣе; но, при всемъ желаніи, сдѣлать этого не представлялось возможнымъ, и линія верблюдовъ растянулась болѣе чѣмъ на версту. Порядокъ движенія былъ такой же, какъ я описывалъ уже раньше: полурота распредѣлена была на авангардъ, аріергадъ и боковое прикрытіе. Вскорѣ послѣ выхода транспорта изъ Ушака, замѣчены были одиночные всадники, а въ 10 часовъ появилась значительная конная партія текинцевъ, окружившая транспортъ со всѣхъ сторонъ. Подпоручикъ Васильевъ немедленно послалъ двухъ киргизовъ въ Казанджикъ съ донесеніемъ о томъ, что онъ атакованъ; а самъ, видя многочи-

сленность партіи и полную невозможность продолжать движеніе, рѣшилъ остановить транспортъ, положить верблюдовъ и защищаться до прибытія помощи. Такія благоразумныя распоряженія Васильева вполнѣ соотвѣтствовали положенію дѣлъ, и, успѣй онъ привести ихъ въ исполненіе, — транспортъ никогда бы не подвергся той печальной участи, которая вскорѣ постигла его. Маіоръ Харитоновъ, ѣхавшій какъ частный человѣкъ и которому, въ сущности, не было ровно никакого дѣла до транспорта, заявилъ подпоручику Васильеву, что онъ, какъ старшій, принимаетъ начальство надъ транспортомъ и приказываетъ продолжать движеніе. Это было сигналомъ къ общему безпорядку. Часть верблюдовожатыхъ (преимущественно изъ хивинскихъ туркменъ) стала отвязывать верблюдовъ и бѣжала въ горы, вслѣдствіе чего транспортъ еще болѣе растянулся, а аріергардъ, соединенный съ боковымъ прикрытіемъ, не могъ уже возстановить порядка. Между тѣмъ, текинцы суживали кругъ и усилили ружейный огонь; у насъ появились раненые, которыхъ, за неимѣніемъ носилокъ и повозокъ, сажали на верблюдовъ; раненые верблюды вырывались изъ рукъ верблюдовожатыхъ и производили еще большій безпорядокъ. Считая этотъ моментъ самымъ удобнымъ для атаки, текинцы бросились на прикрытіе въ шашки. Завязался упорный рукопашный бой; верблюдовожатые изъ киргизовъ дрались наравнѣ съ солдатами. Въ то время, какъ прикрытіе находилось въ неравномъ бою съ текинцами, часть послѣднихъ поспѣшно угоняла верблюдовъ въ пески, въ чемъ имъ дѣятельную помощь оказывали верблюдовожатые изъ юмудовъ. Когда верблюды были уже угнаны, текинцы отступили, преслѣдуемые залпами полуроты. Потеря полуроты была весьма значительна: убито 26 нижнихъ чиновъ[4]) и ранено 8 человѣкъ; кромѣ того, убито 5 верблюдовожатыхъ и 2 джигита; ранены прикащикъ владѣтеля верблюдовъ—купца Громова и два киргиза.

Интересно знать: въ чемъ же выразилась дѣятельность маіора Харитонова, принявшаго на себя начальство? Когда текинцы бросились въ шашки, то Харитоновъ счелъ болѣе благоразумнымъ спасти свою драгоцѣнную жизнь для новыхъ подвиговъ на пользу отечества: съ быстротою оленя; взбѣжалъ онъ на ближайшій высокій холмъ и тѣмъ самымъ увѣковѣчилъ до того безъименную горку, которая стала съ тѣхъ поръ извѣстной подъ именемъ «Харитоновской».

Раньше я упоминалъ, что подпоручикъ Васильевъ, еще при появленіи партіи, отправилъ двухъ джигитовъ съ донесеніями въ Казанджикъ; одного изъ нихъ непріятель перехватилъ по дорогѣ и убилъ, за то другому удалось проскочить сквозь цѣпь текинцевъ и въ часъ по полудни, онъ прибылъ въ Казанджикъ. Начальникъ войскъ въ укрѣпленіи, полковникъ Козелковъ, немедленно отправилъ въ погоню за партіей полусотню Лабинскаго казачьяго полка, подъ командою сотника Алейникова. Полусотня поскакала сначала къ мѣсту атаковки транспорта, но текинцевъ уже здѣсь не было:— они и верблюды виднѣлись далеко въ пескахъ. Сотникъ Алейниковъ помчался въ погоню за партіей, а непосредственно за нимъ двинулась и полурота 11-й роты. Въ пятомъ часу казаки настигли текинцевъ. Увидя за собою погоню, партія остановилась и хотѣла атаковать полусотню; но Алейниковъ спѣшилъ людей и далъ нѣсколько залповъ, заставившихъ текинцевъ разсѣяться. Тогда полусотня опять сѣла на коней и въ нѣсколько минутъ догнала угоняемый транспортъ. Верблюды раздались въ стороны и открыли спрятанныхъ за нимъ текинцевъ. Алейниковъ вторично спѣшилъ полусотню и на самомъ близкомъ разстояніи открылъ пальбу залпами; непріятель не выдержалъ и обратился въ бѣгство. Казаки преслѣдовали и рубили хищни-

4) Всѣхъ раненыхъ, сидѣвшихъ на верблюдахъ, когда транспортъ былъ отбитъ, текинцы зарѣзали, и они показаны въ числѣ убитыхъ.

ковъ на разстояніи четырехъ верстъ. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, Алейниковъ собралъ свою полусотню; всѣ верблюды были обратно отбиты и казаки погнали ихъ въ Узунъ-су. Въ дѣлѣ съ текинцами у казаковъ потерь не было, партія же одними убитыми оставила на мѣстѣ болѣе 40 тѣлъ; въ добычу казакамъ досталось 30 лошадей, 7 ружей, 2 шашки и небольшое количество продовольствія. Вся потеря партіи, коею предводительствовалъ Тыкма-сардаръ, простиралась до 100 человѣкъ; изъ нихъ половина погибла въ дѣлѣ съ Апшеронцами.

Наконецъ подготовка матеріальной части экспедиціи, къ нашему общему удовольствію была закончена и не далекъ уже былъ день, когда намъ предстояло выступить къ Геокъ-тепе. По плану, составленному генераломъ Скобелевымъ, наступательное движеніе должно было совершаться двумя колоннами: пѣхотной изъ—Бами и кавалерійской изъ—Дузъ-олума. Послѣдняя колонна, состоявшая изъ дивизіона Тверскаго драгунскаго полка, двухъ сотенъ Таманскаго и двухъ сотенъ Полтавскаго казачьихъ полковъ и конно-горнаго взвода, слѣдовала по долинѣ р. Чандыра на селеніе Келете, гдѣ соединялась съ авангардомъ пѣхотной колонны, выступившей изъ Бами. Главныя силы, подъ начальствомъ генералъ-маіора Петрусевича, выступали изъ Бами и направлялись къ сел. Ягянъ-батыръ-кала; при отрядѣ должны были слѣдовать: двухмѣсячный запасъ продовольствія, приблизительно на 8 тысячъ человѣкъ, артиллерійскій и инженерный парки, отрядная аптека и подвижной лазаретъ. Самъ генералъ Скобелевъ находился при кавалерійской колоннѣ.

Ко времени выступленія войскъ къ Геокъ-тепе, въ Бами ежедневно прибывали различныя части; пришла изъ Бендесена и наша 14-я рота. Солдаты въ баталіонѣ были снаряжены для зимняго похода: каждый изъ нихъ имѣлъ полушубокъ, теплую фланелевую фуфайку, суконныя портянки, лѣтніе парусинные башмаки замѣнены сапогами. Всѣ войска, сосредоточенныя въ Бами, выступали тремя колоннами: въ 1-й колоннѣ, подполковника Гайдарова, находились: три наши Апшеронскія роты[5]), баталіонъ Самурскаго полка, рота Красноводскаго мѣстнаго баталіона и саперная рота, подвижная № 3 батарея, полубатарея 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады, морская батарея, взводъ 6-й батареи 21 артиллерійской бригады (горныя орудія) и двѣ сотни Таманскаго казачьяго полка. При этой же колоннѣ слѣдовали: два геліографныхъ станка, инженерный паркъ, отдѣленіе «Краснаго креста» и транспортъ съ десятидневнымъ довольствіемъ на 8,000 чел. Подъ тяжести каждой роты отпущено было 24 верблюда, считая въ томъ числѣ двухъ верблюдовъ для офицерскихъ вещей; на верблюдахъ везлись: юламейки, солдатскія вещи, запасъ патроновъ, считая по 120 шт. на человѣка, четырехдневный запасъ довольствія, ротные котлы и пр. У каждаго же солдата было съ собою по 120 патроновъ. Патронташей казенныхъ никто не имѣлъ; солдаты нашли ихъ крайне неудобными, ибо изъ нихъ терялись патроны; вмѣсто того, каждый солдатъ сшилъ себѣ парусинную сумку, надѣваемую черезъ плечо; въ верхней части ея сдѣлано было нѣсколько рядовъ гнѣздъ для патроновъ, а остальные помѣщались въ сумкѣ.

Нашей колоннѣ назначено выступить 26-го ноября. 2-я колонна, въ составѣ баталіона Ширванскаго полка, Оренбургской сотни и взвода горныхъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Гогоберидзе, выступала 27-го ноября; и, наконецъ, 3-я колонна, въ составѣ одного баталіона Крымскаго полка, полубатареи 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады, сотни Таманскаго и сотни 2-го Оренбургскаго казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Словецкаго, выступала 28-го ноября.

[5]) 15-я рота осталась въ Кизилъ-арватѣ.

Колоннѣ Гайдарова данъ былъ слѣдующій маршрутъ: 26-го сел. Беурма (12 в.); 27-го сел. Арчманъ (24 вер.); 28-го сел. Караганъ (33 вер.) и 29-го сел. Келете (21 вер.).

Наступило 26-е ноября. День былъ сѣренькій, но не холодный. Въ лагерѣ замѣчалось чрезвычайное оживленіе: тѣ части, коимъ надлежало въ этотъ день выступить, поспѣшно убирали юламейки, собирали свои небольшіе пожитки и всѣмъ этимъ навьючивали верблюдовъ. На лицахъ солдатъ и офицеровъ замѣчалось чувство нескрываемой радости; во-первыхъ, всѣмъ хотѣлось идти впередъ, а во-вторыхъ, солдаты избавлялись отъ тяжелыхъ работъ, продолжавшихся во все пребываніе ихъ въ Бами. Князь Магаловъ приказалъ баталіону выстроиться и повелъ его въ военно-временной госпиталь, гдѣ долженъ былъ быть отслуженъ напутственный молебенъ. Когда мы пришли сюда, то здѣсь уже стояли всѣ остальныя части первой колонны. Послѣдовала команда: «на молитву», «шапки долой»—и солдаты благоговѣйно сняли свои фуражки. Лица у солдатъ были серьезныя; всѣ они сознавали, что идутъ на смертный бой, изъ котораго не всѣмъ придется вернуться. По окончаніи молебствія, генералъ Петрусевичъ поздравилъ войска съ походомъ, на что послѣдовало дружное и энергичное «ура». Первый эшелонъ тронулся въ 10 часовъ утра. Переходъ до Беурмы небольшой, всего 12 верстъ, и мы прошли его очень быстро. Дорога изъ Бами поворачивала къ горамъ и все время шла по ровной, кое гдѣ каменистой мѣстности. Вотъ и Беурма! Это обыкновенное небольшое текинское селеніе съ очень большою крѣпостью. Приказавъ деньщикамъ согрѣть намъ чайники для чаю, мы, офицеры, отправились осматривать крѣпость. Постройка ея самая незамысловатая: это была довольно обширная четырехугольная площадь, окруженная высокою глиняною стѣною, доходившей мѣстами до двухъ аршинъ ширины. По угламъ крѣпости возвышались четыре башни; въ стѣнахъ продѣланы были бойницы. Внутри крѣпости стояло второе укрѣпленіе, такой же примитивной постройки, какъ и главное. Къ вечеру подошли отрядныя тяжести; войска расположились съ наружной стороны крѣпостныхъ стѣнъ, а верблюдовъ завели въ самую крѣпость. Ночь прошла спокойно, и, на другой день, съ разсвѣтомъ, мы тронулись дальше. Спустившійся съ горъ густой туманъ закрылъ всю впереди лежащую мѣстность; идти было очень трудно, да и переходъ предстоялъ большой. Когда совершенно разсвѣло, то туманъ понемногу разсѣялся, и взорамъ моимъ открылась совершенно иная мѣстность, чѣмъ та, которую я привыкъ встрѣчать въ Закаспійскомъ краѣ. Мы шли не далеко отъ горъ, съ которыхъ сбѣгали весело журчащіе ручейки; кругомъ замѣчались поля, и съ нихъ, повидимому, еще не такъ давно собрали хлѣбъ; иногда попадались и фруктовыя деревья. Почва была не солончаковая, а большею частью каменистая; вездѣ росла трава, которой я давно уже не видѣлъ. Часто встрѣчались искусственно прорытые каналы, посредствомъ коихъ мѣстные аборигены орошали свои поля. Вдали синѣлась высокая гора, около которой, какъ говорили, и находилась крѣпость Геокъ-тепе. Уже начало темнѣть, когда мы подходили къ сел. Арчману, имѣвшему небольшую крѣпостцу. Множество канавъ, проходившихъ у самаго селенія, оказалось безъ воды, но видъ ихъ свидѣтельствовалъ, что вода отведена очень недавно. Полусотня казаковъ, отправленная къ горамъ, гдѣ находились истоки арчманскаго ручья и гдѣ, по всей вѣроятности, текинцы запрудили воду, вскорѣ нашла запруду,—и вода опять направлена въ Арчманъ. Когда она дошла въ селеніе и мы попробовали ее, то, къ удивленію своему, нашли ее очень теплой, съ примѣсью сѣрныхъ солей. Я съ удовольствіемъ умылся въ этой водѣ; но нѣкоторые изъ солдатъ не ограничились однимъ умываньемъ: они раздѣлись и начали купаться; однако такія ванны, на открытомъ воздухѣ, во избѣжаніе простудъ, были тотчасъ же воспрещены. Сваренный изъ этой воды чай не имѣлъ уже сѣрныхъ примѣсей, и мы пили его съ удовольствіемъ.

Переночевавъ въ Арчманѣ, колонна на слѣдующій день выступила къ Дуруну. Этотъ переходъ былъ самый большой, поэтому въ селеніи Сунчѣ сдѣланъ привалъ и солдаты варили себѣ чай. Отсюда отъ колонны нашей отдѣлились двѣ роты и одна сотня, при четырехъ орудіяхъ, двинувшіяся форсированнымъ маршемъ въ Келете. Когда мы пришли въ сел. Караганъ, то оказалось, что воды въ немъ нѣтъ;—поэтому генералъ-маіоръ Петрусевичъ остановилъ колонну въ Дурунѣ, гдѣ протекалъ довольно широкій ручей. Въ Дурунѣ вниманіе наше привлекла довольно большая полуразрушенная мечеть, повидимому очень древняго происхожденія, построенная съ притязаніемъ на стиль и имѣвшая на стѣнахъ арабскія надписи. Впослѣдствіи эту мечеть обратили въ укрѣпленіе. При слѣдованіи, 29-го ноября, къ Келете, вдали появлялись одиночные текинскіе всадники, которые быстро исчезали. Передъ вечеромъ прибыли въ Келете. Здѣсь уже находился Скобелевъ съ кавалерійской колонною и командою охотниковъ подпоручика Воропанова, а также часть нашей колонны, отправленная изъ Сунчи. Какъ я уже говорилъ раньше, кавалерійскій отрядъ двинулся къ Келете изъ Дузъ-олума; сначала онъ шелъ по р. Чандыру, затѣмъ по верхнему теченію р. Сумбара, называемому Кесри, и въ третій переходъ ночевалъ у родниковъ Дайна, у подошвы Копетдагскаго хребта. 27-го ноября кавалерійская колонна перевалила черезъ Копетдагъ и двинулась къ Келете. Въ 10 часовъ вечера, того же числа, въ сел. Кярызъ-Нуръ-Вердыхана захвачена была текинская баранта, при чемъ всѣ караульщики, защищавшіеся съ оружіемъ въ рукахъ, перебиты. Черезъ два часа занято и Келете, гдѣ также захвачено стадо барановъ. Всего намъ досталось около 6,000 барановъ, 180 штукъ рогатаго скота, 6 лошадей и 10 верблюдовъ.

Въ то время, какъ кавалерія занимала оба названныя селенія, никто не зналъ, гдѣ находился Скобелевъ. Посланные въ разныя стороны джигиты не нашли генерала. Какъ оказалось, съ нимъ случилось довольно непріятное происшествіе. Поднявшись на перевалъ Копетдага и пропустивъ впередъ конницу, генералъ Скобелевъ нѣкоторое время бесѣдовалъ съ нухурцами, а затѣмъ и самъ началъ спускаться съ горъ. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло; дороги, по которой шли кавалерія и конно-горный взводъ, не видно было; къ довершенію несчастья, спустился туманъ. Встрѣтивъ небольшую калу, командующій войсками, съ 20 человѣками сопровождавшихъ его офицеровъ, казакъ и осетинъ, остановился въ ней и приказалъ трубачу подавать сигналы; но отвѣта не получалось. Просидѣвъ въ калѣ 2 часа, Скобелевъ рѣшился опять искать дорогу и черезъ нѣсколько времени отыскалъ слѣдъ колесъ орудій. Остановившись у ручья, Скобелевъ рѣшился здѣсь ожидать, пока не наступитъ разсвѣтъ, и послалъ нухурца разыскивать охотниковъ Воропанова, шедшихъ къ Келете по хребту. Положеніе начальника экспедиціи было весьма критическое, ибо у сопровождавшаго его конвоя имѣлось только семь ружей; но, къ счастью, все обошлось благополучно. На разсвѣтѣ подошелъ съ охотниками подпоручикъ Воропановъ, и тогда Скобелевъ двинулся въ Келете, куда и прибылъ въ 2 часа пополудни.

30-го ноября намъ предстояло занять сел. Егянъ-батыръ-кала, которое, по словамъ лазутчиковъ, текинцы намѣрены были упорно оборонять. Изъ Келете войска двинулись тремя колоннами; наша колонна выступала послѣдней, въ 8 часовъ утра. Первыя двѣ колонны безпрепятственно подошли къ Егянъ-батыръ-кала; селенія никто не защищалъ, и оно было немедленно занято. Но наша колонна, въ 2-хъ верстахъ отъ Егяна, была встрѣчена небольшой непріятельской партіей, засѣвшей въ небольшихъ калахъ, подъ названіемъ Кары-карыза. Подполковникъ Гайдаровъ выслалъ въ цѣпь полусотню казаковъ и нашу 15-ю роту, огонь которыхъ заставилъ текинцевъ отступить. Появленіе русскихъ войскъ вблизи Геокъ-тепе произвело въ крѣпости большую тревогу. Вскорѣ обширная равнина

между Егянъ-батыръ-кала и Геокъ-тепе покрылась массою всадниковъ, окружившихъ занятое нами селеніе. Въ особенности непріятель массировался у довольно большаго кургана, стоявшаго недалеко отъ горъ. Цѣпь стрѣлковъ, высланная отъ 14-й роты, продвинувшись нѣсколько впередъ, заставила текинцевъ отступить. Впрочемъ, стрѣльба не прекратилась до самаго вечера, когда текинцы удалились въ крѣпость. На ночь приняты были всѣ мѣры предосторожности, на случай нападенія непріятеля. Всю баранту загнали въ калу, стоящую посреди селенія, по сторонамъ котораго расположились пѣхота, кавалерія и орудія.

Наконецъ-то мы уже недалеко отъ этого таинственнаго Геокъ-тепе, о которомъ ходило тамъ много различныхъ, по большей части, сказочныхъ разсказовъ. Утромъ 1-го декабря, текинскіе наѣздники опять выѣхали изъ крѣпости, но близко къ нашему расположенію не подъѣзжали, опасаясь огня артиллеріи. Войска приводили селеніе въ оборонительное положеніе; устраивался лазаретъ. На другой день пришла 2-я колонна[6]), послѣ чего генералъ Скобелевъ нашелъ возможнымъ произвести рекогносцировку Геокъ-тепе, съ цѣлью дополнить свѣдѣнія о крѣпости, добытыя въ рекогносцировку 6-го іюля; она назначалась на 4-е декабря. Вечеромъ, 3-го числа, въ нашъ баталіонъ доставлена была слѣдующая диспозиція:

«Завтра, 4-го декабря, предполагается произвести движеніе по направленію къ крѣпости Геокъ-тепе отрядомъ, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, въ составѣ:

«4-го баталіона Апшеронскаго полка (подъ командою подполковника князя Магалова), 1-го баталіона Ширванскаго полка, роты 2-го кавказскаго сапернаго баталіона, команды охотниковъ (подпоручика Воропанова), полубатареи 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады, подвижной № 3 батареи, морской батареи, 1 1/2 сотни Оренбургскаго № 5 полка и 1 1/2 сотни Таманскаго полка.

«Начальникомъ артиллеріи назначается подполковникъ Бобриковъ.

«Отрядъ долженъ быть готовъ къ 5 часамъ утра; выстроенъ въ резервномъ порядкѣ предъ лагеремъ главныхъ силъ.

«Цѣль дѣйствій—рекогносцировка западнаго фронта крѣпости Геокъ-тепе.

«При сближеніи съ противникомъ, отрядъ перестраивается въ боевой порядокъ, имѣя на правомъ флангѣ 1-й баталіонъ Ширванскаго полка и 2 орудія морской батареи, подъ начальствомъ подполковника Гогоберидзе. На лѣвомъ же флангѣ 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка и два орудія морской батареи, подъ начальствомъ подполковника князя Магалова. Резервъ составляютъ: рота саперъ, 3 сотни казаковъ и 12 орудій, въ моемъ непосредственномъ распоряженіи.

«Раненыхъ относить къ резерву, гдѣ устраивается подвижной перевязочный пунктъ».

«Я буду находиться при резервѣ, куда направлять донесенія.

«На случай убыли меня изъ строя, отрядъ ввѣряется исправляющему должность начальника штаба, полковнику Иванову; прочихъ начальниковъ частей замѣщаютъ старшіе по нихъ офицеры.

«По окончаніи рекогносцировки, отрядъ отходитъ къ Самурскому укрѣпленію» (такъ названо Егянъ-батыръ-кала). Подписано: «Генералъ-адъютантъ Скобелевъ».

Въ половинѣ пятаго въ укрѣпленіи все зашевелилось; было еще совсѣмъ темно; солдаты разобрали ружья и тихо выстроились поротно. Князь Магаловъ вывелъ баталіонъ изъ укрѣпленія и построилъ его фронтомъ къ крѣпости Геокъ-тепе. Черезъ полчаса отрядъ уже весь собрался. Сзади Апшеронскаго баталіона выстроились орудія. Вдругъ все смолкло; раздалась команда «смирно»!—то подъѣзжалъ Скобелевъ, окруженный свитою и имѣя съ

---

6) Третья колонна заняла Арчманъ, Дурунъ и Келете.

собою бѣлый значекъ. Поздоровавшись съ войсками, генералъ приказалъ двигаться. Порядокъ движенія былъ слѣдующій: впереди шли охотники, на правомъ флангѣ — саперная рота, рядомъ съ нею — баталіонъ Ширванскаго полка, лѣвѣе — нашъ баталіонъ, а на лѣвомъ флангѣ казаки. При колоннѣ находился геліографный станокъ, для сообщеній съ Егянъ-батыръ-калою. Пройдя 8 верстъ по направленію къ сел. Янги-кала, генералъ Скобелевъ сдѣлалъ привалъ, продолжавшійся около часа, и затѣмъ войска вновь двинулись впередъ. Утро было ясное и тихое. Съ каждымъ шагомъ впередъ вдали все яснѣе и яснѣе обрисовывались сѣрые контуры Геокъ-тепе; стѣны крѣпости усѣяны были народомъ; отъ времени до времени изъ Геокъ-тепе выходили массы пѣшихъ текинцевъ и спѣшили къ Янги-кала. Вотъ съ нашей стороны раздался первый выстрѣлъ изъ орудія — и вскорѣ загремѣла ружейная перестрѣлка. Со стѣнъ крѣпости на огонь нашей артиллеріи отвѣчали выстрѣлами изъ единственнаго имѣвшагося у текинцевъ орудія. Скобелевъ выѣхалъ со свитою на впереди лежащій холмъ и сталъ обозрѣвать крѣпость. Непріятель узналъ нашего генерала и сталъ массироваться противъ кургана, осыпая его пулями изъ берданокъ, доставшихся текинцамъ въ 1879 году. Тогда Михаилъ Димитріевичъ приказалъ разсыпать впереди кургана цѣпь отъ Апшеронскаго баталіона; князь Магаловъ выслалъ меня съ полуротою. Разсыпавъ стрѣлковъ, я выдвинулъ ихъ саженей на 200 впередъ и открылъ огонь. Въ такомъ положеніи оставался отрядъ до часа пополудни, когда отдано было приказаніе собрать цѣпи, ибо отряду надлежало двинуться къ западному фасу крѣпости. Какъ только войска наши тронулись, то большая часть текинцевъ, занимавшихъ Янги-кала, стала насѣдать на аріергардъ, а остальные бросились въ крѣпость. Выстроивъ отрядъ вдоль западной стѣны, генералъ Скобелевъ приказалъ орудіямъ сняться съ передковъ и открыть по Геокъ-тепе огонь гранатами. Въ то же время баталіонъ Ширванцевъ далъ по внутренности крѣпости (навѣснымъ огнемъ) два залпа, съ разстоянія 3,000 шаговъ. Не успѣли наши орудія еще взять прицѣлъ, какъ стѣны Геокъ-тепе, до того времени усыпанныя текинцами въ разноцвѣтныхъ халатахъ, моментально опустѣли. На огонь нашей артиллеріи, текинцы отвѣчали выстрѣлами изъ своего орудія, но ядра непріятельскія никакого вреда войскамъ не причинили: они большею частью перелетали черезъ отрядъ, и только одно изъ нихъ упало шагахъ въ 10-ти отъ нашего баталіона. Уже начало смеркаться, когда артиллерія прекратила огонь и отрядъ направился къ Егянъ-батыръ-кала. Текинцы, державшіеся на почтительномъ отъ насъ разстояніи, стали постепенно приближаться и вскорѣ окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Геокъ-тепе выходила пѣхота, которую конные текинцы сажали на крупы лошадей, подвозили на близкій ружейный выстрѣлъ къ отступавшимъ войскамъ и здѣсь сбрасывали. Отрядъ двигался вдоль песковъ, имѣвшихъ много холмовъ, вполнѣ благопріятствовавшихъ непріятелю. Отступленіе совершалось подъ прикрытіемъ цѣпей: пѣшей—отъ команды охотниковъ и конной — отъ казачьихъ сотенъ. Апшеронскій и Ширванскій баталіоны шли въ ротныхъ колоннахъ.

Не могу не упомянуть о довольно забавномъ случаѣ съ нашимъ докторомъ. Онъ пріѣхалъ въ баталіонъ не задолго до выступленія нашего изъ Бами. Раньше онъ былъ вольнопрактикующимъ врачемъ въ одномъ изъ городовъ Западнаго края, и ради большаго жалованья, рѣшился поступить на время экспедиціи военнымъ врачемъ въ одну изъ частей отряда. Судьба предназначила его именно въ Апшеронскій баталіонъ. Это былъ типичнѣйшій жидокъ (по фамиліи Троцкій). Скупость его выше всякаго описанія; онъ, напримѣръ, не обѣдалъ съ офицерами, а ѣлъ солдатскій супъ изъ чечевицы и солдатскіе консервы, или, какъ нижніе чины окрестили ихъ,—«концерки»; лошади не имѣлъ, а купилъ себѣ за четыре рубля осла, на которомъ торжественно возсѣдалъ. По обязанности

службы, Троцкій во время рекогносцировки находился при баталіонѣ. Пока мы двигались къ Геокъ-тепе, Троцкій кое-какъ сохранялъ присутствіе духа; но оно совсѣмъ покинуло бѣднаго эскулапа, когда отрядъ началъ отступать. Постоянный визгъ пуль приводилъ его въ нервный трепетъ и, боясь быть убитымъ, докторъ прятался между солдатами баталіона. Какъ на зло, пули больше всего падали около той роты, въ которую скрывался Троцкій, заставляя его перебѣгать въ другую роту. Какъ теперь помню, послѣ нѣсколькихъ странствованій по двумъ ротамъ, онъ попалъ, наконецъ, и въ 15-ю роту, вбѣжалъ въ ряды ея и, путаясь между солдатами, положительно разстраивалъ строй, что заставило командира роты, поручика Бениславскаго, попросить эскулапа оставить его роту въ покоѣ.

Отрядъ отступалъ медленно. Наступила прекрасная лунная ночь; огонь въ цѣпи дѣлался все оживленнѣе и оживленнѣе. Вдругъ луна понемногу стала закрываться; прошло еще нѣсколько минутъ и наступилъ полный мракъ: — то было лунное затмѣніе. Вслѣдъ за тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ, несшій цѣлыя облака песку. Какъ бы по общему сигналу, стрѣльба прекратилась съ обѣихъ сторонъ. У текинцевъ была полная тишина, у насъ же хоръ полковой музыки игралъ какой-то маршъ. Темнота была такая, что если бы ни костры, разведенные въ укрѣпленіи Егянъ-батыръ-кала,—мы положительно не знали-бы куда намъ двигаться. Около 9 часовъ вечера рекогносцировочный отрядъ возвратился въ укрѣпленіе.

Оказалось, что текинцы пытались-было произвести нападеніе и на Егянъ-батыръ, но ихъ разогнали пушечные выстрѣлы. Рекогноспировка 4 декабря стоила намъ 2-хъ раненыхъ и 2-хъ контуженныхъ офицеровъ (Апшеронскаго полка подпоручикъ Воропановъ и прикомандированный къ нашему баталіону Дагестанскаго полка прапорщикъ Поповъ)[7]; убито нижнихъ чиновъ 4, ранено — 19 и контужено — 8; лошадей убито 13, ранено — 18. 6-го декабря Апшеронскій баталіонъ отправленъ въ Бами для сопровожденія оттуда транспорта съ продовольствіемъ, а я съ нѣсколькими нижними чинами оставленъ былъ въ Егянъ-батыръ-кала. Сухарнаго довольствія въ передовомъ отрядѣ имѣлось самое ограниченное количество; поэтому генералъ Скобелевъ приказалъ уменьшить дачу сухарей и увеличить мясную порцію, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи находилось около 8,000 барановъ, кромѣ рогатаго скота. Дороговизна на предметы первой необходимости была непомѣрная. Фунтъ сахару у насъ стоилъ 1 руб.; одна стеариновая свѣча — 80 к.; бутылка очень плохой водки отъ 1 до 1 р. 50 к.; десятокъ папиросъ въ 6 коп. — 25 коп. и т. д. Трудно приходилось тѣмъ офицерамъ, которые не позаботились сдѣлать запасовъ въ тылу: — платили за все впятеро.

11-го декабря Скобелеву дали знать, что въ Геокъ-тепе замѣтно большое движеніе и много текинцевъ съ семействами уходитъ въ пески. Желая лично удостовѣриться, на сколько эти слухи справедливы, командующій войсками сформировалъ колонну въ 6 ротъ пѣхоты и 1 1/2 сотни кавалеріи, при 6 орудіяхъ, и выступилъ съ нею въ 3 часа пополудни къ Геокъ-тепе. Но наступленіе вечера не позволило добыть какихъ либо точныхъ свѣдѣній, поэтому войска, послѣ незначительной перестрѣлки, возвратились въ Самурское (Егянъ-батыръ-кала). На другой день рѣшено было повторить рекогносцировку. Отрядъ въ составѣ: 3 ротъ пѣхоты (одна Самурскаго и двѣ Ширванскаго баталіона), команды охотниковъ, сводной сотни казаковъ, 3-хъ орудій и 2-хъ картечницъ, при 2 конныхъ геліографныхъ станкахъ, выступилъ къ Геокъ-тепе двумя отдѣленіями: первое — изъ кавалеріи и одного

7) Не смотря на полученную легкую рану (пуля прошла черезъ мягкія части бедра), Поповъ, отецъ и братъ котораго служили въ нашемъ полку, умеръ въ Бами отъ вараженія крови.

орудія—двинулось въ 12 1/2 часовъ пополудни, а второе — изъ пѣхоты и остальной артиллеріи — черезъ полчаса. Генералъ Скобелевъ отправился съ кавалеріей. Черезъ часа два до нашего слуха донеслись частые пушечные выстрѣлы, а вслѣдъ за тѣмъ Скобелевъ, по геліографу, приказалъ подполковнику Гогоберидзе съ тремя ротами, двумя картечницами и и частью казаками спѣшить на соединеніе съ рекогносцировочнымъ отрядомъ. Я также попросилъ разрѣшеніе отправиться съ этою колонною и былъ прикомандированъ къ 4-й ротѣ Ширванскаго полка. Мы не шли, а просто бѣжали на выручку нашего генерала и товарищей. Неизвѣстность была весьма мучительная, и Богъ знаетъ, чего мы не передумали за какой нибудь часъ. Наконецъ, вдали показалась колонна Скобелева, окруженная со всѣхъ сторонъ массами пѣшихъ и конныхъ текинцевъ. Вскорѣ мы соединились съ отступавшими частями, пропустили ихъ и своими цѣпями стали прикрывать отступленіе. Меня съ полуротою Ширванцевъ Скобелевъ послалъ къ сторонѣ песковъ. «Стрѣляйте рѣже, поменьше залповъ, сказалъ мнѣ генералъ: — покажемте этимъ поганцамъ, что мы можемъ отступать безъ выстрѣла, презирая ихъ огонь»! Смѣнивъ полуроту Самурцевъ, я разсыпалъ своихъ солдатъ въ цѣпь. Ни до того, ни послѣ мнѣ не приходилось видѣть такой назойливости и такого неутомимаго преслѣдованія со стороны текинцевъ. Пользуясь выгодами холмистой мѣстности со стороны песковъ, они положительно не отставали отъ насъ и осыпали пулями съ разстоянія 500 — 600 шаговъ. Когда главныя силы отошли шаговъ на 400 отъ цѣпи, послѣдняя начала постепенно отступать. Отрядъ въ это время вошелъ въ котловину и на время скрылся изъ виду. Не успѣла моя цѣпь пройти и двухсотъ шаговъ, какъ конная партія текинцевъ, человѣкъ въ 300, бросилась къ только-что оставленному мною холму, съ цѣлью занять его и отсюда, съ самаго близкаго разстоянія, поражать наши войска. Я немедленно собралъ полуроту и сдѣлалъ по партіи два залпа, заставившіе текинцевъ разсѣяться. Непріятель преслѣдовалъ насъ почти до самаго укрѣпленія. Потеря отряда, несмотря на энергичное преслѣдованіе со стороны текинцевъ, была совсѣмъ ничтожна: она заключалась въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ; лошадей убито три и ранено 7. Такую незначительную убыль можно только объяснить темнотою во время преслѣдованія и несовершенствомъ вооруженія нашего противника.

У части текинцевъ имѣлись двухствольныя ружья нашего тульскаго издѣлія или старинные фальконеты; человѣкъ 700 вооружены были бердановскими ружьями, громадное же большинство имѣло только пики и шашки. О числѣ защитниковъ Геокъ-тепе ходили самые разнообразные слухи: одни говорили, что въ крѣпости собралось до 60 тысячъ населенія, изъ коихъ 40,000 способныхъ къ бою; по другимъ извѣстіямъ, число текинцевъ не превышало 50,000; изъ нихъ способныхъ къ бою текинцевъ вмѣстѣ съ прибывшими въ крѣпость мервцами 30,000 человѣкъ (въ томъ числѣ около 10,000 конницы); послѣднее извѣстіе, какъ оказалось впослѣдствіи, было достовѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, намъ приходилось имѣть дѣло съ противникомъ, который хотя и былъ плохо вооруженъ, но за то численность его превосходила нашу въ пять разъ. При томъ же текинцы сидѣли за стѣнами крѣпости, а присутствіе въ ней ихъ женъ и дѣтей удвояло рѣшимость и храбрость непріятеля.

Съ 12-го декабря стали каждый день прибывать транспорты съ продовольствіемъ и съ ними части войскъ. Нашъ баталіонъ, съ присоединенной къ нему 16-й ротой, пришелъ 18-го декабря; въ числѣ частей, прибывшихъ въ Самурское, былъ и Туркестанскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Куропаткина; послѣдній былъ еще молодой человѣкъ, съ весьма симпатичнымъ лицомъ. Туркестанскій отрядъ сдѣлалъ тяжелый походъ черезъ пески изъ форта Александровскаго (на Аму-Дарьѣ) въ Бами, откуда направленъ былъ въ Самурское.

Въ двухъ переходахъ отъ укрѣпленія находился и 3-й баталіонъ нашего полка.

Послѣ рекогносцировки, предпринятой генераломъ Скобелевымъ 18-го декабря, рѣшено было двинуться къ Геокъ-тепе и занять сел. Янги-кала. Наканунѣ выступленія, отдана слѣдующая диспозиція:

«Непріятель занимаетъ своими главными силами укрѣпленные аулы: Геокъ-тепе, Денгиль-тепе и Янги-кала.

«Завтра, 20-го декабря, имѣетъ быть взятъ штурмомъ кишлакъ Янги-кала, и для штурма назначаются двѣ колонны: 1-я, полковника Куропаткина, изъ 8 1/4 ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ, 10-ти орудій и 2-хъ ракетныхъ станковъ [8]; предметъ атаки:—юго-восточная окраина Янги-кала и круглая башня; 2-я колонна, подъ начальствомъ полковника Козелкова, изъ 8 1/4 ротъ, 3-хъ командъ и 10-ти орудій; предметъ атаки—сѣверная окраина Янги-кала» [9].

Главныя силы, въ составѣ коихъ находился и нашъ баталіонъ, были подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Скобелева; онѣ состояли изъ 18 1/2 ротъ, 7 эскадроновъ и сотенъ и 32 орудій [10].

Колонна Куропаткина выступала изъ Егянъ-батыръ-кала въ 7 1/2 часовъ утра, а 2-я колонна и главныя силы — въ 8 часовъ.

Въ Егянъ-батыръ-кала оставлены гарнизономъ 2 роты, 2 сотни и 19 орудій. Такимъ образомъ, всего подъ Геокъ-тепе выступило: 36 ротъ, 9 эскадроновъ и сотенъ, 52 орудія и 2 ракетныхъ станка; общая численность людей состояла въ 6.300 человѣкъ.

«Геліографисты распредѣляются въ штурмовыя колонны, въ главныя силы и въ Самурское.

«Людямъ имѣть на себѣ: сухарей на 4 дня, чай, сахаръ, соль, по два фунта варенаго мяса, котелки, мундиры, шинели, по 120 патроновъ и линеймановскій инструментъ.

«Въ кавалеріи, артиллеріи и транспортѣ—фуражъ на 2 дня. Артиллеріи поднять комплектъ на орудіе.

«За войсками слѣдуютъ:

1) Весь инженерный паркъ; 2) три перевязочныхъ пункта, по одному на штурмовую колонну и на главныя силы; 3) лазареты Самурскаго пѣхотнаго и Тверскаго драгунскаго полковъ; 4) летучій лазаретъ «Краснаго Креста» на 100 кроватей и 5) одноколки «Краснаго Креста» и лазаретные фургоны.

«Я буду находиться въ началѣ боя при артиллеріи колонны полковника Козелкова, а въ послѣдствіи при главныхъ силахъ».

Подписано: «Временно-командующій войсками, генералъ-адъютантъ Скобелевъ. Укрѣпленіе Самурское. 19-го декабря 1880 года».

Около 7-ми часовъ утра, 20-го декабря, всѣ, поименованныя выше части войскъ выстроились покоемъ внѣ укрѣпленія. Въ серединѣ стоялъ аналой съ евангеліемъ. Начался молебенъ; продолжался онъ, на сколько мнѣ помнится, что-то очень недолго, ибо торопились съ выступленіемъ. Послѣ молебна, нашъ генералъ объѣхалъ всѣ части и поздравилъ ихъ съ наступающимъ боемъ. Колонна Куропаткина выступила первою и направилась вдоль горъ къ ручью Секизъ-ябъ, протекавшему вблизи Янги-кала. Черезъ минутъ двадцать тронулись и мы. Еще впервые къ Геокъ-тепе подступало такое значительное количество

---

[8]) Весь Туркестанскій отрядъ, баталіонъ Ширванскаго полка, команда охотниковъ подпоручика Воропанова, 4-я батарея 20-й артиллерійской бригады и взводъ саперной роты.

[9]) Баталіоны: Ставропольскаго полка и Закаспійскій мѣстный, команды: охотничья есаула Цереньжалова, моряковъ и осетинъ, взводъ саперной роты, 6-я батарея 21-й артиллерійской бригады и 2 картечницы.

[10]) 4-й баталіонъ Апшеронскаго, 3 роты Дагестанскаго, 7 ротъ Самурскаго и баталіонъ Ширванскаго полковъ; 3-я и 4-я батареи 19-й артиллерійской бригады, 1-я и 3-я подвижныя батареи, полурота саперной роты, 7 эскадроновъ и сотенъ, конно-горный взводъ и 2 картечницы.

русскихъ войскъ. Какъ только войска тронулись, въ Геокъ-тепе появился клубъ дыму и раздался выстрѣлъ, возвѣщавшій о наступленіи русскихъ. Перестрѣлка началась въ колоннѣ Куропаткина, которая уже вступила въ дѣло. Вскорѣ отъ главныхъ силъ отдѣлилась колонна Козелкова и направилась къ сѣверной части Янги-кала. Текинцевъ собралось въ кишлакѣ довольно значительное количество; день былъ ясный, и намъ, даже съ разстоянія двухъ съ лишнимъ верстъ, видны были значительныя массы непріятеля, переходящія отъ одной части селенія къ другой. Вотъ наконецъ раздались и орудійные выстрѣлы. Непріятель велъ съ передовыми цѣпями оживленную перестрѣлку. Обстрѣлявъ селеніе огнемъ артиллеріи съ нѣсколькихъ позицій, Скобелевъ приказалъ двинуться на штурмъ. Войска съ музыкой пошли впередъ; но текинцы не дождались атаки: угрожаемые съ другой стороны обходомъ (колонны Козелкова), они поспѣшно очистили Янги-кала и отступили къ Геокъ-тепе. Кавалерія наша преслѣдовала отступавшую непріятельскую пѣхоту и, врѣзавшись въ одну толпу, изрубила до 40 текинцевъ. Вслѣдъ затѣмъ была занята отдѣльно стоявшая кала, названная «Опорною». Въ три часа все было кончено,—и Янги-кала находилась въ нашихъ рукахъ. Когда Апшеронскій баталіонъ подошелъ къ ручью Секизъ-ябъ, то черезъ него уже устраивался мостъ для провоза орудій, тяжестей и для прохода пѣхоты. Отсюда я уже могъ разсмотрѣть въ подробности, что это за кишлакъ Янги-кала. Это было довольно большое селеніе, расположенное на правомъ берегу Секизъ-яба, приблизительно на разстояніи 2-хъ верстъ отъ Геокъ-тепе; оно состоитъ изъ множества небольшихъ глиняныхъ построекъ, разбросанныхъ отдѣльными группами на поляхъ; послѣднія раздѣлены были невысокими глиняными стѣнками. На сѣверномъ фронтѣ селенія стояли двѣ большія калы, одна изъ нихъ названа «Опорной», а другая «Кавалерійской». Къ вечеру нашъ баталіонъ переправился черезъ Секизъ-ябъ и расположился поротно въ нѣсколькихъ небольшихъ калахъ.

На другой день, генералъ-маіоръ Петрусевичъ съ частью войскъ произвелъ рекогносцировку восточнаго и сѣвернаго фасовъ крѣпости, причемъ потеря наша заключалась въ 1-мъ убитомъ и 5 раненыхъ нижнихъ чинахъ.

22-го декабря пришли съ транспортомъ 11-я и 12-я роты 3-го баталіона Апшеронцевъ (остальныя двѣ роты пришли 24-го числа). Вмѣстѣ съ передовыми ротами, прибылъ и командиръ баталіона, подполковникъ Поповъ. Это былъ уже пожилой человѣкъ, типа тѣхъ старыхъ боевыхъ кавказскихъ офицеровъ, число которыхъ теперь, къ сожалѣнію, уже годъ отъ году уменьшается; но разсказы о подвигахъ ихъ всегда будутъ жить, составляя живую лѣтопись и гордость части, гдѣ они служили. Въ отрядѣ у Алексѣя Никитича Попова было два сына: одинъ изъ нихъ служилъ въ Апшеронскомъ полку и находился въ одномъ со мною баталіонѣ; о другомъ я упоминалъ раньше: онъ былъ раненъ 4-го декабря.

Въ тотъ же день полковникъ Куропаткинъ, съ $2\frac{1}{2}$ ротами и одной сотней, при 4 орудіяхъ, овладѣлъ правофланговою калою, которая обезпечивала правый флангъ будущихъ осадныхъ работъ. Куропаткинъ, безъ сопротивленія со стороны непріятеля, овладѣлъ калою, укрѣпилъ ее надлежащимъ образомъ и поставилъ въ ней геліографъ.

На слѣдующій день готовились два важныя предпріятія: первое—рекогносцировка сѣверной оконечности Геокъ-тепе, съ цѣлью занятія такъ-называемаго «Сада Петрусевича», гдѣ могла бы укрѣпиться кавалерія и не позволять непріятелю выходить изъ крѣпости въ пески; второе предпріятіе—открытіе первой параллели съ праваго фланга.

Начальникъ рекогносцировочнаго отряда, генералъ-маіоръ Петрусевичъ, выступилъ ночью къ Правофланговой калѣ; съ нимъ была вся кавалерія и конно-горный взводъ. Въ 7 час. утра

Петрусевичъ двинулся къ саду. У сліянія двухъ рукавовъ Секизъ-яба находится довольная большая площадь, обнесенная глиняною стѣнкою въ ростъ человѣка; внутри этой площади, какъ редюитъ, стояла кала, высота стѣнъ которой достигала 2 саженъ. Къ южной сторонѣ укрѣпленія примыкало нѣсколько небольшихъ садиковъ. Защитниковъ въ названныхъ укрѣпленіяхъ было около 400 человѣкъ, подъ предводительствомъ Куль-Батыра. Когда кавалерія приблизилась къ садамъ на близкій ружейный выстрѣлъ, то текинцы произвели залпъ, которымъ убито нѣсколько человѣкъ казаковъ и драгунъ. Вслѣдъ затѣмъ кавалерія ворвалась въ первое укрѣпленіе; но успѣшно дѣйствовать въ немъ не могла, ибо первый дворъ былъ раздѣленъ цѣлою сѣтью глиняныхъ стѣнокъ. Въ числѣ первыхъ убитъ былъ генералъ-маіоръ Петрусевичъ. Смерть Петрусевича на время смутила драгунъ; но вслѣдъ затѣмъ опять закипѣлъ ожесточенный бой,—и одинъ дворикъ за другимъ переходилъ въ наши руки, а текинцы искали спасенія въ заднихъ дворахъ и въ высокой калѣ. Вдругъ послѣдовалъ сигналъ «отбой», поданный полковникомъ Арцышевскимъ, оставшимся старшимъ послѣ смерти Петрусевича. Кавалерія очистила сады и отступила сначала къ Ольгинской калѣ, а потомъ къ Правофланговой. Это была первая серьезная неудача въ экспедиціи и стоила она отряду довольно дорого. Убиты были: генералъ-маіоръ Петрусевичъ, подполковникъ Булыгинъ и есаулъ Ивановъ, нижнихъ чиновъ 12; ранены: одинъ оберъ-офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ. Лошадей убито 9.

Такимъ образомъ, попытка генерала Скобелева держать Геокъ-тепе въ блокадѣ не удалась, да и не могла быть удачной, ибо для такой серьезной задачи онъ имѣлъ слишкомъ недостаточное количество войскъ.

Однако описанная выше неудача отнюдь не повліяла на общій ходъ дѣла, и того же числа мы приступили къ закладкѣ 1-й параллели, начавъ ее съ праваго фланга. На работу вышло 1,250 человѣкъ рабочихъ (въ числѣ ихъ 11 и 12 роты Апшеронскаго полка). Въ этотъ день прорыли первую параллель, начата постройка редутовъ № 1 и № 2 и устроены ходы сообщенія между редутами. Во время работъ текинцы открыли изъ крѣпости очень сильный ружейный огонь и стрѣляли ядрами изъ своей пушки. Съ 24-го декабря нашъ баталіонъ началъ ходить въ траншеи на работы. Жизнь въ траншеяхъ была совсѣмъ особенная: здѣсь каждую минуту грозила смерть, ибо текинцы замѣчательно пристрѣлялись, да и разстояніе было небольшое, — всего 600 шаговъ. Солдаты, желая испытать мѣткость текинскихъ выстрѣловъ, выставляли изъ траншей на лопатахъ фуражки,—и въ ту же минуту онѣ были пробиваемы пулями. Несмотря на всѣ принимаемыя мѣры предосторожности, у насъ никогда не обходилось безъ убитыхъ или раненыхъ въ траншеяхъ. Однообразно потянулась траншейная жизнь; сначала она насъ забавляла новизною обстановки, а потомъ порядочно-таки надоѣла. Спать ночью нельзя было, такъ какъ ночью обыкновенно производились работы, а днемъ — что за сонъ. Спали въ траншеяхъ, ѣли и пили тамъ же. Такъ прошло четыре дня.

27-го декабря, передъ вечеромъ, послѣ отдыха въ лагерѣ, нашъ баталіонъ, кромѣ 13-й роты, которая осталась въ лагерѣ, вновь собрался въ траншеи. На этотъ разъ князь Магаловъ почему-то счелъ нужнымъ взять въ траншеи и баталіонное знамя. До того времени знамя не бралось, да и не одинъ баталіонъ не носилъ его въ траншеи, а оставлялъ въ лагерѣ. Мы, офицеры, сказали о томъ баталіонеру, но, къ несчастью, онъ не обратилъ вниманія на наши слова, и знамя понесли. Въ эту ночь предполагалась закладка 2-й параллели и устройство къ ней ходовъ сообщенія. Какъ всегда, работы производились ночью, во избѣжаніе большихъ потерь. Утромъ, 28-го декабря, новая траншея съ небольшимъ ровикомъ была настолько глубока, что могла служить надежной защитой отъ непріятель-

скихъ пуль. День прошелъ спокойно; большая часть солдатъ, утомленныхъ безсонной ночью и тяжелыми работами, спала; тѣ изъ офицеровъ, которые не спали, расположились группами въ траншеяхъ. Во второй параллели находились 15 и 16 роты, причемъ взводъ послѣдней составлялъ прикрытіе мортирной батареи, устроенной на правой оконечности параллели; 14 рота занимала редутъ № 2, вооруженный 9-ти-фунтовымъ орудіемъ; здѣсь же было и баталіонное знамя. Наступилъ вечеръ. Въ 6 часовъ насъ должны были смѣнить Ширванцы; но на этотъ разъ они почему-то запоздали. Роты 4-го баталіона были не военнаго состава и, за исключеніемъ больныхъ и оставшихся въ лагерѣ людей, численность каждой изъ нихъ не превышала 75 — 80 человѣкъ; слѣдовательно, въ 3-хъ ротахъ, занимавшихъ 2-ю параллель и редутъ № 2, было около 230 человѣкъ. 1-ю параллель и осадную № 1-й батарею занимали двѣ роты туркестанскаго баталіона. Уже стало темнѣть, когда инженерные офицеры съ солдатами саперной роты вышли для разбивки слѣдующихъ осадныхъ траншей. Солдаты наши убрали свои котелки и спокойно стояли въ траншеяхъ, въ ожиданіи смѣны. Вдругъ часовые обратили наше вниманіе на какую-то неясную массу, подвигавшуюся отъ крѣпости. Спустилась сильная мгла, такъ что разсмотрѣть что́ это такое,—положительно нельзя было. Тѣмъ не менѣе, роты зарядили ружья и на всякій случай стояли въ полной готовности. Прошло еще нѣсколько мгновеній; неясная масса стала обозначаться рельефнѣе: не было сомнѣнія, что то текинцы. Послѣдовала команда и грянулъ залпъ. Въ тотъ моментъ, когда роты готовились произвести второй залпъ, смотрю, бѣгутъ къ намъ саперы (во главѣ ихъ поручикъ Чернякъ), и кричатъ: «что вы дѣлаете, вы по своимъ стрѣляете»! Этотъ возгласъ привелъ насъ въ полное смущеніе: значитъ, произошла какая-то нелѣпая ошибка и залпъ былъ произведенъ по своимъ же. Однако размышленія были очень не продолжительны. Почти вслѣдъ за саперами появились текинцы, и раздался громкій крикъ ихъ «уръ», «уръ»! Надъ нашими головами выросли цѣлыя тучи полуобнаженныхъ текинцевъ съ шашками въ рукахъ. Все это произошло такъ быстро, что, какъ мнѣ помнится, между первымъ залпомъ и неожиданнымъ появленіемъ текинцевъ прошло не болѣе полминуты. Положеніе 15 и 16 ротъ, принявшихъ на себя первый ударъ непріятеля, было далеко невыгодное: онѣ стояли въ траншеяхъ, глубиною около двухъ аршинъ, между тѣмъ какъ непріятель толпился надъ головами солдатъ.

Натискъ противника былъ въ высшей степени стремителенъ.

Взводъ 16-й роты, стоявшій въ мортирной батареѣ, былъ изрубленъ до одного человѣка; изъ другаго взвода этой же роты, расположеннаго ближе къ мортирной батареѣ, уцѣлѣла едва половина. 15-я рота страшнымъ порывомъ массы непріятеля разбита была на двѣ неравныя части: одна изъ нихъ—большая,—съ командиромъ роты, оттѣснена влѣво, а другая—меньшая—осталась въ траншеѣ. Первое, что пришло намъ въ голову,—это поскорѣе выскочить изъ узкой траншеи, ибо въ ней мы могли всѣ погибнуть, не будучи въ состояніи даже драться. На открытомъ полѣ бой сдѣлался еще ожесточеннѣе. Солдаты ясно сознавали, что у такого врага пощады нѣтъ: поэтому дрались на сколько силъ хватало, дорого продавая свою жизнь. Однако борьба была неравная: враги превосходили насъ численностью почти въ 20 разъ. Солдаты разбились на отдѣльныя кучки и штыками отбивались отъ многочисленнаго непріятеля; но всѣ усилія храбрецовъ были напрасны, и они погибали подъ ударами шашекъ. Сбивъ двѣ передовыя роты, непріятель устремился на редутъ. Залпъ 14-й роты не остановилъ натиска, и мгновенно редутъ наполнился толпами остервенѣлыхъ фанатиковъ. Завязалась борьба на смерть; къ нападавшимъ прибывали свѣжія силы, а ряды защитниковъ редута рѣдѣли. Въ первый моментъ схватки убили князя Магалова, послѣ

него палъ ротный командиръ, поручикъ Чикаревъ, за нимъ подпоручикъ Готто. Знаменщикъ, унтеръ-офицеръ Захаровъ, получивъ болѣе 10 ранъ, падаетъ и передаетъ знамя ближайшему солдату, но и тотъ сейчасъ же погибаетъ подъ ударами шашекъ. Остатокъ роты, всего около 30 человѣкъ, вытѣсненный изъ редута и окруженный со всѣхъ сторонъ текинцами, отступаетъ по полю. Вскорѣ вся эта масса приблизилась къ редуту № 1, откуда раздается залпъ туркестанской роты. Но, замѣтивъ въ толпѣ дерущихся нашихъ солдатъ, командиръ роты находится въ нерѣшительности, продолжать-ли стрѣльбу. Тогда изъ толпы раздаются громкіе голоса: «*Стрѣляйте, братцы, стрѣляйте, насъ тутъ мало — все больше текинцы*». Послѣдовало еще нѣсколько залповъ, жертвами которыхъ дѣлаются текинцы и герои Апшеронцы. Здѣсь нападеніе было отбито, хотя текинцы доходили до редута, и нѣкоторые изъ нихъ были убиты около самаго орудія.

Какъ только я выбрался изъ передовой траншеи, около меня сгруппировалось человѣкъ 12 солдатъ 15-й и 16-й ротъ. На насъ бросилась - было одна толпа, но ружейный огонь остановилъ ее, и я съ своей маленькой командой добрался до колѣна, образуемаго соединительнымъ ходомъ между 2-й параллелью и редутомъ № 2-й. Я положительно не зналъ, куда мнѣ идти: впередъ двигаться, гдѣ виднѣлись толпы текинцевъ, уже начавшихъ грабить убитыхъ, не имѣло смысла; увидя, какъ мала моя команда, они навѣрное задавили - бы ее своею численностью; отступить къ 1-й параллели — не возможно было, ибо тамъ сосредоточилась теперь вся масса текинцевъ. О движеніи въ лагерь не могло быть и рѣчи. Мое недоумѣніе разрѣшилъ бывшій со мной унтеръ-офицеръ Ткачевъ, посовѣтовавъ мнѣ остаться на мѣстѣ. «Все равно, говорилъ Ткачевъ, ихъ погонятъ назадъ, и тогда, ваше благородіе, мы ихъ примемъ здѣсь». Вскорѣ моя команда увеличилась еще нѣсколькими человѣками отъ разныхъ ротъ. Я никогда не забуду картины ночнаго боя 28-го декабря; она была поразительная. Съ цѣлью поддержать вылазку, текинцы открыли со стѣнъ сильнѣйшій ружейный огонь, и вся крѣпость была какъ-бы опоясана широкимъ огненнымъ кольцомъ. Нашъ лагерь тоже горѣлъ: 60 орудій открыли огонь по крѣпости. Все поле бытвы искрилось частыми ружейными огоньками. Трескъ ружей, выстрѣлы изъ орудій, громъ отъ разрывавшихся снарядовъ, крики текинцевъ и по временамъ наше «ура»—все это слилось вмѣстѣ и въ воздухѣ стоялъ какой-то невообразимый гулъ. Прошло минуты три; позади начали раздаваться правильные выдержанные залпы: — значитъ, непріятель отступалъ; и, дѣйствительно, онъ не замедлилъ появиться около насъ. Сначала показались одиночные бѣжавшіе текинцы, а затѣмъ они повалили безпорядочными толпами. Текинцы, какъ и вообще всѣ среднеазіатскіе народы, рѣшительны только въ первые моменты боя: если они сопровождаются успѣхомъ, тогда храбрость ихъ проявляется въ полномъ блескѣ; но достаточно малѣйшей неудачи—и рѣшимость у азіатовъ исчезаетъ безвозвратно: они начинаютъ бѣжать, и уже никакая сила ихъ не остановитъ. Теперь тѣ-же текинцы, которые такъ стремительно рвались впередъ, неудержимо пробѣгали мимо меня въ 20 шагахъ, объятые какимъ-то паническимъ страхомъ. Солдаты мои не замедлили воспользоваться случаемъ и посылали въ толпу непріятеля залпъ за залпомъ. Черезъ нѣсколько минутъ стала подходить какая-то часть,—то полковникъ Куропаткинъ велъ нашу 16-ю роту. Отъ товарищей своихъ я узналъ печальныя вѣсти: знамя наше взято, Магаловъ, Чикаревъ и Готто убиты, а почти вся 14-я рота вырѣзана. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ Скобелевъ съ начальникомъ штаба полковникомъ Гродековымъ и со свитою. «Гдѣ вы были?» обратился ко мнѣ генералъ; я отвѣтилъ, что оставался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ меня засталъ. «Отчего-же вы не убиты?» спросилъ Михаилъ Димитріевичъ. Я видѣлъ хорошо, что генералъ нашъ сердитъ; тѣмъ не менѣе, вопросъ его меня удивилъ и отчасти взволновалъ. «Ваше превосходительство, отвѣтилъ я, мѣсто, на

которомъ вы изволили застать меня съ командою, именно такое, гдѣ убивали; если я остался живъ, то во всякомъ случаѣ это не моя вина».

Генералъ не возразилъ на это ни слова, а приказалъ мнѣ подробно описать ему ходъ боя. Я началъ разсказывать, что зналъ, и передалъ извѣстія о потерѣ знамени и смерти офицеровъ. «Вотъ это плохо, что знамя потеряно», сказалъ Скобелевъ; «отправляйтесь сейчасъ съ нѣсколькими человѣками, осмотрите всѣ канавы и окрестную мѣстность, быть можетъ знамя не взято текинцами и гдѣ нибудь лежитъ».

Бывшій здѣсь командиръ туркестанской роты доложилъ генералу о томъ, какъ наши солдаты, замѣшанные въ толпѣ текинцевъ, кричали, чтобы по нимъ продолжали стрѣлять. Тогда Михаилъ Дмитріевичъ обратился къ подошедшей въ это время 14-й ротѣ, въ которой осталось только 17 человѣкъ, поблагодарилъ ее за доблесть, и поздравилъ оставшагося въ живыхъ фельдфебеля Острѣлина георгіевскимъ кавалеромъ. Къ несчастью, самые тщательные поиски за знаменемъ оказались тщетны: я обшарилъ всѣ канавы и ручьи, доходилъ до стѣнъ крѣпости и все-таки знамени не нашелъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, текинцы унесли его съ собою въ крѣпость.

Вылазка 28-го декабря стоила намъ очень дорого: убиты 6 штабъ и оберъ-офицеровъ и 91 нижній чинъ; ранены: 1 оберъ-офицеръ и 30 нижнихъ чиновъ. Собственно 3 роты Апшеронцевъ потеряли убитыми: *командира баталіона, подполковника князя Магалова, поручика Чикарева, подпоручика Готто и баталіоннаго врача Троцкаго, нижнихъ чиновъ 74; ранено — 28 нижнихъ чиновъ.* Кромѣ того, текинцы захватили одно горное орудіе и два зарядныхъ ящика.

Главная причина постигшей Апшеронцевъ катастрофы заключалась въ полной нераспорядительности траншей-маіора Богаевскаго, который, когда уже смеркалось, не озаботился выслать впередъ охранительную цѣпь; не было впереди ни одного секрета—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію и оспариванію, о чемъ я докладывалъ генералу Скобелеву, въ присутствіи его начальника штаба, полковника Гродекова (нынѣ генералъ-маіоръ).

2-я причина—малочисленность трехъ ротъ, занимавшихъ линію обороны почти въ 800 шаговъ длины. Траншеи еще не были вполнѣ окончены, не имѣли ступенекъ, и мы сидѣли въ ямахъ, откуда выскочить не такъ легко было. Текинцы рубили солдатъ сверху.

3-я причина—это смущеніе въ ротахъ, когда бѣжавшіе саперы начали кричать: «что вы по своимъ стрѣляете»! Успѣй роты произвести второй и третій залпъ,—дѣло могло принять совсѣмъ другой оборотъ, и Апшеронцевъ не постигла-бы такая неудача.

Ночь баталіонъ провелъ въ траншеяхъ, а на другой день отправился въ лагерь. Положеніе наше было самое тяжелое. Потеря знамени угнетала офицеровъ и солдатъ нравственно: мы не могли смотрѣть другъ другу въ глаза, хотя, собственно говоря, укоръ Апшеронцамъ въ этомъ былъ бы несправедливымъ, ибо за честь знамени они отдали свою жизнь, то-есть то, что дороже всего для человѣка, больше жизни отдавать было нечего: около знамени легъ командиръ баталіона и почти вся рота съ ея офицерами. Неужели этого не достаточно для оправданія баталіона, который всегда ревниво оберегалъ славу и честь полка?

На другой день, генералъ Скобелевъ, желая показать текинцамъ, что ихъ временный успѣхъ отнюдь не можетъ повліять на общій ходъ осады, приказалъ полковнику Куропаткину овладѣть нѣсколькими калами, именуемыми Великокняжескими. Здѣсь было три большихъ калы, которыя впослѣдствіи названы: Главной, Охотничьей и Туркестанской. Главная кала, расположенная у Великокняжескаго ручья, находилась отъ крѣпости въ 300 шагахъ, остальныя двѣ — въ 150 шаговъ. Калы были заняты съ боя, причемъ мы потеряли:

одного оберъ-офицера и 14 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены: 1 штабъ-офицеръ, 3 оберъ-офицера и 34 нижнихъ чина. Войска Куропаткина расположились въ калахъ.

Того же числа лагерь отряда перенесенъ на 280 саженъ ближе къ крѣпости.

Великокняжескія калы укрѣплены были надлежащимъ образомъ, и въ стѣнахъ пробиты бойницы.

Ночью, 30-го декабря, текинцы вновь произвели вылазку; на этотъ разъ цѣлью ихъ нападенія явились лѣвый флангъ осадныхъ работъ и лѣвый флангъ лагеря. Какъ и 28-го числа, нападеніе непріятеля отличалось большою стремительностью, и въ первые моменты боя они вытѣснили изъ передовыхъ траншей роты. Хотя подоспѣвшій резервъ и отбилъ вылазку, тѣмъ не менѣе текинцы успѣли захватить одно орудіе.

Лѣвый флангъ лагеря охранялся 3-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка. Когда завязался въ траншеяхъ бой, то одновременно массы пѣшихъ и конныхъ текинцевъ бросились на лагерь. Роты стояли въ полной готовности встрѣтить противника; подпустивъ его на близкое разстояніе, подполковникъ Поповъ произвелъ одинъ залпъ и, не давъ опомниться текинцамъ,—второй залпъ, послѣ чего роты бросились въ штыки. Но непріятель, потерявъ много убитыхъ и раненыхъ отъ ружейнаго огня, обратился въ полное бѣгство.

Одновременно съ нападеніемъ на траншеи и лагерь, текинцы пытались овладѣть Правофланговой калой, но были отбиты. Въ этотъ день отрядъ потерялъ: 1 оберъ-офицера и 52 нижнихъ чина убитыми, 2 оберъ-офицеровъ и 96 нижнихъ чиновъ ранеными.

Съ 30-го декабря нашъ баталіонъ безсмѣнно находился въ траншеяхъ. Безъ сна и безъ пищи мы проводили уже 4-й день. Полосканіе желудковъ чаемъ производилось по нѣскольку разъ въ день, питались одними сухарями, а о горячей пищѣ забыли уже и думать. Нервы находились въ самомъ напряженномъ состояніи; съ завистью поглядывалъ я на каждаго раненаго, уносимаго въ лагерь, и не разъ мысленно желалъ быть раненымъ, чтобы хотя на время успокоиться. У меня былъ товарищъ, офицеръ кавказской гренадерской артиллерійской бригады, князь Херхеулидзе; онъ не разъ выражалъ желаніе, чтобы его ранили въ руку. Наконецъ, судьба сжалилась надъ нимъ: его дѣйствительно ранили въ руку, на вылетъ въ мягкія части; но несчастный отъ этой пустой, въ сущности, раны и умеръ. Новый годъ я съ 14-й ротой встрѣчалъ на мортирной батареѣ. Было уже 11 час.; утомленный до-нельзя безсонными ночами, я прикурнулъ около одной изъ мортиръ. Около 12 часовъ меня разбудилъ начальникъ артиллеріи праваго фланга, полковникъ Гейнсъ. «Вставайте, сейчасъ будемъ новый годъ встрѣчать». Мортиры были заряжены, и когда стрѣлка часовъ показала 12,—изъ мортиръ раздался залпъ по крѣпости. Одновременно такіе залпы раздались изъ лагеря и изъ всѣхъ осадныхъ батарей. Снаряды съ мортирной батареи полетѣли въ крѣпость. Высоко въ воздухъ взвился цѣлый снопъ ядеръ; затѣмъ они, свѣтясь точно звѣзды, съ своимъ характернымъ звукомъ, стали опускаться надъ Геокъ-тепе, ускоряя паденіе съ приближеніемъ къ землѣ. Вотъ они скрылись за стѣнами. Прошло нѣсколько мгновеній; раздалось нѣсколько оглушительныхъ взрывовъ—и опять все стихло. На батареѣ была приготовлена закуска: стояла бутылка спирту, солдатскіе сухари и нѣсколько кусочковъ холоднаго мяса. Каждый изъ насъ выпилъ, закусилъ кускомъ мяса съ сухаремъ—и тѣмъ закончилась встрѣча новаго года. Что-то онъ намъ принесетъ—этотъ новый годъ? Хоть бы ужъ скорѣе штурмъ и покончить съ этой проклятою крѣпостью.

Между тѣмъ, осадныя работы подвигались довольно успѣшно, и 31-го декабря изъ Великокняжеской калы начались минныя работы, съ цѣлью взорвать часть стѣны восточнаго фаса. Минными работами завѣдывалъ сначала подполковникъ Яблочковъ; а когда его ранили,—то капитанъ Масловъ.

*

Въ виду того, что мину вести стали очень далеко отъ стѣны, рѣшили бросить начатыя работы, и овладѣть небольшимъ загономъ и плотиною вблизи самаго рва, послѣ чего начать новую мину.

Назначенныя съ этой цѣлью 3 роты (въ томъ числѣ 11-я рота Апшеронцевъ, подъ командою поручика Коркашвили) и команда охотниковъ подпоручика Воропанова, въ ночь на 4-е января, двинулись для занятія загона, что и было исполнено безъ всякихъ препятствій со стороны текинцевъ. Вслѣдъ затѣмъ отвели отъ плотины воду въ старое русло. Загонъ насколько возможно укрѣпили, обложили земляными мѣшками и заняли одной ротой. Ночное дѣло стоило намъ 2-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ 1 оберъ-офицера и 14 нижнихъ чиновъ.

На другой день, 4-го января, часовъ въ 8 вечера, текинцы произвели третью вылазку и опять на лѣвый флангъ. Но о предполагаемой вылазкѣ заранѣе уже было извѣстно,—и приняты всѣ мѣры къ отпору. Войска были выведены изъ траншей и разставлены передъ рвами. Текинцы одновременно бросились на лѣвый флангъ, на занятый наканунѣ редутъ у Великокняжской калы и на Ольгинскую калу (лѣвѣе Правофланговой). Непріятель былъ вездѣ отбитъ съ огромной потерей.

Въ помощь гарнизону Ольгинской калы, командовавшій войсками праваго фланга, полковникъ Наврощкій, послалъ нашу 14-ю роту. Когда рота подходила къ калѣ, то непріятель уже отступалъ, и намъ оставалось только послать ему въ догонку нѣсколько залповъ [11]). Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ осадныя войска понесли большія потери: убиты 1 оберъ-офицеръ и 10 нижнихъ чиновъ; ранены 3 оберъ-офицера и 54 нижнихъ чина; контужено 11 нижнихъ чиновъ. Захваченъ у насъ одинъ ракетный станокъ. Работы у Великокняжеской калы продолжались съ большой энергіей. Загонъ, гдѣ былъ устроенъ редутъ, совершенно укрѣпленъ; около него устроена овальная траншея и начаты двѣ перекидныя сапы; къ 6-му января онѣ подвинулись на 8 саженъ впередъ и между ними устроили глубокій соединительный ходъ.

Передъ вечеромъ, 6-го января, баталіонъ нашъ занималъ редутъ № 1. Съ нами находился вновь назначенный командиръ баталіона, войсковой старшина флигель-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ. Около 4 часовъ вечера небо заволокло темными, свинцовыми тучами, и вскорѣ разразился такой ураганъ, какого я еще въ жизни никогда не видѣлъ. Солдатъ буквально засыпало тучами песку и мелкаго камня. Въ двухъ шагахъ впереди ничего нельзя было видѣть; носъ, глаза и ротъ были полны песку. Всѣ мы ожидали, что непріятель непремѣнно воспользуется случаемъ и произведетъ вылазку. Но, къ счастью, текинцы также ожидали нападенія и не оставляли крѣпости. Черезъ часъ буря стихла, выглянула изъ-за тучъ луна, и всѣ мы вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ.

7-го января у насъ было удивительное зрѣлище. Въ этотъ день Скобелевъ предложилъ текинцамъ перемиріе, для уборки непріятельскихъ тѣлъ. Трупы текинцевъ, послѣ вылазки 4-го января, валялись повсюду около нашихъ траншей, уже начали разлагаться и производили зловоніе. Текинцы согласились на перемиріе, и около часу дня перестрѣлка прекратилась. Стѣны Геокъ-тепе покрылись массами текинцевъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ; солдаты также повылѣзли изъ траншей. Генералъ Скобелевъ находился въ 3-й параллели и въ бинокль разсматривалъ крѣпость и толпившихся на стѣнахъ ея текинцевъ. Между ними ясно можно было замѣтить, даже невооруженнымъ глазомъ, одного пожилаго текинца, повидимому почетнаго человѣка, который расхаживалъ по стѣнѣ и кричалъ своимъ

[11]) 14-й ротой съ 4-го января командовалъ подпоручикъ Рудневъ.

собратьямъ: «Смерть тому, кто выстрѣлитъ». И за все время, дѣйствительно, не раздалось не только ни одного выстрѣла, но даже ругательнаго возгласа по адресу русскихъ.

Въ то время какъ происходила уборка тѣлъ, хотя для этой цѣли вышло очень мало народу, ибо непріятель опасался съ нашей стороны измѣны, Скобелевъ предложилъ текинцамъ сдаться, но получилъ отказъ. «Ну, такъ выведите изъ крѣпости вашихъ женъ и дѣтей, чтобы они не погибли», сказалъ генералъ. «Не ваше дѣло; наши жены и дѣти спрятаны; да, вы дойдете къ нимъ только черезъ наши тѣла», отвѣчали храбрые защитники. Потомъ текинцы начали кричать со стѣнъ, чтобы мы спрятались, такъ какъ они начнутъ стрѣлять. Когда всѣ солдаты скрылись въ траншеи, а стѣны крѣпости опустѣли, то, спустя часъ послѣ начала перемирія, раздался первый выстрѣлъ текинцевъ и опять началась перестрѣлка.

Вообще поведеніе нашего непріятеля во время перемирія заслуживаетъ полнаго уваженія, принимая во вниманіе, что это народъ полудикій, ведущій и понимающій войну по-своему.

Въ то время, какъ къ юговосточному фасу стѣны велась мина, всѣ усилія артиллеріи лѣваго фланга направлялись къ тому, чтобы пробить снарядами брешь въ южной стѣнѣ. Но толстая глиняная стѣна мало поддавалась усиліямъ артиллеріи, да и поврежденія текинцы сейчасъ задѣлывали верхами отъ кибитокъ. Желая помочь артиллеріи, начальникъ отряда рѣшилъ расширить брешь посредствомъ пироксилиноваго взрыва. Въ 7 часовъ вечера, 7-го января, меня и гардемарина Майера потребовали въ кибитку Скобелева. «Я васъ посылаю, сказалъ намъ генералъ, сдѣлать взрывъ въ стѣнѣ; дойдите до «подковы» [12]), отсюда спуститесь въ ровъ и произведите взрывъ, а теперь отправляйтесь къ начальнику штаба за подробными указаніями». Мы поклонились и вышли изъ кибитки. Полковникъ Гродековъ на картѣ показалъ намъ гдѣ «подкова», приказалъ дѣлать все въ величайшей тишинѣ, и въ случаѣ, если текинцы замѣтятъ насъ, то, не открывая своего намѣренія, безъ стрѣльбы отступить. Въ качествѣ переводчика намъ дали армянина Тервартанова.

Въ 8 часовъ вечера гардемаринъ Майеръ съ матросами, гальваническою батареей и двумя пудами пироксилина, а я съ 40 Апшеронцами — вышли изъ 3-й параллели и поползли къ стѣнѣ. Ночь была холодная, очень темная и, вдобавокъ, моросило. Мы безъ шума приближались къ крѣпости, стѣны которой едва замѣтными темными линіями обозначались впереди. По дорогѣ попадалось множество убитыхъ текинцевъ, которыхъ непріятель не убралъ. До подковы, судя по картѣ, было не болѣе 150 шаговъ, а между тѣмъ мы ползли уже минутъ 10, и этой траншеи еще не видно было. Остановились, чтобы осмотрѣться, и увидѣли, что направляемся къ юго-западному углу крѣпости. Повернули назадъ и уже ползли вдоль рва, шаговъ въ 15 отъ него. На стѣнахъ слышался разговоръ и видно было, какъ караульные курили кальянъ. Вотъ, наконецъ, и желанная подкова. Но въ то время, какъ Майеръ собирался уже переходить ровъ, Тервартановъ сообщилъ, что голоса текинцевъ раздаются снова во рву, и они собираются на вылазку. Я и теперь не могу сказать навѣрное: правду ли говорилъ переводчикъ, или онъ, струсивъ, совралъ намъ. Послѣднее мнѣ кажется вѣрнѣе, ибо въ эту ночь текинцы никакой вылазки не дѣлали. Однако, имѣя въ виду точное приказаніе полковника Гродекова, мы рѣшились отступить, не желая быть открыты непріятелемъ. Скобелевъ ожидалъ насъ въ траншеѣ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ разсердился на насъ и на переводчика. «Переводчикъ навѣрное вамъ совралъ. А вы, мальчишки, повѣрили ему. Хотя бы, наконецъ, сдѣлали по стѣнѣ залпъ, чтобы показать текинцамъ вашу дерзость». Названіе «мальчишки» до такой степени насъ разобидѣло, что, едва ушелъ генералъ, какъ мы вновь вышли изъ траншеи и опять поползли къ стѣнѣ. Не успѣли мы сдѣлать и 40

[12]) Оставленная текинцами траншея.

шаговъ, какъ слышимъ позади зовущіе насъ голоса: то былъ съ казаками полковникъ князь Эристовъ, посланный Скобелевымъ за нами. «Воротитесь,—васъ генералъ требуетъ», сказалъ онъ намъ. Мы отправились. Михаилъ Дмитріевичъ сидѣлъ уже въ своей кибиткѣ, за большимъ столомъ, на которомъ горѣли два канделябра.

«Вы это куда пошли, кто вамъ приказалъ, накинулся на насъ генералъ; обидно стало, что мальчишками васъ назвалъ; но вѣдь мальчишки не значитъ трусы, а въ трусости я васъ не обвинялъ.

«Ну чего вы стоите и молчите. Да, вы оба мальчишки, обоимъ вамъ вмѣстѣ, поди, и тридцати восьми лѣтъ нѣтъ; я вамъ въ отцы гожусь».

Видя, что нашъ генералъ перемѣнилъ тонъ, мы немного оправились. «Въ отцы—не въ отцы, а въ дядюшки годитесь, ваше пр-во», сказалъ Майеръ.

«А какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?»

«36 лѣтъ, ваше пр-во», отвѣтилъ я.

«Ну, положимъ, не 36, а цѣлыхъ 39».

«Однако убирайтесь, сказалъ генералъ, вставая изъ за-стола; и безъ моего приказанія никуда не суйтесь». Затѣмъ онъ взялъ насъ обоихъ за плечи и ласково подтолкнулъ къ двери. Мы раскланялись и вышли.

Прошло еще три дня томительнаго ожиданія. Минныя работы велись съ необычайною энергіею, чему много способствовалъ Михаилъ Дмитріевичъ, постоянно наблюдавшій за работами и торопившій саперъ. Ночью въ крѣпости въ послѣдніе дни наблюдалась полная тишина; даже не слышно было криковъ верблюдовъ иословъ и лая собакъ, какъ будто бы все это по ночамъ исчезало изъ Геокъ-тепе или уходило куда-то въ нѣдра земли.

Нашъ баталіонъ по-прежнему оставался на правомъ флангѣ; прошло уже двѣ недѣли со времени дѣла 28 декабря, а между тѣмъ какъ офицеры, такъ и всѣ до одного солдата не могли свыкнуться съ разразившимся надъ баталіономъ бѣдствіемъ. «Эхъ, говорили солдаты, хотя бы ужь штурмъ поскорѣе, чтобы или смерть, или возвратить знамя». Со дня потери знамени, я не слышалъ между солдатами ни шутокъ, ни смѣху, ни пѣсенъ: всѣ какъ бы ушли въ себя. Что передумалъ и перечувствовалъ каждый изъ насъ,—предоставляю судить каждому. Но положеніе наше было далеко не завидное. Что скажутъ въ полку, какъ тамъ примутъ извѣстіе о потерѣ знамени?—эти вопросы насъ мучили ежечасно, ежеминутно. 10-го января генералъ Скобелевъ объявилъ намъ, что пошлетъ баталіонъ въ головѣ штурмующихъ войскъ добывать себѣ знамя. Это рѣшеніе любимаго нами генерала принято было баталіономъ съ величайшею радостью. «Ужь постараемся заслужить», говорили ободрившіеся при этой вѣсти солдаты. И всѣ мы сознавали, что намъ дѣйствительно нужно постараться и заслужить Царскую милость и кровью добыть себѣ знамя. 11-го января капитанъ Масловъ донесъ Скобелеву, что мина утромъ, 12 января, будетъ готова, и того же числа была отдана диспозиція къ штурму. Одна изъ копій этой диспозиціи, разосланная въ части, и до сихъ поръ у меня сохранилась; приведу выдержки изъ нея:

«Завтра, 12 января, имѣетъ быть взятъ штурмомъ главный валъ непріятельской крѣпости у юго-восточнаго угла ея.

«Для штурма назначаются колонны:

1) Полковника Куропаткина—изъ 11 1/2 ротъ, 1 команды, 9 ракетныхъ и одного геліографнаго станковъ [13].

---

[13]) 6 ротъ Ширванскаго полка, 3 роты Туркестанскаго линейнаго баталіона, команда охотниковъ и рабочихъ, полурота саперъ, смѣшанная казачья сотня, горные взводы: 6-й батареи 21 артиллерійской бригады и туркестанскій, двѣ картечницы, два ракетныхъ станка изъ туркестанскаго отряда и геліографный станокъ.

«Колонна овладѣваетъ обваломъ, произведеннымъ взрывомъ Великокняжеской мины, утверждается на немъ прочно, укрѣпляется въ юго-восточномъ углу крѣпости и входитъ въ связь со второю колонною полковника Козелкова.

Сборный пунктъ—Великокняжеская кала, 7 ч. утра.

«2-я колонна полковника Козелкова, во главѣ которой 4-й баталіонъ Апшеронцевъ, состояла изъ 8 1/4 ротъ, 2-хъ командъ, 3 орудій, 2-хъ ракетныхъ и одного геліографнаго станковъ [14].

«Колонна овладѣваетъ артиллерійской брешью, входитъ въ связь съ первою колонною, прочно утверждается и укрѣпляется на бреши, въ общей обоюдной зависимости съ колонною полковника Куропаткина. Сборный пунктъ — 3-я параллель, къ 7-ми часамъ утра, въ передовомъ плацдармѣ.

«3-я колонна подполковника Гайдарова—4 1/4 роты, 2 команды, 1 1/2 сотни, 5 орудій, 5 ракетныхъ и одинъ геліографный станокъ [15].

«Колонна овладѣваетъ Мельничною калою и ближайшими къ ней ретраншементами, съ цѣлью подготовленія и обезпеченія успѣха второй колонны; затѣмъ усиленнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ дѣйствуетъ по внутренности крѣпости, обстрѣливая ее продольно и въ тылъ непріятелю, сосредоточенному противъ главной атаки, и, наконецъ, только въ зависимости отъ успѣха главной атаки, наступаетъ на главный валъ.

«Сборный пунктъ—Опорная кала, 7 часовъ утра.

«Общій резервъ въ моемъ распоряженіи, у Ставропольскаго редута, въ 7 часовъ утра; 21 рота, 24 орудія и геліографный станокъ [16].

«Атаку начинаетъ подполковникъ Гайдаровъ въ 7 часовъ утра. Одновременно вся артиллерія дѣйствуетъ по крѣпости. Штурму обваловъ предшествуетъ усиленная бомбардировка въ теченіи получаса.

«Атака обоихъ обваловъ начинается одновременно, тотчасъ послѣ взрыва минъ у Великокняжеской позиціи. Приказаніе взорвать мину получитъ отъ меня письменно начальникъ инженеровъ въ Великокняжеской калѣ.

«Артиллерія дѣйствуетъ по внутренности крѣпости, согласно указаній, данныхъ мною начальнику артиллеріи.

«Людямъ имѣть сухари, чай и сахаръ на два дня, котелки, баклажки, 120 патроновъ и шанцевый инструментъ.

«Форма одежды: мундиръ или сюртукъ, по усмотрѣнію начальниковъ частей.

«Перевязочные пункты: 1) на Великокняжеской позиціи; 2) на лѣвомъ флангѣ 3-й параллели; 3) въ Ставропольскомъ редутѣ; 4) при колоннѣ подполковника Гайдарова сначала въ Опорной, а потомъ—въ Мельничной калѣ; 5) у хода сообщеній между 1-й и 2-й параллелью и, кромѣ того, 6) резервные перевязочные пункты въ лагерѣ и на Великокняжеской позиціи.

«Я буду находиться въ началѣ боя въ Ставропольскомъ редутѣ».

Остальныя войска и орудія распредѣлены были гарнизонами въ калахъ. Комендантомъ лагеря назначался полковникъ Арцышевскій; для охраны лагеря въ немъ собраны были всѣ деньщики, нестроевыя команды и сотня Оренбургскаго № 5 полка.

---

[14] 4-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Ставропольскаго полковъ, взводъ саперъ, команды морскихъ охотниковъ и рабочихъ, взводъ 6 батареи 21 артиллерійской бригады, одна картечница, два ракетныхъ и одинъ геліографный станка.

[15] Баталіонъ Самурскаго полка, команды охотниковъ и рабочихъ, взводъ саперъ, 4-я батарея 20 артиллерійской бригады, одна картечница, конно-горный взводъ, 5 ракетныхъ станковъ, 1 1/2 сотни Таманскаго казачьяго полка и геліографный станокъ.

[16] 3-й баталіонъ Апшеронскаго, 6 ротъ Дагестанскаго, 3 роты Самурскаго и двѣ роты Ширванскаго полковъ, рота желѣзнодорожнаго баталіона, спѣшенный трехротный баталіонъ изъ дивизіона Тверскихъ драгунъ и Полтавскаго казачьяго полка, 4-я батарея и 3 взвода 3-й батареи 19-й и полубатарея 1-й батареи 21 артиллерійскихъ бригадъ и геліографный станокъ.

Вечеромъ, наканунѣ штурма, охотники, подъ прикрытіемъ 13-й роты Апшеронцевъ, ходили взрывать пироксилиновую мину въ артиллерійской бреши; хотя мина и была взорвана, тѣмъ не менѣе она произвела очень недостаточный обвалъ и почти не сдѣлала никакого уширенія.

Вечеромъ нашъ баталіонъ перевели на лѣвый флангъ и расположили его въ 3-й параллели. Ночь прошла спокойна; но мало кто спалъ—всѣ думали о предстоявшемъ штурмѣ, о томъ прійдется-ли кому остаться въ живыхъ. Мы отлично сознавали важность возложенной на насъ задачи: вѣдь баталіону первому придется идти на штурмъ, проложить, такъ сказать, дорогу другимъ, но зато самимъ, навѣрное, сильно пострадать.

Забрезжилъ свѣтъ и наступило сѣренькое утро. Солдаты зашевелились, стали приводить себя въ порядокъ, кое-кто, на случай смерти, въ короткихъ словахъ завѣщалъ свои пожитки товарищу. Всѣ мы были сосредоточены, но совершенно спокойны. Желанный штурмъ наступалъ, а что тамъ дальше будетъ—объ этомъ мало кто раздумывалъ. Съ разсвѣтомъ началась обычная перестрѣлка; впрочемъ, съ нашей стороны мало стрѣляли. Но вотъ громыхнуло первое орудіе, за нимъ пошли остальныя, и бомбардировка открылась. Стрѣльба была на столько сильна, что въ воздухѣ отъ разрывающихся снарядовъ стоялъ какой-то стонъ. У насъ у всѣхъ звенѣло въ ушахъ. Весь огонь артиллеріи направленъ былъ въ артиллерійскую брешь, съ цѣлью возможно больше расширить ее. Не смотря на адскій огонь, текинцы, стоя въ самой бреши и не обращая вниманія на разрывавшіеся около нихъ снаряды, поспѣшно лопатами забрасывали брешь. «Сейчасъ начнется штурмъ, приготовьтесь», сказалъ намъ, проходя, какой-то адъютантъ. Всѣ взоры устремились къ Великокняжеской калѣ, гдѣ взрывъ долженъ былъ послужить сигналомъ атаки. Въ 11 часовъ и 20 минутъ на восточномъ фасѣ крѣпости раздался страшный глухой ударъ и въ ту же секунду высоко надъ крѣпостью поднялся огромный столбъ земли. Баталіонъ выскочилъ изъ траншей и двинулся на штурмъ. Впереди шли 40 охотниковъ изъ баталіона, подъ командою подпоручика Попова, за нимъ баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ. При 16-ой ротѣ несли штурмовыя лѣстницы и фашины для забрасыванія рва. Не успѣли мы пройти и сорока шаговъ, какъ первымъ упалъ прапорщикъ Усачевъ — ему пуля пробила ногу; вслѣдъ затѣмъ получилъ двѣ тяжелыхъ раны графъ Орловъ-Денисовъ; падая, онъ указалъ баталіону на брешь. Не обращая вниманія на постоянно падавшихъ товарищей, Апшеронцы упорно шли къ стѣнѣ, и, наконецъ, съ крикомъ ура бросились на брешь. Взбираться на насыпь было очень трудно, ибо она была очень крута и все время осыпалась: солдаты то и дѣло скатывались назадъ, и опять упрямо лѣзли впередъ. Въ числѣ первыхъ взобрался на брешь подпоручикъ Поповъ, но тотчасъ же сбѣжалъ внизъ, держась за голову: онъ былъ раненъ. Рядомъ со мною падаетъ убитый на повалъ фельдфебель Острѣлинъ, пуля попала ему прямо въ лобъ. Солдаты нашего баталіона на нѣсколько минутъ унизали гребень бруствера и схватились съ текинцами въ рукопашную. Дрались чѣмъ попало: штыками, пиками, шашками, бросали въ другъ друга кусками глины. Во время рукопашной схватки, какой-то текинецъ ранилъ въ грудь пикой прапорщика Кашеринова. Но вотъ сзади насъ крикнули «ура»: то шелъ въ атаку 3-й баталіонъ Апшеронцевъ. Этотъ крикъ заставилъ солдатъ нашего баталіона вскочить, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, ринулись внизъ, въ крѣпость. Первое, что представилось намъ въ крѣпости,—это стоявшая у самой стѣны огромная кибитка, изъ которой текинцы производили непрерывную пальбу. Сейчасъ же бросились къ ней и началось разстрѣливаніе кибитки. Черезъ минуту она была полна только трупами. Такъ вотъ она эта крѣпость, подумалъ я. Внутри, на сколько хваталъ глазъ, стояли кучками и отдѣльно кибитки; вся внутренность крѣпости была изрыта ямами и канавами. Изъ каждой кибитки раздавались выстрѣлы. Вправо отъ насъ по стѣнамъ и

вдоль восточной стѣны шелъ ожесточенный бой колонны Куропаткина съ текинцами. Нашъ 3-й баталіонъ также ворвался въ крѣпость; рядомъ со мною стоялъ раненый въ руку подпоручикъ Дегтяревъ. Скобелевъ былъ уже на стѣнѣ, и около него развѣвалось знамя 3-го баталіона. «Гдѣ вашъ командиръ баталіона»? спросилъ я Дегтярева.—«Кажется, онъ убитъ или, во всякомъ случаѣ, тяжело раненъ», отвѣтилъ онъ мнѣ. Принявъ еще на стѣнѣ крѣпости, по приказанію нашего новаго командира баталіона, маіора Хана Нахичеванскаго, команду охотниковъ, я продвинулся съ нею немного впередъ. Никто изъ насъ не зналъ идти-ли дальше, или остановиться, такъ какъ, согласно диспозиціи штурма, войска уже выполнили свою задачу. Лично мое недоумѣніе разрѣшилъ полковникъ Куропаткинъ (его колонна уже вошла въ связь съ нашей), приказавъ мнѣ присоединиться къ его колоннѣ и двигаться внутрь крѣпости.

Передъ нами отступали кучки текинцевъ; изъ-за каждой кибитки раздавались выстрѣлы, и въ моей командѣ уже ранили 6 человѣкъ. Влѣво отъ меня двигались 10-я и 11-я роты Апшеронцевъ, а сзади шелъ 4-й баталіонъ. На стѣны крѣпости ввезли орудія и открыли изъ нихъ огонь. Чѣмъ болѣе войска углублялись въ крѣпость, тѣмъ защита становилась все слабѣе и слабѣе. Гдѣ же текинцы? спрашивалъ я себя. Вотъ ужь недалеко и холмъ Денгли-тепе. Съ одной стороны на него взбиралась какая-то туркестанская рота, съ другой—я съ охотниками. И что за зрѣлище представилось намъ отсюда! Все поле за крѣпостью, насколько могъ охватить глазъ, было сплошь покрыто толпами бѣгущихъ текинцевъ. Скобелевъ уже получилъ о томъ извѣстіе и немедленно отправилъ пѣхоту и кавалерію въ преслѣдованіе непріятеля. У самаго выхода изъ крѣпости, какъ разъ у сѣвернаго фаса, находилось нѣсколько обширныхъ, довольно глубокихъ ямъ, которыя буквально кишѣли женщинами и дѣтьми. Всѣ они наполняли воздухъ отчаянными воплями. У Денгли-тепе я чуть-было не отправился къ праотцамъ. Шагахъ въ 15 отъ холма сидѣлъ, поджавъ ноги, текинецъ. Когда мы взбѣжали на холмъ, онъ прицѣлился и выстрѣлилъ изъ ружья. Пуля пробила мнѣ фуражку и задѣла наружные покровы передней части головы. Разрядивъ ружье, текинецъ преспокойно бросилъ его и сталъ ожидать смерти. Просто, жаль было убивать такого молодца; но приказъ Скобелева «не щадить никого»—слишкомъ ясно звучалъ въ нашихъ ушахъ, и, черезъ нѣсколько мгновеній, текинецъ былъ поднятъ на штыки. Такой же участи, я помню, подвергся и какой-то ханъ, пришедшій къ Скобелеву съ переговорами о мирѣ, какъ только мы вступили въ крѣпость.

Преслѣдованіе текинцевъ продолжалось нѣсколько верстъ за крѣпостью. Было уже 4 часа пополудни, когда баталіонъ возвращался въ лагерь. Здѣсь насъ ожидала радостная вѣсть: знамя наше найдено командою Воропанова, и первые солдаты, увидѣвшіе и схватившіе дорогую для насъ святыню, были опять-таки Апшеронцы. Оглушительное ура раздалось въ баталіонѣ, и никогда оно не было такъ сердечно, такъ искренно и такъ радостно. Мы обнимали другъ друга; солдаты дѣлали то же самое; у многихъ на глазахъ блестѣли слезы. Когда намъ принесли знамя, то солдаты съ восторгомъ толпились около него и цѣловали полотно и древко. Тѣмъ не менѣе, знамя не приказано было выносить до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то Высочайшей санкціи, и его опять отнесли къ кибиткѣ Скобелева.

Итакъ, Геокъ-тепе пало и, нужно откровенно сказать, совсѣмъ для насъ неожиданно. Согласно диспозиціи къ штурму, вся задача штурмующихъ войскъ сводилась только къ овладѣнію юго-восточнымъ фасомъ крѣпости, всю же крѣпость предполагалось взять на другой и даже на третій день, подвигаясь постепенно впередъ. Генералъ Скобелевъ ожидалъ сильнаго сопротивленія, и мы таковое встрѣтили, но не со стороны всѣхъ текинцевъ: на стѣнахъ дралось только тысячъ пять или шесть защитниковъ, рѣшившихся умереть, но не отступать; остальные послѣ взрыва бѣжали. Вотъ почему мы такъ сравнительно легко овладѣли крѣпостью.

Подумаешь, какъ удача мѣняетъ настроеніе духа человѣка: оживленныя лица повсюду; въ нашемъ баталіонѣ смѣхъ, шутки, веселье и пѣсни. Каждый разсказываетъ эпизодъ боя, и все это безъ малѣйшей рисовки, безъ всякаго сознанія, что въ этомъ эпизодѣ онъ выказалъ себя полнымъ героемъ. 4-й баталіонъ Апшеронцевъ, какъ и надо было ожидать, пострадалъ больше всѣхъ: убито 16 нижнихъ чиновъ; ранены: флигель-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, подпоручикъ Поповъ, прапорщики Кашерининовъ и Усачевъ (умеръ отъ раны), нижнихъ чиновъ 68; контужены: поручики Коркмасовъ и Бениславскій, подпоручики—Коробковъ, Рудневъ и Шіяновскій, прапорщики—Лебединскій и Богуславскій, нижнихъ чиновъ—31. Словомъ, нашъ баталіонъ, по окончаніи дѣла, имѣлъ въ строю 179 человѣкъ; это число немного больше, чѣмъ показана потеря баталіона; но многіе контуженные остались въ ротахъ. Въ 3-мъ баталіонѣ Апшеронцевъ убито нижнихъ чиновъ 7; ранены: командиръ баталіона, подполковникъ Поповъ, штабсъ-капитанъ Харкевичъ, подпоручикъ Дегтяревъ и нижнихъ чиновъ 27.

Общая же потеря отряда при взятіи Геокъ-тепе заключалась въ 4 оберъ-офицерахъ и 55 нижнихъ чинахъ убитыми; въ 18 офицерахъ и 236 нижнихъ чинахъ ранеными; въ 12 офицерахъ и 73 нижнихъ чинахъ контуженными. Лошадей убито 47, ранено 24.

Непріятель потерялъ во время штурма убитыми до 8,000 человѣкъ. Кромѣ того, множество тѣлъ текинскихъ валялось въ разныхъ ямахъ; масса тѣлъ, раньше убитыхъ, кучами сложена была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, около стѣнъ, ибо у нашего противника не хватало времени хоронить ихъ.

Скобелевъ отдалъ солдатамъ крѣпость на три дня. Изъ кибитокъ выносили дорогіе ковры, поласы, дорожки, различныя серебряныя и золотыя украшенія и проч. Все это солдаты уже 12-го января продавали за безцѣнокъ. Огромнѣйшій коверъ, аршина въ 3 или 4 въ квадратѣ, шелъ за 5, много-много за 10 руб. Но главное, на что набросились солдаты,—это на съѣдобное: каждый изъ нихъ тащилъ себѣ горшокъ сала, лукъ, крупу, барана, курицу, словомъ,—что попадалось подъ руку. Вечеромъ въ лагерѣ запылали многочисленные костры; у каждаго изъ нихъ толпилась кучка соддатъ, жарившая себѣ въ салѣ лепешки изъ муки. Меня солдаты тоже угостили такими лепешками, и, право, мнѣ тогда показалось, что вкуснѣе я ничего не ѣдалъ.

Богатый самыми разнообразными впечатлѣніями и событіями день, 12-го января, кончился; наступилъ вечеръ. Всѣ офицеры нашего баталіона собрались въ кибитку командира 13-й роты поручика Коркмасова. Со времени прихода подъ Геокъ-тепе нашъ товарищескій кружокъ уменьшился ровно вдвое—осталось всего 7 человѣкъ. Странное впечатлѣніе производила эта компанія на свѣжаго человѣка: у одного подвязана голова, у другого—рука, третій хромалъ, у четвертаго—глазъ подбитъ и т. д.—это все слѣды недавняго штурма. Костюмы были также довольно замѣчательные: одинъ въ тужуркѣ, другой—въ шведской курткѣ съ погонами, третій—въ полушубкѣ, четвертый—въ русскомъ тулупѣ, пятый—въ туркменскомъ тулупѣ съ узкими рукавами, и, кажется, ни одного не было въ установленной формѣ. Генералъ Скобелевъ разрѣшилъ намъ носить какую угодно одежду, но обязалъ имѣть погоны. Вскорѣ компанія разошлась по своимъ кибиткамъ, чтобы, послѣ долгихъ безсонныхъ ночей, хорошо уснуть.

Утромъ, 13-го января, меня разбудилъ какой-то шумъ. Я всталъ, напился чаю. Смотрю: мой денщикъ, изъ мордвинъ, ухмыляется. «Чего ты смѣешься»? спрашиваю его.

«Пожалуйте, ваше благородіе, я вамъ что-то показать хочу», отвѣчаетъ онъ мнѣ.

Выхожу изъ кибитки и въ удивленіи только руками развелъ: у юламейки стоятъ привязанными къ колу два осла, козелъ, три барана и двѣ борзыхъ собаки—словомъ, цѣлое хо-

зяйство. «На какого лѣшаго ты притащилъ ихъ?» спрашиваю своего мордвина.—«А какъ же, другіе берутъ и я взялъ». Противъ такого вѣскаго аргумента нечего было и отвѣчать; тѣмъ не менѣе, я приказалъ своему Лепорелло убрать всю эту живность, куда онъ хочетъ. Но упрямый мордвинъ все-таки держалъ этотъ звѣринецъ около моей кибитки, и, былъ очень опечаленъ, когда въ одну ночь, къ моему большому удовольствію, всѣхъ звѣрей кто-то увелъ.

Въ тотъ же день отправились мы осматривать крѣпость. Она имѣла около четырехъ верстъ въ окружности и обведена была очень толстою глиняною стѣною, толщина которой у основанія иногда доходила до трехъ, а въ верхушкѣ — до одной сажени. Вся внутренняя площадь изрыта ямами и подземельями, куда текинцы прятались сами и укрывали своихъ женъ и дѣтей отъ губительнаго огня артиллеріи. Недалеко отъ сѣверной стѣны и ближе къ западной возвышался холмъ Денгиль-тепе. Здѣсь у текинцевъ помѣщались различныя мастерскія для производства патроновъ и гильзъ къ бердановскимъ ружьямъ. Не смотря на то, что работа ихъ была исключительно ручная, патроны получались довольно чистой отдѣлки и мало чѣмъ отличались отъ нашихъ заводскихъ. Въ крѣпости ходило множество солдатъ, которые ни одной кибитки не оставляли, не обшаривъ ее самымъ основательнымъ образомъ. Каждую минуту встрѣчались солдаты, тащившіе ковры, поласы, дорожки, различныя серебряныя украшенія и проч. И такое хозяйничье продолжалось въ теченіи трехъ дней. У Великокняжеской калы расположились таборомъ текинскія женщины и дѣти, которыхъ Скобелевъ приказалъ вывести сюда изъ крѣпости. Послѣ усиленнной боевой дѣятельности, весь отрядъ три дня отдыхалъ. 16-го января нашъ генералъ получилъ отъ Августѣйшаго Главнокомандующаго Кавказскою арміею двѣ телеграммы. Первая гласила слѣлующее: «Спѣшу сообщить тебѣ Всемилостивѣйшую отвѣтную телеграмму Государя Императора. «Петербургъ, 14-го января, 12 час. дня. Благодарю Бога за дарованную намъ полную побѣду. Ты поймешь Мою радость. Спасибо тебѣ за всѣ твои распоряженія, увѣнчавшіяся столь важнымъ для насъ результатомъ. Передай Мое спасибо всѣмъ Моимъ молодцамъ; они вполнѣ оправдали Мои надежды. Генералъ-адъютанта Скобелева произвожу въ полные генералы и даю Георгія 2-й степени. Прикажи поспѣшить представленіемъ къ наградамъ. Александръ». Осчастливленный Царскимъ одобреніемъ, поздравляю тебя всей душою съ Высочайшими Монаршими милостями, столь доблестно тобою заслуженными. Михаилъ». Вслѣдъ затѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ получилъ вторую телеграмму отъ Великаго Князя Михаила Николаевича, въ отвѣтъ на телеграмму, излагавшую подробности боя 12-го января. Этой телеграммой Его Императорское Высочество извѣщалъ генерала Скобелева, что Государь Императоръ повелѣлъ возвратить 4-му баталіону Апшеронскаго полка знамя, утерянное 28-го декабря 1880 года. Такая Высокая милость Царя къ баталіону привела всѣхъ насъ въ неописанный восторгъ, и когда Скобелевъ прочиталъ послѣднюю телеграмму, то крики радости долго оглашали лагерь.

На другой день, всѣ офицеры отряда отправились къ кибиткѣ Скобелева поздравить его съ Монаршими милостями. Вскорѣ къ намъ вышелъ сіяющій Михаилъ Дмитріевичъ въ погонахъ безъ звѣздочекъ, которыя его деньщикъ уже успѣлъ спороть. Вынесли нѣсколько бутылокъ шампанскаго, и каждый изъ насъ съ бокаломъ въ рукѣ подходилъ къ генералу и поздравлялъ его.

Для окончательнаго покоренія текинскаго оазиса и для занятія города Асхабада, сформированъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ полковника Куропаткина, въ составѣ: 15 ротъ, 6 эскадроновъ и сотенъ, 12 орудій и 2 ракетныхъ станковъ.

Отрядъ этотъ выступилъ къ Асхабаду 16-го января, а 18-го городъ былъ занятъ безъ

всякаго сопротивленія со стороны текинцевъ. Вообще, послѣ паденія крѣпости Геокъ-тепе, покореніе Ахалъ-текинскаго оазиса, жители котораго были объяты паническимъ страхомъ, не представило ровно никакихъ затрудненій. Каждый день являлись къ Скобелеву депутаціи отъ различныхъ племенъ Ахала съ изъявленіемъ безусловной покорности. Покорившихся водворяли на мѣстахъ ихъ прежнихъ жительствъ. Вечеромъ, 27-го января, командующій нашимъ баталіономъ (маіоръ Ханъ Нахичеванскій) получилъ предписаніе выступить съ 8 баталіономъ, на слѣдующій день, въ свою штабъ-квартиру — урочище Ишкарты. Вмѣстѣ съ нами выступилъ и 3-й баталіонъ. Всю дорогу до Бами шелъ страшный дождь; въ селеніяхъ по пути насъ встрѣчали текинцы, вступали съ солдатами въ разговоръ, называли ихъ «кардашъ» (братъ), словомъ — показывали всѣ признаки самыхъ миролюбивыхъ отношеній. Въ Бами 3-й баталіонъ на нѣкоторое время остался, а нашъ—отправился по Михайловской линіи. Путь мало интересный: съ одной стороны тянулись отроги Копетдагскаго хребта; это были невысокія, совершенно лишенныя растительности горы, какого-то бѣловато-сѣраго цвѣта; съ другой стороны былъ солончакъ, а вдали виднѣлись пески. Отъ станціи Ахча - Куйма до Мулла - кары баталіонъ проѣхалъ въ вагонеткахъ конно-желѣзной дороги. Это были небольшія платформочки, окруженныя съ четырехъ сторонъ рѣшетками, куда насъ посадили, словно звѣрей какихъ. Изъ Мулла-кары поѣхали уже по паровой желѣзной дорогѣ,—тогда еще не имѣлось пассажирскихъ вагоновъ и, для перевозки офицеровъ и солдатъ, приспособляли товарные вагоны. Въ Михайловскѣ намъ пришлось ждать три дня парохода, который долженъ былъ перевезти насъ въ Красноводскъ. Постъ Михайловскъ расположенъ на берегу залива того же имени; въ немъ сосредоточены были всѣ управленія нарождавшейся желѣзной дороги, такъ что народу собралось очень много. Тѣмъ не менѣе, скука здѣсь царила во всей ея неприглядности, и мы чрезвычайно обрадовались, когда, наконецъ, прибылъ за нами пароходъ. Погода была чудная, такъ что 18-ти-часовый переѣздъ въ Красноводскъ походилъ на пріятную увеселительную прогулку. Въ Красноводскѣ насъ встрѣтили офицеры и солдаты Апшеронскаго полка, отправленные изъ штабъ-квартиры на укомплектованіе баталіона, но задержанные по случаю окончанія военныхъ дѣйствій. Въ Красноводскѣ баталіонъ простоялъ двѣ недѣли; солдаты и офицеры помѣщались въ вагонахъ, какъ разъ на берегу моря. Время проходило очень весело, ибо въ городѣ было довольно большое общество, и въ офицерскомъ собраніи по нѣсколько разъ въ недѣлю устраивались вечера. Во время одного изъ такихъ вечеровъ, въ самый разгаръ танцевъ, получена была телеграмма о смерти покойнаго Государя Императора Александра Николаевича. Эта вѣсть поразила насъ, какъ громъ: сразу забыты были веселья, и всѣ мы ходили въ какомъ-то смущеніи. Подробности смерти великодушнѣйшаго Царя-Освободителя вызвали въ насъ взрывъ самого полнаго негодованія и ожесточенія какъ противъ Его убійцъ, такъ и противъ ихъ единомышленниковъ. На другой день весь баталіонъ принялъ присягу Государю Императору Александру Александровичу. Послѣ того въ Красноводскѣ мы прожили еще недѣлю, пока не прибыла шхуна «Шахъ-Иранъ», которая и доставила насъ въ гор. Петровскъ. Когда «Шахъ-Иранъ» входилъ въ петровскую бухту, то на берегу собралась многочисленная публика, среди которой находилось не мало родственниковъ и знакомыхъ нашихъ офицеровъ. Наконецъ, шхуна пристала къ деревянной пристани, и тогда толпа народа хлынула на пароходъ. Поцѣлуямъ и привѣтственнымъ возгласамъ, кажется, конца не было. Баталіонъ высадился на берегъ и двинулся на площадь. Здѣсь къ намъ вышелъ начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Петровъ—старый и заслуженный воинъ. Онъ поблагодарилъ Апшеронцевъ за ихъ молодецкую службу и за доблесть, проявленную при штурмѣ Геокъ-тепе. Въ Петровскѣ баталіонъ простоялъ

три дня и 27-го марта выступилъ въ Шуру, куда прибылъ на другой день. Въ Шурѣ насъ ожидала такая же встрѣча, какъ и въ Петровскѣ. Тутъ я впервые увидѣлъ и командира полка, полковника Чижикова. Это былъ человѣкъ весьма представительной наружности, еще не старый, довольно высокаго роста, съ длинными рыжими бакенбардами. Съ виду Чижиковъ казался очень суровымъ; но впослѣдствіи я убѣдился, что онъ имѣлъ чрезвычайно доброе сердце.

Черезъ день баталіонъ отправился въ Ишкарты. Штабъ-квартира Апшеронскаго полка — уроч. Ишкарты — находится отъ Темиръ-ханъ-Шуры въ 14 верстахъ. Ишкарты имѣли видъ военнаго поселенія: здѣсь были довольно обветшалыя уже казармы, въ которыхъ помѣщались солдаты, и десятка четыре домиковъ, принадлежавшихъ офицерамъ и отставнымъ солдатамъ. Жизнь проходила въ самомъ тѣсномъ кругу; общество было исключительно офицерское; штатскихъ, или, какъ ихъ называютъ солдаты, «вольныхъ», по штату не полагалось, да они въ Ишкарты почти никогда и не заглядывали. Въ полку имѣется довольно хорошая библіотека; я ее засталъ въ крайне запущенномъ видѣ, и только уже года три спустя ее привели въ нѣкоторый порядокъ. За отсутствіемъ особаго зданія офицерскаго собранія, для этой цѣли приспособлено было нѣсколько комнатъ полковаго лазарета. Лѣтомъ все ишкартинское общество проводило время въ полковомъ саду, гдѣ ставили ротонду для танцевъ и другихъ увеселеній».

Здѣсь мы кончаемъ выписку изъ дневника.

Въ началѣ апрѣля возвратился въ штабъ-квартиру и 3-й баталіонъ. На зиму 4-й баталіонъ отправленъ былъ для занятія карауловъ въ гор. Шуру, а въ Ишкартахъ стояли остальные три баталіона; полурота, при офицерѣ, занимала укр. Евгеніевское, на р. Сулакѣ, противъ аула Чиркея.

Давно уже носился слухъ о переходѣ всего полка въ Шуру и, наконецъ, въ 1882 году, этотъ слухъ оправдался: полку предписано оставить Ишкарты и перейти въ Т.-Х.-Шуру. Такимъ образомъ, послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ишкартахъ, Апшеронцы возвратились въ свою старую штабъ-квартиру.

По воцареніи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, послѣдовало существенное измѣненіе въ формѣ войскъ. Однобортные съ пуговицами мундиры замѣнены полукафтанами безъ пуговицъ, вмѣсто кепи даны барашковыя шапки; сабли въ желѣзныхъ ножнахъ замѣнены шашками въ кожаныхъ ножнахъ, надѣвающимися черезъ плечо. Въ 1885 году послѣдовалъ приказъ по Военному вѣдомству, въ силу котораго въ походъ, въ лагерь и на смотръ полагается выносить не всѣ баталіонныя знамена, а только одно, получившее названіе полкового.

Ахалъ-текинской экспедиціей закончилась пока боевая жизнь полка, уступивъ мѣсто различнымъ ученьямъ, стрѣльбѣ по мишенямъ — въ лѣтнее время — и всевозможнымъ смотрамъ. Вскорѣ строевое дѣло въ полку настолько подвинулось, что онъ сразу сталъ первымъ въ дивизіи. Настолько же успѣшно двигалось и стрѣлковое образованіе солдатъ. На первомъ инспекторскомъ смотру роты стрѣляли прекрасно, и общій полковой процентъ былъ выше очень хорошаго, а смотръ стрѣльбы 1885 года далъ отличный результатъ. Послѣдующія стрѣльбы на смотрахъ хотя и были немного слабѣе, но, во всякомъ случаѣ, онѣ не сходили съ выше «очень хорошаго». Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1885 года полковникъ Чижиковъ застрѣлился и, вмѣсто него, командиромъ полка назначенъ полковникъ Эдуардъ Ивановичъ Ленцъ [16].

[16]) Полковникъ Эдуардъ Ивановичъ Ленцъ службу началъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гренадерскомъ Эриванскомъ полку въ 1855 году; въ слѣдующемъ году переведенъ въ Кавказскій Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ; за отличіе въ дѣлахъ съ горцами

Вообще нужно замѣтить, что въ Апшеронскомъ полку въ послѣднее десятилѣтіе его мирнаго существованія печальная хроника самоубійствъ обогатились нѣсколькими случаями. Первымъ застрѣлился, въ концѣ 1881 года, капитанъ Афанасьевъ; въ 1885 году — полковникъ Чижиковъ, въ 1886 году — поручикъ Пицхелаури и юнкеръ Кодинецъ и, въ 1891 году — подпоручикъ Эфендіевъ. — Итого въ десять лѣтъ пять самоубійствъ, — процентъ огромный.

По принятіи полка, полковникъ Ленцъ немедленно поднялъ вопросъ о составленіи исторіи полка. Благодаря содѣйствію начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта графа Борха и хлопотамъ командира полка, приступлено къ собранію матеріаловъ для исторіи. Въ 1887 году, нанято большое помѣщеніе для офицерскаго собранія, которое до того времени находилось въ полковомъ зданіи, не соотвѣтствовавшемъ своему назначенію: во-первыхъ, оно было очень мало, а во-вторыхъ, грязно. Зало собранія стало понемногу украшаться портретами офицеровъ, раньше служившихъ въ полку; хотя фотографіи приходилось добывать съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣе ихъ отыскано болѣе 160 штукъ.

Въ 1888 году Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ съ Августѣйшей Семьею осчастливилъ Кавказъ Своимъ посѣщеніемъ. Части 21-й пѣхотной дивизіи, въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны (Апшеронцевъ со штабомъ полка), еще въ началѣ сентября перевезены были въ Баку, гдѣ, такимъ образомъ, совершенно неожиданно для бакинцевъ, появилось значительное количество военнаго элемента, въ прочее время здѣсь довольно рѣдкаго. Войска расположились лагеремъ вблизи города. Не скажемъ, чтобы стоянка въ Баку была для войска большимъ удовольствіемъ: постоянная пыль, сильные вѣтры и отсутствіе хорошей воды—вотъ прелести бакинскаго лагеря. Но всѣ эти неудобства совершенно забывались при мысли въ скоромъ времени увидѣть обожаемаго Монарха.

8-го октября, въ день, назначенный для пріѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ, весь городъ расцвѣтился флагами и зеленью. Около губернаторскаго дома выстроилась 1-я рота Апшеронскаго полка, подъ командою стараго кавказскаго воина, капитана Чирдиллели; грудь этого славнаго офицера украшена двумя Георгіевскими крестами, изъ коихъ одинъ полученъ за незабвенный для всѣхъ Апшеронцевъ—штурмъ Гуниба. На площади передъ домомъ выстроились депутаціи отъ различныхъ народностей Дагестана и Закаспійской области.

По пріѣздѣ въ Баку, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми отправились сначала въ церковь, а затѣмъ поѣхали въ губернаторскій домъ, гдѣ Государю Императору представился почетный караулъ.

На другой день, 9-го октября происходилъ Высочайшій смотръ, и Апшеронцы удостоились Царскаго «спасибо». Въ тотъ же день вся Царская Семья выѣхала изъ Баку.

За смотръ всѣ нижніе чины получили по 1 руб., а георгіевскіе кавалеры и имѣющіе шевроны по 3 руб. Офицерамъ выданъ 2-хъ-мѣсячный окладъ содержанія.

Изъ послѣдующихъ событій отмѣтимъ споръ изъ-за церкви, возникшій между полкомъ и нѣкоторою частью городскаго населенія. Дѣло въ томъ, что единственная, существующая

въ 1859 году, награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена, а въ 1861 году произведенъ въ прапорщики. За отличіе въ дѣлахъ съ горцами на Правомъ флангѣ, въ 1862 году, произведенъ въ подпоручики. Въ 1865 году уже въ чинѣ поручика, причисленъ былъ къ Тифлисскому пѣхотному юнкерскому училищу. Здѣсь Эдуардъ Ивановичъ, командуя ротою, послѣдовательно получилъ чины штабсъ-капитана, капитана, маіора и подполковника и, въ послѣднемъ чинѣ, въ 1876 году, назначенъ командиромъ Кавказскаго запаснаго стрѣлковаго баталіона. Въ 1879 году вступилъ въ командованіе 2-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники. Въ 1881 году получилъ Высочайшую благодарность за отличную подготовку въ стрѣльбѣ баталіона, а въ 1883 году орденъ Св. Станислава 2-й ст.; 12-го января 1886 года назначенъ командиромъ Апшеронскаго полка и въ этомъ званіи получилъ: орденъ Св. Анны 2-й ст. — въ 1887 году и орденъ Св. Владиміра 3-й степени — въ 1891 году.

въ Шурѣ церковь построена была на средства полка, и строили ее нижніе чины, Апшеронцы, при командирѣ полка полковникѣ Ассѣевѣ; въ 1857 году, постройка церкви была окончена. Когда полкъ ушелъ въ Ишкарты, то уже вполнѣ оконченную церковь сдалъ пришедшему въ Шуру линейному баталіону, во временное завѣдываніе котораго и поступилъ полковой храмъ.

Черезъ 4 года, по возвращеніи Апшеронцевъ въ Шуру, возникъ вопросъ о передачѣ церкви полку. Но тутъ явилось неожиданное препятствіе со стороны городской администраціи и небольшаго числа православныхъ жителей города, предъявившихъ какія-то фиктивныя права на церковь. Переписка тянулась три года и, въ концѣ-концовъ, командующій войсками на Кавказѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, предписалъ передать церковь полку, права котораго на храмъ были доказаны документальными данными.

Въ 1889 г. описаніе исторіи полка было почти закончено; теперь являлся вопросъ: какимъ образомъ издать ее, ибо въ полку на этотъ предметъ не имѣлось средствъ. Неожиданная помощь явилась со стороны Августѣйшаго Шефа, Великаго Князя Георгія Михайловича, который заявилъ что изданіе исторіи принимаетъ на свой счетъ. Вслѣдъ затѣмъ Его Императорское Высочество собралъ всѣ литературные источники, которыми должна была дополниться рукопись исторіи, составленная по архивнымъ даннымъ, и сдѣлалъ необходимыя указанія, какъ пользоваться этими источниками; Августѣйшій Шефъ изъявилъ желаніе, чтобы къ исторіи были приложены: всѣ формы полка, карты и планы важнѣйшихъ сраженій. Благодаря такой поддержкѣ и помощи могла появиться въ свѣтъ исторія славнаго Апшеронскаго полка.

Въ 1891 году Его Императорское Высочество сдѣлалъ полку дорогой подарокъ: прислалъ свой большой акварельный портретъ, который теперь украшаетъ залу полковаго собранія.

Каждый, прочитавшій исторію Апшеронскаго полка увидитъ, что удѣлъ полка былъ исключительно боевая жизнь, мирному же времени отведено относительно очень мало времени.

Апшеронцы исходили всю Европу и Среднюю Азію и гдѣ только они не проливали своей крови во славу роднаго Отечества; вездѣ разбросаны кости героевъ-Апшеронцевъ, созидавшихъ славу полку. Вѣчная вамъ память доблестные воины! Вы всегда твердо и высоко держали родное знамя, окружая его ореоломъ славы; въ завѣщаніе потомству оставляли: твердую вѣру въ Бога, любовь къ Царю и Отечеству, любовь и привязанность къ своему полку.

Спите сномъ праведниковъ герои! Имена ваши никогда не изгладятся изъ памяти благодарнаго потомства; ваши громкіе подвиги повсюду будутъ прославляться и служить достойнымъ примѣромъ для подражанія.

Въ заключеніе, намъ остается только пожелать, чтобы Апшеронцы такъ же свято хранили вѣковыя традиціи своего полка и ревниво оберегали честь его, какъ то дѣлали ихъ предки, не жалѣя своей жизни. Въ періодъ двухъ-вѣковаго существованія, не было момента, когда-бы полкъ забылъ присягу своему Государю и Отечеству: — пусть это помнятъ будущіе Апшеронцы. Слѣдуйте примѣру своихъ дѣдовъ, вѣнчайте новыми лавровыми вѣнками славу полка, создавайте новыя золотыя страницы въ исторіи его, и никогда не забывайте тѣхъ, кто положилъ жизнь свою за честь и славу полка,—вотъ завѣтъ вамъ, будущіе однополчане-Апшеронцы.

За Ахалъ-текинскую экспедицію получены слѣдующія награды.

3-му и 4-му баталіонамъ Высочайше пожалована надпись на шапки: «за взятіе штурмомъ кр. Геокъ-тепе 12-го января 1881 года». Получили: ордена — Святаго Георгія 4-й степени — подполковникъ Поповъ и подпоручикъ Воропановъ; золотыя шашки съ надписью «за храбрость» — подпоручики Воропановъ и Рудневъ; ордена Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ — штабсъ-капитаны Харкевичъ, Коркашвили и Рубажевичъ; поручикъ Коркмасовъ; подпоручики Васильевъ, Бражниковъ, Поповъ и прапорщикъ Кашеринивовъ; св. Станислава 2-й степени — штабсъ-капитаны Рубажевичъ и Бениславскій; подпоручики Васильевъ, Пицхелаури, Бражниковъ и Шіяновскій; Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ — штабсъ-капитанъ Коркашвили; подпоручики, Рудневъ, Пицхелаури, Дегтяревъ, Шіяновскій, Коробковъ, Вакуловскій и Собецкій; прапорщики Лебединскій и Злобинъ; Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ — подпоручикъ Дегтяревъ; прапорщики Лебединскій, Богуславскій, Кашеринивовъ и Злобинъ; Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» — прапорщики Богуславскій и Лебединскій. Произведены въ слѣдующіе чины: въ полковники — подполковникъ Поповъ; въ капитаны — Харкевичъ, Рубажевичъ и Коркашвили; въ штабсъ-капитаны — Бениславскій и Коркмасовъ; въ поручики — Пицхелаури, Бражниковъ, Коробковъ, Васильевъ, Воропановъ, Рудневъ, Дегтяревъ, Поповъ, Сабецкій, Вакуловскій и Шіяновскій; въ подпоручики — Богуславскій, Лебединскій и Злобинъ.

Получили знаки отличія Военнаго ордена 3-й степени — фельдфебеля: Семенъ Ермолаевъ, Петръ Шутовъ и Степанъ Ѳедотовъ; унтеръ-офицеры: Иванъ Ведерниковъ, Лукьянъ Кожевниковъ, Егоръ Ишкинъ, Липатъ Ткачевъ, Леонидъ Ивановъ и Феликсъ Энгбрехтъ; рядовые: Илья Тропининъ, Алексѣй Балаевъ и Ефимъ Луньковъ.

4-й степени — фельдфебеля: Иванъ Острѣлинъ, Петръ Шутовъ, Семенъ Ермолаевъ, Андрей Семеновъ и Кузьма Мозгуновъ; унтеръ-офицеры: Леонидъ Ивановъ, Феликсъ Энгбрехтъ, Герасимъ Кузнецовъ, Игнатій Анкудовичъ, Аѳанасій Кохановъ, Маркъ Пивкинъ, Семенъ Кудряшовъ, Аксенъ Мартыновъ, Яковъ Гончаровъ, Антонъ Ломакинъ, Егоръ Синяевъ, Андрей Спиркинъ, Филиппъ Филипповъ, Иванъ Шугай, Димитрій Григоренко, Иванъ Ведерниковъ, Алексѣй Кяргинъ, Ѳедоръ Власкинъ, Василій Тофоровъ, Александръ Шушняевъ, Тимоѳей Добилинъ, Михаилъ Котковъ, Ѳедоръ Коноваловъ, Шахимахданъ Зонтдиновъ, Максимъ Заводновъ, Василій Лысовъ, Иванъ Лойковъ, Андрей Бурмистровъ, Севастьянъ Сверчковъ, Василій Безкороваевъ, Василій Дорожинъ, Степанъ Семиченко, Акимъ Лейскій, Ѳедоръ Лукерьяновъ, Иванъ Долговъ, Василій Савинъ, Абрамъ Руменъ, Филиппъ Курушинъ, Петръ Медвѣдевъ, Никита Пѣтуховъ, Липатъ Ткачевъ и Герасимъ Золкинъ.

Рядовые: Ѳедоръ Андрюковъ, Иванъ Муратовъ, Егоръ Сапуненковъ, Газетъ Качкаревъ, Багабъ Сайхулинъ, Алексѣй Кашалятовъ, Степанъ Антоновъ, Антипъ Ивановъ, Варламъ Яшинъ, Петръ Маринивъ, Яковъ Ильинъ, Никита Синяевъ, Димитрій Сивковъ, Алексѣй Мальковъ, Степанъ Лукьянченко, Анатолій Фидянинъ, Никита Захаровъ, Григорій Быковъ, Ларіонъ Андреевъ, Семенъ Егоровъ, Терентій Ильинъ, Андрей Лагеревъ, Алексѣй Кашкинъ, Григорій Петѣховъ, Мулла Ахметъ Гайбадулинъ, Иванъ Сурковъ, Андрей Ѳоминъ, Іосифъ Табалыкинъ, Ананій Гераскинъ, Павелъ Жилинъ, Алексѣй Володинъ, Алексѣй Балаевъ, Анисимъ Свиридоновъ, Антонъ Васкановъ, Матвей Гладышевъ, Кириллъ Балсановъ, Сергѣй Жогулинъ, Иванъ Лазаревъ, Хаснутдинъ Хаснутдиновъ, Григорій Неучевъ, Кондратъ Симакинъ, Андрей Неучевъ, Михаилъ Хвастуновъ, Шемгулъ Бердѣевъ, Иванъ Ешаловъ, Ѳедоръ Лахтинъ, Иванъ Максимовъ, Иванъ Селинъ, Ѳедоръ Андреевъ, Иванъ Сиденко, Тимоѳей Герасимовъ, Василій Бобыховъ, Евсѣй Ебитулинъ, Андрей Шалагинъ, Алексѣй Писулькинъ, Ѳедоръ Ларинъ, Константинъ Горбачевъ, Егоръ Яронинъ, Иванъ Аникинъ, Алексѣй Балаевъ, Иванъ Ларіоновъ, Сазонъ Сипатровъ, Григорій Ивановъ, Алексѣй Рубцовъ, Сергѣй Сорокинъ, Харитонъ Кладиновъ, Дмитрій Поликановъ, Сергѣй Трупиловъ, Кузьма Янзинъ, Терентій Инкинъ, Нуръ-Ахметъ Мирсаевъ, Андерей Бѣдновъ, Ефимъ Конькинъ, Забиръ Хамидулинъ, Павелъ Медвѣдевъ, Макаръ Спиридоновъ, Ефимъ Коршевъ, Гавріилъ Степановъ, Василій Назаровъ, Ѳедоръ Дубовицкій, Терентій Артешировъ, Петръ Корняшевъ, Ефимъ Кудрявцевъ, Иванъ Кузьминъ, Егоръ Гниловченко, Аѳанасій Корниловъ, Прокофій Купцовъ, Михаилъ Тарасовъ, Романъ Бавылкинъ, Степанъ Бабинъ, Захаръ Прокофьевъ, Давыдъ Царапкинъ, Андрей Шестаковъ, Егоръ Финогеновъ и горнистъ Димитрій Федяшкинъ.

Кромѣ того, всѣ офицеры получили не въ-зачетъ годовой окладъ жалованья, и всѣмъ участникамъ экспедиціи розданы серебряныя медали на георгіевской лентѣ, съ надписью на одной сторонѣ: «за взятіе штурмомъ кр. Геокъ-Тепе 12 января 1881 года», а на другой вензель Государя Императора Александра II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А

Абадзехи, племя горцевъ, 330, 334, 340, 348, 355, 358, 360 и 367.
Абадзехская линія, 355.
Абадзехская станица, 344 — 346.
Абакаръ-Дебиръ, наибъ, 204, 261, 283, 284 и 303.
Абакаръ-Хаджи, сынъ акушинскаго кадія, наибъ, 106, 175, 225 и 230.
Абазъ, рѣка, 240.
Абасъ-Паша, см. Джамбазъ, 472.
Абда-Хабль, селеніе, 356.
Абдула-Мюшникъ, ханъ, 442.
Абдулага-Мурагинскій, лазутчикъ, 480.
Абдулъ-Кадыръ-кадій, мюридъ, 245.
Абдурахманъ-Кадій-Карахскій, 44 и 48.
Абдурахманъ, шейхъ, 476.
Абинъ, рѣка, 354.
Абрамовъ, Василій, рядовой Апшер. п., 7.
Абукаръ-Кадій, Гумбетовскій наибъ, 44, 49 и 54.
Абуховъ, Викторъ, рядовой Апшер. п., 7.
Абхазія, горная область, 365.
Аваловъ, князь, маіоръ, 470.
Аварская долина, 24, 28, 69, 78, 79, 302 и 304.
Аварская милиція, 24, 111, 120, 180 и 206.
Аварскіе ворота, 195.
Аварскій, подполковникъ Апшер. п., 373, 374, 397, 399—401, 403, 404, 418, 432, 433, 436 и 456.
Аварскій отрядъ, 26, 75, 78, 79, 81, 83, 85, 90—95.
Аварское Койсу, рѣка, 14, 32, 44, 48, 50, 52, 57, 62, 64, 78, 79, 83, 94, 101, 102, 114—116, 131, 132, 134, 247, 303 — 304.
Аварское ханство, 1, 9—11, 13, 19, 22—24, 27—29, 32—34, 38, 40, 42—44, 47—49, 52, 57, 58, 61—70, 72, 73, 79, 80, 84, 90, 100—102, 114, 115, 125—127, 131, 132, 159, 211, 217, 239, 244, 296, 302—304.
Аверкіевъ, подпоручикъ Преображенскаго полка, 67.
Австрія, государство, 375.
Автуръ, селеніе, 247, 269 и 272.
Ага-Бекъ-Аваковъ-Калантаровъ, подпоручикъ Апшер. п, 314.
Ага-Бекъ Рукельскій, предводитель мятежниковъ-горцевъ, 481 и 497.
Агаевъ, юнкеръ, 298, 300.
Агаларъ-Бекъ-Омаръ-Бекъ-Оглы Кази кумухскій, генералъ-маіоръ, 180, 203 и 254.
Агафоновъ, поручикъ Апшер. п., 181.
Агафоновъ, прапорщикъ Апшер. п, 314.
Агачъ-Аулъ, селеніе, 209.
Агачъ Кала, урочище, 62, 63, 117, 123, 133, 158, 159, 167, 192, 201, 206, 208, 218, 222, 223, 225, 235, 250 и 285.
Аглинцевъ, подпоручикъ Апшер. п., 15, 98, 193 и 200.
Аглинцевъ 2-й, поручикъ Апшер. п., 67.
Адаевцы, народность, 416 и 449.
Адагумская военная линія, 316, 317, 354 и 355.
Адагумскій отрядъ, 317, 319, 332, 354, 355 и 358.
Адагумъ, рѣка, 332 и 354.
Аджіахурскій мостъ, 497.
Азбергень, садъ въ Хивѣ, 445.
Азія, 512 и 518.
Азіятская Турція, 224, 229, 238 и 248.
Азовское казачье войско, 347.
Айбугирскій заливъ, 374, 395, 396, 400—402, 404 и 405.
Айбугирскій спускъ, 444.
Айбугиръ, колодцы, 390, 391, 394, 395, 397 и 398.
Айди, капитанъ, 246.
Айдинъ, селеніе, 506.
Аймаки, селеніе, 78, 81, 104, 106, 112, 117—119, 160, 161, 166, 168, 169, 187—190, 285 и 288.
Аймакинская высота, 82, 84, 119, 186 и 235.
Аймакинское ущелье, 81, 82, 117, 118, 184—188 и 288.
Аймакинское укрѣпленіе, 192, 206 и 213.
Айранъ, селеніе, 403.
Айтемиръ, наибъ, 257.
Акайтала, селеніе, 11.
Аксай, рѣка, 141—144, 147, 148, 151, 152, 153, 293—295, 468 и 469.
Аксу, рѣка, 30.
Акташъ, рѣка, 20, 264, 284, 289 и 296.
Акташъ-Аухъ, селеніе 5, 31, 120, 121, 265, 283, 285 и 286.
Актерекъ, хуторъ, 481.
Акуша, общество и селеніе, 32, 44, 48, 50, 81, 82, 84, 91, 96, 101, 102, 104—106, 110—114, 129, 132, 159—162, 166—168, 180, 182, 224, 225, 229, 232, 286, 498 и 499.
Акушинская милиція, 180, 229, 297 и 305.
Акушинская рѣчка, 113, 114 и 499.
Акушинскія высоты, 499.
Акъ-Кала, селеніе, 511.
Акъ-Камышъ, урочище, 424.
Акъ-Крукъ, колодцы, 381, 382, 449 и 451.
Акъ-мечеть, колодцы, 383, 387—389.
Акъ-чеганакъ, урочище, 390, 393 и 396.
Акъ-чукуръ, колодцы, 449.
Акъ-Ярпи-Баши, гора, 209 и 210.
Алабай, предводитель горцевъ, 472 и 473.
Аланъ, колодезь, 381, 394—399, 406, 407 и 448.
Алдачъ, рѣка, 423.
Алейниковъ, сотникъ, 525 и 526.
Александровскій фортъ, 372, 373, 455, 458 и 532.
Александровскій хуторъ, 469.
Александрополь, городъ, 477.
Александръ I, Императоръ, 371 и 372.
Александръ II, Императоръ, 192, 265, 302, 306, 307, 313, 334, 342, 364, 415, 451, 454—456, 508, 547, 548 и 552.
АЛЕКСАНДРЪ III, Е. И. Вел., Государь Императоръ, 548 — 550.
Александръ-бай, бухта, 390.
Алексѣевъ, Петръ, рядовой Апшеронскаго полка, 59.
Алексѣевъ, подпоручикъ Апшеронскаго полка 41, 55, 60 и 97.
Алибекъ, колодезь, 446 и 447.
Алибекъ-Хаджи, предводитель горцевъ, 459, 465—467 и 469.
Алили, кишлакъ, 443.
Алило, кадій, 49.
Алискендеръ-Алипкачевъ, маіоръ, 482 и 484.
Али-султанъ-янги-юртовскій, 17.
Алихановъ, ротмистръ, 441.
Алиханъ, полковникъ, 306 и 307.
Али-Юртъ, селеніе, 268.
Аллерой, селеніе 147, 150, 151, 271, 294 и 295.
Алмалаусскій хребетъ, 11, 12 и 19.
Алмаки, селеніе, 120—122, 135, 257, 258, 262, 287, 289 и 296.
Алмай-масъ, колодцы, 389.
Алтуховъ, полковникъ, 280.
Алуусъ, рѣка, 365 и 366.
Альбури-Отаръ, селеніе, 287—289 и 296.
Алхазовъ, капитанъ Апшер. п., 314, 427, 428, 456 и 504.
Алханъ-Юртъ, селеніе, 3.
Алходжакентъ, селеніе, 489 и 495.
Аманджулъ, колодцы, 449.
Амбаръ, городъ, 441.
Амбошъ, рѣка, 356.
Амилохваровъ, князь, полковникъ, 329.
Амиръ-Аджи-юртъ, селеніе, 92 и 102.
Амма, рѣка, 352.

Амсаръ, селеніе, 190.
Аму-Дарья, рѣка, 398, 403, 405, 412, 416, 424, 441, 443, 447, 448 и 532.
Аму-Талдыкъ, рукавъ Аму-Дарьи, 403 и 405.
Анановъ, Дмитрій, князь, прапорщикъ Апшер. п., 19.
Анапа, городъ, 322.
Анапа-Гогъ, хребетъ, 322.
Анапская дорога, 324, 327, 328 и 352.
Анапская переправа, 355 и 363.
Анапскій горный полуэскадронъ, 319.
Англія, 248.
Ангуль, хребетъ.
Андаляльское общество, 9, 32, 38, 41, 44, 48, 49, 101 и 194.
Андія, общество и селеніе, 9, 24, 25, 27, 36, 53, 75, 79, 118, 129, 131, 133, 136—141, 147, 154, 155, 206, 232, 258, 261, 285, 291, 302, 467 и 504.
Андійскіе ворота, 138, 139, 147, 154, 284, 285 и 297.
Андійскій хребетъ, 253, 265, 285 и 458.
Андійскій округъ, 497.
Андійское Койсу, рѣка, 18, 29. 35, 43, 52, 54, 56, 57, 62, 100, 118, 132, 139, 140, 290, 291, 296—299, 301—304.
Андреево, селеніе, 12, 31, 79, 81, 158 и 296.
Анкратль, селеніе, 79.
Аносовъ, поручикъ Апшер. п., 66.
Ансальты, селеніе, 140.
Анусъ-Балъ, селеніе, 306.
Анхило, селеніе, 24.
Анцухо-Капучинское общество, 476.
Анцчоковъ, селеніе, 346.
Анчимэеръ, гора, 136, 137, 154, 284, 297 и 303.
Апшеронская станица, 356, 357, 361—363.
Апши, селеніе, 106, 209.
Арабъ-архская почтовая станція, 496.
Аракапское ущелье, 242.
Араканы, селеніе 38, 43, 47, 82, 95, 104, 169, 170, 188, 190, 209, 213, 219, 243, 285, 303 и 499.
Аракли, селеніе, 106.
Арактау, гора, 9, 27, 28, 33, 43, 49, 52, 55, 57, 68, 69, 75, 80 и 306.
Аралларъ, 481.
Аральское море, 383 и 450.
Аральская флотилія, 400.
Аргуани, селеніе, 136, 283, 284, 297 и 302.
Аргуанъ-Дериль-Таль, ручей, 138.
Аргунская башня, 249.
Аргунское ущелье, 1—3, 10, 132, 272, 274, 278, 280, 285 и 291.
Аргунъ, рѣка, 236—239, 247, 249, 270, 272, 273, 278 и 297.
Аргутинскій-Долгорукій, князь, генералъ-лейтенантъ, 65, 69, 73, 74, 78, 79, 82, 84, 91, 101, 105, 106, 112, 113, 115, 130, 131, 159, 162, 171, 177, 179, 180, 183, 185, 187, 188—192, 195, 197—214, 216—218, 223, 224 и 265.
Аргутинскій-Долгорукій, князь, капитанъ, 251 и 353.
Аргутинскій - Долгорукій, князь, прапорщикъ, 432, 433, 436 и 456.
Арджлакхъ (Баженовская), балка, 470, 472 и 473.
Арджнахкъ, укрѣпленіе, 459 и 470.
Аріута, долина, 366.
Арихкуль, селеніе, 202.
Аркасъ, урочище, 65, 84, 94, 107, 111, 119, 190, 209, 213, 219, 220, 232, 242, 243 и 285.
Армашевскій, капитанъ Апшер. п., 155, 163, 166, 206 и 226.
Армейскій 5-й корпусъ, 155.
«Армянинъ», шхуна, 454.
Арно-босу, каналъ, 419.
Арсеной, селеніе, 292.
Артаковъ, поручикъ Апшер. п, 26.
Артъ-Каунды, колодцы, 376, 450 и 453.
Артлухъ, селеніе, 283.
Арубатское ущелье, 137.
Арубатъ, рѣка, 284.
Арцышевскій, полковникъ, 535 и 543.
Арчи, селеніе, 205.
Арчманъ, селеніе, 507, 508, 510, 511, 513, 514, 527—529.
Арѣшевъ, подпоручикъ Апшер. п., 314 и 369.
Аскендеръ-бекъ, Аракскій, предводитель мятежниковъ-горцевъ, 492.
Асламъ-бекъ (майсумъ), предводитель мятежниковъ табасаранцевъ, 478, 493 и 496.
Асланъ Кадій Цудахаринскій, 105, 107, 110 и 304.
Асохо, селеніе, 459.
Асса, рѣка, 125 и 278.
Ассечуче, урочище, 331 и 332.
Ассѣевъ 4-й, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Ассѣевъ 1-й, прапорщикъ Апшер. п., 308 и 314.
Ассѣевъ, маіоръ, 297.
Ассѣевъ, Дмитрій Кузьмичъ, генералъ-маіоръ, командиръ Апшер. п., 232—234, 251, 280 и 550.
Астара, портъ, 455.
Астафьевъ, капитанъ Апшер. п., 147, 155, 156 и 206.
Астафьевъ, Николай, прапорщикъ Апшер. п., 369 и 370.
Аствацатуровъ, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Астрахань, городъ, 400, 479 и 487.
Асхабздъ, городъ, 506 и 548.
Аташжанъ-тюря, братъ хана Хивинскаго, 443, 445 и 454.
Аталыкъ-Арносу, каналъ, 419 и 420.
Атлыбуюнская дорога, 250.
Атлыбуюнъ, селеніе, 209 и 251.
Атрекъ, рѣка, 518 и 520.
Ауховскій отрядъ, 266.
Ауховское общество, 1, 4, 17, 21, 31, 247, 253, 254, 261, 263, 265—267, 271, 285, 289 и 296.
Афанасьевъ, Димитрій, рядовой Апшер. п., 39.
Афанасьевъ, есаулъ, 461 и 473.
Афипское ущелье, 332.
Афипсъ, рѣка, 320, 323, 324, 326—328, 330—332.
Ахалцыхъ, крѣпость, 159.
Ахалчи, селеніе, 24, 28, 32, 33, 36, 43, 44, 58, 62, 66, 69, 73 и 74.
Ахалъ-текинская экспедиція, 505, 515, 549 и 551.
Ахалъ-текинскій оазисъ, 505—509, 512, 516, 522 и 548.
Ахатлинская переправа, 21, 29, 111, 118, 209, 210 и 285.
Ахатлы, селеніе, 6, 29—31 и 103.
Ахвердовъ, поручикъ, 257 и 333.
Ахверды-Магома, наибъ Шамиля, 4, 31, 53, 54, 58 и 126.
Ахкентъ, селеніе, 49, 54, 187—209, 243, 302 и 306.
Ахметукъ-Хабль, селеніе, 350.
Ахметъ-Ханъ-Мехтулинскій, правитель Аваріи, 6, 8—10, 13, 16, 22—26, 29, 32 и 49.
Ахныкъ, селеніе, 191.
Ахты, селеніе и укрѣпленіе, 190—192, 477, 478, 491, 493, 495—497.
Ахтынская мѣстная команда, 477.
Ахтынское ущелье, 201.
Ахтычайское ущелье, 496.
Ахульго, селеніе, 1, 12, 21, 34, 155, 206, 306, 307, 457 и 504.
Ахча-Куйма, станція Закаспійской желѣзной дороги, 513 и 548.
Ахчипсу, общество, 365.
Ахчипсуховскій отрядъ, 365.
Ахъ-Су, ручей, 260.
Ача-Вода, урочище, 9.
Ачи-Капарты, поляна, 366.
Ашальтинскій мостъ, 13, 16 и 62.
Ашальты, селеніе, 14, 16, 35, 43, 82, 141 и 306.
Аштикумскій магалъ, 245.
Аяка, рѣка, 347.

Б

Багизардовъ, капитанъ-Апшер. п., 98, 155, 164, 166, 193, 200, 206 и 225.
Баговская станица, 355.
Багратіонъ, князь, маіоръ Апшеронскаго полка, 206, 210, 222, 225, 226, 250 и 258.
Бажановъ, полковникъ, 266, 268, 271, 277—280.
Базинъ, Илья, рядовой Апшер. п., 15.
Байковъ, штабсъ-капитанъ, Апшер. п., 314.
Байнаръ, колодцы, 390, 392, 393 и 399.
Байчагиръ, колодцы, 391—395, 399 и 402.
Бакапское ущелье, 317.
Бакинская губернія, 506.
Бакинскій губернскій баталіонъ, 488 и 496.
Баклановъ, генералъ-маіоръ, 236, 237 и 239.
Баку, городъ, 89, 478, 487, 496, 516 и 550.
Бакунинъ, генералъ-маіоръ, 23 и 26.
Балакапское ущелье, 9, 11, 23, 28, 29, 33, 34, 36—38, 43, 44, 49, 52, 62, 68, 70, 71, 79, 80, 124 и 304.
Балакапскій округъ, 202.
Балаканы, укрѣпленіе, 28, 33, 34, 36—38, 43, 44, 58, 59, 64—67, 70, 71, 73 и 80.
Баланъ-Су, селеніе, 292 и 469.
Балкую, колодецъ, 386.
Балябинъ, Николай, унтеръ-офицеръ Апшеронскаго полка, 26.
Бами, селеніе и укрѣпленіе, 506—513, 519—524, 526, 527, 530—532 и 540.
Бандаревскій, поручикъ Апшер. п., 225.
Банцлебенъ, врачъ, 339—341.
Бардовскій, генералъ-маіоръ, 440.
Барея-Киммасъ, солончакъ, 396 и 397.
Барташевичъ, прапорщикъ Апшер. п., 281 и 314.
Бартоломей, полковникъ, 267 и 268.
Бархали, аулъ, 114.
Барча, селеніе, 254.
Барятинскій, князь, генералъ-адъютантъ, 186, 247—249, 253, 274, 282, 286, 290, 291, 293, 296, 302—304, 306, 307, 311—314 и 318.
Басса, рѣка, 272, 276, 470 и 472.
Бассовское ущелье, 472 и 473.
Басыръ-Бей, селеніе, 352.
Баташъ-юртъ, селеніе, 90.
Батлягичъ, селеніе, 75 и 217.
Батьяновъ, полковникъ, 468 и 469.
Батыръ-Хабль, селеніе, 352.
Бахти-Чамушъ, аулъ, 9.
Бахтуринау, гора, 45.
Бачинскій, подпоручикъ Апшер. п., 226 и 314.
Баши-Юртъ, селеніе, 292.
Башлы, селеніе, 231, 478, 480, 481, 488, 489 и 495.
Бебуръ-Бебутовъ, князь, прапорщикъ, 225.
Бебутовъ, князь генералъ-лейтенантъ, 123, 132, 134, 137, 140, 147, 155, 158—163, 165—170.
Бегерденъ, селеніе, 510.
Бегакль, селеніе, 180 и 205.
Безепсъ, рѣка, 329.
Безобразовъ, генералъ-маіоръ, 143.
Безобразовъ, прапорщикъ Апшер. п., 256, 257, 281 и 353.
Безруковъ, прапорщикъ Апшеронскаго полка, 72.

Бей-бала-бекъ-Асланъ Гирей, предводитель мятежниковъ-горцевъ, 489.
Бейсъ-Кедемтъ, урочище, 493.
Бековичъ-Черкасскій, князь, 371.
Бекъ-Даніловъ, прапорщикъ Апшер. п., 250.
Бекъ-Узаровъ, маіоръ, 397, 431 — 433, 436, 441 и 456.
Белгатой, селеніе, 143, 144, 148, 468 и 469.
Бельгардъ, маіоръ Апшер. п., 6, 7, 8, 15, 19 и 39.
Бендесенскій перевалъ, 507, 509, 513, 522 и 524.
Бендесенъ, селеніе, 507—509, 513, 521, 523 и 526.
Бендъ, крѣпость, 416.
Бениславскій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 494, 504, 515, 518—520, 522, 531, 546 и 551.
Беной, селеніе и общество, 240, 466, 467, 468, 469 и 470.
Бердыкель, селеніе, 269—273.
Берикей, селеніе, 481—483, 489 и 497.
Берлинъ, городъ, 375, 457 и 504.
Берсеневъ, подполковникъ, 248.
Берхманъ, подполковникъ Апшер. п., 39, 41, 46, 54, 56, 60, 161, 163, 165, 181, 186, 191, 193, 198, 200, 201, 203, 206, 209, 210 и 225.
Берхманъ, поручикъ Апшер. п., 504.
Бетланча, аулъ, 70.
Бетлинская гора, 21, 35, 36, 43, 52, 53, 63, 65, 304 и 306.
Бетлы, аулъ, 21, 35, 36 и 49.
Беурма, селеніе, 505, 507 и 527.
Бехты-Мехке, селеніе, 152.
Бжедухская станица, 355, 359—361.
Бжедуховскій округъ, 358.
Бженевъ-Куба, рѣка, 351.
Бзыбь, рѣка, 365.
Бибановъ, штабсъ-капитанъ Ширванскаго полка, 86.
Бибиковъ, подполковникъ, 83.
Бійляръ-Керганъ, селеніе, 266, 267 и 283.
Бикуловъ, унтеръ-офицеръ, 196.
Биляръ, селеніе, 489.
Бирюковъ, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Битнерскій, капитанъ, 461, 462, 463, 464, 465, 467 и 468.
Бишъ-Акты, колодцы, 373, 379 — 381, 390, 391, 394, 402, 407 — 410, 441, 450—453.
Благодатный, колодезь, 389.
Блажіевскій, полковникъ, 90, 91 и 95.
Бобриковъ, подполковникъ, 529.
Бобровъ, прапорщикъ Апшер. п., 129.
Богаевскій, маіоръ, Апшер. п., 206, 225, 226, 314 и 538.
Богаевскій лѣсъ, 125.
Боголяльское общество, 5.
Богело, общество, 303.
Богокъ, гора, 459.
Богуславская, жена подпоручика, 192.
Богуславскій, подпоручикъ, 192.
Богуславскій, подпоручикъ Апшер. п., 522—546, 551 и 552.
Богущій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 181 и 206.
Болотниковъ, штабсъ-капитанъ Кабардинскаго полка, 86.
Болтугай, урочище, 134.
Большая Лаба, рѣка, 317, 344 и 385.
Большая Чеченская плоскость, 271.
Большая Чечня, 2, 18, 237 — 240, 247, 249, 253, 267, 271, 276, 280, 285, 290 и 291.
Больше, аулъ-селеніе, 3.
Больше-Лабинскій перевалъ, 365.
Большой Чечень, селеніе, 280.
Борковскій, полковникъ, 358—361.
Борхъ, графъ, генералъ-лейтенантъ, 550.
Ботлихскій отрядъ, 497 и 504.
Ботлихъ, селеніе, 9, 33, 140, 458, 459, 475, 498, 504 и 505.
Бочаровъ, Василій, рядовой Апшер. п., 39.
Бражниковъ, поручикъ, Апшер. п., 551 и 552.
Брамъ, подпоручикъ Апшер. п., 19 и 39.
Бриммеръ, генералъ-маіоръ, 184 — 186.
Бриммеръ, поручикъ Апшер. п., 193.
Бриндзе, поручикъ Апшер. п., 181 и 206.
Брусиловъ, поручикъ Апшер. п., 206.
Брянчаниновъ 2-й, подпоручикъ Апшер. п., 281, 289 и 314.
Буганъ, рѣка, 481.
Бугдень, селеніе, 91, 209 и 238.
Будженурдъ, селеніе, 523.
Буемскій, подполковникъ, 374, 381, 449, 451—453.
Буйнаки, селеніе, 160, 209 и 213.
Букъ-Магометъ, наибъ, 218, 242 и 244.
Булатовъ, штабсъ-капитанъ, 379—381.
Булачъ, наибъ, 286 и 287.
Булыгинъ, подполковникъ, 535.
Буравцевъ, подполковникъ Апшер. п., 206, 225, 251, 257, 281, 289, 314, 373—378, 387, 412, 413, 417, 420, 431—433, 436, 441, 455 и 456.
Бураганъ, колодцы, 401, 402 и 403.
Буржинскій, прапорщикъ Апшер. п., 281.
Бурминъ, поручикъ Апшер. п., 80.
Бурная крѣпость, 18, 28, 63, 85 и 86.
Бурноволоковъ, прапорщикъ, 181.
Буртунаевскій отрядъ, 121.
Буртунаевскія высоты, 137.
Буртунаевское укрѣпленіе, 286 и 287.
Буртунай, селеніе, 120—122, 129, 134, 135, 154, 157, 221, 232, 233, 243, 247, 253—255, 258—265, 280, 281, 282—289, 296 и 297.
Бурундукъ-Кале, укрѣпленіе, 13, 18, 52, 62, 63, 92 — 95, 115, 157, 196, 225, 302 и 304.
Бусага, колодцы, 380—385, 388—390, 451 и 452.
Бухановскій, капитанъ, 76.
Бухарское ханство, 372 и 454.
Бухты, селеніе, 213.
Буцра, селеніе, 38.
Буцрахскій хребетъ, 285.
Буцурачъ-Кала, селеніе, 136, 137, 139 и 147.
Буцуръ, перевалъ, 138 и 139.
Буцуръ-Тликоль, 131.
Бучкіевъ, подполковникъ, 168 и 190.
Быковъ, подпоручикъ Апшер. п., 234.
Бычинскій, поручикъ Апшер. п, 193.
Бѣлая, рѣка, 316, 317, 334—342, 344—347, 349, 351, 354, 355 и 365.
Бѣлевскій пѣхотный полкъ, 254 и 288.
Бѣликъ, подполковникъ, 279.
Бѣлиновичъ, прапорщикъ Апшер. п., 353.
Бѣлорѣченская линія, 342, 344, 354 и 355.
Бѣлорѣченскій перевалъ, 365.
Бѣлорѣченское укрѣпленіе, 355.
Бѣлостокскій полкъ, 273 и 276.
Бѣлоусовъ, Александръ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 17,
Бѣлоусовъ, капитанъ Апшер. п., 60, 66 и 67.
Бѣлоярцевъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 14, 15, 20, 26, 51 и 60.
„Бѣлый Царь", 454, 508 и 510.
Бѣляевъ, Степанъ, рядовой Апшер. п., 15.
Бѣлявскій, генералъ-маіоръ, 138, 141, 142, 147, 149, 151 и 153.
Бюрно, генералъ-маіоръ, 175 и 176.

В

Вагнеръ, подполковникъ Апшер. п., 2, 3, 4, 19, 23—26, 28 и 39.
Вагодскій хребетъ, 304,
Волжинскій, штабсъ-капитанъ Апшер, п., 1, 16 и 20.
Вакуловскій, поручикъ Апшеронскаго полка, 551 и 552.
Валгай-Обидова, высоты, 352.
Валерикъ, рѣка, 280.
Валишинъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 196.
Ваникъ, селеніе, 283, 288, 289 и 296.
Варай, селеніе, 180.
Варашкевичъ, Андрей, отрядный священникъ Мангишлакскаго отряда, 275, 433 и 454.
Василевскій, поручикъ, 67.
Васильевъ, генералъ-маіоръ, 495—497.
Васильевъ 3-й, маіоръ, 166, 201, 206, 218, 225, 226 и 256.
Васильевъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 39 и 98.
Васильевъ, штабсъ-капитанъ саперъ, 523.
Васильевъ, поручикъ, Апшер. п, 504, 524, 525, 551 и 552.
Васильчиковъ, князь генералъ-маіоръ, 254.
Вача-Хаджи-Муса-Али-оглы, мятежникъ горецъ, 490.
Веденскій округъ, 463 и 470.
Веденское плато, 459.
Ведень, селеніе и укрѣпленіе, 239, 291, 294—296, 459—464, 468—472.
Великентъ, селеніе, 483, 484, 489, 491, 493, 495 и 497.
Великокняжеская позиція, 543.
Великокняжескій ручей, 538.
Великокняжескія калы, 538—540, 543, 544 и 547.
Великолагерный постъ, 318.
Вельяминовъ, генералъ-лейтенантъ, 248.
Вельяшовъ, полковникъ, 320.
Веревкинъ, генералъ-лейтенантъ, 34, 50, 373, 374, 390, 394—396, 298, 399, 402, 406, 411—413, 415, 416, 418, 419, 421, 422, 424—438, 455 и 521.
Вержбицкій, подполковникъ Апшер. п., 166 и 193.
Вержбицкій, полковникъ, 511, 513, 514 и 523.
Вержиковскій, подпоручикъ Апшер. п., 110 и 129.
Верхне-Абадзехскій отрядъ, 334 и 335.
Верхне-Кубинское приставство, 357.
Веселитскій, подполковникъ, 61, 63—66.
Веснинъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 201 и 202.
Вечрикъ, селеніе, 217.
Вибергъ, полковникъ, 347, 348, 360 и 364.
Видинѣевъ, Иванъ, фельдфебель Апшер. п., 15.
Викторовъ, генералъ-маіоръ, 145.
Виленскій полкъ, 268, 270, 273 и 276.
Винниковъ, капитанъ Апшер. п., 133, 155, 166, 172, 174, 181 и 206.
Виноградскій 1-й, поручикъ Апшер. п., 15, 20, 39 и 55.
Виноградскій 2, капитанъ Апшер. п., 38, 60 и 97.
Витковскій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 20 и 60.
Виттортъ 2-й, маіоръ Апшер. п., 80 и 98.
Вихлиль, селеніе, 162.
Вицхинскій магалъ, 180, 183, 197, 203, 212 и 213.
Владикавказскій казачій полкъ, 273, 360, 373 и 410.
Владикавказскій округъ, 242.
Владикавказъ, городъ, 231 и 232.
Внезапная, крѣпость, 2, 4, 5, 12, 22, 31, 79, 81, 134, 235, 265 и 285.
Военно-Ахтынская дорога, 254.
Военно-Грузинская дорога, 42, 228 235 и 307.
Водарскій, поручикъ, 72.
Воздвиженская крѣпость, 235, 236, 238, 247, 249, 253, 272, 274 и 280.
Войно-Оранскій, полковникъ, 499 и 501.
Войновъ, прапорщикъ Апшер. п., 226.

*

Войткевичъ, поручикъ Апшер. п., 19 и 166.
Волковъ, генералъ-маіоръ, 221, 222, 224, 232, 254, 255, 257, 261, 263, 264 и 284.
Волковъ, капитанъ Апшеронскаго полка, 250 и 281.
Волконскій, сочиненіе его: «Окончаніе покоренія Восточнаго Кавказа», 300 и 313.
Волоцкій, полковникъ, 89 и 93.
Волынскій, подполковникъ Апшер. п., 8, 14, 20, 98, 181 и 314.
Волынскій, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 314.
Волынскій полкъ, 113, 117, 120 и 124.
Воронцовъ, князь Михаилъ Семеновичъ, генералъ - адъютантъ, намѣстникъ Кавказскій, 128, 130, 131, 134, 135, 138, 139, 141, 144, 147, 149, 150, 153, 155, 166, 175, 177, 183, 187, 188, 195 203, 216.
Воропановъ, поручикъ Апшеронскаго полка, 504, 522, 523, 528, 529, 531, 533, 540, 545, 551 и 552.
Восточный Кавказъ, 249, 307, 369 и 370.
Вощебниковъ, прапорщикъ Апшер. п., 187.
Врангель, баронъ, капитанъ Апшер. п., 97, 129.
Врангель, баронъ, генералъ-адъютантъ, 236, 239, 248, 249, 282, 283, 286, 289, 291, 297, 302, 306, и 312.
Вранкенъ, капитанъ, 107, 110 и 129.
Вранкенъ, подпоручикъ Апшер. п., 166, 173 и 181.
Вревскій, баронъ, генералъ-лейтенантъ, 254.
Вріони, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 251.
Вуичъ, графъ, подпоручикъ, 67.
Вульфъ, поручикъ Апшер. п., 64.
Вуншъ, подполковникъ Апшер. п., 189, 193, 199, 201 и 206.
Высоцкій, маіоръ, 498, 499, 502 и 503.
Вышинскій, прапорщикъ Апшер. п., 308.

Г

Габукаевскій редутъ, 362.
Гавриленко, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 39.
Гаджи-Муратъ, наибъ шамиля, 62.
Гаджіовъ, наибъ, 44.
Гаджіовъ-Ункулау-Оглы, 223 и 224.
Гайдаровъ, подполковникъ, 523, 526, 527, 528 и 543.
Галафѣевъ, генералъ-лейтенантъ, 1, 4, 5, 9, 10 и 18.
Галашевская милиція, 273.
Галгай, селеніе, 239.
Галкинъ, Василій, рядовой Апшер. п., 59.
Галкинъ, Филлипъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 26.
Гамаевская милиція, 273.
Гамазовъ, штабъ-капитанъ, 206 и 369.
Гамаринскій оврагъ, 277.
Гамаши, селеніе, 24 и 180.
Гамашинскій лагерь, 216.
Гамашинскій отрядъ, 214 и 216.
Гамашинскія высоты, 205, 211, 213—217 и 254.
Гамердукъ, хребетъ, 459—463.
Гамешта, аулъ, 29 и 33.
Гамзатъ-бекъ-Имамъ, 22, 27 и 100.
Ганши, селеніе, 188.
Гарднеръ, подполковникъ, 270.
Гарналой-Ламъ, высоты, 303.
Гассанъ-Бекъ-Кентъ Новый, селеніе, 292.
Гасицкій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 26.
Гатый, селеніе, 489.
Гауке, графъ, подполковникъ, 323.
Гауръ-Таня, урочище, 495.
Гашинскій, подпоручикъ, 353.
Гбаада, урочище, 367.
Гебекъ, наибъ, 261.
Гедримовичъ, штабсъ-капитанъ Апшер. полка, 166, 193, 206, 226, 250, 257 и 281.
Гейманъ, полковникъ, 322, 323, 325, 328, 331, 332, 335 и 343.
Гейнсъ, полковникъ, 539.
Геленджикъ, селеніе, 367.
Гельдигенъ, селеніе, 247.
Генгардтъ, генералъ-маіоръ, 347.
Гендырговская высота, 466.
Генингъ, поручикъ, Апшер. п., 129 и 200.
Геничутль, селеніе, 70, 75 и 78.
Генкель, прапорщикъ Апшер. п., 193.
Геокъ-Тепе, крѣпость, 505—558, 510—513, 519, 524, 526—535, 540, 542, 545, 546, 548, 549, 551 и 552.
Георгій Михайловичъ, Его Императорское Высочество, Великій Князь Шефъ Апшер. п., 364, 365 и 551.
Георгіевская поляна, 317.
Герасименко, подпоручикъ Апшер. п., 166 и 181.
Гергебильскій мостъ, 117.
Гергебильскій ручей, 186.
Гергебильское укрѣпленіе, 81, 82 и 84.
Гергебильскія высоты, 186, 235 и 250.
Гергебиль, селеніе, 38, 41, 43—47, 49, 50, 58, 60, 62, 65, 69, 75, 78, 80, 81—84, 90, 104, 114, 115—119, 160, 162, 166—173, 177, 179 184, 185, 187—189. 194, 195, 234, 235, 241, 247, 285, 288, 496, 499 и 500.
Герзелинскій лѣсъ, 237 и 239.
Герзель-аульское укрѣпленіе, 10 и 18.
Герзель аулъ, 1, 5, 147, 148, 152, 154, и 235.
Германія, государство, 375.
Гертме, селеніе, 120, 134, 249, 269, 271 и 283.
Гертменская поляна, 247, 248 и 271.
Гермихизъ поляна, 249.
Герштенцвейгъ, подпоручикъ Апшер. п., 353 и 369.
Гехи, общество, 125, 278 и 279.
Гилли, селеніе, 107, 108, 111 и 109.
Гимринское ущелье, 1, 14, 19, 28, 29, 125, 228 и 250.
Гимры, селеніе, 1, 11, 13—17, 19, 20, 22, 29, 38, 49, 57—59, 62, 64, 80, 84, 85, 92, 94—96, 103, 123, 125, 210, 222, 250, 285, 286, 306, 307 и 504.
Гирей, наибъ, поручикъ, 467.
Гиршъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 251.
Главная Кала, 538.
Глембоцкій, прапорщикъ Апшер. п., 98.
Глуржидзе, подпоручикъ Апшер. п., 166.
Гобукаевская станица, 351.
Гогаръ-Топа, возвышеность, 483.
Гогатль, селеніе, 140—142, 145 и 147.
Гогоберидзе, подполковникъ, 250, 281, 314, 353, 369, 526, 529 и 532.
Годлевскій, подполковникъ, 67.
Годовери, селеніе, 9.
Гозолоколо, селеніе, 62.
Гой, общество, 278.
Гойта, рѣка, 3, 125, 235, 236, 278 и 279.
Гойтемировскіе ворота, 296.
Гойтенъ-Коргъ, гора, 249.
Гойтинская просѣка, 239.
Гойтинскій перевалъ, 365.
Гокленъ-кала, городъ. 443.
Голбацъ-Дебиръ-наибъ Шамиля, 24.
Голембіевскій, полковникъ, 258.
Голенищевъ-Кутузовъ, князь, фельдмаршалъ, 338.
Голиковъ, мичманъ, 523.
Головинъ, генералъ отъ инфантеріи, 21, 22, 28—32, 57, 58 и 125.
Головинъ 1-й, прапорщикъ Апшер. п., 225 и 226.
Головинъ 2-й, подпоручикъ Апшер. п., 221, 224 и 225.
Головкинъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 159.
Головня, подпоручикъ Апшер. п., 226 и 250.
Голубаевъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 281.
Голубовъ, капитанъ Апшер. п., 181, 206, 226 и 314.
Горинъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 250.
Горчаковъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 281, 293 и 314.
Горшковъ, полковникъ, 264, 325, 335, 342 и 344.
Горюшкинъ, прапорщикъ Апшер. п., 206.
Готто, подпоручикъ Апшер. п., 522, 537 и 538.
Гохланы, племи туркменъ, 508 и 520.
Гоцатлинское укрѣпленіе, 73.
Гоцатль, селеніи, 21, 33, 34, 36, 43, 44, 48, 58, 69, 74, 78, 80, 115, 165 и 169.
Граббе, графъ, генералъ-адъютантъ, 1, 3, 19, 21, 41, 42, 52, 54, 55, 57, 62, 100. 125, 137, 155, 297, 335, 385 и 366.
Грабовскій, маіоръ, 64.
Грамотинъ, генералъ-маіоръ, 214, 215 и 217.
Гранниковъ, подпоручикъ Апшер. п., 369 и 370.
Графскій полкъ, 229 и 230.
Гребенской казачій полкъ, 268.
Грейфъ, капитанъ Апшер. п., 129, 155 и 193.
Гржегоржевскій, маіоръ Апшер. п., 60 и 166.
Григорьевское укрѣпленіе, 327, 328, 330, 332 и 355.
Григорьевъ, рядовой Апшер. п., 196.
Гриммъ, докторъ, 439.
Гриневичъ, поручикъ Апшер. п., 399, 407—410.
Гринъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 181, 193, 200, 206, 225, 226, 233 и 252.
Гродековъ, генералъ-маіоръ, 374, 380, 382—385, 387—389, 391, 393—396, 431, 434, 435, 453, 454, 507, 510, 512, 537, 538 и 541.
Гродненскій артиллерійскій гарнизонъ, 270.
Грозная, крѣпость, 4, 22, 235, 236, 238, 239, 247, 249, 268, 272 и 273.
Громовъ, прапорщикъ Апшеронскаго полка, 281.
Громовъ, купецъ, 525.
Гросманъ, поручикъ Апшер. п., 226, 314 и 369.
Гротенгельмъ, подполковникъ, 427, 428 и 430.
Грузинская милиція, 111, 115—117 и 148.
Грузинскій линейный № 13 баталіонъ, 204, 256, 305, 307 и 311.
Грузія, 232.
Губарь, прапорщикъ, 250, 314 и 339.
Губденъ, селеніе, 160 и 496.
Губденскіе лѣса, 209.
Гудермесъ, рѣка, 240, 463—468.
Гудуръ-Дагъ, перевалъ, 223.
Гудулъ-Майданъ, селеніе, 179 и 305.
Гузеритль, рѣка, 365.
Гукки-Мееръ, урочище, 305.
Гулевичъ, поручикъ Апшер. п., 37 и 38.
Гулевичъ 3-й, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 40.
Гумбетовская милиція, 471 и 500.
Гумбетъ, общество, 9, 24, 27, 36, 48, 63, 75, 81, 120, 122, 123, 132, 135, 137, 232, 243, 247, 254, 255, 258, 261, 262, 283, 284, 289, 296, 302—304, 458, 459, 467 и 476.
Гумли-Керпя, ущелье, 47.
Гумугой, селеніе, 240.
Гумха, перевалъ, 141.
Гуни, селеніе, 121, 122, 250, 264 и 287.
Гуни, гора, 32.
Гунибскій округъ, 477.
Гунибскій отрядъ, 504.

Гунибъ, селеніе, 32, 48, 304—308, 311—314, 318, 368, 457 и 498.
Гунибъ-Дагъ, гора, 305, 307, 308 и 311.
Гуннанъ-урусъ, колодцы, 393.
Гуной, селеніе, 269 и 294.
Гургенидзе, прапорщикъ Апшер. п., 281 и 314.
Гурдоли, селеніе, 465, 468 и 469.
Гурійская милиція, 148
Гурко, генералъ-лейтенантъ, 78, 85, 90—95, 100, 102, 105, 117, 118, 142 и 151.
Гурко, урочище, 95.
Гуркой-Большой, селеніе, 240.
Гуркой-Малый, селеніе, 240.
Гурлень, городъ, 420.
Гусевъ 1-й, подпоручикъ Апшер. п., 166.
Гусейновъ Алхазъ, юнкеръ, 301.
Гуссейнъ, наибъ, 210.
Гуськовъ, Василій, рядовой Апшер. п., 298
Гюргень-чай, рѣка, 496.
Гюрмабъ, Персидское селеніе, 512.

Д

Даванъ-Берды, селеніе, 295.
Давыдовъ, Василій Ар., полковникъ, командиръ Апшер. п., 369.
Давыдовъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 17.
Дагестанская конная дружина, 459—461. 463—466, 471, 474 и 489.
Дагестанская милиція, 115, 119 и 284.
Дагестанская пѣшая дружина, 459, 461, 464, 467, 470 и 474.
Дагестанская область, 347, 374, 382, 391, 406, 410, 450, 454, 455, 458, 459, 475, 477 и 491.
Дагестанскіе всадники, 157, 161, 167, 183, 206, 207, 209, 211, 214 и 217.
Дагестанскій конно - иррегулярный полкъ, 219, 222, 229 231, 232, 234, 235, 242, 244, 250, 257, 261, 282, 284, 286, 288, 291, 293, 295—297, 300, 304, 307, 311, 373, 378, 397, 404, 405, 412, 416, 417, 420, 423, 428, 441, 454, 455, 480, 481, 484, 486, 488, 490, 492—494, 496, 498 и 502.
Дагестанскій отрядъ, 21, 22, 31, 41, 43, 52, 57, 61, 70, 73, 74, 78, 79, 81—83, 85, 93—95, 99, 101, 102, 105, 111—115, 117, 131, 132, 134, 135, 137—140, 162, 167—170, 173—175, 178—180, 183, 189, 191, 192, 194, 195, 198, 202, 204, 210, 211, 212, 214, 218—225, 231—233, 258, 259, 261, 264—267, 282, 295—297, 302—306, 458—460, 467, 470, 472, 475, 488, 495, 496, 498, 503 и 504.
Дагестанскій полкъ, 157, 160, 162, 163, 169, 172, 174, 180, 183, 221, 228, 235, 241, 243, 244, 248, 250, 253—256, 259, 261—265, 280, 283—286, 291, 292, 294, 295, 297, 307, 318, 320—322, 480, 482—485, 490, 493, 496, 498, 502, 503, 507, 518, 520, 531, 533 и 543.
Дагестанъ, 1, 3, 5—6, 9—12, 17, 19, 32, 33, 36, 38, 41, 43, 44, 50, 53, 57, 61, 63, 79, 80, 85, 90, 92, 96, 99, 100, 103, 105, 108, 131, 132, 167, 168, 174, 179, 182, 183, 194, 200, 202, 206, 207, 212, 218, 219, 221—225, 228, 229, 235, 238—244, 247, 250, 254, 256, 280, 282, 285, 289, 303—307, 451, 458, 465, 476, 477, 489, 491, 495, 498, 499, 504, 505 и 550.
Дагини, селеніе, 269.
Дагой, оврагъ, 357.
Даевъ, Василій, унтеръ-офицеръ 46.
Дайня, родники, 528.
Даниловъ, подпоручикъ Апшер. п., 314.
Даніэль-Бекъ, наибъ, 179, 212, 216, 307 и 313.
Даніэль Султанъ Елисуйскій, предводитель горцевъ, 110, 132, 175, 191, 192, 202, 211 и 306.
Данухъ, селеніе, 283.
Дарванъ-чай, рѣка, 491 и 492.
Даргай, рѣка, 352 и 361.
Даргинская милиція, 235, 240, 241, 250, 254, 307 и 500.
Даргинская экспедиція, 128, 132, 155, 156, 159, 194 и 248.
Даргинскій округъ, 158—160, 162, 165, 166, 187, 188 202, 204, 206, 211, 212, 214, 216, 220, 223, 229, 232—235, 241, 243, 246, 250, 477, 478, 487, 489, 495, 498, 501 – 503.
Даргинскій участокъ, 470.
Даргинъ-Дукъ, высоты, 276 и 277.
Дарго, общество и селеніе, 32, 33, 63, 66, 71, 75, 101, 106, 118, 122, 147, 128, 130 – 132, 136, 140—143, 145—154, 155, 183, 192, 197, 242, 260, 283, 289, 294, 466, 468, 469 и 504.
Дарада, селеніе, 50 и 114.
Даткесанъ, урочище, 12.
Дахинъ-Урзау, переправа, 236.
Дахо, рѣка, 342, 344 и 352,
Дахо, общество, 341, 342 и 344.
Даховская линія, 355.
Даховская станица, 355.
Даховскій отрядъ, 342, 349, 351, 361 и 365.
Дачу-Барзой, селеніе, 1, 274, 276 и 277.
Дачу-Барзоевскій отрядъ, 278.
Дебиръ-Аджи, дядя Хаджи-Мурата, 26.
Дебу, генералъ-маіоръ, 345.
Девель, подполковникъ, 301.
Девлетъ-Бей, селеніе, 295.
Дѣгтяревъ, поручикъ, Апшер. п., 545. 546, 551 и 552.
Дели-Чабанъ, селеніе, 489.
Дементьевъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 69, 71 и 72.
Деминъ, Алексѣй, рядовой Апшер. п., 25.
Демьяновъ, прапорщикъ Апшер. п., 156.
Денгиль-тепе, селеніе, 508, 510 и 533.
Денгли-тепе, холмъ, 545 и 546.
Денъ-жу, рѣка, 355.
Дербентская губерн., 244.
Дербентская мѣстная команда, 477, 488 и 492.
Дербентъ, городъ, 5, 18, 84, 96, 101, 105, 106, 113, 246, 280, 477, 480, 481, 483, 484, 486—489, 491—493, 495—497, 504 и 505.
Дербинъ-Махки, селеніе, 295.
Десюмбой, колодезъ, 384, 385 и 387.
Дешлагаръ, урочище, 167, 179, 183 478, 480, 487, 488, 496 и 497.
Джакунъ-бай, (Ніязъ-бай), каналъ, 416.
Джалка, рѣка, 236—239, 267 и 271.
Джалхи-бекъ, колодцы, 451 и 452.
Джамалъ-Эддинъ, тесть Шамиля, 304.
Джамаляльское общество, 5.
Джамбай, колодезь, 448.
Джамбазъ (Абасъ-паша), офицеръ турецкой службы, 472.
Джамовъ-бекъ Уміевъ, генералъ-маіоръ, 213, 230, 231 и 477.
Джансай-Голъ, оврагъ, 257 и 258.
Джанъ-Кала, укрѣпленіе, 398, 401 и 441.
Джармутъ, селеніе, 223.
Джаро-белаканскій округъ, 205, 219, 223—225, 231—233.
Джафаръ-ханъ, владѣтель Казикумуха, 476, 489—491, 495 и 496.
Джеватъ-ханъ, 2, 9, 11, 18 и 31.
Джелангачъ-чеганакъ, урочище, 416.
Джелатхури, селеніе, 29.
Джемалъ, чиркеевскій старшина, 261,
Джемарджидзе, полковникъ, 347, 358. 359 и 361.
Джемикентская почтовая станція, 495.
Джемикентъ, селеніе, 480—483 и 489.
Дженгита-Хабль, селеніе, 348 и 349.
Дженгутай, селеніе, 45, 84, 93, 104—107, 111, 159, 160, 166 — 169, 192, 203, 206, 208, 209, 213, 218, 219, 225, 235 и 238.
Дженичка, селеніе, 405.
Джигетія, горная область, 365.
Джуба, рѣка, 326.
Джульджафъ, селеніе, 245.
Джуфу-Дагъ, гора, 217.
Дзенешевъ, селеніе, 346.
Дидоевское общество, 459 и 476.
Диско, прапорщикъ Апшер. п., 189.
Добржанскій, подполковникъ Апшер. п., 231, 233, 250 и 279.
Догай, рѣка, 330.
Догуа, рѣка, 364.
Дока-Шавдонъ, рѣчка, 240.
Долгово - Сабуровъ, маіоръ Апшер. п., 223, 235, 242, 250, 251, 264, 265, 283 и 289.
Доливо - Добровольскій, полковникъ, 347.
Долъ-джитергенъ, колодцы, 449.
Доманскій, поручикъ Апшер. п., 70 и 71.
Домашевскій - Пислякъ, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 314.
Домбровскій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 60, 81 и 96.
Дондуковъ-Корсаковъ, князь, генералъ-адъютантъ, 143 и 551.
Донецкій, поручикъ Апшер. п., 212, 225 и 251.
Доногопо-Магома, наибъ, 303.
Донскіе казаки, 107, 111, 112, 157, 160, 162, 169, 183, 204, 207, 211, 213, 219, 242 — 245, 267, 273, 288, 297, 345, 347, 348 и 351.
Драевскій, прапорщикъ Апшер. п., 287.
Дубельтъ, подполковникъ Апшер. п., 206, 211, 212, 225 и 226.
Дузъ-Олумъ, укрѣпленіе, 506 — 509, 519—521, 526 и 528.
Дуранчи, селеніе, 213.
Дургели, селеніе, 104, 106 и 111.
Дуренги, селеніе, 107 и 111.
Дурунъ, селеніе, 506, 508, 511, 528 и 529.
Дусараатскій, магалъ, 205.
Дусараатъ-чай, рѣка, 205.
Дусрекъ, селеніе, 205.
Дучрагатырь, урочище, 212.
Дымымъ, селеніе, 63, 79, 81, 255, 256, 261—265, 282, 283, 285—289 и 296.
Дымовскій, прапорщикъ, 147.
Дынь-Шекодзь, рѣка, 362.
Дышни-Ведень, селеніе, 459, 460, 462, 463, 465, 470 и 471.
Дьяконовъ, капитанъ Апшер. п., 51, 60, 80, 85, 89, 90, 96, 97, 161, 164—166, 172 — 174, 181, 191, 193, 198, 200 и 201.
Дювекъ, селеніе, 493, 494 и 497.
Дюдень, селеніе, 247, 275 и 277.
Дюзъ-Майданъ, урочище, 196, 220, 227 и 498.
Дюзъ-Тау, гора, 221, 232, 243 и 250.

Е

Евгеніевское укрѣпленіе, 21, 32, 44, 45, 85, 90—92, 95—97, 117, 119, 123, 125, 131, 134, 138—140, 155, 167, 168, 209, 221, 232, 233, 243, 250, 254—256, 259—261, 265, 282, 283, 296 и 549.
Евдокимовъ, графъ, генералъ-адъютантъ, 129, 133, 155, 159, 163, 166, 172—174, 186—189, 192, 248, 249, 253—255, 263, 265—280, 291, 296, 318, 333, 334, 340, 342, 343, 349—351, 359—361 и 365.
Евдокимовъ, Евграфъ, полковникъ, командиръ Апшер. п., 360 и 368.
Евдокимовъ, маіоръ Апшер. п., 14, 15, 20, 29, 41, 44, 47—49, 53, 60, 64, 69, 73, 85, 93, 104—106 и 119.
Ешашатой, селеніе, 463.
Егерукаевская станица, 340 и 345.

Егоровъ, подполковникъ Аппшер. п., 250, 251, 283, 308 и 314.
Егянъ-Батыръ-Кала, селеніе, 511, 512, 526, 528—531 и 533.
Екатерина II, Императрица, 521.
Ейскій казачій полкъ, 373, 452 и 454.
Еленскій, штабсъ-капитанъ Аппшер. п., 97, 116, 129, 158 и 206.
Емпсихіако, селеніе, 322, 323, 324 и 330.
Еременко, штабсъ-капитанъ Аппшер. п., 36 и 37.
Еркембай, колодцы, 381 и 449.
Ермаковскій, прапорщикъ Аппшер.п., 64.
Ермоловъ, генералъ отъ инфантеріи, 372.
Ерси, селеніе, 494.
Есаковъ, полковникъ, 324 и 345.
Ецн-Юртъ, урочище, 249.

Ж

Ждановъ, капитанъ Аппшер. п., 19 и 111.
Ждановъ, Филишъ, рядовой Аппшер. п., 164.
Жерновъ, Иванъ, рядовой Аппшер. п., 149.
Жешука, рѣка, 342 и 343.
Житомірскій полкъ, 105, 107—109, 111, 113, 115, 116, 120—122.

З

Завадскій, прапорщикъ Аппшер. п., 281 и 314.
Загданъ, селеніе, 365.
Зайцевъ, маіоръ Аппшер. п., 29, 39, 55, 57, 60, 61, 65 и 67.
Закавказье, 224.
Заканъ-Юртъ, укрѣпленіе, 125.
Закаспійскій мѣстный баталіонъ, 533.
Закаспійскій край, 507, 513, 515—517, 520, 522, 527 и 550.
Закаталы, укрѣпленіе, 233.
Закатальскій полкъ, 457.
Закутовскій, прапорщикъ Аппшер. п., 225.
Залетовъ, прапорщикъ, 73.
Залуко, рѣка, 363.
Замоцкій полкъ, 144 и 145.
Занаревскій, штабсъ-капитанъ Аппшер. п., 133, 155 и 156.
Зандакскіе хутора, 291.
Зандакъ, селеніе, 9, 122, 255, 263, 265, 267, 291, 292 и 468.
Заневичъ, прапорщикъ Аппшер. п., 251.
Занокъ-Бакъ, гора, 136—138.
Западный Дагестанъ, 458—459, 474, 498, 503 и 504.
Западный Кавказъ, 317, 318, 344, 365, 367, 369, 370 и 503.
Западный край, 530.
Запорожченко, прапорщикъ, 225.
Зараковскій, прапорщикъ Аппшер. п., 26.
Зау, селеніе, 508.
Захаровъ, унтеръ-офицеръ, знаменщикъ Аппшер. п., 537.
Звенигородскій, подпоручикъ Аппшер. п., 206 и 225.
Здоровенко, подпоручикъ Аппшер. п., 19.
Зейдлицъ, прапорщикъ Аппшер. п., 250 и 314.
Зейфертъ, штабсъ-капитанъ Аппшер. п., 314 и 504.
Злобинъ, подпоручикъ Аппшер. п., 551 и 552.
Зотовъ, генералъ-маіоръ, 269, 363 и 364.
Зубанчи, селеніе, 493.
Зубутовская переправа, 158 и 285.
Зубутовскій спускъ, 168.
Зубутъ, селеніе, 6, 9, 32, 43, 44, 85, 90, 123, 184, 250, 256, 261, 264 и 287.
Зурама-Кентъ, селеніе, 134.
Зухумъ, кадій, 162.
Зухулъ, селеніе, 191.
Зыбинъ, прапорщикъ Аппшер. п., 86 и 88.
Зыряны, укрѣпленіе, 9, 18, 21, 23, 24, 28, 33, 36—38, 43, 52, 62, 64, 65, 71, 78—80, 85, 90—94, 102, 115, 117. 121, 123 и 127.

И

Ибрагимъ-Дада, урочище и высота, 31, 111, 123, 134, 138, 157, 255, 256, 259 и 282.
Ибрагимъ, наибъ, 210 и 220.
Ибрагимъ-ханъ, ротмистръ, 306.
Иваницкій, прапорщикъ Аппшер. п., 98.
Иванова, 196.
Ивановскій, прапорщикъ Аппшер. п., 206.
Ивановъ, есаулъ, 535.
Ивановъ, полковникъ, 529.
Ивановъ, Алексѣй, рядовой Аппшер. п., 7.
Ивановъ, рядовой Аппшер. п., 196.
Ивано-Шебшское укрѣпленіе, 325.
Иванчевскій, штабсъ-капитанъ Аппшер. п., 80.
Игали, селеніе и общество, 9, 11, 16, 35, 41, 43, 49, 52—57, 62, 69, 155, 303, 306 и 307.
Игалинскій перевалъ, 21 и 36.
Идрисъ-Мулла, наибъ, 283.
Измаилъ-Юртъ, селеніе, 275.
Иліасъ-Абдудъ-Бури-Мулла, 39.
Иль, рѣка, 318—322.
Ильиничъ, полковникъ, 366.
Ильское укрѣпленіе, 327 и 328.
Ильтедже, колодецъ, 373, 381—384, 388—393, 402, 407 и 450.
Ильяллы, городъ, 441, 443 и 444.
Ингушевская сотня Терской милиціи, 459—461, 463, 464, 466—468, 471—474.
Инколита, аулъ, 35 и 49.
Инко-Хаджи, наибъ, 212
Инкурдахъ, аулъ, 23, 27 и 33.
Инхо-Нижній, селеніе, 303.
Инчхе, селеніе, 31 и 288.
Ипшальта, гора, 48 и 50.
Ирали-кочканъ, озеро, 402, 404, 407—445 и 447.
Иранъ (страна тьмы), 383.
Иранъ-Хоробъ, урочище, 491.
Ирбасанъ, колодцы, 399, 402 и 448.
Ирганай, селеніе, 14, 36, 38, 43, 44, 48, 58, 62, 65, 90, 94, 96, 102, 114, 115, 220, 225, 250, 285, 286, 302 и 304.
Ирганайскій перевалъ, 13.
Ирганайское ущелье, 13, 28, 29, 65 и 94.
Ирибъ, селеніе, 168, 211, 306 и 307.
Исалъ-Магома, 13.
Исламъ, селеніе, 270.
Исмаилъ, наибъ, 257, 312 и 313.
Исмаилъ-Эфенди-Яраглярскій, предводитель мятежниковъ, 481.
Исса-Юртъ, селеніе, 150.
Исти-Су, селеніе, 12, 268 и 269.
Италія, государство, 338 и 375.
Итыбай, колодецъ, 390, 391, 393—398 и 400.
Ихрекское ущелье, 190.
Ихрекъ, селеніе, 190 и 202.
Ичичели, гора, 303.
Ичкеринское дѣло, 155.
Ичкеринскій лѣсъ, 141.
Ичкерія, общество, 2, 5, 79, 459, 463, 466 и 467.
Ишкарты, селеніе, 1, 6—9, 18—20, 28, 103, 123, 157, 183, 209, 219, 253, 285, 286, 288, 289, 367, 457, 505, 548, 549 и 551.

К

Кабаницъ, селеніе, 319—323 и 330.
Кабарда, часть Кавказа, 158.
Кабардинскій полкъ, 52, 63, 65, 69, 82, 86, 90, 92, 93, 95, 145, 146, 153, 239, 254,, 259, 261, 267, 318, 320, 322, 323, 325, 459, 499 и 504.
Кавалерійская кала, 534.
Кавказская армія, 291, 307, 314, 357, 370, 375, 516 и 567.
Кавказская линія, 1, 4, 6, 10, 18, 22, 29, 41, 42, 52, 58, 78, 80, 84, 85, 88, 92, 96, 101, 102, 120, 125, 126, 131, 138, 147, 235, 236, 246 — 248, 265, 285, 290 и 316.
Кавказскіе линейные баталіоны, 239, 347, 359, 360, 363 и 364.
Кавказскіе саперные № 1-й и 2-й баталіоны, 21, 52, 53, 58, 111, 115, 120, 171, 219, 254, 268, 270, 273, 276, 284, 286, 297, 318, 351, 358, 359, 373, 454 и 529.
Кавказскій корпусъ, 105, 118, 120, 125, 128, 154, 159, 174, 248 и 258.
Кавказскій отрядъ въ Хивѣ, 373, 428, 431, 439, 440, 445, 454 и 455.
Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 140, 143, 171, 196, 203, 222, 345 — 347, 351, 357—360, 363 и 550.
Кавказскій хребетъ, 223, 334, 345, 349, 355, 365 и 367.
Кавказское линейное казачье войско, 321.
Кавказъ, 1, 2, 27, 41, 43, 76, 99, 100, 125, 126, 338, 368, 372, 373, 375, 404, 445, 457, 458, 517, 520—522 и 551.
Кавнацкій маіоръ, Аппшер. п., 193, 206, 210, 225, 251, 257, 281, и 314.
Кавтарадзе, подпоручикъ Аппшер. п., 281, 289 и 314.
Кагулъ, рѣка, 375.
Кадаръ, селеніе, 103, 107, 111, 112 и 123.
Казаватъ, городъ, 425.
Казалинскъ, городъ, 372, 437 и 441.
Казанджикъ, укрѣпленіе, 513, 524 и 525.
Казанищи, селеніе, 52, 84, 90—93, 95, 97, 107, 133, 166, 192, 201, 204, 217—220 и 225.
Казанцевъ, Иванъ, прапорщикъ Аппшер. п., 41, 59, 60.
Казанъ-Кичу, укрѣпленіе, 125.
Казахъ-Кичу, селеніе, 3.
Кази-Ахметъ, капитанъ милиціи, 491 и 496.
Казикумухскій округъ, 477.
Казикумухское Койсу, рѣка, 45, 47, 105, 114, 117, 118, 171, 173, 182 185, 202, 214, 220, 234, 241, 247, 285 и 294.
Казикумухское укрѣпленіе, 476 и 477,
Казикумухское ханство (потомъ общество), 44, 49, 50, 52, 57, 168, 179, 181, 184, 190, 196, 202—205, 211, 212, 221, 228, 229, 232, 233, 244, 254, 285, 476, 477, 495 и 498.
Казикумухъ, селеніе, 6, 32, 41, 44, 50, 52, 57, 79, 101, 102, 104, 105, 113 и 118.
Кази-Магома, племянникъ Шамиля, 107 и 472.
Кази-Магометъ, наибъ, сынъ Шамиля, 212, 261—263, 274, 275, 303, 304, 472 и 477.
Кази-Мулла, имамъ, 14 и 100.
Казіюртъ, селеніе, 18, 22, 28, 33, 36, 44, 45, 58, 59, 85, 87, 89, 90, 105 и 118,
Кайбагаръ, колодцы, 451.
Кайгылы-бабаханъ, колодцы, 451 и 452.
Кайданъ, подпоручикъ Аппшер. п., 144 и 155.
Каиръ-Бекъ, наибъ, 233.
Кайтаго-Табасаранскій округъ, 217, 477, 479, 487, 491 и 495.
Кайтахская миляція, 180 и 203.
Кайтахскій отрядъ, 488, 489, 495 и 497,
Кайтахъ (Верхній и Нижній), общество, 101, 212, 213, 216—218, 227—230. 239, 244—246, 477—479, 489, 491, 493, 495 и 496.
Кайтука-Тюлеповъ, хорунжій, 300.
Какади, аулъ, 9.
Кака-Махи, селеніе, 112, 162, 164 и 502.

Кака-Шура, селеніе, 104, 106—108, 110 127 и 129.
Кака-Шуринскій лѣсъ, 209 и 213.
Кала-Курейштское ущелье, 493.
Кала Курсишъ, 492.
Калалялское общество, 5.
Калантаровъ, подпоручикъ Апшер. п., 250, 281 и 314.
Калицкій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 181, 251, 281 и 289.
Калугъ-Дагъ, гора 244 и 246.
Каме, селеніе, 266.
Камелюкъ, балка, 324.
Каменный мостъ, 355.
Камыста, родникъ, 380 и 452.
Камыста, высоты, 409.
Кандыгель, урочище, 405.
Канзай, урочище, 489.
Каньяръ, маіоръ Апшер. п., 277.
Капауръ-Калбинъ, кочевникъ, киргизъ, 395, 416 и 445.
Капгеръ, подполковникъ, 67, 75, 76, 103, 164, 165 и 190.
Капчугай урочище, 6, 28, 158, 210 и 444.
Капчугайскій постъ, 167.
Карабайли, каналъ, 405, 406 и 411.
Карабатырь-Заноко, предводитель шапсуговъ, 316.
Карабугазъ, заливъ, 390.
Карабулакская милиція, 268.
Карабудахкентъ, селеніе, 104, 108 и 160.
Караваевъ, рядовой, Апшер. п., 436.
Карагаджа, селеніе, 405.
Караганъ, селеніе, 527.
Карадахскій мостъ, 22, 32, 41, 43, 48, 50, 62, 68, 81, 114, 115 и 129.
Карадахское ущелье, 116.
Карадахъ, селеніе, 77.
Караджабатырь, укрѣпленіе, 517 —518.
Карада, селеніе, 201.
Каракайтахскій лѣсъ, 213.
Каракайтахское ущелье, 231.
Каракайтахъ, общество, 213 и 493.
Каракалпаки, турки племя, 399, 412 и 250.
Каракинъ, колодцы, 381, 385, 388, 390 и 391.
Кара-Койсу, рѣка, 13, 32, 44, 47, 48, 114, 117, 118, 132, 166, 168, 171, 180, 182, 184, 185, 188, 194, 196, 202, 203, 247, 285, 303, 305 и 306.
Кара-Кудукъ, колодцы, 400—402, 407, 445—448.
Каранаевскій спускъ, 222.
Каранай, селеніе, 6, 11, 13, 14, 18, 62, 95, 103, 123, 209 и 286.
Караниловъ, наибъ, 492.
Карата, селеніе, 24, 27, 62, 63, 141, 303 и 307.
Караузъ, арыкъ, 419.
Караулъ-гумбетъ, гора, 400 и 407.
Карахъ, общество, 32, 44, 47, 104 и 305.
Карацекъ, колодцы, 380 и 452.
Карганова, прапорщикъ Апшер. п. 314.
Карсакъ, колодцы, 381, 451 и 452.
Карсъ, крѣпость, 238.
Карташевъ, подпоручикъ Апшер. п., 281, 314 и 353.
Картбай, колодезь, 448.
Карцевъ, поручикъ, 40.
Карчали, селеніе, 496.
Кары-карызъ, селеніе, 528.
Касаевъ, аулъ, 346.
Касаевъ, капитанъ Апшер. п., 181, 206, 225, 226, 281, 293 и 314.
Каска-Джулъ, урочище, 395.
Каспійская флотилія, 487.
Каспійское море, 41, 43, 162, 307, 372, 373, 410, 451, 452, 505, 506 и 516.
Касумъ-кентъ, селеніе, 478, 481 и 497.
Катаганское ущелье, 495.
Каулай, селеніе, 467.
Каунды, озеро, 375 и 376.
Кауфманъ-фонъ, генералъ-адъютантъ, 276, 279, 372, 398, 416, 422, 424—426, 435, 437, 439, 440—442, 447, 453 и 455.
Кафарскій постъ, 486.
Кафаръ-Караджигитовъ, 395 и 397.
Кафыръ-Кумыхъ, селеніе, 59, 91, 93 и 195.
Кахетія, часть Кавказа, 57, 79, 132, 232 и 235.
Кахское ущелье, 62, 75 и 77.
Кахъ, селеніе, 76 и 80.
Качкаликовскій хребетъ, 58, 237 и 247.
Качкаликовское общество, 17.
Качу, каналъ, 444.
Кашеринивовъ, прапорщикъ Апшер. п., 518, 519, 522, 546 и 551.
Кащіевъ, подпоручикъ Апшер. п, 147.
Каякентская почтовая станція, 487.
Каякентъ, селеніе, 213, 480, 487 и 497.
Кварели, селеніе, 233.
Квинитадзе, подполковникъ, 414, 428, 448, 449 и 453.
Квятковскій, Константинъ, подпрапорщикъ Апшер. п., 15.
Квятковскій, штабъ-лекарь Апшер. п., 193.
Кегеръ, селеніе, 175, 197, 204, 305—307.
Кегеръ, высоты, 48 и 114.
Кедринъ, штабсъ-капитанъ, 397.
Кейтышъ-Кортовская возвышенность, 463—465, 468—470.
Келете, селеніе, 526, 527, 528 и 529.
Кельчевскій, подпоручикъ Апшер. п., 155 и 193.
Кемфертъ, генералъ-маіоръ, 267, 268, 270, 272—277.
Кендзержинскій, подполковникъ Апшер. п., 195, 206, 211, 215, 216 и 225.
Кентебейнъ, рѣка, 269.
Керкенъ - Дукъ, возвышенность, 472 и 473.
Керкетскій перевалъ, 475.
Керликъ, юнкеръ Апшер. п., 339.
Кесри, рѣка, (верхнее теченіе Сумбара), 528.
Кесслеръ, генералъ-маіоръ, 171, 230, 255, 258, 307, 308 и 311.
Кетечь-Кортъ, урочище, 148.
Кетхудовъ, подпоручикъ Апш. п., 250 и 289.
Кіандеръ, подполковникъ, 109.
Кибиръ, селеніе, 190 и 191.
Кибитъ-Гаджіо, старшина, 65 и 66.
Кибитъ-Магома, наибъ Шамиля, 10, 22, 24, 32, 34, 38, 44, 48, 49, 54, 62, 63, 68, 73, 75, 76, 81, 95, 104—107, 110, 111, 114, 115, 132, 165, 304—306.
Кизилъ-Арватъ, селеніе, 505—509, 513, 519, 521, 522, 524 и 526.
Кизилъ-Ахиръ, колодецъ, 390—393.
Кизилъ-Гумбетъ, киргизскія могилы, 391, 393 и 396.
Кизилъ-Такиръ, городъ, 441 и 443.
Кизилъ-Ташъ, колодцы, 449.
Кизилъ-Чешме, селеніе, 508.
Кизляро-Гребенской казачій полкъ, 268, 373, 376, 377, 379, 380, 382, 385, 387, 391, 404, 412, 423, 454—455 и 469.
Кизляръ, городъ, 28, 39 и 63.
Кикуны, селеніе, 38, 47, 80, 81, 83, 114, 117, 171, 172, 183, 186, 213, 224, 234, 235, 496 и 499.
Кикуны-Дородъ, селеніе, 303.
Кикунскій мостъ, 185 и 188.
Киндерли, заливъ, 372—376, 378, 379, 381, 390, 395, 403, 406, 410, 444, 450—455.
Кіотъ-Джарганъ, каналъ, 405, 444 и 445.
Кипчакъ, селеніе, 417 и 444.
Кирклевскій, капитанъ Апшеронъ. п., 181, 193, 206 и 216.
Кирклевскій, подпоручикъ Апшер. п., 281.
Кисилевичъ, поручикъ Апшер. п., 250 и 314.
Киселевъ, Фетисъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 37.
Кистенекъ, подпоручикъ Апшер. п., 200 и 206.
Китаевскій, капитанъ Апшер. п., 225, 250, 293, 314, 326 и 333.
Китай, городъ, 419 и 420.
Кишень, рѣка, 266.
Кишень-Ахухъ, селеніе, 5, 31, 265, 286, 287, 291 и 292.
Киши, селеніе, 230 и 495.
Кишинскій, Ник. Сем., полковникъ, командиръ Апшер. п., 204, 206, 210—216, 225 и 331.
Клейнмихель, графъ, военный министръ, 39.
Клеповъ, подпоручикъ Апшер. п., 225 и 237.
Клугенау, генералъ-лейтенантъ, 1, 2, 6—19, 21—23, 27, 28, 30, 32, 33, 35—38, 43, 44, 52—57, 61—71, 73, 75, 78—81, 83—85, 96, 100, 103—105, 111, 115, 138, 141, 145 и 147.
Клычъ-Ніязъ-бай, каналъ, 421, 423 и 424.
Ключаревъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 8, 19 и 98.
Кнышевъ, Семенъ, унтеръ-офицеръ, 59.
Кобе-тау, гора, 419.
Ковалевскій, капитанъ Апшер. п., 4, 39, 60, 189 и 193.
Ковалевскій, поручикъ Апшер. п., 173, 181, 206 и 281.
Ковалевскій, полковникъ, 83, 120, 121, 124, 128, 139, 140, 155 и 159.
Ковальскій, Петръ, подпрапорщикъ Апшер. п., 15.
Коджскій перевалъ, 507 и 509.
Коджуки, племя туркменъ, 508.
Коджъ, селеніе, 507, 508 и 524.
Кодоръ, селеніе, 209.
Кожанъ, подпоручикъ Апшер. п., 166.
Кожохъ, оврагъ, 344.
Козелковъ, полковникъ, 525, 533, 534 и 543.
Козмаллярь, 481.
Козловскій, полковникъ, 87, 90 и 141.
Койсу, рѣка, 13, 16, 23, 43, 50, 51, 54, 55, 62, 111 и 117.
Койсубу, общество, 6, 9—13, 18, 21, 22, 28, 42—44, 48, 50, 58, 61—63, 65, 73, 74, 84, 100, 118, 302, 303 и 307.
Койсубулинскій хребетъ, 13, 52, 93, 95, 132, 161, 167, 168, 182, 223, 239, 250, 285, 286, 302, 304 и 367.
Коканское ханство, 372 и 507.
Колачковскій, капитанъ Апшер. п., 129, 155, 156 и 173.
Колдѣевъ, подпоручикъ Апшер. п., 193.
Колендо, прапорщикъ Апшер. п., 359.
Коло, селеніе, 9 и 62.
Колокольцевъ, штабсъ - капитанъ Апшер. п., 20 и 60.
Колтовскій, поручикъ Апшер. п., 20, 26 и 39.
Комаровъ, генералъ-маіоръ, 226, 251, 281, 318, 319, 329, 345, 477 — 479, 486—497.
Комаровъ 1-й, поручикъ Апшер. п., 225, 251 и 314.
Комаровъ 2-й, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Комаровъ, юнкеръ Апшер. п., 370.
Кони, аулъ, 32.
Коновцевъ, прапорщикъ Апшер. п., 181.
Кононовичъ, полковникъ, 307, 308 и 310.
Константиновская переправа, 350.
Константиновское укрѣпленіе, 317.
Константинополь, городъ, 316.
Конхидательскій мостъ, 304.
Кончеевъ, подпоручикъ Апшер. п., 226 и 314.
Копетъ-дагскій хребетъ, 512, 513, 520—522, 528 и 548.
Копъ-сеитъ, каналъ, 444.
Коринфскій, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 251.

Коркашвили, капитанъ Апшер. п., 409, 504, 540 и 551.
Коркмасовъ, штабсъ-капитанъ, Апшер. п., 513, 515, 522, 546 и 551.
Коробковъ, поручикъ Апшер., 504, 515, 518, 522, 546, 551 и 552.
Кородалы, селеніе, 489.
Коротинъ, прапорщикъ Апшер., 193, 216 и 225.
Корчинскій, Эдуардъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 8.
Кособрюховъ, хорунжій, 378.
Коссовичъ, маіоръ, Апшер. п., 61, 64—68.
Костала, селеніе, 31, 288 и 289.
Косъ-акъ-крукъ, колодцы, 451 и 452.
Косумъ-бекъ-Ага-бекъ-оглы, прапорщикъ (мятежникъ), 479.
Косъ-кудукъ, колодцы, 449 и 451.
Котрухъ, селеніе, 202.
Кошкельды, селеніе въ Дагестанѣ, 1, 3.
Кошхо, урочище, 350, 351, 352 и 355.
Кошхо-Дечугъ, балка, 357.
Кошхо-Дечугъ, постъ, 363.
Кошъ-Беги, каналъ, 443.
Кошъ-Купыръ, городъ, 422, 425, 431 и 442.
Коцебу, генералъ-маіоръ, 170 и 171.
Кочетковъ, Сергѣй, рядовой, 298 и 300.
Кочетовъ, Елизаръ, рядовой Апшер., 298.
Краевскій, полковникъ, 256.
Крапивный, штабсъ-капитанъ Апшер., 281 и 314.
Крапоткинъ, князь, подполковникъ Апшер. п., 226, 251, 256, 257, 263, 281 и 289.
Красковъ, фельдшеръ, 379.
Красноводскій мѣстный баталіонъ, 507, 523 и 526.
Красноводскій отрядъ, 373, 374—396, 400, 410, 458 и 505.
Красноводскъ, городъ, 372, 373, 386, 410, 451, 458, 478, 479, 488, 505, 515, 516, 524 и 548.
Красный Крестъ, 507, 509, 526 и 533.
Красовецкій, подпоручикъ Апшер. п., 98.
Красовскій, подпоручикъ, 67.
Красовскій, капитанъ-инженеръ, 424.
Кременецкій, прапорщикъ Апшер., 225.
Кржижановскій, прапорщикъ Апшер., 226.
Кривая-Балка, 201.
Криштопенко, подпоручикъ Апшер., 456.
Кронебергъ, поручикъ Апшер. 480.
Крузенштернъ, подполковникъ, 469 и 470.
Крымъ-Гирей-Гусаровъ, полковникъ, 358.
Крымскій полкъ, 526.
Крымское укрѣпленіе, 317 и 332.
Кротковскій, подпоручикъ Апшер. п., 71.
Куаго, рѣчка, 347.
Куаже, рѣка, 356 и 357.
Кушевъ, селеніе, 346.
Куба, городъ, 22, 38, 478, 479 и 487.
Кубалю, селеніе, 212.
Кубанская область, 318, 334, 342, 349, 350, 355, 359 и 367.
Кубанская станица, 356, 357, 361—363.
Кубанскій пѣхотный полкъ, 198, 318, 320, 325, 345, 347, 348, 351, 359 и 363.
Кубанское казачье войско, 345, 347, 351, 357—359 и 361.
Кубань, рѣка, 316—319, 321, 324, 326—328, 330, 332, 335, 350 и 351.
Кубачи, селеніе, 112 и 495.
Кубинская провинція, 101.
Кубинскій уѣздъ, 228, 491 и 496.
Кудали, селеніе, 114 и 220.
Кудануртъ, урочище, 355.
Кудашевъ, князь, генералъ-маіоръ, 105, 106, 119, 132, 134, 140, 160, 161, 163, 165, 166, 169 и 172.
Кудрявцевъ, подпоручикъ Апшер. п., 333 и 339.
Кудухскія высоты, 184, 186 и 242.
Кудухъ, селеніе, 47, 48, 78, 161, 170, 184—187, 190, 242, 303 и 499.
Кузьминъ, Фаддей, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 16.
Куларская почтовая станція, 487.
Кулецма, селеніе, 106, 111, 112, 160, 161 и 210.
Куликовъ, лекарь, 166.
Кулугду, селеніе, 245 и 246.
Кулха, гора, 45.
Куль-Батыръ, предводитель текинцевъ, 535.
Кума-Дагъ, гора, 212.
Кумаль, селеніе, 180 и 203.
Кумтеръ-кале, селеніе, 12, 87, 124.
Кумтеркалинское ущелье, 124.
Кумухскій отрядъ, 180.
Кумухъ, общество, 131, 162, 179, 180, 192, 196, 203, 205, 212, 213, 215, 218, 223, 233, 254 и 477.
Кумыки племя, 78.
Кумыкская милиція, 268 и 469.
Кумыкская плоскость, 10, 63, 81, 97, 147, 167, 232, 236, 239, 252, 265, 288 и 289.
Кумыкскій отрядъ, 85, 88, 92 и 93.
Кумыкскія владѣнія, 18, 19, 31, 42, 63 и 96.
Кунградъ, городъ, 395, 396, 398—400, 402—407, 411, 415, 441—445, 449 и 453.
Кунда, селеніе, 114.
Кунджикъ, селеніе, 245 и 246.
Кундулау, селеніе, 50.
Кундуховъ, полковникъ, 270, 271, 273, 275 и 277.
Кундухлы, каналъ, 444.
Кунчеровъ, поручикъ Апшер. п., 39.
Куня-Ургенчъ, городъ, 395, 396, 398, 407, 439, 441, 443—445.
Куппа, селеніе, 162, 166, 175 и 234.
Куппинскія высоты, 177.
Курагукъ, урочище, 331.
Курада, аулъ, 32.
Куракцако, селеніе, 330.
Курале, балка, 345.
Курахъ, селеніе, 190, 191 и 478.
Курбанъ-Али, наибъ, 212.
Курбанъ-Мурадъ, ишханъ, предводитель текинцевъ, 507.
Курджипсъ, рѣка, 341, 342, 345, 346, 349—351 и 361.
Курзановъ, Петръ, унтеръ-офицеръ, Апшер. п., 15.
Куриловъ, капитанъ Апшер. п., 234, 250 и 281.
Куринскій полкъ, 4, 58, 59, 92, 135, 136, 145, 149, 151, 239, 268, 270, 273, 276, 320, 322, 347, 348, 459—461, 463, 464, 466, 467, 470—474.
Куринское укрѣпленіе, 247 и 267.
Куркинъ, Иванъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 33.
Курклю, селеніе, 212.
Куркруты, ручей, 400 и 448.
Курманъ Джановъ, киргизъ, 387.
Куропаткинъ, полковникъ, 532, 533, 534, 537, 538, 539, 542, 543, 545 и 548.
Курчалой, Верхній, Средній и Нижній, селенія, 466, 467, 468 и 469.
Кусары, урочище, 219, 228 и 493.
Кутаисское генералъ-губернаторство, 365.
Кутиши, селеніе, 162—166, 190, 209, 217, 232, 234, 235, 241, 243, 246, 250, 285, 498, 502, и 503.
Кутишинскія высоты, 82, 206, 209, 211, 213, 214, 217, 219, 222—224, 233, 234, 240, 243, 254, 285, 502.
Кутишинское озеро, 189, 190, 204 и 250.
Кучинъ, прапорщикъ, 193.
Кушладинскій, подпоручикъ Апшер. п., 181 и 225.
Кушнаревъ, подпоручикъ, Апшер. п., 250, 308, 309, 314 и 339.
Кущато, колодцы, 441, 449 и 453.
Куяда, общество и селеніе, 32, 69 73, 305 и 306.
Куядинское ущелье, 48 и 50.
Кызъ-Кралганъ (дѣвичья погибель), возвышенность въ Закаспійскомъ краѣ, 375 и 453.
Кынырь, колодецъ, 383, 385, 387 и 389.
Кыркъ, перевалъ. 135—137, 139, 140 и 243.
Кыркъ, урочище, 138 и 147.
Кыркъ-тау, гора, 284.
Кюра, селеніе, 144, 487 и 493.
Кюринская милиція, 257, 259 и 282.
Кюринскій округъ, 477—479, 492, 493, 495 и 497.
Кюринскій ханъ, 496.
Кюринское ханство, 202—228.
Кырызъ-Нуръ-Верды-ханъ, селеніе, 528.
Кятъ, городъ, 420, 422—425 и 441.
Кятъ-Купыръ, каналъ, 424 и 425.
Кхелебъ, общество, 44.

Л

Лаба, рѣка, 334, 335, 342, 344—346, 349—351.
Лабинская станица, 317 и 318.
Лабинскій казачій полкъ, 525.
Лабинскій конно-иррегулярный эскадронъ, 357—358.
Лабинскій округъ, 316, 317, 344 и 355.
Лабинскій отрядъ, 317 и 318.
Лабинское приставство, 357.
Любинцевъ, генералъ-маіоръ, 137, 138, 141, 143, 148 и 153.
Лаваши, селеніе, 102, 111, 112, 162, 163, 179, 180, 190, 196, 228, 477, 479, 480, 498—504.
Лавашинское ущелье, 112.
Лавровъ, маіоръ Апшер. п., 193, 206 и 225.
Лагода, штабсъ-капитанъ, 108 и 109.
Лагоріо, маіоръ Апшер. 311, 314 и 349.
Лагумжи-Хабль, селеніе, 350.
Лагунцовъ, Макаръ, фельдфебель Апшер. п., 164.
Лазаревъ, генералъ-адъютантъ, 219, 229, 230. 235, 241, 243, 294 и 518.
Лазаревъ, маіоръ, 9.
Латтъ, прапорщикъ Апшер. п., 281 и 314.
Лауланъ, рукавъ р. Аму-Дарьи, 416.
Лебедевичъ, прапорщикъ Апшер. п., 281.
Лебедевъ, Александръ, подпрапорщикъ Апшер. п., 15.
Лебедевъ, Иванъ, фельдфебель, Апшер. п., 26.
Лебедевъ, ефрейторъ Апшер. п., 519.
Лебединскій, подпоручикъ Апшер. п. 522, 546, 551 и 552.
Лебля, поручикъ Апшер. п., 196, 206 и 289.
Левашевъ, полковникъ, 319—321.
Левенцовъ, капитанъ Апшер. п., 379, 431, 432 и 456.
Левицкій, полковникъ Апшер. п., 37, 197 и 198.
Левицкій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 211 и 225.
Леджетъ, селеніе, 203.
Лезгинская линія, 126, 219, 228, 233, 304, 306 и 307.
Лезгинскій отрядъ, 131, 168, 223, 224, 234 и 304.
Лейпцигъ, городъ, 375.
Ленцъ, Эдуардъ Ивановичъ, полковникъ, командиръ Апшер. п., 550.
Леонтьевъ, полковникъ, 412, 413, 423, 426 и 430.
Лидерсъ, генералъ-отъ-инфантеріи, 100, 101, 105—107, 109—117, 119, 127, 142, 149 и 150.
Линевичъ, генералъ-маіоръ, 236.
Лисовскій, полковникъ, 254 и 264.
Литовскій полкъ, 135, 145, 149—151.
Ловенецкій, подполковникъ, 480—483 и 486.

Лоза, Станиславъ, поручикъ Апшер. п., 93, 133 и 166.
Ломакинъ, генералъ-маіоръ., 373—376, 379—382, 389—391, 393—400, 402, 403, 405, 407, 410, 413, 415, 417, 419, 435, 438, 439, 442, 447, 454—456 и 505.
Лорсанъ-Хаджи, предводитель горцевъ, 472 и 473.
Лостинскій, прапорщикъ Апшер. п., 250.
Луковскій, маіоръ, 206.
Лункевичъ, капитанъ Апшер. п., 20, 21 и 34.
Луса-Дагъ, гора, 202.
Лучекъ, селеніе, 190, 192, 202—204, 254.
Лысенко, капитанъ Апшер. п., 3, 26 и 39.
Люблинскій полкъ, 120, 121, 135—137, 144, 145, 147, 152 и 153.
Любомудровъ, баталіонный лекарь, 60.
Людновъ, рядовой, Апшер. п., 196.

М

Маали, селеніе, 32 и 115.
Маалійскій мостъ, 50
Маалійская переправа, 116.
Маашъ, Джумсойскій князь, 2.
Магаловъ, князь, подполковникъ, Апшер. п., 339, 353, 369, 458, 463, 475, 499, 500, 504, 507, 516, 517, 521, 522, 527, 529, 530, 535 и 538.
Магома-Даночоко-Масома, штабъ-ротмистръ, 474.
Магома-Мирза, карахскій кадій, 47.
Магометъ, акушинскій кадій, 6, 8, 107, 110, 132 и 244.
Магометъ-Али-бекъ-Гарунъ-бекъ-оглы, штабсъ-капитанъ, предводитель мятежниковъ кюринцевъ, 479, 481 и 496.
Магометъ-Аминовскій, аулъ, 362 и 363.
Магометъ-Пана, хивинскій оружейный мастеръ, 442.
Магометъ-Шефи, наибъ, 304.
Маграмкентъ, селеніе, 496.
Маджалисская мѣстная команда, 477—479.
Маджалисъ, селеніе, 218, 477, 478, 480, 487—489, 491—493.
Маевскій, прапорщикъ Апшер. п., 225.
Майборода, полковникъ, командиръ Апшер. п., 65 и 97.
Майеръ, гардемаринъ, 541 и 542.
Майкопскій отрядъ, 317 и 318.
Майкопъ, городъ и укрѣпленіе, 317, 318, 335, 340, 342, 345, 346 и 361.
Малаховъ, урядникъ, 245 и 246.
Малая Лаба, рѣка, 316, 317, 344 и 365.
Малая Чечня, 2, 236, 238, 247, 271, 272, 278—280, 282, 285 и 290.
Малиновскій 1-й, прапорщикъ Апшер. п., 314 и 482.
Малкоѣдовъ, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Мало-Лабинскій отрядъ, 365.
Малхонбертъ, селеніе, 266.
Малый Алусъ, рѣка, 366.
Малехъ-Адаы, рѣка, 366.
Малярчикъ, рядовой Апшер. п., 436.
Мамай-Кутанъ, селеніе, 481 и 487.
Мамаловъ, подполковникъ, 502 и 503.
Мамырь-Адаы, рѣка, 366.
Мангитъ, городъ, 416, 419 и 441.
Мангишлакскій отрядъ, 372—374, 379, 381, 382, 389—391, 394 — 396, 398, 399, 403, 405—408, 410, 411, 413—419, 421, 423, 430, 433, 435, 439—443, 445, 448—450, 453 и 455.
Мангишлакъ, приставство, 372, 390 и 506.
Манюкинъ, генералъ-маіоръ, 191 и 229, 230, 231, 245, 302 и 304.
Марага, селеніе, 244 и 246.
Марги, селеніе, 205.
Маргызъ, колодцы, 522.
Марлановъ, Моисей, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 298.
Маркаровъ, прапорщикъ Апшер. п., 353.
Марковъ, Карпъ, рядовой Апшер. п., 25.
Маркозовъ, полковникъ, 373.
Мартанъ, рѣка, 278 и 279.
Мартанъ, селеніе, 3.
Марте, рѣка, 358 и 359.
Масловъ, капитанъ-инженеръ, 539 и 542.
Масловъ, подпоручикъ Апшер. п., 281, 314 и 369.
Масляницкій, поручикъ Апшер. п., 155.
Матвѣевъ, Василій, фельдфебель Апшер. п., 15.
Матушевскій, Станиславъ, рядовой Апшер. п., 7.
Маугень, селеніе, 472.
Махинуху (Кегеръ), высоты, 204.
Мохкеты, селеніе, 470, 472 и 473.
Маюртупъ, селеніе, 132, 143, 148 и 247.
Маяцкій, фельдшеръ Апшер. п., 379.
Мдивани, прапорщикъ Апшер. п., 314 и 353.
Меведукъ, рѣка, 342.
Мегинъ, селеніе, 513.
Медвѣдевъ, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Меджаръ-Отара, селеніе, 292.
Мезелинское поле, 249.
Мекеге, селеніе, 489.
Мекка, городъ, 445.
Меликовъ, генералъ-адъютантъ, 136, 233, 304, 306, 374, 410, 415, 450, 455, 456, 458, 477 — 480, 491, 493, 495, 496, 499—504.
Меликовъ, князь, капитанъ Апшер. п., 436.
Меликъ-Бегляровъ, прапорщикъ Апшер. п., 226.
Мелперъ-Закомельскій, полковникъ, 141.
Мельничная кала, 543.
Мендали, колодезь, 391, 393, 394 и 396.
Месельдигерское укрѣпленіе, 223 и 225.
Местерухъ, селеніе, 27 и 33.
Меушиши, селеніе, 230.
Мехельты, селеніе, 17, 52, 283, 296 и 297.
Мехти-бекъ, сынъ управителя Кайтахомъ, предводитель мятежниковъ-горцевъ, 477, 478, 488, 489, 491—497.
Мехти-Уцміевъ, предводитель мятежниковъ-горцевъ, 476, 480, 484 и 485.
Мехтулинская милиція, 11, 24, 28, 43, 48, 160, 161, 180, 209, 229 и 235.
Мехтулинское ханство, 33, 38, 43, 44, 58, 62, 81, 82, 84, 96, 101, 102, 104, 105, 110, 123, 160, 163, 173, 188, 213, 214, 219, 220, 223, 228, 232, 243, 499 и 505.
Мзымта, рѣка, 365—367.
Мзынъ, котловина, 366.
Міатлинская переправа, 11, 31, 182, 184, 209, 283 и 288.
Міатлинское укрѣпленіе, 17, 22, 85 и 228.
Міатлы, селеніе, 1, 5, 17—19, 28, 33, 36, 45, 59, 62, 79—81, 86, 87, 89, 168, 250, 264, 282, 283, 285, 288, 289 и 296.
Миқеладзе, князь, подпоручикъ Апшер. п., 314.
Милашевскій, прапорщикъ Апшер. п., 281.
Милевскій, Адамъ, прапорщикъ Апшер. п., 98.
Миллеръ, капитанъ Апшер. п., 97.
Миллеръ, штабсъ-капитанъ, 166.
Миляевъ, Анисимъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 16.
Мимули, аулъ, 9.
Мингрельскій полкъ, 9, 13—15, 44, 45, 63, 66, 74, 75, 198, 225 и 248.
Минкевичъ, полковникъ, 201.
Минскій пѣхотный полкъ, 45 и 116.
Міоковичъ 1, прапорщикъ Апшер. п., 250, 314 и 339.
Міоковичъ 2, прапорщикъ Апшер. п., 250, 293 и 314.
Мироновъ, Иванъ, рядовой Апшер. п., 15.
Миръ-Ибрагимъ-Бекъ, подпоручикъ, 206 и 225.
Миқаръ-Юртъ, селеніе, 269 и 271.
Миқинджи, селеніе, 191, 192 и 208.
Миқирой-Шавдонъ, рѣка, 269.
Миқитъ, селеніе, 152—154.
Митависъ, докторъ Апшер. п., 475.
Митяевъ, рядовой Апшер. п., 196.
Михайловская военная линія, 506, 524 и 548.
Михайловскій заливъ, 506, 507, 509, 513 и 524.
Михайловскъ, постъ и станція Закаспійской желѣзной дор., 506 и 548.
Михаилъ Николаевичъ, Е. И. В. Великій Князь, Главнокомандующій Кавказской арміей, 341, 357, 360, 365, 367, 373, 511, 516 и 547.
Михиханъ-Калту, ущелье, 45.
Мицой Ирзау, селеніе, 262.
Мичикалъ, рѣка, 121, 122, 135—138 и 154.
Мичикальское общество, 17, 140, 147, 263, 264, 283, 284, 296, 297 и 302.
Мичикальское ущелье, 135, 139 и 297.
Мичикъ, селеніе, 58, 235, 242, 247 и 268.
Мичикъ-Кале, укрѣпленіе, 254.
Мишвеловъ, врачъ, 433.
Мишоко, оврагъ, 347.
Мищенко, генералъ-маіоръ, 269—273, 276 и 277.
Моге, селеніе, 112—114, 174, 227, 229 и 499.
Могохъ, селеніе, 28, 32, 73 и 172.
Моздокскій казачій полкъ, 268 и 273.
Моисеевъ, маіоръ Апшер. п., 287 и 314.
Мокрая балка, 69.
Мокринскій, поручикъ Апшер. п., 129.
Мокрого, селеніе, 497.
Мокрый Зеленчукъ, рѣка, 317.
Моқсохъ, селеніе, 21, 29, 32—34, 36—38, 58, 64—69, 75, 78 и 79.
Момбели, полковникъ, 279, 491 и 492.
Москалевъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 229.
Москвиціқій, подпоручикъ Апшер. п., 129.
Мотроховъ, Андрей, рядовой, 149.
Моунъ, подпоручикъ Апшер. п., 314.
Мохревскій, Семенъ, рядовой Апшер. п., 7.
Мулебка, селеніе, 489.
Мулла-қари, селеніе и станція Закаспійской жел. дор., 508, 513 и 548.
Мулла-Санжабіатхли-Тлинъ, ручей, 141.
Мулла-Хаджи-Юртъ, хутора, 291.
Муравьевъ 1, генералъ-маіоръ, 239 и 241.
Муравьевъ, генералъ-маіоръ, 506.
Муравьевъ, штабсъ-капитанъ, 372.
Мурада, селеніе, 114 и 303.
Мурадинскій перевалъ, 116.
Муртазали, братъ Кибитъ-Магомы, 104 и 305.
Муртазали, прапорщикъ, 162.
Муртазаліевъ, Ахметъ-ханъ, 2.
Муса-Кундуховъ, полковникъ, 266.
Муселимъ, селеніе, 59, 91, 93, 195 и 225.
Мусса-Балақанскій, наибъ, 104, 110, 111, 184, 185, 188, 196 и 197.
Мушала, селеніе, 24, 25, 27 и 33.
Мюраго, селеніе, 489 и 495.
Мяқи-Ая, селеніе, 162.

Н

Навагинскій полкъ, 52, 55, 58, 82, 92, 93, 128, 143—146, 153, 159, 239, 267, 268, 270, 272, 275, 276, 318, 321—323, 467 и 470.
Навагинское укрѣпленіе, 267.
Навроцкій, полковникъ, 220, 251, 281, 314, 379, 384, 390, 407, 408, 441, 449, 450, 451, 455 и 540

Нагибинъ, капитанъ Апшер. п., 314, 339, 353, 463, 501 и 504.
Нагорный Дагестанскій отрядъ, 496 и 504.
Нагорный Дагестанъ, 18, 21, 22, 42, 125, 126, 158, 162, 189, 197, 211, 247, 302 и 304.
Нагумко-Хабль, селеніе, 362.
Назаровъ, князь, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 297.
Назрановская милиція, 273.
Назрановскій отрядъ, 131 и 132.
Накашидзе, князь, полковникъ 458 — 460, 467, 470,471, 475, 498 – 503.
Накашидзе, князь, подпоручикъ Апшер. п., 226, 289 и 314.
Напага-Нашъ, постъ, 337.
«Насръ-Эдинъ-Шахъ», пароходъ, 488.
Насъ-Кентъ, селеніе, 112, 113, 118, 119, 132, 165, 166, 180, 190 и 228.
Насъ-Шукъ, 324.
Натухайскій округъ, 354 и 355.
Натухайцы, племя, 317 и 367.
Наумовъ, Тихонъ, рядовой Апшер. п., 7.
Науруз, селеніе, 1, 3, 4, 19 и 267.
Наштенко, Игнатъ, рядовой, 149.
Нашинскій, подпоручикъ Апшер. п., 7, 8 и 19.
Наяси, селеніе, 468.
Неберджайское ущелье, 317.
Невскій морской полкъ, 159 и 204.
Невѣровскій, капитанъ, 83.
Неджефъ-Кули, абрекъ, 244.
Нейгардтъ, генералъ-адъютантъ, 78, 92, 117, 118, 126 и 130.
Нейманъ, маіоръ Апшер. п., 133 и 158.
Немира, Станиславъ, прапорщикъ Апшер. п., 98.
Непомящій, Павелъ, рядовой Апшер. п., 39.
Нехебсъ, рѣка, 332.
Нечаевъ, поручикъ, 67.
Нивжукай-Хабль, селеніе, 358.
Нижегородскій драгунскій полкъ, 21, 157, 160, 162, 163, 165, 167, 168, 183, 190, 204, 209, 211, 217, 219, 221, 254, 267, 268, 306, 319, 320, 322, 323, 329, 345 и 347.
Нижне-Абадзехскій отрядъ, 334.
Нижне-Кубанская линія, 355.
Нижне-Фарсскій отрядъ, 334.
Нижній Янги-Юртъ, селеніе, 12.
Низовое, укрѣпленіе, 22, 33, 36, 45, 84—89, 91, 93, 97, 101, 102, 105 и 111.
Низовой отрядъ, 90.
Николай I-й Императоръ, 41, 43, 110, 124, 127, 144, 154—156, 167, 173, 178, 226, 249 и 372.
Николаи, баронъ, генералъ-маіоръ, 237 и 248.
Никоновъ, прапорщикъ, Апшер. п., 129.
Никора-Ясинскій, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 314.
Нильсенъ, генералъ-маіоръ, 119.
Ницаукра, селеніе, 216.
Новинскій, полковникъ, 412 и 420.
Новокрещеновъ, полковникъ, 404.
Новороссійское казачье войско, 347.
Новый Ургенчъ, городъ, 416 и 422.
Ножай-Юртъ, селеніе, 469.
Нолькенъ, полковникъ, 366.
Ноной-Отаръ, селеніе, 295.
Нордштейнъ, полковникъ, 319, 323 й 328.
Нохъ-бекъ-Джобраиль-бекъ-оглы, самозванецъ, Кубинскій ханъ, 496.
Нурисъ-Мулла, наибъ, 289.
Нуръ-Магометъ, наибъ Шамиля, 104, 111 и 212.
Нуса-дагъ, гора, 202.
Нухинскій уѣздъ, 202, 232 и 254.
Нухуръ, общество и селеніе, 510 и 523.

О

Обода, селеніе, 24, 62 и 69.
Образцовый баталіонъ, 159.
Овазъ-Дурды-ханъ, предводитель текинцевъ, 513.
Овечкинъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 314 и 339.
Огасовъ, прапорщикъ Апшеронск. п., 226.
Огіевскій, полковникъ Апшер. п., 4, 5, 60 и 97.
Оглы, селеніе, 45, 82, 85, 96, 104, 105, 106, 111, 112, 118, 160, 161, 169, 170, 178—181, 183, 189, 196, 203, 209, 213, 214, 242, 254, 496, 499 и 504.
Огюстъ-тау, гора, 120.
Озеньскій постъ, 22, 28, 33, 36, 59, 87, 89, 104, 105, 167, 181, 201, 202, 208, 218 и 225.
Ойсунгурскій отрядъ, 60.
Ойсунгуръ, рѣка, 58.
Окольничій, штабсъ-капитанъ, 256.
Оленичъ, приставъ, 160.
Ольгинская кала, 535 и 540.
Ольшанскій, докторъ Апшер. п., 475.
Ольшевскій, генералъ-маіоръ, 18, 268, и 271.
Омаръ-Салтинскій, наибъ, 26, 203 и 212.
Онъ-Каунды, колодцы, 375, 376, 393 и 400.
Онъ-Каунды, озеро, 400.
Опорная-Кала, 534 и 543.
Орбеліани 1-й, Григорій Дмитріевичъ, князь, полковникъ, генералъ-лейтенантъ, 105, 174—176, 180, 181, 183, 186, 188—190, 197, 198, 201, 204, 206, 219, 220, 227—233, 235, 241 — 246, 250, 253—259, 261—263 и 265.
Орбеліани 2-й, Захаръ Дмитріевичъ, князь, полковникъ, командиръ Апшер. п., 159, 160, 163, 165, 166, 172—175.
Орбеліани, маіоръ, 177.
Орда, прапорщикъ Апшер. п., 177 и 181.
Оренбурго-Мангишлакскій отрядъ, 411, 416 и 438.
Оренбургскіе казаки, 416, 417, 420, 421, 423, 433, 526, 529 и 543.
Оренбургскіе линейные № 1 и 2 баталіоны, 412, 417, 418, 420, 427, 428 и 430.
Оренбургскій военный округъ, 372 и 450.
Оренбургскій отрядъ, 372 — 374, 390, 391, 394, 395, 398, 399, 404—407, 411—414, 416, 430 - 432, 435, 439, 441, 443—445 и 455.
Оренбургъ, городъ, 372, 400 и 445.
Ореусъ, Ник. Ив., полковникъ, командиръ Апшер. п., 369 и 458.
Орловъ-Денисовъ, графъ, флигель-адъютантъ, войсковой старшина, 540, 544 и 546.
Орловъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 333, 369, 379, 432 и 456.
Орольтау, гора, 138.
Орота, селеніе, 9, 24, 25, 27, 33 и 57.
Орѣшевъ, прапорщикъ Апшер. п., 281.
Осадчевъ, Семенъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 7.
Осетинская милиція, 268, 467—470.
Осиповъ, Павелъ, прапорщикъ Апшер. п., 19.
Остенъ-Сакенъ, баронъ, подпоручикъ Апшер. п., 181, 206 и 226.
Островскій, капитанъ Апшер. п., 226, 250, 251, 289 и 314.
Острѣлинъ, фельдфебель Апшер. п., 538 и 544.
Отюртау, гора, 137.
Офрейнъ, полковникъ, 348, 356, 362 и 363.
Охотничья кала, 538.
Ошмянецъ, подпоручикъ Апшер. п., 21, 36 и 37.

П

Павловъ, маіоръ Апшер. п., 39, 46, 59, 60, 67, 75, 76, 80, 97, 108, 129, 196 и 206.
Пагиревъ, маіоръ, 502 и 503.
Падаръ, селеніе, 482, 483 и 489.
Падловъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 34, 39, 41 и 51.
Панако, рѣка, 352.
Пановъ, штабсъ-капитанъ, 68.
Панфиловичъ, врачъ, 339.
Папчинскій, подполковникъ, 322 и 326.
Парапоновичъ, прапорщикъ Апшер. п., 250.
Параулъ, селеніе, 107, 108 и 209.
Парижскій миръ, 248.
Парижъ, 375.
Пассекъ, Владимиръ Васильевичъ, 129.
Пассекъ, генералъ-маіоръ, командиръ Апшер. п., 15, 21, 24 28, 35, 36, 68, 70, 73, 74, 76, 80, 83, 85, 90, 92—95, 97, 99, 100, 104—111, 113, 114, 116, 117, 119—127, 129, 135 — 138, 145 и 146.
Педящъ, подполковникъ Апшер. п., 97 и 103.
Пелахъ, аулъ, 49.
Пензулаевъ, Алибекъ полковникъ, 313.
Переяславскій драгунскій полкъ, 345, 347, 351, 357, 358, 360 и 363
Перковъ, прапорщикъ Апшер. п., 129, 166, 173, 181 и 193.
Перовскій, генералъ-адъютантъ, 372.
Перовскъ, городъ, 372.
«Персіанинъ», шхуна, 451 и 454.
Персія, 375 и 496.
Петербургъ, городъ, 100, 247 и 313.
Петровскъ, городъ и укрѣпленіе, 22, 118, 119, 123, 183, 195, 209, 373, 450, 451, 454, 455, 478, 507, 548 и 549.
Петровъ, генералъ-лейтенантъ, 549.
Петрусевичъ, генералъ - маіоръ, 509, 526—528, 534 и 535.
Петръ Великій Императоръ, 87, 101, 102 и 371.
Пивинскій, поручикъ Апшер. п., 26.
Пилекъ-чай, рѣка, 245 и 246.
Пилявскій Бернардъ, прапорщикъ Апшер. п., 19.
Пиръ-Булагъ, хребетъ, 492.
Питнякъ, селеніе, 426 и 430.
Пицхелаури, поручикъ Апшер. п., 550 и 552.
Пламеневскій, лекарь Апшер. п., 250.
Плещеевъ, подпоручикъ Апшер. п., 64.
Повіенскій, поручикъ Апшер. п., 60.
Погорѣловъ Степанъ, барабанщикъ Апшер. п., 163.
Подборскій, капитанъ Апшер. п., 250, 289 и 314.
Подольскій полкъ, 104, 105, 115 и 116.
Пожаровъ, подполковникъ, 382, 388. 391—394, 399, 400, 402 — 405, 445, 448, 449, 451—453.
Познанскій, подполковникъ Апшер. п., 32, 34, 36, 40, 41, 44, 47 — 52, 62, 65, 68, 69, 70, 75, 76, 129, 140 и 144.
Полванъ-Ата, каналъ, 431 — 434, 436, 438—440.
Полтавскій казачій полкъ, 507, 526 и 543.
Полторацкій подполковникъ, 359.
Полкъ князя Варшавскаго, (Ширванскій), 177 и 190.
Полкъ князя Чернышева (Куринскій), 236, 237 и 245.
Пономаревъ, подпоручикъ Апшер. п., 667.
Поповъ, поручикъ Апшер. п., 522, 544, 546, 551 и 552.
Поповъ, прапорщикъ, 531.
Поповъ, подполковникъ Апшер. п., 225, 250, 281, 314, 458, 475, 504, 546 и 551.

Поповъ-Азотовъ, поручикъ Апшер. п., 256, 257, 281, 293, 314, 333, 339, 341 и 369.
Попруженко, Даніилъ, священникъ Апшер. п., 92.
Потопчинъ, генералъ-маіоръ, 119.
Правофланговая кала, 534, 535, 539 и 540.
Прага, городъ, 375.
Преображенскій, генералъ-маіоръ, 350 и 351.
Преображенское укрѣпленіе, 304.
Прикаспійскій край, 195, 202, 207, 221, 223, 227, 228, 231, 233, 241, 247, 249, 250, 253, 254, 256, 258, 285, 287, 291, 296 и 303.
Прикубанская плоскость, 367.
Протопоповъ, прапорщикъ Апшер. п., 193, 225 и 226.
Прусаковъ, приставъ, 468.
Пагашко, перевалъ, 365 и 366.
Псезуапсе, рѣка, 367.
Псекупсъ, рѣка, 319, 357 и 358.
Псефиръ, рѣка, 342 и 352.
Псефисъ, рѣка, 340.
Псечетинъ, рѣка, 351.
Псизипсъ, рѣка, 366.
Псху, общество, 365.
Псхувскій отрядъ, 365.
Псхувцы, племя горцевъ, 367.
Пузевичъ, подпоручикъ Апшер. п., 166.
Пулло, генералъ-маіоръ, 3 и 240.
Пургасовъ, маіоръ Апшер. п., 144, 155, 166, 181, 193, 206, 233, 250, 289 и 333.
Пургасовъ, подпоручикъ, Апшер. п., 225 и 250.
Пхатлямижъ, балка, 319 и 323.
Пшелукъ, рѣка, 356.
Пшебсъ, рѣка, 319.
Пшекодзь, рѣка, 347 и 348.
Пшеха, рѣка, 346—352, 355—357, 361—363.
Пшехако, балка, 324.
Пшехская станица, 348—352, 355, 356, 361—364.
Пшехскій отрядъ, 347—351, 355—358, 361—364.
Пшикуй-Хабль, селеніе, 350.
Пшишъ, рѣка, 341, 348—352, 355, 357—360.
Пчасъ, рѣка, 357 и 358.
Пышкинъ, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 314.

Р

Радецкій, полковникъ, 256, 257, 307, 308 и 311.
Раджабъ, наибъ, 292 и 303.
Радкевичъ, полковникъ Апшер. п., 50.
Радомицкій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 181, 206, 250, 281 и 287.
Раевъ, прапорщикъ, 187.
Раевъ, Семенъ, рядовой Апшер. п., 7.
Разваловскій, прапорщикъ, Апшер. п., 193.
Ракитинъ, прапорщикъ, Апшер. п., 20.
Раковскій, Сигизмундъ, прапорщикъ Апшер. п., 19.
Ракуса, полковникъ, 215, 262—265, 292, 294, 296—298, 301 и 304.
Ранжевскій, полковникъ, 145 и 146.
Раинай, селеніе, 443 и 444.
Раутенбергъ, маіоръ Апшер. п., 60, 97, 129, 160, 161, 163, 165, 166, 178 и 181.
Рашташидъ Малый, урочище, 365.
Реджебъ-Али, тавлинецъ, предводитель горцевъ, 465.
Рейнгартенъ, прапорщикъ Апшер. п., 206.
Ренненкампфъ, генералъ-лейтенантъ, 79.
Ренненкампфъ, прапорщикъ Апшер. п., 181.
Ретло, озеро, 303.
Речелъ, хребетъ, 140 и 141.
Рихтеръ, полковникъ, 273.
Роголжабъ, аулъ, 32.
Рогонъ-Кажа, селеніе, 294
Родзянко, подпоручикъ Апшер. п., 155 и 193.
Родичевъ, подпоручикъ Апшер. п., 206.
Романъ-бай, хивинскій чиновникъ, 442.
Ротъ, полковникъ, 190.
Рошня, рѣка, 249 и 279.
Рубажевичъ, капитанъ Апшер. п., 551.
Рубановъ, Алексѣй, фельдфебель Апшер. п., 98.
Рубасская почтовая станція, 493.
Рубасъ, рѣка, 244, 246 и 496.
Ругджа, селеніе, 211, 212, 306 и 307.
Ругджинская гора, 304.
Ругучъ, селеніе, 244 и 245.
Рудановскій, генералъ-маіоръ, 237, 273, 275, 318—328, 331 и 332.
Рудневъ, поручикъ Апшер. п., 522, 540, 546, 551 и 552.
Рукелъ, селеніе, 497.
Румянцевъ, графъ, фельдмаршалъ, 338.
Руновскій, маіоръ, 129, 155 и 156.
Русская дорога, 247.
«Русскій Инвалидъ», газета, 265.
Рутулъ, селеніе, 192.
Рутульскій магалъ, 190.
Рыжкевичъ, подпоручикъ Апшер. п., 97.
Рытцъ, подполковникъ, 195.
Рычи, селеніе, 174, 190 и 203.

С

Саббатовскій, поручикъ Апшер. п., 474.
Сабецкій, поручикъ Апшер. п., 522, 551 и 552.
Савельевъ, прапорщикъ Апшер. п., 206.
Савицкій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 250, 281, 314 и 369.
Сагры-Керпи, мостъ, 55.
Сагрытлосская переправа, 297 и 298.
Сагрытло, селеніе, 297 и 301.
Сай-Кую, колодцы, 382 и 452.
Салатавскій отрядъ, 120, 123, 262—264, 285, 286, 288, 289, 291, 292, 294—296.
Салатавскія горы (Салатау), 31, 44, 122, 131, 243 и 247.
Салатавія, общество, 1, 5, 17, 18, 31, 43, 44, 120, 123, 129, 131, 157, 167, 221, 232, 243, 247, 250, 253, 254, 255, 259—264, 281—285, 288, 289, 291, 296 и 302.
Саликъ, селеніе, 484.
Салтинское ущелье, 47.
Салты, селеніе, 32 48, 114—116, 166, 168, 174—180, 182, 194, 204, 205 и 208.
Сальновъ, прапорщикъ Апшер. п., 353.
Саманъ-Лыхъ-Топа, возвышенность, 483.
Самаркандъ, городъ, 372.
Самсырскій лѣсъ, 469 и 470.
Самсиръ, селеніе, 466.
Самурская станица, 362 и 363.
Самурскій округъ, 190, 202, 232—234, 241, 254, 477—479, 487, 491, 493, 495—497.
Самурскій отрядъ, 52, 73, 74, 79—83, 91, 101, 102, 104, 105, 112—118, 122, 132, 160, 162, 168, 170, 172—174, 178—180.
Самурскій полкъ, 166, 183, 209, 215, 216, 218, 220, 234, 241, 244, 248, 254, 256, 257, 259, 262, 263, 282, 289, 293, 295, 305, 307, 351, 357—360, 373, 378—380, 382, 390, 399, 410, 412, 418, 420, 448, 449, 453—455, 483, 485, 493, 496, 498, 500, 501, 507, 517, 526, 532, 533 и 543.
Самурское укрѣпленіе, 529, 531—533.
Самуръ, рѣка, 44, 191, 202, 203, 479, 491 и 496.
Сара-Камышъ, урочище, 209 и 210.
Саранчовъ, полковникъ, 420, 427, 433, 437, 438 и 445.
Сари-Дагъ, гора, 232.
Сартали, селеніе, 269—271.
Сары-Купрюкъ, мостъ, 438.
Сары-Ханъ, нухурецъ, 510.
Сарычевъ, поручикъ Апшер. п., 193.
Сатерикъ, урочище, 324
Саубатъ-джарганъ, арыкъ, 416.
Сажанъ, селеніе, 294 и 295.
Свирщевскій, прапорщикъ, 216.
Свистуновъ, генералъ-адъютантъ, 463, 467, 468, 470 и 472.
Свѣницкій, прапорщикъ Апшер. п., 250, 281 и 314.
Святополкъ-Мирскій, князь, генералъ-маіоръ, 293, 294 и 332.
Святополкъ-Мирскій, князь, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 314.
Сеидъ-Кадій, гумбетовскій наибъ, 90.
Сеидъ-Магометъ-Бахарадинъ, 442.
Сеидъ-Магометъ-Рахимъ, ханъ Хивинскій, 372 и 440.
Сеидъ-уль-Омаръ, дядя хивинскаго хана, 439.
Секизъ-Ябъ, ручей возлѣ Геокъ-Тепе, 512, 533 и 535.
Сенекъ, колодцы, 376—380, 450 и 453.
Сердюковъ, Акимъ, рядовой Апшер. п., 7.
Серебрянскій, капитанъ Апшер. п., 97, 181 и 206.
Серченко, поручикъ Апшер. п., 314.
Сидоровъ, подполковникъ, Апшер. п., 259, 314 и 353.
Сили, селеніе, 115 и 116.
Симборскій, полковникъ, командиръ Апшер. п., 6, 13—15, 20, 30, 31, 39, 40, 45 и 95.
Синаковъ, поручикъ, Апшер. п., 7 и 8.
Сіухъ, селеніе, 24, 28, 62, 66, 75 и 458.
Скворцовъ, подполковникъ Апшер. п., 26, 181, 223, 225, 226, 250, 251, 281, 308, 309, 314, 358, 364 и 369.
Скобелевъ, Михаилъ Дмитріевичъ, генералъ-адъютантъ, 374, 380, 382—385, 387, 388, 390, 392, 393, 395—397, 419, 420, 423—429, 434, 435, 506—512, 515, 516, 519, 522, 523, 526, 528—538, 540—542, 545—548.
Скуфати, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 522.
Сливинскій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 369, 370, 379, 456 и 504.
Словецкій, маіоръ, 526.
Смирницкій, капитанъ Апшер. п., 20.
Смирновъ, поручикъ Апшер. п., 314.
Смогоржевскій, прапорщикъ Апшер. п., 353.
Смолинъ, маіоръ, 96.
Смѣкаловъ, генералъ-маіоръ, 459—464, 466—475.
Соакъ-Тау, гора, 221.
Согратлинскій мостъ, 43, 53, 54 и 56.
Согратль, селеніе и общество, 38, 168, 194, 195, 202, 208, 212, 213 и 476.
Согратлинское ущелье, 56.
Соловьевъ, подпоручикъ Апшер. п., 226.
Солодовъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 341.
Солоховъ, селеніе, 350.
Солтанъ, маіоръ, 335.
Соукъ-Булахъ, хребетъ, 137.
Соукъ-Булахъ, урочище, 120.
Средній Дагестанъ, 118, 247, 294, 475, 488, 498, 499 и 503.
Средняя Азія, 371, 372, 380, 396, 506, 507 и 512
Сржедницкій, прапорщикъ Апшер. п., 456.
Ставриковъ, прапорщикъ Апшер., п., 20.
Ставровъ, штабсъ-капитанъ, Апшер. п., 234, 250, 289 и 369.
Ставропольскій полкъ, 318, 320—323, 325, 345—347, 533 и 543.

*

Ставропольскій редутъ, 543.
Старгварта, гора, 365.
Старосельскій, капитанъ Апшер. п., 289 и 314.
Старухинъ, Иванъ, рядовой Апшер. п., 39.
Старцевъ, прапорщикъ Апшер. п., 226.
Статкевичъ, прапорщикъ Апшер. п., 159.
Столбинъ, прапорщикъ Апшер. п., 314.
Стояновскій, поручикъ Апшер. п., 193.
Стояновъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 173 и 225.
Строжалковскій, подпоручикъ Апшер. п., 166.
Струпинскій 1-й, поручикъ Апшер. п., 251 и 314.
Струпинскій 2-й, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 251.
Студитскій, докторъ, 509.
Су-Али, арыкъ, 413 и 414.
Суворовъ-Рымникскій, князь, фельдмаршалъ, 338.
Сукъ, рѣка, 326.
Сулакская ватага, 12.
Сулакскій отрядъ, 124.
Сулакская линія, 1, 45, 58, 59, 81, 85, 88, 90, 118, 119 и 157.
Сулакъ, рѣка, 11, 12, 21, 29—31, 43, 44, 63, 79, 81, 85, 89, 95, 118, 119, 122, 123, 125, 134, 157, 158, 168, 169, 182, 209, 210, 221, 232, 243, 247, 250, 254, 260, 265, 285, 288, 296 и 549.
Сулейманъ, предводитель горцевъ, 458, 465 и 467.
Султанъ-Ахметъ, мюридъ, 246.
Султанъ-Мурадъ, предводитель горцевъ, 459, 465 и 466.
Султанъ-Янги-Юртъ, селеніе, 11, 12, 59, 79, 80, 81, 89, 119 и 123.
Сумароковъ-Эльстонъ, графъ, флигель-адъютантъ, полковникъ (командиръ Апшер. п.), 280, 284, 289 и 291.
Сумбаръ, рѣка (притокъ Атрека), 510, 520, 521 и 528.
Сунжа, рѣка, 3, 125, 236, 239, 240, 247 и 278.
Сунженская линія, 43.
Сунженскій казачій полкъ, 268, 273, 275, 373, 425, 454, 455, 459—465, 467, 469 и 474.
Сунча, селеніе, 528.
Суна-темиръ, колодцы, 448 и 449.
Супсъ, рѣка, 330 и 332.
Суриновичъ, прапорщикъ Апшер. п., 193 и 206.
Сусловъ, генералъ-маіоръ, 218, 232 и 244.
«Сухарница», походъ, 147.
Сущевскій-Ракусса, сотникъ, 379, 385 и 387.
Сухны, селеніе, 416.
Сканукоякъ, гора, 331.
Схунукоякъ, селеніе, 327.
Сѣверный Дагестанъ, 6, 8, 9, 18, 21—23, 41, 42, 52, 58, 62, 78, 79, 85, 91, 96, 101, 102, 103, 119, 123, 125, 158, 164, 167, 168, 174, 179, 189, 209 и 247.
Сѣверскій драгунскій полкъ, 258, 291 и 295.
Сюринская милиція, 180.
Сюргиское общество, 101, 118, 212 и 245.

Т

Табанъ-су, колодцы, 381, 391, 393—396 и 400.
Табасаранскій хребетъ, 492.
Табасаранъ, общество, 101, 213, 214, 217, 218, 225, 227—229, 239, 241, 243—246, 470, 478, 479, 491—494, 496 и 497.
Тагиръ-Хаджи, абрекъ, 244.
Тагылъ-бай, колодцы, 452.
Таждо, селеніе, 303.
Таймазъ Ханъ, прапорщикъ, 260.
Тайлукъ, селеніе, 9.
Такзай-Малкетинскій, предводитель горцевъ, 459 и 472.
Такита, селеніе. 33.
Талазлы-Кака, урочище, 11 и 12.
Талакарійскій хребетъ, 62.
Талгикъ, наибъ, 240.
Талдыкъ, рѣка, 445 и 447.
Таманскій казачій полкъ, 507, 526, 529 и 543.
«Тамара», шхуна, 454 и 516.
Тамерланъ, завоеватель, 396.
Танскій, подполковникъ, 58 и 59.
Танусъ, селеніе, 69, 70, 73—76, 78 и 90.
Танусъ-Балъ, хребетъ, 43 и 74.
Тарки, селеніе, 84, 86, 88 и 104.
Таркинская гора, 86.
Тарсъ, рѣка, 317.
Тарханъ-Моурововъ, князь, генералъ-маіоръ, 302, 307, 310 и 311.
Татегиръ, селеніе, 489.
Таубулатъ, селеніе, 240.
Таузень, селеніе, 470 и 472.
Тахіако, урочище, 331 и 332.
Тахустанъ, селеніе, 346.
Ташаусъ, городъ, 441.
Ташевъ-Хаджи, ичкеринскій князь, чеченскій предводитель, 2, 4, 5, 9 и 18.
Ташкентскій отрядъ, 372.
Ташкентъ, городъ, 372 и 400.
Таштемиръ, селеніе, 271.
Ташъ-арватъ-кала, 506.
Ташкентъ, селеніе, 170.
Ташъ-Кичу, укрѣпленіе, 1, 4 и 11.
Ташъ-Сакы, городъ, 422.
Ташъ-сеидъ, городъ, 443.
Тверской драгунскій полкъ, 345, 347, 348, 351, 357—359, 363, 526, 533 и 543.
Тевдури, наибъ аймакинскій, 104 и 111.
Тезень-кале, селеніе, 466—468.
Тезенкалинская возвышенность, 463—465.
Текенджикъ, 508 и 520.
Текинцы, народъ, 507—513, 524—532, 534, 536-541, 544—548.
Телинъ-Кортовская возвышенность, 465 и 466.
Темерлюкъ, оврагъ, 193.
Темиргоевскій постъ, 210.
Темиръ-аулъ, селеніе, 81.
Темиръ-Ханъ-Шура, городъ, 1—4, 9, 13, 14, 17, 19, 21—23, 28, 29, 32—34, 36, 38, 39, 41, 43—45, 49. 50, 52, 132—134, 157, 160, 166, 170, 174, 181, 182, 189, 190, 196 198, 201—204, 206, 208—211, 218, 219, 222—225, 228, 233, 235, 238, 240, 243, 248, 249, 280, 283, 285, 367, 369, 410, 455, 457, 459, 478, 480, 487, 488, 497—499, 503, 504, 507, 549—551.
Темиръ-Ханъ-Шуринская милиція, 480, 482, 484, 485, 487—489 и 496.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій округъ, 479, 488, 495, 496 и 499.
Темриза, подпоручикъ Апшер. п., 155.
Тенгинская станица, 355.
Тенгинскій полкъ, 236, 237, 239, 240, 248, 267, 268, 270, 273, 318 и 496.
Теньга, ущелье. 279.
Тепли, селеніе, 239.
Теплинская переправа, 237, 238 и 249.
Теплинъ, штабсъ-капитанъ, 195 и 206.
Тервартановъ, переводчикъ-армянинъ, 541.
Тергукасовъ. Арз. Арт., полковникъ (потомъ генералъ-лейтенантъ), командиръ Апшер. п., 224, 226, 233, 246—249, 251, 263, 281. 284, 287, 289, 291, 293, 307, 308, 311, 314, 367, 368, 505 и 506.
Терекемейскій участокъ, 213.
Терекемейскіе аулы, 106 и 495.
Терекъ, рѣка, 39, 43, 232, 239 и 278.
Теренгулъ, селеніе, 255, 264 и 281.
Теренгульскій оврагъ, 120, 121, 123, 134, 135, 221, 232, 233, 254, 255, 257—260.
Теріевъ, поручикъ, 309.
Термишъ-Хаджи, селеніе, 346.
Терсаканъ, укрѣпленіе, 508, 509, 511, 513, 515, 521 и 522.
Терская область, 458, 459, 463, 468, 472, 474, 475, 491 и 495.
Терское казачье войско, 363.
Теръ-Асатуровъ, полковникъ, 374, 378—381, 391, 397, 412, 426, 478—486.
Технуцаль, общество и селеніе, 24, 27. 48, 154, 232, 291, 302 и 303.
Тилитль, селеніе, 47—50, 63, 122—132, 138, 304 и 307.
Тиммерманъ, полковникъ, 273.
Тимоковъ, Савелій, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 39.
Тинды, селеніе, 140 и 304.
Тифлисская губернія, 368.
Тифлисская станція, 318.
Тифлисскій полкъ, 46, 47, 69, 73, 82, 93, 95 и 103.
Тифлисское пѣхотное юнкерское училище, 550.
Тифлисское укрѣпленіе, 191 и 228.
Тифлисъ, городъ, 48, 85, 202, 443, 506 и 507.
Тихомировъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 193.
Тихоцкій, генералъ-маіоръ, 334, 342, 345 и 348.
Ткачевъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 537.
Тлапо-Хабль, селеніе, 348 и 349.
Тлохскія высоты, 41.
Тлохъ, селеніе, 9, 24, 25, 53—57, 62, 125, 303, 304 и 307.
Тляустанъ, селеніе, 346.
Токита, селеніе, 304.
Тонрахъ-Кале, укрѣпленіе, 159.
Топіатана, колодцы, 372.
Топо-Гуабъ, селеніе, 342.
Топъ-Гогдабъ, постъ, 335, 336 и 340.
Торча-Тюле, колодцы, 399, 407 и 448.
Тоцкій, подпоручикъ Апшер. п., 289 и 369.
Треббія, рѣка, 375.
Тришатный, подполковникъ, 319.
Троцкій, генералъ-лейтенантъ, 371.
Троцкій, докторъ Апшер. п., 530, 531 и 538.
Трубачевскій, капитанъ Апшер. п., 166 и 193.
Трухменцы, народъ, смотри Туркмены.
Трухновскій, подпоручикъ Апшер. п., 348 и 369.
Тубинскій постъ, 356.
Тумановъ, князь прапорщикъ Апшер. п., 206.
Тунзыбъ, селеніе, 114.
Тунсадъ-Дагъ, гора, 140.
Туранъ (страна свѣта), 383.
Туркестановъ, прапорщикъ Апшер. п., 300.
Туркестанская кала, 538.
Туркестанскій военный округъ, 372.
Туркестанскій линейный баталіонъ, 542.
Туркестанскій отрядъ, 373, 416, 422, 424—426, 430, 438—440, 532 и 533.
Туркестанъ, генералъ-губернаторство, 372 и 416.
Туркестанскій походъ, 441.
Туркмены, народъ, 372, 384, 390, 396, 398, 402, 406, 416, 418, 443 и 509.
Турнау, баронъ, капитанъ, 83.
Турція, 204, 224, 244, 248, 338, 341, 367, 368, 374, 458, 476, 496 и 521.
Турчидагъ, гора, 118, 171, 173—175, 180, 183, 184, 189—196, 197, 200, 201, 204, 205, 211, 212, 213, 216, 220, 222 и 223.

Туха, рѣка, 356.
Тушетія, горная область, 232.
Тхокадзе, Григорій, гуріецъ, 431 и 432.
Тхуха, рѣка, 363 и 364.
Тыжжа, рѣка, 351.
Тыкма-сардаръ, предводитель текинцевъ, 507, 508, 510, 512—514, 523 и 526.
Тюбъ-караганская бухта, 390.
Тюзебай, колодезь, 449.

У

Убинъ, рѣка, 319, 323, 324, 328 и 330.
Убыхи, племя черкесовъ, 317 и 367.
Угузъ, каналъ, 402—405.
Удачное, укрѣпленіе, 284 и 297.
Удотъ, хивинское кладбище, 421.
Узбеки, племя, 444.
Узбой, старое русло Аму-Дарьи, 447.
Узунъ-Бутъ, гора, 250.
Узунъ-су, колодцы, 524 и 526.
Уйгуръ, селеніе, 443.
Уксума-аулъ, 112.
Уліабъ, урочище, 183.
Улли-Кала, селеніе, 213, 234, 241, 285, 286, 294 и 303.
Уллу-Ая, селеніе, 162, 164, 203, 228 и 503.
Уллу бей, поручикъ, 9.
Уллубій, чеченскій предводитель, 31, 79 и 93.
Уллу-Меше, лѣсъ, 213.
Уллускій магалъ, 487 и 493.
Уллу-Терекеме, селеніе, 489.
Уллу-чай или Буганъ, рѣка, 481, 482, 492 и 495.
Уллуянскія высоты, 502.
Ултыръ, урочище, 365.
Улучуръ, селеніе, 114.
Улыбинъ, Константинъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 17.
Ума, предводитель горцевъ, 470—472.
Умалатъ-бекъ-Рустанъ-Каліевъ, прапорщикъ, предводитель мятежниковъ-табасаранцевъ, 478, 481, 489, 491, 493, 494 и 497.
Умаханъ-Юртъ, селеніе, 4, 236, 237, 239, 240, 247, 248, 268, 269 и 271.
Умохомъ-Хабль, селеніе, 352.
Ункратль, общество, 44.
Унцукуль, селеніе, 9, 11, 13, 15, 16, 21, 33—36, 41, 43, 48, 49, 57, 58, 61—66, 70, 73, 97, 306, 307 и 504.
Унчугатль, селеніе, 179, 180 и 203.
Уральскіе казаки, 417, 420, 423 и 428.
Уральскъ, городъ, 372.
Урга, мысъ, 374, 394—396, 398, 401, 441, 445, 447 и 450.
Урдали, селеніе, 148.
Урджалильскій магалъ, 245.
Уркрахскій магалъ, 229 и 495.
Уркрахъ, селеніе, 113, 229—231, 244, 492 и 495.
Урма, селеніе, 111, 112, 166, 398-501, 503 и 504.
Урма-Озень, рѣка, 106 и 112.
Урунъ, рѣка, 317.
Урусъ-Кортъ, селеніе, 274—277.
Урусъ-Мартанъ, селеніе, 3, 4 и 236.
Урусъ-Хана, селеніе, 268.
Уруштенъ, гора, 366.
Уруштенъ, рѣка, 366.
Усачевъ 1-й, капитанъ Апшер. п., 97.
Усачевъ 2-й, капитанъ Апшер. п., 376—379, 414, 420, 422 и 456.
Усачевъ 3-й, прапорщикъ Апшер. п., 522, 544 и 546.
Устаро-Гардоевская переправа, 236.
Устюртская возвышенность, 382—384, 390, 391, 397, 400, 402, 441, 442, 446 и 447.
Усюнъ, колодецъ, 384.
Утемышъ, селеніе, 489 и 495.
Учь-Кудукъ, колодцы, 381, 399, 400, 402, 445 и 449.
Ушакъ, колодцы, 506 и 524.

Ф

Фарсская линія, 342.
Фарсская просѣка, 334.
Фарсъ, рѣка, 334 и 342.
Фартанга, рѣка, 278 и 280.
Федоровъ, подпоручикъ Апшер. п., 281, 314 и 433.
Федосѣевъ, Федоръ, рядовой Апшер. п., 39.
Федотовъ, поручикъ Апшер. п., 353.
Фезе, генералъ-лейтенантъ, 41, 43, 44, 46—52 и 57.
Фей-Мулла, сподвижникъ Шамиля, 18.
Фейзулла, подполковникъ, 466.
Фетъ-Али, наибъ, 217.
Феэксъ, рѣчка, 362.
Фіалковскій, маіоръ Апшер. п., 483.
Филипсонъ, генералъ-лейтенантъ, 329.
Фокъ, генералъ-маіоръ, 141 и 142.
Фокъ, поручикъ Апшер. п., 64.
Форстенъ, генералъ-маіоръ, 45, 46, 54 и 236.
Франція, 248, 375 и 521.
Фрейтагъ, генералъ-маіоръ, 58, 59, 85, 87—90, 92, 96, 97, 147, 152—154.
Фридерикъ, подполковникъ, 335 и 336.
Фюнфтъ, рѣка, 334—337 и 340.

Х

Хагезукъ, балка, 324.
Хагуже-Хабль, рѣка, 351.
Хаджи-Касаевъ, аулъ, 346.
Хаджи-Магометъ, кадій, 229 и 230.
Хаджи-Муратъ, наибъ Шамиля, 2, 21—28, 32, 33, 38, 44, 49, 54, 57, 63, 68—70, 73, 75, 85, 92, 94, 95, 104, 106, 114, 125, 160, 162, 164, 165, 175, 177, 183, 185, 191, 195—197, 202, 204, 209, 212, 213, 217, 218, 241 и 244.
Хаджи-Ягва, предводитель горцевъ, 175.
Хадыжи, урочище, 363 и 364.
Хазараспъ, городъ, 422, 424, 426 и 430.
Хазретъ-Кули-ханъ, предводитель текинцевъ, 513.
Халимбекъ, селеніе, 91 и 93.
Халинъ, селеніе, 236 и 237.
Хамкеты, селеніе, 334 и 335.
Хамышейскій отрядъ, 365.
Хамышейское укрѣпленіе, 365.
Ханахъ, селеніе, 244—246 и 497.
Ханба-Гамаши, селеніе, 9.
Ханбая, колодцы, 451.
Ханки, городъ, 447 и 448.
Ханмезыкъ, урочище, 326.
Ханская переправа, 335.
Ханская станица, 347, 349—351, 355 и 361.
Ханъ-Мамедъ-кала, селеніе, 477, 484, 464, 489, 491 и 492.
Ханъ Нахичеванскій, маіоръ Апшер. п., 545 и 548.
Ханъ-ябъ, каналъ у Аму-Дарьи, 403 и 444.
Хапсиль, урочище, 326.
Хараки, селеніе, 9, 24, 25, 27 и 33.
Харачи, селеніе, 29, 33, 36, 41, 49, 57, 61, 64 и 69.
Харачибалъ, гора, 49.
Харачинскій лѣсъ, 62 и 63.
Харачинскій хребетъ, 34 и 68.
Харезмъ, смотри Хива.
Харитоновская гора, 525.
Харитоновъ, маіоръ, 524 и 525.
Харитоновъ, прапорщикъ Апшер. п., 226.
Харкевичъ, капитанъ Апшер. п., 546 и 551.
Хартматала, лѣсъ, 209 и 210.
Харты, селеніе, 114.
Харъ-Олумъ, укрѣпленіе, 508 и 520.
Хасавъ-Юртъ, селеніе, 248 и 254.
Хасай-Хабль, селеніе, 357.
Хасы-Ирзау, селеніе, 267.
Хатеръ-Хабль, селеніе, 352.
Хаточь, аулъ, 32.
Хатуни, селеніе, 470 и 472.
Хатуни-Таузень-Махкетинская поляна, 472.
Хахиты, селеніе, 240.
Хватовъ, Даніилъ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 15.
Херхеулидзе, князь, прапорщикъ, 539.
Хива, городъ, 371—373, 375, 383, 390, 391, 398, 403, 408, 415, 422, 424—426, 428—431, 433—445, 447, 452, 454, 455 и 521.
Хивинскій походъ, 371, 373, 407, 435, 455—457.
Хивинское ханство, 371—373, 380, 394, 402, 412, 439, 441, 442, 446, 448 и 450.
Хидатлинское общество, 32, 44 и 47.
Хидатлы, селеніе, 223 и 306.
Хизи Шавдонскіе аулы, 269 и 270.
Хизи Шавдонскій округъ, 270.
Хизи-Шавдонъ-Аракаріонъ, рѣка, 240, 248, 269 и 271.
Хиндахскій мостъ, 175.
Хиндахъ, селеніе, 32, 201 и 306.
Хитрово, подпоручикъ Апшер. п., 66 и 173.
Хіячь, равнина, 362.
Хмаренко 1-й, капитанъ Апшер. п., 193, 251, 314, 378, 379, 414, 420 и 456.
Хмаренко 2-й, поручикъ Апшер. п., 251, 281 и 314.
Хмаренко 3-й, подпоручикъ Апшер. п., 281, 314 и 353.
Хмаренко, Иванъ, рядовой Апшер. п., 15.
Хмѣлевъ, подпоручикъ Апшер. п., 226.
Хованскій, князь, прапорщикъ Апшер. п., 250.
Ходжаевъ, Никита, подпрапорщикъ Апшер. п., 15.
Ходжакала, укрѣпленіе, 507—510, 513, 514 и 522.
Ходжалъ-Махи, селеніе, 112, 160, 162, 165, 166, 170, 173, 174, 179, 181, 184, 187, 224, 234, 240, 241, 285, 286, 477 и 498.
Ходжейли, городъ, 398, 402, 406, 411, 413—416 и 441.
Ходочь, селеніе, 201.
Ходумъ-Башъ, горы, 134, 158, 168 и 209.
Ховрекъ, селеніе, 202.
Хоколдзь, рѣка, 345.
Хокучи, племя горцевъ, 367.
Холотль, селеніе, 32, 33, 41, 48, 50, 51, 57 и 62.
Хоментовскій, маіоръ Апшер. п., 482—484 и 486.
Хомутовскій постъ, 330.
Хорогой, селеніе, 461.
Хорошевъ, Яковъ, рядовой Апшер. п., 149.
Хостакъ, рѣка, 361.
Хотыръ-Туть, каналъ, 425.
Хохловъ 1-й, маіоръ Апшер. п., 181, 211, 216 и 225.
Хохловъ 2-й, капитанъ Апшер. п., 225.
Храписъ, прапорщикъ Апшер. п., 333.
Хвамицкій, прапорщикъ Апшер. п., 281.
Хубарскія высоты, 21, 111, 125, 134, 154 и 283.
Хубары, селеніе, 134, 250, 282 и 283.
Худай-Бергенъ, ханъ, 442.
Худа-Нотъ-Магометъ, наибъ, 210.
Худовъ, Алексѣй, рядовой Апшер. п., 15.
Худѣевъ, подпоручикъ Апшер. п., 8, 39, 192 и 193.
Хулхулау, рѣка, 267—269, 272 и 459.
Хунзахская горная плоскость, 43.

Хунзахъ, укрѣпленіе, 9, 10, 13, 18, 23, 24, 27, 34, 36, 37, 43, 48—50, 52, 57—59, 68—70, 73—75, 78—81, 83—85, 90, 92, 99, 125, 126, 203, 306 и 307.
Хуны, селеніе, 114.
Хурклю, селеніе, 203 и 205.
Хурши, наибъ, 212.
Хутъ-Хабль, селеніе, 352.
Хушни, селеніе, 244—246.
Хюреки, селеніе, 245.

Ц

Ца-Веденъ, селеніе, 459.
Цаберге, полковникъ, 360.
Цаинъ-Ирзау, селеніе, 268 и 269.
Цалкитское ущелье, 26.
Цалкиты, селеніе, 24, 26 и 28.
Царская станица, 342 и 344.
Цатаныхское укрѣпленіе, 65 и 73.
Цатаныхъ, селеніе, 9, 21, 32, 33—37, 43, 44, 52, 53, 56, 58, 61—66, 68, 69, 71—73, 82 и 307.
Цацинъ-хуторъ, 269
Цей-хабль, селеніе, 363.
Цельмесскій бой, 21 и 28.
Цельмесъ, селеніе, 21, 23-25, 27, 28, 33, 39, 62, 68 и 125.
Церенджаловъ, есаулъ, 533.
Цилитль, гора, 283 и 296.
Циргальдъ, прапорщикъ Апшер. п., 225.
Питліевъ, прапорщикъ Апшер. п., 250 и 293.
Ципціановъ, князь, подпоручикъ Апшер. п., 226, 251, 281 и 349,
Цолохани, селеніе, 114.
Цонтери, селеніе, 143, 147, 148 и 154.
Цонторой, селеніе и общество, 464, 465, 467 и 469.
Цопфъ, Александръ, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 16.
Цуаръ, гора, 214 и 215.
Цудахаринская милиція, 180.
Цудахарскія ворота, 285.
Цудахарскій мостъ, 114.
Цудахаринскія высоты, 178 и 503.
Цудахарское, общество, 81, 82, 129, 159, 160, 162, 166, 178—180, 190, 192, 196, 197, 201, 203, 213, 220, 285, 286 и 476.
Цудахаръ, селеніе, 32, 50, 65, 105, 112, 114, 495 и 498.
Цунта, гора, 120.
Цухульскій постъ, 496 и 497.
Цыбанскій, Леонтій, рядовой Апшер. п., 7.

Ч

Чаберлоевское общество, 10, 302 и 458.
Чавчавадзе, князь, поручикъ, 297.
Чагыръ-Иркенъ, хребетъ, 138.
Чалги-Ирзау, селеніе, 274 и 275.
Чалды, селеніе, 47, 65, 75, 76, 80 и 169.
Чамирзау, селеніе, 268.
Чандыръ, рѣка, 526 и 528.
Чанты-Аргунъ, ущелье, 274, 276 и 278.
Чарбили, селеніе, 140 и 291.
Чарбилійскія высоты, 141.
Чатурль, селеніе, 205.
Чатъ, укрѣпленіе, 507, 508, 511, 515—520.
Чахъ-Гирей, селеніе, 10.
Ченцовъ, лекарь Апшер. п., 129.
Чеишлярская военная линія, 521 и 525.
Чекишляръ, укрѣпленіе, 372, 506, 507, 515—517.
Челыцовъ, врачъ Апшер. п., 98.
Чемоданъ, гора, 48.
Червленая, станица, 102.
Ченгъ, селеніе, 11.
Черепановъ, подполковникъ, 323 и 331.
Черкасскій князь, поручикъ, 67.
Черкезлы, колодцы, 385, 387 и 388.
Черманай, каналъ, 444.
Черная рѣчка, 202.
Черниковъ, прапорщикъ Апшер., 225.
Черное море, 41, 316 и 354.
Черноморія, часть Кавказа, 125 и 355.
Черноморскіе пластуны, 321 и 322.
Черноцкій, подпоручикъ Апшер. п., 314.
Чернышевъ, князь, военный министръ, 110 и 111.
Чернышевъ, Никита, рядовой Апшер. п., 15.
Черныя горы, 141, 142, 238, 271, 272, 276, 285, 318, 328, 342 и 343.
Чернякъ, поручикъ, 536.
Чертковъ, полковникъ, флигель-адъютантъ, 322.
Чеченская линія, 101, 118 и 129.
Чеченская плоскость, 269 и 271.
Чеченскій отрядъ, 18, 42, 43, 101. 102, 111, 114, 117 — 119, 122, 125, 131, 134, 137, 138, 140, 240, 248, 249, 261, 272, 276, 278 — 280, 284, 289, 291, 292, 296, 302—304.
Чечня, 1, 2, 4, 6, 9—12, 18, 21, 22, 42, 78, 85, 88, 90, 91, 100, 106, 126, 131, 158, 218, 224, 247, 250, 254, 256, 269 — 271, 284, 291, 458, 459, 498 и 504.
Чижиковъ, Левъ Кузьмичъ, полковникъ, командиръ Апшер. п., 458 и 549.
Чикаревъ, подпоручикъ Апшер., 515, 522, 523, 537 и 538.
Чинакчикъ, дворецъ хивинскаго хана, 425—427, 429, 430 и 433.
Чинкъ, горный хребетъ, 382.
Чирахъ, селеніе, 118, 190, 212 и 213.
Чирахъ-чай, рѣчка, 212.
Чирдиллели 1-й, капитанъ Апшер., 250, 281, 289, 293, 314.
Чердиллели 2-й, капитанъ Апшер., п., 501, 504 и 505.
Чиркатъ, селеніе и общество, 9, 12, 13, 43, 62, 63, 75, 79, 92, 297, 302 и 306.
Чиркеевская милиція, 257 и 297.
Чиркеевскій мостъ, 11.
Чиркеевскій отрядъ, 21 и 29.
Чиркей, селеніе, 1, 6, 9, 11 — 13, 17—19, 21, 22, 28 — 32, 39, 43, 44, 85, 91, 95, 118—121, 123, 134, 141, 260 и 549.
Чиръ-юртовскій отрядъ, 158.
Чиръ-Юртъ, селеніе, 6, 11, 12, 19, 59, 81, 89, 157, 158, 167, 168, 183, 195, 235, 285, 288 и 306.
Чнакасъ, урочище, 342 и 343.
Чоглинское ущелье, 206.
Чоглы, селеніе, 240 и 250.
Чортау, селеніе, 260—262.
Чортовъ мостъ, 375.
Чортой, селеніе, 270 и 271.
Чохскія высоты, 117.
Чохъ, селеніе, 38, 41, 48, 52, 69, 105, 122, 132, 183, 194—197, 199 — 202, 204, 208, 211—213, 218, 303, 306 и 307.
Чукны, селеніе, 197, 212 и 216.
Чукуръ-кумъ, пески, 425.
Чумлы, селеніе, 489 и 495.
Чуриловъ, Корнѣй, унтеръ-офицеръ Апшер., 219.
Чуртадузъ, селеніе, 205.
Чухуръ-кала, крѣпость, 522.
Чхафизепсъ, ручей, 336, 338 и 339.
Чыбывъ, подъемъ на Устюртъ, 402, 446 и 447.

Ш

Шабатъ, смотри Шахъ-Абатъ.
Шавдонъ, рѣка, 240, 267, 268 и 279.
Шагубатовъ, поручикъ Апшер. п., 191, 206 и 225.
Шалажъ, рѣка, 280.
Шалашниковъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 211, 225 и 226.
Шали, селеніе, 205 и 272.
Шали-Дагъ, гора, 205.
Шалинская поляна, 235, 238 и 247.
Шалинскій перевалъ, 205.
Шалинское укрѣпленіе, 280,
Шамберды, хребетъ, 275.
Шамиль, имамъ, 2, 6, 8—14, 16—19, 21, 23, 24, 27, 28, 31, 32, 35, 37, 38, 41—44, 48—53, 57 58, 61—66, 68, 70—76, 129—132, 139, 141—144, 147, 148, 153—155, 158—162, 165—171, 178, 179, 183, 185, 190—192, 194—204, 207, 208, 211—221, 223—225, 227—250, 254, 264, 266—269, 272, 274, 275, 280, 282—285, 289, 291, 294—296, 299, 303—314, 318, 342, 367 и 477.
Шамсудинъ, наибъ, 225.
Шамхалау, наибъ, 294.
Шамхалъ, наибъ, 264.
Шамхалъ-Берды, селеніе, 294 и 295.
Шамхальская милиція, 11, 13, 14, 43, 65, 67, 69, 160, 161, 184, 209, 229, 235, 256, 257 и 259.
Шамхальская плоскость, 132, 152, 195. 219, 247 и 261.
Шамхальство, 11, 28, 31, 33, 38, 43, 44, 58, 62, 63, 78, 82, 84, 91, 93 95, 101—103, 110, 118, 180, 220, 222, 223, 232 и 253.
Шангиреевское ущелье, 365.
Шанъ-Гирей, абрекъ, 159.
Шанявскій, прапорщикъ Апшер. п., 181 и 193.
Шапсуги, племя, 2, 317, 328, 330, 332, 348, 355 и 367.
Шапсугскій отрядъ, 318, 319, 323, 326, 327, 329, 330, 332, 349, 350, 351 и 355.
Шапсухо, рѣка, 326.
Шарды, селеніе, 241.
Шари-Хатой, селеніе, 276.
Шаро-Аргунъ, ущелье, 274—276 и 278.
Шатковскій, подпоручикъ Апшер. п., 166, 173, 181 и 225.
Шатука, рѣка, 358.
Шаухалъ-Берды, селеніе, 151—153.
Шафронскій, полковникъ Апшер. п., 41 и 56.
Шахмандаръ-Хаджи, наибъ, 303.
Шахназаровъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 333, 346 и 353.
Шахъ-Абатъ (Шабатъ), городъ, 425, 431, 437, 442 и 443.
Шахъ-абатъ, каналъ, 443.
Шахъ-Вали, ротмистръ, 213.
«Шахъ-Иранъ», шхуна, 373 и 548.
Шварцъ, генералъ-маіоръ, 110.
Швейцарія, 375.
Швеція, 375.
Шебшское, укрѣпленіе, 326, 327, 330 и 332.
Шебшское ущелье, 329.
Шебшъ, рѣка, 324—330 и 332.
Шейхъ-арыкъ, каналъ, 416 и 424.
Шекодзь, рѣка, 351, 352 и 355.
Шелашниковъ, поручикъ, 67.
Шелухинъ, подпоручикъ Апшер. п., 225.
Шельнаинъ, рѣка, 292.
Шеляги, селеніе, 218 и 244.
Шенщерекъ, селеніе, 242, 243 и 302.
Шенявскій, подпоручикъ Апшер. п., 71.
Шервашидзе, князь, подполковникъ, 460, 461, 463, 465—467.
Шерди, селеніе, 269.
Шестаковъ, полковникъ, 351.
Шестоглазовъ, Евлампій, рядовой Апшер. п., 340.
Шильды, селеніе, 233.
Шилю, селеніе, 245.
Шиманскій, маіоръ, 75, 166, 206, 210, 225, 226, 250, 281, 297, 318, 320, 333, 335—338, 340, 342, 343, 346—348, 351, 353, 357 и 358.
Шинаэъ, селеніе, 190.
Шіяновскій, поручикъ, Апшер. п., 482 504, 522, 546, 551 и 552.

Ширванскій полкъ, 6, 8, 45, 52—54, 56, 75, 76, 95, 169, 172, 176, 191, 218, 244, 248, 254, 256, 259, 260, 296, 297, 305, 307, 308, 311, 345—348, 351, 357—359, 361, 363, 364, 366, 373, 378—382, 490, 391, 394, 399, 408, 409, 412, 420, 427, 431—535, 448, 449, 453—455, 503, 507, 521, 526, 529—533, 536, 542 и 543.
Ширяповъ, Григорій, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 7.
Шитибури, селеніе, 62.
Шихъ-Магометъ, мулла, 242, 244—246.
Шкуринскій, капитанъ, Апшер. п., 456.
Шкуринъ, унтеръ-офицеръ Апшер п., 17.
Шостакъ, полковникъ, 349.
Шпейеръ, юнкеръ, 298, 300.
Шпоръ, Христіанъ, прапорщикъ Апшер. п., 96.
Штангъ, подпоручикъ Апшер. п., 166, 173 и 181.
Штейнбокъ, графъ, 148.
Штумъ, прусскій поручикъ, 389, 406 и 407.
Шуаибъ-Мулла, наибъ Шамиля, 2, 31, 79, 85, 88, 91, 93 и 97.
Шуани, селеніе, 147 и 148.
Шульгинъ, поручикъ Апшер. п., 45, 47 и 60.
Шульцъ, капитанъ Апшер. п., 64.
Шундуко, высоты, 345 и 446.

Щ

Щедринскій, маіоръ Апшер. п., 251, 257, 281 и 314.
Щодро, капитанъ Апшер. п., 98, 108, 110, 129, 175—182 и 193.
Щупловъ, Тимофѣй, рядовой Апшер. п., 7.

Э

Эбохъ, селеніе, 212.
Эвезъ-Мурадъ-Тыкма-сардаръ, 510.
Эггеръ, подполковникъ, 196 и 206.
Экельнъ, подпоручикъ, 206 и 363.
Эккель, подпоручикъ Апшер. п., 206 и 225.
Элистанджи, селеніе, 470, 471, 473—475.
Эльдирханъ, селеніе, 239,
Эмба, рѣка, 374, 383 и 395.
Эмиръ-Темиръ-Арсакъ, укрѣпленіе, 396.
Энгбрехтъ, подполковникъ, Апшер. п., 181, 206, 226, 242, 250, 281, 289, 314, 458 и 494.
Энгеликъ, рѣка, 278—280.
Эрзерумъ, крѣпость, 174,
Эриванскій лейбъ-гренадерскій полкъ, 305 и 505.
Эриванскій отрядъ, 368.
Эриванъ, городъ, 477.
Эристовъ, князь, полковникъ, 542.
Эрцели, селеніе, 6, 9, 11, 14, 18, 59, 91, 93, 95, 96, 103, 133, 209 и 286.
Эрсеной, селеніе, 460, 463, 465 и 467.
Эрсеной-Кортъ, укрѣпленіе, 459—465, 468 и 470.
Эсканъ-Эфенди-Солоховъ, селеніе, 350.
Эски, наибъ, 240.
Эски-Загра, 510.
Эссенъ, генералъ, Оренбургскій военный губернаторъ, 372.
Этердокъ, селеніе, 352.
Этогуака, селеніе, 327.
Эчецюка, рѣка, 362.
Эчепщокскій постъ, 362.

Ю

Южный Дагестанъ, 101, 189, 304, 477—479, 486—488, 490, 491, 493 и 497.
Юзбашевъ, подполковникъ, 491 и 497.
Юзвякъ, Лаврентій, унтеръ-офицеръ Апшер. п., 149 и 156.
Юмуды, туркменское племя, 508 и 525.
Юнусъ, дагестанскій горецъ, 312.
Юргенсонъ, подполковникъ, 319, 331 и 332,
Юртъ-Ахъ, селеніе, 286 и 287.
Юртъ-Ауховскій лѣсъ, 281.
Юсуфъ-бекъ, генералъ-маіоръ, 228.
Юсуфъ-бекъ, старшина, 103 и 121.
Юсуфъ, дылымовскій наибъ, 261.
Юсуфъ-Хаджи, 204.

Я

Яблочковъ, подполковникъ, 539.
Яворскій, поручикъ Апшер. п., 16 и 99.
Явченко, маіоръ Апшер. п., 225, 250, 289, 314 и 466.
Яглы-олумъ, укрѣпленіе, 518 и 520.
Якубинскій, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 39, 55, 60 и 206.
Якубовскій, поручикъ, 166, 181, 226, 250 и 264.
Якубъ-бій, узбекъ, 411.
Яковлевъ, капитанъ Апшер. п., 200, 206, 223, 257, 281, 293, 310, 333, 337, 339 и 341.
Яковлевъ, капитанъ Апшер. п., 6.
Яковлевъ, штабсъ-капитанъ Апшер. п., 14, 15, 20 и 40.
Яломинскій постъ, 479.
Яманъ-су, рѣка, 289—293, 296,
Янги-арыкъ, 437.
Янги-кала, селеніе, 512, 530, 533 и 534.
Янгикентъ, селеніе, 489—491.
Янги-кентское ущелье, 492.
Янги-юртъ, селеніе, 11, 12, 19, 87 и 90.
Янги-янъ, городъ, 420, 421 и 422.
Янгскій постъ, 362.
Янгъ-Даго, рѣка, 362.
Ярмышъ, каналъ, 423 и 424.
Ярыхъ-су, рѣка, 280 и 292.
Ярыхъ-су-аухъ, селеніе, 4 и 5.
Ясинскій, полковникъ Апшер. п., 37, 39, 44—47, 54, 60 и 97.
Ясинскій, поручикъ Апшер. п., 193 и 339.
Ястребовъ, прапорщикъ Апшер. п., 370.
Яша, рѣка, 363 и 364.

в 10 к